Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ 2 Шкафъ 18
Полка 4 1

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ
Томъ XXXI, часть I, вып. 1
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Д. Ч. **Н. И. Веселовскаго.**

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ Шкафъ
Полка №

ОПЫТЪ
ГЕОГРАФІИ И СТАТИСТИКИ
тунгусскихъ племенъ Сибири

на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ.

(съ приложеніемъ къ II ч. трехъ племенныхъ картъ).

С. Патканов.

п. 26424.

Und bist du erst ein Mensch geworden,
Dann ist es völlig aus mit dir.
Goethe (Faust).

ЧАСТЬ I

ТУНГУСЫ СОБСТВЕННО.

выпускъ 1-й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Залъ Д Шкафъ 18
Полка 4 № 1

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21.

Предисловіе.

Настоящая работа, посвященная географіи и статистикѣ инородческаго населенія Сибири и составляющая совершенно самостоятельный трудъ, представляетъ въ то же время, какъ мы увидимъ ниже, часть цѣлой серіи аналогичныхъ работъ, задуманныхъ авторомъ ея въ видахъ пополненія нашихъ весьма недостаточныхъ свѣдѣній въ вышеуказанныхъ областяхъ знанія. Дѣйствительно, несмотря на существованіе обширной литературы, посвященной изслѣдованію Сибири, охватывающей почти всѣ стороны жизни этой сѣверной окрайны и заключающей въ себѣ цѣнные вклады по этнографіи, экономикѣ и лингвистикѣ, изученіе нашихъ инородцевъ касательно ихъ географическаго распространенія, ихъ численности, естественнаго прироста, родоваго устройства и т. д., все еще находится въ зачаточномъ состояніи.

Зависитъ это въ значительной степени отъ того обстоятельства, что большинство изслѣдователей края могли посѣтить и изучить сравнительно лишь небольшіе районы Сибири и притомъ часто были ограничены во времени и средствахъ, а при подобныхъ условіяхъ, естественно, нельзя было сдѣлать многаго для разрѣшенія затронутыхъ нами сложныхъ вопросовъ. Для того, чтобы имѣть успѣхъ въ подобномъ предпріятіи, необходимо, какъ извѣстно, производить изслѣдованія часто на весьма обширной территоріи одновременно и притомъ по одному общему плану, но такія требованія очевидно были невыполнимы не только для от-

дѣльныхъ лицъ, но даже для небольшихъ ученыхъ экспедицій. Поэтому неудивительно, что все, что можно найти въ литературѣ относительно географіи и статистики первобытныхъ племенъ Сибири, и по-сейчасъ носитъ случайный и отрывочный характеръ. Къ тому же приводимыя тамъ свѣдѣнія представляютъ столь разнородный по времени, мѣсту, качеству и освѣщенію матеріалъ, что пользоваться имъ съ пользою могутъ лишь немногія лица со спеціальной подготовкой, но не читающая публика, студенты, преподаватели географіи и даже дилеттанты по этнографіи. Для лицъ этой послѣдней категоріи изученіе географіи и этнографіи сильно затрудняется и отсутствіемъ въ литературѣ о Сибири какихъ либо болѣе или менѣе исчерпывающихъ работъ, въ которыхъ весь вѣками накопленный матеріалъ по разнымъ вопросамъ, касающимся внѣшней и внутренней жизни Сибирскихъ инородцевъ, былъ бы критически просмотрѣнъ, провѣренъ, сведенъ въ одно цѣлое и обобщенъ. Составляя напр. курсъ отечественной географіи или этнографіи и не имѣя ни времени, ни возможности, посвятить себя изученію всей имѣющейся литературы предмета, преподаватель гимназіи поневолѣ бываетъ вынужденъ заимствовать необходимыя ему свѣдѣнія изъ 2—3 болѣе общихъ книгъ, которыя ему оказались болѣе доступны. Вслѣдствіе этого почти всѣ географіи, этнографіи, руководства по народовѣдѣнію, а также племенныя карты, посколько онѣ затрагиваютъ Сибирскихъ аборигеновъ, въ большей или меньшей степени грѣшатъ противъ истины, а нѣкоторыя изданія прямо повторяютъ изъ года въ годъ заимствованныя изъ прежнихъ и часто устарѣлыхъ сочиненій невѣрныя свѣдѣнія, пріобрѣтшія, такимъ образомъ, какъ бы въ силу давности, права гражданства.

Вполнѣ естественно, поэтому, что заграничныя изданія этого рода, обстоятельно трактующія объ индѣйцахъ Америки и хорошо освѣдомленныя относительно жизни чернаго населенія центральной Африки или аборигеновъ Полинезіи—возь-

мемъ хотя бы большой трехтомный трудъ по народовѣдѣнію недавно умершаго знаменитаго проф. Ратцеля—ограничиваются, когда дѣло касается инородцевъ Сибири, весьма краткими и къ тому же часто искаженными фактами. Но иностранцамъ такое незнаніе нашихъ окрайнъ простительно: имъ мало доступны наши журналы и провинціальныя изданія, а вслѣдствіе незнакомства ихъ съ русскимъ языкомъ и русскія книги вообще.

Ошибки, неточности и пробѣлы, которыми такъ изобилуетъ наша литература о Сибири и на которые мы намекали выше, могутъ быть сведены, посколько дѣло касается географіи и статистики туземнаго населенія Сибири, къ тремъ главнымъ пунктамъ:

Во 1-хъ, *къ смѣшенію однихъ инородческихъ племенъ съ другими.* Дѣйствительно, чуть ли не во всѣхъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію Томской и Енисейской губерній, три самостоятельныхъ и характерныхъ племени, которыхъ казаки, завоеватели края, не отличая ихъ другъ отъ друга, назвали общимъ именемъ: «остяки», описываются какъ одно, и много какъ два племени, причемъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ подраздѣленіе остяковъ на двѣ группы оказывается по большей части произвольнымъ. Этотъ неправильный взглядъ на остяковъ, несмотря на то, что несостоягельность его была доказана знаменитымъ Кастреномъ еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, держится и по-нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, почти на всѣхъ имѣющихся этнографическихъ картахъ Сибири, прототипомъ которыхъ, повидимому, служитъ племенная карта Венюкова 1873 года, остяко-самоѣды самоѣдскаго племени отмѣчены той же краской, что и угорскіе остяки, черезъ что восточная граница этихъ послѣднихъ оказывается перенесенной чрезмѣрно далеко на востокъ, за Енисей, что явно противорѣчитъ дѣйствительности.

Тоже самое имѣетъ мѣсто въ низовьяхъ Амура. Тамъ, со времени набѣговъ казаковъ, въ XVII в., подъ именемъ

«гиляки» стали подразумѣвать не только собственно гиляковъ—палэазіатское племя, по своему языку стоящее особнякомъ среди другихъ народовъ Азіи и Пріамурья въ частности, но и нѣкоторыя тунгусскія племена, не имѣющія съ нимъ ничего общаго, каковы ольчи (иногда даже негидальцы и часть орочей), которые почти всѣми лицами, писавшими о Пріамурскомъ краѣ, разсматриваются какъ одно-цѣлое съ гиляками, причемъ племенныя особенности отдѣльныхъ народностей, объединенныхъ подъ общимъ терминомъ «гиляки», иногда приписываются побочнымъ и даже случайнымъ обстоятельствамъ (см. II ч., 131). Само собою разумѣется, что это смѣшеніе настоящихъ гиляковъ съ ольчами, на которое обращалъ вниманіе еще Л. Шренкъ, изслѣдовавшій этотъ край за 2—3 года до его окончательнаго присоединенія къ Россіи, также отразилось на многихъ этнографическихъ картахъ даже настоящаго времени, гдѣ южная граница гиляковъ отодвинута почти на полтора градуса южнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, именно, до межи ольчей (неправильно включенныхъ въ число гиляковъ) и гольдовъ.

Одно тюркское племя Алтайскаго горнаго округа (алтайцы), бывшее извѣстное время подъ владычествомъ калмыковъ и по этому иногда именуемое «горными» или «бѣлыми калмыками», весьма многіе изслѣдователи и этнографы принимаютъ за настоящихъ калмыковъ, принадлежащихъ къ монгольскому племени и говорящихъ на языкѣ, весьма близкомъ къ монгольскому. Подобнымъ же образомъ Носовые сидячіе чукчи и по-сейчасъ смѣшиваются многими лицами, посѣщавшими Чукотскій полуостровъ, съ совершенно чуждыми имъ айвуанами и другими эскимосскими народцами крайней сѣверо-восточной оконечности Азіи.

И среди тунгусовъ нѣсколько совершенно различныхъ, хотя и родственныхъ, народностей (орочоны, ороки, орочи, ольчи) носятъ у многихъ бытописателей края одно и то же названіе — «орочоны, орочены», подъ которымъ эти племена извѣстны у мѣстнаго населенія, что, естественно, вводитъ боль-

шую путаницу въ сообщаемыя ими касательно этихъ инородцевъ свѣдѣнія, какого бы характера они ни были. Мы ограничимся этими примѣрами и переходимъ ко 2 пункту.

2. Къ *неправильностямъ въ границахъ* обитанія Сибирскихъ племенъ, часто встрѣчаемымъ въ трудахъ, посвященныхъ описанію отдѣльныхъ частей Сибири и составляющимъ какъ бы неотъемлемое свойство всѣхъ нашихъ этнографическихъ картъ. Смѣшеніе племенъ, о которомъ упоминалось выше, лишь отчасти можетъ служить объясненіемъ этихъ ошибокъ, потому что онѣ наблюдаются и у другихъ, можно даже сказать почти у всѣхъ, племенъ, обитающихъ въ Сибири, границы территорій которыхъ, частью проведены на основаніи устарѣлыхъ и неправильныхъ данныхъ, частью, за неимѣніемъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній, намѣчены лишь приблизительно, на глазомѣръ.

3. Третій важный пробѣлъ въ изученіи населенія Сибири, который также можетъ быть пополненъ цѣнными данными переписи—это *вопросъ о численности отдѣльныхъ племенъ* Сибири. До сихъ поръ всѣ подобныя данныя также носили случайный и отрывочный характеръ и, относясь къ разнымъ годамъ, совершенно не могли дать полной картины общей численности такихъ разбросанно живущихъ племенъ, каковыми являются тунгусы, якуты и другіе сибирскіе тюрки. Къ тому же статистическія данныя, собираемыя частными лицами, а также получаемыя отъ мѣстныхъ сельскихъ властей и отъ полиціи, далеко не всегда въ состояніи внушить къ себѣ должное довѣріе.

На этомъ основаніи мы до самаго послѣдняго времени совершенно не знали точнаго числа представителей весьма многихъ племенъ Сибири и, естественно, не были въ состояніи путемъ сопоставленія имѣющихся данныхъ съ таковыми за прежніе годы дѣлать какіе-либо выводы относительно направленія, въ которомъ совершается ихъ естественный приростъ, и тѣмъ самымъ пролить свѣтъ на все еще спорный вопросъ о вымираніи бродячихъ инородческихъ племенъ Сибирскаго сѣвера.

Кромѣ устраненія этихъ главныхъ недочетовъ въ нашемъ знакомствѣ съ Сибирскими инородцами переписной матеріалъ способенъ пополнить и другіе пробѣлы въ тѣхъ же областяхъ знанія, пробѣлы, напр., касающіеся названій, численности и географическаго распространенія отдѣльныхъ родовъ бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ разныхъ племенъ, пробѣлы, касающіеся статистики и распространенія родного языка, религій, сословій и т. д. На всѣ подобные вопросы въ имѣющейся литературѣ можно получить лишь весьма и весьма немногіе отвѣты, въ большинствѣ же случаевъ—никакихъ.

Дѣло отчасти перемѣнилось съ выходомъ въ свѣтъ части результатовъ первой всеобщей переписи населенія, посвященной Сибири. Дѣйствительно, однимъ изъ многихъ вопросовъ, который должна была разрѣшить первая всеобщая перепись населенія Россійской имперіи, былъ вопросъ о племенномъ составѣ разноязычнаго населенія необъятной Россіи. Разрѣшеніе этой задачи было тѣмъ болѣе желательнымъ, что цифровыя данныя касательно численности отдѣльныхъ народовъ и племенъ, которыя имѣлись до сихъ поръ, были по большей части настолько шаткими, а часто прямо гадательными, что никоимъ образомъ не могли служить основаніемъ, ни для мѣропріятій правительства, ни для разрѣшенія разныхъ спорныхъ научныхъ вопросовъ въ области статистики, этнографіи, географіи и т. д., напр. вопроса о вымираніи первобытныхъ племенъ, о характерѣ и направленіи происходящихъ въ разныхъ частяхъ имперіи смѣшеній и сліяній отдѣльныхъ народностей между собою и съ господствующимъ русскимъ племенемъ, объ ихъ географическомъ распредѣленіи по территоріи отдѣльныхъ областей и цѣлаго края и т. д.

Изъ 27 таблицъ обширнаго, опубликованнаго Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, изданія, въ которомъ сведены главнѣйшіе результаты переписи 1897 г., для этнографа наибольшій интересъ представляютъ таблицы, посвященныя

племенному составу населенія разныхъ частей имперіи, опредѣленному на основаніи данныхъ о родномъ языкѣ. Эти данныя, интересныя и цѣнныя сами по себѣ, благодаря своей новизнѣ и точности, могутъ до извѣстной степени служить картиной распредѣленія населенія имперіи, и въ частности Сибири, по племенамъ, а въ связи съ другими, имѣющимися въ упомянутомъ изданіи, свѣдѣніями безъ сомнѣнія окажутся весьма полезными для нуждъ внутренней политики и для другихъ надобностей правительства. Но они далеко не исчерпываютъ всѣхъ географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, заключающихся въ переписныхъ листахъ, и, будучи обнародованы лишь въ видѣ итоговъ по округамъ и уѣздамъ, а также по окружнымъ и уѣзднымъ городамъ, оказываются недостаточными для разрѣшенія многихъ изъ тѣхъ научныхъ вопросовъ, о которыхъ рѣчь была выше. Для этой цѣли, а также для составленія вѣрныхъ и подробныхъ этнографическихъ и лингвистическихъ таблицъ и картъ населенія имперіи, въ которыхъ давно ощущается потребность, необходимо вновь обратиться къ сырому переписному матеріалу, подвергнуть его болѣе детальной и всесторонней критикѣ, сдѣлать выборку требуемыхъ данныхъ и разработать ихъ по спеціальному, составленному для этой цѣли, плану.

Принимая въ качествѣ редактора Центральнаго Статистическаго Комитета участіе въ разработкѣ данныхъ первой всеобщей переписи населенія имперіи, авторъ настоящей работы задался смѣлой мыслью использовать и ту часть переписного матеріала, касающуюся населенія Сибири, которая, заключая весьма цѣнныя свѣдѣнія статистическаго, географическаго и этнографическаго характера, не подлежала быть обнародованной въ общемъ изданіи результатовъ переписи. Съ этой цѣлью онъ посвятилъ свои досуги послѣднихъ восьми лѣтъ на изученіе переписного матеріала, касающагося Сибири, на составленіе самыхъ подробныхъ выборокъ изъ него, которыя были совершены, частью имъ самимъ и частью, въ виду не-

возможности единолично окончить всю работу ко времени окончанія разработки переписи, когда использованный матеріалъ подлежалъ быть проданнымъ на бумагу,—опытными лицами подъ его личнымъ наблюденіемъ и при его провѣркѣ; затѣмъ автору пришлось заняться группировкой полученнаго матеріала въ таблицы, изученіемъ литературы предмета и, наконецъ, составленіемъ сводовъ, обобщеній и выводовъ изо всего накопленнаго матеріала, а также племенныхъ картъ.

Кромѣ указаннаго различія въ способахъ разработки переписного матеріала и въ цѣляхъ, которыя предслѣдовались въ обоихъ случаяхъ, нѣкоторая разница между цифровыми данными изданія Ц. С. К.(—общіе результаты переписи) и работъ автора даннаго труда зависитъ и отъ того, что при *общей* разработкѣ данныхъ переписи населенія, естественно, не представлялось возможнымъ входить въ детальную дифференцировку отдѣльныхъ племенныхъ группъ, каковы тунгусы, тюрки и т. д., на что потребовалось бы слишкомъ много времени. При разработкѣ матеріала переписи сотнями лицъ одновременно, особенно въ виду возможности двоякаго толкованія многихъ фактовъ и вообще въ виду большого числа спорныхъ случаевъ, подобный детальный разборъ переписныхъ листовъ явился бы неудобоисполнимымъ и, прибавимъ, для общегосударственныхъ цѣлей, для которыхъ главнымъ образомъ и предназначались результаты переписи, безполезнымъ. При *спеціальной* же разработкѣ переписного матеріала эта дифференцировка могла быть вполнѣ удовлетворительно проведена.

Еще одно коренное различіе между цифрами, касающимися туземнаго населенія имперіи по обоимъ источникамъ, заключается въ томъ, что въ общихъ результатахъ переписи численность отдѣльныхъ національностей опредѣлялась лишь на основаніи *одного* признака—ихъ родного языка (въ Сибири съ надлежащими поправками), между тѣмъ какъ при разработкѣ сырого матеріала, предпринятой авторомъ настоящаго труда, отдѣльныя группы населенія Сибири учитывались по *двумъ* признакамъ

одновременно—по языку и по національности [1]), обстоятельство, которое также осталось не безъ вліянія на численность инородческаго населенія Сибири въ томъ и другомъ случаѣ. Изъ обоихъ указанныхъ способовъ использованія переписного матеріала спеціальная и болѣе детальная разработка заключающихся въ немъ данныхъ о племенномъ составѣ населенія, естественно, дала результаты болѣе пригодные для этнографа, чѣмъ общая, гдѣ опредѣленіе численности отдѣльныхъ, въ особенности мелкихъ, народностей составляло лишь одинъ изъ эпизодовъ того обширнаго изслѣдованія, которое представляетъ изъ себя многотомное изданіе результатовъ первой всеобщей переписи населенія имперіи.

Въ результатѣ этихъ работъ, предпринятыхъ авторомъ, имѣетъ появиться серія другъ друга пополняющихъ трудовъ, каковы, во 1-хъ, полные списки населенныхъ мѣстъ Сибири, въ которыхъ обитаютъ инородцы, съ показаніемъ численности въ нихъ представителей отдѣльныхъ народностей; во 2-хъ, подробная племенная карта Сибири съ обстоятельными къ ней объясненіями и, въ 3-хъ, первый опытъ изслѣдованія въ области географіи и статистики туземныхъ племенъ Сибири.

Въ этомъ послѣднемъ трудѣ, который въ законченномъ видѣ долженъ состоять изъ шести томовъ, сообразно шести болѣе важнымъ племеннымъ группамъ Сибири (палэазіаты, тунгусы, тюрки, монголы, финны и самоѣды, русскіе и прочіе), имѣютъ быть изложены свѣдѣнія касательно распредѣ-

[1]) Для опредѣленія послѣдней авторъ пользовался помимо роднаго языка цѣлымъ рядомъ другихъ признаковъ, имѣвшихся въ переписныхъ листахъ, каковы: названія родовъ, волостей, инородныхъ управъ и т. д., сословія, религіи, мѣста приписки и т. д. Эти признаки, при внимательномъ анализѣ, даютъ возможность внести цѣлесообразныя поправки при опредѣленіи національности на основаніи роднаго языка. Въ весьма многихъ случаяхъ, однако, не потребовалось даже прибѣгать къ изученію всѣхъ этихъ признаковъ, потому что національность кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ очень часто была прямо показана въ графѣ о сословіяхъ и состояніяхъ переписныхъ листовъ; напр., вмѣсто помѣтки „инородецъ“ или „кочевой, бродячій инородецъ“ у многихъ народностей въ этой графѣ значилось: „чукча, аинъ, тунгусъ, остякъ и т. д.“ (см. 2 вып. стр. 75).

ленія каждой племенной группы и отдѣльныхъ ея вѣтвей по всей территоріи, гдѣ онѣ обитаютъ, данныя о численности ихъ въ отдѣльныхъ районахъ и рѣчныхъ бассейнахъ и въ цѣлой странѣ въ нынѣшнее время, и выводы изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ таковыми за прежнее время, выводы, которые могутъ пролить свѣтъ на характеръ прироста, на вопросъ о вымираніи и на другія явленія, способствующія измѣненію численности отдѣльныхъ племенъ, каковы: эмиграція, ассимиляція и т. д. Кромѣ того, въ каждомъ томѣ труда будутъ приведены интересныя и совершенно новыя данныя касательно численности представителей разныхъ языковъ, религій, сословій у отдѣльныхъ племенъ съ распредѣленіемъ ихъ по территоріи Сибири, а также списки родовъ бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ съ показаніемъ ихъ численности и мѣстъ обитанія. Для полноты изложенія въ немъ будутъ приведены и самыя краткія свѣдѣнія о занятіяхъ, образѣ жизни и обычаяхъ каждой народности. Чтобы географическія свѣдѣнія, изложенныя въ этомъ трудѣ, сдѣлать болѣе наглядными, къ каждому тому будетъ приложена племенная карта (или ихъ нѣсколько), на которой будутъ нанесены мѣста обитанія разсматриваемыхъ народностей и цѣлыхъ племенныхъ группъ.

Изъ предполагавшихся 6 томовъ упомянутаго труда одинъ (Палэазіаты) можетъ быть въ непродолжительномъ времени оконченъ; онъ уже изданъ въ извлеченіи для IV съѣзда Международнаго Статистическаго Института въ 1903 г. подъ заглавіемъ: «Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples palaeasiatiques de la Sibérie». Не дожидаясь окончанія другихъ выпусковъ, на что все же потребуется не мало времени, авторъ этихъ работъ рѣшилъ, въ видѣ опыта, выпустить въ свѣтъ настоящую первую монографію по географіи и статистикѣ тунгусскихъ племенъ Сибири [1]), принося эту скромную лепту въ сокровищницу оте-

[1]) Едва ли не единственный трудъ, спеціально посвященный тунгусамъ,—C. Hiekisch: „Die Tungusen". 1879 (2-е изданіе въ 1882 г.)—представляетъ изъ себя краткую компиляцію разнаго рода свѣдѣній, касающихся тунгусскаго племени, составленную преимущественно на основаніи устарѣвшихъ уже тогда источниковъ (главнымъ образомъ относящихся къ

чественной науки на компетентный и снисходительный судъ спеціалистовъ [1]).

Хотя предпринятыя авторомъ обширныя изслѣдованія и потребовали отъ него не малаго напряженія силъ и много времени и еще въ будущемъ потребуютъ большой усидчивости для ихъ благополучнаго выполненія, все же онъ не можетъ не сознаться, что безъ посторонней поддержки онъ не имѣлъ бы теперь удовлетворенія увидѣть хотя бы часть ихъ законченными; вѣрнѣе даже, что онъ вообще не былъ бы въ состояніи ихъ предпринять. Въ виду этого онъ считаетъ за особенное удовольствіе и за пріятную обязанность выразить здѣсь не только отъ себя лично, но и отъ лица всѣхъ этнографовъ, географовъ и статистиковъ, которые будутъ пользоваться этимъ изданіемъ, свою глубокую признательность завѣдывавшему разработкой первой всеобщей переписи населенія имперіи, сенатору Николаю Александровичу Тройницкому, за ту широкую помощь, которую онъ ему оказалъ, не только разрѣшивъ ему пользоваться для научныхъ работъ переписнымъ матеріаломъ и всѣми другими, имѣвшимися въ распоряженіи Комитета, оффиціальными документами, касающимися населенія Сибири, но и предоставивъ ему право пользоваться работой одной, временно даже двухъ, помощницъ, подъ его руководствомъ производившихъ выборку изъ указанныхъ матеріаловъ и облекавшихъ добытыя данныя въ форму таблицъ, которыя, какъ упомянуто выше, составятъ особое изданіе (въ настоящее время почти законченное).

концу XVIII и началу XIX в.в.). Въ этомъ трудѣ вопросъ о разселеніи тунгусовъ и ихъ численности едва затронутъ. Освѣщеніе же этого племени путемъ статистическихъ данныхъ съ другихъ сторонъ (напр. касательно его лингвистическаго, религіознаго, сословнаго состава) въ немъ совершенно обходится молчаніемъ, въ виду почти полнаго отсутствія въ тѣ времена подобнаго рода изслѣдованій въ Сибири.

[1]) Дабы содержаніе и этой работы сдѣлать болѣе доступнымъ для большой публики, ея краткое извлеченіе печатается въ настоящее время въ Буда-Пештѣ подъ заглавіемъ: „Versuch einer Geographie u. Statistik d. Tungusenstämme Sibiriens“ („Revue Orientale“, IV—VI); выйдетъ она и отдѣльнымъ изданіемъ.

Не менѣе цѣнно было для удачнаго выполненія настоящей работы и участіе въ ней такого опытнаго историка, археолога и этнографа, какимъ является помощникъ предсѣдателя Этнографическаго отдѣленія нашего Географическаго общества, заслуженный профессоръ Спб. Университета Николай Ивановичъ Веселовскій, который любезно взялъ на себя неблагодарный и нелегкій трудъ просмотра и редактированія означенной работы и которому авторъ ея за это считаетъ долгомъ принести свою искреннюю благодарность.

Авторъ.

1. I. 906.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТУНГУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ СИБИРИ.

1. О классификаціи и номенклатурѣ тунгусовъ.

Въ настоящемъ трудѣ нашему разсмотрѣнію подлежатъ 11 народностей Восточной Сибири (см. стр. 09), которыя ученые соединили въ одну *тунгусскую* племенную группу. Главнымъ признакомъ, на основаніи котораго они сочли эти племена состоящими во взаимномъ родствѣ, былъ *языкъ*. Дѣйствительно, несмотря на извѣстныя особенности, представляемыя нарѣчіями этихъ племенъ въ разныхъ районахъ ихъ обитанія, въ общемъ они настолько сходны по своему лексическому составу (главнымъ образомъ въ числительныхъ, мѣстоименіяхъ и наиболѣе употребительныхъ существительныхъ—см. 2 приложеніе къ II части), а также по своему грамматическому строю, что для признанія за ними общаго родства не требуется даже спеціальныхъ познаній въ области языковѣдѣнія.

Менѣе изучены *антропологическіе* признаки Сибирскихъ инородцевъ и тунгусовъ въ частности. Имѣющіяся соматическія измѣренія весьма малочисленны и носятъ по большей части отрывочный и случайный характеръ, въ виду чего конечно недостаточны для выясненія такого сложнаго и труднаго вопроса, каковымъ является группировка коренного населенія Сибири на основаніи ихъ тѣлесныхъ признаковъ. И въ самомъ дѣлѣ, все, что до сихъ поръ извѣстно о физическомъ типѣ тунгусовъ, весьма шатко: одни ученые признаютъ ихъ типичными долихоцефалами, другіе—мезоцефалами, третьи находятъ, что по указаннымъ признакамъ ихъ

слѣдуетъ исключить изъ числа чистыхъ монголовъ и помѣстить въ группу желтокожихъ монголоидовъ и палэазіатовъ и т. д., причемъ всякій новый изслѣдователь въ этой области вноситъ новыя измѣненія и поправки въ положенія своихъ предшественниковъ, опровергая одни изъ нихъ и присоединяясь къ другимъ, чтобы самому черезъ нѣсколько лѣтъ испытать на себѣ ту же участь. Напр. г. Майновъ, одинъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей тунгусовъ собственно, отрицаетъ, какъ монгольскій типъ, такъ и крайнюю длинноголовость черепа Якутскихъ тунгусовъ [1]).

Происходитъ подобное разнорѣчіе въ выводахъ отдѣльныхъ ученыхъ главнымъ образомъ отъ того, что они по большей части ограничивались измѣреніями надъ немногими индивидуумами и притомъ чаще одной какой-нибудь мѣстности, а мы увидимъ ниже, что тунгусы живутъ чрезвычайно разбросанно, подвергаясь въ разныхъ частяхъ своей обширной родины самымъ разнообразнымъ метисаціямъ и смѣшеніямъ со своими многочисленными и разноплеменными сосѣдями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдѣльныя группы этихъ сосѣдей могли вполнѣ ассимилироваться съ тунгусами культурно, не успѣвши слиться съ ними физически въ одно цѣлое, и вотъ такіе тунгусы (якуты, юкагиры или другіе) по языку естественно должны представлять значительныя отклоненія отъ физическаго типа коренныхъ тунгусовъ (якутовъ и др.).

Мы здѣсь взяли простѣйшій случай смѣшенія племенъ. Бываютъ случаи болѣе сложные, въ которыхъ извѣстная группа жителей, независимо отъ того, какъ она называется, носитъ слѣды трехъ и болѣе этническихъ напластованій, причемъ отъ одного племени она могла унаслѣдовать языкъ, отъ другого (или другихъ) часть достояній своей культуры и отъ одного (двухъ или нѣсколькихъ) физическій типъ или типичное строеніе извѣстныхъ органовъ, причемъ и тутъ бываютъ возможны разныя градаціи вслѣдствіе преобладанія въ томъ или иномъ случаѣ того или другого или тѣхъ или другихъ изъ этихъ элементовъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ не мало тому примѣровъ. Въ виду вышеизложеннаго стано-

[1]) „Нѣкот. данн. о тунгусахъ Якутской обл.“ („Тр. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, 1898 г., т. XXV, № 4—5, стр. 120).

вится яснымъ, почему физическіе признаки не могутъ въ настоящее время служить критеріумомъ для классификаціи малоизученнаго туземнаго населенія Сибири. Дѣйствительно, при настоящемъ развитіи антропологіи эта молодая наука еще не въ состояніи, ни выяснить положенія тунгусовъ среди другихъ коренныхъ обитателей Сибири, ни установить, въ какихъ соотношеніяхъ между собою находятся отдѣльныя вѣтви той же тунгусской группы.

О физическомъ типѣ собственно тунгусовъ будетъ въ свое время сказано нѣсколько подробнѣе (см. 2 вып., стр. 267), здѣсь же упомянемъ лишь попутно, что манегры, по Мааку, хорошо сложены, сильны и средняго и даже высокаго роста, что орочоны, по Шренку, очень схожи съ Якутскими тунгусами [1]) и что у нихъ монгольскій типъ менѣе рѣзко выраженъ, чѣмъ у настоящихъ монголовъ, что самагиры по типу примыкаютъ къ юго-восточной вѣтви тунгусовъ—къ гольдамъ, среди которыхъ этотъ ученый различаетъ два главныхъ физическихъ типа—монгольскій, который онъ считаетъ сѣверо-сибирскимъ, и манчжурскій—южный. Относительно ольчей онъ, какъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи, замѣчаетъ, что они по своимъ соматическимъ признакамъ представляютъ середину между гиляками и тунгусами, что объясняется значительной примѣсью въ жилахъ тунгусскаго племени ольчей гиляцкой крови. Конечно, эти отрывочныя и поверхностныя наблюденія не даютъ намъ права дѣлать какіе бы то ни было выводы о физическомъ строеніи, ни всего тунгусскаго племени въ его совокупности, ни отдѣльныхъ его частей. Мы привели ихъ лишь для полноты изложенія, чтобы показать, насколько наши свѣдѣнія въ этой области ничтожны. Что же касается до тѣхъ или другихъ выводовъ нѣкоторыхъ антропологовъ относительно формы головы, размѣровъ тѣхъ или другихъ органовъ и т. д. отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ, выводовъ, основанныхъ на измѣреніяхъ, сдѣланныхъ надъ единичными черепами или костяками или надъ отдѣльными живыми индивидуумами, то, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, они особеннаго значенія имѣть не могутъ.

Само собою разумѣется, что еще менѣе пригодными для группировки Сибирскихъ, въ особенности тунгусскихъ, пле-

[1]) Орочоны происходятъ изъ Якутской области (см. стр. 5).

менъ оказываются *этнографическіе* признаки (т. е. матеріальныя и духовныя достоянія ихъ культуры). Въ виду чрезвычайно большой разбросанности тунгусовъ по необъятному пространству сѣверной Азіи, ихъ образъ жизни, нравы, обычаи, вѣрованія, предметы домашняго обихода и орудія промысла, даже если предположить, что они когда-нибудь, во время ихъ совмѣстнаго пребыванія въ ихъ первородинѣ, были одинаковыми у всѣхъ ихъ, естественно должны были съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ чрезвычайно разнообразныхъ внѣшнихъ условій подвергнуться весьма значительнымъ измѣненіямъ. Это и произошло на самомъ дѣлѣ: тунгусскія народности, обитающія въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, представляютъ нерѣдко въ этнографическомъ отношеніи больше различій, чѣмъ два племени совершенно разнаго происхожденія, но живущія рядомъ другъ съ другомъ, при одинаковыхъ орографическихъ, климатическихъ и другихъ условіяхъ

На основаніи всего вышеизложеннаго можно придти къ заключенію, что наиболѣе удобнымъ признакомъ для классификаціи коренного населенія сѣверной Азіи является языкъ (соматическіе и этнографическіе признаки могутъ имѣть лишь вспомогательное значеніе). Этотъ же признакъ слѣдуетъ положить въ основаніе и для цѣлесообразнаго подраздѣленія каждой крупной этнической группы на ея составныя части—народности или племена (понимая послѣдній терминъ въ узкомъ смыслѣ слова). Но, если для правильнаго сужденія о взаимномъ родствѣ между народностями, входящими въ составъ отдѣльныхъ племенныхъ группъ коренного населенія Сибири, и не требуется глубокихъ познаній въ лингвистикѣ, то, наоборотъ, для цѣлесообразнаго расчлененія каждой изъ такихъ группъ на ея составныя части надо быть не только спеціалистомъ по языковѣдѣнію, въ области данныхъ нарѣчій, но и обладать обширнымъ и собраннымъ по одному плану лексическимъ матеріаломъ. Дробленіе племенныхъ группъ, въ данномъ случаѣ тунгусской, на ихъ составныя части, совершенное безъ соблюденія упомянутыхъ условій, по необходимости должно оказаться произвольнымъ и искусственнымъ. Именно такимъ характеромъ и отличается существующее нынѣ дѣленіе тунгусовъ на племена, дѣленіе, совершенное не по всестороннему изученію ихъ по одному общему плану и на основаніи од-

нихъ и тѣхъ же главныхъ признаковъ, но въ значительной степени являющееся результатомъ, частью обстоятельнаго, частью поверхностнаго знакомства отдѣльныхъ изслѣдователей, начиная съ казаковъ — завоевателей края, съ тунгусскими племенами въ разныхъ частяхъ Сибири и въ разныя эпохи. Въ виду этого самостоятельное существованіе нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ и, наоборотъ, дробленіе другихъ, далеко не всюду въ достаточной степени обосновано. Весьма возможно, что со временемъ существующее нынѣ дѣленіе тунгусовъ на 10—11 племенъ (какъ и ихъ соединеніе въ подгруппы) будетъ признано неудовлетворительнымъ, напр. въ смыслѣ его излишней дробности. Намъ кажется, что нѣкоторыя части тунгусскаго племени, нынѣ признаваемыя за самостоятельныя народности, съ неменьшимъ правомъ могли бы быть соединены въ одно цѣлое, т. е. въ одну народность, причемъ такая группировка могла бы быть оправдываема, какъ близостью ихъ языковъ, нравовъ и обычаевъ, вѣроятно и антропологическихъ признаковъ тѣхъ изъ ихъ семей, которыя сохранились въ бо́льшей чистотѣ, такъ и существованіемъ у нихъ общихъ всѣмъ имъ наименованій. Таковы, напр. Пріамурскія племена: ольчи (и ороки), орочи, гольды, можетъ быть и самагиры и негидальцы, ведущія сходный образъ жизни и называющія себя: *Наны, Хыды* и т. д.

Не вполнѣ установленнымъ можетъ считаться и соединеніе упомянутыхъ тунгусскихъ народностей въ группы или вѣрнѣе подгруппы. Академикъ Л. Шренкъ, обстоятельно изучившій инородческое населеніе Пріамурья и признающій самостоятельное существованіе десяти изъ нихъ (ольчи и ороки представляютъ по его мнѣнію одно племя), группируетъ ихъ на основаніи ихъ нарѣчій въ слѣдующія четыре группы:

1. Дауры и солоны.
2. Манчжуры, гольды и орочи.
3. Орочоны, манегры, бирары, кили.
4. Ольчи (мангуны) низовьевъ Амура и Сахалина (ороки), негидальцы и самагиры.

Первыя двѣ группы, изъ коихъ дауры и солоны сильно перемѣшались съ монголами, образуютъ у него *Южную* или *Манчжурскую* вѣтвь тунгусовъ; остальныя двѣ группы, занимающія значительно большую и болѣе сѣверную полосу Восточной Сибири — *Сѣверную* или *Сибирскую*. О тунгусахъ собственно Шренкъ не упоминаетъ, но ихъ мѣсто въ третьей

группѣ рядомъ съ орочонами, которые составляютъ ихъ часть.

Время покажетъ, насколько эта группировка окажется отвѣчающей дѣйствительности, но a priori можно сказать, что, будучи составлена на основаніи весьма небольшого числа образцовъ рѣчи этихъ племенъ, собранныхъ къ тому же случайно и не изо всѣхъ мѣстностей ихъ обитанія, она при дальнѣйшемъ изученіи этого вопроса потребуетъ извѣстныхъ измѣненій и поправокъ.

Предоставляя ученымъ-спеціалистамъ сдѣлать критическій просмотръ нынѣшнихъ: классификаціи, группировки и номенклатуры тунгусскихъ племенъ и, въ случаѣ необходимости, измѣнить ихъ, трудъ, который въ настоящее время нѣсколько облегчается наличностью богатаго лексическаго матеріала касательно нарѣчій трехъ изъ этихъ племенъ (см. 2 приложеніе къ II ч), мы по необходимости должны пока довольствоваться существующимъ дѣленіемъ тунгусовъ на одиннадцать отдѣльныхъ народностей.

Переходимъ теперь къ общему очерку распространенія, численности и т. д. тунгусскаго племени въ широкомъ смыслѣ слова.

2. Географическое распространеніе.

Тунгусскія племена проживаютъ на всемъ протяженіи Восточной Сибири между 59°30′ и 139—140° в. д. (отъ Пулк.). Въ виду того, что среди этой огромной территоріи обитаютъ и другія народности, черезполосно съ ними, ихъ область представляетъ весьма неправильную, вѣтвистую, фигуру, которую невозможно описать въ нѣсколькихъ словахъ [1]). Мы поэтому считаемъ за лучшее отложить подробное указаніе границъ обитанія тунгусовъ вообще до разсмотрѣнія отдѣльныхъ ихъ племенъ, здѣсь же сообщимъ лишь въ общихъ чертахъ, въ какихъ частяхъ Восточной Сибири ихъ можно встрѣтить.

[1]) Гагемейстеръ такимъ образомъ описываетъ границы области тунгусскаго племени: „тунгусы или манджу встрѣчаются во всей В. Сибири и къ западу мѣста, занимаемыя ихъ кочевьями, обозначаются линіей, проведенной отъ полуострова Кореи черезъ р. Аргунь и сѣв.-западную часть Нерчинскаго округа къ сѣверной оконечности Байкальскаго озера до устья р. Хатанги“. („Статист. Обозр. Сибири“, II, 1854, стр. 22). Нечего и говорить, что эта линія не удовлетворяетъ своему назначенію и не совпадаетъ даже съ внѣшними контурами области тунгусовъ, часть которыхъ (Селенгинскіе, Иркутскіе и большая часть Енисейскихъ) при этомъ остается не включенной въ районъ предполагаемыхъ кочевій тунгусовъ, ограниченный съ юго-запада указанной линіей.

На самомъ западѣ своей территоріи, въ Енисейской губерніи, они обитаютъ на всемъ протяженіи между 71°30′ с. ш. на сѣверѣ, Ангарой на югѣ и 59 — 65° в. д., смотря по широтѣ, на западѣ. Якутская область вся цѣликомъ входитъ въ ихъ область, хотя, какъ сказано, они въ ней живутъ не повсемѣстно. Въ Иркутской губерніи они въ болѣе значительномъ числѣ встрѣчаются въ сѣверо-восточной части Киренскаго и въ восточной Верхоленскаго округовъ. Въ Забайкальской области главная ихъ масса обитаетъ къ востоку отъ 83° в. д., но встрѣчаются они и въ болѣе западной ея части; изъ отдѣльныхъ ея округовъ ихъ нѣтъ лишь въ Верхнеудинскомъ и Троицкосавскомъ. Въ Амурской области они обитаютъ повсемѣстно, кромѣ развѣ полосы земли по лѣвому берегу Амура, гдѣ находятся владѣнія казаковъ и крестьянъ и куда они заходятъ лишь временно. Также и Приморская область почти вся входитъ въ область тунгусскаго племени въ обширномъ смыслѣ слова. Нѣтъ тунгусовъ въ сѣверо-восточной, большей, половинѣ Анадырской округи, въ юго-западной части Южно-Уссурійскаго округа и на Командорскихъ островахъ, а на островѣ Сахалинѣ ихъ можно встрѣтить на всемъ пространствѣ между 53° с. ш. на сѣверѣ и заливомъ Терпѣнья на югѣ.

Въ нижеслѣдующей I таблицѣ приведены данныя, касающіяся абсолютной численности отдѣльныхъ тунгусскихъ народностей Сибири, по даннымъ переписи 1897 г., съ показаніемъ, какъ онѣ распредѣлены по ея территоріи. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что изъ одиннадцати тунгусскихъ племенъ десять обитаютъ въ юго-восточномъ углу Сибири, именно, въ четырехъ южныхъ округахъ Приморской области, въ Амурской области и на о. Сахалинѣ или точнѣе между 52°20′ с. ш. на сѣверѣ и 43° с. ш. на югѣ, между Амуромъ и Уссури на западѣ и Японскимъ моремъ на востокѣ. Вся остальная неизмѣримо бо́льшая часть тунгусской области находится въ единственномъ владѣніи наиболѣе многочисленной части этого племени — тунгусовъ собственно (включая въ ихъ число орочоновъ и ламутовъ), описаніе территоріи которыхъ занимаетъ весь 1 выпускъ I части настоящаго труда.

Мы считаемъ нужнымъ обратить здѣсь вниманіе читателя на тотъ фактъ, что въ таблицѣ I вовсе не упоминаются два тунгусскихъ племени, которыя Л. Шренкъ въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія засталъ въ предѣлахъ нынѣшней Амурской

области. Эти два племени суть: *бирары,* обитавшіе въ бассейнѣ р. Буреи и въ прилегающей къ ея нижнему теченію гористой мѣстности, а также по побережью Амура, къ востоку и западу отъ ея устья, и *кили,* которымъ названный ученый отвель весь бассейнъ р. Куръ. Перепись населенія имперіи 1897 г. вовсе не нашла эти племена въ предѣлахъ означенной области. Какъ мы увидимъ ниже, первые вѣроятно всѣ выселились съ тѣхъ поръ въ предѣлы Китайской имперіи, а судьба вторыхъ намъ вовсе неизвѣстна (см. II ч., гл. XI и XII).

3. Численность.

Изъ первой таблицы усматривается, что общая численность тунгусскихъ племенъ Сибири (наличное населеніе) не превышала въ 1897 г. 76.492 д. об. п. (39.291 м.), а съ надлежащими поправками, въ виду вѣроятныхъ пропусковъ, простиралась до 79.300 д. Первое мѣсто принадлежитъ тунгусамъ собственно (вмѣстѣ съ орочонами и ламутами), которые въ числѣ 62.068 (съ поправкой ок. 64.500 д.) составляютъ 81,2% всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ тунгусскому племени.

На долю другихъ десяти тунгусскихъ народностей, обитающихъ въ юго-восточной части Сибири (см. выше), приходится всего 14.424 д. (съ попр. до 14.824 д.) или 18,8%. Изъ нихъ наиболѣе многочисленны обитающіе по нижнему Амуру и по Уссури гольды 5.016 д., занимающіе по численности второе мѣсто среди тунгусскихъ племенъ (6,6%). Третье мѣсто принадлежитъ манчжурамъ Амурской области — 3.328 д. или 4,3%, затѣмъ слѣдуютъ западные сосѣди гольдовъ — орочи (3,1%) и ольчи (мангуны), живущіе къ сѣверу отъ тѣхъ и другихъ—1,9%. Остальныя шесть народностей малочисленны: онѣ составляютъ вмѣстѣ не болѣе 2.218 д. или 2,9% всѣхъ тунгусовъ.

Половой составъ. Для всей части тунгусовъ, зарегистрированныхъ переписью, на 100 мужчинъ приходится 94,7 женщинъ. Наиболѣе благопріятно отношеніе половъ у самаго многочисленнаго ихъ племени—у тунгусовъ собственно, у которыхъ число женщинъ почти равно числу мужчинъ (98). У всѣхъ остальныхъ племенъ замѣчаются болѣе или менѣе сильныя колебанія въ ту или другую сторону, причемъ значительно больше нормы женщинъ у ольчей и манегровъ (114 и 113 ж.), у самагировъ онѣ лишь слегка

ТАБЛИЦА I.

Названія тунгусскихъ народностей.	Наименованія губерній и областей.														ИТОГО.		
	Приморская.		Сахалинъ.		Амурская.		Якутская.		Иркутская.		Забайкальская.		Енисейская.				
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	Обоего пола.
1. Орочи . .	1.329	1.078	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.329	1.078	2.407 (2.807) [1]
2. Гольды .	2.638	2.376	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2.640	2 376	5.016
3. Самагиры	210	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	210	215	425
4. Негидальцы .	232	191	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	232	191	423
5. Ольчи (мангуны)	680	775	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	680	775	1.455
6. Ороки . .	—	—	395	354	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	395	354	749
7. Мавегры	—	—	—	—	75	85	—	—	—	—	—	—	—	—	75	85	160
8. Манчжуры . . .	21	1	—	—	2.059	1.234	—	—	1	—	12	—	—	—	2.093	1.235	3.328
9. Дауры .	—	—	—	—	255	191	—	—	—	—	—	—	—	—	255	191	446
10. Солоны .	7	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	8	15
11. Тунгусы (собств.).	1.208 3.336	990 [2] 3.314 [3]	83	60	623	481	6.251	5.980	1.103	1.088	17.108	17.271	1.662	1.507	31.375 [4]	30.693 [4]	62.068 (64.500) [5]
Итого . .	**9.661**	**8.948**	**478**	**414**	**3.014**	**1.991**	**6.251**	**5.980**	**1.104**	**1.088**	**17.120**	**17.271**	**1.662**	**1.507**	**39.291** [4]	**37.201** [4]	**76.492 (79 300)** [5]

[1]) Съ поправкой (см. II ч., стр. 103 сл.).
[2]) Въ трехъ болѣе южныхъ округахъ Приморской области (Удскомъ, Хабаровскомъ, Ю.-Уссурійскомъ).
[3]) „ четырехъ сѣверныхъ „ „ „ (Анадырской, Петропавловской, Гижигинской, Охотской).
[4]) Въ т. ч. 1 м. и 1 ж. въ Томской губ. и 1 ж. въ Тобольской.
[5]) Съ поправкой (см. 2 вып., стр. 171).

превышаютъ число мужчинъ (102 ж.), а у всѣхъ остальныхъ племенъ число мужчинъ уступаетъ числу женщинъ: у орочей на 100 м. послѣднихъ—81, у негидальцевъ—82, у гольдовъ и ороковъ—90, у дауровъ—75 и у манчжуровъ всего 59 ж.—у послѣднихъ двухъ народностей вслѣдствіе присутствія среди нихъ значительнаго числа пришлаго мужского элемента.

4. Приростъ населенія.

Касательно прироста тунгусскаго населенія замѣчается огромная разница между осѣдлыми земледѣльцами и полуосѣдлыми и кочевыми скотоводами, съ одной стороны, и между полуосѣдлыми и бродячими племенами рыболововъ и охотниковъ—съ другой. Первые, къ которымъ въ Сибири принадлежатъ южные Забайкальскіе тунгусы, манчжуры и дауры, всѣ показываютъ хорошій положительный приростъ, между тѣмъ какъ вторые, къ которымъ слѣдуетъ отнести остальную часть собственно тунгусовъ и всѣ прочія тунгусскія племена, въ общемъ не только не прибываютъ въ числѣ, но показываютъ отрицательное естественное приращеніе. Относительно тунгусовъ собственно это подтверждается точными статистическими данными—сопоставленіемъ цифровыхъ данныхъ переписи 1897 г. съ данными прежнихъ ревизій (см. вып. 2, гл. II и III). Что же касается до остальныхъ тунгусскихъ племенъ, обитающихъ въ юго-восточномъ углу Сибири, то въ виду того, что этотъ районъ былъ присоединенъ къ Россійской имперіи почти одновременно съ производствомъ послѣдней ревизіи (1858/9 г.), означенная ревизія на него не была распространена. Такимъ образомъ, точныхъ данныхъ за предшествующіе годы для всѣхъ этихъ племенъ у насъ почти не имѣется [1]), и при сужденіи о направленіи движенія ихъ населенія намъ приходится пользоваться приблизительными исчисленіями мѣстныхъ изслѣдователей и ихъ не всегда достаточно обоснованными сообщеніями объ измѣненіи численности инородческихъ племенъ за послѣднее время и т. д. Но и эти приблизительныя и отрывочныя данныя подтверждаютъ вышеуказанное

[1]) Нѣкоторое исключеніе составляютъ орочи и гольды Уссурійскаго и Южно-Уссурійскаго округовъ и манчжуро-дауры, которые были переписаны въ 70-хъ и 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія (см. II ч., стр. 52 и 100 сл.).

положеніе, что всѣ тунгусскія племена, занятіями которыхъ служатъ: рыболовство, охота и оленеводство, въ общемъ не прибываютъ въ числѣ, т. е. одни слегка увеличиваются, другія не измѣняются въ числѣ и третьи прямо обнаруживаютъ ежегодную убыль, причемъ показывающія отрицательный приростъ представляютъ едва ли не самую многочисленную группу. При такомъ отсутствіи правильнаго прироста въ нормальное время, эти инородцы естественно сильно уменьшаются въ числѣ послѣ опустошительныхъ эпидемій: такимъ образомъ, отъ оспы въ 1875 и 1883 гг. сильно пострадали орочи и гольды двухъ южныхъ округовъ Приморской области, число которыхъ мѣстами сократилось до $^1/_2$ и даже до $^1/_4$ ихъ прежняго числа; въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія эта болѣзнь произвела огромныя опустошенія среди тунгусовъ Удской округи, а въ 1884 г. она свирѣпствовала среди инородцевъ Колымскаго округа Якутской области (см. 2 вып., стр. 72) и т. д.

Причина, почему тунгусскія племена разсматриваемой категоріи и въ нормальное время не показываютъ положительнаго прироста, заключается главнымъ образомъ въ ихъ плохихъ и постоянно ухудшающихся экономическихъ условіяхъ, которыя обусловливаются постепеннымъ истощеніемъ ихъ источниковъ благосостоянія, иначе говоря, уменьшеніемъ въ ихъ странѣ рыбныхъ богатствъ, дичи, пушного звѣря и сокращеніемъ оленеводства. Дѣйствительно, обѣднѣніе инородцевъ сдѣлало за послѣднія десятилѣтія большіе успѣхи: значительная часть ихъ находится въ неоплатныхъ долгахъ у торгующихъ крестьянъ, якутовъ, китайцевъ и т. д., въ виду чего многіе становятся батраками своихъ болѣе богатыхъ сосѣдей и не въ состояніи выплатить калыма и обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Наблюдаемый во многихъ мѣстахъ Сибири фактъ, что изъ отдѣльныхъ группъ этихъ инородцевъ въ общемъ менѣе пострадавшими отъ столкновенія съ надвигающейся на нихъ культурой оказываются тѣ изъ нихъ, которые обитаютъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ, чѣмъ живущіе обокъ или въ перемѣшку съ русскими, китайцами и другими болѣе цивилизованными народами, наглядно показываетъ, что именно экономическія условія и непосильная борьба за существованіе играютъ главную роль въ этомъ печальномъ явленіи.

Немаловажное вліяніе на измѣненіе численности тунгус-

скаго населенія Сибири оказываютъ и передвиженія ихъ въ предѣлы Китайской имперіи. Мѣстами, какъ напр. въ Акшинскомъ округѣ Забайкальской области, эти передвиженія носятъ лишь кратковременный характеръ—въ указанномъ нами случаѣ часть тунгусскихъ и бурятскихъ пастуховъ на зиму перекочевываютъ со своими стадами въ Монголію, гдѣ и остаются на зимнихъ пастьбищахъ до весны (см. 1 вып., 136 сл.). Естественно, что при регистраціи населенія, произведенной по сю сторону китайской границы въ этотъ періодъ времени, они не попали бы въ итоги, какъ это и случилось при переписи населенія 1897 г., совершенной въ январѣ мѣсяцѣ. Въ другихъ случаяхъ переселяющіеся заграницу остаются тамъ болѣе или менѣе значительное время, а иногда могутъ считаться совсѣмъ покинувшими территорію Россіи. Таковы Амурскіе орочоны и манегры, значительная часть которыхъ за послѣднія десятилѣтія перебрались въ китайскіе предѣлы, хотя нѣкоторые изъ первыхъ, повидимому, и оставались долгое время въ русскомъ подданствѣ. Бирары, которыхъ перепись вовсе не обнаружила въ названной области (а можетъ быть и кили—см. II ч., гл. XII), по всему вѣроятію, въ полномъ составѣ эмигрировали въ Китайскую имперію еще въ концѣ 50-хъ или въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Манчжуры и дауры, въ серединѣ 80-хъ годовъ сильно возросшіе въ числѣ, какъ и ихъ сосѣди—осѣдлые китайцы Амурской области, послѣ 1884 г., въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, о которыхъ будетъ сообщено ниже, стали постепенно убывать въ числѣ на лѣвомъ берегу Амура, вслѣдствіе выселенія ихъ въ предѣлы Китайской имперіи. Переселеніе это приняло вскорѣ такіе размѣры, что за періодъ времени въ 13 лѣтъ до переписи 1897 г. группа осѣдлыхъ китайскихъ подданныхъ Амурской области (китайцы, манчжуры и дауры) потеряла отъ этой причины почти половину своей численности въ 1884 г. Это выселеніе китайскихъ подданныхъ изъ ихъ района къ востоку отъ низовьевъ Зеи продолжалось и послѣ переписи, а во время послѣдней Китайской войны вся эта группа осѣдлыхъ земледѣльцевъ совершенно очистила лѣвый берегъ Амура (см. II ч., стр. 4).

Такимъ образомъ, и естественное приращеніе и передвиженія совершаются въ сторону, неблагопріятную для увеличенія тунгусскаго населенія Сибири. Поэтому, за исключеніемъ лишь южной, осѣдлой и полуосѣдлой, части Забайкальскихъ

тунгусовъ, которые несомнѣнно отличаются жизнеспособностью въ высокой степени, почти всѣ остальныя вѣтви тунгусскаго племени, какъ правило, уменьшились въ числѣ противъ прежнихъ лѣтъ, частью отъ первой причины (отъ вымиранія), частью отъ второй (отъ эмиграціи), или же отъ обѣихъ этихъ причинъ одновременно. Подробнѣе объ этомъ см. ниже.

5. Роды.

Какъ и другія народности алтайской группы и тунгусскія племена распадаются на болѣе мелкія генетическія единицы—роды (Stamm [1]), Geschlecht). Иногда оба понятія: «племя» и «родъ» совпадаютъ и въ такомъ случаѣ племя обыкновенно не дѣлится на роды. Такой примѣръ мы имѣемъ въ самагирахъ Хабаровскаго округа (Прим. обл.), въ которыхъ Л. Шренкъ справедливо видитъ дальнихъ родственниковъ Забайкальскаго и Якутскаго рода Самагиръ (Шемагиръ), въ отдаленное время вѣроятно частью выселившагося на востокъ. И дѣйствительно, въ переписномъ матеріалѣ эти самагиры долины р. Горина фигурируютъ не какъ самостоятельное племя, а какъ родъ, хотя и не тунгусскій, а гольдскій (II ч., стр. 154.). Въ своемъ первоначальномъ видѣ роды состояли изъ группъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства болѣе или менѣе близкаго или по крайней явнаго, вслѣдствіе чего члены одного рода и избѣгали вступать другъ съ другомъ въ браки. Роды въ этомъ видѣ представляли разросшуюся большую семью, управляемую на патріархальныхъ началахъ родоначальникомъ или князькомъ, наслѣдственнымъ въ своемъ поколѣніи. Впослѣдствіи, при русскомъ владычествѣ, роды отчасти утратили свой чисто родственный характеръ и нерѣдко стали представлять изъ себя болѣе или менѣе искусственный конгломератъ отрывковъ прежнихъ генетическихъ родовъ съ присоединеніемъ причислившихся къ нимъ посторонихъ лицъ, иногда даже другихъ національностей, которыя со дня приписки не только становились членами даннаго рода, но и пріобщались къ его національности. Это искусственное образованіе родовъ тамъ, гдѣ таковыхъ не было раньше, было вызвано нуждами мѣстной администраціи (см. 2 вып., стр. 92).

Такъ какъ многіе изъ этихъ родовъ, искусственныхъ или

---

[1]) Stamm, впрочемъ, скорѣе соотвѣтствуетъ болѣе крупной генетической группѣ — племени или ордѣ, въ томъ смыслѣ, какъ послѣднее выраженіе понимаютъ въ Сибири (см. 2 вып., стр. 92).

по крайней мѣрѣ не чисто генетическихъ, по своему происхожденію носятъ названія этихъ послѣднихъ, напр., когда около одной родовой группы населенія сгруппировались чуждые ей элементы, то отличить въ настоящее время лишь по однимъ названіямъ коренные роды отъ родовъ позднѣйшаго происхожденія не всегда возможно. По мѣрѣ того, какъ инородцы переходятъ отъ бродячей и кочевой жизни къ осѣдлой, родовая связь у нихъ постепенно слабѣетъ, а вполнѣ осѣдлые, общины которыхъ чаще всего представляютъ изъ себя группы лицъ изъ разныхъ родовъ, порвавшихъ со своими сородичами, въ силу ли перемѣны религіи или занятія, съ теченіемъ времени утрачиваютъ обыкновенно память о своей принадлежности къ тѣмъ или другимъ родамъ. Впрочемъ, это не распространяется на ту часть инородцевъ, а слѣдовательно и тунгусовъ, которые, хотя и ведутъ осѣдлую жизнь, оффиціально же продолжаютъ считаться «кочевыми». Они и понынѣ сохранили, какъ пережитокъ, свое прежнее дѣленіе на роды.

Обратимъ вниманіе еще на одну перемѣну, происшедшую съ родами инородцевъ со времени присоединенія ихъ областей къ Россіи, перемѣну, которая притомъ усиливается съ каждымъ годомъ. Въ прежнее время каждый родъ жилъ до извѣстной степени обособленно отъ другихъ родовъ въ своемъ собственномъ, болѣе или менѣе замкнутомъ, районѣ, состоявшемъ чаще всего изъ бассейна одной или нѣсколькихъ рѣчекъ, причемъ, если этотъ родъ принадлежалъ къ полуосѣдлой группѣ инородцевъ, то каждое селеніе, каждая стоянка, каждое стойбище или даже группа ихъ состояли изъ представителей лишь одного или много двухъ коренныхъ родовъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время въ каждой даже небольшой мѣстности и въ каждомъ селеніи или урочищѣ можно чаще всего встрѣтить представителей нѣсколькихъ родовъ одновременно. Такимъ образомъ, нынѣ не только сами роды потеряли присущій имъ генетическій характеръ, но и занимаемыя ими территоріи не носятъ болѣе прежней замкнутости и обособленности, хотя оффиціально и юридически право на нихъ, по крайней мѣрѣ у полуосѣдлыхъ и бродячихъ инородцевъ, и теперь по большой части осталось за кореннымъ родомъ или коренными родами. Нѣкоторыя подробности о родахъ тунгусовъ собственно—см. 2 вып., гл. V.

Перепись даетъ намъ крайне цѣнныя и единственныя въ

своемъ родѣ, по богатству матеріала и точности записей, свѣденія о названіяхъ, численности и географическомъ распространеніи отдѣльныхъ родовъ слѣдующихъ тунгусскихъ племенъ: тунгусовъ собственно, гольдовъ, орочей и отчасти ольчей [1]). У самагировъ, негидальцевъ, ороковъ, манегровъ они не показаны, причемъ первые, какъ мы видѣли, названы даже прямо Самагирскимъ (Самэрскимъ) родомъ гольдовъ. О названіяхъ родовъ негидальцевъ намъ кое-что сообщаютъ акад. Миддендорфъ и полицейскіе списки населенныхъ мѣстъ Приморской области за 1896 г., о родахъ же остальныхъ тунгусскихъ народностей мы ничего не знаемъ, такъ какъ и въ литературѣ на этотъ счетъ не имѣется никакихъ указаній. У манчжуровъ, дауровъ и солоновъ, какъ у осѣдлаго земледѣльческаго населенія, дѣленіе на роды давно утрачено (см., впрочемъ, II ч., стр. 26).

6. Сословія.

Почти всѣ тунгусы, какъ и другія туземныя племена Сибири, принадлежатъ къ сословію *инородцевъ*, которые платятъ меньше податей и имѣютъ болѣе упрощенное внутреннее управленіе, чѣмъ крестьянское сословіе, а также освобождены отъ отбыванія воинской повинности. Благодаря этимъ привиллегіямъ, инородцы сравнительно рѣдко добровольно переходятъ въ другія сословія; въ прежнее же время, въ началѣ истекшаго столѣтія, къ причисленію къ крестьянскому и мѣщанскому сословіямъ мѣстное начальство принуждало всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые ко времени извѣстной ревизіи успѣли обзавестись осѣдлостью и занимались земледѣліемъ. Такъ

[1]) Здѣсь мѣсто обратить вниманіе на то обстоятельство что номенклатура географическихъ именъ и названій родовъ въ настоящей работѣ не могла быть твердо установлена и выдержана, потому что справочныхъ книгъ, въ которыхъ географическая номенклатура была бы окончательно установлена и объединена, для Сибири не существуетъ, а всѣ имѣющіеся труды по географіи и этнографіи не только Сибири, но и другихъ частей Россійской имперіи, болѣе или менѣе сильно грѣшатъ въ этомъ отношеніи. Къ тому же сплошь да рядомъ неодинаковость правописанія и произношенія извѣстнаго имени въ разныхъ мѣстностяхъ зависитъ не отъ произвола изслѣдователей или счетчиковъ при переписи, а отъ особенностей нарѣчій и говоровъ отдѣльныхъ туземныхъ племенъ, разобраться въ каковыхъ могутъ лишь спеціалисты и знатоки края. На этомъ основаніи авторъ придерживался возможно близко къ номенклатурѣ переписного матеріала, въ чемъ ему, однако, иногда мѣшала неразборчивость письма счетчиковъ и переписчиковъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ собственныхъ именахъ, по ихъ сличеніи съ другими источниками, явно обнаруживались ошибки, авторъ настоящей работы считалъ себя въ правѣ производить въ нихъ соотвѣтствующія поправки.

какъ осѣдлые инородцы вообще, и тунгусы въ частности, весьма быстро русѣютъ, то подобныя перечислившіяся въ другія сословія лица нынѣ окончательно съ ними слились и забыли о своемъ нерусскомъ происхожденіи (см. 2 вып., стр. 199 сл.).

Согласно положенію объ инородцахъ 1822 г. коренное населеніе Сибири дѣлится по своему образу жизни на: *бродячихъ* (охотниковъ, рыболововъ и оленеводовъ), *кочевыхъ* (скотоводовъ) и *осѣдлыхъ* (на первомъ мѣстѣ земледѣльцевъ). Объ ихъ правахъ и управленіи—см. 2 вып., гл. VII. Въ переписномъ матеріалѣ эти подраздѣленія инородцевъ по большей части указаны лишь у тунгусовъ собственно, у другихъ же племенъ, страна которыхъ (Пріамурье) присоединена къ имперіи лишь въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ графѣ о сословіи обыкновенно просто показано: «инородецъ», но всѣ эти племена, кромѣ осѣдлыхъ манчжуровъ и дауровъ (см. ниже), по своему образу жизни принадлежатъ къ категоріи «бродячихъ» инородцевъ.

Изъ другихъ сословій, среди которыхъ встрѣчаются тунгусы, можно назвать еще *казачье*. Къ этому сословію принадлежатъ всѣ, по большей части обурятившіеся и отчасти обрусѣвшіе, казаки-инородцы Акшинскаго округа Забайкальской области. Въ 1897 г. ихъ число простиралось до 3045 д. (1482 м.), что составляетъ 4,0% всѣхъ тунгусовъ.

Къ *иностраннымъ подданнымъ* (китайскимъ) принадлежали почти всѣ манчжуры и дауры, численностью въ 3769 д. (2345 м.) или 4,9%, нынѣ встрѣчающіеся на русской территоріи лишь въ ничтожномъ числѣ (см. II ч., стр. 16).

Вся остальная часть тунгусовъ Сибири (кромѣ 19 д.—14 м. *крестьянъ*) т. е. 69.659 д. (35.450 м.) или 91,1% принадлежитъ, какъ указано выше, къ сословію *инородцевъ*, среди которыхъ въ Читинскомъ округѣ (Забайк. обл.) встрѣчается 319 д. (170 м.) [1]) *потомственныхъ дворянъ* (см. 2 вып., стр. 210 сл.).

7. Религія.

Религіозный составъ тунгусскаго населенія Сибири представляется въ слѣдующемъ видѣ:

---

[1]) и 52 д. (24 м.) среди казаковъ.

ТАБЛИЦА II.

Названія тунгусскихъ народностей.	Наличное населеніе обоего пола въ 1897 году.					
	Христіане (правосл.).		Буддисты и ламаиты.		Язычники.	
	Въ абсол. числахъ.	Въ %.	Въ абсол. числахъ.	Въ %.	Въ абсол. числахъ.	Въ %.
1. Орочи	690	28,7	658	27,3	1.059	44,0
2. Гольды	4.147	82,7	190	3,8	679	13,5
3. Самагиры	384	90,3	—	—	41	9,7
4. Негидальцы	366	86,5	—	—	57	13,5
5. Ольчи (мангуны)	544	37,4	—	—	911	62,6
6. Ороки	636	85,0	1	0,1	112	14,9
7. Манегры	155	96,9	5	3,1	—	—
8. Манчжуры	8	0,2	630	19,0	2.690	80,8
9. Дауры	—	—	—	—	446	100,0
10. Солоны	—	—	15	100,0	—	—
11. Тунгусы (вкл. орочоновъ и ламутовъ)	50.874	82,0	9.258	14,9	1.936	3,1
Итого	**57.804**	**75,5**	**10.757**	**14,1**	**7.931**	**10,4**

Итакъ, большинство или $^3/_4$ представителей всѣхъ тунгусскихъ племенъ, обитающихъ нынѣ въ предѣлахъ Сибири, принадлежатъ къ *православной* церкви. Изъ отдѣльныхъ народностей почти въ полномъ составѣ перешли въ христіанство мелкія племена манегровъ, самагировъ, негидальцевъ и ороковъ, а изъ болѣе крупныхъ — гольды и тунгусы собственно (свыше $^4/_5$). Остальная часть этихъ народностей придерживается *язычества*, причемъ въ большинствѣ случаевъ язычники и христіане обитаютъ въ однихъ и тѣхъ же населенныхъ пунктахъ, въ которыхъ, смотря по мѣстности, численный перевѣсъ имѣютъ, то одни, то другіе, но въ области гольдовъ и орочей есть цѣлые районы (главнымъ образомъ въ Уссурійскомъ окр. Прим. обл.), гдѣ преобладающей религіей является шаманская.

Послѣдняя религія и по-сейчасъ имѣетъ наибольшее число послѣдователей среди орочей и ольчей. Если орочи-язычники обитаютъ въ глухихъ мѣстностяхъ, вдали отъ русскихъ, населяя нерѣдко сплошные районы, то ольчи-шаманисты, какъ и гольды, живутъ черезполосно съ ними и со своими одноплеменниками православнаго исповѣданія, по большей части въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ. Языческой религіи придерживается и осѣдлая часть земледѣльческихъ народовъ Амурской области—манчжуровъ и дауровъ: язычники составляютъ: 81% первыхъ и 100% вторыхъ. Остальная, пришлая, часть манчжуровъ (безсемейные рабочіе-манзы) показала своей религіей *буддизмъ*. Буддистскую религію исповѣдываетъ и болѣе $^1/_4$ орочей на югѣ Приморской области и небольшая часть (до 4%) гольдовъ.

Къ этой же религіи слѣдуетъ отнести и вѣтвь ея *ламаизмъ*, который имѣетъ свыше 9.200 послѣдователей среди тунгусовъ Забайкальской области. Эти ламаиты составляютъ 14,9% всѣхъ тунгусовъ собственно.

По отношенію же ко всему тунгусскому населенію Сибири представители буддистской и ламайской религій въ числѣ 10.757 д. составляютъ 14,1%.

8. Языкъ.

Родство языковъ и нарѣчій всѣхъ перечисленныхъ въ I таблицѣ племенъ уже потому несомнѣнно, что именно этотъ признакъ, какъ мы знаемъ, и послужилъ критеріумомъ для соединенія этихъ племенъ въ одну тунгусскую группу.

ТАБЛИЦА III.

Названія тунгусскихъ народностей.	Наличное населеніе обоего пола въ 1897 году.					
	Родной языкъ.		Другіе языки.		Въ т. ч. русскій яз.	
	Въ абсол. числахъ.	Въ %.	Въ абсол. числахъ.	Въ %.	Въ абсол. числахъ.	Въ %.
1. Орочи.	2.240	93,0	167	7,0	—	—
2. Гольды.	5.012	99,9	4	0,1	—	—
3. Самагиры	425	100,0	—	—	—	—
4. Негидальцы	423	100,0	—	—	—	—
5. Ольчи (мангуны)	1.455	100,0	—	—	—	—
6. Ороки	749	100,0	—	—	—	—
7. Манегры	160	100,0	—	—	—	—
8. Манчжуры	3.328	100,0	—	—	—	—
9. Дауры	446	100,0	—	—	—	—
10. Солоны.	15	100,0	—	—	—	—
11. Тунгусы (вкл. орочоновъ и ламутовъ).	27.597	44,5	34.471	55,5	19.742	31,8
Итого	**41.850**	**54,7**	**34.642**	**45,3**	**19.742**	**25,8**

О значеніи языка для классификаціи и группировки тунгусовъ сообщено въ § 1. Здѣсь же мы представили сводныя статистическія данныя касательно родного языка тунгусовъ на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г.

Итакъ, большая часть тунгусскихъ племенъ или 54,7% и понынѣ говоритъ на родныхъ языкахъ, причемъ это въ значительно большей степени касается десяти первыхъ племенъ, присоединенныхъ къ имперіи всего около 40 лѣтъ до переписи и естественно не успѣвшихъ въ той же степени подвергнуться руссификаціи, какъ тунгусы собственно, уже около 250 лѣтъ находящіеся подъ русскимъ владычествомъ [1]). Дѣйствительно, изъ другихъ языковъ, на которыхъ изъясняются тунгусскія племена Сибири, рѣшительно преобладаетъ *русскій*, который показали своимъ роднымъ языкомъ свыше $^1/_4$ или 25,8% ихъ представителей (31,8% всѣхъ тунгусовъ собственно), главнымъ образомъ осѣдлые и полуосѣдлые тунгусы Забайкальской области и Иркутской губерніи.

На долю всѣхъ остальныхъ языковъ приходится всего 19,5% тунгусскаго населенія. Изъ нихъ значеніе имѣютъ у тунгусовъ собственно лишь *бурятскій* языкъ въ Забайкальской и *якутскій* (и *юкагирскій*) — въ Якутской области, (см. 2 вып., 194). а также *китайскій* у орочей Южно-Уссурійскаго округа Приморской области (II ч., стр. 113) Прочіе языки не имѣютъ значенія въ качествѣ родного языка тунгусовъ Сибири. Тунгусы же въ свою очередь оказываются слишкомъ податливымъ и слабымъ въ духовномъ отношеніи племенемъ, чтобы быть въ состояніи навязать свой языкъ другимъ національностямъ страны. Если часть юкагировъ Верхоянскаго округа, стоящихъ по культурѣ ниже ихъ, и приняла ихъ языкъ, то они сами, какъ мы увидимъ ниже, въ предѣлахъ смежнаго Колымскаго округа той же Якутской области подпали подъ вліяніе юкагировъ и усвоили ихъ нарѣчіе.

---

[1]) Относительно этихъ племенъ переписной матеріалъ, впрочемъ не даетъ точныхъ указаній: во 1-хъ, ольчи въ немъ смѣшаны съ гиляками и гольдами, негидальцы съ гиляками и „орочонами“ (собств. орочами), самагиры съ гольдами и т. д., въ виду чего и названія языковъ въ этихъ случаяхъ не вполнѣ надежны. Въ нашихъ таблицахъ мы приводимъ исправленныя данныя; во 2-хъ, въ весьма многихъ случаяхъ критеріумомъ для опредѣленія національности населенія служилъ лишь одинъ языкъ за отсутствіемъ въ переписныхъ листахъ другихъ необходимыхъ свѣдѣній и ни въ виду ихъ малонадежности. Въ этихъ случаяхъ національность естественно должна была совпадать съ языкомъ.

Здѣсь мы говорили о родномъ языкѣ, такъ какъ перепись требовала отвѣтъ лишь на этотъ вопросъ [1]). Но кромѣ этого языка весьма многіе тунгусы, въ особенности тунгусы собственно, знаютъ еще другіе языки: въ Забайкальской области вторымъ языкомъ у нихъ служитъ, мѣстами русскій, мѣстами бурятскій, такъ что нѣкоторые тунгусы тамъ изъясняются на двухъ языкахъ: на тунгусскомъ и русскомъ или на тунгусскомъ и бурятскомъ, для большинства же изъ нихъ, утратившихъ родную рѣчь, роднымъ языкомъ является или русскій или бурятскій или оба эти языка одновременно. Въ Иркутской губ. большинство и въ Якутской области небольшая часть тунгусовъ кромѣ родного языка знаетъ еще русскій, а на сѣверо-востокѣ послѣдней области многія лица изъясняются на юкагирскомъ и чукотскомъ нарѣчіяхъ, но разговорнымъ языкомъ всѣхъ туземцевъ области служитъ якутскій, который знаетъ большая часть даже тѣхъ тунгусовъ, которые еще сохранили свой родной языкъ (2 вып., стр. 178 сл.). Въ Южно-Уссурійскомъ округѣ вторымъ языкомъ мѣстныхъ орочей и гольдовъ служитъ китайскій, который знаютъ весьма многіе инородцы и въ южной полосѣ Уссурійскаго и Удскаго округовъ той же Приморской области.

8. Занятія.

Аналогично дѣленію коренного населенія Сибири, а слѣдовательно и тунгусовъ, на три юридическихъ группы: осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ, тунгусскія племена распадаются по степени своего культурнаго развитія, по своему образу жизни и занятіямъ на три категоріи, на: осѣдлыхъ — земледѣльцевъ, полуосѣдлыхъ и кочевыхъ — скотоводовъ и бродячихъ — охотниковъ и оленеводовъ и частью полуосѣдлыхъ рыболововъ. Къ первымъ принадлежитъ большая часть манчжуровъ или около 81% этого народа, всѣ дауры, почти всѣ гольды и орочи Южно-Уссурійскаго округа и часть тунгусовъ округовъ: Читинскаго (управы Урульгинская, Оловская, Мань-

[1]) Такъ какъ въ наставленіяхъ къ заполненію переписныхъ листовъ не было пояснено, что собственно слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ: „родной языкъ“, то опрашиваемое населеніе естественно понимало его разно. Инородцы, судя по всему, подразумѣвали подъ этимъ терминомъ чаще всего языкъ той національности, къ которой они принадлежатъ по своему происхожденію по отцовской линіи, показывая иной языкъ лишь въ томъ случаѣ, если они совершенно забыли свой родной языкъ.

ковская,Шундуинская) и Баргузинскаго (Баргузинская тунг. упр.) Забайкальской области, а также Иркутской губерніи. Общее число представителей этой категоріи можно исчислить въ 24.400 д., что соотвѣтствуетъ 31,9% всего тунгусскаго племени (въ широкомъ смыслѣ этого слова). Для большинства этихъ тунгусовъ земледѣліе составляетъ главное занятіе. Многіе кромѣ того разводятъ скотъ и снискиваютъ себѣ пропитаніе чернорабочимъ трудомъ и извозомъ; весьма важнымъ источникомъ благосостоянія для всѣхъ ихъ, кромѣ манчжуровъ и дауровъ, служитъ и охота, которая иногда даетъ хорошій побочный заработокъ.

Обрусѣлые представители тунгусскаго племени, заимствовавшіе осѣдлый образъ жизни отъ русскихъ (Читинскіе и Иркутскіе тунгусы), живутъ по большей части въ жилищахъ, напоминающихъ русскія избы, частью построенныхъ по ихъ образцамъ и во всемъ домашнемъ обиходѣ приближаются къ русскимъ. Другая часть осѣдлыхъ тунгусовъ (манчжуры, дауры, южные орочи и гольды), подвергшись культурному вліянію послѣдователей Конфуція и Будды — китайцевъ и отчасти бурятъ, всѣ свои хозяйственные распорядки и весь свой домашній строй устроили по ихъ образцамъ. Кромѣ части обурятившихся Читинскихъ тунгусовъ, которые мало чѣмъ отличаются отъ настоящихъ бурятовъ, они, какъ и китайцы, строятъ фанзы, практикуютъ ту же тщательную культуру своихъ небольшихъ полей, напоминающую огородную, одѣваются почти по-китайски и во всемъ остальномъ, не исключая языка и религіи, примкнули къ своимъ культуртрегерамъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что эта часть осѣдлаго тунгусскаго населенія (за исключеніемъ обурятившихся впослѣдствіи Читинскихъ тунгусовъ) отчасти пребывала на той же стадіи культурнаго развитія еще до своего перехода подъ власть Россіи.

Менѣе многочисленна вторая категорія тунгусовъ—тунгусы-скотоводы. Къ ней принадлежитъ лишь часть Забайкальскихъ тунгусовъ собственно (Кужертаевская и Онгодонская управы Читинскаго округа, Акшинскіе казаки и инородцы и отчасти Армакская управа Селенгинскаго округа), а также половина Майскихъ тунгусовъ Якутскаго округа и небольшая часть другихъ той же области. Въ остальныхъ мѣстностяхъ ихъ мало, да и далеко не всѣ представители указанныхъ группъ при-

надлежатъ къ этой стадіи культурнаго развитія: нѣкоторые изъ нихъ болѣе радѣютъ о хлѣбопашествѣ. Но, если все-же принять, что ихъ численность приблизительно равна общему числу тунгусовъ указанныхъ выше управъ и ихъ частей, то численность этой категоріи можно принять равной 11.500 д. или 15,0% всего тунгусскаго племени. Часть тунгусовъ болѣе южной полосѣ Забайкальской области находились на этой стадіи развитія уже во время перваго появленія въ странѣ русскихъ, которые назвали ихъ, въ отличіе отъ оленныхъ тунгусовъ или орочоновъ,—«конными», потому что въ тѣ времена буряты, якуты и южные тунгусы преимущественно занимались разведеніемъ лошадей. Эта группа тунгусовъ отчасти обновляется присоединеніемъ къ ней обѣднѣвшихъ тунгусовъ изъ числа охотниковъ и оленеводовъ, напр. въ Селенгинскомъ округѣ и въ Якутской области, но численность ея скорѣе убываетъ, въ виду перехода многихъ тунгусовъ отъ чисто кочеваго хозяйства къ скотоводчески-земледѣльческому, отъ котораго одинъ шагъ до осѣдлаго хозяйства съ преобладаніемъ хлѣбопашества (первая категорія). Побочными занятіями тунгусамъ-скотоводамъ, кромѣ земледѣлія, служитъ чернорабочій трудъ, извозъ и отчасти охота.

Представителей тунгусскихъ племенъ, занимающихся охотой, рыболовствомъ и оленеводствомъ, мы на томъ основаніи соединяемъ въ одну (третью) группу, что, во 1-хъ, по степени своего культурнаго развитія они находятся на одномъ уровнѣ и, во 2-хъ, потому что большинство этихъ тунгусовъ практикуютъ два и даже три изъ этихъ промысловъ одновременно, хотя и въ разные сезоны, причемъ у однихъ главнымъ или болѣе важнымъ оказывается звѣроловство и охота, у другихъ рыболовство и у третьихъ оленеводство.

Оленеводство составляетъ главное занятіе части бродячихъ тунгусовъ Якутскаго округа, сѣверной полосы Приморской области, Сахалина и части Амурской области, а изъ другихъ тунгусскихъ племенъ этотъ промыселъ составляетъ важный источникъ пропитанія лишь у Сахалинскихъ ороковъ Вторыми по степени важности занятіями тунгусовъ служатъ: звѣроловство и охота и рыболовство, которыя для всѣхъ остальныхъ тунгусовъ этой категоріи служатъ главными занятіями, причемъ у ольчей и гольдовъ, живущихъ по Амуру, преобладающее значеніе пріобрѣтаетъ рыболовство, у осталь-

ныхъ, обитающихъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ, вдали отъ крупныхъ рѣкъ,—звѣроловство и охота или эти занятія имѣютъ одинаковое по степени важности значеніе съ рыболовствомъ. Побочными занятіями тунгусамъ этой категоріи служитъ рубка лѣса и сплавъ его къ пароходнымъ пристанямъ, извозъ и перевозка тяжестей на оленяхъ и собакахъ, а въ болѣе южной полосѣ Приморской области еще огородничество.

Общая численность этой группы, получаемая путемъ вычитанія изъ наличнаго тунгусскаго населенія общаго числа представителей первыхъ двухъ категорій, простирается приблизительно до 40.000 д. или 52,3%. Такъ какъ упомянутыя выше занятія не даютъ такого вѣрнаго дохода, какъ земледѣліе и скотоводство, то тунгусы этой категоріи чаще подвержены, вслѣдствіе неулова рыбы и дичи и падежей оленей, голодовкамъ и въ общемъ бѣднѣе другихъ, что неблагопріятно отзывается на ихъ естественномъ приращеніи. Эта часть тунгусскихъ племенъ въ общемъ не увеличивается, скорѣе даже уменьшается въ числѣ (см. стр. 011), въ чемъ, однако, лишь ничтожную роль играетъ переходъ части оленеводовъ, потерявшихъ вслѣдствіе падежей оленей, и охотниковъ, вслѣдствіе уменьшенія звѣря переставшихъ кормиться звѣроловствомъ и охотой, къ скотоводству (Якутская область) или земледѣлію (сѣверъ Забайкальской области и Иркутской губерніи).

Особнякомъ стоитъ небольшая часть манчжуровъ Амурской и отчасти другихъ областей (638 д. или 19,2% манчжуровъ Сибири и 0,8% всѣхъ тунгусовъ), которая, подобно китайскимъ манзамъ той же юго-восточной части Сибири, занимается исключительно чернорабочимъ трудомъ на пріискахъ, по желѣзной дорогѣ и т. д. Они всѣ китайскіе подданные и въ отличіе отъ осѣдлыхъ и по большей части семейныхъ манчжуровъ-язычниковъ Амурской области, состоятъ почти исключительно изъ пришлаго мужского населенія, исповѣдывающаго буддистскую религію.

9. Историческая замѣтка.

Мѣстоположеніе родины тунгусовъ неизвѣстно въ точности, какъ не имѣется достовѣрныхъ свѣдѣній и о времени переселенія главной массы тунгусскихъ племенъ въ нынѣшнія ихъ мѣстожительства въ Сибири. Извѣстно лишь то, что въ

сѣверныхъ областяхъ Китая, именно въ Манчжуріи, уже въ очень отдаленные періоды времени проживали родственныя имъ племена тунгусскаго происхожденія, часть которыхъ, начиная съ VII в. по Р. Х., стала играть видную роль въ историческихъ судьбахъ упомянутаго края.

Были ли *Сяньбійцы*, о которыхъ китайскія лѣтописи упоминаютъ уже въ II ст. по Р. Х., и *Жужане*, жившіе первоначально въ районѣ нынѣшней Семирѣченской области, тунгусами, съ достовѣрностью сказать нельзя, но почти несомнѣнно, что таковыми были *Киданe*, въ VII в. по Р. Х. образовавшіе подвассальное Китаю и состоявшее изъ восьми областей владѣніе, названное по р. Сунгари—Сунъ-мо. Постоянно усиливаясь, они дѣлали частые набѣги на сѣверныя китайскія провинціи, а въ 916 г. ихъ правитель Элюй Амбагянь объявилъ себя императоромъ и образовалъ сильное царство изъ своихъ коренныхъ и завоеванныхъ земель. Династія Ляо, которую онъ основалъ, правила 210 лѣтъ. Это царство было настолько могущественно, что еще въ то время, когда оно не владѣло сѣверными провинціями Китая, послѣдній платилъ его императору дань шелковыми матеріями и серебромъ.

Въ XII ст. на сцену выступаетъ другой тунгусскій народъ—*Чжур-чжени*, или какъ ихъ называли китайцы—*Нюй-чжени*, по своему происхожденію бывшіе чистыми манчжурами. Впервые китайцы о нихъ упоминаютъ въ VII в., но лишь позже они достигли могущества. Въ XII в. ихъ царь Агуда, образовавшій сильное царство, вступилъ въ союзъ съ правившей въ южномъ Китаѣ Сунской династіей, направленный противъ царства Ляо, и ихъ соединеннымъ силамъ удалось сокрушить господство этой династіи. На развалинахъ царства Ляо онъ въ 1115 г. основалъ свое собственное, названное «Золотымъ» («Цзинь»), а десять лѣтъ спустя въ его власть перешли всѣ столицы киданей. Основанная Агудой династія Гинь правила надъ краемъ около 100 л. и съ 1141 г. получала отъ южнаго Китая дань (см. II ч., 2). Ударъ ей нанесъ въ 1235 г. наслѣдникъ монархіи Чингизъ-хана Оготай и съ тѣхъ поръ надъ сѣверными областями Китая и надъ Манчжуріей господствовали: сначала монголы, а потомъ китайцы, пока изъ среды чжурчженскихъ племенъ не выдѣлилась Манчжурская династія, которая, постепенно усиливаясь, образовала необъятное царство, охватившее впослѣдствіе не только всю Манчжурію, но и Ки-

тай, Тибетъ и Джунгарію. Наибольшаго могущества манчжурское царство достигло въ 1634 г., когда его правитель Тай-цунъ завоевалъ Пекинъ и провозгласилъ себя Китайскимъ императоромъ. Основанная имъ династія и по-сейчасъ правитъ надъ огромной Китайской имперіей.

Возвращаясь къ киданямъ, сообщимъ, что не всѣ они были покорены чжурчженями. Часть ихъ устремилась на западъ и подъ именемъ *Кара-киданей* играла одно время видную роль въ судьбахъ Центральной Азіи, гдѣ они покорили Восточный Туркестанъ и Бухарскую область [1]).

Причина, почему всѣ тунгусскія племена, достигшія такого могущества, какъ кидане, чжурчжени и манчжуры, скоро сходятъ со сцены и даже исчезаютъ со страницъ исторіи, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, завоевывая китайскіе города, они постепенно привыкали къ осѣдлой жизни и, усвоивъ китайскій образъ жизни, теряли присущую имъ воинственность и съ теченіемъ времени превращались въ настоящихъ китайцевъ. Съ манчжурами это превращеніе совершилось, такъ сказать, на нашихъ глазахъ (см. II ч., стр. 15 сл.).

Когда тунгусы перебрались изъ Манчжуріи въ Сибирь, съ достовѣрностью неизвѣстно, потому что китайскіе лѣтописцы сравнительно мало интересовались слабыми и разбросанно живущими инородцами, обитавшими по сѣверной окраинѣ ихъ страны, но весьма вѣроятно, что во время постоянныхъ войнъ, происходившихъ къ югу отъ Амура въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, главнымъ образомъ начиная отъ VII — VIII ст., часть тунгусскихъ племенъ, тѣснимая болѣе сильными сосѣдями, перебралась далѣе на сѣверъ, въ мѣстности, лежавшія внѣ главнаго пути передвиженія народовъ.

---

[1]) Н. Веселовскій: „Исторія востока“ (лекціи, читанныя въ Спб. университетѣ въ 1887—8 г., II курсъ, стр. 161—256) и A. Castren: „Ethnol. Vorles.“, 30.

Тунгусы собственно.

ГЛАВА I.

Съ этой главы мы начинаемъ разсмотрѣніе собственно *тунгусовъ* и идентичныхъ съ ними *орочоновъ* и *ламутовъ*, которые составляютъ огромное большинство всего тунгусскаго племени. Когда въ періодъ времени между Нерчинскимъ трактатомъ (1689 г.) и 1858 г. (Айгунскій договоръ) граница Россійской и Китайской имперій тянулась въ предѣлахъ нынѣшней Забайкальской области по р. Аргуни, р. Горбицѣ, л. притоку Шилки, и далѣе на сѣверъ по Становому хребту, то всѣ перечисленные въ I таблицѣ народцы тунгусскаго племени, кромѣ собственно тунгусовъ (орочоновъ), оказались въ китайскихъ владѣніяхъ, въ русскихъ же предѣлахъ остались лишь оленные и бродячіе тунгусы, которыхъ въ свою очередь почти не было въ Китаѣ. На этомъ основаніи въ ту эпоху эти сѣверные тунгусы обыкновенно именовались, въ отличіе отъ тунгусскихъ племенъ Китая (гольды, манегры, негидальцы и др.), «русскими» тунгусами. Объ этихъ русскихъ тунгусахъ теперь и пойдетъ рѣчь.

Несмотря на то, что отдѣльныя вѣтви этихъ инородцевъ разсѣяны на всемъ огромномъ пространствѣ Восточной Сибири и раздѣлены другъ отъ друга территоріями чуждыхъ имъ народовъ, они все же сумѣли настолько хорошо сохранить свои племенныя особенности и свой языкъ, что ихъ безъ особаго затрудненія можно было соединить въ одну общую группу тунгусовъ собственно. Впрочемъ, въ настоящее время это касается лишь бродячихъ представителей этого народа. Осѣдло-же живущіе, составляющіе свыше половины ихъ числа, на-

столько удалились отъ первоначальнаго типа во всѣхъ отношеніяхъ, что лишь по названію принадлежатъ къ тунгусамъ. Принявъ осѣдлый образъ жизни и культуру своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей, они почти во всемъ примкнули къ русскимъ, якутамъ и бурятамъ, причемъ часто ничѣмъ отъ нихъ не отличаются.

ОРОЧОНЫ (ОРОНЧОНЫ, ОРОНЧЕНЫ, ОРОЧЕНЫ).

При разрѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли считать орочоновъ (ороченовъ) Амурской и Забайкальской областей за особую народность или за часть оленныхъ тунгусовъ, не отличающуюся отъ оленныхъ тунгусовъ другихъ родовъ, заслуживаетъ вниманія мнѣніе Орлова, посѣтившаго этотъ край еще въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Онъ говоритъ: «названія: *тунгусы* и *орончоны* означаютъ однихъ и тѣхъ же бродячихъ инородцевъ съ тою разницею, что на пространствѣ отъ Баргузина къ востоку до р. Витима и вообще по всему лѣвому берегу этой рѣки, равно какъ и по бассейну рѣкъ В. Ангары и Кичеры, ихъ называютъ тунгусами [1]), а бродящихъ за Витимомъ и по рр. Олекмѣ, Тунгиру, Нюкжѣ, Ольдою и по берегамъ Амура—орончонами» [2]).

Дѣйствительно, «орончонъ, орочонъ или ороченъ» представляетъ изъ себя испорченное манчжурское слово «орунчунъ», означающее «оленный народъ» (по тунг.: «оронъ» — ручной олень) и примѣнявшееся манчжурами для обозначенія разныхъ тунгусскихъ племенъ, державшихъ оленей, какъ-то: бродячихъ тунгусовъ, ороковъ и даже манегровъ и др. При первомъ знакомствѣ русскихъ съ тунгусскими народностями, ѣздившими и возившими грузъ на оленяхъ, они назвали ихъ «оленными тунгусами», на часть которыхъ они впослѣдствіи, съ самаго конца XVIII ст., перенесли манчжурское имя «орунчунъ». Эта неопредѣленность названія «орочонъ» отразилась и на переписномъ матеріалѣ; такъ, нѣкоторые роды названы тамъ то тунгусами, то орочонами, безъ видимой на то причины: напр. часть тунгусовъ Баягирскаго рода въ предѣлахъ В. Амурскаго горно-полицейскаго округа названа «орочонами», а другая

---

[1]) Поправку этимъ границамъ „тунгусовъ“ и „орочоновъ“ см. стр. 13.

[2]) „Вѣстн. И. Р. Г. О.“, 1857 г., кн. VI, стр. 193.

часть (приписанные къ Якутско-Тунгусской управѣ), проживающая въ смежномъ Игнашинскомъ станичномъ округѣ— «тунгусами». То же замѣчается и относительно отдѣльныхъ лицъ изъ родовъ Бэльдэтскаго и Никагирскаго. Кромѣ того у нѣкоторыхъ орочоновъ этихъ мѣстностей показанъ родной языкъ: «тунгусскій», а у отдѣльныхъ тунгусовъ—«орочонскій». На этомъ основаніи было бы можетъ быть цѣлесообразнѣе разсматривать какъ собственно тунгусовъ, такъ и ту часть ихъ, которая именуется кромѣ того «орочонами», вмѣстѣ, но, такъ какъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ края орочоны всегда показываются отдѣльно, то и мы здѣсь дадимъ краткую характеристику той части тунгусовъ, которая именуется «орочонами», включивъ ихъ, однако, въ общее число всѣхъ тунгусовъ при окончательномъ подведеніи итоговъ касательно географическаго распространенія и численности этого племени.

Слѣдуетъ вспомнить, что мѣстное населеніе Приморской области и смежныхъ частей Амурской, а также острова Сахалина, даетъ имя «орочоны» и другимъ тунгусскимъ племенамъ, лишь часть которыхъ снискиваетъ себѣ пропитаніе оленеводствомъ (ороки). То же самое наблюдается и въ трудахъ очень многихъ изслѣдователей края и въ переписномъ матеріалѣ; въ послѣднемъ даже часть негидальцевъ неправильно была названа этимъ именемъ. Но знаніе географическаго распространенія отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ и нѣкоторые солидные труды по мѣстной этнографіи, какъ напр. изслѣдованія Л. Шренка, помогли намъ болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшить вопросъ, въ какихъ мѣстностяхъ и какой части тунгусовъ должно быть пріурочено имя: «орочоны». Какъ видно изъ вышеизложеннаго, двое изъ этихъ племенъ (орочи, негидальцы) проживаютъ въ Приморской области, гдѣ нѣтъ настоящихъ орочоновъ. Въ Амурской же области орочоны по переписи встрѣчаются въ двухъ ея крайнихъ частяхъ: въ юго-восточномъ и юго-западномъ ея углахъ, причемъ эти области раздѣлены обширной площадью, населенной другими народностями. Тѣ и другіе орочоны оказываются однако различными племенами. Восточные, живущіе въ бассейнѣ р. Тунгуски, являются, какъ это видно изъ названій ихъ родовъ, орочами, главная область которыхъ лежитъ далѣе къ востоку; западные — настоящими «орочонами». Въ данномъ очеркѣ мы займемся лишь этими послѣдними, отсылая читателя

касательно другихъ племенъ, неправильно называемыхъ орочонами, къ главамъ, посвященнымъ этимъ послѣднимъ (см. ниже).

1. Географическое распространеніе и численность.

До разсмотрѣнія географическаго распространенія орочоновъ необходимо въ нѣсколькихъ словахъ пояснить, что подъ этимъ племенемъ разумѣли отдѣльные бытописатели края и первая перепись населенія имперіи.

Сначала остановимся на Амурской области. Орловъ въ 1857 г. зналъ лишь два рода орочоновъ Амурской области: Шологонскій въ 72 д. (40 м.) и Нинаганскій въ 134 д. (68м.). Позднѣйшіе изслѣдователи края показываютъ большую численность орочоновъ и приводятъ новые ихъ роды, большинство лишь три рода: Бэлётскій, Киндыгирскій и Нинаганскій; о самостоятельномъ же Шологонскомъ родѣ они не упоминаютъ. Источникомъ дѣленія орочоновъ на три рода слѣдуетъ, по всему вѣроятію, считать статью надв. сов. Пасвика, гдѣ онъ, описывая бытъ орочоновъ въ окрестностяхъ Албазина, говоритъ: «орочоны (оленные тунгусы), кочующіе по р. Амуру и его притокамъ, подраздѣляются на нѣсколько родовъ. Изъ нихъ кочующіе выше и ниже Албазина раздѣляются на три главные рода и т. д.». Изъ этой цитаты, касающейся лишь одной мѣстности, конечно, нельзя заключить, что орочонами слѣдуетъ называть лишь представителей этихъ трехъ родовъ. Доказательствомъ этому можетъ служить другая статья въ томъ же сборникѣ [1]), гдѣ, кромѣ названныхъ, упоминаются еще два новыхъ рода орочоновъ: Баягирскій и Никагирскій, почему-то отожествляемый тамъ съ Шологонскимъ.

Всѣ эти пять родовъ называются орочонскими и въ переписи 1897 г., причемъ въ собранныхъ ею матеріалахъ появляются еще три новыхъ рода, повидимому, нигдѣ болѣе не встрѣчаемыхъ; это роды—Балатарскій (?), Агдаримскій (Агдарыльскій) и Иглагирскій. Касательно части орочоновъ (53 м. и 42 ж.) въ переписномъ матеріалѣ вовсе нѣтъ указаній, къ какимъ родамъ ихъ слѣдуетъ отнести.

Эти данныя показываютъ, что составъ орочоновъ Амур-

---

[1]) „Сборн. главн. докум. по управл. Вост. Сибирью“ 1886 г., IV, 106.

ской области былъ въ разные періоды времени далеко не одинаковымъ, причемъ это различіе состава заключалось, съ одной стороны, въ томъ, что число родовъ ихъ стало постепенно возрастать, и, съ другой, въ томъ, что численность представителей отдѣльныхъ родовъ, какъ то будетъ показано ниже, съ теченіемъ времени сильно уменьшилась. Это возрастаніе числа родовъ при уменьшеніи ихъ численности находитъ себѣ объясненіе въ постоянно измѣняющемся составѣ орочоновъ Амурской области. Происходя изъ Якутской области, отдѣльные роды оленныхъ тунгусовъ, названныхъ уже въ Амурской области по манчжурски «орунчунъ, орончонъ» (см. стр. 2), постепенно спускались къ югу, къ Амуру, привлекаемые просторомъ охотничьихъ угодій, освобождавшихся, по мѣрѣ движенія на югъ манегровъ, дауровъ и другихъ тунгусскихъ племенъ.

Первыми повидимому покинули свою Якутскую родину Нинаганцы, которые, дойдя до Амура, заняли своими кочевьями мѣстности по его лѣвымъ притокамъ вплоть до р. Ниверъ (Невиръ). Гораздо позже, приблизительно въ серединѣ 20-хъ или въ началѣ 30-хъ годовъ истекшаго столѣтія, къ Амуру спустились Шологонцы (Сологонцы). По словамъ одного казака, переданнымъ Миддендорфу, они жили прежде по ту сторону Олдоя, близь верхнихъ притоковъ Зеи. Большая часть этого рода и понынѣ осталась въ Якутской области, гдѣ его представители и были отмѣчены переписью главнымъ образомъ въ двухъ ея округахъ. Перейдя на правый берегъ Амура, они распространились отъ Стрѣлочнаго караула до р. Эмури (Албазихи) и потомъ по этой рѣкѣ до ея устья, не вдаваясь однако въ глубь страны, занятой манчжурами, и не удаляясь отъ Амура. Часть этихъ земель прежде принадлежала манегрямъ, которыхъ орочоны при своемъ распространеніи на югъ нѣсколько потѣснили на востокъ.

Эти два рода въ предѣлахъ Амурской области и засталъ Орловъ, посѣтившій этотъ край въ 50-хъ годахъ. Нѣсколько позже Шологонцевъ достигли Амура Бэлёты или Бэльдэты, которые по Миддендорфу впервые переплыли Амуръ около 1836 г. Но число такихъ лицъ, перешедшихъ тогда въ Китай, было ничтожно—12 душъ. Происходили Бэлёты изъ Якутскаго округа, изъ бассейна р. Алдана, гдѣ принадлежали къ Кангаласской ордѣ. О движеніи на югъ другихъ орочонскихъ

родовъ (Буягировъ, Никагировъ) у насъ нѣтъ историческихъ данныхъ и вообще какихъ-либо свѣдѣній, но по всему вѣроятію Амура и его притоковъ достигли: вторые до X ревизіи $185^{8}/_{9}$ г. (такъ какъ число Никагировъ м. п. въ Якутскомъ округѣ не измѣнилось съ тѣхъ поръ—11 д.), а первые, число которыхъ въ означенномъ округѣ уменьшилось съ 1859 г., можетъ быть и позже.

Такъ какъ движеніе орочоновъ на югъ не остановилось на Амурѣ и продолжалось далѣе въ Манчжурію и, съ другой стороны, такъ какъ на смѣну уходившимъ за Амуръ инородцамъ съ сѣвера спускались новыя толпы оленныхъ тунгусовъ, то естественно составъ орочоновъ постоянно измѣнялся и измѣняется по сейчасъ, чѣмъ и объясняется, почему разные изслѣдователи встрѣчали въ Амурской области разные орочонскіе роды или тѣ же, но въ иномъ числѣ.

Какъ бы то ни было, но, несмотря на такую постоянную смѣну и обновленіе орочонскаго населенія Амурской области, районъ ихъ кочевій почти не измѣнился съ середины прошлаго столѣтія. Перепись не даетъ точныхъ указаній о мѣстѣ кочевій орочоновъ въ предѣлахъ области, но обзоръ Амурской области за тотъ же 1897 г. сообщаетъ, что они кочуютъ по берегамъ лѣвыхъ притоковъ верхняго Амура, именно по Амазару, Уркѣ, Омутной, Ольдою, а также по р. Зеѣ, близъ золотыхъ пріисковъ. Эти же предѣлы показываютъ для орочоновъ Амурской области и даже для отдѣльныхъ ихъ родовъ и бытописатели края (Орловъ, Пасвикъ), начиная съ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, такъ что, несмотря на постоянно измѣняющійся составъ орочоновъ данной области, ихъ территорія въ общемъ осталась та же. Болѣе детально область орочоновъ можно охарактеризовать такимъ образомъ. Она занимаетъ весь западный уголъ области, ограниченный на югѣ Амуромъ, на западѣ межой Забайкальской области, на сѣверѣ Становымъ хребтовъ и на востокѣ: начиная съ сѣвера—хребтомъ Тукурингра до верховьевъ р. Ура, потомъ по этой рѣкѣ приблизительно до устья р. Джалинды, нѣсколько вверхъ по этой рѣкѣ, оттуда до верховьевъ Невира и по этой рѣкѣ до Амура.

Правда, прямыхъ указаній о кочевьяхъ орочоновъ по р. Уръ и по хребту Тукурингра въ литературѣ не имѣется и восточная межа ихъ (собственно Нинаганцевъ) шла въ 50-хъ

годахъ, по Орлову, по лѣвому истоку Ольдоя и по р. Ниверу. Но Пасвикъ въ 80-хъ годахъ отодвигаетъ эту межу далѣе къ востоку до Янканскаго гольца, а такъ какъ, изъ данныхъ обзоровъ области за 90-е годы выяснилось, что орочоны держатся и около золотыхъ пріисковъ по р. Зеѣ, то это заставило насъ включить въ ихъ предѣлы какъ верховья р. Уръ (притока р. Зеи), такъ и всю р. Джалинду, по берегамъ которой имѣется много золотыхъ пріисковъ.

Въ прежнее время восточными сосѣдями орочоновъ были манегры, кочевавшіе за Ольдоемъ и Ниверомъ; нынѣ же, сильно уменьшившись въ числѣ, они отодвинулись далѣе на югъ и востокъ и между обоими племенами лежатъ пустынныя пространства, лишь изрѣдка посѣщаемыя отдѣльными охотниками—промышленниками разныхъ національностей.

Обращаясь къ численности орочоновъ, мы сперва должны выяснить, какіе роды или части ихъ мы будемъ считать орочонскими и какіе тунгусскими, потому что въ переписномъ матеріалѣ и отчасти въ литературѣ объ эти вѣтви тунгусовъ далеко не рѣзко отличаются другъ отъ друга. Основываясь на солидныхъ изслѣдованіяхъ вышеупомянутыхъ и другихъ бытоописателей края, мы должны считать въ предѣлахъ Амурской области орочонами, во 1-хъ, всѣхъ тунгусовъ родовъ: Бэлётскаго или Бэльдэтскаго I, Баягирскаго, Сологонскаго (Шологонскаго), Никагирскаго, Нинаганскаго и Киндыгирскаго. Послѣдніе три рода названы орочонами и въ переписномъ матеріалѣ по Амурской области, первый родъ по большей части тоже орочонскимъ; Баягирскій же въ большей степени, а Сологонскій весь показанъ въ переписномъ матеріалѣ тунгусскимъ. Но мы на основаніи вышеприведенныхъ соображеній отнесли и представителей этихъ родовъ, застигнутыхъ въ предѣлахъ области орочоновъ, къ этимъ послѣднимъ. Во 2-хъ, орочонами мы считали и представителей тѣхъ малоизвѣстныхъ и малочисленныхъ родовъ (Агдаримскій, Иглагирскій, Балатарскій), которыхъ подъ этимъ именемъ перепись застигла въ Игнашинскомъ станичномъ округѣ и отчасти въ предѣлахъ Албазинскаго, въ границахъ чисто орочонскаго района, и, въ 3-хъ, къ этому же племени мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ отнести и всѣхъ орочоновъ и тунгусовъ переписного матеріала, роды которыхъ не были показаны, но которые отмѣчены въ той же чисто орочонской области, т. е. въ предѣлахъ Верхне-

Амурскаго полицейскаго округа [1]). Что такой нашъ образъ дѣйствія имѣетъ за собою серьезныя основанія, подтверждается и данными мѣстной переписи за 1901—02 гг., (см. стр. 10), согласно которымъ всѣ тунгусы этого полицейскаго округа оказались распредѣленными по родамъ, причемъ численность лицъ орочонскихъ родовъ составляла 80% всѣхъ мѣстныхъ тунгусовъ.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, составъ орочоновъ Амурской области, покажемъ теперь въ какихъ мѣстностяхъ и въ какомъ числѣ ихъ застигла перепись.

а) Въ *Игнашинскомъ* станичномъ округѣ, безъ болѣе подробнаго показанія мѣстности, было въ 1897 г. зарегистрировано 49 хоз. въ 225 д. (118 м.) орочоновъ.

б) Въ сѣверной части *Албазинскаго* станичнаго округа и въ смежномъ. *В. Амурскомъ* горно-полицейскомъ округѣ 107 д. (63 м.) орочоновъ и 357 д. (190 м.) „тунгусовъ". Въ ихъ числѣ было: 269 д. (140 м.), не показавшихъ своего рода, и 45 д. (24 м.) представителей родовъ Баягирскаго, Сологонскаго и Бэльдэтскаго, которыхъ, мы, на основаніи вышеизложеннаго, отнесли къ орочонамъ. Исключить изъ нихъ пришлось всего 43 д. (26 м.) тунгусовъ родовъ Далмайскаго и Суягорскаго, принадлежность которыхъ къ орочонамъ ничѣмъ не оправдывается. Итого, въ В.-Амурскомъ полицейскомъ округѣ было переписано 64 хоз.: 421 д. (227 м.) орочоновъ, изъ коихъ 205 д. (116 м.) оказались принадлежащими къ тунгусской Кангаласской управѣ Якутскаго округа, откуда они происходятъ. Слѣдуетъ полагать, что и части другихъ орочоновъ, у которыхъ не имѣется такой отмѣтки, приписаны тамъ же. Мѣста кочевій и зимовій обозначены болѣе подробно лишь у небольшой части орочоновъ В. Амурскаго горно-полицейскаго округа; именно, въ зимовьѣ у Михаило-Семеновскаго пріиска было застигнуто переписью 24 д. (12 м.) орочоновъ, по р. Унаху 9 д. (5 м.), по р. Моготу 4 м. и въ Овсянскомъ поселкѣ 33 д. (19 м.) обрусѣлыхъ орочоновъ.

---

[1]) Въ нашей другой работѣ. („Главнѣйшія данныя по статистикѣ населенія крайняго востока Сибири". 1903 г.—Изд. Ц. Ст. К.) мы распредѣлили этихъ тунгусовъ, какъ и представителей родовъ: Баягирскаго, Бэльдэтскаго и Сологонскаго, строго придерживаясь показаній переписного матеріала, въ виду чего и получается разница въ численности тунгусовъ и орочоновъ В. Амурскаго полицейскаго округа въ обоихъ трудахъ (хотя ихъ сумма одна и та же).

Сверхъ того 31 д. (19 м.) орочоновъ были записаны въ русскихъ селеніяхъ и на пріискахъ той же мѣстности (въ томъ числѣ 15 д. въ предѣлахъ Игнашинскаго станичнаго округа). Главная же ихъ масса была переписана, какъ указано выше, въ ихъ собственныхъ зимовьяхъ и кочевьяхъ. Въ другихъ районахъ Амурской области, лежащихъ внѣ орочонской области, орочоны или тунгусы орочонскихъ родовъ переписью обнаружены не были. Итого въ Амурской области перепись 1897 г. обнаружила всего 118 хозяйствъ и 677 душъ орочоновъ, изъ коихъ 364 мужчинъ (на 100 м.—86 женщинъ). На 1 хозяйство у нихъ приходится 5,7 д.

Если мы сопоставимъ съ данными 1897 г. статистическія данныя о численности орочоновъ въ 1882 г. по Пасвику, то мы замѣтимъ между ними огромную разницу. Въ 1882 г., по мѣстной переписи, въ предѣлахъ Амурской области было зарегистрировано 138 семействъ орочоновъ въ 946 д. об. п. (изъ коихъ 474 м.). Противъ переписи 1897 г. они показываютъ убыль въ 269 души или уменьшеніе за 15 лѣтній періодъ времени въ 28,0%. Точность записи ихъ въ 1882 г., когда были приведены въ извѣстность не только численность каждаго рода, но и число семействъ и душъ съ подраздѣленіемъ ихъ на возрастныя группы и даже число оленей, которымъ владѣлъ каждый родъ, исключаетъ возможность признать эту перепись не заслуживающей довѣрія. Трудно также предположить значительный пропускъ и въ переписи 1897 г. Наконецъ, и вымираніе этихъ инородцевъ конечно не могло совершиться въ такой прогрессіи. Единственнымъ вѣроятнымъ объясненіемъ этого явленія можетъ быть то, что большая часть русскихъ орочоновъ, платящихъ ясакъ въ русскую казну, перешла на время или на постоянное жительство на правый китайскій берегъ Амура, на который перепись 1897 г. естественно не распространялась. Можетъ быть часть этихъ орочоновъ пребывала въ 1882 г. на лѣвомъ берегу Амура, въ виду чего и попала въ перепись Пасвика.

Къ сожалѣнію отмѣтки о родахъ имѣлись въ переписи 1897 г. у сравнительно немногихъ лицъ, въ виду чего и нѣтъ возможности произвести подробное статистическое сравненіе по отдѣльнымъ родамъ, что могло бы выяснить, въ какой степени отдѣльные роды приняли участіе въ этомъ переселеніи на югъ. Но уже a priori можно предполагать, что со-

ставъ орочоновъ въ 1897 г. долженъ былъ быть другимъ, чѣмъ въ 1882 г., какъ составъ ихъ въ этомъ году сильно измѣнился противъ показаній Орлова за 50-ые годы, когда орочоны Амурской области состояли всего изъ двухъ родовъ численностью въ 206 д. (108 м.).

Относительно Верхне-Амурскаго горно-полицейскаго округа у насъ имѣются болѣе свѣжія данныя. По донесеніямъ горнаго исправника означеннаго округа за 1901—02 гг., въ его предѣлахъ было застигнуто мѣстною переписью лишь 134 д. (74 м.) „тунгусовъ", изъ коихъ 46 д. (27 м.) были Бэльдэтскаго рода и 61 д. (32 м.) Буягирскаго, которыхъ мы признали орочонскими. Такимъ образомъ, и за истекшія со времени переписи 4—5 лѣтъ измѣнились, какъ общее число инородцевъ, такъ и численность отдѣльныхъ ихъ родовъ, нѣкоторые изъ коихъ увеличились въ числѣ, другіе вовсе не были обнаружены (Киндыгирцы, Нинаганцы, Никагирцы, Сологонцы), откочевавшіе вѣроятно въ это время въ другія мѣста. Впрочемъ эти данныя горнаго исправника не отличаются полнотой.

Забайкальская область. Читинскій округъ. Легче дать правильную и наглядную характеристику орочоновъ Читинскаго округа Забайкальской области, гдѣ проживаетъ ихъ главная масса. Здѣсь подъ этимъ именемъ подразумѣваются, судя по даннымъ переписи, лишь бродячіе тунгусы четырехъ родовъ (Тулуягирскаго, Бультегерскаго, Катчитскаго и Лакшикагирскаго), представители которыхъ лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются среди мѣстныхъ осѣдло живущихъ тунгусовъ Оловской инородной управы, напр. въ с. Зюльзиканскомъ; всѣ же остальные еще понынѣ ведутъ бродячую жизнь, снискивая себѣ пропитаніе оленеводствомъ и звѣроловствомъ.

По даннымъ переписи 1897 г. орочоны Читинскаго округа Забайкальской области проживаютъ въ восточной ея части и въ смежной части Якутской области. Мѣстами своихъ кочевій они показали:

а) бассейнъ р. *Шилки*. Здѣсь они бродятъ главнымъ образомъ по ея лѣвому притоку Нерчѣ и ея лѣв. притоку Нерчугану. Здѣсь же, въ сел. Зюльзиканскомъ, на р. Зюльзѣ, л. притокѣ Нерчи, проживаетъ среди осѣдлыхъ тунгусовъ 42 д. (24 м.) орочоновъ мѣстныхъ родовъ. Въ остальныхъ селеніяхъ Оловской инородной управы ихъ оказалось всего 13 д.

9 м.). Лишь орочоны Катчитскаго рода не показали эти мѣста.

б) бассейнъ р. *Витима.* Орочоны въ предѣлахъ названной области обитаютъ по его лѣвому берегу и по его притоку съ лѣвой стороны — Ципѣ, а также по ея притокамъ: Амалату и Ципикану, по р. Киренгѣ и др. рѣкамъ бассейна р. Витима.

в) По склонамъ *Яблоноваго* хребта, къ сѣверу отъ гор. Читы, кочуютъ преимущественно орочоны Тулуягирскаго рода.

Численность орочоновъ Читинскаго округа простирается, по даннымъ переписи до 114 хоз. (въ т. ч. 3 одинокихъ) и 902 об. п., изъ коихъ 457 мужчинъ (на 100 м.—97 женщинъ) На 1 хозяйство у нихъ приходится среднимъ числомъ 7,9 д. об. п. Изъ нихъ 101 хоз. (1 од.) и 847 д. (424 муж.) вели бродячую жизнь, скитаясь по вышеупомянутымъ рѣчкамъ, и 55 д. (33 м.) были переписаны въ селеніяхъ Оловской и отчасти Урульгинской инородныхъ управъ, главнымъ образомъ въ с. Зюльзиканскомъ первой управы [1]).—42 д. (24 м.).

Другая небольшая часть орочоновъ была обнаружена въ Нерчинскомъ округѣ, въ самой восточной его части, прилегающей къ орочонской странѣ Амурской области и орошаемой Шилкой. Здѣсь они были переписаны зимою 1897 г. на почтовыхъ станціяхъ мѣстнаго тракта, тянущагося вдоль названной рѣки почти параллельно желѣзной дорогѣ. Въ наибольшемъ числѣ они встрѣтились на станціяхъ Утёсной 13 д. (8 м.), Поворотной 19 д. (9 м.) и Караганской 11 д. (5 м.), входящихъ въ районъ Куларовскаго станичнаго округа, и 7 д. (5 м.) въ остальныхъ населенныхъ пунктахъ того же стан. округа. Изъ нихъ 13 д. (8 м.) показали, что происходятъ изъ Игнашинскаго стан. округа Амурской области, а остальные, что принадлежатъ къ Киндыгирскому, Булутскому (Бэлётскому) и 1 ж. къ Нинаганскому родамъ той же области. Названіе родовъ показываетъ, что эти орочоны однородны съ орочонами Амурской области. Итого въ предѣлахъ Куларовскаго станич-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что орочоны этихъ селеній оказались переписанными два раза: разъ въ этихъ селеніяхъ и другой разъ при переписи ихъ бродячихъ представителей (безъ указанія отлучки). Разница между тѣми и другими показаніями ничтожна (4 д. 2 м.). Мы здѣсь и въ таблицахъ приняли личныя показанія самихъ заинтересованныхъ лицъ, т. е. показали ихъ въ селеніяхъ.

наго округа оказалось 50 д. (27 м.) орочоновъ, а во всей Забайкальской области было зарегистрировано 952 д. (484 м.) этихъ тунгусовъ.

Забайкальскіе орочоны Читинскаго округа простираютъ свои перекочевки и далѣе на сѣверъ, вглубь сосѣдней Якутской области, гдѣ являются почти единственными хозяевами огромныхъ лѣсистыхъ пространствъ южной части Олекминскаго округа, хотя переписаны они были въ Читинскомъ округѣ Забайкальской области. По показаніямъ переписнаго матеріала ихъ кочевья сосредоточиваются тамъ въ бассейнахъ рр. Витима и Олекмы:

а) Въ бассейнѣ р. *Витима* они бродятъ по правому его берегу и по его правымъ притокамъ—Калакану и Калару и ихъ притокамъ и въ

б) бассейнѣ р. *Олекмы*, гдѣ они бродятъ, какъ по самой названной рѣкѣ, такъ и по ея лѣвымъ притокамъ: Моклѣ и ея притоку (?) Моклакану. Въ переписномъ матеріалѣ нѣтъ указаній объ ихъ кочевьяхъ по ея правымъ притокамъ: Тунгиру и Нюкжѣ, но, на основаніи другихъ данныхъ, слѣдуетъ предполагать, что они и сюда заходятъ.

Провести границы всей области орочоновъ на основаніи имѣющихся данныхъ можно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, потому что и по сейчасъ не извѣстно въ точности, какія изъ мѣстностей, расположенныхъ главнымъ образомъ по ихъ сѣверной межѣ, дѣйствительно входятъ въ составъ ихъ области и въ какихъ они были застигнуты лишь случайно. Къ тому же, благодаря ихъ бродячему образу жизни, всѣ ихъ границы подвержены постояннымъ измѣненіямъ, иногда весьма значительнымъ.

Намъ кажется, что наиболѣе вѣрно очертанія страны орочоновъ или иначе области, гдѣ въ настоящее время бродячіе оленные тунгусы именуются орочонами, можно набросать слѣдующимъ образомъ. Ихъ западнымъ предѣломъ можно принять 83° в. долг. (отъ Пулкова). Южная ихъ межа тянется начиная съ запада, сначала прибл. по 53° с. ш., затѣмъ упирается въ р. Аргунь и направляется внизъ по этой послѣдней и далѣе, уже въ предѣлахъ Амурской области, по Амуру до его лѣваго притока Нивера. За ихъ сѣверную границу можно принять 55° с. ш. и на самомъ востокѣ Становой хребетъ, а восточная граница опредѣлена нами выше (см. стр. 6). Однимъ

словомъ, ихъ районъ занимаетъ всю сѣверо-восточную часть области Забайкальской и самую западную Амурской, за исключеніемъ мѣстностей, заселенныхъ осѣдлыми жителями, какъ напр., на юго-востокѣ первой области, по Шилкѣ и по Амуру. Границей Забайкальскихъ и Амурскихъ орочоновъ слѣдуетъ признать не межу обѣихъ областей, а приблизительно 89° в. д., такъ какъ Нерчинскіе орочоны, судя по названіямъ ихъ родовъ, принадлежатъ уже къ ихъ Амурской вѣтви.

Сравнивая предѣлы страны орочоновъ по даннымъ переписи съ таковыми по Орлову (см. стр. 2), мы видимъ, что въ общихъ чертахъ они сходятся; именно, по правому берегу Витима тунгусы называются «орочонами», а около р. Баргузина «тунгусами», но западная граница орочоновъ съ 50-хъ годовъ повидимому измѣнилась, такъ какъ теперь орочоны кочуютъ и къ западу отъ Витима т. е. по его лѣвому берегу и по его лѣвымъ притокамъ: Ципѣ и др., да и названіе «орочоны», по даннымъ переписи, пріурочено въ этомъ районѣ собственно лишь къ четыремъ бродячимъ родамъ тунгусовъ.

Общая численность орочоновъ Забайкальской и Амурской областей простирается на основаніи вышеприведеннаго до 1629 д. (848 м.).

Кромѣ того, какъ указано выше, часть орочоновъ тѣхъ же Амурскихъ родовъ проживаетъ въ настоящее время въ предѣлахъ Китайской имперіи, куда они переселялись постепенно, съ начала прошлаго столѣтія. Часть этихъ орочоновъ еще въ 80-хъ годахъ уплачивала ясакъ русскому правительству (см. стр. 9). Проникнувши за Амуръ, орочоны углубились въ глубь Китая, придерживаясь подходящаго съ юга къ верхнему Амуру Хинганскаго хребта, лѣсистые отроги котораго вмѣстѣ съ горными долинами верховьевъ рѣкъ, текущихъ на западъ,— къ Аргуни, и на востокъ, — къ р. Нонни, служатъ имъ удобными мѣстами для ихъ бродячей жизни охотниковъ. По Шренку ихъ область охватываетъ тамъ всю страну по правую сторону Аргуни и потомъ по верхнему Амуру простирается почти до его праваго притока Панги, который почти весь, за исключеніемъ своего нижняго теченія, принадлежитъ ей, какъ и лѣвый берегъ другого его пр. притока Эмури (Албазиха). По мнѣнію названнаго ученаго, юго-восточная ихъ граница здѣсь изгибомъ на западъ обходитъ бассейнъ р. Кумары, область которой онъ отводитъ даурамъ, и потомъ, пересѣкая вершины р. Нонни и ея

правыхъ притоковъ, поворачиваетъ на западъ, достигая на югѣ почти 48° с. ш. Западную границу ихъ онъ не опредѣляетъ.

Въ одномъ изъ обстоятельныхъ трудовъ о Манчжуріи ихъ область въ предѣлахъ Китая описывается нѣсколько иначе: «орочоны живутъ по Ялу, Номину и Гани, притокамъ Нонни, въ долинѣ Гуюй-ли, впадающей въ Гань, и вообще разбросаны отдѣльными семьями или немногочисленными таборами по сѣвернымъ глухимъ и дикимъ участкамъ Б. и М. Хингана» [1]). И тамъ ихъ главнымъ занятіемъ служитъ звѣриный промыселъ, а побочными — оленеводство и рыболовство. Нѣкоторые промѣняли своихъ оленей на маленькихъ мѣстныхъ лошадокъ и обратились въ кочевниковъ. Лишь тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ долинахъ Гуюй-ли и Гани, живутъ осѣдло и населяютъ нѣсколько деревень. О численности орочоновъ въ Манчжуріи ничего не извѣстно, но, судя по всему, ихъ тамъ не менѣе 3000—4000 душъ. Это видно изъ тѣхъ заботъ, которыя китайское правительство въ послѣднее время проявило по отношенію къ своимъ орочонскимъ подданнымъ. Во 1-хъ, оно учредило особый тысячный орочонскій отрядъ. Во 2-хъ, для управленія орочонскимъ населеніемъ Б. Хингана оно основано въ 1882 г. на полпути между Айгуномъ и Мэргэнемъ городъ Синъ-анъ-чэнъ.

По восточному склону Хингана, ближе къ устьямъ долинъ, орочоны сравнительно болѣе цивилизовались и китайскія власти подумываютъ разселить ихъ среди китайско-даурскаго населенія рр. Ялъ, Чолъ, Туръ, чтобы пріучить ихъ къ осѣдлой жизни. Одновременно съ этимъ ихъ тамъ привлекли къ платежу податей и къ отбыванію повинностей, между прочимъ и воинской. Орочоны, бродящіе по Б. Хингану, и понынѣ совершенные дикари и не признаютъ никакихъ властей, а если и платятъ подати, то лишь добровольно [2]).

2. Роды.

Какъ было показано выше, орочоны Амурской и Забайкальской областей распадаются на рядъ характерныхъ для каждой области родовъ, хотя представители нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно Амурскихъ, и встрѣчаются въ другихъ округахъ

---

[1]) Позднѣевъ: „Описаніе Манчжуріи“, 225.

[2]) ibid., 226—227.

и областяхъ, гдѣ извѣстны подъ именемъ тунгусовъ (роды: Баягирскій, Киндыгирскій, Бэлётскій или Бэльдэтскій и т. д.) Разсмотримъ сначала орочоновъ Амурской области.

1. *Белётскій (Беллетскій)* или *Бэльдэтскій* I-й обитаетъ, по Пасвику, по лѣвой сторонѣ Амура и его притокамъ, вблизи Албазинской станицы, ниже и выше ея. (Къ этому роду приписалось 3 семьи изъ Киндыгирскаго рода Якутской области). Часть этого рода кочуетъ и по правому берегу Амура въ той же мѣстности, хотя ясакъ платитъ русскому правительству въ ст. Албазинской. О времени переселенія Бэлётовъ въ предѣлы Амурской области см. стр. 5. Происходятъ они изъ Якутскаго округа, гдѣ ихъ сородичи принадлежатъ къ Кангаласской управѣ. Сильное уменьшеніе этого рода въ Якутскомъ округѣ со времени X ревизіи — съ 340 душъ (174 мужчинъ) до 242 душъ (122 мужчинъ) въ 1897 году — говоритъ въ пользу того, что выселеніе его на югъ продолжалось и послѣ 1859 г. О настоящей численности этого рода въ Амурской области трудно сказать что-либо опредѣленное, потому что, по даннымъ переписи, большая часть орочоновъ означенной области не распредѣлена по родамъ. Въ той же ихъ части, по которой роды показаны, ихъ оказалось 32 д. (15 м.) въ Игнашинскомъ казачьемъ округѣ, а въ 1901—02 гг., по свѣдѣніямъ исправника В. Амурскаго горнаго полицейскаго округа — 46 д. (27 м.), между тѣмъ какъ по даннымъ за 1882 г. Пасвикъ опредѣлилъ ихъ число въ 36 сем. и 275 д. об. п. (137 м.). Сверхъ того 13 д. (7 м.) представителей этого рода (Булутскій рд.) были зарегистрированы въ Нерчинскомъ округѣ, въ самой его восточной части (см. выше). Итого число этого рода въ 1897 г. показано у 59 д. (34 м.).

2. *Нинаганскій* родъ обитаетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, что и Бэлётскій, хотя по Пасвику и ограничивается лишь лѣвымъ, т. е. русскимъ, берегомъ Амура, гдѣ кочуетъ отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до р. Невиръ и оттуда на сѣверъ до Янканскаго гольца, а по Миддендорфу (1844 г.) также и по нѣкоторымъ притокамъ Олекмы. (Къ этому роду приписалось двѣ семьи Баягировъ изъ Якутской области). Объ этомъ родѣ упоминаетъ уже Орловъ въ 50-хъ годахъ, который опредѣлялъ ихъ число въ Амурской области въ 134 д. (68 м.). Въ 1882 г. мѣстная перепись обнаружила 26 сем. и 158 д. об. п. (81 м.) т. е. число близкое къ первому. По переписи 1897 г.

въ распредѣленной по родамъ части орочоновъ Амурской области Нинаганцевъ оказалось всего 17 д. (10 м.), часть которыхъ была зарегистрирована въ Игнашинскомъ и часть въ сѣверной полосѣ Албазинскаго станичнаго округа; съ 1 ж. этого рода въ Нерчинскомъ округѣ это составитъ 18 д. (10 м.). Поданнымъ же за 1901—02 гг. ихъ въ В. Амурскомъ горномъ округѣ вовсе не оказалось.

3. *Киндыгирскій* родъ кочуетъ по лѣвой сторонѣ верховьевъ Амура и по его притокамъ: Амазару, Уркѣ и Уруши, въ мѣстности Покровской станицы, гдѣ и платитъ ясакъ. Судя по этимъ даннымъ, Киндыгирцы живутъ болѣе въ западной части орочонской области, хотя конечно такое разграниченіе сферъ вліяній отдѣльныхъ родовъ далеко не строго проводится въ жизнь. Часть этого рода (въ 1879 г.—16 сем.) приписана къ Якутской области, остальныя семейства его числятся въ Амурской. Встрѣчаются представители этого рода и въ Забайкальской области (Нижне-Ангарское родовое упр. Баргузинскаго округа и т. д.), но тамъ они называются тунгусами. Нѣкоторая часть этихъ тунгусовъ подъ названіемъ *Кигирскаго* рода обитаетъ въ прилегающихъ мѣстностяхъ Китая, по правому берегу Амура, хотя, какъ и китайская часть Бэлётскаго рода, ясакъ уплачиваетъ въ ст. Албазинской. Орловъ за 50-е годы истекшаго столѣтія не упоминаетъ объ этомъ родѣ. Пасвикъ въ 1882 г. насчиталъ 269 душъ (132 м.) его представителей, составлявшихъ 40 семействъ. По даннымъ переписи 1897 г. они составляли въ Амурской обл. (Игнашинскій стан. окр.) въ числѣ тѣхъ орочоновъ, которые распредѣлены по родамъ, 31 д. (17 м.), а съ орочонами Нерчинскаго округа всего 47 д. (24 м.). Въ 1901—02 гг. они въ предѣлахъ В.-Амурскаго горно-полицейскаго округа открыты не были.

Изъ ревизской сказки видно, что изо всѣхъ округовъ Якутской области Киндыгирцы въ 1859 г. встрѣчались лишь въ Олекминскомъ, въ числѣ 261 д. (167 м.). Съ тѣхъ поръ они вѣроятно въ значительной степени выселились, потому что перепись 1897 г. застала тамъ всего 6 (3 м.) представителей этого рода.

Кромѣ этихъ трехъ родовъ, считавшихся изслѣдователями края 80 годовъ главными, орочонскими слѣдуетъ считать еще слѣдующіе роды тунгусовъ Амурской области:

4. *Баягирскій (Буягирскій)* р. Онъ тоже происходитъ изъ Якутской области и съ сѣвера Амурской, гдѣ Поярковъ въ

1644 г. засталъ его на нижнемъ Урѣ [1]). И по сейчасъ его представители имѣютъ широкое распространеніе, встрѣчаясь въ Якутской области (по Амгѣ, Алдану и т. д.) и въ Забайкальской, главнымъ образомъ, въ Читинскомъ округѣ (въ Маньковской управѣ—1788 д.), а Миддендорфъ въ 1844 г. встрѣчалъ ихъ и къ западу отъ нижняго Енисея, въ верховьяхъ Б. Хеты, и т. д. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ они, однако, именуются тунгусами, почему и будутъ разсмотрѣны ниже. О Баягирахъ, иначе Булгирахъ, ничего не упоминаетъ Орловъ, потому что въ то время (50-ые года) они вѣроятно еще проживали въ Якутской области, не достигнувъ района орочоновъ, который онъ описалъ. Дѣйствительно, это отчасти подтверждается и сопоставленіемъ цифровыхъ данныхъ за разные годы о численности представителей этого рода на ихъ родинѣ, въ Якутскомъ округѣ, гдѣ они принадлежатъ къ Кангаласской управѣ. Въ 1859 г. Буягировъ тамъ числилось 290 д. (163 м.), а въ 1897 г. ихъ тамъ оказалось всего 101 д. (54 м.). Значитъ ихъ выселеніе на югъ произошло главнымъ образомъ уже послѣ X ревизіи. Пасвикъ въ 1882 г. опредѣляетъ ихъ число въ Амурской области въ 18 сем. и 90 д. (44 м.), а перепись 1897 г. лишь въ 39 д. (22 м.) [2]). Наконецъ, по даннымъ мѣстной полиціи, въ послѣднемъ округѣ въ 1901—02 гг. проживало 61 д. (32 м.) представителей этого рода, которые, какъ и Бэльдэты, оказались наиболѣе многочисленными изъ мѣстныхъ родовъ орочоновъ (см. стр. 10).

5. *Никагирскій* родъ не упоминается у Орлова въ его описаніи орочоновъ Амурской области, но у Пасвика (1882 г.), ихъ число достигаетъ 18 сем. и 154 д. (80 м.). По даннымъ переписи въ части орочоновъ, распредѣленныхъ по родамъ, ихъ оказалось 63 д. (36 м.), причемъ они были зарегистрированы въ предѣлахъ Игнашинскаго станичнаго округа. Далѣе на востокъ они вѣроятно не заходятъ, почему они и не были застигнуты въ Албазинскомъ станичномъ округѣ и не фигурируютъ въ данныхъ за 1901—02 гг. по В.-Амурскому горнополицейскому округу. Происходитъ этотъ родъ тоже изъ Якут-

[1]) Фишеръ: „Сибирск. ист.“, 572.

[2]) Орочонами названы изъ нихъ всего 14 д. (7 м.), кочевавшихъ въ предѣлахъ Албазинскаго станичнаго округа, а остальные 25 д. (15 м.), записанные въ предѣлахъ В.-Амурскаго полицейскаго округа, были показаны тунгусами.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

n. 26424.

ской области, откуда часть его до X ревизіи выселилась въ Амурскую область. Въ 1897 г. численность его въ Якутскомъ округѣ не превышала 22 д. (11 м.) т. е. мало измѣнилась съ 1859 г.—(15 д., изъ коихъ 11 м.), что показываетъ, что уже со времени X ревизіи новыхъ выселеній оттуда болѣе не происходило.

6. *Сологонскій* или *Шологонскій* (*Шелогонскій*) родъ упоминается еще Орловымъ—72 д. (40 м.), при переписи-же Пасвика (1882 г.) его въ Амурской области не значилось, вѣроятно потому, что проживавшая въ Амурской области часть этого рода къ этому времени почти въ полномъ составѣ выселилась въ Китай, гдѣ его представители кочуютъ по правому берегу Амура. По даннымъ переписи 1897 г. въ Амурской области было зарегистрировано всего 20 д. (11 м.) этого рода въ В.-Амурскомъ горно-полицейскомъ округѣ, гдѣ, однако, по даннымъ 1901—02 гг., ихъ не оказалось. Они въ переписномъ матеріалѣ были показаны «тунгусами», принадлежащими къ Якутско-Тунгусской инородной управѣ Кангаласскаго улуса Якутскаго округа, гдѣ, какъ мы видѣли, встрѣчаются въ довольно большомъ числѣ представители почти всѣхъ орочонскихъ родовъ Амурской области, въ томъ числѣ и Шелогонскаго рода—370 д. (214 м.), противъ 161 д. (95 м.) въ 1859 г. Это сильное увеличеніе ихъ численности въ Якутскомъ округѣ отчасти объясняется приливомъ этого рода изъ Вилюйскаго округа, гдѣ однако число его представителей за этотъ періодъ времени тоже возросло (съ 382 д. до 444 д.), отчасти можетъ быть вслѣдствіе присоединенія къ нему тунгусовъ другихъ родовъ.

Слѣдующіе малоизвѣстные роды мы отнесли къ орочонамъ лишь на основаніи данныхъ переписи, такъ какъ въ литературныхъ источникахъ о нихъ не упоминается, какъ не значатся они и въ переписи 1882 г., произведенной въ Амурской области Пасвикомъ. Эти роды суть:

7. *Агдарильскій* (*Агдаримскій*) [1])—66 д. (35 м.).

8. *Балатарскій* (?) [1])—7 д. (6 м.).

9. *Илагирскій*—37 д. (19 м.). По всему вѣроятію имя его происходитъ отъ названія праваго притока Гилюя—Илги-

[1]) Въ переписномъ матеріалѣ названія этихъ родовъ написаны не разборчиво, почему ихъ настоящая транскрипція намъ неизвѣстна.

гира. Возможно, однако, что это названіе должно означать не родъ, а лишь группу тунгусовъ съ названной рѣки. По своему созвучію оно также напоминаетъ родъ оленныхъ тунгусовъ *Уллагири*, которыхъ Поярковъ въ 1644 г. встрѣтилъ на р. Бряндѣ (л. прит. Зеи) [1]). Въ литературѣ же, посвященной описанію края, а также въ переписи Пасвика, эти роды не фигурируютъ, какъ ихъ не оказалось въ Верхне-Амурскомъ горно-полицейскомъ округѣ и по даннымъ за 1901—02 гг. Всѣ три рода были въ 1897 г. зарегистрированы въ Игнашинскомъ станичномъ округѣ, въ самой западной части Амурской области, входящей въ предѣлы орочонской страны.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что Миддендорфъ сообщаетъ еще объ одномъ мѣстномъ родѣ—*Мурнаткуръ*, состоявшемъ всего изъ 4 ясачныхъ душъ, который однако нигдѣ болѣе не упоминается.

Относительно тунгусскихъ родовъ: Далмайскаго и Суягорскаго, отмѣченныхъ переписью въ предѣлахъ Верхне-Амурскаго полицейскаго округа (первый въ этомъ же округѣ по свѣдѣніямъ за 1901—02 гг.), у насъ не имѣлось никакихъ основаній, кромѣ мѣстонахожденія ихъ въ западной части области, которыя оправдывали бы отнесеніе ихъ къ орочонамъ, въ виду чего мы ихъ и оставили тунгусами.

У остальной части орочоновъ этой области 365 д. (193 м.)—роды не показаны.

Забайкальская область. Читинскій округъ. Здѣсь встрѣчается лишь четыре рода орочоновъ:

1. *Бультегерскій* родъ: 21 хоз., 169 д. (82 м.) бродячихъ и 15 д. (8 м.) проживающихъ въ селеніяхъ Оловской управы, всего 184 д. (90 м.).

2. *Катчитскій* р.: 16 хоз., 114 д. (54 м.).

3. *Лакшикашрскій* р.: 16 хоз. и 118 д. (49 м.) бродячихъ и 23 д. (16 м.) живущихъ въ с. Зюльзикапскомъ и др., всего 141 д. (65 м.); и

4. *Тулулшрскій* р.: 48 хоз., 446 д. (239 м.) бродячихъ и 16 д. (8 м.) живущихъ въ селеніяхъ, итого 462 д. (247 м.). (У одного орочона родъ не показанъ).

Всѣ названные четыре рода образуютъ самостоятельныя

[1]) Фишеръ, l. c., 572. Здѣсь имѣется въ виду вторая Бряндa, которая впадаетъ въ Зею ниже первой.

родовыя управленія, хотя большинство ихъ и кочуетъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ (см. стр. 10).

Нерчинскій округъ—тѣ же роды, что и въ Амурской области: *Булутскій* (*Бэлётскій*)—13 д. (7 м.), *Киндыгирскій*—16 д. (7 м.) и *Нинаганскій*—1 ж.; у 20 д. (13 м.) роды не показаны.

3. Сословіе. Орочоны—бродячіе инородцы.

4. Религія. Всѣ Амурскіе орочоны и большинство Забайкальскихъ—христіане; среди послѣднихъ встрѣчаются и язычники.

5. Языкъ.

Большинство орочоновъ (92,9%) говоритъ на *родномъ* языкѣ. Въ переписномъ матеріалѣ орочонскій языкъ показанъ у орочоновъ родовъ: Киндыгирскаго, Нинаганскаго, Балатарскаго и части Баягирскаго. Почти у всѣхъ другихъ, у которыхъ на обложкѣ переписныхъ листовъ имѣется помѣтка, что они орочоны (безъ обозначенія ихъ родовъ), или которыхъ на основаніи названій ихъ родовъ и мѣстности пришлось считать орочонами, въ графѣ, гдѣ отмѣчается родной языкъ, показано: «тунгусскій» или «инородческій», что однако, означаетъ одно и то же, т. е., родной языкъ орочоновъ, ничѣмъ не отличающійся отъ тунгусскаго.

Небольшая часть орочоновъ знаетъ лишь *русскій* языкъ. Ихъ всего 99 душъ (54 м.) или 6,1% всѣхъ орочоновъ, изъ коихъ на долю Амурской области приходится 45 д. (23 м.) и 54 д. (31 м.) на долю Забайкальской. Тѣ и другіе живутъ осѣдло. Первые проживаютъ въ В.-Амурскомъ горно-полицейскомъ округѣ. Изъ нихъ 34 д. (19 м.) образуютъ Овсянскій поселокъ, жители котораго принадлежатъ къ Тунгусской управѣ Якутскаго округа и носятъ чисто русскія фамиліи (Истоминъ, Федоровъ, Литвинцевъ), такъ что національность ихъ могла быть опредѣлена лишь по отмѣткамъ въ переписныхъ листахъ передъ именами домохозяевъ: «обрусѣлый орочонъ» или «инородецъ изъ орочонъ». Живутъ же они, какъ и другіе орочоны, въ юртахъ изъ жердянаго остова, крытаго шкурами.

Орочоны Забайкальской области, говорящіе лишь по русски, проживаютъ осѣдло въ с. Зюльзиканскомъ—42 д. (24 м.) и отчасти въ другихъ селеніяхъ обрусѣлыхъ тунгусовъ, въ д.

Цагакшипой и т. д., расположенныхъ вблизи орочонскихъ кочевій. Больше всего обрусѣлыхъ орочоновъ приходится на долю Лакшикагирскаго рода, затѣмъ на долю Тулуягирскаго рода; среди Катчитскаго рода пѣть лицъ, говорящихъ лишь по-русски. 17 д. (10 м.) Амурскихъ орочоновъ (1%) показали роднымъ языкомъ *якутскій*.

6. Занятія.

Главными занятіями орочоновъ служатъ *звѣроловство* и *рыболовство* [1]), побочными — *оленеводство*, а въ Амурской области отчасти и перевозка груза на пріиски.

Охотятся они на бѣлку, которая имъ даетъ хорошій доходъ, и на другого пушного звѣря (соболя), а также на крупную дичь: лосей, оленей, кабаргу. Главное время охоты осень, но нѣкоторые добываютъ косулей и кабаргу до рѣкостава, во время течки, примапивая ихъ при помощи берестянаго пищика (печавунъ). Одновременно они устраиваютъ для нихъ и засѣки.

Въ лѣтнее время орочоны занимаются рыбной ловлей: таймепей, бѣлугъ и осетровъ бьютъ острогой съ лодки. Другимъ излюбленнымъ способомъ ловли этой рыбы оказывается самоловъ (умыка). Рыбу, снабженную чешуей, ловятъ при помощи сѣтей, покупаемыхъ у казаковъ. Лодки орочоновъ (омурочи) состоятъ изъ деревяннаго остова, обтянутаго берестяными полосами, сшитыми вмѣстѣ и засмоленными по швамъ. Гребутъ однимъ весломъ. Нѣкоторые имѣютъ и покупныя однодеревки.

Оленей держатъ они въ небольшомъ количествѣ, но въ пищу ихъ употребляютъ лишь въ крайности или въ большіе праздники, такъ какъ здѣшніе олени, отличающіеся своимъ ростомъ и силой, съ удобствомъ примѣняются для перевозки груза, преимущественно въ непроходимыхъ мѣстностямъ тайги. По мѣстной переписи 1882 г. у орочоновъ Амурской обл. на 176 семействъ приходилось 1540 оленей или 8,7 гол. на семью.

Отдѣльныя лица изъ орочоновъ участвуютъ въ пріисковыхъ партіяхъ золотопромышленныхъ компаній.

---

[1]) Въ переписномъ матеріалѣ по Амурской области занятіемъ орочоновъ и части тунгусовъ самого западнаго ея угла показанъ „кочевой промыселъ (?)“.

7. Типъ, образъ жизни.

Какъ и другіе оленные тунгусы, орочоны отличаются отъ прочихъ тунгусскихъ племенъ Амурской области въ особенности своимъ сухопарымъ тѣлосложеніемъ. Лица у нихъ плоскія, съ выдающимися скулами, клинообразный подбородокъ выступаетъ впередъ. Брови у нихъ рѣдкія, глаза не велики и прорѣзаны косо, цвѣтъ ихъ темнокарій, почти черный. Лобъ широкій, низкій, носъ плоскій и короткій, губы толстыя съ нѣсколько опущенными углами. Растительность на лицѣ слабо развита, бороды часто не бываетъ, за то на головѣ черные, жесткіе, густые волосы, которые они то стригутъ въ скобку, то оставляютъ падать на плечи. Женщины носятъ косы: дѣвушки одну, замужнія двѣ.

Орочоны имѣютъ довольно большую голову при тонкихъ конечностяхъ, причемъ относительно послѣднихъ бросается въ глаза несоразмѣрная длина рукъ сравнительно съ короткими, нѣсколько кривыми ногами. Роста они средняго и тѣлосложенія крѣпкаго.

Жилище орочоновъ такой же чумъ, какъ и у другихъ бродячихъ тунгусовъ. Одежда почти одинаковая у мущинъ и у женщинъ. Верхняя одежда состоитъ изъ своего рода кафтана, спускающагося до колѣнъ (у женщинъ ниже), изъ штановъ, доходящихъ до ляжекъ и сапожковъ или штиблетовъ, которые прикрѣпляются къ штанамъ при помощи ремешковъ. Лѣтняя одежда отличается отъ зимней, главнымъ образомъ, своимъ матеріаломъ: первая состоитъ изъ замши, а вторая изъ шкуръ сѣв. оленя или косули [1]).

---

[1]) Г. Грумъ Гржимайло: „Амурская область“.

ГЛАВА II.

ТУНГУСЫ (И ЛАМУТЫ).

Просматривая названія родовъ тунгусовъ сѣверо-востока Сибири, не трудно убѣдиться, что всѣ они составляютъ одну и ту же вѣтвь тунгусскаго племени, невзирая на то, названы-ли они *тунгусами* или *ламутами*. Послѣднее названіе, происходящее отъ тунгусскаго слова ламу — «море», обыкновенно примѣняется самими тунгусами для тѣхъ изъ своихъ сородичей, которые живутъ около моря, такъ какъ «ламуты», подобно орочскому имени ламука или ламуканы, означаетъ не болѣе какъ «прибрежные или приморскіе жители». Подъ словомъ «море» тунгусы подразумѣваютъ не только моря: Охотское и Берингово и Великій океанъ но и Ледовитый океанъ, въ виду чего ламутамп могутъ называться тунгусы самыхъ разнообразныхъ мѣстностей. Но, такъ какъ бродячіе тунгусы не имѣютъ прочной осѣдлости, а напротивъ постоянно мѣняютъ свои мѣста, то нерѣдко случается, что прежніе «ламуты» попадаютъ внутрь страны, а «тунгусы» на берегъ моря, хотя иногда тѣ и другіе долгое время сохраняютъ свои прежнія названія. Отсюда проистекаетъ полнѣйшій произволъ въ номенклатурѣ тунгусовъ: рядомъ съ ламутами, живущими по берегу моря, встрѣчаются и тунгусы; то же наблюдается и вдали отъ береговъ, причемъ для наименованія тѣхъ и другихъ тунгусами или ламутами въ сущности имѣются одинаковыя основанія. Нѣкоторые изслѣдователи придерживаются для извѣстной мѣстности лишь одного термина, другіе другого или двухъ и то же дѣлаетъ и мѣстное населеніе, напр. Крашенинниковъ въ XVIII ст. называетъ всѣхъ тунгусовъ Охотской округи, живущихъ дѣйствительно недалеко отъ моря, «ламутами» (рѣдко тунгусами), а въ переписи 1897 г. они всѣ поименованы

«тунгусами». Такимъ же образомъ, въ Анадырской округѣ всѣ мѣстные тунгусы извѣстны подъ именемъ «ламутовъ», а въ смежной Охотской представители тѣхъ же родовъ (Дельянскіе и Долганскій) считаются тунгусами. Долганскій родъ встрѣчается и у тунгусовъ Гижигинской округи и у тунгусовъ и ламутовъ Петропавловской, а также у малоизслѣдованнаго племени Туруханскаго края (*долгане*), повидимому представляющаго изъ себя объякутившихся тунгусовъ Долганскаго рода.

Болѣе обосновано дѣленіе этого племени на тунгусовъ и ламутовъ въ Якутской области, гдѣ коренные роды Колымскаго и Верхоянскаго округовъ, живущіе недалеко отъ моря, именуются «ламутами», а обитатели болѣе южныхъ мѣстностей, хотя бы они и перекочевали на сѣверъ,—«тунгусами». Здѣсь эти наименованія болѣе или менѣе пріурочены къ извѣстнымъ родамъ. Но все же на основаніи всего вышеизложеннаго лучше вовсе отказаться отъ термина «ламуты» для обозначенія отдѣльной части племени тунгусовъ, такъ какъ онъ вводитъ лишь путаницу въ безъ того неясную номенклатуру тунгусскихъ племенъ, и ограничиться примѣненіемъ его лишь въ качествѣ синонима для тунгусовъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстностей, гдѣ мѣстное населеніе привыкло къ этому наименованію.

1. Географическое распространеніе и численность.

Тунгусы обитаютъ на необъятномъ пространствѣ Восточной Сибири, отъ береговъ Енисея до Тихаго океана и отъ Ледовитаго моря до Китайской границы и даже далѣе на югъ. Огромная часть этой площади принадлежитъ бродячимъ тунгусамъ, кочевья и охотничьи угодья которыхъ занимаютъ наиболѣе глухія мѣстности страны, расположенныя между болѣе плодородными и культурными полосами земли, занятыми русскими, якутами и бурятами. Въ виду этого, мѣстами владѣнія тунгусовъ окружаютъ территоріи другихъ народностей, мѣстами эти послѣднія расположены среди тунгусской области, почему дать общее краткое описаніе контуровъ этой послѣдней весьма затруднительно. Намъ придется ограничиться разсмотрѣніемъ разселенія тунгусовъ по отдѣльнымъ губерні-

ямъ и областямъ Сибири, изъ коихъ слѣдующіе округа большей или по крайней мѣрѣ значительной своею частью входятъ въ составъ области тунгусовъ: Приморская область — округи Удская, Охотская и Гижигинская, вся Амурская область безъ полосы земли по Амуру, вся Якутская область за выключеніемъ территоріи якутовъ, Читинскій и Баргузинскій округа Забайкальской области, вся площадь Киренскаго и Верхоленскаго округовъ Иркутской губерніи внѣ культурныхъ полосъ по берегамъ болѣе крупныхъ рѣкъ и сѣверо-восточная часть Енисейской губерніи прибл. къ востоку отъ Енисея и къ сѣверу отъ Ангары. Въ нѣкоторыхъ смежныхъ округахъ встрѣчаются еще колоніи или островки тунгусовъ, въ остальныхъ ихъ почти вовсе нѣтъ.

§ 1. Приморская область.

Въ этой области тунгусы проживаютъ главнымъ образомъ по западному и южному берегу Охотскаго моря, именно въ западной части Гижигинской округи, въ Охотской и въ сѣверной части Удской; въ Петропавловской и Анадырской округахъ, а также въ Хабаровскомъ округѣ они встрѣчаются островками среди преобладающаго населенія другихъ національностей. Начнемъ описаніе области тунгусовъ Приморской области съ сѣвера.

Анадырская округа. Мѣстные тунгусы распадаются на *осѣдлыхъ* и бродячихъ. Первые проживаютъ отдѣльными семьями почти во всѣхъ селеніяхъ по Анадыри и его притокамъ: въ с. Марковомъ, пос. Еропольскомъ, пос. Оселкинѣ, у Вакариной протоки и т. д. Всего осѣдлыхъ ламутовъ было зарегистрировано 44 д. (25 м.), которые составляютъ 8,5% всего осѣдлаго населенія по Анадыри. Какъ и живущіе съ ними въ однихъ селеніяхъ юкагиры и чуванцы здѣшніе осѣдлые ламуты почти окончательно обрусѣли.

О *бродячихъ* ламутахъ [1]), кочующихъ съ своими стадами оленей по средней части округи, въ переписномъ матеріалѣ имѣются лишь общія свѣдѣнія, заимствованныя вѣроятно изъ сообщеній ихъ старшинъ и другихъ причастныхъ къ ихъ управленію лицъ. Дѣйствительно, часть бродячаго населенія

[1]) По приписке къ образцу ихъ рѣчи эти ламуты называютъ себя *Эужэлъ*.

округи могла быть переписана не безъ труда, почему и статистическія данныя о нихъ лишь приблизительно вѣрны. Число бродячихъ ламутовъ опредѣляется по этимъ даннымъ въ 583 души об. п. (290 м.), составлявшихъ 50 хозяйствъ по 5,2 души.

Не указаны въ переписномъ матеріалѣ и мѣстности, гдѣ кочуютъ эти и другіе инородцы округи, но по Олсуфьеву ихъ кочевья раскинуты въ горной мѣстности верховьевъ р. Анадыри и отчасти ея лѣваго притока— р. Бѣлой. Отдѣльныя ихъ семьи не держатся опредѣленныхъ районовъ, а постоянно мѣняютъ мѣста въ зависимости отъ требованій промысловъ (оленеводство и охота). Часто они кочуютъ совмѣстно съ чукчами [1]).

Большая часть здѣшнихъ бродячихъ ламутовъ считаются живущими здѣсь временно, будучи приписаны для платежа ясака къ другимъ смежнымъ округамъ, хотя фактически они могутъ считаться и мѣстными жителями, такъ какъ проживаютъ здѣсь давно. Таковы роды: Дельянскій (Деллянскій) I родъ (253 д.), приписанный къ Колымскому округу Якутской области, Дельянскій II (105 д.) и Долганскій (189 д.)—къ Гижигѣ (Гижиг. окр. Приморской области), что однако не мѣшаетъ первымъ двумъ принадлежать къ Колымскому приходу, а послѣднему къ Марковскому (Анад. окр.) [1]). Вообще, постоянное населеніе, опредѣляемое припиской для платежа ясака, у бродячихъ инородцевъ, и въ особенности у тунгусовъ, представляетъ огромныя разницы съ наличнымъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда число того и другого въ извѣстной мѣстности почти одинаково, можно быть увѣреннымъ, что составъ его окажется инымъ, т. е. что на мѣсто ушедшихъ въ другія мѣста сюда прибыло соотвѣтствующее число этихъ инородцевъ изъ другихъ краевъ.

Всего ламутовъ въ Анадырской округѣ по даннымъ переписи 1897 г. оказалось 627 д. об. п. (315 м.).

Гижигинская округа. Главная масса тунгусовъ зарегистрирована въ западной части даннаго округа, въ стойбищахъ, расположенныхъ по берегамъ рѣчекъ, впадающихъ въ Гижигинскую губу съ сѣвера и запада—рр. Наяхона, Вархалама, Гижиги съ ея притоками: Аха-ваемъ, Черной и др., Палматки. Второе по важности мѣсто занимаютъ тунгусы бассейна Пень-

[1]) Олсуфьевъ: „Общій очеркъ Анадырской округи", 141.

жинской губы—верховья р. Парень—и послѣднее—тунгусы съ р. Омолонъ (Колымск. окр.), переписанные въ Гижигинской округѣ. Частью тунгусы образуютъ здѣсь самостоятельныя стойбища и сборища, частью кочуютъ совмѣстно съ бродячими коряками. Границы области тунгусовъ этой округи показаны ниже.

Наиболѣе значительными стойбищами тунгусовъ зимою 1897 г. были: у Наяхопскаго селенія, на р. Наяхонъ, гдѣ во время переписи оказались собравшимися 708 д. (346 м.) тунгусовъ, образовавшихъ 73 хозяйствъ, и стойбище въ верховьяхъ р. Вархаламъ въ 74 хоз. и 612 д. об. п. (306 м.) тунгусовъ (и 60 д. коряковъ). Въ этихъ двухъ сборищахъ такимъ образомъ было сгруппировано около $^2/_3$ всѣхъ Гижигинскихъ тунгусовъ. По рч. Пальматкѣ въ сборищѣ и кочевьяхъ было переписано 23 хоз. и 175 д. (86 м.) тунгусовъ (и 6 д. прочихъ), по р. Гижигѣ въ сборищѣ 161 д. (82 м.) тунгусовъ (и 36 д. коряковъ) и по ея притокамъ: Аха—41 д. (20 м.) тунгусовъ (и 24 коряковъ) и по р. Черной 5 д. (2 м.) тунгусовъ. Всего въ бассейнѣ Гижигинской губы было занесено въ списки 1702 д. (842 м.) тунгусовъ. По р. Парень, въ ея верховьяхъ, было обнаружено стойбище тунгусовъ въ 8 хоз. и 66 душъ (35 м.). По среднему и нижнему ея теченію находятся уже кочевья коряковъ.

Съ р. Омолона, притока Колымы, въ Гижигинской округѣ было переписано 4 хозяйства въ 28 д. (12 м.). Кромѣ того, въ другихъ мѣстахъ было обнаружено среди бродячихъ коряковъ и чукчей небольшое число тунгусовъ, всего 15 д. (13 м.), изъ коихъ 10 д. (2 м.) были переписаны въ коряцко-чукотскомъ сборищѣ въ Полпольскомъ долѣ.

Если не принимать въ разсчетъ этихъ послѣднихъ, составляющихъ лишь примѣсь къ другимъ племенамъ, то по указаннымъ выше рѣчкамъ въ районѣ тунгусскихъ кочевій и стойбищъ они зимой 1897 г. составляли 94% наличнаго (бродячаго) населенія.

Общее число тунгусовъ данной округи простирается до 1812 д. об. п. (считая въ томъ числѣ и 1 ламутку). Изъ нихъ было 892 мущинъ и 920 женщинъ, что соотвѣтствуетъ отношенію половъ: на 100 м.—103 ж. Осѣдло живетъ лишь 1 м. въ мѣст. Гижигѣ, всѣ остальные ведутъ бродячую жизнь. На 1 хозяйство у нихъ приходится 8,0 душъ.

Охотская округа. Тунгусы Охотской округи распадаются на осѣдлыхъ и бродячихъ, причемъ въ данномъ случаѣ юридическое положеніе ихъ почти совпадаетъ съ ихъ образомъ жизни: первые живутъ осѣдло, вторые, не имѣя постояннаго мѣсто жительства, проживаютъ въ извѣстномъ мѣстѣ лишь временно. Нѣкоторое исключеніе составляютъ тунгусы Индигирскаго острога 27 д. (16 м.), которые, считаясь оффиціально бродячими инородцами, ведутъ болѣе или менѣе осѣдлую жизнь.

Осѣдлые тунгусы образуютъ двѣ деревни: Ольскую въ 139 д., изъ коихъ 87 д. (42 м.) тунгусовъ, и Арманскую въ 93 д. (53 м.), гдѣ они составляютъ все населеніе. Обѣ принадлежатъ къ Ямскому сельскому обществу и расположены у устьевъ рѣкъ того же наименованія (р. Ола и р. Армань), впадающихъ въ Тауйскую губу Охотскаго моря. Кромѣ того 7 д. (3 м.) тунгусовъ проживаетъ среди якутовъ Мѣтинскаго наслега, главнымъ образомъ въ выс. Кухтеряки, лежащемъ въ нижнемъ теченіи р. Кухтуй, около города Охотска. Въ послѣднемъ осѣдлыхъ тунгусовъ нѣтъ, но въ запискахъ, въ его окрестностяхъ, зарегистрировано ихъ 9 д. (5 м.). Общее число осѣдлыхъ тунгусовъ простирается до 196 д. об. п., изъ коихъ 103 м. (по 100 м.—90 ж.).

Въ прежнее время тунгусы проживали и въ другихъ селеніяхъ, напр. въ Инскомъ, 2 вер. отъ устья р. Ини. Здѣсь ихъ застали русскіе еще при первомъ ихъ появленіи въ краѣ. Нынѣ село Инское населено крестьянами, смѣшавшимися съ обрусѣвшими тунгусами и якутами. Въ переписи жители этого селенія показаны крестьянами, говорящими по русски (т. е. русскими). Нынѣшніе осѣдлые тунгусы округи являются такимъ образомъ потомками такъ называемыхъ «сидячихъ» или «пѣшихъ» тунгусовъ и ламутовъ, уже издавна не имѣвшихъ оленей и занимавшихся рыбной ловлей и охотой. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились и обѣднѣвшіе бродячіе тунгусы разныхъ родовъ, потерявшіе оленей.

Число этихъ сидячихъ ламутовъ, которыхъ русскіе встрѣтили на берегахъ Охотскаго (Ламскаго) моря при своемъ первомъ появленіи въ этихъ мѣстахъ, въ 60-хъ годахъ XVII ст., было весьма значительно. Такъ, изъ донесеній казаковъ видно, что у устья р. Охоты ихъ встрѣтила орда пѣшихъ ламутовъ въ 1000 чел. (мужчинъ?), у р. Ини 300 чел. и въ уроч. Мотыклей имъ пришлось сразиться съ толпой хорошо вооружен-

ныхъ пѣшихъ тунгусовъ въ 500 чел., которыхъ поддерживали многочисленные «конные» (вѣр. оленные) сородичи [1]). Изъ этихъ отрывочныхъ данныхъ видно, что численность «сидячихъ» тунгусовъ простиралось въ тѣ времена до нѣсколькихъ тысячъ душъ. У послѣдующихъ писателей число ихъ оказывается совсѣмъ ничтожнымъ, что слѣдуетъ приписать ихъ весьма быстрому вымиранію послѣ завоеванія края, а не переходу ихъ въ число оленныхъ, какъ это видно изъ сопоставленія названій ихъ родовъ. Напротивъ, переходъ изъ оленныхъ въ пѣшіе явленіе у здѣшнихъ тунгусовъ довольно распространенное.

Крашенинниковъ въ срединѣ XVIII ст. приводитъ имена 5 родовъ пѣшихъ ламутовъ окрестностей Охотска (см. гл. о родахъ). Ихъ въ это время было всего 32 платежныхъ души, приписаны они были къ Охотску и платили по соболю и лисицѣ съ человѣка, хотя питались главнымъ образомъ рыбой, которую добывали въ рр. Охотѣ, Кухтуѣ и др. и въ морѣ.

За исключеніемъ осѣдлыхъ 196 д., вся остальная часть тунгусовъ даннаго округа нынѣ ведетъ *бродячую* жизнь, кочуя со своими стадами оленей по всей Охотской округѣ, главнымъ же образомъ въ отрогахъ Станового хребта, а временно также между нимъ и Охотскимъ моремъ. Эта послѣдняя полоса по большей части совершенно пустынна и посѣщается тунгусами лишь въ лѣтнее время ради рыбнаго лова. Это отсутствіе постоянныхъ жителей объясняется сильно-гористымъ характеромъ мѣстности, гдѣ не имѣется пастьбищъ, ни для скота, ни для оленя, и гдѣ мало промысловыхъ животныхъ. Такимъ характеромъ отличается напр. вся огромная полоса земли въ 700 вер. длиной между горами и моремъ, тянущаяся отъ порта Аяна на югѣ до Охотска (и даже дальше) на сѣверѣ [2]).

Изъ отдѣльныхъ мѣстностей, гдѣ тунгусы чаще останавливаются, г. Слюнинъ упоминаетъ берега рр. Колы, Ланковой, Сиглана и др. въ районѣ дер. Ольской.

Кромѣ того Охотскіе тунгусы бродятъ также въ смежныхъ частяхъ другихъ округовъ Приморской и Якутской областей. Указаній на мѣста кочевій и стоянокъ въ переписномъ матеріалѣ не имѣется. Охотскіе тунгусы группируются въ шесть

[1]) Н. Слюнинъ: „Охотско-Камчатскій край". I, 11—13.
[2]) Тамъ же, стр. 421, 437, 443.

стойбищъ [1]), посящихъ по большей части названія селеній, рѣчекъ и урочищъ тѣхъ районовъ, гдѣ кочуютъ принадлежащіе къ этимъ стойбищамъ тунгусы. Къ каждому изъ нихъ приписаны извѣстные роды, но въ предѣлахъ Тауйскаго стойбища во время переписи временно находились и тунгусы, принадлежащіе къ другимъ стойбищамъ (Хабаровскому — Делляпскій родъ и Амамыче-Зыбинскому — III Долганскій и Отдѣльный отъ Делляпскаго), въ виду чего данныя переписи даютъ фотографическій снимокъ распредѣленія въ январѣ 1897 г. отдѣльныхъ тунгусскихъ родовъ по территоріи Охотской округи. Все касающееся родовъ и ихъ численности см. ниже.

Въ виду отсутствія другихъ свѣдѣній о топографіи тунгусскихъ стойбищъ Охотской округи, мѣстность нѣкоторыхъ изъ нихъ можно опредѣлить по ихъ географическимъ наименованіямъ; Тауйское должно быть находится въ районѣ р. Тауй, Ульгинское — въ мѣстности рр. Ульбіи или Ульи, впадающихъ въ Охотское море; Уяганское вѣроятно происходитъ не отъ имени р. Уега, прав. притока р. Охоты, но отъ наименованія одного изъ родовъ (Уяганскаго), который получилъ свое названіе отъ р. Уягана (прит. Омолона); Хабаровское можетъ быть ок. рр. Ланковой и Сиглана [2]); Головнинское и Амамыче-Зыбинское расположены неизвѣстно гдѣ; но, какъ бы то ни было, кочевья бродячихъ тунгусовъ охватываютъ всю площадь Охотской округи за исключеніемъ немногихъ пунктовъ по побережью моря, гдѣ живутъ русскіе и коряки, но, какъ мы видѣли, также и осѣдлые тунгусы.

Въ нижеслѣдующей IV таблицѣ приведена численность тунгусовъ каждаго изъ шести стойбищъ, причемъ въ первой графѣ показано число лицъ, приписанныхъ къ каждому изъ нихъ, во второй — наличное населеніе по переписи зимой 1897 г.

---

[1]) Для облегченія сбора ясака и равномѣрнаго его распредѣленія между отдѣльными лицами въ XVIII ст. было санкціонировано Екатериной II правило, согласно которому ясакомъ стали облагаться не единичныя лица, какъ отчасти практиковалось раньше, а цѣлое племя, улусъ или родъ, старшій (или тойонъ) котораго отвѣчалъ за правильность и своевременность взноса. Эта мѣра послужила къ учрежденію стойбищъ или сбора (сборищъ) бродячихъ родовичей въ извѣстныхъ, установленныхъ заранѣе мѣстахъ, для уплаты ясака, а также для обсужденія и рѣшенія насущныхъ общественныхъ вопросовъ. Ясакъ уплачивали всѣ здоровые мужчины въ возрастѣ отъ 18—50 л. (Слюнинъ, ibid. I, 483).

[2]) ibid, 365

ТАБЛИЦА IV.

Названія стойбищъ:	Приписное населеніе.			Наличное населеніе		
	м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.
1. Головинское стойбище. .	266	258	524	266	258	524
2. Тауйское „ .	85	93	178	147	159	306
3. Хабаровское „ .	387	434	821	372	419	791
4. Ульгинское „ .	195	152	347	195	152	347
5. Улганское „ .	436	399	835	436	399	835 [1]
6. Амамыче-Зыбинское ст. .	402	414	816	357	366	723
7. Тунгусы изъ Верхоянск. окр.	2	3	5	—	—	—
Итого	**1.773**	**1.773**	**3.526**	**1.773**	**1.753**	**3.526**

Итакъ, въ шести стойбищахъ числится 3526 д. об. п. тунгусовъ (1773 м.). Кромѣ того, 27 д. (16 м.) бродячихъ представителей этого племени составляетъ все населеніе Индигирскаго острога (Ямскаго сел. общ.). Итого бродячее тунгусское населеніе округа простирается по переписи до 3553 д. об. п., изъ коихъ 1789 мужчинъ, что соотвѣтствуетъ отношенію половъ на 100 мущинъ—98 женщинъ. Бродячіе тунгусы сгруппированы въ 654 хозяйства, на каждое изъ которыхъ приходится среднимъ числомъ 6,4 душъ об. п.

Общее число тунгусовъ данной округи простирается до 3749 д. об. п., изъ коихъ 1892 м. и 1857 ж. (на 100 м.—98 ж.). Въ виду небольшого абсолютнаго числа населенія Охотской округи тунгусы составляютъ преобладающую его часть—78,6%, всѣ же остальныя національности, взятыя вмѣстѣ (русскіе, коряки, якуты), составляютъ не болѣе 1/5 общаго населенія.

Въ Петропавловской округѣ тунгусское населеніе, по даннымъ переписи, распадается на тунгусовъ и ламутовъ. Но, какъ

[1] Кр. того въ этомъ стойбищѣ было зарегистрировано 10 хоз.: 18 д. (15 м.) якутовъ Баягантайскаго улуса Якутской области.

показано выше, нѣтъ никакого основанія предполагать въ этой двойственности особыя племена тунгусовъ. Дѣйствительно, просматривая роды тѣхъ и другихъ, можно убѣдиться, что они одни и тѣ-жс—Долганскій I и Уяганскій II (у тунгусовъ также Уяганскій I) и что разница въ наименованіи, объясняемая вѣроятно мѣстомъ, откуда они выселились, ничѣмъ болѣе не оправдывается. Изслѣдователи края поступаютъ обыкновенно болѣе послѣдовательно, называя всѣхъ тунгусовъ Петропавловской округи или тунгусами или чаще ламутами. Тѣ и другіе въ данномъ округѣ сравнительно позднѣйшіе пришельцы и прежніе бытописатели края (Крашенинниковъ, Стеллеръ и др.) ихъ еще не застали тамъ. Дитмаръ, изслѣдовавшій Камчатку въ 50 годахъ, сообщаетъ, что они здѣсь появились много позже русскихъ, именно лишь со средины 30 годовъ прошлаго столѣтія. Бродячіе коряки Гижигинской и сѣверной части Петропавловской округи, которые въ XVIII ст. такъ враждебно относились къ передвиженіямъ черезъ ихъ землю русскихъ военныхъ отрядовъ и долгое время служили не малой помѣхой для сообщенія Москвы съ Камчаткой, сравнительно дружелюбно отнеслись къ тунгусамъ и безпрепятственно пропускали ихъ черезъ свои кочевья далѣе къ югу, въ сердце Камчатки. По даннымъ переписи, тунгусы и ламуты Петропавловской округи происходятъ почти исключительно изъ Гижигинской округи, что подтверждается и сопоставленіемъ названій родовъ обѣихъ округъ. Немногіе тунгусы перебрались сюда можетъ быть и изъ Охотской округи, на что тоже есть указанія.

Въ предѣлахъ Петропавловской округи кочевья тунгусовъ и ламутовъ расположены по берегамъ рѣчекъ сѣверо-западной части Камчатскаго полуострова, падающихъ въ Охотское море. Другими словами, они занимаютъ высокія долины западнаго склона центральнаго Камчатскаго хребта. Наиболѣе южный пунктъ, до котораго тунгусы доходятъ во время своихъ перекочевокъ, есть с. Большерѣцкое; это однако случается не часто и обыкновенно они ограничиваются болѣе сѣверной полосой. Оффиціальнымъ порядкомъ имъ разрѣшено доходить до р. Тигиля, но путемъ сдѣлокъ съ мѣстными сельскими обществами (камчадалами) они съ 1890 г. пріобрѣли право спускаться далѣе на югъ, хотя это и вызываетъ частыя жалобы со стороны мѣстнаго

населенія, мотивированныя распугиваніемъ звѣря [1]). Но и въ своей области они кочуютъ по большей части лишь по средней и верхней части горныхъ рѣчекъ, такъ какъ болѣе низовыя ихъ части запяты сидячими коряками и камчадалами. Приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ кочуютъ и бродячіе коряки, которые однако въ противоположность тунгусамъ не любятъ гористыхъ мѣстностей и предпочитаютъ долины и равнины. Ресшъ сообщаетъ объ этихъ ламутахъ, что они какъ и оленные коряки въ лѣтнее время держатся безлѣснаго горнаго хребта въ сѣверной части полуострова, гдѣ спасаются отъ комара и овода, лѣтомъ же спускаются южнѣе Тигиля и выходятъ къ морю [2]). Переходить къ востоку отъ Камчатскаго хребта, въ долины рѣкъ, текущихъ въ Берингово море, а также въ долину р. Камчатки, тунгусамъ не разрѣшено русскими властями.

Тунгусы и ламуты кочуютъ въ данной округѣ частью одни, частью по близости коряковъ, по зимой во время переписи, эти племена образовали самостоятельныя стоянки, почти все населеніе которыхъ они составляли. Такимъ образомъ они были переписаны въ сборищахъ по р. Сопочной и ея притокамъ близъ с. Сопочнаго—65 д. (27 м.), по рѣчкѣ Морошечной—17 д. (10 м.), по рч. Эхэль (возлѣ рѣчки Харицовой) 16 д. (8 м.), въ сборищѣ по рѣчкѣ Котлакапъ, у сел. Харицова, 65 д. (29 м.) или всего въ районѣ средней части Камчатки между 56° и 57° 25′ с. ш. было обнаружено 163 д. (74 м.) этого племени. Далѣе на сѣверъ, отъ 58° до 59° 30′ с. ш. тунгусы въ небольшомъ числѣ были застигнуты въ сборищахъ на рч. Паллапъ — 36 д. (20 м.), по рч. Лолапъ, прав. притокѣ р. Кипкиль — 9 д. (5 м.) и по рч. Напапа, у сопки Сѣдло, 8 д. (3 м.). Главная же масса тунгусовъ и ламутовъ была обнаружена во время переписи на берегахъ нѣкоторыхъ рѣчекъ, мѣстоположеніе которыхъ не извѣстно въ точности. Вѣроятно онѣ протекаютъ по той части полуострова Камчатки, которая расположена къ сѣверу отъ ея перешейка. Здѣсь ихъ сборища находились въ двухъ пунктахъ по рч. Чавичья—133 д. (72 м.), изъ конхъ одно въ ея верховьяхъ, въ горной мѣстности, состояло изъ 79 д. (45 м.). Другія сборища находились въ вершинахъ рр. Бѣлой — 22 д. (10 м.) Жѣхъ—17 д. (7 м.). 17 д. (11 м.) тунгусовъ были зарегистриро-

[1]) Н. Слюнинъ: ibid., I, 452.
[2]) „Изв. И. Р. Геогр. Об.“, 1888.

вапы по рч. Котькэнъ, прит. р. Русаковой, впадающей въ Камчатское море. Мѣстоположеніе же рѣчки Лэль-апъ, лѣв. прит. р. Мэнгьэ-ваемъ, гдѣ было переписано 27 д. (17 м.) тунгусовъ, не извѣстно. Тунгусы, зарегистрированные въ кочевьяхъ по рч. Эхэль, Харитовой и Чанапъ, всего 110 д. (54 м.), названы ламутами.

Общее число тунгусовъ (и ламутовъ) Петропавловской округи достигаетъ 462 душъ обоего пола, изъ нихъ 237 мущинъ и 225 женщинъ, (на 100 м.—95 ж.). На среднее хозяйство приходится 9,4 д.

Въ числѣ этихъ 462 тунгусовъ, 352 д. (183 м.) отмѣчены въ переписномъ матеріалѣ *тунгусами* и 110 д. (54 м.) тѣхъ же родовъ, зарегистрированные въ вышеуказанныхъ трехъ пунктахъ, *ламутами*.

Удская округа. Почти всѣ тунгусы, застигнутые переписью 1897 г. въ предѣлахъ Удской округи, ведутъ бродячій образъ жизни, не имѣя постоянныхъ мѣстожительствъ. Они являются почти единственными обитателями огромныхъ пространствъ ея сѣверной части, ограниченной на югѣ рѣкою Амгунью и самымъ нижнимъ теченіемъ Амура, отъ ея устья до моря. Во всемъ этомъ районѣ постоянное населеніе живетъ почти лишь по его южной окраинѣ, по Амгуни и ея притокамъ—русскіе на пріискахъ и негидальцы въ стойбищахъ—и по нижнему Амуру—русскіе же и гиляки. Кромѣ того небольшія колоніи русскихъ и якутовъ встрѣчаются и далѣе къ сѣверу: въ бассейнѣ р. Уды (17 русскихъ и 84 якутовъ), въ портѣ Аянѣ и его окрестностяхъ (79 чел.), главнымъ образомъ по Аянскому тракту. Южнѣе указанной выше границы тунгусовъ въ данной округѣ почти не встрѣчается.

Въ 40 и 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія по рр. Ульбанъ и Тугуру, въ ихъ нижнемъ теченіи и у бухтъ, въ которыя онѣ впадаютъ, были временныя жилища гиляковъ, почему Шренкъ и отнесъ эту мѣстность на своей картѣ въ районъ гиляцкаго племени. Въ настоящее время гиляки сюда уже не заходятъ и вся эта мѣстность служитъ лѣтними кочевьями для мѣстныхъ Удскихъ тунгусовъ.

По мѣсту своего болѣе обычнаго пребыванія тунгусы, переписанные въ предѣлахъ Удской округи, дѣлятся на двѣ категоріи; изъ нихъ большинство кочуетъ обыкновенно по сю сторону хребта Джугджура, т. е. въ предѣлахъ данной окру-

ти—по Амгуни и ея притокамъ: Вели, Немилену, Керби и т. д., по р. Тугуру и его притокамъ (гл. обр. въ ур. Бурукапъ), по р. Удѣ (въ уроч. Чумуканъ) и т. д. О послѣднихъ тунгусахъ, бродящихъ во 2 участкѣ Удской округи, Н. Слюнинъ говоритъ: «они бродятъ со своими стадами по Удской и Тугурской долинамъ и сосѣднимъ хребтамъ. Къ концу рыбнаго промысла (конецъ іюля—начало августа) всѣ эти наслеги собираются въ Чумиканѣ для рѣшенія разныхъ общественныхъ вопросовъ и сбора ясака, который потомъ доставляется старостами каждаго рода въ Николаевскъ» [1]).

Другая, меньшая часть тунгусовъ, хотя и застигнутая на территоріи Удской округи, кочуетъ частью въ восточной полосѣ Амурской области, въ бассейнѣ р. Кура, по рр. Буреѣ, Селимджѣ и др. По своему происхожденію мѣстные бродячіе тунгусы дѣлятся на коренныхъ—Лалыгирскій, Аникагирскій и часть Бытальскаго рода, и на позднѣйшихъ пришельцевъ изъ Якутской губ. (Усть-Майское вѣд. Якутскаго окр.)—остальные роды. Число первыхъ составляетъ менѣе половины всѣхъ Удскихъ тунгусовъ. Во время путешествія Миддендорфа (184$^4/_5$ г.) парѣчіе коренныхъ Удскихъ родовъ отличалось отъ парѣчія Усть-Майскихъ, которыхъ тогда въ краѣ было немного. Весьма немногіе изъ тунгусовъ, происходящихъ изъ Якутской области, показали мѣстами своихъ кочевій нѣкоторые районы этой послѣдней.

Теперь разсмотримъ нѣсколько подробнѣе, гдѣ находились зимой 1897 г. кочевья тунгусовъ, переписанныхъ въ Удской округѣ.

На самомъ сѣверѣ округи, по морскому побережью между Охотскимъ моремъ и Становымъ хребтомъ, въ *районѣ порта Аяна* и къ югу отъ него, было застигнуто переписью 366 душъ (187 м.) тунгусовъ, почти исключительно изъ Усть-Майскаго вѣдомства Якутскаго округа [2]). Изъ нихъ 16 чел. (5 м.) были переписаны въ самомъ портѣ; остальные 350 д., образовавшіе 94 хозяйства, вели бродячую жизнь, причемъ мѣста, гдѣ они были зарегистрированы, въ переписномъ матеріалѣ не указаны. Въ этой мѣстности проживаютъ и малочисленные русскіе (18 д.) и якуты (53 д.), такъ что тунгусы составляютъ 82$^0/_0$ ея наличнаго населенія.

[1]) Н. Слюнинъ, l. c., I, 427.

[2]) Роды Мякагирскій, Кюрбюгдинскій, I—II Эджанскіе, Бытальскій. Остальные очень малочисленные представители другихъ родовъ, приписаны къ якутскимъ улусамъ Якутскаго и Верхоянскаго округовъ.

Въ заканчиваемой нынѣ особой работѣ автора, гдѣ населеніе Сибири будетъ распредѣлено по племенамъ и по своимъ мѣстожительствамъ, будутъ подробно указаны всѣ рѣчки и урочища, гдѣ кочуютъ тунгусы, переписанные въ Удской округѣ. Здѣсь мы можемъ ограничиться лишь мѣстностями, имѣющими болѣе или менѣе важное значеніе и мѣстоположеніе которыхъ могло быть отыскано на картахъ. Такъ какъ это, однако, далеко не всегда имѣетъ мѣсто, то въ нижеизложенномъ перечнѣ тунгусскихъ кочевій мы не можемъ дать полныхъ итоговъ по каждому рѣчному бассейну. Но и тѣ данныя, которыя мы приводимъ, достаточны для опредѣленія въ общихъ чертахъ мѣстъ кочевій тунгусовъ въ предѣлахъ округи.

Бассейнъ р. *Уды*, впадающей въ одноименную губу. По этой рѣкѣ переписано 83 д. (51 м.) тунгусовъ (въ томъ числѣ 26 д.—10 м. въ остр. Удскомъ) и 23 д. (12 м.) въ уроч. Чумукапъ у ея устья; изъ другихъ кочевій этой мѣстности въ ур. Нирянъ ихъ оказалось 38 д. (19 м.), въ ур. Туткань 5 д. (2 м.) и т. д. Кромѣ тунгусовъ здѣсь проживаютъ и менѣе многочисленные якуты.

По р. *Тугуру*, впадающему въ Тугурскій заливъ Охотскаго моря, а также по его притокамъ, переписано 121 д. (66 м.) тунгусовъ, въ томъ числѣ въ уроч. Буруканъ 53 д. (29 м.). Они составляютъ почти все населеніе мѣстности. Въ небольшомъ числѣ тунгусы встрѣчаются и по другимъ мелкимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Удскую губу между рѣкой Удой и Тугуромъ: по р. *Алъ* 9 д. (4 м.), *Тарому* 6 м. и т. д.

Въ бассейнѣ р. *Амгуни* зарегистрировано по болѣе извѣстнымъ рѣчкамъ 367 д. (209 м.) тунгусовъ. Изъ нихъ по самой Амгуни или вблизи кочевало 233 д. (135 м.), по рч. Вели, 54 д. (25 м.), Немилену 23 д. (14 м.), Керби 15 д. (10 м.), ок. устья рч. Дукъ—16 д. (10 м.), по рч. Амаль 14 д. (9 м.), по рч. Чейлукъ 12 д. (8 м.), на пріискахъ 14 д. (7 м.). Главное населеніе бассейна Амгуни состоитъ изъ русскихъ, занимающихъ однако не много пунктовъ—золотые пріиски по Амгуни, Керби, Немилену и др. и мѣста складовъ товаровъ, почтовыя станціи и т. д. Во всемъ бассейнѣ Амгуни тунгусы занимаютъ второе мѣсто, но, если исключить мѣста пріисковъ и негидальскихъ стойбищъ, то вся остальная мѣстность, главнымъ образомъ къ сѣверу отъ Амгуни, окажется почти въ полномъ распоряженіи

тунгусовъ, которые бродятъ по ней со своими стадами оленей или въ качествѣ промышленниковъ-звѣролововъ. Третью по численности группу образуютъ негидальцы 12 стойбищъ по Амгуни.

Въ *сѣверо-восточномъ углу* округи, приблизительно между низовьями Амура и Амгуни и Охотскимъ моремъ, зарегистрировано 165 д. (84 м.) тунгусовъ, въ томъ числѣ въ кочевьѣ Тевлинъ 62 д. (32 м.), въ коч. Кокарма 23 д. (11 м.), въ коч. Кульчи 38 д. (21 м.) и въ меньшемъ числѣ въ коч. Моктиль (8 д.), Чалгинъ (4 д.), Угальчинъ (13 д.), Чля, ок. озера того же наименованія, (10 д.), Кульга (7 д.).

Часть мѣстныхъ тунгусовъ, какъ указано выше, кочуетъ обыкновенно по ту сторону хребтовъ Дуссэ-Алинъ и Ямъ-Алинъ, въ бассейнахъ лѣвыхъ притоковъ Амура: Кура—76 д. (46 м.) и его притока Урми (Упьмы)—30 д. (17 м.), Буреѣ 178 д. (97 м.), въ томъ числѣ у Чекундинскаго склада 22 д. (13 м.), и по притоку Тырми (л. прит. Буреи) Сутуру 14 д. 6 м.), по р. Селимджѣ, притоку Зеи, 69 д. (35 м.) и т. д. Но эти числа не исчерпываютъ всего числа тунгусовъ данныхъ мѣстностей Амурской области. Большая часть ихъ переписана въ самой этой области, отчасти и въ смежныхъ округахъ Якутской. По приписѣ почти всѣ тунгусы бассейна Буреи, Селимджи и др. рѣкъ бассейна Амура принадлежатъ Якутскому округу Якутской области (см. стр. 46).

Тунгусы Удскаго края имѣютъ сугланы (сборища) въ трехъ пунктахъ: 1) на рѣчкѣ Кучулунъ, при устьѣ Кобали; 2) въ ур. Буруканъ на Тугурѣ и 3) недалеко отъ мѣста сліянія впадающихъ въ Бурею рр. Дольникана и Гимунгда [1]). Собираются они повидимому также и въ ур. Чумуканъ, у устья р. Уды (см. выше).

Число тунгусовъ Удской округи, которые находятся на постоянномъ жительствѣ на островѣ Сахалинѣ, простиралось въ 1897 г. до 173 об. п., изъ нихъ 30 д. (18 м.) было зарегистровано въ предѣлахъ Удской округи, куда они прибываютъ на время, чтобы внести ясакъ и побывать на мѣстномъ торжкѣ. Это имѣетъ мѣсто зимой, когда замерзаетъ Амурскій лиманъ и выпадаетъ первый снѣгъ. Ихъ собраніе (суглапъ) происходитъ на озерѣ Орель, въ 110 вер. отъ гор. Николаевска. Сюда они пригоняютъ и стада оленей,

[1]) Павловскій: „Зап. Спб. О. И. Р. Геогр. О.“ 1863, VI, 16.

выроцепныхъ на островѣ, и привозятъ продукты оленеводства и звѣроловства для обмѣна на предметы первой необходимости. Объ остальныхъ 143 д. тунгусахъ, записанныхъ на островѣ Сахалинѣ, см. ниже.

Въ другихъ мѣстностяхъ Удской округи было обнаружено всего 17 д. (7 м.) тунгусовъ. Изъ нихъ 10 д. (5 м.) оказались въ двухъ поселеніяхъ, расположенныхъ на землѣ Сергіевской волости, именно, въ самостоятельномъ селеніи Мыргинъ 1 х.: 6 д. (1 м.) и въ гиляцкомъ сел. Хузіэ 4 м.; кромѣ того, въ г. Николаевскѣ 6 д. (2 м.).

Общее число тунгусовъ Удской округи простирается до 1941 д. об. п., изъ коихъ 1064 мужчинъ (на 100 м.—82 женщины). Среднее хозяйство тунгусовъ дашаго округа равняется 4,8 душамъ. Колебанія въ размѣрахъ хозяйствъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ незначительны (въ окрестностяхъ порта Аяна — 3,7 д.).

Въ Хабаровскомъ округѣ тунгусовъ сравнительно мало. Главная ихъ часть была зарегистрирована близъ Амура въ предѣлахъ:

а) *Нижне-Тамбовской* волости, главнымъ образомъ, по правому берегу Амура, гдѣ они образовали два самостоятельныхъ стойбища: Чечёнай (Карга): 7 х.: 54 д. (32 м.) и Какчэми 1 х.: 12 д. (5 м.); сверхъ того они въ двухъ стойбищахъ проживали совмѣстно съ другими племенами; въ стб. Бэлго 7 д. (4 м.) на 25 д. наличнаго населенія и въ стб. Кэути (при устьѣ одноименной рѣчки) ихъ было 5 д. (4 м.) изъ 10 душъ. Итого по этому берегу въ 1897 г. проживало 78 д. (45 м.) тунгусовъ. По численности они здѣсь приближаются къ самагирамъ и нѣсколько уступаютъ ольчамъ, главная же часть населенія здѣсь состоитъ изъ гольдовъ (и русскихъ). По лѣвому берегу Амура въ 1897 г. было лишь одно стойбище тунгусовъ—Балахой, по р. Лумури, впадающей въ Амуръ: 5 х.: 15 д. (8 м.). Всего въ предѣлахъ этой волости оказалось 93 д. (53 м.) тунгусовъ.

б) Въ *Вятской* волости, т. е. въ бассейнѣ р. Тунгуски, тунгусы занимаютъ первое по численности мѣсто. Изъ нихъ 72 д. (39 м.) проживали по р. Куръ; именно, въ стб. Гадыкинъ 5 х.: 35 д. (17 м.), стб. Симитунъ-Дантумъ 2 х.: 7 д. (4 м.), Симитунъ 2 х.: 10 д. (7 м.), въ стойбищѣ при р. Талой, впадающей въ р. Улыку, близъ р. Куръ: 2 х.: 9 д.

(6 м.), въ стб. на р. Тунтулгынъ, притокѣ р. Кура 2 х. : 11 д. (5 м.). По р. Урми 43 д. (25 м.), именно у устья р. Сычуги: стб. въ 7 х. : 35 д. (20 м.), въ стб. въ ур. Текинъ среди гольдовъ 2 д. (1 м.) тунгусовъ и на одномъ увалѣ по названной рѣкѣ 1 х. : 6 д. (4 м.). На р. Ауръ, прит. р. Ины, 2 х. : 15 д. (8 м.) и въ становищѣ Ольды, среди орочей, 2 д. (1 м.). Всего въ бассейнѣ р. Тунгуски было зарегистрировано на мѣстѣ 132 д. (73 м.) тунгусовъ. Но это число далеко не исчерпываетъ всѣхъ представителей этого племени, которые здѣсь обыкновенно проживаютъ. Во время переписи часть мѣстныхъ тунгусовъ находилась внѣ предѣловъ данной области и была отмѣчена въ Удской округѣ (стр. 37), отчасти въ Якутской области, откуда происходитъ большая часть бродящихъ въ восточной половинѣ Амурской области тунгусовъ. Въ бассейнѣ Тунгуски тунгусы рѣшительно преобладаютъ по Куру и Упьмѣ (Урми), по самой же Тунгускѣ, происходящей изъ ихъ сліянія, болѣе многочисленны гольды. Всѣ мѣстности Амурской области, расположенныя къ сѣверу и западу отъ р. Тунгуски и Кура, входятъ уже въ предѣлы тунгусской области.

в) По *Горину*, въ странѣ самагировъ, одно стойбище въ верховьяхъ этой рѣки было населено тунгусами—стб. Анчунь въ 1 х.: 18 д. (8 м.). Въ переписномъ матеріалѣ они, какъ и всѣ самагиры, были ошибочно названы «гольдами», но наименованія родовъ позволили распредѣлить ихъ по ихъ настоящимъ національностямъ. Лалыгирскій родъ «гольдовъ» стб. Анчунь выдалъ его тунгусское происхожденіе. Дѣйствительно, къ сѣверу отъ Горина, по Амгуни и ея лѣвымъ притокамъ и далѣе къ сѣверу, кочуетъ много тунгусовъ этого рода.

г) Въ г. *Хабаровскѣ* проживаетъ 12 д. (8 м.) тунгусовъ. Всего въ Хабаровскомъ округѣ въ 1897 г. было зарегистрировано 255 души (142 м.) тунгусовъ (на 100 м.—80 женщинъ). Среднее хозяйство, разсчитанное по чисто тунгусскимъ стойбищамъ, состоитъ изъ 5,4 душъ.

Въ Уссурійскомъ округѣ вовсе нѣтъ тунгусовъ, а въ Южно-Уссурійскомъ ихъ оказалось всего 2 д. м.

Подведя итоги всему вышесказанному относительно географическаго распространенія и численности тунгусовъ Приморской области, можно сказать, что область тунгусовъ въ данной области охватываетъ западъ Гижигинской округи, всю Охотскую и сѣверъ Удской. Западной межою всюду

служитъ Становой хребетъ, восточной—Охотское море, кромѣ сѣвера, гдѣ къ сѣверу отъ мыса Таватамскаго ихъ граница слегка уклоняется на западъ и идетъ черезъ среднее теченіе рѣкъ бассейна Гижиги къ сѣверу до горнаго хребта (продолженіе Тайганосскихъ горъ), который служитъ водораздѣломъ рр. Парени и Черной, притока Гижиги, причемъ вся рѣка Черная принадлежитъ области тунгусовъ, а среднее и нижнее теченіе Парени области коряковъ—въ верховьяхъ послѣдней рѣки было застигнуто 66 тунгусовъ). Къ западу отъ этой линіи и до южной границы Охотскаго округа проживаютъ почти одни тунгусы; другія національности здѣсь образуютъ лишь колоніи: коряки—въ с. Ямскомъ и Тумапскомъ, якуты въ с. Тауйскомъ и русскіе въ д. Инской и въ Охотскѣ. На нашей племенной картѣ эти колоніи выдѣлены. Южной границей области тунгусовъ служитъ р. Амгунь и самое нижнее теченіе Амура, отъ ея устья до моря. Во всемъ этомъ огромномъ районѣ они составляютъ господствующую часть населенія, между тѣмъ какъ другія національности здѣсь встрѣчаются лишь спорадически и въ небольшомъ числѣ. Тунгусы Анадырской и Петропавловской округъ и Хабаровскаго округа проживаютъ уже внѣ настоящей области этого племени и составляютъ отдѣльные островки среди чужеплеменнаго населенія.

Численность тунгусскаго населенія области, сгруппированнаго по отдѣльнымъ округамъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

ТАБЛИЦА V.

Названія округъ и округовъ:	Наличное населеніе въ 1897 г.			число душъ въ хоз.	% женщ. на 100 мужч.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Анадырская округа .	315	312	627	5,2	99
2. Петропавловская „ .	237	225	462	9,4	95
3. Гижигинская „ .	892	920	1.812	8,0	103
4. Охотская „ .	1.892	1.857	3.749	5,4	98
5. Удская „ .	1.064	877	1.941	4,8	82
6. Хабаровскій округъ .	142	113	255	4,8	80
7. Южно-Уссурійск. „ .	2	—	2	—	—
Итого	**4.544**	**4.304**	**8.848**	—	**95**

Итакъ, наличное тунгусское населеніе Приморской области простиралось въ 1897 г. до 8848 д. об. п., изъ коихъ 4544 мужчинъ. Наиболѣе выгодное соотношеніе половъ существуетъ у тунгусовъ сѣверныхъ округъ, между тѣмъ какъ въ Удской округѣ и въ Хабаровскомъ округѣ мужчины значительно преобладаютъ надъ женщинами (на 100 м.—82 и 80 ж.). Это вѣроятно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что значительная часть тунгусовъ этихъ округовъ составляетъ пришлое населеніе, среди котораго число мужчинъ всегда превышаетъ число женщинъ. Для цѣлой области соотвѣтствующимъ числомъ является 95 ж. Такимъ образомъ, собственно тунгусы составляютъ наиболѣе многочисленное изо всѣхъ тунгусскихъ племенъ области (табл. I). Изъ указаннаго выше числа въ городахъ проживаютъ всего 28 лицъ (16 м.), остальные ведутъ кочевую и бродячую жизнь и отчасти проживаютъ въ болѣе или менѣе постоянныхъ селеніяхъ. Изо всего числа тунгусовъ въ области 738 (369 м.) душъ, живущихъ въ Анадырской и отчасти въ Петропавловской округахъ, названы въ переписномъ матеріалѣ *ламутами*.

Число душъ въ хозяйствѣ [1]) представляетъ значительныя колебанія, причемъ наибольшими размѣрами хозяйства отличаются въ Гижигинской округѣ и въ Петропавловской, гдѣ значительная часть тунгусовъ происходитъ изъ Гижигинской округи, наименьшими—въ южной части области тунгусовъ (Удская округа и Хабаровскій округъ).

§ 2. Островъ Сахалинъ.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго (стр. 37), тунгусы являются на островѣ Сахалинѣ сравнительно позднѣйшими пришельцами, появившимися тамъ не ранѣе 50-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Происходятъ они изъ Удской округи, гдѣ (въ г. Николаевскѣ) и по-сейчасъ уплачиваютъ ясакъ. Такъ какъ эти ежегодныя путешествія ихъ съ острова на континентъ Азіи имѣютъ мѣсто въ зимнее время, то часть ихъ во время переписи была застигнута и переписана въ Удской округѣ Приморской области. Здѣсь мы разсмотримъ только тѣхъ

[1]) Хозяйства бродячаго населенія (осѣдлые часто образуютъ смѣшанныя съ другими національностями семьи).

изъ нихъ, которые во время переписи находились у себя дома, т. е. на островѣ Сахалинѣ. Тунгусы тамъ встрѣчаются во всей средней полосѣ острова, именно въ Александровскомъ и Тымовскомъ округахъ; въ южномъ—Корсаковскомъ ихъ почти нѣтъ.

Александровскій округъ. Ихъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ на Сахалинѣ служитъ полоса вдоль западнаго берега острова, состоящая изъ тундръ, богатыхъ оленьимъ ягелемъ. Здѣсь они пасутъ свои стада оленей, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, главнымъ образомъ на протяженіи отъ мыса Лянгръ на сѣверѣ до сел. Віахту на югѣ. Лѣтомъ они имѣютъ стоянки преимущественно у селеній и постовъ: Тыки, Лахи, Ванги (Уанги), Погоби и Ныйдэ. Въ августѣ они обыкновенно перебираются на восточный берегъ острова, къ устью р. Тыми, и въ мѣстности залива Ный-во и сел. Кэкр-во (Кякр-во), гдѣ занимаются рыболовствомъ и сушкой рыбы (кэты). Къ зимѣ они вновь удаляются отъ берега вглубь страны и сосредоточиваются въ предгорьяхъ главнаго хребта и это время занимаются исключительно звѣроловствомъ и охотой. Районы внутреннихъ частей острова, которые они въ это время посѣщаютъ, отчасти зависятъ отъ условій, которыя они заключили съ мѣстными жителями, владѣльцами этихъ земель. Такъ какъ тунгусы въ качествѣ опытныхъ и неутомимыхъ охотниковъ и звѣролововъ ставятъ сотни петель и разныхъ ловушекъ, обѣгая ради этого огромныя пространства тайги, то они явились опаснымъ конкуррентами для мѣстныхъ гиляковъ и ороковъ. Чтобы сохранить за собою свои ближайшія и болѣе важныя звѣроловныя мѣста, эти послѣдніе заключили съ тунгусами словесное условіе, въ силу котораго эти пришельцы не имѣютъ права ловить звѣря по правымъ притокамъ р. Тыми, лѣвые же, находящіеся ближе къ ея устью, отданы въ ихъ полное распоряженіе. Но, судя по жалобамъ названныхъ коренныхъ жителей, тунгусы далеко не строго относятся къ своимъ обязательствамъ и часто вторгаются въ чужіе предѣлы, принося этимъ самымъ немалый убытокъ ихъ владѣльцамъ [1]).

По Штернбергу, наиболѣе крупной изъ ихъ зимнихъ стоянокъ является Вахисъ (Уазъ на картахъ?), но по даннымъ переписи 1897 г. она по численности населенія—27 д. (18 м.)—

[1]) Б. Пилсудскій „Зап. Пріам. Отд. И. Р. Г. Общ.“ IV т., 4 вып.

уступаетъ другимъ стоянкамъ тунгусовъ по тому же берегу Татарскаго пролива, именно около постовъ: Тыки 36 д. (21м.). и Лахи 40 д. (18 м.). Это показываетъ, что въ разные годы и въ разныя времена года тунгусское населеніе не одинаковымъ образомъ группируется по кочевьямъ и стоянкамъ. Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ упомянутыхъ трехъ пунктовъ, тунгусы въ Александровскомъ округѣ обнаружены не были. Общее ихъ число простиралось здѣсь, считая въ томъ числѣ и 2 м. въ русскихъ селеніяхъ, до 105 д. об. п., изъ коихъ было 59 мужчинъ. Они дѣлились на 17 хозяйствъ, каждое изъ которыхъ состояло среднимъ числомъ изъ 6,2 душъ.

Въ Тымовскомъ округѣ, занимающемъ восточную полосу сѣверной и средней части острова, въ 1897 г. была отмѣчена лишь небольшая часть тунгусовъ. Здѣсь они частью составляли самостоятельныя зимовья по р. Томи-най (1 хоз.: 8 д. об. п.— 3 м.) и въ верховьяхъ р. Поро-най (1 хоз.: 2 д. — 1 м.), частью проживали среди ороковъ въ стойбищѣ Валъ, на р. Чай (ок. мыса Отмели по берегу Великаго океана?)—5 д. (4 м.) тунгусовъ—и у озера Курунгъ, гдѣ ихъ оказалось 2 хоз.: въ 15 д. об. п. (8 м.). Возможно, что настоящее число тунгусовъ и больше, но что часть ихъ съ теченіемъ времени ассимилировалась съ родственными имъ ороками, такъ что не могла быть выдѣлена на основаніи данныхъ о языкѣ.

Всего въ Тымовскомъ округѣ по переписи 1897 г. числилось 6 хозяйствъ тунгусовъ въ 30 д. об. п. (18 м.). Среднее хозяйство здѣсь состоитъ изъ 5,0 душъ.

Въ Корсаковскомъ округѣ, занимающемъ южную часть округа, число тунгусовъ совсѣмъ ничтожно. Ихъ оказалось всего 3 хозяйства въ 8 д. об. п. (6 м.), изъ коихъ въ зимовьѣ Хоэ—1 хоз.: 2 д. (1 м.) и въ зим. Оской: 2 хоз.: 6 д. (5 м.). Въ томъ и другомъ пунктѣ они жили среди ороковъ.

Всѣхъ тунгусовъ зимой 1897 г. на островѣ оказалось 143 души, изъ коихъ 83 мужчины (на 100 м.— 72 женщины). Тунгусы эти группировались въ 26 хозяйствъ, изъ коихъ 17 приходилось на долю Александровскаго округа. Въ среднемъ хозяйствѣ у нихъ числится 5,5 д. об. п.

Сгруппировавъ эти данныя о численности тунгусовъ по отдѣльнымъ округамъ Сахалина, мы получимъ слѣдующую табличку:

ТАБЛИЦА VI.

Названія округовъ:	Наличное населеніе въ 1897 г.			число душъ въ хоз.	% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Александровскій .	59	46	105	6,2	78
2. Тымовскій. . . .	18	12	30	5,0	67
3. Корсаковскій. . .	6	2	8	—	—
Итого	**83**	**60**	**143**	**5,5**	**72**

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, тунгусы частью образовали самостоятельныя зимовья, которыхъ оказалось всего 4, частью жили совмѣстно со своими отдаленными сородичами ороками, къ которымъ они подходятъ по образу жизни и въ другихъ отношеніяхъ; такихъ стоянокъ со смѣшаннымъ населеніемъ оказалось 9 (въ т. ч. въ одной жили тунгусы и якуты); сверхъ того 4 м. проживаютъ въ русскихъ селеніяхъ. Число тунгусовъ не только ничтожно по своей абсолютной величинѣ, но и относительно всего населенія острова (0,5%) и относительно одного инородческаго его населенія (3,3%).

Если къ вышеприведенному числу въ 143 душъ (83 м.) тунгусовъ присоединить еще 30 д. (18 м.) представителей этого племени, зарегистрированныхъ зимой 1897 г. въ Удской округѣ, куда они переправились для уплаты ясака и для обмѣна произведеній оленеводства и звѣроловства на предметы первой необходимости (см. стр. 37), то общее число тунгусовъ, постоянно проживающихъ на островѣ Сахалинѣ, простиралось ко времени переписи до 173 д. об. п. (101 м.).

Возможно, что небольшая часть тунгусовъ острова из-

бѣгла переписи, потому что въ послѣдней не встрѣчаются нѣкоторые роды, которые, судя по другимъ источникамъ, туда переселились въ значительномъ числѣ (см. ниже).

§ 3. Амурская область.

Огромное большинство собственно тунгусовъ Амурской области происходитъ изъ смежныхъ областей, гдѣ они по большей части и приписаны; приписавшихся къ Амурской области тунгусовъ очень мало, а природныхъ представителей этого племени, составляющихъ коренное населеніе края, почти совсѣмъ нѣтъ. Даже тѣ тунгусы, которыхъ въ 50-ыхъ годахъ истекшаго столѣтія Орловъ, Усольцевъ, Шренкъ и другіе изслѣдователи края встрѣтили въ болѣе сѣверной части области, по сѣверной окраинѣ кочевій орочоновъ, манегровъ и бираровъ, по большей части принадлежали къ уроженцамъ Якутскаго округа Якутской и въ меньшей степени Удской округи, Приморской области:

Перепись обнаружила тунгусовъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ области:

а) Въ *Верхне-Амурскомъ* горно-полицейскомъ округѣ въ числѣ 47 д. (29 м.) [1]) безъ подробнаго указанія мѣстопребыванія. Такъ какъ въ этомъ районѣ, равно какъ и въ смежныхъ станичныхъ округахъ: Игнашинскомъ и Албазинскомъ, огромное большинство мѣстныхъ оленныхъ тунгусовъ принадлежатъ къ родамъ, именуемымъ въ Амурской области «орочонскими», то мы сосчитали орочонами тѣхъ тунгусовъ этихъ районовъ, у которыхъ не было указаній о родѣ, независимо отъ того показали ли они своимъ языкомъ орочонскій, или тунгусскій, или «инородческій» (см. стр. 20).

По мѣстной не вполнѣ точной переписи 1901—02 гг. всѣхъ тунгусовъ, включая въ это и орочоновъ, не обозначенныхъ особо, въ этомъ горномъ округѣ оказалось 134 д. (74 м.), т. е. немного меньше противъ 1897 г., причемъ лишь 27 д. (15 м.) принадлежали къ родамъ, обыкновенно не причисляемымъ къ орочонамъ: изъ нихъ знакомый намъ Дальнятскій (Далмайскій) родъ въ 4 д. м. и два не встрѣчавшіеся

[1]) Въ т. ч. 4 д. (3 м.) на пріискахъ.

раньше въ этомъ районѣ рода: Бутадскій (Бытальскій?) 11 д. (5 м.) и Нюрмаганскій 12 д. (7 м.), происходящіе изъ Якутской области.

Такимъ образомъ, за 4—5 лѣтъ, протекшихъ со времени переписи 1897 г., тунгусское населеніе Верхне-Амурскаго горнаго округа не только значительно уменьшилось, но и измѣнилось въ своемъ составѣ.

б) Въ *Буреинскомъ* горно-полицейскомъ округѣ сосредоточено всего 305 д. (183 м.) тунгусовъ, огромное большинство которыхъ повидимому принадлежитъ къ Усть-Майскому вѣдомству Якутскаго округа Якутской области, хотя въ переписномъ матеріалѣ подобныя отмѣтки имѣются лишь у 76 д. (50 м.). Къ Восточно-Кангаласскому улусу оказались приписанными лишь 25 д. (14 м.) мѣстныхъ тунгусовъ, къ остальнымъ—мало. Подробное указаніе мѣстопребыванія имѣется лишь у немногихъ тунгусовъ этого района (65 д.), но эти помѣтки показываютъ, что мѣстные тунгусы кочуютъ и бродятъ по всему рѣчному бассейну Селимджи (прит. Зеи)—30 д. (16 м.) и Буреи—35 д. (23 м.). Такимъ образомъ, мѣстопребываніе по первой рѣкѣ показали 11 д. и кромѣ того изъ притоковъ Селимджи упоминаются: Быса (4 д.), Нора (Нара?) съ ея притоками: Бурундой (4 д.), Меваномъ (5 д.), Лавой (5 д.) и Эльбой (1 д.).

Изъ притоковъ Буреи тунгусы указали Чаугду (19 д.), Тырму (4 д.), Дикапъ (2 д.). Кромѣ того на Буреѣ, въ зимовкѣ Секталь, ниже Чекундинскаго склада, было застигнуто 10 д. тунгусовъ. Судя по переписному матеріалу, большая часть здѣшнихъ инородцевъ (тунгусы и якуты) составляютъ Нимапское стойбище, которое имѣетъ сборнымъ пунктомъ мѣсто на берегу р. Нимапа, выше впаденія въ нее р. Бира-Моко (Нимапскій съѣздъ или Нимапская ярмарка). Остальные тунгусы этой мѣстности не показали своихъ кочевій. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что весь этотъ горный округъ входитъ въ сферу кочевій этихъ тунгусовъ (см. ниже).

Число ихъ подвержено постояннымъ измѣненіямъ и прежніе изслѣдователи и оффиціальные источники опредѣляютъ его значительно выше чѣмъ перепись. Такъ, одно изданіе, относящееся къ 1890 г. [1]), сообщаетъ объ этихъ тунгусахъ, что

[1]) „Справочная книжка Амурской области на 1890 г.“.

они кочуютъ по Селимджѣ и Нимапу, причемъ во время перекочевокъ спускаются къ Амуру до Хинганскаго хребта. Численность ихъ опредѣляется тамъ въ 1000 д. об. п. т. е., въ три раза выше, чѣмъ по даннымъ переписи. Эта разница въ числѣ отчасти объясняется тѣмъ, что данныя за 1890 г. основаны до извѣстной степени на исчисленіяхъ и лишь приблизительно вѣрны и отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что тунгусы постоянно мѣняютъ свои мѣста жительства и часто въ значительномъ числѣ переходятъ на время въ сосѣдніе округи и округа: Удскую и Якутскій, гдѣ ихъ и застигла перепись, запечатлѣвшая на своихъ листахъ и тотъ фактъ, что они происходятъ съ береговъ Селимджи и Буреи и ихъ притоковъ (см. стр. 37).

Интересно отмѣтить, что въ 1897 г. число такихъ тунгусовъ, переписанныхъ въ Удской округѣ Приморской области, значительно превышало таковое оставшихся проживать въ бассейнахъ этихъ двухъ рѣкъ, несмотря на то, что незнаніе, куда отнести отдѣльныя мелкія рѣчки и урочища, лишаютъ насъ возможности дать полное число тунгусовъ, проживавшихъ по переписи въ бассейнахъ каждой изъ названныхъ рѣкъ; такимъ образомъ, уроженцевъ береговъ одной Буреи въ Удской округѣ оказалось 178 д. (97 м.) и Селимджи 69 д. (35 м.) и т. д.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что въ Якутскомъ округѣ перепись обнаружила среди тунгусовъ Усть-Майскаго вѣдомства тоже не мало лицъ, кочевавшихъ недавно въ Буреинскомъ горномъ округѣ Амурской области: по неполнымъ даннымъ, прибывшихъ туда съ береговъ Буреи оказалось 115 д. (64 м.), а съ береговъ Селимджи и ея притоковъ 42 д. (20 м.).

Какъ и въ В. Амурскомъ горномъ округѣ, со времени переписи число тунгусовъ въ данномъ районѣ повидимому тоже уменьшилось. По полицейскимъ даннымъ за 1901—02 гг. (мѣстная перепись), въ бассейнѣ р. Буреи или точнѣе по р. Нимапу оказалось всего 193 д. (129 м.) и по Селимджѣ 78 д. (48 м.). Изъ первыхъ всего 19 д. (12 м.) и изъ вторыхъ—31 д. (19 м.) оказались уроженцами Удской округи, почти всѣ остальные принадлежали къ Усть-Майскому вѣдомству Якутскаго округа. Измѣнился и ихъ составъ.

в) Въ *Верхне-Хинганскомъ* горномъ округѣ мѣстные тунгусы переписаны по р. Б. Бирѣ (Муолэ, Кильмену) и ея

притокамъ. Въ улусѣ «Бирпнская ярмарка» оказалось 16 хозяйствъ въ 55 д. (34 м.), изъ коихъ показали мѣстопребываніе по самой Бирѣ 4 д., и по ея притокамъ: р. Никитѣ 22 д. и по р. Котонъ 28 д. Сюда же слѣдуетъ отнести и одну семью въ 4 д. (1 м.) тунгусовъ, зимующую по р. Бѣлой, въ 30 вер. отъ пос. Пашковскаго. Всего въ этомъ районѣ было зарегистрировано 58 д. (35 м.) тунгусовъ непоказанныхъ родовъ и неизвѣстнаго мѣста приписки.

Въ 1901—1902 гг. мѣстная перепись обнаружила по р. Б. Бирѣ 90 д. (51 м.) тунгусовъ, т. е. число почти вдвое большее противъ переписи 1897 г. Можетъ быть часть тунгусовъ бассейна р. Буреи временно перебралась сюда или свѣдѣнія переписи въ данномъ случаѣ оказались неполными.

г) Бассейнъ р. *Тунгуски* (Вятская волость), принадлежащій территоріально Амурской области, ради удобства административнаго управленія (?) отнесенъ къ Троицкой волости Хабаровскаго округа Приморской области, гдѣ нами и разсмотрѣнъ (см. стр. 38). Въ этомъ районѣ было зарегистрировано всего 132 д. (73 м.) тунгусовъ, огромное большинство которыхъ кочевали по берегамъ р. Кура—72 д. (39 м.) и Урми или Уньмы—43 д. (25 м.) и ихъ притоковъ. По самой Тунгускѣ ихъ почти не было, тамъ главное населеніе состоитъ изъ гольдовъ. Какъ указано выше, общая численность тунгусовъ этой мѣстности значительно выше исчисленной переписью, такъ какъ часть ихъ была зарегистрирована въ другихъ мѣстностяхъ, именно въ Удской округѣ (стр. 37), гдѣ перепись открыла прибл. такое же число тунгусовъ, какое осталось на мѣстѣ; такъ, по не вполнѣ полнымъ даннымъ въ Удской округѣ оказалось 106 д. (63 м.), изъ коихъ 76 д. (46 м.) показали, что прибыли туда съ береговъ Кура, 30 д. (17 м.) съ береговъ Уньмы. Такимъ образомъ, тунгусы составляютъ огромное большинство населенія береговъ Кура и Уньмы (Урми), отъ сліянія которыхъ получается р. Тунгуска, падающая въ Амуръ и принадлежащая уже области гольдовъ.

Въ остальныхъ мѣстностяхъ области было зарегистрировано всего 22 д. (16 м.) тунгусовъ, въ т. ч. 14 д. (11 м.) въ станицахъ Игнашинскаго станичнаго округа и 8 д. (5 м.) въ г. Благовѣщенскѣ. Наличное число всѣхъ тунгусовъ области, записанныхъ въ ея предѣлахъ, равнялось въ 1897 г.—427 д. (259 м.), при отношеніи половъ 100 м.: 65 ж. Средній раз-

мѣръ хозяйства у бродячихъ тунгусовъ области не превышаетъ 3,0—3,5 д. Столь низкія числа для женщинъ и для хозяйствъ, въ значительной степени объясняются временнымъ пребываніемъ тунгусовъ въ области.

Все вышеизложенное относительно мѣстъ обитанія и численности тунгусскаго населенія Амурской области можно срезюмировать слѣдующимъ образомъ:

Въ бассейнѣ р. *Зеи* (кромѣ р. Селимджи) тунгусы живутъ во всей мѣстности къ востоку отъ хребта Тукурингра и къ югу до хребта Джагду, служащаго водораздѣломъ между лѣвыми притоками Зеи, съ одной стороны, и правыми притоками Дэпа и Селимджи—съ другой. Въ этомъ районѣ, входящемъ въ составъ Верхне-Амурскаго горнаго округа, показанія относительно мѣстъ кочевокъ тунгусовъ и ихъ родовъ по большей части отсутствуютъ, но все же не подлежитъ сомнѣнію, что бассейнъ р. Гилюя и верхней Зеи, вверхъ отъ ея притока Эльгэ, составляетъ настоящую область тунгусовъ. Изъ отдѣльныхъ указаній мѣстностей въ переписномъ матеріалѣ упоминается рч. Унаха, притокъ Уноки, впадающей справа въ Зею, и рч. Моготъ, составляющая какъ бы верховье р. Гилюй—обѣ рѣчки расположены на крайнемъ сѣверѣ области, близъ межи Якутской области.

Этотъ безспорно тунгусскій районъ сѣверо-западной части области вполнѣ совпадаетъ съ территоріей тунгусовъ по Шренку въ 50-хъ годахъ (см. его карту), т. е. въ ту эпоху, когда южнѣе р. Гилюя тотчасъ начиналась область манегровъ.

Встрѣчаются-ли тунгусы между хребтомъ Тукурингра и р. Уромъ и далѣе къ югу, а также въ верхнемъ теченіи р. Дэпа, между его притоками Маучанъ и Колленте на югѣ и хребтомъ Джагду на сѣверѣ, на это не имѣется никакихъ прямыхъ указаній, ни въ переписномъ матеріалѣ, ни въ полицейскихъ спискахъ, ни въ литературѣ, относящейся до настоящаго предмета. Въ 50-хъ годахъ эти двѣ мѣстности, по Шренку, входили въ сферу кочевій манегровъ, которые нынѣ, сильно уменьшившись въ числѣ, стянулись ближе къ среднему теченію Зеи, внизъ приблизительно до устья Селимджи, и къ параллельному ей участку Амура. Нижнее теченіе Зеи отъ у. Селимджи до ея устья слѣдуетъ уже считать принадлежащей къ области русскихъ. По всему вѣроятію болѣе или менѣе постоянныхъ жителей эти мѣстности, какъ и многіе другіе

районы Амурской области, нынѣ не имѣютъ и лишь случайно сюда заходятъ ради охоты тунгусы и орочоны изъ ближайшихъ мѣстъ.

Бассейнъ *Селимджи*, принадлежащей уже Буреинскому горному округу, всецѣло входитъ въ область тунгусовъ. Численность ихъ постепенно уменьшается по мѣрѣ движенія отъ ея верхняго теченія къ устью. Кромѣ записанныхъ на мѣстѣ тунгусовъ часть ихъ, какъ мы уже знаемъ, была зарегистрирована въ смежной Удской округѣ Приморской области (стр. 37). Въ этомъ районѣ проживаютъ кромѣ тунгусовъ еще и якуты, главнымъ образомъ, обоихъ Кангаласскихъ и Бутурусскаго улусовъ Якутскаго округа Якутской области. Будучи въ противоположность къ тунгусамъ лишь временно пребывающимъ элементомъ данной мѣстности, эти якуты состоятъ по большей части изъ мужчинъ (на 100 м.—39 ж.), причемъ нѣкоторые изъ нихъ взяли въ жены тунгусокъ. Мѣста кочевій этихъ якутовъ не указаны точно, но по отдѣльнымъ помѣткамъ видно, что они встрѣчаются въ перемѣшку съ тунгусами въ болѣе верхней части бассейна Селимджи, отчасти, можетъ быть, и по западному склону хребта Джукджуръ.

Въ 50-хъ годахъ одни тунгусы жили по Селимджѣ: по лѣвому берегу—вплзъ до рч. Инканъ (притокъ Ср. Мыпи), гдѣ находится Инканская часовня, а по правому ея берегу нѣсколько южнѣе, откуда непосредственно къ востоку начиналась по Шренку область бираровъ, въ которой вѣроятно встрѣчались и тунгусы; далѣе къ югу и юго-западу, включая нижнее теченіе Селимджи, простиралась страна манегровъ, которые нынѣ почти исчезли изъ этихъ районовъ: перепись не обнаружила ни тѣхъ, ни другихъ, а полицейскія данныя за 1901—1902 гг. указываютъ лишь на 26 душъ манегровъ по Селимджѣ, которые нынѣ составляютъ однако лишь примѣсь къ тунгусамъ. Другіе лѣвые притоки Зеи, какъ Томь, Будунда, и Амура—Гильчинъ, Завитная и др заселены на половину своего теченія отъ устья русскими крестьянами. Верховья ихъ, по всему вѣроятію, безлюдны и лишь во время охоты посѣщаются промышленниками разныхъ національностей.

Бассейнъ *Буреи* почти всецѣло входитъ въ настоящее время въ область тунгусовъ. Самое нижнее ея теченіе, приблизительно до 50° с. ш., занято русскими крестьянами, далѣе слѣдуетъ малонаселенная мѣстность, которая по мѣрѣ

движенія къ сѣверу имѣетъ постепенно возростающее тунгусское населеніе. Болѣе всего тунгусовъ повидимому по Ниману. Дѣйствительно, всѣ указанія о ихъ мѣстахъ кочевій касаются почти исключительно болѣе верхняго теченія Буреи, кверху приблизительно отъ лѣваго ея притока Этинкана, впадающаго въ нее нѣсколько ниже Чекундинскаго склада. Тунгусы этого района были переписаны, частью на мѣстѣ, частью въ Удской округѣ и въ Якутскомъ округѣ смежныхъ областей.

О тунгусахъ по Селимджѣ и Ниману сообщается и въ приложеніяхъ къ Всеподданнѣйшимъ отчетамъ Амурскихъ губернаторовъ и въ мѣстной переписи 1901 — 1902 гг. Расположенная на притокѣ р. Дольникана (притокъ Буреи) часовня Буреинская и недалеко отъ нея по Буреѣ Чекундинскій складъ находятся еще въ мѣстности, населенной тунгусами. Слѣдуетъ замѣтить, что эта часовня, часовня Инканская, близъ р. Ср. Мыни (притокъ Селимджи), и Буруканская при р. Тугурѣ (Удская окр.) уже съ давнихъ поръ служатъ мѣстами сборищъ для тунгусовъ этого района; здѣсь они обмѣниваютъ у прибывающихъ сюда якутскихъ и русскихъ купцовъ шкуры и мѣха на порохъ, свинецъ, желѣзные товары и т. д. Сюда же въ это время пріѣзжаютъ и священники для совершенія требъ.

Къ этому же району принадлежатъ и мѣстности по хребту Малый Хинганъ (Буреинскія горы), гдѣ тоже кочуютъ тунгусы. Въ южной части этой горной цѣпи ихъ заставали многіе изслѣдователи, которые ихъ иногда называли «бирарами». По нѣкоторымъ указаніямъ видно, что и бассейнъ средняго и верхняго теченія лѣваго притока Буреи—Тырми слѣдуетъ включить въ область тунгусовъ; въ особенности это касается р. Сутура. Сама же Тырма весьма бурная рѣка и берега ея не заселены. Лишь весной сюда стекаются тунгусы ради рыбной ловли (Павловскій).

Относительно другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ близъ Буреи,—р. *Харъ* или *Арѣ-бира*, *Грязнуха* и др., ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Кн. Дадешкиліани въ 80-хъ годахъ засталъ на первой рѣкѣ конныхъ тунгусовъ, которыхъ называетъ то «орочонами», то по имени рѣки «бирарами», но другіе изслѣдователи и перепись хранятъ о населеніи этой рѣки полное молчаніе, какъ и данныя полиціи за 1901—1902 гг.

Въ 50-хъ годахъ весь этотъ районъ за исключеніемъ верховьевъ Буреи и Нимана Шренкъ относилъ къ области бираровъ, которые жили и по Амуру, отъ д. Кадыганъ внизъ до р. Н. Дичунъ, но нынѣ они очистили русскую территорію (см. ниже), причемъ болѣе сѣверную часть ихъ области заняли тунгусы, спустившіеся съ Нимана, верховьевъ Буреи и изъ смежнаго Якутскаго округа, а лѣвый берегъ Амура—русскіе.

По мелкимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Амуръ къ югу отъ хребта Урекча, тунгусы заходятъ вѣроятно лишь случайно, но по слѣдующей затѣмъ къ востоку крупной рѣкѣ *Б. Бирь* (Кильмену, Муолэ) тунгусы несомнѣнно постоянно проживаютъ. Такъ, это засвидѣтельствовано переписью и полицейскими данными 1901—1902 гг. (стр. 10). Наконецъ, какъ указано выше, къ тунгусской области принадлежитъ и большая часть бассейна р. Тунгуски, именно бассейны ея притоковъ Уньмы и Кура, гдѣ по Шренку обитали загадочные *кили*.

Къ Амурской же области принадлежитъ и верхнее теченіе р. *Амгуни*, которое въ этихъ предѣлахъ тоже служитъ временнымъ мѣстопребываніемъ тунгусскихъ звѣролововъ. Вообще бассейнъ Амгуни, составляющій собственно коренную область негидальцевъ, въ лѣвой или сѣверной своей половинѣ служитъ мѣстомъ кочевій довольно многочисленныхъ тунгусовъ (см. стр. 36), часть которыхъ однако была зарегистрирована, хотя и въ Удской округѣ, но внѣ бассейна Амгуни.

Относительно всей юго-восточной части Амурской области, лежащей къ востоку отъ Буреи, весьма цѣнно сообщеніе кн. Дадешкиліани [1]), какъ очевидца, пересѣкшаго всю эту мѣстность во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ ни одного болѣе или менѣе значительнаго притока Амура, Амгуни и Буреи, на которомъ нельзя бы было не встрѣтить тунгусской юрты, хотя стоянки тунгусовъ и рѣдко состоятъ изъ болѣе чѣмъ изъ 2—6 шатровъ и раздѣлены по большей части значительными, иногда огромными, разстояніями. Горныя же мѣстности (Становой хребетъ, Буреинскій хребетъ и др.) почти не заселены и лишь временно посѣщаются тунгусами-звѣроловами.

Эти указанія цѣнны въ томъ отношеніи, что позволяютъ

[1]) „Сборн. географ., топогр. и истор. мат. по Азіи“, XXXII, 270.

намъ безбоязненно производить интерполяцію въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ у насъ не хватаетъ статистическихъ оффиціальныхъ данныхъ объ ихъ населеніи, и наводятъ на мысль, что данныя обзоровъ области, переписи 1897 г. и другихъ оффиціальныхъ источниковъ далеко не полны и охватываютъ лишь главную массу тунгусскаго населенія извѣстныхъ районовъ, гдѣ находятся ихъ сборные пункты, но не всѣхъ представителей этого племени. Но, такъ какъ тунгусы никогда не живутъ долго на мѣстѣ и постоянно расходятся въ разныя стороны, по временамъ появляясь въ мѣстностяхъ, гдѣ годами не бывали, чтобы вскорѣ вновь исчезнуть оттуда на цѣлые годы, то зарегистрировать ихъ болѣе или менѣе точно нѣтъ физической возможности. Это въ особенности касается глухихъ мѣстъ и гористыхъ пространствъ, гдѣ надо пройти десятки и сотни верстъ, чтобы встрѣтить одну юрту или одинъ шатеръ тунгуса-звѣролова. Въ такія мѣста конечно не проникаетъ никакая административная власть и свѣдѣнія объ ея населеніи или гадательны или совсѣмъ отсутствуютъ. Въ виду этого соображенія мы не безъ основанія полагаемъ, что цифровыя данныя переписи о численности тунгусовъ въ Амурской области должны быть значительно ниже дѣйствительныхъ.

Выше мы видѣли, что по даннымъ переписи 1897 года, собственно тунгусовъ въ предѣлахъ Амурской области было зарегистрировано всего 427 д. (259 м.), всѣхъ бродячихъ и кочующихъ инородцевъ тунгусскаго племени (съ орочонами, манеграми и гольдами) всего 1.266 д. (700 м.), а съ якутами Буреинскаго горнаго округа 1.606 д. (945 м.).

Другіе оффиціальные источники, предшествующіе переписи, не даютъ численности отдѣльныхъ племенъ области, а лишь валовыя приблизительныя данныя о числѣ всѣхъ ея бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ. Обзоры области за 80-е года опредѣляли численность этой бродячей части населенія въ 3.000 душъ, причемъ сюда не входили осѣдлые инородцы разныхъ сибирскихъ племенъ, главнымъ образомъ тунгусы, якуты и татары, численность которыхъ обзоръ области за 1897 г. опредѣляетъ въ 368 м. и 72 ж. Сохранилось указанное выше число, вѣроятно какъ близко подходящее къ истинному, и послѣ 1887 г., когда мѣстными полицейскими органами была сдѣлана попытка болѣе точно зарегистрировать бродячихъ инородцевъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ обзорахъ число

бродячихъ инородцевъ показывается еще менѣе опредѣленно; именно; въ нихъ говорится, что оно колеблется отъ 3.000 до 6.160 душъ обоего пола. Изданіе «Волости и населенныя мѣста 1893 г.» (вып. 2) сообщаетъ, что число бродячихъ инородцевъ въ области простирается до 4.233 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, данныя этихъ оффиціальныхъ источниковъ показываютъ число бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ Амурской области по меньшей мѣрѣ вдвое больше чѣмъ перепись. Какимъ же свѣдѣніямъ отдать предпочтеніе? Конечно всѣ оффиціальныя данныя до переписи представляютъ по большей части лишь исчисленія, но исчисленія эти сдѣланы людьми, близко знакомыми съ краемъ,—горными исправниками, которымъ подвѣдомственны бродячіе и кочевые инородцы и которые посѣщаютъ ихъ сборища или сугланы, такъ что трудно предположить, чтобы они могли ошибиться на 100%.

Если сдѣлать въ данныхъ переписи касательно разныхъ бассейновъ рѣкъ должныя поправки, то полученное число инородцевъ болѣе или менѣе приблизится къ 3.000 душъ, показываемымъ обзорами области за 80—90 года.

Первая поправка заключается въ томъ, что, какъ указано выше, бассейнъ р. Тунгуски отнесенъ въ переписи къ Приморской области, въ виду чего къ бродячему населенію Амурской области слѣдуетъ прибавить 425 д. (бродячее населеніе мѣстности).

Во-вторыхъ, кочующіе въ Хинганскомъ горномъ округѣ и упоминаемые въ обзорахъ области инородцы, главнымъ образомъ гольды, въ числѣ около 300 душъ, повидимому не попали въ перепись 1897 г. и въ мѣстную перепись горныхъ исправниковъ за 1901—1902 г.г.

Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ указано выше, перепись проникла далеко не всюду и многіе уголки Амурской области остались не переписанными. Число такихъ пропущенныхъ инородцевъ вѣроятно должно быть не менѣе 400 душъ. Такимъ образомъ, если придерживаться наличнаго населенія и не принять поэтому въ разсчетъ тѣхъ обитателей Буреи, Селимджи и Кура, которые были зарегистрированы въ смежныхъ Удской округѣ и Якутскомъ округѣ, а ихъ число должно быть не менѣе 500 душъ (см. стр. 47), то бродячее населеніе Амурской области должно быть увеличено на 1.125 душъ и тогда его численность составитъ (съ 26 манеграми—см. стр. 50) 2.757 душъ.

Что это число не преувеличено, свидѣтельствуютъ не только приведенные выше источники, но и очевидецъ кн. Дадешкиліани, лично посѣтившій въ 1887 г. юго-восточную часть области и опредѣлившій число тунгусовъ въ тайгѣ между Буреей, Амуромъ и Амгунью въ 700 юртъ [1]), что вѣроятно соотвѣтствуетъ 3.000—3.500 душамъ обоего пола, а между тѣмъ эта тайга составляетъ лишь часть Амурской области. Впрочемъ, возможно, что часть тунгусовъ этой мѣстности выселилась съ тѣхъ поръ въ смежные округа (Якутскій и Удскую).

Изъ полученныхъ выше 2.731 душъ бродячаго населенія области на долю собственно тунгусовъ приходится 959 души, именно: 427 д. по даннымъ переписи, 132 д. въ бассейнѣ р. Тунгуски (см. выше, стр. 48) и около 400 д. пропущенныхъ главнымъ образомъ въ восточной части области; остальные—орочоны, манегры, якуты и другіе [2]).

§ 4. Якутская область.

Въ предѣлахъ данной области тунгусы не имѣютъ строго отграниченнаго отъ якутовъ района, но встрѣчаются всюду, гдѣ топографическія условія мѣстностей не благопріятствуютъ главному занятію якутовъ—разведенію скота и коней, именно въ тундрахъ, гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ, представляющихъ однако удобства для разведенія оленей и для охоты. Большая часть нижняго и средняго теченія наиболѣе крупныхъ рѣкъ области на извѣстное разстояніе по обѣ ихъ стороны заселена якутами, живущими по большей части небольшими группами (по 1—2—3 семьи) по разнымъ урочищамъ. Русское населеніе области проживаетъ въ городахъ и въ малочисленныхъ селеніяхъ по лѣвому берегу Лены въ предѣлахъ Олекминскаго и Якутскаго округовъ, вдоль тракта изъ Якутска въ Вилюйскъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ средняго и нижняго теченія крупныхъ рѣкъ. Особаго района русскіе нигдѣ не образуютъ (кромѣ пріисковъ). Всѣ же остальныя мѣстности, болѣе отдаленныя отъ ложа крупныхъ рѣкъ, входятъ въ составъ области тунгу-

[1]) l. c., 270.

[2]) Изъ оставшихся 1.798 д. на долю орочоновъ приходится 677 души, на долю манегровъ 186 д. (по переписи 160 д. и по полиц. спискамъ по Селимджѣ 26 д.), орочей Вятской вол.—35 д., гольдовъ 555 д. (въ Вятской вол.—253 д., въ Амурской обл. по переписи 2 д. и пропускъ 300 д. (?)), якутовъ 345 д. (въ томъ числѣ 5 д. въ Вятской вол.),

совъ, которые кромѣ того въ видѣ широкаго полукольца охватываютъ якутскія владѣнія съ востока, юга и запада. Эта часть тунгусской области орошается Оленекомъ и верхнимъ теченіемъ Вилюя, верхнимъ и среднимъ теченіями Олекмы, Алдана и верховьями Яны, Индигирки и Колымы.

Относительно послѣднихъ двухъ рѣкъ замѣтимъ еще слѣдующее: Индигирка заселена якутами почти на всемъ своемъ протяженіи, а тунгусы живутъ лишь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея береговъ.

Въ бассейнѣ Колымы якуты размѣстились лишь по ея лѣвому берегу, къ сѣверу отъ устья Ясачной, весь же ея правый берегъ и все ея верхнее теченіе, а также ея крупные правые притоки: Омолонъ и оба Анюя почти всецѣло принадлежатъ области тунгусовъ.

Тунгусы занимаютъ своими кочевьями отчасти и сѣверную полосу области. Но здѣсь они часть территоріи должны были уступить другимъ инородцамъ края—якутамъ, которые встрѣчаются въ низовьяхъ Лены, Омолоя, Яны, Хромы и отчасти Индигирки, и чукчамъ, которые заняли берегъ моря отъ Чаунской губы до низовьевъ Индигирки на западѣ. Въ этой же мѣстности (отъ 133° в. д. отъ Пулк. до Индигирки), но южнѣе, совмѣстно съ тунгусами проживаютъ остатки коренныхъ жителей страны—юкагировъ, съ которыми они сильно смѣшались.

Наконецъ, немногія орды тунгусовъ можно встрѣтить и въ промежуткѣ между болѣе крупными рѣками, около которыхъ ютится якутское населеніе, а въ отдѣльныхъ пунктахъ и въ самыхъ поселеніяхъ якутовъ.

Замѣтимъ еще, что малочисленное всюду тунгусское населеніе въ особенно рѣдко на сѣверо-западѣ области между среднимъ и нижнимъ теченіемъ Анабары и Лены и на юго-востокѣ по верхнему теченію Колымы и Омолона, прибл. къ югу отъ 64° с. ш.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному географическому распредѣленію тунгусовъ по территоріи области въ связи съ ихъ численностью.

Колымскій округъ.

Данныя переписи о мѣстахъ кочевокъ бродячихъ ламутовъ округа носятъ болѣе или менѣе отрывочный характеръ и напоминаютъ моментальный снимокъ. Многія мѣстности и рѣчки,

гдѣ они обыкновенно кочуютъ, здѣсь не поименованы, если на нихъ случайно во время регистраціи не были застигнуты ламуты. Въ виду этого данныя переписи не могутъ быть вполнѣ достаточными, чтобы послужить матеріаломъ для выясненія вопроса о географическомъ распредѣленіи по территоріи округа отдѣльныхъ племенъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не имѣющихъ прочной осѣдлости. Но кромѣ переписи въ нашемъ распоряженіи имѣлись прекрасныя изслѣдованія г.г. Богораза и Іохельсона за 90-ые годы истекшаго столѣтія, которыя, въ связи съ данными переписи, болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшаютъ тѣ многочисленные спорные вопросы, на которые здѣсь приходится наталкиваться на каждомъ шагу.

Начнемъ съ сѣверо-востока округа. Богоразъ слѣдующимъ образомъ разграничиваетъ этотъ край между ламутами и чукчами: «Предѣлы обитанія Колымскихъ Каменныхъ ламутовъ, принадлежащихъ къ четыремъ родамъ (I Дельянскому, I Каменному, Уяганскому и II Омолонскому), захватываютъ область верховьевъ р.р. Сухого и Большого Анюевъ и Омолона, почти вплоть до праваго «Каменнаго» берега Колымы. Между тѣмъ какъ годичныя кочевки чукотскихъ оленеводовъ [1]) большей частью ограничиваются переходами съ зимняго пребыванія стадъ на лѣтнее и обратно, заключенными въ извѣстныхъ, довольно ограниченныхъ, предѣлахъ съ уклоненіями въ сторону не болѣе 50—100 верстъ, размахъ ламутскихъ скитаній требуетъ гораздо болѣе обширныхъ границъ и простирается ежегодно на многія сотни верстъ. Проживая во время лѣта, подобно нѣкоторымъ чукчамъ, за предѣлами лѣсной растительности, въ области рѣчныхъ верховьевъ, они уже съ конца августа приближаются къ опушкѣ, мало-по-малу углубляясь внутрь тайги, и въ поискахъ охотничьей добычи переходятъ съ бассейна одной рѣчки на другую, то поднимаясь на безлѣсные перевалы, то спускаясь къ устьямъ горныхъ рѣчекъ, гдѣ на рѣчныхъ островахъ и песчаныхъ мысахъ лиственница уже чередуется съ тополемъ березой и осиной.

Моря и тундры ламутъ не любитъ и предпочитаетъ на лѣто уходить обратно въ горы, часто выбирая самыя пустын-

[1]) Здѣсь имѣются въ виду Тойоновскіе чукчи, кочующіе по правымъ притокамъ Омолона.

ныя мѣстности, обойденныя чукотскимъ переселеніемъ, напр. по верхнему теченію Б. Анюя.

Только около 40 семей, живущихъ по верховьямъ р. Россомашьей и принадлежащихъ къ разнымъ родамъ, отбились въ сторону отъ общеламутскихъ поселеній, пріобрѣли привычку ходить вслѣдъ за чукчами и лѣтомъ спускаются въ тундру къ берегамъ Чаупской губы, гдѣ и занимаются промысломъ песца и тундреннаго дикаго оленя» [1]).

Такимъ образомъ, въ сѣверо-восточномъ углу округа отдѣльныя національности распредѣляются по его территоріи приблизительно слѣдующимъ образомъ: къ сѣверу отъ р. М. Анюя до океана и отъ р. Чауна на востокѣ почти до нижняго теченія Колымы рѣшительно преобладаютъ ч у к ч и, среди которыхъ по правымъ притокамъ М. Анюя и въ верховьяхъ Чауна встрѣчаются и малочисленные ламуты, къ которымъ въ низовьяхъ Колымы присоединяются еще отдѣльныя якутскія и русскія семьи. Къ югу отъ М. Анюя вся страна, ограниченная съ востока и юга межой округа, а съ запада р. Колымой, составляетъ область почти единственнаго владѣнія л а м у т о в ъ. Постороннихъ жителей въ этомъ районѣ почти нѣтъ. Изъ нихъ слѣдуетъ указать на небольшіе остатки прежде господствовавшаго въ сѣверной части края племени юкагировъ по прав. притоку Колымы Коркодону и по его притоку Россохѣ, гдѣ они составляютъ около половины населенія, а также по нижнему и отчасти среднему Омолону и его притоку М. Олою (гдѣ ихъ около 10%). Въ верховьяхъ Б. Олоя и по другимъ правымъ притокамъ Омолона: Уягану, Молондѣ, Кигели и др. бродятъ кромѣ ламутовъ еще чукчи, называемые Тойоновскими, процентъ которыхъ возрастаетъ къ востоку. Слишкомъ удаленные отъ моря, чтобы проводить тамъ лѣто, они лѣтуютъ на снѣжныхъ хребтахъ—отрогахъ Становой цѣпи. Вслѣдствіе затруднительности попасть въ эти мѣста, эти чукчи избѣгли переписи, какъ вѣроятно и часть ламутовъ въ наиболѣе глухихъ мѣстностяхъ края. Тойновскіе чукчи представляютъ наиболѣе многочисленную группу постороннихъ жителей охарактеризованнаго района. Якутовъ въ этомъ районѣ почти нѣтъ. Они встрѣчаются лишь весьма небольшими колоніями по правому берегу Колымы, 70—80 вер. къ сѣверу отъ устья Ясачной, изъ

[1]) „Землевѣдѣніе“, 1900, I, 59.

коихъ самая значительная—пос. Родчево. Кромѣ того нѣсколько якутскихъ семей встрѣчаются по нижнему теченію Б. Анюя и къ югу отъ р. Омолона. Маленькія якутскія колоніи въ 1—3 юрты разбросаны и въ верховьяхъ Ясачной и ея притока Нелемной, а также у устьевъ рр. Балыгычанъ, Заимчанъ, Буюнды и другихъ притоковъ верхней Колымы—это выходцы изъ Баягантайскаго улуса Якутскаго округа.

По лѣвую сторону Колымы до границы Верхоянскаго округа отдѣльныя племена края размѣстились слѣдующимъ образомъ: якуты, составляющіе главную часть населенія этой мѣстности, заняли весь лѣвый берегъ Колымы и прилегающую къ нему полосу земли на югъ отъ 68—69° с. ш., гдѣ проходитъ сѣверная граница лѣсовъ [1]), до пункта, расположеннаго 60 вер. къ сѣверу отъ Верхне-Колымска, гдѣ находится послѣднее на югѣ якутское поселеніе—Карбасское [2]). Южнѣе Карбасскаго по Ясачной и ея притоку Нелемной и др. рѣкамъ проживаютъ немногія семьи юкагировъ и ламутовъ (по переписи—30 и 70 %). Въ остальной верховой части Колымы постояннаго населенія нѣтъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ якутскихъ юртъ у устьевъ ея притоковъ (см. выше); даже ламуты здѣсь малочисленны, въ виду чего вся южная окрайна округа, къ югу отъ 64° с. ш. или точнѣе отъ широты Коркодона, пустынна и не изслѣдована. Іохельсонъ про эту мѣстность сообщаетъ, что лишь зимой на западные хребты ея выходитъ нѣсколько семей Индигирскихъ ламутовъ, а на восточные—Гижигинскихъ и что кое-гдѣ распространяются юкагиры съ р.р. Ясачной и Коркодона. По всему вѣроятію эта равнина—восточная часть обширнаго Оймяконскаго плоскогорія, на которомъ, по словамъ ламутовъ, изъ одного озера берутъ начало Индигирка и Колыма. Здѣсь богатые ламуты проводятъ лѣто съ большими стадами оленей.

---

[1]) Здѣсь, въ притундренной полосѣ, у границы лѣсовъ, они на половину обратились въ собаководовъ и, забросивъ свое главное занятіе—скотоводство, кормятся главнымъ образомъ рыболовствомъ въ озерахъ.

[2]) Главная часть якутовъ сгруппирована къ ССЗ. отъ Средне-Колымска (Эгинскій, Отдѣльно-Байдунскій и 3 Мятюжскій наслеги Колымскаго улуса), въ низменной странѣ озеръ, связанныхъ сѣтью високъ, впадающихъ въ Б. Чукочью и Алазею. Другая значительная группа якутскаго населенія находится въ подобной же мѣстности Верхне-Колымской части округа (1 Байдунскій и 4 Мятюжскій наслеги).

Послѣднимъ на западѣ урочищемъ якутовъ даннаго округа является Бысытахъ (В. Іохельсонъ см. 2 прим. стр. 60).

Изъ Гижиги къ устью Россохи, прав. притока Коркодона, ламуты прикочевываютъ въ 20—23 дня.

Теперь намъ осталось охарактеризовать населеніе сѣверо-западнаго угла Колымскаго округа, расположеннаго, съ одной стороны, между границей лѣсовъ (ок. 68° с. ш.) и океаномъ и, съ другой стороны,—между нижнимъ теченіемъ Колымы на востокѣ и границей Верхоянскаго округа или точнѣе Индигиркой на западѣ. Самую прибрежную полосу вдоль океана, преимущественно у устьевъ рѣкъ, падающихъ въ океанъ, отъ Колымы до р. Шандрона, заняли своими кочевьями чукчи-олепеводы, выходцы изъ-за Колымы, которые въ небольшомъ числѣ проживаютъ и по пр. притоку нижней Индигирки Іерчену и по нижней Алазеѣ. Общее ихъ число въ этой, такъ называемой, Большой или Западной тундрѣ простирается, по даннымъ переписи, до 373 д. Южнѣе, вплоть до границы лѣсовъ, проживаютъ малочисленные бродячіе инородцы четырехъ родовъ: двухъ юкагирскихъ (I и II Алазейскіе) и двухъ тунгусскихъ: Ходейджиль или II Каменный [1]) ламутскій и Бетильскій. Эти роды, по Іохельсону, обитаютъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: I Алазейскій (Алап), остатокъ прежняго коренного населенія края, кочуетъ по Б. Чукочьей; II Алазейскій (Эрбеткэнъ или Дудки), пришедшій по преданію съ Индигирки,—на Алазеѣ и къ западу отъ нея; Ходейджиль, прикочевавшій сюда по преданію съ праваго берега Колымы и кочующій тамъ же; въ архивахъ онъ называется то юкагирскимъ, то ламутскимъ; наконецъ, Бетильскій—бродитъ между Б. Чукочьей и Алазеей. Два послѣдніе рода, которые мы считаемъ тунгусскими, сильно объюкагирѣли и говорятъ на одномъ съ двумя другими родами тундры юкагирскомъ тундренномъ нарѣчіи [2]). Тѣ и другіе называются тунгусо-юкагирами. Кромѣ того на Колымско-Алазейской тундрѣ можно встрѣтить кое-гдѣ ламутскія семьи съ южныхъ отроговъ Алазейскаго хребта или юкагиро-ламутскіе шатры съ западнаго берега Индигирки [3]). Въ общемъ юкагиры со-

---

[1]) „Каменные“ по всему вѣроятію означаетъ обитателей горныхъ хребтовъ, въ противоположность обитателямъ тундры; ср. Каменные (т. е. Уральскіе) самоѣды.

[2]) В. Іохельсонъ: „Живн. Стар.“ 1900, I—II, 151 сл. и онъ же „Изв. В. Спб. О. И. Р. Геогр. Общ.“ XXIX. 1898, I, 9 сл.

[3]) Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что тундренные роды такъ перемѣшались другъ съ другомъ, что въ настоящее время представляется дѣломъ далеко не легкимъ рѣшить, который изъ нихъ принадлежитъ къ какой національности: мѣстами ламутскіе роды объюкагирѣли, мѣстами

составляютъ въ этой части тундры по переписи 44 % и ламуты 56% ея населенія, но мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ говорить лишь объ ихъ двухъ тунгусскихъ родахъ, которые, замѣтимъ, по переписи имѣютъ нѣсколько иныя мѣста обитанія. Въ указанныхъ выше предѣлахъ ламуто-юкагиры лѣтнюю половину года держатся на сѣверѣ, въ тундрѣ, а съ наступленіемъ мороза и мрака спускаются на югъ, въ полосу корявыхъ деревьевъ и границы лѣсовъ, гдѣ соприкасаются съ сѣверными якутами. Сюда же въ зимнее время приходятъ и чукчи, но глубоко не проникаютъ въ лѣсную область.

Обратимся теперь къ даннымъ переписи и покажемъ, какимъ образомъ тунгусское населеніе округа было распредѣлено по его территоріи въ концѣ января 1897 г., а также какова

напротивъ юкагиры въ большей или меньшей степени ассимилировались съ ламутами, а историческіе документы—архивы считаютъ иногда одни и тѣ же роды, то юкагирскими, то ламутскими. Мы въ вышеизложенномъ руководились результатами изслѣдованій этихъ народностей на мѣстѣ В. Іохельсономъ (l. c.). Изъ перечисленныхъ родовъ большій интересъ представляетъ для насъ Бетильскій тунгусскій родъ, который нынѣ настолько ассимилировался съ мѣстными юкагирами Западной тундры, что говоритъ лишь на ихъ нарѣчіи, причемъ представители его называютъ себя тоже „о д у л ъ“—т. е. „юкагирами“ (это племенное названіе юкагировъ означаетъ: „крѣпкій, сильный, храбрый“). Интересно, что русское населеніе края, не зная мѣстныхъ нарѣчій, считаетъ ихъ языкъ, какъ и языкъ другихъ тундренныхъ родовъ, „тунгусскимъ“, можетъ быть въ виду того, что они въ первое время своего водворенія въ краѣ еще изъяснялись по-тунгусски. У якутовъ они извѣстны подъ названіемъ „т о н г у с ъ“ и „х а н г а я“ (х а н г а і-л ä р ъ), откуда произошло верхнеколымско-юкагирское выраженіе „ханчигэ“—„промышленникъ“. (Верхнеколымскіе юкагиры, удаленные отъ тундренныхъ родовъ на тысячи верстъ, называютъ ихъ „а л а н“, подразумѣвая подъ этимъ именемъ не юкагировъ, а тунгусовъ. Сами Бетильцы называютъ: тундренныхъ юкагировъ родовымъ именемъ А л а н, Индигирскихъ—Д у д к и, а Колымскихъ—К о г и м э, которое происходитъ вѣроятно отъ имени вымершаго рода). Итакъ, языкъ въ данномъ случаѣ является не надежнымъ признакомъ для классификаціи національностей. Но, съ другой стороны, и физическій типъ юкагирскихъ родовъ не можетъ служить доказательствомъ ихъ юкагирскаго происхожденія. Такимъ образомъ, по отношенію къ Алаямъ (см. выше), именно языкъ является доказательствомъ того, что они коренные юкагиры, но по типу они, вслѣдствіе частыхъ смѣшеній съ ламутами, скорѣе приближаются къ тунгусамъ.

Также бытъ, обычаи, обряды и вѣрованія этихъ бродячихъ родовъ Западной тундры представляютъ смѣсь двухъ и болѣе національностей, причемъ указанныя стороны ихъ духовной жизни носятъ въ общемъ болѣе юкагирскій характеръ, между тѣмъ какъ въ матеріальной сторонѣ ихъ жизни сильнѣе сказывается вліяніе тунгусовъ. По всему вѣроятію, будучи въ отдаленномъ прошломъ, подобно другимъ палеазіатскимъ племенемъ сѣверо-восточной Сибири, рыболовами и звѣроловами—собаководами, они своимъ тунгусскимъ сосѣдямъ обязаны обогащеніемъ своего хозяйства новымъ домашнимъ животнымъ—сѣвернымъ оленемъ. (В. Іохельсонъ: „Жив. Стар.“. 1900, I—II, 151 стр. и сл.).

была численность этого племени въ отдѣльныхъ его районахъ.

Изъ всего числа тунгусовъ и ламутовъ округа лишь 99 д. (44 м.) проживали, какъ мы увидимъ, среди другихъ національностей края (см. стр. 64), всѣ же остальные—въ своихъ собственныхъ кочевьяхъ, въ бассейнѣ средней и нижней Колымы (за исключеніемъ полосы по ея берегамъ, гдѣ ихъ мало), преимущественно по ея правымъ притокамъ: Омолону, Б. и М. Анюямъ и въ меньшей степени по р. Алазеѣ, прав. притоку Индигирки (ламуто-юкагиры), и по верхнему теченію Чауна, впадающаго въ одноименную губу Ледовитаго океана.

а) Въ бассейнѣ *р. Омолона* (пр. прит. Колымы) въ 1897 г. было переписано 360 д. (178 м.) тунгусовъ. Изъ нихъ 215 д. (105 м.) проживали въ верховьяхъ названной рѣки и 7 д. (4 м.) по среднему ея теченію, 113 д. (58 м.) въ верховьяхъ р. Олоя, притока Омолона; въ верховьяхъ Б. Олоя—11 д. (5 м.) и въ верхнемъ теченіи Курьи, прит. Омолона 14 д. (6 м.). Богоразъ (l. c., 59) упоминаетъ еще два притока верхняго Омолона, падающіе въ него съ правой стороны,—рр. Молóнду и Уяганъ, гдѣ бродятъ ламуты, но и чукчи (см. стр. 58). Слѣдуетъ здѣсь отмѣтить тотъ фактъ, что въ мѣстности Олоя послѣдніе, не имѣя возможности уходить на лѣто въ приморскія тундры, сильно стѣсняютъ возрождающееся оленеводство ламутовъ.

б) Въ бассейнѣ р. *Сухого* (*Малаго*) *Анюя* проживало 227 д. (118 м.), почти исключительно въ ея верхнемъ теченіи.

Принимая во вниманіе, что всѣхъ тунгусовъ въ округѣ 1111 душъ, по этимъ двумъ рѣкамъ зимой 1897 года было сгруппировано болѣе половины ихъ.

в) Въ верховьяхъ *Б. Анюя* было переписано 31 д. (17 м.) ламутовъ. Въ другихъ мѣстахъ ея теченія перепись ихъ не указываетъ, хотя эта рѣка всецѣло входитъ въ составъ тунгусской области и объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что тунгусское населеніе на ней весьма малочисленно и можетъ быть отчасти избѣжало регистраціи.

Слѣдующее мѣсто по численности ламутовъ принадлежитъ

г) бассейну р. *Ясачной*, лѣваго притока Колымы; здѣсь было переписано 61 д. (27 м.), изъ коихъ 30 д. (16 м.) въ

поселкѣ Нунгаданъ-ангиль по р. Нелемной, ея лѣв. притоку, и 31 д. (11 м.) въ ур. Нягяинъ по самой Ясачной. Ламуты составляютъ около 70% населенія бассейна Ясачной (остальные 30%—юкагиры).

д) Въ бассейнѣ р. *Коркодона*, пр. притока Колымы, 19 д. (8 м.), изъ коихъ 13 д. (6 м.) въ пос. Ачуонангіе у рч. Россохи, р. Коркодону, и 6 д. (2 м.) въ пос. Коркодонъ-ангиль по р. Коркодону. Кромѣ того, среди юкагировъ ихъ оказалось 13 д. или всего 32 д., т. е. около половины населенія его бассейна.

е) Въ бассейнѣ *средней и нижней Колымы* (не считая ея крупныхъ правыхъ притоковъ) было зарегистрировано 82 д. (44 м.), въ т. ч. у р. Филатихи, ок. р. Колымы, 6 д. (2 м.), по рч. Каменкѣ, прит. Колымы, 17 д. (9 м.), по рч. Аулунъ, прит. Колымы, 6 д. (3 м.), по рч. Березовкѣ, прит. р. Колымы, 21 д. (13 м.), въ т. ч. 15 д. (9 м.) въ ея верховьяхъ, ок. Чебакиновскаго оз. (80 вер. къ зап. отъ Н. Колымска) 17 д. (8 м.), въ ур. Конжебай, на прав. бер. Колымы, 12 д. (7 м.), при рч. Филипповой, ок. Пантелеихи 3 д (2 м.).

з) По р. *Алазеѣ*, пр. притоку Индигирки, было переписано 81 д. (45 м.) ламутовъ, въ т. ч. по рч. Россохѣ, ея притоку 12 д. (5 м.), при оз. Кёлюя-кёль, къ западу отъ Алазеи, 7 д. (2 м.) и при оз. Сасабытъ, въ 30 вер. къ западу отъ Алазеи, 7 д. (5 м.), по Алазеѣ 2 д. (1 м.), на Алазейскомъ хребтѣ, по пр. берегу Алазеи, 35 д. (21 м.), при оз. Лебеляхъ, за р. Алазеей, 5 д. (4 м.), по рч. Хомо-юряхъ, л. притоку нижней Алазеи, 4 д. (2 м.), при оз. Тулурукъ-кёль, къ зап. отъ Алазеи, 9 д. (5 м.).

Кромѣ того по *Индигиркѣ* было зарегистрировано всего 3 д. (1 м.), напротивъ Аллаихи 6 д. (3 м.), по ея пр. притоку (?) Шандринъ 12 д. (5 м.), по р. Береляхъ, пр. притоку Индигирки (?), 4 д. (3 м.). Итого по Индигиркѣ 25 д. (12 м.), а считая и ея притокъ Алазею—106 д. (57 м.).

ж) по р. *Чаунѣ*, впадающей въ Чаунскую бухту Ледовитаго океана и служащей границей Якутской и Приморской областей, въ 1897 г. проживало 27 д. (11 м.), исключительно въ ея верховьяхъ. Богоразъ же опредѣляетъ число ламутовъ этой мѣстности въ 40 сем. (200 чел.)—см. стр. 58.

і) Изъ остальныхъ тунгусовъ края немногіе ламуты проживаютъ еще въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, положеніе кото-

рыхъ частью не извѣстно: въ пос. Шахадовыхъ («Лисья Нора») 8 д. (4 м.), въ пос. Пёди (Камешекъ) 18 д. (10 м.), при оз. Тогусъ-Талалахъ 14 д. (7 м.), оз. Береляхъ 10 д. (6 м.), ок. оз. Тонгоръ 30 д. (12 м.), при оз. Шокурдахъ, между верхнимъ теченіемъ Алазеи и Индигиркой, 4 д. (2 м.) и т. д.

Сверхъ того, какъ сказано выше, 99 д. (40 м.) ламутовъ и тунгусовъ проживаютъ среди другихъ національностей края: русскихъ, якутовъ, чукчей и юкагировъ, входя частью въ составъ ихъ семействъ, но составляя минимальный процентъ населенія каждой мѣстности. Изъ нихъ осѣдло живутъ въ русскихъ селеніяхъ Нижне-Колымскаго и Средне-Колымскаго сельскихъ обществъ всего 10 ч. (7 м.), изъ коихъ 6 д. (4 м.) «тунгусовъ». Въ урочищахъ среди якутовъ Колымскаго улуса проживаетъ 27 д. (14 м.) ламутовъ, въ т. ч. 9 д. (4 м.) «тунгусовъ». Большинство этихъ инородцевъ зарегистрированы среди якутовъ 2 Кангаласскаго наслега—18 д. (8 м.), 2-го Мятюжскаго наслега—6 ч. (3 м.) и т. д.

Небольшое число ламутовъ встрѣчается среди чукчей, кочующихъ къ западу и востоку отъ Колымы. Ихъ всего 34 д., изъ коихъ 27 женщинъ, входящихъ въ составъ чукотскихъ семействъ. Изъ указаннаго числа на долю чукчей, кочующихъ въ Большой или Западной тундрѣ, приходится 24 женщины (въ томъ числѣ 11 д. зарегистрированы при оз. и р. Іерченъ, прит. Индигирки). Среди чукчей Восточно-Каменнаго Отдѣла живутъ лишь 10 л. (7 м.) ламутовъ.

Среди бродячихъ юкагировъ даннаго округа встрѣчается всего 28 д. (12 м.) ламутовъ, изъ коихъ 13 д. (7 м.) проживаютъ по рр. Россохѣ и Коркодону и 8 д. (5 м.) при оз. Тистяхъ. Остальные 7 д. были женами юкагировъ разныхъ мѣстностей, въ т. ч. 4 ж. жили по рч. Аулуну, прит. р. Колымы.

* * *

Подводя отдѣльно итоги группамъ ламутовъ, кочующихъ къ востоку отъ Колымы, къ западу отъ нея и проживающихъ среди другихъ національностей края, мы получимъ слѣдующую таблицу.

ТАБЛИЦА VII.

Названія районовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.			число душъ въ хоз.	% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Большая или Западная тундра (ламуто-юкагиры)	90	75	165	4,1	83
2. Бассейнъ рр. Омолона, Сух. Анюя и др. . . .	423	424	847	7,0	100 [2]
3. Ламуты и тунгусы среди другихъ національностей	40	59	99	—	147
Итого	**553**	**558**	**1.111** [1]	**6,3**	**101**

Ламуто-юкагиры Западной тундры, живущіе по Алазеѣ, Индигиркѣ и отчасти въ низовьяхъ Колымы, составляли 41 хозяйство, въ которыхъ числилось 165 д. (90 м.).

Ламуты, кочующіе къ востоку отъ Колымы, главнымъ образомъ по Омолону и Анюямъ, составляли вмѣстѣ съ 21 постороннимъ лицомъ 124 хозяйства съ 847 д. об. п. (423 м.). Всѣхъ же постороннихъ среди ламутовъ оказалось 23 д. 7 м.), которые отчасти входятъ въ составъ ламутскихъ семействъ (отчего и преобладаніе женщинъ); изъ нихъ было 13 д. (4 м.) чуванцевъ (въ верховьяхъ Сухого Анюя), 7 д. (3 м.) якутовъ, 1 русская и 2 чукотки.

Общее число всѣхъ тунгусовъ въ Колымскомъ округѣ простирается по даннымъ переписи до 1.111 д. об. п. (553 м.), изъ коихъ лишь 6 д. (4 м.) поименованы *тунгусами*, а всѣ остальные — *ламутами*. Отношеніе мужчинъ къ женщинамъ у нихъ весьма благопріятное: на 100 м.—100 ж. [2]). На среднее хозяйство у бродячаго населенія приходится 6,3 д.

Изъ сопоставленія данныхъ о распредѣленіи тунгусовъ по Колымскому округу, по изслѣдованіямъ гг. Богораза и Іохельсона, лично посѣтившимъ этотъ край, съ данными переписи населенія 1897 г. выясняется, что перепись повидимому не охва-

[1]) Съ поправкой (см. стр. 66)—1.311 д.
[2]) Съ посторонними—102 ж.

тила всего ламутскаго населенія края. Такимъ образомъ, вмѣсто 40 семействъ въ 200 — 240 душъ, кочующихъ, по Богоразу, въ сѣверо-восточной части округа, перепись отмѣтила тамъ всего 27 д. по р. Чауну, причемъ нѣтъ основаній предполагать, что эти ламуты, постоянно тамъ кочующіе, перешли на это время въ другія мѣста (см. стр. 63). И, во 2-хъ, въ числѣ мѣстныхъ ламутскихъ родовъ, отмѣченныхъ переписью, вовсе отсутствуетъ II Омолонскій родъ. Правда, этотъ родъ въ сущности не ламутскій, а юкагирскій, на $^5/_6$ оламутившійся, но мы его не встрѣчаемъ въ переписныхъ листахъ и у юкагировъ, бродящихъ къ востоку отъ Колымы. Такимъ образомъ, счетчики, по всему судя, не имѣли возможности проникнуть во всѣ уголки этой глухой страны, чтобы переписать немногія семьи бродячихъ или кочевыхъ инородцевъ, которыя можно было тамъ и не застать. Данныя переписнаго матеріала поэтому показываютъ лишь минимальное число бродячихъ инородцевъ сѣверной Сибири, будутъ ли то ламуты или юкагиры или чукчи. Въ виду этого, для того, чтобы получить болѣе вѣроятное число тунгусовъ даннаго округа въ концѣ 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія, число 1.111 д. [1]) слѣдуетъ увеличить по меньшей мѣрѣ до 1.311 д.

Верхоянскій округъ [2]).

Огромное большинство представителей тунгусскаго племени этого округа названы въ переписи *ламутами*. Лишь около 24% представителей этого племени, кочующихъ почти исключительно въ предѣлахъ Жиганскаго улуса, отмѣчены *тунгусами*. Судя по названіямъ родовъ и нѣкоторымъ другимъ указаніямъ, они являются сравнительно позднѣйшими пришельцами въ бассейнъ нижней Лены, Оленека и другихъ рѣкъ, переселившимися сюда изъ болѣе южныхъ мѣстностей, гдѣ тунгусы не называются «ламутами», главнымъ образомъ изъ

[1]) По даннымъ «Вол. и насел. мѣста 1893 г.» вып. IX, табл., стр. 11, ихъ 996 д. (517 м.), изъ коихъ 633 д. (331 м.) ламутовъ, остальные — тунгусы.

[2]) Западная граница этого округа обозначена почти на всѣхъ картахъ неправильно, именно по р. Ленѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ охватываетъ и сѣверо-западную часть области, причемъ его граница здѣсь тянется приблизительно отъ м. Жиганска (на Ленѣ) до верховьевъ Анабары и по ней до Ледовитаго океана.

Вилюйскаго округа, какъ это видно изъ отмѣтокъ на переписныхъ листахъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ отличіе ламутовъ отъ тунгусовъ обусловливается мѣстомъ происхожденія каждой группы этихъ инородцевъ и временемъ ихъ переселенія въ Верхоянскій округъ. Коренные жители, принадлежащіе къ этому племени, называются «ламутами», а позднѣйшіе пришельцы изъ континентальныхъ частей области «тунгусами». Послѣдніе принадлежатъ къ родамъ Кюпскому, Нермаганскому, Эжанскому, Чордунскому, Бетюнскому и др., первые раздѣляются на роды: Кункугурскій, Мямяльскій, Ламунхинскій, Тюгясирскій и др. Въ виду того однако, что тѣ же роды въ другихъ мѣстностяхъ иногда называются безразлично тунгусами, мы здѣсь разсмотримъ ихъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что тѣ и другіе составляютъ одинъ и тотъ же народъ (см. стр. 23).

а) ***Эльгетскій*** улусъ соприкасается на востокѣ съ Колымскимъ округомъ и на западѣ съ Усть-и Верхоянскими улусами Верхоянскаго округа. Ему принадлежитъ весь бассейнъ Индигирки. Всѣ представители тунгусскаго племени даннаго улуса имѣютъ самостоятельныя кочевья на сѣверѣ его и не смѣшиваются съ осѣдло живущими якутами [1]). Всѣ они составляютъ коренное населеніе края, называются ламутами и принадлежатъ къ Эльгетской инородной управѣ.

Въ наибольшемъ числѣ они встрѣтились въ уроч. Олбутъ — 65 д. (31 м.) (—озеро Олбутъ расположено приблизительно подъ 112° в. д. и 68°15' с. ш.), затѣмъ въ коч. Мятишь — 45 д. (26 м.), у Ожогиной рѣчки (бл. нижн. теч. Индигирки) 32 д. (17 м.), по рѣчкѣ Сегень 24 д. (13 м.), въ ур. Тумусъ-Хая 20 д. (11 м.), Тоёнъ-Уялахъ—15 д. (8 м.), Кулунъ-Тириляхъ 19 д. (9 м.), далѣе въ ур. Теряхтахъ, Оймуръ-Кумаръ, Хачимчеръ-Баса, Амгаэха-Басыгаръ, Улу-кёль, рч. Еллонь, ур. Гуринъ-камень, Тутъ-Балыктахъ и Усупъ-Аянъ. Въ послѣднихъ двухъ урочищахъ населеніе показано живущимъ

[1]) Якутское населеніе по Индигиркѣ группируется главнымъ образомъ по ея берегамъ, особенно въ ея верхнемъ теченіи. Центромъ ихъ поселеній слѣдуетъ считать мѣстность Абый при озерѣ того же имени. На восточномъ берегу названной рѣки ихъ, меньше чѣмъ на западномъ, низменномъ. Водораздѣлъ между этой рѣкой и Алазеей—невысокій Алазейскій хребетъ совершенно не заселенъ (перепись 1897 г. застигла тамъ у р. Алазеи 35 ламутовъ). Низменность между этимъ хребтомъ и Колымой, очень богатая озерами и рѣчками, усѣяна рѣдкими колоніями якутовъ. (Сѣрошевскій: „Якуты“, I).

осѣдло. Мѣстоположеніе большинства этихъ рѣчекъ и урочищъ не извѣстно. Общее число переписанныхъ здѣсь ламутовъ Эльгетской инородной управы простирается до 40 хозяйствъ и 280 душъ (145 м.), причемъ на каждое приходится по 7,0 душъ.

б) Также и въ *Верхоянскомъ* улусѣ, расположенномъ въ верхнемъ и среднемъ теченіи р. Яны, ламуты имѣютъ самостоятельныя отъ якутовъ даннаго улуса [1]) кочевья. Въ наибольшемъ числѣ они проживали по р. Омолою, впадающей въ губу Боръ-Хая Ледовитаго океана, къ западу отъ р. Яны; здѣсь ихъ было зарегистрировано 84 д. (48 м.) въ уроч. Ылта, Эть, Нерпяль, Юлюгянь, по его притокамъ Харгыя-Харадони, Тиряхтахъ-Жабды, Антыганжи и т. д. По рч. Тостахъ: въ ур. Сары-ураса (мѣстн. Нячики) и Терянтяхъ-Тырда 59 д. (28 м.); по рч. Нянили, пр. прит. р. Оллё—49 д. (24 м.). По р. Индигиркѣ и ея лѣвому притоку Уянди 26 д. (13 м.). По рч. Хара-Улахъ ихъ оказалось 24 д. (15 м.), по рч. Сиримчанъ и Алжанъ 20 д. (9 м.), по притоку Лены Тонохтахъ 19 д., по рч. Тиканъ, прит. Л., 7 д., по р. Бытантаю, лѣвому притоку средней Яны,—46 д. (22 м.), именно по рч. Харгыя, Тарасъ-Ола, Нёлонъ-Деньдя, Есмю и др. Остальные ламуты

---

[1]) По Янѣ осѣдлое (якутское съ небольшой примѣсью русскаго) населеніе образуетъ двѣ самостоятельныхъ группы, разъединенныя пустыннымъ пространствомъ: небольшая группа, образующая Усть-Янскій улусъ въ низовьяхъ и дельтѣ рѣки, по океану и близъ рѣкъ Хараулахъ, Омолой (по которому живутъ якуты Верхоянскаго улуса), Селляхъ, Хрома. Южная граница Усть-Янскаго улуса находится 50 вер. выше пос. Казачьяго (70°45′ с. ш.). Іохельсонъ считаетъ южной межой этого улуса широту Ожогина, а западной хребетъ Тасъ-Тумса, за которымъ начинаются земли, входящія въ составъ Жиганскаго улуса („Изв. В. Сиб. О. И. Р. Геогр. О.“ XXIX, 98. I. 9, сл.). Къ югу отъ указанной линіи тянется поясъ въ нѣсколько сотъ верстъ, гдѣ нѣтъ постояннаго населенія и куда лишь изрѣдка заходятъ тунгусы. Первое поселеніе къ югу принадлежитъ Верхоянскому улусу. Оно находится у впаденія въ р. Яну р. Кюнгясь. По Янѣ живетъ главная масса верховскихъ якутовъ. Кромѣ того поселенія ихъ имѣются въ нижнемъ теченіи Бытантая (лѣв. прит. Яны) и по Дуолгалаху до р. Билира (недалеко отъ впаденія въ Д. главнаго его притока Орто-Сала, около 200 вер. отъ устья р. Д.). Въ верховьяхъ Яны самымъ послѣднимъ къ югу селеніемъ является станція Сирямская, расположенная на разстояніи около 200 вер. отъ Верхоянска. Южнѣе изъ постоянныхъ поселеній имѣются лишь отдѣльныя станціи. На востокъ болѣе крупныя встрѣчаются на р. Адычѣ и на ея притокахъ Борулахѣ (лѣвый) и Тостахѣ (прав.). Еще далѣе на востокъ цѣпь ихъ поселеній разрывается горнымъ поясомъ Тасъ-Ханяхтахъ, а за нимъ начинаются жилища якутовъ же Индигирскаго бассейна (Сѣрошевскій).

По Ковалику якуты населяютъ среднюю Яну на 200 вер. вверхъ и внизъ отъ Верхоянска и 200 вер. вверхъ по Дуолгалаху („И. В. Сиб. И. Р. Геогр. О“., т. XXV, кн. 4—5).

проживали отдѣльными семьями по разнымъ мелкимъ рѣчкамъ и урочищамъ края, названія которыхъ, какъ и большинства вышеприведенныхъ, нельзя было отыскать на имѣющейся 100 верстной картѣ Якутской области. Эти рѣчки и урочища суть: ур. Умуку-Бысыта, Тиряхъ-Саилыга, Нынды, Ачигый-Алы, Дулга-Алы, Кюр-кее (поварня), Силянняхъ, стб. Нуку, Балаганнахъ и въ уроч. Сары-ураса (въ мѣстн. Терьяхъ-урья, при р. Догдо, ур. Чаркы, Кулунъ-Бастахъ и т. д.) и по рѣчкамъ Сахынжа, Баны, Уянди, лѣв. прит. Индигирки), Жаржанъ, Алтанъ, Матага, Бюсюкя (прит. Лены), Талахъ-ёсёню, Булхатъ, Нелонъ, Тиряхтяхъ, Масъ-чана, Лабыктандени, Лыбылахъ и Кишипъ, Харгыя, Илькичанъ, Ыбдягянъ Хараданъ, Оюлю, Тонки.

Всего въ этомъ районѣ проживало 508 д. (261 м.) ламутовъ, изъ коихъ 303 д. (159 м.) принадлежатъ къ Верхоянской инородной управѣ Верхоянскаго улуса и 205 д. (102м.) къ другимъ инороднымъ управамъ, наслегамъ и улусамъ, именно 122 д. (60 м.) къ Баягантайской инородной управѣ Баягантайскаго улуса Якутскаго округа (?), 45 д. (20 м.) къ Эльгетской инородной управѣ Эльгетскаго улуса Верхоянскаго округа, 17 д. (9 м.) къ Намской инородной управѣ Намскаго улуса Якутскаго округа и т. д.

Присоединивъ къ вышеуказанному числу 508 д. еще 14 д. (4 м.) ламутовъ (въ томъ числѣ 3 д.—1 м. тунгусовъ), проживающихъ среди якутовъ Верхоянскаго улуса, мы получимъ общее число ламутовъ, застигнутыхъ переписью въ предѣлахъ означеннаго улуса, въ 522 д.; изъ нихъ 265 мужчинъ, что соотвѣтствуетъ отношенію половъ: 100 м.—97 женщинъ. На 508 душъ ламутовъ, переписанныхъ въ самостоятельныхъ кочевьяхъ, было 84 хозяйства (въ томъ числѣ 4 одиночныхъ), такъ что на среднее хозяйство приходится 6,0 душъ (у мѣстныхъ Верхоянской инор. управы 7,0 д. и у пришлыхъ—4,9 д.).

в) *Усть-Янскій* улусъ. Все населеніе Устьянскаго улуса состоитъ изъ—якутовъ, ламутовъ и юкагировъ. Первые наиболѣе многочисленные (1.193 д.) проживаютъ близъ береговъ нижней Яны и въ полосѣ озеръ, прилегающихъ къ нимъ, отчасти по нижнему (?) теченію рр. Б. Омолой, Хрома, Селляхъ, Хараулахъ. Остальные два племени живутъ дальше отъ р. Яны, преимущественно въ гористыхъ и тундренныхъ пространствахъ. Къ сожалѣнію перепись не даетъ болѣе точныхъ указаній о мѣ-

стахъ кочевій отдѣльныхъ племенъ. Нѣкоторыя понятія объ ихъ взаимномъ распредѣленіи по территоріи улуса можно имѣть по названіямъ наслеговъ, на которые распадается этотъ улусъ. Но, такъ какъ даже на подробныхъ картахъ нельзя найти свѣдѣній о мѣстоположеніи этихъ наслеговъ, то приводимыя здѣсь свѣдѣнія могутъ быть полезными лишь для будущаго время, когда картографическій матеріалъ края будетъ болѣе разработанъ.

Въ районахъ отдѣльныхъ наслеговъ Устьянскаго улуса, не имѣющихъ опредѣленныхъ границъ, по даннымъ переписи, проживало слѣдующее число ламутовъ и юкагировъ, не считая якутовъ и русскихъ:

Въ I Батулин. насл. .	5 д.	(4 м.)	или 4 %	ламут. и	110 д.	(96%)	юкаг.
„ I Ноготскомъ „ . [1]	205 „	(117 м.)	„ 82 „	„ „	45 „	(18 „)	„
„ II „ „ . [2]	67 „	(43 м.)	„ 28 „	„ „	176 „	(72 „)	„
„ Туматскомъ „ .	8 „	(4 м.)	„ 16 „	„ „	41 „	(84 „)	„
„ Удюгейскомъ. „ .	71 „	(39 м.)	„ 100 „	„ „	— „	(0 „)	„
„ Куринскомъ. „ .	11 „	(7 м.)	„ 100 „	„ „	— „	(0 „)	„
Итого . .	367 д.	(214 м.)	или 49,6%	ламут.и	372 д.	(50,4%)	юкаг.

Изъ этой таблицы видно, что ламуты абсолютно преобладаютъ въ районахъ наслеговъ I Ноготскаго, Удюгейскаго и II Ноготскаго, а относительно многочисленны лишь въ первыхъ двухъ, изъ коихъ въ Удюгейскомъ они своей численностью превосходятъ и якутовъ (32 чел.). Въ итогѣ за цѣлый улусъ они составляютъ половину бродячаго населенія, не считая якутовъ, а другую половину составляютъ юкагиры [3]).

[1]) Въ немъ кромѣ 395 якутовъ проживаетъ еще 89 русскихъ.

[2]) 235 якутовъ и 26 русскихъ. Онъ расположенъ повидимому къ востоку отъ I Ноготскаго наслега.

[3]) Для лучшаго уясненія распредѣленія отдѣльныхъ національностей по площади Устьянскаго улуса авторъ настоящей работы обратился за разъясненіями къ г. Іохельсону, лично посѣтившему этотъ край, и препроводилъ ему картограмму его для соотвѣтствующихъ отмѣтокъ. Въ отвѣтномъ письмѣ г. Іохельсонъ любезно сообщилъ слѣдующее: „Такъ какъ на глубокомъ сѣверѣ за отсутствіемъ тамъ скотоводства у якутовъ покосные надѣлы не играютъ роли, то границъ между наслегами нѣтъ. Тамъ наслегъ не территоріально-родовая единица, а групповая. Тамъ люди различныхъ наслеговъ нерѣдко живутъ въ одномъ мѣстѣ". Изъ помѣтокъ на посланной картограммѣ видно, что г. Іохельсонъ считаетъ мѣстоположеніемъ Удюгейскаго наслега нижнее теченіе Индигирки (къ сѣверу отъ Ожогина) и мѣстности по ея притокамъ Бюрюляхъ и Алаихи; Куринскаго—по рр. Ланчѣ и Хромѣ; I Ноготскаго по рр. Сюрюктахъ и Селляхъ съ ея прит. Тутъ-Балыктахъ, и, наконецъ, Батулинскаго и Туматскаго по рр. Боръ-юряхъ, нижней Янѣ (къ сѣв. отъ Ср. Янска), Омолою, Гелышнаю, на востокъ до р. Хараулахъ. Всѣ очерченные по этимъ рѣкамъ районы

Изъ наличнаго числа 368 д. (215 м.) ламутовъ улуса 39 д. (22 м.) проживали среди якутскаго населенія и 333 д. (195 м.) были переписаны въ своихъ собственныхъ кочевяхъ. Изъ нихъ 192 д. (110 м.) принадлежатъ къ Верхоянской управѣ Верхоянскаго улуса, т. е. составляютъ пришлое населеніе, 137 д. (82 м.) къ Колымской управѣ Колымскаго округа и 4 д. (3 м.) къ другимъ управамъ.

329 душъ ламутовъ, записанныхъ въ собственныхъ кочевьяхъ, группировались въ 74 хозяйства (въ томъ числѣ 10 одинокихъ лицъ), причемъ на одно хозяйство приходится 4,4 д. (а безъ одинокихъ—5,0 д.). На 100 мужчинъ у ламутовъ этого улуса приходилась 71 женщина.

г) *Жиганскій* улусъ, занимающій значительную площадь по побережью Ледовитаго океана, отъ водораздѣла Яны и Лены на востокѣ до р. Анабары на западѣ, заключаетъ въ себѣ сравнительно мало ламутовъ (97 д.), но почти всѣхъ тунгусовъ округа (394 д.). Часть тѣхъ и другихъ инородцевъ показана въ переписномъ матеріалѣ вмѣстѣ съ якутами даннаго улуса въ однихъ съ ними наслегахъ, среди которыхъ они вѣроятно живутъ [1]) другая часть, о которой рѣчь

не доходятъ до моря. Относительно другихъ племенъ края онъ говоритъ: „Къ юкагиро-ламутскимъ родамъ еще меньше, чѣмъ къ якутамъ, можно примѣнить понятіе объ опредѣленной территоріи. Они кочуютъ въ перемѣшку. Все-таки можно сказать, что Буяксирскій, Каменно-Юкагирскій и Кунгурскій роды кочуютъ въ низовьяхъ Индигирки, къ западу и къ востоку (до Алазеи), и въ ея низовыхъ притокахъ, Омолойскій—въ низовьяхъ Яны и Омолоя. Остальные роды кочуютъ между перечисленными и отчасти среди нихъ". Замѣтимъ, что изъ поименованныхъ родовъ, мы, на основаніи разныхъ соображеній, лишь Кунгурскій признаемъ ламутскимъ, а остальные—юкагирскими.

[1]) Такъ какъ въ бассейнѣ нижней Лены изъ осѣдлаго населенія встрѣчаются лишь якуты и русскіе, а изъ бродячихъ тунгусы, которые скитаются во всѣхъ мѣстностяхъ, не занятыхъ первыми, то, указавъ мѣстности, заселенныя первыми, мы тѣмъ самымъ покажемъ и территорію мѣстныхъ тунгусовъ. Населенные участки сѣвернаго плоскогорія не только малочисленнѣе, но и обособленнѣе южныхъ (Ленско-Алданско-Амгинскаго). Они расположены по большей части по рѣкамъ и озерамъ; среди плоскогорія ихъ мало. Вдоль нижняго теченія Лены удобныя для рыбной ловли мѣста заняли жители Жиганскаго улуса. Они со всѣхъ сторонъ окружены пустыннымъ необитаемымъ пространствомъ. Сѣверъ населенъ болѣе подвижнымъ населеніемъ; постоянно обитаемыхъ пунктовъ тамъ всего четыре: Жиганскъ (3 сем.), Красное—120 вер. ниже Жиганска, на зап. берегу Лены (4 сем. як.), Сиктяхъ—400 вер. ниже Краснаго, на лѣв. берегу Лены, (10 сем.) и Булунъ—180 вер. отъ моря (15 дом.). Остальное населеніе бродитъ вдоль рѣки и ея притоковъ, преимущественно лѣвыхъ. На югѣ оно доходитъ до р. Баханай, лѣв. притока Лены (по Іохельсону до широты Жиганска), и по морскому берегу до Оленека (Туматскій насл.). На эту рѣку и на Анабару якуты заходятъ лишь временно для

ниже, проживаетъ въ самостоятельныхъ кочевьяхъ. Въ виду чрезвычайно огромнаго числа урочищъ, среди которыхъ разбросанно живутъ якуты области, оказалось неудобоисполнимымъ дать копію всѣхъ ихъ названій, поименованныхъ въ переписномъ матеріалѣ, и пришлось ограничиться указаніемъ лишь ихъ наслеговъ. Среди этихъ послѣднихъ тунгусы (и ламуты) въ наибольшемъ числѣ встрѣчаются въ районѣ 2 Батулинскаго наслега—95 д. (47 м.) на наличное населеніе въ 360 д., что соотвѣтствуетъ 26,4% (якуты 58,1% и русскіе съ прочими 15,5%).

Второе мѣсто занимаетъ 1 Хатылинскій наслегъ, гдѣ 52 д. (30 м.) тунгусовъ и ламутовъ или 15,1% наличнаго населенія, затѣмъ въ 4 Хатылинскомъ наслегѣ ихъ 25 д. (11 м.), въ остальныхъ наслегахъ ихъ мало. Общее число тунгусовъ и ламутовъ, живущихъ въ улусѣ среди якутовъ, простирается до 217 д. (105 м.), что составляетъ 11,8% общаго его осѣдлаго, а всѣ тунгусы 23,5% всего его населенія.

Другая часть тунгусовъ и ламутовъ, проживающихъ въ предѣлахъ территоріи Жиганскаго улуса, переписана особо, что свидѣтельствуетъ о томъ, что эта часть ихъ имѣла свои самостоятельные районы внѣ якутскихъ урочищъ. Въ противоположность якутамъ всѣ рѣчки и урочища, гдѣ были застигнуты самостоятельно кочующіе тунгусы, ламуты, юкагиры и другіе инородцы, были нами тщательно выписаны и приведены въ таблицахъ, которыя составятъ особый трудъ. Изъ нихъ въ предѣлахъ 1 Хатылинскаго наслега тунгусы проживали въ зимовьяхъ и въ урочищахъ Усть-Кютюнда, Хочоханъ, Разбойникъ, Усть-Амыдай, Куругнахъ и по рр. Оленеку и Булунъюряхъ и ламуты—въ уроч. Семянъ, Кырджамай, Юкюляхъ—всего въ числѣ 72 д. (34 м.), изъ коихъ 19 д. (9 м.) ламутовъ, остальные тунгусы. Если присоединить эти 72 души тунгусовъ къ живущимъ среди якутовъ, то общее ихъ число въ 1 Хатылинскомъ наслегѣ дойдетъ до 124 д. (64 м.), а процентное отношеніе будетъ 29,8.

Въ 3 Хатылинскомъ наслегѣ ламуты проживаютъ въ ур. Анитахъ и по рч. Джарджанъ, а тунгусы въ зимовьяхъ по уроч. Масъ-Арылахъ, Огонеръ-кёля, Солокутъ. Общее ихъ

промысла и для торговли съ тунгусами (Сѣрошевскій, l. c.). По Ковалику (l. c.) якуты Жиганскаго улуса проживаютъ главнымъ образомъ по небольшимъ правымъ (?!) притокамъ Лены.

число простирается здѣсь до 55 д. об. п. (27 м.), изъ коихъ 16 д. (9 м.) ламутовъ.

Въ 4 Хатылинскомъ наслегѣ ламуты были зарегистрированы въ ур. Гильдемъ и Бысыттахъ, а тунгусы въ ур. Нялькяхай; тѣхъ и другихъ всего 20 д. (9 м.), изъ коихъ 15 д. (7 м.) ламутовъ.

Въ 1 Батулинскомъ наслегѣ во время переписи тунгусы (и ламуты) въ числѣ 23 д. (12 м.) проживали въ ур. Назимъ, Мугурдахъ и на островѣ Курунъ.

Въ Кангаласскомъ наслегѣ тунгусы зимой 1897 г. жили въ уроч. Кютяй и Сектяляхъ въ числѣ 28 д. (14 м.).

Сверхъ того тунгусы и ламуты были переписаны въ уроч. Хасъ, Летебья, Бюрюмись-юряхъ, Марпатій, Чубукулахъ и Эбятемъ (послѣдніе вѣроятно вблизи рѣчки того же наименованія, падающей съ правой стороны въ нижнюю часть Лены). Въ этихъ урочищахъ оказалось 78 д. (35 м.) инородцевъ, изъ коихъ 14 д. (7 м.) якутовъ, остальные 64 д. (28 м.) тунгусы и ламуты. Всего въ самостоятельныхъ кочевьяхъ и зимовьяхъ въ предѣлахъ территоріи Жиганскаго улуса было зарегистрировано 274 д. (130 м.) тунгусовъ и ламутовъ, изъ коихъ 79 д. (40 м.) послѣднихъ; кромѣ того среди нихъ проживало еще 14 д. (7 м.) якутовъ. Всѣ эти инородцы составляютъ 58 хозяйствъ, на каждое изъ которыхъ приходится около 4,7 душъ.

Наименѣе населена сѣверо-западная часть округа т. е. бассейны рр. Анабары и Оленека. По послѣдней рѣкѣ живутъ лишь тунгусы въ числѣ немногихъ семействъ. Небольшая часть тунгусовъ, промышляющая въ ихъ верховьяхъ, была переписана въ Туруханскомъ краѣ Енисейской губерніи и у озера Сюрунгна, а значительно большая, происходившая изъ Вилюйскаго округа, въ предѣлахъ этого послѣдняго (см. стр. 80). Большинство изъ нихъ показало, что происходитъ съ береговъ оз. Жессей (Джоссэ), куда инородцы стекаются изъ наиболѣе глухихъ мѣстностей края ради платежа ясака и обмѣна произведеній охоты на нужные имъ предметы и продукты. Что касается до мѣстности по Оленеку, то вотъ какъ характеризуетъ этотъ мало извѣстный край г. Чекановскій, посѣтившій его въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія и проведшій тамъ нѣсколько мѣсяцевъ:

«Скудный дарами природы Оленекъ бѣденъ также и на-

селеніемъ. Верховья рѣки внизъ до устья Силигира не имѣютъ вовсе осѣдлостей. Отсюда и до мѣста остановки (гдѣ г. Чекановскій провелъ осень) экспедиція встрѣтила всего 11 обиталищъ постоянныхъ жителей. Эти семейства принадлежатъ отчасти къ Вилюйскому, отчасти къ Верхоянскому округу. У Оленека они имѣютъ свои зимнія жилища—якутскія юрты съ комелькомъ. Остальное затѣмъ время года они ведутъ жизнь кочевую, впрочемъ не въ особенно большомъ районѣ. По происхожденію они тунгусы, но уже ихъ дѣды усвоили себѣ языкъ, обычай и образъ жизни якутовъ. Они промышляютъ рыбу, дикихъ оленей, лисицъ и лѣсныхъ гусей; кромѣ того они находятъ выгоду въ сношеніяхъ съ бродячими инородцами, посѣщающими Оленекъ... Немногіе изъ нихъ имѣютъ прочныя сношенія съ единоплеменниками по Вилюю, отъ которыхъ получаютъ или домашнихъ оленей для присмотра и употребленія или для мѣновой торговли нѣкоторое количество товаровъ, имѣющихъ ходъ у инородцевъ по р. Анабарѣ, а далѣе на сѣв.-западъ у долгановъ. Эти послѣднія мѣстности привлекаютъ отчасти бродячихъ инородцевъ и потому обиталища кочевыхъ жителей расположены по близости путей, пересѣкающихъ Оленекъ. Бродячее населеніе идетъ къ Оленеку по преимуществу долиною Вилюя... Для промысла Оленекъ посѣщаютъ также тунгусы озера Сюрунгна и озера Жессей. Но эти инородцы приходятъ рѣже; ихъ странствованія ограничиваются верховьями системы Оленека и длятся не болѣе года [1])».

Какъ указано выше, та часть тунгусскаго племени, которая названа «тунгусами» и бродитъ въ предѣлахъ Жиганскаго улуса, происходитъ почти вся изъ смежнаго Вилюйскаго округа. Что же касается до мѣстныхъ «ламутовъ», то и они вѣроятно здѣсь позднѣйшіе пришельцы, такъ какъ почти всѣ (71 д. [36 м.]) кромѣ 8 д. (4 м.) принадлежатъ къ Верхоянской инородной управѣ, которая находится въ предѣлахъ Верхоянскаго улуса, къ юго-востоку отъ Жиганскаго. Въ рус-

[1]) Тамъ же сообщается о якутахъ края: „Другую категорію бродячаго населенія составляютъ Вилюйскіе якуты. Они приходятъ съ точно опредѣленною цѣлью: одни пересѣкаютъ только Оленекъ, слѣдуя съ товарами къ долганамъ, другіе остаются на Оленекѣ, находя здѣсь достаточно продовольствія въ теченіи теплаго времени, а съ приближеніемъ холоднаго они отдаются рыбному промыслу и добычу везутъ затѣмъ на своихъ оленяхъ для сбыта въ Вилюйскъ“. („Изв. И. Р. Геогр. Общ.“ 1875, т. XI. вып. 5, стр. 332) у Маака, l. c., II, 121.

скихъ деревняхъ Верхоянскаго общества ламуты встрѣчаются въ числѣ 27 д. (16 м.), именно въ дер. Калтусъ 13 д. (8 м.), въ д. Алазеѣ 7 д. (4 м.), Уской 5 д. (2 м.), и въ д. Стариковой 2 м., а въ городѣ Верхоянскѣ ихъ вовсе не оказалось.

Подводя итоги ламуто-тунгусскому населенію Верхоянскаго округа оказывается, что всего тѣхъ и другихъ въ 1897 г. было зарегистрировано 1688 д. (876 м.), изъ коихъ 400 д. (183 м.) тунгусовъ и 1288 д. (693 м.) ламутовъ [1]). Огромное большинство этихъ инородцевъ—1395 д. (731 м.) было переписано въ самостоятельныхъ кочевьяхъ и зимовьяхъ сгруппированныхъ въ 256 хозяйствъ, и лишь 293 д. (145 м.), изъ коихъ 205 д. (93 м.) тунгусовъ, оказались живущими среди якутовъ и русскихъ. Если распредѣлить всѣхъ ламутовъ и тунгусовъ по мѣсту ихъ нахожденія, то оказывается, что въ предѣлахъ Верхоянскаго улуса было переписано 522 д. (265 м.) ламутовъ (въ т. ч. 3 д.—1 м. тунгусовъ), въ предѣлахъ Устьянскаго улуса 368 д. (215 м.) (въ т. ч. 3 д.—1 м. тунгусовъ), въ Эльгетскомъ 280 д. (145 м.) ламутовъ и въ Жиганскомъ улусѣ 491 д. (235 м.), въ т. ч. 394 д. (187 м.) тунгусовъ. Сверхъ того въ русскихъ деревняхъ ихъ оказалось 27 д. (16 м.). Если же распредѣлить этихъ инородцевъ по мѣсту приписки, то оказывается, что ламутовъ Верхоянской инор. управы среди нихъ было 583 д. (315 м.), въ т. ч. 320 д. (169 м.) проживали въ самомъ районѣ управы въ Верхоянскомъ улусѣ, остальные въ смежныхъ мѣстностяхъ; 325 д. (165 м.) принадлежали къ Эльгетской инор. управѣ (280 д. [145 м.] въ районѣ управы); къ Баягантайской инор. управѣ 122 д. (60 м.) и къ Колымской инор. упр. Колымскаго округа 138 д. (83 м.) и. т. д. Тунгусы въ значительной степени происходятъ изъ смежныхъ округовъ Якутской области, главнымъ образомъ изъ Вилюйскаго, и проживаютъ почти исключительно въ предѣлахъ Жиганскаго улуса; Колымскіе были записаны въ Устьянскомъ улусѣ.

На 1395 душъ (731 м.) ламутовъ и тунгусовъ (съ посторонними 1405 д.), переписанныхъ въ самостоятельныхъ кочевьяхъ, оказалось 256 хозяйствъ (въ т. ч. одиночныхъ—14),

---

[1]) По даннымъ „Вол. и нас. мѣста 1893 г.“, вып. IX, въ данномъ округѣ считалось 1493 д. ламутовъ (съ тунгусами), въ числѣ кот. было 862 м.

такъ что на среднее хозяйство у нихъ приходится 5,5 д., а безъ одиночныхъ 5,8 д. (у ламутовъ 5,6 и у тунгусовъ 5,0). Общее число женщинъ на 1688 душъ наличнаго населенія оказалось въ данномъ округѣ 812, что соотвѣтствуетъ 93 ж. на 100 мужчинъ (у ламутовъ—86 и у тунгусовъ—119).

По отдѣльнымъ улусамъ данныя о численности населенія, объ отношеніи половъ и размѣрѣ хозяйствъ у ламутовъ и тунгусовъ представляются въ такомъ видѣ:

ТАБЛИЦА VIII.

Названія улусовъ.	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душъ въ хоз. [1]).	% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Верхоянскій	265	257	522	6,0	97
2. Устьянскій.	215	153	368	7,4	71
3. Эльгетскій	145	135	280	7,0	93
4. Жиганскій	235	256	491	4,7	95
5. Верхоянское мѣщанское общество. . . .	16	11	27	—	—
Итого	**876**	**812**	**1.688**	**5,5**	**93**

Изъ этихъ данныхъ видно, что улусы Верхоянскій и Эльгетскій, гдѣ почти всѣ ламуты составляютъ коренное населеніе мѣстности, хозяйства (или семейства) наиболѣе крупны (6—7 душъ) и отношенія половъ болѣе благопріятны, чѣмъ другихъ улусахъ, гдѣ ламуто-тунгусское населеніе по большей части пришлое, хотя и изъ сосѣднихъ округовъ.

По отношенію къ наличному (сельскому) населенію округа ламуты и тунгусы составляютъ 12,0%; въ ул. Верхоянскомъ—8,0%, Устьянскомъ—15,0%, Эльгетскомъ—11,1% и Жиганскомъ—23,5%.

---

[1]) У тунгусовъ, зарегистрированныхъ въ собственныхъ кочевьяхъ.

Вилюйскій округъ.

Тунгусы являются аборигенами этого округа. Въ началѣ XVII ст. они были его единственными жителями, якуты же, нынѣ составляющіе главную часть его населенія, обитали тогда въ бассейнѣ Вилюя лишь у его устья. Въ настоящее время якуты (и малочисленные русскіе) занимаютъ наиболѣе удобныя для скотоводства мѣстности по нижнему и среднему теченію Вилюя и его притока Мархи. Изъ обоихъ береговъ Вилюя якуты живутъ преимущественно по правому и къ югу отъ него; по лѣвому берегу, богатому озерами, и по его притокамъ они менѣе многочисленны. Къ сѣверу отъ 65° с. ш. якутовъ совсѣмъ нѣтъ. Отсюда до Ледовитаго океана можно встрѣтить лишь бродячихъ тунгусовъ. Да и всѣ прочія мѣста округа, кромѣ вышеуказанныхъ, какъ и верховья Вилюя выше его притока Вилючана [1]), находятся и понынѣ въ единственномъ владѣніи прежнихъ жителей страны, сильно уменьшившихся въ числѣ и почти совсѣмъ объякутившихся. Любимымъ мѣстопребываніемъ мѣстныхъ тунгусовъ служатъ, по Мааку, горные хребты, тянущіеся между нижней Леной и Вилюемъ, а также горы, сопровождающія лѣвые притоки послѣдняго. Въ виду ихъ малочисленности и весьма значительнаго пространства, занимаемаго этимъ округомъ, они чрезвычайно рѣдко разсѣяны по его территоріи. Повидимому още меньше ихъ въ сѣверо-западной части (верховья Оленека) и въ южной полосѣ округа, находящейся по правую сторону р. Вилюя. Во многія мѣста они заходятъ лишь случайно. По притоку Вилюя Чонѣ они чаще встрѣчаются въ ея верхнемъ теченіи, а книзу ихъ становится мало, хотя они всю эту рѣку и теперь считаютъ своимъ владѣніемъ, въ виду чего и относятся недружелюбно къ якутамъ Сунтарскаго улуса, которые здѣсь стали селиться, начиная съ 20-хъ годовъ истекшаго столѣтія (въ 1854 г. ихъ тамъ было уже 27 хозяйствъ). Въ связи съ характеромъ населенія разныхъ мѣстностей этой рѣки находятся и географическія названія края: по верхнему теченію Чоны названія ея притоковъ тунгусскія, около волока, черезъ который лежалъ путь казаковъ съ запада на востокъ,—русскія,

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что притоковъ верхняго Вилюя съ подобнымъ именемъ имѣется не менѣе четырехъ.

а въ нижнемъ теченіи рѣшительно преобладаетъ якутская номенклатура [1]).

Гористая возвышенность, расположенная къ востоку отъ Чоны, между Вилюемъ и Леной, мало удобная для заселенія, не имѣетъ постояннаго населенія (кромѣ якутовъ по Пеледую и Нюѣ). Сюда заходятъ лишь звѣроловы тунгусы преимущественно Курейскаго вѣдомства (Кир. окр.), которые бродятъ въ верховьяхъ рр. Улаханъ-Ботубай, Кучугуй-Б. и другимъ (см. ниже). Болѣе подробное распредѣленіе тунгусовъ даннаго округа по его территоріи трудно дать, потому что рѣчки, по которымъ они проживаютъ, въ переписномъ матеріалѣ почти не указаны. Все что можно сдѣлать въ этомъ направленіи, это опредѣлить предѣлы тунгусскихъ кочевій въ общихъ чертахъ по приблизительнымъ же границамъ отдѣльныхъ улусовъ. Имѣющіеся же въ переписномъ матеріалѣ указанія на урочища въ данномъ случаѣ мало помогаютъ для оріентировки, потому что лишь весьма немногія изъ нихъ могутъ быть отысканы на имѣющихся 100 верстныхъ картахъ Якутской области. Слѣдуетъ однако помнить, что какъ охотники и рыболовы они не имѣютъ опредѣленнаго мѣстожительства, а постоянно мѣняютъ мѣсто. Небольшая часть ихъ проживаетъ среди якутовъ четырехъ улусовъ округа [2]).

а) Въ *Средне-Вилюйскомъ* якутскомъ улусѣ часть тунгусовъ—77 д. (37 м.) проживала въ 1897 г. среди якутовъ, главнымъ образомъ Кыргыдыйскаго (34 д.), Орготскаго (21 д.) и 4 Тогуйскаго (21 д.) наслеговъ. Большая же ихъ часть была зарегистрирована въ собственныхъ кочевьяхъ въ слѣдующихъ урочищахъ: Арылахъ, Хатыгнахъ, Мугурунда, Джаингда, Сасабытъ, Бедтемять, Дереджекъ, Сымалабытъ, Кюртяля, Люнькя, Кырыингда, Булгуняхтахъ, Кочулуку (Хочулуку), Даркылахъ, Сырылта, Ыть-Элбютъ, Эмись-келье, Джидулъ, Джандулъ, Бярятя, Арылахъ-Бярятя, Андылахъ, Кольжаръ, Хочотъ, Ырыкчанъ, Сыргында, Чачанда, Когастахъ, Кёгённяхъ, Мунхагы, Эмисы, Чуга, Бальжіянъ, Тора-кёль, Кыбы-

[1]) Маакъ: „Вилюйскій округъ“ 1854. II, 45 и III, 8, 104.

[2]) Наиболѣе густонаселенный изъ нихъ Сунтарскій, охватываетъ районъ большой извилины Вилюя къ югу; Мархинскій по Мархѣ и по обоимъ берегамъ Вилюя; Верхне-Вилюйскій по верхнему Вилюю, внизъ отъ его притока Вилючана, и Средне-Вилюйскій, самый малочисленный, занимаетъ болотистую низменность, прилегающую съ юга къ нижнему теченію Вилюя (Сѣрошевскій).

гыжанъ, Олбутъ. Итого въ этихъ урочищахъ было переписано 430 д. (206 м.) и кромѣ того у 56 д. (29 м.) тунгусовъ не было показано мѣстопребываніе. Тѣ и другіе образуютъ 83 хозяйства. Всего въ предѣлахъ территоріи Средне-Вилюйскаго улуса было переписано зимой 1897 г.—563 д. (272 м.) тунгусовъ. По отношенію къ наличному населенію даннаго улуса (съ кочевьями) тунгусы составляютъ всего 5,6%.

б) Въ *Верхне-Вилюйскомъ* улусѣ, расположенномъ по Вилюю вверхъ отъ Средне-Вилюйскаго улуса, среди якутовъ было зарегистрировано 93 д. (38 м.) тунгусовъ, изъ коихъ 28 д. проживали въ Батулинскомъ наслегѣ, 30 д. въ I Удюгейскомъ, 21 д. въ I и II Чачуйскомъ и т. д. Въ самостоятельныхъ кочевьяхъ, разбросанныхъ къ сѣверу отъ якутскихъ поселеній, ихъ оказалось 945 д. (440 м.), образовавшихъ съ 51 д. якутовъ 171 хозяйство. Ихъ кочевья были разбросаны по урочищамъ: Муна, Локуръ, Билляхъ, Конора, Диринъ, Онорхой, Сыкыла Луку, Молинъ, Сяймякитъ, Бетите, Тыогорбутъ, Сыралта, Бялюся, Мерегежанъ, Багачанъ, Арбанда I и II, Кюндя, Олба-кёль, Юнкюрь, Мякандя, Мякисянда, Манабычанъ, Мыргагданъ, Омоченъ, Соготахъ-бясь, Таба-Келгоямя, Илинъ-Кунда, Кяряхтяхъ, Кечереитъ, Кюбяиндя, Сюбяиндя, Ута-сюшпють, Сёкдя, Чегчёнлёхъ, Амахакъ, Анданда I и II, Курдай, Олба, Хара-Улахъ, Ээтягячанъ, Этягянь, Бясь, Бойдохтахъ, Усунъ Эбя, Агылында, Ходусалахъ, Тара-кёль, Оромно, Летоголахъ, Куталахъ, Етякъ, Наканъ, Сургулукъ, Тюктюрю, Кюркэни, Тысакытъ-тёрдё, Букачанъ-Берятя, Телліялахъ, Бёгчёія, Делань, Хосха, Солчкуть-тёрдё, Маганъ, Кырынъ, Харьялахъ, Богсыланъ-Беретя, Усунъ-кёль, Чараннахъ, Тегяляхъ, Билиляхъ, Усунъ-Улукутъ, Бясь-кёлюя, Тамиръ-балыкъ, Тысакыръ-аргаатага, Мунгунда, Ойбонъ-кёлюя, Кундя, Тарыма, Русу-кёля, Чекеря, Масъ-Арылахъ, Кяряхтяхъ, Магинъ, Боруллолахъ, Тегюрюнь, Мугурдахъ, Чимпядя [1]).

Всего въ территоріальныхъ границахъ Верхне-Вилюйскаго улуса было переписано 1038 д. (478 м.) тунгусовъ, которые составляютъ 6,8% населенія, проживающаго въ предѣлахъ улуса.

в) Въ *Мархинскомъ* улусѣ 44 д. (21 м.) тунгусовъ проживали среди якутскаго населенія улуса, въ томъ числѣ 12 д.

---

[1]) Многія названія повидимому искажены, но авторъ старался сохранить транскрипцію переписныхъ листовъ, насколько это было возможно при неразборчивости письма.

въ Мальжагарскомъ, 10 д. въ Одейскомъ, 8 д. въ Мегежекскомъ наслегахъ и т. д. Въ русскихъ селеніяхъ, расположенныхъ въ предѣлахъ Мархинскаго улуса, былъ записанъ 1 тунгусъ. Въ самостоятельныхъ кочевьяхъ было зарегистрировано 211 д. (104 м.), образовавшихъ съ 3 ж. якутками 37 хозяйствъ. Они показали своимъ мѣстопребываніемъ урочища: Исякъ, Хорулахъ, Кяняникянъ, Кулусуннахъ, Кулусуннахъ-атага, Ханныя, Ыркычакъ-Эикъ, Тонусъ-кёля, Улаханъ-кёль, Кюндяя, Андында, Саллыкъ, Кондчанъ, Маръ-кёль, Тиргялиръ, Мосаны, Мосаны-юрягя. Всего въ предѣлахъ Мархинскаго улуса было переписано 255 д. (125 м.) тунгусовъ—1,5%, его населенія, и наконецъ,

г) въ *Сунтарскомъ* улусѣ тунгусы проживали среди якутскихъ поселеній въ числѣ 42 д. (20 м.), въ томъ числѣ во 2 Бордонскомъ наслегѣ 9 д., въ Тюбяйскомъ 9 д., во I и II Жарханскихъ—10 д. и т. д. Въ самостоятельныхъ кочевьяхъ было зарегистрировано 86 хоз.: 429 д. (227 м.), именно 245 д. (129 м.) въ урочищахъ: Чона, Сурскукаръ-Тёрдё, Оруктахъ, Нампа, Хаялахъ, Дярбиргаляхъ, Садынъ, Билиляхъ, Ахтранда-Юлягиръ-тёрдя, Ахтранда-кусаганъ-юряхъ, Ахтранда, А.-Хампа, А.-Хампата, А.-Эса-бясь, Моркоку, Моркоку-Тагай, Сордоннахъ, Намчахъ, Хону-юряхъ, Хомусъ-Кытылъ, Балаганнахъ, Олгуйдахъ-Ололю, Хаттыннахъ, Юсъ-есъ, Кясяхъ-арыта. 150 д. (77 м.) было застигнуто въ разныхъ урочищахъ по рч. Ботовіи (Ботоби) и, наконецъ, у 34 д. (21 м.), принадлежащихъ къ Комбайскому роду Лимпійскаго вѣд. (!) (Илимпейскій р. изъ Турух. края (?), показаны: ур. Баторъ, р. Маркоку (прит. р. Мархи), оз. Сюрунгна и р. Чона.

Всего въ Сунтарскомъ улусѣ и прилегающихъ кочевьяхъ было зарегистрировано 471 д. (247 м.) тунгусовъ, составлявшихъ 2,1% всего населенія, проживавшаго въ предѣлахъ района улуса.

д) Сверхъ того въ предѣлахъ Вилюйскаго округа было зарегистрировано 1713 д. (851 м.) тунгусовъ Вилюйскихъ родовъ (безъ указанія улуса), кочевья которыхъ разбросаны по сѣверо-западной окрайнѣ Якутской области и въ прилегающихъ мѣстностяхъ Туруханскаго края Енисейской губерніи. Изъ нихъ свыше половины—943 д. (461 м.) показали своимъ мѣстопребываніемъ окрестности оз. Жессей (Джоссэ, Есе, Еге), которое расположено въ Туруханскомъ краѣ близъ сліянія рр. Хотуя и Моньеро, истоковъ р. Хатанги. По Мааку

они держатся здѣсь въ долинахъ небольшихъ рѣчекъ, падающихъ въ него съ западной и юго-западной стороны. Число ихъ здѣсь въ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія простиралось до 500—600 чел. На южномъ берегу этого озера имѣется часовня, гдѣ осенью, во время сбора инородцевъ, кочующихъ близъ Ледовитаго океана и въ бассейнѣ верхней Хатанги, ради уплаты ясака, происходитъ богослуженіе. Нѣкоторые изъ живущихъ въ этихъ мѣстахъ тунгусовъ предпринимаютъ ради торговыхъ цѣлей ежегодныя поѣздки на нартахъ на юго-востокъ—въ Вилюйскъ и на юго-западъ—въ Туруханскъ.

По р. Хотую въ 1897 г. было отмѣчено 19 д. (7 м.). 76 д. (38 м.) показали свои кочевья по берегамъ р. Оленека и его притока Силигирь; 300 д. (144 м.) обыкновенно бродятъ по разнымъ урочищамъ вышеуказанныхъ мѣстностей, въ томъ числѣ въ ур. Амчакъ и въ его окрестностяхъ 122 д. (62 м.). Стоянку въ ур. Конора отмѣтили 28 д. (12 м.), въ ур. Жорома 21 д. (11 м.), въ ур. Джалтакъ—28 д. (14 м.), Коновка—17 д. (8 м.), Токійманъ—14 д. (5 м.), Кенюлюкянъ—14 д. (6 м.), Оччугуй-Конанка—13 д. (5 м.), Алы-кёль — 10 д. (6 м.), Джанъ—5 д. (3 м.), Моера—6 д. (3 м.), Ежей—3 д. (2 м.). Мѣстоположеніе огромнаго большинства этихъ урочищъ не извѣстно въ точности. Наконецъ, у 394 д. (208 м.) мѣстожительство вовсе не было обозначено.

Общее число всѣхъ тунгусовъ Вилюйскаго округа простирается до 4062 об. п. (1984 м.), изъ коихъ 256 д. (116 м.) проживали среди якутскаго населенія улусовъ и 22 д. (11 м.) въ городѣ Вилюйскѣ. Остальные 3784 д. (1857 м.) были зарегистрированы въ самостоятельныхъ кочевьяхъ и зимовьяхъ. По районамъ отдѣльныхъ улусовъ эти тунгусы распредѣляются такимъ образомъ:

ТАБЛИЦА IX.

Названія улусовъ:	Наличное населеніе въ 1897 г.			число душъ	% женщинъ
	м. п.	ж. п.	об. п.	въ хоз.	на 100 м.
1. Средне-Вилюйскій . .	272	291	563	5,9	107
2. Верхне-Вилюйскій . .	478	560	1.038	5,8	117
3. Мархинскій	125	130	255	5,8	104
4. Сунтарскій.	247	224	471	5,0	91
5. Въ сѣв.-зап. части Якутской обл. и въ Туруханск. краѣ . .	851	862	1.713	6,1	101
6. Гор. Вилюйскъ	11	11	22	—	100
Итого	**1.984**	**2.078**	**4.062**	**5.8**	**105**

Вторая часть данной таблицы показываетъ размѣры хозяйствъ у тунгусовъ самостоятельныхъ кочевій Вилюйскаго округа. При вычисленіи размѣра хозяйствъ не приняты въ разсчетъ тунгусы, живущіе среди якутовъ, такъ какъ они часто входятъ въ составъ ихъ семей. Размѣръ средняго хозяйства у мѣстныхъ тунгусовъ (5,8 д.) лишь немного больше средняго хозяйства для наличнаго населенія цѣлаго округа—5,3 д.

Эта же таблица показываетъ отношеніе половъ у тунгусовъ даннаго округа. Процентъ женщинъ оказывается въ общемъ высокимъ, такъ что въ среднемъ для всѣхъ тунгусовъ округа на 100 мужчинъ приходится 105 женщинъ, причемъ въ Верхне-Вилюйскомъ округѣ это отношеніе наиболѣе рѣзко выражено (100 м. : 117 ж.), а въ Сунтарскомъ улусѣ наименѣе благопріятно (91 ж.). Столь значительный процентъ женщинъ у тунгусовъ даннаго округа находится въ полномъ соотвѣтствіи съ статистическими данными, касающимися состоящаго главнымъ образомъ изъ якутовъ населенія всего округа, гдѣ на 100 мужчинъ приходится въ среднемъ 105 женщинъ.

Въ 1859 г., т. е. во время 10 ревизіи, девять коренныхъ тунгусскихъ родовъ Вилюйскаго округа состояли изъ 3.706 д. об. п. [1]). Въ 1897 г. общая численность Вилюйскихъ тунгусовъ состояла, какъ мы видѣли, изъ 4.062 д., къ которымъ слѣдуетъ присоединить 73 д. Вилюйскихъ тунгусовъ, застигну-

[1]) Маакъ, l. c., II (2 изд.), стр. 118 сл.

тыхъ въ Туруханскомъ краѣ, и 32 д. въ Киренскомъ округѣ Иркутской губерніи, и вычесть 34 д. Киренскихъ тунгусовъ, переписанныхъ въ Сунтарскомъ улусѣ даннаго округа. При подобной поправкѣ общее число Вилюйскихъ тунгусовъ къ 1897 г. будетъ равно 4133 д., что показываетъ прибыль за 38 лѣтъ въ 427 душъ или въ 11,5% (0,3% въ годъ).

Якутскій округъ.

Въ данномъ округѣ территорія тунгусовъ почти полнымъ кольцомъ охватываетъ область якутовъ, расположенную по большей кривизнѣ Лены, по нижней и средней Амгѣ и по нижнему Алдану. На югѣ и западѣ живутъ Кангаласскіе тунгусы, на востокѣ—Майскіе, на сѣверѣ—Ламунхинскіе и на сѣверо-востокѣ—Баягантайскіе. Этимъ четыремъ самостоятельнымъ вѣдомствамъ и принадлежитъ огромное большинство всѣхъ тунгусовъ области, меньшая часть которыхъ живетъ среди якутовъ шести улусовъ округа. Число тунгусовъ, проживающихъ въ селеніяхъ среди крестьянъ, на пріискахъ и въ городѣ, совсѣмъ ничтожно. Разсмотримъ подробнѣе, какъ эти тунгусы распредѣлены по территоріи округа и какова была ихъ численность ко времени переписи.

а) Въ *крестьянскихъ селеніяхъ*—21 д. (12 м.), въ томъ числѣ въ сел. Усть-Майскомъ (Амгинск. сел. общ.) 12 д. (5 м.) и во временныхъ поселеніяхъ Алданской экспедиціи золотопромышленнаго общества 8 д. (6 м.).

Кромѣ того въ гор. Якутскѣ оказалось 6 д. (3 м.) тунгусовъ.

б) Въ *якутскихъ улусахъ* [1]) было зарегистрировано

---

[1]) Главная масса якутовъ даннаго округа обитаетъ въ прямоугольникѣ между Леной, Алданомъ, Амгой и Якутско-Амгинскимъ почтовымъ трактомъ или вѣрнѣе правымъ притокомъ Лены—Таммы и лѣв. притокомъ Амги—Хамьжи (впадаетъ у Амгинской слоб.). По сѣверному берегу его поселки встрѣчаются лишь въ его долинѣ; далѣе тянется неудобная для скотоводства горная страна. Въ глубину горъ, въ сѣв.-восточномъ направленіи, поселенія врѣзались только по нижнему теченію р. Томпо, прав. притоку Алдана (далѣе на востокъ встрѣчаются лишь отдѣльныя почтовыя станціи). У устья Алдана якуты живутъ только по лѣвому берегу. На востокѣ граница сплошнаго Амгинско-Ленскаго плоскогорья совпадаетъ съ долиной р. Амги. Восточнѣе, гдѣ мѣстность принимаетъ горный характеръ и гдѣ мало сѣнокосовъ, якутскія усадьбы являются въ видѣ разорванной цѣпи участковъ, разъединенныхъ большими пространствами пустопорожней земли, представляющей изъ себя горные хребты: таковы поселенія вдоль бывшаго Охотскаго тракта. Такія длин-

299 д. (145 м.) тунгусовъ. Изъ нихъ проживало въ предѣлахъ *Западно-Кангаласскаго* улуса 120 д. (52 м.), въ томъ числѣ въ пяти Малжагарскихъ наслегахъ 86 д. (39 м.), (въ 5 Малжагарскомъ насл. 52 д.—25 м.), въ Мытатскомъ 14 д. (4 м.) и т. д. Это по большей части выходцы изъ Вилюйскаго округа (см. стр. 93).

Въ *Восточно-Кангаласскомъ* улусѣ 65 д. (32 м.) тунгусовъ, изъ коихъ въ двухъ Нахарскихъ наслегахъ 47 д. (20 м.).

Въ *Батурусскомъ* улусѣ 82 д. (46 м.) тунгусовъ, изъ коихъ 27 д. (18 м.) были зарегистрированы въ Алданскомъ наслегѣ, 16 д. (7 м.) въ III Бологурскомъ и т. д., 9 д. (8 м.) было переписано при обозахъ, двигавшихся во время переписи отъ станціи Юдомы къ границѣ Приморской области.

Въ *Намскомъ* улусѣ 28 д. (12 м.), въ *Мегинскомъ* оказался всего 1 тунгусъ, въ *Баягантайскомъ* 3 д. (2 м.), а въ *Дюпсинскомъ* ихъ вовсе не было обнаружено.

По отношенію къ наличному населенію первыхъ четырехъ улусовъ тунгусы составляютъ менѣе 0,4%.

Вся остальная часть тунгусовъ Якутскаго округа проживала во время переписи на собственныхъ угодьяхъ, причемъ отдѣльныя группы ихъ родовъ кочевали въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Эти группы тунгусовъ суть слѣдующія:

в) Семь *Кангаласскихъ* родовъ (Шелогонскій, I — II—III Беллетскіе, Нюрмаганскій, Буягирскій и Никагирскій) кочуютъ въ юго-западной части округа, орошаемой преимущественно верхнимъ теченіемъ Алдана, Амги, Батомой и ихъ

ныя узкія ленты поселеній можно встрѣтить по теченію (верхнему и среднему) рр. Ноторы, Мокуй, Хатарганъ, Эльгя, Мили и въ верховьяхъ Вилира, лѣвыхъ притоковъ Алдана. По Амгѣ якуты живутъ на югѣ до рч. Тойдахъ, которая въ нее впадаетъ болѣе 300 вер. выше Амгинской слободы. И по Батомѣ, притоку Лены, они поднимаются на 300 вер. Дюпсинскій улусъ расположенъ по рр. Мылѣ, Алдану и Ленѣ. На лѣвомъ берегу Лены расмѣстились два самые обширные, но не самые многолюдные, улусы Якутскаго округа (Сѣрошевскій, I, 212). Мы съ тою цѣлью такъ подробно остановились на разселеніи якутовъ по территоріи Якутскаго округа, что этимъ самымъ опредѣляется распредѣленіе по ней и тунгусовъ. Въ особенности эти свѣдѣнія необходимы для составленія племенной карты края.

Замѣтимъ еще, что якутское населеніе Амгинско-Ленскаго плоскогорья, составляющее главный центръ этого народа, находится въ непосредственной, хотя и слабой, связи съ Вилюйской и Олекминской группой якутскаго населенія. Болѣе же сѣверные улусы отдѣлены отъ нихъ широкимъ пустыннымъ поясомъ въ сотни верстъ въ поперечникѣ.

притоками, а также по небольшимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Лену съ правой и лѣвой стороны кверху отъ рч. Хатынъ (см. ниже).

Точныя данныя о предѣлахъ, въ которыхъ кочуютъ Кангаласскіе тунгусы, названные такъ по смежному якутскому улусу и именовавшіе себя въ старину Ханхагынъ [1]), намъ сообщаетъ г. Майновъ. Они бродятъ на огромномъ пространствѣ, ограниченномъ съ востока р. Алданомъ, съ западной стороны верховьями лѣвыхъ притоковъ Лены, небольшихъ рѣчекъ: Мархи (бл. границы Якутскаго и Олекминскаго округовъ) и Чины. На сѣверѣ они доходятъ до р. Монды, впадающей въ Лену (въ ея низовьяхъ якуты составляютъ сплошное населеніе, причемъ первыя тунгусскія урасы появляются у уроч. Тыранахъ), и до р. Тёнгутти, впадающей въ Амгу, а по теченію этой рѣчки они еще спускаются верстъ на 200 къ сѣверу. На югѣ у нихъ нѣтъ точныхъ границъ, такъ какъ тамъ они доходятъ до Амура и далѣе [2]).

Въ бассейнѣ верхняго Алдана переписью было зарегистрировано 157 мужчинъ и 128 женщинъ тунгусовъ. Изъ притоковъ Алдана болѣе населенными оказался Тёмтёнь; упоминаются также Билиръ, Силигиль, Учуръ [3]) съ притоками Аимомъ и Кылымомъ. По Амгѣ изъ нихъ кочевало 329 д. (184 м.), причемъ эти тунгусы заходили однако во время перекочевокъ и въ бассейнъ Алдана, какъ тамошніе въ свою очередь посѣщали р. Амгу. По притоку р. Батомы Бордонъ кочевало 26 д. (14 м.). Изъ другихъ рѣкъ тунгусы Кангаласской управы въ большемъ числѣ встрѣчались по р. Синя-Хампа (р. Синяя, л. прит. Лены?) 74 д. (45 м.), изъ коихъ 25 д. (12 м.) въ ея верховьяхъ, по р. Талбѣ (пр. притоку Лены у границы Олекминскаго окр.) 32 д. (18 м.). Затѣмъ ихъ кочевья раскинуты по р.р. Чичасъ, Чира-Мондрахъ (р. Чура, пр. прит. Лена?), Этёкю, Нигмай, Аракасъ, Сахыль-Юрыя, Курунъ, Чина-Хопчоюсъ, Чина-Арылахъ, Кяйбяля, Алахъ-Толонъ, Кяйбяля-Чягянь, Тастахъ, Нохорай-Тастахъ

---

[1]) Это же имя носитъ по Майнову и одинъ родъ Олекминскихъ тунгусовъ.

[2]) Майновъ: „Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края“ (Тр. В. Сиб. О. И. Р. Геогр. О.“ 1898, II, 168).

[3]) По Павловскому (свѣдѣнія начала 60-хъ годовъ истекшаго стол.) они кочуютъ по Учуру въ районѣ отъ р. Энна до его устья („Зап. Сиб. О. Геогр. Общ.“, 1863, VI, 10).

(пр. прит. Лены), Жякямдя и въ урочищахъ: Арбанда, Нигмай-Ючюгяй-юряхъ, Тымпынай-Кюбяй, Ыерга-кёль-Идельгій. Изъ стойбищъ упоминаются: Тобій-Кыры, Т.-Хатырыхъ, Т.-Берчюкяй, Т.-Усунъ-кёль, Мукъ-кёль. Сверхъ того 205 д. (117 м.) тунгусовъ этихъ родовъ кочуютъ неизвѣстно гдѣ.

Всего въ этихъ мѣстностяхъ (включая бассейны Алдана, Амги и т. д.) зарегистрировано 1115 д. (643 м.) тунгусовъ [1]) и 98 д. (13 м.) якутовъ, входящихъ въ составъ тунгусскихъ семей. Вмѣстѣ съ ними тунгусы образуютъ 250 хозяйствъ, что соотвѣтствуетъ 4,9 душамъ на хозяйство. Отношеніе половъ у тунгусовъ не особенно благопріятно: на 100 мужчинъ 73 женщинъ; если же принять въ разсчетъ и якутокъ, женъ тунгусовъ, и другихъ якутскихъ членовъ тунгусскихъ семействъ, то это отношеніе станетъ болѣе нормальнымъ—100 м.: 85 женщинъ.

Въ 1859 г. ихъ число было 1301 д. (723 м.), что показываетъ убыль въ 186 д. (80 м.), въ значительной степени объясняемую выселеніемъ ихъ въ Амурскую область.

Кангаласскіе тунгусы состоятъ изъ коренныхъ родовъ (Буягирскій и бо́льшая часть Беллетскихъ) и изъ пришлыхъ изъ Вилюйскаго округа (Шелогонскій, Нюрмаганскій и часть II Беллетскаго). Происхожденіе Никагирскаго рода не извѣстно. Къ этимъ тунгусамъ слѣдуетъ отнести и большинство тѣхъ, что проживаютъ среди якутовъ въ предѣлахъ Западно- и Восточно-Кангаласскихъ улусовъ.

г) *Ламунхинскіе* тунгусы кочуютъ въ сѣверной части округа, ограниченной на сѣверѣ Верхоянскимъ хребтомъ, по которому идетъ межа Якутскаго и Верхоянскаго округовъ, и на югѣ Леной и нижнимъ теченіемъ ея праваго притока Алдана. Кочевья ихъ орошаются правыми притоками Алдана, таковы: Тумара (на картѣ Тунгара), Кяля, Баилики, далѣе рч. Аблундя, Кюндяндя, Дуолгалахъ, Ляписки, Ягинской, Муни. Въ наибольшемъ числѣ тунгусы встрѣчаются по р. Тумарѣ—106 д. (54 м.), по р. Кялѣ 18 д. (9 м.) и по р. Байлики 19 д. (12 м.). Кромѣ того въ неуказанныхъ мѣстностяхъ было записано 28 д. (16 м.).

Всего указанная группа тунгусовъ состояла изъ 41 хозяйства и 215 д. об. п. (115 м.) (на 1 хозяйство 5,3 д.).

---

[1]) Эти тунгусы пропущены въ „Вол. и нас. мѣста 1893 г.“, 9 вып.

Отношеніе половъ—на 100 мужчинъ 87 женщинъ. Въ 1859 г. ихъ число было 449 д. (218 м.). Ламунхинскіе тунгусы составляютъ одинъ родъ, но дѣлятся на 4 колѣна, отъ имени главнаго изъ которыхъ они получили свое наименованіе.

д) *Баягантайскіе* тунгусы, принадлежащіе къ Баягантайскому улусу, живутъ къ востоку отъ Ламунхинскихъ, тоже между нижнимъ теченіемъ Алдана и межой Якутскаго округа съ Верхоянскимъ. Къ югу ихъ земли граничатъ съ территоріей кочевыхъ бродячихъ Майскихъ тунгусовъ, о которыхъ рѣчь ниже. Въ наибольшемъ числѣ эти тунгусы бродятъ по верхнему и среднему теченію р. Томпо, впадающей справа въ Алданъ, и по ея притокамъ. Число ихъ достигаетъ 200 д., изъ коихъ 118 д. (64 м.) показали, что бродятъ лишь по р.р. Алдану и Томпо. Изъ другихъ рѣкъ значеніе имѣютъ: Хандыга, пр. притокъ Алдана, и Брюгада, хотя встрѣчающіеся здѣсь тунгусы бродятъ и по другимъ мѣстамъ. Кромѣ того можно назвать слѣдующія рѣчки, принадлежащія по большей части къ бассейну Алдана: Сакрыръ, Утуганъ, Тыбычанъ, Арагасъ, Ан-чонна, Джеленникъ, Бангу, Тарынь, Нёкюнъя, Черное озеро, рч. Баронъ-бага, Аямакъ, Мёнкюля, Селириканъ, Тыра (пр. прит. Алдана), Сардоннахъ, Анъ-Тимирдяхъ, Хадарня, оз. Барда-кёль, Эге-Басъ, Орулаччи, оз. Семенъ-кёля, р. Тора-Тукуланъ, р. Борокъ, Бараи (прит. Алдана); ручьи Сытыгэнъ, Мольлегой, Меркесъ, Болбукта-Оту, Сёль-Біятытъ, рч. Куяга, р. Чистый Кундукъ, Кулу, Няна, ур. Хатынъ, Титъ, Курумъ-Хапчачай и т. д. Часть Баягантайскихъ тунгусовъ бродитъ по Индигиркѣ и ея лѣвымъ притокамъ Ольчану, Эльгэ и другимъ.

Мы здѣсь не приводимъ числа лицъ, застигнутыхъ въ разныхъ пунктахъ ихъ территоріи, потому что большинство показало, что бродитъ въ нѣсколькихъ урочищахъ и по нѣсколькимъ рѣчкамъ. Во всякомъ случаѣ на отдѣльныхъ рѣчкахъ кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ проживаетъ одновременно не болѣе трехъ семей тунгусовъ, чаще одна или двѣ.

Общая численность Баягантайскихъ тунгусовъ этой мѣстности простирается до 354 душъ (187 м.) при 71 хозяйствахъ (1 хозяйство состоитъ изъ 5,0 душъ). Отношенія половъ: на 100 мужчинъ — 89 женщинъ. Среди этихъ тунгусовъ проживаютъ 44 д. (26 м.) якутовъ, образующихъ около 11 хозяйствъ.

Въ 1859 г. число этихъ тунгусовъ опредѣляли въ 708 д.

(367 м.). Часть ихъ съ тѣхъ поръ выселилась въ Приморскую область, хотя убыль ихъ за 38 л. и несомнѣнна.

е) *Майскіе* тунгусы (Усть-Майское вѣд.) составляютъ почти единственное населеніе юго-восточной части округа, орошаемой среднимъ теченіемъ Алдана и р. Маей, отъ которой они получили свое названіе, и ихъ притоками. Ихъ предѣлы Майновъ описываетъ такимъ образомъ: «Охотскій трактъ составляетъ самую сѣверную границу, до которой доходятъ Майскіе тунгусы; на югѣ они имѣютъ зимники у верхняго Алдана, на западѣ ихъ земли кончаются у Мокуйской станціи, въ 30 верстахъ отъ Усть-Майскаго селенія, а на востокѣ Майцы добираются до моря, смѣшиваясь съ тунгусами Удскаго и Охотскаго края» (l. c., 139).

По своему образу жизни эти тунгусы дѣлятся на кочевыхъ или скотоводовъ и на бродячихъ или оленеводовъ. Первые, судя по картограммѣ, приложенной къ «Вол. и нас. мѣста 1893 г.» 9 вып., и по даннымъ переписи, живутъ по среднему Алдану и по нижнему теченію его притока Маи, непосредственно около русскихъ скопческихъ селеній и около якутовъ, отъ которыхъ они и заимствовали разведеніе скота. Оленеводы живутъ далѣе къ востоку, въ восточной пограничной съ Приморской областью полосѣ Якутскаго округа. Дѣленіе Майскихъ тунгусовъ на указанныя двѣ категоріи вовсе не находится въ связи съ дѣленіемъ ихъ на роды, такъ какъ части тѣхъ же родовъ иногда принадлежатъ къ разнымъ группамъ. Въ числѣ бродячихъ числится большинство представителей родовъ Бытальскаго и III Эжанскаго и почти весь Кюрбюгдинскій, въ числѣ кочевыхъ главная роль принадлежитъ I и II Эжанскимъ и Кюпскому и затѣмъ уже Бытальскому и III Эжанскому.

Бродячіе Майскіе тунгусы. Главная ихъ масса, какъ указано, живетъ по среднему теченію Алдана. Перепись отмѣтила по самому Алдану 11 д. (6 м.) тунгусовъ, по его пр. притоку Учуру 178 д. (104 м.) и по его притоку Конаму 19 д. (9 м.). Въ бассейнѣ притока Алдана Маи въ 1897 г. кочевало свыше 200 душъ, именно по самой Маѣ 78 д. (36 м.), въ т. ч. 25 д. (10 м.) въ уроч. Нельканъ. По лѣвымъ притокамъ Маи, р. Уй 36 д. (15 м.), Ватомѣ (Батомѣ) 19 д. (10 м.), Маймакану 8 д. (6 м.), Аиму 41 д. (24 м.), Чадбѣ 5 д. (3 м.) и по правому ея притоку Юдомѣ 10 д.

(5 м.). Слѣдуетъ замѣтить, что эти данныя не полны, потому что многія мелкія рѣчки, по которымъ бродятъ эти тунгусы, не удалось распредѣлить по рѣчнымъ бассейнамъ.

Часть этихъ тунгусовъ кочуетъ внѣ бассейна средняго Алдана, въ предѣлахъ Приморской и Амурской областей. Въ первой, главнымъ образомъ по р. Удѣ, 28 д. (15 м.), во второй, въ бассейнѣ Зеи—52 д. (24 м.), въ т. ч. по Селимджѣ 42 д. (20 м.), и въ бассейнѣ Буреи—115 д. (64 м.), изъ коихъ 107 д. (61 м.) по самой Буреѣ. Кромѣ того эти тунгусы, судя по даннымъ переписи, обитали еще по цѣлому ряду рѣчекъ и урочищъ, мѣстоположеніе которыхъ по большей части не извѣстно, именно по р. Хонху—122 д. (67 м.), Тиркану, Сурѣ, Чонкою, Тырелѣ, Алимжѣ, Дыгатлану, Сивягли, Тода 50 д. (21 м.), Нѣть, Нёва, Яппа-Тердя, Томытъ, Кёгяй, Нёха, Охонту, Тогатъ, Кунури, Хотоны, Ухаръ, Юнь, Биля, Хара, Кюрбя, Симигяхо, Аянка, Моталь, Ишняй, Туксагы, Алгымъ 37 д. (17 м.), Туголъ 77 д. (45 м.), Окачанъ и въ урочищахъ: Хотонь, Юрякъ, Сюдюмъ, Хохырь, Уянъ, Нильколь, Усть-Утка, Канъ, Нямій и т. д.

Общая численность Майскихъ тунгусовъ этого разряда, записанныхъ въ предѣлахъ Якутскаго округа, простиралась по даннымъ переписи до 1255 д. об. п. (662 м.) [1]) при 230 хозяйствахъ, что соотвѣтствуетъ 5,5 д. на 1 хозяйство. Отношеніе половъ—на 100 мужчинъ 90 женщинъ.

Въ 1859 г. число Майскихъ бродячихъ тунгусовъ опредѣлялось въ 1878 д. (1034). Убыль до извѣстной степени объясняется выселеніемъ въ Удскую округу всего Мякагирскаго рода, больше половины I Эжанскаго и свыше трети Бытальскаго.

Кочевые Майскіе тунгусы (скотоводы), принадлежащіе къ Усть-Майскому вѣдомству, кочуютъ, какъ сказано, главнымъ образомъ по среднему Алдану и по нижнему теченію р. Маи, гдѣ по неполнымъ свѣдѣніямъ было отмѣчено 519 д. (275 м.) тунгусовъ. Изъ нихъ по Алдану кочевало 318 д. (165 м.) и по его лѣвымъ притокамъ: Маѣ 118 д. (64 м.), по Ноторѣ, Мокуй, Миль и другимъ 83 д. (47 м.). Изъ другихъ рѣчекъ ихъ больше всего оказалось по р.р. Юдѣ 74 д. (37 м.), Якомдѣ 41 д. (26 м.), Хатаргану 58 д. (30 м.);

[1]) „Вол. и нас. м. 1893 г.“, 9 вып.—1.486 д. (742 м.).

Аикѣ 41 д. (26 м.), Толону 30 д. (11 м.), Майнубуту 20 д. (8 м.)), Кутанѣ 23 д. (11 м.), Бѣлькячѣ 29 д. (12 м.). Въ меньшемъ числѣ они кочевали по рр. Тогойдуръ, Кюндюкю, Жонда, Янда, Тохъ-Бысытъ, Жонмай, Керби-Тёрде, Мальжанъ, Бяряндя, Дархылахъ, Тоголо, Ойбанъ, Лукуянъ, Талаканъ, Бигиръ, около озеръ: Моколъ, Соболохъ, Кюбяй, Суланда, Маргалахъ, Чокорканъ, Эльгя, Эмиря, Иссиги, Чамодый и въ урочищахъ: Тетигняхъ, Моганъ-Кюряхъ, Тонъ-Кюрё Кытылъ, Тугулакъ-Аласъ, Тогола-Хая, Тумусахъ, Нелькань, Полошкалахъ, Якутатъ-Хая и т. д., а также на островѣ Березиномъ. Мѣстоположеніе большинства этихъ рѣчекъ и урочищъ не извѣстно и не значится на 100-верстн. картѣ области.

Общее число кочевого населенія края простирается до 246 хоз. и 1313 д. (640 м.), среди которыхъ проживаютъ еще 44 д. (28 м.) русскихъ (въ ур. Нелькань 25 д.—11 м.). Въ кочевого населенія было 1247 (623 м.) [1]) тунгусовъ и 66 д. (17 м.) якутовъ, входящихъ въ составъ семей тунгусовъ, что видно изъ чрезмѣрнаго преобладанія среди нихъ женщинъ. Среднее хозяйство состоитъ у этой части Майскихъ тунгусовъ изъ 5,5 душъ. Отношенія половъ у нихъ (включая и якутовъ, членовъ ихъ семей) на 100 мужчинъ 105 женщинъ, а безъ якутовъ 100 ж. Число этихъ тунгусовъ со времени X ревизіи, когда ихъ числилось 1288 д. (655 м.), хотя этотъ приростъ и маскируется ихъ выселеніемъ.

Въ обѣихъ частяхъ (Усть-) Майскаго вѣдомства бродячихъ и кочевыхъ тунгусовъ числится 2.502 д. об. п. (съ посторонними 2.612 д.), причемъ оба разряда ихъ представлены приблизительно одинаковымъ числомъ душъ. Мужчинъ среди нихъ числилось 1.285 д. (на 100 м.—95 женщ., а съ якутами—97) и 476 хозяйствъ, что, если принять въ соображеніе и якутскихъ членовъ ихъ семей, составитъ 5,5 душъ на семью въ среднемъ выводѣ. Въ 1859 г. въ данномъ вѣдомствѣ числилось 3.166 д. (1689 м.), что показываетъ убыль въ 664 д. (404 м.), падающую почти исключительно на бродячую ихъ часть. Объясняется она однако въ значительной степени тѣмъ, что означеннымъ выше числомъ не исчерпывается вся численность Майскихъ тунгусовъ. Будучи, какъ всѣ настоящіе

---

[1]) Ibid., 1.517 д. (772 м.).

тунгусы, вообще народомъ весьма непостояннымъ и склоннымъ къ передвиженіямъ, часть ихъ во время переписи скиталась по обширнымъ лѣсамъ смежныхъ областей, гдѣ и была переписана. Такимъ образомъ, въ Буреинскомъ горномъ округѣ Амурской обл. ихъ оказалось до 100 д., въ Удскомъ округѣ Приморской отъ 400 до 500 д. и т. д.

Какъ можно было видѣть изъ предъидущаго, тунгусы Якутскаго округа не имѣютъ строго ограниченныхъ районовъ, а живутъ по рѣчкамъ и въ разныхъ урочищахъ, причемъ какъ коренные жители не имѣютъ какихъ-либо документовъ, которые бы удостовѣряли ихъ права на занимаемыя ими земли. Этимъ обстоятельствомъ, а также тѣмъ, что эти земли никогда не были обмежованы, и пользуются ихъ сосѣди якуты, чтобы за ихъ счетъ расширить свои владѣнія. Они постепенно захватываютъ одно тунгусское угодье за другимъ, оттѣсняютъ ихъ въ глубь страны, иногда даже взимая съ нихъ арендную плату за пользованіе ихъ прежними землями. Такимъ образомъ, г. Майновъ передаетъ, что они претендуютъ на всѣ земли по р.р. Мондѣ и Тёнгутти, хотя лишь часть ихъ значится на картѣ областной чертежной въ предѣлахъ якутскаго В. Кангаласскаго улуса. А между тѣмъ этотъ исконне тунгусскій край, необходимъ этому племени еще потому, что на Мондѣ они сходятся съ русскими, у которыхъ пріобрѣтаютъ продукты (масло); тутъ же они видятся со своимъ священникомъ. Нынѣ за пользованіе луговищами въ этихъ мѣстахъ якуты съ нихъ берутъ высокую плату (l. c., 175—176).

Онъ же сообщаетъ, что тяжба тунгусовъ II Шелогонскаго рода съ якутами изъ-за земли, на которой первые осѣли 100 лѣтъ тому назадъ, была рѣшена въ ихъ пользу. Наоборотъ, Нюрмаганцы до конца 80-хъ годовъ уплачивали якутамъ за земли сначала 3 р., а потомъ 15 р. въ годъ, но вслѣдствіе ихъ жалобы были освобождены Якутскимъ губернаторомъ отъ этого взноса, на томъ основаніи, что эти земли, нынѣ входящія въ составъ 3. Кангаласскаго улуса, во время водворенія здѣсь Нюрмаганцевъ были пустопорожними. Такихъ тяжебъ можно привести много, но и этого достаточно, чтобы видѣть поступательное движеніе якутовъ въ территорію тунгусовъ, которые совершенно безпомощны бороться съ ними,

тѣмъ болѣе, что они сплошь-да-рядомъ находятся въ полной экономической зависимости отъ якутовъ.

Общее число тунгусовъ, застигнутыхъ переписью въ предѣлахъ Якутскаго округа, простирается до 4.512 д. (2.390 м.) изъ коихъ большинство — 4.186 д. (2.230 м.) проживали въ самостоятельныхъ кочевьяхъ, остальные среди якутовъ и весьма немногіе въ русскихъ поселеніяхъ. По отдѣльнымъ районамъ эти тунгусы распредѣлялись такимъ образомъ:

ТАБЛИЦА X.

Названія районовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.			Число душъ въ хоз.	% женщ. на 100 мужч.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Восточная часть округа (Майское вѣдомство)	1.285	1.217	2.502	5,5	95(97) [1]
2. Зап. и юго-зап. часть окр. (7 Кангаласскихъ род.).	643	472	1.115	4,9	73(85) [1]
3. Сѣв. часть округа (Ламунхинскіе тунг.) . .	115	100	215	5,3	87
4. Сѣв.-вост. часть округа (Баягантайскіе тунг.)	187	167	354	5,0	89
5. Тунгусы въ якутскихъ улусахъ и русскихъ селен.	160	166	326	—	104
Итого	**2.390**	**2.122**	**4.512**	**5,4**	**89(93)** [1]

Сопоставляя настоящую численность тунгусовъ 4.512 д. (2.390 м.) съ таковой за 1859 г.—5.625 д. (2.997 м.), мы видимъ, что они за 38 л. между этими регистраціями уменьшились на 1.113 д. (607 м.), убыль, которая лишь отчасти объясняется отрицательнымъ естественнымъ приростомъ. Дѣйствительно, приведенныя цифровыя данныя показываютъ не

[1]) Съ якутскими членами семействъ.

все число тунгусовъ Майскаго вѣдомства, а лишь ту ихъ часть, которая во время переписи находилась въ предѣлахъ округа. Часть Якутскихъ тунгусовъ, какъ было указано выше, пребывала въ это время въ смежныхъ мѣстностяхъ сосѣднихъ областей (Приморской и Амурской), гдѣ и показаны. Число всѣхъ выселившихся изъ этого округа тунгусовъ можно опредѣлить въ 700—800 д., изъ коихъ надо вычесть 200—300 д. Вилюйскихъ тунгусовъ, перешедшихъ съ тѣхъ поръ въ Якутскій округъ. Вычтя оставшееся число изъ общей убыли тунгусовъ въ 1.113 д., мы получимъ приблизительную убыль отъ вымиранія въ 600 д. или 10,6% за 38 лѣтъ.

Изъ второй части этой таблицы мы видимъ, что средній размѣръ хозяйства у тунгусовъ даннаго округа равенъ 5,4 д. (въ Кангаласской управѣ—4,9 д., у Майскихъ—5,5 д.). При опредѣленіи размѣра хозяйствъ были приняты въ разсчетъ и якутскіе члены тунгусскихъ семей, выдѣлить которыхъ въ данномъ случаѣ не представлялось цѣлесообразнымъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что данныя о размѣрѣ хозяйствъ относятся лишь до кочевого и бродячаго населенія, при исключеніи тѣхъ тунгусовъ, которые живутъ среди полуосѣдлыхъ якутовъ. Такового оказалось 4.404 д. при 838 хозяйствахъ. Напротивъ, отношенія половъ вычислены для всего тунгусскаго населенія (безъ якутовъ). Въ среднемъ выводѣ за весь округъ на 100 мужчинъ у тунгусовъ приходится 89 женщинъ (въ Кангаласской управѣ всего 73 д.). Если же принять въ разсчетъ и якутовъ, входящихъ въ семьи тунгусовъ 165 д. (31 м.), то отношеніе половъ будетъ болѣе благопріятно: на 100 м.— 93 женщины.

Олекминскій округъ.

Большинство тунгусовъ этого округа проживаютъ въ собственныхъ кочевьяхъ, въ сѣверо-западной его части. Въ меньшемъ числѣ они встрѣчаются на пріискахъ и въ избушкахъ золотопромышленниковъ той же мѣстности (Витимская система) и въ поселеніяхъ якутовъ Олекминской инородной управы [1]).

---

[1]) Главная масса якутскаго населенія проживаетъ въ данномъ округѣ по лѣвому берегу Лены на с.-з. и югъ отъ г. Олекмы, на правомъ же берегу ихъ немного, встрѣчаются они здѣсь преимущественно

Юго-восточная часть округа, расположенная къ сѣверу отъ Яблоноваго хребта и орошаемая притоками рѣкъ Нюкжи, Тунгира и Олекмы, почти пустынна. Здѣсь бродятъ лишь единичные тунгусы Якутской области и орочоны Читинскаго округа, но ихъ въ общемъ здѣсь такъ мало, что Орловъ, пересѣкшій эту мѣстность въ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, встрѣтилъ на протяженіи 400 вер. лишь пять тунгусскихъ юртъ и слышалъ о существованіи въ другихъ мѣстахъ этого края еще пяти, т. е. всего 10 юртъ. По словамъ этого же автора сюда издавна каждую осень пріѣзжаютъ съ береговъ Ингоды и Шилки казаки и инородцы (тунгусы) Урульгинскаго вѣдомства, причемъ вслѣдствіе давности они стали какъ бы собственниками звѣроловныхъ угодій по р. Нюкжѣ до уроч. Болгикты и по Олекмѣ до рч. Балыктахъ, которая вершиною сходится съ рч. Болгиктой [1]).

Разсмотримъ теперь подробнѣе районы тунгусовъ:

а) *Олекминская инородная управа.* Здѣсь тунгусы проживаютъ среди якутовъ въ урочищахъ: Больш. Патома—7 д. (3 м.), Мундугда — 14 д. (8 м.), Орто-ага-уса, сел. Олбутъ (по р. Чарѣ), въ ур. Хоро 15 д. (10 м.), у вершины Харьялаха 7 д. (2 м.), въ сел. Кулусуннахъ и въ ничтожномъ числѣ въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Всего ихъ здѣсь оказалось 75 д. (40 м.).

Въ Олекминской волости былъ записанъ лишь 1 тунгусъ.

б) *Витимская система* пріисковъ. Здѣсь они были переписаны въ немногихъ мѣстахъ. По рч. Нижній Аканакъ (пр. пр. Бодайбо), на землѣ Жуюганскихъ тунгусовъ, 27 д. (14 м.)

по рр. Олекмѣ и Чарѣ. Кромѣ того, небольшія колоніи якутовъ встрѣчаются и въ серединѣ Олекминско-Витимскаго плоскогорья у озеръ Кускенде (верховья Чары) и около устья р. Муи (л. прит. Витима). Отсюда же якуты переходятъ по Ленѣ и въ сѣверную часть Киренскаго округа (Ирк. губ.), гдѣ проживаютъ по рр. Нюѣ и Пеледую (см. ниже). Съ якутами Якутскаго округа Олекминскіе якуты приходятъ въ соприкосновеніе по р. Ленѣ и на лѣвобережномъ плоскогоріи этой рѣки (Сѣрошевскій I). Относительно якутскаго населенія по р. Чарѣ, г. Майновъ (l. c., 28) сообщаетъ, что ихъ одиночныя юрты и поселенія раскинуты здѣсь на протяженіи 400 вер.

[1]) Орловъ: „Амурскіе орочоны“ („Вѣст. И. Р. Геогр. О.“, 1857, XXI, кн. 6, 193—199).

среди 198 д. наличнаго населенія и на рч. Тахтыгъ (пр. пр. Витима) на Спасо-Преображенскомъ пріискѣ 22 д. (10 м.) при наличномъ населеніи его въ 73 души; въ другихъ пунктахъ ихъ оказалось всего 3 д. (2 м.). Общее число тунгусовъ, проживающихъ среди пріисковаго населенія этой системы, простиралось въ 1897 г. до 52 д. об. п. (26 м.) на 14,5 тыс. наличнаго населенія.

в) Среди пріисковъ и избушекъ *Олекминской системы* оказалось 253 д. (137 м.) тунгусовъ, которые проживали на той части ея территоріи, которая принадлежитъ тунгусамъ Жуюганскаго рода. Здѣсь они были застигнуты по рч. Ныгри 7 д. (4 м.), Хомолхо 20 д. (10 м.), Вачѣ 31 д. (20 м.), Кадаликану (пр. Кадали) 15 д. (9 м.), Чеморхо (7 д.), Морюкану (8 д.), Б. Падали (7 д.), Хайбуркѣ (12 д.), Анангрѣ (9 д.), Сухія Кадали (6 д.), по ключамъ: Васильевскому (7 д.), и Безъимянному (впад. въ р. Б. Патому) 8 д., Укаханъ 25 д. (13 м.), Заголдынъ 17 д. (8 м.), Сойболахъ 12 д. (10 м.), Кылакъ 9 д. (4 м.) и у протекающаго близъ сел. Михайловскаго 20 д. (14 м.). Всѣ эти рѣчки и ключи расположены въ районѣ пріисковъ Олекминской системы, причемъ большинство ихъ можетъ быть отыскано на подробныхъ картахъ этихъ мѣстностей, напр., на «картахъ золотыхъ пріисковъ Сибири и Урала» (сост. Коммиссіей для собранія и разработки свѣдѣній о сибирской золотопромышленности и т. д.). Вездѣ почти тунгусы составляютъ ничтожный процентъ населенія указанныхъ мѣстностей, главная часть жителей которыхъ состоитъ изъ русскихъ (пріиски) и якутовъ (избушки и зимовья).

г) Въ той же сѣверо-западной части округа на *земляхъ Жуюганскихъ* тунгусовъ, но внѣ пріисковъ, проживаетъ главная масса Олекминскихъ тунгусовъ. Въ наибольшемъ числѣ они проживали въ зимовьѣ у устья Жуи (л. пр. Чары, л. пр. Олекмы)—25 д. (12 м.), у мыса Жуи 5 д. (4 м.) и въ другихъ мѣстахъ по той же рѣкѣ въ числѣ 89 д. (48 м.) или всего по Жуѣ 119 д.; въ зим. Чеморхо по р. Б. Патома—74 д. (38 м.); далѣе при устьѣ р. Таймендры (л. прит. р. Патомы) 13 д. (9 м.); около устья р. Ходукана 10 д., Барчика 10 д., Б. Балаганнахъ 2 д., Печеры 13 д., по рч. М. Мамыканъ 27 д. (19 м.), зим. Божуихта 3 д., по рч. Вачѣ 16 д. (4 м.), Мамыканъ (л. пр. Витима, въ Иркутск. губ.)

16 д. (8 м.), зим. Старуха, по рч. М. Патомѣ, 16 д. (8 м.); далѣе на востокъ—въ мѣстн. Торчаны, за рѣкой противъ Чекурской станціи (общество тунгусовъ Якутскаго округа) 32 д. (14 м.). Кромѣ этихъ зимовьевъ бродячіе тунгусы были застигнуты переписью еще по слѣдующимъ рѣчкамъ: Хомолхо (л. пр. Жуи) 6 д. (4 м.), по рч. Багажиктѣ 19 д. (6 м.), Хорѣ 28 д. (13 м.), Билляхъ 8 д. (4 м.) и въ бассейнѣ р. Нерпи (л. пр. Витима), въ предѣлахъ Иркутской губерніи 64 д. (32 м.), именно по рч. Чіангро (л. пр. Нерпи), Куихтѣ (л. пр. Чіангро) и по самой Нерпи.

Въ прежнія времена область Жуюганскихъ тунгусовъ была гораздо обширнѣе, но часть ихъ земель заняли якуты. Послѣдніе посягали и на ихъ другія земли, но Земскій судъ 1800 г. отвелъ въ ихъ пользованіе всю мѣстность по лѣвому берегу Витима. Но и послѣ якуты заняли часть ихъ земель. Съ начала прошлаго столѣтія Жуюганцы стали отдавать нѣкоторыя свои угодья въ аренду русскимъ звѣропромышленникамъ изъ Витимской волости [1]), а впослѣдствіи сюда вторгнулись золотоискатели и сильно ихъ стѣснили.

Общее число этихъ тунгусовъ, застигнутыхъ переписью на землѣ Жуюганскихъ тунгусовъ, внѣ пріисковъ и смежныхъ съ ними зимовій и избушекъ, простирается до 476 д. об. п. (244 м.), которые съ 36 посторонними группируются въ 111 хозяйствъ, (изъ нихъ 22 лица одинокихъ). На среднее хозяйство приходится 4,3 душъ об. п. Отношеніе половъ у этихъ тунгусовъ довольно благопріятное—на 100 мужчинъ у нихъ приходится 95 женщинъ. Всего перепись 1897 г. обнаружила въ предѣлахъ Олекминскаго округа 858 душъ тунгусовъ, изъ коихъ 448 мужчинъ, что соотвѣтствуетъ отношенію половъ: на 100 мужчинъ 92 женщины. Въ 1859 г. число тунгусовъ въ данномъ округѣ было 895 д. (497 м.).

Сводя въ одно всѣ статистическія данныя касательно численности тунгусовъ, размѣровъ ихъ хозяйствъ и отношенія половъ отдѣльныхъ округовъ области, мы получимъ слѣдующую таблицу:

---

[1]) Майновъ, l. c., 28—32.

ТАБЛИЦА XI.

Названія округовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.			Число душъ въ хоз.	% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Колымскій	553	558	1.111 [1]	6,3	101
2. Верхоянскій	876	812	1.688	5,4	93
3. Вилюйскій	1.984	2.078	4.062	5,8	105
4. Якутскій	2.390	2.122	4.512	5,4	89(93)
5. Олекминскій	448	410	858	4,3 [2]	95
Всего	**6.251**	**5.980**	**12.231** [1]	**5,4**	**96**

Итакъ, въ Якутской области въ 1897 г. было переписано 12.231 д. тунгусовъ, изъ коихъ огромное большинство проживающихъ въ сѣверныхъ округахъ: Колымскомъ и Верхоянскомъ—2.359 д. (1.224 м.) извѣстны подъ названіемъ «ламутовъ» т. е. обитателей морского побережья. Наибольшее абсолютное число представителей этого племени сосредоточено въ Якутскомъ округѣ—около 37% всѣхъ тунгусовъ области (по отношенію ко всему населенію его они составляютъ всего 3%) и въ Вилюйскомъ—33%. Наибольшее относительное число тунгусовъ наблюдается въ сѣверныхъ округахъ: Колымскомъ — 15% и Верхоянскомъ до 12%. По отношенію ко всему населенію области тунгусы (и ламуты) составляютъ всего 4,5%.

Изъ наличнаго населенія тунгусовъ въ городахъ проживали всего 28 д. (14 м.).

Передъ тѣмъ, чтобы сравнить нынѣшнюю численность Якутскихъ тунгусовъ съ таковой за болѣе ранніе періоды, слѣдуетъ принять во вниманіе, что значительная часть изъ нихъ выселилась въ разныя эпохи въ сосѣдніе округа и области; напр. въ Удскій ок. 500—600 д. (см. стр. 35), въ Амур-

[1]) Съ поправкой (см. стр. 66) 1.311 и 12.431. По „Обзору“ Якутской обл., за 1885 г.—12.358 д.

[2]) Тунгусы, живущіе на землѣ Жуюганскаго рода.

скую область (стр. 46) не менѣе 300 — 400 д. (съ 50-хъ годовъ), въ Енисейскую губ. ок. 75 д. и т. д., такъ что общее число выселившихся изъ этой области со времени X ревизіи тунгусовъ должно быть не менѣе 1.000 д.

Съ этой поправкой численность тунгусскаго населенія области къ 1897 г. будетъ около 13.231 (а если учесть и возможный пропускъ въ переписи касательно Колымскаго округа—см. стр. 66—13.431) д. об. п.—число, которое близко подходитъ къ даннымъ Гагемейстера за 50-ые годы [1]) истекшаго столѣтія—13.550 д. Выселеніе тунгусовъ изъ области началось главнымъ образомъ съ 50-хъ годовъ, что однако лишь отчасти объясняетъ убыль тунгусовъ Якутской области къ 1859 г., потому что ревизіи даютъ постоянное и приписное населеніе, въ каковое, слѣдовательно, включена и большая часть выселившихся тунгусовъ. Между тѣмъ X ревизія насчитала всего 12.629 д. (6.852 м.) тунгусовъ или около 900 д. меньше противъ IX-ой, причемъ причина этого значительнаго разногласія не вполнѣ ясна. Какъ бы то ни было, а сопоставленіе данныхъ о численности тунгусовъ Якутской области за 1897 г. и за 50-е годы истекшаго столѣтія показываетъ, что за 40 слишкомъ лѣтъ, которыя прошли отъ IX ревизіи до переписи 1897 г. тунгусское населеніе ея въ общей своей совокупности, если и не увеличилось, то и не уменьшилось сколько-нибудь замѣтно, хотя естественно, что отдѣльные районы и отдѣльные роды и представляютъ въ этомъ отношеніи значительныя различія.

---

[1]) „Статист. обозр. Сибири“, 1854. II, 24—25.

ГЛАВА III.

§ 5. Иркутская губернія.

Въ предѣлахъ данной губерніи къ области тунгусовъ принадлежитъ восточная часть Верхоленскаго округа, приблизительно къ востоку отъ 75°45' в. д. (отъ Пулк.) и къ сѣверу отъ 53° с. ш., исключая самыхъ береговъ верхней Лены и нѣкоторыхъ ея притоковъ: Манзурки, Анги и др., заселенныхъ русскими. Иначе говоря, они владѣютъ пустынными гористыми пространствами, расположенными по верхнему теченію Киренги, въ предѣлахъ Верхоленскаго округа, и по западному берегу Байкальскаго озера. Въ этихъ предѣлахъ они, несмотря на свою малочисленность, составляютъ почти единственное населеніе края. Они же населяютъ и всѣ лѣсисто-гористыя мѣстности огромнаго Киренскаго округа, находящагося къ сѣверу отъ него, или по крайней мѣрѣ бродятъ въ нихъ. Значительное русское населеніе этого округа сгруппировалось почти все по берегамъ крупныхъ рѣкъ: по Верхней Тунгускѣ съ ея притокомъ Илимомъ, по верхнему теченію Нижней Тунгуски, по верхней Ленѣ и по нижнему и среднему теченію ея притока Киренги, предоставивъ всѣ остальныя, наиболѣе глухія, мѣстности края, изобилующія дичью и пушнымъ звѣремъ, природнымъ охотникамъ тунгусамъ. Нѣтъ ихъ повидимому лишь въ сѣверо-западномъ углу округа, къ западу отъ Ангары. Также и горная мѣстность, орошаемая верхнимъ теченіемъ рр. Чаи, Чуи и др. правыхъ притоковъ Лены, почти совершенно безлюдна; посѣщается она лишь въ охотничій періодъ тунгусскими охотниками съ Верхней Ангары. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что не всѣ мѣстности, расположенныя между бассейнами болѣе крупныхъ рѣкъ, имѣютъ постоянное тунгусское населеніе; въ иныя мѣста они заглядываютъ разъ-два въ пять и болѣе лѣтъ. Изъ другихъ національностей округа слѣдуетъ отмѣтить якутовъ (Сунтарско-Олекминской управы), живущихъ въ сѣверо-восточномъ его углу, по лѣвымъ притокамъ

Лены, книзу отъ р. Неледуя, по среднему теченію котораго они также проживаютъ. Такимъ образомъ, въ область тунгусовъ въ Иркутской губерніи входитъ вся сѣверная и восточная ея части, за указанными изъятіями.

Въ Иркутскомъ округѣ ихъ очень мало, а въ расположенныхъ далѣе къ западу Балаганскомъ и Нижне-Удинскомъ ихъ почти совсѣмъ не встрѣчается.

Верхоленскій округъ.

Въ названномъ округѣ имѣются два небольшихъ вѣдомства бродячихъ тунгусовъ:

а) ***Тутурское*** (собств. ***Тутургское***) вѣд., къ которому принадлежатъ тунгусы, бродящіе въ гористой мѣстности по верхнему теченію р. Тутурги (пр. притока р. Лены) и по ея притокамъ: Обурѣ, Чикану, Буркалѣ и по р. Ильдѣ, впадающей въ Ильгу, лв. прит. Лены. Среднее и нижнее теченіе Тутурги занято русскими поселеніями Тутурской волости. По даннымъ переписи Тутурскіе тунгусы дѣлятся на пять наслеговъ, каковы: Илгинскій—29 д. (15 м.), Буркальскій—39 д. (18 м.), Обуринскій—31 д. (13 м.), Чичаптинскій (Чиканскій)—15 д. (7 м.) и Хандинскій—53 д. (25 м.). Мѣстоположеніе ихъ не указано въ переписномъ матеріалѣ, но изъ полицейскихъ данныхъ видно, что первый наслегъ расположенъ по рр. Ильгѣ, Ильгикану и Чанто, второй—при рр. Буркалѣ, Осѣ и Гориной, третій по р. Тутургѣ (можетъ быть и р. Обурѣ), четвертый можетъ быть при р. Чиканѣ и пятый при р. Хандѣ. Въ общей сложности въ этихъ пяти наслегахъ въ 1897 г. числилось 167 душъ об. п. (78 м.) при 38 хозяйствахъ (въ т. ч. 5 одинокихъ лицъ) [1]), что соотвѣтствуетъ 4,4 душамъ на хозяйство. Отношеніе половъ: на 100 мужчинъ—114 женщинъ. Противъ прежняго число ихъ уменьшилось.

б) ***Очеульское*** вѣдомство владѣетъ почти всей сѣверо-восточной частью округа; къ западу и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ихъ землями расположены земли Тутурскаго вѣдомства. Ихъ раздѣляетъ однако небольшой горный хребетъ. Поселенія этихъ тунгусовъ, названныя въ переписи

[1]) По даннымъ „Волости и населенныя мѣста 1893 г.“, вып. IV (табл., стр. 72), 47 хозяйствъ и 172 д. (81 м.).

«выселками», группируются въ стойбища, которыхъ въ вѣдомствѣ двѣнадцать, именно:

Карамское въ 48 д. (21 м.), къ которому принадлежатъ выс. Конецлугъ—14 д. (4 м.) и Тукалонскій - 34 д. (17 м.).

Муринское въ 56 д. (28 м.), къ которому принадлежатъ выс. Хандино-Забродскій - - 12 д. (8 м.), Муринскій — 36 д. (16 м.) и зим. Чинанга—8 д. (4 м.).

Тыркинское	стб.,	состоящее	изъ	Тыркинскаго	выс.	въ	24 д.	(12 м.)
Шывыканское	„	„	„	Шывыканскаго	„	„	7 „	(4 „)
Тулонское	„	„	„	Тулонскаго	„	„	20 „	(9 „)
Эконорское	„	„	„	Эконорскаго	„	„	37 „	(18 „)
Обуринское	„	„	„	Вершино-Тутурскаго	„	„	29 „	(16 „)
Дудовское	„	„	„	Дудовскаго	„	„	58 „	(34 „)
Чанчурское	„	„	„	Чанчурскаго	„	„	45 „	(22 „)
Иликтинское	„	„	„	Иликтинскаго	„	„	3 „	(2 „)

Верхне-Хандарское стб. въ 36 д. (16 м.), состоящее изъ выселковъ: Мунакъ—26 д. (12 м.), Тарасовскаго—8 д. (3 м.) и зим. Гирбитканъ—2 д. (1 м.).

Нижне-Хандарское въ 38 д. (20 м.), состоящее изъ зимовья Усть-Бирюинскаго—19 д. (10 м.) и выселковъ Новосельскаго—9 д. (5 м.) и Акунайки—10 д. (5 м.) [1]).

Общее число тунгусовъ этихъ стойбищъ простиралось въ 1897 г. до 401 д. об. п., которые составляли 95 хозяйствъ (10 хозяйствъ одинокихъ)[1]); (4,2 д. на среднее хозяйство). На 202 мужчинъ здѣсь приходится 199 женщинъ, или на 100 м.— 99 женщинъ. И эти тунгусы подобно Тутурскимъ вымираютъ.

Земли, находящіяся въ пользованіи тунгусовъ Очеульскаго вѣдомства, расположены въ долинѣ верхней Киренги (пр. притока Лены) и по ея притокамъ: Шонѣ, Мурину, Хандѣ. Тукалану. Гирбиткану и другимъ. Онѣ образуютъ широкую полосу, тянущуюся приблизительно отъ южной границы Киренскаго

[1]) Въ полицейскихъ спискахъ населенныхъ мѣстъ за 1896 г., какъ и въ изданіи „Вол. и нас. мѣста 1893 г.“ вып. IV, составленномъ на основаніи того же источника, но за другой годъ, изъ поименованныхъ выше 12 стойбищъ упомянуты лишь 8. Не хватаетъ стб. Шывыканскаго, Тулонскаго, Дудовскаго и Чанчурскаго, вмѣсто которыхъ имѣются новыя: Косостепское 9 д. (2 м.), Ленское—77 д. (42 м.) и Нотайское—20 д. (9 м.), которыя мы однако не рѣшаемся отожествить съ нехватающими въ указанныхъ спискахъ сравнительно съ данными переписи. Общее число этихъ тунгусовъ по полицейскому списку было 75 хозяйствъ или семействъ и 386 д. (192 м.), а по „Вол. и нас. м. 1893 г.“ 91 хоз. и 358 д. (192 м.).

на сѣверѣ до верховьевъ Шывыкана на югѣ, гдѣ начинаются угодья крестьянъ Качугской волости, расположенныя по верхнему теченію Лены, по р. Ангѣ и ея другимъ притокамъ. Съ запада владѣнія Очеульскихъ тунгусовъ ограничены горными хребтами, простирающимися между рр. Киренгой и Тутургой, а съ востока Байкальскимъ озеромъ. Небольшія группы этихъ тунгусовъ встрѣчаются и внѣ этого района: въ верховьяхъ Тутурги и въ гористой мѣстности, расположенной между верхней Леной и Байкаломъ, по рр. Иликтѣ и Чанчуру, лв. притокамъ Лены, причемъ въ послѣдней мѣстности они живутъ по близости съ крестьянами. Да и въ очерченномъ выше районѣ тунгусы не составляютъ всего населенія края. Кромѣ самостоятельныхъ кочевій они живутъ и въ «выселкахъ», которые по большей части составляютъ одни селенія съ русскими деревнями волостей Качугской (на югѣ) и Мартыновской (на сѣверѣ, въ Киренскомъ округѣ).

Эти предѣлы области Очеульскихъ тунгусовъ набросанные на основаніи данныхъ переписи 1897 г., полицейскихъ списковъ населенныхъ мѣстъ, составленныхъ въ 1896 г. и 40-верст. карты мѣстности, почти вполнѣ совпадаютъ съ границами этихъ инородцевъ по Кларку за начало 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія: «Очеульскіе тунгусы бродятъ между сѣверо-западнымъ берегомъ Байкала, рѣками Манзуркою и Ангою, впадающими въ Лену, и хребтами, сопровождающими лѣвые притоки р. Киренги. Тунгусы эти для взноса ясака сбираются къ озеру Очеулъ, лежащему отъ Качугской слободы на сѣверо-востокъ въ 50 верстахъ и обыкновенно два раза въ годъ: къ 9 мая или, какъ они говорятъ, къ «вешнему Николѣ» и къ половинѣ ноября. Отъ этого озера они и получили названіе Очеульскихъ» [1]).

О мѣстоположеніи отдѣльныхъ выселковъ и стойбищъ этихъ тунгусовъ на основаніи вышеуказанныхъ источниковъ можно сообщить слѣдующее. Тунгусы Шывыканскаго (Шевыканскаго) стойбища кочуютъ въ самой южной части владѣнія управы, въ горной мѣстности, орошаемой рч. Шевыканомъ, лв. прит. Шоны (л. прит. Киренги). Около нихъ живутъ и буряты Ангинской управы въ числѣ 41 д. (19 м.) и нѣсколько крестьянъ Качугской вол.

---

[1]) „Зап. Сиб. Отд. Георг. Общ.“, VI, 1863 г., 86—88.

На протяженіи 8 вер. отъ устья р. Шоны до р. Мурина берега Киренги низки и болотисты, но кое-гдѣ къ ней подступаютъ высокіе мысы—оконечности горныхъ отроговъ, и на нихъ всегда расположены тунгусскія юрты, хозяева которыхъ цѣлое лѣто охотятся въ горахъ, возвращаясь сюда лишь осенью ради рыбной ловли.

Тунгусы Муринскаго стойб. проживаютъ по рр. Хандѣ и Мурину; въ низовьяхъ послѣдняго расположена дер. (выс.) Муринская, дома которой построены по русскому образцу.

Ниже по теченію Киренги, по ея лѣвому притоку Караму, находится сел. Карàмъ [1]), въ районѣ котораго бродятъ тунгусы; одинъ изъ ихъ выселковъ — Тукалонскій расположенъ вѣроятно ок. устья рч. Тукаланъ, гдѣ на 40-верстн. картѣ значится «тунгусское стб.».

Болѣе 50 вер. книзу отъ названнаго селенія по лѣвому берегу Киренги, уже въ предѣлахъ Киренскаго округа, расположенъ поселокъ Мунокъ или Мунакъ Верхне-Хандарскаго стойбища; (часть его жителей поселилась по рч. Гирбитканъ). Въ немъ проживаютъ не только тунгусы, но и русскіе Мартыновской волости. Еще далѣе къ сѣверу, тоже въ предѣлахъ Киренскаго округа, находится стб. Н.-Хандарское, поселки котораго составляютъ по большой части одни селенія съ деревнями Мартыновской волости.

Тунгусы выс. Усть-Бирюинскаго можетъ быть обитаютъ близъ устья р. Береи (по картѣ), лѣваго притока Киренги. Выс. Акунайскій (Новосельскій) находится по р. Окунайкѣ (Акунайкѣ), впадающей справа въ Киренгу. По всему вѣроятію этотъ выселокъ образуетъ колонію въ одноименномъ русскомъ селеніи. Выс. Конецлугъ вѣроятно расположенъ вблизи или въ самомъ выс. Концелужскомъ той же волости.

Одно изъ этихъ селеній, вѣроятно Акунайка, является самымъ сѣвернымъ постояннымъ населеннымъ пунктомъ тунгусовъ по Киренгѣ [2]). Но, уже начиная отъ южной межи Ки-

---

[1]) Сел. Карàмъ основано въ 1787 г. и ведетъ довольно значительную торговлю съ окрестными мѣстностями. Жители его въ крупныхъ размѣрахъ занимаются земледѣліемъ (Риттеръ: „Землевѣдѣніе“, русск. дополн. „Вост. Сиб.“, II ч., 606 сл.).

[2]) По Риттеру, ibid. II, (606 стр. и сл.) таковымъ селеніемъ является д. В. Ульканская Мартыновской вол., расположенная въ низовьяхъ р. В. Улькана, пр. притока Киренги, но перепись 1897 г. не упоминаетъ, чтобы тамъ проживали тунгусы.

ренскаго округа или точнѣе отъ сел. Муно́къ, откуда населеніе носитъ смѣшанный характеръ, тунгусы составляютъ ничтожный процентъ всѣхъ жителей. Что же касается до земель, то въ предѣлахъ Киренскаго округа тунгусамъ принадлежатъ лишь болѣе пустынныя пространства.

Вершино-Тутурскій выс. (Обуринское стойбище) находится въ верховьяхъ рч. Тутурги и у оз. Т., по ту сторону хребта, служащаго въ остальныхъ своихъ частяхъ границей между обоими тунгусскими вѣдомствами.

Тулонское стойбище вѣроятно расположено въ верховьяхъ р. Б. Анги (пр. прит. Лены), гдѣ имѣется оз. Тулонъ.

Тыркинское и Эконорское стб.—ок. одноименныхъ озеръ; Чанчурское вѣроятно при рч. Чанчурѣ, л. прит. Лены и, наконецъ, Иликтинское и Кососте́пское (см. стр. 101, прим.) при рч. Иликтѣ, л. прит. Лены.

О характерѣ мѣстности, гдѣ кочуютъ Тутурскіе и Очеульскіе тунгусы, П. Кларкъ сообщаетъ слѣдующее: «Будучи вытѣснены русскими и бурятами отъ значительныхъ рѣкъ и рѣчекъ, какъ-то Лены, Манзурки, Илги и Анги, Очеульскіе и Тутурскіе тунгусы раздѣлили между собою второстепенныя рѣчки и ключи и бродятъ нынѣ въ своихъ «ухожьяхъ» или такъ называемыхъ «покатяхъ». Покать вполнѣ характеризуетъ эту мѣстность, возвышающуюся отъ устьевъ рѣчекъ къ ихъ вершинамъ. Эти покати, составляющія распадки между горами и цѣлыми цѣпями и хребтами, въ которые уходятъ тунгусы, и называются «ухожьями». Здѣшнія покати покрыты дремучимъ лѣсомъ, наполненнымъ лосями, дикими оленями и т. д.» (ibid., 88). Эти звѣроловы живутъ или въ черныхъ избахъ или въ конусообразныхъ шатрахъ, крытыхъ корой. Такія же берестяныя урасы имѣютъ и оленеводы, которые большую часть лѣта держатся близъ высокихъ хребтовъ, покрытыхъ снѣгомъ, гдѣ ихъ олени въ зной находятъ отдыхъ и покой отъ комаровъ. Эти хребты находятся близъ береговъ Байкала и служатъ исходнымъ нунктомъ рр. Лены и Киренги (l. c.).

в) Въ остальныхъ мѣстахъ округа тунгусовъ почти нѣтъ. 12 д. (7 м.) тунгусовъ составляютъ коч. Качикъ, принадлежащее къ бурятскому Верхне-Кудинскому вѣдомству и приписанное къ Ользоновскому роду бурятовъ. Сверхъ того, въ другихъ частяхъ округа проживаютъ 33 д. (20 м.) тунгусовъ, въ томъ числѣ среди бурятъ Хоготовскаго вѣдомства 5 д.

(3 м.), въ русскихъ селеніяхъ Качугской вол. 15 д. (7 м.), вѣроятно принадлежащихъ къ Очеульскому вѣдомству, и въ Верхоленской вол.—6 д. (5 м.).

Всего въ Верхоленскомъ округѣ въ 1897 г. проживало 613 д. (307 м.) тунгусовъ.

Киренскій округъ.

Киренскій округъ, занимающій всю сѣверную половину Иркутской губерніи, служитъ главнымъ центромъ мѣстныхъ тунгусовъ, которые тамъ составляютъ три самостоятельныхъ вѣдомства. Пришлые тунгусы изъ смежной Якутской области находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ Вилюйскаго исправника.

Топографическія данныя касательно мѣстожительства и мѣстъ кочевій Киренскихъ тунгусовъ, встрѣчающіяся въ переписномъ матеріалѣ, очень недостаточны для правильнаго опредѣленія границъ означенныхъ вѣдомствъ и мѣстоположеній ихъ зимовій и стойбищъ. По счастью въ трудахъ изслѣдователей этого края имѣются вполнѣ надежныя данныя по этому вопросу. Кромѣ того намъ въ данномъ случаѣ не малую пользу принесла схематическая карта почтовыхъ разстояній даннаго округа за 1895 г., которая была приложена къ переписному матеріалу и на которой счетчикъ очертилъ перомъ всѣ мѣстности, гдѣ встрѣчаются тунгусы, присоединивъ къ этимъ наброскамъ весьма цѣнныя объясненія. Въ виду того значительнаго интереса, который представляютъ сообщенія этого мѣстнаго обывателя, хорошо знакомаго съ краемъ, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи исчерпываемъ всѣ заключающіяся въ указанной картѣ топографическія и иныя свѣдѣнія, пользуясь ими для выясненія разныхъ сомнительныхъ случаевъ въ распредѣленіи тунгусовъ по территоріи округа.

Тунгусы обитаютъ въ предѣлахъ Киренскаго округа почти повсемѣстно, за исключеніемъ непирокихъ полосъ земли по берегамъ болѣе крупныхъ рѣкъ, которыя составляютъ владѣнія мѣстныхъ крестьянъ. Тунгусовъ можно встрѣтить въ бассейнѣ почти всего теченія Лены, приходящемся на долю этого округа, но къ сѣверу отъ устья Витима они попадаются рѣже, а близъ р. Пеледуя ихъ смѣняютъ якуты. Живутъ тунгусы и по

рр. Витиму, Киренгѣ и другимъ притокамъ Лены, по верхнему теченію р. Н. Тунгуски, по Илиму, правому притоку Ангары, и по верхнему теченію р. Чоны, впадающей въ Вилюй.

а) *Киренско-Хандинское* вѣдомство владѣетъ землями, расположенными по р. Ленѣ въ предѣлахъ Усть-Кутской и Орлингской волостей, за исключеніемъ полосы земли, прилегающей къ самой рѣкѣ, гдѣ расположены деревни и угодья крестьянъ.

На упомянутой выше картѣ территорія этихъ тунгусовъ тоже показана пунктиромъ. По этому источнику они встрѣчаются и далѣе на сѣверъ до дер. Криволуцкой (къ югу отъ Киренска), хотя на югѣ не достигаютъ до межи Верхоленскаго округа, простираясь лишь до дер. Басовой. Они же вѣроятно бродятъ и въ бассейнѣ нижняго теченія р. Киренги.

По даннымъ переписи бродячіе тунгусы названнаго вѣдомства живутъ по рч. Аихтѣ (зимовье въ 6 д. [4 м.]), по рч. Кытэму (Кытимъ, л. прит. Киренги? 12 д. ([8 м.]), въ зимовьяхъ при устьяхъ рѣчекъ Ниригальды и Богульдеи 14 д. (10 м.) и по рч. Орлингѣ (пр. прит. Лены) 12 д. (6 м.); всего по этимъ рѣчкамъ ихъ оказалось 44 д. (28 м.) при 6 хозяйствахъ.

Изъ другихъ мѣстъ указаны слѣдующія мѣстопребыванія тунгусовъ этого вѣдомства: выс. Зарѣчный 24 д. (14 м.) при р. Киренгѣ, стб. Гикальня или «Озеряне» 32 д. (14 м.), стб. Дегитканъ («Осовцы») 15 д. (7 м.); стб. Юхтинское (д. Нижне-Ульканская)—5 д. (2 м.) и стб. Кислое 3 д. (1 м.) при р. Киренгѣ; стб. Кузница 8 д. (4 м.), ур. Казарочные луга 3 д. (2 м.).

Мѣстоположеніе большинства этихъ стойбищъ не извѣстно въ точности. Общее число тунгусовъ, проживающихъ въ нихъ, было 90 д. (44 м.) при 18 хозяйствахъ. Кромѣ того 33 д. (15 м.) этихъ тунгусовъ были зарегистрированы въ Криволуцкомъ полицейскомъ участкѣ,—послѣдній вѣроятно находится въ мѣстности, гдѣ расположено с. Криволуцкое (на Ленѣ, нѣск. кверху отъ г. Киренска). Не только мѣста, но и названія остальныхъ кочевій и стойбищъ вовсе не указаны въ переписномъ матеріалѣ. Число проживающихъ въ нихъ тунгусовъ опредѣлено тамъ въ 167 д. об. п. (80 м.).

Всего въ данномъ вѣдомствѣ по переписи 1897 г. проживало 334 души об. п., изъ коихъ 167 мужчинъ [1]) (на

[1]) По „Волости и насел. мѣста 1893 г.“, вып. IV: 85 хоз. и 324 д. (155 м.).

100 мужчинъ—100 женщинъ). На каждое изъ 66 хозяйствъ, въ которыя они группируются (въ ихъ числѣ 4 одинокихъ), приходится 5,1 д.

б) Кондогирскіе и Курейскіе тунгусы проживаютъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ верхняго теченія Н. Тунгуски, въ предѣлахъ Преображенской волости, т. е. приблизительно на протяженіи 530 вер. по означенной рѣкѣ отъ д. Подволошной на югѣ до границы Енисейской губерніи на сѣверѣ. «Управляются эти два рода общей инородной управой, находящейся на границѣ земель обоихъ родовъ, въ дер. Юрьевой, въ 5 вер. выше с. Преображенскаго» [1]). Означенный районъ тунгусскихъ кочевій указанъ и на упомянутой почтовой картѣ, причемъ однако южные ихъ предѣлы начинаются тамъ сѣвернѣе дер. Подволочной, приблизительно книзу отъ д. Сосниной. На этомъ же мѣстѣ на картѣ имѣется пояснительная приписка: «Здѣсь тунгусовъ больше, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ (округа). Стойбища ихъ идутъ и дальше внизъ по Тунгускѣ въ Енисейскую губернію».

Кондогирскіе тунгусы занимаютъ болѣе низовую часть Нижней Тунгуски, отъ с. Преображенскаго (по Миддендорфу отъ д. Мугинской) на юго-востокѣ до устья р. Илимпеи т. е. до границы Туруханскаго края на сѣв.-западѣ. Въ ихъ распоряженіи находится такимъ образомъ площадь приблизительно обнимающая 3 градуса широты и около 3 градусовъ долготы. Съ юга и юго-востока ихъ владѣнія граничатъ съ землями Курейскихъ тунгусовъ, съ востока—территоріей Вилюйскихъ тунгусовъ и якутовъ и съ запада—охотничьими угодьями Кежемскихъ тунгусовъ т. е. тунгусовъ, обитающихъ въ сѣверной части Кежемской волости (Енис. окр.) и по ея окрайнамъ. Считая Кондогирскихъ тунгусовъ за одинъ родъ, Маакъ дѣлитъ его на четыре участка: Чечогиръ, Осокеръ, Акари и Каплинъ, которые Миддендорфъ въ свою очередь считаетъ за роды (см. ниже) [2]).

Число Кондогирскихъ тунгусовъ, по даннымъ переписи 1897 г., простирается до 293 д. (146 м.) при 51 (1 одинок.)

---

[1]) Маакъ: „Вилюйскій округъ“, II, 39—40. (Ниже сказано тамъ же нѣсколько иначе: „Въ с. Преображенскомъ помѣщается и управленіе Петропавловской (?!) волостью, въ вѣдѣніи которой находится инородное управленіе Курейскихъ и Кондогирскихъ тунгусовъ“).

[2]) Маакъ, ibid., II, 39—40 и Миддендорфъ („Mél. Asiat.“ VIII. 1. 1877, 335).

хозяйствахъ (на 1 хоз.—5,7 д.). Въ это число вѣроятно не вошли немногіе тунгусы, записанные въ русскихъ волостяхъ, и принадлежность которыхъ къ той или другой группѣ тунгусовъ не всегда показана.

Какъ указано выше, мѣстоположенія стойбищъ и зимовій этихъ тунгусовъ въ переписномъ матеріалѣ не отмѣчены.

в) ***Курейскіе*** тунгусы, составляющіе съ Кондогирскими одно общество (см. стр. 107), живутъ тоже по Н. Тунгускѣ, но кверху отъ нихъ, причемъ ихъ земли занимаютъ все пространство до границы Макаровской волости. Бродятъ они также и по Ленѣ вплоть до впаденія въ нее Витима, а также во всей возвышенной плоскости, лежащей между верхнимъ теченіемъ Н. Тунгуски, Чоной и Леной и служащей водораздѣломъ правыхъ притоковъ Вилюя и лѣвыхъ Лены (Пеледуй, Контина, Нюя). Изъ этого района слѣдуетъ впрочемъ исключить берега Лены, гдѣ живутъ русскіе, и среднее и нижнее теченіе только что названныхъ рѣкъ, гдѣ съ начала нынѣшняго столѣтія водворились якуты (Сунтарско-Олекминская управа). На югѣ этихъ тунгусовъ можно встрѣтить до горнаго хребта, тянущагося къ югу отъ лѣваго притока Н. Тунгуски Непы. Самыя верховья Н. Тунгуски не имѣютъ даже постояннаго тунгусскаго населенія, а лишь временно посѣщаются звѣроловами преимущественно этого же племени, причисленными къ Макаровской волости, къ которой принадлежитъ означенный районъ. Проводя большую часть года въ тайгѣ, Курейцы при вскрытіи рѣкъ выѣзжаютъ на Тунгуску, чтобы промышлять рыбу и пообмѣняться товарами со своими кредиторами изъ крестьянъ («дружками»), у которыхъ они находятся въ неоплатныхъ долгахъ [1]).

Мѣста кочевій, стоянокъ и зимовій въ переписномъ матеріалѣ не показаны, а названы изъ нихъ лишь трое, именно Ключевское — 14 д. (9 м.), принадлежащее къ Непскому десятку (по полиц. свѣд. по р. Киренгѣ), коч. Сурындинское—20 д. (14 м.) и Озерновское—8 д. (4 м.), населеніе которыхъ за исключеніемъ 4 д. (3 м.) принадлежатъ Черончевскому десятку.

По даннымъ переписи численность тунгусовъ этой группы опредѣлилась въ 303 д. (165 м.) при 75 хозяй-

[1]) Маакъ, ibid., 37—39—40.

ствахъ (въ т. ч 10 одинокихъ) [1]). Сюда же вѣроятно слѣдуетъ причислить и 23 хоз. (3 один.) и 79 д. (46 м.) бродячихъ тунгусовъ Курейскаго участка (Витимск. полиц. упр.), зарегистрированныхъ въ Преображенской волости. Съ ними общая численность Курейскихъ тунгусовъ будетъ равна 382 д. (211 м.) при 98 хоз. (13 один.), что соотвѣтствуетъ среднему размѣру хозяйства въ 3,9 д. Отношенія половъ не благопріятны: на 100 м.—81 ж.

Какъ Кондогирскіе, такъ и Курейскіе тунгусы сильно уменьшились въ числѣ противъ прежнихъ лѣтъ (см. ниже).

г) *Нижне-Илимское* вѣдомство бродячихъ и осѣдлыхъ тунгусовъ. На упомянутой выше схематической картѣ районъ Нижне-Илимскаго вѣдомства очерченъ такимъ образомъ: онъ охватываетъ все теченіе р. Илима (прав. прит. Ангары), простираясь на сѣверъ почти до д. Бубновой, которая на этой картѣ лежитъ гораздо ближе къ устью Илима, чѣмъ на дѣлѣ [2]). И по Илиму на долю тунгусовъ достались земли, расположенныя главнымъ образомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ его береговъ.

Эти тунгусы дѣлятся на бродячихъ, конхъ оказалось 18 хоз. (1 один.) въ 94 д. об. п. (38 м.) и о мѣстопребываніи конхъ въ переписномъ матеріалѣ не имѣется указаній, и изъ 164 д. (78 м.) осѣдлыхъ, проживающихъ въ поселкахъ или улусахъ: Закурдаевскомъ на л. берегу Ангары, прибл. подъ 57^0 с. ш.—7 х.: 71 д. (32 м.), не считая 8 русскихъ, Жилищинскомъ—2 х.: 16 д. (8 м.) тамъ же, безъ 6 русскихъ, и Коченгскомъ на рч. Коченгѣ, падающей въ верхній Илимъ—13 х.: 61 д. (30 м.), а также въ селеніяхъ Нижне-Илимской волости—16 д. (8 м.), изъ конхъ 13 д. (6 м.) въ с. Романовѣ.

---

[1]) По кн. „Волости и нас. мѣста 1893 г.“, вып. IV, ихъ число опредѣляется въ 57 хоз. и 259 д. (145 м.), въ томъ числѣ 15 д. осѣдлыхъ инородцевъ.

[2]) Въ очерченномъ пространствѣ упомянутой карты имѣются три помѣтки. Одна показываетъ мѣстоположеніе улуса Коченгскаго по верхнему Илиму, по правую его сторону и противъ дер. Коченги, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега Илима. Число тунгусовъ въ немъ опредѣлено въ 60 чел. На 40 верст. картѣ губерніи ему вѣроятно соотвѣтствуетъ дер. Тунгусская по лѣвую сторону р. Илима, расположенная однако у впаденія въ него рч. Коченги. Въ другомъ мѣстѣ схематической карты, къ ю.-в. отъ Илимска, сказано: „тунгусы Нижне-Илимской управы, бродячіе, ихъ немного,—человѣкъ 200“. Въ этомъ же районѣ показано и мѣстоположеніе ул. Закурдаева на Ангарѣ съ помѣткой: „осѣдлые тунгусы 80 чел.“.

Всего представителей этого вѣдомства по даннымъ переписи, оказалось 258 д. (116 м.) [1]) при отношеніи половъ на 100 м.—122 ж. Если ограничиться тунгусами, живущими въ самостоятельныхъ кочевьяхъ и селеніяхъ, то на 242 д. придется 42 хозяйства (на 1 хоз.—5,8 д.).

И эти тунгусы въ прежнее время были значительно болѣе многочисленны чѣмъ нынѣ.

д) Небольшое число тунгусовъ было зарегистрировано и въ селеніяхъ разныхъ русскихъ волостей, причемъ принадлежность ихъ къ извѣстному вѣдомству не всюду показана. Ихъ оказалось всего 100 д. (52 м.), изъ коихъ 11 д. (2 м.) были застигнуты въ Макаровской вол. (вѣроятно Курейскіе), 4 д. (2 м.) въ Усть-Кутской (вѣр. Киренско-Хандинскіе), 15 д. (9 м.) въ Мартыновской, 8 д. (4 м.) въ Коченгской, 2 д. (1 м.) въ Орлингской, 16 д. (9 м.) въ Карапчанской, 37 д. (23 м.) въ Преображенской (вѣр. Курейскіе и Кондогирскіе), не считая 79 д. Курейскаго участка и 16 д. Н.-Илимской волости (см. стр. 109). Въ якутскихъ урочищахъ Сунтарско-Олекминской инор. управы они были зарегистрированы лишь въ числѣ 7 д. (2 м.) по рр. Пеледую и Нюѣ.

е) Наконецъ, среди якутовъ же названной инор. управы проживаютъ и находящіеся въ вѣдѣніи Вилюйскаго исправника пришлые изъ Якутской обл. тунгусы. Они были переписаны въ стойбищахъ: Джемпо при р. Жербѣ—5 хоз.: 20 д. (12 м.), Натора при Ленѣ—1 хоз.: 5 д. (3 м.), Мурбай при р. М. — 1 хоз.: 2 д. и Кебюргянъ при р. Нюѣ — 1 хоз.: 5 д. 3 м.) или всего 8 хоз.: 32 д. (20 м.).

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ, указанныхъ районовъ, тунгусовъ временно и въ небольшомъ числѣ можно встрѣтить повсемѣстно въ округѣ. Вотъ что на поляхъ вышеупомянутой карты сказано по этому поводу: «Кромѣ очерченныхъ пунктовъ, гдѣ тунгусы встрѣчаются чаще и гуще, они бродятъ по всему округу внѣ крестьянскихъ поселеній, въ сторонѣ отъ указанныхъ здѣсь рѣкъ, по малымъ горнымъ рѣчкамъ и озерамъ».

---

[1]) Ibid., 52 хоз. и 274 д. (134 м.), въ т. ч. 179 д. (90 м.) осѣдлыхъ. По этому источнику эти тунгусы образуютъ два улуса: Ангарскій въ 146 д. (74 м.), изъ коихъ 83 д. (44 м.) осѣдлыхъ и Коченгскій въ 81 д. (38 м.) при 61 д. (29 м.) осѣдлыхъ. Остальные живутъ въ д. Романовой, Пушкиной, Пагадаевой Н.-Илимской вол. Въ переписномъ матеріалѣ не встрѣчается Ангарскаго улуса, а въ „Вол. и нас. м.“ улусовъ Закурдаевскаго и Жилищинскаго.

Общее число тунгусовъ Киренскаго округа простирается, по даннымъ переписи 1897 г., до 1399 д. (712 м.), изъ коихъ 1283 д. (652 м.) проживали въ собственныхъ кочевьяхъ и зимовьяхъ. Они составляютъ 264 хозяйства (въ т. ч. 19 одинокихъ), такъ что на одно хозяйство приходится 4,9 д. (безъ одинокихъ 5,1 д.). Отношенія половъ у всѣхъ тунгусовъ округа равно 98 ж. на 100 м.

Иркутскій округъ.

Здѣсь тунгусы встрѣчаются въ ничтожномъ числѣ, составляя лишь примѣсь къ бурятамъ двухъ управленій; въ другихъ мѣстахъ ихъ почти нѣтъ, за исключеніемъ самаго юго-восточнаго угла округа, прилегающаго къ Селенгинскому округу Забайкальской обл. Этотъ послѣдній районъ, ограниченный на западѣ р. Быстрой (л. прит. Иркута), искони находился въ пользованіи тунгусовъ родовъ Заектаевскаго и Цингидинова. Въ ихъ владѣніи онъ остался и нынѣ по переселеніи означенныхъ тунгусовъ въ Селенгинскій округъ (см. ниже). Здѣсь они однако живутъ лишь временно, въ періодъ звѣринаго промысла.

Постоянное жительство тунгусы въ предѣлахъ округа имѣютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ *Кудинскомъ* бурятскомъ вѣдомствѣ они образуютъ два самостоятельныхъ стойбища: Кочергатское въ 5 хоз. 13 д. (6 м.) и Зогинское въ 13 хоз. и 65 д. (28 м.) [1]) или всего въ 18 хозяйствъ и 78 д. (34 м.). Несмотря на свою малую численность, тунгусы этого вѣдомства господствуютъ во всемъ гористомъ районѣ сѣверо-восточной части округа, между хребтомъ Онотскимъ на западѣ и озеромъ Байкаломъ на востокѣ, въ районѣ, орошаемомъ р. Голоустной, впадающей въ Байкалъ, и ея притоками. Зогинское селеніе или стойбище (на 40-вер. картѣ—Джоголы) находится въ верхнемъ теченіи р. Голоустной, у низовьевъ ея пр. притока Зоги. Это довольно

---

[1]) По „Вол. и насел. мѣста 1893 г.“, вып. IV, 46 д. (24 м.) въ первомъ и 36 д. (18 м.) во второмъ.

крупное селеніе представляетъ изъ себя зимникъ, а 4—5 вер. выше него находится лѣтникъ, т. е. лѣтнее мѣстожительство тѣхъ же тунгусовъ. Другое тунгусское селеніе (стойбище)—Кочергатское расположено у устья праваго притока Голоустной—Кочергатъ.

Между этими двумя тунгусскими селеніями представители этого племени живутъ еще недалеко отъ устья рч. Илги, на пр. берегу Голоустной. Это Илгинское или Тарбѣевское лѣтнее поселеніе тунгусовъ, которые на зиму перебираются въ д. Тарбѣеву, находящуюся нѣсколько далѣе кверху. (Въ ней вмѣстѣ со смежной М. Голоустной свыше 175 д.). Описанная мѣстность имѣетъ сильно гористый характеръ, изобилуетъ лѣсами, въ которыхъ эти тунгусы промышляютъ пушного звѣря и крупную дичь.

Кочергатскіе тунгусы живутъ весьма бѣдно, жилища у нихъ бурятскаго типа, одежда русская. Они занимаются нерпичьимъ промысломъ въ Байкалѣ, служа въ качествѣ рабочихъ у русскихъ, у которыхъ они находятся въ полной зависимости. Оленей не имѣютъ. Нѣсколько лучше экономическое положеніе Илгинскихъ тунгусовъ, а Зогинскіе живутъ довольно зажиточно и имѣютъ опрятные зимніе дома, нѣкоторые изъ которыхъ русскаго типа [1]).

Общая численность бродячихъ Голоустинскихъ тунгусовъ опредѣлялась въ X ревизію въ 131 д. об. п. (63 м.), а по свѣдѣніямъ Кудинскаго инороднаго вѣдомства, къ которому они принадлежатъ, за конецъ 80-хъ годовъ—въ 104 д. (61 м.) [2]). Эти данныя тоже показываютъ убыль Голоустинскихъ тунгусовъ противъ прежнихъ лѣтъ.

По всему вѣроятію въ этой же мѣстности расположенъ и тунгусскій ул. Верхне-Кетскій, можетъ быть въ верхнемъ теченіи р. Б. Кеть, которая беретъ начало съ западнаго склона Онотскаго хребта и впадаетъ въ р. Куду, лѣв. прит. Ангары. Этотъ улусъ принадлежитъ къ родовому управленію Отдѣльнаго *Сейгутскаго* (бурятскаго) рода и состоитъ изъ 10 хоз. и 48 д. (21 м.) [3]), не считая одного русскаго.

---

[1]) Риттеръ, ibid, II (189—222).

[2]) „Матер. по изсл. землепольз. сел. нас. Ирк. и Енис. губ.“ (II т. вып. 2). Кромѣ того осѣдлыхъ инородцевъ (тунгусовъ ?) въ Голоустинскомъ улусѣ числилось за означенный періодъ времени 74 д. (39 м.), не считая 311 д. (178 м.) бурятовъ II Ашехабатскаго рода (ibid.).

[3]) „Вол и нас. м.“: 39 д. (18 м.).

Въ русскихъ волостяхъ проживаетъ всего 7 д. (4 м.) тунгусовъ, въ т. ч. въ Смоленской 4 д. (3 м.) и въ Тугутуйской 3 д. (1 м.), въ городѣ Иркутскѣ перепись ихъ не открыла.

Всего въ округѣ въ 1897 г. было обнаружено 134 д. (59 м.) тунгусовъ.

Балаганскій округъ. Тунгусы здѣсь образуютъ лишь одно самостоятельное селеніе—Мало-Бѣльскій улусъ, принадлежащій къ *Ныгдинскому* бурятскому вѣдомству. Но и здѣсь они составляютъ не всѣхъ, а лишь большинство жителей именно 41 д. (23 м.), изъ наличнаго населенія въ 72 д. (44 м.) при 18 хозяйствахъ [1]). Противъ X ревизіи (1858 г.), когда ихъ было 48 д. (27 м.) они нѣсколько уменьшились въ числѣ. Остальными жителями этого улуса являются русскіе 14 д. (9 м.), киргизы, буряты и другіе. Расположенъ этотъ улусъ въ самомъ югѣ округа, по рч. Мал. Бѣлой. Вѣроятно объ этомъ улусѣ осѣдлыхъ тунгусовъ упоминается у одного автора, описывающаго эту рѣку. Онъ сообщаетъ, что на протяженіи 25 в. отъ ея устья тянутся заимки и хутора крестьянъ с. Бѣльскаго; 15 в. выше расположена заимка Огаркова, а 8 в. выше ея населеніе по этой рѣкѣ заканчивалось «жилищемъ осѣдлыхъ тунгусовъ», занимавшихся земледѣліемъ и звѣроловствомъ [2]). Кромѣ того въ другихъ мѣстахъ округа обнаружено 3 д. (2 м.) тунгусовъ или всего въ округѣ 44 д. (25 м.).

Нижнеудинскій округъ—всего одна тунгуска.

* * *

Подводя итоги тунгусскому населенію отдѣльныхъ округовъ Иркутской губерніи, мы получимъ слѣдующую таблицу.

---

[1]) Ibid., 55 д. (29 м.).
[2]) Риттеръ: „Землевѣдѣніе“, русск. доп. („Вост. Сиб.“), ч. I, 328.

ТАБЛИЦА XII.

Названія округовъ.	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душъ въ хоз.	% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Иркутскій	59	75	134	4,5	125
2. Балаганскій.	25	19	44	4,0	76
3. Верхоленскій	307	306	613	4,3(4,7)	100
4. Киренскій	712	687	1399	4,9(5,1)	97
5. Нижнеудинскій	—	1	1	—	—
Итого	**1.103**	**1.088**	**2.191**	**4,7**	**98**

Итакъ, число тунгусовъ Иркутской губерніи не превышаетъ 2.191 д. об. п., изъ коихъ 1.103 м. (на 100 м.— 98 ж.). Нормальное отношеніе половъ наблюдаются лишь въ Киренскомъ и Верхоленскомъ округахъ, гдѣ тунгусы проживаютъ въ значительномъ числѣ; въ остальныхъ это отношеніе на первый взглядъ представляется ненормальнымъ, но на самомъ дѣлѣ эта ненормальность лишь кажущаяся, въ виду того, что тунгусы, живущіе среди русскихъ и бурятовъ, часто образуютъ съ ними смѣшанныя семьи.

По отношенію къ наличному населенію округовъ тунгусы всюду составляютъ ничтожный процентъ: въ Киренскомъ— 2,6% и Верхоленскомъ—0,9%, а въ цѣлой губерніи всего 0,4%.

---

§ 6. Забайкальская область.

Чисто тунгусская область занимаетъ весь сѣверъ Забайкальской области. Южная ея межа можетъ быть проведена такъ: на востокѣ по р. Шилкѣ, а отъ ея лв. притока Горбицы по 53° с. ш. на западъ до 84° в. д., откуда южная межа идетъ по 54° с. ш. приблизительно до 81°30′ в. д. (отъ Пулкова). Этотъ меридіанъ можно считать западнымъ предѣломъ

чисто тунгусской области. Въ этомъ обширномъ районѣ обитаютъ почти одни бродячіе тунгусы (орочоны). Другихъ постоянныхъ жителей здѣсь почти нѣтъ, кромѣ русскихъ по правому берегу Шилки и нѣсколькихъ селеній осѣдлыхъ тунгусовъ по средней Нерчѣ. Сверхъ того по верхнему теченію Витима и по его лѣвымъ притокамъ имѣется пріисковое населеніе, группирующіеся около немногихъ золотыхъ пріисковъ этой мѣстности. Южнѣе этой межи тоже проживаютъ тунгусы, но осѣдлые, въ перемѣшку съ русскими и бурятами. Съ юга къ описанной выше чисто тунгусской области непосредственно примыкаютъ владѣнія тунгусовъ Оловской и Урульгинской инородныхъ управъ по верхнему и среднему теченію Куенги, Нерчи, Талачи, Кручины и Читы, причемъ тамъ-же имѣются и многочисленныя деревни русскихъ крестьянъ, число которыхъ прибываетъ по мѣрѣ движенія отъ верхняго къ нижнему теченію названныхъ рѣкъ. Въ ихъ нижнемъ теченіи уже почти нѣтъ тунгусовъ. Буряты въ этомъ районѣ живутъ по Улдургѣ, пр. притоку Нерчи.

Къ западу отъ р. Читы и Яблоноваго хребта нѣтъ тунгусовъ подъ этими широтами вплоть до оз. Байкала. Южнѣе рр. Шилки и Ингоды на востокѣ и 54° с. ш.—на западѣ и къ западу отъ 81°30′ в. д. область населена главнымъ образомъ русскими и бурятами. Послѣдніе же составляютъ главную часть населенія южной полосы Баргузинскаго округа между 54° с. ш. и р. Витимомъ, простираясь отсюда далеко на югъ. Тунгусскія земли и поселенія въ этой ея части лежатъ черезполосно съ ними въ видѣ небольшихъ островковъ. Въ средней части Читинскаго округа они расположены по рѣкамъ Тургѣ, Ундѣ, Борзѣ (Ононской), Талангую, Газимуру, Урулгюнгую, Борзѣ (Аргунской) и т. д.; на югѣ области—по Аргуни (кверху отъ завода Нерчинскаго), Онону и его лѣвымъ притокамъ—здѣсь тунгусы живутъ по большей части въ однихъ селеніяхъ съ русскими казаками. Кромѣ того тунгусскія селенія встрѣчаются въ юго-западномъ углу области, главнымъ образомъ по р. Хамнею, (а звѣроловныя избушки по всѣмъ рѣчкамъ, падающимъ въ южную часть Байкальскаго озера), причемъ здѣсь они расположены черезполосно съ бурятскими. То же касается и долины средняго Баргузина и средней и нижней В. Ангары, гдѣ преобладающее населеніе состоитъ изъ бурятовъ и русскихъ (по первой рѣкѣ) и изъ русскихъ (по второй).

Въ остальныхъ округахъ тунгусскихъ управъ и даже селеній не имѣется, они тамъ образуютъ небольшія колоніи въ казачьихъ и бурятскихъ поселеніяхъ, причемъ большинство ихъ происходитъ изъ смежнаго Читинскаго округа.

Читинскій округъ.

Здѣсь тунгусы образуютъ шесть самостоятельныхъ инородныхъ управъ, которыя вмѣстѣ съ бурятской Улдургинской, расположенной въ бассейнѣ р. Улдурги (пр. прит. Нерчи) и въ 1894 г. отдѣлившейся отъ Урульгинской инор. управы, образуютъ одну общую Урульгинскую степную думу, находящуюся подъ вѣдѣніемъ старшинъ изъ рода тунгусскихъ князей Гантимуровыхъ. Въ противоположность старшинамъ другихъ степныхъ думъ области (Агинской, Хоринской и т. д.), избираемымъ на 3 года и утверждаемымъ въ должности мѣстной полиціей, князья Гантимуровы передаютъ свою должность по наслѣдству.

Упомянутыя шесть тунгусскихъ инородныхъ управъ области не образуютъ одного территоріальнаго цѣлаго, а разбросаны по всему округу. Урульгинская и Оловская находятся въ сѣверной части округа, къ сѣверу отъ рр. Ингоды и Шилки. Шундуинская и Маньковская инородныя управы расположены смежно другъ съ другомъ въ средней части округа и, наконецъ, Онгоцонская и Кужертаевская—въ южной, занимая длинную полосу, тянущуюся параллельно р. Онону, но на извѣстномъ разстояніи отъ его сѣвернаго берега, приблизительно отъ р. Кыры на западѣ и за устье р. Дурулгуй на востокѣ. Каждая изъ поименованныхъ паръ тунгусскихъ управъ расположена параллельно другъ другу, соприкасаясь въ серединѣ и будучи со всѣхъ сторонъ окружена крестьянскими, казачьими и бурятскими поселеніями. Замѣтимъ еще, что селенія осѣдлыхъ полуобрусѣлыхъ тунгусовъ называются въ переписномъ матеріалѣ и въ другихъ источникахъ безразлично: «улусами», «селеніями» и «деревнями»: первое названіе носятъ чаще селенія, гдѣ инородцы живутъ особо отъ русскихъ и менѣе обрусѣли, послѣднее,—гдѣ живутъ крещеные тунгусы, по образу жизни почти не отличающіеся отъ русскихъ. Наиболѣе крупныя инородческія селенія, гдѣ обыкновенно имѣется церковь,

именуются въ переписномъ матеріалѣ чаще «селами», въ другихъ источникахъ «селами» или «деревнями». Разсмотримъ теперь каждую управу въ отдѣльности.

а) *Урульгинская* управа расположена къ сѣверу отъ р. Ингоды. Земли ея ограничены: на востокѣ и сѣверѣ приблизительно горнымъ хребтомъ, служащимъ водораздѣломъ между правыми притоками Нерчи и лѣвыми Шилки, на западъ онѣ простираются до средняго теченія Читы, причемъ часть угодій лежитъ и по правую сторону названной рѣчки, почти доходя до Яблоноваго хребта. На югѣ онѣ соприкасаются съ казачьими землями, именно, начиная съ востока—съ угодьями и селеніями Размахинскаго станичнаго общества и рѣкой Ингодой (часть земель находится и по ея правому берегу), далѣе поселеніями Кайдаловскаго станичнаго общества, волостей Тыргетуевской и Александровской и Титовскаго станичнаго общества. Эти русскія земли, расположенныя отчасти и по лѣвому берегу Ингоды, почти всюду оттѣснили тунгусовъ отъ названной рѣки далѣе на сѣверъ, гдѣ ихъ селенія занимаютъ среднее и верхнее теченіе лѣвыхъ притоковъ Шилки и Ингоды: Кіи, Талачи, Кручины и Читы. Лишь р. Урульга, находящаяся въ центрѣ тунгусскаго населенія управы, вся протекаетъ по тунгусской территоріи. Нѣсколько повыше ея впаденія тунгусскія селенія расположены по самой Ингодѣ (см. ниже).

Отдѣльныя селенія и общины тунгусовъ Урульгинской управы размѣстились по слѣдующимъ рѣчкамъ, начиная съ востока:

По р. *Кіи*, лв. прит. Шилки, расположенъ ул. Кучегерскій. На той же рѣкѣ и по ея притоку Кіегену имѣются сѣнокосы разныхъ тунгусскихъ обществъ.

По р. *Байцатуй*, лѣвому притоку Ингоды—с. Байцатуй; въ немъ 439 душъ, изъ коихъ 266 д. (123 м.) тунгусовъ, остальные русскіе.

По р. *Талачи*, начиная сверху: Поварнинскій, Верхне-Средне-, Нижне-и Усть-Талачинскіе улусы.

По р. *Берею*, л. прит. Аги (л. прит. Онона), ул. Берея.

При р. *Ингодѣ* сгруппированы наиболѣе крупныя селенія управы: д. Князе-Береговая въ 646 д., изъ коихъ 436 д. (235 м.) тунгусовъ, д. Князе-Поселье въ 317 д., изъ коихъ 248 д. (124 м.) тунгусовъ и с. Князе-Урульга—289 д. (200 тунгусовъ)—мѣстонахожденіе инороднаго правленія.

Здѣсь-же на Ингодѣ по близости лежитъ д. Карымская и на р. Кужертай ул. Кужертаевскій (Батурскій).

По р. *Кручинѣ* (л. прит. Ингоды), тоже есть тунгусскія поселенія; на картахъ значится два населенныхъ пункта, названныя однако лишь «улусами» и Гантимуровскій выселокъ, въ виду чего ихъ и трудно отожествить съ поселками, имѣющимися въ переписномъ матеріалѣ.

Въ верхнемъ теченіи р. *Читы* (л. прит. Ингоды), расположено нѣсколько тунгусскихъ селеній, изъ коихъ въ нижнемъ теченіи ея правыхъ притоковъ Сахалтуя и Бургени находятся одноименные улусы. По Читѣ же расположена часть ул. Шергальджинскаго.

Торгаконскій (Торгинскій) ул. лежитъ на р. *Торгаконѣ*, прит. р. Торги, впадающей въ Нерчу. Сѣнокосы этого селенія лежатъ и по р. Торгѣ. Ул. Усть-Ницычунъ (Какуй) лежитъ на р. *Шіѣ*, а покосы его по рр. Ницычунъ и Нарынъ.

Въ бассейнѣ р. *Улдурги*, праваго притока Нерчи, находятся слѣдующіе улусы: часть Шергальджинскаго, Элемерскій (Илымерскій) на Улдургѣ и Усуглійскій на ея притокѣ Усугли. Послѣднія два селенія имѣютъ смѣшанное населеніе изъ бурятъ Улдургинской управы и тунгусовъ съ преобладаніемъ первыхъ. По Улдургѣ имѣются покосы, принадлежащіе тунгусамъ Урульгинской управы (разныхъ обществъ), причемъ лѣтникомъ многимъ изъ нихъ служитъ сел. Дылюнское. Нѣкоторые тунгусы ул. В. и Ср. Талачинскаго имѣютъ тамъ и зимники. За этимъ изъятіемъ бассейнъ Улдурги принадлежитъ уже бурятской управѣ Улдургинской, образованной въ 1894 г. изъ бурятъ, уже давно выселившихся сюда изъ Баргузинскаго округа.

Общее число населенныхъ мѣстъ въ которыхъ живутъ тунгусы Урульгинской управы достигаетъ 34, изъ коихъ селеній и деревень—11, улусовъ кочевыхъ инородцевъ—11, заимокъ и другихъ жилыхъ мѣстъ 12. Общее число хозяйствъ въ этихъ селеніяхъ 750 (въ т. ч. 36 одинок.) и душъ обоего пола 3838 д. (1933 м.), изъ коихъ 3156 д. (1550 м.) тунгусовъ или 81,7 % остальные русскіе и немного бурятъ и другихъ.

б) Смежно съ Урульгинской управой лежитъ, какъ мы видѣли, бурятская Улдургинская той-же степной думы и тун-

гусская *Оловская*. Первая расположена въ бассейнѣ р. *Улдурги*, вторая, о которой теперь пойдетъ рѣчь, въ бассейнахъ лѣвыхъ притоковъ Шилки: Кіи, Нерчи, Куенги и Курлычи. По р. Кіѣ селенія и земли Оловской управы лежатъ къ востоку и западу отъ владѣній Митрофановскаго станичнаго общества (Нерч. окр.), по Нерчѣ—черезполосно съ поселеніями Торгинскаго станичнаго общества и Оловской волости, занимая все нижнее теченіе рѣки почти до устья р. Зюльзы, селенія же инородной Оловской управы занимаютъ ея среднее теченіе, приблизительно до устья р. Улдурги, а также по ея притокамъ: Акимѣ, Шелекану, Торгѣ, Хилѣ, падающимъ въ нее съ правой стороны. По Куенгѣ, среднее и нижнее теченіе которой принадлежитъ Курлыченскому станичному обществу, имѣется лишь одно тунгусское селеніе—Мильгидунъ (Занова), за то по ея притокамъ Алеуру и Олову ихъ много. По послѣдней рѣкѣ среди нихъ разбросано нѣсколько селеній русской Оловской волости и Курлыченскаго станичнаго общества. Наконецъ, по р. Курлычѣ, принадлежащей тоже Курлыченскому станичному обществу, расположено два тунгусскихъ селенія.

Къ югу отъ Шилки имѣется лишь немного населенныхъ пунктовъ, принадлежащихъ этой инородной управѣ. Они расположены въ бассейнѣ рр. Куренги и Газимура, пр. притоковъ Шилки.

По отдѣльнымъ рѣкамъ расположены слѣдующія селенія Оловской инородной управы:

По р. *Кіи*—д. В. Кійская и д. Кокуй (кромѣ 2 тунгусскихъ селеній Урульгинской управы—см. выше).

По р. *Нерчи*—с. Зюльзинское въ 173 хоз. и 1162 д. [1]) изъ коихъ 981 д. (488 м.) тунгусовъ, остальные русскіе; с. Зюльзиканское, ул. Акима и ул. Кыкеръ. По ея притокамъ: Олѣ—с. Олеканское въ 560 д. (457 тунг.) и В. Олинское; по р. Торгѣ—с. Илимское 757 д. (655 тунг.); по р. Цагакшинѣ (прит. Торги?) д. Цагакшина (Сагакшенъ на 40 верст. картѣ); по р. Радіоновской—д. Усть-Радіонова; по р. Хилѣ—Верхне- и Нижне-Хилинскіе улусы, въ посл. 550 д. (510 тунг.).

По р. *Куенги*—д. Мильгидунъ (Занова) и Камканда или

---

[1]) Образуетъ одно селеніе съ казачьимъ поселкомъ того же имени. (Торг. ст.).

Кумаканда. По р. Алеуру с. Бушилейское (Бушулейское) [1]) и д. Улейская; по р. Олову и ея притокамъ—д. Кадая, с. Старо-Оловское и Тунгусско-Оловское, въ посл. 425 д., изъ коихъ 402 д. (211 м.) тунгусовъ. Въ бассейнѣ средней Куенги и нижняго теченія Алеура расположены и земли пос. Аркіинскаго, которыми онъ владѣетъ совмѣстно съ казаками Курлыченскаго станичнаго общества (Нерч. окр.). [Кромѣ того 35 д. (15 м.) тунгусовъ проживаютъ въ русской части селенія Старо-Оловскаго (Олов. вол.)].

По р. *Курлычѣ*—д. В. Курлыченская въ 411 д. (402 тунг.) и Усть-Наринзорская (Истомина) 592 д. (492 тунг.).

Къ югу отъ Шилки селенія тунгусовъ расположены уже спорадически, теряясь среди преобладающаго казачьяго населенія.

По р. *Куренгѣ* (пр. прит. Шилки), расположены селенія В. Куренская и Усть-Даинская.

По р. *Газимуру*—с. Усть-Начинское, образующее одно селеніе съ Маньковскими тунгусами.

Мѣстоположеніе остальныхъ поселеній, по большей части заимокъ, также отчасти можетъ быть опредѣлено по названіямъ падей, въ которыхъ они расположены, таковы пади: Городская, Корона, Оля, Кореканъ. Земли сел. Дуралейскаго расположены по р. Дуралей вѣроятно бассейна Нерчи [2]).

Итого въ Оловской инородной управѣ по даннымъ переписи оказалось 34 населенныхъ пунктовъ, изъ коихъ 27 селеній (деревень, селъ, улусовъ) и 7 заимокъ.

Всего же въ указанныхъ селеніяхъ и другихъ населенныхъ пунктахъ числилось 1268 хозяйствъ (въ т. ч. 8 один.) въ 8059 д. об. п. (3981 м.), изъ коихъ 7107 д. (3483 м.) или 88% тунгусовъ, считая въ томъ числѣ 51 д. (30 м.) орочоновъ, гл. обр. въ с. Зюльзиканскомъ, остальные русскіе. Послѣднихъ особенно много въ с. Зюльзинскомъ (174 д.), В. Кіѣ (66 д.), д. Усть-Наринзорской (98 д.), Олеканъ

---

[1]) По 40 верстн. картѣ Забайк. обл. В. Топогр. Отд. с. Бусалейское помѣщено на р. Уруму, притокѣ р. Черной, лв. прит. Шилки.

[2]) При опредѣленіи мѣстоположеній отдѣльныхъ населенныхъ пунктовъ по Читинскому округу мы пользовались главнымъ образомъ подробными картами и весьма цѣнными данными Коммиссіи по изслѣд. землевлад. и землепользов. Забайк. обл. 1897, вып. 1,36—40 и 222—234.

(101 д.), и въ с. Илимъ (83 д.). Другихъ національностей въ предѣлахъ управы не встрѣчается.

в) *Шундуинская* инородная управа состоитъ изъ нѣсколькихъ участковъ, разбросанныхъ въ бассейнѣ нижняго Онона, черезполосно съ землями и селеніями казачьихъ станичныхъ обществъ. По Онону земли этой управы расположены нѣсколько къ югу отъ его притока Унды и между этой рѣкой и его пр. притокомъ Тургой; далѣе по верхнему теченію названныхъ притоковъ Онона и Борзи. Верховья р. Борзи (Ононской) и л. притокъ Унды Талангуй служитъ крайними предѣлами земель этой управы на востокѣ. По ту сторону Борзи начинаются владѣнія тунгусской же инородной управы Маньковской и русскихъ станичныхъ обществъ.

По р. *Онону* расположены: д. Усть-Караксарская, почти половина населенія которой русскіе, Дуройскіе дер. и ул., ул. Шерокундуй и Усть-Шерокундуй. Земли этихъ селеній образуютъ одинъ участокъ общаго владѣнія (булукъ) по обоимъ берегамъ Онона выше впаденія въ него Унды.

Бассейнъ р. *Турги* составляетъ главный центръ тунгусскихъ селеній этой управы. Русскія и отчасти бурятскія селенія попадаются здѣсь лишь въ ея самомъ нижнемъ теченіи, первые также и въ верховьяхъ правыхъ притоковъ ея верхняго теченія. По самой Тургѣ расположены: ул. Усть-Тургинскій и Тургинско-Подгорный. По ея лѣвымъ притокамъ Б. и М. Соктую—ул. Б. и М. Соктуй и Соктуйскій, по правому притоку Быркѣ—ул. и д. Быркинскіе. Д. Эдартуйская, лежащая на рч. Эдартуѣ, ул. Антіипскій по р. Антіѣ, ул. Тоготуйскій по р. Тоготую, ул. Билектуйскій по р. Билектую расположены въ томъ же булукѣ, занимающемъ верховья Турги и лв. часть бассейна верхней Борзи. Земли ул. Тутхалтуйскаго, Алакойскаго и Хара-Быркинскаго (405 д., изъ коихъ 379 тунг.) находятся тоже въ бассейнѣ правыхъ притоковъ средняго теченія р. Турги, гл. образомъ р. Быркы.

Въ бассейнѣ р. *Унды*, праваго притока Онона, расположено с. Шундуинское (въ 1.044 д. [507 м.] изъ коихъ 34 д. русскихъ) на рч. Шундуѣ и д. Шивіинская на р. Шивіи, пр. притокѣ Шундуи (?).

Мѣстоположеніе улусовъ Гурбанора и Зукултуйскаго не извѣстно.

Всѣхъ селеній въ Шундуинской инородной управѣ съ

выселками 25. Они образуютъ пять общинъ: Шундуинскую и Шивіинскую изъ одноименныхъ селеній; Соктуевскую изъ Б. и М. Соктуй, Эдартуй, Быркa; Хара-Быркинскую изъ сел. Хара-Быркинскаго и общинъ: Букзалкинской, Тутхалтуевской, Алакойской, Тургинской и Усть-Тургинской, и Караксарскую изъ сел. Караксарскаго, Усть-Улятуйскаго и Дуроевскаго [1]).

Въ этихъ селеніяхъ числится 630 хозяйствъ (въ т. ч. 12 один.) и 3.514 д. об. п. (1.718 м.), изъ коихъ 3.182 д. (1.546 м.) или 90,5% тунгусовъ, остальные почти всѣ русскіе. Проживаютъ послѣдніе главнымъ образомъ въ д. Усть-Караксарской, Усть-Улятуйской, сел. Хара-Быркинскомъ и въ с. Шундуинскомъ. Главную часть населенія д. Усть-Улятуйской составляютъ мѣстные мѣщане — 44 д. (19 м.), говорящіе по русски, причемъ ихъ національность можетъ быть тунгусская, т. к. они приписаны къ данной инородной управѣ. Въ таблицахъ, касающихся племенного состава Сибири, которыя имѣютъ быть изданы особо, они однако нами отнесены къ русскимъ.

г) *Маньковская* инородная управа. Селенія и земли ея лежатъ непосредственно къ востоку отъ владѣній Шундуинской управы, по ту сторону верхней Борзи (Ононской) и лѣваго притока Унды—Талангуя. На востокѣ отдѣльныя ея селенія расположены по верхнему и среднему теченію р. Урулюнгуя (л. прит. Аргуни) и по нижнему теченію р. Борзи Аргунской [2]) съ ея притоками.

Въ этомъ районѣ селенія и земли Маньковской инородной управы лежатъ черезполосно съ владѣніями и селеніями многочисленныхъ казачьихъ станичныхъ обществъ и волостей (Донинское, Манкечурское и Быркинское ст. об., Александровская вол. и т. д.) Нерчинскаго округа. На югѣ ея земли по большей части соприкасаются съ территоріей Акшинскаго округа, а на сѣверѣ теряются среди русскихъ селеній по Калгукану, Талангую, Газимуру и др. рѣкамъ.

Отдѣльныя селенія тунгусовъ этой управы расположены по слѣдующимъ рѣкамъ:

по р. *Борзѣ*, пр. прит. Онона. Въ бассейнѣ ея верхняго теченія, на рч. Шоноктуѣ, л. пр. Борзи, находится ул. Шо-

---

[1]) Куломзинъ, VIII, 180.

[2]) Какъ вообще въ Сибири многія рѣчки носятъ одни и тѣ же названія. Такимъ образомъ, р. Борзя въ Забайкальской области встрѣчается три раза: пр. притокъ Онона и два лѣв. притока Аргуни. Здѣсь имѣется въ виду болѣе верхній притокъ Аргуни.

ноктуевскій — 408 д, изъ коихъ 395 д. (203 м.) тунг.; Олдондинская дер. на рч. Олдондѣ, пр. прит. Борзи (?).

р. *Талангую*, л. прит. Унды (пр. прит. Онона)—ул. Залайскій (при рч. Сосновкѣ), В. и Н. Гирюнскіе.

р. *Газимуру*, пр. прит. Шилки,— с. Маньковское, центръ тунгусскаго населенія этой управы и мѣстонахожденіе ея правленія. Въ ней 929 д. (487 м.) населенія, изъ коихъ 854 д. (437 м.) тунгусовъ, остальные русскіе. На этой же рѣкѣ расположена д. Усть-Начинская, населенная тунгусами Маньковской и Оловской управъ совмѣстно.

Р. *Урулюнгуй* въ большей степени чѣмъ другія рѣки населена тунгусами данной управы. Въ его бассейнѣ лежатъ селенія: ул. Алгачинскій (Алгачиканскій), с. Усть-Хоркиринское (Кыркиринское) 320 д., изъ коихъ 301 д. (140 м.) тунгусовъ; далѣе д. Усть-Турсукай (Тарсукай)— 325 д. (316 тунг.) у впаденія въ нее рч. Турсукай и д. Верхне-Турсукайская въ верхнемъ теченіи той же рѣчки; ул. Нарынскій на М. и Б. Нарынѣ, пр. прит. Урулюнгуя.

Р. *Борзя*, л. прит. Аргуни. Въ ея бассейнѣ лежитъ ул. Талманъ-Борзинскій, д. Селинда или Селиндинская (на рч. Селиндѣ) 240 д. (222 тунг.), д. Чупина (Чупенская) и на правомъ притокѣ Калги (л. прит. Борзи) Калгуканѣ—дер. Верхне-Калгуканская—691 д., изъ коихъ 680 д. (344 м.) тунгусовъ.

По р. *Куренгъ*, пр. прит. Шилки, ул. Усть-Даинскій и д. Верхне-Куренгская, гдѣ живутъ совмѣстно тунгусы Маньковской и Оловской инородныхъ управъ.

По р. *Барунъ-Кондуй*, къ востоку отъ Борзи Ононской, лежитъ с. Барунъ-Кондуйское 445 д. (435 тунг.).

Мѣстоположеніе слѣдующихъ селеній не извѣстно въ точности: Акурайское (въ ур. Акурай), Гуруханское (въ ур. Гуруханъ), д. Кутугайская (по рч. Кутугай), Мыгнэно-Озерское (на рч. Озерной), ул. Шарынчинскій (въ ур. Шарынчѣ), по земли ихъ составляютъ одно общее владѣніе съ землями тунгусами: д. Маньковской, д. Олдондинской и ул. Шопоктуйскаго. Расположенъ этотъ булукъ въ верховьяхъ Борзи (Ононской).

Всего въ Маньковской инородной управѣ числится 24 селенія, въ которыхъ имѣется 1.092 хозяйства (въ т. ч. 8 один.) и 6.345 д. об. п. (3.193 м.). Изъ нихъ 6.060 д. (3.032 м.) тунгусовъ, остальные русскіе и прочіе. Русскихъ больше

всего въ с. Маньковскомъ (48 д.), далѣе въ ул. В. и Н. Гирюнскихъ, д. Чупенской и др. Жители д. Селинды образуютъ одно селеніе съ казаками Дуроевскаго станичнаго общества (Акш. окр.). Не считая этихъ послѣднихъ, тунгусы составляютъ 94% населенія выше названныхъ селеній управы.

Повторимъ еще разъ, что почти всюду тунгусскія селенія окружены и лежатъ черезполосно съ русскими, мѣстами однако образуютъ однородную группу селеній, какъ напр. по среднему теченію р. Урулюнгуя. Всѣ селенія управы образуютъ одну общину (относительно сел. Усть-Начинскаго см. стр. 120).

д) *Онгоцонская* инородная управа. Селенія этой управы расположены въ бассейнѣ средняго Онона. Не доходя до самаго Онона, по которому расположены земли Мангутскаго, Верхне-Ульхунскаго и отчасти Акшинскаго станичныхъ управленій Акшинскаго округа, владѣнія Онгоцонской управы представляютъ изъ себя довольно широкую и притомъ сплошную полосу земли въ 279 тыс. десятинъ, тянущуюся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣваго берега Онона, начиная отъ его лѣваго притока Кыры почти до р. Акши (л. прит. Онона), но нѣкоторыя селенія этой управы лежатъ и внѣ этого сплошного территоріальнаго владѣнія, къ сѣверу отъ р. Акши и къ западу отъ р. Кыры, черезполосно съ селеніями Кужертаевской управы. Отдѣльные улусы Онгоцонской управы лежатъ при слѣдующихъ рѣкахъ:

При р. *Улачѣ*, л. прит. Онона, ниже Акши—Улачинскій улусъ (около него р. Онкоекта).

При рр. *Курултеѣ* и *Талачѣ* (л. прит. Онона)—ул. Курултейскій. Въ этой же мѣстности течетъ вѣроятно и р. *Курултекенъ*, при которой ул. Курултекенскій.

По р. *Тарбалджеѣ* (л. пр. Онона)—ул. Тарбалджейскій (256 д., изъ коихъ 254 тунг.).

Бассейнъ р. *Кыры*. По самой р. Кырѣ — дер. Усть-Улурьинская и Нижне- и Верхне-Кыринскіе улусы. Послѣдній лежитъ недалеко отъ устья л. притока Кыры—*Былыра*, на которомъ находится еще улусъ Былыринскій; при немъ минеральныя воды. При другомъ л. притокѣ Кыры—*Бырцѣ*, три селенія: с. Бырцинское — 248 д., изъ коихъ 168 д. тунгусовъ и 80 русскихъ, Верхне-Бырцинское (217 д.) и Н. Бырцинское.

Ул. Алтанскій (Агуцинскій) расположенъ на р. *Агуцѣ* бассейна Онона, текущей выше Кыры.

Ул. Билютуй расположенъ при рр. *Билютуй* и *Тасурхай*, ул. Хурулгинскій (454 д. тунг.) при р. *Хурулгѣ*. Эти рѣки вѣроятно тоже принадлежатъ къ бассейну лѣваго берега Онона, хотя мѣстонахожденіе ихъ не могло быть отыскано на 40-верст. картѣ края.

Небольшой Акшинскій ул. на р. *Акшѣ* составляетъ повидимому одно селеніе съ одноименнымъ улусомъ Кужертаевской инор. управы.

Всѣхъ селеній въ данной управѣ 16, не считая населенныхъ мѣстъ при минеральныхъ водахъ Былыринскихъ и около В. Кыринскаго улуса, немногихъ временныхъ жителей которыхъ мы присоединили къ населенію смежныхъ улусовъ. При населеніи этой управы въ 2.541 д. (1.248 м.) на среднее селеніе приходится 158,8 душъ, а такъ какъ всѣхъ хозяйствъ (кромѣ 2 учрежд.) оказалось 562 (въ т. ч. 18 один.), то на хозяйство приходится среднимъ числомъ 4,5 д. Почти всѣ жители упомянутыхъ выше улусовъ тунгусы—2.426 д. (1.189 м.), остальныхъ мало—115 д. (59 м.), въ т. ч. 90 д. (45 м.) русскихъ, изъ коихъ 80 д. въ с. Бырцинскомъ; прочіе буряты.

е) *Кужертаевская* инор. управа. Земли ея соприкасаются съ запада съ землями Онгоцонской управы. Начинаются онѣ къ западу отъ р. Акши и орошаются среднимъ теченіемъ Акши, Талачи, Тулутая. Здѣсь лежатъ земельные участки (булуки) тунгусовъ Уланъ-Загантаевскаго, Тулутаевскаго, Жипшокинскаго и Акшинскаго улусовъ и д. Онкоекской, (которымъ совмѣстно съ другими владѣльцами принадлежатъ и земли по правому берегу Онона, къ сѣверу отъ Акши). На востокъ указанное владѣніе почти доходитъ до р. Или, все теченіе которой находится въ чужихъ рукахъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣваго берега названной рѣки начинается другой значительный участокъ этой управы, тянущійся узкой полосой по лѣвому берегу Онона приблизительно до ст. Дурулгуевской (Дурулгуевск. ст. общ.). Это владѣніе принадлежитъ обществамъ тунгусовъ: Хусутуевскому, Зуткулѣевскому, Чиндалеевскому, Кужертаевскому и Усть-Адагулицкому. Ново-Тулутаевскій улусъ имѣетъ особый булукъ по р. Тулутаю.

Большинство улусовъ (зимнихъ стойбищъ) этой инородной управы не обозначены на 40-верстной картѣ, но помимо зем-

левладѣнія, которое показываетъ мѣстность, гдѣ они расположены, мы можемъ привести слѣдующія данныя, касающіяся ихъ мѣстоположенія.

По р. *Акшѣ*, л. прит. Онона, расположенъ ул. Акшинскій и сел. Онкоекское. Земли ихъ общаго владѣнія лежатъ по рр. Онкоектѣ, Акшѣ, Онгоцону и Урею (отъ ея устья до р. Барды).

По р. *Онону* —ул. Чиндалейскій ок. р. Чиндалей; ул. Жипкошинскій; Адагулицкій ок. р. Адагуликѣ; Зуткулеевскій ок. р. Зуткулей; ул. Кужертай 216 д. (194 муж.), Булуктуй и Хамхактуй (Ханхактуй) ок. рр. Булуктуй и Ханхактуй.

По р. *Жипкошѣ*—ул. Уланъ-Загантаевскій ок. р. Уланъ-Загантай; Ново-Тулутай (223 д.) и Тулутай ок. р. Тулутай.

По р. *Тарбагатай*—ул. Тарбагатайскій.

Мѣстоположеніе улусовъ: Дунда-нуръ, Зимовинскій, Зунънуръ, Кылтегей, Нарынъ-Кундуй (въ пади того же имени ?), Онгоцонъ, Ульзутуй, Хабцагайтуй, Цаганъ-Аралъ, Шонхотуй, Шаракундуй, Урей (на р. Уреѣ ?) не извѣстно въ точности. Дацаны этой управы расположены вѣроятно около одноименныхъ селеній.

Общее число селеній этой управы, считая въ томъ числѣ и четыре дацана, простирается, по даннымъ переписи, до 31, при числѣ хозяйствъ 485 (въ т. ч. 19 один.), 4 учр. (дацаны) и 2.422 (1.222 м.) душъ об. п. Огромное большинство изъ нихъ тунгусы кочевые юридически и фактически. Ихъ 2.334 д. (1180 м.) или 96% и 88 д. (4%) постороннихъ (бурятъ и русскихъ) въ дер. Кужертаѣ, дер. Онкоекской и въ въ Тукчинскомъ дацанѣ. На одно селеніе въ этой управѣ приходится 78,1 душъ.

Осѣдлые тунгусы, какъ и буряты, живутъ въ постоянныхъ селеніяхъ, причемъ весьма многіе занимаются земледѣліемъ. То же касается и юридически кочевыхъ, а фактически осѣдлыхъ инородцевъ. Относительно же распредѣленія жилищъ кочующихъ тунгусовъ по принадлежащимъ имъ владѣніямъ у насъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: «Члены одной и той же покосной общины пользуются выгонами и лѣсомъ по преимуществу въ районѣ расположенія своихъ покосовъ, не подалеку отъ которыхъ группируются и лѣтнія юрты тунгусовъ даннаго булука (зимнія же стойбища находятся среди самыхъ покосовъ).

Такимъ образомъ, на дѣлѣ выходитъ, что вся земельная площадь Кужертаевской управы какъ бы подѣлена на нѣсколько участковъ—частей дачи, находящихся въ фактическомъ пользованіи того или другого булука (здѣсь общества), причемъ тунгусы одного и того же рода по большей части группируются въ силу историческихъ условій и родственныхъ связей въ одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ районѣ дачи, образуя нѣсколько смежныхъ булуковъ» [1]). Покосы по рр. Уреи и Улентую не входятъ въ составъ булуковъ, а составляютъ достояніе каждаго желающаго тунгуса Кужертаевской управы [2]).

Не довольствуясь собственными землями, отдѣльные тунгусы этой управы, имѣющіе много скота, пользуются зимними вѣтошами въ сосѣдней Монголіи, куда закочевываютъ въ снѣжныя зимы, проводя тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ и придерживаясь мѣстностей, прилегающихъ къ русской границѣ. Въ виду этого, вышеприведенное число тунгусовъ данной управы должно быть признано нѣсколько ниже дѣйствительнаго.

Къ Урульгинской степной думѣ принадлежатъ еще живущіе въ сѣверной полосѣ области *бродячіе* тунгусы, занимающіеся оленеводствомъ и звѣроловствомъ. Такъ какъ они называются обыкновенно *орочонами* и поименованы такъ въ переписномъ матеріалѣ, то мы ихъ разсмотрѣли въ главѣ, посвященной этимъ послѣднимъ (см. стр. 10 сл.). Ихъ здѣсь всего 902 д. (457 м.).

* * *

Подводя итогъ всѣмъ тунгусамъ Урульгинской степной думы проживающимъ во временныхъ и постоянныхъ селеніяхъ, принадлежащихъ ея шести (см. 2 прим. на стр. 128) управамъ, мы получимъ нижеслѣдующую таблицу. Слѣдуетъ помнить, что здѣсь показано не постоянное, но наличное населеніе названныхъ управъ въ день переписи. Такимъ образомъ, всѣ тѣ тунгусы этихъ управъ, которые въ январѣ 1897 г. проживали внѣ селеній Урульгинской степной думы, въ этотъ счетъ не вошли—они будутъ показаны при разсмотрѣніи другихъ волостей и управъ даннаго округа и смежныхъ округовъ Акшинскаго, Нерчинскаго и т. д. (см. ниже).

---

[1]) Куломзинъ, VIII, стр. 176.
[2]) ibid., стр. 177, прим.

Обратно, нѣкоторая часть тунгусовъ изъ другихъ мѣстъ попала въ списки этихъ управъ, но сравнительно съ отлучившимися ихъ число ничтожно. Такимъ образомъ, приводимыя въ данной таблицѣ свѣдѣнія о численности тунгусовъ отдѣльныхъ управъ Урульгинской степной думы (безъ посторнихъ) даютъ величины ниже дѣйствительныхъ.

ТАБЛИЦА XIII.

Названія управъ Урульгинской думы.	Наличное населеніе въ 1897 г.			число душъ въ хоз.[1]).	% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Урульгинская . . .	1.550	1.606	3.156	5,1(5,3)	104
2. Оловская	3.453	3.603	7.056	6,4	104
3. Маньковская	3.032	3.028	6.060	5,8	100
4. Шундуинская	1.546	1.636	3.182	5,6(5,7)	106
5. Онгоцонская	1.189	1.237	2.426	4,5(4,6)	104
6. Кужертаевская . . .	1.180	1.154	2.334	5,0(5,2)	98
Итого[2]) . .	11.950	12.264	24.214	5,4(5,5)	103
7. Сверхъ того брод. орочоновъ	457	445	902	7,9	97
Всего[2]). . .	**12.407**	**12.709**	**25.116**	**5,4(5,5)**	**103**

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что все тунгусское населеніе Урульгинской думы простиралось въ январѣ 1897 г. до 25.116 д. об. п. (12.407 м.) [2]), а безъ бродячихъ орочоновъ 24.214 д. (11.950 м.). Эти послѣдніе вмѣстѣ съ 1.553 посторонними (русскими, бурятами) образовали 4.787 хозяйства, въ среднемъ по 5,4 д., а если не принимать въ разсчетъ 101 одинокихъ лицъ, то 5,5 д. Наиболѣе крупныя хозяйства наблюдаются (не считая орочоновъ) въ управахъ Оловской и Маньковской, наименѣе крупныя—въ Онгоцонской.

[1]) Цифры въ скобкахъ показываютъ средніе хозяйства безъ одинокихъ лицъ.

[2]) Кромѣ того къ ней принадлежитъ бурятская Улдургинская управа въ 643 д. (315 м.)—см. стр. 118.

Отношенія половъ въ общемъ благопріятны: на 100 м.— 103 ж. На каждый изъ 164 населенныхъ пунктовъ названной степной думы приходится среднимъ числомъ 148 душъ.

Означенное число показываетъ лишь тѣхъ тунгусовъ этихъ управъ, которые во время производства переписи находились въ предѣлахъ Урульгинской степной думы. Но часть ихъ въ это время пребывала въ другихъ мѣстахъ, проживая среди русскихъ и бурятовъ въ данномъ округѣ и въ смежныхъ съ нимъ округахъ (Акшинскомъ, Нерчинскомъ, Заводо-Нерчинскомъ), гдѣ и были зарегистрированы (стр. 135, 151, 152); отчасти же они въ январѣ 1897 г. находились внѣ предѣловъ имперіи.

Паршинъ опредѣлялъ численность жителей Урульгинской степной думы въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія, вѣроятно по даннымъ 8 ревизіи 1833 г., въ 10.853 д. (5579 м.) [1]. Если даже предположить, что въ это число не включены буряты Улдургинской управы (см. стр. 128, 2 прим.) и бродячіе орочоны, то и тогда окажется, что численность (наличнаго) тунгусскаго населенія думы возросло за 64 г. на 13.361 д. или 123%, не смотря на то, что часть тунгусовъ этой думы нынѣ проживаетъ внѣ ея предѣловъ.

Внѣ Урульгинскаго вѣдомства тунгусовъ въ данномъ округѣ вообще мало. Такимъ образомъ, они проживаютъ въ числѣ 113 д. (71 м.) въ улусахъ, бурятской Агинской степной думы, главнымъ образомъ въ ул. Усть-Харашибирскомъ I (23 д.), Турго-Кетуевскомъ III (8 д.), Борзе-Могойтуевскомъ (14 д.) и въ Уроновскомъ I (Усть-Цугальскомъ)—34 д.

Въ русскихъ волостяхъ Читинскаго округа было зарегистрировано 118 д. (60 м.), изъ коихъ 44 д. (17 м.) въ Оловской (см. 120 стр.), 21 д. въ Тыргетуевской, 21 д. въ Усть-Илимской, 10 д. въ Ключевской, 12 д. въ Ундинской и т. д. Въ 4 станицахъ округа ихъ оказалось 49 чел. (34 м.), больше всего въ Рахманинскомъ станичномъ округѣ (25 д.), затѣмъ въ Титовской станицѣ (13 д.) и въ Маковѣевской (8 д.).

Въ районѣ Забайкальской желѣзной дороги было зарегистрировано всего 6 м. и на многочисленныхъ пріискахъ 20 д. (11 м.) тунгусовъ и, наконецъ, въ гор. Читѣ число ихъ въ 1897 г. не превышало 39 д. (27 м.).

---

[1]) „Archiv. f. wissenschaftl. Kunde v. Russl.“. v. Erman, IV.

Всего тунгусовъ внѣ селеній Урульгинской думы было зарегистрировано 345 д. (209 м.), изъ коихъ большинство происходило изъ шести управъ названной думы. Присоединивъ ихъ къ населенію шести тунгусскихъ управъ (см. стр. 128) мы получаемъ число 24.559 д. (12.159 м.), показывающее наличное тунгусское населеніе округа. Съ бродячими орочонами число тунгусовъ достигаетъ 25.461 д. (12.616 м.), что составляетъ 18 % наличнаго и 21% внѣгородского населенія округа.

У наличнаго тунгусскаго населенія Читинскаго округа отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ благопріятно: 100 м. : 102 ж.

Акшинскій округъ.

Тунгусское населеніе этого округа состоитъ изъ казаковъ и инородцевъ. Первые составляютъ, можно сказать, коренное населеніе края, какъ и русскіе казаки, такъ какъ они здѣсь частью жили до прибытія въ страну русскихъ, частью были здѣсь водворены въ началѣ XVIII ст., напр. изъ мѣстности около Еравнинскихъ озеръ, вторые—пришлое населеніе, переселившееся сюда въ разные періоды времени изъ сосѣднихъ управъ Урульгинской степной думы и мѣняющееся въ числѣ въ зависимости отъ времени года.

Опредѣлить численность тунгусовъ-*инородцевъ*, хотя и здѣсь говорящихъ по большей части на бурятскомъ и русскомъ языкахъ, въ общемъ представляло не больше затрудненій, чѣмъ въ другихъ округахъ той же Забайкальской области. Пособіемъ при этомъ могли служить свѣдѣнія о мѣстѣ рожденія и приписки къ извѣстному сельскому обществу или управѣ, названія родовъ и т. д., имѣющіяся въ переписныхъ листахъ и вполнѣ достаточныя для того, чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ имѣть возможность отличить тунгусовъ отъ бурятовъ или тѣхъ и другихъ, если они говорятъ лишь по-русски, отъ русскаго населенія. Иногда же въ переписномъ матеріалѣ, въ графѣ о сословіи, имѣлись прямыя указанія на національность даннаго лица (напр.: «тунгусъ», «инородецъ тунгусъ» и т. д.), свѣдѣнія о которой во время производства переписи 1897 года не требовались отъ населенія.

Не такъ легко можно было рѣшить на основаніи данныхъ переписныхъ листовъ вопросъ о національности *казаковъ*. Ука-

заній на народность и роды здѣсь нигдѣ не имѣлось, а мѣсто приписки въ данномъ случаѣ ничего не даетъ, потому что въ огромномъ большинствѣ случаевъ казаки-инородцы и казаки-русскіе живутъ въ однихъ и тѣхъ же поселкахъ, къ которымъ они и приписаны.

Остаются данныя о языкѣ, которыя однако, какъ мы видѣли выше, въ примѣненіи къ тунгусамъ Забайкальской области ничего не выясняютъ — на родномъ языкѣ въ данной области говоритъ не свыше 13,8% всѣхъ тунгусовъ (кромѣ орочоновъ). Если же все-таки руководиться этимъ признакомъ, то казаковъ-тунгусовъ въ Акшинскомъ округѣ окажется всего 155 д. об. п., казаковъ-бурятовъ около 2500 д., а на долю русскихъ придется остальная часть его казачьяго населенія. Между тѣмъ, если мы обратимся къ существующей литературѣ, то мы нигдѣ не найдемъ указаній на присутствіе въ Акшинскомъ округѣ казаковъ-бурятовъ среди кореннаго населенія. Всюду упоминаются изъ инородцевъ-казаковъ въ районѣ этого округа лишь одни тунгусы. Такъ, Гагемейстеръ описывая въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія области, гдѣ живутъ тунгусы, указываетъ, что одинъ изъ такихъ районовъ находился на восточной сторонѣ р. Онона, отъ пограничной Чиндантской крѣпости до Алтанскаго пограничнаго караула Акшинской крѣпости, на пространствѣ ок. 350 вер. [1]). То же мы встрѣчаемъ напр. въ работѣ Буссе о Забайкальскомъ инородческомъ войскѣ [2]) и въ капитальномъ трудѣ Коммиссіи по изслѣдованію землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секр. Куломзина. Въ описательной части этого труда, напр. въ статьѣ о землевладѣніи (вып. 8, стр. 185 сл.), въ части, посвященной историческимъ даннымъ (вып. 6, стр. 15 и вып. 5, стр. 58 сл.), и т. д. всюду въ Акшинскомъ округѣ на ряду съ русскими казаками упоминаются лишь казаки-тунгусы, но нигдѣ нѣтъ рѣчи о казакахъ-бурятахъ. Но, если бы мы пожелали опредѣлить численность казаковъ-инородцевъ каждой національности на основаніи этого источника, мы опять столкнулись бы съ затрудненіями. Дѣло въ томъ, что въ статистической части этого труда (вып. 2—поселенныя и вып. 3—итоговыя таблицы) населеніе группируется не по національностямъ, а по сословіямъ и ихъ подраздѣленіямъ, и все, что мы можемъ

[1]) „Статистич. обозрѣніе Сибири". 1854, II, 24—25.
[2]) Въ „Тр. Троицко-Савск. отд. В. Сиб. отд. И. Р. Геогр. Общ." 1895 г.

извлечь изъ этихъ данныхъ, это узнать сколько въ округѣ коренныхъ казаковъ-инородцевъ т. е. казаковъ-тунгусовъ и бурятовъ вмѣстѣ (если бы послѣдніе имѣлись въ ихъ числѣ). Но и эти свѣдѣнія для насъ весьма цѣнны, потому что позволяютъ намъ узнать число и тѣхъ казаковъ-инородцевъ, которые окончательно обрусѣли и по даннымъ всеобщей переписи населенія отъ русскихъ казаковъ отдѣлены быть не могутъ. Данныя о національности приводятся въ указанномъ источникѣ лишь въ статьѣ, посвященной общимъ выводамъ (6 вып., стр. 40 сл.), гдѣ однако при ея опредѣленіи пользовались столь упрощенными и въ виду этого столь неточными пріемами, что они потеряли всякое научное значеніе (см. прим. на стр. 154),—по этимъ даннымъ все инородческое населеніе Акшинскаго округа (кочевые инородцы и казаки) въ числѣ 6.521 д. об. п. состоятъ изъ однихъ бурятовъ, тунгусовъ же тамъ вовсе нѣтъ[1]), между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ огромное большинство этого инородческаго населенія состоитъ изъ тунгусовъ, среди которыхъ встрѣчается лишь небольшое число бурятовъ. На этомъ основаніи мы вовсе оставляемъ безъ вниманія эти неточные и невѣрные выводы (т. е. вып. 6) и въ противоположность имъ и согласно со всѣми другими источниками будемъ считать всѣхъ инородцевъ-казаковъ округа за тунгусовъ, игнорируя отдѣльныхъ казаковъ бурятовъ, которые случайно могли попасть въ ихъ среду. Теперь попробуемъ, хотя бы приблизительно, опредѣлить число тунгусовъ-казаковъ по даннымъ переписи и Коммиссіи ст. секр. Куломзина (по вып. 2 и 3), собраннымъ въ тотъ же 1897 г.—первыя зимою, вторыя—лѣтомъ, и поэтому являющимися касательно коренного населенія (казаковъ) почти однородными.

За основаніе при опредѣленіи численности тунгусовъ-казаковъ мы, согласно общему плану нашего труда, приняли данныя первой всеобщей переписи населенія Имперіи въ 1897 г., причемъ въ отдѣльныхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ замѣчается значительная разница въ численности казаковъ-инородцевъ по обоимъ источникамъ, разница въ огромномъ большинствѣ случаевъ объясняемая тѣмъ обстоятельствомъ, что обрусѣвшіе казаки-инородцы, значущіеся, какъ таковые, въ та-

[1]) Это подтверждается и слѣдующими словами того же автора: „тунгусы встрѣчаются только въ трехъ округахъ“... (т. е. Читинскомъ, Селенгинскомъ и Баргузинскомъ)—см. 6 вып., стр. 41 и тоже повторяется на слѣдующей страницѣ (42).

блицахъ Коммиссіи ст. секр. Куломзина, по даннымъ первой всеобщей переписи населенія Имперіи не могли быть выдѣлены изъ числа русскихъ казаковъ, составляющихъ главную часть населенія округа. Въ подобныхъ случаяхъ разногласія мы вмѣсто данныхъ переписи брали для означенныхъ поселковъ соотвѣтствующія цифры Коммиссіи ст. секр. Куломзина, но, повторяемъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разница въ числѣ представляла значительную величину, какъ напр. въ пос. Кайласатуй въ 191 д., въ пос. Стар. Цурухайтуй въ 31 д. и т. д., и при томъ, если предполагаемый недочетъ не могъ быть объясненъ соотвѣтствующимъ увеличеніемъ инородческаго казачьяго населенія въ сосѣднихъ селеніяхъ. За исключеніемъ подобныхъ случаевъ данныя о тунгусахъ-инородцахъ мы, какъ сказано, заимствовали изъ матеріала всеобщей переписи населенія. Нижеслѣдующая таблица представляетъ результатъ попытки опредѣлить приблизительную численность тунгусскаго населенія въ отдѣльныхъ станицахъ Акшинскаго округа (подробная поселенная таблица приведена въ приложеніи къ настоящему выпуску).

ТАБЛИЦА XIII.

Названія станицъ Акшинскаго округа.	Наличное тунгусское населеніе въ 1897 году.					
	Казаки.		Кочевые инор.		Итого.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1. Букукунская	251	258	17	13	268	271
2. В. Ульхунская . . .	230	262	95	111	325	373
3. Мангутская.	259	288	61	66	320	354
4. Акшинская (съ гор. Акшей)	—	—	51	51	51	51
5. Могойтуевская. . . .	137	153	69	76	206	229
6. Дурулгуевская. . . .	52	72	89	113	141	185
7. I Чиндантская . . .	82	82	40	45	122	127
8. II „ . . .	95	89	89	92	184	181
9. Цаганъ-Олуевская .	105	119	71	80	176	199
10. Дуроевская.	252	217	105	102	357	319
11. Зоргольская	18	21	131	98	149	119
12. Чалбучинская	1	2	13	13	14	15
Итого . . .	**1.482**	**1.563**	**831**	**860**	**2.313**	**2.423**

Анализируемъ эти данныя нѣсколько подробнѣе, по станицамъ, останавливаясь однако главнымъ образомъ лишь на итоговыхъ данныхъ и отсылая читателя за подробностями касательно обѣихъ группъ тунгусскаго населенія округа (казаковъ и кочевыхъ инородцевъ) въ главу о сословіяхъ (II вып.).

Букукунская станица. Ея 539 д. (268 м.) тунгусовъ составляютъ около 30% ея наличнаго населенія. Въ отдѣльныхъ ея поселкахъ: Кыркунскомъ (131 д.), Ашенгинскомъ (38 д.), они составляютъ почти все населеніе. Въ Балджиканскомъ поселкѣ (131 д.)—около половины, въ Букукунскомъ (131 тунг.) около 30% и въ Алтанскомъ (141 тунг.) около 16%.

Верхне-Ульхунская станица. Тунгусы въ числѣ 698 д. (325 м.) составляютъ 29% ея населенія; въ посел. Тыринскомъ (287 д.) почти все населеніе состоитъ изъ нихъ, въ Верхне-Ульхунскомъ (153 д.)—около 16% и въ Кырынскомъ (258 д.)—23%.

Мангутская станица. Тунгусы—674 д. (320 м.) составляетъ около 27% населенія; въ Мангутскомъ поселкѣ (292 д.) около 40% наличнаго населенія, въ Ульхунскомъ (361 д.) ок. $^2/_3$, а въ Н.-Ульхунскомъ ихъ очень мало (21 д.).

Акшинская станица (съ городомъ Акша). Число тунгусовъ (102 д.) здѣсь ничтожно (3%); они здѣсь состоятъ исключительно изъ кочевыхъ инородцевъ, а казаковъ-тунгусовъ въ ней не встрѣтилось.

Могойтуевская станица. Тунгусовъ 435 д. (206 м.)—15% наличнаго населенія. Въ отдѣльныхъ поселкахъ: въ Могойтуевскомъ (197 д.)—14,6%, въ Тохторскомъ (110 д.)—$^1/_{10}$ и въ Убыръ-Тохторскомъ (128 д.) до 28% наличнаго населенія.

Дурулгуевская станица—326 д. (141 м.) тунгусовъ или до $^1/_{10}$ населенія. Та же пропорція сохраняется и въ отдѣльныхъ поселкахъ: Кубухаевскомъ (127 д.), Дурулгуевскомъ (127 д.), Тутхалтуевскомъ (50 д.), лишь въ Куранжинскомъ ихъ число ничтожно (22 д.).

I Чиндантская станица—249 д. (122 м.) тунгусовъ или около 11% населенія. Они встрѣчаются почти лишь въ поселкахъ. Въ казачій поселокъ, именуемый Борзинской партіей (145 д.), они выселились изъ пос. Старо-Чиндантскаго, въ виду чего въ первомъ тунгусы составляютъ около $^2/_3$ населенія, а во второмъ живутъ почти одни русскіе. Въ пос.

Цасучѣевскомъ (и въ смежныхъ урочищахъ) они въ числѣ 100 д. составляютъ около $^1/_{10}$ части населенія, а въ другихъ мѣстахъ ихъ не оказалось.

II Чиндантская станица — 365 д. (184 м.) тунгусовъ или около 20% всего населенія. Въ посел. Кулусутуй они (235 д.) составляютъ около $^1/_3$ его жителей, въ пос. Чиндантскомъ 2-мъ (124 д.) около 10%, а въ пос. Хада-Булукскомъ ихъ почти нѣтъ (6 д.).

Цаганъ-Олуевская станица—375 д. (176 м.) тунгусовъ или 11%. Изъ отдѣльныхъ поселковъ ихъ больше въ Ключевскомъ (101 д.) 13,5% его населенія, въ Абагайтуевскомъ (72 д.)—$^1/_{10}$, далѣе въ Цаганъ-Олуевскомъ (60 д.), въ разныхъ заимкахъ и урочищахъ (72 д.) и т. д.

Дуроевская станица — 676 д. (357 м.) тунгусовъ или 15% ея населенія. Больше ихъ въ пос. Кайласутуевскомъ 336 д. или 35%, въ пос. Дуроевскомъ ихъ 122 д. (24%), въ пос. Ново-Цурухайтуйскомъ—75 д. или 7,5%, въ заимкахъ и урочищахъ 80 д. и т. д.

Зоргольская станица — 268 д. (149 м.) тунгусовъ или 12% ея населенія. Въ Зоргольскомъ пос. ихъ 134 д. или 15%, въ Буринскомъ—79 д. или $^1/_{10}$ и въ Средне-Борзинскомъ 55 д. или 9%.

Чалбучинская станица. Здѣсь тунгусовъ очень мало, всего 29 д. (14 м.) или 1% наличнаго ея населенія; живутъ они почти лишь въ пос. Булдуруйскомъ I (27 д.).

Въ итогѣ по округу численность тунгусовъ опредѣлилась въ 4.736 д. (2.313 м.), изъ коихъ 3.045 д. (1.482 м.) казаковъ, остальные 1.691 д. (831 м.)—инородцы. Послѣдніе, какъ сказано, не принадлежатъ къ коренному населенію округа, а составляютъ населеніе, пришлое изъ смежныхъ инородческихъ управъ Читинскаго округа. Если не считать 194 д. (88 м.), у которыхъ показаны роды, то остающіеся слѣдующимъ образомъ распредѣляются по мѣсту своего происхожденія: Кужертаевская инор. управа—396 д. (192 м.), Онгоцонская—408 д. (197 м.), Маньковская—531 д. (280 м.), Шундуинская—58 д. (22 м.), Урульгинская 18 д. (8 м.), Урульгинское вѣд. безъ указанія управы 63 д. (30 м.) и неизвѣстнаго происхожденія 23 д. (14 м.).

По отношенію ко всему населенію округа тунгусы составляютъ 13,6%. На 100 мужчинъ у нихъ приходится

105 женщинъ, что однако отчасти зависитъ отъ неполноты данныхъ касательно тунгусовъ-казаковъ, говорящихъ по русски. Въ трудѣ Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ ст. секр. Куломзина, гдѣ при сравнительной неточности данныхъ касательно національностей (см. прим. на стр. 154) не было однако этого недостатка, потому что національности тамъ опредѣлялись по сословнымъ группамъ, на 100 мужчинъ казаковъ-инородцевъ приходится 98 женщинъ (у казаковъ—102 и у инородцевъ, включая и бурятъ—96). На среднее хозяйство у тунгусовъ округа приходится 5,1 д., (у казаковъ 4,8 д. и у инородцевъ 5,3 д.).

На число 4.736 д. слѣдуетъ смотрѣть, какъ на приблизительно вѣрное, но *минимальное* число тунгусскаго населенія округа. На одинъ источникъ неполноты касательно инородцевъ-казаковъ мы уже указали.

Другой болѣе серьезный касается тунгусовъ-инородцевъ и заключается въ томъ, что извѣстная часть проживающаго въ предѣлахъ Акшинскаго округа инородческаго населенія проводитъ зиму вмѣстѣ со стадами рогатаго скота въ зимовьяхъ, лежащихъ внѣ предѣловъ Россійской имперіи, въ Монголіи. Вотъ что мы о нихъ узнаемъ изъ вышеупомянутаго источника: «При большомъ количествѣ скота, которое у нѣкоторыхъ изъ нихъ считается тысячами, казаки Акшинскаго округа не въ состояніи собственными силами пасти весь этотъ скотъ и должны въ широкихъ размѣрахъ прибѣгать къ найму пастуховъ. Пастухами у нихъ нанимаются исключительно кочевые инородцы преимущественно буряты Агинской думы и гораздо меньше тунгусы Онгоцонской и Кужертаевской управъ. Въ періодъ пастьбы по зеленому корму этими пастухами занята пограничная полоса области почти отъ самаго Яблоноваго хребта на востокъ вплоть до р. Аргуни. Здѣсь юрты пастуховъ частью разбросаны на русской территоріи въ пограничныхъ падяхъ, частью же по ту сторону границы, въ Монголіи. Съ наступленіемъ зимы на казачьихъ земляхъ остается только самая незначительная часть пастуховъ, *большинство же ихъ укочевываетъ со своимъ и казачьимъ скотомъ въ Монголію*, а потому зимниковъ они не имѣютъ... Пастухъ нанимается пасти скотъ или у отдѣльнаго казака домохозяина или у группы домохозяевъ съ платой въ годъ или съ головы скота... При этомъ издавна установился обы-

чай, что при всѣхъ случаяхъ найма пастухъ инородецъ получаетъ право безплатно пасти на казачьихъ земляхъ свой собственный скотъ вмѣстѣ со скотомъ своего хозяина. Послѣднее обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Агинскіе буряты подъ видомъ пастуховъ начали усиленно селиться на казачьихъ земляхъ и число ихъ здѣсь изъ года въ годъ быстро растетъ... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наемъ обратился въ фикцію и богачъ инородецъ, чтобы получить право пасти свой скотъ на привольныхъ казачьихъ пастбищахъ пріискиваютъ себѣ патрона-казака и числится его пастухомъ, причемъ нерѣдко не только безплатно пасетъ скотъ своего патрона, а иногда даже самъ приплачиваетъ ему».

«Какъ давно началось переселеніе бурятъ и тунгусовъ на земли Акшинскихъ казаковъ, точно опредѣлить нѣтъ возможности, но вѣроятно не менѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ, такъ какъ многіе уже довольно пожилые изъ нихъ здѣсь и родились, прикочевали же сюда ихъ отцы и дѣды. Какъ велико количество пастуховъ инородцевъ, простаивающихъ въ настоящее время на казачьихъ земляхъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: на земляхъ Могойтуевской станицы ихъ насчитывается 137 хозяйствъ, Дурулгуевской — 117, I Чиндантской—116, II Чиндантской—150, Цаганъ-Олуевской—133; такимъ образомъ на земляхъ всего этихъ пяти станицъ инородцевъ-пастуховъ находится 653 хозяйства» [1]).

Всего же инородцевъ, проживающихъ на казачьихъ земляхъ Акшинскаго округа, но не принадлежащихъ къ составу коренного населенія его (т. е. къ казакамъ), по тому же изслѣдованію оказалось въ названныхъ пяти станицахъ слѣдующее число: въ Могойтуевской—693 д. (345 м.), Дурулгуевской—641 д. (318 м.), I Чиндантской—682 д. (341 м.), II Чиндантской—892 д. (467 м.), Цаганъ-Олуевской—576 д. (306 м.). или всего 3.484 д. (1.777 м.). Сопоставляя съ этими данными, относящимися къ лѣту 1897 г., соотвѣтствующія числа по даннымъ всеобщей переписи населенія, мы получимъ, что число кочевыхъ инородцевъ изъ бурятъ и тунгусовъ, застигнутыхъ переписью зимою того же года въ Акшинскомъ округѣ, было значительно меньше вышеприведеннаго, какъ это видно изъ слѣдующаго ряда цифръ: 182, 204, 103, 181,

---

[1]) Ibid., вып. 13, стр. 87—88.

151. Въ общей совокупности въ этихъ пяти станицахъ числилось по даннымъ всеобщей переписи 821 д. (382 м.) или на 2.663 д. (1.395 м.) меньше противъ данныхъ, относящихся къ лѣту того же года.

Свѣдѣній о пастухахъ-инородцахъ по остальнымъ станицамъ въ изслѣдованіи Коммиссіи г. Куломзина не имѣется, да и данныя касательно упомянутыхъ пяти станицъ можетъ быть не вполнѣ точны. Вотъ что по этому поводу говоритъ одинъ изъ соучастниковъ этой экспедиціи: «во время изслѣдованія Акшинскаго округа многіе пастухи инородцы были въ Монголіи и хозяйства ихъ поэтому не были зарегистрированы. Въ виду этого здѣсь и не указано количество всѣхъ пастуховъ въ округѣ, а только взяты для примѣра пять станицъ, гдѣ регистрація ихъ была произведена наиболѣе полно» [1]). Въ остальныхъ семи станицахъ изъ кочевыхъ инородцевъ регистраціи повидимому подлежали лишь лица, случайно проживавшія въ поселкахъ или по близости. Въ виду этого, общее ихъ число не превышаетъ 199 д. (103 м.), а число всѣхъ остальныхъ, главнымъ образомъ пастуховъ, пребывавшихъ лѣтомъ 1897 г. какъ въ предѣлахъ Акшинскаго округа, такъ и въ Монголіи, намъ совершенно не извѣстно, ни по этому источнику, ни по даннымъ переписи, бывшей зимою, когда большинство ихъ можетъ быть находилось въ китайскихъ предѣлахъ и поэтому совершенно избѣгло регистраціи. Чтобы, однако, хотя бы приблизительно опредѣлить ихъ число, можно прибѣгнуть къ слѣдующему пріему.

Опредѣливъ процентъ отсутствующихъ инородцевъ (разница между ихъ числомъ лѣтомъ и зимой) по отношенію къ наличному казачьему населенію вышеупомянутыхъ пяти станицъ мы легко можемъ вычислить, какой величинѣ должно соотвѣтствовать число отсутствующихъ кочевыхъ инородцевъ во всемъ округѣ, въ которомъ числится (по указанному источнику) 29.952 д. казаковъ (русскихъ, тунгусовъ и бурятовъ). Продѣлавъ такую манипуляцію, мы узнаемъ, что въ упомянутыхъ выше 5 станицахъ на каждыя 100 лицъ казачьяго сословія приходится 21 кочевой инородецъ и что соотвѣтствующая величина для цѣлаго округа будетъ равняться 6.290 душамъ об. п., число, которое мы изъ осторожности уменьшимъ до 4.500—5.000 д. Предположивъ

[1]) Ibid., вып. 13, стр. 88, прим.

еще, что часть этихъ инородцевъ разбрелась зимою по своимъ мѣстамъ и по другимъ округамъ и тамъ была застигнута переписью, все же остается 2.000—3.000 д., которые, если наше разсужденіе правильно, вовсе не попали во всеобщую перепись 1897 г., главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что находились въ это время внѣ предѣловъ Имперіи [1]).

Мы, такимъ образомъ, имѣемъ теперь нѣкоторое понятіе о числѣ инородцевъ, которые вѣроятно ускользнули отъ переписи. Труднѣе опредѣлить ихъ *національность*. Судя по труду Коммиссіи г. Куломзина, большинство пастуховъ-инородцевъ Акшинскаго округа принадлежитъ къ бурятамъ, тунгусовъ среди нихъ сравнительно мало. По даннымъ же переписи, естественно касающимся лишь той части инородческаго населенія, которая зимой проживала въ предѣлахъ названнаго округа, отношеніе это оказывается какъ разъ обратнымъ: на 1794 об. п. кочевыхъ инородцевъ, зарегистрированныхъ въ округѣ зимою 1897 г., было 1691 д. (831 м.) тунгусовъ и 103 д. (53 м.) бурятовъ т. е. послѣдніе составляли лишь 5,7% всѣхъ инородцевъ. Такъ какъ однако возможно, что именно среди пастуховъ преобладаютъ буряты, мы можемъ принять, что тунгусы составляютъ $^1/_3$, а буряты $^2/_3$ всѣхъ инородцевъ, которые составляютъ излишекъ противъ данныхъ всеобщей переписи (2.000—3.000 д.). При такомъ предположеніи на долю тунгусовъ придется около 700—1000 душъ и на долю бурятовъ — свыше 1.300—2.000 д. Прибавивъ къ этимъ величинамъ данныя о числѣ инородцевъ-бурятовъ и тунгусовъ по всеобщей переписи (табл. XIII), мы получимъ, что приблизительное число инородцевъ-тунгусовъ въ округѣ въ лѣтнюю половину года 1897 г. должно было простираться до 2400—

[1]) Противъ такого разсужденія могутъ возразить, что большинство этихъ инородцевъ, оказавшимися излишними противъ зимы, могутъ оказаться работниками, которые перебрались на лѣто въ Акшинскій округъ для полевыхъ работъ у мѣстнаго населенія и т. д. Въ этомъ случаѣ они могли быть зарегистрированы зимой на своихъ коренныхъ мѣстахъ т. е. въ Агинской степной думѣ и въ управахъ: Кужертаевской, Онгоцонской и т. д. Но этому предположенію противорѣчитъ, во-первыхъ, тотъ фактъ, что работниковъ годовыхъ и сроковыхъ у жителей Акшинскаго округа по даннымъ упомянутаго изслѣдованія оказалось сравнительно немного—705 или у 14,4% всѣхъ хозяйствъ и, во-вторыхъ, у инородцевъ пяти станицъ оба пола представлены совершенно одинаковыми числами, доказательство, что кочевые инородцы, проживающіе въ Акшинскомъ округѣ, не принадлежатъ въ своей массѣ къ составу временно пребывающаго населенія, у котораго мужской элементъ почти всегда преобладаетъ, а живутъ въ краѣ продолжительное время.

2.700 д. об. пола (бурятовъ до 3.100 д.), общая же численность этого племени въ округѣ до 5.400—5.700 д. об. пола.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о географическомъ положеніи станицъ и отдѣльныхъ поселковъ съ принадлежащими къ нимъ заимками и зимниками, населенными тунгусами [1]).

Акшинскій округъ представляетъ собою сравнительно узкую полосу земли, тянущуюся на протяженіи около 350 верстъ вдоль части восточной и большей части южной границы Забайкальской области, тамъ, гдѣ она соприкасается съ территоріей Китайской имперіи. Всѣ станичныя общества, которыя входятъ въ составъ этого округа, расположены въ одинъ рядъ, въ виду чего они граничатъ съ внѣшней стороны съ землями Монголіи, съ внутренней съ владѣніями Заводо-Нерчинскаго, Читинскаго и Верхнеудинскаго округовъ, а съ боковъ соприкасаются другъ съ другомъ. Начиная съ сѣверо-востока станичныя общества округа расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Чалбучинское и Зоргольское станичныя общества граничатъ съ востока Аргунью и съ запада станицами Заводо-Нерчинскаго округа. Дуроевское стан. общ. граничитъ съ востока и юго-востока съ Аргунью, съ сѣверо-востока съ Зоргольскимъ стан. общ. и станицами Заводо-Нерчинскаго округа, съ сѣверо-запада съ землями Агинской степной думы и съ юго-запада съ Цаганъ-Олуевскимъ стан. общ. Сѣверной границей послѣдняго являются земли Агинской думы, юго-восточной Аргунь, а южной—сухопутная межа съ Монголіей. Съ запада оно граничитъ съ землями II Чиндантской станицы, которая, какъ и смежныя I Чиндантская и Дурулгуевская, съ юга соприкасается съ Китайской имперіей. Съ сѣвера II Чиндантская ст. граничитъ съ р. Борзей, I Чиндантская съ нею и съ Онономъ, а Дурулгуевская стан. лишь съ послѣдней рѣкой. Къ югу-западу отъ Дурулгуевскаго стан. общ. расположено Могойтуевское, съ запада соприкасающееся съ территоріей Акшинскаго стан. общ., единственнаго, которое не прилегаетъ къ государственной границѣ. Къ югу-западу отъ земель только что названныхъ двухъ станицъ, находится Мангутское стан. общ., земли котораго расположены по обѣ стороны р. Онона,

[1]) По трудамъ „Комм. для изслѣд. земл. и т. д.“, вып. I, стр. 41—44 234—248.

имѣя однако къ сѣверу отъ него форму узкой полосы. За этой полосой начинаются угодья Онгоцонской инородной управы. Самыми западными станичными обществами округа являются Верхне-Ульхунское и Букукунское. На югѣ они, какъ и другія общества, соприкасаются съ Китайской имперіей, а на сѣверѣ съ владѣніями Онгоцонской инородной управы и далѣе на западъ съ пустопорожними землями юго-западнаго угла Читинскаго округа и еще далѣе въ томъ же направленіи съ таковыми же землями Верхнеудинскаго округа, а на западѣ съ территоріей Троицко-Савскаго округа.

Теперь укажемъ на мѣстоположеніе поселковъ отдѣльныхъ станичныхъ обществъ, гдѣ преобладаютъ тунгусы или вообще гдѣ ихъ сравнительно много.

Чалбучинская станица. I Булдуруевскій ул. расположенъ на Аргуни.

Зоргольская станица. Пос. Зоргольскій при р. Аргуни, пос. Буринскій при оз. Ключахъ и пос. Средне-Борзинскій при р. Борзѣ, лв. притокѣ Аргуни.

Дуроевское станичное общество. Пос. Дуроевскій, Кайластуй и Старо-Цурухайтуй—при р. Аргуни, пос. Нов. Цурухайтуй при рр. Аргуни и Урулюнгуѣ, пос. Селинда при одноименной рѣчкѣ.

Цаганъ-Олуевское станичное общество. Пос. Цаганъ-Олуевскій при одноименной рѣчкѣ; пос. Абагайтуевскій при р. Аргуни; при немъ населенныя тунгусами урочища: Мугульцанъ, Кактуй и Кучугуры. Пос. Ключевскій при рч. Ключѣ; при немъ уроч. Шара-Усунь, населенное тунгусами (22 д.). Пос. Кондуй при р. Мал. Кондуй.

II Чиндантское станичное общество. Пос. Кулусутаевскій при оз. Барунъ-Торей. II Чиндантскій при притокѣ Онона—Борзѣ.

I Чиндантское станичное общество. Пос. Цасучѣевскій и Борзинскій (Б—ая партія) при р. Ононѣ.

Дурулгуевское станичное общество. Пос. Дурулгуевскій при р. Ононѣ; пос. Кубухаевскій при р. Дурулгуѣ и пос. Тутхалтуевскій при р. Ангатуѣ.

Могойтуевское станичное общество. Пос. Могойтуевскій, при р. Тохторъ, Тохторскій при рч. Учиркѣ и Убыръ-Тохторскій при р. Убыръ-Тохторъ.

Акшинское станичное общество. Пос. Нарасунскій при р. М. Хурулгѣ.

Мангутское станичное общество. Поселки Мангутскій, Ульхунскій и Нижне-Ульхунскій расположены при р. Ононѣ.

Верхне-Ульхунское станичное общество. Пос. В.-Ульхунскій при р. Ононѣ, Тыринскій при р. Хангарукѣ и Кыринскій при р. Кырѣ.

Букукунское станичное общество. Пос. Букукунскій при рч. Букукункѣ, Ашенгинскій при рр. Кашуликѣ и Ашенгѣ, Бальджиканскій при рр. Кумилѣ и Каромѣ, Кыркунскій при р. Кыркунѣ и Алтанскій при р. Агуцѣ.

Баргузинскій округъ.

Чисто тунгусскій районъ занимаетъ здѣсь большую восточную половину округа, ограниченную на югѣ 54° с. ш. и на западѣ 80—81° в. д. (отъ Пулкова) Кромѣ русскаго пріисковаго населенія въ отдѣльныхъ пунктахъ по М. Амалату, верховьямъ Витима и Ципы и немногихъ бурятовъ на югѣ и западѣ, бродячіе тунгусы и орочоны составляютъ единственное населеніе края. Въ юго-восточной полосѣ округа, во всемъ бассейнѣ верхняго Витима, до пересѣченія его параллелью 54° с. ш., главное населеніе состоитъ изъ Хоринскихъ бурятовъ, среди которыхъ проживаютъ и немногіе тунгусы. Далѣе къ западу отъ проведенной черты тунгусы встрѣчаются по сѣверной части восточнаго берега Байкала и по верхнему и нижнему теченію В. Ангары; въ среднемъ ея теченіи расположены селенія русскаго Верхне-Ангарскаго Отдѣльнаго общества, территорія котораго обнимаетъ бассейнъ протоки В. Ангары Котеры и прилегающей части В. Ангары. Въ этомъ районѣ тунгусы составляютъ лишь примѣсь къ русскимъ.

По среднему Баргузину тунгусы образуютъ маленькія колоніи въ бурятскихъ улусахъ, а къ югу они проживаютъ рядомъ и отчасти въ однихъ селеніяхъ съ русскими.

Въ административномъ отношеніи тунгусы даннаго округа (не считая орочоновъ, происходящихъ изъ Читинскаго округа) образуютъ двѣ самостоятельныя инородныя управы: Тунгус-

ско-Баргузинскую и Бауптовскую и три родовыхъ управленія. Сверхъ того небольшое число тунгусовъ частью изъ этихъ управъ и родовыхъ управленій, частью изъ другихъ округовъ проживаютъ въ русскихъ селеніяхъ даннаго округа и въ улусахъ бурятскаго Баргузинскаго вѣдомства.

а) *Тунгусско-Баргузинская* инородная управа состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній осѣдло-живущихъ тунгусовъ, расположенныхъ въ долинѣ р. Баргузина. Судя по трудамъ Коммиссіи по изслѣдованію землевладѣнія и землепользованія Забайкальской области, главная масса тунгусовъ этой управы проживаетъ въ сел. Бодонскомъ (ул. Бѣловодско-Хабаржанскій) и около него на Ининской степи [1]). Земли этой управы и Баргузинской бурятской степной думы находятся въ общемъ пользованіи тѣхъ и другихъ инородцевъ и простираются почти отъ вершины Баргузина по его обоимъ берегамъ нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ въ него впадаетъ р. Ина. Слѣдуетъ замѣтить, что землевладѣніе тунгусовъ здѣсь сильно стѣснено бурятами, послѣ которыхъ у нихъ начали отнимать земли русскіе крестьяне Читканской волости. Теперь даже участокъ земли, на которомъ живетъ главная масса тунгусовъ этой управы, оказывается спорнымъ съ крестьянами и бурятами, съ которыми у нихъ пашня и выгонъ общія (покосы особые). Положеніе этихъ тунгусовъ въ общемъ очень тяжелое: съ одной стороны ихъ тѣснятъ буряты, съ другой—русскіе.

Наиболѣе значительнымъ селеніемъ этой управы оказывается ул. Бѣловодско-Хабаржанскій или Бодонъ, расположенный на рч. Бодонъ, къ сѣверу отъ гор. Баргузина. Въ немъ 63 хозяйства и 251 д. об. п. (121 м.) тунгусовъ. Другіе самостоятельные улусы этой управы суть—Ина-Ампанскій въ 21 д. (11 м.) и Жирга въ 35 д. (16 м.). Улусы Заскаликъ 10 д. (7 м.), Сахули—13 д. (7 м.), Ентыкекъ—45 д. (18 м.), Нема—4 д. (2 м.), Самахай 35 д. (17 м.), Барянкуръ и В. Курумканъ представляютъ тунгусскія колоніи среди одноименныхъ бурятскихъ улусовъ Баргузинскаго вѣдомства, разбросанныхъ въ долинѣ верхняго Баргузина. Сверхъ того 72 д. (30 м.) тунгусовъ этой управы проживаютъ въ с. Бодон-

---

[1]) Куломзинъ, l. c., VIII вып., стр. 18.

скомъ совмѣстно (?) съ русскими и тунгусами Подлеморско-Шемагирскаго родового управленія [1]). Означенное село расположено нѣсколько къ востоку отъ р. Баргузина. Въ с. Сувинскомъ Читканской вол. было переписано 8 д. тунгусовъ этой управы и въ другихъ селеніяхъ той же волости 18 д. (7 муж.).

Всего въ 3 вышеупомянутыхъ самостоятельныхъ тунгусскихъ селеніяхъ и въ 8 колоніяхъ въ 1897 г. числилось 105 хоз. (3 одинок.) и 423 д. (203 м.) тунгусовъ, а если къ нимъ прибавить и проживающихъ въ русскихъ селеніяхъ, то общее число тунгусовъ этой управы достигнетъ 523 д. (245 м.), которыя составляютъ весьма небольшой процентъ всего населенія района, состоящаго главнымъ образомъ изъ бурятовъ Баргузинской степной думы и изъ русскихъ Читканской волости. На одно хозяйство у тунгусовъ 11 селеній приходится 4,0 д. (безъ одинокихъ 4,1 д.). Отношенія половъ: на 100 м.—114 женщинъ.

[Сверхъ того 74 д. (40 м.) представителей этой управы были переписаны въ Верхнеудинскомъ округѣ, см. стр. 152].

б) Въ *Баунтовскую* инородную управу группируются тунгусы трехъ родовъ, живущіе въ районѣ Баунтовскаго озера, лежащаго въ срединѣ сѣверной части округа.

Это озеро расположено въ горной странѣ, орошаемой многочисленными рѣками, изъ коихъ р. Ципа протекаетъ черезъ него. Мѣстность эта, покрытая лѣсами, весьма благопріятна для звѣринаго промысла, который служитъ главнымъ занятіемъ мѣстныхъ тунгусовъ. Сугланъ у нихъ находится на нижней оконечности Баунтовскаго озера, при истокѣ р. Нижней Ципы.

Въ этой управѣ было зарегистрировано 165 хозяйствъ (въ т. ч. 5 одинокихъ лицъ) и 804 д. об. п. (431 м.). На хозяйство приходится 4,8 д. (безъ одинокихъ 5,0 д.). О распредѣленіи этихъ тунгусовъ по отдѣльнымъ рѣкамъ и урочищамъ перепись указаній не даетъ. Въ 50-хъ годахъ, по Радде [2]), въ этой управѣ числилось 774 д. (366 м.) тунгу-

---

[1]) Можетъ быть впрочемъ с. Бодонское составляетъ одно селеніе съ ул. Вѣловодско-Хабаржанскимъ, называемымъ также Бодономъ; по даннымъ Комм. г. Куломзина лѣтомъ 1897 г. въ немъ числилось 342 д. (170 м.).

[2]) Озеро Байкалъ (изъ отчета Радде) въ „Вѣст. Геогр. Общ." 1857, XXI, кн. 5, 192.

совъ (постояннаго населенія). [Кромѣ вышеуказанныхъ еще 2 хоз.: 9 д. (6 м.) этихъ тунгусовъ, происходящихъ изъ уроч. Биту, по Витиму, были открыты переписью въ Верхнеудинскомъ округѣ].

в) Мѣстожительство тунгусовъ *Верхне-Ангарскаго* Чильчагирскаго родового управленія находится по среднему теченію Верхней Ангары, впадающей въ сѣверную часть Байкальскаго озера и по ея протокѣ Котерѣ. Они принадлежатъ къ одному Чильчагирскому роду и образуютъ 78 хозяйствъ (въ т. ч. 6 одинокихъ), въ которыхъ числится 397 д. об. п. (199 м.); сверхъ того 78 д. (34 м.) обрусѣлыхъ тунгусовъ этого родового управленія обитаютъ въ русскихъ селеніяхъ Отдѣльнаго Верхне-Ангарскаго общества (въ сел. В. Ангарскомъ, гдѣ находится и управленіе этими тунгусами, Куморѣ и др.), расположенныхъ по большей части нѣсколько къ югу отъ протоки Котеры. Въ 50-хъ годахъ численность тунгусовъ этого родового управленія опредѣляли въ 207 д. (106 м.), причемъ причина огромной разницы противъ 1897 г. не ясна. Изъ населенныхъ пунктовъ тунгусовъ извѣстны лишь немногія: выс. Ченча у впаденія Котеры въ В. Ангару—4 д. (2 м.) и сел. Иркона (Ироканъ) по среднему теченію названной протоки — 9 д. (5 м.). Оба эти пункта отмѣчены на 40-верстной картѣ Военно-Топографическаго Отдѣла и вѣроятно населены кромѣ тунгусовъ еще русскими В. Ангарскаго общества. Остальныя мѣстожительства тунгусовъ ни въ переписномъ матеріалѣ, ни на картахъ не показаны.

Общее число всѣхъ тунгусовъ Верхне-Ангарскаго родового управленія достигаетъ 475 д. (233 м.). Средній размѣръ хозяйства у тунгусовъ, застигнутыхъ въ самостоятельныхъ кочевьяхъ, равенъ 5,1 (безъ одинокихъ 5,4).

г) *Нижне-Ангарское* родовое управленіе. Тунгусы Киндыгирскаго рода, принадлежащіе къ этому родовому управленію, обитаютъ по всему вѣроятію въ болѣе низовой части р. В. Ангары. Ихъ управленіе находится, по Радде, немного выше устья Ангаракана или праваго рукава Ангары, называемаго также Душкачаномъ и Протокой. На сугланъ они собираются какъ въ Душкачанъ, такъ и въ сел. Нижне-Ангарское. Они образуютъ 64 хозяйства (въ т. ч. 9 одинокихъ), въ которыхъ числится 251 д. (138 м.). Мѣстности, гдѣ находятся ихъ кочевья и стойбища, въ переписномъ матеріалѣ не показаны. Въ 50-хъ годахъ

прошлаго столѣтія въ этой управѣ числилось 268 д. (153 м.) тунгусовъ.

д) *Подлеморско-Шемагирское* родовое управленіе. Тунгусы этого родового управленія, принадлежащіе къ Шемагирскому (Шамагирскому) роду, бродятъ вѣроятно въ районѣ средняго теченія р. Баргузина. Перепись 1897 г. застигла ихъ въ сел. Бодонскомъ (см. стр. 144). Ихъ оказалось всего 19 хозяйствъ (въ т. ч. 3 одинокихъ) и 64 д. об. п. (34 м.). Сверхъ этого 1 м. тунгусъ былъ зарегистрированъ въ гор. Баргузинѣ.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ сгруппированы всѣ вышеприведенныя данныя касательно численности тунгусовъ управъ и родовыхъ управленій Баргузинскаго округа по даннымъ переписи.

ТАБЛИЦА XIV.

Названія ин. управъ и родов. управленій.	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душ. въ хоз.[2]	% женщ. на 100 мужч.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Баргузинская ин. упр.	245	278	523	4,0(4,1)	114
2. Баунтовская „ .	431	373	804	4,8(5,0)	87
3. В. Ангарское родов. упр.	233	242	475	5,1(5,4)	104
4. Н. Ангарское родов. упр.	138	113	251	3,9(4,4)	82
5. Подлеморско-Шемаг. родов. упр.	34	30	64	3,4(3,8)	88
Итого	**1.082** [1]	**1.036**	**2.118** [1]	**4,5(4,7)**	**96**

Такимъ образомъ, общее число тунгусовъ Баргузинскаго округа простирается до 2.118 д. об. п., изъ коихъ 1.082 м., что соотвѣтствуетъ отношенію половъ: на 100 м. — 96 женщинъ. Изъ отдѣльныхъ управъ и родовыхъ управленій въ трехъ

[1]) Въ т. ч. 1 м. въ г. Баргузинѣ.
[2]) Въ скобкахъ размѣры средняго хозяйства безъ одинокихъ лицъ.

число женщинъ значительно меньше числа мужчинъ, а въ Баргузинской упр. напротивъ преобладаетъ женскій элементъ. Среднее хозяйство у тунгусовъ, проживающихъ въ самостоятельныхъ кочевьяхъ, колеблется между 3,4 д. и 5,1 д. (а безъ одинокихъ между 3,8 д. 5,4 д.). Для цѣлаго округа соотвѣтствующимъ числомъ будетъ 4,5 д. (4,7 д.).

Селенгинскій округъ.

Въ данномъ округѣ тунгусы составляютъ населеніе части *Арматской* или *Армакской* инородной управы, земли которой занимаютъ западный уголъ Забайкальской области и расположены въ бассейнѣ р. Хамнея, л. притока р. Джиды (л. прит. Селенги), и въ верхнемъ теченіи л. притока Селенги Темника, прибл. до впаденія въ него рѣчки, текущей изъ оз. Таглей. Нѣкоторыми дачами въ этомъ районѣ инородцы названной управы владѣютъ совмѣстно съ бурятами Закаменской инор. управы. Сверхъ того они являются хозяевами всей гористой мѣстности, прилегающей съ юга къ Байкалу: отъ рч. Быстрой въ предѣлахъ Иркутскаго округа на западѣ почти до рч. Мантурихи на востокѣ.

Болѣе подробно владѣнія Армакской управы можно описать такимъ образомъ: «Они представляютъ сплошную территорію, болѣе чѣмъ на $^1/_4$ своей площади находящуюся въ Иркутской губ. На сѣверѣ эти владѣнія прилегаютъ къ Байкалу. Отъ Байкала восточная межа идетъ по рч. Мантурихѣ вверхъ, затѣмъ поворачиваетъ по Хамаръ-дабану на западъ. Противъ верховьевъ рч. Ичетуя граница поворачиваетъ на югъ и перерѣзываетъ р. Темникъ и хребетъ Хандагатай. Послѣ этого граница повернула опять на западъ по кряжу, обогнула вершину рч. Алсака, спустилась на югъ, обогнула сел. Армакское съ юга и снова пошла на сѣверъ по вершинѣ рч. Нарина и по хребту дошла до устья Тарбагатая. Затѣмъ пошла на сѣверъ и отъ устья Даркинтуя идетъ по этой рѣчкѣ и по рч. Цаганъ-Муринъ. Оттуда межа повернула на сѣверъ, пересѣкла хребетъ Хангаръ-Ульскій, отрѣзала вершины Зунъ-Мурина и Маргасана и между р. Быстрой и бывшимъ казеннымъ трактомъ снова дошла до Байкала» [1]).

---

[1]) „Комм. для изсл. землевлад. и землепольз. въ Забайк. обл.“, вып. VIII, 10, 104.

Этими охотничьими угодьями, которыя никогда не были обмежеваны, каждый изъ четырехъ родовъ Армакской управы (два тунгусскихъ, и два бурятскихъ) владѣетъ особо, имѣя въ своемъ единственномъ пользованіи часть, такъ называемыхъ, «Соболиныхъ» рѣчекъ. Сообразно бо́льшему или меньшему изобилію этихъ рѣчекъ дичью и пушнымъ звѣремъ мѣстные инородцы платятъ разный ясакъ. Эти рѣчки суть: Безъимянная, Утуликъ, Снѣжная, Панькова, Мурина, Выдренная, Переемная, Мишиха, Согзомонъ; четыре другія[1]) они должны были уступить Тункинскимъ бурятамъ Иркутской губ. (ibid., 106 сл.). Эти рѣчки берутъ начало съ южно-байкальскихъ гольцовъ и падаютъ въ Байкалъ.

Сравнительно въ сторонѣ отъ главной территоріи управы, среди бурятскихъ владѣній, находится ея участокъ, орошаемый р. Армакъ, л. притокомъ Джиды (?). Большая часть селеній этой управы расположена однако въ бассейнѣ р. Хамнея и въ меньшей степени по рр. Армакъ и Снѣжной; по р. Темнику ихъ нѣтъ.

По даннымъ переписи *всѣ* инородцы этой управы названы въ графѣ о сословіи «тунгусами», хотя всѣ они, за исключеніемъ обрусѣвшихъ жителей с. Армакскаго, говорятъ лишь по бурятски. Въ трудѣ Коммиссіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія Забайкальской области (6 вып.) вся эта управа отнесена, при составленіи итоговъ по національностямъ, то къ тунгусамъ (стр. 40)[2]), то къ бурятамъ (стр. 39)[3]), но изъ исторической части того же выпуска (стр. 9) мы о составѣ населенія данной управы узнаемъ слѣдующее: «Земли Армакской инородной управы были заселены тунгусами Заектаева и Цингидинова родовъ 8—9 поколѣній тому назадъ, для охраны границы. До этого же, по ихъ разсказамъ, они были народомъ бродячимъ, занимавшимся исключительно охотой»... «Сто лѣтъ тому назадъ къ нимъ изъ Тунки пришли два рода бурятъ (Тыртеевскій и 2-й Куркутскій). Подъ ихъ вліяніемъ тунгусы утратили характерныя черты своей народности, даже забыли свой языкъ и отличаются только нѣсколько инымъ складомъ лица». На этомъ

[1]) Рр. Мантуриха, Ивановка, Слюдянка, Пахабиха.

[2]) Итогъ тунгусовъ по Селенгинскому округу равенъ по этому источнику наличному населенію всей Армакской управы.

[3]) Въ итогъ тунгусовъ 24.594 д. не включено населеніе Армакской управы.

основаніи лишь часть населенія данной управы принадлежитъ къ тунгусской національности, а другая состоитъ изъ природныхъ бурятовъ, вслѣдствіе своего причисленія къ тунгусской управѣ начавшихъ именоваться „тунгусами“.

Если мы обратимся къ даннымъ переписи 1897 г., то найдемъ, что дѣйствительно роды Тыртеевскій I и II и Куркутскіе I и II встрѣчаются у бурятовъ смежной съ Армакской инор. управой Закаменской инородной управы съ чисто бурятскимъ населеніемъ, причемъ тамъ и теперь проживаетъ ихъ главная масса: I Тыртеевскій въ числѣ 593 д. (280 м.), II Тыртеевскій 818 д. (425 м.), I Куркутскій 1.298 д. (653 м.) и II Куркутскій 253 д. (124 м.). Наоборотъ, чисто тунгусскіе роды Армакской управы: Заектаевскій и Цингидиновъ нигдѣ болѣе въ другихъ мѣстахъ обнаружены не были. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, вопреки указаніямъ переписи и статистической части труда вышеупомянутой Коммиссіи, лишь ту часть инородцевъ Армакской управы слѣдуетъ признать тунгусами, которая состоитъ изъ представителей родовъ Заектаева (Заектаевскаго) и Цингидинова, а также изъ осѣдлыхъ и обрусѣлыхъ тунгусовъ с. Армакскаго, инородцевъ же I и II Тыртеевскихъ родовъ слѣдуетъ признать бурятами, водворившимися на земляхъ Армакскихъ тунгусовъ и съумѣвшихъ ихъ ассимилировать. II Куркутскій родъ, о которомъ упоминается въ трудахъ Коммиссіи г. Куломзина, при переписи въ Армакской инор. управѣ вообще не былъ обнаруженъ, какъ не значится онъ и въ изданіи Центр. Стат. Комитета «Волости и населенныя мѣста 1893 г.» (вып. 8, стр. 30—31).

Каждый изъ обоихъ тунгусскихъ родовъ образуетъ свои собственныя селенія:

Рд. *Заектаевскій* населяетъ улусы: Хара-Гужирскій 112 д. (51 м.) въ верхнемъ теченіи р. Армакъ, лѣв. прит. (?) р. Джиды. Онъ же составляетъ 256 д. (121 м.) или $^2/_3$ населенія с. Армакскаго, расположеннаго въ низовьяхъ той же рѣки; ул. Сангитуйскій 50 д. (26 м.) на р. Сангитуѣ, пр. прит. Хамнея; ул. Даркинтуйскій 28 д. (14 м.), состоящій изъ двухъ частей, на р. Даркинтуѣ, пр. прит. Хамнея и ул. Цаганъ- (Саганъ-) Нюгунскій (Югупскій) 53 д. (30 м.) на р. Хамнеѣ. Всего представителей этого рода оказалось 499 д. (242 м.).

Рд. *Цингидиновъ* составляетъ населеніе пяти улусовъ: Хамнейскаго 83 д. (40 м.) на р. Хамнеѣ, Илькейскаго 56 д.

(30 м.) на р. Илькѣ, л. пр. р. Хампея; Тарбагатайскаго 115 д. (55 м.) на р. Тарбагатаѣ; Дурейскаго 17 д. (7 м.) на р. Дуреѣ (л. пр. Сангитуя?) и Снѣжнинскаго 51 д. (22 м.) въ верхнемъ теченіи р. Снѣжной. Сверхъ того 15 д. (5 м.) были отмѣчены въ с. Армакскомъ. Итого 337 д. (159 м.).

У 83 д. (40 м.) обрусѣлыхъ инородцевъ с. Армакскаго не указаны роды. Согласно большинству населенія названнаго села мы всѣхъ ихъ отнесли къ тунгусамъ. Это село расположено въ нижнемъ теченіи р. Армакъ, л. прит. Джиды.

Всего въ этой инородной управѣ числится 919 д. об. п. (441 м.) тунгусовъ, которые, какъ сказано, составляютъ почти все населеніе 9 селеній и большую часть 10-го (по 92 д. въ среднемъ). При наличности 166 хозяйствъ у тунгусовъ данной управы на 1 хозяйство приходится 5,5 д. Отношеніе половъ: на 100 м.—108 женщинъ.

Для полноты изложенія сообщимъ, что бурятское населеніе этой управы равно 802 д. об. п. (380 м.), изъ коихъ 640 д. приходится на I Тыртеевскій, остальное число на II Тыртеевскій родъ. Буряты эти образуютъ восемь самостоятельныхъ улусовъ, расположенныхъ смежно и черезполосно съ тунгусскими улусами въ бассейнѣ р. Хамнея и въ другихъ мѣстахъ. Всего же въ Армакской инор. управѣ въ 1897 г. числилось (съ посторонними) 1.736 д. об. п. (828 м.).

Внѣ названной управы перепись въ данномъ округѣ обнаружила лишь 1 м. тунгуса среди бурятъ, въ русскихъ же волостяхъ, въ г. Селенгинскѣ и въ поселеніяхъ по строившейся Забайкальской желѣзной дорогѣ ихъ вовсе не оказалось. Всего въ Селенгинскомъ округѣ въ 1897 г. числилось 920 д. (442 м.) тунгусовъ.

Нерчинско-Заводскій округъ.

Въ данномъ округѣ самостоятельныхъ тунгусскихъ волостей и селеній не имѣется, а проживаютъ отдѣльные пришлые представители этого племени въ селеніяхъ русскихъ волостей и станичныхъ обществъ, всюду составляя лишь незначительную примѣсь къ наличному ихъ населенію, состоящему почти исключительно изъ русскихъ.

Въ наибольшемъ числѣ тунгусы встрѣчаются въ волостяхъ: Александровской 76 д. (39 м.) и Дучарской 35 д. (21 м.),

въ Шилкинской вол. ихъ всего 10 д. (4 м.). Изъ станичныхъ обществъ они преобладаютъ въ Калгинскомъ 80 д. (40 м.), Б. Зерентуевскомъ 78 д. (40 м.), Манкечурскомъ 31 д. (20 м.) и Донинскомъ 32 д. (18 м.); меньше ихъ въ Быркинскомъ 12 д. (7 м.). Въ четырехъ другихъ ихъ всего 11 д. (5 м.), а въ двухъ (Усть-Уровскомъ и Богдатскомъ) ихъ вовсе не оказалось. Наконецъ, на пріискахъ ихъ было обнаружено 40 д. (24 м.). Всего въ Нерчинско-Заводскомъ округѣ, по даннымъ переписи 1897 г., было зарегистрировано 405 д. (218 м.). Число хозяйствъ не приводимъ, потому что нѣкоторые тунгусы входятъ въ составъ семействъ и другихъ національностей. Отношенія половъ: на 100 м.—86 женщинъ.

По мѣсту происхожденія огромное большинство мѣстныхъ тунгусовъ родомъ изъ смежной Маньковской управы. Ихъ 362 д. (197 м.) или до 90% всѣхъ проживающихъ въ округѣ тунгусовъ. Остальные происходятъ изъ другихъ инородныхъ управъ Читинскаго округа (Урульгинской степной думы), именно изъ Оловской 17 д. (9 м.), Шундуинской 7 д. (3 м.) и Урульгинской 14 д. (6 м.) и неизвѣстнаго происхожденія 5 д. (3 м.).

Нерчинскій округъ.

Коренныхъ тунгусовъ здѣсь не имѣется, а есть небольшое число пришлыхъ изъ смежнаго Читинскаго округа, проживающихъ въ нѣкоторыхъ станичныхъ округахъ. Въ наибольшемъ числѣ тунгусы были обнаружены въ стан. окр. Курлычинскомъ 115 д. (73 м.), Улятуйскомъ 100 д. (53 м.), Ново-Троицкомъ 69 д. (42 м.), Красноярскомъ 72 д. (38 м.), Торгинскомъ 36 д. (24 м.) и Срѣтенскомъ 30 д. (18 м.). Меньше ихъ было въ округахъ: Митрофановскомъ 19 д. (13 м.), Кулаковскомъ 16 д. (11 м.), Ундинскомъ 11 д. (8 м.), Ононъ-Борзинскомъ 25 д. (18 м.), Шелопугинскомъ 20 д. (10 м.), Куларскомъ 13 д. (5 м.), Копунскомъ 14 д. (8 м.), Ломовскомъ 9 д. (6 м.) и Куенгскомъ 8 д. (7 м.); въ Догъ-Инскомъ всего 1 м. На пріискахъ ихъ почти не было обнаружено—8 д. (5 м.) и по желѣзной дорогѣ и на почтовыхъ станціяхъ лишь 4 м. Въ г. Нерчинскѣ было записано 22 д. (11 м.) тунгусовъ.

Всего въ данномъ округѣ въ 1897 г. оказалось 592 д. (355 м.) тунгусовъ, при отношеніи половъ: на 100 м.—67 женщинъ. Огромный контингентъ всѣхъ тунгусовъ Нер-

чипскаго округа происходитъ изъ трехъ инородныхъ управъ Урульгинской степной думы: Оловской, Маньковской и Шундуинской, расположенныхъ ближе другихъ къ селеніямъ даннаго округа, причемъ представители первой преобладаютъ въ станичныхъ округахъ: Срѣтенскомъ, Ломовскомъ, Куларовскомъ, Курлыченскомъ, Митрофановскомъ и Торгинскомъ. Тунгусы Маньковской инор. управы составляютъ большую часть тунгусовъ станичныхъ округовъ Куенгскаго, Удинскаго, Ононъ-Борзинскаго и Шелопутинскаго, а въ округахъ Ново-Троицкомъ и Улятуевскомъ преобладаютъ тунгусы управы Шундуинской.

Число представителей отдѣльныхъ управъ Читинскаго округа среди тунгусовъ, проживающихъ въ предѣлахъ Нерчинскаго округа, было слѣдующее: Оловскихъ 225 д. (138 м.), Маньковскихъ 129 д. (83 м.), Шундуинскихъ 191 д. (109 м.), Урульгинскихъ 15 д. (9 м.) и неуказаннаго происхожденія 32 д. (16 м.).

Интересно, что по изслѣдованіямъ Коммиссіи ст. секр. Куломзина за лѣто того же 1897 г. инородцевъ разныхъ мѣстностей Забайкальской области, зарегистрированныхъ въ предѣлахъ Нерчинскаго округа, оказалось всего 194 д., включая въ это число и бурятовъ [1]). Столь огромная разница въ данныхъ за тотъ же годъ по обоимъ весьма достовѣрнымъ источникамъ объясняется исключительно временемъ года. По всему вѣроятію, работая лѣтомъ у себя дома, эти инородцы зимою имѣютъ заработки въ сосѣднихъ округахъ.

Кромѣ кочевыхъ тунгусовъ въ предѣлахъ даннаго округа были обнаружены на почтовыхъ станціяхъ въ районѣ Куларскаго станичнаго округа еще 50 д. (27 м.) оленныхъ тунгусовъ или *орочоновъ* (см. стр. 11). Вмѣстѣ съ этими орочонами численность тунгусовъ въ Нерчинскомъ округѣ простирается до 642 д. (382 м.).

Троицко-Савскій округъ почти совершенно не заключаетъ въ себѣ тунгусовъ. Ихъ тамъ оказалось всего 5 м.

Верхне-Удинскій округъ. Число застигнутыхъ въ немъ переписью тунгусовъ совсѣмъ ничтожно. Огромное большинство ихъ 83 д. (46 м.) принадлежитъ къ бродячимъ тунгусамъ Баргузинской и Баунтовской инородныхъ управъ—74 д. (40 м.) и 9 д. (6 м.).

[1]) l. c., вып. III, стр. 376.

Изъ переписного матеріала видно, что почти всѣ они обыкновенно бродятъ въ юго-восточной части Баргузинскаго округа, по берегамъ Витима, въ томъ числѣ 32 д. (18 м.) вмѣстѣ съ 17 бурятами въ ур. Жилиндѣ (по р. Ж.), 49 д. (26 м.) въ ур. Хошидо и Биту и 2 м. въ ур. Баица-Горихонъ. Вмѣстѣ съ 20 бурятами, они образуютъ 26 хозяйствъ, (на 1 хоз.—4,0 д.). Вся указанная мѣстность по верхнему теченію р. Витима имѣетъ преобладающее бурятское населеніе, происходящее изъ Хоринской степной думы. Въ другихъ мѣстахъ, въ собственныхъ владѣніяхъ бурятовъ Хоринской думы, ихъ оказалось всего 7 д. (2 м.), а среди русскихъ этого округа тунгусы не были вовсе зарегистрированы. Съ 2 м. въ г. Верхне-Удинскѣ общее число тунгусовъ (наличное населеніе) будетъ 92 д. (50 м.).

* * *

Подведя итогъ всему тунгусскому населенію Забайкальской области, мы получимъ слѣдующую таблицу.

ТАБЛИЦА XV.

Названія округовъ	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душъ въ хоз.	% женщ. на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Читинскій	12.159	12.400	24.559	5,4	102
2. Акшинскій.	2.313	2.423	4.736	5,1	98
3. Баргузинскій	1.082	1.036	2.118	4,5	96
4. Верхне-Удинскій . . .	50	42	92	(4,0)	84
5. Нерчинскій	355	237	592	— [1])	67
6. Нерчинско-Заводскій	218	187	405	— [1])	86
7. Селенгинскій	442	478	920	5,5	108
8. Троицко-Савскій . . .	5	—	5	— [1])	—
Итого	**16.624**	**16.803**	**33.427**	—	**101**
Сверхъ того орочоновъ.	484	468	952	7,9	97
Всего	**17.108**	**17.271**	**34.379**	**5,4**	**101**

[1]) Живутъ совмѣстно съ бурятами и русскими, часто образуя съ ними смѣшанныя семьи.

Итакъ, наличное тунгусское населеніе Забайкальской области простирается по даннымъ переписи 1897 г. до 34.379 д. (17.108 м.), а безъ орочоновъ или бродячихъ оленныхъ тунгусовъ до 33.427 д. (16.624 м.) [1]); изъ нихъ всего 67 д. (43 м.) проживали въ городахъ. По отношенію къ наличному населенію области тунгусы составляютъ 5,1%, именно въ Читинскомъ 18,4% (безъ города Читы — 20,0%), въ Селенгинскомъ 0,9%, въ Баргузинскомъ 8,3% и въ Акшинскомъ 13,6%; въ остальныхъ очень небольшой процентъ. Въ вышеприведенной таблицѣ указаны и размѣръ хозяйствъ у тунгусовъ разныхъ округовъ, который въ среднемъ равенъ 5,4 д. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ нѣтъ самостоятельныхъ тунгусскихъ управъ, они живутъ среди бурятъ и русскихъ, образуя часто семьи смѣшаннаго характера. Отношенія половъ благопріятны: для всей области женскій элементъ лишь нѣсколько преобладаетъ надъ мужскимъ. Исключеніе составляютъ орочоны, отличающіеся крупными хозяйствами и превышеніемъ мужского населенія надъ женскимъ.

Полныхъ свѣдѣній о численности тунгусовъ Забайкальской области за прежніе годы у насъ не имѣется — см. II вып., 2 гл. наст. труда; относительно Урульгинской степной думы см. стр. 129.

---

§ 7. Енисейская губернія.

Въ данной губерніи тунгусы встрѣчаются лишь въ самомъ сѣверномъ округѣ — Енисейскомъ съ принадлежащимъ къ нему Туруханскимъ краемъ, районъ которыхъ составляетъ почти 0,9

[1]) Коммиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области (6 вып., стр. 39), работавшая въ данной области въ теченіе лѣта того же 1897 г., опредѣляетъ численность ея тунгусскаго населенія въ 24.594 д. (12.383 м.) т. е. почти на (10.000 д.) меньше. Но вышеуказанное число Коммиссіи не является результатомъ подсчета всего тунгусскаго населенія области, а лишь приблизительнаго исчисленія его. Такимъ образомъ, въ этотъ итогъ не вошли тунгусы городовъ, пріисковъ и бродячіе тунгусы и орочоны, численностью по переписи въ 2800 д., да и въ остальныхъ мѣстностяхъ число тунгусовъ было опредѣлено приблизительно, по числу всѣхъ жителей тунгусскихъ управъ и вѣдомствъ, причемъ буряты, живущіе среди тунгусовъ, были признаны тунгусами, а тунгусы въ тѣхъ округахъ, гдѣ у нихъ нѣтъ самостоятельныхъ управъ (напр. въ Акшинскомъ окр., гдѣ ихъ по переписи оказалось 4736 д., въ Нерчинскомъ окр. 592 д., въ Заводо-Нерчинскомъ 405 д.), были приняты за бурятовъ. Въ виду этого, съ этнографической точки зрѣнія, данныя упомянутой Коммиссіи о численности отдѣльныхъ племенъ въ Забайкальской области не представляетъ интереса (см. также стр. 132).

всей площади губерніи. Въ Енисейскомъ округѣ область тунгусовъ занимаетъ всю его восточную половину, площадью до 1 милліона кв. верстъ. На сѣверѣ ихъ область можетъ быть ограничена 71° 30′ с. ш., на югѣ р. Чуной (или даже Оной) и далѣе къ западу Тасѣевой и на востокѣ—границей Иркутской губерніи и Якутской области. Западной межой тунгусовъ можно считать: на сѣверѣ 59°—60° в. д. Къ югу отъ Н. Тунгуски она направляется на югъ-востокъ, пересѣкая Подкаменную Тунгуску приблизительно подъ 65° в. д. [1]), по каковому меридіану и доходитъ до В. Тунгуски. Однако въ этихъ предѣлахъ тунгусы не составляютъ единственнаго населенія края; такъ, по сѣверной окрайнѣ вмѣстѣ съ тунгусами проживаютъ и долгане, вѣроятно объякутившіеся тунгусы Долганскихъ родовъ, которые однако нынѣ должны быть отнесены къ якутамъ. Въ сѣверо-западномъ углу, въ бассейнѣ р. Пясиной и ея притока Дудыпты, они должны дѣлить кочевья съ самоѣдскими племенами, по западной окрайнѣ они сталкиваются и отчасти смѣшиваются съ Енисейскими остяками, бродящими по нижнему теченію Курейки, Нижней Тунгуски, по Сухой Тунгускѣ, Бахтѣ и въ низовьяхъ и въ среднемъ теченіи Подкаменной Тунгуски. Далѣе къ югу ихъ западными сосѣдями являются русскіе, заселившіе берега Енисея и въ области р. Б. Питъ (Сѣв. Енисейскій горный округъ) глубоко проникшіе въ тунгусскую область, природные обитатели которой здѣсь обрусѣли, разбрелись и вымерли. Русскіе же составляютъ главную часть населенія береговъ В. Тунгуски или Ангары (Пинчугская и Кежемская волости).

Переписной матеріалъ не даетъ опредѣленныхъ указаній на то, встрѣчаются ли тунгусы въ настоящее время въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ югу отъ Ангары до южныхъ предѣловъ округа, но на основаніи разныхъ соображеній слѣдуетъ и сѣверную часть этого района, на югъ приблизительно до р. Чуны, впадающей въ Тасѣеву (лѣв. прит. Верхней Тунгуски), отнести къ области тунгусовъ, хотя они сюда заходятъ лишь случайно, во время промысла. По кн. Кострову они въ 50-хъ годахъ доходили даже до р. Бирюсы или Оны, хотя вѣроятно ограничивались болѣе низовой частью бассейна названной рѣки,

[1]) На 100 вер. картѣ В. Топогр. Отд. не указанъ пунктъ, который принятъ за 0° меридіанъ, вѣроятно Пулково.

лежащей къ сѣверу отъ Иркутскаго тракта. Постоянное же населеніе береговъ Чуны и Оны въ настоящее время состоитъ изъ русскихъ выходцевъ съ береговъ Ангары, которые, водворившись здѣсь, перемѣшались съ мѣстными аборигенами тунгусами, что замѣтно отразилось на ихъ физическомъ типѣ [1]). Внѣ указанныхъ окрайнъ, гдѣ тунгусское населеніе сталкивается съ другими народностями, во всемъ остальномъ пространствѣ этой необъятной области они являются единственными обитателями края. Но, если посторонніе элементы кое-гдѣ вдаются въ ихъ территорію, то и тунгусы кое-гдѣ оказываются вкрапленными въ поселенія и кочевья другихъ національностей, хотя въ подобныхъ мѣстахъ ихъ численность и ничтожна. Таковы отдѣльныя тунгусскія семьи, которыя попадаются по нижнему Енисею и въ его ближайшихъ окрестностяхъ среди русскихъ, самоѣдовъ и Енисейскихъ остяковъ; таковы тунгусы, которые были застигнуты переписью въ бассейнѣ верхняго Таза среди самоѣдовъ Тымско-Караконскаго рода и по р. Б. Касу (л. прит. Енисея) среди Енисейскихъ остяковъ.

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на разселеніи тунгусовъ по территоріи Енисейскаго округа.

Енисейскій округъ.

Перепись повидимому не захватила всѣхъ тунгусовъ даннаго округа, а лишь большую ихъ часть, именно тѣхъ изъ нихъ, которые случайно прибыли на сугланы для платежа ясака, а также тѣхъ, о которыхъ ихъ старшины могли сообщить требуемыя свѣдѣнія. Кромѣ того мѣста кочевій мѣстныхъ тунгусовъ въ переписныхъ листахъ почти нигдѣ не показаны, такъ что для географическаго ихъ обозрѣнія намъ придется пользоваться другими источниками. Изъ работы кн. Кострова [2]) и изъ списковъ населенныхъ мѣстъ Енисейской губерніи за 1859 г. видно, что 36—38 лѣтъ тому назадъ тунгусы слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по территоріи округа. Милитскій родъ ко-

---

[1]) Это переселеніе совершилось лѣтъ 100 тому назадъ. Мѣстные жители занимаются земледѣліемъ въ болѣе широкихъ мѣстахъ долинъ названныхъ рѣкъ и звѣроловствомъ (Ячевскій: „Изв. И. Р. Геогр. О.“ XXXI, 95, II, 219—220).

[2]) „Очерки Туруханскаго края“ („Зап. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.“ 1857, IV).

чевалъ по р. Сыму, причемъ во время своихъ перекочевокъ доходилъ на югѣ до рр. Кети и Кеми, а сугланъ его былъ по Сыми же въ 7 в. отъ дер. Ярцевой; Питско-Варагонскій родъ обиталъ въ бассейнѣ праваго притока Енисея Б. Пита, въ районѣ золотыхъ пріисковъ Сѣв. и Южн.-Енисейскихъ системъ, главнымъ образомъ по рр. Б. и М. Питу, Удерею (прит. р. Каменки), Мамону, Вангашу, Калами, Пенченгѣ, Савагликону, Актолику и др. Тамъ же встрѣчался и нынѣ вымершій родъ Верхне-Чумскій (въ 1859 г.—4 д.), выходившій на сугланъ въ д. Усть-Питскую.

Роды I—II—III Куркугирскіе владѣли бассейномъ р. Иркинѣевой (пр. прит. Ангары), гдѣ бродили по самой рѣкѣ, по ея притоку Бѣдобѣ и др. рѣчкамъ; на сугланъ выходили въ дер. Каменскую и Бѣдобинскую. Родъ Каменно-Черноульскій встрѣчался главнымъ образомъ по р. Каменкѣ, пр. притоку Ангары. Сугланъ его находился въ д. Каменской. Относительно остальныхъ родовъ не показано подробно, гдѣ они обыкновенно кочуютъ, сказано лишь, что они бродятъ по небольшимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Верхнюю Тунгуску, и что отсюда они иногда заходятъ въ Киренскій округъ Иркутской губерніи и въ Туруханскій край. Сугланы ихъ были въ дер. Петропавловской, Кежемской и др. Самые южные предѣлы, до которыхъ тогда доходили тунгусы, была р. Она или Бирюса, служащая границей округовъ Канскаго и Нижне-Удинскаго [1]). Конечно эти свѣдѣнія, интересныя сами по себѣ, могутъ дать лишь общее представленіе о разселеніи тунгусовъ въ Енисейскомъ округѣ въ настоящее время, но несомнѣнно, что въ деталяхъ оно совершенно измѣнилось: многіе роды съ тѣхъ поръ почти вымерли, другіе передвинулись въ области сосѣднихъ родовъ, забросивъ цѣлые районы, гдѣ прежде часто встрѣчались. Однимъ словомъ. вѣрнымъ осталось лишь то, что бассейнъ р. Ангары за исключеніемъ ея береговъ и нижняго теченія ея крупныхъ притоковъ заселенъ и по сейчасъ лишь тунгусами. Насколько однако наши свѣдѣнія относительно настоящаго распространенія тунгусовъ даннаго края отрывочны и ничтожны, видно изъ слѣдующаго отношенія Енисейскаго губернатора отъ 27 іюля 1900 г., которое показываетъ, что даже мѣстное начальство, постоянно имѣющее дѣло съ этими

[1]) Кн. Костровъ, ibid., 84.

тунгусами, весьма мало освѣдомлено о томъ, гдѣ бродятъ въ настоящее время отдѣльные роды этихъ инородцевъ, какова ихъ численность и что стало со многими прежде довольно многочисленными родами (Милитскій, Питско-Варагонскій), которыхъ перепись или вовсе не обнаружила или лишь нашла въ видѣ ничтожныхъ остатковъ. Это отношеніе гласитъ:

«Изъ десяти (тунгусскихъ) бродячихъ родовъ: Милитскій, Питско-Варагонскій, Верхне - Чумскій и Сымско - Касовскій остяцкій стоятъ въ вѣдѣніи Анциферовской волости Енисейскаго уѣзда. Изъ числа этихъ послѣднихъ родовъ временами появляется незначительная часть инородцевъ, которые затѣмъ опять уходятъ, разбредаясь по многочисленнымъ притокамъ р. Енисея; значительная же часть ихъ, какъ нужно полагать, или вымерла или откочевала въ какія-нибудь отдаленныя мѣста. Въ хранящемся въ Анциферовскомъ волостномъ правленіи переписномъ матеріалѣ (при семъ прилагаемомъ въ копіи съ третьяго экземпляра переписныхъ листовъ) свѣдѣній о томъ, къ какому именно изъ переписанныхъ родовъ относятся внесенные въ переписные листы инородцы, не имѣется, но по сличеніи ихъ фамилій съ переписью (т. е. ревизіей) 1858 г. фамиліи Типкановыхъ, Имляковыхъ, Усаровыхъ, Кетскихъ, Горбуновыхъ и Левенковыхъ принадлежатъ къ Сымско-Касовскому роду, Лихачевы же къ Милитскому, а Делицины и Кузнецовы къ Питско-Варагонскому роду.

Инородцы, проживающіе въ районѣ Пинчугской и Кежемской волости Енисейскаго уѣзда ко дню переписи 1897 г., хотя и были на лицо, но не всѣ, а только лишь нѣкоторая часть ихъ и то вышедшіе случайно въ д. Яркину, Бѣдобинскую, Каменскую и Коновалову, по словамъ которыхъ и были составлены переписные листы по Пингугской волости слѣдующихъ родовъ: Ятоульскаго, II и III Куркугирскаго, Каменно-Черноульскаго и Нанудальскаго, а по Кежемской волости: Чемдальскаго, I Куркугирскаго, I Лапагирскаго и Панкагирскаго. Остальная часть этихъ родовъ разбрелась по рч. Таймурѣ (л. прит. Н. Тунг.) и р. Ленѣ Киренскаго округа Иркутской губерніи и выходитъ на сугланъ въ с. Преображенскомъ (Преобр. вол. Киренскаго округа), а нѣкоторые ушли въ Туруханскій край и по р. Вилюю Якутской области. II Лапагирскій родъ весь вымеръ, а изъ I Лапагирскаго ко

дню переписи былъ лишь одинъ инородецъ[1]), остальные по слухамъ тоже вымерли отъ оспы (куликанъ)».

Не заключая въ себѣ данныхъ о подробномъ разселеніи по округу тунгусовъ въ 1897 г., перепись все же даетъ приблизительныя указанія касательно этого явленія, распредѣляя мѣстное тунгусское населеніе по мѣсту приписки, а отдѣльныя семейства и по мѣсту нахожденія. Такимъ образомъ, въ *Казачинской* вол., въ самой южной части округа, было встрѣчено всего 5 д. (3 м.) тунгусовъ.

Въ *Анциферовской* вол., занимающей всю сѣверную половину округа, было зарегистрировано всего 70 д. (40 м.) тунгусовъ, изъ коихъ лишь у 6 д. (2 м.) былъ указанъ Питско-Варагонскій родъ. Изъ этихъ тунгусовъ 31 д. (19 м.) были переписаны по лѣвую сторону Енисея, именно 10 д. (7 м.) по р. М. Касъ (прит. Б. Каса, л. пр. Енисея) и 21 д. (12 м.) по р. Оленьей (пр. притокъ Кети ?). Но и эти тунгусы не могутъ быть вполнѣ отожествлены съ Милитскимъ родомъ, кочевавшимъ прежде въ этихъ мѣстахъ и состоявшемъ въ 1859 г. изъ 127 душъ, потому что уже Кастренъ упоминаетъ, что въ его время (въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія) часть тунгусовъ съ р. Питъ перебралась на западный берегъ Енисея и бродила по Кети. Изъ остальныхъ тунгусовъ 21 д. (13 м.) были застигнуты въ районѣ С. Енисейскаго горнаго округа въ бассейнѣ р. Б. Питъ (изъ нихъ 8 д. по рч. Нойбѣ, прит. р. Теи, и 13 д. по рч. Оллонокону); въ другихъ мѣстахъ волости было переписано еще 18 д. (8 м.). Въ образцахъ рѣчи тунгусовъ, собранныхъ одновременно съ переписью, кромѣ р. Б. Пита въ этомъ районѣ упоминается еще р. Кадра. Такимъ образомъ, если всѣхъ тунгусовъ, застигнутыхъ въ районѣ С. Енисейскаго горнаго округа, и признать принадлежащими къ Питско-Варагонскому роду, то и то ихъ нынѣшняя численность—33 д. (17 м.) окажется значительно меньшей противъ 1859 г. (98 д.). Верхне-Чумскій же родъ (въ 1859 г.—4 д.) нынѣ вымеръ совершенно.

Однимъ словомъ, въ предѣлахъ района Анциферовской волости число тунгусовъ уменьшилось противъ 1859 г. въ нѣсколько разъ, что, какъ мы видѣли (см. стр. 158), отчасти можетъ быть зависитъ отъ неполноты данныхъ переписи относительно этихъ родовъ.

---

[1]) По даннымъ переписи отъ II Лапагирскаго р. сохранилось 12 д. 6 м.), а I Лапагирскій вымеръ (стр. 160).

Лучше сохранились тунгусы въ районахъ волостей Пинчугской и Кежемской, расположенныхъ по Ангарѣ.

Къ *Пинчугской* волости приписано пять родовъ тунгусовъ: Каменно-Черноульскій, Нанудальскій, Ятоульскій, II и III Куркугирскіе (см. стр. 157). Общая ихъ численность простирается по даннымъ переписи до 60 сем. и 335 д. (187 м.), не считая 1 русской, жены тунгуса. Судя по району Пинчугской волости мѣстные тунгусы кочуютъ въ бассейнѣ болѣе нижняго теченія Ангары, по ея притокамъ Татаркѣ (Татарской), Рыбной, Каменкѣ, Иркинѣевой, Карабухи и т. д. Въ образцахъ рѣчи тунгусовъ упоминаются еще рѣки: Подголецъ и Шаарганъ.

Сверхъ того среди русскаго населенія волости было зарегистрировано 50 д. (26 м.) тунгусовъ, въ т. ч. 17 д. (9 м.) въ д. Гавриловой, или всего въ районѣ Пинчугской волости было найдено 385 д. (213 м.) тунгусовъ.

Остальные мѣстные тунгусы приписаны къ *Кежемской* волости, земли которой расположены тоже по Ангарѣ, но выше по ея теченію. Это роды— I Куркугирскій, который по вышеприведенному источнику (стр. 157) бродилъ прежде въ бассейнѣ р. Иркинѣевой, находящейся въ районѣ Пинчугской волости. Въ немъ въ 1897 г. числилось 491 д. (251 м.) при 67 семьяхъ, Чамдальскій—56 сем. и 276 д. (137 м.), Папкагирскій 69 д. (38 м.) и II Лапагирскій численностью въ 12 д. (6 м.). Съ 2 д., записанными въ русской деревнѣ, общее ихъ число простирается, не считая 1 русскаго, до 850 д. (434 м.) при 138 хозяйствахъ (въ т. ч. 3 одиночныхъ).

Относительно тунгусскихъ родовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Пинчугской и Кежемской волостей, въ спискахъ населенныхъ мѣстъ 1859 г. имѣется лишь огульная цифра, показывающая, что тогда ихъ численность опредѣлялась въ 1206 душъ [1]), между тѣмъ какъ перепись 1897 г. нашла здѣсь лишь 1183 д. (619 м.) бродячихъ тунгусовъ при 198 хозяйствахъ или семьяхъ, что показываетъ маленькую убыль въ 23 души, которая, однако, съ лихвой покрывается 52 (28 м.) тунгусами, проживавшими въ русскихъ селеніяхъ названныхъ волостей.

Какъ измѣнилась численность отдѣльныхъ родовъ, мы на

[1]) Латкинъ („Енисейская губернія“, стр. 123) опредѣляетъ число тунгусовъ Енисейскаго округа для второй половины 60-хъ годовъ въ 584 м. и 564 ж., но онъ изъ отдѣльныхъ ихъ родовъ упоминаетъ лишь 1—2—3 Куркугирскіе, Ятоульскій и Нанудальскій.

основаніи вышеприведеннаго заключить не можемъ, одно лишь извѣстно, что Лапагирскій I родъ окончательно вымеръ.

Южнѣе Ангары тунгусы очень малочисленны и свѣдѣній о нихъ почти не имѣется. Въ припискѣ къ одному изъ образцовъ тунгусскихъ нарѣчій, записанныхъ въ районѣ Южно-Енисейскаго горнаго округа, сообщается о нихъ слѣдующее: «Во всей Южно-Енисейской тайгѣ никакихъ инородческихъ поселковъ нѣтъ. Бывшіе мѣстные старожилы тунгусы удалились въ глухую тайгу и на пріискахъ являются только время отъ времени отдѣльными семьями, переходя съ зимнихъ стоянокъ на лѣтнія. Въ XXVI переписномъ участкѣ въ этомъ году тунгусовъ не видѣли». Принадлежатъ-ли эти тунгусы къ тѣмъ же родамъ, что бродятъ къ сѣверу отъ Ангары, что весьма вѣроятно, а также какова ихъ численность не извѣстно.

Кромѣ мѣстныхъ тунгусовъ въ Енисейскомъ округѣ было переписано небольшое ихъ число перешедшее сюда изъ смежныхъ мѣстностей: 3 ч. изъ Туруханскаго края и 20 чел. (9 м.), принадлежащихъ къ Нижне-Илимскому вѣдомству Киренскаго округа, изъ Иркутской губерніи.

Общее число тунгусовъ, застигнутыхъ переписью въ предѣлахъ Енисейскаго округа, простирается до 1333 д. (702 м.) изъ коихъ 1310 д. (690 м.) мѣстныхъ.

Тунгусы, живущіе среди другихъ народностей, отчасти образуютъ съ ними смѣшанныя семьи, почему для опредѣленія размѣра хозяйства или семьи слѣдуетъ обратиться лишь къ бродячимъ, живущимъ еще родами. У нихъ на среднее хозяйство приходится 5,9 душъ. Отношеніе обоихъ половъ не особенно благопріятно: у бродячихъ родовъ Кежемской и Пинчугской волостей на 100 м. —91 ж., у всего же тунгусскаго населенія 90 жен.

Туруханскій край.

Здѣсь средоточіемъ тунгусскаго населенія является бассейнъ верхняго и средняго теченія р. Хатанги. Второе мѣсто занимаетъ бассейнъ верхней и средней р. Пясины и окрестности Хантайскихъ озеръ. Не мало тунгусовъ проживаетъ по Нижней Тунгускѣ, за исключеніемъ самаго нижняго ея теченія,

по Курейкѣ, по Енисею и въ его ближайшихъ окрестностяхъ; меньше здѣсь было зарегистрировано тунгусовъ съ верховьевъ Таймыра, Оленека, Вилюя и съ верхняго теченія Таза [1]). Впрочемъ, такъ какъ Оленекъ и Вилюй протекаютъ по Якутской области, то большее ихъ число было зарегистрировано въ Вилюйскомъ округѣ.

Бассейнъ р. *Хатанги.* Эта рѣка состоитъ изъ двухъ истоковъ: западнаго—Хотуя (Котуя), гдѣ зарегистрировано—143 д. и восточнаго—Моньеро (Моэра)—32 д. По лѣвому притоку Хатанги Хетѣ проживаетъ огромная масса тунгусовъ или около 400 чел., изъ коихъ 85 ч. было записано по ея притоку Разсохѣ, 60 чел. по р. Волочанкѣ, 31 по Боганидѣ; изъ другихъ притоковъ ея въ переписи чаще упоминаются: Польская, Горѣлая, Сварма, Меймечи и др. Въ другихъ мѣстахъ средняго (?) теченія Хатанги было зарегистрировано 146 д. У озеръ, расположенныхъ между Хотуемъ и Моньерой—Хомеска (Комешка) и Бойболи (Воеволи) было отмѣчено 51 человѣкъ.

Всего въ бассейнѣ Хатанги въ 1897 г. проживало не менѣе 800 душъ Туруханскихъ тунгусовъ.

Многочисленны въ этой мѣстности, главнымъ образомъ у оз. Джоссэ и въ его окрестностяхъ и тунгусы Вилюйскіе, переписанные отчасти въ предѣлахъ Вилюйскаго округа. О нихъ (см. стр. 80).

Какъ видно изъ вышеприведеннаго, чисто тунгусской областью въ бассейнѣ Хатанги является лишь ея болѣе верхнее теченіе, приблизительно къ югу отъ 71° 30' с. ш. Сѣвернѣе къ нимъ примѣшиваются якуты и долгане Тунгусскаго и Ессейскаго родовъ, часть которыхъ обитаетъ по рр. Хетѣ, Разсохѣ и т. д., а также самоѣды Вадѣевскаго и Авамскаго родовъ, особенно многочисленные по р. Боганидѣ (220 д.), гдѣ они и составляютъ главную часть населенія. Къ сѣверу отъ устья Хеты число тунгусовъ убываетъ, а отъ устья р. Новой, преобладающую роль начинаютъ играть самоѣды. Во многихъ мѣстахъ по Хатангѣ имѣются небольшія русскія селенія

[1]) Въ виду недостаточной подробности имѣющихся картъ сѣвера Енисейской губерніи, мѣстоположенія лишь части упоминаемыхъ въ переписномъ матеріалѣ рѣчекъ, озеръ и урочищъ могли быть отысканы. На этомъ основаніи наша племенная карта (№ 1) показываетъ лишь приблизительные предѣлы распространенія тунгусскаго племени въ Туруханскомъ краѣ.

(станки), населеніе которыхъ равно 356 д. (въ т. ч. русскихъ 60%, якутовъ 35% и тунгусовъ 5%).

Бассейнъ р. *Пясины*. Главная масса тунгусовъ проживаетъ здѣсь у группы озеръ Норильскихъ, откуда она беретъ свое начало. Здѣсь ихъ въ 1897 г. было не менѣе 152 чел. Весьма много ихъ обитаютъ по правому ея притоку Дудыптѣ (245 ч.) съ ея притоками: р. Авамъ (111 ч.), берущей начало въ хребтѣ Путорама, Костыхтахъ и другими. Въ другихъ мѣстахъ верхняго теченія Пясины было переписано около 20 чел. или всего по неполному счету въ ея бассейнѣ было отмѣчено около 450 чел. тунгусовъ.

Кромѣ тунгусовъ въ тѣхъ же мѣстахъ живутъ и инородцы Долгано-Тунгусскаго рода и самоѣды Авамскаго рода. Первые въ бассейнѣ Пясины занимаютъ главнымъ образомъ ея верхнее теченіе—группу озеръ Норильскихъ (114 ч.) и верхнее теченіе Дудыпты (90 ч.), вторые обитаютъ по Аваму (185 ч.), Пясинѣ (280 ч.) и т. д. Такимъ образомъ, насколько можно судить по даннымъ переписи, въ бассейнѣ Пясины тунгусы не имѣютъ строго опредѣленнаго района. Если сложить число тунгусовъ, проживающихъ въ бассейнахъ Хатанги и Пясины и около прилегающихъ къ нимъ озеръ, то получится до 1.300 душъ, что составляетъ 72% всѣхъ тунгусовъ Туруханскаго края.

У группы *озеръ Хантайскихъ*, дающихъ начало рч. Хантайкѣ, пр. притоку Енисея, было зарегистрировано 116 чел. тунгусовъ. Здѣсь же обитаютъ самоѣды, которыхъ больше по р. Хантайкѣ.

По верхнему теченію р. *Курейки* и по ея притоку Ехтаму зарегистрировано 75 тунгусовъ и около оз. Мундуйскаго или Мантуйскаго, расположеннаго по лѣвую сторону отъ этой рѣки, въ 140—160 вер. отъ Енисея,—46 чел. Менѣе многочисленны здѣсь самоѣды разныхъ родовъ и Енисейскіе остяки, проживающіе болѣе въ ея среднемъ и нижнемъ теченіи.

Къ западу отъ описаннаго района тунгусы встрѣчаются уже спорадически среди преобладающаго населенія другихъ національностей.

По *Енисею* они встрѣчаются отдѣльными семьями и лицами среди русскихъ, самоѣдовъ и Енисейскихъ остяковъ, причемъ наличное ихъ число не превышаетъ здѣсь 100 чел. Кромѣ того около оз. Карасинскаго, у праваго берега Енисея,

ихъ было записано 20 д. Самый сѣверный пунктъ, до котораго они доходили по Енисею въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія, было сел. Дудинское, 50 вер. ниже Туруханска (кн. Костровъ, l. c., 84).

По р. *Поколъ-кы*, л. притоку Енисея, подъ 64° с. ш., было застигнуто переписью 20 тунгусовъ.

Въ бассейнѣ р. *Таза* тунгусы встрѣчаются сравнительно въ значительномъ числѣ лишь въ верховьяхъ праваго его притока Худосеи, гдѣ ихъ оказалось 47 д.; по остальному ея теченію живутъ исключительно самоѣды, которые господствуютъ и по р. Тазу, гдѣ было зарегистрировано всего 15 д. тунгусовъ, и во всей окружающей мѣстности.

Въ прежнія времена по лѣвую сторону Енисея жилъ лишь одинъ Милитскій родъ, бродившій по р. Сыму, всѣ же прочіе роды проживали по правую его сторону, въ виду чего нахожденіе тунгусовъ этихъ послѣднихъ родовъ къ западу отъ названной рѣки свидѣтельствуетъ, что переселеніе тунгусовъ за Енисей совершилось сравнительно недавно, причемъ начало этого передвиженія не восходитъ за первую четверть истекшаго столѣтія. Миддендорфъ отмѣтилъ это переселеніе тунгусовъ на западъ, какъ явленіе новое, тоже кн. Костровъ въ 50-хъ годахъ (см. ниже).

Рѣка *Нижняя Тунгуска*, за исключеніемъ самаго нижняго ея теченія, о которомъ перепись умалчиваетъ и гдѣ встрѣчаются самоѣды, всецѣло принадлежитъ области тунгусовъ, которыхъ здѣсь по переписи было зарегистрировано не свыше 150 чел. Изъ нихъ 20 ч. кочевали по ея правому притоку Хочучумѣ и 16 ч. по ея притоку Тембечи, 50 чел. по рч Ембечи (?), 20 ч. при р. Тимэръ и т. д.

Бассейнъ *Подкаменной Тунгуски*, сѣверная часть которой тоже принадлежитъ къ Туруханскому краю, вовсе не упоминается въ переписи какъ мѣстопребываніе тунгусовъ, а лишь Енисейскихъ остяковъ, которымъ принадлежитъ нижнее и среднее теченіе этой рѣки и которые тамъ многочисленны.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что верхнее ея теченіе и отчасти среднее тоже входитъ въ сферу кочевій тунгусовъ, заходящихъ сюда изъ бассейновъ Нижней и Верхней Тунгуски. Объ этой рѣкѣ уже Кастренъ въ 40-ые годы истекшаго столѣтія сообщалъ слѣдующее: «Подкаменную Тунгуску въ нѣкоторые годы посѣщаютъ Сумароковскіе остяки, которые под-

нимаются по ней, чтобы провести зиму въ гористыхъ мѣстностяхъ. Жили по этой рѣкѣ прежде и тунгусы, но, по слухамъ, они впослѣдствіи въ полномъ составѣ выселились на р. Елогуй» [1]).

По *Таймыру* тунгусы встрѣчаются лишь въ верховьяхъ, въ числѣ около 20 чел., главная же часть населенія этой рѣки состоитъ изъ долганъ Ессейскаго рода и изъ Авамскихъ самоѣдовъ.

Часть тунгусовъ показала свое постоянное мѣстопребываніе въ предѣлахъ смежной Якутской области, прилегающая часть которой всецѣло входитъ въ районъ тунгусскихъ кочевій. Изъ рѣкъ, протекающихъ по Вилюйскому округу Якутской области, верховья которыхъ находятся отчасти въ предѣлахъ, отчасти близъ границы Енисейской, суть: Анабара, Оленекъ и Вилюй.

Р. *Анабара* въ своей нижней части населена главнымъ образомъ якутами, тунгусы въ ничтожномъ числѣ встрѣчаются лишь въ ея верхнемъ теченіи.

По *Оленеку* тунгусы проживаютъ по всему его протяженію, но перепись въ предѣлахъ Туруханскаго края отмѣтила ихъ лишь 24 д. въ его верховьяхъ. Объ остальныхъ см. стр. 81.

Въ верховьяхъ *Вилюя* было обнаружено 24 тунгуса. Довольно многочисленны они и во всей окружающей мѣстности около озеръ, часть которыхъ лежитъ въ предѣлахъ Енисейской губерніи и часть въ Вилюйскомъ округѣ: оз. Чюринда или Сюринда (Сюрунгна) 93 тунгуса, Еканда (Якончна) 52 чел., Томпоко (Темпеке) 26 чел., оба послѣднихъ въ Енис. губ., и т. д. Относительно перваго и отчасти другихъ озеръ намъ извѣстно, что глубокой осенью и зимой сюда стекаются ради рыбной ловли и торговли тунгусы съ Нижней Тунгуски, съ оз. Жоссея и изъ Вилюйскаго округа [2]).

Вышеприведенныя числа не исчерпываютъ всего числа тунгусовъ, проживающихъ въ упомянутыхъ бассейнахъ рѣкъ, потому что многіе тунгусы показали мѣстопребываніе по разнымъ рѣчкамъ, озерамъ и въ урочищахъ, мѣстоположеніе которыхъ не могло быть найдено на 100-верстной картѣ. Таковы р. Ирба (30 д.) и озера: Компаково (9 д.), Ивакáнъ (22 д.),

[1]) „Reiseber. u. Br. aus d. J. 1845—49“, 476.
[2]) Маакъ, l. c., II (2 изд.), 113 и стр. 80—81 наст. труда.

Делинда (13 д.), Морюкта (12 д.), Хонда (13 д.), Китъ (34 д.) [1]), Чоча (9 д.) и другія.

Обращаясь къ географическому распредѣленію тунгусовъ Туруханскаго края въ первой половинѣ истекшаго столѣтія по «Спискамъ населенныхъ мѣстъ Енисейской губерніи за 1859 г.» мы не можемъ не замѣтить въ этомъ отношеніи значительной разницы, которую однако лишь отчасти можно приписать дѣйствительной перемѣнѣ въ районахъ кочевій отдѣльныхъ родовъ тунгусовъ и отдѣльныхъ племенъ инородцевъ съ того времени. Въ значительной же степени эта разница объясняется неточностью свѣдѣній касательно этого предмета у разныхъ авторовъ 30—50-хъ годовъ, а также въ Спискахъ населенныхъ мѣстъ за 1859 г., когда каждому роду былъ пріуроченъ свой строго опредѣленный районъ кочевокъ, что на дѣлѣ далеко не всегда не бываетъ. Не только представители родовъ одного и того же племени, но и разныхъ народностей сплошь да рядомъ кочуютъ въ однихъ и тѣхъ же бассейнахъ рѣкъ, причемъ весьма трудно, если вообще возможно, провести между ихъ постоянно измѣняющимися районами точную демаркаціонную линію. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что каждый родъ имѣетъ и по сейчасъ свое коренное мѣстожительство по берегамъ какой-нибудь рѣки или озера, которое онъ считаетъ своимъ владѣніемъ и которое онъ старается охранять отъ вторженія со стороны своихъ сосѣдей.

Изъ отдѣльныхъ рѣкъ, по берегамъ которыхъ по даннымъ упомянутаго выше источника, проживали тунгусы тамъ упомянуты слѣдующія: Нижняя Тунгуска, Богапида (л. прит. Хеты), Курейка, Дудина и Сѣверная (пр. притокъ Подкаменной Тунгуски) и изъ озеръ: Ессей, Вайволи, Мантуйское (Мундуйское), Хантайское и группа Норильскихъ озеръ. Не встрѣчаемъ мы здѣсь лишь двухъ истоковъ р. Хатанги (рр. Хотуй и Моньеро) и большаго ея лѣваго притока Хеты, по которымъ, согласно даннымъ переписи, проживаетъ главная масса тунгусовъ края. Это обстоятельство слѣдуетъ приписать неточности данныхъ 1859 г., потому что врядъ ли можно предположить, чтобы масса тунгусовъ, которая теперь бродитъ въ бассейнѣ верхней Хатанги, не встрѣчалась тамъ и раньше, а переселилась туда лишь позже, вытѣснивъ оттуда якутовъ. За-

[1]) Можетъ быть оз. Кето, одно изъ Норильскихъ.

тундринскаго рода, которымъ «Списки нас. мѣстъ 1859 г.» отводятъ бассейнъ (верхней) Хатанги, Хету и оз. Ессей. Дѣйствительно, Третьяковъ за 60-е годы истекшаго столѣтія упоминаетъ и объ Хетѣ, какъ мѣстопребываніи тунгусовъ (2 Лѣтній и отчасти Боганидскій роды), помѣщая въ списокъ рѣкъ, обитаемыхъ тунгусами, еще лѣвые притоки Илимпеи, рр. Туру или Турыгу (басс. Н. Тунгуски) и Авамъ [1]).

Также и долгане обоихъ родовъ проживали въ 1859 г. по указанному источнику нѣсколько въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ въ 1897 г., именно Долгано-Ессейскій родъ по Третьякову по обѣ стороны Хатанги и Хеты, а по Латкину по р. Дудинѣ, и Долгано-Тунгусскій по послѣднему автору по рр. Пясинѣ и Аваму и по первому между озерами Мантуйскимъ и Быстринскимъ и по тундрѣ около вершины Авама.

Мы здѣсь не станемъ останавливаться болѣе детально на вопросѣ о разселеніи тунгусскаго племени по Туруханскому краю нынѣ и 38 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ это отчасти будетъ сдѣлано во II части настоящаго труда, въ главѣ, посвященной родамъ тунгусовъ, а перейдемъ къ ихъ численности.

По даннымъ переписи въ предѣлахъ Туруханскаго края было застигнуто переписью 1.831 д. (956 м.) тунгусовъ [2]), изъ коихъ лишь 44 д. (22 м.) проживали въ русскихъ поселкахъ, 5 д. (1 м.) въ Туруханскѣ и 47 д. (15 м.) входили въ составъ семей другихъ инородцевъ края (якутовъ, долганъ, самоѣдовъ и т. д.). Всѣ остальные кочевали по разнымъ рѣкамъ и урочишамъ. 1.735 д. (918 м.) тунгусовъ (вмѣстѣ съ 21 д. [2 м.] постороннихъ), жившихъ въ самостоятельныхъ кочевьяхъ и стойбищахъ, были сгруппированы въ 315 хозяйствъ (въ т. ч. 5 одинокихъ), каждое изъ коихъ помѣщалось въ самостоятельной юртѣ. О прежней численности этихъ тунгусовъ см. ниже.

Всего въ Енисейской губерніи, т. е. въ Енисейскомъ округѣ съ Туруханскимъ краемъ, по переписи 1897 г. оказалось 3.169 тунгусовъ, изъ коихъ 1.662 мужчинъ (на 100 м.—91 женщ.). Изъ нихъ 2.907 д. (1.529 м.), зарегистрированныхъ въ

---

[1]) „Туруханскій край", 159—160.

[2]) Сверхъ того въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области было переписано до 1.000 д. тунгусовъ Вилюйскихъ родовъ, проживающихъ обыкновенно въ районѣ оз. Джоссэ и сліянія рр. Хотуя и Моньеро (стр. 80—81).

самостоятельныхъ стойбищахъ и кочевьяхъ, образовали 517 хозяйствъ или семействъ (1 хозяйство или семейство состоитъ изъ 5,6 д.). Противъ 1859 г. (2.830 д.) тунгусское населеніе округа возросло на 339 д. об. п. или за 38 л. на 11,9%.

Внѣ Енисейскаго округа и Туруханскаго края перепись отмѣтила всего 5 д. (4 м.) тунгусовъ, изъ коихъ 4 д. (3 м.) въ Канскомъ округѣ и 1 м. въ Красноярскомъ. (Эти числа включены въ вышеприведенное число тунгусовъ Енисейскаго округа).

ТАБЛИЦА XVI.

Названія районовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.			Число душъ въ хоз.	% женщ. на 100 мужч.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Енисейскій округъ .	702	631	1.333	5,9	90
2. Туруханскій край .	956	875	1.831	5,5(5,6)	92
3. Канскій округъ . . .	4 [1])	1	5 [1])	—	—
Итого	**1.662** [1])	**1.507**	**3.169** [1])	**5,6**	**91**

§ 8. Итоги численности тунгусскаго населенія.

Сгруппировавъ въ одно цифровыя данныя о численности тунгусовъ въ отдѣльныхъ областяхъ и губерніяхъ Сибири, мы получимъ слѣдующую таблицу, показывающую, что наличное тунгусское населеніе упомянутой страны (включая орочоновъ) простиралось по даннымъ переписи 1897 г. до 62.068 д. об. п. (31.375 м.).

[1]) Въ т. ч. 1 м. въ округѣ Красноярскомъ.

ТАБЛИЦА XVII.

Названія губерній и областей.	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душ. въ хоз.	% женщ. на 100 мужч.
	м. п.	ж. п	об. п.		
1. Приморская область.	4.544	4.304	8.848	5,2—9,4	95
2. Амурская „ .	623	481	1.104	3,0—5,7	77
3. Сахалинъ, островъ .	83	60	143	5,0—6,2	72
4. Якутская область . .	6.251	5.980	12.231	5,4	96
5. Иркутская губ. . . .	1.103	1.088	2.191	4,0—4,9	98
6. Забайкальская обл. .	17.108	17.271	34.379	4,5—7,9	101
7. Енисейская губ . . .	1.662	1.507	3.169	5,6	91
Итого . . .	**31.375** [1]	**30.693** [1]	**62.068** [1]	**ок. 5,5**	**98**

Выражаютъ-ли, однако, эти цифры дѣйствительную численность тунгусскаго населенія въ исходѣ истекшаго столѣтія или на нихъ слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на приблизительную, хотя и близкую къ истинѣ, величину?

Мы рѣшительно должны высказаться въ послѣднемъ смыслѣ, признавъ цифру 62.068 д. какъ близкое къ дѣйствительности, но минимальное, число представителей тунгусскаго племени въ Сибири. Дѣйствительно, какъ бы тщательно не производилась перепись, учесть всѣхъ бродячихъ инородцевъ, постоянно мѣняющихъ свое мѣстопребываніе и скитающихся среди необъятныхъ лѣсовъ и пустынныхъ пространствъ сѣверной Азіи, нѣтъ никакой возможности и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кочевья небольшихъ группъ инородцевъ оказывались извѣстными, совершать туда далекія и весьма тяжелыя поѣздки ради учета нѣсколькихъ лицъ потребовало бы значительныя перевозочныя средства и столько денегъ и времени, что эти затраты не находились бы ни въ какомъ соотвѣтствіи съ полученными результатами. Въ виду этого свѣдѣнія о бродячихъ инородцахъ собирались по большей части со словъ старшинъ инородческихъ во время сугановъ т. е. ежегод-

[1]) Въ т. ч. 1 м. и 1 ж. въ Томскомъ округѣ Томской и 1 ж. въ Березовскомъ округѣ Тобольской губ.

ныхъ съѣздовъ представителей отдѣльныхъ родовъ или группъ инородцевъ въ заранѣе назначенныхъ мѣстахъ ради уплаты ясака и обмѣна товаровъ. Хотя старшины по большей части и знаютъ всѣхъ своихъ однообщественниковъ, но и они далеко не всегда могутъ дать отчетъ о мѣстопребываніи и даже о нахожденіи въ живыхъ *всѣхъ* ихъ и слѣдовательно объ ихъ численности, такъ какъ многія семьи тунгусовъ иногда на цѣлые годы уходятъ въ другія мѣста. Къ тому же старшины не ведутъ книгъ и поэтому въ ихъ устныхъ сообщеніяхъ могутъ быть пропуски. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній и слѣдуетъ признать, что вышеуказанное число грѣшитъ нѣкоторою неполнотою. Такіе недочеты мы отчасти отмѣтили выше: они наблюдаются въ Енисейскомъ округѣ (стр. 156 и 158), въ Колымскомъ округѣ Якутской области (стр. 66), въ Буреинскомъ горномъ округѣ Амурской области (стр. 54) и т. д. Мы думаемъ, что мы не сильно ошибемся, если примемъ общее число пропущенныхъ тунгусовъ въ 1.000 д. об. п.

Другой причиной неполноты данныхъ переписи, касательно численности тунгусовъ, слѣдуетъ считать выселеніе части ихъ на зимнее время изъ Акшинскаго округа Забайкальской области въ Монголію, причемъ число такихъ временныхъ эмигрантовъ мы опредѣлили выше въ 700—1.000 душъ (см. стр. 139). Напротивъ, мы не принимаемъ въ разсчетъ орочоновъ, выселившихся изъ Амурской области въ Манчжурію, потому что, хотя часть ихъ и продолжала долгое время платить ясакъ русскому правительству, но они имѣютъ повидимому постоянное мѣстожительство въ предѣлахъ Китайской имперіи, откуда лишь изрѣдка посѣщаютъ русскіе предѣлы.

Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что небольшая часть тунгусовъ потому ускользнула отъ переписи, что настолько слилась съ кореннымъ населеніемъ другихъ національностей, что не могла быть открыта путемъ переписи, напр. небольшая группа тунгусовъ, долго живущая среди якутовъ или бурятовъ и приписавшаяся къ ихъ обществамъ или родамъ часто указываетъ не свой коренной родъ, а тотъ бурятскій или якутскій, который ее принялъ въ свою среду, а такъ какъ у тѣхъ и другихъ сословіе одно и то же (инородцы) и по языку они по большей части не отличаются отъ своихъ сосѣдей (кочевые и полуосѣдлые тунгусы почти всѣ утратили родной языкъ), то выдѣлить ихъ изъ среды бурятовъ и якутовъ

представлялось возможнымъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣлись какія-нибудь приписки въ переписномъ матеріалѣ, напр. если вмѣсто указанія сословія — «инородецъ» значилось «тунгусъ», «бурятъ» и т. д., а такія помѣтки встрѣчаются въ матеріалѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ значительныя группы тунгусовъ или иныхъ національностей жили среди другихъ племенъ. То же самое касается обрусѣлыхъ тунгусовъ, проживающихъ въ русскихъ волостяхъ и въ городахъ, гдѣ присутствіе обрусѣлыхъ же бурятовъ, якутовъ и другихъ инородцевъ не даетъ возможности точно опредѣлить настоящее число представителей каждаго племени.

Если мы примемъ недочетъ въ переписи касательно численности тунгусовъ въ данномъ случаѣ равнымъ 400—500 д., то общее число тунгусовъ, не вошедшихъ въ вышеуказанное число въ 62.068 д., будетъ простираться по меньшей мѣрѣ до 2.000—2.500 душъ, иначе говоря, наличное число представителей этого племени въ Сибири должно было простираться въ концѣ XIX столѣтія въ круглыхъ числахъ до 64.500 д. об. пола.

Указавъ на эти недочеты въ переписныхъ данныхъ, мы однако въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ пользоваться лишь приведенными выше данными, какъ единственными реальными и точными цифровыми величинами.

Какъ видно изъ 5 гр. XVII таблицы размѣры хозяйствъ колеблятся у тунгусовъ Сибири между и 3,0 и 9,4 д., причемъ наименьшія (3,0 д.) наблюдаются въ Амурской области, именно въ Буреинскомъ горномъ округѣ, гдѣ населеніе главнымъ образомъ пришлое, и отчасти въ Балаганскомъ и Верхолепскомъ округахъ Иркутской губерніи (4,0 и 4,3 д.), гдѣ тунгусы составляютъ маленькія колоніи среди бурятовъ. Наиболѣе крупными хозяйствами отличаются напротивъ тунгусы Петропавловской и Гижигинской округъ Приморской обл. (9,4 и 8,0 д.), а также Читинскіе орочоны (7,9 д.). Среднимъ размѣромъ хозяйства можно принять у тунгусовъ хозяйство въ 5,5 д.

Отношенія половъ (гр. 6) въ общемъ благопріятны (98 жен. на 100 м.); въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ находится въ этомъ отношеніи Забайкальская обл. съ ея полукочевымъ и полуосѣдлымъ населеніемъ (101 ж.). Наименѣе благопріятнымъ это отношеніе представляется у тунгусовъ Саха-

лина и Амурской обл., состоящихъ въ значительной степени (первые вполнѣ) изъ пришлаго населенія, среди котораго мужчины всегда преобладаютъ надъ женщинами.

Плотность населенія. Какъ видно изъ XVI таблицы, тунгусское населеніе Сибири весьма неравномѣрно распредѣлено по ея площади. Такъ, въ сравнительно небольшой Забайкальской области проживаетъ 34.400 душъ или 55,4% всѣхъ тунгусовъ, между тѣмъ какъ остальные 27.700 д. или 44,6% разсѣяны по всѣмъ другимъ мѣстностямъ В. Сибири.

Разница между густотой населенія въ обоихъ этихъ районахъ будетъ еще значительнѣе, если изъ Забайкальской области выдѣлить и присоединить къ остальной части территорію тунгусовъ ея сѣверную довольно обширную окрайну, населенную Читинскими орочонами и Баргузинскими бродячими тунгусами (верхнее теченіе Амазара, Нерчи, Витима, Баргузина и т. д.). Тогда въ остальной части Забайкальской области останется лишь осѣдлое и полуосѣдлое земледѣльческое и скотоводческое тунгусское населеніе, большая часть котораго проживаетъ черезполосно съ русскими и бурятами въ разныхъ районахъ Забайкальской области и меньшая (къ сѣверу отъ Шилки и Ингоды), съ юга тоже окруженная русскими поселками, примыкаетъ къ общей тунгусской области Сибири, занимая однако лишь небольшую часть ея самой южной полосы. Это Урульгинская и Оловская инор. управы Урульгинскаго вѣдомства, состоящія изъ 10.212 д. При такомъ разграниченіи территоріи тунгусовъ Забайкальской области, *осѣдлая* и *полуосѣдлая* ихъ части въ числѣ ок. 33.500 душъ окажутся живущими сравнительно густо—въ Читинскомъ округѣ ихъ вмѣстѣ съ мѣстными русскими и бурятами (сельское населеніе) приходится почти 1,6 д. на 1 квадр. версту (на 1 кв. м. 74,2 д.), между тѣмъ какъ вся остальная, *бродячая*, часть этого племени, численностью въ 28.600 д., раскинулась на необъятномъ пространствѣ, занимающемъ не менѣе 3.600 тысячъ кв. верстъ, что, даже принимая во вниманіе постороннихъ жителей, обитающихъ въ чисто-тунгусскихъ районахъ страны, не составитъ и 0,01 души на квадратную версту или 0,5 д. на 1 кв. милю.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ

тунгусскаго населенія Акшинскаго округа Забайкальской области по сословіямъ и населеннымъ пунктамъ.

Названія станичныхъ округовъ и поселковъ Акшинскаго округа.	Наличное населеніе въ 1897 году.					
	Казаки-инородцы.		Кочевые инородцы		Всего.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
I. БУКУКУНСКАЯ станица. . .	*251*	*258*	*17*	*13*	*268*	*271*
1. Бальджиканскій пос. . . .	53	45	—	—	53	45
2. Кыркунскій „ . . .	63	67	1	—	64	67
3. Букукунскій „ . .	61	69	1	—	62	69
4. Ашенгинскій „ . . .	18	20	—	—	18	20
5. Алтанскій „ . . .	56	57	15	13	71	70
II. ВЕРХНЕ-УЛЬХУНСКАЯ ст.	*230*	*262*	*95*	*111*	*325*	*373*
1. Кырынскій пос.	40	60	76	82	116	142
2. В.-Ульхунскій пос.	60	67	15	11	75	78
3. Тырынскій пос.	130	135	4	18	134	153
III. МАНГУТСКАЯ станица. .	*259*	*288*	*61*	*66*	*320*	*354*
1. Мангутскій пос. (и Ольхонскій дацанъ).	124	113	29	26	153	139
2. Ульхунскій пос.	128	170	28	35	156	205
3. Нижне-Ульхунскій пос. . .	7	5	4	5	11	10
IV. АКШИНСКАЯ станица. . .	—	—	*51*	*51*	*51*	*51*
1. Кундулунскій пос.	—	—	8	5	8	5
2. Усть-Тулунтаевскій пос. .	—	—	4	3	4	3
3. Акшинскій пос. (г. Акша).	—	—	1	2	1	2

Названія станичныхъ округовъ и поселковъ Акшинскаго округа.	Наличное населеніе въ 1897 году.					
	Казаки инородцы.		Кочевые инородцы.		Всего.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
4. Урейскій пос.	—	—	1	4	1	4
5. Нарасунскій „	—	—	27	28	27	28
6. Кирпичный „	—	—	10	9	10	9
V. МОГОЙТУЕВСКАЯ станица.	*137*	*153*	*69*	*76*	*206*	*229*
1. Тохторскій пос.	31	41	16	22	47	63
2. Убыръ-Тохторск. пос. . .	57	65	5	1	62	66
3. Могойтуевскій „ .	49	47	48	53	97	100
VI. ДУРУЛГУЕВСКАЯ станица	*52*	*72*	*89*	*113*	*141*	*185*
1. Кубухаевскій пос.	44	63	5	15	49	78
2. Дурулгуевскій „ . . .	8	8	49	62	57	70
3. Тутхалтуевскій „	—	—	24	26	24	26
4. Куранжинскій „	—	1	11	10	11	11
VII. I ЧИНДАНТСКАЯ станица	*82*	*82*	*40*	*45*	*122*	*127*
1. Чиндантскій I пос. . . .	—	—	—	2	—	2
2. Цасучѣевскій „ . . .	12	11	39	38	51	49
3. Ст. Чиндантскій „ . . .	—	—	—	2	—	2
4. Борзинская партія	70	71	1	3	71	74
VIII. II ЧИНДАНТСКАЯ стан.	*95*	*89*	*89*	*92*	*184*	*181*
1. Кулусутуй пос. . . .	66	61	52	56	118	117
2. Хада-Булукскій „ . . .	—	—	5	1	5	1
3. Чиндантскій II „ . . .	29	28	32	35	61	63
IX. ЦАГАНЪ-ОЛУЕВСКАЯ ст.	*105*	*119*	*71*	*80*	*176*	*199*
1. Соктуй, пос.	15	25	—	—	15	25
2. Кондуй „	—	—	18	11	18	11

Названія станичныхъ округовъ и поселковъ Акшинскаго округа.	Наличное населеніе въ 1897 году.					
	Казаки-инородцы.		Кочевые инородцы.		Всего.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
3. Ключевскій пос. .	44	51	2	4	46	55
4. Абагайтуевскій „ .	28	24	6	14	34	38
5. Цаганъ-Олуевскій „ . .	18	19	11	12	29	31
6. Заимки и урочища . . .	—	—	34	39	34	39
X. ДУРОЕВСКАЯ станица . .	*252*	*217*	*105*	*102*	*357*	*319*
1. Стар. Цуруxайтуй, пос. . .	17	14	6	2	23	16
2. Нов. „ „ . .	26	19	16	14	42	33
3. Урулюнгуйск. пос. (партія)	3	3	7	8	10	11
4. Дуроевскій „	67	49	2	4	69	53
5. Селинда, „	—	—	1	2	1	2
6. Кайласутуй, „	133	128	35	40	168	168
7. Заимки, урочища и т. д.	6	4	38	32	44	36
XI. ЗОРГОЛЬСКАЯ станица . .	*18*	*21*	*131*	*98*	*149*	*119*
1. Зоргольскій пос.	—	3	78	53	78	56
2. Буринскій „	8	10	30	31	38	41
3. Средне-Борзинск. пос. . .	10	8	23	14	33	22
XII. ЧАЛБУЧИНСКАЯ станица	*1*	*2*	*13*	*13*	*14*	*15*
1. Чалбучинскій пос. . . .	—	—	—	—	—	—
2. Бульдуруйскій I „ . . .	1	2	11	13	12	15
3. „ II „ . .	—	—	1	—		—
4. Горбунскій „ . . .	—	—	—	—	—	—
5. Килгинскій „ . . .	—	—	1	—	1	—
Итого	**1.482**	**1.563**	**831**	**860**	**2.313**	**2.423**

Замѣченныя погрѣшности.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
31	20 сн.	1773 1773	1773 1753
51	7 „	Ірязнуха	Грязнуха
56	19 „	133°	117°
87—88	1 сн.—1 св.	708 д. (367 м.)	710 д. (369 м.)
89	13 сн.	1878 д. (1034 м.)	1932 д. (1088 м.)
90	5 „	3166 д. (1689 м.)	3220 д. (1743 м.)
—	4 „	664 д. (404 м.)	718 д. (458 м.)
—	17 св.	Въ кочевого	Въ числѣ кочевого
98	11 сн.	12.629 д. (6.852 м.)	13.152 д. (7186 м.)
—	— „	900	400

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I часть 1 вып.

Предисловіе . . . . . I—XII
Общая характеристика тунгусскихъ племенъ Сибири . . . . . 01—026

ТУНГУСЫ СОБСТВЕННО.

Географическое распространеніе и численность тунгусовъ.

Гл. 1. Орочоны . . . . . 1— 22

Гл. 2. Тунгусы собственно:
Тождественность тунгусовъ и ламутовъ . . 23— 24
§ 1. Распространеніе и численность тунгусовъ въ Приморской области . . . . . 24— 41
§ 2. Распространеніе и численность тунгусовъ на островѣ Сахалинѣ . . . . . 41— 45
§ 3. Распространеніе и численность тунгусовъ въ Амурской области . . . . . 45— 55
§ 4. Распространеніе и численность тунгусовъ въ Якутской области . . . . . 55— 98

Гл. 3. Тунгусы собственно (продолженіе):
§ 5. Распространеніе и численность тунгусовъ въ Иркутской губерніи . . . . . 99—114
§ 6. Распространеніе и численность тунгусовъ въ Забайкальской области . . . . . 114—154
§ 7. Распространеніе и численность тунгусовъ въ Енисейской губерніи . . . . . 154—168
§ 8. Итоги численности тунгусскаго населенія въ Сибири . . . . . 168—172
Приложеніе (къ § 6). Распредѣленіе тунгусовъ Акшинскаго округа по сословіямъ и населеннымъ мѣстамъ . . . . . 173—175

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ
Томъ XXXI, часть I, вып. 2
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ д. ч. **Н. И. Веселовскаго.**

ОПЫТЪ
ГЕОГРАФІИ И СТАТИСТИКИ
тунгусскихъ племенъ Сибири

на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ.

С. ПАТКАНОВЪ.

Und bist du erst ein Mensch geworden,
Dann ist es völlig aus mit dir.

Goethe (Faust).

ЧАСТЬ I

ТУНГУСЫ СОБСТВЕННО

выпускъ 2-й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Библіотека
Императорскаго
Русскаго географическаго
общества
Залъ Шкафъ
Полка №

ГЛАВА I.

Область тунгусовъ въ XVII вѣкѣ и перемѣны, происшедшія въ ней по настоящее время.

Исторія и преданія народовъ въ Сѣверной Азіи даютъ намъ не мало указаній на крупныя передвиженія тунгусскихъ племенъ въ прежнее время. Ограничиваясь Сибирью и собственно тунгусами, мы на основаніи историческихъ документовъ безошибочно можемъ сказать, что тунгусы уже въ XVII ст., по всему вѣроятію еще много раньше того, занимали большую часть площади Сибири отъ Енисея до береговъ Охотскаго моря и что главнымъ факторомъ ихъ дальнѣйшаго разселенія по Восточной Сибири, который ихъ заставилъ мѣстами покинуть свои прежнія владѣнія, мѣстами занять новыя территоріи, было вызванное вторженіемъ казаковъ въ долину р. Лены поступательное движеніе якутовъ.

Будемъ ли мы считать первородиной этого тюркскаго племени, называющаго себя *саха,* южную часть Енисейской губерніи, гдѣ и понынѣ сохранилось родственное племя *сагаи* (*сагайцы)* или мѣстности, расположенныя близъ Байкальскаго озера, гдѣ по мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые выводятъ ихъ изъ Енисейской губерніи, они лишь временно осѣли, но несомнѣнно, что они здѣсь проживали продолжительное время, достаточное для того, чтобы подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей монголо-бурятовъ физически переродиться въ монголовъ [1]).

По свидѣтельству Гмелина у якутовъ его времени были живы преданія, свидѣтельствующія о томъ гнетѣ, который они

[1]) Дальнѣйшее измѣненіе ихъ типа въ томъ же направленіи по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ произошло уже подъ вліяніемъ ихъ смѣшенія съ тунгусами, что однако далеко не вполнѣ убѣдительно, потому что у якутовъ монгольскій типъ гораздо болѣе рѣзко выраженъ, чѣмъ у тунгусовъ собственно.

испытывали отъ своихъ сосѣдей бурятовъ. Тѣснимые съ юга новыми толпами этого племени, вторгшимися въ южную часть Сибири, они стали передвигаться на сѣверъ, встрѣчая во всѣхъ мѣстностяхъ вплоть до средней Лены однихъ тунгусовъ, которые, будучи малочисленнымъ и разбросано живущимъ охотничьимъ племенемъ, принуждены были уступить имъ часть своей страны.

Преданія Ленскихъ якутовъ и тунгусовъ XVII в. передаютъ намъ о кровавыхъ схваткахъ, въ которыхъ тунгусы пытались остановить этотъ потокъ чужеземцевъ въ ихъ страну [1]). Но напрасно,—кочевники якуты, двигаясь сплоченными ордами, всюду одерживали верхъ надъ храбрыми, но плохо вооруженными и почти не организованными въ соціальномъ смыслѣ тунгусами. Добравшись до Ленско-Амгинскаго плоскогорія якуты здѣсь на долго остановились, причемъ удобныя для скотоводства мѣста, главнымъ образомъ по большой кривизнѣ р. Лены, дали имъ возможность вырости въ многочисленный народъ.

Дальнѣйшее поступательное движеніе якутовъ и притомъ направленное во всѣ стороны было вызвано толчкомъ, который имъ дали русскіе во время завоеванія края. Партіи корыстолюбивыхъ казаковъ и промышленниковъ изъ Мангазейскаго, Енисейскаго и Якутскаго остроговъ, дѣйствовавшіе при объясачиваніи мѣстныхъ инородцевъ нерѣдко независимо другъ отъ друга, такъ озлобили и напугали мирныхъ Сибирскихъ аборигеновъ непомѣрными поборами и лихоимствомъ, что среди нихъ начались возстанія, которыя въ свою очередь вызывали карательныя экспедиціи со стороны русскихъ. Въ страхѣ передъ грядущими бѣдствіями инородцы бѣжали въ глухія мѣста, гдѣ они нѣкоторое время считали себя въ безопасности отъ своихъ притѣснителей.

Если мѣста, куда они бѣжали, благопріятствовали ихъ образу жизни и занятіямъ (иногда они впрочемъ, въ виду новыхъ условій, измѣняли то и другое), то они тамъ осѣдали и образовывали маленькія колоніи, которыя постепенно росли путемъ притока новыхъ семействъ изъ коренныхъ мѣстожительствъ этихъ инородцевъ.

---

[1]) Фишеръ: „Сибирск. исторія“, изд. 1774 г., стр. 68.

Не останавливаясь на разсмотрѣніи вопроса о разселеніи тунгусовъ по площади Сибири въ отдаленныя отъ насъ эпохи, на что у насъ не имѣется достовѣрныхъ свѣдѣній, попробуемъ набросать картину ихъ области распространенія въ первой половинѣ XVII ст. (1605—1658 гг.), когда русскіе завоеватели впервые столкнулись съ этимъ народомъ. Постепенно двигаясь отъ Енисея на востокъ, они объясачивали одну группу инородцевъ за другой, сообщая въ своихъ донесеніяхъ цѣнныя данныя о разселеніи въ тѣ времена разныхъ инородческихъ племенъ по отдѣльнымъ рѣчнымъ бассейнамъ. Аналогично ходу завоеванія края и мы начнемъ наше разсмотрѣніе съ запада.

Енисейская губернія.

Первое знакомство русскихъ съ тунгусами было въ 1605 или 1607 г., когда они изъ бассейна р. Таза по р. Туруханy выбрались на Енисей. Тунгусы были многочисленнымъ и воинственнымъ народомъ, который не безъ борьбы подчинился власти Россіи. Въ 1608 г. они подъ начальствомъ своего князя Данула напали на Кузнецкій острогъ, но были разбиты. Тѣмъ не менѣе они продолжали дѣлать набѣги на остяковъ, жившихъ по Кети и подчиненныхъ Кетскому острогу. Главная битва, которую русскіе дали Данулу, происходила въ 1615 г. на берегахъ Енисея. Кромѣ казаковъ русскіе выставили противъ тунгусовъ двѣ орды остяковъ. Тунгусы въ числѣ 300 человѣкъ были одѣты въ одинаковую одежду изъ оленьихъ шкуръ и вооружены пальмами (длинный ножъ на палкѣ), луками и стрѣлами. Какъ признакъ болѣе высокой культуры у этихъ тунгусовъ, по словамъ казаковъ, имѣлись еще шлемы и щиты желѣзные чешуйчатые [1]). Видъ этого воинственнаго племени въ живописныхъ костюмахъ произвелъ на казаковъ, доселѣ видѣвшихъ лишь неповоротливыхъ остя-

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что у весьма многихъ племенъ Сибири во время покоренія ихъ страны русскими, а судя по ихъ героическому эпосу и много раньше, имѣлись металлическія кольчуги чужеземнаго происхожденія, часто съ придѣланными къ нимъ шлемами, которыя въ виду ихъ рѣдкости и дороговизны носились однако лишь ихъ князьками. Остатки такихъ кольчугъ иногда находятъ въ землѣ (См. нашъ трудъ: „Irtysch-Ostjaken“, II, стр. 014 сл.). Примитивныя кольчуги изъ кусковъ желѣза и костей были въ прежнее время въ употребленіи и у инородцевъ крайняго с.-в. Сибири.

ковъ и самоѣдовъ въ широкихъ одеждахъ, не малое впечатлѣніе. Тунгусы проиграли битву и, разбитые на голову, бѣжали, но до полнаго подчиненія Енисейскихъ тунгусовъ прошло не менѣе 10 лѣтъ.

Еще за годъ до пораженія Данулы Мангазейскіе казаки перешли Енисей у устья Н. Тунгуски и, подвигаясь вверхъ по рѣкѣ, обложили ясакомъ 18 жившихъ тамъ тунгусскихъ родовъ, а 4 года спустя для покоренія Енисейскихъ тунгусовъ былъ основанъ 12 в. выше устья р. Кеми Енисейскій острогъ. Нѣсколько раньше этого острога Кетскіе казаки устроили на верхней Кети Маковское зимовье съ цѣлью огражденія мѣстныхъ остяковъ отъ нападеній тунгусовъ, которые долго не унимались и въ 1619 г. осадили означенное зимовье. Но уже въ этомъ году князекъ Ниланской вол. Илтикъ, жившій по Н. Тунгускѣ, изъявилъ покорность, а два года спустя, въ виду хорошаго улова соболя, добровольно согласились платить ясакъ и тунгусскіе князья, бродившіе по В. Тунгускѣ или Ангарѣ: Ялиръ, Иркиней и Тасей, а за ними и другіе. Въ 1623 г. почти всѣ тунгусы, жившіе вблизи Енисея, уже платили ясакъ. Но уже въ 1624 г. тунгусы кн. Тасея, жившіе по р. Тасею, лѣв. притоку Ангары, отложились и напали на острогъ Рыбинскій (въ 90 верст. отъ устья Ангары), причемъ походъ на нихъ въ 1625 г. успѣха не имѣлъ. Послѣдними были объясачены тунгусы, жившіе по р. Питу (1625 г.).

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ началѣ XVII в. тунгусы въ предѣлахъ Енисейской губерніи проживали въ общемъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ они встрѣчаются и въ настоящее время, хотя въ отдѣльныхъ районахъ съ тѣхъ поръ и произошли нѣкоторыя перемѣны.

Туруханскій край. На сѣверо-востокѣ и сѣверѣ его не замѣтно существенныхъ перемѣнъ съ XVII ст. —всѣ тѣ племена, которыя тогда тамъ жили, проживаютъ тамъ и нынѣ, причемъ тунгусскій элементъ временно даже усилился переселившимися туда въ XVII—XVIII ст. Долганами и въ началѣ XIX ст. Жиганцами (см. ниже), хотя въ сущности лишь номинально, потому что съ теченіемъ времени первые окончательно, а вторые наполовину объякутились. Нѣкоторыя происшедшія въ этихъ краяхъ измѣненія границъ носятъ скорѣе характеръ внутреннихъ перемѣщеній безъ существенныхъ по-

терь или пріобрѣтеній территоріи. Къ тому же за XVII ст. у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ о разселеніи въ данной мѣстности отдѣльныхъ племенъ, которыя бы намъ позволили сдѣлать какіе-либо выводы въ этомъ отношеніи. Замѣтимъ здѣсь попутно, что нѣкоторые ученые предполагаютъ, что самоѣды Вадѣевскаго рода, кочующіе по р. Боганидѣ (притокъ Хеты), происходятъ тоже отъ тунгусовъ, ассимилированныхъ самоѣдскими племенами, аналогично тому какъ мѣстные долгане, нынѣ ничѣмъ не отличающіеся отъ якутовъ, безъ сомнѣнія представляютъ изъ себя объякутившихся тунгусовъ Долганскихъ родовъ.

Южные и восточные предѣлы распространенія тунгусскаго племени въ краѣ не измѣнились съ тѣхъ поръ, потому что, какъ тогда, такъ и теперь, Подкаменная Тунгуска и Анабара, ограничивающія нынѣ Туруханскій край съ юга и съ востока, протекаютъ верхней и средней частью своего теченія, а Илимпея, л. прит. Н. Тунгуски, вполнѣ въ предѣлахъ тунгусской области.

Лишь западные предѣлы территоріи тунгусовъ показываютъ нѣкоторыя перемѣны противъ XVII стол., которыя сводятся къ тому, что небольшая часть тунгусовъ Чапогирскаго рода въ теченіи XIX ст. перешагнула на лѣвый берегъ Енисея и вторглась въ настоящую область самоѣдовъ. Это поступательное движеніе тунгусовъ на западъ отмѣтили еще въ 40-хъ годахъ Миддендорфъ и Кастренъ, причемъ послѣдній на основаніи слуховъ предполагаетъ, что они здѣсь отчасти жили и прежде. По его же сообщенію часть ихъ перебралась сюда, именно въ бассейнъ р. Елогуя, съ береговъ Подкаменной Тунгуски, совершенно покинувъ эту рѣку [1]). Перепись дѣйствительно не нашла по ней тунгусовъ, но не застала ихъ и по Елогую. Изъ мѣстностей по лѣвому берегу Енисея она обнаружила лишь до 90 д. этого племени по верхнему Тазу, по Худосеѣ и Покол-кы (см. вып. I, 164 стр.).

Но и эти тунгусы не измѣнили существенно очертанія границы тунгусской области съ этой стороны, потому что, какъ сказано, они составляютъ лишь небольшую примѣсь къ массѣ самоѣдскаго населенія лѣваго берега Енисея. Что же касается до настоящей западной границы этого племени въ Туруханскомъ краѣ, то она нигдѣ не доходитъ до самаго Ени-

[1]) „Reiseber. u. Br.“, 476.

сея, по которому живутъ русскіе, самоѣды и Енисейскіе остяки, занимающіе и низовыя части Курейки, Н. Тунгуски, большую часть Сухой Тунгуски, Бахты и нижнее и среднее теченіе Подкаменной Тунгуски. Лишь къ востоку отъ этой колеблющейся линіи находится область тунгусовъ. Такова же была въ общихъ чертахъ западная граница тунгусовъ и въ прежнія времена. Какъ тогда, такъ и теперь, отдѣльныя орды и семьи этого племени иногда приближаются по Енисею и держатся нѣкоторое время на его берегахъ, причемъ немногія семьи даже прочно осѣли среди русскихъ.

Енисейскій округъ. Южная граница тунгусовъ отступила на сѣверъ до рр. Чуны и Тасѣевой или даже до Ангары, потому что въ пространство между названными рѣками, они нынѣ повидимому лишь временно заходятъ. Такимъ образомъ, ихъ болѣе нельзя встрѣтить по нижнему теченію р. Усолки, падающей въ Тасѣеву, и по Бирюсѣ, нынѣ довольно густо заселеннымъ русскими, которые постепенно оттѣснили тунгусовъ сначала до Чуны, а послѣдніе годы до 58° с. ш. Воспоминаніемъ о прежнихъ тунгусскихъ жителяхъ по Бирюсѣ и Чунѣ служитъ типъ ихъ нынѣшнихъ обитателей, нѣсколько напоминающій тунгусовъ (см. вып., стр. 156).

Съ западной стороны тунгусы прежде близко подходили къ Енисею, а во многихъ мѣстахъ встрѣчались и по его берегамъ. Нынѣ сильное русское населеніе оттѣснило ихъ отъ названной рѣки почти до 65° в. долг.: съ Енисея и Ангары — сельское, а изъ долины р. Б. Пита — пріисковое, среди котораго и понынѣ проживаютъ жалкіе и обрусѣлые остатки прежнихъ тунгусовъ Питско-Варагонскаго рода (Верхне-Чумскій вымеръ).

Изъ донесеній казаковъ не видно, чтобы тунгусы въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. проживали къ западу отъ Енисея, но несомнѣнно, что они въ теченіи первыхъ 12 — 15 лѣтъ по водвореніи русскихъ въ этомъ краѣ, дѣлали туда частые набѣги. Впослѣдствіи, главнымъ образомъ въ началѣ XIX ст., отдѣльныя семьи тунгусовъ стали перебираться на лѣвый берегъ Енисея, въ бассейны рр. Сыми и Кети. Кастренъ сообщаетъ, что эти тунгусы происходили главнымъ образомъ съ береговъ р. Питъ [1]), а послѣдняя ревизія 1859 г. застаетъ

[1]) „Reiseber. и Br.“, 171.

тамъ по р. Сыму, въ области остяковъ, уже цѣлый родъ тунгусовъ, нигдѣ болѣе не встрѣчавшійся, именно р. Милитскій, нынѣ почти вымершій.

Якутская область.

«Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ изслѣдователь якутовъ Сѣрошевскій, что какъ сѣверныя, такъ и южныя, западныя и восточныя окрайны якутскихъ поселеній суть новѣйшаго происхожденія и преданія прямо указываютъ на окрестности Якутска и на Амгинско-Ленское плоскогоріе какъ на метрополію этихъ колоній. Здѣсь застали ихъ русскіе» [1]), появившіеся въ предѣлахъ Якутской области въ 30-хъ годахъ XVII стол. Это предположеніе впервые было высказано еще историкомъ Фишеромъ. «Догадка, что прежде сего бунта (возмущеніе якутовъ противъ казаковъ въ 1632 г.) якуты ни у Вилуя, ниже у Олекмы, ниже въ нижнихъ мѣстахъ рѣки Лены не жили, говоритъ онъ, конечно основательно. Ибо Мангазейскіе казаки не нашли якутовъ у р. Вилуя и П. Бекетовъ, какъ въ 1635 г. строилъ Олекминскій острогъ и послалъ въ Енисейскъ пространное извѣстіе о всѣхъ обстоятельствахъ, не упомянулъ о якутахъ ни словомъ». Что они еще не проживали тогда и по Ледовитому океану онъ старается доказать тѣмъ, что для нихъ при тогдашнемъ обиліи земель не было основанія избирать для жительства мѣста, неудобныя для скотоводства [2]). Это же доказывается и полнымъ отсутствіемъ свѣдѣній о тамошнихъ якутахъ въ донесеніяхъ казаковъ изъ разныхъ частей края. Такимъ образомъ, лѣтъ 270 тому назадъ якуты проживали еще почти исключительно въ предѣлахъ нынѣшняго Якутскаго округа, именно въ его центральной части, гдѣ и понынѣ сгруппировано 60% всѣхъ якутовъ. Изъ другихъ народностей данной области юкагиры обитали по нижней Янѣ и по нижнему и среднему теченію Индигирки и Колымы. Во всемъ же остальномъ необъятномъ ея районѣ кочевали лишь тунгусы и ламуты со стадами оленей или бродили пѣшіе охотники изъ того же племени.

Обращаясь къ отдѣльнымъ крупнымъ рѣкамъ края. мы

---

[1]) „Якуты“, I.
[2]) „Сибирская исторія“, 368, прим. 38.

узнаемъ, что по *Ленѣ* якуты обитали почти лишь въ районѣ ея большого изгиба, по ея лѣвому берегу—главнымъ образомъ между устьемъ р. Лунхи на сѣверѣ и р. Синей на югѣ. На востокъ ихъ мѣстожительства простирались до Амги, а на сѣверѣ до Алдана. Въ этихъ предѣлахъ въ 30-хъ годахъ XVII ст., былъ сосредоточенъ почти весь якутскій народъ. Кругомъ со всѣхъ сторонъ ихъ окружали тунгусы. Послѣдніе были единственными обитателями всего остального теченія р. Лены книзу отъ Лунхи и лишь о нихъ упоминаютъ казаки въ окрестностяхъ Жиганскаго зимовья (нынѣ Жиганска) и далѣе къ сѣверу до самаго устья Лены.

По *Вилюю*, гдѣ теперь живетъ ок. 63.000 якутовъ, ихъ вовсе не было при первомъ появленіи здѣсь русскихъ въ 1630 г., когда они волокомъ перебрались съ Н. Тунгуски на р. Чону, притокъ Вилюя, а оттуда на этотъ послѣдній. Заселяли тунгусы въ то время и берега крупныхъ лѣвыхъ притоковъ Вилюя: Мархи, Тукана, Тюна, какъ это видно изъ историческихъ документовъ.

Якутовъ казаки встрѣтили близъ устья Вилюя лишь нѣсколько позднѣе, причемъ численность ихъ лишь была незначительна, что обнаруживается изъ того факта, что на 7 человѣкъ тунгусскихъ аманатовъ Шаховъ (1671 г.) приводитъ лишь одного якутскаго. Въ своей картѣ 1701 г. Ремезовъ тоже не обозначаетъ на Вилюѣ ни одного якутскаго стойбища. На ней отмѣчено, что ниже Верхне-Вилюйскаго и Танарейскаго зимовьевъ, за р. Варкой, живутъ тунгусы Снигири [1]), а дальше внизъ по Вилюю, Тыгны, Шалагоны, Икалэтагалы, Имугаты [2]).

Нынѣ тунгусы удержались лишь въ верхнемъ теченіи Вилюя и далѣе внизъ вдали отъ береговъ, но и тамъ настолько объякутились, что усвоили якутскій языкъ; значительная же ихъ часть вѣроятно вымерла, потому что изо всѣхъ жившихъ въ этомъ краѣ восьми родовъ лишь двое встрѣчаются въ Вилюйскомъ округѣ и въ настоящее время (Шологоны и Баягиры или Буягиры), а остальные не могутъ быть отожествленны ни съ тунгусскими родами дру-

---

1) Это имя вѣроятно находится въ связи съ тунгусскимъ названіемъ рѣки—Шилкирь (Ингода, Шилка, Амуръ, Амгунь и т. д,) и въ частности съ тремя правыми притоками верхняго Оленека—Силигирь. Отъ имени Шилкирь безъ сомнѣнія происходятъ названія тунгусскихъ родовъ—Челкагирскій и Чильчагирскій.

2) Сѣрошевскій, ibid.

гихъ мѣстностей Сибири, ни съ родами якутовъ Вилюйскаго округа. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ «родовъ» можетъ быть найдутся въ числѣ отдѣльныхъ поколѣній, на которыя распадаются многіе тунгусскіе роды.

Не было якутовъ въ началѣ XVII в. и въ *Олекминскомъ* краѣ. Такъ, не засталъ ихъ тамъ и Петръ Бекетовъ 1635 г. Не упоминаетъ о нихъ въ своей картѣ и Ремезовъ, ни на Олекмѣ, ни на Витимѣ. Всюду въ этихъ мѣстахъ и на протекающей сѣвернѣе р. Мокма (Батома) красуется надпись: «тунгусы».

Что же касается до якутовъ Сунтарско-Олекминской управы Киренскаго округа (Ирк. губ.), живущихъ еще далѣе къ югу, по рр. Нюѣ и Пеледую, то ихъ происхожденіе относится уже къ XIX ст. (см. стр. 17).

По Колымѣ, Индигиркѣ и *Янѣ*, гдѣ прежде тоже не было якутовъ, у Ремезова показаны «многіе юкагиры», а по Омолою, верховья котораго у него спутаны съ верховьями Яны, Дуолгалаха и Бытантая—«верхоянскіе якуты». Сѣвернѣе Дуолгалаха по той сторонѣ рѣки написано на той же картѣ; «иноземцы по эланямъ — верхоянскіе тунгусы и якуты». Послѣдніе водворились въ этой мѣстности вѣроятно уже послѣ перваго появленія въ Якутской области русскихъ или почти одновременно (Сѣрошевскій). Еще историкъ Фишеръ высказалъ догадку, что они проникли въ эти мѣста сравнительно очень недавно, почему и занимали по ней столь ограниченный районъ. Именно, изъ отписокъ казаковъ за 1637—39 гг. видно, что якуты изъ вышеназванныхъ трехъ рѣкъ жили лишь по средней Янѣ (Янгѣ), причемъ добираться до нихъ нужно было отъ устья 3 и отъ верховьевъ—4 недѣли. По Тостаху, пр. прит. Адычи (пр. притоку Яны), жили юкагиры, а въ верховьяхъ его и Яны жили, какъ и теперь, тунгусы, которые встрѣчались и далѣе внизъ по ея теченію, вѣроятно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ, по которымъ жили якуты.

По *Индигиркѣ* обитали въ тѣ времена юкагиры, а въ ея верховьяхъ многочисленные необъясаченные ламуты.

По *Колымѣ* якутовъ, судя по историческимъ даннымъ, въ тѣ времена вовсе не было: въ ея низовьяхъ, отчасти по среднему ея теченію, жили юкагиры, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея береговъ и по ея крупному притоку Омолону бродили оленные тунгусы, къ сѣверу граничившіе опять съ юкагирами, обитавшими въ бассейнѣ обоихъ Анюевъ. Далѣе

къ сѣверо-востоку начиналась область чукчей, которые тогда еще не проникли такъ далеко на западъ, какъ теперь.

На западъ отъ Лены якутскія стойбища обозначены у Ремезова въ верховьяхъ Молодой, въ устьяхъ р. *Оленека* и на сѣверѣ близъ моря. Но при первомъ появленіи русскихъ на крайнемъ сѣверѣ Якутской области (на Оленекѣ въ 1636 и 1638 гг.) ихъ и тамъ не было, причемъ тамъ жили одни тунгусы. На сѣверныя плоскогорія якуты проникли послѣ появленія въ краѣ русскихъ, расшевелившихъ мѣстныхъ инородцевъ и заставившихъ ихъ разбрестись по всей странѣ. Да и теперь въ этотъ глухой сѣверо-западный край области изъ якутовъ лишь временно заходятъ отдѣльныя лица (торговцы, звѣроловы), постоянно же проживаетъ тамъ всего нѣсколько русскихъ и якутскихъ семействъ и то лишь въ низовьяхъ Оленека. Въ остальной части его теченія нынѣ можно встрѣтить лишь немногія семьи тунгусскихъ охотниковъ.

У Ремезова самыя западныя стойбища якутовъ обозначены въ верховьяхъ р. *Анабары*, хотя нѣсколько раньше, при первомъ посѣщеніи русскими этого края, тамъ ихъ еще не было.

Итакъ, на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ можно утверждать, что въ первой половинѣ XVII ст. область якутовъ ограничивалась почти лишь Ленско-Алданско-Амгинскимъ плоскогорьемъ и нѣкоторыми пунктами и по средней Янѣ. Внѣ этихъ предѣловъ якуты встрѣчались развѣ лишь въ одномъ мѣстѣ—въ сѣверо-восточной части Туруханскаго края. Мы имѣемъ въ виду Затундринскихъ якутовъ, живущихъ по средней и нижней *Хатангѣ* и Шорохинскихъ—въ одномъ пунктѣ по нижнему Енисею, представляющихъ по Сѣрошевскому болѣе древнія колоніи этого племени, образованныя еще до прибытія въ край русскихъ,—предположеніе, которое однако недостаточно обосновано.

Изъ этого обзора мы видимъ, что тунгусы, прежніе владѣльцы Якутской области, постепенно должны были уступать якутамъ одинъ клочекъ земли за другимъ и удаляться въ болѣе глухія гористыя и лѣсистыя пространства, мало пригодныя для скотоводства. Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени подчиненія края русскими они въ Якутской области утратили почти половину своей прежней территоріи.

Мы уже знаемъ, что причины, которыя заставили якутовъ въ

XVII в. болѣе энергично разселяться по обширной территоріи, носящей нынѣ ихъ имя, былъ толчекъ, данный имъ движеніемъ казаковъ на востокъ Сибири. Покорившись русскимъ, якуты стали сами принимать участіе въ ихъ военныхъ и колонизаторскихъ предпріятіяхъ. Изъ нихъ отчасти вербовались казаки и будущіе поселенцы, которыми правительство, за недостаткомъ русскихъ людей, старалось заселять всѣ тракты, ведущіе во вновь завоеванныя земли — Якутско-Охотскій, Якутско-Алданскій и др., а въ качествѣ ловкихъ кущовъ они уже тогда забирались въ самые глухіе дебри тунгусской страны. Но далеко не всюду новые, заведенные русскими, порядки способствовали процвѣтанію покореннаго края. Платежъ ясака, лихоимство и притѣсненія со стороны мѣстныхъ властей, подводная повинность, весьма тяжелая при малолюдствѣ края — все это были причины, которыя заставляли не только якутовъ, но и другихъ инородцевъ: тунгусовъ, юкагировъ и т. д. бросать насиженныя мѣста и уходить подальше отъ большихъ трактовъ, по которымъ вливалась въ край новая цивилизація.

Весьма сильный толчекъ такому разселенію инородцевъ, а слѣдовательно и якутовъ, дали тѣ неурядицы, которыя возникли въ этомъ едва завоеванномъ и не вполнѣ замиренномъ краѣ вслѣдствіе взаимной вражды и антагонизма Мангазейскихъ, Якутскихъ и Енисейскихъ казаковъ въ 30-хъ годахъ XVII ст. Стремясь не только къ обогащенію казны, сколько къ личной наживѣ, приказчики, десятники и атаманы такъ грабили, обирали и притѣсняли вновь покоренныхъ инородцевъ — якутовъ, тунгусовъ и др., что они, несмотря на свое миролюбіе, возставали, убивали своихъ притѣснителей и, боясь кары, бѣжали безъ оглядки въ самыя глухія части страны, куда еще не проникли русскіе. Цѣлыя мѣстности въ это время опустѣли и въ податныхъ спискахъ 60-хъ годовъ XVII ст., по Сѣрошевскому, то и дѣло встрѣчаются пробѣлы съ помѣткой, что такая семья или такія то семьи бѣжали на Яну, на Вилюй или «неизвѣстно куда».

Разъ начавшееся поступательное движеніе якутовъ въ страну тунгусовъ, которая еще въ первой трети XVII ст. полнымъ кольцомъ опоясывала ихъ прежнюю область на Ленско-Алданско-Амгинскомъ плоскогоріи, не прекратилась и въ послѣдующія столѣтія, когда условія жизни въ Сибири стали гораздо болѣе благопріятны. Занимая какъ коневоды, а

потомъ скотоводы, луговыя пространства сначала по средней Ленѣ и нижнему Алдану, а впослѣдствіи и по другимъ наиболѣе крупнымъ рѣкамъ нынѣшней Якутской области, они продолжали постепенно, пядь за пядью, отнимать у тунгусовъ ихъ родовыя земли, оттѣсняя ихъ при этомъ въ болѣе глухія мѣста, орошаемыя болѣе мелкими рѣчками, въ мѣстности гористыя и лѣсистыя и неудобныя для скотоводства и это ихъ поступательное движеніе, какъ мы увидимъ ниже, не прекратилось и по настоящее время.

Такимъ образомъ, якуты постепенно заселили берега рр. Вилюя, Яны, Индигирки, а также сѣверную часть Олекминскаго округа и т. д. Уже въ 1750 г., т. е. всего 120 л. послѣ перваго появленія въ краѣ русскихъ и 49 л. послѣ составленія карты Ремезова, якуты, по Сѣрошевскому, въ общемъ проживали уже во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются въ настоящее время, хотя ихъ разселеніе по странѣ не остановилось и тогда и продолжается и понынѣ. Такъ, въ 50—60-хъ годахъ отдѣльныхъ якутскихъ колонистовъ разные изслѣдователи встрѣчали по рр. Муѣ, Чонѣ и другимъ рѣкамъ, гдѣ нынѣ перепись мѣстами застигла довольно густое якутское населеніе.

Въ недавнее время отдѣльныя якутскія семьи поднялись вверхъ по Колымѣ, гдѣ ихъ поселенія прекращаются приблизительно у устья р. Ясачной, и разселились по одиночкѣ или по 2—3 вмѣстѣ у устьевъ ея притоковъ, являясь первыми форпостами этого племени въ прежней странѣ юкагировъ и ламутовъ, нынѣ сильно уменьшившихся въ числѣ.

Резюмируя все вышеизложенное о разселеніи тунгусовъ въ Якутской области во время покоренія ея русскими, можно сказать, что еще тогда они были ея настоящими хозяевами. Кромѣ нихъ въ ней жили якуты и юкагиры, къ которымъ лишь въ самомъ сѣверо-востокѣ примѣшивались чуванцы и чукчи. Юкагиры обитали главнымъ образомъ по нижнему теченію Яны, Индигирки и Колымы отъ 100° до 136° в. долг. (отъ Пулкова), а якуты лишь между Леной, Алданомъ и Амгой и въ небольшомъ числѣ по средней Янѣ. Вся остальная часть Якутской области была населена исключительно тунгусами и однородными съ ними ламутами.

Измѣненія въ очертаніяхъ тунгусской области, которыя произошли съ тѣхъ поръ по настоящее время, въ общемъ сводятся къ вытѣсненію тунгусовъ изъ ихъ коренныхъ мѣсто-

жительствъ якутами. Что же касается до русскихъ, которыхъ, какъ мы знаемъ, до 30-хъ годовъ XVII ст. въ области почти не было, то они, занимаясь преимущественно рыболовствомъ и скотоводствомъ, также торговлей съ инородцами, заняли лишь немногія полосы и отдѣльные пункты по берегамъ крупныхъ рѣкъ, сравнительно мало повліявъ на уменьшеніе территоріи тунгусовъ въ предѣлахъ Якутской области.

Расширеніе тунгусской территоріи замѣчается лишь на самомъ сѣверо-востокѣ области, гдѣ ламуты заняли часть области прежнихъ юкагировъ и чуванцевъ, вымершихъ отъ оспы.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ эти измѣненія въ предѣлахъ обитанія тунгусовъ по отдѣльнымъ округамъ.

Вилюйскій округъ. Какъ мы знаемъ, въ 30-хъ годахъ XVII ст. въ этомъ округѣ вовсе не было якутовъ, которые съ береговъ Лены заселили все нижнее и среднее теченіе р. Вилюя вплоть до его притока Вилючана, а также нижнее и среднее теченіе Мархи, Тюкана и другихъ его притоковъ.

Часть тунгусовъ еще въ тѣ времена бѣжала на сѣверо-западъ, на Оленекъ, откуда позже перебралась въ Туруханскій край, гдѣ однако было и свое коренное тунгусское населеніе. И позже Вилюйскій округъ терялъ свое тунгусское населеніе вслѣдствіе его выселенія въ другія мѣста. Такимъ образомъ, мы знаемъ, что роды Нюрмаганскій, Шологонскій и Кельтятскій, вслѣдствіе притѣсненій со стороны якутовъ, частью перебрались въ смежный Якутскій округъ (см. стр. 14).

Олекминскій округъ въ XVII в. тоже былъ заселенъ лишь тунгусами. Потомъ якуты, пришлые изъ Якутскаго округа, заселили почти всю его сѣверную часть, къ сѣверу отъ Лены, а самый лѣвый берегъ заняли русскіе крестьяне и скопцы, якуты же разселились и по правому берегу Лены и по нижнему теченію рр. Чары и Олекмы. Первыми якутскими насельниками даннаго округа были представители Меитскаго (Мегинскаго) рода, которые водворились около Олекминскаго острога. Потомъ число ихъ возрасло вслѣдствіе новаго притока якутовъ изъ улусовъ Меитскаго и Борогонскаго (Якут. окр.): они заняли пустынный островъ Кыллахъ

и стали разселяться во всѣ стороны [1]). Сверхъ того открытіе въ предѣлахъ округа золотыхъ пріисковъ было причиной образованія въ двухъ его районахъ густаго пріисковаго населенія, именно въ бассейнахъ верховьевъ рр. Вачи, прит. Жуи, Бодайбо и Енгажимо, притоковъ Витима, и другихъ рѣкъ. Остальная часть округа и нынѣ находится во владѣніи тунгусовъ.

Якутскій округъ. Здѣсь, какъ извѣстно, въ XVII в. было сгруппировано почти все якутское населеніе Сибири. Нынѣ предѣлы прежней якутской территоріи расширились и расширяются понынѣ за счетъ тунгусской, которая прежде плотнымъ кольцомъ охватывала якутскій районъ. Изъ части округа, расположенной къ западу отъ Лены, коренные тунгусы почти совсѣмъ пропали, а встрѣчающіеся тамъ нынѣ— позднѣйшіе пришельцы.

Менѣе густо было прежде якутское населеніе между Алданомъ и Амгой, за которой ихъ поселенія вовсе прекращались. Всю остальную часть округа и нынѣ населяютъ одни тунгусы, область которыхъ здѣсь ограничивается съ востока и юга Становымъ хребтомъ (подробнѣе см. вып. I, стр. 83).

Здѣсь не мѣшаетъ сообщить, что Кангаласскіе тунгусы при-Амгинскаго края различаютъ въ своей средѣ два элемента: коренныхъ, къ которымъ принадлежитъ почти весь Буягирскій р. и въ значительной степени Беллетскіе, и пришлыхъ изъ Вилюйскаго округа (см. вып. I, стр. 86). По преданію мѣстныхъ тунгусовъ это переселеніе случилось въ послѣднюю четверть XVIII ст. При этомъ они заняли главнымъ образомъ прилегающія къ ихъ землямъ верховья и побережья лѣвыхъ притоковъ Лены, берущихъ начало близъ границъ Вилюйскаго округа. Лишь небольшая ихъ часть перебралась на правый берегъ Лены и смѣшалась съ кореннымъ тунгусскимъ населеніемъ за-Ленскаго края. Тунгусы передаютъ, что изъ трехъ тунгусовъ, выселившихся тогда изъ Вилюйскаго округа, Анаба, предокъ Гермогеновыхъ, поселился у верховьевъ Алдана, родоначальникъ II Шелогонскаго р.—въ верховьяхъ р. Синей и предокъ Нюрмаганцевъ — Куйя у р. Чины, по которой они живутъ и теперь (см. ниже). Изъ другихъ преданій тунгусовъ можно заключить, что начало ихъ движенія съ сѣверо-запада на юго-востокъ имѣло мѣсто одновременно съ завоеваніемъ

1) Майновъ, l. c., 17.

края русскими, можетъ быть являясь его естественнымъ послѣдствіемъ и отголоскомъ, и что въ южной полосѣ Якутской области мѣстомъ встрѣчи тунгусовъ сѣверянъ съ коренными обитателями Становаго хребта — Буягирами и Беллетцами, является южная часть Якутскаго округа. Выходцы изъ Вилюйскаго округа вошли въ составъ названныхъ родовъ, такъ что изъ обоихъ колѣнъ перваго—Эрпини является болѣе древнимъ, а Хатысма позднѣйшаго происхожденія (Майновъ, l. c., 169—174).

Верхоянскій округъ. По лѣвую сторону Лены, гдѣ при первомъ появленіи здѣсь русскихъ не было якутовъ на западъ до самой Анабары, они образовали колоніи по лѣвому берегу Лены отъ полярнаго круга вплоть до Ледовитаго океана, гдѣ они населяютъ острова дельты названной рѣки. Отсюда ихъ малочисленныя, отчасти смѣшанныя съ русскими, колоніи тянутся до устья или даже до низовьевъ Оленека, въ остальной части теченія котораго и теперь живутъ лишь тунгусы. Анабара же почти не имѣетъ постояннаго населенія, а на нее заходятъ ради промысла тунгусы, долгане и якуты Туруханскаго края; послѣдніе въ довольно значительномъ числѣ были застигнуты переписью и въ ея низовьяхъ.

Къ востоку отъ Лены, гдѣ при появленіи русскихъ якуты проживали въ небольшомъ числѣ лишь по средней Янѣ, они въ настоящее время обитаютъ, какъ мы видѣли, на всемъ ея протяженіи между 66 и 69° с. ш. и въ тѣхъ же широтахъ по крупнымъ рѣкамъ ея бассейна: Адычѣ, Тостаху, Дуолгалаху, а по Бытантаю на 200 вер. отъ его устья, также въ низовьяхъ Яны и въ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ, по Омолою, Хромѣ и т. д. (см. вып. I, стр. 69).

Также и Индигирку они со времени первыхъ походовъ казаковъ заселили по всему ея протяженію, захвативъ при этомъ и часть верхняго теченія Алазеи. Какъ будетъ видно изъ племенной карты округа, якуты нигдѣ не образуютъ сплошнаго цѣлаго, а ихъ поселенія образуютъ длинныя полосы, тянущіяся главнымъ образомъ вдоль береговъ болѣе крупныхъ рѣкъ и разъединенныя между собою пустынными: на сѣверѣ—болотистыми и тундренными и въ болѣе южныхъ мѣстахъ—гористыми пространствами. И въ этихъ пустынныхъ пространствахъ бродятъ со своими стадами оленей тунгусы и

ламуты, къ которымъ въ сѣверныхъ тундрахъ, между 101° и 126° в. д. (отъ Пулк.), присоединяются остатки прежнихъ коренныхъ обитателей страны—юкагировъ. Наконецъ, въ самомъ сѣверо-восточномъ углу округа, между низовьями Алазеи и Индигирки, у Ледовитаго океана, бродятъ нынѣ малочисленные чукчи, появившіеся здѣсь лишь въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Въ Колымскомъ округѣ якуты заняли лѣвый берегъ Колымы отъ средняго теченія р. Зырянки приблиз. до 68° с. ш., а чукчи побережье Ледовитаго океана между рр. Чауномъ и Алазеей (а также между рѣками Олоемъ и Омолономъ). Къ югу отъ чукчей въ тундрѣ между Алазеей и Колымой бродятъ остатки прежде многочисленныхъ юкагировъ, сильно перемѣшавшіеся съ ламутами, которые здѣсь въ исконней странѣ юкагировъ являются элементомъ болѣе новымъ. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ округа по прежнему проживаютъ ламуты (по Ясачной и Коркодону въ перемѣшку съ нѣсколькими юкагирскими семьями). Въ низовой части Омолона, и Колымы, прибл. къ сѣверу отъ полярнаго круга, и по обоимъ Анюямъ ламуты заняли земли вымершихъ юкагировъ и чуванцевъ.

Иркутская губернія.

Иркутская губернія входила въ область тунгусовъ большей частью своей площади. Огромный Киренскій округъ, занимающій болѣе половины всей губерніи, большая часть Верхолеинскаго и смежныя мѣстности другихъ округовъ прежде были населены лишь этимъ племенемъ, которое составляло все населеніе береговъ верхняго теченія Н. Тунгуски и всей Лены, кверху отъ устья Куленги, и ея притоковъ: Тутурги, Киренги, Чуи, Витима, Куты и др., и сѣверной части бассейна Ангары, прибл. книзу отъ устья р. Оки, включая и р. Илимъ, падающую въ Ангару съ правой стороны. Они же вмѣстѣ съ бурятами населяли и западные берега Байкала, причемъ первые бродили по его сѣверо-западному побережью, прибл. къ сѣверу отъ 54° с. ш. и затѣмъ по его юго-западному берегу, къ югу отъ межи Иркутскаго и Верхоленскаго округовъ до юго-западной оконечности озера, гдѣ для сбора ясака русскіе устроили Култушный острогъ. Относительно этой части побережья Байкала

слѣдуетъ замѣтить, что въ двухъ ея мѣстахъ повидимому жили и буряты: именно, въ низовьяхъ р. Ангары и у устья Голоустной, потому что изъ донесеній казаковъ видно, что во время своего похода за Байкалъ они дважды имѣли дѣло съ Голоустными бурятами, относившимися къ нимъ враждебно. Тунгусы же населяли и весь юго-восточный уголъ губерніи, ограниченный на сѣверѣ Байкальскимъ озеромъ на западѣ рч. Быстрой, а на югѣ и востокѣ межой нынѣшней Забайкальской области. Всѣ тунгусы данной губерніи были бродячими инородцами, которые не имѣли постоянныхъ мѣстожительствъ, но ради добычи дичи и пушного звѣря постоянно мѣняли мѣста. Не ограничиваясь во время этихъ скитаній указанными предѣлами они во время охоты заходили и въ смежныя мѣста, населенныя по большей части кочевниками и звѣроловами бурятами. А бурятамъ въ тѣ времена принадлежали въ этихъ краяхъ слѣдующія мѣстности: въ бассейнъ Ангары, къ югу отъ устья Оки до Байкала, съ ея притоками: Окой, Бѣлой, Китоемъ, Иркутомъ, Кудой, часть юго-западнаго побережья Байкала (къ сѣверу отъ межи Иркутскаго округа) съ островомъ Ольхономъ, потомъ верховья Лены, кверху отъ Верхоленска или отъ устья Куленги (у устья которой однако жили еще тунгусы), въ томъ числѣ и мѣстности, орошаемыя притоками Лены Куленгой, Манзуркой, Ангой и др.

Перемѣны, которыя съ тѣхъ поръ произошли въ области тунгусовъ сводятся главнымъ образомъ къ тому, что всѣ берега крупныхъ рѣкъ, протекающихъ черезъ нее, заняли русскіе крестьяне, которые оттѣснили тунгусовъ вглубь страны, въ гористыя и лѣсистыя мѣстности. Въ виду этого, послѣдніе болѣе не встрѣчаются по берегамъ Лены на всемъ ея протяженіи въ предѣлахъ губерніи, гдѣ проживаетъ сплошное русское населеніе. Русскіе же заняли нижнее теченіе Киренги вверхъ до сел. Мунокъ, причемъ къ сѣверу отъ него тунгусы встрѣчаются лишь какъ ничтожная примѣсь къ русскимъ крестьянамъ. Также и по нижней и средней Кутѣ нынѣ имѣется много русскихъ селеній.

Лишь съ начала истекшаго столѣтія съ сѣвера въ тунгусскую область Киренскаго округа стали вторгаться и якуты изъ смежныхъ Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ Якутской области и селиться по берегамъ лѣвыхъ притоковъ Лены;

Нюи и Пеледуя. Нынѣ они тамъ весьма многочисленны, тунгусы же изъ этой мѣстности вовсе исчезли.

Въ остальныхъ мѣстностяхъ бассейна Лены тунгусы сохранились и по настоящее время.

Въ бассейнѣ Ангары ихъ южная межа отодвинулась на сѣверъ до сѣверной межи Нижнеудинскаго округа (подъ 57° с. ш.). Да и въ болѣе низовой части теперь рѣшительно господствуютъ русскіе, между тѣмъ какъ тунгусы проживаютъ, если не считать немногихъ бродячихъ представителей этого племени, лишь въ одномъ сел. Закурдаевскомъ по л. берегу Ангары. То же самое слѣдуетъ сказать и о лѣвомъ притокѣ Ангары Илимѣ, который весь усѣянъ русскими селеніями, среди которыхъ замѣчается лишь одно тунгусское—Коченгскій улусъ, да въ 2—3 русскихъ деревняхъ проживаетъ нѣсколько обрусѣлыхъ семействъ тунгусовъ Нижне-Илимской управы, которымъ прежде принадлежали всѣ земли по Илиму.

Болѣе сохранилось тунгусовъ по верхнему теченію Н. Тунгуски, протекающей по Киренскому округу, хотя и по ней имѣется много русскихъ селеній. Наконецъ, по Голоустной, падающей въ юго-западную часть Байкала, и понынѣ преобладаютъ тунгусы. Такимъ образомъ, главныя перемѣны въ очертаніяхъ области тунгусовъ Иркутской губерніи сводятся не столько къ измѣненію внѣшнихъ границъ, сколько къ вытѣсненію ихъ отъ береговъ крупныхъ рѣкъ русскими (и якутами), причемъ, если принять во вниманіе не качество земель, а лишь ихъ количество, то понынѣ тунгусы губерніи численностью въ 2200 д. обладаютъ еще огромными землями, между тѣмъ какъ 146 разъ болѣе многочисленное русское населеніе ютится лишь въ сравнительно не широкой прирѣчной полосѣ по берегамъ крупныхъ рѣкъ той же области.

Забайкальская область.

И въ этой области большая часть ея площади во время оккупаціи страны русскими въ 1643 — 1675 гг. была занята тунгусами. Но здѣсь труднѣе точно разграничить прежнія мѣстожительства бурятовъ, монголовъ и тунгусовъ отчасти въ виду того, что эти племена частью жили въ перемѣшку другъ съ другомъ, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ

тамъ, гдѣ ихъ районы соприкасались, отчасти въ виду того, что одновременно и тотчасъ по приходѣ русскихъ въ данную область въ размѣщеніи отдѣльныхъ инородческихъ группъ по ея территоріи произошли значительныя перемѣны: часть ихъ, спасаясь отъ притѣсненій со стороны казаковъ, разбѣжалась по сосѣднимъ мѣстамъ и даже ушла къ монголамъ, часть передвинулась во вновь освободившіеся районы или въ мѣстности, прилегающія къ острогамъ, гдѣ они могли разсчитывать на защиту со стороны русскихъ властей и т. д. Щербачевъ говоритъ по этому поводу: «Столкновенія между различными племенами приводили слабѣйшихъ къ передвиженіямъ на значительныя разстоянія и распри, происходившія внутри племенъ побуждали послѣднія раздѣляться и затѣмъ расходиться въ разныя стороны. Но не только война и междоусобицы заставляли инородцевъ мѣнять кочевыя мѣста. При земельномъ просторѣ и малонаселенности страны, передвиженія въ поискахъ за лучшими кормами должны были быть явленіемъ самымъ обычнымъ. Связи съ землей у инородцевъ не существовало. Не вкладывая въ нее труда, они легло покидали пространство, на которыхъ нѣкоторое время обживались со своими стадами. Вездѣ было приволье. Русскіе застали инородцевъ Забайкалья въ подобномъ состояніи постоянной смѣны кочевокъ» [1]). Попробуемъ однако все таки разобраться въ вопросѣ, какимъ образомъ въ то время отдѣльныя племена и на первомъ мѣстѣ тунгусы размѣщались по площади Забайкальской области.

Мы полагаемъ, что не рискуемъ сильно ошибиться если скажемъ, что въ началѣ XVII в. вся сѣверная часть области расположенная къ сѣверу отъ Ингоды и Шилки [2]) и далѣе

[1]) Куломзинъ, 5 вып., 7.

[2]) Еще во второй половинѣ XVIII ст. тунгусы были единственными владѣльцами почти всѣхъ земель, расположенныхъ къ сѣверу отъ Шилки: по Кіѣ, Нерчѣ, Куенгѣ и Курлычѣ. Такимъ образомъ, изъ указа Екатерины II 1774 г. зайсану и шуленгѣ Почегарскаго рода видно, что еще въ концѣ XVIII ст. всѣ земли по Нерчѣ отъ устья Нерчугана „внизъ по рѣкѣ до урочища Алекану [вѣроятно гдѣ нынѣ д. Олеканская] и отъ того разныхъ званіевъ рѣчкамъ т. е. по Торгѣ, Торгокону, Дарасуну, Чаракчину, Кіѣ [л. притокъ Шилки] и по Кіекану“ принадлежали однимъ тунгусамъ названнаго рода. А указъ той же императрицы за 1779 г. подтверждаетъ право тунгусовъ родовъ Баягирскаго, Дулигарскаго, Намятскаго и Чипчинутскаго на земли по Курлычѣ, Куенгѣ и ея притоку Олову, въ которыя, какъ и во владѣніе Почегарцевъ, незаконно стали вторгаться русскіе люди. Въ этомъ указѣ говорится: „рѣчки Курлычъ, Куенгу и Оловъ со впадающими въ оныя рѣчушками и падями отдать

на западъ ограниченная линіей, идущей отъ верховьевъ Ингоды до устья р. Хилока (пр. прит. Селенги) и оттуда по правому берегу Селенги до Байкальскаго озера находилась почти въ единственномъ владѣніи тунгусовъ, въ область которыхъ, такимъ образомъ, входила вся р. Уда (пр. прит. Селенги), у устья которой для управленія ими было воздвигнуто Удинское зимовье (нынѣ г. Верхнеудинскъ), и верхнее теченіе другихъ крупныхъ правыхъ притоковъ Селенги: Хилока и Чикоя.

Дѣйствительно, изъ донесеній казаковъ видно, что они жили въ большомъ числѣ: «отъ Байкальскаго озера до Хилока и отъ Селенги до неизвѣстнаго мѣрою разстоянія къ востоку» [1]). Изъ другого донесенія видно, что по Селенгѣ, отъ ея устья до устья Хилока, жили почти одни тунгусы, хотя поднимаясь въ 1653 г. вверхъ по Селенгѣ, П. Бекетовъ ихъ тамъ не засталъ, а лишь покинутыя ими жилища [2]). О тунгусахъ по Хилоку упоминается въ отпискахъ служилыхъ довольно часто. Встрѣчались они и по Чикою и въ большомъ числѣ во всемъ озерномъ районѣ къ сѣверо-западу отъ Станового хребта, по Витиму, Баргузину и т. д. По Чикою, Хилоку и Селенгѣ упоминаются въ тѣхъ же донесеніяхъ и буряты и монголы, причемъ точно разграничить ихъ территоріи трудно. Слѣдуетъ полагать, что они занимали болѣе южныя части бассейна р. Селенги, преимущественно лѣвую его часть и болѣе нижнее теченіе Чикоя и Хилока, причемъ кое-гдѣ по этимъ рѣкамъ они можетъ быть и жили въ перемѣшку съ тунгусами. Въ районѣ Селенги ихъ область въ одномъ донесеніи казаковъ, характеризуется такимъ образомъ: «да въ Ламу (оз. Байкалъ) же впала рѣка Селенга двѣнадцатью устьи, а по той рѣкѣ Селенги, идучи отъ Ламы, по правую сторону живутъ мугалы кочевые люди...» [3]).

Менѣе имѣется указаній относительно мѣстности, расположенной далѣе къ востоку, между р. Ингодой и Онономъ.

вамъ подъ кочевье вашихъ ясачныхъ и подъ скотскій выпускъ, какъ и напередъ сего оныя отданы были вамъ и съ оныхъ отнюдь со своими родами никуда не перекочевывать и оныя мѣста изъ русскихъ жителей впредь къ поселенію и обзаводству домами и зимовьями отнюдь никому не позволять". (Куломзинъ, l. c., вып. V, стр. 49, 52—54). Съ тѣхъ поръ однако увеличившіеся въ числѣ русскіе вытѣснили тунгусовъ изъ болѣе южной полосы ихъ владѣній (см. вып. I стр. 115).

[1]) Фишеръ, l. c. 564, прим. 20.
[2]) Куломзинъ, l. c., 5 вып., 10.
[3]) Фишеръ. l. c.

Судя по всему, тунгусы тамъ жили совмѣстно съ бурятами. По Онону же они несомнѣнно тогда господствовали [1]), причемъ ихъ потомки Кужертаевскіе и Онгоцонскіе тунгусы живутъ тамъ и по сейчасъ, занимая длинную полосу по его лѣвому берегу, между тѣмъ какъ правый берегъ отведенъ русскими подъ поселенія казаковъ, большинство которыхъ въ данномъ районѣ вначалѣ были тоже тунгусы.

Еще далѣе къ востоку между Онономъ и восточной границей области въ тѣ времена тоже преобладали тунгусы, хотя въ однодневномъ пути отъ Нерчинска встрѣчались и буряты. Упоминаются тунгусы и по Аргуни (Фишеръ, 621), гдѣ однако повидимому господствовало монголо-бурятское населеніе.

Часть Забайкальскихъ тунгусовъ были уже при первомъ съ ними знакомствѣ русскихъ кочевниками-скотоводами, именно большинство жившихъ въ южной полосѣ ихъ области. Въ отличіе отъ ранѣе имъ знакомыхъ сѣверныхъ «оленныхъ» ихъ въ тѣ времена называли «конными» и «степными», такъ какъ они разводили главнымъ образомъ коней.

Тотчасъ послѣ появленія въ странѣ русскихъ и даже отчасти раньше въ размѣщеніи инородцевъ по площади области произошли значительныя перемѣны. Хоринскіе буряты, не задолго до этого временно водворившіеся было послѣ погрома отъ монголовъ на старыхъ мѣстахъ по Онону, подверглись нападенію со стороны тунгусовъ Улятскаго рода и принуждены были вновь бѣжать въ Монголію и въ Верхнеудинскій округъ, гдѣ они поселились въ тунгусской области у Еравнинскихъ озеръ и по р. Селенгѣ и ея притокамъ Удѣ съ Курбой, Хилоку съ Тугнуемъ и Чикою [2]). Другіе роды ихъ пошли далѣе и поселились на рр. Итанцѣ и Кударѣ и на о-вѣ Ольхонѣ. Отъ подобныхъ вторженій бурятовъ въ предѣлы области они въ значительной степени перемѣшались съ коренными жителями страны—тунгусами.

Недовольные поборами казаковъ, многіе буряты и тунгусы убѣгали, оставляя за собою цѣлыя мѣстности пустынными. Такъ, въ концѣ 50-хъ годовъ XVII ст. буряты съ береговъ Оки, Китоя, Бѣлой (Иркут. губ.) и изъ другихъ мѣстъ массами бросали родныя пепелища и бѣжали къ монголамъ и

[1]) Куломзинъ, l. c., 5 вып., 12.
[2]) Позднѣевъ, стр. 189 и Куломзинъ, l. c., V., вып. 7.

частью по ту сторону Байкала, увеличивая тамъ бурятскій элементъ. Продолжалось это бѣгство бурятовъ и въ 60-хъ годахъ того же столѣтія, когда оно охватило инородческое населеніе бассейна Селенги, откуда неясачные тунгусы и буряты, кочевавшіе по Чикою, бѣжали въ 1665 г. къ монголамъ. Также поступили въ 1674 г. и Баунтовскіе тунгусы, разбѣжавшіеся отъ притѣсненій со стороны сборщиковъ податей въ разныя стороны, и Баргузинскіе тунгусы, въ 1675 г. ушедшіе къ монгольскимъ тайшамъ. Черезъ нѣкоторое время бѣжавшіе обыкновенно возвращались, причемъ если находили свои мѣста занятыми, то осѣдали въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, въ 1666 г. вернулся изъ Манчжуріи, съ береговъ Науна, даурскій князь Гантимуръ [1]), жившій прежде по Ингодѣ [2]) и въ 1654 г. изъявившій готовность платить ясакъ, но вскорѣ послѣ того бѣжавшій съ нѣсколькими (пятнадцатью?) родами за Аргунь. Съ разрѣшенія русскихъ властей онъ со своими людьми вновь занялъ родовыя земли, получивъ въ свое управленіе большую часть тунгусовъ области. Въ 1664 г. къ острогамъ Нерчинскому и Иргенскому (у оз. Иргень) прикочевали тунгусы, которые досего времени ясака не платили, и просили защиты отъ монголовъ, а десять лѣтъ спустя подъ Нерчинскъ пришли болѣе 1.000 душъ бурятовъ, вернувшихся «изъ мунгалъ», къ которымъ бѣжали нѣсколько лѣтъ назадъ, и просили разрѣшенія поселиться у Байкала и на о-вѣ Ольхонѣ, гдѣ они прежде жили. Не будемъ дальше перечислять всѣхъ отдѣльныхъ перемѣщеній бурятовъ и тунгусовъ въ предѣлахъ области въ теченіе XVII ст. (таковыя были и въ XVIII ст.); мы думаемъ, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему распредѣленіе по площади тунгусовъ и бурятовъ въ прежнее время такъ сильно отличается отъ настоящаго.

Размножаясь сильнѣе тунгусовъ и увеличиваясь путемъ приселенія изъ-за границы, буряты постепенно ассимилируютъ себѣ слабыя и разбросанныя орды тунгусовъ и мало-

---

[1]) Такъ какъ до прихода русскихъ почти всѣ тунгусы по Шилкѣ и Амуру были подвластны даурамъ, то по всему судя лишь княжескій Нелюдскій родъ, къ которому принадлежалъ Гантимуръ, былъ даурскимъ, прочіе же подвластные ему роды были тунгусскими. Съ теченіемъ времени первые отунгусились.

[2]) Китайскія власти въ перепискѣ по поводу бѣжавшаго Гантимура оспариваютъ этотъ фактъ.

по-малу занимаютъ часть ихъ территоріи. Такимъ образомъ, Хоринцы, водворившись, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Вернеудинскаго округа, постепенно стали разселяться по смежнымъ съ ихъ областью мѣстамъ, не встрѣчая при этомъ никакихъ преградъ для своего движенія на сѣверъ округа. Они постепенно заняли мѣстности въ районѣ сѣверныхъ озеръ: Ивана, Тассея, Арахлея, Телембинскаго и другихъ, гдѣ прежде жили лишь тунгусы, а впослѣдствіе проникли и къ сѣверу отъ Витима. Такимъ же образомъ они мало-по-малу захватили почти всю площадь западной половины Нерчинскаго края, къ югу отъ Ингоды, а въ пограничной полосѣ даже до самой р. Аргуни [1]). Западная часть Хоринцевъ, въ 1839 г., отдѣлилась отъ главной ихъ массы и образовала особую Агинскую степную думу, которая владѣетъ землями по Агѣ, лѣвому притоку Онона.

Нѣкоторыя перемѣщенія инородцевъ были вызваны искусственными мѣрами: такимъ образомъ, въ самомъ началѣ XVIII ст. тунгусы, подвѣдомственные Телембинскому острогу, и часть другихъ, были переведены на югъ и поселены въ качествѣ казаковъ по китайской границѣ. Ихъ обурятившіеся потомки нынѣ образуютъ казачье инородческое населеніе Акшинскаго округа. Около того же времени и часть Иркутскихъ бурятъ была выселена изъ Тункинской степной думы въ Селенгинскій округъ для охраны границы и одновременно съ ними и для той же цѣли туда же были переведены и два рода тунгусовъ изъ района южной оконечности Байкала. Эти тунгусы поселились по Хамнею и его притокамъ, а промысловый ихъ районъ былъ расположенъ къ югу отъ Байкала, по рѣчкамъ, бѣгущимъ въ него съ хребта Хамаръ-дабанъ отъ р. Мантурихи на востокѣ до р. Быстрой (въ Иркут. окр.) на западѣ, также по верхнему и среднему теченію Темника и Снѣжной. Закаменскіе буряты поселились къ югу отъ нихъ. Но вскорѣ отъ этихъ послѣднихъ отдѣлились два рода, которые съ согласія тунгусовъ водворились на ихъ земляхъ, и, хотя и понынѣ образуютъ самостоятельныя селенія, но образуютъ одну съ ними Армакскую управу [2]) (см. вып. I стр. 148).

---

[1]) Куломзинъ, V, 104.

[2]) По Кролю. („Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О.“, т. XXV, 4—5 вып., 72 сл.). Армакскіе тунгусы, какъ и Закаменскіе буряты, выходцы изъ-за

О заселеніи долины рѣки Баргузина бурятами можно сообщить слѣдующія данныя, основанныя на мѣстныхъ преданіяхъ: «Шесть поколѣній (около 300 л.) тому назадъ прикочевали сюда съ острова Ольхона (въ оз. Байкалѣ) и вообще съ западной стороны озера Байкала 5 родовъ бурятъ, съ которыми у тунгусовъ возникли споры изъ за земли. Споры эти окончились заключеніемъ въ 1802 г. договора, по которому рѣшено всѣми землями владѣть сообща. Прикочевки сюда бурятовъ изъ Верхоленскаго округа Иркутской губерніи продолжались до конца 30-хъ годовъ. Заселеніе долины р. Баргузина бурятами началось съ юга и еще 100 л. тому назадъ въ теперешней дачѣ Подхребетной стояли всего 6 бурятскихъ юртъ, а теперь ихъ тамъ 13 общинъ» [1]).

При этомъ поступательномъ движеніи въ долину р. Баргузина буряты постепенно оттѣсняли на сѣверъ и ассимилировали себѣ немногочисленныхъ разсѣянныхъ здѣсь тунгусовъ, которые, кромѣ одного селенія (Бодонъ), образуютъ теперь по большей части лишь маленькія колоніи среди почти сплошнаго бурятскаго населенія [2]).

Наконецъ, одна группа бурятовъ (въ 345 д. м. п.) Баргузинской степной думы перебралась въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія на сѣверную сторону Ингоды, въ чисто тунгусскій районъ, и водворилась на бассейнѣ р. Улдурги, пр. прит. Нерчи (Улдургинская управа) [3]).

Байкала, вызванные правительствомъ для охраны карауловъ Харацайской дистанціи въ первой половинѣ XVIII ст. Раньше они жили въ районѣ Култука и были приписаны къ Култукскому зимовью (на юго-западномъ углу Байкальскаго озера въ Иркутской губ.).

[1]) Куломзинъ, VI, 2—3.

[2]) Изъ указа императрицы Екатерины II 1791 г. главному шуленгѣ унгусскихъ родовъ Баргузинской управы видно, что начало вторженія бурятовъ въ долину средняго и верхняго Баргузина относится, главнымъ образомъ, къ концу XVIII ст., причемъ въ тѣ времена тунгусы находили защиту отъ нихъ у мѣстныхъ властей, которыя возстановляли ихъ права, запрещая бурятамъ закочевывать въ тунгусскія угодья за р. Аргаду. (Куломзинъ, l. c., V, 55). Однако, въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія они должны были уступить и буряты съ ихъ разрѣшенія стали селиться на отведенныхъ имъ земляхъ, причемъ не всегда исполняли данное тунгусамъ обѣщаніе не стѣснять ихъ. Замѣчательно еще, что въ 1772 г. границей между языческими тунгусами-кочевниками и русскими поселенцами служила р. Бодонъ. [Риттеръ: „Землев. Азіи“, В. Сиб. (русск. изд. 1895 г.), 71]. Впослѣдствіи тунгусамъ пришлось уступить часть своихъ земель и крестьянамъ русскихъ селеній: Бодонъ и Сувинскаго смежной Читканской волости, которые, селясь на ихъ землѣ и эксплуатируя ее, пріобрѣли на нее извѣстныя права.

[3]) Куломзинъ, VI, 5.

Наряду съ вторженіемъ бурятъ въ тунгусскія владѣнія въ краѣ стало увеличиваться русское населеніе, которое, занимая ради хлѣбопашества лучшія и наиболѣе пригодныя для этого занятія мѣста, постепенно оттѣсняло всѣхъ инородцевъ въ мѣста болѣе глухія, но удобныя для скотоводства и звѣроловства. Особенно успѣшно было заселеніе русскими восточной части области, гдѣ инородческое населеніе было малочисленно; здѣсь русскіе нынѣ составляютъ почти все населеніе края (Нерчинскій и Нерчинско-Заводскій округа). Мѣстныхъ инородцевъ теперь здѣсь вовсе нѣтъ: тѣ, которые здѣсь раньше жили, быстро обрусѣли и стали заниматься земледѣліемъ, вслѣдствіе чего противъ ихъ воли были обращены въ крестьянъ (и мѣщанъ) и нынѣ окончательно слились съ русскимъ населеніемъ. И во многихъ другихъ мѣстахъ области инородцы оказываются нынѣ въ меньшинствѣ.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы убѣждаемся, что тунгусы со времени покоренія края русскими утратили около половины своей прежней территоріи, главнымъ образомъ, на югѣ и западѣ, сохранивъ въ неприкосновенности лишь самую сѣверную лѣсную полосу и отдѣльные участки прежнихъ владѣній къ сѣверу и югу отъ рр. Ингоды-Шилки (см. вып. I, стр. 115).

Амурская область.

Въ виду того, что тунгусы въ большинствѣ случаевъ жили и живутъ въ глухихъ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ по мелкимъ рѣчкамъ и постоянно мѣняютъ свои мѣста, то изъ донесеній казаковъ-завоевателей, слѣдовавшихъ изъ одной части страны въ другую по болѣе извѣстнымъ рѣчнымъ путямъ, нельзя получить полной картины разселенія тунгусовъ въ серединѣ XVII в. Удобнѣе разрѣшить этотъ вопросъ другимъ образомъ, именно: путемъ исключенія изъ земель Амурской области тѣхъ мѣстностей, гдѣ жили другія племена, о которыхъ имѣются лучшія свѣдѣнія, именно, земледѣльческіе народы, жившіе по Амуру и по нижнему теченію Зеи, и кочевыя и бродячія племена, обитавшія въ прилегающей къ Амуру съ сѣвера полосѣ. Такъ какъ объ этихъ народностяхъ будетъ рѣчь ниже, во II части даннаго труда, то мы здѣсь

скажемъ объ этомъ предметѣ лишь самое необходимое. Начнемъ съ запада.

Дауры обитали въ 40-хъ годахъ XVII ст. въ предѣлахъ Забайкальской области по Шилкѣ и Аргуни [1]). Далѣе на востокъ ихъ поселенія тянулись по Амуру почти до устья Зеи и по нижнему теченію Зеи до устья р. Умлекана (между Дэпомъ и Уромъ). Отъ Зеи до устья Сунгари [2]) и въ прилегающей къ Амуру съ сѣвера и юга гористой мѣстности жили родственные имъ гогули, а далѣе внизъ по Амуру на 7 дней пути—дючэры, за которыми начиналась страна ачановъ и натковъ (гольдовъ) и еще далѣе гиляковъ. Въ мѣстности, прилегающей къ Амуру съ сѣвера, т. е. къ сѣверу отъ названныхъ народовъ жили слѣдующія племена, платившіе даурамъ дань. На самомъ западѣ приблизительно до Нивера и Янканскаго гольца, въ гористой мѣстности, бродили оленные тунгусы—орочоны. По среднему теченію Зеи отъ нижняго теченія Ура за устье р. Селимджи и по нижнему Дэпу бродили манегры; по средней Селимджѣ (у казаковъ Селимбы) и по Буреѣ проживали бирары, а въ бассейнѣ р. Кура Шренкъ въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія открылъ племя килэ. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Амурской области, именно во всей ея сѣверной окраинѣ, проживали, многочисленные оленные тунгусы-звѣроловы, которые, однако, спускались и въ болѣе южныя мѣстности.

Хищническіе походы казаковъ и промышленниковъ на Амуръ имѣли послѣдствіемъ опустѣніе его береговъ: дауры, дючэры и гогули частью были истреблены, частью выселились въ Манчжурію на берега рр. Науна и Хурхи, а это обстоятельство, въ свою очередь, повліяло на иное размѣщеніе оставшихся жителей по территоріи области. Именно, всѣ вышеуказанныя племена, жившія въ прилегающей къ Амуру полосѣ, т. е. орочоны, манегры, бирары не замедлили спуститься на освободившіяся мѣста по Амуру, очистивъ при этомъ сѣверныя части своихъ

---

[1]) Какимъ образомъ они и тунгусы распредѣляли между собою берега обѣихъ рѣкъ изъ донесеній казаковъ не видно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „дауры“ казаковъ были, повидимому, тунгусами, надъ которыми правили даурскіе князья; вѣроятно такъ надо понимать извѣстіе о даурскомъ князѣ Батогѣ, жившемъ на р. Каргѣ, притокѣ Витима (?), и о князѣ Гантимурѣ по Ингодѣ (см. прим. на стр. 22).

[2]) По донесенію Хабарова, а по Пояркову за 1644 г., который не упоминаетъ о гогуляхъ, повидимому, мало отличавшихся отъ дючэровъ, эти послѣдніе жили отъ Зеи до пункта, находящагося на 4 дня пути внизъ отъ устья Уссури.

прежнихъ областей, которыя въ свою очередь, привлекли съ сѣвера, изъ Якутской области, новыя толпы тунгусовъ.

Не остановившись на Амурѣ, всѣ эти племена понемногу стали перебираться на правый его берегъ, въ Китайскія владѣнія, такъ что Л. Шренкъ, изслѣдовавшій этотъ край за нѣсколько лѣтъ до формальнаго присоединенія его къ Россіи, т. е. въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія, засталъ эти племена живущими уже по обоимъ берегамъ Амура и кромѣ нихъ онъ встрѣтилъ тотчасъ къ востоку отъ Зеи, возвратившихся на родныя пепелища дауровъ, а также манчжуровъ и китайцевъ.

Такимъ образомъ, въ эту эпоху населеніе по обоимъ берегамъ Амура состояло изъ однихъ и тѣхъ же племенъ. Но со времени присоединенія края къ Россіи нѣкоторыя племена перебрались въ Китай почти въ полномъ составѣ—таковы бирары и манегры, исчезли и кили и лишь орочоны западной части области, подкрѣпляемые приливомъ новыхъ ордъ съ сѣвера, почти вполнѣ сохранили за собою свою область по лѣвому берегу Амура. Что касается русскихъ, то они заняли все побережье Амура и нижнее теченіе болѣе крупныхъ рѣкъ: Зеи, Буреи, Завитной и др. Въ большей части всей остальной площади области и нынѣ бродятъ охотники и оленеводы-тунгусы, главнымъ образомъ изъ Якутскаго округа.

Приморская область.

Съ тунгусскимъ населеніемъ этой области казаки впервые ознакомились въ 40-хъ годахъ XVII ст., когда они пробирались изъ Якутска вверхъ по Алдану, Маѣ, Юдомѣ и др. рѣкамъ до р. Ульи, по которой они спустились до моря, названнаго по тунгусски Ламскимъ. Отсюда впослѣдствіи дѣлались развѣдки въ разныя стороны: на с.-в.—до р. Тауй и, съ другой стороны, на югъ—до р. Уды. И дальнѣйшія экспедиціи въ поискахъ за новыми землицами въ этихъ краяхъ исходили изъ Ульинскаго зимовья. Отсюда казаки и промышленники во время своихъ развѣдокъ добрались до р. Охоты, а потомъ до рр. Ини и Мотыклей и далѣе на сѣверъ, и всюду встрѣчали «сидячихъ» и оленныхъ тунгусовъ въ большемъ числѣ.

Въ 1652 г. казакъ И. Нагиба добрался до р. Тугура, у

устья который нашелъ большое стойбище тунгусовъ въ 150 юртъ. Сѣверо-западную часть Охотскаго побережья и Гижигинскую губу казаки изслѣдовали не только съ юга, но и съ сѣвера, изъ Анадырска, основаннаго въ 1650 г. Изъ донесеній казаковъ того времени мы узнаемъ, что по сѣверному побережью названнаго моря между Окландскомъ по р. Пенжинѣ и Тауйскомъ обитали немирные коряки [1]).

Итакъ, большая часть западнаго побережья Охотскаго моря—отъ р. Тауй на сѣверѣ до устья р. Тугура на юго-востокѣ была въ серединѣ XVII в. заселена тунгусами, которые съ сѣвера граничили съ коряками, а на югѣ съ гиляками. Точнѣе опредѣляетъ межу между тунгусами и коряками Крашенинниковъ, который для первой половины XVIII ст. считаетъ таковой р. Нукчанъ, берущую начало въ Нукчанскомъ хребтѣ. Вѣроятно эта рѣка была границей названныхъ племенъ и въ болѣе ранніе періоды времени, потому что въ этихъ мѣстахъ русскіе имѣли мало осѣдлости и полудикое населеніе продолжало жить своей прежней жизнью, уменьшившись лишь въ числѣ.

О южной границѣ тунгусовъ по названному морю въ XVII в. можно имѣть довольно ясное представленіе изъ донесеній казаковъ и изъ трудовъ послѣдующихъ изслѣдователей края, которые сообщаютъ, что гиляки въ прежнее время приходили на рыбные промыслы на Ульбанскій и Тугурскій заливы, причемъ изъ перваго залива во второй они перебирались волокомъ черезъ низменную песчаную косу, чтобы избѣгнуть затруднительный и опасный для лодокъ обходъ полуострова Сеньяка. Въ этихъ мѣстахъ, какъ и на Шантарскихъ островахъ, очевидцы находили слѣды землянокъ гиляцкаго типа — доказательство, что здѣсь прежде временно проживали гиляки.

Итакъ, по берегу моря межой тунгусовъ и гиляковъ можно считать для XVII—XVIII ст. Тугурскую губу, между тѣмъ какъ далѣе въ глубь страны, куда гиляки не заходили, временно проникали тунгусы [2]), нерѣдко доходившіе до р. Амура. Такимъ образомъ, когда въ 1720 г. мореходъ Татариновъ, возвращаясь съ описи Шантарскихъ острововъ въ Удскую губу и отыскивая р. Улью, по ошибкѣ попалъ въ

[1]) Слюнинъ, ibid., I, 24.
[2]) Слюнинъ, ibid., I, 423.

устье Амура, то подвергся тамъ нападенію со стороны тунгусовъ, которые и истребили большую часть его команды и убили его самого [1]).

Къ западу область тунгусовъ Приморской области, какъ и въ настоящее время, непосредственно переходила въ тунгусскую же область Якутской области.

Внѣ описанныхъ предѣловъ тунгусы въ Приморской области въ XVII—XVIII ст. нигдѣ не проживали постоянно, ни по лѣвымъ притокамъ Амгуни и близъ низовьевъ Амура, ни въ нынѣшнемъ Хабаровскомъ округѣ. Не было ихъ тогда еще и въ Петропавловской округѣ и на островѣ Сахалинѣ. Лишь въ Анадырскую округу они повидимому проникли вскорѣ послѣ первыхъ походовъ туда русскихъ, которые вербовали ихъ, какъ и юкагировъ, въ свои отряды, отправлявшіеся покорять Коряцкую землю и Камчатку. Впослѣдствіи они вмѣстѣ съ казаками основались въ нѣкоторыхъ острожкахъ и зимовьяхъ указанныхъ краевъ. Еще понынѣ по Анадыри можно встрѣтить ихъ потомковъ въ видѣ обрусѣлыхъ осѣдлыхъ ламутовъ.

Оленные ламуты Анадырской округи происходятъ изъ смежныхъ округовъ, частью изъ Колымскаго округа Якутской области, частью изъ Гижигинской округи (см. вып. I, стр. 26). Когда они сюда перебрались, не извѣстно, но надо полагать, что это имѣло мѣсто не ранѣе XVIII ст., а главная ихъ часть переселилась туда уже въ XIX ст. Для платежа ясака они и понынѣ приписаны: первые къ Колымскому округу, вторые къ Гижигѣ. Съ XVIII ст. Гижигинскіе и Охотскіе тунгусы начинаютъ занимать и часть коряцкихъ земель по сѣверо-западному побережью Гижигинской губы, опустѣвшихъ вслѣдствіе вымиранія коренныхъ обитателей мѣстности, которые уцѣлѣли въ этомъ районѣ лишь въ двухъ пунктахъ [2]) (см. вып. I, стр. 28).

На этомъ поступательное движеніе тунгусовъ на востокъ не остановилось. Въ 30-хъ годахъ истекшаго столѣтія нѣсколько ордъ Гижигинскихъ ламутовъ перебрались съ согласія коряковъ черезъ территорію послѣднихъ на полуостровъ Камчатку. Вслѣдствіе притока новыхъ ордъ ихъ численность

[1]) Слюнинъ, ibid, I. 32.

[2]) Замѣтимъ, что на картахъ Военно-Топографическаго Отдѣла даже за послѣдніе годы во всей этой области, гдѣ коряки обитали 200—250 лѣтъ тому назадъ и гдѣ ихъ и теперь болѣе нѣтъ, и понынѣ значится надпись „коряки“.

возросла ко времени переписи до 462 душъ, которыя бродятъ со своими стадами оленей въ гористой мѣстности по среднему и нижнему теченію рѣкъ, текущихъ въ Охотское море, простирая свои кочевья на югѣ до Большерѣцка.

На югѣ тунгусы со второй половины XIX ст стали распространяться во всей мѣстности между Охотскимъ моремъ на сѣверѣ и Амгунью и низовьями Амура—на югѣ, а также по лѣвымъ притокамъ Амгуни. Отдѣльныя ихъ группы зашли еще дальше на югъ и встрѣчаются нынѣ среди гольдовъ Хабаровскаго округа, напр. по р. Люмуръ, падающей съ лѣвой стороны въ Амуръ. Одной изъ причинъ этихъ передвиженій тунгусовъ была эпидемія оспы, которыя въ указанные годы произвела сильныя опустошенія въ Охотскомъ краѣ и въ Удской округѣ.

Одновременно съ этимъ движеніемъ тунгусовъ на югъ небольшое число тунгусовъ Удской округи перебралось на островъ Сахалинъ, гдѣ и нашло новое отечество (см. вып. I, стр. 41), а на смѣну имъ въ Удскую округу перебрались Якутскіе тунгусы. По этому поводу К. Богдановичъ замѣчаетъ: «въ настоящее время въ Удскомъ краѣ коренныхъ Удскихъ тунгусовъ очень мало: они ушли совсѣмъ на Сахалинъ, къ Николаевску, на Амгунь и на Бурею, а на мѣсто ихъ съ 1859 г. замѣчается передвиженіе тунгусовъ съ Учура Ленскаго бассейна. Благодаря такому стремленію этой народности на новыя мѣста, теперь на Камчаткѣ кочуетъ уже много тунгусовъ-ламутовъ пришедшихъ изъ Гижиги и даже изъ далекаго Охотска» [1]).

Наконецъ, на островѣ Сахалинѣ тунгусовъ раньше вовсе не было, появились они тамъ лишь во второй половинѣ истекшаго столѣтія (см. выше).

Итакъ, просматривая тѣ измѣненія, которыя произошли въ территоріи тунгусовъ со времени перваго знакомства съ ними русскихъ, мы замѣчаемъ, что въ общемъ ихъ область не очень значительно уменьшилась въ своемъ пространствѣ со времени XVII ст., хотя и испытала значительныя измѣненія въ своихъ очертаніяхъ. Если принять въ соображеніе и тѣ земли, гдѣ бродячіе тунгусы уже не живутъ постоянно,

[1]) „Изв. И. Р. Геогр. О.“ XXXV, вып. VI, 552. Замѣтимъ здѣсь къ слову, что утвержденіе г. Богдановича, что въ Удской округѣ осталось нынѣ „очень мало“ коренныхъ тунгусовъ не совсѣмъ вѣрно (см. вып. I стр. 35).

но куда изрѣдка заходятъ во время своего промысла, то можно сказать, что въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ площадь тунгусской территоріи мало измѣнилась съ того времени, конечно, если не принимать въ разсчетъ, что значительная часть годныхъ для культуры земель, составляющихъ однако ничтожный процентъ наличныхъ, нынѣ заселена русскими крестьянами. Потерявъ часть своихъ земель по Енисею, Ангарѣ и Бирюсѣ они нѣсколько вознаградили себя въ этомъ отношеніи, вторгнувшись въ самоѣдскія земли къ западу отъ первой рѣки.

Въ Забайкальской области они вполнѣ удержали за собой лѣсныя пространства на сѣверѣ, но въ остальной части области постепенно теряли одинъ участокъ земли за другимъ, уступая ихъ болѣе сильнымъ по культурѣ и числу русскимъ и бурятамъ. Такимъ образомъ, уже вскорѣ послѣ завоеванія края русскими они принуждены были очистить весь бассейнъ средней и нижней Селенги съ ея притоками: Удой, Хилокомъ и Чикоемъ, гдѣ ихъ прежде было много, а впослѣдствіи уступить бурятамъ верхнее теченіе Ингоды, имъ же и русскимъ нижнее и часть средняго теченія Баргузина и т. д. По Онону они сохранились и понынѣ. Весьма вѣроятно, что противъ прежняго тунгусскій элементъ здѣсь даже усилился вслѣдствіе переселенія сюда на его правый берегъ и по всей китайской границѣ отъ с. Завода-Нерчинскаго до Урлукскаго стан. общ. тунгусовъ изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей, обращенныхъ при этомъ въ казаки. Но это усиленіе тунгусскаго элемента въ указанныхъ мѣстахъ лишь номинальное, потому всѣ тунгусы, живущіе по Онону и Китайской границѣ, нынѣ окончательно обурятились. Какъ мы видѣли выше, здѣсь они проживаютъ совмѣстно съ русскими и настолько подверглись вліянію сосѣднихъ бурятовъ, что почти не отличаются отъ нихъ.

Въ Якутской области они съ теченіемъ времени могли лишь терять, потому что въ XVII ст. почти вся она составляла ихъ владѣніе. Якуты ихъ вытѣснили съ береговъ средины Лены, съ Вилюя и нижней Олекмы, съ Яны, Индигирки и лѣваго берега Колымы. Лишь въ сѣверо-восточномъ углу они нѣсколько вознаградили себя, занявъ часть территоріи вымершихъ юкагировъ и чуванцевъ. Но за то, тѣснимые якутами, отъ которыхъ они находятся въ экономической зависимости и которые, сильно размножаясь и нуждаясь въ сѣнокосныхъ и выгонныхъ угодьяхъ, отнимаютъ у нихъ одну пядь

земли за другой (см. вып. I, 91), они цѣлыми толпами стали выселяться на югъ, — въ Амурскую и на востокъ — въ Приморскую область.

Въ первой области они, какъ мы видѣли, заняли часть земель манегровъ по Зеѣ, Уру, Селимджѣ и др. рѣкамъ, почти всю прежнюю область бираровъ въ бассейнѣ Буреи, отчасти и килей по рр. Куръ и Уньмѣ. Часть же этихъ тунгусовъ не остановилась на этомъ и въ лицѣ орочоновъ потянулась за Амуръ, причемъ это передвиженіе въ Китай, начавшееся еще въ началѣ прошлаго столѣтія повидимому не вполнѣ прекратилось и понынѣ.

Изъ той же Якутской области тунгусы стали выселяться и на востокъ: изъ Колымскаго округа—въ Анадырскую и отчасти Гижигинскую округи и изъ Якутскаго, съ береговъ Алдана, Амги и т. д.—въ Охотскую и Удскую округи Приморской области, причемъ эти переселенія достигли такихъ размѣровъ, что нѣкоторые роды Якутскаго округа, которые проживали на родныхъ мѣстахъ еще во время X ревизіи ($185^{8}/_{9}$ г.) нынѣ на половину (напр. Бытальскій) или даже въ полномъ составѣ (Мякагирскій) выселились въ Удскую округу (первый также на Бурею и на Селимджу).

Наибольшія перемѣны однако произошли въ очертаніяхъ и площади ихъ территоріи въ области Приморской, гдѣ Гижигинскіе и Охотскіе тунгусы распространили свои кочевья на все западное побережье Пенжинской губы, на юго-западную часть Анадырской и на часть Петропавловской округъ, составляя однако въ послѣднихъ двухъ округахъ лишь примѣсь къ чукчамъ и корякамъ. Кромѣ того, сильно пострадавъ отъ оспы въ началѣ 60-хъ годовъ, коренные тунгусы Удской округи цѣлыми толпами устремились на югъ — въ низовья Амура и на Амгунь, а также на Сахалинъ, гдѣ ихъ прежде не было, а ихъ земли заняли слѣдовавшіе по ихъ пятамъ новыя орды тунгусовъ, прибывшія съ запада изъ Якутскаго округа. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ Приморской области тунгусы сильно расширили предѣлы своей территоріи.

Такимъ образомъ, мы видимъ постоянныя передвиженія тунгусовъ изъ однѣхъ мѣстностей Сибири въ другія, передвиженія, которыя, какъ это ни странно, не вызываются у нихъ увеличеніемъ населенія и необходимостью подъискать новыя мѣста для пропитанія его избытка, какъ у якутовъ, бурятовъ и чукчей.

Конечно и у нихъ главнымъ стимуломъ къ подобнымъ перемѣщеніямъ служитъ желаніе отыскать новыя, болѣе богатыя дичью и пушниной мѣста, но разница между этими народами заключается въ томъ, что тунгусы далеко не всегда предпринимаютъ такія отдаленныя перекочевки, вызванныя къ тому дѣйствительной необходимостью. Иногда для этого достаточно, чтобы лишь данный годъ оказался неблагопріятнымъ для промысла бѣлки или соболя, чтобы они собрались въ путь въ какую-нибудь отдаленную мѣстность, гдѣ по слухамъ забредшаго къ нимъ тунгуса-звѣролова эти животныя въ данномъ году добываются въ изобиліи. Снимаются съ мѣста не только холостые и одинокіе тунгусы, но цѣлыя семьи, а иногда значительная часть цѣлаго рода трогается въ путь, чтобы покинуть родныя мѣста на годъ, два и болѣе. Если обстоятельства благопріятствуютъ имъ на ихъ новой родинѣ, то они остаются тамъ дольше, иногда неопредѣленно продолжительное время, пока опять какое-либо обстоятельство, благопріятное или чаще неблагопріятное, не заставитъ ихъ передвинуться дальше или вернуться назадъ. А такими обстоятельствами бываютъ, кромѣ неулова дичи и рыбы, эпидеміи, которыя производятъ между ними огромныя опустошенія и которыхъ они очень боятся, повальныя болѣзни на оленей, вторженіе въ ихъ территорію другихъ народовъ: якутовъ и русскихъ—послѣднихъ чаще въ видѣ золотоискателей и т. д. или, какъ указано выше, какія нибудь преимущества въ другихъ мѣстностяхъ напр. просторъ, отсутствіе стѣсненій, изобиліе дичи и ягельныхъ мѣстъ и т. д. Разъ тронувшись въ путь, тунгусы обыкновенно не скоро останавливаются и часто движеніе, начатое въ извѣстномъ направленіи отдѣльными лицами или семьями, продолжается цѣлые годы и десятки лѣтъ, охватывая все большую и большую часть тунгусовъ извѣстной мѣстности. При этомъ у нихъ нерѣдко не замѣчается никакого соотвѣтствія между причинами, давшими первоначальный толчекъ къ передвиженію, съ одной стороны, и интенсивностью, размѣрами и продолжительностью этого движенія—съ другой.

При своихъ перекочевкахъ тунгусы не обращаютъ вниманія ни на границы округовъ, ни губерній и областей, что имъ впрочемъ разрѣшается и закономъ, не стѣсняются они даже границами государствъ,—всюду для нихъ открытъ путь, куда только можетъ пробраться легкая нога оленя или даже

пѣшій звѣроловъ. Не сдерживаетъ ихъ во время такихъ переселеній и ихъ приписка къ извѣстному пункту (суглану) ради платежа ясака. Это неудобство они обыкновенно обходятъ иногда такимъ образомъ, что ихъ князекъ или староста собираетъ съ нихъ ясакъ на ихъ новомъ мѣстожительствѣ и отвозитъ его вмѣстѣ съ нѣсколькими выборными лицами въ узаконенное мѣсто, причемъ къ этимъ делегатамъ иногда присоединяются и другіе тунгусы, желающіе посѣтить сугланъ ради сбыта пушнины и чтобы повидаться съ такъ называемыми «дружками» изъ русскихъ и якутовъ, у которыхъ они кредитуются и пожизненными кліентами которыхъ они состоятъ. Такимъ образомъ, Сахалинскіе тунгусы и понынѣ уплачиваютъ ясакъ въ г. Николаевскѣ Удской округи откуда происходятъ; Петропавловскіе вносятъ ясакъ на своей прежней родинѣ—въ Гижигѣ, Анадырскіе, частью (II Деллянскій рд.) приписаны тамъ же, частью (Долганскій р.) въ Колымскомъ округѣ, откуда происходятъ. Часть Амурскихъ и Удскихъ тунгусовъ собирается на сугланы въ Якутскомъ округѣ и т. д. И посѣщенія этихъ сугландовъ опять требуютъ большихъ путешествій.

Конечно, указанныя выше неблагопріятныя стеченія обстоятельствъ наблюдаются и у другихъ первобытныхъ племенъ Сибири (у юкагировъ, коряковъ, чуванцевъ, остяковъ и т. д.), но, какъ сказано, ни одно изъ нихъ не прибѣгаетъ при вышеуказанныхъ маловажныхъ случаяхъ къ выселеніямъ, какъ къ средству выдти изъ затруднительнаго положенія. Эта замѣчательная легкость въ передвиженіяхъ находитъ объясненіе въ живомъ, подвижномъ, характерѣ тунгуса, для котораго осѣдлая жизнь и даже долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ является большою тягостью, тунгуса, который не знаетъ привязанности къ родному пепелищу и смотритъ на всю необъятную Сибирь какъ на свою родину. Эта страсть къ бродячей жизни выработала въ немъ качества идеальнаго охотника, у котораго все, начиная съ жилища и одежды и кончая всѣмъ ихъ образомъ жизни, приспособлено, какъ нельзя лучше, къ постояннымъ скитаніямъ по горамъ и лѣсамъ и вообще къ передвиженіямъ.

ГЛАВА II.

Приростъ тунгусовъ.

Мы ознакомились съ прежней и настоящей территоріей тунгусскаго племени въ Сибири и съ ихъ нынѣшней численностью. Теперь перейдемъ къ группировкѣ и освѣщенію фактовъ, касающихся ихъ прежней численности. Путемъ сопоставленія тѣхъ и другихъ мы приблизимся къ рѣшенію доселѣ спорнаго вопроса о вымираніи тунгусскаго племени и отчасти выяснимъ, какіе факторы благопріятно вліяютъ на приростъ населенія тунгусовъ и, наоборотъ, чѣмъ обусловливается наблюдаемое во многихъ мѣстностяхъ Сибири уменьшеніе численности этого племени.

Такъ какъ тунгусовъ внѣ Сибири почти нѣтъ, то не существуетъ и иммиграціи этого племени. Эмиграція въ Китай (орочоновъ) правда наблюдается, но въ общемъ она въ настоящее время совсѣмъ ничтожна, а потому и значенія не имѣетъ. Поэтому при обсужденіи вопроса о приростѣ тунгусскаго населенія въ Сибири мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ его естественное приращеніе.

Наиболѣе правильно было бы рѣшить этотъ вопросъ на основаніи данныхъ о движеніи населенія, т. е. о числѣ умершихъ и родившихся инородцевъ этого племени въ разныхъ частяхъ этой окрайны. Но, если данныя, касающіяся осѣдлаго и кочеваго населенія, не отличаются ни полнотою, ни точностью, то учетъ рожденій и смертей у бродячихъ инородцевъ даже тамъ, гдѣ онъ производится, совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію. Оно и понятно. Не имѣя возможности объѣзжать тайгу въ поискахъ за своими прихо-

жанами, вѣчно мѣняющими мѣсто, священникъ видится со своей паствой по большей части лишь однажды, много дважды, въ годъ, пріѣзжая ради этой цѣли издали въ опредѣленный срокъ въ заранѣе назначенное мѣсто, гдѣ-нибудь у устья рѣчки, у озера или въ т. под. урочище, куда тунгусы извѣстныхъ родовъ ежегодно стекаются въ большемъ и меньшемъ числѣ ради взноса ясака и обмѣна своей добычи и продуктовъ оленеводства на необходимые имъ припасы и предметы (см. ниже). Въ эти дни суглана священникъ заочно отпѣваетъ умершихъ и даже похороненныхъ вдали и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, креститъ дѣтей и вѣнчаетъ изъявившихъ на то желаніе. Но сугланы посѣщаютъ далеко не всѣ инородцы, приписанные къ данному суглану. Иные забрели такъ далеко, что не успѣваютъ во время добраться до суглана, а между тѣмъ черезъ нѣсколько дней это мѣсто вновь опустѣетъ на многіе мѣсяцы; другіе не запромыслили достаточно соболя и бѣлки, чтобы внести ясакъ и уплатить часть долга купцамъ, у которыхъ они берутъ въ долгъ товары, третьи занемогли и умерли въ тайгѣ, а за ними часто умираетъ отъ голода и вся семья. Бываютъ и такіе случаи, что въ виду отдаленности суглана инородецъ исполняетъ свои требы у болѣе близко живущаго священника, который его и заноситъ въ свои списки и т. д. Такимъ образомъ, ежегодно значительная часть родившихся и въ еще большей степени умершихъ инородцевъ ускользаетъ отъ учета; въ особенности послѣднее касается холостыхъ и одинокихъ, о которыхъ въ случаѣ ихъ кончины некому извѣстить пастыря и старшину, а также малыхъ дѣтей, о смерти которыхъ священникъ узнаетъ лишь рѣдко. Вообще, регистрація родившихся производится нѣсколько лучше учета смертныхъ случаевъ, потому что большая ихъ часть все же бываетъ занесена въ метрику, если не въ самый годъ рожденія, то въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, между тѣмъ какъ этого нельзя сказать о смертныхъ случаяхъ. Итакъ, метрики священника, съ одной стороны, не показываютъ всѣхъ родившихся инородцевъ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые выжили мѣсяцъ и болѣе послѣ рожденія и, съ другой стороны, далеко не охватываетъ всѣхъ смертныхъ случаевъ. Естественно, поэтому, что изъ сопоставленія подобныхъ данныхъ нельзя дѣлать какихъ-либо болѣе или менѣе правильныхъ заключеній и выводовъ. Дѣйствительно, какъ имѣлъ случай убѣдиться авторъ настоящей книги надъ

подобными церковными записями касательно остяковъ Тобольскаго округа, которые къ тому же ведутъ осѣдлую жизнь, онѣ вообще мало пригодны для правильнаго сужденія о направленіи естественнаго прироста населенія. Въ большей степени это касается бродячихъ инородцевъ, какъ это видно изъ работы г. Майнова, у котораго тунгусы округовъ Олекминскаго и части Якутскаго показываютъ за девяностые годы истекшаго столѣтія перевѣсъ числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ на основаніи другихъ болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній, напр. изъ сопоставленія данныхъ переписи съ таковыми по ревизіямъ—они скорѣе показываютъ отрицательный естественный приростъ.

На этомъ основаніи мы вовсе не будемъ пользоваться данными о движеніи населенія для рѣшенія вопроса о приростѣ тунгусовъ. Замѣтимъ лишь, что изъ подобныхъ данныхъ г. Майновъ выводитъ, что смертность дѣтей у тунгусовъ не превышаетъ смертности ихъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ (Баварія, Австрія, Италія), но что за то смертность взрослыхъ и въ особенности женщинъ у нихъ оказывается гораздо болѣе нормальной. Въ общемъ же онъ высчитываетъ, что у тунгусовъ на каждыя 1000 душъ ежегодно умираетъ 61 д., т. е. въ $1^1/_2$ раза больше чѣмъ у русскаго населенія (по Янсону—38,1 д.).

Интересна также выведенная имъ на основаніи церковныхъ записей касательно двухъ приходовъ табличка, показывающая относительную смертность обоихъ половъ у тунгусовъ Якутскаго округа.

На 100 мужчинъ по этимъ даннымъ умираетъ женщинъ въ возрастѣ:

до 10 лѣтъ	—	90,6
отъ 10 до 40 л.	—	179,5
» 40 » 65 »	—	79,1
» 65 и выше	—	96,1

Съ этими выводами почтеннаго автора, кромѣ развѣ вывода объ смертности взрослаго населенія, мы не можемъ согласиться. Во-первыхъ, сравнительно небольшая смертность дѣтей у тунгусовъ объясняется конечно крайними неполнотой и несовершенствомъ регистраціи младенцевъ до 1 г. (см. выше) и, во-вторыхъ, огромная смертность женщинъ въ возрастѣ отъ

10 до 40 л. есть явленіе лишь кажущееся, еще разъ подтверждающее несовершенство метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ записей и непригодность ихъ для сужденія о приростѣ населенія, съ чѣмъ впрочемъ согласенъ и г. Майновъ. Дѣло въ томъ, что безъ сомнѣнія указанная чрезмѣрная смертность женщинъ въ цвѣтущемъ возрастѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ мужчинъ этихъ возрастовъ въ записи о смертныхъ случаяхъ попадаютъ лишь нѣсколько болѣе половины; остальные же или умираютъ на сторонѣ и заносятся въ списки чужихъ приходовъ или же погибаютъ безслѣдно въ тайгѣ, гдѣ о ихъ гибели иногда догадываются лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда о нихъ долго не получалось никакихъ извѣстій. Но, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ, при склонности тунгусовъ къ перемѣнѣ мѣста и къ отдаленнымъ путешествіямъ нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ въ ихъ дѣйствительной смерти, то такіе случаи исчезновенія инородцевъ не отмѣчаются въ церковныхъ записяхъ, между тѣмъ какъ женщины, живущія въ семьѣ и менѣе подвергающіяся опасности безслѣдно погибнуть во время передвиженія ради промысла, рѣже избѣгаютъ регистраціи со стороны священника. Этимъ и объясняется кажущійся значительный перевѣсъ смертности женщинъ въ цвѣтущемъ возрастѣ. Такъ какъ старики въ меньшей степени занимаются охотничьимъ промысломъ, то по этой же причинѣ смертность мужчинъ въ возрастѣ отъ 40 до 65 л., приближается къ смертности женщинъ и даже превосходитъ, ее по неизвѣстной для насъ причинѣ, послѣ 65 года перестающей дѣйствовать, когда смертность у обоихъ половъ выравнивается.

Въ виду указанной нами неполноты и неточности метрическихъ записей и выведенная г. Майновымъ норма смертности у тунгусовъ 61 д. на 1000 д. тоже вѣроятно должна быть повышена.

Мы ограничимся этими фактами, которые наглядно показываютъ, какъ трудно сдѣлать какіе-либо выводы изъ такихъ несовершенныхъ данныхъ, каковыми являются записи священниковъ о случаяхъ рожденій, смертности и браковъ. Замѣтимъ еще, что при чрезвычайно разнообразныхъ въ климатическомъ, орографическомъ, экономическомъ и т. д. условіяхъ, среди которыхъ проживаютъ тунгусы въ разныхъ частяхъ Сибири, можно быть увѣреннымъ, что данныя о приростѣ населенія въ раз-

ныхъ ея районахъ будутъ отличаться совершенно инымъ характеромъ, въ виду чего и данныя этого источника касательно какой-нибудь небольшой мѣстности не могутъ считаться типичными даже для всѣхъ тунгусовъ извѣстнаго округа.

Желая все же хотя бы приблизительно выяснить вопросъ о направленіи прироста тунгусскаго населенія Сибири, намъ придется ограничиться сопоставленіемъ ихъ численности въ извѣстныхъ районахъ за два періода времени, именно данныя переписи 1897 г. съ таковыми за одинъ изъ годовъ прежнихъ десятилѣтій. Но и здѣсь встрѣчаются не малыя затрудненія. Во 1-хъ, у насъ не имѣется точныхъ статистическихъ данныхъ за болѣе отдаленные періоды времени, каковые были бы наиболѣе желательны въ данномъ случаѣ. Въ болѣе раннія ревизіи учету подлежало главнымъ образомъ лишь мужское населеніе, платящее ясакъ, женщины же или вовсе не переписывались или же отмѣчались лишь ради счета, и притомъ лишь приблизительно; данныя же XVIII ст. еще менѣе пригодны для нашей цѣли, такъ какъ въ нихъ регистрировались по большей части лишь лица мужскаго пола и при томъ рабочаго возраста приблизительно отъ 18 до 50 л., т. е. платившія ясакъ. Въ большинствѣ случаевъ намъ поэтому придется ограничиться болѣе точными цифровыми данными X ревизіи 1859 г., гдѣ таковыя имѣются, хотя слѣдуетъ замѣтить, что ревизскія сказки имѣли характеръ посемейныхъ списковъ и отмѣчали, такимъ образомъ, лишь *постоянное* населеніе, между тѣмъ какъ перепись даетъ намъ свѣдѣнія касательно племеннаго состава жителей для *наличнаго* населенія, т. е. обѣ величины не совсѣмъ однородны, хотя за неимѣніемъ другихъ данныхъ и онѣ вполнѣ могутъ служить для выясненія вопроса о направленіи прироста тунгусовъ въ разныхъ частяхъ Сибири, если при совершеніи выводовъ сдѣлать соотвѣтствующія поправки.

Другая причина, почему данныя переписи 1897 г. и послѣднихъ ревизій являются величинами не вполнѣ удобосравнимыми, заключаются въ слѣдующемъ. Если данныя переписи, собранныя съ не малыми затратами силъ и средствъ, безъ сомнѣнія представляютъ значительные пробѣлы, то тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ прежнее время, когда край былъ менѣе заселенъ чѣмъ теперь, такъ что данныя послѣдней переписи и прежнихъ ревизій не всюду представ-

ляютъ удобосравнимыя величины тѣмъ болѣе, что бродячее населеніе, записанное во время одной изъ ревизій въ извѣстной мѣстности, могло при производствѣ переписи оказаться въ совершенно другой. Часто такія перемѣщенія носятъ лишь временной характеръ: тунгусы перебираются изъ мѣстности, гдѣ лѣсные пожары или другія причины разогнали и уменьшили дичь, въ другія, гдѣ она лучше сохранилась, но иногда они остаются на новыхъ мѣстахъ цѣлые годы напр. часть Якутскихъ тунгусовъ при производствѣ послѣдней переписи были застигнуты въ предѣлахъ Амурской и Приморской областей, часть Удскихъ тоже въ Амурской и въ Якутской областяхъ, часть Сахалинскихъ въ Удской округѣ откуда они происходятъ и т. д. Такимъ образомъ, если ограничиться лишь отдѣльными районами, напр. губерніями и областями или округами, то выводы отъ сопоставленія численности проживающихъ въ нихъ тунгусовъ за два періода времени, отстоящіе другъ отъ друга на нѣсколько десятковъ лѣтъ, не всегда будутъ достаточно убѣдительными тѣмъ болѣе, что и границы отдѣльныхъ округовъ и областей подверглись коегдѣ съ теченіемъ времени извѣстнымъ измѣненіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается болѣе выгоднымъ дѣлать подобныя сопоставленія по отдѣльнымъ родамъ тунгусовъ, независимо отъ территоріальныхъ границъ, имѣя однако при этомъ въ виду, что роды одинаковаго наименованія иногда встрѣчаются въ двухъ и трехъ самостоятельныхъ районахъ, являясь нерѣдко тутъ и тамъ коренными обитателями края или по крайней мѣрѣ застигнутыми тамъ русскими во время своихъ завоевательныхъ экспедицій по Сибири въ серединѣ XVII ст.

Еще лучше было бы распространить указанное сопоставленіе на все тунгусское населеніе Сибири, потому что въ данномъ случаѣ передвиженія тунгусовъ изъ одной ея мѣстности въ другую, происходящія со времени прежнихъ ревизій, не имѣли бы вреднаго вліянія на общіе выводы и всѣ мѣстныя отступленія отъ общаго правила сгладились бы и не мѣшали бы правильному освѣщенію картины прироста населенія всего тунгусскаго племени. Но полныхъ и точныхъ данныхъ касательно численности тунгусскаго населенія въ Сибири у насъ не имѣется, въ виду того, что свѣдѣнія за прежніе годы не охватываютъ всей территоріи Сибири. Отдѣльные авторы правда приводятъ подобныя огульныя цифровыя данныя, но эти дан-

ныя являются по большей части плодомъ приблизительныхъ исчисленій и прикидываній, а не реальными величинами и поэтому значенія имѣть не могутъ. Изъ этихъ исчисленій упомянемъ о слѣдующихъ: Штраленбергъ въ началѣ XVIII ст. опредѣлялъ численность Сибирскихъ тунгусовъ въ 70—80 тыс. душъ [1]). Кастренъ принималъ для 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія лишь 53.000 д. [2]), а Гагемейстеръ, на основаніи дѣйствительныхъ цифровыхъ данныхъ касательно большей части Сибири исчислялъ тунгусское населеніе Сибири, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ 35—40.000 душъ [3]). Слѣдуетъ однако замѣтить что въ эти числа не вошло тунгусское населеніе Амурской области и южныхъ округовъ и округъ Приморской—Хабаровскаго и части Удской), находившихся въ то время еще подъ владычествомъ Китая. Лишь Риттихъ принимаетъ въ разсчетъ и этихъ тунгусовъ, вычисляя численность всего тунгусскаго населенія Сибири за 70-е годы истекшаго столѣтія въ 68.000 д. об. п. [4]), каковая величина лишь немного выше выведенной нами для этого племени на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи населенія имперіи (64.500 д.—см. I вып., стр. 171).

Сопоставленіе между численностью тунгусовъ разныхъ мѣстностей по даннымъ переписи и за болѣе ранніе періоды времени нами отчасти уже сдѣлано въ предъидущихъ главахъ (см. также V гл.). Здѣсь намъ предстоитъ привести эти данныя въ систематическомъ порядкѣ и, сгруппировавъ и проанализировавъ ихъ, попытаться сдѣлать изъ нихъ общіе выводы.

Енисейская губернія.

Енисейскій округъ.

Въ предѣлахъ волостей Кежемской и Пинчугской перепись 1897 г. застигла 1.235 д. (647 м.) мѣстныхъ тунгусовъ или на 29 д. больше противъ X ревизіи $185^{8}/_{9}$ г.—1.206 д. об. п. (I вып., стр. 160).

Въ XVII и XVIII ихъ численность была значительно

---

[1]) C. Hiekisch: „Die Tungusen“, 44.
[2]) „Ethnol. Vorles.“, 23.
[3]) „Статист. обозр. Сибири“, 1854. III, 21 сл.
[4]) C. Hiekisch., ibid., 45.

больше, что видно изъ описанія борьбы тунгусовъ съ береговъ В. Тунгуски съ русскими. Такъ, многочисленные тунгусы князя Тасея, обитавшаго по лѣвому ея притоку, названному по его имени, теперь болѣе не существуютъ. Въ позднѣйшее время число тунгусовъ сильно сократилось отъ разныхъ эпидемій, со времени прихода русскихъ начавшихъ опустошать инородческія кочевья. Особенно памятны въ этомъ отношеніи оспенныя эпидеміи 1850—51 гг. Болѣе другихъ родовъ въ эту эпидемію пострадали Илимпейскій, Нижне-Чумскій и I и II Лѣтніе.

Какъ измѣнилась численность каждаго отдѣльнаго рода этихъ тунгусовъ со времени X ревизіи, намъ не извѣстно, потому что за $185^{8}/_{9}$ г. у насъ имѣется лишь огульная цифра тунгусскаго населенія (см. I вып , 160). Съ извѣстностью можно сказать лишь то, что II Лапагирскій родъ съ тѣхъ поръ вымеръ.

Сравнительно сильно уменьшилось за то же время тунгусское населеніе, живущее въ предѣлахъ Анциферовской волости того же округа. Перепись застигла въ 1897 г. въ этой мѣстности всего 70 д. (40 м.), изъ коихъ 31 д. (19 м.) проживали по лѣвому берегу Енисея и 39 д. (21 м.) по правому, гл. обр. въ бассейнѣ р. Б. Пита. Въ $185^{8}/_{9}$ г. въ этихъ районахъ числилось 225 д., изъ коихъ 127 д. (Милитскій родъ) бродили полѣвому и 98 д. (Питско-Варагонской р. съ 4 д. Верхне-Чумскаго) по правому берегу Енисея. Такимъ образомъ, численность тунгусовъ въ Анциферовской вол. уменьшилась за 38 д. болѣе чѣмъ въ три раза, причемъ это уменьшеніе зависитъ, по всему судя, исключительно отъ вымиранія, а не отъ ухода ихъ въ другія мѣста, ни отъ обрусѣнія и превращенія ихъ въ крестьянъ. Это удостовѣряется тѣмъ, что названные роды нигдѣ болѣе зарегистрированы не были и тѣмъ, что въ переписныхъ листахъ коренныхъ жителей Сибири почти всегда можно легко отличить отъ русскихъ: даже окончательно обрусѣвшіе тунгусы показываютъ себя въ графѣ о сословіи не крестьянами, какъ русскіе, а «инородцами» и «тунгусами». Въ особенности странно, что въ коренной области Милитскаго рода, въ бассейнѣ р. Сымъ, перепись не зарегистрировала ни одного тунгуса.

Общее число мѣстныхъ тунгусовъ Енисейскаго округа (т. е. за исключеніемъ пришлыхъ 23 д.), переписанныхъ въ

предѣлахъ означеннаго округа, было въ 1897 г. — 1.310 д. (690 м.) противъ 1.431 д. по X ревизіи, что показываетъ убыль въ 121 д. об. п. или 8,5% за періодъ времени въ 38 лѣтъ, падающую, какъ мы видѣли, почти исключительно на тунгусовъ Анциферовской волости, которые находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ русскими, главнымъ образомъ по р. Б. Питу и вообще въ районѣ пріисковъ.

Туруханскій край.

Чтобы сопоставить цифру, показывающую численность тунгусскаго населенія края по переписи—1.831 д. (956 м.)—съ таковой за предъидущіе годы, надо обѣ величины сдѣлать болѣе или менѣе удобосравнимыми. Для этого намъ необходимо ограничиться лишь коренными тунгусскими родами Туруханскаго края, вычтя изъ его наличнаго тунгусскаго населенія за 1897 г. тѣхъ тунгусовъ, которые прибыли въ этотъ край изъ Якутской области - 73 д. (35 м.) и прибавить къ нему 34 д. (21 м.) представителей Илимпейскаго (Комбойскаго) рода, зарегистрированныхъ въ предѣлахъ Вилюйскаго округа, и 3 д. въ Енисейскомъ округѣ. При такой поправкѣ численность 9 коренныхъ тунгусскихъ родовъ Туруханскаго края: Жиганскаго, Боганидскаго, Чапогирскаго (съ Панкагирскимъ), Усть-Турыжскаго, II, III и IV Лѣтнихъ, Илимпейскаго, Нижне-Чумскаго (съ I Лѣтнимъ) [1]) достигнетъ 1.795 д. (945 м.). По VIII ревизіи (1834 г.) въ нихъ числилось 749 м. и 372 ж. [2]), а по X ревизіи ($185^{8}/_{9}$ г.) 799 м. и 595 ж. [1]).

---

[1]) Мы здѣсь не приняли въ разсчетъ тунгусскій (?) Подкаменно Тунгусскій родъ, который фигурируетъ въ перечнѣ тунгусскихъ родовъ съ указаніемъ ихъ численности въ VIII (94 д.) и X ревизію (96 д.), у Третьякова („Туруханскій край“, стр. 159), но котораго нѣтъ у Миддендорфа (l. c. IV, 1.477) и который не встрѣчается (какъ тунгусскій родъ) въ переписи. Въ вышеуказанномъ источникѣ (Третьяковъ) имѣется и особый Подкаменно-Тунгусскій *остяцкій* (Енисейскій) родъ, въ которомъ въ 1833 г. числилось 137 д. (96 м.) и въ $185^{8}/_{9}$ г. — 81 д. (51 м.), а по переписи 1897 г.—59 д. (35 м.).

[2]) Миддендорфъ (IV, 1.477) приводитъ за 1838 г. (?) почти одни числа съ VIII ревизіей для мужчинъ и значительно большія для женщинъ, именно у него въ 8 родахъ тунгусовъ (тѣ же безъ Жиганскаго) оказывается въ 1838 г. 678 м. и 626 ж. вмѣсто 1.022 д. (346 ж.) по VIII ревизіи. Интересно, что Усть-Турыжскій родъ у него названъ Усть-Курейскимъ. Гагемейстеръ опредѣляетъ за 40-ые гг. прошлаго столѣтія численность тунгусовъ 11 обществъ Туруханскаго края въ 1.981 д. (1.011 м.), но въ это число вѣроятно включены и долгане („Статистич. обозр. Сибири“, 1854, II, 24—25).

За 25 лѣтъ, протекшихъ между этими двумя ревизіями, численность тунгусовъ почти не измѣнилась у мужчинъ и сильно возросла у женщинъ. Послѣднее явленіе однако только кажущееся, такъ какъ въ прежнее время точный счетъ производился лишь мужскому населенію, которое обязано было платить подати и отбывать воинскую повинность, женщины же учитывались лишь самымъ поверхностнымъ образомъ. Такимъ образомъ, по даннымъ 1834 г., число женщинъ оказалось въ два раза меньшимъ сравнительно съ числомъ мужчинъ, а въ $185^{8}/_{9}$ г. на 100 мужчинъ приходилось 74 женщины. Поэтому сопоставленію за прежніе годы могли подлежать лишь мужчины. Сравнивая данныя за эти годы съ таковыми за 1897 г., мы увидимъ, что за 38 л., протекшихъ между переписью и X ревизіей, число тунгусовъ возросло на 401 д. (146 м.) или на $28{,}8\,^0/_0$, причемъ это возрастаніе больше коснулось женщинъ, чѣмъ мужчинъ, обстоятельство, которое до извѣстной степени объясняется лучшей регистраціей населенія въ 1897 г.

Вообще, указанное возрастаніе тунгусскаго населенія не особенно убѣдительно и можетъ быть является лишь кажущимся. Дѣйствительно, колебанія въ численности тунгусскаго приписного населенія края за разные годы столь значительны, что не могутъ быть объяснены лишь измѣненіями естественнаго прироста (иммиграція исключена, потому что дѣло идетъ о постоянномъ населеніи). Напримѣръ, кн. Костровъ [1]) показываетъ численность тунгусовъ края за 1850 г. въ 2.198 м. д., а Степановъ около 15 л. раньше насчитывалъ всего 1.879 д.

Послѣ эпидемій 1850—51 гг. число ихъ опять пало приблизительно до 1.700 м. д. (по кн. Кострову). Разобраться въ этихъ разнорѣчіяхъ еще потому трудно, что какъ мы видѣли, разные авторы не одинаково понимаютъ, какіе изъ мѣстныхъ инородческихъ родовъ слѣдуетъ считать тунгусскими. Нѣкоторые присоединяли къ нимъ долганъ или одинъ изъ ихъ родовъ, другіе еще самоѣдскіе и Енисейско-остяцкіе роды, смѣшивая ихъ съ тунгусскими.

Если сопоставленіе данныхъ о численности тунгусовъ за 1859 и 1897 гг. произвести по отдѣльнымъ ихъ родамъ (см. ниже), то мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ въ

[1]) „Очерки Туруханскаго края“, 87 сл.

этомъ отношеніи произошли значительныя перемѣны, именно роды: Чапогирскій, Нижне-Чумскій, III и IV Лѣтніе и Жиганскій явно уменьшились, а Боганидскій, II Лѣтній и Илимпейскій увеличились въ числѣ. Впрочемъ, въ виду большой затруднительности приводить въ извѣстность бродячее и кочевое населеніе, проживающее въ малодоступныхъ мѣстностяхъ и постоянно мѣняющее мѣсто, весьма возможно, что въ данныхъ за 1859 и 1897 гг. имѣются недочеты, причемъ эти недочеты за оба года могли касаться разныхъ родовъ.

Въ итогѣ за 38 лѣтъ коренное (приписное) тунгусское населеніе Енисейской губерніи возросло съ $185^8/_9$ г. (2.825 д.) по 1897 г. (3.105 д.) на 280 д. или почти на $10^0/_0$.

Иркутская губернія.

Верхоленскій округъ.

Въ *Тутурскомъ* вѣдомствѣ въ 1897 г. оказалось 167 д. (78 м.) противъ 253 д. (116 м.) въ X ревизію $185^8/_9$ г. и 263 д. (124 м.) въ IX ревизію (1851 г.) [1]). Раньше ихъ число было еще больше: Георги во вторую половину XVIII ст. опредѣляетъ ихъ число въ 193 муж. д. [2]).

Въ *Очеульскомъ* вѣдомствѣ въ 1897 г. было зарегистровано 401 д. (202 м.) противъ 470 д. (241 м.) въ $185^8/_9$ г. и 510 д. (256 м.) въ 1851 г. [1]), а во 2-й половинѣ XVIII ст. ихъ число простиралось до 347 муж. д. [2]).

Если предположить, что и отдѣльные тунгусы, проживающіе въ русскихъ деревняхъ и т. д., за исключеніемъ коч. Качикъ, принадлежатъ къ Тутурскому и Очеульскому вѣдомствамъ, то наличное населеніе этихъ послѣднихъ будетъ равно по даннымъ переписи 601 д. (300 м.) противъ 773 д. (380 м.) въ IX ревизію (1851 г.) и 723 д. (357 м.) въ X рев. ($185^8/_9$ г.), что соотвѣтствуетъ уменьшенію на $22{,}3^0/_0$ за періодъ въ 46 лѣтъ. Главными причинами вымиранія этихъ тунгусовъ являются: въ прежнее время—эпидемическія болѣзни (оспа, горячка) и въ болѣе позднѣйшіе періоды—частыя голодовки вслѣдствіе уменьшенія дичи въ лѣсахъ.

---

[1]) П. Кларкъ въ „Зап. Сиб. О. И. Р. Геогр. О.“, VI. 1863, 88.

[2]) Ibid., стр. 296. Онъ ихъ и Очеульскихъ тунгусовъ принимаетъ за бурятовъ.

Киренскій округъ.

Въ *Киренско-Хандинскомъ* вѣдомствѣ въ 1897 г. числилось 334 д. (167 м.), а въ 1824 г. 508 м. д. [1]) или приблизительно 1000 д. об. п. (см. I вып., стр. 106), т. е. за 73 года населеніе этого вѣдомства уменьшилось почти въ три раза.

Въ рукописной замѣткѣ, приложенной къ образцамъ мѣстныхъ нарѣчій, собранныхъ одновременно съ переписью, завѣдывавшій II переписнымъ участкомъ Киренскаго округа учитель В. Кульчихинъ, сообщаетъ, что еще недавно ихъ число было значительно больше, причемъ приписываетъ эту убыль населенія главнымъ образомъ эпидеміямъ оспы. Упомянемъ по этому поводу, что предохранительныя прививки стали у нихъ практиковаться лишь весьма недавно и по сейчасъ носятъ случайный характеръ.

Въ *Кондогирскомъ* вѣдомствѣ по оффиціальнымъ даннымъ за 1824 г. число тунгусовъ было равно 325 м. д. [1]) или 500—650 д. об. п., а по даннымъ переписи 1897 г.—293 д. (146 м.), т. е. за 73 г. со времени 1824 по 1897 г. эти тунгусы уменьшились болѣе чѣмъ въ два раза.

Численность *Курейскихъ* тунгусовъ (составляющихъ одно вѣдомство съ Кондогирскими) была въ 1897 г.—382 д.(211 м.), а въ 1824 г. 423 д. м. п. [1]), что при настоящемъ половомъ ихъ составѣ соотвѣтствуетъ наличному населенію въ 766 д. И здѣсь за 73 г. наблюдается убыль тунгусовъ въ два раза.

Нижне-Илимское вѣдомство. Въ 1897 г.—258 д.(116 м.) тунгусовъ, а въ 1824 г. (ibid.) въ немъ числилось 423 мужскихъ представителей этого племени, что соотвѣтствуетъ приблизительно 770 душамъ об. п.

Эта значительная убыль тунгусовъ можетъ быть объяснена почти исключительно вымираніемъ, а не выселеніемъ ихъ изъ предѣловъ округа, хотя и это по временамъ имѣетъ мѣсто. Такъ, на вышеуказанной схематической картѣ (см. I вып., стр. 105.) имѣется помѣтка, относящаяся къ мѣстности по лѣвому берегу Ангары, прибл. противъ устья р. Илима: «лѣтъ шесть тому назадъ тунгусы ушли отсюда, съ Ангары, ниже, въ Енисейскую губернію», гдѣ однако эти тунгусы переписью 1897 г. обнаружены не были.

---

[1]) Указъ Иркутскаго губернск. правл. 18 іюля 1824 г. (Кулом. V, 153).

Если изъ наличнаго числа тунгусовъ Киренскаго округа—1399 д. (712 м.) вычесть 32 д. (20 м.) пришлыхъ и присоединить 9 м., застигнутыхъ въ Туруханскомъ краѣ, то коренные тунгусы округа составятъ 1376 д. (701 м.), которые всѣ принадлежатъ къ вышеупомянутымъ четыремъ группамъ тунгусовъ. По указу Иркутскаго губернскаго правленія 1824 г. въ этихъ четырехъ группахъ (тогда управахъ) числилось 1679 д. мужскаго пола, а по Гагемейстеру за 1840 г.—1695 д. об. п. (826 м.). Такимъ образомъ, убыль тунгусскаго населенія (мужчинъ) этого округа простирается за 73 года, т. е. съ 1824 г., приблизительно на 139,5% ихъ прежняго числа и убыль населенія обоего пола за 57 г. до переписи на 18,8%. Такимъ образомъ, судя по всему, въ 20—30 годахъ истекшаго столѣтія какія-нибудь эпидеміи сильно свирѣпствовали между тунгусами даннаго края, сокративъ ихъ число болѣе чѣмъ на половину.

Иркутскій округъ.

Въ двухъ стойбищахъ Кудинскаго вѣдомства (I вып., стр. 111) въ 1897 г. было зарегистровано 78 д. (34 м.). Съ этими тунгусами, проживающими въ бассейнѣ р. Голоустной, вѣроятно, слѣдуетъ сопоставить такъ называемыхъ Голоустинскихъ тунгусовъ, которыхъ по X ревизіи оказывается 131 д. (63 м.)[1]). Врядъ ли сюда включены и тунгусы Верхне-Кетскаго улуса Отд. Сейгутскаго рода, которыхъ въ 1897 г. числилось 48 д. (21 м.). По мѣстной переписи $188^{7}/_{8}$ г. число Голоустинскихъ тунгусовъ (безъ Верхне-Кетскихъ) простиралось до 104 д. (61 м.), что показываетъ значительную убыль противъ X ревизіи. Что касается до несоотвѣтствія этого числа съ данными переписи, то, принимая во вниманіе короткій срокъ между обоими указанными регистраціями, слѣдуетъ полагать, что часть тунгусовъ во время переписи 1897 г. находилась въ отлучкѣ и избѣгла учета.

Балаганскій округъ.

Число тунгусовъ Мало-Бѣльскаго улуса Ныгдинскаго вѣдомства простиралось въ X ревизію до 48 д. (27 м.), а въ 1897 г. ихъ было всего 41 д. (23 м.).

---

[1]) См. 2 прим. I, стр. 112.

Не имѣя возможности, вслѣдствіе разнородности прежнихъ данныхъ касательно численности населенія Иркутской губерніи, сдѣлать общій подсчетъ ея тунгусскому населенію за отдаленныя эпохи, чтобы сопоставить ихъ съ таковыми за 1897 г., мы все же на основаніи вышеизложеннаго можемъ съ увѣренностью сказать, что въ данной губерніи это племя показываетъ сильную убыль противъ прежнихъ лѣтъ, въ Киренскомъ округѣ составляющую почти 60% ихъ численности въ 1824 г.

Противъ 1840 г., когда тунгусское населеніе губерніи опредѣлялось въ 3401 д. (1716 м.), изъ коихъ 1695 д. приходилось на Киренскій округъ [1]), убыль этого племени къ 1897 г. простирается до 1210 д. или 35,6%.

Съ этимъ отрицательнымъ приростомъ тунгусовъ Киренскаго округа интересно сопоставить приростъ якутовъ, появленіе которыхъ въ предѣлахъ означеннаго округа относится къ началу истекшаго столѣтія. Въ 20-хъ годахъ этого столѣтія въ немъ числилось 1427 мужскихъ душъ тунгусовъ [2]) и 25 м. д. якутовъ, изъ коихъ первые уменьшились къ 1897 г. до 701 м. д., или на 50,9% (см. также стр. 47), а вторые увеличились за тотъ же періодъ времени, правда въ значительной степени путемъ иммиграціи изъ смежныхъ округовъ Якутской области, до 1369 м. д. или на 5376%! Нынѣ они составляютъ цѣлое Сунтарско-Олекминское вѣдомство (см. I вып., стр. 98).

Якутская область.

Нижеслѣдующая таблица, составленная на основаніи XI таблицы I вып. (стр. 114) настоящаго труда и на основаніи данныхъ о численности тунгусовъ Якутской области въ $185^{8}/_{9}$ г., даетъ нѣкоторое понятіе объ измѣненіи численности тунгусскаго населенія въ области со времени X ревизіи.

---

[1]) Гагемейстеръ, ibid., 24—25.

[2]) Указъ Иркутск. губ. правл. 18 іюля 1824 г. („Комм. для изслѣд. землевлад. и землепольз. въ Забайк. обл.“, вып. V, стр. 152). Приведенное число тунгусовъ не сходится съ указаннымъ выше (стр. 47). за тотъ же періодъ (1679 м. д.). Можетъ быть здѣсь приняты въ разсчетъ лишь платежныя души съ выключеніемъ неспособныхъ къ труду

ТАБЛИЦА I.

Названія округовъ	Населеніе 1859 г. (постоянное).			Населеніе 1897 г. (наличное).			Приростъ
	м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.	об. п.
1. Вилюйскій. . . .	2.081	1.625	3.706	1.984	2.078	4.062	+356
2 Олекминскій.	497	378	875	448	410	858	— 17
3. Якутскій	3.053	2.627	5.680	2.390	2.122	4.512	—1.168
4. Верхоянскій. . . .	885	737	1.622[1])	876	812	1.688	+ 66
5. Колымскій	670	599	1.269	553	558	1 111	—158
Итого . . .	**7.186**	**5.966**	**13.152**	**6.251**	**5.980**	**12.231**	**—921**

Изъ этой таблицы усматривается, что тунгусское населеніе Якутской области уменьшилось за періодъ времени отъ X ревизіи до послѣдней переписи 1897 г. на 7,0%, причемъ эта убыль населенія наблюдается въ трехъ ея округахъ изъ пяти. Возросло оно, напротивъ, въ Вилюйскомъ и Верхоянскомъ округахъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что судить по даннымъ 8 графы о приростѣ тунгусскаго населенія области никоимъ образомъ нельзя уже потому, что свѣдѣнія переписи 1897 г. и ревизіи 1859 г. представляются величинами почти несравнимыми. Ревизскія сказки даютъ намъ численность приписного населенія, т. е. постояннаго, независимо отъ того, гдѣ оно обитало въ моментъ ревизіи, перепись же собирала данныя, главнымъ образомъ, о наличномъ населеніи [2]), въ виду чего всѣ тунгусы этой области, проживающіе въ другихъ округахъ и даже областяхъ, попали въ ея матеріалѣ въ число населенія этихъ послѣднихъ. Это обстоятельство имѣетъ въ данномъ случаѣ тѣмъ большее значеніе, что въ противоположность тунгусамъ Енисейской и Иркутской губерній и Забай-

[1]) См. прим. на стр. 56.

[2]) Данныя о постоянномъ населеніи, тоже заключающіяся въ переписныхъ листахъ, печатаются въ результатахъ переписи лишь въ видѣ итоговъ по округамъ (безъ распредѣленія по національностямъ) и не вполнѣ достовѣрны.

кальской области, по большей части, ограничивающихъ свои перекочевки предѣлами своей губерніи или области и даже округа, Якутскіе тунгусы проявляютъ весьма большую склонность къ передвиженіямъ на далекія разстоянія и не только въ значительномъ числѣ переходятъ изъ однихъ округовъ данной области въ другіе, но и въ сосѣднія мѣстности Амурской и Приморской областей и отчасти въ Иркутскую и Енисейскую губерніи. На этомъ основаніи цифровыя данныя по каждому округу слѣдуетъ подвергнуть подробному анализу, который и дастъ возможность выяснить, въ какихъ случаяхъ убыль дѣйствительно зависитъ отъ уменьшенія численности извѣстной группы тунгусовъ и гдѣ измѣненія, происшедшія въ этомъ отношеніи, объясняется выселеніемъ части этого племени въ другія мѣста.

Вилюйскій округъ.

Часть изъ девяти коренныхъ родовъ этого округа со времени X ревизіи увеличилась въ числѣ, часть уменьшилась. *Угулятскій* р. увеличился за промежутокъ въ 38 лѣтъ на 48 д., хотя число мужчинъ и уменьшилось на 17 д., фактъ, удостовѣряющій, что въ 1859 г. регистрація женщинъ не была полна; *Шологонскій (Шелогонскій)* р. за этотъ періодъ времени возросъ съ 382 д. (226 м.)[1]) до 423 д.—213 м., (не считая 21 д. II Шологонскаго р.), причемъ и у него наблюдается то же явленіе. *Хатыгинскій* р., напротивъ, показываетъ столь значительный приростъ населенія обоихъ половъ—съ 470 д. (253 м.) въ 1859 г. онъ возросъ къ 1897 г. до 792 д. (380 м.), что заставляетъ предполагать какой-нибудь недочетъ въ ревизіи 1859 г. или причисленіе къ нему тунгусовъ другихъ родовъ.

Нѣкоторые роды прямо уменьшились въ числѣ. Таковъ р. *Жахутскій*, въ которомъ въ 1859 г. считали 710 д. (381 м.), а въ 1897 г. перепись обнаружила только 606 д. (301 м.). *Кельтятскій* р. съ 237 д. (129 м.) въ X ревизію уменьшился за 38 л. до 187 д. (98 м.), можетъ быть, отчасти вслѣдствіе выселенія въ Якутскій окр. *Тобуйскій (Тогуй-*

[1]) Данныя X ревизіи см. „Пам. кн. Якутск. обл. на 1863 г.“.

скій) р. состоялъ въ 1897 г. изъ 137 д. (въ томъ числѣ 11 д. въ Олекм. окр.), а въ 1859 г. изъ 191 д. (106 м.).

Изъ остальныхъ родовъ этого округа у насъ имѣются интересныя данныя, начиная съ конца XVIII столѣтія относительно *Брагатскаго (Барагатскаго)* р., прежде принадлежавшаго къ Олекминскому округу. Въ 1782 г. въ этомъ родѣ числилось 173 д. м. п., въ V рев. (1796 г.) 208 д., въ 1811 г.— 249, въ 1824 г.—263 и въ 1859 г.—339 м. д., т. е. этотъ родъ показываетъ постоянный положительный приростъ. Перепись 1897 г. дала для этого рода въ Вилюйскомъ округѣ 471 д. (241 м.) и въ Олекминскомъ—63 д. или всего 534 д., изъ коихъ 269 м Изъ этихъ данныхъ видно, что численность этого рода уменьшилась къ переписи до числа, которое онъ имѣлъ въ началѣ истекшаго столѣтія.

Прочіе роды не вполнѣ одинаковы по своимъ названіямъ въ разныхъ источникахъ, что сильно затрудняетъ сопоставленіе. Въ ревизіи 1859 г. приводятся роды: *Бетильскій*— 202 д. (116 м.) и *Бетюльскій* — 505 д. (277 м.), между тѣмъ какъ по даннымъ переписи 1897 г. вмѣсто нихъ появляются другіе роды: *Бетинскій* (*Бетюнскій*) въ 385 д. (185 м.) въ Вилюйскомъ округѣ, 130 д. (73 м.) въ Верхоянскомъ и 48 д. (23 м.) въ Туруханскомъ краѣ или всего 563 д. (281 м.) и *Бетильскій* въ 11 д. (6 м.). Если Бетюнскій, можетъ быть и соотвѣтствуетъ Бетюльскому, то численность Бетильскаго рода слишкомъ ничтожна съ приводимой для него по X ревизіи. Но наряду съ названными двумя родами въ переписномъ матеріалѣ появляется еще новый многочисленный родъ *Чордунскій* (*Чордутскій*), численность котораго въ 1897 г. была 426 д. (208 м.) въ Вилюйскомъ округѣ и 30 д. (13 м.) въ Верхоянскомъ, не считая немногихъ лицъ въ другихъ мѣстахъ. Можетъ быть этотъ родъ играетъ роль Бетюнскаго р. ревизіи, потому что въ Якутскомъ округѣ имѣется одноименный родъ якутовъ, принадлежащій къ III Бетюнскому наслегу Батурусскаго улуса?

Какъ бы то ни было, изъ сопоставленія численности только что упомянутыхъ родовъ, по даннымъ ревизіи и переписи, трудно что-либо вывести для сужденія о характерѣ прироста и для выясненія направленія, въ которомъ совершается измѣненіе тунгусскаго населенія округа. Лучше для этой цѣли ограничиться первыми семью родами. Изъ нихъ, какъ мы видѣли,

сильный приростъ показываетъ лишь одинъ Хатыгинскій родъ; у двухъ (Угулятскаго и Шелогонскаго) приростъ лишь кажущійся, объясняемый, вѣроятно, недостатками регистраціи женщинъ въ 1859 г., а всѣ остальные показываютъ прямо убыль. Слѣдовательно, и въ Вилюйскомъ округѣ бродячее тунгусское населеніе въ общей своей массѣ вымираетъ.

Олекминскій округъ.

Относительно Олекминскаго округа мы имѣемъ слѣдующія данныя: въ 30-хъ годахъ XVIII в., т. е. приблизительно 100 лѣтъ послѣ основанія Олекминскаго острога, къ нему было приписано 760 якутовъ и тунгусовъ. Если считать число вторыхъ въ 260 м. д. (по даннымъ 1767 г. въ ихъ 4-хъ родахъ числилось 242 м. д.), то на долю якутовъ придется ок. 500 м. д. Черезъ сто лѣтъ 2-я Ясачная Коммиссія опредѣлила число якутовъ уже въ 4.197 м. д., а тунгусовъ въ 491 м. д. т. е. якуты за 100 л. увеличились въ 8 разъ, а тунгусы лишь въ два (Майновъ).

Къ 1897 г. якутское населеніе Олекминскаго округа возросло уже до 7.871 м. д. или увеличилось прибл. за 67 л. на 88%, между тѣмъ какъ тунгусы за то же время слегка убавились въ числѣ (448 м.). Въ результатѣ *за всѣ 167 лѣтъ до переписи якуты увеличились почти въ 16 разъ, въ то время какъ тунгусы возросли менѣе чѣмъ въ 2 раза* и то этотъ приростъ относится лишь къ первому столѣтію.

Изъ трехъ коренныхъ родовъ этого округа по прежнимъ ревизіямъ (о Брагатскомъ см. выше) въ переписи 1897 г. встрѣчается почти лишь одинъ *Жуюганскій*, который показываетъ огромное увеличеніе численности—съ 339 д. (178 м.) въ 1859 г. до 579 д. (304 м.) въ 1897 г. За то другіе роды почти отсутствуютъ: *Хахагирскій* вм. 275 д. (152 м.) въ $185^{8}/_{9}$ г. представленъ въ переписи числомъ 3 д. и *Киндыгирскій* вм. 261 д. (167 м.)—6 д., причемъ эти роды не встрѣчаются и въ другихъ округахъ области. Конечно нельзя предполагать, чтобы они за періодъ времени въ 38 л. отъ X ревизіи почти совершенно вымерли, потому что они нѣсколько увеличились съ конца прошлаго столѣтія (см. V главу). Часть ихъ (Хахагирскій р.) вѣроятно причислилась къ Жуюганскому роду

и отчасти фигурируетъ въ числѣ тунгусовъ, не показавшихъ своихъ родовъ—146 д. (75 м.). Киндыгирцы вѣроятно почти всѣ выселились въ Амурскую область послѣ X ревизіи. Дѣйствительно, Орловъ, посѣтившій эту область въ началѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, не упоминаетъ тамъ объ этомъ родѣ, а Пасвикъ въ 1882 г. опредѣляетъ ихъ численность въ означенной области въ 269 д., т. е. почти въ то же число, которое приводитъ ревизія за 1859 г. Замѣтимъ къ слову, что и въ Баргузинскомъ округѣ Забайкальской области имѣются коренные тунгусы Киндыгирскаго рода. Причисленіе изъ одного рода къ другому, о которомъ мы выше упомянули, есть явленіе обычное у тунгусовъ и у другихъ инородцевъ Сибири. Вѣроятно этимъ объясняется и исчезновеніе къ X ревизіи цѣлаго *Логоцкаго* рода прежнихъ ревизій (см. стр. 145), который, судя по цифровымъ даннымъ, еще до X ревизіи причислился къ Киндыгирскому роду.

Если принять во вниманіе, что застигнутые въ предѣлахъ Олекминскаго округа части постороннихъ родовъ (Брагатскаго, Сологонскаго, Тобуйскаго и т. д.) съ излишкомъ должны компенсировать потерю коренныхъ Олекминцевъ отъ выселенія, то и здѣсь оказывается, что со времени X ревизіи эти послѣдніе болѣе или менѣе уменьшились въ числѣ.

Якутскій округъ.

Мы разсмотримъ по тѣмъ четыремъ отдѣламъ, на которые распадается его тунгусское населеніе.

Кангаласское вѣдомство. Численность тунгусовъ семи родовъ въ 1859 г.—1.301 д. (723 м.) и въ 1897 г.—1.115 д. (643 м.) т. е. въ общемъ ихъ число уменьшилось. Изъ нихъ *Никагирскій* и *III Белэтскій* почти не измѣнились въ числѣ, *Шологонскій*, *II Белэтскій* и *Нюрмаганскій* увеличились, а остальные уменьшились въ числѣ. Увеличеніе Шологонскаго и II Белэтскаго, какъ мы видѣли выше (I, стр. 86), объясняется иммиграціей извнѣ. Значительное увеличеніе Нюрмаганскаго рода съ 167 д. до 204 д. въ Якутскомъ (и 31 д. въ Верхоянскомъ) не объяснимо. Что касается до убыли въ численности родовъ *I Белэтскаго* съ 340 д. на 242 д. и *Буягирскаго* съ 290 д. на 101 д., то она въ значительной степени

объясняется переселеніемъ этихъ двухъ родовъ въ Амурскую область, гдѣ часть ихъ и была зарегистрирована подъ названіемъ «орочоновъ» въ западной полосѣ области и часть—тунгусами. Пасвикъ за 1882 г. даетъ слѣдующія цифры для этихъ родовъ въ предѣлахъ западной части Амурской области: I Белетскій родъ—275 д. и Баягирскій р.—90 д. [1]), причемъ происхожденіе ихъ изъ Якутской области не подлежитъ сомнѣнію. Такъ какъ число Белэтцевъ Амурской области оказывается намного большимъ противъ ихъ убыли съ 1859 г., то слѣдуетъ предположить, что они нѣсколько увеличились въ числѣ или что главная часть ихъ туда выселилась еще до X ревизіи. Такимъ образомъ, Кангаласскіе тунгусы, судя по имѣющимся даннымъ, если не возросли, то и не уменьшились въ числѣ со времени 1859 г.

Ламунхинскіе тунгусы. Этотъ родъ, распадающійся на 4 колѣна, въ 1859 г. состоялъ изъ 449 д., а въ 1897 г. изъ 354 д., изъ коихъ 236 д. были зарегистрированы въ Якутскомъ и 118 д. въ Верхоянскомъ округѣ, куда онъ частью выселился. Здѣсь констатируется, такимъ образомъ, убыль въ 95 д.

Баягантайскіе тунгусы. Изъ ихъ трехъ родовъ *Годниканскій* сильно уменьшился со времени X ревизіи (на 51 д.), *III Годниканскій* изъ него совершенно исчезъ, а *Мямяльскій* родъ не измѣнился въ числѣ: онъ состоялъ въ 1859 г. изъ 532 д. и въ 1897 г. изъ 538 д., изъ коихъ однако 140 д. были переписаны въ Верхоянскомъ округѣ и 54 д. въ Охотской округѣ (Прим. обл.). III Годниканскій родъ вѣроятно цѣликомъ выселился въ Охотскую округу, гдѣ по даннымъ переписи имѣется два II Годниканскихъ рода, изъ коихъ одинъ названъ еще «Оймяконскимъ» по одной мѣстности, лежащей въ районѣ верхней Индигирки, къ востоку отъ Якутскаго округа, но вѣроятно принадлежащей къ нему. Представителей этого рода оказалось почти одно и то же (92 д. въ 1897 г. вм. 89 д. въ 1859 г.). Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ предѣлахъ Якутскаго округа и Охотской округи имѣется извѣстное число тунгусовъ, не показавшихъ своихъ родовъ. Такимъ образомъ, и здѣсь нѣтъ прямыхъ доказательствъ вымиранія тунгусовъ.

Майское вѣдомство. Кочевые и бродячіе тунгусы этого вѣдом-

[1]) Мы не приводимъ здѣсь данныхъ переписи по Амурской области, потому что по этой области лишь часть тунгусскаго населенія распредѣлена по родамъ.

ства состояли въ X ревизію изъ 3.220 д. (1.743 м.), между тѣмъ какъ перепись 1897 г. обнаружила въ предѣлахъ Якутскаго округа лишь 2.502 д. Майскихъ тунгусовъ, что показываетъ убыль въ 718 д. Эта убыль въ значительной степени объясняется сильной ихъ эмиграціей въ Удскую округу Приморской области и въ Амурскую область. Прослѣдимъ измѣненіе въ числѣ этихъ тунгусовъ по отдѣльнымъ родамъ.

Родъ *Кюпскій* возросъ съ 113 д. въ 1859 г. до 141 д. въ 1897 г.

Родъ *Кюрбюгдинскій* слегка уменьшился: въ 1859 г.—175 д., въ 1897 г. — 164 д., въ т. ч. 22 д. въ Удской округѣ.

Мякагирскій р. уменьшился въ числѣ: въ 1859 г. ихъ было 326 д., въ 1897 г. въ Якутскомъ округѣ было обнаружено всего 8 д., а въ Удской округѣ, куда они выселились почти въ полномъ составѣ, 147 д. или всего 155 д. Убыль въ данномъ случаѣ равна 50%. Въ другихъ мѣстахъ присутствіе этого рода констатировано не было.

Бытальскій р. въ 1859 г.—974 д. (539 м.), въ 1897 г. въ Якутскомъ округѣ—659 д., въ Удской окр. —440 д., въ Хабаровскомъ окр.—39 д., въ Амурской области—175 д., на островѣ Сахалинѣ—3 д., итого—1.316 д. На основаніи этихъ данныхъ нельзя однако выяснить направленіе, въ которомъ совершается приростъ тунгусовъ этого рода, потому что, хотя часть Бытальцевъ несомнѣнно выселилась въ Удскую округу и въ Амурскую область, но какъ велика была эта часть трудно опредѣлить, въ виду того, что часть этого рода проживала въ Удской округѣ еще до X ревизіи.

I Эжанскій р. въ 1859 г.—597 д., въ 1897 г.—558 д. въ Якутскомъ и 81 д. въ Удской, итого—639 д.

II Эжанскій р. въ 1859 г. — 399 д., въ 1897 г. — 456 д. въ Якутскомъ округѣ и сверхъ того 157 д. въ Удской, или всего—613 д.

III Эжанскій р. въ 1859 г.—636 д., въ 1897 г.—512 д. въ Якутскомъ округѣ и 380 д. въ Удской окр. или всего—892 д.

Если въ виду того, что и эти роды проживали въ Удской округѣ многія десятки лѣтъ (Миддендорфъ по неполнымъ даннымъ за 40-ые годы прошл. ст. опредѣлилъ ихъ число въ названной округѣ въ 111 д.), мы ограничимся лишь тою

частью Эжанскихъ родовъ, которая была застигнута въ предѣлахъ Майскаго вѣдомства переписью 1897 г., то окажется, что общая численность этихъ тунгусовъ здѣсь немного уменьшилась съ 1.632 д. на 1.526 д. (I и III Эжанскіе роды уменьшились, а II-й увеличился). Но, не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ X ревизіи свыше 300 д. этихъ родовъ выселились изъ Якутскаго округа въ Удскую округу и отчасти въ Амурскую область, такъ что въ данномъ случаѣ, какъ и относительно Бытальскаго рода, слѣдуетъ допустить нѣкоторое увеличеніе общей численности ихъ представителей.

Въ итогѣ за весь Якутскій округъ можно предположить, что тунгусское его населеніе въ общемъ мало измѣнилось въ числѣ со времени X ревизіи, можетъ быть слегка возросло, причемъ отдѣльные роды и показываютъ колебанія въ ту и другую сторону.

Верхоянскій округъ.

Тунгусское населеніе даннаго округа показываетъ, судя по I таблицѣ, со времени X ревизіи небольшой положительный приростъ въ 66 д. Чтобы узнать, насколько это явленіе находится въ соотвѣтствіи съ естественнымъ приростомъ его населенія, слѣдуетъ исключить изъ данныхъ переписи части постороннихъ родовъ, которыя не упоминаются въ ревизіи и которыя происходятъ изъ смежныхъ округовъ. Таковы Ламунхинскій р. (118 д.), Мямяльскій (140 д.), Бетюнскій (48 д.), Нюрмаганскій (31 д.), Чордунскій (30 д.) и другіе. Общее ихъ число составляетъ 534 д. т. е. оно въ восемь разъ превышаетъ указанный излишекъ въ пользу 1897 г.

Если мы разсмотримъ измѣненіе въ числѣ отдѣльныхъ родовъ этого округа, то замѣтимъ, что кромѣ *Жельянскаго* (*Жельтанскаго*), мало измѣнившагося въ этомъ отношеніи, и *Тюгясирскаго*, увеличившагося, остальные три рода, сильно уменьшились въ числѣ (*Кюпскій*, *Кункугурскій* и *Эжанскій*). *Каменно-Ламутскій* даже совсѣмъ пропалъ изъ предѣловъ округа[1]). Изъ этихъ родовъ уменьшеніе Эжанскаго

[1]) Въ 1859 г. Жельянскій р. 127 д., Тюгясирскій р. 218 д., I Кун(ку)гурскій 344 д., Купскій (Кюпскій) 232 д., Эжанскій 136 д.; Каменно-Ламутскій 97 д. Къ тунгусамъ мы присоединяемъ и „юкагирскія“ части рд. I Кун(ку)гурскаго (въ 1859 г.) 241 д. (120 м.) и р. Тюгясирскаго 47 д.

можно объяснить выселеніемъ въ другія мѣста (см. стр. 55), Каменно-Ламутскаго отчасти переходомъ въ Колымскій округъ, гдѣ этотъ родъ слегка возросъ, хотя приростъ его въ этомъ послѣднемъ и не въ состояніи покрыть общую его убыль. Причина измѣненія въ численности остальныхъ родовъ намъ не извѣстна. Въ итогѣ же можно принять, что тунгусское населеніе Верхоянскаго округа уменьшилось въ числѣ со времени X ревизіи.

Колымскій округъ.

Изъ 8 коренныхъ родовъ округа: *Уяганскій* почти не измѣнился въ числѣ со времени 1859 г.; *I Каменный* и *II Дельянскій* нѣсколько увеличились въ числѣ, *Бетильскій*, *II Каменный* и *I Дельянскій* уменьшились, а *Отдѣльные отъ I и II Дельянскаго* совершенно исчезли изъ предѣловъ округа. Относительно Дельянскихъ родовъ нельзя сказать, въ какую сторону они измѣнились съ X ревизіи, потому что представители этихъ родовъ многочисленны и въ Анадырской и въ Охотской и отчасти въ Гижигинской округахъ Приморской области, причемъ часть ихъ по крайней мѣрѣ въ первой округѣ уплачиваетъ ясакъ въ Колымскомъ округѣ, что показываетъ ихъ происхожденіе изъ даннаго округа. Что же касается до Бетильскаго и II Каменнаго рода, то они повидимому измѣнились въ числѣ. Болѣе вѣроятно, что это справедливо и относительно Дельянскихъ родовъ, потому что въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія оспенная эпидемія унесла массу жертвъ въ при-Колымскомъ краѣ. О численности этихъ родовъ въ 1859 и 1897 гг. см. V главу.

Подводя итогъ всему вышесказанному о приростѣ тунгусскаго населенія въ Якутской области (см. прим. на стр. 56), можно съ извѣстною увѣренностью утверждать, что въ общей своей массѣ оно нѣсколько уменьшилось противъ 1859 г., независимо отъ передвиженій (ср. I, 98), причемъ эта убыль наблюдается въ четырехъ округахъ изъ пяти, именно въ Вилюйскомъ, Олекминскомъ, Колымскомъ и Верхоянскомъ. Напротивъ,

---

(27 м.) и весь II Кунгурскій — 117 д. (68 м.) или всего 435 д. (215 м.), потому что отдѣлить другъ отъ друга эти перемѣшавшіяся между собою части обоихъ племенъ по даннымъ переписи было невозможно.

въ Якутскомъ округѣ оно повидимому возрасло со времени X рев. (мы говоримъ здѣсь о постоянномъ и приписномъ населеніи, а не о наличномъ, которое уменьшилось).

Забайкальская область.

Наши свѣдѣнія о прежней численности тунгусскаго населенія области очень скудны и неточны и носятъ суммарный характеръ. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что общая численность ихъ простиралась здѣсь въ 1840 г., по Гагемейстеру, до 15.222 д. об. п. (7624 м.). Изъ нихъ было 3128 д. (1581 м.) бродячихъ, 3376 д. (1763 м.) кочевыхъ и 8718 д. (4280 м.) полуосѣдлыхъ. По отдѣльнымъ округамъ они распредѣлялись такимъ образомъ. Въ Верхнеудинскомъ, охватывавшемъ западную часть области, проживало 2395 д. (1252 м.) бродячихъ тунгусовъ, кочевавшихъ въ бассейнѣ Селенги и у ю.-в. берега Байкала. Всѣ остальные 12.827 (6.372 м.) числились въ Нерчинскомъ округѣ, въ который входила восточная половина области. Изъ нихъ было 733 д. (329 м.) орочоновъ. Если даже предположить, что данныя 1840 г. не вполнѣ полны и не охватываютъ всѣхъ тунгусовъ области, то и то не подлежитъ сомнѣнію, что они очень сильно возрасли (ко дню переписи 1897 г. на 125,7%), что впрочемъ можно было ожидать уже a priori, принимая во вниманіе болѣе высокую культуру главной ихъ массы, не отличающуюся здѣсь отъ культуры бурятовъ и русскихъ, у которыхъ завѣдомо наблюдается значительный положительный приростъ. Приростъ же бродячихъ орочоновъ области не превышаетъ за это время 30%.

Приморская область.

Относительно этой области у насъ почти нѣтъ свѣдѣній за болѣе ранніе періоды времени. Гагемейстеръ въ своемъ «Статистич. Обозрѣніи Сибири» (l. c., 24 сл.) упоминаетъ лишь о тунгусахъ Гижигинской округи, опредѣляя ихъ число гадательно въ 500 д., очевидно много ниже дѣйствительнаго. Объ остальныхъ округахъ онъ умалчиваетъ. Миддендорфъ даетъ неполныя данныя о численности Удскихъ тунгусовъ и то лишь

трехъ ихъ родовъ (см. стр. 106). Не имѣя, такимъ образомъ, достовѣрныхъ свѣдѣній о прежней численности тунгусовъ данной области, южная половина которой ко времени X ревизіи едва была присоединена къ Россіи, мы все же имѣемъ серьезныя основанія утверждать, что здѣсь тунгусы сильно уменьшились въ числѣ противъ прежняго. Доказательства этому слѣдующія. Русскіе завоеватели Охотскаго края имѣли въ 80-хъ годахъ XVII ст. частыя столкновенія съ многочисленными пѣшими или «сидячими» и «конными» т. е. оленными тунгусами, причемъ численность однихъ первыхъ была настолько значительна, что они выставляли противъ казаковъ отряды воиновъ въ 500 и 1.000 человѣкъ (см. I, стр. 28 сл.). Такъ какъ нынѣшняя численность осѣдлыхъ тунгусовъ, потомковъ сидячихъ, не превышаетъ 103 м. д., то слѣдуетъ предположить, что ихъ численность уменьшилась съ тѣхъ поръ по меньшей мѣрѣ въ 20 разъ. Главную причину этой убыли тунгусовъ названнаго края слѣдуетъ видѣть въ частыхъ голодовкахъ, отъ которыхъ и по сейчасъ періодически страдаютъ жители побережья Охотскаго края.

Замѣтимъ къ слову, что эту убыль сидячихъ тунгусовъ нельзя объяснить переходомъ ихъ въ оленные тунгусы—во-первыхъ, потому что они были для этого слишкомъ бѣдны и, во-вторыхъ, потому что они принадлежали къ другимъ родамъ (см. стр. 105), которые не встрѣчаются среди оленныхъ тунгусовъ.

Еще столѣтіе позже, въ 1766 г., Георги опредѣлялъ число взрослыхъ мужскихъ душъ Охотскихъ тунгусовъ (бродячихъ и оленныхъ?) въ 1862 *взрослыхъ мужскихъ душъ* [1]), между тѣмъ какъ перепись 1897 г. обнаружила въ данной округѣ лишь 1892 м. д. всѣхъ возрастовъ (или около 757 взрослыхъ) [2]), такъ что и здѣсь за 130 лѣтъ тунгусское населеніе уменьшилось въ $2^1/_2$ раза. Если даже предположить, что *часть* ихъ съ тѣхъ поръ выселились въ Гижигинскую округу, то все же убыль ихъ будетъ значительна, потому что въ обѣихъ этихъ округахъ вмѣстѣ все мужское тунгусское населеніе въ 1897 г. не превышало 2.784 д., что соотвѣтствуетъ приблизительно 1.114 д. взрослыхъ мужчинъ рабо-

---

[1]) Georgi, ibid. I., 244.

[2]) По даннымъ переписи взрослое рабочее населеніе Охотской округи (20—50 л.) нынѣ состоящее главнымъ образомъ изъ тунгусовъ, составляетъ 40% наличнаго.

чаго возраста. Отсутствіе прироста у осѣдлыхъ тунгусовъ доказывается и наблюденіемъ полк. Олсуфьева надъ Анадырскими ламутами, которые, судя по церковнымъ книгамъ, не увеличились въ числѣ за послѣдніе годы.

Наконецъ, слѣдуетъ помнить, что жителямъ Удской округи еще памятна сильная оспенная эпидемія, которая посѣтила край въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія и такъ напугала мѣстныхъ инородцевъ количествомъ жертвъ, которыя она потребовала, что многіе изъ нихъ бросились на югъ и заселили лѣса по лѣвымъ притокамъ Амгуни, по нижнему Амуру и отчасти перебрались на Сахалинъ (см. I, стр. 35—37). Сѣверо-западъ края посѣтила въ 80-хъ годахъ еще другая подобная же эпидемія.

Амурская область.

У насъ не имѣется соотвѣтствующихъ данныхъ объ измѣненіи населенія Амурской области со времени 1859 г. уже потому, что этотъ край тогда былъ едва присоединенъ и X ревизія не была на него распространена. Населеніе его носитъ столь подвижной характеръ, что даже, если бы у насъ имѣлись соотвѣтствующія данныя, онѣ бы намъ мало помогли для рѣшенія вопроса о направленіи прироста тунгусскаго населенія. Дѣйствительно, нынѣ коренные тунгусы составляютъ въ Амурской области незначительное меньшинство, огромное же ихъ большинство представляетъ изъ себя пришлый элементъ, происходящій изъ Якутскаго и отчасти Олекминскаго округовъ Якутской области и изъ Удской округи Приморской и, съ другой стороны, часть коренного и пришлаго населенія за вторую половину истекшаго столѣтія перебралась на правый берегъ Амура, въ Китай. Отчасти вслѣдствіе этого цифровыя данныя касательно численности тунгусскаго населенія Амурской области у разныхъ авторовъ, свѣдѣнія которыхъ относятся къ сравнительно близкимъ эпохамъ, такъ мало согласны между собою (см. I, стр. 53 сл.).

* * *

На основаніи всего вышеизложеннаго можно считать установленнымъ, что осѣдлые и полуосѣдлые (юридически кочевые)

тунгусы Забайкальской области, снискивающіе себѣ пропитаніе земледѣліемъ и скотоводствомъ, показываютъ, какъ и другіе земледѣльческіе и кочевые народы Сибири (буряты, якуты, татары и т. д.), положительный приростъ, между тѣмъ какъ *бродячіе тунгусы, подобно прочимъ туземнымъ племенамъ Сибири*, занимающимся оленеводствомъ, рыболовствомъ и охотой, *отличаются сравнительно меньшей жизнеспособностью* и въ общей своей массѣ уменьшаются въ числѣ. Мѣстами это явленіе выражено весьма сильно (Иркутская губернія, Олекминскій и Колымскій округа Якутской обл., Охотская округа Приморской и т. д.), мѣстами, напротивъ, мало замѣтно, такъ что тунгусское населеніе здѣсь какъ бы не измѣнились въ числѣ за послѣднія десятилѣтія. Лишь въ немногихъ случаяхъ оно показываетъ повидимому положительный приростъ (Туруханскій край). Если проанализировать это явленіе подробнѣе, то мы увидимъ, что то же самое происходитъ и съ болѣе мелкими дѣленіями тунгусовъ: отдѣльными вѣдомствами и родами, одни изъ которыхъ увеличиваются, другіе убываютъ въ числѣ, независимо отъ того, въ какомъ направленіи совершается приростъ общей массы тунгусскаго населенія того округа или той области, къ которымъ они принадлежатъ. Мы видѣли въ вышеизложенномъ и встрѣтимъ въ V гл. самые разнообразные случаи положительнаго и отрицательнаго прироста тунгусовъ отдѣльныхъ родовъ за послѣднія десятилѣтія.

Теперь намъ остается разсмотрѣть, каковы главныя причины, обусловливающія вышеуказанное вымираніе бродячаго тунгусскаго и вообще инородческаго населенія Сибири, не успѣвшаго перейти къ кочевому и осѣдлому образу жизни.

ГЛАВА III.

Вымираніе бродячихъ тунгусовъ и его причины.

Выше мы видѣли, что отрицательный приростъ тунгусскаго населенія зависитъ не столько отъ пониженной рождаемости, которая по наблюденіямъ г. Майнова въ общемъ не ниже нормальной и почти не уступаетъ рождаемости якутовъ, отличающихся хорошимъ приростомъ населенія, по отъ чрезвычайно повышенной смертности, какъ въ дѣтскомъ, такъ и въ цвѣтущемъ возрастѣ. Чѣмъ же обусловливается эта чрезмѣрно повышенная смертность?

Многіе изслѣдователи Сибири, которымъ случалось попасть въ глухіе уголки этой обширной окрайны и побывать въ грязныхъ и дымныхъ юртахъ, чумахъ или землянкахъ бродячихъ инородцевъ, были такъ поражены крайне негигіеничными условіями ихъ жизни, стоявшими въ такомъ рѣзкомъ контрастѣ съ требованіями, которыя въ этомъ отношеніи предъявляетъ наша культура, что были склонны приписать ихъ вымираніе, уже сразу бросавшееся въ глаза, въ значительной степени этому обстоятельству. Дѣйствительно, огромная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ, свойственная всѣмъ мало-культурнымъ народамъ и даже низшимъ слоямъ цивилизованныхъ націй, безъ сомнѣнія должна быть объяснена именно этимъ явленіемъ. Но рѣшающее значеніе въ вопросѣ о вымираніи инородцевъ оно можетъ имѣть развѣ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ для объясненія отрицательнаго прироста населенія всего племени оно конечно недостаточно уже потому, что образъ жизни тунгусовъ, большая часть которыхъ (—мы говоримъ о бродячихъ) и понынѣ скитается по горамъ и лѣсамъ, вдали отъ жилья болѣе культурныхъ народовъ, сравнительно весьма мало измѣнился за истекшія два столѣтія. Къ тому же тунгусы, какъ мы

знаемъ, показываютъ сильную смертность не только въ дѣтскомъ, но и въ цвѣтущемъ возрастѣ (см. стр. 37).

Не напоминаютъ бодрые и жизнерадостные тунгусы, сравнительно хорошо сложенные и имѣющіе достаточно развитую грудную клѣтку, тѣхъ жалкихъ и опустившихся физически и нравственно дикарей (юкагировъ, Енисейскихъ остяковъ и др.), которые подъ вліяніемъ столкновенія съ новой культурой окончательно утратили и ту небольшую жизнеспособность, которой обладали раньше и у которыхъ помимо вырожденія въ физическомъ отношеніи наблюдается и замѣтное пониженіе брачности и рождаемости при усиленной смертности. Ничего подобнаго у тунгусовъ, если взять ихъ въ массѣ, не замѣчается. Напротивъ, во всей Сибири можно наблюдать тотъ фактъ, что гдѣ только внѣшнія, главнымъ образомъ экономическія, условія оказываются болѣе благопріятными, почти всюду наблюдается и положительный приростъ у тунгусовъ, значительной высоты достигающій у представителей этого племени, проживающихъ въ Забайкальской области и съумѣвшихъ во время перейти отъ бродячаго къ кочевому и осѣдлому образу жизни скотоводовъ и земледѣльцевъ. Эти факты наводятъ на мысль, что главную причину вымиранія тунгусовъ слѣдуетъ видѣть въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, среди которыхъ пынѣ живетъ это племя и которыя дѣйствительно съ каждымъ годомъ ухудшаются, причемъ это обѣднѣніе, по наблюденіямъ разныхъ лицъ, въ одинаковой степени касается и богатыхъ и бѣдныхъ: экономическій уровень всѣхъ тунгусовъ неуклонно стремится къ пониженію.

Даже при благопріятныхъ условіяхъ смертность бродячихъ инородцевъ должна быть вообще значительно выше, чѣмъ у кочевниковъ и осѣдлыхъ, потому что ихъ главныя занятія — охота, оленеводство и звѣроловство — требуютъ отъ нихъ огромнаго напряженія силъ и значительныхъ жертвъ отъ всевозможныхъ случайностей. А среди инородцевъ Сибири тунгусы въ этомъ отношеніи caeteris paribus поставлены въ наихудшія условія, во-первыхъ, потому, что они являются звѣроловами и охотниками par excellence и почти всю жизнь проводятъ въ скитаніи верхомъ на оленяхъ или пѣшкомъ по необъятнымъ гористымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ своей дикой родины, каждую минуту подвергая себя опасности и, во-вторыхъ, потому, что тунгусы, принужденные по своему образу

жизни и занятіямъ жить отдѣльными семьями или небольшими ихъ группами, въ случаѣ нужды почти не могутъ разсчитывать на постороннюю помощь; смерть хозяина дома нерѣдко влечетъ у нихъ за собой гибель всей семьи, которая постоянно слѣдуетъ за нимъ во время его передвиженій изъ одной мѣстности въ другую. Этимъ и объясняется огромная смертность взрослаго мужскаго населенія, на которую мы указывали выше.

Довольно жизнеспособные тунгусы вынесли бы и эти тягости своего традиціоннаго образа жизни, какъ они выносили ихъ и раньше, если бы ихъ экономическія условія не измѣнились замѣтно въ неблагопріятную сторону противъ прежняго. Фактъ уменьшенія пушного звѣря и дичи и упадка оленеводства, этихъ главныхъ источниковъ пропитанія тунгусовъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію и каждый годъ присоединяетъ къ неблагополучнымъ въ этихъ отношеніяхъ мѣстностямъ все новые и новые районы. Особенно ярко выступаетъ фактъ уменьшенія соболя, бобра, бѣлки, сѣв. оленя, лося и другихъ животныхъ, прежде изобиловавшихъ въ Сибири [1]): уже 100 лѣтъ по покореніи этой окрайны многіе инородцы не могли запромыслить потребное количество шкурокъ и ясачныя коммиссіи не разъ слагали съ инородцевъ безнадежныя недоимки и уменьшали окладъ ясака, но, такъ какъ убыль звѣря прогрессировала, то эти мѣры давали инородцамъ лишь временное облегченіе: они продолжали накапливать недоимки, а вмѣстѣ съ этимъ и бѣднѣть и вымирать.

Главными причинами этого уменьшенія пушного звѣря въ свою очередь являются слѣдующіе факторы: во-первыхъ, сильное заселеніе Сибири со времени XVII ст. и слѣдовательно уменьшеніе охотничьяго района — къ этому явленію мы вернемся еще ниже; во-вторыхъ, лѣсные пожары, которые, возникая отъ весенняго выжиганія луговъ, отъ костровъ и другихъ причинъ, за послѣднія два столѣтія произвели огромныя опустошенія въ Сибирскихъ лѣсахъ, тѣмъ болѣе губительныя, что во многихъ мѣстахъ подобныя выгорѣвшія лѣсныя площади, покрытыя полуобгорѣлымъ лѣснымъ хламомъ и густо поросшія кустарникомъ, становятся почти непроходимыми даже въ зимнее время и часто мало пригодными въ качествѣ охотничьяго

[1]) Интересныя свѣдѣнія по этому вопросу можно найти въ книгѣ А. Миддендорфа: „Путеш. на сѣв. и вост. Сибири“. II („Сибирская фауна“).

района. Въ третьихъ, наконецъ, тунгусы, а также другіе инородцы-звѣроловы принуждены въ настоящее время болѣе энергично охотиться, чтобы изъ сильно убывшаго запаса пушного звѣря запромыслить необходимое на уплату ясака и на пріобрѣтеніе нужнѣйшихъ предметовъ домашняго обихода количество шкурокъ, а это обстоятельство въ связи съ примѣненіемъ болѣе усовершенствованныхъ орудій охоты (вмѣсто лука—огнестрѣльное оружіе) въ свою очередь еще болѣе истощаетъ запасъ пушного звѣря и крупной дичи въ лѣсахъ. Сильныя передвиженія тунгусовъ съ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія объясняются главнымъ образомъ ихъ поисками новыхъ, еще не истощенныхъ, лѣсныхъ пространствъ.

Упадокъ оленеводства объясняется главнымъ образомъ эпизоотіями (копытная болѣзнь и т. д.), которымъ это животное сильно подвержено. Если такая эпидемія коснется инородцевъ, богатыхъ оленями (чукчи, коряки, самоѣды, Майскіе тунгусы), то конечно опустошенія, которыя она произведетъ, будутъ въ абсолютныхъ величинахъ огромны, но относительно эти группы инородцевъ все же меньше пострадаютъ, потому что у нихъ въ общей массѣ все еще останется извѣстное количество оленей для приплода и для передвиженія, причемъ, благодаря развитой у сибирскихъ инородцевъ, мало тронутыхъ культурой, взаимопомощи даже потерявшіе всѣхъ оленей могутъ получить на извѣстныхъ условіяхъ отъ богатыхъ нѣсколько ихъ головъ. Не то у тѣхъ инородцевъ, у которыхъ очень мало оленей, къ каковымъ принадлежитъ большинство бродячихъ тунгусовъ и юкагировъ. Сильная эпидемія сразу дѣлаетъ ихъ нищими, не только въ виду потери живого инвентаря, снабжавшаго ихъ молокомъ, мясомъ и т. д., но и вслѣдствіе невозможности быстро передвигаться съ мѣста на мѣсто, съ чѣмъ во многихъ случаяхъ тѣсно связана удача въ ихъ промыслѣ. Около трактовъ, недоступныхъ для лошадей, и вблизи пріисковъ многіе тунгусы, прельщенные хорошими цѣнами, добровольно уступаютъ русскимъ и якутамъ своихъ оленей, необдуманно обрекая себя въ будущемъ на самое жалкое существованіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ тунгусамъ, потерявшимъ оленей, правда удается вновь обзавестись ими. Чаще всего они этого достигаютъ тѣмъ что поступаютъ батраками къ своимъ болѣе богатымъ сородичамъ или къ чукчамъ, выговаривая себѣ за пастьбу оленьяго стада извѣстное число живыхъ оле-

ней, но число такихъ удачниковъ сравнительно очень не велико и какъ общее правило оленеводство у тунгусовъ постепенно падаетъ.

При прогрессирующемъ уменьшеніи звѣря и дичи и упадкѣ оленеводства инородцы естественно бѣднѣютъ, попадаютъ въ неоплатные долги и, не имѣя подъ конецъ ни откуда помощи, подвергаются періодическимъ голодовкамъ, которыя во многихъ мѣстностяхъ длятся не только весеннее время, какъ напр. у части якутовъ, но мѣсяцы и даже большую часть года. Случаи смерти отъ голода у нихъ весьма не рѣдки; иногда отъ этой причины вымираютъ цѣлыя семьи и стойбища, не говоря уже о томъ, что подобное обнищавшее и полуголодное населеніе легче всего падаетъ жертвой всевозможныхъ болѣзней и показываетъ склонность къ вымиранію [1]). Нечего поэтому удивляться, что у большей части бродячихъ тунгусовъ населеніе не растетъ, а уменьшается въ числѣ. Заселить лѣса дичью врядъ ли возможно, а поднять упавшее оленеводство очень трудно, поэтому у тунгусовъ, если они не хотятъ исчезнуть съ лица земли, нѣтъ другого исхода, какъ перейти къ кочевому или осѣдлому образу жизни, мѣра, на которую указывалъ еще Миддендорфъ въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Съ удовлетвореніемъ можно отмѣтить тотъ фактъ, что часть тунгусовъ, правда небольшая, находится уже на пути къ перемѣнѣ своего образа жизни въ вышеуказанномъ направленіи.

Не будучи болѣе въ состояніи прокормиться своими излюбленными занятіями (оленеводствомъ и звѣроловствомъ), многіе изъ тунгусовъ, которые не окончательно обнищали и сохранили въ себѣ еще достаточно силы и энергіи, дѣйствительно стараются приспособиться къ новымъ условіямъ и на первое время, не оставляя прежнихъ промысловъ, пытаются перейти къ занятіямъ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Нѣкоторые берутся за перевозку на оленяхъ груза изъ мѣстныхъ центровъ въ глухія части тайги, на пріиски, заводятъ для проѣзжающихъ въ этихъ мѣстахъ своего рода постоялые дворы, съ продажей сѣна и кое-какихъ припасовъ, другіе покупаютъ корову и пытаются часто не безъуспѣшно перейти къ болѣе устойчивому занятію скотоводовъ съ его полу-осѣдлымъ образомъ жизни (Вилюйскій, Якутскій округа). Иные изъ нихъ больше

[1]) Ядринцевъ: „Сибирь какъ колонія“, стр. 88—93.

вниманія посвящаютъ рыболовству, а отдѣльныя лица дѣлаютъ даже попытки построить избу и заняться земледѣліемъ, начавъ эти опыты съ обращенія подъ пашню небольшой полянки въ лѣсу, которую засѣваютъ ячменемъ. За послѣднія десятилѣтія число земледѣльцевъ-тунгусовъ весьма возрасло въ Иркутскойг. и въ Забайкальской обл. Если обстоятельства оказывались благопріятными, тунгусская семья постепенно привыкала къ новымъ условіямъ и въ большинствѣ случаевъ ее можно было считать спасенной отъ гибели. Но самостоятельно перейти къ новому образу жизни могутъ сравнительно немногіе тунгусы. Для этого у большинства не хватаетъ, ни иниціативы, ни умѣнія, ни силъ, ни средствъ. Весьма многіе изъ нихъ лишь тогда становятся склонными приняться за непривычныя и тягостныя для подвижного тунгуса занятія, когда это оказывается уже поздно, т. е. когда нужда, обрушившись на нихъ всей своей тяжестью, обратила ихъ въ голодныхъ обнищавшихъ и истощенныхъ людей, которымъ не подъ силу что бы то ни было предпринять, дабы выдти изъ тяжелаго положенія. Подобныя лица или умираютъ отъ голода, холода и болѣзней или по большей части становятся батраками якутовъ и русскихъ. Они нанимаются къ нимъ въ качествѣ работниковъ и, попавъ къ нимъ въ неоплатные долги, всю свою жизнь принуждены бываютъ работать на нихъ безъ надежды когда-либо выбраться на свободу. Число такихъ тунгусовъ, проживающихъ у якутовъ, довольно значительно, хотя опредѣлить его и не легко, потому черезъ извѣстное число лѣтъ они окончательно сливаются со своими хозяевами и ни наружно, ни по языку, не отличаются болѣе отъ нихъ. Даже перепись не во всѣхъ случаяхъ въ состояніи выдѣлить такихъ тунгусовъ изъ среды якутовъ, особенно, если они успѣли причислиться къ якутской общинѣ. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что не только подобные бѣдняки, но и вообще большая часть тунгусовъ находится въ извѣстнаго рода кабалѣ у якутовъ (Якутская область) и русскихъ (Иркутская губ. и Приморская обл.), которая заключается въ томъ, что купцы и торгующія лица этихъ національностей ссужаютъ ихъ подъ обезпеченіе будущаго улова и промысла разнородными припасами и предметами первой необходимости, причемъ за ними почти всегда остаются значительныя суммы долга, съ которыми они не въ состояніи раздѣлаться даже въ самые

благопріятные для промысла годы. Средняя тунгусская семья должна такимъ кредиторамъ отъ 200 до 500 руб.

Особенный вредъ якуты принесли тунгусамъ тѣмъ, что, пользуясь ихъ стѣсненнымъ обстоятельствомъ, за бездѣлицу отняли у нихъ ихъ главное богатство—оленей. Въ не очень отдаленное время за взятые тунгусомъ 100 р. они получали отъ него 100 оленей стоимостью среднимъ числомъ 800 руб. Нынѣ всѣ тунгусы обѣднѣли и зажиточные не могутъ уже кормить бѣдныхъ, какъ прежде [1]). «Участь тунгуса, если онъ не богатъ, вездѣ одинакова, будетъ ли онъ бродить въ лѣсу и горахъ за пушною добычей или же водворится на покосахъ и пастбищахъ, которые ему не принадлежатъ: вездѣ его подстерегаетъ жадный къ наживѣ и готовый къ услугамъ якутъ, вездѣ караулятъ его кабала, задолженность, нужда и горе со всѣми ихъ роковыми послѣдствіями» [2]).

Вотъ въ какихъ словахъ одинъ изъ изслѣдователей Якутской области г. Майновъ описываетъ настоящее положеніе тунгусовъ этой области, описаніе, которое въ значительной степени справедливо и по отношеніи ко всѣмъ бродячимъ тунгусамъ Сибири вообще съ тою только разницей, что вмѣсто якутовъ въ другихъ мѣстностяхъ эксплуататорами и притѣснителями этого племени являются русскіе и буряты. «Стѣсненный (якутами) въ своемъ промыслѣ, тунгусъ бродитъ гдѣ-то далеко, пока у него есть пропитаніе или пока несчастный случай не унесъ его оленей; но вотъ запасы свинца и пороха истощились, уловъ звѣря сократился и бѣднякъ съ поникшею головою идетъ къ тѣмъ же пришельцамъ и залѣзаетъ въ кабалу къ нимъ. Онъ задалживается имъ изъ года въ годъ и за охотничьи припасы, и за продукты пропитанія, и за взносъ податей, наконецъ, и за кортомъ уловныхъ мѣстъ, обманомъ или насиліемъ у него же отнятыхъ. Мертвая петля затягивается все сильнѣе, хозяйство тунгуса разорено, онъ уже не работникъ на себя и бьется изъ года въ годъ, чтобы уплатить свой растущій долгъ, а семья живетъ впроголодь, тощаетъ, болѣетъ и вымираетъ. Обездоленный и обезземеленный, нерѣдко лишеный оленей, единственнаго средства передвиженія во время охоты по лѣснымъ трущобамъ, тунгусъ «осѣ-

[1]) Ковалик: „Изв. В. Спб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, т. XXV, № 4—5.
[2]) „Землевѣдѣніе“, 1898 г., кн. III—IV, стр. 167.

даетъ» гдѣ-нибудь возлѣ якутскихъ скотоводческихъ хозяйствъ и радъ былъ бы заимствовать «высшую культуру», заняться скотоводствомъ, даже земледѣліемъ, но увы у него нѣтъ скота, нѣтъ средствъ для обзаведенія, у него нѣтъ даже земли, покоса и выгона; мало того ему трудно пріобрѣсти осѣдлость, ибо ему негдѣ «осѣсть», вся земля якутская и каждый клочекъ ея имѣетъ своего владѣльца. И вотъ та же кабала ждетъ его и въ новой жизни» [1]).

Фактъ постепеннаго вытѣсненія тунгусовъ якутами изъ ихъ прежнихъ владѣній, имѣющій такое роковое вліяніе на судьбу тунгусскаго народа, нѣсколько освѣщенъ въ послѣднее время благодаря изслѣдованіямъ г. Майнова. Въ его интересной книгѣ (ibid.) мы имѣемъ много примѣровъ тому, какъ якуты шагъ за шагомъ, вѣрно и неуклонно, вторгаются въ прежнія тунгусскія владѣнія, осѣдаютъ на болѣе удобныхъ для занятія скотоводствомъ и, такъ какъ тунгусы, какъ коренное бродячее населеніе, не имѣютъ документовъ на владѣніе землей, пріобрѣтаютъ на нихъ права путемъ давности, постепенно распространяя эти права и на всѣ близь лежащія угодья—луга, лѣса, моховища и т. д. Что намъ г. Майновъ сообщаетъ о Якутскомъ округѣ, то Коваликъ засталъ въ Верхоянскомъ; онъ говоритъ: «Всѣ мѣста по долинамъ рѣкъ и рѣчекъ, гдѣ только произрастаетъ трава, годная для косьбы, заняты якутами» [2]). Протесты тунгусовъ на захваты ихъ коренныхъ земель конечно остаются безъ результата. Тунгусы спорятъ, жалуются, протестуютъ, но не въ состояніи измѣнить силы вещей и, если въ отдѣльныхъ случаяхъ имъ и удается отстоять свои права, то въ большинствѣ случаевъ ихъ борьба съ многочисленными, хорошо сплоченными и болѣе зажиточными якутами оканчивается въ пользу послѣднихъ, которымъ, благодаря хорошему приросту, принадлежитъ будущность, заселить всѣ годныя для культуры земли области.

Начало этого поступательнаго движенія якутовъ въ тунгусскую область относится, какъ мы знаемъ, къ началу XVII ст. Безполезно повторять всѣ этапы заселенія якутами Якутской области, объ этомъ мы уже сообщили въ I главѣ настоящаго выпуска, припомнимъ лишь тотъ фактъ, что въ окру-

---

[1]) Майновъ: „Нѣкот. данныя о тунгусахъ Якутскаго края“, ibid., 166.
[2]) Ibid., стр. 4 сл.

гахъ ея Вилюйскомъ, Олекминскомъ, Колымскомъ и отчасти въ Верхоянскомъ, гдѣ въ началѣ XVII ст. ихъ вовсе не было, они нынѣ составляютъ огромное большинство населенія, увеличивающееся какъ путемъ естественнаго приращенія, такъ и путемъ иммиграціи изъ главнаго центра якутовъ Якутскаго округа. Прямо поразителенъ контрастъ, который въ этомъ отношеніи наблюдается между якутами и тунгусами. Послѣдніе по большей части показываютъ значительную убыль противъ прошлыхъ столѣтій, а первые за этотъ же періодъ времени мѣстами увеличились въ 10—20—50 и болѣе разъ (см. стр. 48 и 52). Относительно Олекминскаго округа г. Майновъ замѣчаетъ: «Исконная тунгусская земля, какъ то незамѣтно превратилась за этотъ промежутокъ времени въ якутскую землю: пять якутскихъ наслеговъ осѣло, завладѣвъ всѣми угодьями по долинѣ Лены, а прежніе хозяева края оказались оттиснутыми на восточный берегъ, гдѣ они и понынѣ бродятъ въ каменистыхъ горахъ между рѣками Витимомъ и Олекмой» [1]).

Вполнѣ естественно, что столь сильно растущее якутское племя требуетъ все новыхъ и новыхъ мѣстъ для своего пропитанія и отнимаетъ ихъ отъ коренныхъ жителей страны—тунгусовъ, уменьшающихся или въ лучшемъ случаѣ не измѣняющихся въ числѣ. Этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что свободныхъ земель, годныхъ для скотоводства, въ Якутской области, въ настоящее время осталось далеко не такъ много, какъ это было раньше. Во многихъ мѣстностяхъ якуты заняли *всѣ* подобныя земли и паростающее населеніе поневолѣ должно идти въ разбродъ въ поискахъ за новыми землями. Такимъ образомъ, г. Коваликъ, изслѣдуя экономическое положеніе населенія Верхоянскаго округа пришелъ къ заключенію, что Верхоянскій улусъ нынѣ уже перенаселенъ и что для подъема плохого экономическаго состоянія его жителей, часть ихъ слѣдуетъ выселить въ другія мѣста, напр. въ Усть-Янскій улусъ [2]). А между тѣмъ повторимъ еще разъ, что все спасеніе тунгусовъ заключается въ своевременномъ переходѣ ихъ отъ бродячаго къ кочевому и осѣдлому образу жизни. Съ этимъ согласны всѣ, которые изучали экономическое положеніе тунгусовъ; это же блестящимъ образомъ до-

[1]) „Нѣк. данныя о тунгусахъ Якутскаго края“ („Тр. В. Сиб. Отд. Геогр. О.“ 1898, II, 18).

[2]) „Изв. В. С. Отд. И. Р. Геогр. О.“, т. XXV, № 4—5, стр. 4 сл.

казывается и данными статистики (см. ниже). Приведемъ здѣсь по этому поводу слова Миддендорфа, интересныя тѣмъ, что они, будучи произнесены 50 лѣтъ тому назадъ, оказываются справедливыми и для настоящаго времени: «Если тунгусы не будутъ своевременно направлены на единственный для нихъ путь спасенія т. е. на занятіе скотоводствомъ..., то они, не смотря на замѣчательныя природныя дарованія, обречены на гибель. Нельзя не пожелать, чтобы мѣстное начальство съумѣло справиться съ этой великою задачей. Еще время не ушло»...

Помимо вышеуказанныхъ неблагопріятныхъ условій, отличающихся, такъ сказать, хроническимъ характеромъ (уменьшеніе звѣря, упадокъ оленеводства, захватъ якутами ихъ угодій, обѣднѣніе и т. д.), на тунгусовъ иногда обрушиваются еще случайныя бѣдствія, которыя еще труднѣе предугадать и предотвратить. Сюда относятся моръ на оленей и сильныя эпидеміи на людей, уносящія массу жертвъ, противъ которыхъ инородцы совершенно безсильны.

Эпидеміи въ Сибири стали свирѣпствовать вскорѣ послѣ перваго появленія въ странѣ русскихъ, которые не только хъ заносили, но и распространяли по всей этой окраинѣ, напр. возникновеніе въ самомъ началѣ XVIII ст. въ восточной полосѣ Сибири гнилой горячки и усиленіе сифилиса обнаружилось во время и вскорѣ послѣ слѣдованія въ Камчатку батальона войскъ подъ начальствомъ кап. Сомова.

Уже въ 1631 г. оспа произвела сильныя опустошенія въ Енисейскомъ округѣ, повторяясь послѣ этого неоднократно. Георги, посѣтившій Сибирь въ послѣднюю треть XVIII ст., сообщаетъ, что за послѣднія 30 л. оспа унесла во многихъ мѣстностяхъ Сибири $^2/_3$ дѣтей и часть взрослаго тунгусскаго населенія. Нѣкоторые бытописатели Енисейской губерніи утверждаютъ, что за періодъ времени съ 1763 по 1816 гг. численность инородцевъ Туруханскаго края упала вслѣдствіе эпидемій и голода на $^3/_4$ ихъ прежняго числа[1]). Весьма сильно оспа свирѣпствовала въ этомъ краѣ въ 1850 и 1851 гг., когда въ губерніи вымерли цѣлые инородческіе роды (I Лѣтній и др.), а другіе сильно уменьшились въ числѣ (Панкагирскій, Чапогирскій). Въ эти два года по весьма неполнымъ

[1]) Ядринцевъ: „Сибирь, какъ колонія“, 88—93.

(для инородцевъ) даннымъ въ Енисейскомъ округѣ заболѣло 951 д. русскихъ и умерло 189 д., а у инородцевъ заболѣло 965 д. и умерло 545 д. По словамъ очевидцевъ, объятые ужасомъ инородцы бросились въ лѣса, но смерть настигала ихъ и тамъ, трупы валялись по всей тайгѣ, цѣлые чумы вымирали до одного человѣка, привлекая стаи хищныхъ волковъ [1]).

Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣхъ эпидемій, посѣтившихъ за истекшія $2^1/_2$ столѣтія разныя мѣстности Сибири и сильно способствовавшихъ уменьшенію ея инородческаго населенія, напомнимъ лишь, что въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія оспенная эпидемія появилась въ Удской округѣ и частью истребила ея тунгусское населеніе, частью заставила его искать спасенія на югѣ и на о. Сахалинѣ. Въ серединѣ 80-хъ годовъ того же столѣтія подобная же бѣда стряслась надъ сѣверомъ Колымскаго округа, причинивъ огромную убыль среди мѣстнаго инородческаго населенія—нѣкоторые роды тунгусовъ, юкагировъ и чуванцевъ уменьшились въ это время на $^1/_3$ и на $^1/_2$ своего прежняго числа.

Къ такимъ же неблагопріятнымъ условіямъ стихійнаго характера слѣдуетъ отнести и открытіе вблизи тунгусскихъ кочевій пріисковъ, какъ это въ свое время имѣло мѣсто въ Енисейскомъ округѣ, въ Олекминскомъ округѣ, по Амгуни и т. д. Подобныя мѣстности всегда привлекаютъ въ край массу людей, лѣса начинаютъ страдать отъ пожаровъ и рубки, черезъ тайгу пролагаются новые пути, по которымъ двигаются караваны съ грузами и припасами, и дичь и пушной звѣрь покидаютъ подобныя шумныя и людныя мѣста, что гибельно отражается на благосостояніи мѣстныхъ тунгусовъ. Въ ожиданіи приближавшейся грозы въ видѣ поисковыхъ партій, тунгусы Охотскаго края говорили съ ужасомъ одному изслѣдователю: «придутъ русскіе, начнутся лѣсные пожары, звѣрь разбѣжится, моховища навсегда погибнутъ..., что тогда будетъ съ нами?» [2]).

Взамѣнъ этого, заселеніе тайги, какъ мы видѣли выше, временно увеличивая спросъ на припасы, на перевозочныя средства, рабочую силу и т. д., даетъ тунгусамъ возможность имѣть и другіе заработки помимо звѣроловства и охоты. Но все же вредъ отъ пріисковъ для инородцевъ неизмѣримо

[1]) Лыткинъ: „Енисейская губ.“, 449.
[2]) „Землевѣдѣніе“, 1898, III—IV, 408.

больше чѣмъ польза: во-первыхъ, далеко не всѣ тунгусы извлекаютъ выгоду отъ измѣнившихся условій, а во-вторыхъ, пріисковое населеніе, принадлежа къ худшимъ элементамъ Сибири, имѣетъ самое тлетворное вліяніе на тунгусовъ и инородцевъ вообще. Дикари быстро усваиваютъ всѣ худыя привычки этихъ піонеровъ цивилизаціи: пьянство, развратъ, карточную игру и скоро окончательно подрываютъ свои физическія и матеріальныя силы. Это одна изъ причинъ, почему тунгусское населеніе, живущее близь пріисковъ, почти всюду — въ Олекминскомъ округѣ (стр. 52), въ районѣ пріисковъ Енисейскаго округа (стр. 42) и т. д. показываетъ отрицательный приростъ. Если же пріиски извѣстной мѣстности истощились и населеніе пріисковъ отхлынуло въ другія, еще нетронутыя мѣстности, то тунгусское населеніе, отвыкшее отъ прежней своей дѣятельности и пріученное къ хорошей оплатѣ сравнительно небольшого труда, не находя болѣе спроса на послѣдній ни за какую плату, быстро нищаетъ и вымираетъ. Немудрено поэтому, что тунгусы такъ боятся даже слуховъ объ открытіи близь ихъ кочевій пріисковъ.

На ряду съ вымираніемъ инородцевъ Сибири въ широкихъ размѣрахъ происходитъ ихъ метисація и ассимиляція съ другими народностями, населяющими нашу обширную окрайну. А ргіогі можно было бы думать, что эти явленія должны маскировать явленіе вымиранія инородцевъ и служить причиной невѣрности нашихъ выводовъ касательно направленія прироста населенія, но на дѣлѣ это не такъ.

Въ Америкѣ, гдѣ нѣтъ сословныхъ группъ, тамъ эти оба явленія на самомъ дѣлѣ настолько перепутаны другъ съ другомъ, что не даютъ возможности сдѣлать какіе-либо болѣе или менѣе правильные выводы о дѣйствительномъ приростѣ инородческаго (индѣйскаго) населенія. Происходитъ это отъ того, что тамъ нѣтъ какихъ-либо реальныхъ и объективныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить лицо смѣшаннаго происхожденія отъ чистокровнаго бѣлаго; языкъ и вѣра у подобныхъ лицъ по большей части одни и тѣ же, типъ — признакъ неблагонадежный и къ тому же чисто субъективный; что же касается до свидѣтельствъ регистрируемыхъ лицъ объ ихъ происхожденіи, то они научнаго значенія имѣть не могутъ уже потому, что очень многіе метисы и мулаты объ этомъ могутъ не помнить, а другіе даютъ завѣдомо ложныя показанія. По-

слѣднее на самомъ дѣлѣ часто наблюдается — потомки цвѣтныхъ родителей, желая ближе примкнуть къ бѣлому населенію, которое въ Америкѣ пользуется сравнительно большимъ почетомъ, нерѣдко стараются умолчать, что въ числѣ ихъ родныхъ и близкихъ родственниковъ имѣются и индѣйцы или негры. На этомъ основаніи въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки не только нельзя правильно рѣшить вопросъ о вымираніи индѣйцевъ, но нельзя даже болѣе или менѣе точно установить число метисовъ, мулатовъ и тѣмъ болѣе потомкомъ отъ браковъ этихъ послѣднихъ съ чистокровными бѣлыми.

Совершенно иныя условія существуютъ въ Сибири. Тамъ русское населеніе (и лица другихъ національностей, вмѣстѣ съ ними перевалившія за Уралъ) по своему сословію (крестьяне, мѣщане, казаки и т. д.) рѣзко отличается отъ мѣстнаго коренного населенія, которое почти исключительно принадлежитъ къ сословію инородцевъ (часть бурятовъ и Акшинскіе тунгусы въ видѣ исключенія также къ казакамъ), причемъ всѣ лица, происходящія по мужской линіи отъ первыхъ, заносятся въ метрическія книги согласно ихъ сословію — крестьянами, мѣщанами, казаками и т. д., а отъ вторыхъ—почти всегда инородцами, какъ бы сильно они не перемѣшались и не ассимилировались съ теченіемъ времени съ русскими. Иногда, впрочемъ, въ случаѣ незаконныхъ сожительствъ инородцевъ съ русскими, дѣти наслѣдуютъ и сословіе матери. Обоими этими путями происходило и нынѣ происходитъ постепенное и постоянное измѣненіе физическаго типа какъ русскихъ, такъ и въ значительно большей степени и инородцевъ.

Это обоюдное взаимодѣйствіе другъ на друга обѣихъ этихъ племенныхъ группъ началось съ самыхъ первыхъ лѣтъ покоренія Сибири, когда казаки и разные вольные и охочіе люди цѣлыми ватагами устремились во вновь открытые края. Многіе изъ нихъ тамъ и осѣдали въ разныхъ мѣстахъ, причемъ за отсутствіемъ русскихъ женщинъ жили съ мѣстными инородками, на которыхъ иногда впослѣдствіи и женились, но далеко не всегда. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ потомство (внѣ городовъ и русскихъ поселковъ) по большей части пріобщалось къ племени матери—таковы напр., такъ называемые, креолы Алеутскихъ острововъ, большая часть которыхъ нынѣ обитаетъ на Командорскихъ островахъ—они происходятъ отъ сожительствъ казаковъ, завоевателей края, съ алеутскими женщинами. По

сословію они принадлежатъ къ инородцамъ и говорятъ по-алеутски.

Благодаря вышеуказанному различію въ сословныхъ отношеніяхъ коренного населенія Сибири и русскаго, въ большинствѣ случаевъ весьма легко прослѣдить, происходитъ ли извѣстная группа населенія по мужской линіи отъ инородцевъ или отъ русскихъ, и путемъ сопоставленія данныхъ объ ея численности за два періода времени опредѣлить ея приростъ. Мало того, въ нашемъ распоряженіи имѣются и средства для распредѣленія по отдѣльнымъ племенамъ денаціонализованныхъ ихъ потомковъ. Дѣйствительно, историческія данныя и оффиціальные документы, настоящіе и прежніе, даютъ по большей части точныя указанія о національности жителей каждой мѣстности, волости, управы, рода и т. д., такъ что почти всюду можно съ достовѣрностью рѣшить, къ какому племени слѣдуетъ отнести извѣстную группу населенія, независимо отъ того, какой образъ жизни она ведетъ и на какомъ языкѣ она изъясняется.

Подобныя указанія даютъ и переписные листы, гдѣ имѣются свѣдѣнія о мѣстѣ рожденія и приписки, объ управахъ, вѣдомствахъ, родахъ, а во многихъ случаяхъ называется и сама національность (напр. «тунгусъ», «алеутъ», «чукча»)[1]). Такимъ образомъ, и по даннымъ переписи мы всегда можемъ отличить окончательно обрусѣвшихъ, объякутившихся и обурятившихся тунгусовъ отъ тѣхъ племенъ, къ которымъ они примкнули, усвоивъ ихъ духовный міръ, и, слѣдовательно, довольно точно опредѣлить ихъ нынѣшнее и прежнее число и ихъ приростъ.

Иллюстраціей того, насколько при надлежащемъ использованіи вышеуказанныхъ свѣдѣній возстановленіе прежней національности инородцевъ можетъ быть произведено успѣшно, можетъ служить тотъ фактъ, что у 34.500 тунгусовъ, окончательно утратившихъ родной языкъ, и у приблизительно такого же

---

[1]) Лишь въ единичныхъ случаяхъ подобныя указанія племени не соотвѣтствуютъ дѣйствительной его національности, напр. когда подобная помѣтка относится не къ прирожденной національности, а къ той, къ которой данная группа инородцевъ причислилась. Такимъ образомъ, два бурятскихъ рода (Тыртеевскій и Куркутскій II), причислившись къ тунгусамъ Армакской управы, сами оффиціально стали именоваться „тунгусами“ (I, стр. 148), но названія родовъ и другія данныя и въ этихъ случаяхъ даютъ возможность сдѣлать нужныя поправки.

числа лицъ, заимствовавшихъ образъ жизни другихъ народностей, а они составляютъ 54,5% всѣхъ представителей этого племени, благодаря данным объ ихъ происхожденіи по мужской линіи, могла быть возстановлена ихъ настоящая національность. Не имѣй мы возможности болѣе или менѣе точно опредѣлить національность этихъ инородцевъ, болѣе или менѣе утратившихъ внѣшнія отличія своей народности, наши выводы о приростѣ отдѣльныхъ племенъ Сибири были бы вполнѣ шатки и фантастичны. По этой же причинѣ, трактуя въ предыдущей главѣ о вымираніи тунгусовъ, мы принимали въ соображеніе не утрату наружныхъ признаковъ національности, а лишь дѣйствительное уменьшеніе въ численности извѣстной группы населенія противъ прежнихъ лѣтъ.

ГЛАВА IV.

Ассимиляція.

Остановимся теперь на ассимиляціи отдѣльныхъ инородческихъ племенъ. Въ широкомъ смыслѣ слова ассимиляція при столкновеніи другъ съ другомъ двухъ или нѣсколькихъ народностей можетъ имѣть троякій характеръ. Подъ этимъ терминомъ можно подразумѣвать, съ одной стороны, усвоеніе одной изъ нихъ языка, образа жизни, вѣрованій и другихъ культурныхъ достояній другой (или взаимное ихъ заимствованіе ими другъ у друга) или она можетъ ограничиться приближеніемъ ихъ другъ къ другу въ физическомъ отношеніи путемъ постоянно повторяющихся перекрестныхъ браковъ, при сохраненіи каждымъ племенемъ въ большей или меньшей степени своихъ культурныхъ особенностей или же, наконецъ, оба племени могутъ слиться въ одно или по крайней мѣрѣ сильно приблизиться другъ къ другу и физически и духовно (какъ напр. юкагиры и тунгусы Колымскаго края—см. ниже), причемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ одно ихъ нихъ, будучи болѣе сильнымъ въ какомъ нибудь изъ этихъ отношеній или болѣе многочисленнымъ, беретъ верхъ въ этой борьбѣ за преобладаніе и фактически уподобляетъ себѣ другое племя и культурно и часто физически.

Ассимиляціи духовной принадлежитъ преобладающая роль въ немногихъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ рядомъ живутъ народности, брачные союзы между которыми встрѣчаютъ препятствія, напр. въ различіи религій. Такимъ образомъ, въ Томской губ. въ значительной степени обрусѣли не только православные татары, но и шаманисты. То же самое наблюдается и у части Иркутскихъ бурятовъ и у тунгусовъ язычниковъ Маньковской упр. (Читинск. окр.) (см. также стр. 87) Ассимиляціей физической можно объяснить измѣненіе тюркскаго типа якутовъ и киргизовъ въ монгольскій при сохраненіи роднаго языка и

въ большей или меньшей степени культурныхъ достояній ихъ тюркскихъ предковъ.

Гораздо чаще однако наблюдаются случаи простой метисаціи, когда еще не дошло до коренного измѣненія типа и когда племя еще болѣе или менѣе сохраняетъ свои національныя культурныя особенности. Это непрерывное физическое воздѣйствіе однихъ племенъ на другія постоянно происходило и происходитъ еще понынѣ по всей обширной территоріи Сибири и ведетъ къ объединенію физическаго типа ея населенія. Дѣйствительно, заключеніе смѣшанныхъ брачныхъ союзовъ не встрѣчаетъ препятствія во взаимномъ физическомъ отвращеніи, ни у отдѣльныхъ племенъ, ни даже у русскихъ, которые часто вступаютъ въ браки съ осѣдлыми и обрусѣлыми инородцами православной вѣры (остяками, вогулами, Томскими татарами, камчадалами, якутами и т. д.), хотя мѣстами и считаютъ ихъ за нисшую расу. Гораздо легче и чаще однако происходятъ незаконныя сожительства и связи при существующей во многихъ мѣстностяхъ Сибири свободѣ нравовъ. Дѣти отъ такихъ временныхъ союзовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ пріобщаются къ племени, къ которому принадлежитъ мать, и этимъ путемъ вводятъ въ него совершенно новый элементъ.

Если кратковременныя связи лицъ разныхъ національностей почти не вліяютъ на ихъ духовную ассимиляцію, то продолжительныя сожительства и браки несомнѣнно являются наиболѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ факторомъ для полнаго сліянія разнородныхъ группъ населенія. Здѣсь, слѣдовательно, имѣетъ мѣсто сближеніе группъ населеніи не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніяхъ, причемъ, наблюдая надъ взаимными отношеніями между отдѣльными племенами Сибири, можно видѣть всевозможныя формы стадіи ихъ ассимиляціи.

Ограничимся этими краткими замѣтками и укажемъ на тѣ случаи, гдѣ во взаимныхъ воздѣйствіяхъ однѣхъ народностей на другія принимаютъ участіе тунгусы.

Смѣшеніе инородческихъ племенъ, а слѣдовательно и тунгусовъ, съ *русскими*, началось, какъ мы знаемъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ покоренія Сибири, когда казаки и разные вольные и охочіе люди цѣлыми толпами устремились во вновь открытые края. Въ послѣдующія столѣтія, какъ и

нынѣ, русская кровь вливалась въ жилы инородцевъ путемъ сожительства съ ихъ женами и дочерьми главнымъ образомъ промышленниковъ и торгующихъ людей, по своему ремеслу обязанныхъ цѣлые мѣсяцы проводить внѣ своихъ селеній. Многіе изъ нихъ имѣютъ двѣ форменныя семьи, изъ коихъ одна, законная, проживаетъ въ деревнѣ, а другая, незаконная, гдѣ-нибудь въ глуши, тоже къ особой юртѣ. Этими незаконными женами въ Якутской губерніи чаще всего бываютъ тунгуски, которыя выгодно отличаются отъ якутокъ своею страстностью и которыя поставляютъ главный контингентъ проститутокъ на многіе инородческіе торжки и ярмарки, напр. на Анюйскую ярмарку. Дѣти отъ подобныхъ, не освященныхъ церковью, браковъ считаются обыкновенно по матери тунгусами, какъ и законныя дѣти осѣдлыхъ и обрусѣлыхъ тунгусовъ Иркутской губерніи, Забайкальской области и Охотской округи Приморской, нерѣдко берущихъ въ жены крестьянокъ и казачекъ сосѣднихъ селеній, считаются тунгусами же по отцу. Эти перекрестные браки содѣйствуютъ измѣненію физическаго типа тунгусовъ и съ теченіемъ времени приводятъ ихъ къ полной ассимиляціи съ русскими. Дѣйствительно, тунгусы нѣкоторыхъ деревень указанныхъ губерній и областей нынѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ русскихъ; иногда ихъ выдаетъ лишь ихъ не совсѣмъ стушевавшійся типъ. Всѣ они однако продолжаютъ считаться по сословію инородцами и по національности тунгусами, пока они не пожелаютъ перечислиться въ разрядъ крестьянъ или мѣщанъ — рѣшительный шагъ, при которомъ они окончательно порываютъ всякую связь съ роднымъ племенемъ. Такіе случаи впрочемъ нынѣ происходятъ рѣдко, потому что инородцы Сибири освобождены отъ воинской повинности и платятъ меньшія подати (ясакъ), чѣмъ русскіе крестьяне, что имѣетъ послѣдствіемъ, что подобный переходъ въ категорію крестьянъ для нихъ не выгоденъ. Но въ прежнее время подобныя перечисленія изъ бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ въ осѣдлые, въ крестьяне и мѣщане совершались во время производства ревизій и притомъ безъ согласія на то заинтересованныхъ лицъ. Для этого было достаточно констатировать фактъ, что данная группа инородцевъ перешла изъ бродячаго или кочеваго къ осѣдлому образу жизни. Особенно значительно было число такихъ крестьянъ изъ инородцевъ въ

Забайкальской области (см. гл. VII), но и въ другихъ мѣстахъ попадаются крестьяне такого происхожденія, напр. жители дер. Инской Охотской округи происходятъ отъ коренного ея населенія—«сидячихъ» тунгусовъ и отъ переселившихся сюда впослѣдствіи крестьянъ и казаковъ, которые съ теченіемъ времени слились съ ними въ однородную группу. Таковы вѣроятно и крестьяне, живущіе по берегамъ рр. Бирюсы (Оны) и Чуны, въ типѣ которыхъ еще понынѣ можно найти слѣды тунгусской крови (см. I, стр. 156) и которые вѣроятно являются смѣшавшимися съ русскими и перечислившимися въ крестьяне потомками осѣдлыхъ тунгусовъ южной части Енисейскаго округа. Эта группа обрусѣлыхъ тунгусовъ (т. е. крестьяне и мѣщане изъ тунгусовъ), еще въ XVIII в. начавшихъ заниматься земледѣліемъ, нынѣ настолько слилась съ русскими, что составляетъ съ ними неразрывное цѣлое; о своемъ инородческомъ происхожденіи изъ нихъ помнятъ лишь очень немногіе. Почти такъ же сильно обрусѣла и большая часть тунгусовъ Н. Илимской управы Иркутской губерніи и Урульгинской, Оловской, Маньковской и др. управъ Читинскаго округа Забайкальской области.

Да и главная масса тунгусскаго племени, и понынѣ сохранившая свое инородческое сословіе, въ настоящее время настолько сильно обрусѣла, что треть (31,8%) всѣхъ тунгусовъ говоритъ лишь по-русски и живетъ по-русски и 82,0% исповѣдываетъ православную религію, а если исключить бродячихъ тунгусовъ, и понынѣ ведущихъ вольную и безпечную жизнь своихъ отцовъ, то обрусѣвшими можно считать ок. $^2/_3$ всѣхъ осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ представителей этого племени. Принадлежность къ тунгусскому племени зиждется у нихъ лишь на различіи въ сословіяхъ. Достаточно однако будетъ уничтожить условное дѣленіе жителей Сибири на сословныя группы и вся масса обрусѣлыхъ инородцевъ, въ нашемъ случаѣ половина всего тунгусскаго народа—даже по имени станетъ русской. Лишь нѣкоторыя характерныя черты лица будущихъ русскихъ крестьянъ этихъ мѣстностей и воспоминанія, что здѣсь раньше жили тунгусы, будутъ еще долгое время свидѣтельствовать о смѣшанномъ происхожденіи той или другой группы мѣстныхъ русскихъ жителей.

Замѣтимъ къ слову, что метисація то повышаетъ, то понижаетъ физическій типъ и умственный и духовный уровень

народностей, которыя ей подвергаются. Такимъ образомъ, смѣшеніе съ выродившимися отъ неблагопріятныхъ условій сѣверными инородцами Сибири (юкагирами, Енисейскими остяками, отчасти сѣверными сидячими коряками и тунгусами и т. д.) безусловно вредно отзывается на потомствѣ русскаго и обрусѣлаго инородческаго населенія низовьевъ крупныхъ рѣкъ В. Сибири, которое во всемъ уступаетъ природнымъ русскимъ и во многомъ кореннымъ инородцамъ. Напротивъ, скрещиваніе кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ (тунгусовъ, бурятовъ, якутовъ, татаръ и т. д.) между собою и съ русскими производитъ по большей части здоровыя и жизнеспособныя группы населенія.

Ассимиляція и скрещиваніе тунгусовъ съ *якутами* имѣли мѣсто еще до прихода русскихъ въ Сибирь, но лишь послѣ завоеванія ими этой обширной окрайны, когда якуты стали разбредаться по Вилюю, Ленѣ, Янѣ, Олекмѣ и т. д., по чисто тунгусскимъ областямъ, эти процессы получили значительные размѣры. Продолжаются они и понынѣ, въ ущербъ тунгусскому населенію, не только на протяженіи всей Якутской области, но и въ сѣверо-восточной части Туруханскаго края, на сѣверѣ Амурской области и отчасти въ Удской округѣ Приморской, однимъ словомъ всюду, гдѣ эти двѣ народности приходятъ во взаимное соприкосновеніе. Потерявъ по какой-либо причинѣ своихъ оленей, тунгусы часто осѣдаютъ около якутскихъ жилищъ и дѣлаются батраками якутовъ, пасутъ ихъ оленей и т. д. Нерѣдко они съ ними вступаютъ въ брачные союзы и въ незаконныя сожительства, причемъ, такъ какъ тунгусы подпадаютъ вліянію болѣе высокой якутской культуры, то дѣти ихъ часто, а внуки всегда, и по языку и по образу жизни становятся почти якутами. Если они къ тому же причислятся къ якутской общинѣ, то этимъ самымъ они порываютъ разъ на всегда всякую связь съ своими одноплеменниками и дѣлаются настоящими якутами. Такія переходныя ступени отъ тунгусовъ къ якутамъ можно встрѣтить во многихъ мѣстностяхъ Якутской области. Таковы, напр. такъ называемыя Бадиры уроч. Уланахъ (въ вост. части Якут. окр.), которые по изслѣдованію г. Майнова оказались объякутившимися тунгусами (Бадирскаго рода?), вслѣдствіе своей малочисленности лѣтъ 60 тому назадъ причислившимися къ I Жехсогонскому наслегу Батурусскаго улуса и нынѣ сильно перемѣшавшимися съ яку-

тами путемъ взаимныхъ браковъ [1]). Они живутъ въ юртахъ и имѣютъ скотъ, какъ и якуты, но, подобно тунгусамъ, уходятъ на промыселъ въ тайгу. Говорятъ они на тунгусскомъ и якутскомъ языкахъ и вѣроятно скоро окончательно сольются съ якутами (Майновъ, l. c., 142). Объ этомъ же объякутѣніи тунгусовъ сообщаетъ и г. Сѣрошевскій. Онъ передаетъ, что въ сѣверныхъ частяхъ улусовъ Дюпсинскаго и Баягантайскаго (Якутск. окр.), примыкающихъ къ южнымъ отрогамъ Верхоянскихъ горъ, въ голодные годы къ мѣстнымъ якутамъ являются цѣлыя семьи тунгусовъ, хозяева которыхъ нанимаются къ нимъ въ работники. Такія семьи часто на всегда остаются среди якутовъ, вступаютъ съ ними въ браки и отдаютъ имъ на воспитаніе своихъ сиротъ. То же въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ тунгусы ежегодно зимой приходятъ въ якутскія селенія и живутъ у нихъ въ однѣхъ съ ними юртахъ самые холодные мѣсяцы. Тунгусы при этомъ привозятъ имъ подарки: мѣха, кедровый орѣхъ, медвѣжье мясо, а необходимые припасы покупаютъ у нихъ. И въ данномъ случаѣ, благодаря незаконнымъ связямъ, происходитъ смѣшеніе якутской крови съ тунгусской и постепенное усвоеніе тунгусами якутскаго языка и якутской культуры.

Майскіе тунгусы, именно ихъ кочевая часть, тоже сильно объякутились, породнившись съ якутами, отъ которыхъ переняли скотоводство. Въ этой мѣстности тунгусы, судя по Майнову, охотно женятся на якуткахъ, а якуты на объякутившихся тунгускахъ, но не на дочеряхъ бродячихъ, потому что лѣсные тунгусы, вѣрные своему дѣдовскому образу жизни, вовсе не умѣютъ ходить за рогатымъ скотомъ и вообще не знаютъ якутскаго хозяйства. Окончательно перемѣшались съ якутами и переняли ихъ образъ жизни и тунгусы II Шелогонскаго рода, также и часть Нюрмаганцевъ Якутскаго округа перешла къ скотоводству и т. д. И въ результатѣ этихъ перекрестныхъ браковъ въ массѣ Майскихъ тунгусовъ нынѣ преобладаетъ чисто якутскій типъ и, съ другой стороны, якуты мѣстами показываютъ тунгусское сложеніе, напр. всѣ якуты, живущіе около станціи Аллахъ-Юнской, вслѣдствіе примѣси тунгусской крови не высоки, сухощавы и малосильны.

---

[1]) Перепись такого рода не открыла, ни среди мѣстныхъ тунгусовъ, ни среди якутовъ.

Еще сильнѣе объякутились тунгусы Вилюйскаго округа, которые совершенно забыли родной языкъ. Говоря тѣмъ же якутскимъ языкомъ, а во многихъ случаяхъ и ведя тотъ же образъ жизни, они болѣе другихъ тунгусовъ близки къ якутамъ и вслѣдствіе этого еще чаще вступаютъ во взаимные браки другъ съ другомъ. Но пока всѣ подобныя лица, происходящія по мужской линіи отъ тунгусовъ, оффиціально считаются таковыми, кромѣ тѣхъ небольшихъ ихъ группъ, которыя, причислившись къ извѣстнымъ якутскимъ родамъ, стали и оффиціально считаться якутами, какъ, съ другой стороны, отдѣльныя семьи якутовъ, войдя въ составъ какого-нибудь родоваго управленія или управы тунгусовъ, этимъ самымъ становились въ документахъ тунгусами, оставаясь по существу тѣми же якутами, какими они были раньше. О такихъ тунгусахъ, якутскаго склада тѣла упоминаетъ на сѣверѣ Вилюйскаго округа Кларкъ. Онъ рисуетъ ихъ тучными, неповоротливыми, не отличающимися отъ настоящихъ якутовъ, ни по нравамъ, ни по обычаямъ, ни одеждой, ни языкомъ, ни, наконецъ, по занятію — разведеніе коней и рогатаго скота. Ему удалось узнать о нихъ, что они считаютъ себя потомками якутовъ, бѣжавшихъ сюда съ береговъ Лены еще до (?) занятія края русскими [1]). Это сообщеніе Кларка можетъ относиться напр. къ Чордунцамъ переписи, имя которыхъ, одноименное съ соотвѣтствующимъ якутскимъ родомъ, вовсе не встрѣчается среди коренныхъ тунгусскихъ родовъ ревизій (см. ниже).

Совершенно закончившійся процессъ объякутѣнія тунгусовъ мы имѣемъ на крайнемъ сѣверо-западѣ тунгусской области. Здѣсь два изъ тунгусскихъ родовъ съ береговъ средней Лены — Долганскій и Жиганскій, убѣгая отъ притѣсненій со стороны казаковъ на западъ, первый въ XVIII ст., второй повидимому въ концѣ XVIII или началѣ XIX ст. достигли Туруханскаго края, гдѣ и осѣли окончательно (см. V гл.). Движеніе это отъ Лены до Хатанги совершалось этапами, продолжаясь въ общей сложности цѣлыя десятки лѣтъ. Уже во время этого передвиженія по Вилюйскому округу эти тунгусы, въ средѣ которыхъ вѣроятно были

[1]) Кларкъ: „Вилюйскъ и его округъ“ („Зап. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.“, 1864 г., VII, 91 сл.). Разселеніе якутовъ по Вилюйскому и другимъ округамъ изъ Якутскаго округа имѣло мѣсто, по всему судя, въ началѣ XVII ст. (см. стр. 13).

и осколки якутскихъ родовъ съ береговъ Лены, повидимому успѣли отчасти подпасть вліянію якутовъ, но на своей новой родинѣ они окончательно перемѣшались съ давно водворившимися тамъ якутами такъ называемаго Затундринскаго рода. Ихъ происхожденіе съ береговъ Лены не только засвидѣтельствовано историческими актами, но и ихъ преданіями, согласно которымъ они считаютъ себя уроженцами «Олейской стороны», вѣроятно подразумѣвая подъ этимъ свой промежуточный этапъ на берегахъ Оленека, а также названіемъ, которые имъ даютъ русскіе— Дзиганская орда, напоминающимъ объ ихъ происхожденіи изъ окрестностей Жиганска [1]). Въ настоящее время тунгусы Долганскаго рода—такъ они называются во всѣхъ прежнихъ оффиціальныхъ актахъ—или какъ ихъ нынѣ называютъ въ краѣ—*долгане* настолько ассимилировались съ якутами и физически и по своимъ духовнымъ проявленіямъ — они имѣютъ по б. ч. якутскій типъ, говорятъ по якутски и ведутъ якутскій образъ жизни, что большинство изслѣдователей края болѣе склонны причислять ихъ къ якутамъ. Тунгусы Жиганскаго рода тоже на $^3/_4$ объякутились. Изъ другихъ тунгусскихъ родовъ Туруханскаго края подпалъ вліянію якутовъ лишь Боганидскій родъ, не говоря о немногочисленныхъ Чордунцахъ и Бетюнцахъ, выходцахъ изъ Вилюйскаго округа, которые можетъ быть лишь по имени тунгусы.

Напротивъ, въ Удской округѣ, на крайнемъ востокѣ распространенія якутовъ, сравнительно небольшія группы этого племени, окруженныя многочисленными тунгусами и подобно имъ ведущія бродячую жизнь, отчасти подверглись ихъ культурному вліянію и примкнули къ нимъ: они заключаютъ съ ними частые браки, а ихъ Жерскій родъ (собств. наслегъ) здѣсь на $^2/_3$ говоритъ по тунгусски. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться, что и въ предѣлахъ этого округа, гдѣ якуты живутъ осѣдло (ур. Чумуканъ, Буруканъ, Нелькanъ, остр. Удскій и т. д.) и гдѣ ихъ

---

[1]) Сами долгане называютъ себя, по Миддендорфу, Byĥĥigádjadj, имя которое Майновъ (l. c., 76) сопоставляетъ съ I и II Быджигаджинскими наслегами сѣверной части Намскаго улуса (Якут. окр.) якутовъ. Онъ полагаетъ, что долгане происходятъ изъ этой мѣстности, которая однако лежитъ значительно южнѣе широты Жиганска, откуда безъ сомнѣнія происходятъ долгане (Жиганскій острогъ былъ построенъ среди тунгусовъ Долганскаго и Жиганскаго родовъ). Вѣрнѣе предположить, что изъ упомянутой мѣстности вышли тѣ якуты, которые во время бѣгства тунгусовъ двухъ названныхъ родовъ на западъ присоединились къ нимъ.

число относительно другихъ національностей велико, они вполнѣ сохранили и свой языкъ и свой образъ жизни.

То же явленіе ассимиляціи обоихъ названныхъ племенъ происходитъ и на сѣверѣ сосѣдней Амурской области, гдѣ въ тайгѣ среди тунгусовъ проживаютъ якуты, преимущественно мужчины, какъ и далѣе на сѣверѣ, въ гористой части южной полосы Якутскаго округа, всюду, гдѣ эти два племени живутъ близко другъ къ другу, причемъ по Амгѣ Майнову удалось наблюдать у тунгусовъ якутскій и русскій типы (послѣдній объясняется близостью дер. Амгинской).

Итакъ, обѣ эти національности культурно и физически вліяютъ другъ на друга почти на всемъ протяженіи Вост. Сибири, причемъ якуты, какъ племя болѣе культурное, подчиняетъ себѣ тунгусовъ духовно и, будучи значительно болѣе многочисленнымъ, имѣетъ перевѣсъ и въ физическомъ воздѣйствіи ихъ другъ на друга. Извѣстнымъ, правда чисто внѣшнимъ, тормазомъ для окончательнаго поглощенія тунгусовъ нѣкоторыхъ мѣстностей якутами служитъ память объ ихъ принадлежности къ другому племени; такимъ образомъ, нынѣ и вполнѣ объякутившіеся тунгусы считаются оффиціально тунгусами, хотя и по языку, и по образу жизни, примкнули къ якутамъ и отчасти по типу напоминаютъ якутовъ.

Столь же невыгоднымъ для тунгусской національности оказывается и сліяніе этого племени съ *бурятами*, которые, имѣя болѣе характерные физическіе признаки, при взаимныхъ бракахъ въ большей степени вліяютъ на тунгусовъ, чѣмъ послѣдніе на бурятъ. Да и въ культурномъ отношеніи тунгусы всюду уступаютъ и подчиняются болѣе высокой культурѣ своихъ сосѣдей. Всюду, гдѣ эти народности сталкиваются въ мѣстностяхъ, удобныхъ для кочеваго хозяйства, тунгусы быстро утрачиваютъ свой языкъ, свою языческую религію и свой образъ жизни, ассимилируясь съ бурятами и духовно и физически.

Это культурное воздѣйствіе бурятъ на тунгусовъ началось уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ тунгусы начали переходить отъ образа жизни охотниковъ къ скотоводству т. е. еще до середины XVII ст., такъ какъ русскіе казаки, пробравшіеся въ это время въ Забайкальскую область, застали тамъ уже «конныхъ» тунгусовъ.

Когда вслѣдъ затѣмъ часть тунгусовъ съ кн. Гантимуромъ во главѣ выселилась въ Манчжурію, сліяніе ихъ съ монгольскими и съ омонголившимися тунгусскими племенами не прекращалось и тамъ и продолжалось по возвращеніи тунгусовъ на берега Шилки и Ингоды вплоть до полнаго сліянія многихъ группъ тунгусовъ съ бурятами. Въ настоящее время въ Забайкальской области очень много обурятившихся тунгусовъ, которые мѣстами ничѣмъ не отличаются отъ природныхъ бурятовъ, развѣ только своимъ еще не вполнѣ бурятскимъ складомъ лица и болѣе подвижнымъ характеромъ. Къ обурятившимся тунгусамъ принадлежатъ почти всѣ тунгусы управъ Онгоцонской и Кужертаевской и часть управъ Маньковской и Шундуинской южной полосы Читинскаго округа, далѣе тунгусы Селенгинскаго и отчасти Баргузинскаго округовъ и почти всѣ Акшинскіе казаки-инородцы. Въ остальныхъ мѣстахъ воздѣйствіе бурятовъ на тунгусовъ значительно слабѣе потому что тамъ между обоими племенами поселились русскіе, составляющіе мѣстами весьма многочисленное населеніе, которое, имѣя преимущества въ культурномъ и физическомъ отношеніи, подчиняютъ своему вліянію и ассимилируютъ и тѣхъ и другихъ.

Значительно менѣе культурное и физическое воздѣйствіе бурятовъ на бродячихъ тунгусовъ-звѣролововъ, которые болѣе соприкасаются съ русскими, хотя и послѣдніе, охотясь съ бурятами въ однихъ районахъ, иногда вступаютъ съ ними въ браки.

Изъ остальныхъ народностей Сибири тунгусы больше всего смѣшались съ *юкагирами*. Мѣстами они ихъ подчинили своему вліянію, мѣстами же ассимилировались съ ними. Это показываетъ, насколько тунгусское племя вообще податливо и слабо въ духовномъ отношеніи, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что юкагиры и въ физическомъ и культурномъ отношеніи являются племенемъ, стоящимъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ тунгусы.

Изъ четырехъ бродячихъ родовъ тундры между низовьями Колымы и Индигирки, говорящихъ на тундренномъ юкагирскомъ нарѣчіи, два чисто юкагирскіе и два слѣдуютъ признать тунгусскими (ламутскими), именно II Каменно-Ламутскій или Ходейджиль, пришедшій на берега Алазеи съ восточного, гористаго, берега Колымы, и Бетильскій, происходящій по

преданію съ Якутской стороны. Эти тунгусы не только усвоили совершенно чуждый имъ языкъ, но и называютъ себя именемъ «одулъ», которое себѣ даютъ юкагиры, къ которымъ эти тунгусы примкнули и по своему образу жизни и по своимъ вѣрованіямъ. По физическому же типу не только эти объюкагирившіе тунгусы, но и оба названные юкагирскіе рода тундры, которые отъ нихъ впрочемъ нынѣ ничѣмъ не отличаются, болѣе напоминаютъ настоящихъ тунгусовъ, вліяніе которыхъ отозвалось и на ихъ брачныхъ обрядахъ (ср. I, стр. 61).

Напротивъ, къ западу отъ Индигирки юкагиры въ свою очередь сильнѣе подпали подъ вліяніе ламутовъ и усвоили ихъ языкъ, хотя и тамъ вѣрованія носятъ болѣе юкагирскій характеръ; еще недавно въ иныхъ мѣстностяхъ существовало поклоненіе черепу убитыхъ родоначальниковъ (Іохельсонъ). Еще далѣе на западъ, въ районѣ р. Яны, обламутившіе было юкагиры вмѣстѣ съ ними смѣшались съ якутами, языкъ которыхъ знаютъ и бродячіе роды между Индигиркой и Колымой, хотя въ браки съ ними якуты обыкновенно и не вступаютъ. Съ теченіемъ времени подобные инородцы могутъ окончательно объякутиться, мало измѣнившись физически и составить особую антропологическую группу якутовъ, какая и въ дѣйствительности существуетъ именно въ этихъ краяхъ. Такъ, по наблюденіямъ Сѣрошевскаго, сѣверные якуты въ общемъ замѣтно отличаются по своимъ соматическимъ признакамъ отъ южныхъ: они меньше ихъ ростомъ, болѣе худощавы, имѣютъ болѣе плоскую мускулатуру лица, меньшіе размѣры глазъ при болѣе косомъ ихъ разрѣзѣ. Онъ приписываетъ эти измѣненія въ физическомъ типѣ якутовъ примѣси тунгусской крови, но, по всему вѣроятію, здѣсь дѣло не ограничивается одной примѣсью чужой крови; весьма вѣроятно, что главную массу этихъ низкорослыхъ сѣверныхъ якутовъ представляютъ объякутившіеся потомки сѣверныхъ племенъ. Какія это племена съ достовѣрностью утверждать нельзя; мы правда можемъ назвать юкагировъ и тунгусовъ, можетъ быть и чуванцевъ, племена, которыя безъ сомнѣнія имѣли значительное вліяніе на перерожденіе мѣстнаго якутскаго типа, но и сами сѣверные тунгусы не признаются многими изслѣдователями болѣе или менѣе чистою расою, но тунгусами, сильно измѣнившимися, благодаря скрещиванію съ малорослыми сѣверными, вѣроятно

палэазійскими, племенами или даже прямо народностями сѣвернаго типа, денаціонализованными тунгусскимъ племенемъ.

Таковы же взаимныя воздѣйствія тунгусовъ и юкагировъ и въ бассейнѣ средней Колымы (по р. Ясачной) и Омолону (по р. Коркодону), причемъ здѣсь преобладаніе элементовъ того или другого племени находится въ зависимости отъ численности его представителей въ данной мѣстности. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что взаимное физическое и культурное вліяніе обоихъ племенъ другъ на друга въ сѣверо-восточной части Колымскаго округа весьма сильно, причемъ оба эти племени, постоянно вступая между собою въ брачные союзы, въ значительной степени измѣнили свой физическій типъ, приблизившись другъ другу. Особенно сильно подобныя скрещиванія совершались въ прежнее время, когда во всемъ районѣ отъ губы Боръ-Хая на западѣ до р. Чауна на востокѣ юкагирскій элементъ рѣшительно господствовалъ надъ другими, причемъ тогда совершались смѣшенія съ выгодой для юкагировъ. Но, съ теченіемъ времени юкагиры стали вымирать и нынѣ почти исчезли, между тѣмъ какъ тоже уменьшившіеся въ числѣ тунгусы получили приращеніе въ видѣ притока новыхъ группъ этихъ инородцевъ изъ другихъ мѣстностей. Но и тунгусскій элементъ не оказался здѣсь очень прочнымъ: начавъ было брать перевѣсъ надъ юкагирскимъ, онъ въ свою очередь долженъ былъ уступить свое мѣсто болѣе сильному, благодаря численности и культурѣ, вліянію якутовъ, которые медленно, но вѣрно, объякучиваютъ всѣ племена Якутской области. Въ настоящее время это вліяніе рѣшительно преобладаетъ на всемъ сѣверѣ Сибири отъ р. Хатанги на западѣ до р. Колымы на востокѣ, причемъ въ послѣднее время якутскій языкъ сталъ проникать и къ востоку отъ только что названной рѣки, предшествуя, такимъ образомъ, поступательному движенію якутскаго племени въ названномъ направленіи.

Результатомъ взаимодѣйствія тунгусовъ и *самоѣдовъ* или, какъ полагаетъ Миддендорфъ, полнаго физическаго и культурнаго превращенія группы тунгусовъ въ самоѣдовъ, является самоѣдскій Вадѣевскій родъ Туруханскаго края (177 д.), называющій себя Аси и кочующій, по даннымъ переписи, по притоку р. Хеты Боганидѣ. Если предположеніе о тунгусскомъ происхожденіи Вадѣевскихъ самоѣдовъ справедливо, то здѣсь имѣетъ мѣсто столь же полное превращеніе тунгусовъ въ

чуждыхъ имъ самоѣдовъ, какъ и тунгусовъ Долганскаго и Жиганскаго родовъ того же Туруханскаго края въ якутовъ. Дѣйствительно, Вадѣевскіе самоѣды ни по образу жизни, ни по своему типу не отличаются отъ сосѣднихъ чистокровныхъ самоѣдскихъ родовъ, причемъ самоѣдскія черты лица особенно рѣзко выдѣляются у молодыхъ дѣвушекъ.

Тунгусы вступаютъ въ брачные союзы и въ отдѣльныхъ случаяхъ ассимилируются и съ другими Сибирскими племенами—съ чукчами, коряками и т. д., но эти взаимодѣйствія носятъ скорѣе мѣстный характеръ и ограничиваются по большей части единичными случаями, въ виду чего большаго интереса для насъ не представляютъ.

Въ восточной тундрѣ Колымскаго округа небольшая часть ламутовъ держится около *чукчей* и находится отъ нихъ въ экономической зависимости: многіе изъ этихъ и другихъ тунгусовъ и ламутовъ живутъ у чукчей въ работникахъ и пасутъ ихъ стада оленей. При этихъ условіяхъ конечно происходятъ частыя смѣшенія между обоими племенами, причемъ отъ нихъ въ общемъ болѣе выигрываютъ чукчи, которые охотно берутъ въ жены ламутокъ и ламуто-юкагирокъ, хотя неохотно даютъ имъ своихъ дочерей въ замужество, такъ что чукотскій элементъ мало вліяетъ на измѣненіе физическаго типа тунгусовъ. Нерѣдки случаи взаимныхъ браковъ и у тунгусовъ и чукчей, кочующихъ рядомъ по правымъ притокамъ Омолона (см. I, стр. 58), въ Гижигинской и Анадырской округахъ, а также съ коряками Гижигинской и Петропавловской округъ. Дѣти, происшедшія отъ подобныхъ перекрестныхъ браковъ, часто оказываются двуязычными, а въ отдѣльныхъ случаяхъ тунгусы, проживающіе въ чукотскихъ и коряцкихъ стойбищахъ, окончательно присоединяются къ этимъ племенамъ.

Мы ограничимся этими данными. Изъ вышеизложеннаго ясно, на сколько разнородны и разнохарактерны тѣ виды смѣшеній и ассимиляціи, которымъ на протяженіи обширной площади Восточной Сибири подвергаются многочисленныя населяющія ее племена, въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ тунгусы, для которыхъ родиной являются почти всѣ ея районы. Эти данныя намъ въ тоже время показываютъ, на сколько въ настоящее время трудно судить, къ какому племени слѣдуетъ отнести тѣхъ или другихъ инородцевъ нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири, которые могли заимствовать отъ однихъ племенъ

свой образъ жизни и языкъ, отъ другихъ получить часть своихъ характерныхъ физическихъ особенностей, сохранивъ отъ коренного племени его міросозерцаніе и вѣрованія.

Такіе инородцы собственно не принадлежатъ ни къ какому отдѣльному племени, а представляютъ результатъ культурнаго и физическаго взаимодѣйствія другъ на друга нѣсколькихъ племенъ, причемъ оффиціально они обыкновенно считаются относящимися къ тому племени, къ каковому они принадлежали въ XVII ст., во время покоренія страны русскими. Напомнимъ, что лишь благодаря этому обстоятельству мы въ настоящее время имѣемъ въ рукахъ прекрасный матеріалъ для сужденія о ходѣ и направленіи прироста населенія этихъ инородцевъ. Но, не смотря на то, что эти оффиціальныя названія племенъ имѣютъ большой научный интересъ, являясь такъ сказать документальной родословной цѣлой группы населенія, они часто стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью—выше мы видѣли, что свыше половины нынѣшнихъ тунгусовъ и по своему языку и по своему образу жизни и религіи гораздо ближе стоятъ къ русскимъ, якутамъ и бурятамъ, чѣмъ къ настоящимъ бродячимъ тунгусамъ, и, если бы намъ пришлось руководствоваться реальными признаками, хотя бы языкомъ, то ихъ бы слѣдовало присоединить къ вышеуказаннымъ народностямъ.

ГЛАВА V.

Роды.

Роды тунгусовъ (по Георги—*тагаунъ*) и другихъ алтайскихъ племенъ происходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ разросшейся семьи. Состоя въ виду этого въ извѣстныхъ родственныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, члены подобныхъ родовыхъ союзовъ избѣгаютъ вступать между собою въ браки. Каждый родъ управлялся въ прежнее время старѣйшимъ или князькомъ (по Г. — *даруга*), званіе котораго было наслѣдственно, но съ середины XVIII ст. и даже раньше русское законодательство стало вводить среди инородцевъ выборныхъ родовыхъ старшинъ, впослѣдствіи избиравшихся на 3 года. Такимъ образомъ, еще въ 1728 г. графъ Рагузинскій преподалъ пограничнымъ дозорщикамъ наблюдать «дабы каждаго рода улусные люди жили подъ вѣдѣніемъ своихъ начальниковъ и были-бъ у оныхъ начальниковъ во всякой послушности» и чтобы «между родами такихъ не было-бъ, за которыхъ безъ начальниковъ некому отвѣтствовать». Изъ послѣднихъ словъ видно, что русское правительство, озабоченное правильнымъ поступленіемъ ясака съ инородцевъ, этимъ путемъ стремилось создать себѣ въ ихъ средѣ послушныхъ и вѣрныхъ агентовъ. Въ тѣ отдаленныя времена переходъ изъ одного рода въ другой былъ запрещенъ [1]). У нѣкоторыхъ тунгусскихъ родовъ Забайкалья имѣлись кромѣ князьковъ (*тайша, тоянъ*) еще нѣсколько *зайсановъ* или нисшихъ представителей, избиравшихся изъ семействъ благороднаго званія (*отериканъ*) [2]).

Но, какъ мы увидимъ ниже, далеко не всѣ нынѣшніе тунгусскіе и вообще инородческіе роды представляютъ изъ себя

---

[1]) Куломзинъ, l. c., V, 82.

[2]) Georgi. I. c., I, 242.—Слова: „даруга, тайша и зайсанъ“ монгольскаго происхожденія. Относительно „отериканъ, отриканъ“ ср. тунг. „отрыканъ, атриканъ“—старый (Кастр.) и „атырконъ“—мужъ (мужчина?) (см. 3 гр. образцевъ тунгусскихъ нарѣчій въ приложеніи къ III вып.)

группы лицъ, дѣйствительно связанныхъ между собою родствомъ. Во многихъ случаяхъ родъ является искусственнымъ образованіемъ, вызваннымъ къ жизни ради фискальныхъ и другихъ цѣлей нашими законами и мѣстными властями. Мѣстами извѣстныя группы инородцевъ именуются, то «ордой», то «родомъ», въ зависимости отъ численности ихъ членовъ; такимъ образомъ, группа тунгусовъ, самоѣдовъ и др. въ свыше 100 м. д. называется иногда, по Миддендорфу, «ордой», если она довольно многочислепна, и «родомъ» при менѣе значительномъ числѣ ея членовъ [1]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить о тунгусскомъ родѣ вообще, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ главнымъ образомъ коренные роды, но также и искусственные.

Что касается до наименованія тунгусскихъ родовъ, то народная фантазія считаетъ ихъ предковъ или родоначальниковъ, отъ имени которыхъ она производитъ ихъ наименованія, либо знаменитыми князьками, либо славными богатырями. Кн. Костровъ полагаетъ, что таково происхожденіе названій слѣдующихъ тунгусскихъ родовъ Енисейскаго округа: Куркугирскаго, Чемдальскаго, Чапогирскаго и другихъ. Мы же сюда можемъ присоединить цѣлый сонмъ другихъ родовъ изъ остальныхъ областей Сибири, каковы Киндыгирскій, Баягирскій, Никагирскій, Луникерскій, Вакасильскій, Лалыгирскій и т. д., которые, судя по всему, производятъ свои наименованія отъ собственныхъ именъ извѣстныхъ лицъ.

Небольшая часть родовъ тунгусовъ производитъ свои имена отъ географическихъ названій урочищъ и главнымъ образомъ рѣкъ мѣстностей, гдѣ они первоначально жили. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ себѣ дали вѣроятно сами инородцы, но большая часть изъ нихъ, по всему судя, русскаго происхожденія. Искусственно создавая роды тамъ, гдѣ у инородцевъ они или не существовали, или были слишкомъ мелки, русскіе называли ихъ именами рѣчекъ, по которымъ кочевали эти группы инородцевъ. Такимъ образомъ, ясачныя коммиссіи создали названія родовъ: Илимпейскаго, Каменскаго, Питско-Варагонскаго и др. въ Енисейской губерніи, заимствовавъ ихъ отъ наименованій мѣстныхъ рѣкъ; Яравнинскаго и Телембинскаго отъ названій озеръ Забайкальской области, Мало-Бѣльскаго отъ названія рѣчки въ Иркутскомъ округѣ и т. д.

[1]) Sibirische Reise, IV, 1398.

Нѣкоторые роды носятъ даже русскія собственныя имена— Мальцевскій, Нироновъ, Давыдкинъ и т. д. Эти наименованія относятся къ сравнительно недавнему времени и по большей части не встрѣчаются у авторовъ XVIII стол. Они безъ сомнѣнія искусственнаго происхожденія, представляя изъ себя конгломератъ обрывковъ разныхъ родовъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ соединившихся въ одно цѣлое. Таковы, напр. группы тунгусовъ изъ разныхъ мѣстъ, принявшія христіанство и поселившіяся въ опредѣленной мѣстности [1]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ эти наименованія представляютъ изъ себя одну изъ главныхъ фамилій представителей извѣстнаго рода.

Отдѣльные коренные роды производятъ, наконецъ, свои имена отъ названій частей другихъ племенъ, которыя, ассимилировавшись съ тунгусами, вошли въ составъ тунгусскаго племени. Таковы Мунгальскій родъ Забайкальской области, Хоринское и Дондаконское колѣна Ламунхинскаго рода (Як. окр.) и др. Первый родъ вѣроятно происходитъ отъ монголовъ, которые въ XVII—XVIII в. неоднократно вторгались въ Забайкальскую область и о бокъ съ которыми тунгусы кн. Гантимура жили нѣкоторое время на берегахъ Науна (см. стр. 22). Хоринцы же, по всему вѣроятію, представляютъ изъ себя забредшія на сѣверъ и отунгусившіяся семейства Хоринскихъ бурятовъ. Упомянемъ къ слову, что и среди якутовъ Якутскаго округа часто встрѣчаются Хоринцы (Хоринскій р.) вѣроятно подобнаго же происхожденія. Возможно, что и Дондаконское колѣно происходитъ отъ монголо-бурятовъ.

Мы только что упомянули о *колѣнахъ* тунгусовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что роды тунгусовъ не представляютъ изъ себя однообразной и нераздѣльной единицы. Напротивъ, «мелкія подраздѣленія существуютъ въ каждомъ тунгусскомъ родѣ, соотвѣтствующемъ вслѣдствіе этого не столько якутскому роду— мельчайшей единицѣ, на которую дѣлятся якуты, сколько со-

[1]) Мальцевскій родъ повидимому искусственный родъ, образованный изъ осколковъ разныхъ родовъ, принявшихъ святое крещеніе. Названіе же его происходитъ вѣроятно отъ имени старшины Мальцева, который въ серединѣ XVIII ст. оказалъ епископу Неруновскому дѣятельное участіе при обращеніи инородцевъ Нерчинскаго округа въ христіанство. Историкъ Словцовъ, который сообщаетъ этотъ фактъ, присовокупляетъ, что именами обоихъ лицъ названы въ округѣ два селенія („Истор. Обозр. Сиб.“, IV).

временному якутскому «наслегу», единицѣ сложной, включающей въ себя нѣсколько родовъ» [1]).

Такимъ образомъ, Ламунхинскій родъ Якутскаго округа распадается на четыре племени или колѣна: Хоринское, Дондаконское, Ламунхинское и Тюгясирское. О первыхъ двухъ мы сказали, а послѣдніе два представляютъ обрывки тунгусскихъ родовъ того же округа. Изъ этого видно, что даже подъ кореннымъ названіемъ рода иногда кроются разнородныя группы инородцевъ-тунгусовъ, бурятовъ и т. д., вслѣдствіе какихъ-либо неизвѣстныхъ намъ причинъ соединившіяся въ одно цѣлое. Такимъ же образомъ II Белэтскій и Шологонскій роды Кангаласскаго вѣдомства того же Якутскаго округа состоятъ каждый изъ двухъ частей, отличныхъ по своему происхожденію (см. стр. 118 сл.). Кондогирскіе тунгусы Киренскаго округа Иркутской губерніи, принимаемые нѣкоторыми учеными за одинъ родъ, распадаются на 7 «участковъ» или колѣнъ: Чечогиръ, Осокеръ, Акари, Каплинъ, Очокогеръ, Павгирака и Монголи (см. ниже). Тоже наблюдается у Енисейскихъ тунгусовъ, гдѣ «колѣна» повидимому называются «ордами» (ср. I., стр. 107).

Дробятся ли однако всѣ роды на такія составныя части, какъ это утверждаетъ Майновъ, мы не беремся рѣшить, такъ какъ наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи довольно ограничены и касаются лишь части бродячихъ представителей этого племени. Принимая во вниманіе, что изъ названій этихъ колѣнъ и племенъ намъ извѣстны лишь весьма немногія, этимъ путемъ можно въ отдѣльныхъ случаяхъ объяснить, почему мы такъ часто не можемъ найти соотвѣтствія между названіями существующихъ тунгусскихъ родовъ и упоминаемыхъ у прежнихъ изслѣдователей края, которые легко могли принять колѣна за роды (ср. стр. 8—9).

Не только кочевые тунгусы, но и бродячіе охотники, по большей части имѣли прежде свои собственныя родовыя земли (по Георги—*боа*), въ которыя они не пускали постороннихъ. Въ тѣ отдаленныя времена дичи и рыбы были еще такъ много, что они вполнѣ могли довольствоваться своими собственными владѣніями. Но уменьшеніе дичи и пушного звѣря въ лѣсахъ и захватъ русскими, якутами и бурятами значительной части прежней тунгусской территоріи вынудили многіе роды пере-

[1]) Майновъ, l. c., 170.

двинуться въ сторону наименьшаго давленія и наибольшаго простора. Многіе роды или части ихъ съ конца XVIII ст. перемѣнили свое мѣстожительство, занявъ кочевья и охотничьи угодья своихъ сосѣдей, частью сохранившихся по настоящее время, частью вымершихъ или передвинувшихся въ свою очередь дальше. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимъ этому много примѣровъ. А это имѣло послѣдствіемъ, что въ одной и той же мѣстности нынѣ встрѣчается по большей части 2—3 и болѣе родовъ или ихъ частей, причемъ мѣстами группы инородцевъ, принадлежащихъ къ одному роду, встрѣчаются въ разныхъ районахъ, иногда не смежныхъ другъ съ другомъ, сталкиваясь въ каждомъ изъ нихъ съ представителями другихъ родовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ съ теченіемъ времени сталъ терять свое значеніе родовой строй инородцевъ. Родовая связь ихъ, крѣпкая у тѣхъ изъ нихъ, которые и понынѣ проживаютъ въ обособленномъ районѣ, смѣшиваясь съ другими родами лишь на окрайнахъ своихъ владѣній, или случайно по мѣрѣ разселенія отдѣльныхъ инородцевъ по всей территоріи округа, губерніи (области) и даже 2 — 3 изъ нихъ, постепенно стала ослабѣвать. Съ одной стороны, сборщики податей родовыхъ управленій стали находить крайне затруднительнымъ объѣзжать одинъ или два раза въ годъ всѣхъ своихъ плательщиковъ, разсѣянныхъ часто на огромномъ пространствѣ, чтобы собрать съ нихъ подать или ясакъ, какъ это напр. практикуется въ Забайкальской области. Несмотря на то, что они ради этого проводятъ все свое время въ разъѣздахъ, имъ и то не всегда удается разыскать всѣхъ платежныхъ членовъ своего родового общества. Съ другой стороны, отбываніе кочевыми и осѣдлыми инородцами нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей, которыя распредѣляются инородными управами между родовыми управленіями, представляютъ часто огромныя затрудненія для отдѣльныхъ частей родовъ, проживающихъ вдали отъ родного пепелища: иной разъ инородцу приходится чинить участокъ дороги за нѣсколько сотъ верстъ отъ своего настоящаго мѣста пребыванія, хотя части дороги, находящіяся вблизи этого послѣдняго, исправляются тоже лицами, прибывшими издалека. Въ виду этихъ и тому подобныхъ неудобствъ многіе инородцы стали стремиться освободиться отъ тягостной для себя опеки

родовыхъ управленій и сгруппировываться въ территорріальныя общины. Такъ, напр., многіе поступили при разверсткѣ участковъ междудворной гоньбы, которая нынѣ уже отбывается инородцами Забайкальской области по «булукамъ» (т. е. группами лицъ, связанныхъ единствомъ владѣнія) или по общинамъ, которыя состоятъ изъ инородцевъ, имѣющихъ стойбища въ нѣсколькихъ сосѣднихъ другъ другу урочищахъ. Многіе инородцы пошли дальше этого и стали перечисляться изъ одного родового управленія въ другое. Изслѣдованіемъ Забайкальской области въ 1897 г. точно установлено, что разложеніе рода со времени 1840 года [1]) значительно подвинулось впередъ и что болѣе или менѣе прочная родовая связь сохранилась до настоящаго времени только въ $^1/_6$ части всѣхъ инородческихъ общинъ Забайкальской области и то почти исключительно у бурятъ, между тѣмъ какъ у тунгусовъ, у которыхъ въ 1840 г. улусы со смѣшаннымъ составомъ населенія составляли меньшинство (3 изъ 28 улусовъ), нынѣ почти не сохранилось общинъ и мало отдѣльныхъ улусовъ съ однороднымъ составомъ населенія.

Такимъ образомъ, кочевой родъ мало-по-малу совершенно утратилъ характеръ кровной связи и сталъ превращаться въ чисто административную единицу, весьма не практичную во многихъ отношеніяхъ, и инородцы начали стремиться порвать съ ней всякую связь. Нынѣ «переходъ инородцевъ изъ рода въ родъ не обставляется никакими затрудненіями и практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Изслѣдователями было зарегистрировано много случаевъ вступленія въ число членовъ бурятскаго рода тунгусовъ и въ тунгусскіе роды—бурятъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла имѣвшій ранѣе мѣсто обычай, запрещавшій браки между лицами, принадлежащими къ одному роду, соблюдается только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно между желающими вступить въ бракъ «однородцами» существуетъ кровная связь» [2]).

Примѣры перечисленія тунгусовъ въ бурятскіе роды и даже въ управы и обратно бурятовъ въ тунгусскіе часто встрѣчаются въ данныхъ переписи и отчасти приведены въ нижеслѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ обзору тунгусскихъ

---

[1]) „Sibirische Reise“, IV, 1398.
[2]) „Коммиссія по изсл. и т. д.“, вып. VI, 110 сл.

родовъ Сибири [1]). Изъ нихъ припомнимъ здѣсь, что буряты I и II Тыртеевскихъ родовъ изъ Селенгинск. окр. (Забайк. обл.), причисленные къ тунгусской Армакской управы, названы въ переписномъ матеріалѣ «тунгусами» (см. I, стр. 148). Такого происхожденія вѣроятно и «тунгусы» Сокалтуевскаго и Хоронутскаго (Харанутскаго) родовъ, говорящіе по бурятски (см. ниже). Напротивъ, немногіе (78 д.) тунгусы Кудинскаго инор. вѣдомства Иркутскаго округа, принадлежащіе къ III Харанутскому (65 д.) и II Ашехабатскому родамъ, имѣющимъ широкое распространеніе у бурятовъ того же вѣдомства, безъ сомнѣнія настоящіе тунгусы, причислившіеся къ названнымъ родамъ, но еще сохранившіе память о своемъ тунгусскомъ происхожденіи.

Нѣкоторые роды весьма многочисленны и у бурятовъ и у тунгусовъ, такъ что не даютъ возможности опредѣлить, къ какой національности они первоначально принадлежали: къ бурятамъ или тунгусамъ, тѣмъ болѣе, что огромное большинство Забайкальскихъ тунгусовъ нынѣ утратили свой родной языкъ и изъясняются частью на русскомъ, частью на бурятскомъ языкѣ. Таковы напр. роды: *Сартольскій* и *Гучитскій*. Изъ нихъ первый у бурятовъ Селенгинской степной думы дѣлится на I и II Сартольскіе роды, общая численность которыхъ равна 4.620 д. (2.234 м.). Онъ же встрѣчается и у тунгусовъ Читинскаго округа въ числѣ 410 д. (195 м.), главнымъ образомъ въ Онгоцонской инор. управѣ. *Гучитскій* (*Гочитскій*) р. тоже встрѣчается у того и другого племени. У бурятовъ Хоринскаго вѣдомства (В. Удинск. окр.) въ числѣ 2.221 д. (1.119 м.) и у тунгусовъ Кужертаевской и Онгоцонской инородныхъ управъ Урульгинской степной думы (Читинск. окр.)—205 д. (97 м.). Сравнительно большая ихъ численность среди бурятовъ наводитъ на мысль о бурятскомъ происхожденіи этихъ родовъ, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ «тунгусскихъ» представителей въ настоящеее время говоритъ по бурятски (а остальная часть

[1]) При разработкѣ однако данныхъ переписи, для составленія племенныхъ таблицъ, часть ихъ, особенно, если это касалось отдѣльныхъ лицъ, была, въ виду частыхъ ошибокъ счетчиковъ, отнесена, смотря по даннымъ переписныхъ листовъ, то къ главной массѣ представителей того же рода, но другого племени, то въ группу лицъ, не показавшихъ своего рода, какъ было поступлено и съ лицами, носившими фантастическія или искаженныя до неузнаваемости названія родовъ.

по русски). Это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что въ числѣ 11 родоначальниковъ Хоринскихъ бурятъ мы встрѣчаемъ одного, носившаго имя: *Гучитъ* [1]).

Напротивъ, *Узоновъ (Удзоновъ)* родъ, численность котораго среди Читинскихъ тунгусовъ простирается до 2.215 д. (1.123 м.), (въ томъ числѣ 55 д. въ Акшинскомъ округѣ), а среди бурятовъ Селенгинской степной думы всего до 228 д. (99 м.), въ виду этого соображенія скорѣе тунгусскаго корня, каковымъ онъ и отмѣченъ въ переписномъ матеріалѣ перваго района, хотя происхожденіе его изъ Монголіи—онъ вмѣстѣ съ Сартоловымъ родомъ и съ другими чисто бурятскими родами переселился въ предѣлы Забайкальской области въ концѣ XVII ст., во время Элётскаго возстанія [2]) — и говоритъ въ пользу его бурятской національности. Мы ограничимся этими примѣрами.

Другимъ характернымъ явленіемъ, которое сопутствовало ослабленію родовой связи у тунгусовъ было дробленіе ихъ родовъ. Причины этого явленія разнообразны: съ одной стороны, сильное увеличеніе въ числѣ и, съ другой—чрезмѣрное разселеніе отдѣльныхъ тунгусскихъ родовъ, нѣкоторые изъ которыхъ нынѣ проживаютъ въ 2—3 и болѣе округахъ и даже въ нѣсколькихъ областяхъ (губерніяхъ). Въ виду указанныхъ выше причинъ отдѣльнымъ родовымъ управленіямъ оказалось не подъ силу управлять слишкомъ значительной или разбредшейся на огромномъ пространствѣ группой населенія и своевременно собирать съ него подати. Есть и другія причины, побуждавшія тунгусскіе роды раздѣлиться на части, напр. II Белэтскій родъ Якутскаго округа распался по преданію на два вслѣдствіе ссоры, происшедшей между его членами изъ-за орлиныхъ перьевъ, которыми прежде оперяли стрѣлы. Отдѣлившаяся часть стала именоваться оффиціально III Белэтскимъ родомъ, а сама себя называетъ Лонгорку [3]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ такое дробленіе родовъ можетъ найти объясненіе въ разнохарактерномъ составѣ многихъ тунгусскихъ родовъ, распадающихся, какъ мы знаемъ, на колѣна или племена. Но, судя по всему, въ большинствѣ случаевъ между новыми дробными родами и колѣнами прежняго нераздѣльнаго рода не имѣется ничего общаго.

---

[1]) Позднѣевъ, l. c. стр. 189.
[2]) Куломзинъ, вып. VI, стр. 3 и примѣч.
[3]) Майновъ, l. c., 174.

И вотъ подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ отдѣльные роды, которые еще въ концѣ XVIII ст. и отчасти въ началѣ XIX ст. составляли одно цѣлое, стали разбиваться на 2—3 и болѣе частей, нѣкоторые на 5—7—9 самостоятельныхъ группъ (напр. тунгусы Охотской округи Прим. обл.) обыкновенно съ отдѣльнымъ родовымъ управленіемъ, теряя при этомъ связь со своими ближайшими сородичами, образовавшими другія подобныя группы т. е. съ представителями прежняго нераздѣльнаго рода.

Первое историческое указаніе на разложеніе родового строя среди инородцевъ встрѣчается въ трудахъ «Иркутскаго Комитета о разборѣ инородцевъ» за 1824 годъ. Комитету уже въ то время приходилось удовлетворять ходатайства инородцевъ о перечисленіи изъ одного рода въ другой, и о раздѣленіи рода на двѣ независимыя одна отъ другой части [1]).

Если дробленіе продолжалось дальше, то отдѣльныя группы, на которыя раздѣлился извѣстный родъ (новые роды I—II—III и т. д.), въ свою очередь разбивались на двѣ и болѣе частей, причемъ эти новыя группы, въ отличіе отъ группъ перваго порядка, именовались: «Отдѣльный отъ I—II—III и т. д... рода» или 1—2—3... Отдѣльный отъ I—II—III... рода» (см. стр. 103). Подобные новые роды образуютъ обыкновенно особыя стойбища, если они бродячіе, но чаще совмѣстно съ обрывками другихъ родовъ, съ которыми они проживаютъ въ одной территоріи.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы приводимъ цыфровыя и географическія данныя касательно тунгусскихъ родовъ Сибири. Гдѣ возможно, мы постарались дать указанія, является-ли данный родъ въ извѣстномъ мѣстѣ кореннымъ или пришлымъ, что имѣетъ значеніе для выясненія характера и направленія передвиженій отдѣльныхъ частей тунгусскаго племени по территоріи Сибири, а также для выясненія вопроса о вымираніи тунгусовъ, путемъ сопоставленія цифровыхъ данныхъ касательно ихъ численности въ извѣстной мѣстности или округѣ въ прежнее время съ таковыми по переписи 1897 года.

Сначала мы набросаемъ картину разселенія тунгусскихъ родовъ по отдѣльнымъ областямъ и губерніямъ Сибири, иначе говоря, дадимъ ихъ географическій и статистическій обзоръ,

[1]) Куломзинъ, l. c. вып. VI, стр. 109.

а въ концѣ этого обзора приведемъ перечень важнѣйшихъ изъ нихъ въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ общей численности всѣхъ ихъ представителей.

Приморская область.

Анадырская округа.

Мѣстные бродячіе тунгусы (ламуты) дѣлятся на четыре рода: *Долганскій*—189 д. (91 м.), *I Дельянскій*—253 д. (124 м.), *II Дельянскій*—105 д. (55 м.) и *Балаганчиковы*—36 д. (20 м.). У 44 лицъ (25 м.) роды не показаны.

Долганскій р. является единственнымъ безспорно мѣстнымъ родомъ и приписанъ здѣсь, остальные пришлые: I Дельянскій р. платитъ ясакъ въ Колымскомъ округѣ Якутской области, II Дельянскій р.—въ Гижигѣ. О Балаганчиковыхъ тунгусахъ, которые, судя по всему, оказываются не родомъ, а частью тунгусовъ, названною такъ по какому-нибудь урочищу, ничего не извѣстно, но весьма вѣроятно, что и они пришлые.

По «Свѣдѣнію объ ясакѣ, взимаемомъ съ инородцевъ сѣверныхъ округъ Приморской области, за 1900 г.» въ данной округѣ числится 21 платежная душа тунгусовъ, изъ коихъ 15 принадлежатъ Дельянскому роду и 6 д. «Ламутскому». Эти данныя можетъ быть относятся лишь къ осѣдлому ламутскому населенію, проживающему по Анадыри, принадлежность котораго къ отдѣльнымъ родамъ намъ не извѣстна.

Гижигинская округа.

Преобладающими родами здѣсь являются *I Долганскій*—634 д. (312 м.), *II Долганскій* 174 д. (93 м.). *I Уяганскій* — 631 д. (312 м.), *II Уяганскій*—104 д. (48 м.) и *Доканскіе*. Послѣднихъ по переписи три рода: *I Доканскій*—9 д. (6 м.), *II Доканскій*—115 д. (61 м.) и *Охотско-Доканскій*—120 д. (54 м.), можетъ быть идентичный съ I Д. родомъ. По вышеприведенному «Свѣдѣнію» изъ Доканскихъ родовъ значится всего одинъ Охотско-Доканскій р. въ 41 пл. д. Кромѣ того здѣсь встрѣчается обрывокъ *Дельянскаго*

(Деллянскаго) рода въ 4 д. (2 м.); остальные 20 д. (4 м.) своего рода не показали.

Представители этихъ родовъ не имѣютъ своихъ самостоятельныхъ кочевій, но въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ встрѣчаются тунгусы разныхъ родовъ, хотя въ каждой мѣстности 1, 2 или 3 являются преобладающими. Такимъ образомъ, *I Долганскій* р. составляетъ все тунгусское населеніе по р. Ахаваэмъ (прит. Гижиги), въ верховьяхъ р. Парень (76 д.) и по Омолону (Кол. окр.). Многочисленъ онъ также по р. Пальматкѣ (116 д.), Гижигѣ, въ верховьяхъ Вархалама (274 д.) и ок. сел. Наяхонскаго (53 д.); *II Долганскій* встрѣчается почти лишь въ только что названной мѣстности (167 д.), гдѣ показано мѣстопребываніе и *Охотско-Доканскаго* рода (120 д.). *I* и *II Доканскіе* роды отмѣчены лишь въ верховьяхъ р. Вархалама (II—115 д.). Здѣсь же много и тунгусовъ родовъ *Уяганскихъ* (I—182 д.; II—32 д.). Главная масса I Уяганскаго р. была зарегистрирована въ стб. у сел. Наяхонъ, гдѣ онъ въ числѣ 368 д. составлялъ половину всѣхъ тунгусовъ, кромѣ того I и II Уяганскіе роды встрѣчаются по рр. Пальматкѣ и Гижигѣ.

Подводя итоги отдѣльнымъ группамъ родовъ, носящимъ одно и тоже названіе, мы получимъ слѣдующія цифровыя данныя: въ двухъ Долганскихъ родахъ—808 д. (405 м.), въ Доканскихъ—244 д. (121 м.), въ двухъ Уяганскихъ—735 д. (360 м.) и остальныхъ, считая въ т. ч. 1 ж. ламутку—25 д. (6 м.).

Петропавловская округа.

Тунгусы данной округи подраздѣляются на роды Долганскіе и Уяганскіе, которые въ однѣхъ мѣстностяхъ, именно по рч. Харитовой и въ хребтахъ по рч. Чанань, въ переписи названы «ламутами», а въ остальныхъ — «тунгусами». У *Долганскаго* р. — 229 д. (119 м.), названнаго здѣсь также *Дулганскимъ*, лишь у 77 д. ламутовъ показано подраздѣленіе—I Д. р. *Уяганскихъ* родовъ два: безъ указанія категоріи, вѣроятно I—51 д. (25 м.) и II—170 д. (87 м.), изъ коихъ 33 д. ламутовъ. Сверхъ того у 12 д. (6 м.) не показанъ родъ. Всѣ тунгусы данной округи

являются позднѣйшими переселенцами. До 1830 г. ихъ вовсе не было въ Камчаткѣ, а послѣ, главнымъ образомъ съ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, они постепенно стали перебираться въ названную округу преимущественно изъ Гижигинской округи гдѣ часть ихъ и приписана. Платежныхъ душъ у нихъ въ данной округѣ въ 1900 г. числилось 46. Опредѣленныхъ районовъ отдѣльные роды на Камчаткѣ не имѣютъ, а встрѣчаются всѣ въ перемѣшку во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были застигнуты тунгусы (см. I., стр. 32 сл.); замѣтимъ лишь, что по р. Чавичьѣ преобладаетъ II Уяганскій р. (102 д.).

Охотская округа.

Данная округа отличается большимъ количествомъ родовъ и еще большимъ числомъ подраздѣленій послѣднихъ. Георги за 1766 г. опредѣляетъ число родовъ въ 27, присовокупляя, что кромѣ нихъ въ округѣ встрѣчаются еще не принадлежащія къ этимъ родамъ многочисленныя орды тунгусовъ, состоящія изъ немногихъ лицъ («viele kleine Trupp, die zu keinem Geschlechte gezählt werden») [1]).

Слѣдующая таблица показываетъ, на основаніи данныхъ переписи, численность отдѣльныхъ родовыхъ группъ, которыя впослѣдствіе распались на нѣсколько частей.

ТАБЛИЦА II.

	населеніе об. п.	въ т. ч. м. п.
6 Годниканскихъ родовъ (I, II, II Оймяконскій, 1, 3, 5 Отдѣл. Г. р.)	460	241
2 Горбиканскихъ рода (I, II)	250	137
2 Деллянскихъ рода (Делл., Отд. отъ Д.) . .	390	184
6 Долганскихъ родовъ (I, II, III, IV, V, VI)	1220	585
3 Келлярскихъ рода (I, III, IV)	351	190
7 Уяганскихъ родовъ (I, IV, V, 1 Отд. отъ VI У. р., VII, IX, X)	787	399
Мямяльскій р.	54	30
Индигирскій (Кукуирскій) р.	50	28
Осѣдлые тунгусы	187	98

[1]) „Bemerk. e. Reise im russ. Reiche“, I, 244.

Какъ видно изъ этой таблички, не всѣ подраздѣленія родовъ были отмѣчены переписью въ данной округѣ; такъ, среди *Уяганскихъ* родовъ не хватаетъ II, III, VI и VIII, между *Келлярскими*—II, между *Годниканскими*—2 и 4 Отдѣльныхъ Годникынскихъ родовъ и т. д. Въ виду того, что эти недостающія категоріи родовъ не были зарегистрированы и въ другихъ округахъ, слѣдуетъ признать, что онѣ или вымерли или присоединились къ другимъ группамъ. Интересно отмѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ еще понынѣ фигурируютъ въ податныхъ листахъ (см. стр. 100), гдѣ напр. изъ Уяганскихъ вмѣсто 7 родовъ переписи встрѣчаются 14 родовъ, именно I, II, III, Отдѣльный отъ III-го, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, 1 Отд. отъ VII; 2 Отд. отъ VII, Отд. отъ X, причемъ у послѣднихъ трехъ не показано число платежныхъ душъ, вѣроятно потому, что они вымерли. Все же въ этомъ перечнѣ родовъ оказывается семь не упоминаемыхъ въ переписи. Годниканскихъ родовъ въ означенномъ спискѣ показано 8 вмѣсто 6; новыми въ этомъ случаѣ оказываются роды III, IV Годниканскіе, 2 и 4 Отдѣл. Годниканскіе, причемъ у послѣднихъ трехъ не показаны платежныя души. Среди Келлярскихъ родовъ и здѣсь не достаетъ II, а имѣется новый: Отд. отъ К. р. и т. д.

Отдѣльные роды и здѣсь не строго придерживаются опредѣленныхъ мѣстностей, но кочуютъ по большей части совмѣстно съ другими родами, почему къ каждому стойбищу приписано нѣсколько родовъ: къ Головнинскому—I Годниканскій (45 д.), 5 Отдѣльный отъ Годниканскаго (138 д.), Долганскій VI (112 д.) и Уяганскіе IX (50 д.) и X (179 д.); къ Тауйскому—IV и V Долганскіе (110 д.) и V Уяганскій (68 д.); къ Хабаровскому—Деллянскій (184 д.), II Долганскій (388 д.) и I Уяганскій (249 д.); къ Уяганскому—II Годниканскій (70 д.), II Годниканскій (Оймяконскій) (92 д.), Отдѣльные Годниканскіе: 1 (33 д.) и 3 (82 д.), Горбиканскіе I (50 д.) и II (198 д.), Кукуирскій (18 д.), I Келлярскій (94 д.), Уяганскій VII (78 д.), 1 Отдѣльный отъ VI Уяганскаго р. (66 д.) и Мямяльскій р. (54 д.); къ Ульгинскому—Келлярскіе III (50 д.) и IV (202 д.) и Уяганскій IV (95 д.); къ Амамыче-Зыбинскому—Отд. отъ Деллянскаго (206 д.), Долганскіе I (345 д.) и III (265 д.) (см. I., стр. 31).

Мѣстопребываніе тунгусовъ отдѣльныхъ родовъ намъ не

извѣстно. Относительно Уяганцевъ д-ръ Слюнинъ сообщаетъ слѣдующее: «Вся пустынная долина Кавы, какъ и морское побережье отъ сел. Инского до Тауйской бухты, лѣтомъ оживляется прикочевывающими съ Колымскаго хребта тунгусами Уягинскаго рода, которые запасаютъ здѣсь нерпичій жиръ и рыбное продовольствіе, часть котораго всегда оставляютъ для будущей весны въ кладовкахъ» [1]).

Распаденіе упомянутыхъ родовъ на отдѣльныя части произошло не ранѣе конца XVIII ст., но главнымъ образомъ вѣроятно въ теченіе первой половины XIX ст., потому что С. Крашенинниковъ, посѣтившій этотъ край въ началѣ XVIII ст., застаетъ эти роды въ Охотской округѣ еще не раздробившимися и называетъ ихъ Горбиканскимъ, Долганскимъ, Келарскимъ и Уяганскимъ. Каждый изъ нихъ управлялся тогда своимъ князькомъ и вносилъ ясакъ въ г. Охотскѣ. Изъ этихъ родовъ Долганскіе и Уяганскіе встрѣчаются и въ смежныхъ округахъ Приморской и Якутской областей, а Горбиканскій и Келлярскій (Келарскій) отмѣчены лишь въ Охотской округѣ. О Годниканскомъ и Деллянскомъ родахъ Крашенинниковъ не упоминаетъ [2]), можетъ быть они позже переселились сюда: Годниканскій изъ Якутскаго округа, гдѣ частью проживаютъ и понынѣ (37 д.); Деллянскій р. вѣроятно происходитъ изъ Колымскаго округа Якутской области. Изъ той же области перебрались въ Охотскую округу и Мямяльскій родъ, который и по нынѣ многочисленъ въ Якутскомъ округѣ (314 д.), а также неизвѣстный родъ изъ Верхоянскаго округа, названный въ переписи «Индигирскимъ».

У Крашенинникова упоминаются, какъ приписанные къ Охотскому острогу, еще роды *Эджанскій (Эжанскій)* и *Кукугирскій*. Теперь ихъ въ данной округѣ нѣтъ. Первый вѣроятно выселился на югъ, въ Удскую округу, гдѣ онъ многочисленъ, а второй исчезъ, вѣроятно вымеръ; остатокъ его можетъ быть и есть упомянутый выше Индигирскій родъ, стоянка котораго названа «Кокоюрскимъ улусомъ» (Ср. Кункугурскій родъ Верхоянскаго округа стр. 116).

Кромѣ бродячихъ тунгусовъ въ этой округѣ числится еще

[1]) „Охотско-Камчатскій край“, I, 440. Этотъ родъ здѣсь неправильно названъ Уягинскимъ.

[2]) „Описаніе земли Камчатки“, 1786. Спб., II ч., стр. 290 сл. Онъ упоминаетъ о 7 родахъ бродячихъ ламутовъ, хотя поименовываетъ лишь 6. Можетъ быть седьмымъ родомъ и былъ Годниканскій.

187 д. осѣдлыхъ тунгусовъ, которые обрусѣли и вѣроятно утратили дѣленіе на роды. Около Охотска ихъ оказалось всего 9 д., а между тѣмъ въ серединѣ XVIII ст. ихъ здѣсь было много больше. Въ донесеніяхъ казаковъ за 60-ые годы XVII ст. сохранилось названіе одного рода этихъ, такъ называемыхъ, «пѣшихъ» ламутовъ — *Баяншинскаго* [1]). Указанный выше авторъ упоминаетъ о пяти родахъ «пѣшихъ» т. е. безъоленныхъ ламутовъ всего въ 32 платежныхъ души, которые вносили ясакъ въ Охотскѣ. Эти роды, большая часть которыхъ вѣроятно вымерла, а часть проживаетъ среди мѣстныхъ крестьянъ и осѣдлыхъ тунгусовъ, были: Ивьянскій — 4 плат. души, Адганскій (Адгинскій) — 12 д., Шолганскій (Сологонскій или Шологонскій р. Якутской обл.) — 4 д., Уякрскій — 3 д. и Нюньчинскій (Нюйчинскій) — 9 д. [2]). Каждый изъ этихъ бродячихъ родовъ имѣлъ своего князька. Весьма характерно, что пѣшіе ламуты принадлежали къ совершенно другимъ родамъ чѣмъ бродячіе, значитъ они не происходятъ отъ ихъ обѣднѣвшихъ родовъ.

Упоминаемыя Крашенинниковымъ 32 ясачныхъ души въ возрастѣ приблизительно отъ 18 до 50 л. могли соотвѣтствовать наличному населенію об. п. прибл. въ 100 — 120 душъ, а около 100 лѣтъ раньше число ихъ опредѣлялось казаками въ тысячи душъ (см. I., стр. 28 сл.). Эти 32 души являются, такимъ образомъ, жалкими остатками многочисленныхъ прежде пѣшихъ тунгусовъ, которые, несмотря на свое ничтожное число, еще въ серединѣ XVII ст. сохранили своихъ князьковъ.

Малая численность этихъ «пѣшихъ» родовъ уже въ тѣ времена, ихъ неимѣніе оленей, этого главнаго богатства ихъ бродячихъ сородичей, показываетъ, что и тогда они были очень бѣдны и часто подвергались голодовкамъ, что, въ связи съ другими неблагопріятными условіями и съ эпидеміями, безъ сомнѣнія и было причиной ихъ вымиранія. Болѣе стѣсненные въ своихъ передвиженіяхъ и, за исключеніемъ Шолганскаго рода, не имѣющіе сородичей въ другихъ мѣстахъ Сибири, эти тунгусы вѣроятно въ очень отдаленное время осѣли на Охотскомъ морѣ, являясь, такимъ образомъ, настоя-

[1]) Н. Слюнинъ, ibid., I, 11 сл.

[2]) Въ антропологической таблицѣ Майнова (l. c., 120) встрѣчаются еще названія родовъ тунгусовъ Охотскаго округа: Уянкорскаго (= Уякрскому Крашенинникова) и Хотнюканскаго. Въ переписномъ матеріалѣ этихъ родовъ, вѣроятно принадлежащихъ къ осѣдлымъ тунгусамъ, нѣтъ.

щими коренными жителями края. Бродячіе представители этого племени по всему вѣроятію пришли сюда уже позже, значительная часть ихъ, какъ мы знаемъ, сравнительно весьма недавно, двигаясь съ востока.

У упомянутыхъ выше 187 душъ (98 м.) Охотскихъ тунгусовъ роды не показаны; изъ нихъ 180 д. (95 м.)—осѣдлые тунгусы Тауйскаго сельскаго общества, по большей части обрусѣлые и вѣроятно утратившіе родовое дѣленіе, и 7 д. (м.) принадлежащихъ къ Мѣтинскому наслегу. Перепись не открыла тунгусовъ въ дер. Инской, о которыхъ сообщаютъ болѣе ранніе источники. Обрусѣвши, они вѣроятно перечислились въ сословіе крестьянъ.

Удская округа.

Наибольшее значеніе въ данной округѣ имѣютъ роды: *Лалыгирскій*—301 д. (162 м.) [1]), *Бутальскій* или *Бытальскій*—440 д. (244 м.) и три рода *Эжанскихъ*, состоящіе въ общей сложности изъ 618 д. (346 м.) [1]). Вмѣстѣ они составляютъ 70% всѣхъ переписанныхъ въ 1897 г. тунгусовъ.

Разсмотримъ теперь географическое распространеніе отдѣльныхъ родовъ:

Анкагирскій (*Аинкагирскій*) р.—71 д. (41 м.) [1]), переписанный совмѣстно съ другими родами въ урочищахъ между р. Амгунью на югѣ и Охотскимъ моремъ на сѣверѣ.

Бытальскій р., главная часть котораго была переписана въ этой же мѣстности, именно по Амгуни—101 д. (56 м.) и по ея притокамъ: Немилену—23 д. (14 м.), Керби (15 д.), Амали—14 д. (9 м.), ок. Сулука—53 д. (27 м.), по р. Тугуру—57 д. (31 м.), р. Тибиленъ—22 д. (13 м.) Ибуръ—37 д. (21 м.); въ ур. Чумуканъ (8 д.), по р. Каргѣ (6 д.) и т. д. Въ самой сѣверной части округа, ок. порта Аяна, ихъ было зарегистрировано 31 д. (17 м.). Сверхъ того въ предѣлахъ Амурской области кочевали по р. Буреѣ —17 д. и по

---

[1]) Во время Миддендорфа (40 годы прошл. стол.) число представителей трехъ изъ этихъ родовъ было: Лалыгирскаго въ 92 м. и 67 ж., Инкагирскаго въ 20 м. и 11 ж. и Эджанскаго 59 м. и 52 ж. По преданіямъ Инкагиры были весьма многочисленны, но ихъ впослѣдствіи истребила оспа. Вышеприведенныя цифры и Миддендорфъ въ свое время считалъ ниже дѣйствительныхъ.

Урми—16 д. представителей этого рода, записанныхъ въ предѣлахъ Удской округи.

Жерскій р. былъ застигнутъ у мыса Чумукамъ (14 д.), въ ур. Нирянъ (21 д.), въ Удскомъ острожкѣ (26 д.), въ ур. Буруканъ (11 д.), по рч. Каргѣ (9 д.), по притокамъ Тугура (11 д.), по Амуру (8 д.) и т. д. 10 д. показали, что кочуютъ на о-вѣ Сахалинѣ (см. I, стр. 37). Всего этихъ тунгусовъ оказалось—150 д. (72 м.). Этотъ родъ представляетъ изъ себя собственно якутскій наслегъ, но, судя по языку, на $^2/_3$ отунгусившійся, почему мы его и включили въ этотъ перечень (ср. стр. 108).

Лалыгирскій р. въ наибольшемъ числѣ встрѣчается по р. Амгуни и ея лѣвымъ притокамъ—94 д. (50 м.), въ ур. Буруканъ—33 д. (18 м.), въ мѣст. Куканъ (16 д.), въ мѣст. Сутуръ (12 д.), въ мѣст. Одниканъ (8 д.), въ м. Дубликанъ (9 д.) и т. д. Кромѣ того 26 д. (16 м.) показали свое пребываніе въ предѣлахъ Амурской области, именно по р. Буреѣ, главнымъ образомъ вблизи Чекундинскихъ складовъ, по р. Селимджѣ 42 д. (17 м.) и т. д.

Мякагирскій р.—147 д. (77 м.) на самомъ сѣверѣ округа, преимущественно въ окрестностяхъ порта Аяна. Этотъ родъ приписанъ къ Усть-Майскому вѣдомству Якутскаго округа.

Въ той же мѣстности проживаетъ часть *Эжанскихъ* родовъ, главнымъ образомъ *II Эжанскій*—121 д. (60 м.) и *I Эжанскій* р. (26 д.), главная масса котораго—55 д. (34 м.) бродитъ нѣсколько южнѣе, между Амгунью и Охотскимъ моремъ. Здѣсь же главный центръ и *III Эжанскаго* р.—371 д. (220 м.). II Эжанскій родъ тамъ встрѣчается въ числѣ—36 д. (14 м.). Общее число представителей этихъ родовъ въ округѣ было таково: I Эжанскій — 81 д. (49 м.), II Эжанскій—157 д. (74 м.) и III Эжанскій, самый многочисленный, — 380 д. (223 муж.).

Сверхъ того въ данномъ округѣ было переписано небольшое число тунгусовъ другихъ родовъ: *Белэтскаго*—5 д. (2 м.), *Кюрбюгдинскаго*—22 д. (11 м.), зарегистрированныхъ ок. порта Аяна, *Мямяльскаго*—2 д. (1 м.), *Хатыгинскаго*—3 д. (2 м.), *Энгкальскаго*—12 д. (6 м.) и *Алагырскаго*—4 д. (2 м.).

Крашенинниковъ для первой трети XVIII ст. сообщаетъ слѣдующія названія родовъ тунгусовъ, платившихъ ясакъ въ

Удскомъ острогѣ: *Бутальскій, Лалигирскій, Гойганскій, Оддіанскій, Огинкагирскій, Кишигирскій* [1]).

Первые два рода и по сейчасъ проживаютъ въ данномъ округѣ; въ Огинкагирскомъ можно узнать Анкагирскій (Аинкагирскій) р.; Оддіанскій (Одянскій) встрѣчается въ небольшомъ числѣ Хабаровскомъ округѣ, куда онъ вѣроятно переселился изъ Удской округи. Эти четыре рода и слѣдуетъ считать коренными мѣстными родами. Гойганскій и Кишигирскій не встрѣчаются болѣе ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ, въ виду чего слѣдуетъ предположить, что они вымерли.

Роды Жерскій и Мякагирскій тоже нигдѣ болѣе не были зарегистрированы (Жерскій въ числѣ 13 д. въ Амурской обл. и на о. Сахалинѣ, куда онъ выселился изъ Удской округи), не упоминаются они и въ спискѣ Крашенинникова, потому что вѣроятно переселились въ Удскую округу изъ Якутскаго округа уже послѣ путешествія его въ Сибирь [2]).

Всѣ переписанные въ предѣлахъ округа и не упоминаемые у Крашенинникова роды, въ томъ числѣ и столь многочисленные Эжанскіе, происходятъ изъ смежной Якутской области гл. обр. (Усть-Майское вѣд. Як. окр.) [3]), откуда они стали выселяться, главнымъ образомъ, начиная со второй половины прошлаго вѣка. Что касается до родовъ *Энгкальскаго* и *Алагырскаго*, то они нигдѣ болѣе не встрѣчаются и происхожденіе ихъ мнѣ не извѣстно. Послѣдній по всему вѣроятію якутскаго происхожденія (ср. Алагарскій якутскій насл. Батурусскаго ул. Якутскаго округа).

У 176 лицъ (98 м.) роды не показаны. Большинство изъ нихъ (108 д.) происходитъ изъ долины р. Амгуни и отчасти изъ самой сѣверной части округи (35 ч.).

Хабаровскій округъ.

Въ данномъ округѣ собственно нѣтъ мѣстныхъ коренныхъ тунгусскихъ родовъ. Они по большей части происходятъ

---

[1]) Крашенинниковъ l. c., I, 97.

[2]) Изъ Якутскаго округа эти роды почти исчезли: послѣдній встрѣчается тамъ лишь въ числѣ 8 д. (3 м.), а первый можно повидимому сопоставить съ якутскимъ Жерскимъ насл. Зап. Кангаласскаго ул.

[3]) Мямяльскій и Белэтскій роды приписаны къ якутскимъ улусамъ того же округа, Хатыгинскій къ Жиганскому ул. Верхоянскаго округа и т. д.

изъ сосѣднихъ мѣстностей, главнымъ образомъ изъ Удской округи, откуда выселились болѣе многочисленные роды (см. стр. 30): *Лалыгирскій* (*Лалгэръ*, *Лалэгэ*) — 54 д. (27 м.), *Одянскій*—47 д. (24 м.), не встрѣчающійся болѣе въ Удской округѣ, *Бута* или *Бота* (*Бытальскій*—39 д. (24 м.), а также обрывки родовъ *Дзеръ* (*Жерскаго*)—3 м. и *Энкяръ* (вѣроятно *Анкагирскаго*)—4 д. (2 м.). Изъ другихъ родовъ болѣе многочисленны *Отженъ* (*Одженъ*)—14 д. (9 м.), *Балауръ*—12 д. (5 м.), *Бобекинъ* или *Бобякинъ* [1]) 41 д. (24 м.), *Муравьевъ*—7 д. (4 м.), *Поповъ*—6 д. (4 м.), *Поротовъ*—6 д. (3 м.) и *Айнуканскій*—3 д. (2 м.). Первые два нигдѣ болѣе не встрѣчаются, можетъ быть они не тунгусскаго происхожденія; слѣдующіе три, тоже не извѣстные въ другихъ мѣстахъ, представляютъ повидимому названія фамилій тунгусовъ, забывшихъ свой родъ [1]). Имя послѣдняго рода вѣроятно является искаженіемъ названія гольдскаго рода *Акунка*.

Что касается до разселенія этихъ тунгусовъ въ предѣлахъ Хабаровскаго округа, то роды Бобекинъ и Одянъ, а также роды Поповъ, Поротовъ и Дзеръ, въ полномъ своемъ составѣ проживаютъ въ предѣлахъ Вятской волости, расположенной по нижнему теченію р. Тунгуски (см. I, стр. 38), причемъ первый составляетъ все населеніе кочевій при устьѣ р. Сычуги (на р. Урми) и на р. Ауръ, прит. Ины, а второй—большую часть жителей кочевій: Гадыкинъ (по р. Куръ), Симптунъ, кочевья при рч. Талой (по р. Куръ) и при рч. Тунтулгинъ.

Въ этой же мѣстности проживаютъ и нѣсколько семей родовъ Лалыгирскаго—(10 д.) и Бытальскаго (Бота)—12 д., которые встрѣчаются и по Амуру, главнымъ образомъ въ коч. Чечёнай (Карга), по правому его берегу (Н. Тамб. вол.). Родъ Балауръ проживаетъ лишь въ коч. Какчеми, Муравьевъ въ коч. Бэлго, а р. Отженъ въ коч. Чечёнай и Кеути (тамъ же).

19 д. (11 м.) тунгусовъ этого округа не показали своихъ родовъ.

---

[1]) Такъ, напр. въ уроч. Нирянъ (на сѣверѣ округа) среди тунгусовъ встрѣчается фамилія: Бубякинъ, которая повидимому принадлежитъ къ II Эжанскому роду.

Просматривая роды тунгусовъ Приморской области, мы видимъ, что они могутъ быть разбиты на двѣ группы.

Для первой—сѣверной, обнимающей округи Гижигинскую, Петропавловскую, Анадырскую и Охотскую, наиболѣе характерными родами являются Долганскіе и Уяганскіе, составляющіе главную часть мѣстнаго тунгусскаго населенія этого района. Кромѣ нихъ всюду встрѣчаются менѣе многочисленные тунгусы Дельянскихъ родовъ. Остальные же роды свойственны лишь каждой отдѣльной округѣ, именно Доканскіе—Гижигинской, а роды Годниканскіе, Горбиканскіе, Келлярскіе—Охотской (Анадырская и Петропавловская населены выходцами изъ Гижигиской округи и Колымскаго округа). Изъ этихъ всѣхъ родовъ лишь Уяганскіе и Дельянскіе имѣютъ своихъ представителей въ смежномъ Колымскомъ округѣ и Годниканскіе въ Якутскомъ округѣ Якутской области, откуда они безъ сомнѣнія и происходятъ. Остальные нигдѣ болѣе не встрѣчаются и живутъ здѣсь уже очень давно, хотя вѣроятно и они первоначально жили далѣе на западъ. Это болѣе чѣмъ вѣроятно относительно Долганскаго рода, объякутившаяся часть котораго проживаетъ въ настоящее время подъ названіемъ *долганъ* на самомъ западѣ тунгусской области, въ бассейнѣ рр. Хатанги и Пясиной. На основаніи историческихъ данныхъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ весьма отдаленное время Долганскіе тунгусы жили по нижнему теченію Лены и при появленіи въ странѣ русскихъ и движеніи на сѣверъ якутовъ были разъединены, раздвинуты и оттѣснены на крайніе западъ и востокъ.

Вторую группу—южную, образуютъ тунгусы Удской окр. и Хабаровскаго округа. Сѣверные роды здѣсь уже не встрѣчаются. Болѣе характерными для этихъ мѣстностей являются коренные роды: Лалыгирскій, Анкагирскій, Бытальскій (и Одіанскій), а изъ пришлыхъ значеніе имѣютъ лишь Эжанскіе и Мякагирскій. Въ отличіе отъ тунгусовъ сѣверныхъ округъ, имѣющихъ тѣсную связь съ Колымскимъ округомъ, переселившіеся сюда по большей части изъ Якутскаго округа (Якут. обл.), происходятъ главнымъ образомъ изъ бассейна р. Алдана, причемъ они перебрались частью непосредственно въ область рр. Уды и Тугура, частью черезъ бассейны верхняго теченія Буреи и Амгуни. Небольшая часть Эжанскихъ родовъ можетъ быть выселилась на югъ и изъ Охотской округи (стр. 104).

У 460 лицъ (244 м.) тунгусовъ данной области роды не показаны. Ровно половина изъ нихъ осѣдлые тунгусы (и ламуты) Анадырской и Охотской округъ, уже давно утратившіе родовую связь.

Островъ Сахалинъ.

Происходя почти исключительно изъ Удской округи, куда они и по-сейчасъ приписаны, тунгусы острова Сахалина естественно принадлежатъ къ тѣмъ же родамъ, которые тамъ встрѣчаются. Наиболѣе многочисленнымъ родомъ на Сахалинѣ является родъ *Анкагирскій (Аинкагирскій)*—48 д. (25 м.); затѣмъ слѣдуютъ: *Дзеринскій (Жерскій)* — 10 д. (5 м.), *Лалыгирскій*—13 д. (5 м.), *Бытюльскій (Бытальскій)* 3 м., встрѣчающійся въ Хабаровскомъ округѣ—*Одянскій*—12 д. (7 м.) и малоизвѣстный *I Идзяль*—7 д. (4 м.). Всѣ эти роды проживали во время переписи въ въ трехъ стойбищахъ западнаго берега Сахалина (Тыки, Лаки, Ванги), въ предѣлахъ Александровскаго округа. Остальные тунгусы названнаго округа, а также проживающіе въ двухъ другихъ округахъ острова, не показали своихъ родовъ. Тунгусы, которые принадлежатъ къ этой категоріи, составляютъ свыше $^1/_3$ всѣхъ тунгусовъ острова или 50 д. (34 м.).

Выше было показано, что 30 д. (18 м.) тунгусовъ съ острова Сахалина были зарегистрированы въ предѣлахъ Удской округи (см. I, стр. 37). Они принадлежатъ къ родамъ названной округи: *Жерскому, I Эжанскому* и *Лалыгирскому* и включены въ число душъ представителей означенныхъ родовъ, зарегистрированныхъ въ Удской округѣ.

Н. Слюнинъ сообщаетъ, что значительное число тунгусовъ *II Эжанскаго* и *Мякагирскаго* родовъ выселилось въ низовья Амура и на Сахалинъ (ibid., I, 411, 487). Къ сѣверу отъ низовьевъ Амура по Охотскому морю они дѣйствительно были застигнуты переписью 1897 г., но не на островѣ Сахалинѣ. Это наводитъ на мысль, что часть тунгусовъ избѣгла перепись; можетъ быть, впрочемъ, они заключаются въ числѣ лицъ, не показавшихъ своего рода.

Амурская область.

Тунгусскіе роды Амурской области уже потому не представляютъ большого интереса, что здѣсь нѣтъ коренныхъ тунгусовъ, а почти всѣ представители этого племени происходятъ изъ смежныхъ Якутской и Приморской областей, гдѣ и разсмотрѣны подробнѣе. Такъ какъ большая часть всѣхъ тунгусовъ западной полосы области, проживающихъ въ предѣлахъ Верхне-Амурскаго горнаго округа, на основаніи преобладающихъ родовъ, отнесена нами къ орочонамъ, (не распредѣленные по родамъ тунгусы этой мѣстности отнесены туда же), то на долю тунгусовъ въ В. Амурскомъ горномъ округѣ осталось всего 43 д., именно роды: *Далмайскій* или *Дальмятскій* 37 д. (22 м.) и *Суягорскій*—6 д. (4 м.), не встрѣчающіеся нигдѣ болѣе. Послѣдній вѣроятно гольдскаго происхожденія (ср. ихъ р. Сойгоръ, Соргоръ).

Главная масса тунгусовъ (не считая орочоновъ) въ данной области сосредоточена въ Буреинскомъ горномъ округѣ и здѣсь поэтому встрѣчается наибольшее разнообразіе родовъ. Здѣсь, по Селимджѣ и Буреѣ и ихъ притокамъ, рѣшительно преобладаетъ *Бытальскій* (*Бутальскій*) родъ—175 д. (103 м.), являющійся самымъ многочисленнымъ родомъ Амурской области [1]). Меньшее значеніе имѣютъ роды *Далыгирскій* (?) Удскаго (?) вѣдомства—32 д. (19 м.), тоже не встрѣчающійся въ другихъ мѣстахъ (можетъ быть онъ представляетъ изъ себя искаженіе рода Лалыгирскаго), *Эжанскій*—15 д. (10 м.), *Эдянскій* (*Идянскій*), вѣроятно Одянскій р. Хабаровскаго округа—19 д. (12 м.) и *Лалыгирскій*—6 д. (3 м.).

Также и въ полицейскомъ спискѣ за 1901—1902 гг. (см. I, стр. 51) имѣются указанія на роды тунгусовъ Амурской области. Но, даже принимая во вниманіе значительную подвижность этого племени, разница въ названіяхъ тунгусскихъ родовъ, происшедшая за 4—5 лѣтъ со времени переписи, настолько значительна, что заставляетъ предполагать, что въ ту и другую регистрацію попали не всѣ тунгусы, проживавшіе въ эти годы въ Амурской области, а лишь части ихъ и притомъ не однѣ и тѣ же въ каждую изъ нихъ. Дѣйствительно, нѣкоторые роды въ указанномъ спискѣ появляются вновь,

[1]) Изъ 290 лицъ, распредѣленныхъ по родамъ.

не встрѣчаясь въ данныхъ переписи, и, на оборотъ, изъ числа отмѣченныхъ послѣднею нѣкоторые отсутствуютъ въ первомъ. Вновь открытые въ области роды суть: *Нюрмаганскій (Нермагайскій)*—20 чел. (11 м.) по Нииану и въ В. Амурскомъ горномъ округѣ, принадлежащій къ вѣдомству Семи Кангаласскихъ родовъ Якутскаго округа; далѣе родъ *Жерскій* по Селимджѣ и цѣлый рядъ обрывковъ разныхъ родовъ, имена которыхъ переданы по большей части въ искаженной формѣ. *Будтскій* (В. Амурск. горн. окр.), *Беткайскій, Бетюйскій, Кочугуйскій, Чогугудскій (Чордутскій ?), Батсаевскій, Даларскій* (вѣроятно=Далыгирскому). Большая часть ихъ была обнаружена въ Буреинскомъ горномъ округѣ. Напротивъ, среди родовъ упомянутаго списка не имѣется Далмайскаго и Далыгирскаго, а также нѣкоторыхъ орочонскихъ родовъ.

У 137 д. (86 м.) тунгусовъ области въ переписи роды не показаны. Изъ нихъ 57 д. проживали въ Буреинскомъ и 58 д. въ Верхне-Хинганскомъ горномъ округѣ. Въ бассейнѣ р. Б. Биры у тунгусовъ роды тоже не показаны.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что этими, переписанными въ предѣлахъ Амурской области, тунгусами не ограничивается все тунгусское населеніе бассейновъ Зеи, Буреи и Тунгуски (см. I, стр. 47).

Якутская область.

Колымскій округъ.

Къ западу отъ р. Колымы, въ Большой или Западной тундрѣ, кочуютъ изъ тунгусовъ почти лишь представители тунгусско-юкагирскаго *Ветильскаго* рода числомъ въ 165 д. (90 м.). О немъ см. I, стр. 60 сл. Въ 1859 г. представителей этого рода было 264 д. (131 м.) [1]). Большинство остальныхъ ламутовъ округа показали свое мѣстопребываніе къ востоку отъ р. Колымы. Значительная часть изъ нихъ населяетъ бассейнъ верхняго Омолона и его крупныхъ притоковъ—Анюевъ.

I (Каменно)-Деллянскій родъ кочуетъ преимущественно по р. Омолону и его притоку Б. Олою—132 д. (64 м.); въ верховьяхъ Сухого Анюя—48 д. (24 м.); затѣмъ въ неболь-

1) Данныя X ревизской сказки $185^{8}/_{9}$ г. заимствованы изъ „Пам. кн. Якутской обл. за 1863 г.“

шомъ числѣ по верхнему теченію Чауна и по рр. Коркодону и Ясачной (прит. р. Колымы). Всего представителей его было зарегистрировано 205 д. (100 м.), а въ X ревизію 227 д. (120 м.). Сверхъ того въ ревизской сказкѣ за 1859 г. значится еще Отдѣльный I Дельянскій родъ—55 д. (26 м.); въ переписи его нѣтъ.

II (Каменно-) Деллянскій р. проживаетъ преимущественно въ бассейнѣ рр. Коркодона, Ясачной и ея притока Нелемной—80 д. (35 м.). По Ясачной они (зимой) живутъ у устья Нелемной и 10 вер. вверхъ по первой рѣкѣ, среди болѣе многочисленнаго юкагирскаго населенія, вліянію котораго они подпали. Промышляютъ они по р. Поповой. По Коркодону они живутъ тоже между юкагирами прежнихъ родовъ: Нартеннаго и Рыбникова, нынѣ присоединившихся къ другимъ юкагирскимъ родамъ [1]). Встрѣчаются эти тунгусы и по верхнему Омолону и Б. Олою—28 д. (10 м.), въ уроч. Пёди (Камешекъ)—18 д. (10 м.) и т. д. Итого ихъ 155 д. (69 м.) противъ 98 д. (54 м.) въ X ревизію; сверхъ того въ свѣдѣніяхъ за 1859 г. упоминается еще Отдѣльный отъ II Дельянскаго родъ—65 д. (37 м.), не встрѣчающійся въ переписи.

I Каменный родъ — почти исключительно въ верхнемъ теченіи Омолона, по Б. Олою и р. Курьѣ—174 д. (91 м.), въ верховьяхъ Сухого Анюя (18 д.) и т. д. Всего 200 д. (106 м.), противъ 172 д. (91 м.) въ 1859 г. У трехъ лицъ этого рода въ скобкахъ было проставлено: рд. «Хацай».

II Каменный родъ *(Ходейджилъ)* живетъ разбросанно, преимущественно въ районѣ Алазеи и къ западу отъ нея, по р. Россохѣ и около озеръ Тогусъ-Талалахъ, Береляхъ (ок. Индигирки?), Тистяхъ, мѣстоположеніе которыхъ не извѣстно въ точности. Всего ихъ оказалось 62 д. (32 м.), а въ 1859 г. ихъ было 141 д. (75 м.).

Уяганскій родъ, вѣроятно получилъ свое названіе отъ р. Уяганъ, притока Омолона, въ районѣ котораго можетъ быть онъ первоначально проживалъ. Теперь по Омолону было зарегистрировано всего 18 д., а наибольшее число этихъ ламутовъ было застигнуто въ верховьяхъ Сухого Анюя — 152 д. (82 м.); часть ихъ проживала по верхнему теченію Б. Анюя—31 д. (17 м.), въ верховьяхъ Чауна (21 д.) и въ районѣ

[1]) В. Іохельсонъ: „Изв. В. Сиб. О. И. Р. Геогр. Общ.“ XXIX. 1898., I., 19 сл.

нижняго теченія Колымы. Общая ихъ численность въ 1897 г. была 250 д. (133 м.), а въ 1859 г.—247 д. (136 м.).

Другіе роды въ округѣ обнаружены не были, за исключеніемъ части *Кункугурскаго* (*Кунгурскаго*)—22 д. (10 м.), перебравшейся сюда изъ Верхоянскаго округа.

Наконецъ, у 52 д. (13 м.) названіе рода не показано. Большинство изъ нихъ представляютъ изъ себя членовъ семей другихъ національностей, откуда сильное преобладаніе женщинъ; изъ нихъ 24 ж. входятъ въ составъ чукотскихъ семействъ, кочующихъ въ Западной или Большой тундрѣ.

Верхоянскій округъ.

Верхоянскій округъ отличается большимъ изобиліемъ родовъ, часть которыхъ происходитъ изъ смежныхъ округовъ. Здѣсь большинство тунгусовъ называются ламутами, хотя представители тѣхъ же родовъ въ другихъ округахъ часто именуются «тунгусами» (см. I, стр. 66—67).

Бетюнскій родъ — 48 д. (20 м.) повидимому весь происходитъ изъ Верхне-Вилюйскаго улуса Вилюйскаго округа. Онъ былъ обнаруженъ въ 1 и 3 Хатылинскихъ наслегахъ Жиганскаго улуса.

Жельянскій (*Жельтанскій* X ревизіи) р.—108 д. (58 м.) встрѣчается въ предѣлахъ Эльгетской инор. управы Эльгетскаго улуса—71 д. (36 м.) и въ Удюгейскомъ наслегѣ Усть-Янскаго улуса—26 д. (15 м.), гдѣ принадлежитъ къ Колымской инор. управѣ; кромѣ того 11 д. въ ур. Калтусъ. Въ 1859 г. этихъ тунгусовъ было 127 д. (64 м.).

Кункугурскіе (*Кунгурскіе*) роды—469 д. (248 м.). У 130 д. (70 м.) показанъ просто *Кункугурскій* родъ. 55 д. (33 м.) ихъ принадлежатъ къ Верхоянской ин. упр. Усть-Янскаго улуса (зарегистр. в 2 Ноготск. насл.) и 38 д. (20 м.) къ Колымской ин. упр. того же улуса (Удюг. насл.). Изъ 272 д. (146 м.) *I Кункугурскаго* рода 71 д. (37 м.) принадлежитъ къ Верхоянской ин. упр. Усть-Янскаго ул. (2 Ноготск. насл.) и 142 д. (77 м.) къ Эльгетской ин. упр. Эльгетскаго улуса; изъ послѣднихъ 32 д. проживали въ уроч. Ожогиномъ, 24 д. по рч. Сегень и т. д. Въ той же инородной управѣ того же улуса числится 8 д. (5 м.) *II Кункугурскаго*, записанныхъ въ ур. Мятишь, и 59 д. (27 м.) *Отдѣльно Кункугурскаго* рода, изъ коихъ 42 д.

(18 м.) въ ур. Ольбутъ. Въ ревизской сказкѣ 1859 г. изъ этихъ родовъ встрѣчается *I Кунгурскій* р., къ которому принадлежали 344 д. (183 м.) тунгусовъ и 241 д. (120 м.) юкагировъ (см. стр. 56 и I, 71) или всего 585 д. (303 м.), и *II Кунгурскій* р. въ 117 д. (68 м.) юкагировъ. Всѣхъ представителей этихъ родовъ, называемыхъ также *Кукуюрскими* и *Кукуирскими*, въ 1859 г. было 702 д. (371 м.).

Кюпскій родъ—140 д. (70 м.) встрѣчается въ предѣлахъ Жиганскаго улуса, главнымъ образомъ во 2 Батулинскомъ наслегѣ — 78 д. (41 м.), но также въ 1 Хатылинскомъ и въ другихъ. Въ X ревизской сказкѣ этотъ родъ названъ *Купскимъ* и число его опредѣлено въ 232 д. (126 м.).

Ламунхинскій родъ—118 д. (66 м.), проживаетъ преим. въ 1 Ноготскомъ наслегѣ Усть-Янскаго улуса и принадлежитъ къ Верхоянской инор. упр.—87 д. (50 м.); остальные встрѣчаются главнымъ образомъ въ районѣ Жиганскаго улуса—24 д. (11 м.).

Мямяльскій родъ—140 д. (73 м.). Къ Баягантайской инор. упр. изъ нихъ принадлежитъ 117 д. (57 м.), изъ коихъ 45 д. (21 м.) были переписаны на рч. Нянили, прит. р. Оллё, 22 д. (15 м.) этого рода числятся въ Верхоянской инор. управѣ въ пред. Усть-Янскаго улуса. Этотъ родъ, какъ и предъидущій, происходятъ повидимому изъ Якутскаго округа.

Тюгясирскій родъ — 399 д. (216 м.). Огромное большинство его представителей — 317 д. (167 м.) входитъ въ составъ Верхоянской инор. упр. Верхоянскаго улуса, проживая въ мѣстностяхъ, указанныхъ въ I вып. стр. 68 сл. Изъ остальныхъ 22 д. (17 м.) были застигнуты въ предѣлахъ Усть-Янскаго и 30 д. (16 м.) Жиганскаго улусовъ. Противъ 1859 г. (265 д.—140 м.) его численность увеличилась на 134 д. (76 м.) (см. прим. стр. 56).

Эжанскій р.—70 д. (33 м.), а въ 1859 г. 136 д. (65 м.).

Остальные роды значенія не имѣютъ: они очень малочисленны и происходятъ по большей части изъ смежныхъ мѣстностей другихъ округовъ. Таковы роды: *Жахутскій (Жакутскій)* — 7 д. (2 м.), *Маймаганскій* — 14 д. (7 м.), *Нермаганскій*—31 д. (16 м.), *Чордунскій (Чордутскій)*—30 д. (13 м.), *Сологонскій*—15 д. (7 м.), происходящіе почти всѣ изъ Вилюйскаго округа и застигнутые переписью въ разныхъ мѣстностяхъ района Жиганскаго улуса.

Встрѣчаются въ Верхоянскомъ округѣ еще обрывки дру-

тихъ родовъ: *Баригатинскаго (Брагатскаго)*—5 д. (2 м.), *II Каменнаго (Ходейджилъ)* — 3 д. (1 м.), *Оспетскаго*— 12 д. (5м.) *Осогостахскаго*—11 д. (7 м.) и *Неуянкирскаго* (2 д.).

Первый происходитъ изъ Вилюйскаго округа, второй изъ Колымскаго, а слѣдующіе два внушаютъ сомнѣніе относительно ихъ тунгусскаго происхожденія. Осогостахскій родъ встрѣчается и у якутовъ Батурусскаго улуса (1 Жехсогонскій наслегъ) Якутскаго округа, хотя и въ ничтожномъ числѣ (16 д.), а Оспетскій напоминаетъ названія I и II Оспетскихъ наслеговъ Дюпсинскаго улуса того же округа. Относительно послѣдняго см прим. на стр. 105.

Слѣдуетъ замѣтить, что и другимъ мѣстнымъ родамъ соотвѣтствуютъ однозвучные роды у якутовъ, такъ напр. Чордунскій родъ многочисленъ и среди якутовъ Батурусскаго улуса (III Бетюнскаго насл.) Якутскаго округа—233 д., причемъ и самый только что названный наслегъ тождественъ по своему наименованію съ Бетюнскимъ тунгусскимъ родомъ (см. стр. 115). Также и Кюпскій тунгусскій родъ имѣетъ параллель у якутовъ, гдѣ встрѣчается Кюпяйскій родъ (въ 442 д.) въ III Жехсогонскомъ наслегѣ Батурусскаго улуса того же округа. Въ настоящее время трудно рѣшить, былъ ли тотъ или другой родъ изъ носящихъ наименованія якутскихъ родовъ первоначально якутскимъ или тунгусскимъ, впослѣдствіе болѣе или менѣе объякутившимся. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что якуты, какъ племя болѣе сильное и духовно и культурно, при своемъ столкновеніи съ тунгусами почти всегда умѣли быстро ихъ ассимилировать, что можно наблюдать во всѣхъ мѣстностяхъ Якутской области, гдѣ тунгусы основались осѣдло около якутовъ. Особенно это наглядно видно на объякутившихся тунгусахъ Вилюйскаго округа и на долганахъ Туруханскаго, у которыхъ еще можно прослѣдить ихъ тунгусское происхожденіе (см. стр. 81 сл.). Что же касается до тождественности самыхъ названій нѣкоторыхъ тунгусскихъ и якутскихъ родовъ, то, по всему судя, она объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тунгусы нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ ихъ слишкомъ мало, чтобы образовать самостоятельныя вѣдомства, были причислены къ ближайшимъ якутскимъ улусамъ, причемъ нѣкоторыя ихъ группы при этомъ, оставивъ свое собственное имя, стали обозначать себя именами тѣхъ якутскихъ родовъ и наслеговъ, которые ихъ приняли въ свою среду.

Проводя параллель между родами Верхоянскаго округа по даннымъ ревизіи 1859 г. и переписи 1897 г., мы дѣйствительно убѣждаемся, что изо всѣхъ вышеупомянутыхъ родовъ мѣстными коренными родами, являются лишь Купскій (Кюпскій), Эжанскій, Тюгесирскій (Тюгясирскій), Желтанскій (Жельянскій), I и II Кунгурскіе (Кункугурскіе), потому что только они фигурируютъ въ спискахъ X ревизіи, и кромѣ того Каменно-Ламутскій родъ—97 д. (56 м.), котораго не значится въ переписи. Можетъ быть въ данныхъ переписи онъ включенъ въ Тюгясирскій родъ, число котораго очень увеличилось съ тѣхъ поръ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что почти всѣ крупные мѣстные роды носятъ въ переписномъ матеріалѣ названіе «ламутовъ»: изъ «тунгусовъ» многочисленными оказались лишь Кюпскій и затѣмъ Эжанскій (и Бетюнскій). Такъ же мѣстные тунгусы дѣлились и во время X ревизіи.

У 66 д. (31 м.) роды не показаны.

Якутскій округъ.

Въ районѣ управы *Кангаласскихъ* родовъ, въ юго-западномъ углу Якутскаго округа, проживаютъ представители 7 тунгусскихъ родовъ, въ своей совокупности названныхъ по ближайшимъ якутскимъ улусамъ Кангаласскими (Шологонскій родъ распался на два уже послѣ ревизіи).

Белэтскіе (Беллетскіе) или *Бельдэтскіе* роды — 618 д. (343 м.). Изъ нихъ *I Белэтскій* р. — 242 д. (122 м.) кочуетъ преимущественно по рр. Алдану и Тёмтень (101 д.); *II Белэтскій* р. — 330 д. (193 м.) главнымъ образомъ по р. Амгѣ—138 д. (81 м.) и по притокамъ Алдана, *III Белэтскій*—46 д. (28 м.).

Белэтскіе роды въ общемъ уменьшились противъ X ревизіи, когда въ нихъ было: I—340 д. (174 м.); II—274 д. (160 м.) и III—54 д. (29 м.). Увеличеніе II Белэтскаго рода лишь кажущееся, потому что къ нему, по Майнову, причислилась часть Кельтятскаго рода изъ Вилюйскаго округа, образовавъ его Кельтятское колѣно. Въ остальной своей части II Белэтскій р., какъ и I и III Белэтскіе, являются коренными мѣстными родами.

Буягирскіе (Баягирскіе) роды — 101 д. (54 м.); изъ

нихъ *Буягирскій* бродитъ по Алдану и Амгѣ съ ихъ притоками—83 д. (44 м.) и *II Буягирскій*—10 д. (5 м.) живетъ среди якутовъ Батурусскаго улуса.

Буягирцы считаютъ себя аборигенами края, утверждая, что они въ очень отдаленное время перекочевали сюда съ береговъ Амура, гдѣ осталась часть этого рода (Майновъ, l. c., 169) [1]). Въ 1859 г. численность Буягировъ опредѣлилась въ 290 д. (163 м.), но затѣмъ часть ихъ вѣроятно выселилась въ Амурскую область.

Нюрмаганскій р., называемый по русски *Нюрбаганскимъ* или *Нюрбинскимъ*, по имени оз. Нюрба въ Вилюйскомъ округѣ, откуда онъ по Майнову и происходитъ. Его переселеніе должно было случиться много десятковъ лѣтъ тому назадъ (см. I., стр. 13), потому что во время X ревизіи онъ въ полномъ составѣ числился еще въ Якутскомъ округѣ. Этотъ родъ обитаетъ главнымъ образомъ по лѣвую сторону Лены, въ районѣ Зап. Кангаласскаго улуса, именно по рр. Чинѣ, Талбѣ, Батомѣ, Амгѣ, Тёмтень и Алдану. Его численность простирается до 204 д. (118 м.), а въ 1859 г. ихъ было всего 167 д. (91 м.).

Въ двухъ *Шологонскихъ* или *Шелогонскихъ* родахъ числится 340 д. (195 м.). Изъ нихъ:

I Шологонскій р.—128 д. (69 м.) бродитъ преимущественно по р. Амгѣ (45 д.) и по ея окрестностямъ; нѣкоторая часть его (25 д.) проживаетъ и среди якутовъ Зап. Кангаласскаго улуса (см. также стр. 122).

II Шологонскій р. — 212 д. (126 м.) былъ отмѣченъ главнымъ образомъ по рч. Синя-Хампа (95 д.), но также по другимъ мелкимъ рѣчкамъ той же мѣстности: Этёкю, Чира-Мондрахъ, Нигмай и др.

Часть Шологонскаго рода также выселилась въ Якутскій округъ изъ Вилюйскаго уже позже X ревизіи, чѣмъ и объясняется его сильная прибыль противъ 1859 г., когда ихъ было 161 д. (95 м.). Г. Майновъ повидимому всѣхъ Шологонцевъ производитъ изъ Вилюйскаго округа, говоря «часть Вилюйскихъ выходцевъ дала начало теперешнему Шологонскому роду». Можетъ быть это и справедливо относительно весьма отдаленнаго отъ насъ времени, потому что о присутствіи

[1]) На самомъ дѣлѣ обратно Амурскіе Буягиры (орочоны) происходятъ съ сѣвера изъ Якутскаго округа (см. I. стр. 17).

этого рода въ Якутскомъ округѣ въ прежнія столѣтія никто не упоминаетъ, между тѣмъ какъ въ Вилюйскомъ о нихъ сообщаютъ казаки 30-хъ годовъ XVII в., раньше других посѣтившіе этотъ край (см. стр. 8).

Никагирскій р. — 22 д. (11 м.), бродитъ по притокамъ Амги. Въ 1859 г. ихъ было 15 д. (11 м.).

Изъ представителей названныхъ родовъ въ районѣ Кангаласской управы было зарегистрировано всего 1.115 д. (643 м.), остальные тунгусы были застигнуты въ смежныхъ мѣстностяхъ среди якутовъ (см. I стр. 84 сл.).

б) Родъ *Ламунхинскихъ* тунгусовъ, обитающихъ къ сѣверу отъ Лены и нижняго Алдана, распадается, судя по переписному матеріалу, на четыре «племени» или колѣна (см. стр. 120).

Дондаконское пл. [1])—56 д. (30 м.), жительствующее по берегамъ рѣчекъ Тумары, Кяли, Байлики, Кюндяндя, Дулгалахъ, Муни.

Ламунхинское пл.—вѣроятно коренная часть всего рода, числомъ въ 61 д. (29 м.), обитаетъ въ тѣхъ же мѣстахъ и кромѣ того по рѣчкамъ Ягинской и Аблундя и частью среди якутовъ Намскаго ул. (21 д.).

Тюгясирское пл. (ср. Тюгясирскій р. Верхоянскаго ул.) 78 д. (45 м.) тамъ же и по рч. Ляписки.

Хоринское пл. 35 д. (15 м.) по р. Тумарѣ.

Изъ названныхъ четырехъ племенъ (или колѣнъ) Дондаконское и Хоринское нигдѣ болѣе не встрѣчаются у тунгусовъ, но за то послѣднее названіе является очень распространеннымъ среди якутскихъ родовъ и наслеговъ (Хоринскій р., Х. наслегъ). По мнѣнію ученыхъ, эти якутскіе Хоринцы происходятъ отъ Хоринскихъ бурятъ. Дѣло въ томъ, что у якутовъ, согласно г. Сѣрошевскому, сохранились преданія о храбромъ народѣ *хоролахъ* или *хоринцахъ* (хороллäръ), которые въ отдаленное время переселились въ Якутскую область. Возможно и то, что хоринцы выселились на сѣверъ вмѣстъ съ якутами, какъ извѣстно, жившими когда-то по сосѣдству съ бурятами (см. стр. 1 и 93). Можетъ быть такого же происхожденія или же болѣе позднѣйшаго бурятско-якутскаго являются и тунгусскіе хоринцы (Хоринское пл.).

[1]) Майновъ его называетъ Дёндяхинскимъ.

Общая численность тунгусовъ Ламунхинскаго рода простирается въ данномъ округѣ по переписи до 236 д. (124 м.) между тѣмъ какъ 38 л. тому назадъ число ихъ опредѣлялось въ 449 д. (218 м.), но съ тѣхъ поръ часть ихъ (118 д.) выселилась въ Верхоянскій округъ (см. стр. 116) и часть вѣроятно вымерла.

в) *Баягантайскіе* тунгусы: область—сѣверо-востокъ Якутскаго округа.

Главнымъ родомъ здѣсь является *Мямяльскій*—314 д. (171 м.), бродящій по мелкимъ рѣчкамъ указаннаго района, каковы Хандыга, Сордоннахъ, Сакрыръ, Томпо, Алдану и ихъ притокамъ. Въ 1859 г. представителей этого рода было 532 д. (274 м.), но часть ихъ (140 д.) выселилась съ тѣхъ поръ въ Верхоянскій округъ.

Годниканскій (Готинканскій) р.—38 д. (18 м.) по рр. Хандыгѣ, Тырѣ, Брюгадѣ и Менькюля. Въ 1859 г. его численность была 89 д. (48 м.). Сверхъ того X ревизія отмѣтила еще не встрѣчающійся въ переписи III Годниканскій р. численностью въ 89 д. (42 муж.).

Кюпкюгюрскій (=*Кюпскій*?) р.—12 д. (5 м.) по рр. Ольчанъ, Индигиркѣ и ихъ притокамъ.

г) *Майскіе* тунгусы, какъ извѣстно, дѣлятся на кочевыхъ и бродячихъ, причемъ первые обитаютъ ниже по Алдану, близъ якутскихъ поселеній, отъ которыхъ они заимствовали занятіе скотоводствомъ. Бродячіе—скитаются по болѣе верхнему теченію Алдана, по р. Маѣ и ихъ притокамъ. Лишь одинъ Кюпскій родъ цѣликомъ перешелъ къ кочевому образу жизни, въ большей или меньшей степени также роды I—II—III Эжанскіе и Бытальскій. Кюрбюгдинскій родъ Майскихъ тунгусовъ, напротивъ, почти весь остался бродячимъ.

Бытальскій родъ—659 д. (325 м.). На долю бродячихъ тунгусовъ приходится 501 д. (257 м.). Они проживаютъ по берегамъ Учура (прит. Алдана)—127 д., Тиркану, Хонху, Алгыму, въ ур. Хотонь, Юрякъ, Нелькану и др. Нѣкоторые изъ нихъ показали, что обыкновенно бродятъ по р. Зеѣ, Селимджѣ, Буреѣ, Ниману и др. въ предѣлахъ Амурской области. Кочевые представители этого рода—158 д. (68 м.) проживаютъ по рр. Ланѣ, Моинубутъ, Кутана, Бѣлькячѣ, Алдану и др. 10 д. (2 м.) этого рода записаны среди якутовъ.

Въ 1859 г. ихъ численность опредѣлялась значительно выше—въ 806 д. (448 м.) бродячихъ и 168 д. (91 м.) кочевыхъ. Значительная ихъ часть выселилась съ тѣхъ поръ въ Амурскую область и въ Удскую окр. и въ Хабаровскій округъ Приморской (см. I., 35).

Кюрбюгдинскій р. 141 д. (66 м.), въ т. ч. бродячихъ тунгусовъ—117 д. (54 м.), гл. образомъ по рр. Маѣ, Тодѣ, Нѣть, Нёва и др.; въ небольшомъ числѣ и между якутами. Названіе этотъ родъ можетъ быть получилъ отъ р. Кюрбы. Въ 1859 г. представителей этого рода было 125 д. (74 м.) бродячихъ и 50 д. (23 м.) кочевыхъ.

Мякагирскій р.—8 д. (3 м.), который почти въ полномъ составѣ выселился въ Удскую округу (см. стр. 55). Въ 1859 г. число ихъ опредѣлялось 326 д. (182 м.).

Сологонскій (Шологонскій)—30 д. (19 м.)—бродячій родъ. Въ перечнѣ родовъ X ревизіи въ данномъ округѣ онъ не упоминается, вѣроятно происходитъ изъ Якутскаго или Вилюйскаго округовъ (ср. стр. 119 и 126).

Кюпскій р.—141 д. (63 м.), главнымъ образомъ по р. Алдану, затѣмъ у оз. Моколъ, въ уроч. Тонъ-Кюрё, Кытылъ, Тугулакъ-Аласъ, Тумусахъ и т. д. Въ X ревизію въ этомъ родѣ числилось 113 д. (56 м.) (ср. стр. 116).

Эжанскіе [1]) роды встрѣчаются среди бродячихъ и кочевыхъ тунгусовъ (см. I., стр. 88). Ихъ всего 1.526 д. (809 м.), изъ коихъ 574 д. (317 м.) бродячихъ и 943 д. (488 м.) кочевыхъ; остальные 9 д.—4 м. (среди якутовъ) не извѣстно какой категоріи инородцевъ.

I Эжанскій р.—558 д. (288 м.), изъ коихъ 96 д. (47 м.) бродячихъ по р. Маѣ и по рр. Аиму, Ускунь и Уй (притоки Маи), Яппа-Тёрдя, Томытъ, Кюрбя и въ ур. Усть-Утка, Хохырь и Нильколь.

Кочевыхъ представителей этого рода—456 д. (239 м.). Они кочуютъ по Алдану, Маѣ и ихъ притокамъ.

II Эжанскій р.—456 д. (232 м.). Изъ нихъ бродячихъ—25 д. (14 м.); кочуютъ они преимущественно по р. Маймаканъ (л. прит. Маи) и въ уроч. Нельканъ.

Кочевые въ числѣ 429 д. (217 м.) проживаютъ преимуще-

[1]) Ихъ имя можетъ быть происходитъ отъ прав. притока Лены Эджанъ, Эдсанъ.

ственно по рр. Маѣ (61 д.), Юдѣ (74 д.), Юкомдѣ (41 д.), Хатаргану (58 д.), Анкѣ (49 д.), Мокую, на о. Березинѣ и т. д. 2 д. (1 м.) тунгусовъ этого рода живутъ среди якутовъ.

III Эжанскій р. — 512 д. (289 м.). Изъ нихъ бродячихъ 453 д. (256 м.). Они показали своимъ мѣстопребываніемъ преимущественно рр. Бурею (96 д.) и Зею (21 д.) въ предѣлахъ сѣверной части Амурской области, рр. Хонху (84 д.) и Туголъ (77 д.) и въ меньшей степени р. Учуръ (38 д.), Етъ, Чонкой, Кунури, Юпъ, Симигяхъ и др.

Кочующихъ тунгусовъ этого рода 58 д. (32 м.). Они проживаютъ ок. оз. Чёпонда, по рч. Миль (л. прит. Алдана), при оз. Эльгя и т. д.

По даннымъ 1859 г. численность Эжанскихъ родовъ была: бродячихъ: I—176 д. (102 м.), III—499 д. (282 м.) и кочевыхъ: I—421 д. (207 м.); II—399 д. (211 м.) и III—137 д. (67 м.). Больше всего измѣнились въ числѣ, именно уменьшились, изъ бродячихъ—I Эжанскій и изъ кочевыхъ—III Эжанскій родъ. Часть Эжанскихъ тунгусовъ выселилась въ Удскую округу Приморской области.

Сверхъ того у 125 д. (66 м.) тунгусовъ Якутскаго округа роды не показаны.

Названія и численность тунгусскихъ родовъ Якутскаго округа за 1766 г. были согласно Георги [1]) слѣдующія: *Бурогатаръ* (147 взрос. м. душъ), *Бургатъ* (19 м.). Оба эти рода у насъ повидимому соотвѣтствуютъ одному роду съ колеблющимся названіемъ Барагатскій, (Брагатскій, Барангатскій).

Мекагиръ (61 м.) = Мякагирскій р. переписи нынѣ весь выселился въ Удскую округу.

I—IV *Ешайскіе* (267 м.) = I—III Эжанскимъ р.

I—II *Купскіе* (90 м.) = Кюпскому р.

Шологонъ (37 м.) = Шологонскому р.

I—III *Бельдэтскіе* (128 м.) = тѣмъ же родамъ.

Буягирскій (82 м.) = тому же роду.

Нениганъ (53 м.) почти весь переселился изъ Якутской области въ Амурскую, гдѣ его представители считаются орочонами. Часть его перебралась еще далѣе къ югу въ Манчжурію (см. I., стр. 15).

---

[1]) „Bemerk. e. Reise im. russ. Reiche.“ I, 244.

Шомгай (235 м.) и *Вухлатъ* (172 м.) не могутъ быть отожествлены ни съ однимъ изъ родовъ Якутской области по даннымъ переписи и X ревизіи.

Вилюйскій округъ.

Въ X ревизію (1859 г.) въ немъ считалось 9 коренныхъ родовъ. Теперь есть и пришлые. О нихъ ревизія умалчиваетъ. Если они и пребывали тогда въ данномъ округѣ, то вѣроятно были отнесены во время регистраціи въ мѣста, откуда они происходили.

Перепись 1897 г. застала въ данномъ округѣ слѣдующіе роды:

Бетинскій (Бетюнскій) 385 д. (185 м.) въ уроч. Муна, Локуръ, Билляхъ, Конора, Диринъ, Онорхой, Сыкыла и т. д. 52 д. показали окрестности оз. Джоссеи.

Бетильскій р.—11 д. (6 м.) въ Кыргыдайскомъ наслегѣ Средне-Вилюйскаго улуса, среди якутовъ.

Въ ревизской сказкѣ 1859 г. вмѣсто этихъ двухъ родовъ имѣются роды: Бетильскій—202 д. (116 м.) и Бетюльскій (?) въ 505 д. (277 м.). Огромный недочетъ населенія по даннымъ переписи противъ ревизіи по всему вѣроятію объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Бетюльскій р. (Бетюнскій ?) родъ ревизіи или большая его часть въ переписномъ матеріалѣ фигурируетъ подъ названіемъ Чордунскаго р., (см. стр. 51).

Брагатскій р.—471 д. (241 м.) бродитъ въ районѣ Сунтарскаго улуса. Онъ былъ зарегистрированъ въ кочевьяхъ по рч. Ботовіи и въ ур. Чона, Сурскукаръ-Тёрдё, Оруктахъ, Хамта, Хаялахъ, Дярбиргаляхъ и др. (см. I, стр. 80), также по р. Оленеку (32 д.). 36 д. (17 м.) представителей этого рода были застигнуты среди якутовъ Сунтарскаго и 8 д. (4 м.) Мархинскаго улусовъ.

Жахутскій р.—606 д. (301 м.). Главная его масса—384 д. (180 м.) бродитъ въ собственномъ районѣ въ предѣлахъ Средне-Вилюйскаго улуса. Эти тунгусы были переписаны въ кочевьяхъ въ уроч. Арылахъ, Хатыгнахъ, Мугурунда, Джаингда, Кольжаръ, Хочотъ и др. (см. I, стр. 78), 21 д. (11 м.) въ уроч. Бетите, Тыогорбутъ, Сыралта Верхне-Вилюйскаго улуса, остальные среди якутовъ Средне-Вилюй-

скаго улуса. 177 д. (99 м.) не показали своего мѣстопребыванія. Въ 1859 г. ихъ число простиралось до 710 д. (381 м.).

Кельтятскій р.—187 д. (98 м.) въ числѣ 12 д. (3 м.) въ ур. Бялюся и Сяимякитъ Верхне-Вилюйскаго улуса и 112 д. (60 м.) въ уроч. Тора-кёль, Кыбыгыжанъ, Олбутъ и 139 д. (74 м.) въ неуказанныхъ мѣстахъ. Сильная убыль этого рода противъ X ревизіи, когда онъ состоялъ изъ 237 д. (129 м.), объясняется выселеніемъ части его въ Якутскій округъ.

Осогостахскій р.—17 д. (8 м.) въ Средне-Вилюйскомъ улусѣ [1]). О немъ см. стр. 117.

Тобуйскій (Тогуйскій) р. [2])—126 д. (62 м.) въ собственныхъ кочевьяхъ въ предѣлахъ Верхне-Вилюйскаго улуса; мѣстности не указаны. Въ 1859 г.—191 д. (106 м.).

Угулятскій р.—534 д. (237 м.) бродитъ въ собственной области, принадлежащей къ Верхне-Вилюйскому улусу (уроч. Мерегежанъ, Багачанъ, Арбанда I и II, Кюндя, Олба-кёль и др.—см. I, стр. 79). Среди якутовъ того же и Мархинскаго улуса зарегистрировано всего 20 д. (7 м.). Въ 1859 г. ихъ было 486 д. (254 м.).

Хатыгинскій (Хатылинскій) родъ — 792 д. (380 м.) напоминаетъ своимъ названіемъ имена четырехъ наслеговъ (I—IV Хатылинскіе) Батурусскаго ул. Главная часть этого рода—639 д. (309 м.) проживаетъ въ окрестностяхъ оз. Джоссеи и 101 д. (50 м.) бродитъ въ лѣсистыхъ пространствахъ Верхне-Вилюйскаго улуса, въ уроч. Усунъ-кёль, Бысыланъ-Берята, Чараннахъ и др. (см. I, стр. 79). 42 д. (15 м.) проживаютъ среди якутовъ того же улуса. Въ X ревизію численность этого рода опредѣлялась въ 470 д. (253 м.), что показываетъ огромное увеличеніе его численности за послѣднія четыре десятилѣтія.

Чордунскій (Чордуйскій, Чордутскій, Чердутскій) [3])

---

[1]) Ср. якутскій Осогостахскій р. I Жехсогонскаго насл. Батурусскаго улуса Якутскаго округа (16 д.). Майновъ (l. c., 142) упоминаетъ въ этомъ же наслегѣ еще р. Бадирскій (см. стр. 81), который онъ признаетъ тунгусскаго происхожденія, но въ переписномъ матеріалѣ этого рода ни въ указанномъ наслегѣ, ни въ другихъ не значится.

[2]) Ср. одноименный (Тогуйскій) родъ якутовъ Онёрскаго насл. Дюпсинскаго ул. Якутскаго окр.

[3]) Ср. якутскій Чордунскій р. (233 д.) III Бетюнскаго насл. Батурусскаго ул. Якутскаго окр.

р.—426 д. (208 м.). Изъ нихъ 252 д. (123 м.) проживаютъ въ районѣ оз. Джоссеи, 46 д. (22 м.) бродятъ въ уроч. Русукёля, Чекеря, Масъ-Арылахъ Верхне-Вилюйскаго улуса, 9 д. (5 м.) живутъ среди якутовъ того же улуса; 38 д. бродятъ по р. Оленеку и его притоку Силигиръ, 28 д. были зарегистрированы въ стоянкѣ въ ур. Джалтакъ, 21 д. въ ур. Жорома, 17 д. въ ур. Коновка, 11 д. изъ мѣстности р. Хотуй. Объ этомъ родѣ см. I., 51.

Шологонскіе (Шелогонскіе) роды — 444 д. (223 м.). Изъ нихъ *Шологонскій* р. — 423 д. (213 м.) бродитъ въ уроч. Амчакъ 122 д. (62 м.), Исякъ, Хорулахъ, Кяняникянъ, Кулусуннахъ и др. (см. I, стр. 79 сл.) Мархинскаго улуса и 36 д. (19 м.) въ уроч. Кяряхтяхъ, Магинъ, Боруллолахъ. Тегюрюнь, Мугурдахъ, Чимпядя В. Вилюйскаго ул. Остальные 55 д. (27 м.) живутъ среди якутовъ тѣхъ же улусовъ. *II Шологонскій* р. въ числѣ 21 д. (10 м.) живетъ среди якутовъ Средне-Вилюйскаго улуса. Въ 1859 г. въ Шелогонскомъ родѣ числилось 382 д. (226 м.).

Сверхъ того въ предѣлахъ Сунтарскаго улуса были переписаны 34 д. (21 м.) «*Комбойскаго* рода Лимпійскаго вѣдомства(?!)» Туруханскаго края (вѣроятно Илимпейскаго рода). Они были переписаны въ кочевьяхъ въ уроч. Баторъ, Маркоку, Срюнда, Екотъ, Чона. Имя Комбойскаго рода среди тунгусовъ Туруханскаго края не встрѣчается, хотя можетъ быть оно и извѣстно тунгусамъ.

Сверхъ того у 28 д. (14 м.) тунгусовъ роды не показаны.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ вмѣсто указанныхъ родовъ тунгусовъ по Вилюю проживали совершенно иные, лишь часть которыхъ можно сопоставить съ другими родами того же племени, обитающими въ сосѣднихъ округахъ. Изъ этихъ родовъ упоминаются по средней Ленѣ: *Жиганцы* и *Долганы*, которые теперь обитаютъ въ Туруханскомъ краѣ. Первые въ концѣ XVIII в. достигли самаго запада Якутской области и жили у Оленека; переходъ ихъ черезъ эту рѣку совершился уже позже. Шаховъ въ 1671 г. засталъ на Вилюѣ *Мургатцихъ*, *Баягирскихъ* тунгусовъ и *Тамтакулей*, а на картѣ Ремезова за 1701 г. отмѣчены ниже Нижне-Вилюйскаго и Танарейскаго зимовій, за р. Варкой, тунгусы *Снигири*, а дальше внизъ по Вилюю *Тыгны*, *Шалагоны*, *Икалэтагалы*.

Имуґаты (см. стр. 8), изъ коихъ нынѣ проживаютъ въ предѣлахъ округа лишь Шологоны. Баягиры—родъ весьма распространенный, но въ данномъ округѣ ихъ теперь нѣтъ; живутъ они еще въ Якутскомъ округѣ, откуда часть выселилась въ Амурскую область, но главная ихъ масса сосредоточена въ Читинскомъ округѣ (Забайк. обл.). Всѣ остальные, перечисленные выше, роды или вымерли, или окончательно ассимилировались съ якутами, или извѣстны оффиціально подъ другими названіями.

Олекминскій округъ.

Преобладающее значеніе здѣсь имѣетъ родъ *Жуюганскій (Жеюганскій)* — 579 д. (304 м.), получившій свое названіе отъ р. Жуи. Изъ нихъ лишь 12 д. (7 м.) проживаютъ среди якутовъ Олекминской инор. управы, всѣ остальные на собственныхъ земляхъ, въ районѣ которыхъ находятся и пріиски Олекминской системы. Больше всего ихъ было переписано по рр. Чеморхѣ (прит. Б. Патомы) — 74 д., по рч. М. Мамыканъ, по р. Жуѣ (119 д.), при устьяхъ рр. Таймендры, Ходукана, Барчика, Б. Балаганнахъ, Печеры, по рр. Вачѣ, Хомолхо, Багажиктѣ, Хорѣ, а также по р. Хайбуркѣ, около Михайловскаго ключа и въ другихъ мѣстахъ близъ пріисковъ.

Брагатскій (Барагатскій, Барангатскій, Баранатскій) р. — 63 д. (28 м.), изъ коихъ 21 д. (9 м.) проживаетъ въ разныхъ урочищахъ Олекминской инор. управы, среди якутовъ, и 42 д. (19 м.) бродитъ вблизи пріисковъ Олекминской системы, на землѣ Жуюганскихъ тунгусовъ, по рч. Хомолхо, Анагрѣ, у ключа Заголданъ и т. д. Объ этомъ родѣ см. стр. 51.

Остальные роды весьма малочисленны и по большей части пришлые изъ другихъ мѣстностей: *I Белэтскій* (1 м.), *Бетильскій* р. (1 м.), *Киндыгирскій* р.—6 д. (3 м.), *Нермаганскій* р.—2 ж., *Сологонскій* р.—12 д. (9 м.), *Тобуйскій* — 11 д. (8 м.), *Челчегирскій (Чильчагирскій)* — 1 м. и рядъ обрывковъ родовъ съ искаженной транскрипціей, которые въ другихъ округахъ не встрѣчаются: *Конарскій* р.— 9 д. (1 м.), *Ногайскій* р. — 11 д. (6 м.), *Хангыгырскій*

(Хахагирскій ?) р. — 3 д. (1 м.), *Хорогирскій* р. 13 д. (10 м.).

Не извѣстно, чѣмъ слѣдуетъ объяснить почти полное исчезновеніе изъ Олекминскаго округа и вообще изъ Якутской области Хангагынскаго (Хахагынскаго) рода, который еще въ 1859 г. состоялъ изъ 152 д. Можетъ быть онъ присоединился къ Жуюганскому роду, численность котораго почти удвоилась съ тѣхъ поръ. Въ виду того, что по г. Майнову старинное названіе этого рода было Хачегаръ, онъ сопоставляетъ его съ Забайкальскимъ Почегорскимъ родомъ (см. стр. 134), предполагая, что Олекминскіе представители этого рода, какъ и одноименные съ Амурскими и Забайкальскими роды Якутской области, происходятъ съ юга, что однако болѣе чѣмъ сомнительно, по крайней мѣрѣ для послѣднихъ двухъ столѣтій (см. прим. на стр. 119).

У 146 д. (75 м.) тунгусовъ, преимущественно бродящихъ на землѣ Жуюганскаго рода (74 д.) и въ районѣ пріисковъ Витимской системы (52 д.), роды не показаны.

Такимъ образомъ, оказывается, что кромѣ Жуюганскаго рода и пожалуй Брагатскаго всѣ остальные представляютъ изъ себя обрывки разныхъ родовъ, главнымъ образомъ пришлыхъ изъ другихъ мѣстъ. По болѣе раннимъ даннымъ въ Олекминскомъ округѣ значилось 5 главныхъ родовъ, численность коихъ (мужчинъ) въ разные періоды XVII и XVIII ст., усматривается изъ слѣдующей таблички, составленной на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ И. Майновымъ[1]).

ТАБЛИЦА III.

Названія родовъ.	Приписное населеніе мужского пола.						
	1767 г.	1782 г.	1796 г.	1812 г.	1824 г.	1835 г.	1859 г.
1. Жеюганскій	64	98	123	152	166	210	178
2. Логоцкій	40	59	65	62	66	69	?
3. Киндигирскій	48	57	73	100	99	110	167
4. Хахагынскій	90	?	139	134	154	102	152
5. Брагатскій	147	173	208	249	263	?	(339)

[1]) „Тр. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, 1898, II, I. с., 11—14 и 35.

Въ настоящее время изъ этихъ родовъ въ предѣламъ округа встрѣчаются лишь Жуюганскій, который съ 1767 г. увеличился до переписи въ 5 разъ, и Брагатскій, который послѣ 1824-го года былъ перечисленъ въ Вилюйскій округъ, гдѣ и проживаетъ главная его масса. Въ обоихъ округахъ нынѣ числится 269 м. д. этого рода, что показываетъ увеличеніе его за 45 года до 1812 г. на 171%, а въ слѣдующія 85 лѣтъ его численность почти не измѣнилась. Логоцкій р., судя по даннымъ переписи, нынѣ нигдѣ не встрѣчается, а отъ Киндыгирскаго и Хахагынскаго было обнаружено лишь нѣсколько душъ. Можетъ быть они составляютъ часть тѣхъ 146 д. (75 м.), у которыхъ роды не показаны; остальные можетъ быть присоединились къ Жуюганскому роду. Выселиться въ другія мѣста могли лишь Киндыгирцы, которые встрѣчаются еще въ другихъ районахъ, а присутствіе родовъ Логоцкаго и Хахагынскаго нигдѣ болѣе не было обнаружено.

* * *

Резюмируя все вышеизложенное о родахъ тунгусовъ Якутской области, мы видимъ, что наиболѣе многочисленны представители родовъ: *Брагатскаго (Барагатскаго, Барангатскаго)* въ 1859 г.—523 д. (339 д.) и въ 1897 г.—539 д. (271 м.), главнымъ образомъ въ Вилюйскомъ округѣ, но также и въ Олекминскомъ (въ Верхоянск. окр. 5 д.—2 м.).

Роды *Белэтскіе I, II, III,* называемые также *Бельдэтскими,* въ 1859 г. состояли изъ 668 д. (363 м.), а въ 1897 г. перепись опредѣлила ихъ число въ—619 д. (344 м.). Проживаютъ они въ Якутскомъ округѣ [1]).

Бетюнскій р.—433 д. (205 м.) въ округахъ Вилюйскомъ и Верхоянскомъ.

Бетильскій р.—177 д. (97 м.) главнымъ образомъ въ Колымскомъ округѣ.

Буягирскіе роды—111 д. (59 м.) въ Якутскомъ округѣ; *Бытальскій* р.—659 д. (325 м.) въ Якутскомъ окр.; *Жахутскій (Жакутскій)* — 613 д. (303 м.) въ Вилюйскомъ; *Жельянскій* р. — 108 д. (58 м.) въ Верхоянскомъ; *Жуюганскій*—579 д. (304 м.) въ Олекминскомъ; *Каменные* р.—265 д. (139 м.) въ Колымскомъ, тамъ же *Каменно-Дельян-*

[1]) Въ этомъ перечнѣ мы приводимъ все число душъ каждаго рода, зегстигнутое въ предѣлахъ Якутской обл., но изъ ихъ мѣстожительствъ указываемъ лишь округа, гдѣ они проживали въ значительномъ числѣ.

скіе — 360 д. (169 д.); *Кельтятскій* — 187 д. (98 м.) въ Вилюйскомъ окр.; *Кюрбюгдинскій*—145 д. (66 м.) въ Якутскомъ; *Кюпскій*—281 д. (133 м.) въ Якутскомъ и Верхоянскомъ; *Кункугурскіе* р. — 491 д. (258 м.) въ Верхоянскомъ; *Ламунхинскій* р.—179 д. (95 м.) въ Верхоянскомъ и отчасти въ Якутскомъ; *Мямяльскій* р. — 454 д. (244 м.) въ тѣхъ же округахъ; *Нюрбуганскій* или *Нюрмаганскій (Нермаганскій)*—237 д. (134 м.) тамъ же; *Тобуйскій* р.—137 д. (70 м.) гл. обр. въ Вилюйскомъ; *Тюгясирскій* р.—477 д. (261 м.) гл. обр. въ Верхоянскомъ, а также въ Якутскомъ; *Угулятскій* р. — 534 д. (237 м.) въ Вилюйскомъ; *Уяганскій* р.—250 д. (133 м.) въ Колымскомъ; *Хатыгинскій* р.—792 д. (380 м.) въ Вилюйскомъ окр.; *Шологонскіе* р. (вм. съ идентичнымъ *Сологонскимъ* — 57 д.)—841 д. (453 м.), гл. обр. въ Якутскомъ и Вилюйскомъ окр.; *Чордунскій* р. (см. стр. 51 и 117)—456 д. (221 м.) въ Вилюйскомъ и отчасти Якутскомъ окр.; *Эжанскіе* р. (I, II, III), самая многочисленная родовая группа Якутской области,—1596 д. (842 м.), гл. обр. въ Якутскомъ округѣ.

Изъ этого перечня видно, что, если не принимать въ разсчетъ отдѣльныхъ лицъ и семей, случайно забредшихъ въ чужой районъ, то всякій округъ имѣетъ свои собственные роды, которые, хотя и живутъ чаще въ перемѣшку другъ съ другомъ, но по большей части ограничиваются лишь извѣстнымъ округомъ.

У 417 д. (199 м.) тунгусовъ Якутской области роды не показаны.

Противъ данныхъ X ревизіи въ численности родовъ произошли значительныя перемѣны, которыя частью объясняются выселеніемъ частей родовъ въ другіе округа Якутской области, въ Амурскую область и въ Удскую округу, частью ихъ вымираніемъ (см. I, 57). Сильное увеличеніе нѣкоторыхъ родовъ вѣроятно слѣдуетъ приписать присоединенію къ нимъ частей другихъ родовъ или даже цѣлыхъ родовъ (см. напр. Олекминскій окр.). Отчасти несогласіе между данными за оба года имѣетъ ту причину, что за X ревизію у насъ имѣются данныя о постоянномъ т. е. приписномъ населеніи, которое, числясь въ данномъ округѣ, уже тогда могло проживать въ иномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ перепись 1897 г. намъ даетъ свѣдѣнія о наличномъ населеніи.

Иркутская губернія.

Принадлежность тунгусовъ къ тому или другому роду въ данной губерніи почти нигдѣ не показана. Изъ 2.191 д. (1.103 м.) наличнаго населенія этого племени лишь у 220 д. (109 м.) отмѣчены въ переписномъ матеріалѣ роды.

Иркутскій округъ. Тунгусы Кочергатскаго стойбища показаны принадлежащими къ *II Ашехабатскому* роду— 13 д. (6 м.), Зогинскаго къ *III Харанутскому* — 65 д. (28 м.) и Верхне-Кетскаго улуса — 48 д. (21 м.) къ родовому управленію *Отдѣльнаго Сейгутскаго* рода. Всѣ эти роды не тунгусскіе, а бурятскіе, къ которымъ причислились тунгусы названныхъ селеній и стойбищъ, въ виду чего ихъ можно считать не показавшими своихъ настоящихъ (прежнихъ) родовъ. Общее число таковыхъ здѣсь равно 134 д. (59 м.).

Балаганскій округъ. Единственное тунгусское селеніе округа Малобѣльскій улусъ населенъ, судя по даннымъ переписи, представителями *Малобѣльскаго* же рода 41 д. (23 м.), хотя это названіе повидимому лишь наименованіе улуса. Не показавшихъ рода—3 д. (2 м.).

Верхоленскій округъ. Тунгусы небольшого коч. Качикъ В. Кудинскаго инороднаго вѣдомства въ числѣ 12 д. (7 м.) принадлежатъ къ роду *Шинькинскому*, нигдѣ болѣе не встрѣчаемому. Они причислились къ бурятскому роду Ользонову. Всѣ остальные тунгусы, какъ одиночные, такъ и составляющіе два самостоятельныхъ вѣдомства — Очеульское и Тутурское, не показали своихъ родовъ. Ихъ 601 д. (300 м.).

Киренскій округъ. Роды не показаны у тунгусовъ самостоятельныхъ вѣдомствъ, а лишь у отдѣльныхъ лицъ, по большей части пришлыхъ изъ Вилюйскаго округа Якутской области; таковы 27 д. (16 м.) представителей р. *Барагатскаго* и 10 д. (5 м.) *Сологонскаго*. Сверхъ того у 4 д. (3 м.) тунгусовъ Курейскаго вѣдомства показанъ неизвѣстный *Давыдкинскій* родъ (и у 38 д. того же вѣдомства имѣются названія десятковъ). Не показавшихъ своего рода въ этомъ округѣ оказалось — 1.358 д. (688 м.).

Маакъ [1]), называя Кондогирскую группу тунгусовъ (какъ

[1]) l. c., III, 39—40.

и Курейскую) родомъ, дѣлитъ ее на четыре участка, которые Миддендорфъ считаетъ родами—*Чечогиръ*, *Осокеръ*, *Акари* и *Каплинъ*. Къ этимъ родамъ послѣдній ученый присовокупляетъ еще три: Очокогеръ, Павгаракà и Монголи (ср. р. Мунгальскій стр. 134). Изъ нихъ наиболѣе многочисленъ былъ Чечогирскій и Каплинскій, численность р. Монголи не превышала во время путешествія Миддендорфа—5 чел., а Акари—2—3 чел. Въ другомъ трудѣ того же автора названы родами лишь четыре первыхъ, изъ коихъ р. Каплинъ подраздѣлялся на пять подгруппъ: Гольѐ, Монголи, Павгиракай, Очекагиръ и Мумъялыръ, вымершій въ онцѣ XVIII ст. [1]).

Относительно Курейскихъ тунгусовъ мы подобныхъ подраздѣленій не имѣемъ.

Сверхъ того намъ извѣстны изъ самаго конца XVIII в. названія еще двухъ родовъ Киренскаго округа: *Киндягатскаго* и *Мамагатскаго*, о которыхъ одинъ оффиціальный источникъ сообщаетъ, что они заходили иногда на р. Чону [2]). Первый можетъ быть идентиченъ съ Киндыгирскимъ, второй—съ Маймаганскимъ р. (см. стр. 116).

Такимъ образомъ, у 1.971 д. (994 м.) или 90% всѣхъ тунгусовъ губерніи роды въ переписномъ матеріалѣ не показаны, а изъ остальныхъ у 126 д. (55 м.) отмѣчены бурятскіе роды, къ которымъ причислились мѣстные тунгусы, у 57 д. (33 м.) неизвѣстные и нигдѣ болѣе не встрѣчающіеся обрывки самостоятельныхъ родовъ и у 37 д. (21 м.) пришлыхъ извѣстные роды Якутской области.

Забайкальская область.

Читинскій округъ.

Наибольшее разнообразіе родовъ тунгусскихъ встрѣчается въ Читинскомъ округѣ, гдѣ сосредоточена половина всего тунгусскаго населенія. Несмотря на происходящее въ настоящее время значительное перемѣщеніе тунгусовъ разныхъ родовъ, все же въ отдѣльныхъ инородческихъ управахъ его преобладаютъ коренные роды данной мѣстности, къ которымъ примѣшиваются роды смежныхъ и даже болѣе отдаленныхъ управъ.

---

[1]) Middendorf въ „Mél. Asiat.“ VIII, 1, 1877. S. 335 и „Globus“, XXXI, № 17.

[2]) Маакъ, l. c., 4.

Сильно обрусѣлые тунгусы часто не помнятъ дѣленія на роды, но это лишь одна изъ причинъ, почему роды не показаны у 1712 д. (827 м.) или у болѣе чѣмъ половины (54%) тунгусовъ Шундуинской управы, у 407 д. (211 м.) Урульгинской (вкл. двор. Гантимуровыхъ), 455 д. (225 м.) Маньковской, 252 д. (125 м). Оловской и у 303 д. (181 м.) тунгусовъ другихъ мѣстностей, или всего у 3.129 д. (1.569 м.).

Относительно названій родовъ слѣдуетъ замѣтить, что они совершенно не установлены, въ виду чего подвержены значительнымъ колебаніямъ въ переписномъ матеріалѣ, что отчасти зависитъ отъ того, что разные счетчики разно ихъ слышали и выговаривали, отчасти отъ того, что тотъ же родъ въ разныхъ мѣстностяхъ и даже отдѣльныхъ селеніяхъ называется нѣсколько иначе—это впрочемъ въ одинаковой степени касается и всѣхъ наименованій инородческихъ родовъ и вообще географическихъ именъ въ Сибири. Установить правильную трансскрипцію родовъ при подобныхъ условіяхъ и при нашемъ маломъ знакомствѣ съ мѣстной номенклатурой оказывается не возможнымъ, въ виду чего мы и приводимъ въ скобкахъ и менѣе употребительныя въ данной мѣстности названія, исправляя однако показанія счетчиковъ или переписчиковъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда имя рода передано завѣдомо невѣрно.

а) Въ *Оловской* инородной управѣ главными родами являются: *Мальцевскій*—2.089 д. (1.001 м.) составляющій до 30% тунгусскаго ея населенія. Слѣдующими по важностиродами являются: *Дулигарскій (Дулегорскій) I*—1.632 д. (812 м.) [1]); *Сухановскій*—872 д. (416 м.), *Узонскій*—776 д. (399 м.), *Кылтегерскій* (*Кылтятскій* ?)—623 д. (304 м.) и *Баягирскій II*—431 д. (221 м.). Меньшее значеніе имѣютъ здѣсь роды: *Нироновскій*—224 д. (96 м.), *Почегорскій (Поцагорскій)*—82 д. (38 м.), *Баягирскій* [2])— 56 д. (32 м.) и *Тулуягирскій*—19 д. 9—м.; (не считая орочоновъ этого рода см. стр. 140).

Большинство представителей этихъ родовъ живутъ въ перемѣшку другъ съ другомъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ. У этихъ осѣдлыхъ и сильно обрусѣлыхъ тунгусовъ родовое управленіе потерядо уже значеніе. *Мальцевскій* родъ составляетъ почти все населеніе с. Зюльзинскаго (835 д.) и боль-

[1]) Въ т. ч. у 57 д. (32 м.) не указанъ № рода („I[a]").
[2]) № рода, мож. б. I, не указанъ.

шую часть сел. Илимскаго (462 д.), Олеканъ (302 д.) и до половины Старо-Оловскаго (тунгусскаго) и Зюльзиканскаго, но кромѣ того въ большей или меньшей степени въ 12 другихъ селеніяхъ.

Дулигарскій I составляетъ большинство населенія сел. Усть-Начинскаго (266 д.), В. Куренгскаго, Усть-Даинскаго и Усть-Наринзорскаго (397 д.). Встрѣчается онъ еще въ 18 селеніяхъ (В. Кырлыченскомъ, Тунгусскомъ Оловѣ, Кадаѣ, В. Кіѣ, Мильгидунѣ и т. д.)

Сухановскій родъ населяетъ с. В. Курлыченское (351 д.), Улей (101 д.), Тунг. Оловъ (110 д.) и Бушулейское (153 д.), называемое по этому роду также Сухановскимъ. Въ другихъ 10 селеніяхъ ихъ меньше.

Узонскій родъ сосредоточенъ почти весь въ трехъ селеніяхъ: В. Хилѣ (41 д.), Н. Хилѣ (510 д.) и Кокуѣ (167 д.), все населеніе которыхъ онъ составляетъ (въ послѣднемъ 19 д. предст. др. родовъ). Въ другихъ 6 селеніяхъ онъ очень малочисленъ.

Кылтегерскій (Кэлтегерскій) р. составляетъ до половины населенія ул. Кыкерскаго; довольно многочисленъ онъ еще въ сел. Илимѣ, Олеканъ, Цагакшиной, Зюльзиканскомъ и Зюльзинскомъ; въ другихъ 5 селеніяхъ его мало.

Нироновскій родъ преобладаетъ въ с. Аркіинскомъ; встрѣчается также въ с. Мильгидунѣ и друг.

Остальные роды, по большей части пришлые, всюду, гдѣ встрѣчаются, составляютъ меньшинство населенія. Представителей *Баягирскаго II* рода больше въ сел. Усть-Наринзорскомъ, въ Тунгусскомъ и Старомъ Оловѣ и Кадаѣ. *Почегорскій, Тулуягирскій* и *Баягирскій* всюду малочисленны.

[Сверхъ того 225 д. (138 м.) тунгусовъ этой управы были зарегистрированы въ Нерчинскомъ округѣ и 17 д. (9 м.) въ Нерчинско-Заводскомъ].

б) ***Урульгинская*** инор. управа. Первое по численности мѣсто занимаетъ родъ *Почегорскій (Поцагорскій)* — 569 д. (278 м.), преобладающій однако лишь въ сел. Байцатуевскомъ (250 д.); встрѣчается онъ въ 12 селеніяхъ, (д. Князе-Береговой, Карымской ул., Торгаконскомъ, Наринъ-Талачѣ и др.).

Дулигатскій (Дулегатскій) родъ — 436 д. (218 м.) не преобладаетъ нигдѣ, хотя болѣе многочисленъ въ сел. Князе-Береговой, Князе-Урульгѣ, Дондаковомъ, Наринъ- и Средней-Талачѣ и т. д.

Мунгальскій (Монгольскій) родъ — 504 д. (240 м.) составляетъ часть населенія сел. Карымской, Князе-Поселья, Князе-Береговой, Князе-Урульги, Усть-Талачинской, В. и Ср. Талачи и 6 другихъ селеній.

Яравнинскій, представленный 346 д. (167 м.), сгруппированъ почти весь въ четырехъ селеніяхъ: Шергалджинскомъ (на Читѣ и Улдургѣ), Сахалтуевскомъ и Бургени.

Телембинскій родъ — 277 д. (136 м.) преобладаетъ въ сел. Усть-Ницичунѣ; встрѣчается также въ ул. Кужертаевскомъ и Наринъ-Талачѣ и др.

Кылтегерскій (Кылтегирскій, Кэлтегерскій) р.—235 д. (112 м.) сосредоточенъ преимущественно въ ул. Берiѣ, гдѣ преобладаетъ; въ меньшемъ числѣ также въ В. Талачѣ и др.

Домо-Дулегатскій—208 д. (93 м.) и *Князе-Дулегатскій*—80 д. (39 м.) роды нигдѣ не преобладаютъ. Представителей первыхъ больше въ Верх.-и Наринъ-Талачѣ, второго въ с. Дондаковомъ. Вѣроятно эти оба рода составляютъ отдѣльныя вѣтви Дулегатскаго рода. Возможно, что сюда же принадлежитъ и родъ *Домуевскій*—45 д. (24 м.), названіе котораго можетъ быть является сокращеніемъ перваго изъ упомятыхъ выше.

Остальные роды этой управы очень малочисленны и мѣстопребываніе ихъ здѣсь имѣетъ случайный характеръ: *Вакасильскій* (6 д.), *Гуновскій* (4 д.), *Дулегарскій* (11 д.), *Сартутскій* (10 д.), *Узонскій* (5 д.), *Улятскій* (3 д.), *Челкагирскій* (2 д.).

Сверхъ того въ данной управѣ проживаетъ 266 д. (141 м.) потомственныхъ дворянъ *Гантимуровыхъ*, происходящихъ изъ *Нелюдскаго* рода и составляющихъ часть населенія селеній Князе-Поселья,-Береговой,-Урульги и одной заимки.

[Въ трехъ смежныхъ округахъ тунгусовъ этой управы оказалось всего 44 д. (22 м.)].

в) ***Шундуинская*** инор. управа. Здѣсь главную роль играютъ роды *Улятскій*—666 д. (328 м.), *Челкагирскій (Чилкагирскій)*—499 д. (239 м.) и *Намятскій*—178 д. (91 м.). Улятскій р. составляетъ все тунгусское населеніе 8 селеній: Хара-Быркинскаго, Тургинско-Подгорнаго, Усть-Тургинскаго, Гурбонорскаго, Алакойскаго, Тутъ-Халтуйскаго, Зукултуйскаго и Шорокундуйскаго, изъ коихъ наиболѣе крупныя сел. Хара-Быркинское (379 д.) и ул. Усть-Тургинскій (94 д.);

въ 4 селеніяхъ этотъ родъ проживаетъ совмѣстно съ другими. Челкагирскій родъ преобладаетъ въ сел. Б. Соктуѣ, д. и ул. Быркинскихъ и въ ул. Биликтуевскомъ, Коркиринскомъ. Намятскій р. составляетъ главную массу населенія сел. М. Соктуя и д. Эдартуйской; встрѣчается въ небольшомъ числѣ еще въ 6 другихъ селеніяхъ.

Долотскій родъ—72 д. (34 м.) нигдѣ не преобладаетъ въ 5 селеніяхъ, въ которыхъ встрѣчается, но его больше въ ул. Биликтуевскомъ.

Дулигатскій р. — 50 д. (25 м.) составляетъ все населеніе ул. Тоготуйскаго.

Яравнинскій р. въ числѣ 5 д. (2 м.) встрѣчается въ Соктуйскомъ улусѣ.

Въ переписномъ матеріалѣ значится въ данной управѣ еще родъ *Сокалтуевскій*, проживающій въ числѣ 75 д. (34 м.) въ только что названномъ улусѣ. Но, такъ какъ этотъ родъ у тунгусовъ нигдѣ болѣе не встрѣчается, можно подозрѣвать, что онъ представляетъ видоизмѣненное названіе бурятскаго Сахалтуевскаго рода, который составляетъ часть жителей бурятской управы Улдургинской, недавно отдѣлившейся отъ Урульгинской думы. Здѣсь онъ встрѣчается въ 9 улусахъ, причемъ число его членовъ равно 182 д. (87 м.). Наше предположеніе отчасти подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе ул. Соктуйскаго принадлежитъ къ той части тунгусовъ этой управы, которая говоритъ на бурятскомъ языкѣ.

Какъ указано выше, болѣе половины тунгусскаго населенія этой управы не показали въ переписномъ матеріалѣ своей принадлежности къ тому или другому роду.

[Въ трехъ сосѣднихъ округахъ проживаетъ еще 261 д. (137 м.) тунгусовъ этой управы, въ т. ч. въ Нерчинскомъ 191 д. (109 м.), въ Акшинскомъ, считая и показавшихъ свой родъ,—64 д. (25 м.) и въ Нерчинско-Заводскомъ—7 д. (3 м.)].

г) *Маньковская* инор. управа. Здѣсь наиболѣе многочисленны роды *Баягирскіе*, представителей которыхъ въ этой управѣ 1.788 д. (904 м.) или до 30% всего ея тунгусскаго населенія. Изъ нихъ на долю *I Баягирскаго* рода приходится 377 д. (199 м.). Эти тунгусы наиболѣе многочисленны въ д. В. Калгуканской (200 д.), Шоноктуйской и В. Тарсукайской (66 д.). Въ этой послѣдней показаны впрочемъ тунгусы просто Баягирскаго рода. *Баягирскій II* родъ

имѣетъ 1.411 д. (705 м.) представителей въ данной управѣ, которые составляютъ преобладающую часть населенія д. Маньковской (588 д.), Усть-Начинской (159 д.) и ул. Залайскаго. Многочисленны они также въ сел. Шоноктуйскомъ, Барунъ-Кондуйскомъ и въ д. Чупинской; встрѣчается онъ еще въ 13 селеніяхъ.

Намятскій р.—771 д. (384 м.) составляетъ ок. половины населенія д. В. Тарсукайской и часть Усть-Тарсукайской и ул. Усть-Хоркиринскаго, Талманъ-Борзинскаго, д. Селендинской, В. Калгуканской и еще шести другихъ селеній.

Чипчинутскій (Чипчинскій)—613 д. (315 м.) составляетъ около $^2/_3$ населенія ул. Нарынъ (209 д.) и $^1/_3$ дер. Акурайской. Встрѣчается также въ д. Маньковской, Усть-Хоркиринской и еще въ 12 селеніяхъ.

Дулигарскіе роды — 1.390 д. (685 м.). Изъ нихъ *Дулигарскій I*—1.140 д. (571 м.) преобладаетъ въ сел. Олдондинскомъ, въ д. Нижне-Гирюнинской (214 д.) и въ В.-Гирюнинской, въ ул. Гуруханскомъ, Мыгнэно-Озерскомъ; многочисленъ онъ также въ д. Маньковской и въ сел. Барунъ-Кондуйскомъ; встрѣчается еще въ 11 другихъ селеніяхъ, причемъ у 17 д. (8 м.) показанъ просто родъ Дулигарскій. *Дулигарскій II* р.—250 д. (114 м.). Изъ 8 селеній, гдѣ проживаютъ его представители, онъ болѣе многочисленъ въ д. В. Калгуканской и въ ул. Талманъ-Борзинскомъ.

Конурскій р. — 551 д. (275 м.) въ наибольшемъ числѣ встрѣчается въ д. Шоноткуйской, Усть-Тарсукайской, В. Тарсукайской, Селендинской и В. Калгуканской и кромѣ того въ 6 другихъ селеніяхъ.

Дуларскій р. — 321 д. (167 м.) преобладаетъ въ сел. Шоноктуйскомъ, въ ул. Талманъ-Борзинскомъ, въ д. В. Калгуканской; кромѣ того встрѣчается еще въ 6 селеніяхъ. Не есть-ли Дуларскій родъ видоизмѣненіе имени Дулигарскаго?

Долотскій р.—161 д. (72 м.)—проживаетъ главнымъ образомъ въ сел. Барунъ-Кондуйскомъ (126 д.) и еще въ 3 селеніяхъ.

Представителей другихъ родовъ здѣсь мало: *Улятскій (Улятуевскій)*—4 д. (2 м.) и *Челкагирскій* — 6 д. (3 м.).

[Въ трехъ смежныхъ округахъ перепись открыла еще 1.026 д. (562 м.) представителей этой управы; именно въ Акшинскомъ—535 д. (282 м.), въ Нерчинскомъ—129 д. (83 м.) и въ Нерчинско-Заводскомъ—362 д. (197 м.)].

д) *Онгоцонская* инор. управа. Господствующими являются: *Сартольскій (Сортольскій)* родъ, представителей котораго въ управѣ числится 390 д. (184 м.). Преобладаетъ онъ въ ул. Алтанскомъ (106 д.), Нижне-Кыринскомъ (71 д.), Хурульгинскомъ (156 д.), Билютуевскомъ (39 д.) и еще въ 2 улусахъ.

Сартутскій (Сортотскій, Сартотскій) р. [1]) проживаетъ въ ул. Нижне- и В.-Бырцинскихъ (162 и 197 д.), гдѣ этотъ родъ преобладаетъ, и еще въ 9 улусахъ, главнымъ образомъ В. Кыринскомъ ул. (66 д.) и въ сел. Бырцинскомъ (89 д.), въ ул. Курултэкэнскомъ (74 д.), Тарбалджейскомъ (71 д.) и Улачинскомъ (53 д.). Общее число представителей этого рода простирается здѣсь до 794 д. (383 м.).

Вакасильскій р. — 471 д. (245 м.) составляетъ около половины населенія ул. Хурулгинскаго, Нижне-Кыринскаго и Тарбалджейскаго; въ небольшомъ числѣ онъ встрѣчается и въ другихъ 7 селеніяхъ.

Луникерскій р.—476 д. (232 м.) составляетъ большинство населенія ул. Курултэевскаго (59 д.); многочисленъ онъ также въ ул. Билютуевскомъ, В.- и Нижне-Кыринскомъ, Былыринскомъ, въ с. Бырцинскомъ; встрѣчается еще въ 9 улусахъ.

Чимчагитскій р.—146 д. (70 м.) встрѣчается въ небольшомъ числѣ въ 10 селеніяхъ, изъ коихъ въ наибольшемъ числѣ въ с. Бырцинскомъ и въ ул. Тарбалджейскомъ.

Вышеупомянутые роды являются коренными въ данной управѣ. Сверхъ того въ ней встрѣчаются пришлые роды:

Гучитскій (Гутчитскій) р.—51 д. (24 м.) главнымъ образомъ въ ул. Улачинскомъ и Хурулгинскомъ.

Хоронуцкій р.—47 д. (26 м.), гл. обр. въ ул. Билютуевскомъ (см. стр. 97).

Узонскій р.—42 д. (20 м.), гл. обр. въ ул. Хурулгинскомъ.

Тукчинскій р.—7 д. (3 м.) и *Яравнинскій* р.—1 д.

---

[1]) Въ переписномъ матеріалѣ оба эти рода показаны особо, такъ же самостоятельно они являются и въ историческомъ актѣ 1727 г., касающемся Акшинскихъ казаковъ, которые происходятъ отъ инородцевъ этой и двухъ другихъ управъ (см. стр. 141). Но въ трудѣ по „изслѣдованію землевладѣнія и землепользованія Забайкальской области“ (вып. VIII, 171) оба рода повидимому ошибочно соединены въ одинъ подъ названіемъ Сартольскаго, а о Сартотскомъ, самомъ многочисленномъ родѣ управы, тамъ совсѣмъ не упоминается. Замѣтимъ еще, что Чимчагитскій р. тамъ смѣшанъ съ Чильчагирскимъ.

[Сверхъ того 408 д. (197 м.) тунгусовъ этой управы были зарегистрированы въ Акшинскомъ округѣ].

е) *Кужертаевская* инородная управа. Преобладающимъ является р. *Узонскій* (*Удзонскій*)—1.375 д. (694 м.), составляющій все населеніе ул. Наринъ-Кундуя, Зимовьинскаго, Цаганъ-Арала, Ульзутуя, Кылтыгэя, Усть-Адагулика, Уланъ-Загантая, Шонходуя, Жибкошинскахъ ул. и дер., ул. Тулутаевскаго, Кылтыгэйскаго, Тарбагатаевскаго, ул. Урея и дацановъ Кужертаевскаго и Тарбагатаевскаго, д. Онкоекской и Ново-Тулутаевской и большую часть тунгусовъ д. Кужертаевской и ул. Акши; меньше его въ ул. Онгоцонѣ. [Сверхъ того 55 д. (28 м.) въ Акшинскомъ округѣ].

Гуновскій р.—343 д. (171 д.) составляетъ все населеніе улусовъ: Булуктуй, Шара-Кундуй, Хабцагайтуй, Дундануръ, Зунъ-Нуръ, Гуновскаго дацана (при Шарак. ул.) и большинство ул. Хамхактуя. [Сверхъ того 94 д. (38 м.) этого рода проживаютъ въ Акшинскомъ округѣ].

Тукчинскій р.—310 д. (167 м.) составляетъ преобладающую часть населенія ул.: Хосутуй, Зуткулей, Чиндалей и Тукчинскаго дацана.

Гучитскій р.—154 д. (73 м.) составляетъ $^2/_3$ населенія ул. Онгоцона.

Баликагирскій р. живетъ въ числѣ 48 д. (24 м.) въ трехъ улусахъ среди другихъ родовъ.

Большинство инородцевъ этого рода проживаютъ однако внѣ предѣловъ управы, на казачьихъ земляхъ Акшинскаго округа и отчасти въ другихъ мѣстахъ, состоя пастухами чужихъ и своихъ стадъ (см. I, стр. 136 сл.). Такъ какъ они у себя не пользуются покосами, инородная управа и не привлекаетъ ихъ къ платежу губернскаго земскаго сбора [1]).

Эти пять родовъ являются коренными мѣстными родами. Всѣ остальные пришлые.

Сартотскій или (*Сартутскій*) р.—20 д. (11 м.) встрѣчается въ ул. Акшѣ, *Сартольскій* (*Сортольскій*) въ ул. Онгоцонѣ—15 д. (6 м.), въ которомъ проживаютъ еще обрывки другихъ родовъ: *Луникерскаго* 14 д. (7 м.) и *Дулигатскаго* 10 д. (6 м.).

---

[1]) Куломзинъ, вып. VIII, стр. 177.

Наконецъ, въ д. Кужертаѣ имѣютъ мѣстожительсто 45 д. (27 м.) потомственныхъ дворянъ *Гантимуровыхъ*.

[Значительное число представителей этой управы проживаетъ въ предѣлахъ Акшинскаго округа. Ихъ оказалось 568 душъ (271 муж.)].

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ настоящее время тунгусскіе роды пяти управъ Урульгинской степной думы не имѣютъ, за немногими исключеніями, особыхъ географическихъ районовъ, гдѣ бы они встрѣчались одни. Въ большинствѣ случаевъ въ однихъ и тѣхъ селеніяхъ проживаютъ представители нѣсколькихъ родовъ часто въ такой пропорціи, что оказывается невозможнымъ опредѣлить, къ району какого рода они принадлежатъ. Чаще однако коренной родъ все же преобладаетъ въ селеніяхъ своего прежняго района, особенно въ Кужертаевской и Онгоцонской управахъ съ кочевымъ населеніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. роды Узонскій и Гуновскій въ первой управѣ, они и по-сейчасъ составляютъ все населеніе селеній своего географическаго района.

Въ бурятской *Агинской* степной думѣ встрѣчаются обрывки разныхъ тунгусскихъ родовъ: *Баликагирскаго* (21 д.), *Узонскаго* (17 д.), *Тукчинскаго* (13 д.), *Гуновскаго* (7 д.), *Сартольскаго* (5 д.), *Кылтегерскаго* (4 д.) и вѣроятно идентичнаго съ нимъ *Кылтятскаго* (7 д.), *Баягирскаго* (4 д.). Отдѣльныя лица показаны принадлежащими къ несуществующимъ тунгусскимъ родамъ: *Дунуйкурскому*, *Сынгырьдырьскому* и завѣдомо бурятскому роду *Барунъ-Хоацайскому*. У 25 д. (15 м.) названія родовъ не показаны.

Не указаны они и у обрусѣлыхъ тунгусовъ, проживающихъ въ русскихъ селеніяхъ и въ гор. Читѣ, за исключеніемъ 8 д. (2 м.) въ этомъ городѣ, принадлежащихъ къ дворянамъ *Гантимуровымъ*.

Орочоны или бродячіе оленные тунгусы даннаго округа принадлежатъ къ Урульгинской степной думѣ. Они распадаются на четыре рода: *Бультегерскій*, *Тулуягирскій*, *Лакшикагирскій* и *Катчитскій*, изъ коихъ первый причисленъ къ Урульгинской инородной управѣ, а остальные къ Оловской. Послѣдній родъ по своему названію напоминаетъ *Гучитскій* родъ осѣдлыхъ тунгусовъ той же степной думы. Подробнѣе объ этихъ орочонахъ (см. I, стр. 19 сл.).

Акшинскій округъ.

Происходя по большей части изъ инородческихъ управъ Читинскаго округа: Маньковской, Онгоцонской и Кужертаевской, тунгусы-*инородцы* даннаго округа естественно должны принадлежать къ тѣмъ родамъ, которые тамъ господствуютъ, хотя въ переписныхъ листахъ помѣтки о родахъ въ данномъ округѣ и встрѣчаются сравнительно рѣдко. Изъ отмѣченныхъ въ данномъ округѣ родовъ выясняется, что они происходятъ преимущественно изъ послѣднихъ двухъ управъ. Изъ нихъ преобладаютъ представители родовъ: *Гуновскаго*—94 д. (38 м.), *Узонскаго*—55 д. (28 м.), *Тукчинскаго*—14 д. (7 м.), *Баликагирскаго*—15 д. (6 м.), *Чипчинутскаго*—10 д. (6 м.) и *Улятскаго*—6 д. (3 м.). У 1.497 д. (743 м.) роды не показаны.

Нѣтъ въ переписныхъ листахъ указаній о родахъ и у *казаковъ*-тунгусовъ даннаго округа [1]), но изъ историческихъ актовъ мы узнаемъ, что они были навербованы изъ 12 родовъ (по 5 юртъ), которые и нынѣ преобладаютъ у тунгусовъ названныхъ выше трехъ управъ. Эти роды въ 1727 г. были слѣдующимъ образомъ распредѣлены по карауламъ: *Сарадульскій* р —въ карауле Бальжиканскомъ, на р. Бальжиканѣ, Куркунскомъ, Букукунскомъ и Алтанскомъ (на р. Алтанѣ); *Сартольскій* въ кар. Кыринскомъ противъ маяка Табунъ-Тологой; *Цамцыгинскій* въ кар. В. Ульхунскомъ на р. Кырынѣ; *Почегатскій* въ кар. Мангутскомъ близъ маяка Мангутскаго; *Ульзюцкій* въ кар. Нижне-Ульхунскомъ на р. Учирху; *Гуновъ* р. въ кар. Дурулгуйскомъ, Токторскомъ и Могойтуевскомъ на вершинѣ р. Дороми и бл. оз. Цаганъ-Нора; *Баликагирскій* р.—въ кар. Кубухаевскомъ, Цасучѣевскомъ и въ Чиндантъ-Туевской крѣпости на р. Амалгѣ; *Уляцкій* въ кар. Кулусутаевскомъ у оз. Тари (Бар. Торея); *Намяцкій* въ кар. Чиндантскомъ и Ключевскомъ у оз. Тараба-Даху; *Челкагирскій* въ кар. Цаганъ-Олуевскомъ и Соктуевскомъ у оз. Халсутая; и, наконецъ, *Конурскій*, *Долоцкій* и *Намяцкій* рр. въ Стар. Цурухайтуѣ на р. Аргуни [2]).

Изъ названныхъ родовъ лишь Ульзюцкій не встрѣчается среди родовъ Урульгинскаго вѣдомства, остальные тѣ же, что мы поименовали выше при описаніи родовъ Кужертаевской, Онгоцонской и Маньковской управъ (Сарадульскій=Сартут-

[1]) Въ ихъ числѣ 52 д. (24 м.) дворянъ Гантимуровыхъ.
[2]) Буссе, ibid, 26 и 55.—Мѣстоположеніе карауловъ не всюду показано точно.

скому, Цамцыгинскій=Чимчагитскому, Почегатскій-Почегорскому р. переписи).

Въ самомъ же началѣ XVIII ст. въ охранѣ границы принимали участіе лишь 8 родовъ: *Канурскій*, *Намяцкій*, *Долоцкій*, *Челкагирскій*, *Уляцкій*, *Баликагирскій*, *Гуновъ* и *Ульзуцкій*, которые несли службу въ семи караулахъ отъ крѣпости Цуруxайтуй на р. Аргуни на западъ до перевала черезъ Становой хребетъ, на вершинѣ р. Учирху [1]). Остальные роды были привлечены къ отбыванію казачьей службы уже впослѣдствіи. Припомнимъ къ слову, что и внѣ предѣловъ Акшинскаго округа тунгусы отчасти принимали участіе въ охранѣ государственной границы (см. стр. 143).

Нерчинскій и Заводо-Нерчинскій округа. Роды проживающихъ въ этихъ округахъ тунгусовъ изъ сосѣднихъ управъ Урульгинскаго вѣдомства въ огромномъ большинствѣ случаевъ не показаны, за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ: въ первомъ—7 д. (3 д.) представителей родовъ *Сухановскаго*, *Киндыгирскаго*, *Баягирскаго* и во второмъ 5 д. (3 м.)—*Дулигарскаго*.

Орочоны Нерчинскаго округа принадлежатъ по большей части къ родамъ *Киндыгирскому* и *Булётскому* (*Белэтскому*)—см. I, стр. 20.

Селенгинскій округъ.

Въ Селенгинскомъ округѣ тунгусы составляютъ населеніе половины улусовъ Армакской инородной управы. Они за исключеніемъ 84 д. (41 м.) осѣдлыхъ и обрусѣлыхъ инородцевъ с. Армакскаго, которые своего рода не показали, принадлежатъ исключительно къ двумъ мѣстнымъ родамъ—*Заектаевскому* (*Заяктаевскому*) и *Цингидинову* (*Цингиндинову*). Первый составляетъ населеніе пяти улусовъ названной управы и $^2/_3$ жителей с. Армакскаго (см. I, стр. 149). Его представителей числится всего 499 д. (242 м.).

Тунгусы второго рода проживаютъ въ пяти другихъ улусахъ той же управы и 10 д. (5 м.) въ с. Армакскомъ (см. тамъ же). Онъ состоитъ изъ—337 д.(159 муж.).

---

1) Названія карауловъ нынѣшнія.

Заектаевъ родъ, *Ципкъевъ* (можетъ быть = Цингидинову), а также не существующій нынѣ *Култуцкій* родъ, приписанные прежде къ Култушному острогу на южной оконечности озера Байкала (тогда Иркутск. губ.), тоже участвовали въ кордонной службѣ по Китайской границѣ. Такъ, по росписи казачьяго населенія 1727 г. первые два изъ нихъ содержали караулы Хамнейскій и Цакирскій (по 5 юртъ), а Култуцкій р.—караулы Харацайскій и Цежесскій, тоже къ западу отъ Кяхты. Впослѣдствіе однако послѣдняя часть пограничной стражи слилась съ бурятскимъ полкомъ и въ административныхъ актахъ не сохранилось памяти о тунгусскомъ происхожденіи части мѣстныхъ гарнизоновъ [1]), иначе говоря, они окончательно превратились въ бурятовъ, въ виду чего и въ переписномъ матеріалѣ слѣдовъ не оставили.

Что же касается до инородцевъ *I* и *II Тыртеевскихъ* родовъ той же Армакской управы, названныхъ въ переписномъ матеріалѣ «тунгусами», то мы на основаніи вышеуказанныхъ соображеній отнесли ихъ къ бурятамъ (см. I., стр. 149).

Баргузинскій округъ.

Здѣсь главными родами являются *Мунгальскій*—242 д. (120 м.) въ Баргузинской инор. управѣ, главнымъ образомъ въ ул. Бѣловодско-Хабаржанскомъ (161 д.), и *Чильчагирскій*—1.190 д. (615 м.), изъ котораго состоитъ все населеніе В. Ангарскаго родоваго управленія и большая часть жителей Баунтовской инор. управы. Въ послѣдней этотъ родъ подраздѣляется на двѣ части, изъ коихъ численность *I Чильчагирскаго* равна 532 д. (287 м.) и *II-го*—204 д. (107 м.). Просто *Чильчагирскій* родъ въ числѣ 397 д. (199 м.) составляетъ населеніе В. Ангарскаго Чильчагирскаго родоваго управленія; 57 д. (22 м.) этого рода проживаютъ въ Бодонскомъ селеніи и въ другихъ колоніяхъ Баргузинской инор. управы, въ селеніяхъ Читканской вол. и Баргузинской степной думы. Затѣмъ значеніе имѣетъ родъ *Киндыгирскій*—252 д. (139 м.), составляющій все населеніе Нижне-Ангарскаго Киндыгирскаго родового управленія; къ *III Киндыгирскому* р.—68 д.

---

[1]) Буссе, l. c., 27, 50 сл.

(37 м.) принадлежитъ остальная часть тунгусовъ Баунтовской управы. Всего представителей *Киндыгирскихъ* родовъ — въ предѣлахъ округа опредѣлилось въ 320 д. (176 м.).

Родъ *Шемагирскій* (видоизмѣненіе *Самагирскаго*)—65 д. (35 м.) составляетъ особое родовое управленіе Подлеморско-Шемагирское (см. I, стр. 146).

Нѣсколько меньшее значеніе имѣютъ въ округѣ родъ *Лимагирскій* — 106 д. (53 м.), проживающій въ колоніяхъ Баргузинской инор. управы, главнымъ образомъ въ ул. Бѣловодско-Хабаржанскомъ (39 д.) и въ с. Бодонскомъ (38 д.). Въ первомъ и другихъ селеніяхъ Баргузинской управы встрѣчаются и немногіе тунгусы *Баликагирскаго* рода — 68 д. (27 м.) и *Смѣшаннаго*—13 д. (4 м.), вѣроятно представляющаго изъ себя конгломератъ обрывковъ нѣсколькихъ родовъ. Кромѣ того въ ул. Сахули (Баргуз. упр. и вѣд.) было зарегистрировано 3 д. (2 м.) тунгусовъ неизвѣстнаго *Ямагирскаго (Лимагирскаго?)* рода. Не показавшихъ своего рода въ этомъ округѣ оказалось—111 д. (50 м.).

В.-Удинскій округъ. Большинство мѣстныхъ тунгусовъ принадлежатъ къ Баргузинскому округу (см. I, стр. 153), кромѣ 4 д. (2 м.) *Шилишерскаго* р. (мож. б. = *Чильчагирскому*). Остальные роды, гдѣ они показаны, оказались совсѣмъ новыми, не встрѣчающимися въ другихъ мѣстностяхъ: *Бэкэріетскій*—31 д. (17 м.) изъ ур. Жилинда по Витиму, *Билирганскій* р.—28 д. (16 м.) и *Хиндагатскій* — 14 д. (7 м.) изъ ур. Хосодо и Биту по Витиму. У 13 д. (7 м.) роды не показаны. Относительно перваго рода см. стр. 148, а второй можетъ быть является искаженіемъ Баликагирскаго р.

* * *

Въ итогѣ по Забайкальской области 24.557 д. (12.159 м.) мѣстныхъ тунгусовъ (не считая орочоновъ) показали свою принадлежность къ извѣстному роду. Остальные въ числѣ 8.870 д. (4.465 м.) или 26,5% не дали соотвѣтствующихъ показаній. Частью это обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что они забыли родовое дѣленіе, перейдя къ полуосѣдлому и осѣдлому образу жизни, обрусѣвъ и смѣшавшись браками съ русскимъ и бурятскимъ населеніемъ. Таковы, напр. казаки Акшинскаго округа, обрусѣлые тунгусы Читинскаго округа и с. Армакскаго Селенгинскаго. Частью тунгусы этой категоріи просто не показали своего рода, хотя безъ сомнѣнія еще помнятъ свою принад-

лежность къ тому или другому изъ нихъ (пришлое тунгусское населеніе округовъ Нерчинскаго, Нерчинско-Заводскаго и т. д.).

Изъ тунгусовъ, показавшихъ свой родъ, наибольшія численныя группы образуютъ роды:

Баягирскіе — 2.280 д. (1.160 м.), [*Бультегерскій* (ороч.) — 184 д. (90 м.)], *Вакасильскій* — 477 д. (249 м.), *Гуновскій* — 448 д. (215 м.), *Гучитскій* — 205 д. (97 м.), *Долотскій* — 233 д. (106 м.), *Дуларскій* — 321 д. (167 м.), *Дулигарскій* — 3.056 д. (1.517 м.), *Дулегатскій* — 496 д. (249 м.), а съ *Домо-* и *Князе-Дулегатскими* — 774 д. (381 м.), [сюда же можетъ быть принадлежитъ и *Домуевскій* — 45 д. (24 м.)], *Заектаевъ* — 499 д. (242 м.), [*Катчитскій* (= *Гучитскій* ?) ороч. — 114 д. (54 м.)], *Киндыгирскіе* — 339 д. (184 м.), *Конурскій* — 551 д. (275 м.), *Кылтегерскій* — 869 д. (421 м.), [*Лакшикагирскій* (ороч.) — 141 д. (65 м.)], *Лимагирскій* — 106 д. (53 м.), *Луникерскій* — 490 д. (239 м.), *Мальцевскій* — 2.089 д. (1.001 м.), *Мунгальскій* — 746 д. (360 м.), *Намятскій* — 949 д. (475 м.), *Нироновъ* — 224 д. (96 м.), *Почегорскій* — 651 д. (316 м.), *Сартольскій* — 410 д. (195 м.), *Сартутскій* — 824 д. (400 м.), *Сухановскій* — 875 д. (417 м.), *Телембинскій* — 277 д. (136 м.), *Тукчинскій* — 344 д. (182 м.), [*Тулуягирскій*, (орочонскій) съ 19 д. (9 м.), названныхъ «тунгусами» — 481 д. (256 м.)], *Узонскій* — 2.270 д. (1.151 м.), *Улятскій* — 689 д. (343 м.), *Цингидиновъ* — 337 д. (159 м.), *Чилкагирскій* (Чит. окр.) — 507 д. (243 м.) и вѣроятно идентичные съ нимъ *Чильчагирскіе* р. (Баргуз. окр.) — 1.190 д. (615 м.) или вмѣстѣ 1.697 д. (858 м.), *Чимчагитскій* — 146 д. (70 м.), *Чипчинутскій* — 623 д. (321 м.), *Яравнинскій* — 352 д. (170 м.).

Огромное большинство этихъ родовъ приходится на долю Читинскаго округа, гдѣ проживаетъ главная масса тунгусовъ. Въ Селенгинскомъ окр. изъ этихъ родовъ встрѣчаются Заектаевъ и Цингидиновъ, которые являются мѣстными родами, а въ Баргузинскомъ преобладающее значеніе пріобрѣтаютъ роды Киндыгирскіе, Лимагирскій и Чильчагирскіе, отчасти и Мунгальскій, частицы которыхъ встрѣчаются и въ другихъ округахъ, какъ и въ Баргузинскомъ можно встрѣтить отдѣльныя семьи родовъ Читинскаго округа.

Всѣ остальные роды имѣютъ меньшее значеніе, хотя можетъ быть и довольно многочисленны въ округахъ, откуда у насъ не имѣется свѣдѣній о родахъ (ср. стр. 133, 141 сл.).

Въ числѣ этихъ лицъ, не показавшихъ своего рода, можно указать на потом. дворянъ *Гантимуровыхъ*, происходящихъ изъ Нелюдскаго рода, нынѣ повидимому забытаго—371 д. (194 м.), въ т. ч. въ Читинскомъ округѣ—319 д. (170 м.) и въ Акшинскомъ—52 д. (24 м.).

Съ вышеприведеннымъ спискомъ родовъ Забайкальскихъ тунгусовъ, по даннымъ переписи 1897 г., полезно сопоставить названія ихъ за прежніе періоды времени. Относительно казаковъ Акшинскаго округа мы привели оффиціальныя данныя за 1727 г. и за начало XVIII ст. (см. стр. 141 сл.). Теперь приведемъ соотвѣтствующія данныя по Читинскому округу за 1766 г. Подобное сопоставленіе поучительно въ томъ отношеніи, что выясняетъ происхожденіе названій нѣкоторыхъ родовъ, а также, какія изъ близкихъ по созвучію наименованій, которыхъ среди названій этихъ родовъ не мало, слѣдуетъ считать принадлежащими самостоятельнымъ родамъ и на какія слѣдуетъ смотрѣть какъ на видоизмѣненія одного и того же имени.

Въ виду того, что административное дѣленіе края въ прежнее время было совершенно иное, намъ напередъ слѣдуетъ выяснить, какіе изъ районовъ Забайкальской области оказываются удобосравнимыми. Судя по всѣмъ даннымъ, можно принять, что тунгусы Урульгинской степной думы Читинскаго округа и инородцы и казаки Акшинскаго округа соотвѣтствуютъ тунгусамъ прежняго Нерчинскаго воеводства и тѣмъ, которые были приписаны къ острогамъ Яравнинскому и Телембинскому, а также бродившимъ въ верховьяхъ р. Витима.

а) Въ *Нерчинскомъ* воеводствѣ, по даннымъ Георги за 1766 г. [1]), числились слѣдующіе роды тунгусовъ (въ скобкахъ нынѣшнія соотвѣтствующія имъ названія): Чилкаиръ (Чилькагирскій), Улэдъ (Улятскій), Намэдъ (Намятскій), Тукчинъ (Тукчинскій), Удзунъ (Удзонскій, Узонскій), Сартотъ (Сартольскій г.), Падшегоръ (Почегорскій), Сарадуръ (Сартотскій), Дулегатъ (Дулегатскій), Буликагитъ (Баликагирскій), Гуни-Монголъ (Гуновскій ?), Іолтогетъ (у Палласа Кöлтöйетъ =

[1]) „Bemerk. e. Reise im rass. Reiche“, I, 244.

Кылтятскій, Кылтегерскій ?), Боягитъ (Баягирскій), Шунинканъ, Кудзеликъ.

б) Къ *Телембинскому* острогу были приписаны роды: Почегоръ (Почегорскій), Луникеръ (Луникерскій), Баягиръ (Баягирскій), Мунгаръ (Мунгальскій), Сортоцъ (Сартольскій ?), Шуминъ, Казеинсъ, Кранисъ.

в) Къ *Яравнинскому* острогу принадлежали рр. Луникеръ (Луникерскій), Шуминскій II, Почагорскій (id.), Баликагирскій (id.) и Табуутъ.

Изъ этого перечня мы видимъ, что большинство прежнихъ названій родовъ соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ, но, что, съ другой стороны, весьма многихъ крупныхъ родовъ Урульгинской степной думы мы вовсе не находимъ въ этомъ спискѣ, и что отдѣльные изъ прежнихъ родовъ отсутствуютъ въ спискѣ тунгусскихъ родовъ края по даннымъ переписи 1897 г. Изъ первыхъ, т. е. изъ не поименованныхъ у Георги родовъ кочевыхъ тунгусовъ, назовемъ слѣдующіе весьма многочисленные (см. стр. 145): Вакасильскій, Гучитскій, Долотскій, Дуларскій, Конурскій, Мальцевскій, Нироновъ, Сухановскій, Телембинскій, Чипчинутскій, Чимчагитскій, Яравнинскій.

Изъ этихъ родовъ Дулигарскій можетъ быть тождественъ съ Дулегатскимъ. въ виду частаго смѣшенія у разныхъ авторовъ буквы *р* и *т* въ названіяхъ родовъ тунгусовъ (см. выше: у Георги Боягитъ и Баягиръ, Буликагитъ и Баликагиръ и т. д.). Конурскій и Долотскій вѣроятно пропущены у Георги, потому что они упоминаются еще въ спискѣ родовъ, перечислившихся въ казаки, относящемся къ 1727 г. (см. стр. 141). Названія родовъ Мальцевскаго, Ниронова и Сухановскаго, не встрѣчающіяся въ спискахъ 1727 и 1766 г.г., вѣроятно позднѣйшаго происхожденія. По всему вѣроятію они представляютъ изъ себя искусственныя группы тунгусовъ, приписанныя раньше къ извѣстнымъ острогамъ и замѣнившія впослѣдствіи свои родовыя наименованія новымъ названіемъ (см. стр. 93). Чимчагитскій родъ встрѣчается въ спискѣ 1727 г. и, слѣдовательно, пропущенъ у Георги; отсутствуютъ тамъ и рр. Вакасильскій, Гучитскій, Чипчинутскій и многіе другіе менѣе многочисленные. Но и среди остальныхъ родовъ Георги, которые мы выше сопоставили съ родами по переписи 1897 г., нѣкоторые внушаютъ извѣстныя сомнѣнія относительно ихъ тождественности между собою: напримѣръ Кöлтöйетъ или

Іолтогетъ вѣроятно соотвѣтствуетъ Кылтятскому, который въ свою очередь можетъ быть идентиченъ съ Кылтегерскимъ (частица—*гиръ, геръ* не принадлежитъ къ корню имени), Гуни-Монголъ—Гуновскому и т. д., но не навѣрное.

Если отсутствіе нѣкоторыхъ родовъ у Георги и можетъ быть приписано неполнотѣ его списка, то нельзя объяснить обратное явленіе пропускомъ ихъ въ переписи. Объяснить его можно, либо перемѣной ихъ наименованій съ XVIII ст., либо ихъ вымираніемъ. Эти роды суть Шунинканъ (Шумуканъ) [1]), Кудзеликъ (у Палласа: Куйдзелыкъ), Шуминъ, Казеинсъ, Краинсъ. Табуутъ. Послѣдній напоминаетъ Тобуйскій родъ Вилюйскаго округа Якутской губ. Первый изъ названныхъ родовъ вѣроятно вымеръ. Исчезновеніе же слѣдующихъ четырехъ родовъ, напротивъ, слѣдуетъ приписать образованію изъ нихъ искусственныхъ родовъ—Телембинскаго и Яравнинскаго, изъ группъ тунгусовъ, приписанныхъ къ одноименнымъ острогамъ.

II. Другую группу тунгусовъ Забайкальской области образовали Баргузинскіе, подвѣдомственные въ XVIII ст. Баргузинскому комиссару. Они соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ Баргузинскимъ тунгусамъ Сюда относятся тунгусы, приписанные къ слѣдующимъ острогамъ:

а) *Баргузинскому.* Роды: Линагиръ (Лимагирскій переписи), Баликагиръ (id.), Чичагиръ (Чильчагирскій), Киндигиръ-Намякинъ (Киндыгирскій), Шамагирскій (Шемагирскій). Эти роды и по-нынѣ проживаютъ въ Баргузинскомъ округѣ, хотя далеко не всѣ въ районѣ Баргузинской Тунгусской управы, которой соотвѣтствуютъ прежніе тунгусы Баргузинскаго острога. Напротивъ, въ числѣ мѣстныхъ родовъ не упоминается р. Мунгальскій, довольно многочисленный здѣсь въ настоящее время и можетъ быть перешедшій сюда изъ района Телембинскаго острога (см. стр. 143).

б) *Баунтовскому.* Роды I—II Чильчагирскіе (id.) и Чамагирскій (= Шемагирскій ?). Радде въ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія упоминаетъ въ «Баунтовской мѣстности» еще родъ Кильчаиръ, который вѣроятно представляетъ изъ себя видоизмѣненное имя перваго рода.

---

[1]) У него встрѣчаются оба наименованія этого рода; въ 1766 г. въ немъ числилось всего 5 ясачныхъ душъ. Въ то время наиболѣе многочисленнымъ родомъ былъ Улятскій, имѣвшій 436 взрослыхъ мужскихъ душъ, нынѣ же онъ занимаетъ лишь 11-е мѣсто (если не считать тунгусовъ, не распредѣленныхъ по родамъ, и Акшинскихъ казаковъ).

в) *Кучидайскому*—тунгусы, жившіе по Витиму и Баргузину. Роды: Киндигирскій (id.) и Віакеркскій. Послѣдній родъ (Бэкэріэтскій р.) былъ застигнутъ переписью среди Хоринскихъ бурятовъ В.-Удинскаго округа, проживавшихъ въ южной полосѣ Баргузинскаго округа.

г) Сверхъ того по верхнему теченію В. Ангары бродили и тогда тунгусы родовъ: Чичагирскаго (= Чильчагирскаго ?), Шамагирскаго (id.) и Киндигирскаго (id.).

Итакъ, въ Баргузинскомъ округѣ измѣненія въ составѣ тунгусовъ и въ названіяхъ ихъ родовъ со времени XVIII ст. оказываются сравнительно ничтожными.

Енисейская губернія.

Тунгусскіе роды Енисейскаго округа и Туруханскаго края не имѣютъ ничего общаго, ни между собою, ни съ тунгусскими родами другихъ, даже смежныхъ, районовъ Сибири. Происходитъ это отчасти отъ того, что многіе Туруханскіе роды получили свои прозвища отъ казаковъ, при первой встрѣчѣ съ ними, причемъ русскіе при этомъ руководствовались главнымъ образомъ названіями рѣкъ, около которыхъ они ихъ застигли (Боганидскій, Илимпейскій, Усть-Турыжскій и др.), а также нѣкоторыми другими соображеніями. Кромѣ этихъ прозвищъ, подъ которыми данные тунгусы извѣстны оффиціально и въ литературѣ, они, безъ сомнѣнія, имѣли свои собственныя или по крайней мѣрѣ болѣе древнія, которыя намъ однако не извѣстны и которыя можетъ быть у отдѣльныхъ родовъ и сохранились по настоящее время. Сопоставленіе же названій тунгусскихъ родовъ возможно было бы лишь при знакомствѣ нашемъ и съ природными названіями тунгусскихъ родовъ Енисейской губерніи. Лишь одинъ изъ Туруханскихъ родовъ (Чапогирскій) и всѣ роды Енисейскаго округа носятъ названія, имѣющія тунгусскій характеръ. Но и они не представляютъ родства съ родами другихъ областей, если не принять во вниманіе отдаленнаго сходства названій Куркугирскихъ родовъ Енисейскаго округа съ Кункугурскими Верхоянскаго округа, которые могутъ быть вѣтвями одного и того же рода, часть котораго осталась на родинѣ въ Якутской губерніи и часть выселилась на западъ.

Еще одну опорную точку для сравненія между тунгусами

крайняго запада и востока тунгусской области дають долгане племя, которое, какъ мѣстными властями, такъ и прежними изслѣдователями края, принималось за тунгусовъ и лишь съ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія отнесено Миддендорфомъ къ якутамъ, съ которыми эти инородцы весьма схожи по своему образу жизни, виду и на языкѣ которыхъ они изъясняются. Названіе этого загадочнаго племени «долгане», напоминающее тунгусовъ Долганскаго рода, и понынѣ бродящихъ по глухимъ мѣстамъ сѣвера Приморской области, и тотъ фактъ, что въ оффиціальныхъ источникахъ они съиздавна считаются тунгусами, даетъ намъ право предполагать, что подъ именемъ «долганъ» фигурируютъ настоящіе тунгусы Долганскаго рода, объякутившіеся, подобно Жиганцамъ, подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей якутовъ Затундринскаго рода.

Это предположеніе находитъ подтвержденіе въ историческихъ данныхъ, которыя намъ сообщаютъ, что въ серединѣ XVII ст. тунгусы Жиганскаго и Долганскаго родовъ дѣйствительно проживали въ Якутской области по р. Ленѣ, книзу отъ устья Вилюя: «Петръ Бекетовъ въ 1632 г. посланъ былъ съ партіей казаковъ подъ предводительствомъ Галкина внизъ по Ленѣ къ тунгусскимъ родамъ Долганскому и Жиганскому, которые и обложены тогда же ясакомъ» [1]). И у кн. Кострова упоминается, что Жиганцы пришли въ Туруханскій край, на р. Хету, съ востока. Одинъ такой переходъ ихъ орды имѣлъ мѣсто въ 1805 г. [2]).

Ниже мы приводимъ сопоставленіе численности отдѣльныхъ родовъ Туруханскаго края за 1859 и 1897 гг., но это сопоставленіе большаго значенія не имѣетъ, въ виду того, что разница въ численности отдѣльныхъ родовъ и даже ихъ половъ за названные два года иногда столь значительна, что заставляетъ полагать, что данныя обоихъ годовъ представляютъ не удобосравнимыя величины. Больше интереса представляетъ

---

[1]) Третьяковъ: „Туруханскій край“, стр. 139.
Миддендорфъ совершенно основательно предполагаетъ, что подобное переселеніе Жиганскихъ тунгусовъ и долганъ, которыхъ онъ однако считаетъ скорѣе якутами, на западъ, должно было имѣть мѣсто въ серединѣ XVII ст., когда Мангазейскіе и Якутскіе казаки стали хищнически обирать инородцевъ, требуя отъ нихъ ясакъ два и болѣе разъ въ годъ. Къ этому времени относится и движеніе якутовъ изъ долины средней Лены на сѣверъ, западъ и востокъ. („Reise im äusserst. N. u. O. Sibir“, IV, l. c.).

[2]) Кн. Костровъ: „Зап. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, IV, 1857, 106.

сравненіе тѣхъ же данныхъ касательно всего тунгусскаго населенія края (ср. стр. 43 сл.).

Переходимъ къ обзору географическаго распространенія и численности тунгусскихъ родовъ Енисейской губерніи.

Енисейскій округъ.

Какъ указано выше, свѣдѣній относительно мѣстностей, гдѣ кочуютъ тунгусы Енисейскаго округа, въ переписномъ матеріалѣ не имѣется. Мы ихъ принуждены заимствовать изъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ Енисейской губерніи за 1859 г.», хотя конечно съ тѣхъ поръ безъ сомнѣнія произошли нѣкоторыя перемѣны въ географическомъ распространеніи отдѣльныхъ группъ этихъ инородцевъ.

Куркугирскіе роды. Въ 1897 г. ихъ численность простиралась по переписи до 100 сем. и 666 д. (352 м.). Мѣста кочевій—берега праваго притока Верхней Тунгуски Иркинѣевой и ея л. притока Бѣдобы (см. I., 157). Изъ нихъ *I Куркугирскій* р. состоялъ въ 1897 г. изъ 67 хоз. и 491 д. (251 м.), *II Куркугирскій* изъ 15 хоз. и 93 д. (45 м.) и *III Куркугирскій* изъ 18 хозяйствъ и 82 д. (46 м.).

Каменско-Черноульскій р. бродитъ по пр. прит. Ангары Каменкѣ и состоитъ изъ 10 хоз. и 80 д. (46 м.).

Всѣ остальные мѣстные роды бродятъ по разнымъ правымъ притокамъ Ангары и вообще во всей мѣстности между Верхней и Средней Тунгусками, причемъ иногда заходятъ въ смежныя мѣстности Туруханскаго края и Киренскаго округа Иркутской губерніи. Съ культурнымъ міромъ они имѣютъ сношенія лишь рѣдко, когда они періодически выходятъ къ русскимъ селеніямъ (напр. Заледѣевскому Яркинскому, по Чадобцу), чтобы запастись нужнѣйшими припасами и предметами домашняго обихода. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ ихъ кочевьяхъ не имѣется и въ указанномъ выше оффиціальномъ источникѣ за 1859 г., который не даетъ намъ и численности тунгусовъ отдѣльныхъ родовъ даннаго округа по X ревизіи (см. I, 157 сл.).

II Лапагирскій р. въ 1897 г. 3(1) [1]) хоз. 12 д. (6 м.),

---

[1]) Въ скобкахъ хозяйства лицъ одинокихъ.

хотя по отношенію Енисейскаго губернатора, отъ 27 іюля 1900 г., онъ ко дню переписи окончательно вымеръ. По этому же отношенію отъ *I Лапагирскаго* рода живъ лишь 1 мужчина (Ник. Алек. Викторовъ 35 л.), а остальные всѣ вымерли отъ оспы (I., 158 сл.).

Нанудальскій	р.	въ	1897	г.	9	хоз.	и	34	д.	(20 м.).
Панкагирскій	»	»	»	»	10	»	»	69	»	(38 »).
Чемдальскій	»	»	»	»	56(2)	»	»	276	»	(137 »).
Ятоульскій	»	»	»	»	8	»	»	46	»	(30 »).

Распредѣленіе этихъ родовъ между двумя русскими волостями, расположенными по Ангарѣ (Кежемской и Пинчугской — см. I, стр. 160), до извѣстной степени выясняетъ, какимъ образомъ они распредѣлены въ упомянутомъ районѣ.

Панкагирскій родъ бродитъ преимущественно въ сѣверной части Енисейскаго округа и въ Туруханскомъ краѣ, такъ какъ онъ фигурируетъ у нѣкоторыхъ авторовъ, напр. у Третьякова рядомъ съ Чапогирскимъ р. въ цифровыхъ данныхъ VIII и X ревизій (см. стр. 159). Также и въ припискахъ къ образцамъ тунгусскихъ нарѣчій Енисейской губ. относительно этого рода сказано, что онъ бродитъ въ предѣлахъ Туруханскаго края, по временамъ выходя за припасами въ приходъ Чадобской церкви (на устьѣ р. Чадобца Пинчугской вол. Енисейскаго окр.).

Еще меньше у насъ свѣдѣній о родахъ *Питско-Варагонскомъ* и *Верхне-Чумскомъ*, которые въ 1859 г. бродили между нижнимъ теченіемъ Подкаменной Тунгуски и Енисеемъ, въ районѣ Сѣверо-Енисейскаго горнаго округа, главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Б. Питъ, также по рр. Удерею, Мамону, Вангашу, Калами и др. (Верхне-Чумскіе тунгусы выходили на сугланъ въ д. Дубинину и Усть-Питскую). Въ 1859 г., къ каковому относятся и только что сообщенныя географическія свѣдѣнія, числилось первыхъ 98 душъ и вторыхъ 4 д. об. п. Въ 1897 г. во всемъ этомъ районѣ было зарегистрировано 33 д. (17 м.) тунгусовъ. Даже если ихъ всѣхъ принять принадлежащими къ этимъ родамъ, то окажется огромная убыль за 38 л. въ 67,6%.

Изъ этихъ тунгусовъ Питско-Варагонскій родъ указанъ лишь у 6 д. (2 м.), у остальныхъ названія родовъ не показаны.

Изъ приложенія къ упомянутому выше отношенію Енисейскаго губернатора (см. I.,158), видно, что среди нихъ имѣются двѣ фамиліи: Делицины — 4 м. и 5 ж. и Кузнецовы — 4 м. и 2 ж., которые по ревизской сказкѣ $185^{8}/_{9}$ г. принадлежатъ къ представителямъ этого рода, но относительно другихъ приведенныхъ тамъ фамилій тунгусовъ даннаго района (Толстыхъ, Комягиныхъ, Филипповыхъ) подобное сопоставленіе не сдѣлано и поэтому точное число лицъ, завѣдомо принадлежащихъ къ Питско-Варагонскому роду, нынѣ не извѣстно. Верхне-Чумскій же родъ по всему вѣроятію нынѣ слѣдуетъ считать вымершимъ.

Столь же мало свѣдѣній въ переписномъ матеріалѣ и относительно *Милитскаго* рода, единственнаго тунгусскаго рода, который въ полномъ составѣ проживалъ по лѣвую сторону Енисея, въ бассейнѣ р. Сымъ (на сугланъ онъ выходилъ въ урочище по этой рѣкѣ, въ 7 вер. отъ д. Ярцевой). Въ 1859 г. онъ состоялъ изъ 127 д. об. п., а въ переписи 1897 г. онъ вовсе не упоминается, а всѣхъ тунгусовъ по лѣвой сторонѣ Енисея было зарегистрировано 31 д. (19 м.), которые однако были переписаны не по р. Сыму, а по М. Касу, Оленьей (прит. Кети) и т. д. (см. I., стр. 159). Если даже ихъ всѣхъ считать за представителей Милитскаго рода, что однако было бы не справедливо (см. I., 5 сл.), то послѣдній уменьшился въ числѣ за 38 л. на $75{,}6\%$. Изъ упомянутаго выше отношенія губернатора усматривается, что дѣйствительно принадлежащими къ этому роду можно считать два семейства Лихачевыхъ въ 9 д. (6 мужч.).

Кромѣ этихъ коренныхъ родовъ Енисейскаго округа въ немъ было зарегистрировано еще небольшое число другихъ пришлыхъ родовъ отчасти со столь неправильной транскрипціей, что сопоставить многіе изъ нихъ съ другими родами этихъ инородцевъ представляется невозможнымъ: Илимпейскій р.— 3 м. (см. ниже), Нюшкагирскій — 9 д. (5 м.) изъ Нижне-Илимской управы Киренскаго окр. (Ирк. губ.), Ламаркинскій р.—2 ж. (оттуда же), Каплинскій р.—1 м. (оттуда же—см. стр. 132). Сверхъ того у 135 д. (74 м.) тунгусовъ роды не показаны; изъ нихъ 71 д. (36 д.) проживаютъ въ русскихъ селеніяхъ и почти всѣ (61 д.) обрусѣли.

Туруханскій край.

По этому району Енисейской губ. перепись даетъ болѣе детальныя свѣдѣнія о географическомъ распространеніи отдѣль-

ныхъ родовъ. Въ нижеизложенномъ мы одновременно приводимъ и соотвѣтствующія данныя за конецъ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, чтобы прослѣдить происшедшія съ тѣхъ поръ измѣненія. Изъ этого сопоставленія усматривается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ области отдѣльныхъ родовъ за оба періода времени не совпадаютъ другъ съ другомъ. Отчасти это объясняется нѣкоторымъ передвиженіемъ тунгусовъ за истекшія до переписи 40 лѣтъ, отчасти вѣроятно меньшей точностью географическихъ данныхъ за 50-ые годы и, наконецъ, можетъ быть и временемъ года, такъ какъ тунгусы не всегда лѣто и зиму проживаютъ въ однихъ и тѣхъ же районахъ.

Боганидскій р. (у кн. Кострова—Долгано-Боганидскій) [1]) по «Спискамъ нас. мѣстъ 1859 г.» проживаетъ въ районѣ р. Боганиды (прит. р. Хеты), отъ которой и получилъ свое названіе. Третьяковъ выражается точнѣе и отводитъ ему районъ между рр. Боганидой и Хетой. Приблизительно въ этой же мѣстности его застигла и перепись 1897 г. Въ наибольшемъ числѣ онъ встрѣчался по притокамъ р. Хеты: Разсохѣ (35 д.) и Волочанкѣ (35 д.), по Хетѣ и ея другимъ притокамъ (37 д.), затѣмъ по р. Дудыптѣ (31 д.) и по ея притоку Костыхтахъ (14 д.), также ок. озеръ: Подхребетнаго (9 д.), Чоча (8 д.) и Чонко (14 д.), въ верховьяхъ р. Таймыра (12 д.) и т. д.

Всего представителей этого рода въ 1897 г. было зарегистрировано 39 хоз. и 208 д. (123 м.), а въ 1859 г. 108 д. (59 м.), что показываетъ увеличеніе въ 100 д. или почти въ два раза.

Жиганско-Тунгусскій [2]) р. по даннымъ за 1859 г. проживалъ по р. Дудинѣ и при озерахъ Норильскихъ, изъ которыхъ береть начало р. Пясина; въ послѣдней мѣстности ихъ застала и перепись 1897 г. По кн. Кострову они жили также ок. озера Ессейскаго (Джоссеи). На сугланъ они выходили въ сел. Дудинское. Ихъ численность напротивъ уменьшилась съ 1859 г., когда ихъ считалось 144 д. (74 м.), до 1897 г., когда ихъ оказалось всего 18 хоз. (въ т. ч. 1 один.) и 87 д. (46 м.), почти на 40%.

Этотъ родъ въ 1632 г. казаки встрѣтили по средней Ленѣ,

[1]) Онъ повидимому соединилъ въ одинъ два рода: Боганидскій и Долгано-Тунгусскій.

[2]) У кн. Кострова—Жаганскій р.

гдѣ среди нихъ было устроено Жиганское зимовье. Потомъ онъ, какъ и Долганскій родъ, жившій въ тѣхъ же мѣстахъ, переселились въ Туруханскій край. Въ одномъ оффиціальномъ источникѣ, относящемся къ самому концу XVIII в. [1]) видно, что этотъ родъ тогда проживалъ на самомъ западѣ Якутской губерніи по сю сторону р. Арга-Сола бассейна Оленека и переходъ его далѣе въ Енисейскую губернію долженъ былъ совершиться не ранѣе начала XIX ст., съ каковыхъ поръ онъ успѣлъ на половину объякутиться. Объ этапахъ Долганскаго рода мы свѣдѣній не имѣемъ, но его переходъ въ Туруханскій край долженъ былъ совершиться раньше, въ виду чего онъ къ настоящему времени не только окончательно объякутился, но и по физическому типу приблизился къ якутамъ (долгане).

Илимпейскій р., по кн. Кострову за 1857 г., обиталъ по берегамъ Н. Тунгуски [2]). По даннымъ «Списк. на с. м. 1859 г.» онъ бродилъ по берегамъ р. Сѣверной (пр. прит. Н. Тунгуски) и около оз. Ессейскаго. Латкинъ за 60-е годы прошл. стол. отводитъ имъ нѣсколько иной районъ—верховья р. Курейки (пр. прит. Енисея), лѣвые притоки р. Илимпеи (л. прит. Ангары) и окрестности озера Воеволи. Эта область болѣе или менѣе совпадаетъ съ данными переписи, которая однако не отмѣтила ихъ по Илимпеѣ, но близъ другихъ рѣкъ и озеръ той же мѣстности. Именно, по даннымъ переписи Илимпейскій р. обитаетъ въ верхнемъ теченіи Хатанги, главнымъ образомъ по ея лѣвому истоку Хотую (84 д.) и по р. Моэрѣ (пр. истокъ Моньеро ?)—30 д., по р. Хетѣ (19 д.), а также у озеръ: Хантайскаго—35 д., Хомеска (Комешка)—34 д. и Воеволи—15 душъ, того же района и т. д., затѣмъ въ бассейнѣ верхняго теченія Курейки, по самой Курейкѣ и ея притокамъ: Ехтамъ и Бельдюнчанѣ (75 д.), по правымъ притокамъ Нижней Тунгуски: Турѣ или Турыгѣ съ падающей въ нее Хочуччумой и съ ея притоками: Темпечи и Ембечима г. (79 д.), въ верховьяхъ р. Вилюя (24 д.), Оленека

[1]) „А Туруханская съ Жиганами и Олекминская съ западной стороны граница по Оленкѣ рѣкѣ, именуемой Арга-Сола и сія Арга-Сола именуется отъ Оленека раздѣлясь, таковая жъ на двое проходитъ къ западу, то на оную доходятъ и обитаніе имѣютъ туруханскіе тунгусы..., а жиганскіе далѣе не проходятъ черезъ ту границу туда доходятъ Олекминскіе и Оленскіе тунгусы и якуты и въ смежности имѣютъ промыслы и дружество". (Изъ „Дѣла о топограф. опис. Олекм. окр. 1794 г." у Майнова, l. c., 6).

[2]) „Очерки Туруханскаго края" („Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.", 1857, IV, 84 сл.).

(11 д.) и у озеръ Темпеке (11 д.), Сюринда (86 д.), Еканды (= Яконгна ?) — 52 д., Иваканъ (22 д.) и др., въ районѣ верховьевъ праваго истока Хатанги—Моньеро и въ смежныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, крайнимъ западнымъ предѣломъ этого рода слѣдуетъ считать 61° в. д. (верхнее теченіе Курейки), на востокѣ—приблизительно 77° в. д., уже въ предѣлахъ Вилюйскаго округа Якутской области, на сѣверѣ—68°30′ с. ш. и на югѣ—64° с. ш. Но конечно въ этомъ огромномъ районѣ обитаютъ и представители другихъ тунгусскихъ родовъ, а на сѣверо-западѣ отчасти и самоѣды. Общая численность тунгусовъ этого рода по переписи 1897 г. оказалась 113 хоз. и 677 д. (350 м.), а по даннымъ за 1859 г.—372 д. (212 м.), что показываетъ увеличеніе численности этого рода на 305 д. или почти въ два раза, можетъ быть вслѣдствіе причисленія къ нему частей другихъ родовъ.

Лѣтніе роды (II, III и IV) по переписи 1897 г. состояли изъ 65 хоз. и 381 д. (198 м.). *I Лѣтній* р., кочевавшій по кн. Кострову по Н. Тунгускѣ, къ этому времени окончательно вымеръ; еще въ 1859 г. онъ вслѣдствіе своей малой численности былъ присоединенъ къ Нижне-Чумскому роду. Въ 1859 г. въ названныхъ трехъ родахъ числилось 371 д. (206 м.), что показываетъ прибыль за 38 л. лишь въ 10 д. По кн. Кострову *II Лѣтній* родъ, какъ и *III-ій*, проживалъ главнымъ образомъ по пр. притоку Енисея Дудиной, причемъ на сугланъ онъ выходилъ въ сел. Карасинское и Плахинское. «Списки населенныхъ мѣстъ Енис. губ. за 1859 г.» т. е. почти за тотъ же періодъ времени передвигаютъ его область далѣе къ востоку, въ мѣстность, орошаемую Боганидой и Авамомъ. Третьяковъ присоединяетъ сюда еще текущую далѣе на востокѣ р. Хету. По даннымъ переписи этотъ родъ обитаетъ въ только что указанномъ районѣ, но болѣе по рр. Хетѣ и Пясинѣ съ ихъ притоками, чѣмъ по Боганидѣ, гдѣ было застигнуто всего 7 д. По Пясинѣ и ея пр. притоку Дудыптѣ съ впадающимъ въ нее Авамомъ и др. рѣкамъ ихъ оказалось 142 д., по р. Хетѣ и ея притокамъ Меймечи, Волочанкѣ и др. 57 д. и т. д.; отдѣльными семьями они обитаютъ близъ русскихъ поселковъ этого района. Общая численность этого рода по переписи 1897 г. равна 34 хоз. (въ т. ч. 1 од.) и 213 д. (114 м.), а въ 1859 г. ихъ было 192 д. (97 мужч.).

III Лѣтній р. обитаетъ главнымъ образомъ въ районѣ

озеръ Норильскихъ (по кн. Кострову по смежной съ ними р. Дудиной). По даннымъ переписи 1897 г. ихъ здѣсь оказалось—28 д., при оз. Китѣ—24 д., при р. Авамъ—12 д., Хетѣ—6 д., Дудыттѣ—3 д. и т. д. Всего ихъ было записано 16 хоз. и 88 д. (44 м.), почти то же число, что въ 1859 г.—88 д. (48 м.).

IV Лѣтній р. кочевалъ прежде между рр. Курейкой и Хантайкой и у озеръ Мантуйскаго, Сухарихи и Хантайскаго, а по кн. Кострову по Лѣтней Курейкѣ, прав. прит. Енисея. Въ 1897 г. главная часть его обитала на сѣверѣ этого района, около Хантайскаго озера (52 д.), остальные у оз. Карасинскаго, бл. Енисея (10 д.), у оз. Сухарихи (8 д.), и т. д. Всего этотъ родъ состоялъ во время переписи изъ 15 хоз. (въ т. ч. 1 од.) и 80 д. (40 м.), а въ 1859 г. изъ 101 д. (61 м.), такъ что мужское населеніе его убыло на 21 чел. или на 33%, а женское осталось не измѣнившимся, что наводитъ на мысль о неточности данныхъ 1859 г. относительно числа женщинъ.

Нижне-Чумскій р. съ присоединеніемъ къ нему I Лѣтняго рода, уже почти вымершаго ко времени послѣдней ревизіи, состоялъ въ 1859 г. изъ 69 д. (36 м.), бродившихъ по Н. Тунгускѣ и въ мѣстности между этой рѣкой и Подкаменной Тунгуской. Перепись 1897 г. нашла 5 хоз. и 23 д. (10 м.) представителей этого племени у озера Мундуйскаго (Мантуйскаго). Здѣсь убыль равна $^2/_3$ прежняго населенія.

Усть-Турыжскій р. въ числѣ 15 хоз. (1 од.) и 57 д. (36 м.) бродитъ по р. Хотую (л. истоку Хатанги), а также по нѣкоторымъ озерамъ того же района. 38 лѣтъ тому назадъ этихъ тунгусовъ было почти столько же: 59 д. (37 м.), причемъ ихъ стойбища находились вблизи оз. Турынги и Ессейскаго или, по другимъ источникамъ (Латкинъ, Третьяковъ), по притоку Н. Тунгуски Турѣ или Турыгѣ (откуда прозвище) и по хребту въ верховьяхъ р. Курейки. У кн. Кострова этотъ родъ не упоминается.

Чапогирскій р., по даннымъ переписи, живетъ въ настоящее время очень разбросанно, скитаясь небольшими группами среди другихъ тунгусскихъ родовъ и иныхъ инородцевъ, отъ верховьевъ р. Таза на западѣ до верховьевъ Оленека и во-

сточной границы Туруханскаго края на востокѣ и отъ Норильскихъ озеръ на сѣверѣ до Нижней Тунгуски на югѣ.

Въ наибольшемъ числѣ онъ былъ застигнутъ переписью: по р. Поколь-кы (л. прит. Енисея)—15 д., въ верховьяхъ Худосеи (л. прит. р. Таза)—47 д., по Н. Тунгускѣ и у оз. Мундуйскаго — 39 д., у Норильскихъ озеръ — 18 д., по р. Ирбѣ—30 д., въ верховьяхъ Оленека—13 д. и т. д.

«Списки насел. мѣстъ 1859 г.» даютъ ему болѣе тѣсный районъ, занимающій лишь восточную часть области, гдѣ онѣ встрѣчается въ настоящее время, именно оба берега Н. Тунгуски и оз. Воеволи (Вайволи), къ которому Третьяковъ присоединяетъ еще р. Сѣверную (пр. прит. Подкаменной Тунгуски) и Нижнюю Тунгуску. По этимъ послѣднимъ источникамъ численность его (съ присоединеніемъ къ нему части Панкагирскаго рода, вѣроятно по большей части мужчинъ) простиралась до 272 д. (175 м.). Это число, въ которомъ мужчины составляютъ $^{2}/_{3}$, наводитъ на сомнѣніе относительно точности регистраціи женщинъ. Между тѣмъ въ 1897 г. перепись могла насчитать всего 44 (и 1 од.) хоз. и 226 д. (118 м.) представителей этого рода. Хотя и теперь число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, но не въ той мѣрѣ, какъ прежде, такъ что въ результатѣ мужчины утратили 57 д., а женщины увеличились на 11 д. Въ итогѣ получается убыль этого рода за 38 л. на 46 д., что впрочемъ можно было ожидать уже a priori въ виду сильнаго несоотвѣтствія въ численности обоихъ половъ, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто.

Кромѣ этихъ родовъ въ спискахъ, показывающихъ численность отдѣльныхъ тунгусскихъ родовъ по VIII и X ревизіи, у многихъ авторовъ (Третьяковъ, Латкинъ, кн. Костровъ) фигурируетъ еще кочующій по Енисею и Н. Тунгускѣ *Подкаменно-Тунгусскій* родъ тунгусовъ, численность котораго по VIII ревизіи была 94 д. (61 м.) и по X-й—96 д. (52 м.). По переписи такого рода у тунгусовъ вовсе не значится. Родъ, носящій подобное названіе, встрѣчается въ переписи лишь у остяковъ (Енисейскихъ), но онъ имѣется и въ вышеприведенныхъ источникахъ, причемъ въ VIII рев. въ немъ числилось 137 д. (96 м.) и въ X рев.—81 д. (51 м.); въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Енисейской губ.» за 1859 г. о немъ однако не упоминается, какъ и у Миддендорфа.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ мы сопоставляемъ статисти-

ческія данныя о численности тунгусовъ коренныхъ Туруханскихъ родовъ по VIII ревизіи (1834 г.), X ревизіи (185$^{8}/_{9}$ г.) и по переписи 1897 г. (ревизіи даютъ приписное населеніе, перепись—наличное).

ТАБЛИЦА IV.

Названія тунгусскихъ родовъ Туруханскаго края:	VIII ревизія [1]) 1834 г.		X ревизія [1]) 1859 г.		Перепись 1897 г.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1. Подкаменно-Тунгусскій.	61	33 (—)	52	44	—	—
2. Жиганскій	73	26 (—)	74	70	46	41
3. Боганидскій	57	23 (50)	59	49	123	85
4. Чапогирскій (съ частью Панкагирскаго [2])	131	72 (112)	175	96	118	108
5. Усть-Турыжскій	36	22 (26)	37	22	36	21
6. II Лѣтній	86	32 (82)	97	85	114	99
7. III „	59	29 (53)	48	40	44	44
8. IV „	58	40 (64)	61	40	40	40
9. Нижне-Чумскій (съ I Лѣтнимъ)	41	27 (40)	36	33	10	13
10. Илимпейскій	208	101 (189)	212	160	350	327

Кромѣ этихъ коренныхъ Туруханскихъ тунгусскихъ родовъ въ данномъ краѣ среди долганъ было зарегистрировано еще нѣсколько инородцевъ изъ Вилюйскаго округа, говорящихъ по якутски, названія родовъ которыхъ заставляютъ ихъ отнести къ тунгусамъ, именно:

Бетынскій (Бетюнскій) Ессейскій тунгусскій р. въ

[1]) Данныя 8 и 10 ревизіи заимствованы у Третьякова („Туруханскій край“, 159). Цифры въ скобкахъ у данныхъ VIII ревизіи взяты отъ Миддендорфа (l. c.) и относятся къ 1838 г. (?). Число мужчинъ у него близко подходитъ къ даннымъ VIII ревизіи, почему нами и опущено, а число женщинъ оказывается болѣе близкимъ къ истинному (по даннымъ ревизіи оно значительно ниже дѣйствительнаго—см. стр. 39 настоящаго выпуска).

[2]) Въ переписномъ матеріалѣ о Панкагирскомъ родѣ въ Туруханскомъ краѣ не упоминается, а лишь въ Енисейскомъ округѣ.

числѣ 10 хоз. и 48 д. (23 м.), зарегистрированныхъ по Разсохѣ, по Боганидѣ, у ст. Мироновской (Кёль), у Дудыпты—22 д., по средней Хетѣ, у с. Хатангскаго и т. д.

Хатыгинскій р.: 2 хоз.—14 д. (6 м.) по р. Боганидѣ и въ верховьяхъ Таймыра. Сюда же вѣроятно слѣдуетъ отнести и Катышинскій (?) Ессейскій р. (вѣр. искаженіе Хатыгинскаго) 1 хоз. 3 д. (2 м.) у ст. Спиридоновской. Проживаетъ этотъ родъ главнымъ образомъ въ окрестностяхъ оз. Ессейскаго или Джоссеи.

Чордунскій (*Чердынскій*) Ессейскій р.: 2 хоз. 11 д. (6 м.) у оз. Спиридоновскаго. Часть тунгусовъ этого рода, проживающихъ и въ восточной части Туруханскаго края, была зарегистрирована въ Вилюйскомъ округѣ (стр. 126).

Вѣроятно эти уже на родинѣ окончательно объякутившіеся тунгусскіе роды отчасти примкнули къ Долгано-Ессейскому роду, главная часть котораго проживаетъ по нижней Хатангѣ, по Попигаю и около озера и ст. Спиридоновскихъ. Вѣроятно, этотъ родъ, какъ и два рода упомянутыхъ выше, происходитъ изъ окрестностей оз. Ессейскаго, откуда ихъ прозвище.

По даннымъ 1859 г. эти роды, какъ пришлые, не значатся въ числѣ тунгусовъ Туруханскаго края.

У 96 д. (38 м.) тунгусовъ даннаго края роды не показаны. Они проживаютъ по большей части въ русскихъ селеніяхъ сельскихъ обществъ: Нижне-Подгороднаго—23 д. (12 м.) и В. Имбатскаго — 16 д. (2 м.); остальные—среди долганъ и другихъ инородцевъ.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что общее число *долганъ*, которые безъ сомнѣнія тунгусскаго происхожденія (см. стр. 150): по переписи 1897 г. — 967 д. (472 м.), изъ коихъ 90 хоз.: 522 д. (255 м.) представителей *Долгано-Ессейскаго* и 77 хоз.: 425 д. (213 м.) *Долгано-Тунгусскаго* родовъ; остальные не распредѣлены по родамъ.

Въ X ревизію въ первомъ родѣ числилось 382 д. (195 м.) и во второмъ—191 д. (108 м.).

По Кастрену долгане дѣлятся на три небольшихъ племени: 1) Dolgàn въ районѣ Хатанги, 2) Adjàn (ср. Эжанскіе роды Якутской губ.) и 3) Dongòt. Оба послѣдніе живутъ у Норильскихъ озеръ, въ пятидневномъ пути отъ Дудинки [1]).

[1]) „Reiseberichte etc.“, 266 сл.

Первое и третье племя соотвѣтствуютъ вѣроятно двумъ Долганскимъ родамъ переписи и ревизій, а второе Жиганскому роду тунгусовъ, который выселился въ Туруханскій край одновременно съ долганами. Предположеніе это подтверждается и однимъ мѣстожительствомъ тѣхъ и другихъ. Замѣтимъ, что Жиганцы еще не вполнѣ объякутились и часть ихъ и по сейчасъ еще говоритъ на родномъ языкѣ.

* * *

Георги за вторую половину XVIII стол. упоминаетъ слѣдующія названія родовъ Енисейскихъ тунгусовъ: *Чапогиръ* (id.), *Иркуркугиръ* (Куркугирскіе), *Панкагиръ* (id.) и неизвѣстныхъ: *Чечигиръ*, *Шивокигиръ* и кромѣ того отдѣльныя семьи, не принадлежавшія къ этимъ родамъ [1]). Въ этомъ неполномъ перечнѣ родовъ заслуживаетъ вниманія, что всѣ ихъ названія носятъ чисто тунгусскій характеръ, что наводитъ на мыслъ, что многіе изъ географическихъ названій родовъ, подъ которыми они извѣстны въ настоящее время, изобрѣтены уже позже или же, что еще вѣроятнѣе, что нѣкоторые изъ его родовъ представляютъ изъ себя лишь орды или колѣна, на которыя они дѣлятся и наименованія которыхъ другимъ не были извѣстны. Такимъ образомъ, Миддендорфъ прямо говоритъ, что встрѣтилъ въ Туруханскомъ краѣ нѣсколькихъ тунгусовъ Чапогирскаго рода Ялегринской орды, Малгачагринскаго рода (? орды), Тильбянтебульской орды и Буягирскаго рода. Послѣдній родъ проживаетъ въ сосѣдней Якутской области и вѣроятно сюда попалъ случайно.

Общій обзоръ тунгусскихъ родовъ Сибири.

Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ мы приводимъ перечень главнѣйшихъ тунгусскихъ родовъ Сибири съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ они преобладаютъ. Дробленіе отдѣльныхъ родовъ на группы (I—II—III и т. д.) мы указываемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это имѣетъ значеніе: отмѣчать же эти подраздѣленія всюду въ виду того не представляетъ интереса и даже не желательно, что, съ одной стороны, это уже сдѣлано при описаніи родовъ каждой губерніи (области), и, съ другой стороны, въ виду того, что дробленіе нѣкоторыхъ родовъ, встрѣчающихся въ 2—3 и болѣе округахъ, имѣло мѣсто не всюду, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно произошло, оно не-

[1]) l. c. I, 244 сл.

всегда совершалось однимъ и тѣмъ же порядкомъ, такъ что напр. II—родъ одного округа не всегда соотвѣтствуетъ II—роду другого и т. д.

Анкагирскій (Аинкагирскій) родъ—123 д. (68 м.) въ Удскомъ округѣ и на Сахалинѣ.

Баликагирскій р. — 152 д. (68 м.) въ Читинскомъ и Баргузинскомъ окр.

Барагатскій (Брагатскій, Барангатскій) р.—566 д. (287 м.) въ Якутской области, главнымъ обр. въ Вилюйскомъ округѣ (471 д.), отчасти въ Олекминскомъ [1]). [Ср. Багарадскій якутскій родъ (одноим. насл.) Зап. Кангаласскаго ул. Якутскаго окр.—272 д.].

Баягирскіе (Буягирскіе) р.—2.420 д. (1.236 м.). Въ т. ч. 2.280 д. (1.160 м.) въ Читинскомъ округѣ: *I Баягирскій* р.—377 д. (199 м.), *II Баягирскій* р.—1.842 д. (926 м.) и безъ указанія подраздѣленія—61 д. (35 м.). Въ Якутскомъ округѣ (Буягирскій р.)—101 д. (54 м.), въ т. ч. I Б. р.—91 д. (49 м.) и II Б. р.—10 д. (5 м.) Изъ этой области часть его перекочевала въ Амурскую область, гдѣ была зарегистрирована въ числѣ 39 д. (22 м.) подъ названіемъ орочоновъ.

Белэтскіе (Беллетскіе) или *Бельдэтскіе* р. — 669 д. (367 м.); гл. обр. въ Якутскомъ округѣ; изъ нихъ *I Белэтскій* р.—293 д. (146 м.); *II Белэтскій* р.—330 д. (193 м.) и *III Белэтскій* р.—46 д. (28 м.).

Бетильскій р.—177 д. (97 м.) въ Колымскомъ округѣ (Як. обл.).

Бетинскій (Бетынскій, Бетюнскій) р.—481 д. (228 муж.) въ Вилюйскомъ и Верхоянскомъ округахъ Якутской области, откуда часть его (48 д.) перебралась въ Туруханскій край (Енис. губ.).

Боганидскій р.—208 д. (123 м.) въ Туруханскомъ краѣ (Енис. губ.).

Бультегерскій (орочонскій) р. въ Читинск. окр.—184 д. (90 м.).

---

[1]) Въ бассейнѣ р. Баргузина, по рр. Бодону, Уро и т. д., по Риттеру (l. c., 73), имѣются слѣды древнихъ пашенъ, которыя тунгусы приписываютъ жившему здѣсь до нихъ народу *баргутовъ*. Не отъ этого-ли народа происходитъ названный тунгусскій родъ? Это тѣмъ болѣе возможно, что въ прежнее время Брагатскій родъ тунгусовъ былъ многочисленъ въ смежномъ съ Баргузинскимъ округомъ Олекминскомъ округѣ Якутской обл. (см. стр. 129).

Бытальскій (*Бутальскій*) р. —1.316 д. (699 м.) имѣетъ обширное распространеніе. Главная его масса проживаетъ въ предѣлахъ Якутскаго округа—659 д. (325 м.), затѣмъ въ Удской окр.—440 д. (244 м.) и въ Амурской области 175 д. (103 м.), куда они спустились изъ Якутскаго округа. Меньше ихъ въ Хабаровскомъ округѣ и мало на Сахалинѣ.

Вакасильскій родъ—477 д. (249 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Годниканскій р.—498 д. (259 м.), изъ коихъ 460 д. (241 м.) въ Охотской округѣ и 38 д. (18 м.) въ Якутскомъ, откуда вѣроятно они выселились въ Охотскую округу.

Горбиканскій р.—254 д. (140 м.) въ Охотской (въ т. ч. 4 д. (3 м.) въ Якутскомъ окр.).

Гуновскій р.—448 д (215 м.), изъ коихъ въ Читинскомъ округѣ 354 д. (177 м.) и въ Акшинскомъ 94 д. (38 муж.).

Гучитскій р.—205 д. (97 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дельянскіе (*Деллянскіе*) р. — 754 д. (366 м.) въ сѣверной части Приморской области, именно 358 д. (179 м.) въ Анадырской и 390 д. (184 м.) въ Охотской округѣ. Сюда же вѣроятно слѣдуетъ отнести и *Каменно-Дельянскіе* роды Колымскаго округа численностью въ 360 д. (169 м.), изъ коихъ I К.-Д. р.—205 д. (100 м.) и II К.-Д. р.—155 д. (69 м.). Съ ними число тунгусовъ Дельянскихъ родовъ будетъ 1.114 д. (535 муж.).

Доканскіе роды—244 души (121 м.) въ Гижигинской округѣ.

Долганскіе р —2.446 д. (1.200 м.) въ сѣверной части Приморской области, въ т. ч. 1.220 д. (585 м.) въ Охотской, 808 д. (405 м.) въ Гижигинской, 229 д. (119 м.) въ Петропавловской и 189 душъ (91 муж.) въ Анадырской округахъ.

Здѣсь мѣсто напомнить, что долгане Туруханскаго края вѣроятно происходятъ отъ тунгусовъ Долганскаго рода. Общая ихъ численность опредѣлилась по даннымъ переписи въ 1897 г. въ 967 д. (472 м.), изъ коихъ 522 д. (255 м.) приходятся на долю *Долгано-Ессейскаго* и 425 д. (213 м.) на долю *Долгано-Тунгусскаго* родовъ (см. стр. 160).

Долотскій (*Дулатскій*) р.—233 д. (106 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дуларскій родъ—321 душа (167 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дулигарскій р.—3.056 д. (1.517 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дулегатскій (Дулигатскій) р.—496 д. (249 м.) въ Читинскомъ округѣ. Тамъ же встрѣчаются роды *Домо-Дулегатскій* — 198 д. (93 м.) и *Княже-Дулегатскій* — 80 д. (39 м.) или всего Дулегатскихъ родовъ 774 д. (381 м.)

Жахутскій (Жакутскій)—613 д. (303 м.) въ Вилюйскомъ округѣ и въ прилегающихъ частяхъ Туруханскаго края.

Жельянскій родъ—108 д. (58 м.) въ Верхоянскомъ округѣ.

Жерскій р.—153 д. (80 м.) въ Удской округѣ и на Сахалинѣ. Онъ якутскаго происхожденія, но на $^2/_3$ отунгусился (на родномъ языкѣ говоритъ лишь 59 душъ—24 муж.,—(см. стр. 107).

Жуюганскій родъ—579 д. (304 м.) въ Олекминскомъ округѣ.

Заяктаевъ (Заектаевъ) р.—499 д. (242 м.) въ Селенгинскомъ округѣ.

Илимпейскій р.—677 д. (350 м.) въ Туруханскомъ краѣ.

Каменные роды—265 душъ (139 муж.) въ Колымскомъ округѣ.

Каменно-Дельянскіе р. — см. *Дельянскіе.*

Катчитскій (орочонскій) родъ—114 душъ (54 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Келлярскій родъ—353 души (192 муж.) въ Охотской округѣ.

Келтятскій родъ — 187 душъ (98 муж.) въ Вилюйскомъ округѣ (ср. *Кылтегерскій* р.).

Киндыгирскіе р.—376 д. (204 м.), изъ коихъ 320 д. (176 м.) въ Баргузинскомъ округѣ, остальные почти всѣ орочоны Амурской области и Нерчинскаго округа.

Конурскій родъ—560 душъ (276 муж.) въ Читинскомъ округѣ (9 д. въ Олекм. окр.).

Кункугурскіе роды—491 д. (258 м.) въ Верхоянскомъ округѣ.

Куркугирскіе роды—666 д. (352 м.) въ Енисейскомъ

округѣ, въ т. ч. 491 д. (251 м.)—*I Куркугирскій*, 93 д. (45 м.)—*II Куркугирскій* и 82 д. (46 м.)—*III Куркугирскій*.

Кылтегерскій (*Келтегерскій*) р.—869 д. (421 м.) въ Читинскомъ округѣ. Съ этимъ родомъ вѣроятно родственъ р. *Келтятскій (Кылтятскій)*.

Кюпскій р.—281 д. (133 м.) въ Якутскомъ и Верхоянскомъ округахъ Якутской области. (Ср. Кюпяйскій якутскій р. III Жехсогонск. насл. Батурусскаго ул. Якутскаго округа – 442 души).

Кюрбюгдинскій р.—167 д. (77 м.) въ Якутскомъ округѣ (въ т. ч. Удской округи—22 д.).

Лакшикагирскій (орочонскій) р.—141 д. (65 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Лалыгирскій р.—374 д. (197 м.) главнымъ образомъ въ Удской округѣ, своемъ коренномъ мѣстонахожденіи — 301 д. (162 м.). Отсюда онъ разошелся по смежнымъ мѣстностямъ, по: Хабаровскому окр.—54 д. (27 м.), Амурской обл.—6 д. и Сахалину—13 д.

Ламунхинскій р.—179 д. (95 м.) въ Верхоянскомъ (118 д.) и Якутскомъ (61 д.) округахъ.

Лимагирскій р.—106 д. (53 м.) въ Баргузинскомъ округѣ.

Луникерскій р.—490 душъ (239 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Лѣтніе роды - 381 д. (198 м.) въ Туруханскомъ краѣ; изъ нихъ *II Лѣтній* р. — 213 д. (114 м.), *III-й* — 88 д. (44 м.) и *IV-й*—80 д. (40 м.); *I-й* р. вымеръ.

Мальцевскій р.—2.089 д. (1.001 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Мунгальскій р.—746 д. (360 м.): въ Читинскомъ округѣ—504 д. (240 м.) и въ Баргузинскомъ—242 д. (120 м).

Мякагирскій родъ—155 душъ (80 муж.) въ Удской округѣ.

Мямяльскій (Мемяльскій) р.—510 д. (275 м.): въ Якутскомъ округѣ—314 д. (171 м.) и Верхоянскомъ 140 д. (73 м.) и сверхъ того 54 д. (30 м.) въ Охотской, куда онъ перебрался по всему вѣроятію изъ Якутскаго округа.

Намятскій родъ—949 душъ (475 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Нироновскій родъ—224 души (96 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Нюрмаганскій (Нюрбуганскій) р.—237 д. (134 м.) въ Якутскомъ (и Верхоянскомъ) округѣ.

Почегорскій родъ—651 д. (316 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Сологонскій (Шологонскій) р. — 871 д. (469 м.). Подъ вторымъ наименваніемъ этотъ родъ болѣе извѣстенъ: — 784 д. (418 м.), изъ коихъ 444 д. (223 м.) проживали въ Вилюйскомъ и 340 д. (195 м.) въ Якутскомъ, въ которомъ онъ подраздѣляется на *I Шологонскій* р.—128 д. (69 м.) и *II-й*—212 д. (126 м.). Остальные 87 д. (51 м.) этого рода отмѣчены въ переписномъ матеріалѣ Сологонскимъ родомъ; встрѣчаются они въ разныхъ округахъ Якутской области—57 д. (35 м.), въ Киренскомъ округѣ Иркутской губ.—10 д. (5 м.) и въ Амурской области подъ названіемъ орочоновъ—20 д. (11 м.).

Сартольскій р.—410 д. (195 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Сартутскій р.—824 д. (400 м.) тамъ же.

Сухановскій родъ—875 душъ (417) муж. въ Читинскомъ округѣ.

Телембинскій р.—277 д. (136 м.) тамъ же.

Тобуйскій родъ—137 душъ (70 муж.) въ Вилюйскомъ округѣ.

Тукчинскій родъ—344 души (182 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Тулуягирскій родъ—481 д. (256 м.) въ Читинскомъ округѣ. За исключеніемъ 19 д. (9 м.) всѣ представители этого рода названы въ переписномъ матеріалѣ «орочонами».

Тюгясирскій р.—477 д. (261 м.) въ Верхоянскомъ и Якутскомъ округахъ: 399 д. (216 м.) и 78 д. (45 м.).

Узонскій р.—2.270 д. (1.151 м.) въ Читинскомъ округѣ (въ т. ч. въ Акшинскомъ окр. 55 д.—28 м.).

Угулятскій р.—534 души (237 муж.) въ Вилюйскомъ округѣ.

Улятскій родъ—689 душъ (343 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Уяганскіе роды—1.993 д. (1.004 м.), главнымъ образомъ въ сѣверной части Приморской обл.—1.743 д. (871 м.), именно, въ Охотской округѣ—787 д. (399 м.), Гижигинской—

735 д. (360 м.) и Петропавловской — 221 д. (112 м.). Остальные — 250 д. (133 м.) проживали въ Колымскомъ округѣ, откуда вѣроятно и происходятъ Уяганскіе тунгусы Приморской области.

Хатыгинскій (Хатылинскій) р.—812 д. (390 м.) въ Вилюйскомъ округѣ и въ окрестностяхъ оз. Джоссеи въ Туруханскомъ краѣ.

Цингидиновъ р. — 337 д. (159 м.) въ Селенгинскомъ округѣ.

Чапогирскій р.—226 д. (118 м.) въ Туруханскомъ краѣ.

Чемдальскій родъ—276 д. (137 муж.) въ Енисейскомъ округѣ.

(Чилкагирскій) Челкагирскій р.—507 д. (243 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Чильчагирскій р.—190 д. (615 м.) въ Баргузинскомъ округѣ, изъ коихъ *I Чильчагирскій*—532 д. (287 м.) и *II-й*—204 д. (107 м.) и неуказанной категоріи 454 д. (221 м.).

Имена рр. Чилкагирскаго и Чильчагирскаго вѣроятно являются видоизмѣненіями одного и того же названія, происходящаго можетъ быть отъ тунгусскаго имени р. Шилки—Шилкиръ [1]).

Чимчагитскій родъ—146 д. (70 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Чипчинутскій родъ—623 д. (321 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Чордунскій, (Чордутскій, Чордуйскій) р.—467 душъ (227 м.): въ Вилюйскомъ округѣ—426 д. (208 м.), Верхоянскомъ—30 д. (13 м.) и въ Туруханскомъ краѣ, глав. обр. ок. озера Джоссеи. (Ср. якутскій Чордунскій р. Бетюнск. наслега Батурусск. ул. Якутскаго окр.—233 д.).

Шологонскіе роды см. *Сологонскій* р.

Эжанскіе роды—2.229 д. (1.198 м.), главнымъ образомъ въ Якутской губерніи—1.596 д. (842 м.), именно въ Якутскомъ округѣ—1.526 д. (809 м.), въ Верхоянскомъ округѣ всего 70 д. (33 м.). Второе мѣсто занимаетъ Удская круга—618 д. (346 м.). Въ Амурской обл. было зарегистрировано лишь 15 д. (10 м.) представителей этого рода, зашедшихъ сюда изъ смежныхъ округовъ. Въ Якутскомъ округѣ этотъ

---

[1]) Это имя означаетъ вѣроятно на тунгусскихъ нарѣчіяхъ: „рѣка“ вообще, потому что такъ негидальцы называютъ Амуръ (также „Мамгу“). Ср. также названія притоковъ Оленека: Силигирь (см. стр. 8).

родъ распадается на три части: *I-й Эжанскій* — 558 д. (288 м.), *II-й*—456 д. (232 м.) и *III-й*—512 д. (289 м.).

Яравнинскій р.—350 д. (170 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Изъ остальныхъ тунгусовъ болѣе многочисленную группу представляютъ потомств. дворяне *Гантимуровы* (см. стр. 146), которыхъ по даннымъ 1897 г. оказалось 371 д. (194 м.). Проживаютъ они почти всѣ въ Читинскомъ округѣ.

Меньшее значеніе имѣютъ слѣдующіе роды тунгусовъ, численность которыхъ въ отдѣльныхъ округахъ не превышаетъ 30—80 человѣкъ.

Агдаримскій (Агдарыльскій) орочонскій р.—66 д. (35 м.) въ Амурской области.

Балаганчиковы — 36 д. (20 м.) въ Анадырской округѣ (см. стр. 100).

Билирганскій р.—28 д. (16 м.) (можетъ быть искаженіе Баликагирскаго) въ южн. части Баргузинскаго округа.

Бобекинъ р. — 41 д. (24 м.) въ Хабаровскомъ округѣ (см. стр. 109).

Бэкэріетскій р.—32 д. (17 м.) въ южн. части Баргузинск. окр.

Далмятскій (Далмайскій) р.—37 д. (22 м.) въ Амурской области.

Далыгирскій (?) р.—32 д. (19 м.) въ Амурской области.

Домуевскій р.—45 д. (24 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дондаконское кол. (Ламунхин. р.)—56 д. (30 м.) въ Якутскомъ округѣ.

Иглагирскій (орочонск.) р.—37 д. (19 м.) въ Амурской области.

Каменно-Черноульскій р. — 80 д. (46 м.) въ Енисейскомъ округѣ.

Комбойскій (?) р.—34 д. (21 м.) въ Вилюйскомъ округѣ (см. стр. 126).

Малобѣльскій р.—41 д. (23 м.) въ Балаганскомъ округѣ (см. стр. 131).

Нанудальскій р.—34 д. (20 м.) въ Енисейскомъ округѣ.

Нижне-Чумскій р.—23 д. (10 м.) въ Туруханскомъ краѣ.

Никагирскій р. — 85 д. (47 м.)—въ Амурской области (орочоны) и въ Якутскомъ округѣ (22 д.).

Одянскій р. — 47 д. (24 м.) въ Хабаровскомъ округѣ.

Осогостахскій р. — 28 д. (15 м.) въ Верхоянскомъ и Вилюйскомъ округахъ (см. стр. 117).

Панкагирскій р.—69 д. (38 м.) въ Енисейскомъ округѣ.

Сокалтуевскій («тунгусскій» родъ переписи) — 75 д. (34 м.) въ Читинскомъ округѣ, вѣроятно бурятскій родъ (см. стр. 136), почему въ общее число тунгусовъ не включенъ

Усть-Турыжскій р.—57 душъ (36 мужч.) въ Туруханскомъ краѣ.

Хоринское кол. Ламунхинскаго рода — 35 д. (15 м.) въ Якутскомъ округѣ.

Хоронуцкій р. — 47 д. (26 м.) въ Читинскомъ округѣ, вѣроятно бурятскаго происхожденія (ср. Харанутскій р. бурятовъ въ Селенгинскомъ округѣ).

Шемагирскій (*Шамагирскій*) р.—65 д. (35 м.) въ Баргузинскомъ округѣ. Этотъ родъ по Шренку слѣдуетъ считать родоначальникомъ племени самагировъ въ Приморской области.

Ятоульскій р. — 46 д. (30 м.) въ Енисейскомъ округѣ.

Остальные роды представляютъ изъ себя, частью обрывки уже вымершихъ родовъ, частью искаженныя до неузнаваемости названія вышеупомянутыхъ родовъ, частью отдѣльныя семьи отунгусившихся инородцевъ другихъ племенъ.

Наконецъ, у 12.520 д. (6.341 м.) тунгусовъ (орочоновъ, ламутовъ) роды не показаны. Они составляютъ 20% наличнаго числа тунгусовъ. Больше всего ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ Забайкальской области—8.891 д. (4.479 м.) или 26,4% всѣхъ ея тунгусовъ, именно 3.130 д. (1.570 м.) въ Читинскомъ округѣ, 4.542 д. (2.225 м.) въ Акшинскомъ, 605 д. (365 м.) въ Нерчинскомъ, 400 д. (215 м.) въ Нерчинско-Заводскомъ, 111 д. (50 м.) въ Баргузинскомъ и т. д. Въ Приморской области ихъ 460 д. (244 м.), въ т. ч. 187 д. (98 м.) въ Охотской округѣ, 176 д. (98 м.) въ Удской и т. д. Въ Якутской области не показавшихъ рода 417 д. (199 м.); изъ нихъ 146 д. (75 м.) въ Олекминскомъ, 125 д. (66 м.) въ Якутскомъ округѣ и т. д. Въ Иркутской губерніи ихъ 1.971 д. (994 м.), въ т. ч. 1.358 д. (688 м.) въ Киренскомъ, 601 д. (300 м.) въ В.-Ленскомъ, 134 д. (59 м.) въ Иркутскомъ округѣ и т. д., что составляетъ почти все ихъ тунгусское населеніе. Въ Амурской области ихъ 500 д. (279 м.), въ Енисейской губерніи — 231 д. (112 м.) и на островѣ Сахалинѣ — 50 д. (34 м.).

ГЛАВА VI.

Языкъ.

Въ соотвѣтствіи съ чрезвычайной развѣтвленностью тунгусскаго племени и большой разбросанностью его кочевій и вообще мѣстожительствъ тунгусскія нарѣчія представляютъ весьма большое разнообразіе въ своемъ составѣ, въ значительной степени объясняемое заимствованіями у своихъ многочисленныхъ и разноплеменныхъ сосѣдей отдѣльныхъ словъ и выраженій и измѣненіемъ своего запаса словъ подъ вліяніемъ чужихъ языковъ. Нѣкоторыя различія отдѣльныя нарѣчія представляютъ повидимому и въ фонетическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ и даже въ мѣстѣ ударенія [1]).

Но за этими изъятіями тунгусскій языкъ, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ совокупность всѣхъ нарѣчій тунгусовъ собственно, остался всюду однимъ и тѣмъ же: на берегахъ Енисея, и въ бассейнѣ р. Амура, и на островѣ Сахалинѣ, какъ по коренному запасу словъ, такъ и по своему грамматическому строю и даже по общимъ законамъ фонетики, причемъ большее или меньшее сходство отдѣльныхъ нарѣчій до извѣстной степени находится въ отношеніи прямо пропорціональномъ къ разстояніямъ между центрами обитанія разныхъ группъ этого племени, иначе говоря, какъ правило, нарѣчія тунгусовъ двухъ смежныхъ мѣстностей представляютъ наибольшее сходство между собою, въ то время какъ группы ихъ, живущія на разстояніи въ нѣсколько тысячъ верстъ другъ отъ друга показываютъ въ этомъ отношеніи наибольшія уклоненія. Это наглядно демонстрируется образцами тунгусскихъ нарѣчій, приведенными въ концѣ этого выпуска. Въ общемъ же

[1]) Языкъ сѣверныхъ тунгусовъ имѣетъ по Мааку удареніе на предпослѣднемъ, а у южныхъ, на Шилкѣ, онъ находится на послѣднемъ слогѣ (Майновъ, I. c., 81).

тунгусы разныхъ мѣстностей болѣе или менѣе хорошо понимаютъ другъ друга; даже въ случаѣ наибольшаго несогласія нарѣчій имъ достаточно бываетъ побыть въ сообществѣ своихъ сородичей нѣсколько дней, чтобы привыкнуть къ ихъ выговору и вообще чтобы освоиться съ особенностями ихъ рѣчи и начать понимать другъ друга.

Указанная выше чрезвычайная разбросанность тунгусскихъ кочевій и вообще мѣстожительствъ, заставляющая ихъ жить по большей части небольшими группами среди чуждаго имъ и часто болѣе культурнаго и жизнеспособнаго народа, повліяла не только на сильное возрастаніе числа тунгусскихъ нарѣчій и говоровъ, но и повлекла за собою сильную ассимиляцію ихъ съ окружающими ихъ народами. Они стали принимать ихъ образъ жизни, дѣлаясь среди якутовъ и бурятовъ скотоводами и среди русскихъ — земледѣльцами. Усваивая болѣе высокую культуру и вступая со своими сосѣдями въ брачныя сожительства, тунгусы повсемѣстно быстро утрачиваютъ свои національныя особенности и свой родной языкъ и принимаютъ языкъ своихъ сосѣдей. Это замѣчается въ большей или меньшей степени и у другихъ туземныхъ племенъ Сибири, но въ особенности касается тунгусовъ, которые значительно легче чѣмъ другіе инородцы, напр. татары, якуты, буряты, чукчи и др. разстаются со всѣми достояніями своей прежней культуры и пріобщаются къ національностямъ своихъ сосѣдей, не всегда даже болѣе культурныхъ.

Если инородцы, подвергающіеся ассимиляціи, болѣе или менѣе многочисленны, то процессъ замѣны родного языка чужимъ совершается постепенно. Языкъ народности, находящейся въ подобномъ положеніи, начинаетъ медленно измѣняться подъ вліяніемъ языковъ своихъ сосѣдей: въ немъ можно наблюдать постоянно возрастающую замѣну коренныхъ словъ заимствованными изъ этихъ послѣднихъ. Но при прогрессирующей ассимиляціи родной языкъ начинаетъ вовсе забываться, причемъ весьма часто этой послѣдней стадіи сліянія двухъ племенъ предшествуетъ другая—переходная, когда слабѣйшая народность или ея часть усвоила вполнѣ языкъ своихъ сосѣдей, но еще не успѣла забыть родного языка, которымъ и пользуется при сношеніяхъ со своими сородичами. Въ такомъ положеніи находится между прочимъ часть обрусѣлыхъ тунгусовъ Маньковской инородной управы Урульгинской степной

думы Читинскаго округа (Забайк. обл.), которые говорятъ почти одинаково хорошо и по тунгусски и по русски (другая значительно большая часть этихъ тунгусовъ уже окончательно позабыла родной языкъ). Также и большая часть тунгусовъ Иркутской губерніи говоритъ на этихъ же двухъ языкахъ. Мѣстами еще не совсѣмъ обурятившіеся тунгусы говорятъ на своемъ языкѣ и на бурятскомъ, а въ Якутской области почти всѣ тунгусы и другія ея туземныя народности пользуются якутскимъ языкомъ, какъ разговорнымъ, при своихъ сношеніяхъ не только съ якутами, но и съ другими племенами (см. ниже).

Такъ какъ огромное большинство нерусскихъ сосѣдей тунгусовъ бродячіе и кочевые инородцы и въ виду того, что и по своей религіи тунгусы не отличаются отъ якутовъ, русскихъ и отчасти бурятовъ и другихъ, то о принадлежности извѣстной группы лицъ къ тунгусскому племени иногда оказывается возможнымъ заключать почти лишь по названіямъ ихъ родовъ [1]), которые они помнятъ еще долгое время послѣ того, какъ они окончательно ассимилировались со своими сосѣдями.

Благодаря этому признаку и нѣкоторымъ отмѣткамъ въ переписныхъ мѣстахъ (см. стр. 75), составителю данной работы удалось получить весьма цѣнныя, можно сказать единственныя въ своемъ родѣ, статистическія данныя о языкахъ, на которыхъ говорятъ отдѣльныя племена Сибири, въ данномъ случаѣ—тунгусы.

Эти данныя представляютъ большой интересъ не только съ той точки зрѣнія, что показываютъ, въ какомъ направленіи въ разныхъ частяхъ Сибири происходятъ смѣшенія между разными племенами и насколько успѣшно въ этой окраинѣ совершается ассимиляція съ господствующимъ русскимъ населеніемъ, но и даютъ возможность опредѣлить болѣе или менѣе точно дѣйствительную численность тунгусскаго племени, безъ чего абсолютно невозможно имѣть правильнаго сужденія о характерѣ естественнаго прироста этого народа за извѣстный періодъ времени.

Разсмотримъ теперь этотъ вопросъ по отдѣльнымъ областямъ и губерніямъ Сибири, а въ концѣ приведемъ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи этихъ данныхъ.

---

[1]) За извѣстными исключеніями (ср. стр. 131).

Приморская область.

Анадырская округа. Ламуты говорятъ на *родномъ* языкѣ кромѣ 44 д. (25 м.) обрусѣлыхъ представителей ихъ, проживающихъ осѣдло среди другихъ обрусѣлыхъ инородцевъ въ селеніяхъ по Анадырю, тоже говорящихъ лишь по *русски*.

Гижигинская округа. Всѣ тунгусы говорятъ на *родномъ* языкѣ. Кромѣ того 73 д. (41 м.) бродячихъ коряковъ I Гижигинскаго рода изъясняются на этомъ языкѣ. Они кочуютъ по р. Вархаламy среди тунгусовъ.

Петропавловская округа. Изъ мѣстныхъ тунгусовъ и ламутовъ лишь 20 д. (10 м.) не говорятъ на родномъ языкѣ, усвоивъ нарѣчіе своихъ сосѣдей *коряковъ*.

Охотская округа. Въ этой округѣ на чужихъ языкахъ говорятъ: 5 д. (2 м.) на якутскомъ и 62 д. (29 м.) на русскомъ. Послѣдніе—осѣдлые тунгусы—проживаютъ въ д. Ольской, гдѣ и составляютъ большинство ея населенія (71%).

Удская округа. Изъ мѣстныхъ тунгусовъ 80 д. (41 м.), проживающихъ въ самой сѣверной части округа, говорятъ по *якутски*, именно 31 д. (17 м.) въ ур. Нирянъ, 22 д. (9 м.) въ Удскомъ острогѣ, 8 д. (5 м.) на мысу Чумуканъ, 4 д. (1 м.) въ ур. Ала и 15 д. (9 м.) въ другихъ мѣстахъ. Происходятъ они изъ смежнаго Якутскаго округа. Всѣ остальные показали родной языкъ.

Хабаровскій округъ. По переписи на чужомъ языкѣ говорятъ лишь 18 д. (8 м.) представителей рода Лалыгирскаго, обитающіе въ сел. Анчунь по Горину. Въ виду того, что у мѣстныхъ самагировъ, (по переписи ошибочно «гольдовъ») показанъ «гольдскій» языкъ, то достовѣрно не извѣстно, какъ въ данномъ случаѣ понимать выраженіе «гольдскій» языкъ. Вѣрнѣе они говорятъ на родномъ языкѣ.

Итакъ, всюду въ Приморской области тунгусы и (ламуты), говорящіе на чужихъ языкахъ, составляютъ меньшинство мѣстныхъ представителей этого племени. Подводя итогъ по данной области, мы получимъ, что изъ наличнаго ея числа тунгусовъ въ 8.848 д. (4.544 м.) на чужихъ языкахъ изъясняются всего 229 д. (115 м.) или 2,6%. Изъ нихъ на долю *русскаго* языка приходится 106 д. (54 м.) или 1,2%, на

долю *якутскаго* 85 д. (43 м.) или до 1% и на остальныхъ говорятъ 38 д. (18 м.), въ т. ч. 20 д. (10 м.) на коряцкомъ и 18 д. (8 м.) на гольдскомъ (?).

Всѣ остальные тунгусы области въ числѣ 8.619 д. (4.429 м.) или 97,4% говорятъ на родномъ языкѣ.

Островъ Сахалинъ.

Всѣ мѣстные тунгусы изъясняются на родномъ языкѣ и многіе понимаютъ и даже говорятъ по русски. Нѣкоторые изъ нихъ, часто бывающіе у бухты Терпѣнія, знаютъ кромѣ того и аинскій языкъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Корсаковскаго округа является разговорнымъ языкомъ при взаимныхъ сношеніяхъ между собою аиновъ, ороковъ, тунгусовъ и отчасти при ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и японскими рыбопромышленниками [1]).

Амурская область.

Кромѣ 36 д. (21 м.) тунгусовъ Буреинскаго горнаго округа, принадлежащихъ къ Далыгирскому (?) роду, и 15 д. (10 м.), живущихъ въ станицахъ, русскихъ деревняхъ, въ городѣ и т. д. или всего 51 д. (31 м.), изъясняющихся лишь по *русски*, всѣ остальные говорятъ на *родномъ* языкѣ.

Изъ проживающихъ въ данной области оленныхъ тунгусовъ или *орочоновъ* 45 д. (23 м.) изъясняются лишь по русски, 17 д. (10 м.) по *якутски*, а остальные 615 д. (331 м.) еще знаютъ свой языкъ (см. I, стр. 20).

Якутская область.

Колымскій округъ. Изъ 1.111 д. (553 м.) мѣстныхъ ламутовъ (и тунгусовъ) 235 д. (115 м.) изъясняются на чужихъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

Большая ихъ часть—216 д. (104 м.) или 19,4% считаютъ своимъ роднымъ языкомъ нарѣчія мѣстныхъ аборигеновъ—*юкагировъ*, почти вымершихъ въ настоящее время.

---

[1]) „Сахалинскій календарь“ на 1899 г.

Изъ нихъ 142 д. (81 м.) принадлежатъ къ тунгусскому Бетильскому роду, кочующему по Западной или Большой тундрѣ, между рр. Б. Чукочьей и Алазеей. Кромѣ того среди 24 ламутскихъ женъ чукчей названной тундры Колымскаго округа 15 показали роднымъ языкомъ мѣстное юкагирское нарѣчіе. Онѣ повидимому по большей части принадлежатъ къ Бетильскому роду. Дѣти отъ этихъ смѣшанныхъ браковъ обыкновенно являются двуязычными. Среди чукчей Восточной тундры, расположенной къ востоку отъ Колымы, оказалось лишь 3 д. (1 м.) тунгусовъ говорящихъ по-юкагирски. Нарѣчіе всѣхъ этихъ 160 ламутовъ называется обыкновенно либо по району, гдѣ оно встрѣчается, *тундренымъ*, либо *тунгусско-юкагирскимъ*, потому что на немъ говоритъ много тунгусовъ (ламутовъ) Бетильскаго рода[1]), отчасти и потому, что оно заключаетъ въ себѣ не мало тунгусскихъ словъ, чѣмъ отличается отъ языка прежнихъ юкагировъ. На этомъ тундренномъ нарѣчіи говорятъ и два другихъ рода, живущихъ о бокъ съ упомянутыми тунгусо-юкагирами, которые слѣдуетъ признать потомками прежнихъ юкагировъ (см. I, стр. 71).

До послѣдняго времени, когда это нарѣчіе еще не было изслѣдовано, всѣ мѣстные жители, не знакомые съ инородческими языками, а съ ихъ словъ и многіе изслѣдователи края, полагали, что Бетильскіе и другіе мѣстные тунгусы говорятъ на «тунгусскомъ» языкѣ и лишь въ самое послѣднее время обнаружилась эта ошибка.

Другая часть ламутовъ въ числѣ 56 д. (22 м.), показавшихъ роднымъ языкомъ юкагирскій, принадлежитъ къ II Каменно-Дельянскому роду, бродящему вмѣстѣ съ остатками юкагировъ по Коркодону (и его притоку Разсохѣ) и по Ясачной (и ея притоку Нелемной). Это болѣе чистое юкагирское нарѣчіе, въ отличіе отъ тунгусско-юкагирскаго, можетъ быть названо по мѣсту своего распространенія, въ болѣе верхнихъ частяхъ бассейна Колымы,—*верховымъ*.

На долю остальныхъ нарѣчій даннаго округа приходится всего 19 д. (11 м.); изъ нихъ 11 д. (5 м.) говорятъ только по *якутски*, 7 д. (5 м.) — по *русски* и 1 м. по *чукотски*.

---

[1]) Родной языкъ изъ нихъ показано лишь 23 чел.

Всѣ остальные ламуты въ числѣ 876 д. (438 м.) или 78,8% говорятъ на родномъ языкѣ.

Верхоянскій округъ. 458 д. (211 м.) или 27,1% мѣстныхъ тунгусовъ и ламутовъ показали роднымъ языкомъ *якутскій*. Огромное большинство ихъ приходится на долю Жиганскаго улуса (см. I., стр. 71) и прилегающихъ къ нему мѣстностей; въ остальныхъ улусахъ ихъ оказалось всего 42 д. (19 м.), хотя въ качествѣ второго языка, употребляемаго всѣми мѣстными инородцами при сношеніяхъ не только съ якутами, но и между собою, на немъ говорятъ почти всѣ тунгусы края. Изъ отдѣльныхъ родовъ ламутовъ болѣе объякутились: Кюпскій, Ламунхинскій и Тюгясирскій, а изъ тунгускихъ—обрывки родовъ: Бетюнскаго, Эжанскаго, Чордунскаго, Нюрмаганскаго и другихъ.

На *русскомъ* языкѣ изъясняется 7 д. (4 м.). Изъ остальныхъ у 131 д. (75 м.) или 8%, главнымъ образомъ Ламунхинцевъ, показанъ «юкагирскій» языкъ [1]). Большинство изъ нихъ принадлежитъ къ Кун(ку)гурскому и отчасти Жельянскому родамъ, бродящимъ въ предѣлахъ II Ноготскаго и Удюгейскаго наслеговъ Усть-Янскаго улуса и приписанныхъ къ Колымской инор. управѣ Колымскаго округа, откуда вѣроятно и происходятъ (Жельянскаго рода теперь тамъ не имѣется, а есть Дельянскій). При изслѣдованіи этого «юкагирскаго» языка, на которомъ кромѣ ламутовъ въ данномъ округѣ говорятъ и мѣстные юкагиры, В. Іохельсонъ, изучившій языкъ этихъ послѣднихъ, пришелъ къ заключенію, что онъ оказывается обыкновеннымъ *тунгусскимъ* языкомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ нарѣчій этого языка, на которомъ изъясняются и другіе тунгусы и ламуты края [2]).

Это обстоятельство наглядно показываетъ, какъ мало можно довѣряться народной номенклатурѣ языковъ. Возможно, что эти ламуты сначала объюкагирились, какъ это имѣло мѣсто въ Колымскихъ тундрахъ, и говорили одно время по юкагирски, но впослѣдствіе, по мѣрѣ вымиранія юкагировъ и притока новыхъ ламутовъ, опять обламутились, безъ того, чтобы мѣстные

---

[1]) Такъ этотъ языкъ и показанъ ошибочно въ моей работѣ: „Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples palaeasiatiques de la Sibérie", 1903 (стр. 42 сл.).

[2]) „Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ Колымскаго и Верхоянскаго округовъ". (Изв. Восточн. Сибир. Отд. И. Р. Географич. О., XXIX, 98, I, 19 сл.).

крестьяне и обрусѣлые инородцы, не знающіе мѣстныхъ нарѣчій, это замѣтили. Это могло случиться тѣмъ легче, что и юкагиры этого округа, принадлежащіе къ родамъ Буяксирскому и Каменному, усвоили этотъ языкъ.

Ламутовъ и тунгусовъ, говорящихъ на *родномъ* языкѣ, считая въ томъ числѣ и неправильно показавшихъ «юкагирскій» языкъ, 1.223 д. (661 м.) или 72,5%, изъ коихъ 31 д. тунгусовъ и 1.192 д. ламутовъ т. е. родной языкъ въ значительно большей степени съумѣли сохранить коренные ламуты, чѣмъ пришлые тунгусы.

Вилюйскій округъ. Почти все мѣстное тунгусское населеніе—3.885 д. (1.880 м.) или 96%—позабыло родную рѣчь и говоритъ на языкѣ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей-*якутовъ*. Это въ одинаковой степени касается какъ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ среди якутовъ, такъ и тѣхъ, которые имѣютъ самостоятельныя кочевья. Это объякутеніе произошло уже давно, но еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ небольшая часть тунгусовъ, жившихъ въ верховьяхъ лѣвыхъ притоковъ Вилюя и отчасти Оленека повидимому еще пользовались родною рѣчью. Нынѣ же лишь 177 д. (104 м.) или ок. 4%, преимущественно живущихъ обыкновенно въ предѣлахъ Туруханскаго края, показали роднымъ языкомъ *тунгусскій*. Часть изъ нихъ (34 д.) принадлежитъ къ Комбойскому (Илимпейскому?) роду и происходитъ изъ смежнаго Туруханскаго края Енисейской губерніи. Эти тунгусы были застигнуты переписью въ предѣлахъ Мархинскаго улуса.

Якутскій округъ. Здѣсь, гдѣ сосредоточена главная масса тунгусскаго населенія области, оно почти вполнѣ сохранило *родной* языкъ. Лишь 14 д. (6 м.) показали что знаютъ лишь *якутскій* языкъ и 1 женщина—*русскій*. Это столь благопріятное для тунгусскаго племени явленіе однако лишь кажущееся: живя сравнительно болѣе тѣсно чѣмъ другія группы тунгусовъ, они въ большинствѣ случаевъ вполнѣ владѣютъ роднымъ языкомъ, но даже въ домашнемъ быту его сильно вытѣсняетъ якутскій, болѣе необходимый въ этомъ краѣ, въ виду большей численности якутскаго племени. Майновъ (l. c., 166) сообщаетъ, что у Кангаласцевъ западнаго берега Лены въ настоящее время уже господствуетъ якутскій языкъ, который и по восточному ея берегу, близъ якутскихъ поселеній, вытѣсняетъ тунгусскій не только въ качествѣ разго-

ворнаго, но и домашняго языка. Теперь, по г. Майнову, изъ 100 семействъ этихъ тунгусовъ не болѣе 20 — 30 чаще и охотнѣе употребляютъ въ домашнемъ быту родной языкъ. Владѣютъ якутскимъ языкомъ въ качествѣ разговорнаго и всѣ кочевые Майскіе тунгусы и многіе другіе.

Олекминскій округъ. И здѣсь большинство тунгусовъ—773 д. (404 м.) или 90,1% говоритъ на *родномъ* языкѣ. Лишь 85 д. (44 м.) или до 10% показали *якутскій* языкъ, именно 30 д., (15 м.), проживавшихъ среди якутовъ Олекминской инородной управы, и 54 д. (28 м.), застигнутыхъ въ зимовьяхъ и временныхъ избушкахъ, въ районѣ пріисковъ Олекминской системы. Послѣдніе принадлежатъ преимущественно къ Жуюганскому роду.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ сгруппированы статистическія данныя касательно числа тунгусовъ и ламутовъ отдѣльныхъ округовъ Якутской области, говорящихъ на разныхъ языкахъ.

ТАБЛИЦА V.

Названія округовъ.	Наличное населеніе въ 1897 году.												
	Всего.		Тунгусскій языкъ.		Другіе языки.								
					Якутск.		Юкагирскій.		Русскій.		Итого.		% гов. надр. яз.
	м.	ж.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	
1. Колымскій . .	553	558	438	438	5	6	105[1]	112	5	2	115	120	*21,2*
2. Верхоянскій .	876	812	661	562	211	247	—	—	4	3	215	250	*27,5*
3 Якутскій . . .	2.390	2.122	2.384	2.113	6	8	—	—	—	1	6	9	*0,3*
4. Вилюйскій . .	1.984	2.078	104	73	1.880	2.005	—	—	—	—	1.880	2.005	*95,7*
5. Олекминскій .	448	410	404	369	44	41	—	—	—	—	44	41	*9,9*
Итого . . .	**6.251**	**5.980**	**3.991**	**3.555**	**2.146**	**2.307**	**105[1]**	**112**	**9**	**6**	**2.260**	**2.425**	**38,3**

Изъ этой таблицы усматривается, что 4.685 д. (2.260 м.) или 38,3% наличнаго тунгусскаго населенія области счи-

[1]) Въ т. ч. 1 ж., говорящая по чукотски.

тастъ своимъ роднымъ языкомъ чужіе языки, причемъ наименѣе сохранили свою родную рѣчь тунгусы западной и сѣверо-западной части области (Вилюйскій окр. и Жиганскій улусъ Верхоянскаго окр.), гдѣ почти всѣ говорятъ лишь по якутски. Второе мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ ламуты Колымскаго округа, значительная часть которыхъ промѣняла свой языкъ на юкагирскій. Тунгусы Якутскаго округа, сгруппированные въ большемъ числѣ на сравнительно меньшемъ пространствѣ, чѣмъ въ другихъ округахъ, лучше другихъ съумѣли сохранить свой родной языкъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, здѣсь данныя переписи не вполнѣ вѣрно показываютъ дѣйствительность: и среди нихъ число лицъ, говорящихъ лишь по якутски, значительно болѣе зарегистрированныхъ переписью 14 чел., не говоря уже о томъ, что большое число лицъ среди нихъ, помня еще родной языкъ, даже въ домашнемъ обиходѣ больше пользуются якутскимъ. И здѣсь окончательная утрата роднаго языка частью мѣстныхъ тунгусовъ вопросъ непродолжительнаго времени.

Въ процентномъ отношеніи тунгусы Якутской обл., говорящіе на разныхъ языкахъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

На *тунгусскомъ* (ламутскомъ) языкѣ говоритъ въ Якутской области—7.546 д. об. п. (3.991 м.) или 61,7% всѣхъ тунгусовъ, на *якутскомъ*—4.453 д. (2.146 м.) или 36,4%, на *юкагирскомъ*—217 д. [1]) (105 м.) или 1,8% и на *русскомъ*—15 д. (9 м.) или до 0,1%.

Русскій языкъ, такимъ образомъ, въ качествѣ разговорнаго языка, значенія въ краѣ не имѣетъ, хотя многіе тунгусы знаютъ его на ряду со своимъ собственнымъ. Оно и понятно: на 30.000 д. русскаго населенія области до 4.000 д. обитаютъ въ городахъ, жители которыхъ имѣютъ очень мало соприкосновенія съ тунгусами. Остальныя 26.000 д. приходятся на пріиски и отдѣльныя русскія поселенія по Ленѣ, Колымѣ, Янѣ и другимъ крупнымъ рѣкамъ. Но эти русскія селенія и поселки окружены по большей части сплошной массой якутскаго населенія, которое изолируетъ ихъ отъ общенія съ тунгусами. Къ тому же, въ виду значительнаго численнаго перевѣса въ краѣ якутовъ, которые составляютъ 84% внѣгородского и 42% городского населенія области, русскій языкъ естественно не можетъ имѣть широкаго примѣненія среди безграмотныхъ инородцевъ, для которыхъ,

независимо отъ ихъ національности, разговорнымъ языкомъ является якутскій—большая часть тунгусовъ Якутской обл. знаетъ этотъ языкъ. Усвоили его въ отдѣльныхъ, болѣе глухихъ, пунктахъ страны и русскіе старожилы, позабывшіе при этомъ свой родной языкъ.

Здѣсь мѣсто указать на подмѣченный изслѣдователемъ Якутскаго сѣвера г. Іохельсономъ фактъ, что языкознаніе у мѣстныхъ инородцевъ уменьшается по мѣрѣ движенія отъ восточной границы области къ р. Ленѣ. Тунгусо-юкагиры (т. е. юкагиры и объюкагирившіеся ламуты Бетильскаго рода), бродящіе между Колымой и Алазеей, знаютъ четыре языка: юкагирскій, якутскій ламутскій и чукотскій. Между Алазеей и пр. притокомъ Индигирки—Іерченомъ бродячее населеніе говоритъ на трехъ языкахъ: ламутскомъ, якутскомъ и чукотскомъ. Къ западу отъ Индигирки, гдѣ нѣтъ чукчей, отпадаетъ чукотскій языкъ и мѣстные инородцы (ламуты и юкагиры), говорятъ только на ламутскомъ и якутскомъ языкахъ, а къ западу отъ Яны господствуетъ одинъ якутскій языкъ. На ламутскомъ языкѣ здѣсь говорятъ лишь тѣ ламуты, которые иногда прикочевываютъ на хребетъ Тасъ-Тумса изъ Верхоянскаго округа [1]).

Въ особенности интересно прослѣдить взаимное вліяніе другъ на друга юкагировъ и ламутовъ въ лингвистическомъ отношеніи. Попавъ въ среду юкагировъ I и II Алазейскихъ родовъ, тунгусы Бетильскаго и II Каменно-Ламутскаго рода промѣняли свой языкъ на тундренное нарѣчіе юкагирскаго языка, господствующее нынѣ между Колымой и Алазеей. Къ западу отъ Алазеи тунгусы и юкагиры уже плохо говорятъ по юкагирски и лучше по ламутски, что слѣдуетъ приписать ихъ постоянному соприкосновенію съ коренными Верхоянскими тунгусскими родами, еще вполнѣ сохранившими свою родную рѣчь. Еще далѣе на западъ, за Индигирку, юкагирскій языкъ пропадаетъ и якутскій вытѣсняетъ ламутскій, въ свою очередь исчезающій за Яной. Что касается Верхнеколымскихъ юкагировъ и живущихъ съ ними о бокъ обрывковъ тунгусскихъ родовъ (I и II Каменно-Дельянскихъ), то они

[1]) В. Іохельсонъ (l. c., стр. 32) упоминаетъ здѣсь и Вилюйскій округъ, относительно котораго, однако, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ мѣстные тунгусы позабыли родной языкъ, почему упоминаніе здѣсь о Вилюйскомъ округѣ не имѣетъ основанія (самъ г. Іохельсонъ въ этомъ округѣ повидимому не былъ).

по большей части тоже знаютъ три языка: юкагирскій, якутскій и ламутскій, причемъ на р. Коркодонѣ, вдали отъ якутовъ, они худо говорятъ по якутски, а въ области р. Ясачной нехорошо владѣютъ ламутскимъ языкомъ [1]).

Не такъ легко разстаются со своими національными достояніями, а въ томъ числѣ и съ роднымъ языкомъ, другіе инородцы края — якуты и чукчи, которые съумѣли навязать свои нарѣчія своимъ менѣе стойкимъ въ этомъ отношеніи сосѣдямъ. Они сами рѣдко знаютъ другіе языки (исключая русскаго), прибѣгая къ нимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда никакъ нельзя обойтись своими собственными.

Иркутская губернія.

Большинство тунгусовъ Иркутской губерніи еще понынѣ ведетъ бродячій образъ жизни, скитаясь по лѣсамъ и горамъ и живя особнякомъ отъ остального населенія губерніи. Въ виду этого, мѣстные тунгусы и по-сейчасъ болѣе или менѣе сохранили свои племенныя особенности, нравы, обычаи и языкъ. Лишь небольшая часть тунгусовъ, проживающая въ русскихъ деревняхъ и въ собственныхъ селеніяхъ, расположенныхъ въ чертѣ русскихъ волостей, говоритъ лишь по-русски.

Иркутскій округъ. По *русски* говорятъ 6 д. (3 м.), остальные 128 д. (56 м.) на—*родномъ* языкѣ.

Балаганскій округъ. Изъ 44 д. (25 м.) тунгусовъ этого округа 11 д. (8 м.) говоритъ по *тунгусски*, остальные по *бурятски*. Послѣдніе живутъ въ ул. Малобѣльскомъ Ныгдинскаго вѣдомства. Относительно разговорнаго языка тунгусовъ означеннаго вѣдомства мы въ приложеніи къ образцамъ рѣчи (см. стр. 170) находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Настоящее молодое поколѣніе тунгусовъ, приписанныхъ Ныгдинской инородной управѣ, совершенно забыло свой родной тунгусскій и считаетъ за таковой бурятскій. Въ давнія времена племя это, забредя въ среду бурятъ, породнилось съ ними посредствомъ браковъ. Самъ мужчина тунгусъ, почти постоянно на промыслѣ въ тайгѣ, а дѣти остаются съ матерью буряткой и научаются ея языку, да если и дома хозяинъ, то онъ все-таки говоритъ также по бурятски, такъ

[1]) В. Іохельсонъ, см. «Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ.» XXIX, 98. I, 19—33.

какъ жена его не знаетъ по тунгусски. Такимъ путемъ и забылся тунгусами ихъ родной языкъ и усвоился бурятскій. Въ настоящее время немного осталось тунгусовъ (человѣка 2—3), помнящихъ свой родной языкъ, да и тѣ, которые помнятъ его и еще иногда говорятъ на немъ (всегда же они всѣ говорятъ по-бурятски и по-русски, такъ какъ хорошо знаютъ и этотъ языкъ, и на немъ очень чисто говорятъ не только мужчины, но и женщины-тунгуски подростки) между собою, утратили уже много словъ и не знаютъ названій нѣкоторыхъ предметовъ, напр.: небо, сестра, слово и т. д. Слова эти и оставлены въ листѣ [образцовъ рѣчи] безъ заполненія. Вообще же въ разговорѣ и на тунгусскомъ языкѣ много примѣшивается словъ бурятскихъ и даже русскихъ» (Завѣдывающій Киренскимъ уч. Балаг. окр. миссіон. Аларскаго Иннокент. стана, свящ. Ник. Затопляевъ).

Верхоленскій округъ. Лишь *русскій* языкъ знаютъ 41 д. (16 м.), въ т. ч. 26 д. (9 м.) принадлежатъ къ Очеульскому вѣдомству и 12 д. (6 м.) проживаютъ въ предѣлахъ Качугской волости.

Остальные 572 души (291 мужч.) показали *тунгусскій* языкъ.

Киренскій округъ. *Русскій* языкъ показанъ у 227 д. (112 м.) или у 16,2% тунгусовъ округа. Изъ нихъ 148 д. (70 м.) составляютъ все тунгусское населеніе улусовъ Закурдаевскаго, Коченгскаго и Жилищинскаго Нижне-Илимскаго вѣдомства (см. I, стр. 109). Кромѣ того, лишь по русски говорятъ тунгусы, проживающіе въ русскихъ селеніяхъ волостей: Преображенской—29 д. (19 м.), Карапчанской—16 д. (9 м.), Н. Илимской—16 д. (8 м.), Коченгской—8 д. (4 м.) и Макаровской—10 д. (2 мужч.).

Остальные тунгусы въ числѣ 1.172 д. (600 м.) или 83,8% говорятъ на *родномъ* языкѣ, какъ и единственная женщина тунгуска Нижнеудинскаго округа, хотя многіе изъ нихъ знаютъ по русски. Это напр. касается тунгусовъ Киренско-Хандинской инор. упр., проживающихъ на окрайнахъ волостей Орлингской и Усть-Кутской, между которыми всѣ взрослые хорошо знаютъ русскій языкъ. Кромѣ русскихъ они ни съ какими другими чужестранцами не сталкиваются, въ виду чего ихъ языкъ отличается сравнительною чистотою.

Въ итогѣ по губерніи оказывается, что по *русски* гово-

ритъ 274 д. (131 м.) осѣдло-живущихъ тунгусовъ, составляющіе 12,5% всѣхъ мѣстныхъ тунгусовъ, на бурятскомъ языкѣ 33 д. (17 м.) или 1,5% и 1.884 д. (955 м.) или 86,0% изъясняется по *тунгусски*.

Забайкальская область.

Въ данной области, сосредоточивающей въ себѣ половину всего тунгусскаго населенія Сибири, тунгусы за немногими исключеніями живутъ осѣдло среди русскихъ и бурятовъ. Позаимствовавъ отъ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей ихъ образъ жизни и вѣру, они въ то же время промѣняли свой языкъ на ихъ языки, такъ что изо всѣхъ осѣдло-живущихъ представителей этого племени на родномъ языкѣ говоритъ лишь 30% тунгусовъ Маньковской управы; остальные—кочевые и осѣдлые тунгусы Читинскаго и Селенгинскаго округовъ и часть Баргузинскихъ, а также Акшинскіе казаки почти окончательно утратили родную рѣчь. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что, принявши святое крещеніе и поселившись осѣдло, тунгусы весьма скоро русѣютъ, между тѣмъ какъ тѣ изъ нихъ, которые исповѣдываютъ буддистскую религію столь же легко пріобщаются къ бурятской національности. Обратныхъ случаевъ т. е. усвоенія бурятами тунгусскаго языка почти не наблюдается даже при численномъ перевѣсѣ въ какой-нибудь мѣстности тунгусовъ: всюду они подпадаютъ вліянію своихъ болѣе культурныхъ сосѣдяхъ. Почти вполнѣ сохранили родную рѣчь бродячіе тунгусы (орочоны) той же Урульгинской степной думы, и въ настоящее время живущіе въ привольныхъ лѣсахъ сѣвера Забайкальской обл. бродячей жизнью своихъ предковъ. Разсмотримъ теперь этотъ вопросъ подробнѣе, по отдѣльнымъ округамъ.

Читинскій округъ. Родной языкъ сохранился, не считая орочоновъ, лишь у 30% тунгусовъ Маньковской управы. Всѣ остальные утратили родную рѣчь и говорятъ, либо по русски (гл. образомъ въ управахъ: Урульгинской, Оловской, Шундуинской и Маньковской), либо по бурятски (гл. обр. въ управахъ Онгоцонской и Кужертаевской).

а) ***Оловская*** управа. По *тунгусски* изъ осѣдло-живу-

щихъ инородцевъ говоритъ всего 12 д. (9 м.), на *бурятскомъ* нарѣчіи—9 д. (6 м.) и на *якутскомъ*—1 м.

Всѣ остальные 7.034 д. (3.437 м.), составляющіе 99,7% всѣхъ кочевыхъ тунгусовъ, изъясняются лишь на *русскомъ* языкѣ.

б) *Урульгинская* управа. По *тунгусски* знаютъ лишь 12 д. (4 м.). По *бурятски* изъясняются 251 д. (119 м.) и по *монгольски*—355 д. (161 м.), а такъ какъ подъ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ слѣдуетъ подразумѣвать одно *монголо-бурятское* нарѣчіе, на которомъ говоритъ большая часть бурятовъ Забайкальской области, то общее число говорящихъ на этомъ послѣднемъ нарѣчіи простирается до 606 д. (280 м.) или 19,2%. Обурятившіеся тунгусы живутъ въ улусахъ Шергалдинскомъ (2 полов.) и Сахалтуевскомъ; показавшіе роднымъ языкомъ монгольскій, проживаютъ главнымъ образомъ въ ул. Кужертаевскомъ, Наринъ-Талача и Усуглійскомъ.

Всѣ остальные тунгусы данной управы показали роднымъ языкомъ *русскій*. Ихъ оказалось 2.538 д. (1.266 м.) или 80,5% всѣхъ мѣстныхъ тунгусовъ.

в) *Шундуинская* управа. 919 д. (445 м.) или 28,9% изъясняются по *бурятски*. Они живутъ въ улусахъ: Усть-Шерокундуйскомъ, Дуройскомъ, Тургинско-Подгорномъ, Усть-Тургинскомъ, Гурбонорскомъ, Алакойскомъ, Тутъ-Халтуйскомъ, Зукултуйскомъ, Шарокундуйскомъ, Актіинскомъ, Биликтуевскомъ, Быркинскомъ, Тоготуйскомъ, Коркиринскомъ, большинство населенія которыхъ они составляютъ.

Остальные 2.263 д. (1.101 м.) или 71,1% говорятъ по *русски*. Знающихъ родной языкъ въ данной управѣ не имѣется.

г) *Маньковская* инор. управа. Эта единственная управа осѣдлыхъ тунгусовъ округа, гдѣ часть населенія говоритъ на *родномъ* языкѣ. Сохранился тунгусскій языкъ въ слѣдующихъ селеніяхъ, гдѣ почти все населеніе говоритъ на немъ: въ д. В. Турсукайской, ул. Гуруханскомъ, Залайскомъ, д. Мыгнэно-Озерской, ул. Нарынѣ, ул. Талманъ-Борзинскомъ, Усть-Даинскомъ; кромѣ того, по тунгусски изъясняется большая часть (около $^2/_3$) жителей, д. Усть-Турсукайской, с. Усть-Кыркиринскаго (Хоркиринскаго) и ул. Шарынчинскаго и отдѣльныя лица другихъ селеній. Всѣхъ тунгусовъ, показавшихъ роднымъ языкомъ *тунгусскій*, оказалось 1.820 д. (901 м.) или

30,0%. Изъ нихъ 304 д. (153 м.), главнымъ образомъ жители д. В. Турсукайской, показали, что говорятъ кромѣ этого языка еще по *русски*, хотя по всему вѣроятію это касается въ одинаковой степени почти всѣхъ тунгусовъ управы, показавшихъ роднымъ языкомъ тунгусскій.

На *бурятскомъ* языкѣ говоритъ всего 36 д. (22 м.) или 0,6% тунгусовъ этой управы, главнымъ образомъ въ с. Барунъ-Кондуйскомъ. Всѣ остальные тунгусы говорятъ на *русскомъ* языкѣ. Ихъ оказалось въ 1897 г. 4.204 д. (2.109 м.) или 69,4% всѣхъ тунгусовъ управы.

д) ***Кужертаевская*** управа. Огромное большинство всѣхъ ея жителей показали роднымъ языкомъ *монгольскій*. Ихъ оказалось 1.460 д. (732 м.). На *бурятскомъ* языкѣ говоритъ 328 д. (156 м.), именно въ улусахъ: Урей, Онгоцонъ и Акша.

Вмѣстѣ на обоихъ этихъ языкахъ (монголо-бурятское нарѣчіе) изъясняются 1788 д. (888 м.) или 76,6% всѣхъ тунгусовъ управы. Наконецъ, на *русскомъ* языкѣ говорятъ тунгусы деревень: Кужертаевской, Жипкошинской, Онкоекской и Ново-Тулутаевской. Ихъ всего 546 д. (292 м.) или 23,4%. Родной языкъ въ данной управѣ вымеръ.

е) ***Онгоцонская*** ин. управа. И здѣсь преобладаетъ *монгольскій* языкъ, на которомъ говоритъ 2.080 д. (1.019 м.), на *бурятскомъ*—98 д. (46 м.) На томъ и другомъ (монголо-бурятское нар.) изъясняется 2.178 д. (1.065 м.) или 89,8%. Остальные 248 д. (124 м.) или 10,2%, знаютъ лишь по *русски*. Они живутъ главнымъ образомъ въ селеніяхъ Усть-Улуринскомъ и Бырцинскомъ. *Тунгусскій* языкъ вымеръ и здѣсь.

Бродячіе орочоны Урульгинской и Оловской инор. управъ почти всѣ сохранили *родной* языкъ, именно 854 д. (430 м.) или 94,7%. Остальные 48 д. (27 м.) или 5,3% показали *русскій* языкъ. Они принадлежатъ главнымъ образомъ къ Лакшикагирскому роду и проживаютъ почти всѣ (42 д.) въ селеніи обрусѣлыхъ тунгусовъ—Зюльзиканскомъ и остальные въ другихъ селеніяхъ той же Оловской и Урульгинской управъ.

Изъ 167 тунгусовъ, проживающихъ въ ***русскихъ волостяхъ*** и ***станицахъ***—143 д. (82 м.) или 85,6% говорятъ на *русскомъ* языкѣ и 22 д. (11 м.) на *тунгусскомъ;* на *бурятскомъ* лишь 2 д. (1 м.).

Живущіе въ гор. *Читѣ* 39 д. (27 м.) всѣ показали род-

нымъ языкомъ *тунгусскій*. На *пріискахъ* и по Забайкальской жел. дорогѣ изъ 26 д. (17 м.) тунгусовъ 24 д. (15 м.) говорили по *русски* и 2 м. по *бурятски*; наконецъ, тунгусы *Агинской* степной думы говорятъ поровну по *тунгусски*—53 д. (39 м.) и по *бурятски*—55 д. (29 м.), по *русски* только 5 д. (3 м.).

Въ таблицѣ на стр. 187 сгруппированы всѣ вышеприведенныя данныя о языкѣ Читинскихъ тунгусовъ.

Въ итогѣ оказывается что, 17.005 д. (8.429 м.) или 69,2% всѣхъ тунгусовъ округа, ведущихъ осѣдлый образъ жизни, говорятъ на *русскомъ* языкѣ, что свидѣтельствуетъ о значительной степени обрусѣнія мѣстнаго тунгусскаго населенія. Затѣмъ на *монголо-бурятскомъ* нарѣчіи изъясняется 5.595 д. (2.738 м.) или 22,8%, изъ коихъ *бурятскій* показали 1.700 д. (826 м.) и *монгольскій* 3.895 д. (1.912 м.). На *родномъ* языкѣ умѣетъ говорить лишь 1.958 д. (991 м.) или 8,0%, главная масса которыхъ приходится на Маньковскую инородную управу. По тунгусски же говорятъ и почти всѣ орочоны или бродячіе тунгусы округа 854 д. (430 м.) или 94,7% всѣхъ мѣстныхъ орочоновъ (см. I, 20).

Здѣсь мѣсто припомнить, что осѣдло-живущіе тунгусы часто говорятъ на двухъ и даже трехъ языкахъ, такъ напр. тунгусы Маньковской инородной управы, еще помнящіе родной языкъ, по большей части знаютъ и по русски, такъ что всего умѣющихъ говорить по русски среди тунгусовъ Урульгинской степной думы (не считая орочоновъ) не менѣе 80%.

Акшинскій округъ. Большинство тунгусовъ даннаго округа, какъ кочевыхъ инородцевъ, такъ и казаковъ, говоритъ на *монголо-бурятскомъ* нарѣчіи. Ихъ по переписи оказалось 3.472 д. (1.664 м.) или 73,3% всѣхъ тунгусовъ округа, въ томъ числѣ 933 д. (444 м.) кочевыхъ инородцевъ и 2.539 д. (1.220 м.) казаковъ. Тѣ и другіе происходятъ отъ тунгусскихъ родовъ, которые и понынѣ встрѣчаются въ сосѣднихъ Онгоцонской и Кужертаевской управахъ; инородцы же имѣютъ сородичей и въ Маньковской и отчасти въ другихъ инородныхъ управахъ Урульгинскаго вѣдомства (хотя въ матеріалѣ показанія о родахъ тунгусовъ Акшинскаго округа встрѣчаются рѣдко и то лишь у инородцевъ). Эти обурятившіеся тунгусы составляютъ 83,4% всѣхъ казаковъ-тунгусовъ и 55,2% всѣхъ кочевыхъ инородцевъ этого племени.

ТАБЛИЦА VI.

Названія управъ и районовъ Читинскаго округа.	Наличное число тунгусовъ въ 1897 г., говорящихъ по													
	Итого.		тунгусски.			русски.			монголо-бурятски.			Итого на друг. язык.		
	Въ абсол. числахъ.		Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.	
1. Урульгинская ин. упр.	1.550	1.606	4	8	*0,4*	1.266	1.272	*80,4*	280	326	*19,2*	1.546	1.598	*99,6*
2. Оловская „ „	3.453[1])	3.603	9	3	*0,2*	3.437	3.597	*99,7*	6	3	*0,1*	3.443	3.600	*99,8*
3. Шундуинская „ „ .	1.546	1.636	—	—	—	1.101	1.162	*71,1*	445	474	*28,9*	1.546	1.636	*100,0*
4. Маньковская „ „ .	3.032	3.028	901	919	*30,0*	2.109	2.095	*69,4*	22	14	*0,6*	2.131	2.109	*70,0*
5. Кужертаевская „ „	1.180	1.154	—	—	—	292	254	*23,4*	888	900	*76,6*	1.180	1.154	*100,0*
6. Онгоцонская „ „	1.189	1.237	—	—	—	124	124	*10,2*	1.065	1.113	*89,8*	1.189	1.237	*100,0*
7. Агинская степная дума	71	42	39	14	*46,9*	3	2	*4,4*	29	26	*48,7*	32	28	*53,1*
8. Русскія волости и станицы.	94	73	11	11	*13,2*	82	61	*85,6*	1	1	*1,2*	83	62	*86,8*
9. Пріиски и Забайк. жел. дор.	17	9	—	—	—	15	9	*92,0*	2	—	*8,0*	17	9	*100,0*
10. г. Чита.	27	12	27	12	*100,0*	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	**12.159[1]**	**12.400**	**991**	**967**	**8,0**	**8.429**	**8.576**	**69,2**	**2.738**	**2.857**	**22,8**	**11.167**	**12.433**	**92,0**
Сверхъ того орочоны .	457	445	430	424	*94,7*	27	21	*5,3*	—	—	—	27	21	*5,1*
Всего . . .	**12.616[1])**	**12.845**	**1.421**	**1.391**	**11,0**	**8.456**	**8.597**	**67,0**	**2.738**	**2.857**	**22,0**	**11.194**	**11.454**	**89,0**

По *русски* говоритъ всего 754 д. (381 м.) или 16,0%, изъ коихъ 403 д. (203 м.) инородцевъ и 351 д. (175 м.) казаковъ. Такъ какъ послѣдніе, по даннымъ переписи, не могли быть выдѣлены изъ состава русскихъ казаковъ, то свѣдѣнія о нихъ мы заимствовали изъ данныхъ коммиссіи Куломзина, гдѣ число казаковъ-инородцевъ въ Акшинскомъ округѣ (за тотъ же годъ) почти вполнѣ соотвѣтствуетъ числу казаковъ-тунгусовъ; но мы прибѣгали къ этому пріему лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разногласія между обоими источниками, именно, когда число казаковъ-инородцевъ по даннымъ коммиссіи Куломзина было значительно больше числа казаковъ, говорящихъ по бурятски и тунгусски по даннымъ переписи и когда, слѣдовательно, можно было предполагать, что часть казаковъ тунгусовъ показала русскій языкъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы брали данныя переписи безъ измѣненія. Такимъ образомъ, число казаковъ-тунгусовъ, говорящихъ лишь по русски, должно быть въ сущности большимъ того, какое мы приводимъ.

Касательно географическаго распространенія тунгусовъ, говорящихъ по русски, замѣтимъ, что кочевые инородцы изъ нихъ довольно равномѣрно распредѣлены по отдѣльнымъ станицамъ, гдѣ вообще живутъ тунгусы; что же касается до казаковъ, то ихъ оказалось естественно больше тамъ, гдѣ по даннымъ переписи замѣчается наибольшій недочетъ тунгусовъ противъ данныхъ ст. секр. Куломзина, именно въ Дуроевской станицѣ, гдѣ мы 281 д. (148 м.) казаковъ, говорящихъ по русски, должны были признать за обрусѣлыхъ тунгусовъ, въ т. ч. 191 д. (95 м.) въ пос. Кайластуѣ, 31 д. (17 м.) въ пос. Стар. Цурухайтуйскомъ, 35 д. (21 м.) въ Н. Цурухайтуйскомъ, 6 д. (3 м.) въ Урулюнгуйскомъ, 18 д. (12 м.) въ Дуроевскомъ; далѣе въ пос. Средне-Борзинскомъ стан. Зоргольской—18 д. (10 м.).

Сверхъ того по русски изъясняются и дворяне Гантимуровы казачьяго сословія, каковыхъ оказалось въ пос. Дуроевскомъ—50 д. (23 м.) и въ Убырь-Тохторскомъ—2 д. (1 м.). Казаки, говорящіе по русски, составляютъ 11,5% всѣхъ казаковъ-тунгусовъ, а инородцы — 23,8% всѣхъ тунгусовъ-инородцевъ.

Наконецъ, 510 д. (268 м.) тунгусовъ или 10,7% наличнаго ихъ числа пользуются еще *родною* рѣчью. Изъ нихъ

оказалось всего 155 д. (87 м.) казаковъ—5,1% всѣхъ представителей этого сословія среди тунгусовъ, главнымъ образомъ въ пос. Кайластуѣ—49 д., 45 д. въ пос. Дуроевскомъ—Дуроевской станицы, 37 д. въ пос. Абагайтуевскомъ Цаганъ-Олуевской стан. и 18 д. въ пос. Буринскомъ Зоргольской станицы. Остальные 355 д. (181 м.) приходятся на долю тунгусовъ-инородцевъ. Они составляютъ 21,0% всѣхъ тунгусовъ этого сословія и преобладаютъ въ поселкахъ: Кайластуѣ—50 д. (22 м.) и Ганцакулѣ—27 д. (14 м.) Дуроевской станицы, въ пос. Тутхалтуевскомъ Дурулгуевской ст.—38 д. (18 м.), въ пос. Зоргольскомъ—88 д. (47 м.) и въ Буринскомъ (Зоргольской ст.)—61 д. (30 м.)

Баргузинскій округъ. Огромное большинство всѣхъ тунгусовъ даннаго округа говоритъ на *родномъ* языкѣ. Это въ одинаковой степени касается, какъ живущихъ осѣдло, такъ и бродящихъ представителей даннаго племени. Въ общемъ, на русскомъ языкѣ говоритъ большая часть тунгусовъ, проживающихъ среди русскихъ Читканской волости и Верхне-Ангарскаго отдѣльнаго общества. Въ первой живутъ—64 д. (29 м.) Баргузинской инор. управы, въ т. ч. 57 д. (25 м.) въ с. Бодонскомъ [1]), главнымъ образомъ представители родовъ Лимагирскаго и отчасти Шемагирскаго, и во второмъ—78 д. (34 м.) тунгусовъ непоказанныхъ родовъ.

Въ Верхне-Ангарскомъ родовомъ управленіи по русски говорятъ лишь 4 д. (2 м.), въ Нижне-Ангарскомъ — 5 д. (2 м.) и въ Подлеморско-Шемагирскомъ—16 д. (6 м.); всѣ же остальные изъясняются на родномъ языкѣ.

Большинство тунгусовъ Баргузинской инородной управы, проживающихъ въ самостоятельныхъ селеніяхъ и въ бурятскихъ улусахъ, сохранили свою родную рѣчь. Тоже касается и тунгусовъ Баунтовской инородной управы.

Подводя итоги вышеприведеннымъ даннымъ, мы получимъ, что въ предѣлахъ Баргузинскаго округа 167 д. (73 м.) или 7,9% говоритъ по *русски* и 1.951 д. (1.009 м.) или 92,1% по *тунгусски*.

Слѣдуетъ замѣтить, что небольшая часть тунгусовъ даннаго округа была застигнута переписью въ предѣлахъ

Верхнеудинскаго округа. Ихъ оказалось 92 д. (50 м.).

---

[1]) Не смѣшивать съ одноименнымъ селомъ Читканской волости.

О мѣстѣ ихъ кочевій по Витиму см. I, стр. 152. Изъ нихъ лишь *родной* языкъ показали 16 д. (10 м.), у всѣхъ же прочихъ въ числѣ 76 д. (40 м.) показанъ «тунгусско-бурятскій» языкъ, что вѣроятно надо понимать такъ, что они говорятъ, какъ по тунгусски, такъ и по бурятски. Въ нижеслѣдующей таблицѣ, мы ихъ показали говорящими на родномъ языкѣ.

Нерчинскій округъ. Происходя изъ обрусѣлыхъ управъ смежнаго Читинскаго округа, мѣстные тунгусы почти всѣ говорятъ только на *русскомъ* языкѣ. Среди осѣдлыхъ тунгусовъ ихъ 524 д. (318 м.). *Монгольскій* языкъ показали роднымъ 23 д. (14 м.) и *бурятскій* 12 д. (6 м.) или вмѣстѣ 35 д. (20 м.). Представители монголо-бурятскаго нарѣчія встрѣчаются главнымъ образомъ въ Улятуевскомъ станичномъ округѣ, гдѣ ихъ 19 д. Наконецъ, на *родномъ* языкѣ умѣетъ говорить лишь 35 д. (17 м.), изъ коихъ 22 д. (11 м.) проживаетъ въ городѣ.

Въ процентномъ отношеніи представители отдѣльныхъ языковъ распредѣляются такимъ образомъ: тунгусы, говорящіе по русски, составляютъ 88,5%, на монголо-бурятскомъ нарѣчіи 5,9% и на родномъ 5,6%.

Почти всѣ бродячіе тунгусы округа—*орочоны* говорятъ на *родномъ* языкѣ, ихъ 44 д. (23 м.); на русскомъ языкѣ изъясняются только 6 д. (4 м.).

Нерчинско-Заводскій округъ. Сказанное о Нерчинскихъ тунгусахъ имѣетъ силу и по отношенію къ Нерчинско-Заводскимъ. И здѣсь большинство ихъ усвоило *русскую* рѣчь. Ихъ 320 д. (167 м.) или 79,0%. *Монгольскій* языкъ показали 6 д. (3 м.) и *бурятскій*—6 д. (4 м.) или оба нарѣчія вмѣстѣ—12 д. (7 м.) или 3,0% тунгусовъ округа. Изъ нихъ 9 д. (5 м.) знаетъ и по русски. Наконецъ, на *родномъ* языкѣ изъясняется 73 д. (44 м.) тунгусовъ или 18,0%, преимущественно въ Донинскомъ и Манкечурскомъ станичныхъ округахъ и въ Дучарской волости.

Селенгинскій округъ. Всѣ тунгусы даннаго округа позабыли родной языкъ. Жители с. Армакскаго Армакской инор. управы, уже давно крещеные и обрусѣвшіе, и одинъ тунгусъ, живущій среди бурятъ, говорятъ по *русски*. Ихъ 355 д. (167 м.) или 38,6% всѣхъ тунгусовъ данной управы и округа. Всѣ же остальные ея тунгусы, исповѣдующіе ламайскую религію и живущіе о бокъ съ бурятами, говорятъ-

по *бурятски*. Ихъ 565 д. (275 м.) или 61,4% всѣхъ тунгусовъ данной управы и даннаго округа.

Троицко-Савскій округъ. Изъ пяти тунгусовъ даннаго округа говорятъ по *бурятски*—2 м. и по *русски*—3 мужчинъ.

Въ таблицѣ на стр. 192 сведены въ одно всѣ данныя, касающіяся языка, на которомъ изъясняются тунгусы Забайкальской области.

Какъ усматривается изъ этихъ данныхъ, огромное большинство (86,2%) всѣхъ тунгусовъ области (не считая орочоновъ) уже забыло родной языкъ, а такъ какъ въ данной области проживаетъ болѣе половины всѣхъ тунгусовъ, то это въ значительной степени оказывается справедливымъ и для всего тунгусскаго племени, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ мѣстахъ (напр. Вилюйскій округъ Якутской обл.) часть тунгусовъ забыла родной языкъ.

Львиная доля изъ лицъ, говорящихъ на чужихъ языкахъ, приходится на долю *русскаго* языка. Этихъ тунгусовъ оказалось 19.128 д. (9.538 м.) или 57,2% всѣхъ представителей этого племени. Особенно великъ ихъ процентъ въ округахъ: Нерчинскомъ, Нерчинско-Заводскомъ и Читинскомъ.

Второе мѣсто занимаютъ *монгольскій* и *бурятскій* языки, которые показаны у 9.681 д. (4.706 м.) или 29,0% всѣхъ тунгусовъ области, преимущественно въ округахъ Акшинскомъ и Селенгинскомъ.

Родной языкъ сохранили лишь 4.617 д. (2.379 м.) или 13,8%, которые встрѣчаются главнымъ образомъ въ округахъ Читинскомъ и Баргузинскомъ. Почти всѣ они, однако, кромѣ тунгусскаго языка, знаютъ еще, либо по русски, либо по бурятски, а нѣкоторыя лица оба эти языка. По тунгусски (орочонски) же говоритъ и большинство *орочоновъ* области 898 д. (453 м.) или 94,3%; остальные изъясняются по русски.

Если принять во вниманіе и орочоновъ, то процентныя отношенія отдѣльныхъ языковъ представятся въ такомъ видѣ: русскій — 55,8%, монголо-бурятскій — 28,2% и тунгусскій—16,0%.

ТАБЛИЦА VII.

Названія округовъ Забайкальской области.	Наличное число тунгусовъ, говорящихъ по:													
	Всего.		тунгусски.			русски.			монголо-бурятски.			Итого на чужихъ языкахъ.		
			Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.
	м. п.	ж. п.	м. ж.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.	
1. Читинскій	12.159[1]	12.400	991	967	*8,0*	8.429	8.576	*69,2*	2.738	2.857	*22,8*	11.167	11.433	*92,0*
2. Акшинскій	2.313	2.423	268	242	*10,7*	381	373	*16,0*	1.664	1.809	*73,3*	2.045	2.181	*89,3*
3. Баргузинскій	1.082	1.036	1.009	942	*92,1*	73	94	*7,9*	—	—	—	73	94	*7,9*
4. Верхнеудинскій	50	42	50[2]	42[2]	*100,0*	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Нерчинскій	355	237	17	16	*5,6*	318	206	*88,5*	20	15	*5,9*	338	221	*94,4*
6. Нерчинско-Заводскій	218	187	44	29	*18,0*	167	153	*72,0*	7	5	*3,0*	174	158	*82,0*
7. Селенгинскій	442	478	—	—	—	167	188	*38,6*	275	290	*61,4*	442	478	*100,0*
8. Троицко-Савскій	5	—	—	—	—	3	—	*60,0*	2	—	*40,0*	5	—	*100,0*
Итого	**16.624**	**16.803**	**2.379**	**2.238**	**13,8**	**9.538**	**9.590**	**57,2**	**4.706**	**4.975**	**29,0**	**14.244**	**14.565**	**86,2**
Сверхъ того орочоны	484	468	453	445	*94,3*	31	23	*5,7*	—	—	—	31	23	*5,7*
Всего	**17.108**	**17.271**	**2.832**	**2.683**	**16,0**	**9.569**	**9.613**	**55,8**	**4.706**	**4.975**	**28,2**	**14.276**	**14.588**	**84,0**

[1]) въ т. ч. 1 м., говорящій по якутски.
[2]) въ т. ч. 40 м. и 36 ж. говорятъ и по бурятски.

Енисейская губернія.

Почти всѣ тунгусы Енисейской губерніи говорятъ и понынѣ на родномъ языкѣ. Этотъ столь благопріятный для тунгусскаго племени фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данной губерніи тунгусы и посейчасъ ведутъ бродячую жизнь, лишь въ опредѣленные сроки (осенью или зимою) приближаясь къ русскимъ селеніямъ, расположеннымъ по р. Енисею, по Ангарѣ и т. д. Благодаря тому же обстоятельству, они лучше другихъ тунгусовъ сохранили свои племенныя особенности, нравы, обычаи и образъ жизни.

Енисейскій округъ. Изъ говорящихъ на чужихъ языкахъ, здѣсь встрѣчается всего 61 д. (29 м.), знающихъ лишь по *русски*. Почти всѣ они обитаютъ въ русскихъ селеніяхъ Пинчугской вол.—48 д. (25 м.), въ т. ч. 17 д. въ д. Гаврильской; въ Анциферовской вол.—11 д. (3 м.) и т. д. Они почти вполнѣ обрусѣли. По отношенію къ наличному тунгусскому населенію они составляютъ 4,6%. Остальные 1.272 д. (673 м.) или 95,4% говорятъ на *родномъ* языкѣ.

Въ Туруханскомъ краѣ тунгусовъ, говорящихъ не на родномъ языкѣ—212 д. (110 м.) или 11,6%, изъ коихъ на долю *русскаго* языка, приходится всего 8 д. (4 м.). Всѣ остальные—204 д. (106 м.) усвоили *якутскій* языкъ. Сюда, во-первыхъ, принадлежатъ всѣ тунгусы, пришлые изъ Вилюйскаго округа Якутской обл., гдѣ эти инородцы, какъ мы знаемъ, позабыли свой языкъ. Таковы всѣ представители родовъ: Хатыгинскаго, Чордынскаго и большая часть тунгусовъ Бетынскаго (45 изъ 48), зарегистрированные въ предѣлахъ Туруханскаго края. Кромѣ того, часть тунгусовъ коренного мѣстнаго тунгусскаго Боганидскаго рода въ числѣ 65 д. (35 м.) тоже говорятъ лишь по якутски. Они научились этому языку отъ своихъ сосѣдей-якутовъ Затундринскаго рода и отъ долганъ, говорящихъ по якутски. Также большинство тунгусовъ Жиганскаго рода въ числѣ 66 д. (35 м.) показали роднымъ языкомъ *долганское* нарѣчіе, усвоенное отъ сосѣднихъ долганъ и представляющее изъ себя повидимому лишь небольшое видоизмѣненіе *якутскаго* языка. Всѣ тунгусы, говорящіе по якутски, обитаютъ по Дудыптѣ, отчасти также по Боганидѣ, въ верховьяхъ р. Таймыра и у Норильскихъ озеръ (ср. I, стр. 163).

ТАБЛИЦА VIII.

Названія губерній и областей.	Наличное тунгусское населеніе въ 1897 году, говорящее по																			
	Всего.		тунгусски.			русски.			бурятски.			якутски.			юкагирски.			Итого на чужихъ языкахъ.		
			Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абс числ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м.п.	ж.п.		м. п.	ж. п.	
1. Амурская	623	481	559	432	*89,8*	54	42	*8,7*	—	—	—	10	7	*1,5*	—	—	—	64	49	*10,2*
2. Приморская	4.541	4.304	4.429	4.190	*97,4*	54	52	*1,2*	—	—	—	43	42	*1,0*	10[1]	10[1]	*0,2*	115[2]	114[2]	*2,6*[2]
3. Сахалинъ,о.	83	60	83	60	*100,0*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4. Якутская	6.251	5.980	3.991	3.555	*61,7*	9	6	*0,1*	—	—	—	2.146	2.307	*36,4*	105	112	*1,8*	2.260	2.425	*38,3*
5. Иркутская	1.103	1.088	955	929	*86,0*	131	143	*12,5*	17	16	*1,5*	—	—	—	—	—	—	148	159	*14,0*
6. Забайкальская	17.108	17.271	2.832	2.683	*16,0*	9.569	9.613	*55,8*	4.706	4.975	*28,2*	1	—	—	—	—	—	14.276	14.588	*84,0*
7. Енисейская	1.662	1.507	1.523	1.373	*91,4*	33	36	*2,2*	—	—	—	106	98	*6,4*	—	—	—	139	134	*8,6*
Всего	**31.375**[3]	**30.693**[3]	**14.373**[3]	**13.224**[3]	**44,5**	**9.850**	**9.892**	**31,8**	**4.723**	**4.991**	**15,7**	**2.306**	**2.454**	**7,6**	**115**	**122**	**0,4**	**17.002**	**17.469**	**55,5**

[1]) На коряцкомъ языкѣ.
[2]) Въ т. ч. 18 душъ (8 муж.) говорятъ на гольдскомъ (?) языкѣ (см. I, стр. 39).
[3]) Въ т. ч. 1 м. и 1 ж., говорящіе на родномъ языкѣ, въ Томскомъ округѣ Томской губерніи и 1 жен. въ Березовскомъ округѣ [Тоб. губерніи].

Всѣ остальные тунгусы края говорятъ на *родномъ* языкѣ. Ихъ 1.619 д. (846 м.) или 88,4% всѣхъ тунгусовъ.

Въ другихъ округахъ Енисейской губерніи проживаетъ всего 5 д. (4 м.) тунгусовъ, которые всѣ изъясняются на *родномъ* языкѣ.

Въ итогѣ по Енисейской губерніи получается, что 2.896 д. (1.523 м.) изъ зарегистрированныхъ въ ея предѣлахъ тунгусовъ говорятъ лишь на *родномъ* языкѣ. Они составляютъ 91,4% всѣхъ тунгусовъ губерніи. Остальные 273 д. (139 м.) или 8,6% говорятъ только на чужихъ языкахъ. Изъ нихъ 204 д. (106 м.) усвоили *якутскій* языкъ (6,4%), а остальные *русскій*—69 д. (33 м.) или 2,2%.

Сверхъ того 2 д. (1 м.) тунгусовъ были обнаружены въ Томскомъ округѣ Томской и 1 ж. въ Тобольской губерніи. Они показали *родной* языкъ.

* * *

Если подвести итоги всѣмъ статистическимъ даннымъ касательно родного языка тунгусовъ (и орочоновъ), сообщеннымъ въ разныхъ частяхъ этой главы, то въ результатѣ получится VIII таблица (стр. 194), охватывающая всю Восточную Сибирь.

Эта таблица показываетъ, что на *родномъ* языкѣ въ настоящее время изъ тунгусовъ Сибири изъясняется всего 27.507 д. (14.373 м.) или 44,5% т. е. менѣе половины всѣхъ представителей этого племени.

Всѣ прочіе въ числѣ 34.471 д. (17.002 м.) или 55,5% забыли родную рѣчь и изъясняются лишь на чужихъ нарѣчіяхъ. Если принять во вниманіе, что первая группа тунгусовъ, т. е. говорящихъ на родномъ языкѣ, въ значительной части случаевъ владѣетъ кромѣ того и другими языками—русскимъ, бурятскимъ, якутскимъ, а вторая совершенно не знаетъ по тунгусски, то только что приведенныя цифровыя отношенія окажутся еще менѣе въ пользу тунгусскаго языка. Изъ числа лицъ, не говорящихъ на родномъ языкѣ, 19.742 д. (9.850 м.) или 31,8% т. е. почти треть всѣхъ тунгусовъ Сибири усвоила *русскій* языкъ, 9.714 д. (4.723 м.) или 15,7%, т. е. около $^1/_6$ части всѣхъ тунгусовъ, считаетъ роднымъ языкомъ *бурятскій*, 4.760 д. (2.306 м.) или 7,6%—*якутскій* и 237 д. (115 м.) или 0,4%—*юкагир-*

скій (и коряцкій). О распредѣленіи лицъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, по территоріи Восточной Сибири, достаточно сказано выше. Тѣ же данныя по отдѣльнымъ округамъ видны изъ вышеприведенной таблицы.

Интересно отмѣтить, что денаціонализація тунгусовъ т. е. потеря ихъ языка и прежней культуры совершилась уже послѣ присоединенія Восточной Сибири къ Россіи, иначе говоря съ середины XVII ст. До только что названнаго періода времени почти всѣ тунгусы говорили на родномъ языкѣ, развѣ только, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые проживали среди бурятъ, усвоили нарѣчіе послѣднихъ, но такъ какъ въ XVII в. значительная часть даже Забайкальскихъ тунгусовъ вела еще бродячій образъ жизни и жила въ значительной степени въ сторонѣ отъ бурятовъ, то число такихъ лицъ, утратившихъ родной языкъ, не должно было быть велико. Якуты же въ тѣ времена жили въ довольно тѣсномъ районѣ по средней Ленѣ и по Алдану и большаго вліянія на тунгусовъ, жившихъ во всей остальной части области, имѣть не могли: мы знаемъ, что въ Вилюйскомъ округѣ, гдѣ тунгусы наиболѣе объякутились, якутовъ тогда вовсе не было. Естественно, что при подобныхъ условіяхъ даже для сношеній между отдѣльными племенами Якутской области якутскій языкъ значенія имѣть не могъ, какое онъ имѣетъ въ настоящее время (см. стр. 179).

Такимъ образомъ, завоеваніе страны русскими имѣло своимъ послѣдствіемъ не только вымираніе и уменьшеніе въ числѣ многихъ охотничьихъ и рыбачьихъ племенъ, но и утрату національныхъ особенностей у части уцѣлѣвшихъ по наши дни, большинство которыхъ естественно пріобщилось къ русской культурѣ, но часть, главнымъ образомъ тунгусовъ, также къ якутской и бурятской, причемъ обрусѣніе (и объякутеніе) шло рука объ руку съ принятіемъ тунгусами христіанской религіи и съ переходомъ ихъ къ осѣдлому образу жизни, между тѣмъ какъ обурятеніе ихъ было тѣсно связано съ обращеніемъ ихъ въ буддистскую религію и съ переходомъ ихъ отъ бродячаго къ кочевому хозяйству.

ГЛАВА VII.

Сословія.

Какъ и буряты, тунгусы распадаются на *инородцевъ* и на *казаковъ*. Первые [1]) составляютъ огромное большинство всѣхъ тунгусовъ и подраздѣляются въ юридическомъ отношеніи, согласно «уставу объ инородцахъ 1822 г.» на три категоріи, различающіяся между собою своими правами, большей и меньшей сложностью управленія и размѣрами взимаемыхъ податей.

Первой категоріей инородцевъ являются отличающіеся низшей степенью гражданственности *бродячіе* инородцы, которые въ вышеуказанномъ уставѣ характеризуются словами: «бродячіе или ловцы, живущіе въ отдаленіи и разсѣяніи». Сюда были причислены всѣ тѣ инородческія племена, которыя, занимаясь звѣроловствомъ и рыболовствомъ, постоянно проживаютъ ради своего промысла въ наиболѣе глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ и мѣняютъ свои мѣстожительства независимо отъ времени года и вообще безъ опредѣленнаго порядка. Вмѣсто отвода участковъ земли по родамъ, какъ-то практиковалось относительно кочевыхъ инородцевъ, имъ были предоставлены въ полное пользованіе цѣлыя полосы земли по берегамъ рѣкъ, въ горахъ и т. д., гдѣ они искони промышляли причемъ имъ было разрѣшено безпрепятственно передвигаться съ мѣста на мѣсто, не стѣсняясь границами уѣздовъ и губерній. Во главѣ каждаго рода этихъ инородцевъ поставленъ избираемый на три года староста (прежде также князьцы), на обязанности котораго лежало и лежитъ теперь взимать и передавать мѣстному начальству ясакъ, чинить словесную расправу между своими сородичами при немаловажныхъ проступкахъ, доставлять мѣстной полиціи разныя необходимыя свѣдѣнія напр. статистическаго харак-

[1]) Куломзинъ, l. c., V, 80—111.

тера и т. д. [1]). Будучи иногда присоединяемы ради удобства управленія къ управамъ или степнымъ думамъ кочевыхъ инородцевъ [2]), бродячіе инородцы все же не входили въ ихъ составъ и были освобождены отъ исполненія земскихъ повинностей и отъ уплаты суммъ на содержаніе инородныхъ управъ и степныхъ думъ.

Къ этой категоріи принадлежитъ менѣе половины всѣхъ тунгусовъ Сибири, иначе говоря, почти всѣ тунгусы, проживающіе внѣ Забайкальской области, а также представители этого племени, обитающіе въ сѣверной окраинѣ этой послѣдней. Скитаясь ради промысла по глухимъ дебрямъ и по гористымъ мѣстностямъ Восточной Сибири, которыхъ и по сейчасъ почти не коснулась ни переселенческая волна, ни всюду проникающая культура, эти тунгусы до сихъ поръ удержали свой примитивный образъ жизни и почти нигдѣ не проявляютъ склонности къ осѣдлости. Они почти всѣкрещены и лучше другихъ сохранили свой языкъ и свои національныя черты.

Вторая категорія инородцевъ это *кочевые инородцы*, т. е. туземцы, занимающіеся главнымъ образомъ скотоводствомъ, и ради этого занятія въ зависимости отъ времени года мѣняющіе мѣста своихъ кочевій въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Кочевые инородцы участвуютъ въ общихъ губернскихъ повинностяхъ и обязаны содержать на свой счетъ степное управленіе, въ которое группируются родовыя управленія, ихъ низшія административныя единицы. Родовое управленіе могутъ имѣть лишь тѣ роды, которые состоятъ изъ 15 и болѣе семействъ. Во главѣ такого управленія стоитъ выборный староста или наслѣдственный князецъ (съ однимъ или двумя помощниками), обязанности котораго тѣ же, что и у соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ бродячихъ инородцевъ. Родовыя управленія иногда группируются въ инородныя управы, которыя въ свою очередь иногда соединяются въ степныя думы, иногда же родовыя управленія соединяются прямо въ степныя думы или

---

[1]) Если часть рода живетъ вдали отъ главной его массы, то для управленія ею иногда тоже избираются старосты или самими инородцами особый приказный или капралъ («Землевѣдѣніе» 1900, I, 70).

[2]) Такимъ образомъ, Читинскіе орочоны причислены къ Урульгинской и Оловской управамъ Урульгинской степной думы (см. I, стр. 127).

же лишь въ инородныя управы, иногда же имѣютъ независимое существованіе [1]). Высшее мѣстное административное управленіе инородцами называется степной думой, которая состоитъ изъ главнаго родоначальника, засѣдателей и головъ инородческихъ управъ, причемъ первый утверждается въ своей должности генералъ-губернаторомъ.

Степная дума представляетъ собою общественное собраніе, на которомъ лежатъ однѣ хозяйственныя обязанности, а третьей и послѣдней послѣ управъ инстанціей словесной расправы, является мѣстная сельская (земская) полиція, рѣшенія которой могутъ однако быть обжалованы въ окружномъ судѣ.

Въ первое время появленія русскихъ въ Забайкальѣ, они разрѣшали каждому кочевому роду или каждой группѣ инородцевъ кочевать гдѣ они кочевали до того. Впослѣдствіе однако, ограждая ихъ земли отъ вторженія на нихъ постороннихъ лицъ, мѣстныя власти все-же излишнія и пустопорожнія земли отводили русскимъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, Сибирскій приказъ въ 1706 г. сдѣлалъ распоряженіе: «отводить пашни изъ порожнихъ земель, которая-бъ была не ясашная и не на ясашнихъ мѣстахъ, чтобъ ясашнимъ иноземцамъ въ томъ землею тамъ владѣнія никакого утѣсненія и споръ не было». Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, при увеличеніи въ краѣ русскаго населенія, инородцы принуждены были уступить ему и часть своихъ земель. Но и по сейчасъ кочевые инородцы имѣютъ назначенныя каждому поколѣнію или роду во владѣніе земли, часто весьма обширныя, на которыхъ безъ ихъ согласія не разрѣшается селиться посторонпимъ лицамъ. Въ случаѣ перехода ихъ къ осѣдлому образу жизни, кочевые инородцы имѣютъ право перечислиться въ разрядъ сельскихъ или городскихъ обывателей, причемъ за ними, какъ за всѣми инородцами вообще, сохраняется свобода отъ рекрутской повинности.

Но помимо этого, согласно уставу 1822 г., было установлено, что при производствѣ каждой ревизіи тѣ инородцы, которые прочно осѣли и стали заниматься земледѣліемъ, обязательно должны быть переведены въ разрядъ осѣдлыхъ ино-

---

[1]) l. c., V, стр. 84—85. Таковы три самостоятельныхъ родовыхъ управленія Баргузинскаго округа (I., стр. 146).

родцевъ, хотя по ст. 25 того же устава для такого перевода требовалось ихъ согласіе. Эта послѣдняя статья повидимому касалась лишь времени, прошедшаго между двумя извѣстными ревизіями (см. ниже). Впослѣдствіе однако правительство отказалось отъ этихъ насильственныхъ мѣръ ассимиляціи инородцевъ и вслѣдствіе этого, благодаря продолжавшемуся переходу инородцевъ къ земледѣлію и осѣдлому образу жизни, народилась въ Сибири, главнымъ образомъ, въ центральныхъ губерніяхъ и областяхъ, цѣлая категорія лицъ, юридически принадлежащихъ къ «кочевымъ» инородцамъ, но ведущихъ осѣдлый образъ жизни, часто мало чѣмъ отличающійся отъ быта смежныхъ русскихъ крестьянъ.

Въ такомъ положеніи находится большая часть тунгусовъ Забайкальской области Читинскаго, Селенгинскаго и другихъ округовъ, численность которыхъ простирается до 20,000 д., что составляетъ около трети всѣхъ тунгусовъ Сибири. Въ отличіе отъ бродячихъ, эти тунгусы весьма сильно ассимилировались со своими осѣдлыми и болѣе культурными сосѣдями—русскими и бурятами, на которыхъ нынѣ и походятъ во всѣхъ отношеніяхъ: они по большей части или православные или ламаиты, говорятъ или по русски или по бурятски (монгольски) и по своему образу жизни мало отличаются отъ нихъ.

Осѣдлые инородцы составляютъ третью извѣстную категорію инородцевъ. Они сравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ сословіями, въ которыя они вступаютъ и управляются на основаніи общихъ законовъ. Осѣдлые инородцы, которые въ виду своей разбросанности и малочисленности не могутъ образовать особыя управленія, причисляются къ русскимъ деревнямъ. Такимъ образомъ, и отдѣльныя селенія осѣдлыхъ инородцевъ, которыя по той или другой причинѣ не могутъ имѣть свою управу, присоединяются къ смежнымъ русскимъ волостямъ. Какъ и крестьяне, осѣдлые инородцы, живущіе въ селеніяхъ, имѣютъ право на надѣлъ въ 15 (прежде иногда на 30) десятинъ. Способъ происхожденія осѣдлыхъ инородцевъ указанъ выше. Юридически отличаясь отъ инородцевъ второй категоріи, они ведутъ совершенно одинаковый образъ жизни съ той ихъ частью, которая перешла къ осѣдлой жизни, но, какъ и они, освобождены отъ воинской повинности, чѣмъ отличаются отъ крестьянъ.

Часть осѣдлыхъ инородцевъ, проживая среди русскихъ настолько слилась съ ними, что не всегда можетъ быть обнаружена статистическимъ путемъ [1]), да это и не имѣло бы практическаго интереса.

Нѣкоторые изъ нихъ перечислились въ крестьянское сословіе добровольно, другіе, какъ мы видѣли, были перечислены насильно. Такія лица въ переписномъ матеріалѣ иногда называются «крестьянами изъ инородцевъ» но чаще, просто «крестьянами».

Въ прежнее время число инородцевъ, переведенныхъ въ государственные крестьяне, было весьма значительно; такимъ образомъ лишь въ 1824 г. въ уѣздахъ: Иркутскомъ, Нерчинскомъ и Верхнеудинскомъ было перечислено въ сословіе государственныхъ крестьянъ 6.283 душъ м. п. инородцевъ (бурятъ и тунгусовъ), въ томъ числѣ лишь 425 д. м. п. изъявили на это свое согласіе. Сверхъ того въ томъ же году перечислились въ мѣщанское сословіе 68 инородцевъ м. п. [2]).

Среди тунгусовъ осѣдлые инородцы образуютъ самую малочисленную категорію инородцевъ, встрѣчаясь въ небольшомъ числѣ въ Забайкальской области, Иркутской губерніи и въ Охотской округѣ Приморской области. Всѣ они совершенно обрусѣли, забыли родной языкъ, усвоили русскій образъ жизни и вообще ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ крестьянъ.

Въ переписномъ матеріалѣ разряды инородцевъ приведены далеко не всюду, чаще всего въ графѣ о сословіи значится просто «инородецъ» и рѣже «кочевой, осѣдлый или ясачный и бродячій инородецъ», въ виду этого, приводимыя ниже статистическія данныя касательно численности отдѣльныхъ разрядовъ инородцевъ у тунгусовъ не вполнѣ точны, хотя, опираясь на другіе достовѣрные источники и на основаніи раз-

---

[1]) Число ихъ можетъ быть приблизительно опредѣлено по фискальнымъ спискамъ, такъ какъ осѣдлымъ инородцамъ производится особый учетъ для опредѣленія суммы, взимаемой съ нихъ оброчной подати, которая по закону 1827 года, передается изъ Госуд. Казначейства въ Кабинетъ его Величества въ возмѣщеніе послѣднему убытковъ, которые онъ несетъ отъ исключенія инородцевъ изъ ясака. Но въ этихъ спискахъ вѣроятно фигурируютъ лишь ревизскія души 1858 г.

[2]) „Комм. д. изсл. землевл. и т. д. Забайк. обл.“, вып. V, прилож., стр. 146.

ныхъ соображеній и побочныхъ указаній въ переписныхъ листахъ [1]), ихъ и можно признать болѣе или менѣе близкими къ истинѣ.

Казаки [2]). За исключеніемъ единичныхъ лицъ, тунгусы казачьяго сословія имѣются въ Забайкальской области лишь въ Акшинскомъ, гдѣ входятъ въ составъ Забайкальскаго казачьяго войска. Привлечены были тунгусы къ охранѣ государственной границы уже съ самаго начала XVIII ст., причемъ караулы въ 7 пунктахъ отъ крѣпости Цурухайтуя на Аргуни до перевала черезъ Становой хребетъ, содержали 8 родовъ, число которыхъ впослѣдствіе возросло до 12 (см. II, стр.141). На западномъ склонѣ Станового хребта до Кяхты и далѣе до устья р. Харацай въ 15 караулахъ службу несли буряты 8 родовъ и 11 родовъ Хоринскаго тайши. Далѣе на западъ, но еще въ предѣлахъ нынѣшней Забайкальской области, 3 караула содержали Култукскіе тунгусы, о дальнѣйшей судьбѣ которыхъ см. II, стр. 143.

Инородцы, зачисленные въ казаки, были освобождены отъ платежа ясака, но воинская повинность весьма тяжело легла на тунгусскую стражу, охранявшую гористую и неудобную для скотоводства мѣстность отъ Бальшиханскаго (Баладжинскаго) караула Аргунскаго острога на протяженіи 800 вер.

Здѣсь тунгусскіе казаки были распредѣлены между 22 караулами, причемъ въ 12 западныхъ изъ нихъ было поставлено по 25 чел. и въ 10 восточныхъ по 12 чел., остальные назначены въ крѣпости. Кромѣ тунгусовъ въ каждый караулъ было назначено по одному русскому эфрейтору и по 6 русскихъ казаковъ.

Тунгусская стража несла свою службу безсмѣнно, въ виду того, что большая часть представителей этого племени откочевала далеко внутрь страны. «Оторванная отъ своихъ занятій и очаговъ она скоро такъ обнищала, что лишилась лошадей и питалась собаками и всякимъ гнусомъ».

---

[1]) Напр. осѣдлые инородцы, живущіе среди кочевыхъ, всегда показаны какъ таковые, часто и живущіе среди русскихъ; бродячіе инородцы переписывались по упрощенному способу, при которомъ нѣкоторыя графы остались незаполненными. Замѣтимъ еще, что сомнѣнія относительно разряда инородцевъ въ Забайкальской обл., гдѣ только и встрѣчаются всѣ ихъ три категоріи, не могутъ быть разрѣшены на основаніи трудовъ Коммиссіи ст. секр. Куломзина по той же области и за тотъ же 1897 г., потому что тамъ по сословіямъ распредѣлены не отдѣльныя національности (тунгусы, буряты), а инородцы вообще.

[2]) Куломзинъ, l. c., V, 58 сл. и Буссэ „Забайкальское инородческое войско“. („Тр. Пріам. отд. И. Р. Геогр. О.“ за 1895 г.).

Съ 1750 г. тунгусы-казаки были преобразованы въ пятисотенный Тунгусскій полкъ. Полкъ комплектовался изъ казачьихъ семействъ, а въ случаѣ недостатка въ людяхъ, то изъ другихъ приписанныхъ къ отбыванію пограничной службы и наиболѣе «добрыхъ и здоровыхъ родовъ» тунгусовъ.

Въ виду бѣдности тунгусовъ имъ было назначено казенное жалованье въ размѣрѣ 6 руб. въ годъ. Оружіе (гл. обр. луки) казаки-инородцы обязаны были имѣть свое, также лошадей; запасныхъ же коней тунгусы-казаки получали отъ Хоринскихъ бурятъ, на обязанности которыхъ лежало содержаніе лишь одного караула.

Въ отставку казаки изъ инородцевъ выходили лишь въ случаѣ негодности къ службѣ, причемъ замѣнялись молодыми людьми изъ подростающаго поколѣнія казачьяго сословія.

Управленіе указаной линіею было поручено кн. Гантимурову (см. ниже), который былъ подчиненъ пограничной канцеляріи, но по внутренному и хозяйственному управленію могъ дѣйствовать самостоятельно за исключеніемъ рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, которыя подлежали вѣдѣнію воеводскаго управленія.

Въ 1785 г. въ виду обострившихся отношеній съ Небесной Имперіей генералъ-губернаторъ Якобій въ видахъ усиленія охраны Нерчинской части границы склонилъ бурятъ и князя Гантимура выставить ополченіе, которое состояло изъ 2.500 конныхъ бурятъ и 1.500 тунгусовъ, но оно скоро было распущено. Въ 1851 г. казаки пограничныхъ отдѣленій какъ русскіе, такъ и инородцы, получили другое устройство и вошли въ составъ пѣшаго и коннаго Забайкальскаго войска, часть котораго составляютъ и по-нынѣ. Въ означенномъ году численность казаковъ бывшаго Тунгусскаго полка равнялась 1.667 чел. О нынѣшней численности казаковъ-тунгусовъ см. ниже.

Дворяне Гантимуровы. Живя за немногими исключеніями совершенно какъ другіе мѣстные инородцы, часть тунгусовъ Урульгинской управы принадлежитъ къ дворянскому сословію, а главная ихъ вѣтвь къ княжескому роду фамиліи Гантимуровыхъ [1]).

[1]) Относительно происхожденія фамиліи Гантимуровыхъ является сомнѣніе, были ли они даурами или тунгусами. Даурскими князьями они иногда называются въ русскихъ историческихъ актахъ и Китайское правительство во время переписки съ Москвой, возникшей по поводу

При завоеваніи русскими Забайкальскаго края князья Гантимуровы жили съ подвластными имъ тунгусами Нелюдскаго и другихъ родомъ на берегахъ Шилки и Ингоды, гдѣ и по-сейчасъ живутъ ихъ потомки. Въ серединѣ же XVII ст. Бекетовъ обложилъ этихъ тунгусовъ ясакомъ, что вынудило предка нынѣшнихъ князей Гантимуровыхъ уйти со своими людьми за Аргунь, въ Монголію. Но уже немного лѣтъ спустя онъ вернулся въ занятый русскими край съ войскомъ отъ Богдойскаго царя (см. I., 22), но вмѣсто враждебныхъ дѣйствій перешелъ на сторону русскихъ. Объ этомъ вторичномъ водвореніи дворянъ Гантимуровыхъ въ Сибири въ челобитной двухъ изъ ихъ представителей къ царю Петру Алексѣевичу написано слѣдующее: «прошлыхъ де давныхъ годѣхъ дѣдъ ихъ Гантимуръ служилъ Богдойскому царю четвертнымъ бояриномъ и былъ владѣтель и имѣлъ подъ собою воины и отъ Богдойскаго царя съ братомъ его царскимъ посыланъ былъ на службу краснымъ воеводой особымъ полкомъ подъ Комарскій острогъ на русскихъ людей съ войною и будучи де дѣдъ ихъ Гантимуръ подъ Комарскомъ острогомъ съ русскими людьми бою не далъ и, какъ отступили полки, и онъ ихъ дѣдъ съ дѣтьми своими и съ родомъ, которыя подъ нимъ были, изъ державы Богдойскаго государства отошелъ и пришелъ въ Нерчинскъ съ дѣтьми своими и совсѣмъ родомъ поклонился намъ великому государю больше 500 человѣкъ»... Потомъ онъ привлекъ къ себѣ изъ своей родины Манчжуріи, съ береговъ Науна, своего родственника—зайсана Бокая со своими людьми и «боемъ и призывомъ ясашный платежъ умножилъ». Богдойскій царь присылалъ за нимъ своего воеводу и увеличивъ ему окладъ и почести хотѣлъ его вернуть обратно, но Гантимуръ отвергъ его предложеніе и остался вѣренъ русскому царю.

бѣжавшаго въ Забайкалье Гантимура съ людьми подчеркиваетъ ихъ происхожденіе изъ страны, орошаемой р. Науномъ. Хотя это могло относиться и къ ихъ кратковременному пребыванію тамъ послѣ бѣгства съ береговъ Ингоды (см. II, стр. 22), но все же скорѣе всего допустить, что Гантимуры (изъ рода Нелюдскаго) были даурскаго происхожденія и выселились на Ингоду съ юга (это подтверждается и монгольскимъ именемъ ихъ родоначальника: Ханъ-Тимуръ). Остальные же инородцы, надъ которыми они правили, были по всему вѣроятію тунгусами, которые во всемъ Пріамурьѣ были подвластны и платили дань даурамъ (см. II, стр. 22, прим.).

[1]) Куломзинъ, l. c., V., прилож., стр. 20.

Китайское правительство на этомъ не остановилось и потребовало у русскихъ властей выдачи Гантимура. Русское правительство въ этомъ ему отказало и послѣдствіемъ этого обстоятельства были обострившіяся отношенія между обоими государствами, поведшія даже къ открытію военныхъ дѣйствій. Переселившись въ русскія владѣнія, Гантимуръ крестился вмѣстѣ со своимъ сыномъ Катанаемъ и получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Москву. По дорогѣ туда Гантимуръ, во св. крещеніи Петръ, умеръ въ Нарымѣ, а его сынъ, во св. крещеніи Павелъ, прибылъ въ столицу и былъ милостиво принятъ Петромъ Алексѣевичемъ, записанъ со своимъ родствомъ дворянами по Московскому списку и щедро одаренъ. Съ тѣхъ поръ дворяне Гантимуровы неоднократно пользовались широкими милостями Московскихъ царей, которые пожертвовали имъ вотчины и зачислили часть ихъ въ конный казачій полкъ. Со времени перехода Гантимуровъ въ Сибирь, изъ прямыхъ потомковъ Петра Гантимура—князей Гантимуровыхъ избирается начальникъ Урульгинской степной думы, состоящей изъ пяти тунгусскихъ и одной бурятской управъ (см. I, стр. 128), причемъ эта должность, соотвѣтствующая старшинамъ другихъ степныхъ думъ, въ данномъ случаѣ является наслѣдственной въ ихъ родѣ. Нынѣ число дворянъ Гантимуровыхъ равняется 371 д. (194 м.), причемъ большинство ихъ проживаетъ въ Читинскомъ округѣ (см. ниже).

* * *

Теперь приведемъ статистическія данныя касательно сословій тунгусовъ по отдѣльнымъ областямъ (губерніямъ) и округамъ и въ концѣ подведемъ итоги каждому сословію и покажемъ, какимъ образомъ все тунгусское населеніе Сибири распредѣляется по этому признаку.

Приморская область.

Почти всѣ тунгусы этой области принадлежатъ къ числу *бродячихъ инородцевъ*. Ихъ 8.408 д. (4.316 м.) или 95,0% Осѣдлые инородцы встрѣчаются лишь въ Охотской округѣ, хотя оффиціально они повидимому и не именуются «осѣдлыми». Общихъ число равно 196 д. (103 м.). Они тамъ составляютъ

населеніе дер Арманской—93 д. (53 м.) и Ольской—87 д. (42 м.). Осѣдлыми же можно считать и окончательно обрусѣлыхъ ламутовъ, живущихъ въ деревняхъ по р. Анадыри Анадырской округи. Ихъ 44 д. (25 м.). Всего осѣдлыхъ инородцевъ въ области будетъ такимъ образомъ 240 д. (128 м.) или 2,7% всѣхъ тунгусовъ.

Нѣкоторая часть тунгусовъ Усть-Майскаго вѣдомства Якутскаго округа, застигнутая въ предѣлахъ Удской округи, считается *кочевыми* инородцами, но, такъ какъ тѣ же роды бываютъ и бродячими и кочевыми, а въ переписномъ матеріалѣ не имѣется указаній, какую часть изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ той или другой категоріи, то мы опредѣлили ихъ число приблизительно. По Слюнину [1]) родъ Мякагирскій того же вѣдомства тоже переведенъ въ кочевые инородцы, но оставшіяся въ Якутскомъ округѣ 8 д. этого рода значатся по переписи бродячими. Всѣхъ кочевыхъ инородцевъ можно полагать въ Удской округѣ не менѣе 200 д. или 2,3%.

Амурская область и островъ Сахалинъ. Всѣ мѣстные тунгусы *бродячіе инородцы*.

Якутская область.

Большинство тунгусовъ области или 10.984 д. (5.628 м.)—89,8% принадлежитъ къ разряду *бродячихъ инородцевъ*. Лишь половина тунгусовъ Усть-Майскаго вѣдомства Якутскаго округа въ числѣ 1.247 д. (623 м.) или 10,2% всѣхъ тунгусовъ округа считаются *кочевыми инородцами* (см. I, стр. 90 сл.). Въ отличіе отъ бродячихъ представителей этого племени, снискивающихъ себѣ пропитаніе оленеводствомъ и звѣроловствомъ, эти кочевые инородцы занимаются по примѣру якутовъ преимущественно разведеніемъ рогатаго скота.

---

[1]) l. c. I, 487.

Иркутская губернія.

Большинство мѣстныхъ тунгусовъ—*бродячіе инородцы*. Ихъ 1943 д. (982 м.) или 88,7%. *Осѣдлыхъ* инородцевъ всего около 200 д. (100 м.) или 9,1%. Они принадлежатъ исключительно къ Нижне-Илимскому вѣдомству и проживаютъ въ собственныхъ селеніяхъ (см. I, стр. 109) и въ русскихъ деревняхъ Преображенской (29 д.) и другихъ волостей. *Кочевыми* же являются лишь тунгусы одного Верхне-Кетскаго улуса, принадлежащаго къ управленію Отдѣльнаго Сейгутскаго рода (Иркутск. окр.). Ихъ всего 48 д. (21 м.) или 2,2%.

Забайкальская область.

Большинство тунгусовъ принадлежатъ къ *кочевымъ инородцамъ*. Остальная ихъ часть приходится на долю *казаковъ* и *бродячихъ инородцевъ*, *осѣдлыхъ* же инородцевъ здѣсь почти нѣтъ.

Читинскій округъ. Почти всѣ мѣстные тунгусы и по нынѣ принадлежатъ къ разряду *кочевыхъ инородцевъ* хотя жители управъ Оловской, Маньковской, Урульгинской и Шундуинской и части остальныхъ двухъ управъ Урульгинскаго вѣдомства уже давно перешли къ осѣдлой жизни и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Въ переписномъ матеріалѣ въ графѣ о сословіи они по большей части показаны просто «инородцами» или «тунгусами».

Число кочевыхъ тунгусовъ простирается въ данномъ округѣ до 24.240 д. (11.989 м.) или 95,3%.

Изъ *бродячихъ* инородцевъ въ данномъ округѣ проживаютъ принадлежащіе къ тому же Урульгинскому вѣдомству *орочоны* — 902 д. (457 м.) или 3,5% мѣстныхъ тунгусовъ. Небольшая часть ихъ проживаетъ въ селеніяхъ (см. I, стр. 10).

Изъ другихъ сословій среди мѣстныхъ тунгусовъ встрѣ-

чаются еще *дворяне фамиліи Гантимуровыхъ*, коихъ 266 д. (141 м.) проживаютъ въ управѣ Урульгинской, главнымъ образомъ въ трехъ селеніяхъ: Князе-Поселѣ, Князе-Береговой, Князе-Урульгѣ, расположенныхъ по р. Ингодѣ (см. I, стр. 117), 45 д. (27 м.) въ управѣ Кужертаевской и 8 д. (2 м.) въ городѣ Читѣ или всего 319 д. (170 м.) или 1,2% тунгусовъ округа.

Селенгинскій округъ. Почти всѣ тунгусы округа, несмотря на то, что живутъ въ селеніяхъ, принадлежатъ къ категоріи *кочевыхъ* инородцевъ, кромѣ 51 д. (27 м.) въ с. Армакскомъ, которые считаются *осѣдлыми инородцами* (другіе тунгусы того же села, тоже обрусѣлые, названы просто «крещеными тунгусами» и юридически принадлежатъ къ разряду кочевыхъ инородцевъ).

Баргузинскій округъ. Тунгусы Баргузинской Тунгусской управы—440 д. (206 м.) или 20,8% — *кочевые инородцы*, принадлежащіе же къ Баунтовской управѣ и къ В. и Н. Ангарскимъ и Подлеморско-Шемагирскому родовымъ управленіямъ—1.678 д. (876 м.) или 79,2% суть *бродячіе* инородцы.

Нерчинскій, Нерчинско-Заводскій и Троицко-Савскій округа. Всѣ тунгусы происходятъ изъ Читинскаго округа и вслѣдствіе этого принадлежатъ къ разряду *кочевыхъ* инородцевъ. Отдѣльныя лица изъ казачьяго сословія и тунгусскаго происхожденія, которыя здѣсь могли встрѣтиться, не могли быть на основаніи данныхъ переписи выдѣлены изъ состава русскихъ и бурятскихъ казаковъ, такъ какъ они забыли родной языкъ.

Акшинскій округъ. Тунгусы распадаются на *кочевыхъ инородцевъ* и на *казаковъ*. Первые тоже происходятъ изъ Читинскаго округа. Число ихъ въ 1897 г. зимою было опредѣлено переписью въ 1.691 д. (831 м.) или 35,7% всѣхъ тунгусовъ округа, хотя, какъ указано выше, часть ихъ въ это время пребывала внѣ предѣловъ имперіи (см. I, стр. 136 сл.). Въ наибольшемъ числѣ тунгусы-инородцы были записаны въ станицахъ: В. Ульхунской—206 д. (95 м.), гл. образомъ въ пос. Кыринскомъ, Мангутской—127 д. (61 м.), Акшинской — 102 д. (51 м.), гл. обр. въ пос. Нарасунскомъ, въ ст. Могойтуевской—143 д. (69 м.), гл. образ. въ пос. Мо-

гойтуевскомъ, въ ст. Дурулгуевской — 202 д. (89 м.), гл. обр. въ пос. Дурулгуевскомъ, I Чиндантской 85 д. (40 м.), II Чиндантской — 181 д. (89 м.), гл. обр. въ пос. Кулусутуй, Цаганъ-Олуевской — 151 д. (71 м.), гл. обр. въ заимкахъ и урочищахъ, въ ст. Дуроевской—207 д. (105 м.), гл. обр. въ пос. Кайластуй, въ заимкахъ и урочищахъ, въ ст. Зоргольской—229 д. (131 м.), гл. обр. въ пос. Зоргольскомъ. Меньше ихъ оказалось въ ст. Букукунской 30 д. (17 м.), гл. обр. въ пос. Алтанскомъ и въ ст. Чалбучинской — 26 д. (13 м.), гл. обр. въ пос. I Булдуруйскомъ. Подробнѣе объ этомъ см. въ таблицѣ распредѣленія тунгусскаго населенія Акшинскаго округа по сословіямъ — I приженіе (I, 173—175).

Казаки въ числѣ 3.045 д. (1.482 м.) или 64,3% проживаютъ во всѣхъ станицахъ кромѣ Акшинской и Чалбучинской. Въ Букукунской стан. ихъ числится 509 д. (251 м.). Здѣсь они составляютъ почти все тунгусское населеніе. Въ В. Ульхунской—492 д. (230 м.), въ т. ч. 265 д. (130 м.) въ пос. Тыринскомъ; въ ст. Мангутской — 547 д. (259 м.), изъ коихъ 237 д. въ Мангутскомъ и 298 д. въ Ульхунскомъ поселкахъ; въ ст. Могойтуевской — 290 д. (137 м.); въ ст. Дурулгуевской — 124 д. (52 м.). гл. обр. въ пос. Кубухаевскомъ, въ I Чиндантской—164 д. (82 м.), гл. обр. въ Борзинскомъ пос.; въ II Чиндантской — 184 д. (95 м.), гл. обр. въ пос. Кулусутуй; въ Цаганъ-Олуевской ст. — 224 д. (105 м.), гл. обр. въ пос. Ключевскомъ и Абагайтуевскомъ; въ ст. Дуроевской — 467 д. (252 м.), изъ коихъ въ пос. Кайластуй — 261 д. Въ Зоргольской ст. ихъ всего 39 д. (18 м.) и въ Чалбучинской—3 д. (см. I., 133—135 и I приложеніе).

Въ числѣ казаковъ-тунгусовъ Акшинскаго округа имѣются дворяне фамиліи Гантимуровыхъ, число которыхъ перепись 1897 г. опредѣлила въ 24 м. и 28 ж.

* * *

Въ итогѣ цифровыя данныя касательно сословныхъ группъ тунгусскаго населенія Забайкальской области представляются въ слѣдующемъ видѣ:

ТАБЛИЦА IX.

Названія округовъ.	Наличное тунгусское населеніе въ 1897 году.		Инородцы.								Казаки.		Потомств. дворяне.	
			Осѣдлые.		Кочевые.		Бродячіе.		Итого.					
	м. п.	ж. п.	м. ж.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1. Читинскій	12.159	12.400	—	—	11.989	12.251	—	—	11.989	12.251	—	—	170 [1])	149 [1])
2. Акшинскій	2.313	2.423	—	—	831	860	—	—	831	860	1.482	1.563	—	—
3. Баргузинскій	1.082	1.036	—	—	206	234	876	802	1.082	1.036	—	—	—	—
4. В.-Удинскій	50	42	—	—	—	—	50	42	50	42	—	—	—	—
5. Нерчинскій	355	237	—	—	355	237	—	—	355	237	—	—	—	—
6. Нерчинско-Заводскій	218	187	—	—	218	187	—	—	218	187	—	—	—	—
7. Селенгинскій	442	478	27	24	415	454	—	—	442	478	—	—	—	—
8. Троицко-Савскій	5	—	—	—	5	—	—	—	5	—	—	—	—	—
Итого	**16.624**	**16.803**	**27**	**24**	**14.019**	**14.223**	**926**	**844**	**14.972**	**15.091**	**1.482**	**1.563**	**170 [1])**	**149 [1])**
Сверхъ того орочоны	484	468	—	—	—	—	484	468	484	68	—	—	—	—
Всего	**17.108**	**17.271**	**27**	**24**	**14.019**	**14.223**	**1.410**	**1.312**	**15.456**	**15.559**	**1.482**	**1.563**	**170 [1])**	**149 [1])**

[1]) Въ числѣ казаковъ Акшинскаго округа еще 52 д. (24 м.) дворянъ Гантимуровыхъ.

Изъ этой таблицы усматривается, что огромное большинство всѣхъ тунгусовъ Забайкальской области принадлежатъ къ сословію *инородцевъ*. Ихъ 31.015 д. (15.456 м.) или 90,2% всѣхъ тунгусовъ. Изъ отдѣльныхъ подраздѣленій этого сословія рѣшительно преобладаютъ *кочевые* инородцы— 28.242 д. (14.019 м.) или 91,1% инородцевъ. *Бродячихъ* (включая орочоновъ) всего 2.722 д. (1.410 м.) или 8,8% инородцевъ. *Осѣдлыхъ* почти нѣтъ. Кочевые проживаютъ во всѣхъ округахъ кромѣ Верхнеудинскаго, гдѣ встрѣтились лишь бродячіе, которые своею численностью превышаютъ кочевыхъ и въ Баргузинскомъ округѣ.

Изъ другихъ сословій въ области встрѣчаются среди тунгусовъ еще *казаки*, сгруппированные въ станицахъ Акшинскаго округа. Ихъ всего 3.045 д. (1.482 м.) или 8,9% всѣхъ тунгусовъ области.

Наконецъ, въ этой же области проживаютъ и *потомственные дворяне* изъ семейства Гантимуровыхъ (см. стр. 135, 140, 146). Ихъ всего 371 д. (194 м.), хотя въ таблицу вошли лишь 319 д. (170 м.) или 0,9%, проживающіе въ Читинскомъ округѣ (остальные, какъ казаки, включены въ группу этихъ послѣднихъ).

* * *

Въ началѣ истекшаго столѣтія всѣ вышеуказанныя группы тунгусскаго населенія вполнѣ соотвѣтствовали по своему образу жизни и культурному развитію тѣмъ юридическимъ понятіямъ, которыя они представляли. «Осѣдлыми» считались тѣ изъ инородцевъ, которые отъ кочеваго и бродячаго образа жизни перешли къ осѣдлой жизни земледѣльцевъ, «кочевыми» — скотоводы, періодически мѣняющіе свои мѣста въ зависимости отъ ихъ кормовыхъ средствъ и, наконецъ, «бродячими» считались всѣ прочіе инородцы, не имѣющіе постоянной осѣдлости и занимающіеся звѣроловствомъ, рыболовствомъ, а также оленеводствомъ. Послѣдняя группа и посейчасъ сохранила свой прежній образъ жизни, а вторая, на $^2/_3$ перейдя уже къ осѣдлой жизни, и по-нынѣ юридически считается «кочевой» (см. стр. 200).

Сопоставленіе данныхъ о прежней численности отдѣльныхъ сословныхъ группъ тунгусскаго населенія съ настоящей даетъ намъ возможность имѣть правильное сужденіе о боль-

шой или меньшей жизнеспособности каждой изъ нихъ. Къ сожалѣнію однако перемѣны въ очертаніяхъ и площадяхъ отдѣльныхъ округовъ и даже губерній, происшедшія въ теченіи истекшаго столѣтія, сильно затрудняютъ подобное сопоставленіе по отдѣльнымъ округамъ и заставляютъ ограничиться сравненіемъ извѣстнаго ихъ комплекса. Гагемейстеръ [1]) сообщаетъ намъ за 1840 г. слѣдующія данныя о численности тунгусовъ Забайкальской области и Иркутской губерніи:

Забайкальская область. *Бродячіе* инородцы: въ Нерчинскомъ округѣ—329 м. и 404 ж. и въ сѣверной части Верхне-Удинскаго округа—1252 м. и 1143 ж. или всего 1581 м. и 1547 ж.

Кочевые инородцы области—1763 м. и 1613 ж. и *полуосѣдлые* 4280 м. и 4438 ж.—потомки выходцевъ съ береговъ Науна подъ предводительствомъ Гантимура (см. выше) или тѣ и другіе вмѣстѣ 6043 м. и 6051 ж.

Въ виду того, что границы области подверглись съ тѣхъ поръ значительнымъ перемѣнамъ въ юго-западномъ ея углу, гдѣ эта область увеличилась за счетъ Иркутской губерніи, намъ слѣдуетъ для большей убѣдительности сопоставленія воспользоваться для этого данными и по Иркутской губерніи, гдѣ имѣлись (какъ и нынѣ) лишь бродячіе инородцы. Въ 1840 г. въ Иркутскомъ округѣ числилось 890 м. и 816 ж. тунгусовъ, бродившихъ по берегамъ Байкала и по хребтамъ Саянскихъ горъ, и въ Киренскомъ округѣ, главнымъ образомъ по лѣвой сторонѣ Лены—826 м. и 869 ж. или всего 1716 м. и 1685 ж. Итого въ означенныхъ губерніи и области въ 1840 году числилось 9340 м. и 9283 ж. или 18.623 д. об. п. Въ 1897 г. по даннымъ переписи въ томъ же районѣ число тунгусовъ опредѣлилось въ 36.569 д. (18.211 м.), что показываетъ, что тунгусское населеніе Иркутской губерніи и Забайкальской области *удвоилось* за періодъ времени въ 57 лѣтъ.

Проанализируемъ теперь эти данныя, разбивъ указанныя числа на отдѣльныя сословныя группы: число кочевыхъ и полуосѣдлыхъ указаннаго района инородцевъ опредѣлялось въ 1840 году въ 12.094 д. (6043 д.),

---

[1]) „Статистическое обозрѣніе Сибири“, II., 1854 г.

между тѣмъ какъ въ 1897 г. эта группа тунгусовъ (осѣдлые и кочевые) состояла уже изъ 28.541 д.(14.167 м.) т. е. она *возрасла* за 57 л. на 16.447 д. или на 136%!

Число *бродячихъ* инородцевъ области и губерніи опредѣлялось въ 1840 г. въ 6529 д. (3297 м.). Въ 1897 же году эта группа состояла всего изъ 4665 д. (2392 м.) т. е. она за тотъ же періодъ времени потеряла 1664 д. или 28,6% своего прежняго числа.

Правда, со времени 1840 г. отдѣльные тунгусы могли быть перечислены изъ категоріи бродячихъ въ разрядъ кочевыхъ или осѣдлыхъ, но, если подобные случаи и могли имѣть мѣсто, они не могутъ болѣе или менѣе существенно повліять на наглядные выводы, которые можно сдѣлать изъ сопоставленія отдѣльныхъ сословныхъ группъ тунгусовъ за разные періоды времени, именно что переходъ отъ бродячей жизни оленеводовъ и охотниковъ къ кочевому образу жизни скотоводовъ и къ осѣдлому земледѣльцевъ значительно повышаетъ жизнеспособность инородцевъ Сибири и тунгусовъ въ частности, которые, вымирая въ стадіи бродячихъ инородцевъ, показываютъ положителчный естественный приростъ, перейдя на одну изъ вышеупомянутыхъ болѣе высокихъ ступеней культурнаго развитія.

Енисейская губернія. За исключеніемъ 4 д. (3 м.) тунгусовъ Канскаго округа, перечислившихся въ сословіе крестьянъ, всѣ прочіе тунгусы губерніи принадлежатъ къ разряду *бродячихъ* инородцевъ.

* * *

Въ слѣдующей таблицѣ сопоставлены всѣ вышеприведенныя статистическія данныя касательно численности отдѣльныхъ сословныхъ группъ тунгусовъ Восточной Сибири (по округамъ).

ТАБЛИЦА X.

Названія губерній и областей	Наличное тунгусское населеніе въ 1897 г.		Инородцы.								Казаки.		Потомств. дворяне.	
			Осѣдлые.		Кочевые.		Бродячіе.		Итого.					
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1. Амурская обл.	623	481	—	—	—	—	623	481	623	481	—	—	—	—
2. Приморская обл. . . .	4.544	4.304	128	112	100	100	4.316	4.092	4.544	4.304	—	—	—	—
3. Сахалинъ, о-въ . . .	83	60	—	—	—	—	83	60	83	60	—	—	—	—
4. Якутская обл.	6.251	5.980	—	—	623	624	5.628	5.356	6 251	5.980	—	—	—	—
5. Забайкальская обл. . .	17.108	17.271	27	24	14.019	14.223	1 410	1.312	15.456	15.559	1.482[3])	1.563[3])	170[3])	149[3])
6. Иркутская губ.	1.103	1.088	100	100	21	27	982	961	1.103	1.088	—	—	—	—
7. Енисейская „	1.662	1.507	3 [2])	1 [2])	—	—	1.659	1.506	1.662	1.507	—	—	—	—
Итого	**31.375** [1])	**30.693** [1])	**258** [2])	**237** [2])	**14.763**	**14.974**	**14.702** [1])	**13.770** [1])	**29.723** [1])	**28.981** [1])	**1.482**[3])	**1.563**[3])	**170**[3])	**149**[3])

[1]) Въ т. ч. 1 м. и 1 ж. бродячихъ инородцевъ въ Томскомъ округѣ Томской губ. и 1 ж. въ Березовскомъ округѣ Тобольской губ.

[2]) 4 д. (3 м.) государственные крестьяне.

[3]) См. примѣчаніе на стр. 210.

Изъ этой таблицы явствуетъ, что огромное большинство всѣхъ тунгусовъ Сибири принадлежитъ къ сословію *инородцевъ* — 58.704 д. (29.723 м.) или 94,6% всѣхъ представителей этого племени. На остальныя сословія приходится всего 3364 д. (1652 м.) или 5,4%, въ томъ числѣ 3045 д. (1482 м.) или 4,9% *казаковъ*, остальные *потомственные дворяне* фамиліи Гантимуровыхъ. Эти оба сословія встрѣчаются лишь въ Забайкальской области.

Инородцы въ свою очередь подраздѣляются на *осѣдлыхъ*, которыхъ очень мало (0,8%), на кочевыхъ и бродячихъ. *Кочевые* встрѣчаются лишь въ Забайкальской и отчасти въ Якутской (и Приморской) областяхъ, хотя по своему числу и занимаютъ первое мѣсто среди всѣхъ категорій инородцевъ этого племени. Ихъ 29.737 д. (14.763 м.) или 50,7%.

Бродячіе пользуются наибольшимъ распространеніемъ, встрѣчаясь во всѣхъ областяхъ и губерніяхъ Сибири, и по числу немного уступаютъ кочевымъ инородцамъ; ихъ всего 28.472 д. (14.702 м.) или 48,5% инородцевъ (45,9% всѣхъ тунгусовъ).

Мы знаемъ изъ предъидущаго, что тунгусы въ значительной степени утратили свои племенныя особенности. Отдѣльныя сословныя группы представляютъ въ этомъ отношеніи слѣдующія градаціи. Осѣдлые всюду почти совсѣмъ обрусѣли; кочевые инородцы Забайкальской области, гдѣ сосредоточена ихъ главная масса, перейдя по большей части къ осѣдлой жизни, также частью обрусѣли, частью обурятились. Это же касается и казаковъ-тунгусовъ и дворянъ, изъ коихъ первые почти всѣ превратились въ бурятъ, а вторые въ русскихъ. Остаются одни бродячіе тунгусы, которые и по-сейчасъ являются носителями прежней тунгусской культуры.

Живя по большей части вдали отъ русскихъ и отъ полукультурныхъ народовъ Сибири — бурятъ и якутовъ, они и по наши дни съумѣли сохранить въ большей или меньшей чистотѣ свои обычаи и нравы, свой образъ жизни, свой языкъ и свои религіозныя воззрѣнія, несмотря на то, что большинство изъ нихъ приняло святое крещеніе. Весьма удобнымъ критеріумомъ для сужденія о степени сохраненія національности у извѣстнаго племени можетъ служить языкъ, который по большей части окончательно вымираетъ лишь тогда, когда данный народъ путемъ столкновенія съ сосѣдями уже въ значительной степени утратилъ, какъ чистоту своего физиче-

скаго типа, такъ и своего духовнаго міра. Шренкъ, примѣняя этотъ критерій для сужденія о національности, видитъ даже въ этомъ признакѣ ultimum moriens народа, съ утратой котораго послѣдній перестаетъ существовать какъ самостоятельная величина. Если примѣнить этотъ признакъ къ тунгусамъ Сибири (см. стр. 194 сл.), то окажется, что названный народъ уже болѣе чѣмъ на половину не существуетъ, превратившись въ русскихъ, бурятовъ и якутовъ, причемъ даже малокультурные юкагиры съумѣли ассимилировать себѣ часть тунгусовъ. Остановимся теперь на этомъ вопросѣ и прослѣдимъ, въ какой степени отдѣльныя сословія тунгусовъ съумѣли сохранить свой родной языкъ. Это намъ до извѣстной степени покажетъ, насколько каждое изъ нихъ въ настоящее время осталось вѣрно своей національности.

Осѣдлые инородцы. Изъ 495 д. (258 м.) говорятъ на *родномъ* языкѣ лишь 138 д. (77 м.) или 27,9%, живущіе въ дер. Арманской и отчасти Ольской Охотской округи (Прим. обл.). Всѣ остальные—72,1% вполнѣ *обрусѣли*.

Кочевые инородцы. Изъ 29.737 д. (14.673 м.) этого разряда инородцевъ на родномъ языкѣ говорятъ лишь 4.356 д. (2.186 м.) или 14,6%.

Изъ нихъ живущіе въ Иркутской губерніи и Якутской (и Приморской) области, почти всѣ сохранили родную рѣчь, а изъ Забайкальскихъ лишь 2.866 д. (1.445м.) или 10,2%. Всѣ остальные промѣняли ее на русскую и бурятскую рѣчь и, наконецъ,

Изъ 28.472 д. (14.702 м.) *бродячихъ* инородцевъ на *родномъ* языкѣ говорятъ 23.161 д. (12.136 м.) или 81,3% всѣхъ тунгусовъ этого разряда.

Если мы здѣсь еще присовокупимъ, что изъ *казаковъ*-тунгусовъ говорятъ на родномъ языкѣ лишь 155 д. (87 м.) или 5,1%, а изъ *потомственныхъ дворянъ* Гантимуровыхъ никто, то мы можемъ сказать, что намъ удалось статистическимъ путемъ доказать, что въ настоящее время изо всѣхъ сословныхъ группъ тунгусовъ лишь категорія бродячихъ инородцевъ въ большей или меньшей степени сохранила свои національныя особенности и можетъ считаться чисто-тунгусской, между тѣмъ какъ всѣ остальныя группы въ общемъ уже болѣе или менѣе пріобщились къ другимъ національностямъ, удержавъ пока однако названіе тунгусовъ какъ признакъ ихъ тунгусскаго происхожденія. Если мы при прове-

деніи разграничительной линіи между этими двумя категоріями тунгусовъ положимъ въ основаніе *сословный* признакъ, то число тунгусовъ по существу (бродячіе инородцы) будетъ 28.472 д. или 45,9% всѣхъ тунгусовъ, а число лицъ, принадлежащихъ къ этому племени, почти лишь по имени—всѣ прочія группы сословій, будетъ равна 33.596 д. или 54,1% всѣхъ тунгусовъ. Принявъ же какъ признакъ для такого разграниченія *родной языкъ*, мы получимъ, что первая группа состоитъ изъ 27.597 д. или 44,5% всѣхъ тунгусовъ и вторая изъ 34.471 д. или 55,5%. Другими словами, будемъ ли мы руководствоваться языкомъ или сословіемъ, въ обоихъ случаяхъ настоящихъ тунгусовъ въ 1897 г. по даннымъ въ общей переписи оказывается менѣе половины (ок. 45%) всего числа лицъ, которыя носятъ названіе тунгусовъ.

Какъ мы неоднократно указывали въ теченіи настоящаго труда, жизнеспособность обѣихъ вышеприведенныхъ группъ тунгусскаго племени совершенно различная. Группа бродячихъ инородцевъ, говорящихъ на родномъ языкѣ, представляя въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи нисшую степень культурнаго развитія, переходъ отъ которой къ болѣе высокой ступени кочевниковъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ весьма затруднителенъ для невѣжественныхъ и обнищавшихъ дикарей, почти повсемѣстно показываетъ отрицательный приростъ, зависящій главнымъ образомъ отъ значительнаго перевѣса числа смертныхъ случаевъ надъ числомъ рожденій и въ гораздо меньшей отъ пріобщенія части ея представителей къ другой (кочевой и осѣдлой) группѣ, которая напротивъ сильно увеличивается въ числѣ почти исключительно путемъ положительнаго естественнаго приращенія. Такимъ образомъ, чисто національная часть тунгусскаго племени быстрыми шагами идетъ на встрѣчу своему исчезновенію, причемъ это вымираніе значительно опережаетъ переходъ этого бродячаго населенія къ кочевой и осѣдлой жизни и ассимиляцію съ болѣе культурными сосѣдями. Но сильный приростъ почти денаціонализовавшейся кочевой и осѣдлой части этого племени доказываетъ, что при благопріятныхъ условіяхъ тунгусское племя обладаетъ значительной жизнеспособностью, хотя это достояніе и покупается у нихъ, какъ и у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ, дорогою цѣною—утратою національности—und bist du einmal Mensch geworden, so ist es aus mit dir (Faust).

ГЛАВА VIII.

Религіозный составъ.

Въ религіозномъ отношеніи тунгусы распадаются на христіанъ, ламаитовъ и язычниковъ.

По численности первое мѣсто принадлежитъ *христіанамъ* (православнаго исповѣданія). Это касается не только тѣхъ тунгусовъ, которые обрусѣли и ведутъ осѣдлый образъ жизни, но и кочевыхъ и бродячихъ, вполнѣ сохранившихъ свои племенныя особенности. Вообще тунгусы изъ всѣхъ коренныхъ народовъ Сибири больше всего показали склонность усваивать религію, образъ жизни и языкъ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Но конечно христіанство ихъ, какъ и другихъ инородцевъ Россіи, коснулось лишь чисто внѣшней, обрядовой, его стороны, между тѣмъ какъ по существу они остались тѣми же язычниками, какими они были раньше того.

Они правда знаютъ, что дѣтей надо крестить, что бракъ долженъ быть освященъ священникомъ и что надъ покойникомъ послѣдній долженъ прочесть молитву. Эти обряды, смыслъ которыхъ они не понимаютъ, они все же болѣе или менѣе исполняютъ, но не въ тѣ сроки, какъ того требуетъ церковь. Бракъ освящается иногда много лѣтъ послѣ его заключенія, причемъ священникъ подчасъ попутно креститъ 2—3 дѣтей новобрачныхъ, покойниковъ же, скончавшихся въ тайгѣ рѣдко отпѣваютъ, а хоронятъ чаще по языческимъ обрядамъ. Вообще, постоянно скитаясь по непроходимымъ тайгамъ и урманамъ своей обширной родины, бродячіе тунгусы даже не каждый годъ выходятъ на сугланы, т. е. на сборища въ мѣста, назначенныя для уплаты ясака, куда пріѣзжаютъ для совершенія требъ и ихъ пастыри. Въ эти дни инородцы исполняютъ всѣ свои духовныя потребности

за цѣлый годъ или даже за цѣлый рядъ лѣтъ: они крестятъ дѣтей, вѣнчаются, отпѣваютъ покойниковъ, хотя бы умершихъ вдали, и, присутствуя при богослуженіи въ убогой часовнѣ усердно крестятся, кладутъ земные поклоны и ставятъ передъ иконами восковыя свѣчи.

И дома у многихъ изъ нихъ имѣются иконы, которыя они бережно хранятъ въ футлярахъ, но въ праздники онѣ вынимаются и ставятся на видное мѣсто и благочестивые инородцы передъ ними усердно молятся. Но дальше этихъ внѣшнихъ проявленій религіознаго чувства у нихъ обыкновенно не идетъ и сущность христіанскаго ученія для нихъ совершенно темна. Это ясно иллюстрируется вопросами, которые они предлагаютъ иногда путешественникамъ касательно христіанской религіи: напр. какой Богъ больше: Никола-Богъ или Троица-Богъ?

Обращеніе тунгусовъ въ христіанство началось еще въ XVII ст., вскорѣ послѣ ихъ подчиненія Россіи, но за исключеніемъ тѣхъ, которые поселились вблизи русскихъ остроговъ и зимовій по Енисею, Онѣ, по Охотскому морю и Ападыри и образовали вмѣстѣ съ ними осѣдлое населеніе первыхъ поселковъ, оно слабо распространялось между инородцами вообще и между тунгусами въ частности. Это обстоятельство находитъ объясненіе въ незначительной численности русскаго населенія первыя два столѣтія по завоеваніи Сибири, въ малодоступности и пустынности ихъ территорій, въ отсутствіи людей, которые знали бы туземные языки и въ недостаткѣ пастырей для просвѣщенія всей массы инородцевъ Сибири. Но даже тамъ, гдѣ таковые имѣлись, они не всегда стояли на высотѣ своего положенія: многіе изъ нихъ гораздо болѣе заботились о мірскихъ дѣлахъ, чѣмъ о благѣ своей паствы, и не могли внушить къ себѣ должнаго уваженія со стороны полудикихъ племенъ. Нѣкоторые изъ этихъ пастырей были далеко не безупречнаго поведенія. Этотъ не всегда удовлетворительный составъ церковнослужителей объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что за это трудное и тяжелое дѣло часто брались люди неподготовленные и часто невысокой нравственности и что нравы въ тогдашней Сибири вообще были весьма грубы и дики. Дѣйствительно, прежніе бытописатели Енисейской губерніи, гдѣ и понынѣ часть тунгусовъ пребываетъ въ язычествѣ, пишутъ объ нихъ: «Миссіонеры, разъѣзжавшіе

по тунгусскимъ стойбищамъ, пьянствуютъ, спаиваютъ инородцевъ и даже прелюбодѣйствуютъ съ тунгусскими и инородческими женщинами. Въ иныхъ мѣстностяхъ дѣло доходило до того, что инородцы покушались убить за это миссіонеровъ».

Конечно при такихъ обстоятельствахъ тунгусы не очень торопились мѣнять вѣру своихъ отцевъ на возвышенное ученіе Христа, хотя, какъ сказано выше, они легче чѣмъ другіе туземцы Сибири разстаются со своей прежней религіей и вообще съ достояніемъ своей прежней культуры, что обнаруживается напр. въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ почти всѣ тунгусы христіане, между тѣмъ какъ среди проживающихъ о бокъ съ ними самоѣдовъ еще половина придерживается язычества.

Еще во второй половинѣ XVIII ст. большая часть тунгусовъ пребывала въ язычествѣ, но къ самому концу этого столѣтія, по крайней мѣрѣ въ Якутской области, замѣчается оборотъ въ пользу христіанства, въ значительномъ числѣ христіанскія имена начинаютъ встрѣчаться въ ревизскихъ сказкахъ тунгусскихъ родовъ лишь съ начала или вѣрнѣе съ 20-хъ годовъ истекшаго столѣтія [1]), причемъ въ послѣдующія десятилѣтія его обратились въ православіе почти всѣ тунгусы Сибири, какъ бродячіе, такъ и кочевые, которые не успѣли раньше примкнуть къ ламайской религіи.

Въ Забайкальской области обращеніе тунгусовъ въ христіанство началось еще въ XVI ст., когда крестилась семья князей Гантимуровыхъ и за ними многіе инородцы изъ подвѣдомственныхъ ей родовъ. Живя болѣе густо, чѣмъ другіе тунгусы, обитавшіе къ сѣверу отъ Ингоды и Шилки, они раньше другихъ перешли къ осѣдлости и, будучи окружены съ юга кольцомъ русскихъ поселеній, скоро приняли христіанство и обрусѣли. Въ меньшей степени это касается тунгусовъ, жившихъ къ югу отъ названныхъ рѣкъ, гдѣ вліяніе русскаго населенія до извѣстной степени парализовалось успѣхами сильнаго въ южной и западной частяхъ области ламаизма.

---

[1]) И по-сейчасъ у тунгусовъ сохранились языческія имена или прозвища, которыя въ ихъ средѣ часто болѣе популярны, чѣмъ христіанскія имена; такимъ образомъ, въ переписномъ матеріалѣ по Петропавловской округѣ (Прим. обл.) у мѣстныхъ ламутовъ Долганскаго рода наряду съ этими послѣдними отмѣчены слѣдующія прозвища мужскія: няревла—„гордый“, гарпанъ—„стрѣлокъ“, арманъ—„горбатый“, энгая—„богатый“, мынгани—„серебро“; женскія: мандáкъ—„серебро“, тэргыкъ—„полдень“, áттыканъ—„старушка“.

Впрочемъ и въ средней полосѣ Читинскаго округа православіе приняла большая часть тунгусовъ Шундуинской управы, прилегающей къ густо населеннымъ русскимъ мѣстностямъ Нерчинскаго (и Акшинскаго) округа, многія изъ селеній котораго расположены и черезполосно съ тунгусскими улусами и деревнями названной управы. Въ расположенной къ востоку отъ нея болѣе изолированной отъ русскихъ Маньковской управѣ, гдѣ тоже преобладаютъ христіане, еще по-сейчасъ сохранилось не мало язычниковъ. Южнѣе этихъ двухъ управъ тунгусы, какъ мы увидимъ ниже, уже подпали вліянію бурятъ и исповѣдываютъ ламайскую вѣру.

Такимъ образомъ, христіанство можетъ развиваться еще лишь среди тунгусовъ Маньковской управы. Что же касается до обращенія ламаитовъ въ православіе, то оно совершается весьма туго. Какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, въ христіанство нынѣ переходятъ чаще порочныя лица, желающія этимъ путемъ избѣгнуть наказаніе, лица чувствующія себя обиженными родовичами или сосѣдями и ожидающія переходомъ въ христіанство пріобрѣсти заступниковъ, семьи совсѣмъ обнищавшія и тому подобные элементы. Такъ было еще въ 20-хъ годахъ истекшаго столѣтія, такъ дѣло обстоитъ и теперь. Но въ общемъ миссіонерская дѣятельность въ Забайкальской области успѣха не имѣетъ.

Хотя крещеніе и не обязываетъ прозелитовъ къ перемѣнѣ образа жизни, но, чувствуя себя чуждыми среди своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, перешедшіе въ христіанство обыкновенно группируются около христіанскихъ селеній русскихъ или инородческихъ и этимъ путемъ скоро окончательно русѣютъ. Къ выселенію новокрещенцевъ изъ ихъ прежнихъ мѣстожительствъ побуждаютъ ихъ и мѣстныя власти и русское духовенство, имѣя въ виду изолировать ихъ отъ вреднаго вліянія сообщничества съ представителями другихъ религій, которое иногда имѣло послѣдствіемъ отпаденіе ихъ отъ христіанства и возвращеніе къ прежней вѣрѣ. Если число новокрещенцевъ было довольно значительно, то изъ нихъ образовывали самостоятельное селеніе или ихъ приселяли къ ближайшему селенію инородцевъ, принявшихъ православіе. И даже среди сплошнаго ламаитскаго населенія, говорящаго по бурятски, подобные поселки образуютъ какъ бы русскіе островки, потому что наряду съ принятіемъ христіанства эти инородцы начинали и

здѣсь усваивать русскій образъ жизни и русскій языкъ. Таковы деревни обрусѣлыхъ христіанъ-тунгусовъ среди сплошнаго обуряченнаго тунгусскаго населенія управъ Кужертаевской (д. Кужертай, д. Жипкошинская, Онкоекская, Ново-Тулутаевская) и Онгоцонской (с. Бырцинское, д. Усть-Улуринская). Замѣтимъ, что во избѣжаніе притѣсненія со стороны иновѣрческихъ ихъ единоплеменниковъ послѣдніе должны были выдѣлить причитающійся на долю новокрещенцевъ земельный надѣлъ въ особый участокъ. Сверхъ того для защиты ихъ правъ въ степной думѣ каждыя 280 душъ крещеныхъ инородцевъ имѣютъ въ ея составѣ по одному выборному лицу.

По даннымъ переписи 1897 г. Христіане въ числѣ 49.161 д. (25.082 м.) составляютъ свыше $^4/_5$ (точнѣе 81,5%) всѣхъ тунгусовъ Сибири.

Второй по важности религіей тунгусовъ является *ламаизмъ* или *ламайская* («желтая») вѣра, которая представляетъ собою обширную вѣтвь буддизма, распространенную въ Тибетѣ, Монголіи и Джунгаріи. Въ Забайкалье эта вѣра проникла сравнительно недавно, всего два столѣтія тому назадъ, причемъ усиленіе ея за счетъ шаманизма продолжалось еще въ теченіе всего прошлаго столѣтія и не прекратилось вполнѣ и понынѣ. О постепенномъ развитіи ламайскаго вѣроученія въ предѣлахъ Забайкальской области у насъ имѣются слѣдующія интересныя свѣдѣнія: «Появленіе ламаизма въ Забайкальской области относится къ XVII в. Въ 1689 г. среди поступившихъ въ подданство Россіи монгольскихъ родовъ находились уже послѣдователи ламайскаго ученія съ двумя ширетуями (старшими ламами) во главѣ; коренные же обитатели Забайкалья—тунгусы и буряты—придерживались первобытнаго язычества—шаманства. Съ этого времени вплоть до опредѣленія русско-китайской границы по трактату 1728 г., монгольскіе и тибетскіе ламы безпрепятственно прибывали въ предѣлы Забайкалья и проповѣдывали здѣсь свое ученье. Такъ, между прочимъ въ 1712 г. въ бурятскія кочевья пришли изъ Тибета 50 ламъ, которые и были росписаны инородческими старшинами по отдѣльнымъ родамъ. По свидѣтельству архіепископа Нила буряты долго не поддавались навязчивымъ ламамъ подъ предлогомъ новозможности выполнять въ кочевомъ быту всѣ требуемые ламаизмомъ обряды и только благодаря искусству

врачеванія ламамъ удалось одержать надъ ними духовную побѣду. Успѣхамъ ламаизма въ Забайкальѣ не мало благопріятствовало то обстоятельство, что Посольскій Приказъ, въ вѣдѣніи котораго тогда находилась Сибирь, обращалъ главное вниманіе на сохраненіе спокойствія во вновь присоединенномъ краѣ и на «береженіе его отъ Китая», вопросамъ же административнаго характера придавалъ второстепенное значеніе и въ частности къ распространенію въ Забайкальѣ новой религіи относился совершенно равнодушно. Гостепріимно принимая къ себѣ пришлыхъ тибетскихъ и монгольскихъ ламъ, буряты въ свою очередь стали посылать свою молодежь въ центры буддійскаго просвѣщенія, по преимуществу въ сосѣднюю Ургу, отстоящую всего въ 252 километрахъ отъ нашей границы. Такимъ образомъ, постепенно установилась тѣсная и непрерывная связь между Забайкальемъ и Монголіей» [1]).

Желая ограничить нежелательный наплывъ въ Забайкалье ламъ изъ китайскихъ подданныхъ, графъ С. Рагузинскій предписалъ пограничной стражѣ въ особой инструкціи: «ламъ заграничныхъ, чужихъ подданныхъ, въ улусы къ себѣ ясачнымъ инородцамъ не пропускать и довольствоваться тѣми ламами, которые послѣ разграниченія съ Китаемъ остались на россійской сторонѣ для того, дабы россійскихъ подданныхъ пожитки не чужимъ, но своимъ доставались». Такимъ образомъ, въ то время правительство видѣло главное неудобство въ наплывѣ монгольскихъ ламъ въ предѣлы Сибири почти лишь въ матеріальныхъ потеряхъ инородческаго населенія. Но это распоряженіе не остановило развитія ламаизма въ Забайкальѣ, такъ какъ вмѣсто пришлыхъ ламъ стали создаваться мѣстные, не уступавшіе иностраннымъ своими познаніями, и вмѣстѣ съ этимъ стали возникать въ разныхъ частяхъ страны религіозные центры—«дацаны». Въ 1741 г. въ Забайкальѣ числилось уже 150 ламъ и 11 капищъ или дацановъ.

Въ этомъ же году была сооружена главная Килогонтуйская или Цонгольская кумирня и ламаизмъ оффиціально былъ признанъ дозволенною религіею. Въ 1758 г. у Гусинаго озера былъ основанъ обширный дацанъ, явившійся разсадникомъ ургинскихъ религіозныхъ обычаевъ и воззрѣній. Между

---

[1]) Куломзинъ, l. c., VI, 129—130.

этими дацанами и ихъ представителями—главными ламами долгое время велась упорная борьба изъ за первенства, которая усилилась еще религіозной рознью, существовавшей не только между отдѣльными бурятскими родами, но также между забайкальскими бурятами-ламаитами — съ одной стороны, и иркутскими бурятами-ламаитами, а также ламаитами-тунгусами, съ другой стороны. И эти религіозныя распри имѣли послѣдствіемъ увеличеніе численности ламайскаго духовенства, такъ какъ не только каждый главный лама старался умножить число своихъ приверженцевъ, но и каждая группа ламаитовъ старалась получить своихъ собственныхъ ламъ. И число ихъ росло: въ 1741 г. въ Забайкальѣ считалось 150 ламъ и 11 кумирень, а въ 1774 г. первыхъ насчитывалось уже 617, а кумирень—10 большихъ и 6 малыхъ.

Вообще отношеніе Сибирскаго начальства того времени не только къ ламаитамъ, но и къ магометанамъ отличалось крайней непослѣдовательностью, такъ какъ распоряженія стѣснявшія ихъ распространеніе, смѣнялись другими, составленными въ полнѣйшемъ духѣ свободы совѣсти и даже поощрявшими развитіе указанныхъ двухъ религій. И благодаря этой недальновидной политикѣ, въ Сибири въ XVIII ст. возникаютъ и укрѣпляются двѣ новыя религіи, которыя при завоеваніи русскими края въ немъ едва существовали и которыя до извѣстной степени удалили отъ православной Россіи свыше 266.000 ея подданныхъ (186.000 буддистовъ Забайкальской обл. и Иркутской губ. и 80.000 магометанъ — коренныхъ татаръ Тобольской и Томской губ.).

Усиленіе ламаизма шло рука объ руку съ ослабленіемъ шаманизма, за счетъ котораго оно развивалось. Правительство въ лицѣ своихъ главныхъ начальниковъ края относилось индифферентно къ обращенію язычниковъ въ новую, оффиціально признанную, вѣру и, хотя въ 1807 г. шаманствующимъ было разрѣшено свободное отправленіе своихъ обрядовъ, но уже два года спустя Иркутскій губернаторъ Трескинъ, предоставивъ вновь назначенному бандидо-хамбѣ Жамсуеву неограниченную власть надъ монголо-бурятскимъ духовенствомъ, предложилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ «пресѣченію шаманства», которое еще раньше подвергалось преслѣдованію со стороны послѣдователей ламайскаго ученія, видѣвшихъ въ немъ

отвратительное заблужденіе—«черную, грубую вѣру», подлежавшую искорененію [1]).

«Исходя изъ такого взгляда, раздѣлявшагося до извѣстной степени русскими властями, ламы не стѣснялись никакими средствами для борьбы съ шаманствомъ, въ чемъ встрѣчали себѣ полную поддержку со стороны мѣстнаго начальства. Полиція по указаніямъ ширетуевъ преслѣдовала шамановъ, хватала ихъ, сажала въ ручныя и ножныя колодки, морила голодомъ, сжигала принадлежности шаманства и т. д. Бѣдные шаманисты, говорилъ архіепископъ Нилъ, всюду были преслѣдуемы. Ни лѣса, ни горы не укрывали ихъ отъ мести ламъ, цѣлыми стадами рыскавшихъ по всему Забайкалью и даже въ окрестностяхъ Иркутска» [2]).

Съ тѣхъ поръ ламаизмъ не переставалъ развиваться, такъ что въ концѣ истекшаго столѣтія считалъ въ числѣ своихъ послѣдователей уже значительную часть инородцевъ Забайкальской области. Въ Иркутской же губерніи среди бурятовъ еще посейчасъ преобладаютъ шаманисты.

Изъ тунгусовъ ламайскую вѣру нынѣ исповѣдываютъ лишь обитатели нѣкоторыхъ частей Забайкалья; именно, тунгусы Селенгинскаго и Акшинскаго округовъ, затѣмъ инородцы Кужертаевской и Онгоцонской управъ Читинскаго округа и весьма небольшая часть другихъ. Вмѣстѣ съ принятіемъ ламайской религіи тунгусы названныхъ мѣстностей сильно обурятились. Послѣдователей ламаизма среди тунгусовъ по переписи 1897 г. оказалось 9258 д. (4535 м.), что составляетъ 15,3% всѣхъ тунгусовъ Сибири.

Самая незначительная часть Сибирскихъ тунгусовъ придерживается еще *язычества*; въ которомъ пребывали всѣ племена Сибири при ея покореніи. Ихъ язычество или шаманство находится на самой низкой ступени религіознаго развитія, на той ступени, на которой не существуетъ еще строго опредѣленнаго культа и богослуженія. Шаманисты хотя иногда и вѣрятъ въ существованіе высшаго божества, которое управляетъ всѣмъ міромъ, но все же оно большой роли не играетъ и на судьбы людей по ихъ представленію неизмѣримо большее вліяніе имѣетъ цѣлый сонмъ злыхъ и добрыхъ божествъ и

---

[1]) Куломзинъ, l. c., VI. 130—132.
[2]) ibid, VI, 133.

духовъ, которые населяютъ всю матеріальную видимую природу: горы, рѣки, лѣса, скалы. Будучи болѣе или менѣе независимы другъ отъ друга и отъ высшихъ божествъ, всѣ они требуютъ умилостивительныя жертвы, которыя имъ и приносятъ благочестивые инородцы при всякихъ важныхъ случаяхъ жизни, напр. въ случаѣ болѣзни, передъ началомъ рыбнаго или звѣринаго промысла, во время путешествія и т. д. Къ такимъ духамъ причисляются обыкновенно и души умершихъ, особенно богатырей. Толкователями воли боговъ являются жрецы или шаманы, которыми бываютъ какъ мужчины, такъ и женщины, хотя и рѣже. Призванный напр. къ ложу больного—шаманъ является не только жрецомъ, но и врачомъ своей паствы—онъ послѣ продолжительныхъ кривляній и заклинаній вызываетъ при помощи боя въ священный барабанъ того или другого бога, получаетъ отъ него откровеніе съ указаніемъ, какую жертву онъ требуетъ за исполненіе желаемаго.

Цѣль настоящей книги не позволяетъ намъ вдаваться въ подробности касательно шаманскаго культа вообще и тунгусскаго въ частности, сообщимъ здѣсь лишь, что, хотя по даннымъ переписи шаманистовъ среди тунгусовъ въ Сибири числится всего 1544 д. (735 м.) или 4,4% всѣхъ тунгусовъ, но что по существу дѣла къ этой категоріи слѣдуетъ отнести всѣхъ бродячихъ и часть кочевыхъ тунгусовъ, уже многія десятки лѣтъ считающихся православными, но, какъ было показано выше, усвоившихъ лишь внѣшнюю сторону христіанской религіи. Оффиціально, по даннымъ переписи, шаманисты сохранились лишь въ двухъ пунктахъ: въ Енисейской губерніи, въ бассейнѣ правыхъ притоковъ Верхней Тунгуски или Ангары, и въ Читинскомъ округѣ Забайкальской области, гдѣ они составляютъ часть тунгусскаго населенія Маньковской управы и часть сѣверныхъ бродячихъ тунгусовъ.

* * *

Теперь переходимъ къ обзору статистическихъ данныхъ, касающихся религій тунгусовъ Сибири, въ связи съ географическимъ распространеніемъ послѣдователей отдѣльныхъ исповѣданій по ея территоріи.

Въ областяхъ *Приморской*, *Амурской* и *Якутской*, а

также на островѣ *Сахалинѣ* всѣ тунгусы (въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова) православные.

То же касается и *Иркутской* губерніи, гдѣ лишь въ ул. Качикъ Верхне-Кудинскаго вѣдомства (Верхоленск. окр.) 12 д. (7 м.) показали себя нехристіанами [1]).

Забайкальская область — центръ тунгусскаго населенія Сибири — представляетъ наибольшее разнообразіе въ религіозномъ отношеніи: среди мѣстныхъ тунгусовъ имѣются не только христіане, но и буддисты (ламаиты) и язычники.

Ламаиты изъ тунгусовъ проживаютъ на югѣ области. Они составляютъ почти все тунгусское населеніе Селенгинскаго округа, южной полосы Читинскаго, а также Акшинскаго округа. По отношенію къ наличному числу тунгусовъ области они составляютъ около $^1/_5$ части (19,4%). *Язычники-шаманисты* — 4,6% сохранились на самомъ сѣверѣ области — у Баргузинскихъ тунгусовъ и части Читинскихъ орочоновъ — и отчасти въ средней полосѣ области, главнымъ образомъ въ Маньковской управѣ. *Православные* составляютъ почти все населеніе сѣверной и большую часть средней полосы области и по своему числу (68,6%) рѣшительно преобладаютъ надъ остальными религіями.

Теперь разсмотримъ распредѣленіе послѣдователей отдѣльныхъ религій по округамъ Забайкальской области въ связи съ ихъ численностью.

Читинскій округъ. *Ламаиты* составляютъ почти все населеніе южныхъ тунгусскихъ управъ — Онгоцонской и Кужертаевской за исключеніемъ отдѣльныхъ ихъ деревень (см. стр. 222), въ которыхъ проживаютъ крещеные инородцы.

Нѣсколько сотъ тунгусовъ ламаитовъ проживаетъ и далѣе къ сѣверу, въ Шундуинской и Урульгинской управахъ (въ послѣдней въ ул. Шергальджинскомъ, Сохалтуевскомъ, Нарынъ-Талача и др.). Общее число ламаитовъ изъ тунгусовъ въ Читинскомъ округѣ простиралось въ 1897 г. до 4942 д. (2439 м.), что составляетъ 19,4% его тунгусскаго населенія.

Язычники-шаманисты въ числѣ 1166 д. (553 м.) или 4,6% наполовину проживаютъ въ нѣкоторыхъ улусахъ

---

[1]) Семейное положеніе ихъ показано „женатъ, вдовъ“ и т. д. съ припиской „не вѣнчанъ“.

Маньковской управы (ул. Залайскомъ, Усть-Коркиринскомъ, Барунъ-Кондуйскомъ, Нарынѣ и друг.) среди преобладающаго православнаго населенія. Интересно отмѣтить, что на ряду съ сохраненіемъ своей прежней вѣры здѣшніе тунгусы сохранили и родной языкъ, исчезнувшій среди осѣдлаго и кочеваго населенія другихъ мѣстностей области.

Число язычниковъ среди тунгусовъ Шундуинской управы весьма невелико, а въ другихъ мѣстностяхъ округа совсѣмъ ничтожно.

Другая часть шаманистовъ среди тунгусовъ принадлежитъ къ бродячему (орочонскому) населенію сѣверной полосы округа. Изъ нихъ около 272 д. (141 м.) Тулуягирскаго рода бродятъ по Нерчѣ, Нерчугану, Олекмѣ, Витиму, Амалату и др. рѣкамъ. Среди другихъ орочонскихъ родовъ ихъ мало.

Православные въ числѣ 19.353 д. (9.624 м.) составляютъ огромное большинство (76,0%) тунгусовъ округа и въ частности управъ Урульгинской, Оловской, Маньковской и Шундуинской, расположенныхъ въ сѣверной и средней частяхъ области. Небольшая ихъ часть сгруппирована и въ немногихъ селеніяхъ Онгоцонской и Кужертаевской управъ, гдѣ почти все населеніе составляютъ ламаиты (см. стр. 222).

Интересно съ этими данными, касающимися тунгусовъ, сопоставить соотвѣтствующія данныя касательно религіознаго состава бурятскаго населенія Читинской области. Язычниковъ среди нихъ вовсе не было обнаружено, православные оказываются въ меньшинствѣ (2,1%), а главная масса (97,9%) исповѣдываетъ ламайскую вѣру. Эти данныя еще разъ подтверждаютъ не разъ высказанное нами наблюденіе, что тунгусы изо всѣхъ племенъ Сибири наиболѣе легко разстаются со своимъ образомъ жизни и съ достояніемъ своей культуры и въ частности наиболѣе легко подвергаются руссификаціи.

Баргузинскій округъ. *Язычники* здѣсь сохранились въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Тунгусско-Баргузинской управы, главнымъ образомъ въ ул. Бѣловодско-Хабаржанскомъ. Во всей названной управѣ они составляютъ около половины населенія. Въ другихъ управахъ и родовыхъ управленіяхъ округа ихъ почти нѣтъ. Общее ихъ число простирается до 234 д. (111 м.), что составляетъ 11,1% тунгусскаго населенія округа.

Ламаиты въ числѣ 34 д. (29 м.) или 1,6% проживаютъ въ селеніяхъ Баргузинской управы. Всѣ остальные

тунгусы округа въ числѣ 1.850 д. (942 м.) или 87,3% принадлежатъ къ *православной* церкви.

Селенгинскій округъ. Кочевые тунгусы Армакской управы, живущіе въ улусахъ черезполосно съ бурятами той же управы и Закаменскаго вѣдомства, исповѣдываетъ *ламайскую* вѣру. Ихъ 593 д. (290 м.) или 64,5% всѣхъ тунгусовъ округа. Напротивъ огромное большинство осѣдлыхъ тунгусовъ с. Армакскаго приняли святое крещеніе и обрусѣли. Ихъ 327 д. (152 м.) или 35,5%.

Акшинскій округъ. Большинство тунгусовъ, зарегистрированныхъ въ предѣлахъ округа, какъ мѣстныхъ — казаковъ, такъ и инородцевъ, пришлыхъ изъ смежныхъ управъ: Кужертаевской, Онгоцонской и Маньковской, исповѣдываютъ *ламайскую* вѣру. *Язычники* встрѣчаются лишь среди инородцевъ, происходящихъ изъ послѣдней управы. Ихъ 89 д. (42 м.) или 1,9%.

Православныхъ тунгусовъ въ Акшинскомъ округѣ оказалось 1.029 д. (538 м.) или 21,7%, которые приблизительно поровну распредѣляются между казаками (506 д.) и инородцами (523 д.). Они проживаютъ въ поселкахъ среди русскихъ казаковъ. Всѣ остальные тунгусы округа придерживаются *ламайской* вѣры. Ихъ 3.618 д. (1.733 м.) или 76,4% тунгусовъ округа. Изъ нихъ 2.539 д. (1.220 м.) принадлежатъ къ казачьему и 1.079 д. (513 м.) къ инородческому сословіямъ. По отношенію ко всѣмъ казакамъ-тунгусамъ округа ламаиты составляютъ 83,4%, а по отношенію къ инородцамъ того же племени 63,8%.

Въ Верхнеудинскомъ округѣ бродячіе тунгусы наполовину принадлежатъ къ *ламайской* вѣрѣ—48 д. (25 м.) и половина—42 д. (23 м.)—къ *языческой*. *Православныхъ* всего 2 д. въ городѣ.

Въ округахъ Троицко-Савскомъ, Нерчинскомъ и Нерчинско-Заводскомъ почти всѣ тунгусы *христіане*. *Ламаитовъ* во второмъ—2 д. и въ третьемъ 21 д. (17 м.) и *язычниковъ* въ первомъ 1 м., во второмъ — 9 д. (5 м.) и въ третьемъ—3 ж.

Подводя итогъ всему вышеприведенному, мы получимъ слѣдующую таблицу.

ТАБЛИЦА XI.

Названія округовъ.	Наличное тунгусское населеніе въ 1897 году.													
	Всего.			Христіане.				Ламаиты.				Язычники.			
	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ процент.	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ процент.	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ процент.
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.		м.	ж.	об. п.		м.	ж.	об. п.	
1. Читинскій	12.616	12.845	25.461	9.624	9.729	19.353	*76,0*	2.439	2.503	4.942	*19,4*	553	613	1.166	*4,6*
2. Акшинскій.	2.313	2.423	4.736	538	491	1.029	*21,7*	1.733	1.885	3.618	*76,4*	42	47	89	*1,9*
3. Баргузинскій . . .	1.082	1.036	2.118	942	908	1.850	*87,3*	29	5	34	*1,6*	111	123	234	*11,1*
3. Верхнеудинскій .	50	42	92	2	—	2	*2,1*	25	23	48	*52,2*	23	19	42	*45,7*
5. Нерчинскій.	382	260	642	375	256	631	*98,6*	2	—	2	*0,0*	5	4	9	*1,4*
6. Нерчинско-Заводскій	218	187	405	201	180	381	*94,0*	17	4	21	*5,2*	—	3	3	*0,8*
7. Селенгинскій . . .	442	478	920	152	175	327	*35,5*	290	303	593	*64,5*	—	—	—	—
8. Троицко-Савскій .	5	—	5	4	—	4	*75,0*	—	—	—	—	1	—	1	*25,0*
Итого . . .	**17.108**	**17.271**	**34.379**	**11.838**	**11.739**	**23.577**	**68,6**	**4.535**	**4.723**	**9.258**	**26,9**	**735**	**809**	**1.544**	**4,5**

Енисейская губернія. Тунгусы данной губерніи по религіи распадаются на христіанъ и язычниковъ-шаманистовъ, изъ коихъ первые значительно преобладаютъ.

Туруханскій край. Почти всѣ тунгусы *православные, язычниковъ* среди нихъ всего 15 чел. (6 м.).

Енисейскій округъ. Большинство — 968 д. (543 м.) или 72,6% *православные, шаманистовъ*—365 д. (159 м.) или 27,4%. Изъ нихъ проживали въ предѣлахъ Кежемской волости—323 д. (139 м.), въ Анциферовской—17 д. (8 м.) и въ Пинчугской—25 д. (12 м.). Изъ отдѣльныхъ родовъ тунгусовъ шаманисты въ большемъ числѣ сохранились среди Панкагирскаго рода (ок. 40 чел.), Чемдальскаго (40 чел.), II Куркугирскаго (14 д.) и главнымъ образомъ среди представителей I Куркугирскаго рода, гдѣ язычники въ числѣ около 240 д. составляютъ половину общаго ихъ числа. Среди остальныхъ родовъ этихъ волостей ихъ всего 31 чел.

По отношенію къ наличному тунгусскому населенію Енисейской губерніи православные составляютъ 88,0%, а язычники въ числѣ 380 д. (165 м.) — 12,0%.

Причина, почему столь значительное число тунгусовъ пребываютъ въ данной губерніи и понынѣ въ язычествѣ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь они проживаютъ среди необъятныхъ пустынныхъ пространствъ, лишь очень рѣдко сталкиваясь съ цивилизованнымъ міромъ. Дѣйствительно, даже въ сугланахъ, куда они стекаются въ назначенные сроки для уплаты ясака, они показываются не ежегодно, а своихъ пастырей они могутъ видѣть лишь здѣсь.

* * *

Сгруппировавъ все сказанное выше о численности представителей разныхъ религій въ отдѣльныхъ областяхъ и губерніяхъ Восточной Сибири, мы получимъ слѣдующую таблицу.

ТАБЛИЦА XII.

Названія областей и губерній.	Наличное тунгусское населеніе въ 1897 году.											
	Всего.			Христіане.			Ламаиты.			Язычники.		
	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процентахъ.
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.	
1. Приморская область	4.544	4.304	8.848	4.544	4.304	*100,0*	—	—	—	—	—	—
2. Амурская „	623	481	1.104	623	481	*100,0*	—	—	—	—	—	—
3. Сахалинъ, островъ	83	60	143	83	60	*100,0*	—	—	—	—	—	—
4. Якутская область	6.251	5.980	12.231	6.251	5.980	*100,0*	—	—	—	—	—	—
5. Иркутская губ.	1.103	1.088	2.191	1.096	1.083	*99,4*	—	—	—	7	5	*0,6*
6. Забайкальская область	17.108	17.271	34.379	11.838	11.739	*68,6*	4.535	4.723	*26,9*	735	809	*4,5*
7. Енисейская губ.	1.662	1.507	3.169	1.497	1.292	*88,0*	—	—	—	165	215	*12,0*
Итого	[1] **31.375**	[1] **30.693**	[1] **62.068**	[1] **25.933**	[1] **24.941**	**82,0**	**4.535**	**4.723**	**14,9**	**907**	**1.029**	**3,1**

[1]) Въ т. ч. 1 м. и 1 ж. въ Томскомъ округѣ (Томск. губ.) и 1 ж. въ Березовскомъ окр. (Тоб. губ.).

ГЛАВА IX.

Занятія.

По образу жизни изслѣдователи Сибири XVIII ст. подраздѣляли тунгусовъ на три категоріи, на: «конныхъ, оленныхъ и собачьихъ». Подъ первыми они подразумѣвали тѣхъ представителей этого племени, которые жили въ болѣе южныхъ частяхъ Забайкальской области и занимались разведеніемъ лошадей и рогатаго скота. Оленными очевидно были тѣ, которые, занимаясь охотой, держали въ то же время и стада оленей и, наконецъ, тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли другихъ домашнихъ животныхъ кромѣ собакъ и занимались охотой и рыболовствомъ, они обозначали именемъ «собачьихъ». Само собою разумѣется, что подобное дѣленіе и въ тѣ времена могло быть лишь приблизительно вѣрнымъ, потому что тунгусы одной категоріи при измѣнившихся условіяхъ нерѣдко переходили въ другую, такъ что составъ ихъ постоянно мѣнялся и не представлялъ того постоянства, какое въ немъ видѣли упомянутые изслѣдователи. Георги (1775 г.) внесъ въ это дѣленіе нѣкоторую поправку: онъ счелъ болѣе удобнымъ разбить ихъ всего на двѣ группы на «степныхъ (=конныхъ)» и «лѣсныхъ», которыхъ онъ въ свою очередь подраздѣлилъ на «оленныхъ» и «рыболововъ». Мы не будемъ долѣе останавливаться на этихъ дѣленіяхъ, скажемъ однако, что группировка Георги въ общихъ чертахъ справедлива и для настоящаго времени, именно, что и теперь тунгусы Сибири распадаются на «кочевыхъ или степныхъ»—скотоводовъ и на «лѣсныхъ или бродячихъ» тунгусовъ, но дѣлить ихъ теперь на «оленныхъ» и «собачьихъ или рыболововъ» не имѣетъ практическаго интереса, потому что и среди оленныхъ не всѣ семьи имѣютъ оленей и среди безоленныхъ нѣкоторые держатъ нѣсколько головъ этого скота для цѣли передвиженія. Изъ тѣхъ и другихъ съ теченіемъ времени выдѣлилась

новая группа земледѣльцевъ. Итакъ, сообразно съ образомъ жизни: осѣдлымъ, кочевымъ и бродячимъ тунгусы снискиваютъ себѣ пропитаніе, частью земледѣліемъ, частью скотоводствомъ и частью оленеводствомъ, охотою и рыболовствомъ.

Само собою разумѣется, что это дѣленіе по образу жизни въ настоящее время далеко не всегда совпадаетъ съ дѣленіемъ ихъ на юридическія группы: «инородцевъ осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ (см. стр. 211)». Осѣдло живутъ тунгусы большей части Забайкальской области, главнымъ образомъ Читинскаго округа, и около трети представителей этого племени, обитающихъ въ Иркутской губерніи. Меньшая часть тунгусовъ Забайкальской области, живущая въ Акшинскомъ, Баргузинскомъ и южной части Читинскаго округовъ придерживается частью кочеваго, частью полукочевого и полуосѣдлаго образа жизни. Всѣ же остальные тунгусы, обитающіе, какъ въ глухихъ частяхъ Забайкальской области, въ Иркутской губерніи, а также во всѣхъ остальныхъ частяхъ Сибири, ведутъ бродячую жизнь оленеводовъ и охотниковъ. Въ данномъ случаѣ ихъ юридическое положеніе—бродячіе инородцы—почти вполнѣ совпадаетъ съ ихъ образомъ жизни и съ ихъ культурной стадіей развитія.

Статистическія данныя касательно занятій тунгусовъ, приведенныя въ результатахъ переписи, совершенно не даютъ правильной картины разсматриваемаго вопроса, потому что, не говоря уже о неточностяхъ въ численности этого племени, неизбѣжныхъ при массовой разработкѣ статистическаго матеріалѣ, когда нельзя критически разбирать каждый отдѣльный спорный случай, они показываютъ лишь *одно главное* занятіе этихъ инородцевъ—побочныя занятія не разрабатывались по племенамъ,—между тѣмъ какъ послѣдніе имѣютъ ихъ нѣсколько, причемъ всѣ они представляютъ для нихъ почти одинаковое значеніе, хотя и распредѣлены различно по временамъ года. Такимъ образомъ, большинство тунгусовъ и другихъ бродячихъ инородцевъ Сибири показали въ графѣ о главномъ занятіи одновременно оленеводство и звѣроловство, иные присоединяли къ этому еще рыболовство или показывали лишь послѣднія два занятія. При разработкѣ же переписного матеріала главнымъ занятіемъ было признано лишь то, которое (можетъ быть случайно) было помѣщено первымъ, что однако не говорило еще въ пользу его преобладающаго значенія.

И дѣйствительно, по этимъ даннымъ выходитъ, что въ

сѣверной полосѣ Сибири главное занятіе огромнаго большинства тунгусовъ является животноводство (оленеводство), а охота и рыболовство играютъ незначительную роль, такъ какъ эти занятія оказались въ виду указаннаго соображенія «главными» лишь у весьма небольшого числа лицъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ эти занятія по большей части практикуются одновременно и являются одинаково важными, уступая другъ другу въ значеніи лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. На этомъ основаніи мы предлагаемъ въ данномъ случаѣ не придавать приведеннымъ ниже и заимствованнымъ изъ этого источника даннымъ большого значенія. Статистическія же данныя коммиссіи ст. секр. Куломзина касательно Забайкальской обл., болѣе обстоятельныя по этому вопросу и иначе разработанныя, заслуживаютъ напротивъ большаго довѣрія (см. стр. 251 сл.) Остановимся теперь на вопросѣ о географическомъ распредѣленіи занятій тунгусовъ по территоріи Сибири [1]).

Сахалинъ. Мѣстные тунгусы занимаются оленеводствомъ и звѣроловствомъ; временно также рыболовствомъ.

Приморская обл. Анадырская округа. Осѣдло живущіе тунгусы и ламуты въ бассейнѣ Анадыри занимаются гл. образомъ рыболовствомъ и звѣроловствомъ; небольшая часть также извозомъ, выдѣлкой оленьихъ шкуръ и отчасти оленеводствомъ.

Бродячіе тунгусы этой округи занимаются, какъ и бродячіе, живущіе въ Гижигинской, Петропавловской и Охотской округахъ, оленеводствомъ, звѣроловствомъ (гл. образомъ охотой на соболя) и рыболовствомъ Впрочемъ лицъ, имѣющихъ большія стада оленей, среди Анадырскихъ тунгусовъ немного, большинство располагаетъ лишь небольшимъ числомъ головъ упряжныхъ и верховыхъ оленей, необходимыхъ для передвиженія и для перевозки своего имущества. Болѣе богаты оленями Охотскіе тунгусы, у которыхъ зажиточныя семьи имѣютъ 5—10.000 и болѣе головъ. Они отчасти занимаются перевозкой груза изъ Охотска въ Уланахъ, откуда его везутъ на Алданъ на лошадяхъ. Осѣдлые тунгусы Гижигинской округи кормятся почти лишь рыболовствомъ, нѣкоторые (д. Арманская) и скотоводствомъ.

---

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ подлинныхъ переписныхъ листовъ (цифровыя данныя изъ отпечатанныхъ результатовъ переписи—см. выше) и изъ другихъ упомянутыхъ ниже источниковъ.

Удская округа. Тунгусы, живущіе по Амгуни, снискиваютъ себѣ пропитаніе рыболовствомъ и звѣроловствомъ.

Представители Бытальскаго рода, бродящіе по рр. Керби, Немилену, Удѣ, Каргѣ, Урми и Буреѣ (Амур. обл.), показали своимъ занятіемъ оленеводство, а по рр. Амаль, Тибилену, Ибуру, Сулуку и Амуру собаководство т. е. разведеніе упряжныхъ собакъ для извоза. Всѣ остальные представители этого рода кормятся звѣроловствомъ и рыболовствомъ.

I и III Эжанскіе роды, Лалыгирскій и Жерскій имѣютъ главнымъ занятіемъ оленеводство и звѣроловство, а тунгусы, переписанные въ сѣверной части округи, въ окрестностяхъ порта Аяна, показали кромѣ того еще перевозку чая. Относительно этого заработка можно сообщить слѣдующее [1]). Перевозка чая черезъ портъ Аянъ въ Якутскую область достигла въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія 10.000 мѣстъ. Занимаются этимъ преимущественно тунгусы Усть-Майскаго вѣдомства (27—30 хозяйствъ), проживающіе въ Удской округѣ, и отчасти Ольскіе (Охот. окр.). За зиму при благопріятной погодѣ и удобному пути они успѣваютъ сдѣлать три конца. Первый въ началѣ декабря, второй—съ половины января и третій—съ начала марта. При благопріятныхъ условіяхъ на конецъ въ 200 вер. отъ Аяна до ур. Нелькана требуется 12 сутокъ при двухъ дневкахъ. Ночью олени отдыхаютъ и пасутся, а возчики ставятъ легкую урасу или «палты» (навѣсъ отъ вѣтра). Опытный возница ведетъ 8 нартъ, на каждой изъ которыхъ грузится по 3 чайныхъ мѣста по 4 п., при платѣ за мѣсто 4—6 руб. за конецъ. Заработокъ сравнительно недурной, но олени не хорошо выносятъ тяжелую работу, такъ что до 5% ихъ падаетъ жертвой переутомленія. Кромѣ того подобный извозъ не разъ служилъ средствомъ для переноса эпизоотій на оленей.

Въ Хабаровскомъ округѣ тунгусы занимаются звѣроловствомъ, рыболовствомъ и отчасти рубкой дровъ на пароходы.

Обращаясь къ обнародованнымъ даннымъ переписи, касающимся занятій тунгусовъ Приморской обл., мы получаемъ иную картину, чѣмъ которую мы только что набросали. По этимъ даннымъ оказывается, что въ мѣстностяхъ, гдѣ проживаютъ тунгусы, главнымъ ихъ занятіемъ является животноводство (оленевод-

[1]) Н. Слюнинъ, ibid. I, стр. 431.

ство), которое кормитъ 88,1% тунгусовъ Гижигинской, 79,1 Охотской и 59,6% Удской округъ.

Почти всѣ остальные тунгусы показали главнымъ занятіемъ звѣроловство и охоту. Эти цифровыя данныя однако не даютъ правильнаго освѣщенія вопросу объ источникахъ пропитанія бродячихъ племенъ Сибири вообще и тунгусовъ въ частности (см. стр. 234).

Амурская область. Главными занятіями Амурскіе тунгусы показали—охоту и рыболовство (43,3%), земледѣліе (26,3%), (оленеводство—13,2%) и чернорабочій трудъ—7,0%.

Оленеводы проживаютъ главнымъ образомъ по Нииану, Буреѣ и Селимджѣ, на югѣ они доходятъ до хребта М. Хингана. Оленеводство болѣе развито, чѣмъ можно предполагать на основаніи приведенныхъ выше данныхъ, потому что имъ занимается и значительная часть лицъ, показавшихъ главнымъ занятіемъ охоту.

Въ глухихъ горнопромышленныхъ мѣстностяхъ (ок. пріисковъ) тунгусы промышляютъ также перевозкой тяжестей на оленяхъ, нѣкоторые занимаются рубкой дровъ, другіе выдѣлкой оленьихъ кожъ. Немногіе нанимаются даже въ пріисковые рабочіе.

Якутская область. Главнымъ занятіемъ тунгусовъ названной области служитъ охота. Оленеводство играетъ, какъ правило, второстепенную роль, а рыболовство носитъ характеръ подсобнаго занятія, имѣющаго цѣлью обезпечить семью продовольствіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Часть кочевыхъ Майскихъ тунгусовъ показала въ качествѣ подсобнаго занятія земледѣліе.

Охота начинается осенью, какъ только рыба перестанетъ идти въ рѣки, и продолжается съ малыми перерывами всю зиму. Производится она преимущественно при помощи кремневой винтовки, пріобрѣтаемой отъ русскихъ. Зимою верхомъ на оленѣ, весною, когда отвердѣетъ настъ, на широкихъ легкихъ лыжахъ, подбитыхъ мѣхомъ, лѣтомъ—то верхомъ, то пѣшкомъ ламутскій охотникъ неутомимо скитается по горамъ и ущельямъ, отыскивая добычу. Семья повсюду слѣдуетъ за нимъ, такъ какъ охотникъ не беретъ съ собой запаса и одѣтъ настолько легко, что для него составляетъ существенную важность найти ночью отдыхъ у своего домашняго очага.

Обыкновенно, уходя съ утра, мужчина назначаетъ главной женщинѣ своей семьи опредѣленное мѣсто по направленію предполагаемыхъ поисковъ добычи въ полной увѣренности найти тамъ вечеромъ заново разставленный шатеръ [1]).

Разстоянія, которыя тунгусъ проходитъ во время своихъ скитаній по тайгамъ, по падямъ и узкимъ долинамъ горныхъ хребтовъ, по большей части трудно проходимымъ, по истинѣ изумительны, они нерѣдко превышаютъ 1.000 и болѣе верстъ: тутъ онъ бьетъ соболя, тамъ бѣлку, въ такой-то тайгѣ выслѣживаетъ крупную дичь, а попавъ на берегъ большой рѣки, временно берется за рыболовство. Многіе въ самое глухое зимнее время возвращаются въ нагорныя долины, гдѣ имъ знакомы всѣ ходы кабарги и другого звѣря. Здѣсь тунгусъ разставляетъ силки, западни, капканы и роетъ ямы на звѣря и, періодически осматривая ихъ, коротаетъ зиму, не привязываясь однако долго къ одному мѣсту. Не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія и тѣ передовые люди между ними, которые строятъ себѣ небольшой постоянный срубъ (ютэнь) на якутскій ладъ изъ косо поставленныхъ бревенъ.

Охота является такимъ образомъ главнымъ занятіемъ тунгусовъ, которые и доставляютъ на мѣстные рынки главную массу пушнины, въ особенности бѣлки, добываемой въ Вост. Сибири.

Въ XVIII ст. у тунгусовъ еще повсемѣстно были въ употребленіи лукъ и стрѣлы, но уже съ конца этого столѣтія звѣроловы стали переходить къ огнестрѣльному оружію.

Оленеводство у тунгусовъ, какъ правило, не играетъ роли главнаго промысла. У нихъ обыкновенно нѣтъ большихъ стадъ, но они обладаютъ прекрасной породой крупныхъ и выносливыхъ оленей, которые весьма цѣнятся и лучше другихъ пригодны для верховой ѣзды и для перевозки товаровъ на спинѣ. Мало того, что имъ олени необходимы для перекочевокъ, многіе изъ нихъ, напр. Олекминскіе тунгусы, имѣютъ хорошій заработокъ отъ перевозки на пріиски, расположенные въ самыхъ глухихъ мѣстахъ тайги, разныхъ товаровъ. Кромѣ того, олени доставляютъ тунгусу почти всѣ необходимые для его существованія продукты (мясо, сало, мо-

[1]) Богоразъ: „Землевѣд.“ 1900, I, 62 сл., дальнѣйшее касательно Якутской обл. главнымъ образомъ по „Пам. кн. Якутск. обл. за 1896 г.“ и „Амурская область“ Грумъ-Гржимайло.

локо [1]) и матеріалъ для выдѣлки предметовъ первой необходимости (одежда, покрышка жилищъ, постель изъ шкуръ и ровдуги, нитки изъ жилъ и т. д.).

Олени вообще не требуютъ большого ухода и довольствуются лишь внѣшней охраной. Чтобы они не разбѣгались во время пастьбы, тунгусы по Оймяконской дорогѣ дѣлаютъ въ ущельяхъ завалы и загораживаютъ моховища для 100 оленей приблизительно на протяженіи 10 верстъ. Этими моховищами пользуются неопредѣленное время—богачи захватившіе крупныя пастьбища, проводятъ на одномъ мѣстѣ весь зимній періодъ, а болѣе бѣдные мѣняютъ мѣста. Лѣтомъ же всѣ уходятъ въ горы, останавливаясь въ пути не болѣе 5—10 дней. Средняя цѣна оленя на Аянскомъ трактѣ 30—45 р., а хорошій бѣговой олень цѣнится въ 100 и болѣе рублей. По Охотскому тракту олени дешевле 10—15 руб. штука.

Въ Якутской области оленеводствомъ по преимуществу занимаются Ламунхинскіе тунгусы, бродящіе въ сѣверо-западной части Намскаго улуса Якутскаго округа, и сѣверная часть Майскихъ.

Держатъ оленей тунгусы и другихъ мѣстностей, но въ меньшей степени. Въ послѣднее время оленеводство у нихъ, какъ и почти повсемѣстно въ Сибири, стало падать. Главнымъ препятствіемъ для развитія оленеводства въ краѣ служатъ болѣзни: напр. въ урочищѣ Уланахѣ (вост. часть Якутск. окр.) изъ 10 родившихся телокъ въ первые же дни умираетъ 3. Изъ болѣзней наиболѣе распространены: копытная, парши, клещи и др. Особенно сильные падежи оленей замѣчаются въ жаркое время года, изобилующее грозами.

При нормальныхъ условіяхъ олени доживаютъ до 15 л. Запрягать ихъ начинаютъ съ 1 года. На одного быка полагается 20—30 важенокъ (коровъ) [2]).

Болѣзни на оленей, нужда и переходъ къ другимъ промысламъ заставляетъ тунгусовъ постепенно оставлять это занятіе. Въ Колымскомъ краѣ обѣднѣвшіе и потерявшіе оленей тунгусы нанимаются въ качествѣ оленныхъ пастуховъ къ якутамъ и въ особенности къ чукчамъ, самымъ богатымъ оленеводамъ въ Сибири. Условія найма пастуховъ чукчами очень

[1]) Олени даютъ мало молока, ихъ доятъ дважды въ день, получая за 1 день ок. $1^1/_2$ мѣры молока.

[2]) Майновъ, ibid., 145 сл.

выгодны для первыхъ. За пастьбу отдѣленнаго ему чукчей табуна ламутъ или тунгусъ можетъ рѣзать на пищу и на угощеніе своихъ гостей столько оленей, сколько пожелаетъ, но онъ не смѣетъ ихъ продавать. Также шкуры съѣденныхъ оленей идутъ въ пользу пастуха.

Другіе тунгусы, напр. кочующіе по нижнему теченію р. Маи, притока Алдана, обзавелись въ достаточномъ количествѣ рогатымъ скотомъ, также и живущіе въ предѣлахъ Зап. Кангаласскаго улуса (Якут. окр.) и многіе другіе наряду съ оленями заводятъ рогатый скотъ, постепенно превращаясь въ полуосѣдлыхъ жителей, часть изъ которыхъ даже принимается за земледѣліе. Но замѣчательно, что съ переходомъ къ осѣдлости, тунгусы быстро начинаютъ утрачивать свои обычаи, нравы, свой образъ жизни и языкъ и сливатся со своими болѣе культурными и жизнеспособными сосѣдями: русскими, якутами и бурятами (см. стр. 213, 215 сл.).

Меньшее значеніе имѣетъ, какъ сказано, *рыбная ловля*, которая практикуется въ лѣтнее время, начиная со вскрытія рѣкъ до осени. Больше другихъ ею занимаются тунгусы, обитающіе въ сѣверной полосѣ области и близъ крупныхъ рѣкъ, каковы Лена, Яна, Индигирка и т. д., и на самомъ западѣ въ озерномъ районѣ верховій Вилюя. Добытую рыбу они сушатъ (юкола) и отчасти коптятъ, запасая ее въ прокъ.

Слѣдующія статистическія данныя, извлеченныя изъ результатовъ переписи 1897 г., показываютъ, какимъ образомъ тунгусское населеніе отдѣльныхъ округовъ области распредѣляется по главнымъ занятіямъ:

	Якутскій окр.	Верхоянскій.	Вилюйскій.	Колымскій.	Область (вкл. Олекм. окр.)
Животноводство	84,4%	49,6%	74,2%	46,3%	67,1%
Охота (и рыболовство). .	12,1%	44,8%	23,9%	52,0%	23,6%

Двѣ трети всѣхъ тунгусовъ области кормятся такимъ образомъ преимущественно скотоводствомъ и оленеводствомъ, причемъ наибольшее значеніе эти занятія пріобрѣтаютъ въ Якутскомъ округѣ, гдѣ свыше $^6/_7$ тунгусскаго населенія показали это занятіе главнымъ. Второе мѣсто (до $^3/_4$) занимаетъ по этому занятію Вилюйскій округъ, гдѣ тунгусы разводятъ исключительно рогатый скотъ, и третье—Верхоянскій ($^1/_2$). Въ другихъ округахъ это занятіе менѣе развито.

Охота (и рыбная ловля) кормитъ около 1/4 части всѣхъ тунгусовъ округа, служа побочнымъ заработкомъ и у многихъ другихъ изъ остальныхъ представителей этого племени. Особенно развиты эти промыслы у Колымскихъ тунгусовъ, гдѣ свыше половины показали ихъ своими главными занятіями, и въ Верхоянскомъ—до 45%. Малое значеніе какъ самостоятельный источникъ благосостоянія они, судя по цифровымъ даннымъ переписи (см. стр. 234), имѣютъ у тунгусовъ въ Якутскомъ окр.

Особнякомъ среди всѣхъ округовъ Якутской области является Олекминскій, гдѣ на сцену выступаетъ новое занятіе—работы на пріискахъ, каковыми промыслами здѣсь, судя по даннымъ переписи, занимается до 40% всѣхъ тунгусовъ.

Теперь, послѣ этого общаго очерка, сдѣлаемъ обзоръ главныхъ занятій тунгусовъ области по отдѣльнымъ округамъ, пользуясь при этомъ тѣми же источниками.

Колымскій округъ. Главныя занятія мѣстныхъ тунгусо-юкагировъ и ламутовъ—оленеводство, звѣроловство и охота.

Предметами охоты служатъ на первомъ мѣстѣ животныя, предназначенныя для ѣды,—дикій олень, потомъ лось и каменный баранъ. По берегамъ рѣкъ, въ лѣсахъ и на горныхъ моховищахъ пасутся дикіе олени въ одиночку или небольшими группамъ 5—10 головъ, а у океана лѣтомъ собираются стада «ходоваго» оленя преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ не пасутся чукотскія стада. Оленей подманиваютъ при помощи такъ называемаго манщика (ондадъ) или выдрессированнаго оленя. Тундренные ламуто-юкагиры еще и понынѣ пользуются при охотѣ на оленя лукомъ и стрѣлами.

Въ средній годъ охотникъ добываетъ на ружье 15—20 оленей, большая часть которыхъ почти тотчасъ же съѣдается, остальная часть рѣжется на кусочки, нанизывается на палочки или шнурки и сушится въ прокъ (горча), чтобы потомъ служить дорожнымъ припасомъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ, когда оленя было больше и онъ большими стадами переправлялся черезъ рѣки, порѣчане устраивали общественныя охоты («плави»), въ которыхъ однако ламуты участія не принимали, охотясь всегда или по одиночку или по 2—3 чел. вмѣстѣ.

Охота на лося имѣетъ значеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его много, какъ напр. въ верховьяхъ р. Березовой и ея притоковъ. При этой охотѣ необходимы хорошія промысловыя

собаки, которыя его останавливаютъ. Добываютъ его и самострѣлами или настороженными луками. Добыча дикаго барана значенія не имѣетъ.

Изъ пушныхъ животныхъ первое мѣсто принадлежитъ бѣлкѣ, которая въ этихъ краяхъ отчасти служитъ платежной единицей. Въ средній годъ теперь добываютъ 50—70 бѣлокъ, раньше 100, иные же годы она почти исчезаетъ изъ здѣшнихъ лѣсовъ, перебираясь въ другія мѣста, можетъ быть и вымирая отъ эпизоотій. Бѣлокъ стрѣляютъ или изъ ружья или изъ лука стрѣлами съ костяными головками. Изъ другихъ пушныхъ животныхъ тунгусы добываютъ лисицъ, песца (только самые сѣверные ламуты), россомаху, медвѣдя. Послѣднія два животныя, какъ и бѣлка, употребляются ими въ пищу. Интересно отмѣтить, что Колымскіе ламуты сравнительно рѣдко ставятъ пасти и ловушки на пушного звѣря.

Для жителей сѣвера подспорьемъ въ хозяйствѣ служитъ и добыча перелетной птицы: утокъ, гусей, лебедей.

Во время, свободное отъ промысла, ламуты живутъ скудными продуктами оленьяго хозяйства, которое у нихъ, въ особенности, у ламуто-юкагировъ, въ общемъ мало развито. Лишь нѣкоторыя семьи Уяганскаго и Дельянскаго родовъ развели въ послѣдніе время довольно значительныя стада оленей (въ нѣсколько сотъ головъ), которыя могутъ ихъ хорошо обезпечить, даже лучше чѣмъ чукчей, которые рѣдко занимаются охотой. Въ развитіи ламутскаго оленеводства немалую роль играетъ хорошая порода ихъ оленей (по преим. пряговой) сравнительно съ чукотской (по преим. убойной). Въ виду этого они при взаимномъ обмѣнѣ оленей за одного своего получаютъ двухъ чукотскихъ. Такъ какъ олени необходимы для передвиженія охотника съ семьей и со всѣмъ домашнимъ скорбомъ, то ихъ убиваютъ на ѣду лишь въ крайности, даже въ случаѣ голода стараются какъ-нибудь обойтись, не прибѣгая къ этому. Дѣйствительно, чтобы тронуться въ путь семьѣ требуется не менѣе 10, лучше 20—30 оленей, такъ какъ на меньшее число сѣделъ или саней [1]) нельзя умѣстить все добро

---

[1]) Ламуты пользуются оленемъ лишь подъ сѣдло и какъ вьючное животное, чукчи, у которыхъ болѣе малорослый и слабый олень, лишь въ упряжи, а ламуто-юкагиры Западной тундры, имѣющіе оленей ламутской породы, обоими способами (Іохельсонъ).

и семью. Если копытная болѣзнь унесла много жертвъ у бѣдной семьи ламута, то при передвиженіи сначала спѣшиваются подростки, потомъ женщины и, наконецъ, старики. Обѣднѣвшія семьи, имѣющія всего 2—3 оленей, или получаютъ помощь отъ болѣе богатыхъ родственниковъ или соединяются ради этого по нѣсколько семействъ вмѣстѣ и тогда трогаются въ путь [1]).

Нѣкоторое значеніе имѣетъ и рыболовство, составляющее главное средство существованія ихъ сосѣдей-юкагировъ. Рыболовство не находитъ достаточнаго поощренія въ виду сравнительной бѣдности рыбой мѣстныхъ горныхъ рѣчекъ. Ламуты ловятъ рыбу поздней весной при помощи желѣзной уды у прорубей, гдѣ она скопляется, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ. Въ хорошую ночь рыболовъ добываетъ одной удой до 200 харіусовъ, ленковъ и коньковъ.

Отъ оламутившихся юкагировъ Щербаковскаго рода Колымскіе ламуты научились искусству запирать осенью небольшія горныя рѣчки и добывать рыбу мордами. Лишь у болѣе богатыхъ имѣются старыя полуизодранныя сѣти, пріобрѣтенныя отъ якутовъ и русскихъ, но чинить ихъ они не умѣютъ.

Напротивъ для ламуто-юкагировъ, живущихъ между Колымой и Индигиркой, рыболовство составляетъ главный источникъ благосостоянія: они рыбачатъ въ Алазеѣ, Б. Чукочьей и въ тундренныхъ озерахъ. Лучшее время добычи рыбы лѣто, во время подъема ея въ рѣки, и особенно въ періодъ ея нереста въ озерахъ. Для этихъ инородцевъ, напротивъ, охота, главнымъ образомъ на оленя (по насту) и песца, служитъ лишь побочнымъ заработкомъ.

Изъ ремеслъ у тунгусовъ Колымскаго округа встрѣчается кузнечество, которое однако ограничивается передѣлкой на примитивномъ горнѣ старыхъ ломовъ, топоровъ и т. д. въ ножи, огнива и другія подѣлки. Пріемы обработки желѣза тѣ же, что и у мѣстныхъ русскихъ и якутовъ.

---

[1]) По В. Іохельсону въ 66 шатрахъ, изъ которыхъ состоитъ населеніе 4 родовъ ламуто-юкагировъ, числилось въ 90-хъ годахъ всего 1.020 оленей, изъ коихъ 60 принадлежали 1 хозяину, 100 двумъ (по 50), а средніе имѣли не болѣе 10—20 головъ, между тѣмъ какъ у чукчей богачи имѣютъ 3.000—5.000—10.000 головъ на душу.

У ламутовъ, кочующихъ близъ Чаунской губы, среди чукчей, (ихъ ок. 40 семей) источники благосостоянія нѣсколько иные. Они, подобно тунгусо-юкагирамъ Западной тундры, въ значительной степени существуютъ въ качествѣ паразитовъ у своихъ болѣе богатыхъ иноплеменниковъ: они служатъ у нихъ пастухами и уплачиваютъ имъ за подачки разнаго рода услугами, издѣліями кузнечнаго мастерства и т. д. Они кромѣ того бьютъ ходоваго оленя у берега Ледовитаго океана и песца [1]).

Сѣверные ламуты и ламуто-юкагиры занимаются также отыскиваніемъ въ обрывахъ обваливающихся нагорныхъ береговъ рѣкъ мамонтовой кости.

Верхоянскій округъ. Главное занятіе — охота на дикаго оленя, каменнаго барана и кабаргу. Мясо этихъ животныхъ употребляется или въ пищу, шкуры на одежду, а отъ кабарги (дикой козы) получается еще струя, стоющая 1 руб. штука (въ Верхоянскѣ 2 р.—2 р. 50 к.). Охотятся также за бѣлками и изрѣдка за лисицей. Нынѣ, съ уменьшеніемъ животныхъ, охота падаетъ. Другими важными занятіями служатъ оленеводство и рыболовство. Послѣднее играетъ важную роль въ улусахъ Устьянскомъ и Жиганскомъ. Интересно отмѣтить, что и скотоводы-якуты въ этихъ сѣверныхъ окрайнахъ страны оставили, въ виду отсутствія луговъ, разведеніе рогатаго скота и лошадей и перешли къ тунгусскимъ занятіямъ—оленеводству и рыболовству, питаясь главнымъ образомъ послѣднимъ.

Экономическое положеніе Верхоянскихъ тунгусовъ очень ухудшилось въ послѣднее время: они сильно обѣднѣли и состоятъ въ неоплатныхъ долгахъ у якутовъ. Лишь зажиточные имѣютъ у нихъ теперь 100—200 (рѣже 300) оленей и только одно лицо болѣе 1.000 оленей. Перейти къ скотоводству они не могутъ, потому что якуты заняли всѣ низменныя мѣстности по берегамъ рѣкъ.

Якутскій округъ. Оленеводство здѣсь сравнительно развито, какъ и звѣроловство и охота, значительно менѣе рыболовство, ради котораго часть изъ нихъ, живущая близъ отроговъ Станового хребта, совершаетъ весною пе-

---

[1]) Богоразъ: „Землевѣдѣніе“ 1900. I, 60 сл.

реходы къ Охотскому морю, гдѣ ловъ рыбы длится до тѣхъ поръ, пока она еще поднимается въ рѣки. Весьма хорошія мѣста для добычи соболя расположены въ верховьяхъ Алдана и Амги. Тамъ отдѣльныя лощины рѣчекъ подѣлены между родовичами. Имѣетъ значеніе и добыча оленей, которыхъ одинъ охотникъ въ удачный годъ добываетъ до 20 головъ, а также лосей. На звѣриный промыселъ идутъ по одному или вдвоемъ [1]).

Относительно оленеводства замѣтимъ, что оленями, какъ сказано, довольно богаты Майскіе тунгусы, живущіе вблизи прежняго Охотскаго тракта. Здѣсь лица, имѣющія 500—1.000 головъ, считаются хозяевами средняго достатка и самые бѣдные имѣютъ 5—10 оленей. Потерявшіе оленей идутъ къ болѣе богатымъ въ батраки, получая вмѣсто платы за лѣто 2 и за зиму 3 живыхъ оленей, стоющихъ 10 руб. каждый. Въ другихъ мѣстностяхъ Майскіе тунгусы не богаты оленями и средняя семья имѣетъ 2—3 десятка головъ (свыше 300 головъ у нихъ имѣютъ не болѣе 5 лицъ). Столь же слабо развито оленеводство и у Кангаласцевъ, отчасти вслѣдствіе недостатка у нихъ хорошихъ моховищъ, отчасти вслѣдствіе падежей. Для жителей перваго района главнымъ занятіемъ является оленеводство, для остальныхъ — какъ звѣроловство, такъ и оленеводство.

Около половины Майскихъ тунгусовъ, живущихъ по Алдану и по нижнему теченію р. Маи, и часть Зап. Кангаласскихъ обзавелись, по примѣру своихъ якутскихъ сосѣдей, рогатымъ скотомъ и превратились изъ оленеводовъ въ скотоводовъ (см. I., стр. 88 сл.). Для этой части Майскихъ тунгусовъ разведеніе скота является главнымъ занятіемъ, а побочнымъ охота и земледѣліе, которое практикуютъ нѣкоторые изъ нихъ.

Вилюйскій округъ. Главное занятіе—охота, въ меньшей степени—рыболовство въ крупныхъ рѣкахъ и озерахъ, главнымъ образомъ въ оз. Сюрунгна, близъ верховьевъ Вилюя. Въ прежнее время оленеводство было болѣе развито, причемъ одну изъ причинъ его уменьшенія Маакъ видитъ въ сбытѣ оленей на пріиски. «Выгодный сбытъ оленей на

---

[1]) Майновъ, ibid., 176 сл.

пріиски, говоритъ онъ, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на бытовую жизнь тунгусовъ; находя для себя выгодною эту продажу, многіе тунгусы совсѣмъ остались безъ оленей или оставили себѣ незначительное число ихъ, необходимое для охоты, и исключительно предались этому промыслу или переселились къ якутамъ и занялись скотоводствомъ» [1]).

Олекминскій округъ. До начала эксплуатаціи мѣстныхъ золотыхъ пріисковъ, главнымъ образомъ Олекминской системы, мѣстные тунгусы Жуюганскаго (и Брагатскаго) рода были бѣдными охотниками. Нынѣ послѣ истребленія части лѣсовъ пожарами они по своему образу жизни и по своимъ занятіямъ распались на двѣ группы: одна часть осталась бродячей и по прежнему скитается ради добычи пушного звѣря и дичи по глухимъ тайгамъ бассейна Витима. Другая часть Жуюганцевъ обзавелась домами и сдѣлалась болѣе или менѣе осѣдлой. Она занимается дворничествомъ т. е. содержитъ постоялые дворы для якутовъ, везущихъ клади на пріиски. Имъ они сбываютъ и заготовляемое ими сѣно, часть котораго они продаютъ при помощи якутовъ и на пріиски [2]). Не довольствуясь природными лугами, они ради расширенія сѣнокосовъ, гдѣ ихъ мало, расчищаютъ заросли, спускаютъ озера и т. д. Многіе обзавелись рогатымъ скотомъ и начали сѣять ячмень [3]). Но, судя по даннымъ переписи, главная часть тунгусовъ округа (ок. 40%) кормится работами на пріискахъ.

Иркутская губернія. 11,3% мѣстныхъ тунгусовъ проживаютъ осѣдло и занимаются преимущественно *земледѣліемъ* и скотоводствомъ. Въ Киренскомъ округѣ, гдѣ сосредоточена главная масса тунгусовъ губерніи, хлѣбопашцы составляютъ до 1/8 тунгусскаго населенія. Сюда принадлежитъ большая часть тунгусовъ Нижне-Илимской инородной управы, какъ проживающихъ среди русскихъ, такъ и въ собственныхъ селеніяхъ (ул. Закурдаевскій, Коченгскій и др.). Для трети жителей улусовъ В. Кетскаго (Ирк. окр.) и для части тунгусовъ ул. Малобѣльскаго (Балаг. окр.), а также для немногихъ лицъ

---

[1]) „Вилюйскій округъ“, III, 154.
[2]) „Отч. И. Р. Геогр. Общ.“ за 1897 г., стр. 82.
[3]) Майновъ, ibid., 33.

Киренско-Хандинской управы (Кир. окр.) хлѣбосѣяніе является тоже главнымъ занятіемъ[1]). Немного земледѣльцевъ въ Очеульской и Тутургской управахъ Верхоленскаго округа. Для всѣхъ прочихъ тунгусовъ, главнымъ образомъ Курейскихъ, Кондогирскихъ и для жителей большей части вышеприведенныхъ управъ и улусовъ охота играетъ роль почти исключительнаго источника благосостоянія. Гористая часть сѣверной половины губерніи и по-сейчасъ весьма богата дичью и пушнымъ звѣремъ, что не только даетъ возможность поддержать свое существованіе малочисленнымъ бродячимъ тунгусамъ, но и доставляетъ побочный заработокъ мѣстнымъ русскимъ, живущимъ по берегамъ крупныхъ рѣкъ. Для первыхъ охота на лосей, оленей, козъ, которыхъ добываютъ частью ямами, частью изъ ружья и т. д., доставляетъ повседневную пищу и даетъ главный матеріалъ для зимней одежды, а добыча пушного звѣря (лисицы, соболя, бѣлки, медвѣдей и т. д.) представляетъ возможность уплачивать ясакъ и пріобрѣтать предметы и продукты первой необходимости, къ которымъ они привыкли со времени знакомства съ русскими.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что на лисицу ставятъ желѣзные капканы, а бѣлку добываютъ плашками, которыхъ одинъ звѣроловъ ставитъ до 600 шт., добывая за лѣто до 100 бѣлокъ.

Оленеводство въ губерніи сравнительно не очень развито; лишь у немногихъ семействъ Тутурскихъ, Киренско-Хандинскихъ, Очеульскихъ и др. тунгусовъ имѣются небольшія стада оленей, которыхъ они въ лѣтнее время пасутъ на прохладныхъ горныхъ хребтахъ, гдѣ нѣтъ комара. Даже въ XVIII ст. Иркутскіе тунгусы не отличались богатствомъ оленей.

Рыболовствомъ занимаются не всѣ тунгусы и то лишь лѣтомъ. Курейскіе тунгусы ко времени вскрытія рѣкъ почти всѣ переселяются на берега Нижней Тунгуски, гдѣ въ теченіи всего лѣта добываютъ рыбу (гл. обр. карася), отдавая ее, какъ и пушнину, своимъ «дружкамъ» или кредиторамъ изъ русскихъ, у которыхъ они беруть въ кредитъ товаръ.

Постепенное уменьшеніе пушного звѣря и крупной дичи заставило однако многихъ изъ этихъ бродячихъ инородцевъ

[1]) По даннымъ за 1893 г. („Вол. и нас. мѣста Ирк. губ.“) въ ул. Малобѣльскомъ Балаг. окр. на 29 м. душъ 228 каз. дес. пашни и 23 д. усадьбы, въ ул. Верхне-Кетскомъ Ирк. окр. на 18 м. д. 40 дес. пашни, въ Нижне-Илимскомъ вѣдомствѣ, гл. обр. въ ул. Ангарскомъ и Коченгскомъ и въ дер. Пушминой, Пагадаевой и Романовой на 179 осѣдлыхъ душъ (90 м.) и 95 кочевыхъ д. (44 м.) — 162 каз. дес. пашни и т. д.

обзавестись домами, сначала самой простой конструкціи, въ видѣ черной избы, а потомъ и болѣе усовершенствованными, съ печами, и такимъ образомъ положить начало будущимъ селеніямъ осѣдлыхъ тунгусовъ, которые быстро русѣя, постепенно заимствуютъ отъ своихъ русскихъ сосѣдей весь образъ жизни, а слѣдовательно и занятія; сначала они заводятъ лошадей и рогатый скотъ, для обезпеченія которыхъ кормомъ начинаютъ косить сѣно, другіе болѣе ревностно занимаются рыболовствомъ, чѣмъ они это практиковали раньше, и, наконецъ, берутся за хлѣбосѣяніе. Но все же и понынѣ звѣриный промыселъ (и рыболовство) составляютъ главный источникъ пропитанія тунгусовъ Иркутской губерніи, что видно изъ того обстоятельства, что до $^3/_4$ (73,4%) ихъ показали эти занятія своими главными источниками благосостоянія. Изъ отдѣльныхъ округовъ въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоитъ Верхоленскій, гдѣ этими занятіями кормится 78,5% тунгусовъ и свыше 10% занимаются главнымъ образомъ обработкой продуктовъ охоты и оленеводства. Въ Киренскомъ округѣ охоту и рыболовство, какъ главный источникъ пропитанія, показали 73,5% и въ Иркутскомъ 60,7%.

Животноводство, какъ главное занятіе, отмѣчено лишь у 6,1% тунгусовъ губерніи, но подъ этимъ терминомъ здѣсь слѣдуемъ понимать какъ скотоводство, такъ и оленеводство, обыкновенно связанное съ занятіемъ охотой.

Забайкальская область. Изъ вышеизложеннаго мы знаемъ, что тунгусское населеніе данной области по своему образу жизни распадается на осѣдлое, кочевое и бродячее. И этимъ тремъ видамъ культурнаго развитія соотвѣтствуютъ три главныхъ занятія этихъ тунгусовъ. Самой первоначальной ступенью является звѣроловство и охота, къ которымъ присоединяется разведеніе оленей. Эта стадія культурнаго развитія была прежде свойственна большей части всѣхъ тунгусовъ данной области, но въ началѣ XVIII в. (во время присоединенія края къ Россіи) часть ихъ уже обратилась въ кочевниковъ-скотоводовъ («конныхъ» тунгусовъ авторовъ XVII в.). Нынѣ въ ея предѣлахъ тунгусы, снискивающіе себѣ пропитаніе лишь звѣроловствомъ и оленеводствомъ, сохранились на сѣверѣ, въ тайгахъ, расположенныхъ по верхнему теченію рр. Витима, Каренги, Ципы, Нерчи и др. рѣкъ—это орочоны Уруль-

гинскаго вѣдомства Читинскаго округа и бродячіе тунгусы сѣвера Баргузинскаго.

Переходъ отъ бродячаго образа звѣролововъ къ кочевому скотоводческому совершился у тунгусовъ довольно постепенно, что и дало возможность спастись этимъ инородцамъ отъ вымиранія. Не имѣя возможности, вслѣдствіе постоянно уменьшающагося промысла пушного звѣря и дичи, снискать себѣ пропитаніе лишь этимъ занятіемъ, многіе изъ звѣролововъ и оленеводовъ стали по примѣру своихъ сосѣдей-бурятовъ, находившихся по большей части уже въ стадіи кочевого хозяйства, обзаводиться скотомъ, прибѣгая къ охотѣ, какъ къ добавочному источнику пропитанія. Такимъ образомъ, получилось хозяйство звѣролово-скотоводческое; еще весьма недавно на этой стадіи находились тунгусы Онгоцонской и отчасти Кужертаевской управъ, а лѣтъ 35—40 тому назадъ (считая отъ года переписи) первые еще почти исключительно снискивали себѣ пропитаніе звѣроловствомъ. На этой же ступени культурнаго развитія мы застаемъ нынѣ тунгусовъ управъ: Тунгусско-Баргузинской и Армакской (Селенг. окр.). Отставая постепенно отъ звѣропромышленности вслѣдствіе ея малой доходности, особенно въ мѣстностяхъ, мало благопріятныхъ для охоты или гдѣ лѣса были истреблены пожарами, что напр. въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія имѣло мѣсто въ Онгоцонской управѣ, инородцы превращаются почти въ чистыхъ кочевниковъ-скотоводовъ, причемъ отдѣльныя лица, на первомъ планѣ крестившіеся и начинающіе усваивать русскій образъ жизни, начинаютъ обзаводиться прочными домами и переходить къ хлѣбопашеству и къ связанному съ нимъ осѣдлому образу жизни. На этой скотоводческо-земледѣльческой стадіи и находится въ настоящее время большая часть тунгусовъ Забайкальской области и на первомъ мѣстѣ тунгусы южныхъ управъ Читинскаго округа: Кужертаевской и Онгоцонской, въ которыхъ земледѣліе пока слабо развито и ограничивается малочисленными крещеными инородцами с. Онкоекскаго, сел. Кужертай и Ново-Тулутай въ первой; с. Бырцинскаго, нѣкоторыхъ заимокъ и т. д. во второй. Бо̀льшіе успѣхи оно сдѣлало въ другихъ двухъ управахъ того же Урульгинскаго вѣдомства — Шундуинской и Урульгинской, гдѣ однако запашка на наличное хозяйство все-же и теперь еще менѣе 3 дес. Наконецъ, управы Маньковская и въ особенности

Оловская имѣютъ уже довольно развитое земледѣліе, что обусловливается лучшими почвенными условіями мѣстности и сравнительной густотой населенія.

Въ настоящее время главными занятіями тунгусовъ Забайкальской области являются *земледѣліе* и *животноводство*. Первое, по даннымъ переписи, даетъ главное пропитаніе 54,1% всѣхъ тунгусовъ (43,0% лицъ, имѣющихъ самостоятельные заработки, и 56,9% членовъ ихъ семей) и второе показали главнымъ занятіемъ 36,2% всѣхъ тунгусовъ (40,2% самостоятельныхъ и 35,1% членовъ ихъ семей). Итого оба эти источника пропитанія составляютъ главныя занятія 90,3% всѣхъ тунгусовъ области (83,2% самостоятельныхъ и 92,0% членовъ ихъ семей). Изъ отдѣльныхъ округовъ особенно развито земледѣліе въ Читинскомъ, гдѣ оно составляетъ главное занятіе 61,6% тунгусовъ и въ Нерчинскомъ — 63,5%, затѣмъ въ Нерчинско-Заводскомъ. Въ другихъ округахъ оно мало развито (Баргузинскій 9,0%) и т. д. Скотоводство, напротивъ, болѣе распространено въ Акшинскомъ и Селенгинскомъ окр. [1]) гдѣ 77,7% и 82,8% тунгусовъ показали его главнымъ занятіямъ. И въ Читинскомъ и Баргузинскомъ округахъ преимущественно разведеніемъ скота и лошадей кормится около трети тунгусскаго ихъ населенія: скотоводство показано главнымъ занятіемъ у 32,9% душъ перваго и 34,2% второго.

Охота (и *рыболовство*), по даннымъ переписи, преобладающее значеніе имѣетъ въ Баргузинскомъ округѣ, гдѣ они кормятъ свыше половины всѣхъ тунгусовъ (у 54,7% эти ремесла составляютъ главное занятіе). Въ другихъ мѣстахъ эти занятія, по тому же источнику, роли не играютъ (въ Читинскомъ главное занятіе у 3,2% лицъ), имѣя значеніе побочныхъ заработковъ. Не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія и Селенгинскій округъ (Армакская управа). Въ цѣлой области лица, спеціально занимающіяся охотой и рыбо-

---

[1]) Въ результатахъ первой всеобщей переписи населенія Имперіи 1897 года Акшинскіе казаки-тунгусы, говорящіе по бурятски, ошибочно отнесены къ бурятамъ.

Буряты Армакской управы, неправильно названные въ переписномъ матеріалѣ „тунгусами“ (см. I, стр. 149), отнесены по недосмотру къ тунгусамъ и въ результатахъ переписи.

ловствомъ, составляютъ 8,3%. Итакъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ и этими занятіями кормится свыше 98,6% всего тунгусскаго населенія области.

Теперь обратимся къ болѣе подробному обозрѣнію отдѣльныхъ видовъ занятій тунгусовъ по изслѣдованію коммиссіи ст.-секр. Куломзина и начнемъ съ *земледѣлія*. Въ слѣдующей таблицѣ [1]) сгруппированы данныя о размѣрахъ земледѣлія у тунгусовъ отдѣльныхъ инородныхъ управъ области (наличное коренное населеніе *кромѣ бродячихъ инородцевъ*).

ТАБЛИЦА XIII..

	Названія тунгусскихъ инородныхъ управъ.								
	Тунг.-Барг.	Армакская.	Урульгинск.	Оловская.	Шундуин.	Маньковск.	Онгоцонск.	Кужертаев.	Каз.-инор. Акш. окр.
1. На 1 хоз. (вкл. беззем.) десят. мягкой. пашни .	1,0	1,8(2,1) [2])	2,7	5,4	2,7	3,3	0,3	1,1	0,3
2. Число нал. хоз., не имѣющ. мягк. пашни (въ %) .	62,8	74,1	32,6	7,9	48,9	38,7	86,1	73,7	70,8

Эта таблица подтверждаетъ сказанное выше о распространеніи земледѣлія у тунгусовъ отдѣльныхъ мѣстностей Забайкальской области. Больше всего земледѣліемъ занимаются тунгусы Оловской управы, среди которыхъ менѣе 8% вовсе не имѣютъ пашни, а на среднее хозяйство приходится 5,4 дес. мягкой пашни. За нею слѣдуютъ управы: Маньковская, Урульгинская и Шундуинская—2,7—3,3 дес. пашни на наличное хозяйство, причемъ число хозяйствъ, не имѣющихъ мягкой пашни, простирается въ нихъ отъ 33 до 50% на-

[1]) Ibid., вып. III.

[2]) Включая два бурятскихъ рода, входящихъ въ составъ этой управы (см. I., 149).

личнаго ихъ числа. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ области земледѣліе играетъ уже второстепенную роль, такъ какъ тамъ свыше $^2/_3$ домохозяевъ вовсе не занимаются хлѣбосѣяніемъ. Таковы управы: Тунгусско-Баргузинская и Армакская въ западной при-Байкальской части области, гдѣ значительную роль въ качествѣ источника благосостоянія играетъ звѣропромышленность и отчасти скотоводство, и управы: Онгоцонская и Кужертаевская (Читинск. окр.), а также Акшинскій округъ, гдѣ казаки-инородцы образуютъ общины совмѣстно съ русскими казаками. Здѣсь въ особенности въ Онгоцонской управѣ и въ Акшинскомъ округѣ, земледѣліе играетъ совсѣмъ ничтожную роль: на 1 хоз. приходится 0,3 дес. пашни и главнымъ занятіемъ жителей является разведеніе скота и лошадей. Для того, чтобы имѣть критерій для сужденія о размѣрахъ земледѣлія у тунгусовъ области, сообщимъ, что во всемъ Читинскомъ округѣ на среднее хозяйство приходится 3,9 дес. мягкой пашни, а у крестьянъ старожиловъ—8,4 дес. и въ Акшинскомъ округѣ у коренного населенія—3,7 дес. и у русскихъ казаковъ—3,9 дес. Вовсе не имѣютъ пашни въ этихъ округахъ 45,8 и 28,6% наличныхъ приписныхъ хозяйствъ (у крестьянъ Читинскаго окр.—9,7 и у русскихъ казаковъ Акшинскаго—24,8%).

Изъ отдѣльныхъ хлѣбовъ на поляхъ тунгусовъ первое мѣсто занимаетъ ярица, которая въ 4 управахъ Читинскаго округа занимаетъ свыше 40%, въ двухъ остальныхъ (Онгоцонской и Кужертаевской), а также въ Тунгусско-Баргузинской свыше 50% и въ Армакской—68% всей посѣвной площади. Слѣдующее мѣсто занимаетъ частью овесъ (Кужертаевская, Армакская упр.), частью греча (Шундуинская, Маньковская упр.), а во всѣхъ остальныхъ управахъ и въ Акшинскомъ округѣ — яровая пшеница.

Относительно обезпеченности тунгусовъ Забайкальской области хлѣбомъ мы въ вышеупомянутомъ источникѣ находимъ слѣдующія свѣдѣнія [1]), Въ Армакской инородной управѣ (Селенг. окр.) въ урожайные годы большинство хозяевъ обезпечено своимъ хлѣбомъ, въ неурожайные прикупаютъ почти всѣ; въ первомъ случаѣ отдѣльныя лица продаютъ часть

[1]) ibid., вып. XIV, 5—15 стр.

хлѣба. Оловская управа производитъ больше хлѣба, чѣмъ потребно для прокормленія ея членовъ, такъ что часть хлѣба сбывается въ Нерчинскъ, Срѣтенскъ, на желѣзную дорогу и на пріиски. Лишь селенія Кыкеръ, дер. Улейская и с. Бушулейское прикупаютъ хлѣбъ въ сосѣднихъ селеніяхъ и въ Срѣтенскѣ. Въ остальныхъ управахъ области число хозяевъ, покупающихъ хлѣбъ, значительно больше. Въ Урульгинской инор. управѣ въ избыткѣ имѣютъ хлѣбъ лишь селенія: Байцатуй, Княже-Поселье, Берея, Средне-и Усть-Талача; часть его они сбываютъ. Во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ управы населеніе прикупаетъ хлѣбъ, хотя у многихъ хозяевъ, имѣющихъ не мало пашни, это и обусловливается зимними и осенними продажами хлѣба. Тунгусы остальныхъ четырехъ инородческихъ управъ Урульгинскаго вѣдомства Читинскаго округа—Маньковской, Шундуинской, Онгоцонской и Кужертаевской всѣ прикупаютъ хлѣбъ въ значительномъ количествѣ и не только кочующіе, не имѣющіе пашни и питающіеся главнымъ образомъ молочными продуктами, которыхъ потребляется особенно много въ послѣднихъ двухъ управахъ, но и тѣ, которые занимаются хлѣбопашествомъ. Первые впрочемъ потребляютъ мало хлѣба и то лишь во время трудной работы, напр. сѣнокоса. Въ среднемъ семья кочевыхъ инородцевъ (тунгусовъ и бурятовъ) потребляетъ отъ 2 до 10 пудовъ ярицы въ годъ. Также и въ Акшинскомъ округѣ, гдѣ 70% домохозяевъ тунгусовъ не имѣютъ своей пашни, казаки-инородцы покупаютъ хлѣбъ на сторонѣ, хотя, питаясь преимущественно молочными продуктами и мясомъ, и имѣютъ въ немъ лишь небольшую потребность.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что тунгусы въ гораздо большей степени, чѣмъ буряты, проявляютъ склонность къ осѣдлой жизни и нынѣ уже большинство юридически кочевыхъ тунгусовъ управъ Урульгинской, Оловской, Шундуинской и Маньковской обзавелись прочной осѣдлостью.

Скотоводство. Главнѣйшія данныя касательно развитія скотоводства у Забайкальскихъ тунгусовъ видны изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи того же источника:

ТАБЛИЦА XIV.

	Названія тунгусск. инородн. управъ.								
	Тунг.-Барг.	Армакская	Урульгинск.	Оловская.	Шундуинск.	Маньковск.	Онгоонск.	Кужертаев.	Акш. окр. (каз.-инор.).
1. На наличн. хоз. прих. раб. лошадей.	1,4	3,0	3,5	4,8	3,8	3,5	3,0	3,3	3,2
2. % хоз., не имѣющ. раб. лошадей.	29,5	3,5	7,1	4,7	5,6	9,2	4,6	4,7	4,3
3. На наличн. хоз. прих. крупн. рогатаго скота	7,1	10,4	11,1	7,5	5,9	8,0	11,7	12,5	9,9
4. % хоз., не имѣющ. рогатаго скота	3,8	2,4	6,9	6,1	6,4	9,4	3,9	2,1	5,3
5. На наличн. хоз. прих. овецъ и козъ.	1,7	4,9	15,4	6,7	11,7	26,1	7,7	17,6	18,2
6. % хоз., не имѣющ. овецъ и козъ.	73,1	38,8	44,3	48,6	69,9	57,2	44,4	39,7	39,7
7. % хоз. безъ всякаго скота.	2,6	1,0	2,3	2,9	1,7	3,8	1,8	0,7	1,7

По развитію коневодства всѣ управы находятся приблизительно въ одинаковомъ положеніи, за исключеніемъ маленькой Тунгусско-Баргузинской, гдѣ оно очень слабо развито. Наибольшее число головъ на хозяйство приходится въ земледѣльческой Оловской управѣ, а наибольшій процентъ вовсе не имѣющихъ лошадей выпадаетъ на долю Маньковской. Что касается крупнаго рогатаго скота, то имъ болѣе богаты управы, гдѣ скотоводство играетъ выдающуюся роль: Кужертаевская, Онгоцонская, Акшинскій округъ, а также упр. Армакская, переходная отъ звѣропромышленной къ скотоводческой, и земледѣльческо-скотоводческая Урульгинская.

Овцеводство и разведеніе козъ не имѣетъ большого значенія у тунгусовъ края, что видно уже изъ того факта, что отъ 40 до 73% всѣхъ переписанныхъ хозяйствъ не имѣютъ ихъ вовсе. Это въ особенности касается управъ Тунгусской, Шундуинской и Маньковской. Наибольшее число овецъ и козъ на хозяйство наблюдается въ Маньковской управѣ, затѣмъ въ

управахъ: Кужертаевской, Урульгинской, Шундуинской и въ Акшинскомъ округѣ.

Въ итогѣ для всѣхъ кочевыхъ тунгусовъ области вообще оказывается, что 2,4% хозяйствъ не имѣютъ вовсе скота, 4,7% не имѣютъ вовсе лошадей, 5,6% рогатаго скота и 50,6% овецъ. Изъ остальнаго числа хозяйствъ наибольшее число имѣетъ отъ 1 до 9 головъ лошадей, рогатаго скота и овецъ (72,8; 38,9 и 25,0% всѣхъ наличныхъ хозяйствъ [1]).

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, хотя управы, гдѣ земледѣліе менѣе развито, повидимому и нѣсколько богаче скотомъ, чѣмъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ хлѣбопашество болѣе развито, но разница, существующая между тѣми и другими въ этомъ отношеніи, ничтожна и отражается преимущественно лишь на процентѣ хозяйствъ, не имѣющихъ совсѣмъ домашнихъ животныхъ; напротивъ, по числу рабочихъ лошадей, приходящихся на одно хозяйство, земледѣльческія управы, имѣя въ нихъ большую потребность, стоятъ на первомъ планѣ.

Изъ прочихъ заработковъ тунгусовъ Забайкальской области (не считая бродячихъ) главное значеніе имѣютъ чернорабочій трудъ, извозъ, звѣроловство и лѣсопромышленность; ремесла играютъ незначительную роль.

ТАБЛИЦА XV.

	Названія тунгусск. инородч. управъ:								
	Тунг.-Барг.	Армакская.	Урульгинск.	Оловская.	Шундуинск.	Маньковск.	Онгоцонск.	Кужертаев.	Акшин. окр. (каз.-инор.).
1. % хоз., отпуск. работниковъ	46,1	53,4	38,7	33,3	44,7	37,5	48,6	29,3	43,4
2. % хоз., заним. мѣстн. пром.	52,6	84,1	30,9	47,0	1,5	12,7	29,4	7,5	28,9
3. % „ „ ремеслами. .	7,7	18,9	4,6	9,7	3,0	16,2	14,0	8,9	13,8
4. % „ „ др. заработк.	7,7	6,1	6,9	8,3	2,2	2,2	3,0	5,4	4,3

Изъ этой таблицы усматривается, что *чернорабочимъ трудомъ* всѣхъ видовъ занимается отъ 30 до 53% налич-

[1]) Ibid., вып. XIII, стр. 22—23.

ныхъ хозяйствъ приписного тунгусскаго населенія разныхъ управъ, причемъ эти величины оказываются большими противъ среднихъ за цѣлые округа (тоже приписное населеніе), именно, въ Читинскомъ окр. она равна—31,6%, въ Акшинскомъ—33,0 и въ Селенгинскомъ — 37,7%. Изъ общаго числа работниковъ сроковые составляютъ приблизительно $^2/_3$ и годовые $^1/_3$.

Средній заработокъ одного лица, вычисленный изо всѣхъ случаевъ найма въ краѣ равнялся въ 1897 г. у инородцевъ Читинскаго округа (вкл. бурятовъ) 87 руб., у крестьянъ 121 р. и у казаковъ—182 руб., что указываетъ на меньшую цѣнность и худшее качество труда инородцевъ.

Мѣстные промыслы пріобрѣтаютъ особенно большое значеніе у тунгусовъ, съ одной стороны, мало занимающихся земледѣліемъ—Тунгусско-Баргузинская и Армакская управы, и, съ другой стороны, у жителей самой земледѣльческой—Оловской, хотя конечно самые промыслы въ томъ и другомъ случаѣ не одни и тѣже. Почти не занимаются промыслами тунгусы Шундуинской управы и въ весьма малой степени инородцы Кужертаевской. Большинство мѣстныхъ промысловъ не отвлекаетъ населеніе отъ земледѣлія и скотоводства, а играетъ роль побочныхъ заработковъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что ими населеніе занимается въ свободное отъ главныхъ занятій время, именно поздней осенью, зимой и ранней весной.

Извозъ, который облегчаетъ жителямъ прокормить зимою лошадей, у тунгусовъ области вообще мало развитъ. Болѣе другихъ имъ занимаются тунгусы управы Оловской, наиболѣе богатой конями—27,1% всѣхъ хозяевъ, далѣе Урульгинской (17,2%) и Армакской (19,0%). Почти не практикуется этотъ промыселъ у жителей Шундуинской управы (1,5%) и двухъ управъ съ преобладающимъ скотоводскимъ характеромъ населенія—Онгоцонской (1,5%) и Кужертаевской (2,1%). Весьма мало развитъ онъ и въ управахъ Маньковской (4,4%) и Тунгусско-Баргузинской (9,0%), а также у казаковъ-инородцевъ Акшинскаго округа (3,6%).

Рыболовство не играетъ никакой роли у осѣдлыхъ и кочевыхъ тунгусовъ данной области; подсобный характеръ оно имѣетъ лишь у инородцевъ Тунгусско-Баргузинской

управы (13,6 % всѣхъ домохозяевъ) и у бродячихъ тунгусовъ, живущихъ по В. Ангарѣ. Болѣе бѣдные изъ нихъ нанимаются въ пору лова омуля къ русскимъ промышленникамъ въ рабочіе, причемъ самый ловъ происходитъ главнымъ образомъ у сѣверной бухты озера Байкалъ [1]). Занимаются рыболовствомъ и казаки-инородцы Акшинскаго округа (6,7%), часть которыхъ промышляетъ рыбу въ смежныхъ рѣкахъ Монголіи. Изъ остальныхъ тунгусовъ рыбачатъ лишь единичныя лица главнымъ образомъ изъ Оловской управы.

Звѣроловство и *охота*. Главнымъ охотничьимъ райономъ является весь гористый сѣверъ области, гдѣ, за исключеніемъ пріисковъ, вовсе нѣтъ осѣдлаго населенія. Тамъ бродятъ малочисленные орочоны Читинскаго округа и бродячіе тунгусы Баргузинскаго округа, главнымъ источникомъ пропитанія которыхъ служитъ звѣроловство и охота. Въ эти же лѣса отправляются добывать пушного звѣря и осѣдло живущіе инородцы сѣверной части области и крестьяне прилегающихъ волостей. Огромное значеніе звѣриный промыселъ имѣетъ для жителей Тунгусско-Баргузинской инородной управы, часть которой лежитъ въ этомъ лѣсистомъ районѣ. Здѣсь 35,9% домохозяевъ занимается охотой, причемъ 12,8% живутъ только этимъ промысломъ. Наиболѣе удобными мѣстами для охоты являются для нихъ сѣверовосточный берегъ Байкала и вершина р. Баргузина. Изъ тунгусскихъ управъ Читинскаго округа этимъ промысломъ болѣе занимаются жители Онгоцонской (27,4% всѣхъ хозяйствъ), Урульгинской (12,4%), Оловской (11,1%) и Маньковской (8,8%); меньше онъ развитъ въ Кужертаевской и вовсе не существуетъ въ Шундуинской. Изъ этихъ управъ жители Онгоцонской ходятъ охотиться въ районѣ вершинъ Онона, Ингоды и Чикоя, а остальные звѣруютъ въ сѣверной таежной полосѣ области.

Третій звѣроловный районъ расположенъ къ югу отъ Байкальскаго озера, въ верховьяхъ р.р. Джиды, Темника, и по горнымъ рѣчкамъ, сбѣгающимъ съ южно-байкальскихъ гольцевъ въ Байкалъ (см. стр. I., 147 сл.). Здѣсь изъ тунгусовъ промышляютъ звѣря жители Армакской инор. управы, для которыхъ это занятіе, искони главное, и нынѣ имѣетъ большое

[1]) „Вѣст. И. Р. Геогр. О.“, 1857. XXI кн. 5, 144.

значеніе—42,6% всѣхъ хозяйствъ занимаются этимъ промысломъ. Охотятся они въ слѣдующіе сезоны: съ 1 октября они добываютъ бѣлку при помощи собакъ, а также соболя. Охота прекращается въ ноябрѣ, по выпаденіи глубокаго снѣга. На изюбря и лося охотятся весной, при появленіи первой зелени, а козъ преслѣдуютъ почти круглый годъ. Армакскіе тунгусы (и буряты) охотятся артелями и на крупную дичь устраиваютъ облавы («ургечень»). На одного охотника приходится среднимъ числомъ около 200 бѣлокъ (по 18—25 коп.), по 1—2 соболю (по 5—10 р.), по 20—25 козуль (шкура 1 р.); сверхъ того изюбри даютъ имъ цѣнные рога (панты), стоющіе 3—5 р. (прежде 10) 1 ф. Въ прежнее время звѣроловство было ихъ единственнымъ занятіемъ, а ихъ пищей —мясо и коренья. Нынѣ вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ звѣря охотничій промыселъ сталъ падать и многіе инородцы начали переходить къ скотоводству; земледѣліе у нихъ въ зачаточномъ состояніи [2]).

По даннымъ же первой всеобщей переписи населенія зимою того же 1897 г. ни одинъ тунгусъ данной управы не показалъ это занятіе главнымъ, каковымъ почти у всего ея тунгусскаго (и бурятскаго) населенія является скотоводство (82,8%). По всему вѣроятію охотѣ эти тунгусы посвящаютъ время, свободное отъ своего главнаго занятія—животноводства.

Наконецъ, звѣроловство и охота имѣютъ нѣкоторое значеніе и для казаковъ-инородцевъ Акшинскаго округа, изъ коихъ 13,8% хозяйствъ показали это занятіе. Это касается главнымъ образомъ жителей станицы Букукунской, которые ходятъ на промыселъ въ районъ вершинъ Онона, Чикоя и Ингоды. Второе мѣсто среди нихъ занимаетъ станица Мангутская, въ остальныхъ это занятіе почти не существуетъ.

Животныя, которыя имъ служатъ главными предметами охоты суть: бѣлка, соболь, маралъ, дикая коза (кабарга) и отчасти рысь. Самымъ распространеннымъ видомъ охоты есть добыча бѣлки, которая однако не всякій годъ многочисленна, а лишь въ годы, слѣдующіе за хорошимъ урожаемъ кедроваго орѣха. Охота начинается въ началѣ октября и длится мѣсяцъ или немного болѣе. За это время на ружье промышленникъ добываетъ

---

[1]) Кроль („Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.“, XXV, вып. 4—5, стр. 72 сл.) утверждаетъ, что Армакскіе тунгусы земледѣлія не знаютъ, между тѣмъ какъ изъ трудовъ комиссіи г. Куломзина усматривается, что отдѣльныя лица у нихъ сѣютъ хлѣбъ (см. стр. 251).

среднимъ числомъ 100—150 бѣлокъ, стоющихъ, смотря по качеству, отъ 10 до 20 коп. штука. Лица, охотящіяся на бѣлку, добываютъ остальныхъ животныхъ лишь попутно, именно на ружье примѣрно 1—2 кабарги, 1—2 рыси и отъ 3 до 10 соболей. Другіе охотятся на послѣднихъ спеціально, пользуясь при этомъ особыми собаками, пріученными отыскивать лишь соболіе слѣды. Лучшіе соболи обитаютъ на вершинахъ горъ.

Изъ другихъ животныхъ во второй половинѣ мая и въ началѣ іюня охотятся на изюбрей или мараловъ ради ихъ роговъ (пантовъ). Въ это время панты наливаются кровью и имѣютъ у китайцевъ особую цѣнность, какъ лѣкарство. Средніе рога вѣсятъ 10—12 ф. (до 30 ф.), а продажная стоимость 1 ф.—3—5 руб. Дикихъ козъ преслѣдуютъ по насту раннею весною или подкарауливаютъ, какъ отчасти и изюбрей и лосей, около солонцевъ, куда они ходятъ лизать соль. На бѣлку и соболя охотятся обыкновенно небольшими артелями въ 2—6 (до 10) человѣкъ, которые дѣлятъ всю добычу поровну, а остальныхъ животныхъ бьютъ какъ придется. Оружіемъ, при помощи котораго въ настоящее время инородцы охотятся въ Забайкальѣ, является кремневая малопульная винтовка, снабженная сошкой. На пернатую дичь изъ ружья не охотятся (кромѣ горожанъ), а въ глухихъ мѣстахъ ее добываютъ силками и ловушками. Продукты звѣроловства сбываются на мѣстныхъ ярмаркахъ или скупщикамъ, у которыхъ промышленники забираютъ разный товаръ въ долгъ, подъ обезпеченіе будущаго промысла.

Лѣсопромышленность развита между тунгусами лишь въ Армакской управѣ, гдѣ 45,2% домохозяевъ занимаются сплавомъ лѣса по рр. Темнику и Джидѣ на р. Селенгу къ Верхнеудинску и въ другія мѣста. Нѣкоторое значеніе лѣсные промыслы имѣютъ и въ Оловской управѣ (15,0% домохозяевъ). Кромѣ сплава лѣса нѣкоторые инородцы занимаются добываніемъ кедровыхъ орѣховъ, въ особенности въ районѣ Яблонового хребта, къ югу отъ Московскаго тракта, по его отрогамъ между рр. Чикоемъ и Хилокомъ и между Хилокомъ и Удой, въ верховьяхъ Ингоды и Чикоя, по хребтамъ въ бассейнахъ рр. Джиды и Темника и въ смежныхъ мѣстностяхъ Монголіи.

Ремесла у инородцевъ Забайкальской области значенія не имѣютъ; сравнительно больше ими занимаются тунгусы

Армакской, Маньковской и Онгоцонской управъ, а также казаки-инородцы Акшинскаго округа. Весьма слабо развиты у нихъ и другіе неземледѣльческіе заработки.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ (стр. 261) приведены бюджеты трехъ типичныхъ хозяйствъ или семействъ (бѣднаго, средняго достатка и богатаго) тунгусовъ Забайкальской области, составляющихъ, согласно большинству тунгусовъ этой области, переходную ступень отъ кочевого образа жизни скотоводовъ къ смѣшанной скотоводческо-земледѣльческой стадіи. Доходъ, получаемый этими инородцами натурою, переведенъ здѣсь на деньги [1]).

Изъ этой таблицы усматривается, что средній доходъ бѣдной тунгусской семьи равенъ приблизительно 90 руб., средняго достатка — 232 руб. и богатой около 500 руб., причемъ этотъ доходъ слагается изъ поступленій, получаемыхъ натурою и деньгами. У бѣдныхъ обѣ эти части дохода приблизительно равны, а у семей богатыхъ и средняго достатка поступленія натурою въ два раза превышаютъ денежный приходъ, составляя около $^2/_3$ всего изъ прихода. Сельское хозяйство (первыя пять статей) доставляетъ у семействъ:

бѣдныхъ	64,6%	пром. и зараб.	27,3%	и займы	8,1%	всего ихъ дохода,						
среднихъ	85,4 „	„	„	11,6 „	„	„	3,0 „	„	„	„		
богатыхъ	94,1 „	„	„	5,6 „	„	„	0,3 „	„	„	„		

Такимъ образомъ, чѣмъ богаче семья, тѣмъ большій процентъ своего дохода она получаетъ отъ сельскаго хозяйства и тѣмъ меньшій отъ промысловъ и другихъ заработковъ и тѣмъ менѣе она является задолженной. Натурой у всѣхъ трехъ типовъ семействъ поступаютъ: хлѣбъ, кормовыя средства, и продукты скотоводства, которые почти не идутъ въ продажу, а денежный доходъ они имѣютъ отъ сбыта живого скота и отъ заработковъ.

Относительно примѣрныхъ расходовъ этихъ семей мы узнаемъ слѣдующее: у бѣдныхъ $^3/_4$ ихъ падаютъ на потребности личныя и $^1/_4$ на нужды хозяйства, а у семействъ средняго достатка и богатыхъ личныя потребности составляютъ всего 44% наличнаго расхода, а хозяйственныя 56%.

* * *

До сихъ поръ мы говорили о занятіяхъ главнымъ образомъ кочевыхъ и полуосѣдлыхъ тунгусовъ Забайкальской об-

---

[1]) Ibid., вып. XVI, стр. 150 сл.

ТАБЛИЦА XVI.

Статьи дохода.	Бѣдное.			Среднее.			Богатое.		
	Натурою.	Деньгами.	Итого.	Натурою.	Деньгами.	Итого.	Натурою.	Деньгами.	Итого.
	въ рублях ъ								
1. Хлѣбъ	3,5	—	3,5	8,2	—	8,2	26,2	—	26,2
2. Кормовыя средства	19,9	—	19,9	94,5	0,5	95,0	150,3	—	150,3
3. Мясо и продукты скотоводства	22,5	—	22,5	55,2	0,4	55,6	164,2	1,2	165,4
4. Продажа скота	—	11,7	11,7	—	38,5	38,5	—	123,8	123,8
5. „ остальныхъ продуктовъ	—	—	—	—	0,5	0,5	—	—	—
6. Аренда земли	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	**45,9**	**11,7**	**57,6**	**157,9**	**39,9**	**197,8**	**340,7**	**125,0**	**465,7**
7. Промыслы и заработки	—	24,0	24,0	—	26,9	26,9	—	20,0	20,0
8. Займы	—	7,2	7,2	—	7,2	7,2	—	1,7	1,7
Всего	**45,9**	**42,9**	**88,8**	**157,9**	**74,0**	**231,9**	**340,7**	**146,7**	**487,4**
Въ %	**51,5**	**48,5**	**100,0**	**68,0**	**32,0**	**100,0**	**69,8**	**30,2**	**100,0**

ласти, теперь сдѣлаемъ краткій перечень занятій бродячихъ представителей этого племени, обитающихъ по ея сѣверной окрайнѣ, именно Баунтовскихъ и Верхне-Ангарскихъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, который они, какъ и нѣкоторые другіе инородцы Сибири, считаютъ за первый мѣсяцъ въ году, они охотятся на крупную дичь: оленя, лосей и косулей. Въ апрѣлѣ, при вскрытіи рѣкъ, они добываютъ поднимающуюся вверхъ рыбу (тайменей, щукъ, налимовъ, окуней), которую вялятъ безъ соли и складываютъ въ амбары. Въ маѣ подкарауливаютъ на выжженныхъ проталинахъ, гдѣ раньше появляется зелень, дикихъ оленей и козъ. Въ іюнѣ охотятся на изюбрей ради кровяныхъ и мягкихъ въ это время роговъ и на лосей у водопоя. Въ это же время они спускаются съ вершинъ горъ къ рѣчкамъ и озерамъ и предаются рыбной ловли вершами. Главной добычей являются харіусы и щуки. Въ озерахъ ловятъ рыбу и небольшими сѣтями изъ конскаго волоса, пользуясь при этомъ берестяными челноками. Іюль посвящаютъ добычѣ водяной птицы во время линьки: гусей, лебедей, гагаръ, утокъ, турпановъ. Въ концѣ этого мѣсяца тунгусы поднимаются въ горы и выкапываютъ или выкуриватъ изъ гнѣздъ жирныхъ тарабагановъ, которыхъ убиваютъ ради ихъ вкуснаго мяса и ради шкурокъ, идущихъ на одежду. Въ сентябрѣ спускаются въ лѣсистыя долины и приготовляются къ зимнему промыслу. Во второй его половинѣ охотятся на изюбря, приманивая его пищикомъ (деревянной трубкой), и на лосей по порошѣ. Въ это время поспѣваютъ ягоды, изъ которыхъ они однако потребляютъ лишь черемуху и клубнику.

Сборъ кедровыхъ орѣховъ также даетъ имъ иногда хорошій подсобный заработокъ. Въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ октября добываютъ поднимающуюся ради метанія икры рыбу. Запасшись нужнымъ провіантомъ, тунгусы во второй половинѣ этого мѣсяца отправляются въ глухіе лѣса ради добычи пушного звѣря и дичи. Въ теченіе этого и слѣдующаго мѣсяца они ставятъ ловушки, западни и кулемы и періодически ихъ осматриваютъ. Въ декабрѣ они выходятъ на сугланы (см. стр. 277), гдѣ, запасшись отъ купцовъ хлѣбомъ и другими припасами, опять уходятъ въ лѣса, въ которыхъ и проводятъ, добывая звѣря, январь и февраль.

[1]) Орловъ: „Баунтовскіе и В. Ангарскіе бродячіе тунгусы“. („В. И. Р. Геогр. О.“. 1857, XXI кн. 6, 183—89).

Изъ этого очерка, относящагося правда къ концу 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но въ общихъ чертахъ справедливаго и для настоящаго времени, усматривается, что главными занятіями бродячихъ тунгусовъ Забайкальской области являются звѣриный промыселъ и охота и второстепеннымъ—рыболовство; всѣ же остальные промыслы значенія не имѣютъ.

Объ оленеводствѣ Орловъ въ своемъ детальномъ очеркѣ занятій этой группы тунгусовъ (см. прим. на стр. 262) вовсе не упоминаетъ, что показываетъ, что это занятіе среди тунгусовъ даннаго района уже тогда окончательно пало. Другой изслѣдователь этого края, посѣтившій его въ то же время (Радде), дѣйствительно сообщаетъ, что большинство изъ нихъ оленей вовсе не имѣютъ, а лишь самые богатые держатъ маленькія стада въ 30 головъ, между тѣмъ какъ раньше на зажиточную семью приходилось ихъ не менѣе 100 головъ.

Енисейская губернія. Главнымъ занятіемъ тунгусовъ и здѣсь является звѣроловство и охота, къ которымъ во многихъ мѣстахъ, особенно болѣе сѣверной полосы, присоединяется рыболовство. Оленеводствомъ занимаются лишь болѣе крупныя семьи, въ которыхъ 8—10—12 душъ, такъ какъ подобныя семьи имѣютъ достаточное число свободныхъ рукъ для пастьбы оленей и обыкновенно отличаются бо́льшимъ достаткомъ.

Статистическія данныя переписи опредѣляютъ, что до $^9/_{10}$ всѣхъ тунгусовъ губерніи (въ Туруханскомъ краѣ даже 96,5%) кормятся почти исключительно звѣроловствомъ и рыболовствомъ и лишь 8,4% животноводствомъ (т. е. оленеводствомъ).

Енисейскій округъ. Судя по даннымъ переписи, у большинства тунгусовъ главнымъ занятіемъ показано звѣроловство, которое у Нанудальскаго и Ятоульскаго родовъ является почти главнымъ источникомъ благосостоянія. У родовъ I—II—III Куркугирскихъ, Панкагирскаго, Лапагирскаго и Чемдальскаго на ряду съ охотой весьма важное значеніе получаетъ и оленеводство, особенно развитое у представителей III Куркугирскаго рода. Рыболовствомъ больше другихъ занимаются тунгусы Каменно-Черноульскаго рода, а также бродящіе по р. Касу и отчасти въ районѣ Сѣверно-Енисейскаго горнаго округа, но здѣсь главное значеніе имѣетъ звѣроловство; практикуется у нихъ и оленеводство. Олени у

тунгусовъ верховые. На нихъ они совершаютъ свои передвиженія ради охоты.

Обрусѣлые тунгусы Питско-Варагонскаго рода, живущіе среди пріисковаго населенія, снискиваютъ себѣ пропитаніе перевозкой груза, рубкой дровъ, чернорабочимъ трудомъ и т. д.

Въ концѣ XVIII ст. немалое число крещеныхъ тунгусовъ перешло къ осѣдлому образу жизни и стало заниматся земледѣліемъ. Это могло имѣть мѣсто лишь въ болѣе южной полосѣ округа, гдѣ только земледѣліе и возможно. Теперь эти мѣстности имѣютъ довольно густое русское населеніе, съ которыми эти тунгусы по всему вѣроятію и слились окончательно. По крайней мѣрѣ послѣдующіе изслѣдователи о нихъ не упоминаютъ, какъ не отмѣчены они и переписью.

Нѣкоторые слѣды такихъ обрусѣлыхъ тунгусовъ сохранились лишь тамъ, гдѣ притокъ русскихъ былъ не такъ великъ, напр. по рр. Чунѣ и Онѣ (см. I., стр. 155 сл.).

Туруханскій край. Занятія почти у всѣхъ тунгусовъ показаны: звѣроловство на первомъ мѣстѣ, рыболовство—на второмъ, оленеводство же практикуется лишь болѣе крупными семьями [1]). И здѣсь также замѣчается постепенное уменьшеніе пушного звѣря и крупной дичи, обусловленное отчасти сильными лѣсными пожарами. Прежде же весь этотъ край славился своимъ богатствомъ соболемъ и другой пушниной. Объ этомъ свидѣтельствуютъ еще и донесенія казаковъ XVI и XVII ст. Еще въ началѣ XIX стол. съ одной Нижней Тунгуски ежегодно вывозили тысячи шкурокъ соболя (въ 1818 г.— 4.000 шт.), добытыхъ главнымъ образомъ тунгусами, отчасти и Енисейскими остяками.

Слѣдуетъ отмѣтить, что изо всѣхъ инородцевъ края лишь одни тунгусы рѣшаются охотиться на медвѣдей. Они бьютъ ихъ изъ ружья, а раненныхъ добиваютъ рогатиной.

Рыболовство производится, какъ въ крупныхъ озерахъ края (Ессейское, Мундуйское, Норильскія и т. д.), такъ и въ большихъ рѣкахъ, при помощи острогъ, уды и сѣтей. Для обитателей береговъ этихъ водныхъ бассейновъ, гл. обр. оз.

---

[1]) По даннымъ за 1861 г. на ясачную душу среднимъ числомъ приходилось: у тунгусовъ—10, у Енис. остяковъ—8, у Авамскихъ самоѣдовъ 41 и у русскихъ 12 головъ оленей (Лыткинъ).

Ессея (Джоссэ), рыболовство служитъ главнымъ источникомъ для пропитанія.

Отдѣльныя лица умѣютъ дѣлать грубые предметы изъ желѣза и мѣди, а нѣкоторые скупаютъ у своихъ земляковъ пушнину и везутъ ее въ Туруханскъ (см. I., стр. 81).

* * *

Изъ приведеннаго выше краткаго очерка занятій тунгусовъ усматривается, что главнымъ, а часто почти единственнымъ занятіемъ наиболѣе типичной части тунгусовъ—бродячихъ инородцевъ — и по-сейчасъ служитъ, какъ то было и столѣтія тому назадъ, охота и звѣроловство. Но, такъ какъ въ тѣ времена страна была еще слабо населена и изобиловала дичью и пушнымъ звѣремъ, то естественно, что бродячіе инородцы вполнѣ довольствовались этимъ занятіемъ, которое въ связи съ оленеводствомъ, прежде тоже болѣе развитымъ, и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и съ рыболовствомъ (напр. по Охотскому морю), вполнѣ обезпечивало ихъ безбѣдное существованіе, давая имъ еще средства для пріобрѣтенія путемъ торга другихъ необходимыхъ предметовъ.

По мѣрѣ заселенія края и уменьшенія животныхъ, служившихъ имъ предметомъ охоты, часть тунгусовъ принуждена была перейти къ скотоводству и къ кочевой жизни. Это въ широкихъ размѣрахъ имѣло мѣсто въ Забайкальской области, гдѣ довольно значительное тунгусское населеніе, стѣсненное русскими и бурятами, имѣло по топографическому устройству мѣстности и по ея почвенному покрову полную возможность взяться за болѣе выгодное разведеніе лошадей и рогатаго скота, которымъ часть мѣстныхъ тунгусовъ занималась еще до перваго знакомства съ русскими. Нынѣ скотоводство составляетъ главное занятіе тунгусовъ Акшинскаго округа (казаковъ) и управъ Кужертаевской, Онгоцонской и отчасти Шундуинской и Маньковской и внѣ Забайкальской области—части Майскихъ тунгусовъ Якутскаго округа. Тунгусы управъ: Урульгинской, Оловской и въ значительной степени Шундуинской и Маньковской (Читинск. окр.), а также большей части селеній Нижне-Илимской управы Верхоленскаго округа Иркутской губерніи пошли еще дальше, сдѣлавшись вполнѣ осѣдлыми въ довольно широкихъ размѣрахъ практикуютъ земледѣліе. Рогатый скотъ и лошадей они разводятъ главнымъ образомъ ради

доставляемой имъ рабочей силы, но также ради молочныхъ и мясныхъ продуктовъ, которые у нихъ играютъ значительную роль въ качествѣ пищевыхъ средствъ.

Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Сибири переходъ отъ бродячаго образа жизни къ кочевому и осѣдлому, чаще къ послѣднему, коснулся лишь отдѣльныхъ лицъ, для большинства же такой переходъ сопряженъ со столькими затрудненіями, что бродячіе тунгусы почти повсемѣстно скорѣе вымираютъ, чѣмъ становятся скотоводами и земледѣльцами. Оно и понятно, къ такому переходу бываютъ зрѣлы лишь тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи болѣе кормить себя своими прежними промыслами: охотой и оленеводствомъ, напр. тѣ, которые потеряли своихъ оленей отъ эпизоотій, но подобные обнищавшіе и истощенные голодомъ инородцы не имѣютъ ни силы, ни умѣнья, чтобы кореннымъ образомъ перемѣнить свой прежній образъ жизни, ни средствъ для пріобрѣтенія живого и мертваго инвентаря и новыхъ предметовъ домоводства и хозяйства, необходимыхъ при новыхъ условіяхъ жизни (см. гл. III). Наконецъ, часто извѣстнымъ препятствіемъ для перехода бродячихъ охотниковъ на стадію болѣе культурныхъ кочевниковъ и земледѣльцевъ служитъ отсутствіе по близости годныхъ для скотоводства и земледѣлія земель. Дѣйствительно, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго, русскіе и отчасти буряты и якуты, заняли наиболѣе удобныя для этихъ занятій угодья, оттѣснивъ тунгусовъ-оленеводовъ и звѣролововъ въ болѣе глухія гористыя мѣста, гдѣ не имѣется луговъ и гдѣ почти нѣтъ или имѣется лишь мало земель, удобныхъ для хлѣбопашества. Это напр. касается большей части тунгусовъ Якутской и Приморской областей, Иркутской и Енисейской губерній, причемъ сѣверныя части этихъ областей и губерній, замѣтимъ, уже по своему климату исключаютъ возможность занятія земледѣліемъ.

ГЛАВА X.

Нѣкоторыя этнографическія черты тунгусовъ.

Антропологическіе признаки тунгусовъ плохо изучены что вполнѣ понятно при чрезвычайной обширности страны гдѣ они проживаютъ, а имѣющіяся данныя носятъ отрывочный и частичный характеръ и не могутъ считаться типичными для всего тунгусскаго племени. Дѣйствительно, живя о бокъ съ самыми разнохарактерными народностями и вступая съ ними въ брачныя сожительства, тунгусы по большей части утратили чистоту своего типа и приближаются, то къ палэазіатамъ разныхъ племенъ (юкагирамъ, корякамъ и т. д.), то къ чистымъ монголамъ (помѣсь съ бурятами и якутами), то къ арійцамъ (обрусѣлые тунгусы). Первоначальный чистый типъ тунгусовъ теперь уже врядъ ли возможно открыть и все что можно сдѣлать въ этомъ направленіи, это, хорошо изучивши ихъ въ физическомъ отношеніи въ разныхъ мѣстностяхъ ихъ обитанія и при томъ на очень значительномъ числѣ объектовъ, подмѣтить общія всѣмъ имъ черты, которыя и могутъ быть признаны типичными для всего племени. Но для того, чтобы при подобныхъ изслѣдованіяхъ идти не ощупью, а болѣе или менѣе сознательно, требуется имѣть основательныя свѣдѣнія о происхожденіи тунгусовъ каждой группы, подлежащей изслѣдованію, въ чемъ намъ могутъ оказать не малую помощь историческія данныя и преданія инородцевъ, которыя иногда могутъ выяснить, насколько та или другая группа ихъ отличается чистой кровью и, если она смѣшаннаго происхожденія, то какіе элементы участвовали въ ея образованіи. Не малую помощь въ этомъ отношеніи могутъ намъ оказать и названія родовъ (или лучше ихъ

дѣленій), которыя очень часто выдаютъ чужеплеменное происхожденіе той или другой части инородцевъ [1]).

Относительно формы черепа тунгусовъ собственно одни ученые (Гексли, Бэръ) высказались, что они принадлежатъ къ долихоцефаламъ, между тѣмъ какъ другіе (Велькеръ, Шренкъ)

[1]) Хотя антропологія и совершенно не входитъ въ нашу задачу, мы не можемъ не упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ условіяхъ, соблюденіе которыхъ по нашему мнѣнію совершенно необходимо для того, чтобы полученныя антропометрическія измѣренія могли дѣйствительно выяснить физическія особенности тунгусскаго (и всякаго другого) племени и его отдѣльныхъ частей.

Первое условіе заключается въ томъ, чтобы число произведенныхъ измѣреній было достаточно велико и вообще, чтобы оно находилось въ извѣстномъ соотношеніи съ численностью даннаго племени или его вѣтви. Одинъ изъ немногихъ ученыхъ, которому удалось соблюсти это правило, былъ акад. Миддендорфъ, собравшій обширный антропометрическій матеріалъ касательно сѣверныхъ тунгусовъ, но этотъ матеріалъ къ сожалѣнію погибъ во время переѣзда его черезъ Таймырское озеро.

Второе условіе заключается въ томъ, чтобы изслѣдователь не ограничился одной какой-нибудь мѣстностью, а охватилъ всѣ или по крайней мѣрѣ большую часть районовъ, гдѣ обитаетъ данное племя. Попутно съ антропологическими измѣреніями онъ долженъ собирать на мѣстѣ данныя этнографическаго, лингвистическаго и т. д. характера, а также преданія, которыя могли бы выяснить, съ какими народностями эта часть племени сталкивалась и смѣшивалась въ прежнее и настоящее время, чтобы впослѣдствіи быть въ состояніи сдѣлать критическую оцѣнку причинъ тѣхъ или другихъ отклоненій отъ общаго физическаго типа данной народности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ не малую услугу могутъ оказать историческіе акты, которые сохранили на своихъ листахъ имена теперь не существующихъ племенъ и географическое распространеніе какъ ихъ, такъ и нынѣ живущихъ національностей въ разныя эпохи XVII—XIX стол.

При установленіи характернаго типа или типовъ извѣстнаго племени надо естественно устранить изъ антропометрическаго матеріала измѣренія всѣхъ тѣхъ индивидуумовъ, которые внушаютъ сомнѣніе относительно чистоты своего происхожденія. Конечно, и среди оставшихся и подлежавшихъ измѣренію останется не мало такихъ, которые не принадлежатъ къ коренному племени, но о которыхъ въ виду ли отдаленности эпохи, когда имѣли мѣсто ассимиляція или смѣшеніе съ другимъ племенемъ, или вслѣдствіе иной причины не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Чтобы по возможности сократить число подобныхъ случаевъ, необходимо при измѣреніи каждаго субъекта отмѣчать не только его имя и фамилію, но и мѣсто рожденія и пребыванія и въ особенности тотъ родъ, къ которому онъ принадлежитъ. Дѣйствительно, нѣкоторые роды: наружно повидимому ничѣмъ не отличающіеся отъ другихъ, уже по своему наименованію выдаютъ свое чужеплеменное происхожденіе, напр. у тунгусовъ роды: Харануцкій, Сахалтуевскій и др. несомнѣнно являются осколками бурятскихъ родовъ, Мунгальскій можетъ быть монгольскаго племени, представители Жерскаго рода безъ сомнѣнія являются отунгусившимися якутами и т. д. Если дѣло касается тунгусовъ собственно, то иногда выгоднѣе для подобной цѣли вести записи не по родамъ, а по ихъ составнымъ частямъ, наименьшимъ генетическимъ единицамъ (поколѣніе, племя, орда), гдѣ таковыя извѣстны, потому что имѣются несомнѣнныя данныя въ пользу того, что далеко не всегда представители извѣстнаго рода однородны по своему происхожденію. Возьмемъ примѣръ: Ламунхин-

нашли, что преобладающій типъ черепа тунгусовъ платибрахицефалическій, а длинноголовые попадаются сравнительно не часто, происходя можетъ быть отъ помѣси ихъ съ долихоцефалическими чукчами и другими палэазіатами. Мы упоминали выше, что Майновъ отрицаетъ, какъ сильную длинноголовость, такъ и монгольскій типъ тунгусовъ собственно. Къ такому же выводу пришелъ на основаніи антропологическихъ данныхъ, собранныхъ полк. Олсуфьевымъ надъ Анадырскими ламутами, и г. Рождественскій, который нашелъ, что тунгусы мезатицефалы съ наклонностью къ долихоцефализму, причемъ и скуловой діаметръ у нихъ не особенно великъ (152—136 mm.) [1]). Къ характернымъ чертамъ тунгусскаго черепа Шренкъ относитъ еще покатый лобъ, большой затылочный бугоръ, вогнутыя носовыя кости, большія, почти квадратныя, глазницы, сильно развитыя скулы и надбровныя дуги, вообще лицо плоское и широкое, хотя и не въ той степени, какъ у чистыхъ монголовъ.

Сообразно съ существованіемъ у тунгусовъ двухъ типичныхъ формъ череповъ, они, по наблюденію большинства серьезныхъ изслѣдователей, вообще представляютъ два особыхъ типа и въ физическомъ отношеніи, именно типы: южный и сѣверный. «*Южные* тунгусы, говоритъ Н. Слюнинъ (I, 362), отличаются довольно большимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, умѣренно короткоголовы съ широ-

скій родъ тунгусовъ Якутскаго округа представляетъ изъ себя чисто тунгусскій родъ, но, если мы разсмотримъ названія четырехъ поколѣній, на которыя онъ распадается, то увидимъ, что два изъ нихъ — Хоринское и Дондаконское—можетъ быть не тунгусскаго происхожденія, причемъ первое встрѣчается и у якутовъ (Хоринскій родъ и Х. наслегъ). Относительно этихъ якутскихъ Хоринцевъ изслѣдователи пришли на основаніи якутскихъ преданій и другихъ соображеній къ убѣжденію, что они повидимому потомки толпы Хоринскихъ бурятовъ, въ отдаленныя времена вмѣстѣ съ якутами или позже выселившихся на сѣверъ. Хоринское поколѣніе Ламунхинскихъ тунгусовъ можетъ происходить, либо прямо отъ колоніи бурятовъ, либо же отъ объякутившихся уже Хоринцевъ, что конечно должно отозваться и на ихъ физическомъ типѣ. Устранивъ всѣ подобныя поколѣнія, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ роды, тунгусское происхожденіе которыхъ сомнительно, и ограничившись лишь тѣми изъ нихъ, которые на основаніи всѣхъ соображеній кажутся менѣе смѣшанными—вполнѣ чистокровные тунгусы вообще врядъ ли существуютъ въ настоящее время,—мы легче и вѣрнѣе можемъ вывести средній типъ извѣстнаго племени, въ данномъ случаѣ тунгусовъ, чѣмъ безъ соблюденія этихъ предосторожностей, какъ между тѣмъ поступали почти всѣ изслѣдователи, работавшіе въ этомъ направленіи по настоящее время, изслѣдователи, для которыхъ впрочемъ антропометрическія измѣренія по большей части не составляли главнаго предмета занятій.

[1]) Олсуфьевъ: „Общій очеркъ Анадырской округи“, 225—245.

кимъ четыреугольнымъ лбомъ и почти прямымъ, не особенно короткимъ, носомъ. Глаза узки, но прорѣзаны почти прямо, вслѣдствіе чего корень носа не расплывается, какъ у многихъ якутовъ, японцевъ и монголовъ; скулы широки со впалыми щеками, ротъ очень большой съ тонкими губами; руки и ноги по своей сравнительной величинѣ рѣзко отдѣляютъ этихъ тунгусовъ отъ многихъ сѣверныхъ инородцевъ. Цвѣтъ лица очень смуглый съ просвѣчивающимъ румянцемъ и желтоватымъ оттѣнкомъ кожи на покрытыхъ мѣстахъ.

Главное отличіе *сѣверныхъ* тунгусовъ состоитъ въ ихъ весьма маломъ ростѣ и умѣренной длинноголовости съ немного покатымъ и не высокимъ лбомъ, совершенно плоскоголовыхъ между ними совсѣмъ почти не встрѣчается; носъ короткій и широкій, узкое лицо бросается въ глаза своими менѣе выдающимися скулами, чѣмъ у южныхъ, и своей бѣлизной или, если можно такъ выразиться, дымчатымъ оттѣнкомъ; о смуглости съ яркимъ румянцемъ здѣсь нѣтъ и помину. Рука и нога поражаютъ своими малыми размѣрами.

Во всемъ остальномъ южный и сѣверный типъ представляютъ много сходнаго; такъ, волосы на головѣ у всѣхъ черные и прямые, растительность на лицѣ жидкая и короткая; глаза въ большинствѣ случаевъ темно-каріе, почти черные... [1])»

Нѣкоторыя женщины недурны собой, но въ общемъ широколицы и съ болѣе плоскимъ носомъ, чѣмъ мужская половина.

Географическая граница между тунгусами обоихъ типовъ проходитъ, по Майнову, въ за-Ленскомъ краѣ приблизительно по Якутско-Аянскому тракту [2]). Тоже замѣчается и въ Приморской области, гдѣ южный типъ ограничивается Удскимъ и Хабаровскимъ округами, между тѣмъ какъ сѣвернѣе порта

[1]) Антропометрическія измѣренія тунгусовъ обоихъ типовъ по Майнову (l. c. 103—116) у Слюнина, I, 362.

	Южные тунгусы.	Сѣверные тунгусы.
Вся длина лица	18,5	17,8
Наибольшая ширина лица	15,1	14,1
Лицевой указатель	81,62	79,25
Головной „	82,69	81,39
Передне-задній діаметръ головы	19,2	18,9
Поперечный діаметръ „	15,9	15,3
Ростъ мужчины	163,6	154,8
„ женщины	153,0	147,6

[2]) Майновъ, ibid, стр. 116.

Аяна рѣшительно господствуетъ сѣверный типъ. Первый, по Шренку и Майнову, характеризуетъ чистокровныхъ тунгусовъ, второй—происходитъ вѣроятно отъ болѣе древней расы, денаціонализованной пришедшими впослѣдствіи тунгусами [1]).

По своему *характеру* и по своимъ нравственнымъ качествамъ тунгусы представляютъ прямую противоположность неповоротливымъ, угрюмымъ и вялымъ якутамъ и палеазіатамъ и вообще могутъ считаться самымъ симпатичнымъ типомъ инородцевъ въ Сибири. Дѣйствительно, большинство путешественниковъ, которымъ приходилось долгое время вращаться среди тунгусовъ, гдѣ бы это ни было, всѣ съ увлеченіемъ отзываются о ловкости и стройности ихъ движеній, объ ихъ выносливости, веселомъ, прямодушномъ характерѣ, всегда ровномъ, какъ въ довольствѣ, такъ и въ нуждѣ, объ ихъ преданности и услужливости, не доходящей однако до потери собственнаго достойнства. По Миддендорфу, тунгусы этими своими качествами сильно напоминаютъ горныхъ жителей, каковыми они вѣроятно были въ отдаленное время и каковыми отчасти являются теперь.

Храбро сражаясь съ казаками ради сохраненія своей свободы, они однако потомъ легче другихъ инородцевъ (чукчей, коряковъ) мирились со своимъ новымъ положеніемъ и не только вѣрно платили ясакъ, но и поставляли русскимъ вспомогательные отряды при ихъ завоевательномъ движеніи на востокъ. Еще теперь присутствіе преданныхъ русской власти ламутовъ на Анюйской ярмаркѣ служитъ залогомъ того, что, несмотря на большой съѣздъ непокорныхъ чукчей, ярмарка обойдется безъ кровопролитія. Ихъ образцовая честность хорошо извѣстна представителямъ другихъ народовъ, живущихъ съ ними рядомъ; такъ якутскій или русскій звѣровщикъ, ставящій въ лѣсу ловушки, всегда знаетъ, что, если у него изъ западни или капкана унесенъ попавшійся звѣрь, то это навѣрное не дѣло тунгуса. Такъ же свято тунгусъ соблюдаетъ свои долговыя обязательства: онъ бережно хранитъ бумажки, на которыхъ записаны его долги или долги его отца и дѣда, и никогда не отказывается ихъ платить. Къ положительнымъ

[1]) Слюнинъ. I, 363. Интересныя свѣдѣнія о физическомъ типѣ и антропологическихъ измѣреніяхъ надъ тунгусами имѣются у Майнова: „Тр. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.“. 1898 г.

качествамъ тунгусовъ слѣдуетъ отнести и ихъ предпріимчивость, доходящую до отваги, ихъ презрѣніе къ страданіямъ и ихъ равнодушіе къ смерти.

Объ ихъ любви къ свободѣ Радде сообщаетъ слѣдующій интересный эпизодъ: предложивъ одному тунгусу идти за нимъ въ городъ и посуливъ ему при этомъ всевозможныя блага и удобства жизни, г. Радде былъ только осмѣянъ и на вопросъ о причинѣ такого страннаго непониманія своей собственной выгоды, получилъ въ отвѣтъ: «наша вѣра велитъ намъ жить и умирать въ лѣсу!» (г. Радде замѣчаетъ, что этотъ тунгусъ былъ крещеный).

При всемъ этомъ они отличаются беззаботной удалью, и страстные любители всякаго рода развлеченій. Нельзя поэтому не согласиться съ Кастреномъ, назвавшимъ тунгусовъ «дворянами среди инородцевъ Сибири».

Гостепріимство развито у тунгусовъ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ свободно входитъ въ юрту, стоящую на его пути, садится у огня, беретъ у хозяина его трубку и ждетъ угощенія. Но все это дѣлается скромно и съ соблюденіемъ своего достоинства. Отчего же ему не ждать такого же вниманія отъ другихъ, если и его скромное жилище открыто для всякаго, кто пожелаетъ въ него войти. Чтобы понять этотъ обычай, надо помнить, что тунгусы въ большинствѣ случаевъ живутъ среди пустынныхъ лѣсныхъ пространствъ, гдѣ мало поселеній и гдѣ существованіе каждаго охотника въ значительной степени находится въ зависимости отъ гостепріимства его собратьевъ по ремеслу. Но, благодаря безпечному характеру тунгуса, такое широкое гостепріимство нерѣдко разоряетъ хозяина. Сколько бы къ нему не пришло званныхъ и не званныхъ гостей, онъ ихъ обязанъ всѣхъ принять и угостить, хотя бы ему пришлось издержать при этомъ весь свой запасъ провизіи и потомъ голодать. Но онъ и не думаетъ на это жаловаться, зная, что въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ перекочевать дальше и въ свою очередь подобнымъ же образомъ сѣсть кому-нибудь другому на шею.

Эта взаимопомощь предохраняетъ до извѣстной степени отъ голодной смерти тѣ семьи и тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, которыя, лишившись кормилицевъ, не въ состояніи сами себя пропитывать. Они слѣдуютъ за хорошими промышленниками и всегда могутъ разсчитывать получить свою долю изъ ихъ добычи,

безъ того, чтобы ихъ хозяева ожидали получить отъ нихъ что-либо въ замѣнъ, какъ это практикуется у якутовъ и русскихъ. Мало того, нѣкоторые зажиточные тунгусы добровольно и совершенно безвозмездно уплачиваютъ за своихъ неимущихъ сородичей ясакъ. Иногда совсѣмъ обѣднѣвшія семьи переходятъ на попеченіе болѣе зажиточныхъ по распоряженію старосты. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ выгодный для общества, но непрактичный для отдѣльныхъ частныхъ лицъ обычай существуетъ и у другихъ Сибирскихъ инородцевъ, живущихъ въ глуши, но повсемѣстно понемногу выходитъ изъ употребленія.

Жилище. Въ противоположность большей части народовъ палэазійской группы и прежнимъ угро-финнамъ Сибири (остякамъ и вогуламъ) и въ соотвѣтствіи съ ихъ подвижнымъ образомъ жизни тунгусы, за исключеніемъ совсѣмъ обрусѣлыхъ ихъ представителей, не знаютъ прочнаго постояннаго жилища даже въ его простѣйшей формѣ—землянки, каковыя прежде были наиболѣе распространеннымъ жилищемъ у камчадаловъ, коряковъ, юкагировъ, эскимосовъ и т. д. Тунгусъ—бродячій житель лѣсовъ знаетъ только переносныя жилища, которыя вѣроятно отъ него и переняли другіе сѣверные инородцы. Зимой и лѣтомъ тунгусы ставятъ переносные шатры или чумы (ураса), которые, смотря по времени года, кроются или оленьими шкурами (зимой) или берестой (лѣтомъ).

Зимніе чумы представляютъ большія юрты съ отвѣсными стѣнами и коническимъ верхомъ, въ которомъ оставляется отверстіе для выхода дыма. Остовъ ихъ состоитъ изъ жердей, а поверхъ ихъ стелятся дымленыя оленьи шкуры, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисейской губерніи разукрашены цвѣтными узорами. Внутри обыкновенно устраиваются отдѣльные пологи изъ свѣшивающихся оленьихъ шкуръ, которыми въ нѣсколько слоевъ устилается и полъ такого отдѣленія; шкуры же, протянутыя горизонтально, образуютъ своего рода потолокъ. Когда всѣ эти занавѣсы прикрѣплены на ночь, то въ пологу сравнительно тепло и даже въ пургу туда не проникаетъ снѣгъ. Въ болѣе крупныхъ юртахъ можно встрѣтить 6—8 пологовъ, изъ которыхъ въ лучшемъ помѣщается хозяинъ дома, а въ остальныхъ семья и работники. Въ самомъ центрѣ урасы почти постоянно пылаетъ костеръ съ висящими надъ

нимъ котелками и чайниками. Остальная же ихъ посуда состоитъ по большей части изъ дерева и бересты.

Нѣкоторые тунгусы кроютъ урасы лосиными шкурами, сшитыми въ полосы, а самые бѣдняки, живущіе по берегу моря, даже рыбьими кожами. Во время переѣздовъ остовъ шатра обыкновенно бросаютъ. Рѣже тунгусы устраиваютъ зимнія жилища изъ поставленныхъ вертикально плахъ. Нѣкоторые же, переходящіе отъ бродячаго образа жизни къ кочевому или полуосѣдлому, обзаводятся избами русскаго образца, но болѣе примитивнаго устройства, какъ это имѣетъ мѣсто во многихъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи и областей Якутской и Забайкальской. Въ послѣднихъ двухъ у тунгусовъ можно встрѣтить и жилища, заимствованныя у якутовъ и бурятовъ.

Лѣтнія юрты въ общихъ чертахъ напоминаютъ зимнія, но устроены легче: въ большинствѣ случаевъ онѣ кроются большими полотнищами изъ бересты, выварепной ради мягкости и сшитой въ полосы. Болѣе богатые кое-гдѣ обзаводятся палатками изъ миткаля.

Одежда. Будучи народомъ чрезвычайно подвижнымъ, пробѣгающимъ ради охоты огромныя лѣсныя пространства, ламуты имѣютъ и костюмъ и жилище весьма хорошо приспособленные для такого образа жизни. Въ противоположность всѣмъ другимъ инородцамъ Сибири, носящимъ широкую и свободную одежду, препятствующую быстро передвигаться и дѣлающую ихъ неуклюжими, у ламутовъ и тунгусовъ одежда плотно облекаетъ тѣло и нисколько не стѣсняетъ движенія. Мужчины и женщины носятъ у нихъ узкіе кафтаны изъ пыжика безъ воротника и въ формѣ фрака, который застегивается спереди лишь на одну пуговицу у шеи. Рукава тоже узки и оканчиваются пришитыми къ нимъ рукавицами. Подъ этимъ кафтаномъ носятъ нагрудникъ изъ ровдуги (замша изъ оленьихъ шкуръ). Эта одежда богато изукрашена нашивками изъ разноцвѣтныхъ шкурокъ, узорами изъ цвѣтныхъ бусъ и шелка и т. д. Другою частью одежды служатъ нешироніе штаны изъ пыжика или ровдуги, а ноги обуты въ узкіе торбасы, расширяющіеся у колѣнъ. Этотъ костюмъ весьма удобенъ для скитанія по лѣсамъ и долинамъ. Во время же большихъ переѣздовъ на нартахъ сѣверные тунгусы одѣваютъ кух-

лянки. Едва ли не наибольшими щеголями среди тунгусовъ являются жители береговъ Нижней Тунгусски. Еще болѣе любятъ рядиться женщины. Ихъ суконныя юбки обшиваются красной или синей суконной же каймой или оторочкой изъ мѣха, на головѣ онѣ носятъ рысьи шапки, отороченныя мѣхомъ россомахи и крытыя иногда краснымъ сукномъ, шею прикрываетъ особаго рода боа изъ бѣличьихъ хвостовъ. Кромѣ того, онѣ всегда обвѣшаны разными кистями, мѣховыми украшеніями, монетами и т. д.

Впрочемъ, только что описанный, въ высшей степени практичный и въ то же время изящный, костюмъ тунгусовъ сохранился лишь у бродячей ихъ части, еще по нынѣ скитающейся по лѣсамъ и горамъ, вдали отъ селеній. Но и у нихъ отдѣльныя части этого костюма начинаютъ постепенно замѣняться предметами русской и якутской одежды. Такимъ образомъ, у нѣкоторыхъ, напр. у Киренскихъ тунгусовъ, еще сохранились оленьи сапоги и лосиные шаровары, но кафтанъ уже замѣненъ дабовой или китайчатой рубашкой, которую носятъ оба пола. Лѣтомъ голову покрываютъ шапками и картузами. У тѣхъ изъ тунгусовъ, которые обрусѣли, объякутились и обурятились, мы теперь напрасно будемъ искать живописный костюмъ ихъ предковъ: они какъ по одеждѣ, такъ и по жилищу, домашней обстановкѣ и образу жизни, примкнули къ своимъ болѣе культурнымъ сосѣдямъ.

Мужчины въ прежнее время и отчасти еще въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія, носили косу, какъ и другіе инородцы Сибири, нынѣ же они стригутъ волосы, а женщины заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, которыя украшаютъ лентами, бусинками и ремешками. Дѣвушки убираютъ косы или нѣсколько косичекъ на головѣ, а замужнія женщины носятъ ихъ опущенными. Головной уборъ замужнихъ—родъ шапочки, обшитой бисеромъ и шелкомъ, напоминаетъ чепецъ китаянки; въ иныхъ мѣстахъ въ ней на самомъ верху имѣется отверстіе, черезъ которое выпускаютъ клокъ волосъ. Даже колыбель дитяти, которую въ пути женщины носятъ на спинѣ, тунгусы украшаютъ вышивками или бисеромъ.

Татуировка (хулдиръ) была прежде довольно распространена среди тунгусовъ, нынѣ же она почти вышла изъ употребленія и встрѣчается еще отчасти въ Енисейской губерніи, гдѣ матери съ малыхъ лѣтъ (6—8 л.) продѣлываютъ эту операцію

надъ дитятей: ему вышиваютъ подъ кожей при помощи тончайшей жилы или струны, окрашенной сажей или каменноугольнымъ порошкомъ, разные узоры въ видѣ вѣточекъ, простыхъ или полулунныхъ линій и т. д. на щекахъ и иногда на лбу. Эти узоры потомъ просвѣчиваютъ синимъ цвѣтомъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. по Георги татуировалось въ общемъ около $^1/_{10}$ части тунгусовъ, главнымъ образомъ «лѣсныхъ» т. е. бродячихъ.

Пища. У бродячихъ тунгусовъ пища находится въ зависимости отъ ихъ главнаго занятія: оленеводы, имѣющіе значительныя стада оленей, питаются главнымъ образомъ оленьимъ мясомъ. Мясо дичи и рыбы имѣютъ для него второстепенное значеніе, но имъ почти исключительно кормятся тунгусы-охотники, не имѣющіе оленей или имѣющіе ихъ лишь въ ограниченномъ числѣ. Мясо и рыба варятся въ котлахъ; когда они готовы, ихъ кладутъ въ деревянныя блюда, выливая наваръ на улицу; никакой приправы къ мясу и рыбѣ не полагается, даже соль еще почти нигдѣ не вошла въ употребленіе; хлѣба у нихъ тоже нѣтъ, но вмѣсто него нѣкоторые пекутъ на дощечкахъ у костровъ прѣсныя лепешки изъ муки. Если удалось добыть лося или медвѣдя, то онъ на время снабжаетъ ихъ мясомъ и саломъ; посѣщающіе берега Охотскаго моря могутъ разнообразить свою пищу нерпичьимъ жиромъ и рыбой, которую, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ добываютъ и другіе. Рыбу ѣдятъ въ мороженномъ видѣ, строгая ее для этого ножемъ (строганина), или варятъ въ котлахъ или же потребляютъ въ сушеномъ видѣ. Эта сушеная на солнцѣ рыба (юкола) имѣетъ весьма важное значеніе въ качествѣ пищевого продукта на всемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ее всѣ инородцы и русскіе края запасаютъ на зиму. Употребляется у нихъ и копченая рыба (балыкъ). Приготовляютъ изъ рыбы и «порсу» — порошокъ изъ вареной рыбы, которую обыкновенно ѣдятъ съ нерпичьимъ жиромъ.

Своеобразное блюдо представляетъ «толкуша» — это смѣсь икры, нерпичьяго жира, брусники, стебелей кипрейника и другихъ веществъ, которую ѣдятъ въ замороженномъ видѣ. Лакомствами они считаютъ мозгъ изъ голеней оленей, хрящи его носовой полости, которые ѣдятъ въ сыромъ видѣ, ягоды

съ оленьимъ молокомъ и оленьи языки, которые подаются въ торжественные дни.

Растительной пищи тунгусы кромѣ ягодъ (брусники) не признаютъ, представляя въ этомъ отношеніи большое отличіе отъ камчадаловъ. Чай пьютъ всѣ тунгусы: съ него начинаютъ обѣдъ, прикусывая къ нему юколу, и имъ запиваютъ принятую въ большомъ изобиліи пищу.

Изъ пищевыхъ продуктовъ, приготовляемыхъ въ прокъ, назовемъ, кромѣ юколы, еще «уликту»—оленье мясо парѣзанное и вяленное, «шакшу»— засушенную въ пузырѣ оленью кровь, «корчиму»—оленій мозгъ въ порошкѣ и т. д.

Пища осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ тунгусовъ почти не отличается отъ употребляемой въ тѣхъ же мѣстностяхъ русскими, якутами и бурятами.

Ясакъ. Кредитная система. Взносъ ясака производится однажды въ годъ, осенью или зимой, въ различные для каждаго района, но опредѣленные, сроки. Ради этого тунгусы собираются въ назначенномъ пунктѣ со всѣми своими стадами и раскидываютъ временныя жилища. На эти ежегодныя сборища или «суглáны» пріѣзжаютъ и торгующіе крестьяне, священникъ и часто кто-нибудь изъ мѣстной полиціи для наблюденія за порядкомъ во время происходящаго здѣсь торга и соединеннаго съ нимъ празднества. На этихъ сугланахъ тунгусы уплачиваютъ ясакъ и вымѣниваютъ продукты оленеводства и звѣроловства на предметы первой необходимости и на съѣстные припасы (хлѣбъ, чай, сахаръ, табакъ) и т. д. и получаютъ отъ кредиторовъ небольшую сумму денегъ для уплаты ясака. Во время этихъ же собраній они исполняютъ свои духовныя требы. Сборомъ ясака и передачей его русскимъ властямъ завѣдываетъ избираемый каждымъ тунгусскимъ родомъ на три года староста, на обязанности котораго лежитъ и разбирательство мелкихъ проступковъ и ссоръ, что тоже пріурочивается ко времени суглана. Слѣдующей затѣмъ высшей судебной инстанціей у нихъ являются чины мѣстной полиціи, а крупныя преступленія (убійства и т. д.), которыя у нихъ впрочемъ случаются очень рѣдко, подлежатъ разсмотрѣнію русскихъ судовъ. По минованіи суглана они опять расходятся по своимъ лѣсамъ и горамъ, придерживаясь въ лѣтнее время низовьевъ или устьевъ рѣкъ и берега моря, а въ зимнее ради до-

бычи соболя и дикаго оленя, а также ради болѣе удобнаго прокормленія своихъ оленей, они проводятъ въ верховьяхъ рѣчекъ.

Безпечные и любящіе развлеченія тунгусы обыкновенно не ограничиваются одной такой ярмаркой, а дѣлаютъ обходъ нѣсколькихъ, хотя бы у нихъ и не было товара для продажи. Въ этомъ случаѣ они посѣщаютъ торжки ради удовольствія всегда увѣренные, что и на ихъ долю останется кусокъ оленины и стаканъ чая или водки. Въ такихъ странствованіяхъ они проводятъ почти всю послѣднюю треть года, не упуская по пути случая добыть звѣря.

Каждый тунгусъ имѣетъ своего и своихъ кредиторовъ изъ якутовъ или русскихъ, такъ называемыхъ «дружковъ», которые его ссужаютъ подъ обезпеченіе будущаго улова и будущей добычи деньгами и товаромъ, причемъ каждый можетъ разсчитывать на кредитъ сообразно со своимъ достаткомъ и со своимъ умѣніемъ промышлять. Ежегодно производится разсчетъ, причемъ изъ стоимости сданнаго тунгусомъ товара вычитается сумма долга и затѣмъ онъ опять набираетъ разнаго товара на цѣлый годъ. Такъ какъ въ средній годъ тунгусъ добываетъ пушного звѣря на 200—300 и болѣе рублей на ружье, то долги этого размѣра характеризуютъ человѣка бѣднаго; напротивъ, послѣ удачнаго одного или двухъ лѣтъ кредитоспособность его можетъ возрасти до 1.000—2.000 руб. и даже до 3.000 р. Подобныя лица считаются счастливцами и богачами, такъ какъ имѣютъ такой большой кредитъ, которымъ они и пользуются въ широкой мѣрѣ. Вообще эти торговыя сношенія тунгусовъ съ якутами и русскими имѣютъ для нихъ весьма гибельное вліяніе. Не будучи въ состояніи по своей безпечности удержаться отъ соблазна, они всегда набираютъ въ долгъ больше товара, чѣмъ въ состояніи заплатить въ слѣдующій годъ продуктами своей охоты, и при первомъ неудачномъ годѣ попадаютъ въ неоплатные долги и въ кабалу къ своему заимодавцу, который, зная, что тунгусъ никогда не откажется отъ своего долга и даже отъ долга своего отца, эксплоатируетъ ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Къ тому же товары, которые онъ получаетъ отъ купцовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вовсе не составляютъ предметовъ первой необходимости, а являются предметами роскоши, которая губитъ этихъ дѣтей природы, далеко не всегда обезпеченныхъ даже въ пищѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что

на ряду съ возрастаніемъ у инородцевъ новыхъ потребностей, пожары лѣсовъ, усиленная колонизація и другія причины имѣютъ неблагопріятное вліяніе на доходность охоты. Пушной звѣрь и дичь начинаютъ уменьшаться и пропадать то въ этой, то и въ той мѣстности, что имѣетъ послѣдствіемъ обѣдненіе и даже вымираніе инородцевъ вслѣдствіе голодовокъ и болѣзней. Да и размѣръ ясака, тамъ, гдѣ они еще уплачиваютъ его мѣхами, во многихъ случаяхъ непомѣрно высокъ для настоящаго времени и разсчитанъ на изобиліе звѣря. Такимъ образомъ, равняясь въ Амурской области отъ 1 до 2 соболей съ юрты, онъ соотвѣствуетъ приблизительно суммѣ денегъ въ 15 — 40 рублей съ юрты или со взрослаго работника.

Распредѣленіе времени у тунгусовъ въ значительной степени зависитъ отъ главныхъ ихъ занятій. У живущихъ на самомъ востокѣ Сибири (восточная часть Якутской области, Приморская область), какъ и у другихъ оленныхъ инородцевъ, жизнь распалается на два главныхъ періода — кочеваніе въ горахъ и зимняя охота и жизнь на взморьѣ ради рыбной ловли.

Какъ только рыба перестаетъ идти въ рѣки и начинаетъ проходить періодъ мошки и комара, отъ которыхъ олени находятъ спасеніе на морскомъ берегу съ его прохладными вѣтрами, тунгусы начинаютъ постепенно перебираться въ горы. Домашнія вещи, посуда, покрышка юрты, постели, запасы рыбы все укладывается въ дорожныя сумы изъ разнаго матеріала—изъ ровдуги, дерева, бересты или изъ ровдуги съ деревянной обшивкой и т. д. Сумы эти при помощи ремней перекидываются черезъ сѣдло вьючныхъ оленей, которыхъ для перевозки одной семьи полагается не менѣе 3—5. Ихъ всѣхъ привязываютъ въ одну линію гуськомъ, которыхъ и ведетъ одинъ мужчина. Передвигаются не торопясь: пройдутъ 10—15 верстъ—дѣлаютъ привалъ съ ѣдой и чаепитіемъ. Оленей ночью стерегутъ работники, а у бѣдныхъ—молодежь.

Съ появленіемъ перваго снѣга начинается сезонъ охоты. Положивъ въ переносную суму принадлежности охоты, чайникъ, юколу и жиръ, тунгусъ начинаетъ свою скитальческую жизнь: обѣгая на лыжахъ огромныя пространства, не зная устали и какъ бы не чувствуя ни голода, ни морозовъ. На ночь онъ гдѣ-нибудь прикурнется подъ деревомъ или зако-

павшись въ снѣгъ. Въ этотъ періодъ онъ мало спитъ и мало ѣстъ и пьетъ, проходя ежедневно не менѣе 40—80 верстъ. Въ его отсутствіе жена остается полной хозяйкой. Гдѣ возможно, онъ ей назначаетъ мѣсто, куда онъ долженъ придти черезъ 1—3 дня, и она старается поставить въ назначенномъ мѣстѣ урасу и приготовить для голоднаго мужа обѣдъ. У другихъ менѣе подвижныхъ племенъ жены обыкновенно не слѣдуютъ за мужьями во время охоты.

Не смотря на свою любовь къ обществу и развлеченіямъ, тунгусы въ полномъ смыслѣ слова дѣти лѣсовъ и тайги, въ нѣдрахъ которыхъ они проводятъ большую часть жизни. У нихъ, въ особенности у тѣхъ, которые кормятся охотой, каждая семья отправляется бродить по лѣсу одна, рѣже двѣ-три вмѣстѣ. Его легкій чумъ (ураса) безъ труда переносится на спинѣ вьючнаго оленя и ставится всюду, гдѣ промыселъ обѣщаетъ быть удачнымъ. Стоитъ онъ на одномъ мѣстѣ день, два или недѣлю, смотря по надобности, и опять передвигается по избранному ему направленію. Тунгусъ-охотникъ не любитъ кочевать и бродить въ извѣстныхъ опредѣленныхъ предѣлахъ и не пріурочиваетъ своихъ перекочевокъ лишь къ опредѣленному времени года, какъ напр. самоѣды, которые изъ года въ годъ лѣтомъ перекочевываютъ къ берегамъ моря, а зимой на югъ, въ предѣлы сѣверной границы лѣсовъ, и какъ это въ общихъ чертахъ практикуютъ и оленные тунгусы, имѣющіе большія стада. Тунгусъ вообще не любитъ себя стѣснять, ни временемъ года, ни мѣстомъ. Для него всюду открытъ путь, гдѣ можетъ пробраться его привычный олень и поэтому онъ никогда не отыскиваетъ торной дороги, а направляется всегда прямо по избранному имъ направленію, пересѣкая дремучіе лѣса, горы, болота и горныя рѣчки, какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Останавливаются при перекочевкахъ лишь во время самыхъ сильныхъ морозовъ, когда замерзаетъ ртуть, и то ради маленькихъ дѣтей.

Осенью или въ мартѣ или въ другое время тунгусы собираются въ стойбища для взноса ясака, послѣ чего опять расходятся ради промысла, а въ началѣ апрѣля Колымскіе и Приморскіе тунгусы опять направляются къ морю, до котораго добираются къ началу мая, ко вскрытію рѣкъ. Теперь для нихъ наступило самое тяжелое время: зимніе запасы, благодаря ихъ безпечности уже съѣдены, а рыба еще не появилась. Въ это

время у нихъ часто бываютъ голодовки. Мѣстами выручаетъ добытый тюлень. Но вскорѣ начинается обильный ходъ рыбы и заморенные тунгусы цѣлыми недѣлями не отходятъ отъ береговъ рѣкъ. Уловъ рыбы обыкновенно бываетъ изобильный и вѣрная помощница тунгуса—жена цѣлые дни съ утра до вечера занята заготовленіемъ добытыхъ сокровищъ въ прокъ: она потрошитъ рыбу, сушитъ ее, вялитъ и коптитъ (Н. Слюнинъ).

Относительно распредѣленія времени у тунгусовъ см. также стр. 262 сл.

Обряды и обычаи. Хотя огромное большинство тунгусовъ и давно уже крещены, но у нихъ еще сохранилось много разнаго рода пережитковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ христіанской религіей. Правда бракъ, крещеніе и отпѣваніе совершается по христіанскимъ обрядамъ, но далеко не во всѣхъ деталяхъ. Такимъ образомъ, брачное сожительство начинается иногда задолго до совершенія таинства брака, тотчасъ по уплатѣ отцу части калыма (прибл. 10 оленей), въ виду чего задерживается и крещеніе дѣтей.

Тунгусы хорошіе отцы семействъ и любятъ своихъ женъ и дѣтей, что однако не мѣшаетъ бродячимъ представителямъ этого племени ссужать первыхъ русскимъ рыбопромышленникамъ во время промысла ради полученія лишняго пая, хотя имъ и не безизвѣстно, что ихъ жены не за одно сотрудничество въ общей работѣ получаютъ свой пай. На кратковременныя незаконныя связи своихъ женъ, которыя часто имѣютъ мѣсто послѣ празднествъ и попоекъ, они смотрятъ сквозь пальцы, такъ какъ и сами чувствуютъ за собою ту же вину. Въ этомъ отношеніи тунгусы - христіане и-язычники ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Послѣдніе, живущіе въ Енисейской губерніи, еще понынѣ имѣютъ по нѣсколько женъ, съ которыми живутъ мирно.

У лѣсныхъ тунгусовъ сохранились до извѣстной степени патріархальныя семейныя отношенія. Взрослый сынъ является лишь помощникомъ главы семьи, но разъ онъ самъ обзавелся семьей, онъ, хотя бы и проживалъ въ общемъ чумѣ, имѣетъ свой собственный пологъ и своихъ оленей. Дѣвушка вольна выбирать себѣ жениха, хотя отецъ и получаетъ за нее калымъ. Если онъ не желаетъ отдать ее избраннику сердца, она обыкновенно убѣгаетъ съ нимъ.

Похороны лицъ, умершихъ въ тайгѣ, а такихъ большинство, совершаются и понынѣ по старинному обычаю и лишь въ слѣдующій затѣмъ сугланъ священникъ прочтетъ надъ нимъ заочно заупокойную. Хоронятъ тунгусы въ особыхъ деревянныхъ ящикахъ или гробахъ, которые помѣщаютъ въ лѣсу на высокихъ столбахъ. Усопшаго предварительно зашиваютъ въ оленьи шкуры. Часть его вещей кладутъ съ нимъ въ гробъ и часть (оружіе, котелъ съ пробитымъ дномъ и т. д.) вѣшаютъ на сосѣднія деревья. Во время похоронъ убиваютъ оленя и собаку, изъ коихъ перваго съѣдаютъ и кости его вмѣстѣ съ собакой прикрѣпляютъ къ столбамъ или близъ стоящимъ деревьямъ [1]). Жена покойнаго хранитъ во время погребенія глубокое молчаніе, а по окончаніи обряда обнимаетъ дерево и рыдаетъ. Скотоводы Забайкальской области хоронятъ своихъ умершихъ въ землю.

Христіане и язычники въ одинаковой степени вѣрятъ въ духовъ, которыми по ихъ мнѣнію населены лѣса, горы и рѣки (см. стр. 225 сл.). Передъ началомъ и окончаніемъ промысла они приносятъ мѣстнымъ покровителямъ—духамъ умилостивительныя и благодарственныя жертвы, закалывая ради этой цѣли оленей; впрочемъ духи получаютъ лишь кости, шкуры и кровь жертвеннаго животнаго, которою окропляютъ священное мѣсто.

При проѣздѣ мимо извѣстныхъ мысовъ, скалъ, группъ, деревьевъ они почти всегда оставляютъ мѣстнымъ духамъ, которые здѣсь должны обитать, безкровную жертву—лоскутокъ ткани, ленточку, щепотку табаку, палочку и т. д. Когда уби-

---

[1]) Слѣдующее описаніе тунгусской гробницы изъ западной части Вилюйскаго округа, составленное Маакомъ, даетъ нѣкоторыя интересныя детали касательно погребальныхъ обрядовъ этого племени. Онъ сообщаетъ: „покойникъ лежалъ головою къ сѣверо-востоку и сама гробница состояла изъ сколоченныхъ изъ четырехъ досокъ продолговатаго ящика, поставленнаго на высотѣ $2^1/_2$ аршинъ отъ земли на двухъ срубленныхъ деревьяхъ. На послѣднихъ положены были два поперечныхъ бревна, скрѣпленныхъ двумя вбитыми въ землю кольями... По правую сторону трупа лежала пальма (длинный ножъ на шестѣ) и вышитый бисеромъ колчанъ съ 6 стрѣлами, съ лѣвой стороны—лукъ. Около колѣнъ находился небольшой деревянный ящикъ съ нѣсколькими запасными мѣдными и изъ мамонтовой кости стрѣлами; въ ногахъ—берестяной буракъ (туясь), ложка, махалка и мѣдный котелъ съ пробитымъ дномъ. Въ такіе котлы кладутъ оленій желудокъ, набитый олениимъ мясомъ и дно пробивается намѣренно, но съ какою цѣлью, я не могъ узнать. Въ трехъ шагахъ отъ гробницы сохранились еще воткнутыя въ землю жерди, на которыхъ въ видѣ жертвоприношенія развѣвается шкура убитаго во время похоронъ оленя“. („Вилюйскій округъ“, III. 104 сл.).

ваютъ медвѣдя, то носъ у снятой шкуры отрѣзаютъ, а глаза зашиваютъ, желая этимъ обезвредить его духа и скрыть отъ него, куда они отсюда пойдутъ. На мѣстѣ же охоты по ихъ мнѣнію необходимо повѣсить на сукъ дерева его челюсть, вложивши между зубами кусочекъ желѣза въ видѣ жертвы и прикрѣпивъ вблизи нѣсколько ситцевыхъ лоскутковъ.

Любители всякаго рода развлеченій тунгусы, какъ впрочемъ и другіе инородцы Сибири, не пропускаютъ случая посѣтить медвѣжій праздникъ, устраиваемый охотниками, которымъ удалось убить царя здѣшнихъ лѣсовъ. Празднество это имѣетъ религіозное значеніе, но инородцы имъ пользуются, чтобы попировать и, если возможно, выпить и поѣсть на счетъ его устроителей. Такія празднества происходятъ и во время сугланов, по окончаніи удачнаго лова и т. д.

Главнымъ развлеченіемъ тунгусовъ является круговая пляска, въ которой участвуютъ старъ и младъ, мужчины и женщины. Кругъ вертится то медленно, то скорѣе, причемъ танцующіе переступаютъ съ ноги на ногу, припѣвая: яхорь, яхорь, годерга, годерга, и т. д. Иногда вдругъ всѣ начинаютъ присѣдать, не останавливая круга. Такой плясъ продолжается иногда цѣлыми часами и кончается лишь при полномъ истощеніи силъ у танцующихъ.

Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ повидимому не имѣется.

Замѣченныя погрѣшности.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
45	2 св.	III и IV Лѣтніе	и IV Лѣтній
51	21 „	130 д. (73 м.)	48 д. (20 м.)
—	23 „	563 д. (281 м.)	481 д. (228 м.)
55	19 сн.	1316	1312
57	3 „	435	405
75	3 „	Тыртеевскій и Куркутскій II	I и II Тыртеевскіе
98	5 св.	2215 д. (1123 м.)	2270 д. (1151 м.)
124	1 „	Шомгай	Шолегай
126	8 „	51	81
129	9 сн.	111 д. (59 м.)	101 д. (54 м.)
135	14 св.	208	198
144	17 сн.	31	32
155	11 „	Ембечима г.	Ембечима?
167	15 св.	190	1190
212	9 сн.	36.569	36.570
225	12 „	15,3	14,9
226	16 „	1544 д. (735 м.) или 4,4	1936 д. (907 м.) или 3,1
227	14 св.	$^1/_5$ части (19,4%)	$^1/_4$ части (26,9%)
„	15 „	4, 6%	4, 5%

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I часть 2 вып.

Тунгусы собственно (продолженіе).

	стран.
Гл. 1. Область тунгусовъ въ XVII в. и перемѣны, происшедшія въ ней по настоящее время . . .	1— 34
Гл. 2. Приростъ тунгусовъ	35— 61
Гл. 3. Вымираніе бродячихъ тунгусовъ.	62— 76
Гл. 4. Ассимиляція.	77— 90
Гл. 5. Роды тунгусовъ и ихъ численность. . . .	91—169
Гл. 6. Языкъ (въ статистическомъ отношеніи) . .	170—196
Гл. 7. Сословія (въ статистическомъ отношеніи) .	197—217
Гл. 8. Религіозный составъ.	218—232
Гл. 9. Занятія	233—266
Гл. 10. Нѣкоторыя этнографическія черты тунгусовъ	267—283

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXXI, часть II.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Д. Ч. **Н. И. Веселовскаго.**

ОПЫТЪ
ГЕОГРАФІИ И СТАТИСТИКИ
тунгусскихъ племенъ Сибири

на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ.

(съ приложеніемъ трехъ племенныхъ картъ).

С. ПатКановъ.

Und bist du erst ein Mensch
geworden,
Dann ist es völlig aus mit
dir.
Goethe (Faust)

ЧАСТЬ II.
ПРОЧІЯ ТУНГУССКІЯ ПЛЕМЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Библіотека
Императорскаго
Русскаго Географическаго
Общества
Отд. 2 Шк. 18
№ 1

ТИПОГРАФІЯ СПБ. АКЦ. ОБЩ. „СЛОВО". УЛ. ЖУКОВСКАГО, 21.

Прочія тунгусскія племена.

Въ 1 выпускѣ даннаго труда было указано, что тунгусы (въ широкомъ смыслѣ этого слова) распадаются на цѣлый рядъ отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ въ настоящее время въ предѣлахъ Сибири проживаютъ въ большемъ или меньшемъ числѣ слѣдующія: тунгусы собственно, манегры, гольды, орочи, самагиры, негидальцы, ольчи, ороки, манчжуры, дауры и солоны. Бирары и кили, о которыхъ упоминаетъ Шренкъ за 50-е годы истекшаго столѣтія, не были обнаружены въ краѣ, ни переписью 1897 г., ни изслѣдованіями В. Сибири за послѣднія десятилѣтія. Изъ перечисленныхъ племенъ самое многочисленное—тунгусы собственно (включая ламутовъ и орочоновъ) проживаютъ почти повсемѣстно въ В. Сибири кромѣ ея юго-восточной окрайны, которая напротивъ является родиной всѣхъ другихъ вышеупомянутыхъ тунгусскихъ племенъ. На основаніи этого географическаго признака всѣхъ ихъ можно было бы соединить въ одну общую сборную *юго-восточную* группу.

Первая часть даннаго труда (1 и 2 вып.) была посвящена географическому распространенію, численности, родамъ, религіи, языку и т. д. тунгусовъ собственно, въ настоящей II его части мы даемъ подобный же очеркъ остальныхъ тунгусскихъ племенъ Сибири.

ГЛАВА I.

МАНЧЖУРЫ.

1. Историческая справка.

До конца XVII ст. манчжуровъ вовсе не было на берегахъ Амура, хотя по среднему теченію этой рѣки уже давно проживали родственныя имъ племена—*джючэры* или *дючэры* и гогули. О первыхъ, которые по Хабарову обитали отъ р. Сунгари приблизительно до устья праваго притока Амура—Дондона, Шренкъ говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что дючеры были манчжурское племя и именно, какъ уже доказываетъ ихъ названіе, потомки Юйчжей, Нюй-чжей или Чжуръчжей, свергнувшихъ въ XII ст. господство Киданей и запявшихъ вмѣсто нихъ престолъ Китайской Имперіи подъ именемъ Гиней, словомъ, одно изъ тѣхъ племенъ, сліяніе которыхъ положило начало манчжурамъ» [1]). Что касается до второго племени—*гогулей*, то они мало чѣмъ отличались отъ дючэровъ и составляли, по предположенію Шренка, не болѣе какъ ихъ вѣтвь. Обитали они выше дючэровъ, приблизительно отъ устья р. Буреи до р. Сунгари, а также по нижнему теченію Буреи и, какъ ихъ сосѣди—дючэры, были осѣдлымъ и земледѣльческимъ народомъ. Тѣ и другіе жили въ селеніяхъ: первые—въ болѣе крупныхъ, состоявшихъ изъ 60—80 домовъ, вторые въ небольшихъ, среднимъ числомъ въ 6—10 жилищъ. Имѣлись у нихъ повидимому и укрѣпленные городки.

Разоряемые и истребляемые казаками и охочьими людьми огнемъ и мечемъ, дауры, дючэры и гогули по предложенію ихъ покровителей—манчжуровъ стали поспѣшно покидать родныя пепелища и выселяться въ Манчжурію: дауры—на берега р. Науна или Нонни, а немного лѣтъ спустя (въ 1658 г.) и дючэры и гогули

1) „Объ инородцахъ Пріамурскаго края“ I, стр. 154 сл.

на берега Хурхи. Этимъ выселеніемъ земледѣльческаго населенія съ береговъ Амура китайское правительство имѣло въ виду поставить преграду набѣгамъ казаковъ на подвластные ему народы, такъ какъ русскіе во время своихъ походовъ въ область Амура продовольствовались исключительно хлѣбомъ и другими припасами, отнимаемыми у названныхъ жителей. На ряду съ этимъ китайское правительство неоднократно высылало противъ казаковъ военные отряды, состоявшіе почти исключительно изъ манчжуровъ. Несмотря на первые успѣхи русскихъ въ борьбѣ съ манчжурами, небольшимъ ихъ отрядамъ было не подъ силу выдерживать борьбу съ многочисленными войсками Китая. Манчжуры разорили русскіе острожки по нижнему Амуру и въ другихъ мѣстахъ и стали осаждать ихъ главный центръ Албазинъ. Боясь за судьбу Забайкалья, которому могли угрожать воинственные сосѣди, все болѣе стягивавшіе туда свои силы, русское правительство рѣшило очистить вновь завоеванный край, который 27 авг. 1689 г. и уступило Китаю согласно Нерчинскому трактату. Граница обѣихъ имперій была установлена по р. Аргуни, по р. Горбицѣ, лѣвому притоку Шилки, и далѣе на сѣверо-востокѣ по Становому хребту.

Съ этихъ поръ берега средняго Амура вновь стали заселяться осѣдлыми земледѣльцами, главную часть которыхъ составляли вернувшіеся на свою прежнюю родину дауры, а также манчжуры. Приблизительно черезъ сто лѣтъ послѣ Нерчинскаго договора въ мѣстности отъ устья р. Зеи, немного не доходя до устья р. Буреи, насчитывалось по обоимъ берегамъ Амура уже до 35.000 душъ осѣдлаго населенія. Впослѣдствіе къ манчжурамъ и даурамъ стали присоединяться китайцы. Въ первое время это были лица, высланныя изъ Китая за преступленія, разные бродяги и т. д. При вторичномъ занятіи русскими края въ 1858 г. онъ на протяженіи 80 вер., начиная отъ 5 в. выше Зеи внизъ по Амуру до дер. Хормольдженгъ (Хормолдзинъ) былъ уже густо заселенъ осѣдлыми китайцами, манчжурами и даурами.

Уступая Россіи согласно Айгунскому договору всѣ земли по лѣвому берегу Амура, отъ р. Аргуни до моря, китайское правительство, озабоченное участью своихъ подданныхъ, обитавшихъ по лѣвому берегу средняго Амура, поставило при этомъ условіемъ, чтобы «находящихся по лѣвому берегу

Амура, отъ р. Зеи на югъ до дер. Хормолдзинъ, манчжурскихъ жителей оставить вѣчно на мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ манчжурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидъ и притѣсненій имъ не дѣлали.»

И съ этихъ поръ до начала послѣдней китайской войны эти манчжуро-китайце-дауры спокойно проживали на лѣвомъ берегу Амура, пользуясь покровительствомъ китайскаго и русскаго правительствъ. Но, вслѣдствіе событій, послѣдовавшихъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій союзныхъ державъ противъ Китая въ Таку, Тзянь-Тзинѣ и Пекинѣ, осѣдлые китайскіе подданные въ нѣсколько дней совершенно очистили русскую территорію, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Какъ извѣстно, опасаясь за безопасность Благовѣщенска и сосѣднихъ селеній, русскія власти принудили манчжуро-китайцевъ, жившихъ близъ названнаго города, равно какъ и манзовъ, работавшихъ въ самомъ городѣ и вблизи его, покинуть русскую территорію. Во время поспѣшной переправы черезъ Амуръ при почти полномъ отсутствіи лодокъ, большая часть этихъ подданныхъ Китая нашла смерть въ волнахъ родной рѣки. Часть изъ нихъ утонула, не умѣя плавать, часть была убита ружейными выстрѣлами съ праваго, китайскаго, берега Амура, такъ какъ китайцы подозрѣвали въ этой переправѣ военную хитрость русскихъ. Послѣ этого крестьяне и казаки разграбили оставшееся отъ злополучныхъ китайце-манчжуродауровъ движимое имущество, а ихъ цвѣтущія нивы и селенія поступили во владѣніе казаковъ смежныхъ станицъ.

2. Географическое распространеніе и численность [1]).

Говоря объ упомянутой выше культурной полосѣ по среднему Амуру, Шренкъ указываетъ, что въ его время, т. е. въ серединѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, манчжурскія селенія занимали западную половину этой части побережья Амура, кверху и книзу отъ Айгуна до впаденія въ него Зеи. Затѣмъ они тянулись по этой рѣкѣ вверхъ, верстъ на 20 отъ ея устья.

---

[1]) См. нашу статью объ Амурской обл. въ трудѣ. „Главн. данн. по статист. насел. крайн. вост. Сибири“. („Временн. Центр. Стат. Ком.“ № 52), стр. 33—45. Часть свѣдѣній этой статьи заимствована изъ статьи подполк. Назарова въ изданіи: „Сборн. главн. докум. по управл. В. Сибирью“ Т. IV.

Въ настоящее время они расположены лишь вдоль лѣваго ея берега, тогда какъ прежде они, судя по названному автору, занимали оба берега Зеи [1]). Если обратиться къ картѣ, приложенной къ цитируемому труду упомянутаго ученаго, то оказывается, что въ 50-хъ годахъ почти вся манчжурская часть этой области приходилась на правый берегъ Амура, на лѣвомъ же, русскомъ, который насъ собственно только и интересуетъ, они образовали сплошное населеніе лишь въ небольшомъ углу между правымъ (?!) берегомъ самаго нижняго теченія Зеи и прилегающей частью Амура. По другую же сторону Зеи лежала уже область дауровъ. Это распредѣленіе національностей въ культурной полосѣ между Зеей и д. Кадаганъ совершенно не соотвѣтствуетъ не только таковому по даннымъ переписи 1897 г., но и по свѣдѣніямъ 1872 и 1884 гг. Есть основанія предполагать, что и въ 50-хъ годахъ эти національности не были разграничены такъ рѣзко, какъ это показываетъ племенная карта Шренка и что манчжуры въ довольно значительномъ числѣ встрѣчались по Амуру и къ востоку отъ Зеи. На это впрочемъ указываетъ и самъ Шренкъ (l. c., 58) сообщая, что самъ видѣлъ въ означенной культурной полосѣ по *обоимъ* берегамъ Амура нѣсколько большихъ деревень, которыя, какъ ему сообщили, были населены исключительно манчжурами, причемъ рядомъ съ ними имѣлись и другія со смѣшаннымъ манчжурско-китайскимъ населеніемъ. Нельзя конечно предположить, чтобы эти чисто манчжурскія и манчжурско-китайскія деревни лѣваго берега были расположены лишь въ томъ ничтожномъ клочкѣ между низовьями Зеи и Амуромъ, который закрашенъ на картѣ синей краской. Но во всякомъ случаѣ изъ изслѣдованія Шренка явствуетъ, что, если манчжуры и китайцы и встрѣчались по Амуру книзу отъ устья Зеи, то все же преобладающимъ населеніемъ этой мѣстности были дауры, сѣверная граница которыхъ простиралась до лѣваго притока Зеи и западная—до дер. Кадаганъ.

Обратимся теперь къ даннымъ переписи. Въ виду того, что дауры и манчжуры, обитающіе на лѣвомъ берегу Амура, согласно Айгунскому договору, сильно ассимилировались съ проживающими тамъ китайцами и составляютъ съ ними одну экономическую группу, ихъ всѣхъ удобнѣе разсмотрѣть вмѣстѣ.

---

[1]) l. c., 58.

Кромѣ этихъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ Амурской области встрѣчается еще другая группа китайскихъ подданныхъ—китайскіе рабочіе или манзы изъ китайцевъ и манчжуровъ, которые нанимаются на работы на золотыхъ пріискахъ области и отчасти въ Благовѣщенскѣ, въ русскихъ селеніяхъ и т. д. Правда, манзы въ еще большемъ числѣ встрѣчаются и въ Приморской области, но тамъ они, судя по ихъ языку, состоятъ почти исключительно изъ китайцевъ (съ примѣсью можетъ быть окончательно окитаившихся манчжуровъ), въ виду чего для выясненія вопроса о распространеніи и численности манчжуровъ интереса не представляютъ.

Область, гдѣ во время переписи 1897 г. проживала *осѣдлая,* земледѣльческая, часть этого манчжуро-дауро-китайскаго населенія, почти совпадаетъ съ областью дауровъ по лѣвому берегу Амура согласно даннымъ Шренка, именно она тянулась неширокой полосой вдоль Амура 66 верстъ въ длину отъ устья Зеи до станицы Низменной и занимала послѣ отрѣзки отъ нихъ излишнихъ земель около 108.000 десятинъ. Перемѣна съ 50-хъ годовъ произошла лишь въ томъ, что манчжуры должны были очистить небольшую мѣстность между лѣвымъ берегомъ нижняго теченія Зеи и Амуромъ, мѣстность, гдѣ теперь расположена столица области—Благовѣщенскъ.

Другое небольшое измѣненіе границы и прежней области дауровъ касается сѣверной ея окрайны, гдѣ китайскихъ подданныхъ въ 1897 г. перепись уже не застала.

Селенія осѣдлыхъ китайскихъ подданныхъ расположены въ мѣстностяхъ трехъ типовъ: а) на подгорной террассѣ, прилегающей къ Амурской низменности и простирающейся отъ д. Будинды по Зеѣ до казачьяго селенія Низменнаго, гдѣ эта окрайна непосредственно подходитъ къ руслу рѣки; б) на берегу Амура и в) на низменности, разстилающейся между упомянутой террассой и Амуромъ. Болѣе или менѣе обособленныхъ районовъ, судя по переписи и другимъ новымъ даннымъ, указанныя три національности въ послѣднія десятилѣтія не занимали и жили всѣ въ перемѣшку другъ съ другомъ, хотя въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и преобладала одна какая-нибудь національность [1])

[1]) На приложенной къ настоящему выпуску III племенной картѣ показано мѣстоположеніе отдѣльныхъ селеній этого района, а статистическія данныя (по переписи 1897 г.) касательно ихъ населенія съ распредѣленіемъ его по національностямъ приведены въ Приложеніи I.

Общее число всѣхъ дауровъ, манчжуровъ и китайцевъ по даннымъ 1897 г. простиралось въ Амурской области до 11.951 д. об. п. (8705 м.), которыя слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по отдѣльнымъ мѣстностямъ области:

ТАБЛИЦА I.

Названія районовъ.	Китайцевъ.		Манчжуръ.		Дауровъ.		ИТОГО.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1. Въ русскихъ селен.	146	1	31	3	—	—	177	4
2. „ горныхъ округахъ	245	—	519	—	—	—	764	—
3. „ китайско - манчжурск. селеніяхъ. . . .	2.654	1.818	1.459	1.231	255	191	4.368	3.240
Итого. . . .	**3.045**	**1.819**	**2.009**	**1.234**	**255**	**191**	**5.309**	**3.244**
4. Въ г. Благовѣщенскѣ.	2.914	2	50	—	—	—	2.964	2
Всего	**5.959**	**1.821**	**2.059**	**1.234**	**255**	**191**	**8.273**	**3.246**
Кромѣ того нераспредѣленныхъ по національн.	—	—	—	—	—	—	432	—

Изъ этихъ данныхъ видно, что осѣдлые китайскіе подданные составляютъ главную часть представителей этихъ племенъ, именно 7608 д. об. п. (4368 м.) или 63,6%, а бродячая часть или манзы 4343 д. (4337 м.) или 36,4% [1]), хотя число

[1]) Относительно китайско-манчжурскаго населенія пріисковъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. По переписи число его опредѣлилось въ 1196 душъ, считая въ томъ числѣ 432 китайскихъ подданныхъ, которые были застигнуты въ Верхне-Амурскомъ горномъ округѣ и о которыхъ не имѣлось никакихъ данныхъ. Между тѣмъ по обзору области за 1896 г. число ихъ равнялось 6961 душамъ (6843 м.). Столь значительная разница въ этой группѣ населенія объясняется вѣроятно временемъ года собиранія свѣдѣній: зимой, когда имѣла мѣсто перепись, почти всѣ работы на пріискахъ временно пріостановились и рабочее населеніе отбыло на родину и въ другія мѣста.

мужчинъ въ той и другой группѣ оказалось почти однимъ и тѣмъ же.

Первая группа китайскихъ подданныхъ представляетъ значительный интересъ въ статистическомъ отношеніи уже въ виду того, что численность ея за послѣднія три десятилѣтія показываетъ огромныя колебанія въ ту и другую сторону безъ того, чтобы причины этого явленія были вполнѣ выяснены.

Точныя данныя о численности осѣдлыхъ китайце-манчжуро-дауровъ имѣются впервые за 1870 г., когда Буссе опредѣлилъ ихъ число въ 10.646 д. об. п. Слѣдующая перепись была произведена Павлищевымъ въ 1881 г. Число осѣдлыхъ китайскихъ подданныхъ возросло за 11 лѣтъ до 13.700 д. об. п. Въ 1884 г. подполковникъ Назаровъ вновь объѣхалъ эту мѣстность съ цѣлью болѣе точнаго опредѣленія числа ея жителей. Оказалось, что въ предъидущей переписи было пропущено нѣсколько фанзъ. Опредѣливъ число ихъ жителей и исправивъ вышеприведенныя показанія Павлищева, Назаровъ опредѣлилъ численность всего осѣдлаго китайце-манчжурско-даурскаго населенія въ 13.923 д. об. п. Это число (за округленіемъ—14.000 д.) въ теченіе 10 лѣтъ не подвергалось никакимъ измѣненіямъ и повѣркамъ и повторялось во Всеподданнѣйшихъ отчетахъ вплоть до 1894 года, когда это число было почему-то повышено до 16.102 д. Но уже въ 1895 г. составители обзора области замѣтили, что это число слишкомъ высоко. Въ обзорѣ за этотъ годъ поэтому указаны лишь предѣлы, между которыми, по опредѣленію различныхъ лицъ, колеблется численность осѣдлаго китайско-манчжурско-даурскаго населенія, именно 7.513 и 16.102 д. об. п. Въ 1896 г. обзоръ признаетъ и низшій предѣлъ слишкомъ высокимъ и даетъ цифру 7.213, которая въ слѣдующій годъ была доведена до 7.025 д. об. п. (4.395 м. и 2.630 ж.). Наконецъ, перепись 1897 г. опредѣлила численность этой группы населенія въ 1.401 хозяйство и 7.608 д. об. п. (въ т. ч. 4.368 м.), доказавъ, что число китайце-манчжуро-дауровъ, приводимое Назаровымъ и обзорами за послѣдующіе годы, уже далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и должно быть уменьшено почти въ два раза.

Останавливаясь на достовѣрныхъ данныхъ за годы 1870, 1884 и 1897, мы замѣчаемъ, что эта группа населенія уве-

личивалась въ числѣ до 1884 года, начиная съ котораго стала быстро уменьшаться, дойдя въ 1897 г. почти до половины того числа, которое она показывала 13 лѣтъ раньше. Что за первый періодъ времени китайцы дѣйствительно прибывали въ числѣ, видно уже изъ того факта, что вмѣсто 58 населенныхъ пунктовъ въ 1869 г. (по плану топографа Нерехтскаго) въ 1884 г. число ихъ возросло до 63. Исчезло за указанный періодъ времени лишь 6 населенныхъ пунктовъ, по большей части одиночныхъ фанзъ, всего въ 7 дворовъ, а возникло вновь 11 (изъ нихъ 5 группъ заимокъ) въ 43 двора [1]). Но, кромѣ того, конечно, возросло и число жителей ранѣе существовавшихъ селеній.

Такъ какъ число рожденій и смертей этихъ китайскихъ подданныхъ не опредѣлялось ни до, ни послѣ переписи, то нельзя сдѣлать какіе-либо выводы относительно того, въ какой степени въ этомъ увеличеніи населенія игралъ роль естественный приростъ населенія и въ какой иммиграція. Несомнѣнно, однако, что естественный приростъ не могъ дать увеличенія населенія за 14 лѣтъ съ 1870 по 1884 г. въ 3.300 душъ, т. е. въ 31% и что приселенія играли въ этомъ случаѣ главную роль. Въ существующей литературѣ, посвященной описанію края, нигдѣ нѣтъ точныхъ указаній на эту сильную иммиграцію изъ Китая, но что она по всему вѣроятію существовала, доказывается тѣми тѣсными сношеніями, которыя эти, оторванные отъ родины, китайскіе подданные поддерживали со своими за-Амурскими соплеменниками. Извѣстны, съ другой стороны, случаи, когда китайцы Амурской области совсѣмъ или на время покидали лѣвый берегъ Амура и переселялись на правый. Китайское правительство поощряло подобныя переселенія и отводило новымъ переселенцамъ удобныя для обработки земли. Такимъ образомъ, въ 1884 г. Назарову передавали, что оно предложило жителямъ сел. Була-Манга, подвергавшагося частымъ наводненіямъ, переселиться за Амуръ въ долину р. Сунъ, впадающую въ названную рѣку, причемъ эти сельчане уже послали туда ходоковъ

Немалый интересъ возбуждаетъ вопросъ, что же было причиной, что китайское населеніе, столь быстро росшее до

[1]) Наибольшій интересъ изъ возникшихъ селеній представляетъ дер. Эльгуза въ 19 дворовъ, основанная въ 2-хъ верстахъ отъ бывшей дер. Эльгузы, названной потомъ: Хэди-Шанъ.

1884 г., за слѣдующіе 13 лѣтъ сократилось почти на половину (на 45%)? Очевидно, что и въ данномъ случаѣ естественный приростъ населенія не причемъ, такъ какъ, судя по всему, онъ не могъ быть отрицателенъ за весь періодъ времени и за весь районъ, тѣмъ болѣе, что опустошительныхъ эпидемій за это время въ области не наблюдалось. Единственной причиной этого явленія могла быть лишь сильная эмиграція изъ области въ Китай, эмиграція, которая, какъ это ни странно, повидимому осталась вовсе незамѣченной мѣстными властями. Послѣднія, дѣйствительно, ни разу не обмолвились о ней въ своихъ обзорахъ и въ теченіе 10 лѣтъ показывали то же число китайцевъ и манчжуровъ, что и въ 1884 г. Если мы обратимся къ экономическому положенію мѣстнаго населенія до указаннаго года и послѣ, то мы, дѣйствительно, найдемъ въ немъ перемѣны столь значительныя, что онѣ окажутся вполнѣ достаточными для объясненія этого загадочнаго явленія.

До 1884 г. китайскіе поддапные свободно пользовались всѣми землями, на которыхъ они проживали, а также прилегающими къ нимъ пустопорожними участками, которыя они утилизировали въ качествѣ выгоновъ, луговъ, мѣстъ для распашекъ цѣлинъ и т. д. Количество земель, находившихся въ ихъ владѣніи, опредѣлялось по меньшей мѣрѣ въ 145.800 дес. Въ 1884 г. по распоряженію генералъ-губернатора Пріамурскаго края было произведено обмежеваніе всѣхъ земель, которыя находились въ дѣйствительномъ и давнемъ пользованіи китайскихъ подданныхъ, причемъ оказалось, что около $^1/_3$ части земель указаннаго района не подходили подъ указанныя условія, или будучи распаханы въ недавнее время, какъ напр. на пади Алинъ, или служившія имъ лишь какъ запасныя угодья, которыми они не всегда пользовались. На этомъ основаніи всѣ подобныя земли были изъяты изъ владѣнія китайцевъ и, въ видахъ окончательнаго установленія границы, распредѣлены на участки и розданы желающимъ на нихъ поселиться изъ крестьянъ и мѣщанъ. Таковыхъ нашлось не мало и черезъ немного лѣтъ послѣ обмежеванія китайцы были охвачены тѣснымъ кольцомъ русскихъ заимокъ и выселковъ. Одновременно съ этимъ по берегу Амура въ этой мѣстности были устроены казачьи пикеты и проведенъ телеграфъ, а также были приняты другія мѣры, чтобы воспрепятствовать китайцамъ изъ-за Амура водворяться въ указанной территоріи. Въ серединѣ

90-хъ годовъ мѣстными властями было даже проектировано обложить этихъ китайскихъ подданныхъ поземельнымъ налогомъ и прочими сборами наравнѣ съ сосѣдними крестьянами, на томъ основаніи, что по Айгунскому договору вся земля по лѣвому берегу Амура была уступлена Россіи и что въ 1 ст. этого договора вовсе не упоминается о даурахъ и китайцахъ, проживавшихъ въ числѣ около 10.000 д. въ означенной мѣстности вмѣстѣ съ манчжурами. Мѣры эти конечно произвели очень неблагопріятное впечатлѣніе на китайцевъ и манчжуровъ и были безъ сомнѣнія поводомъ къ выселенію ихъ въ Китай, гдѣ ихъ охотно принимали. Какъ будетъ показано ниже, нѣкоторыя селенія при этомъ почти опустѣли, другія потеряли отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ своихъ жителей.

Обзоры за 1898 и 1899 гг. показываютъ еще меньшее число китайскихъ подданныхъ, чѣмъ перепись (7.160 д.), что можетъ быть служитъ доказательствомъ того, что переселеніе въ Китай въ 1897 г. еще не окончилось.

Но и эти новѣйшія числа являются, какъ мы знаемъ, уже анахроничными (см. стр. 4) по отношенію къ настоящему времени. Осѣдлые китайце-манчжуро-дауры покинули вскорѣ послѣ переписи русскую территорію и изъ китайскихъ подданныхъ (китайцевъ и манчжуровъ) въ предѣлахъ южной Сибири нынѣ встрѣчаются лишь безсемейные рабочіе—манзы (въ Амурской и Приморской областяхъ).

Возвратимся къ даннымъ переписи. Что касается до численнаго соотношенія трехъ племенъ, изъ которыхъ состоитъ упомянутая группа китайскихъ подданныхъ, то въ 50-хъ годахъ, во время присоединенія Пріамурскаго края къ Россіи, число китайцевъ, манчжуровъ и дауровъ, проживавшихъ по обоимъ берегамъ Амура, было (по Шренку) приблизительно равное. Но уже въ 1870 г. Буссе опредѣлялъ численность первыхъ въ 5.400 д., вторыхъ въ 3.286 и дауровъ въ 1.960 д. об. п. Назаровъ не сообщаетъ прямо численности каждаго племени, но всюду указываетъ, кѣмъ населено данное селеніе. Изъ подсчета жителей селеній даурскихъ, манчжурскихъ и китайскихъ можно заключить, что въ послѣднихъ въ 1884 г. по его мнѣнію проживало 7.900 д., во вторыхъ 4.400 д. и первыхъ 1.700 д. На дѣлѣ же эти послѣднія данныя даже приблизительно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, такъ какъ по Назарову всѣ селенія оказываются населенными

однимъ какимъ-нибудь племенемъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ большинство изъ нихъ имѣютъ смѣшанное населеніе, и къ тому же нѣкоторыя селенія, обозначенныя Назаровымъ даурскими и манчжурскими, въ 1897 г. были населены лишь китайцами или имѣли преобладающее китайское населеніе или наоборотъ. Срокъ же въ 13 лѣтъ конечно не достаточно великъ, чтобы оправдать возможность столь огромной перемѣны въ составѣ населенія. Нижеслѣдующая табличка показываетъ общую численность и племенной составъ населенія нѣсколькихъ болѣе крупныхъ селеній (собственно сельскихъ обществъ) китайскихъ подданныхъ по даннымъ Назарова за 1884 г. и по переписи 1897 г. [1]).

ТАБЛИЦА II.

Названія селеній.	Наличное населеніе въ 1884 г.	Наличное населеніе об. п. въ 1897 г.			
		Всего.	Манчж.	Даур.	Китайцевъ.
1. Будинда . . .	677 манчжуровъ.	502	224	—	278 (229 мужч.).
2. М. Алинъ . .	533 китайцевъ.	393	159	—	234 (144 „)
3. Б. Алинъ . .	1.677 „	1.290	334	—	955 (589 „)
4. Тукдунъ-Алинъ	380 манчжуровъ.	174	94	—	80 (48 „)
5. Туш-ху-лу .	257 „	200	114	—	86 (61 „)
6. Хоу-дун-шанъ	429 китайцевъ.	304	17	—	287 (167 „)
7. Хэди-шанъ .	481 „	253	28	—	225 (121 „)
8. Чэн-дунъ-шанъ	702 „	330	124	—	206 (127 „)
9. Була-Манга .	593 манчжуровъ.	233	206	—	27 (12 „)
10. Тулхада . . .	530 дауровъ.	207	15	4	188 (92 „)
11. Алинъ-Токсо .	350 китайцевъ.	105	41	51	13 (5 „)
12. В. Гильчинъ .	2.490 „	735	170	1	564 (297 „)
13. М. Гильчинъ .	650 „	332	—	—	332 (187 „)

[1]) О томъ же подробнѣе см. I приложеніе.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ не подлежитъ сомнѣнію, что число манчжуровъ и въ особенности дауровъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убывало вплоть до выселенія китайскихъ подданныхъ изъ Амурской области.

Постепенное возрастаніе въ мѣстности китайскаго элемента за счетъ манчжуровъ и дауровъ слѣдуетъ приписать, съ одной стороны, указанному выше переселенческому движенію, сначала изъ Китая въ Амурскую область, а потомъ обратно. и, съ другой стороны, постепенному поглощенію китайцами болѣе малочисленныхъ манчжуровъ и дауровъ, не имѣющихъ столь высокой культуры и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе поддающихся сильному вліянію своихъ китайскихъ сосѣдей. Не мало содѣйствовала этому явленію и близость китайской имперіи, съ которой китайскіе подданные лѣваго берега Амура постоянно поддерживали самыя оживленныя сношенія.

Теперь остановимся на манчжурахъ собственно. Какъ видно изъ предъидущаго, они образовали двѣ группы—*осѣдлое* населеніе, обитавшее вмѣстѣ съ даурами и китайцами по лѣвому берегу Амура, къ востоку отъ р. Зеи, и *бродячее рабочее* населеніе. Послѣднихъ по даннымъ переписи въ 1897 г. оказалось всего 519 д. (мужчинъ), изъ коихъ большинство работало на золотыхъ пріискахъ области, главнымъ образомъ Сунтарской системы, гдѣ перепись обнаружила 489 манчжуровъ, что составляетъ большую часть (75,6%) всего рабочаго населенія пріисковъ названной системы. Въ наибольшемъ числѣ они здѣсь встрѣчались на пріискахъ: Іоанно-Кронштадтскомъ—242 д. (изъ 267 наличн. нас.), Генриховскомъ—128 д. (изъ 153 д.), Казанскомъ—108 д. (изъ 181 д.), Благополучномъ—4 д. (изъ 5 д.), Радостномъ—7 д. (изъ 12 д.). Лишь на небольшихъ пріискахъ: Михайловскомъ и Фроловскомъ ихъ не оказалось. Въ Хинганской системѣ пріисковъ они въ числѣ 30 чел. встрѣтились на Любавинскомъ пріискѣ (при его наличномъ населеніи въ 64 души). Въ другихъ системахъ они обнаружены не были. Принадлежа къ другой религіи, чѣмъ осѣдлые манчжуры области, они по всему вѣроятію не мѣстные уроженцы края, а пришельцы изъ Китая. Слѣдуетъ замѣтить, что въ лѣтнее время, когда пріиски разрабатываются, число ихъ должно быть значительно выше [1]). Въ другихъ частяхъ области ихъ очень

[1]) Наличная численность горнорабочаго населенія Амурской области по обзору области за 1897 г. равняется 17.605 д., а по переписи.

мало: въ г. Благовѣщенскѣ 50 д. м. и въ русскихъ деревняхъ 34 д. (31 м.), въ т. ч. въ Амурско-Зейской вол. 16 д., въ Поярковскомъ стан. округѣ 8 д. и т. д..

Осѣдлые манчжуры Амурской области составляли все населеніе деревень, Гонлинфа (17 м. и 16 ж.), Яуди-вопынь (15 м. и 14 ж.), Дэ-лу-вопынь (28 м. и 18 ж.), Сы-фан-лин-цза (17 м. 16 ж.), Шито-пау-дза (46 м. и 41 ж.), Фе-Токсо (10 м. и 6 ж.), Лахири, Тукдунъ и нѣсколькихъ фанзъ. Далѣе они составляли преобладающую часть населенія деревень: Тукдунъ-Алинъ (59 м. и 35 ж.), Туш-ху-лу (67 м. и 47 ж.), Сингуан-ди (105 м. и 79 ж.), Даире (23 м. и 26 ж.), Була-Манга (111 м. и 95 ж.), Бира-Токсо (68 м. и 56 ж.), Ма-Лоэ (17 м. и 23 ж.), Сергапчи (17 м. и 11 ж.), Верхній Хони-Хорха (17 м. и 16 ж.). Довольно многочисленны они также въ селеніяхъ: Будиндѣ (131 м. и 93 ж.), М. Алинъ (81 м. и 78 ж.), Б. Алинъ (179 м. и 155 ж.), Чэнъ-дунъшанъ (61 м. и 63 ж.), Б. Гильчинъ (83 м. и 87 ж. манчж.).

Селенія съ преобладающимъ манчжурскимъ населеніемъ, какъ было указано выше и какъ видно изъ сопоставленія данныхъ I приложенія съ картой № III (въ концѣ выпуска), не образуютъ одного сплошного района, а разбросаны по всей площади, принадлежащей китайскимъ подданнымъ, причемъ чисто манчжурскія селенія лежатъ въ перемѣшку съ селеніями со смѣшаннымъ населеніемъ. Все же однако селенія съ преобладающимъ манчжурскимъ населеніемъ расположены болѣе вдоль самаго Амура и въ прилегающей къ нему полосѣ отъ сел. Тукдунъ (вкл.) на сѣверѣ до нижняго теченія р. Б.-Гильчинъ—на югѣ (см. карту III). Въ 50-хъ же годахъ они по наблюденіямъ Шренка составляли, какъ было указано выше, большую часть населенія болѣе западнаго угла этой полосы, именно находящагося между нижнимъ теченіемъ лѣваго берега Зеи и прилегающей частью Амура (см. стр. 5).

Общее число манчжуровъ этой мѣстности, живущихъ осѣдло, простирается (1897 г.) до 2.690 душъ об. пола, изъ коихъ 1.459 мужчинъ (на 100 мужчинъ—84 женщины). По отношенію ко всему манчжурскому населенію области эти земледѣльцы составляютъ $^5/_6$. Противъ послѣднихъ десятилѣтій число манч-

---

которая имѣла мѣсто зимой, лишь 10.366 д., включая 758 д. иностран. подданныхъ, нераспредѣленныхъ по признакамъ. Относительно рабочихъ китайско-манчжурскаго происхожденія (см. стр. 7).

журовъ области уменьшилось лишь абсолютно, но не относительно всей осѣдлой китайско-манчжурско-даурской группы населенія. Такимъ образомъ, въ 1870 г. число осѣдлыхъ манчжуровъ опредѣлялось въ 3.286 д. об. пола (на 596 душъ болѣе, чѣмъ въ 1897 г.), причемъ они составляли 31% всѣхъ осѣдлыхъ китайскихъ подданныхъ, по переписи же 1897 г. 35%.

Если къ этимъ осѣдлымъ манчжурамъ присоединить и бродячую ихъ часть—рабочихъ, то общее ихъ число въ Амурской области достигнетъ 3293 душъ изъ коихъ 2059 мужчинъ (или на 100 мужчинъ 63 женщины). По отношенію ко всѣмъ китайскимъ подданнымъ области манчжуры составляютъ 28%.

Внѣ Амурской области манчжуры въ Сибири были обнаружены въ Приморской области въ числѣ 22 д. (21 м.), именно 11 чел. въ Хабаровскомъ округѣ (въ т. ч. 10 ч. въ фанзахъ близъ р. Краснорѣчье), 7 д. (6 м.) въ Удскомъ округѣ, именно въ селеніяхъ, расположенныхъ въ районѣ волостей Б.-Михайловской и Маріинско-Успенской, и въ Уссурійскомъ и Ю.-Уссурійскомъ окр. по 2 м. Вездѣ они проживали совмѣстно съ китайцами-рабочими (манзами), съ которыми они образуютъ однѣ артели. Кромѣ того 12 д. м. п. манчжуровъ были зарегистрированы въ Нерчинскомъ округѣ Забайкальской области и 1 м. въ Иркутской губерніи.

Вмѣстѣ съ этими манчжурами общее число представителей этого народа въ Сибири достигнетъ 3328 д. (2.093 м.).

Главная масса манчжурскаго населенія (до 600.000 душъ) проживаетъ внѣ предѣловъ имперіи, въ смежной области Китая, получившей отъ нихъ свое имя (Манчжурія). Но и тамъ они составляютъ въ настоящее время лишь незначительную часть (не болѣе 5%) населенія страны, опредѣляемаго различно, отъ 12 до 20 милліоновъ. Сгруппированы они, какъ сельское населеніе, только въ двухъ сѣверныхъ провинціяхъ ея, главнымъ образомъ по правому берегу Сунгари и по обоимъ берегамъ р. Муданъ-Цзяна (Хурхи), а также по правому берегу Амура противъ китайско-манчжурскихъ селеній Амурской области. Въ болѣе южной провинціи Шэнь-си ихъ теперь уже нѣтъ. Въ городахъ же они встрѣчаются по всей странѣ. Еще въ началѣ истекшаго столѣтія они были значительно болѣе многочисленны и при маломъ числѣ китайцевъ въ странѣ составляли преобладающую часть ея населенія. Причина этой убыли

манчжурскаго населенія заключается въ историческихъ судьбахъ ихъ родины. Подчинивъ себѣ въ XVI вѣкѣ сосѣднія тунгусскія племена, они въ началѣ XVII в. вступили въ борьбу съ Китаемъ, результатомъ которой было воцареніе въ Срединной имперіи манчжурской Дайцинской династіи. Будучи вынуждена опираться въ чужой странѣ на родной народъ, эта династія держала въ Пекинѣ и въ другихъ китайскихъ городахъ манчжурскіе военные отряды, которые, живя по долгу среди китайцевъ, постепенно усваивали ихъ нравы, обычаи, языкъ и культуру Изъ манчжуровъ комплектовались и лучшія войска. Такимъ образомъ, въ теченіи $2^1/_2$ столѣтій манчжуры теряли лучшую часть своего мужского населенія, взамѣнъ котораго въ Манчжурію постепенно просачивались съ юга китайцы. Женясь на манчжуркахъ, эти послѣдніе тѣмъ самымъ содѣйствовали быстрому сліянію обоихъ народовъ. Впрочемъ, въ XVII в. китайцы допускались только въ южную Манчжурію, сѣверная же служила лишь мѣстомъ для ссылки. Это обстоятельство, какъ и запрещеніе китаянкамъ переступать Великую стѣну, а китайцамъ владѣть тамъ землей на правахъ собственности, тормозило колонизацію края китайцами. Но, если вѣрить китайской оффиціальной статистикѣ, то населеніе страны съ 406.511 д. въ 1749 г. возросло къ 1812 г. до 1.200.000 жителей, а въ 1842 г. достигло уже цифры 1.655.542 д.

Особенно сильный потокъ китайцевъ разлился по странѣ въ 40—60-хъ годахъ истекшаго столѣтія, главнымъ образомъ во время Тайпинскаго возстанія, а въ 70-хъ годахъ здѣсь было введено на ряду съ военнымъ и гражданское управленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайцы были уравнены съ манчжурами въ поземельномъ и податномъ отношеніи. Результатомъ этихъ событій было то, что манчжуры въ настоящее время почти слились съ китайцами.

3. Сословія. Всѣ манчжуры—китайскіе подданные, причемъ большинство изъ осѣдлыхъ обитателей Амурской области показали себя въ графѣ о сословіи и состояніи: «подданными Дайцинской (Китайской) имперіи сельскаго и военнаго сословія». Лишь 5 д. (3 м.) изъ принявшихъ православіе перешли въ русское подданство и перечислились въ крестьянское сословіе.

4. Религія.

Почти всѣ осѣдлые манчжуры Амурской области, составляющіе огромное большинство всѣхъ представителей этого племени, проживающихъ въ Сибири (до 80%), оказались, по даннымъ переписи, *язычниками - шаманистами*; весьма немногіе изъ послѣднихъ показали себя послѣдователями Конфуція (именно въ сел. Б. Алинъ), къ каковымъ принадлежатъ почти всѣ осѣдлые китайцы области — ихъ сосѣди. Около 630 душъ или почти всѣ прочіе манчжуры края исповѣдываютъ *буддистскую* религію. *Православныхъ* манчжуровъ перепись обнаружила всего 8 д. (5 м.). Они проживаютъ въ русскихъ деревняхъ.

На основаніи же другихъ оффиціальныхъ источниковъ (приложеній ко Всеподаннѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ, памятныхъ книжекъ и т. д.) *всѣ* манчжуры и дауры области оказываются буддистами. Это разнорѣчіе происходитъ отъ того, что язычество ихъ во многихъ отношеніяхъ приблизилось къ буддизму. Разница между осѣдлыми манчжурами и манзами объясняется тѣмъ, что первые водворились въ краѣ еще въ концѣ XVII ст., когда масса манчжурскаго народа повидимому еще пребывала въ язычествѣ, между тѣмъ какъ послѣдніе являются недавними выходцами изъ сосѣдней Манчжуріи, нынѣ окончательно окитаившимися и принявшими буддистскую религію. Въ отличіе отъ буддистскаго культа у осѣдлыхъ манчжуровъ области не существуетъ ни общественнаго богослуженія, ни жрецовъ, а у каждаго дома имѣется своя божница.

5. Языкъ.

Сибирскіе манчжуры, судя по даннымъ переписи, говорятъ на родномъ языкѣ, хотя всѣ знаютъ и китайскій, на которомъ и изъясняются со своими повсемѣстными сосѣдями—китайцами. Такъ какъ въ настоящее время манчжуры почти никакими внѣшними признаками не отличаются отъ китайцевъ, вышеприведенное число ихъ было опредѣлено именно по числу лицъ, показавшихъ роднымъ языкомъ манчжурскій. Но кромѣ нихъ среди манчжуровъ есть и другіе, которые, утративъ родной языкъ, говорятъ лишь по китайски; на основаніи этого признака они и попали въ число настоящихъ китайцевъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что и тѣ лица, которыя еще знаютъ родной

языкъ, утратили его чистоту и говоря на немъ даже между собою употребляютъ при этомъ массу китайскихъ словъ и выраженій. Единственный образецъ «манчжурскаго» языка (изъ Хинганской системы пріисковъ), приложенный къ переписному матеріалу, оказался на самомъ дѣлѣ китайскимъ языкомъ.

Что касается до манчжуровъ сѣверныхъ провинцій Китая, то тамъ ихъ языкъ въ настоящее время является вымирающимъ. На языкѣ этого передоваго народа крайняго востока Азіи нынѣ говорятъ лишь при Китайскомъ дворѣ и до 10% природныхъ манчжуровъ, проживающихъ на родинѣ.

6. Занятія.

Огромное большинство манчжуровъ Сибири — осѣдлое населеніе Амурской области — занимается исключительно земледѣліемъ и огородничествомъ; побочными занятіями имъ служатъ главнымъ образомъ чернорабочій трудъ и мелкая торговля. До $^1/_6$ ихъ части или свыше 600 душъ снискиваютъ себѣ пропитаніе почти исключительно чернорабочимъ трудомъ, главнымъ образомъ на пріискахъ, также въ качествѣ землекоповъ, пильщиковъ и т. д.

О замледѣліи у китайце-манчжуро-дауровъ лѣваго берега Амура можно сообщить слѣдующія данныя [1]). Они обрабатываютъ свои земли такъ же тщательно какъ и въ Китаѣ. Сѣвооборотъ, принятый въ данной мѣстности, семипольный: на пашню, удобренную навозомъ или посѣвомъ бобовъ, сѣется буда (panicum italicum), на другой годъ пшеница, затѣмъ овесъ, который смѣняется гречихой, потомъ опять овесъ, бобы и опять буда. Эта система полеводства получила здѣсь распространеніе въ виду затруднительности поднимать сохами цѣлины. Обработка земли въ значительной степени производится ручнымъ способомъ; лишь въ послѣднее время они заимствовали у крестьянъ плуги. Культура злаковъ—грядовая, почти огородная. Промежутки между грядами пропалываются нѣсколько разъ въ лѣто. При такомъ посѣвѣ и уходѣ хлѣбъ сильно кустится и даетъ большой урожай. Въ послѣднее время стали культивировать и макъ. Овесъ и пшеница продаются отчасти на сторону, приблизительно до 300 тыс. пуд. въ годъ.

---

[1]) Грумъ-Гржимайло: „Амурская область“.

Огородничество также сильно развито. Изъ огородныхъ растеній назовемъ: коноплю, табакъ, кукурузу, картофель, кит. капусту, лукъ, огурцы.

Полевыми работами завѣдуютъ мужчины; женщины кромѣ домашнихъ работъ смотрятъ еще за рогатымъ скотомъ, свиньями и птицей (гуси, утки, куры), которыя держатся здѣсь въ большомъ количествѣ. На женщинахъ же лежитъ и часть хлопотъ по огороду.

7. Этнографическая замѣтка.

Манчжуры какъ Сибири, такъ и Китая, въ настоящее время почти совершенно слились съ китайцами и по своему образу жизни почти не отличаются отъ нихъ.

Жилища ихъ тѣ же фанзы, которыя встрѣчаются въ Китаѣ. Одна ихъ половина, обыкновенно лѣвая,—жилая. Въ ней широкія нары—«канжинъ», которыя покрываются цыновками и служатъ мѣстомъ для спанья и для работы. Для ѣды на нихъ ставятъ низенькій квадратный столикъ, около котораго размѣщается семья. Канжинъ сбивается изъ глины и сообщается дымовыми трубами съ очагомъ, благодаря чему нары можно нагрѣвать въ холодное время. Нежилая часть фанзы служитъ складочнымъ мѣстомъ для хозяйственнаго скарба, но въ большихъ семьяхъ и она иногда обращается въ жилое помѣщеніе. Въ селеніяхъ, расположенныхъ по Амуру, фанзы, занимающія средину между дворомъ и огородомъ, вытянуты въ одну линію; въ тѣхъ же, которыя находятся далѣе отъ рѣки, онѣ сгруппированы кварталами, раздѣленными улицами, съ одной стороны которыхъ тянутся дома, обращенные къ нимъ лицевой стороной, съ другой—сады и огороды. Дворы нерѣдко раздѣлены переулками или рощами деревьевъ. Въ виду такого расположенія жилищъ, китайскія деревни занимаютъ большія пространства и кажутся разбросанными. При каждомъ селеніи и даже при одинокой фанзѣ имѣется рощица, которая служитъ кладбищемъ. Здѣсь же обыкновенно находится небольшая кумирня. Кромѣ того въ каждомъ огородѣ имѣется небольшой амбарчикъ на четырехъ столбикахъ, служащій божницей: въ немъ можно найти изображеніе миѳическаго героя или уродливаго божка, а передъ ними жертвенныя чашечки.

Необходимые предметы домашняго обихода русскаго и

китайскаго производства пріобрѣтаются въ лавочкахъ, которыя имѣются во всѣхъ селеніяхъ. Ходячей монетой служатъ «чохи», коихъ 700 равняются нашему серебряному рублю, но въ ходу и русская монета.

Сходство между манчжурами и китайцами проявляется и въ другихъ отношеніяхъ, но, несмотря, однако, на такое сильное сліяніе, оба племени, гдѣ они живутъ рядомъ и еще не окончательно ассимилировались, почти всюду сохранили свое національное чувство. Такимъ образомъ, манчжуръ, обитающій въ городѣ, не потерпитъ, чтобы его принимали за китайца, какъ и китаецъ не любитъ, чтобы его считали манчжуромъ.

ГЛАВА II.

ДАУРЫ.

1. Историческая справка.

Въ отдаленныя времена по среднему Амуру обитали родственные манчжурамъ чжуръ-чжи или нюй-чжи (см. стр. 2), которымъ Шренкъ приписываетъ мѣстныя «чудскія копи». Когда ихъ разгромили монголы, сюда переселились дауры.

Изъ русскихъ о даурахъ впервые упоминаетъ Поярковъ, который доносилъ, что первыя поселенія ихъ встрѣчаются у устья р. Умлекана (лѣвый притокъ Зеи между Уромъ и Дэпомъ), а выше, до Брянде (пр. прит. Зеи) и въ долинѣ Ура, попадались только бродячіе оленные тунгусы. За Умлеканомъ даурскіе поселки тянулись до устья р. Зеи и затѣмъ вверхъ по Амуру, по Аргуни и Шилкѣ, и въ другую сторону, внизъ по Амуру, почти до устья Буреи, гдѣ дауровъ смѣняли дючэры. Ради торговыхъ цѣлей дауры поднимались вверхъ по Селимджѣ до праваго ея притока Инкана, куда въ извѣстные періоды стекались оленные тунгусы, чтобы сбыть имъ добытые ими мѣха и запастись манчжурско-китайскими товарами. Но уже во время Миддендорфа (40 годы истекшаго стол.) эти поѣздки дауровъ на указанное сборище почти прекратились, какъ уменьшилось и число бирарскихъ купцовъ, прибывавшихъ въ эти же мѣста ради обмѣна товаровъ. Въ донесеніяхъ казаковъ сохранились и названія бывшихъ по названнымъ выше рѣкамъ инородческихъ поселковъ, называемыхъ то городками, то улусами, такъ какъ дауры, дючэры и другіе осѣдлые народцы побережья Амура жили, частью въ особыхъ крѣпостцахъ, окруженныхъ земляными валами и деревянными стѣнами, частью въ селеніяхъ.

Судя по большому числу городковъ, упоминаемыхъ въ

донесеніяхъ казаковъ, нѣкоторые изъ которыхъ имѣли значительное населеніе (въ 500—1000 д.), какъ напр. Гогударовъ городокъ, можно заключить, что лѣтъ 200 тому назадъ берега Аргуни, Шилки, Амура и нижней Зеи были сравнительно довольно густо заселены. Но крупнаго владѣнія въ этой мѣстности все-же не было, такъ какъ каждый городокъ или группа городковъ съ прилегающей мѣстностью представляли самостоятельное цѣлое и имѣли своего независимаго князька, а иногда и нѣсколькихъ. Во время набѣговъ казаковъ на эти даурскіе городки жители ихъ частью были истреблены, частью разбрелись, а большая часть переселена манчжурами, ихъ покровителями, въ Манчжурію, на берега р. Нонни, гдѣ они проживаютъ и по настоящее время, занимая небольшую, но густо заселенную, полосу земли, длиною въ 35 в., между городомъ Цицикаромъ и сел. Мохоло — въ 1863 г. здѣсь было ок. 200 даурскихъ деревень. Кромѣ того они обитаютъ въ перемѣшку съ китайцами и монголами и по притокамъ р. Нонни — Ялу и Гуюлю, а также по р. Сунгари, образуя всюду самостоятельныя деревни и стараясь не смѣшиваться со своими сосѣдями—солонами и монголами.

Послѣ Нерчинскаго договора долина верхняго Амура надолго опустѣла, но за Зеей поселенія стали возобновляться уже съ конца XVII вѣка. При вторичномъ занятіи русскими края въ 1858 г. онъ, какъ мы знаемъ, на протяженіи 80 вер., начиная съ 5 в. выше Зеи и до дер. Хормольдинъ былъ уже густо заселенъ осѣдлыми китайцами, манчжурами и даурами.

2. Географическое распространеніе и численность.

По среднему Амуру дауры въ это время проживали, по Шренку, на участкѣ между землями манегровъ и бираровъ, именно, по лѣвому его берегу—отъ Зеи до д. Хормольдинъ (вкл.) или, судя по его картѣ, до д. Кадаганъ (распол. на прав. берегу Амура). Кромѣ нихъ въ этой полосѣ жили и манчжуры и китайцы, часто въ однихъ съ ними селеніяхъ, но въ общемъ дауры занимали болѣе восточную ея часть, а манчжуры болѣе западную. Крайнимъ восточнымъ селеніемъ дауровъ въ этой мѣстности была дер. Хормольдинъ, а самыя западныя лежали, по его предположенію, немного внизъ отъ Айгуна. Въ этомъ районѣ, по лѣвому берегу Амура, находились крупныя даурскія селенія: Дунгчеба (нынѣ Данчифа) и Бератохсо (=Бира-Токсо), изъ коихъ послѣднее Шренкъ считалъ самымъ западнымъ чисто даурскимъ по-

селеніемъ. Къ сѣверу ихъ межа въ это время пролегала приблизительно по притоку Зеи Будиндѣ, а на югѣ ихъ сплошныя поселенія захватывали бассейнъ верхняго и нижняго теченія р. Кумары. Не указывая ихъ численности, Шренкъ полагалъ, что въ его время всѣ три указанныхъ выше народности были распредѣлены въ этой культурной полосѣ приблизительно въ одинаковой пропорціи.

Мѣстная перепись Буссе 1870 г. опредѣлила здѣсь число дауровъ въ 1960 душъ, что составляло всего 18% наличнаго осѣдлаго населенія означенной полосы.

Перепись 1897 г. обнаружила, что число лицъ, показавшихъ роднымъ языкомъ даурскій, сократилось къ указанному году до ничтожнаго числа 446 душъ об. п. (255 м.) или до 5,9%, которые составляли главную часть населенія слѣдующихъ деревень: Норъ-Токсо (28 м. и 15 ж. дауръ), Данчифа (43 м. и 28 ж.), Бордо (60 м. и 49 ж.), Сепча (37 м. и 32 ж.) Встрѣчались они также въ селеніяхъ Алинъ-Токсо (28 м. и 23 ж.), Хони-Хорха Нижній (11 м. и 12 ж.) и въ нѣкоторыхъ другихъ (см. I приложеніе).

Въ настоящее время селенія съ чистымъ или преобладающимъ даурскимъ населеніемъ нигдѣ по лѣвому берегу не образуютъ сплошной полосы, а разбросаны между деревнями чисто манчжурскими, китайскими и носящими смѣшанный характеръ, но все же большинство ихъ (Манга, Сепча, Норъ-Токсо, Данчифа) расположено въ средней части этой полосы земли, приблизительно между р. Айгунъ на западѣ и р. Бирганъ на востокѣ, впадающими слѣва въ Амуръ. Слѣдуетъ замѣтить, что Шренкъ считалъ самымъ западнымъ даурскимъ селеніемъ Бира-Токсо, но въ 1897 г. оно уже было населено главнымъ образомъ китайцами и лишь въ меньшей степени манчжурами и даурами, причемъ самымъ западнымъ ихъ селеніемъ оказалось Манга, расположенное выше г. Айгуна, т. е. нѣсколько верстъ далѣе къ западу противъ прежняго.

Также и сѣверная ихъ граница измѣнилась съ тѣхъ поръ. Въ 1897 г. они встрѣчались лишь въ узкой прибрежной полосѣ по Амуру, между тѣмъ какъ болѣе сѣверная часть ихъ прежней области входитъ въ составъ Гильчинской и Ивановской волостей.

Значительная абсолютная и относительная убыль дауровъ въ указанной мѣстности со времени 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія объясняется вѣроятно главнымъ образомъ ассимиля-

ціоннымъ процессомъ, который протекаетъ весьма интенсивно всюду, гдѣ китайцы являются преобладающей или господствующей частью населенія. Въ настоящее время мѣстные манчжуры и дауры почти слились съ китайцами, число которыхъ поэтому постоянно возрастаетъ за счетъ другихъ народностей края. Также и потомство отъ перекрестныхъ браковъ оказывается чисто китайскимъ. Перепись, которая имѣетъ дѣло съ объективными признаками (сословіе, религія, языкъ и т. д.), не имѣетъ возможности учесть этихъ окитаившихся манчжуровъ и дауровъ и показываетъ ихъ китайцами.

Впрочемъ отчасти значительно болѣе высокія числа дауровъ за предшествующіе годы зависятъ и отъ того, что численность отдѣльныхъ племенъ опредѣлялась иногда (напр. въ 1884 г.) лишь приблизительно (см. стр. 11).

О дальнѣйшей судьбѣ дауровъ Амурской области см. стр. 4.

3. **Языкъ.** На родномъ языкѣ въ 1897 г. говорило въ Амурской области лишь 446 д. (255 м.) дауровъ, но и они почти всѣ знаютъ еще китайскій и манчжурскій языки. Многіе дауры, живущіе среди преобладающаго числа своихъ сосѣдей, утратили свой языкъ, заимствовавъ ихъ рѣчь. Въ виду этого ихъ не могла опредѣлить перепись, которая ихъ зачислила въ число китайцевъ и отчасти манчжуровъ.

4. **Сословіе**—китайскіе подданные изъ военнаго и сельскаго сословія (см. стр. 16).

5. **Религія.**—Всѣ дауры, жившіе въ 1897 г. по лѣвому берегу Амура, оказались, по даннымъ переписи, какъ и мѣстные осѣдлые манчжуры, *язычниками*.

6. **Занятія**: дауры были издревле земледѣльческимъ народомъ и опытными торговцами — такими ихъ застали въ XVII ст. казаки на берегахъ Амура, таковыми они остались и по настоящее время. Впрочемъ, въ торговлѣ они давно уступили первенство китайцамъ. Въ Китаѣ они занимаются хлѣбопашествомъ, огородничествомъ и скотоводствомъ. Живущіе близъ Кумары имѣютъ побочный заработокъ отъ охоты и рыбной ловли.

Въ отличіе отъ своихъ сосѣдей—китайцевъ и манчжуровъ они отличаются высокимъ ростомъ и обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Лица ихъ то носятъ тунгусскій характеръ, то напоминаютъ монголовъ. Глаза ихъ, какъ и у послѣднихъ, имѣютъ косое направленіе внизъ; борода у нихъ рѣдкая и жидкая.

ГЛАВА III.

СОЛОНЫ.

Это племя почти не встрѣчается въ Сибири, въ виду чего и не требуетъ детальнаго разсмотрѣнія. Такимъ образомъ, во время переписи 1897 г. во всей странѣ было обнаружено всего 15 д. (6 м.) представителей его, проживавшихъ въ двухъ пунктахъ по р. Имѣ или Иману, правому притоку р. Уссури (Уссурійскій округъ Приморской области). Эти поселенія суть: Чито-гоуза, находящаяся въ 30 вер. отъ устья названной рѣки, въ которой проживало 19 душъ, въ томъ числѣ одна семья солоновъ въ 3 д. (1 м.); второе поселеніе Нью-ю-оза расположено въ 55 вер. отъ устья р. Имы. Въ немъ въ 1897 было 32 жителей, изъ коихъ 12 д. (6 м.) солоновъ, остальные орочи и гольды. Эти мѣстные солоны, по даннымъ переписи, говорятъ на родномъ языкѣ и по полк. Надарову, который еще въ 1883 г. засталъ ихъ на р. Имѣ, въ остальномъ ничѣмъ не отличаются отъ мѣстныхъ гольдовъ.

Настоящая родина этого народа лежитъ далеко отсюда, въ сѣверной Манчжуріи. Тамъ они, по Шренку, обитаютъ по берегамъ р. Нонни и ея лѣвыхъ притоковъ. Къ востоку отъ нихъ живутъ манчжуро-китайцы, къ западу—дауры.

Особенно они многочисленны по правому берегу названной рѣки, тотчасъ вверхъ отъ гор. Цицикара. Сверхъ того они въ предѣлахъ Китая встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстахъ: по правому берегу Амура, гдѣ они образуютъ частью смѣшанныя съ манчжурами селенія, частью самостоятельныя и, наконецъ, въ сѣверо-восточномъ углу Монгольскаго плоскогорія—въ Хайларскомъ округѣ по рр. Оршуну, Хуй-голу, Эмину и Хайлару [1]), а также въ районѣ озеръ Далай-норъ и Буиръ-норъ, гдѣ они кочуютъ частью въ перемѣшку съ монголами [2]).

Прежде, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, они были

---

[1]) Позднѣевъ: „Описаніе Манчжуріи“, 232–233.

[2]) Баторскій „Монголія“ (въ „Сборн. геогр., топогр. и стат. мат. по Азіи“, вып. XLVIII, стр. 11).

многочисленны и въ долинѣ р. Или, въ Джунгаріи, куда ихъ переселили изъ Манчжуріи. Тунгусскія племена этой мѣстности состояли, по Радлову, изъ племенъ: *шибэ* манчжурскаго корня, говорившихъ по манчжурски, и изъ солоновъ, которые распадались на племена: *дахоръ* (т. е. дауры) и *онгкоръ*. Первые, какъ и вообще дауры, говорили на монгольскомъ нарѣчіи, сильно перемѣшанномъ съ тунгусскими словами, вторые—на нарѣчіи близкомъ къ манегрскому и сильно отличающимся отъ другихъ тунгусскихъ языковъ долины р. Или [1]). Онгкорцы распадались на четыре рода: *орочонъ*, *якусъ*, *дагоръ* и *онгкоръ* [2]). Первые изъ нихъ безъ сомнѣнія суть потомки переселившихся за Амуръ оленныхъ тунгусовъ или орочоновъ (см. I, стр. 13), а послѣдніе можетъ быть тождественны съ тунгусскимъ родомъ Удскаго округа *Анкагиръ*. Во всякомъ случаѣ онгкорское племя находится въ тѣсномъ родствѣ съ настоящими тунгусами южной Сибири, языкъ которыхъ дѣйствительно очень близокъ къ манегрскому. Происхожденіе рода Якусъ намъ не ясно, а Дагоръ вѣроятно ассимилировавшаяся съ солонами вѣтвь двуровъ.

Изъ этихъ и другихъ данныхъ видно, что, какъ дауры и манчжуры, такъ и солоны, представляютъ изъ себя собственно не опредѣленное племя, а скорѣе конгломератъ изъ обрывковъ разныхъ народностей, соединенныхъ въ одно цѣлое естественнымъ или искуственнымъ путемъ. Относительно солоновъ замѣтимъ, что иногда ихъ именемъ оффиціально именовали и представителей другихъ племенъ, напр. шибэ, если ихъ приписывали къ солонскимъ знаменамъ [3]).

Подобно своимъ сосѣдямъ—манчжурамъ и даурамъ—солоны принадлежатъ къ наиболѣе культурнымъ представителямъ тунгусскаго племени, въ физическомъ и другихъ отношеніяхъ наиболѣе измѣнившимся путемъ скрещиванія съ монголами. На родинѣ они занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, и подобно другимъ тунгусскимъ племенамъ Китая—манчжурамъ, даурамъ и манеграмъ—служатъ въ войскахъ.

---

[1]) Radlow: „Aus Sibirien“ (2 Ausg.), II, 377.

[2]) Ibid, 381.

[3]) Аналогичный случай имѣлъ мѣсто и у насъ, когда причисленныхъ въ башкирское войско тептярей, мещеряковъ, татаръ и другихъ инородцевъ иногда прямо обозначали именемъ „башкиры“ въ смыслѣ „башкиры изъ тептярей, мещеряковъ и т. д.“.

ГЛАВА IV.

ГОЛЬДЫ.

1. Названія.

Имя *Гольдъ* происходитъ, по Шренку, отъ одного изъ гиляцкихъ ихъ наименованій: *Чолдокъ*. Имя это русскіе заимствовали по всему вѣроятію не прямо отъ гиляковъ, а черезъ посредство японцевъ, которые исказили его въ *Кордеккэ*, откуда русское *Гольдъ*. Впрочемъ, этимъ именемъ русскіе ихъ стали называть лишь съ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, послѣ вторичнаго занятія ими страны. Раньше, въ XVII ст., они ихъ обозначали именемъ: *Натки*. У манчжуровъ они были извѣстны подъ названіемъ *Хэчжа (Хычжа)* или *Хэчженъ*, изъ видоизмѣненія котораго произошло названіе *Кеченгъ*, подъ которымъ однако миссіонеры-іезуиты XVII ст., какъ впрочемъ и манчжуры, подразумѣвали не только гольдовъ, но и другихъ инородцевъ низовьевъ Амура и даже Сахалина. Какъ мы увидимъ ниже, это имя (*Хэчжа*) произошло отъ гольдскаго *Ходзэ*, которымъ себя называютъ сами гольды, въ виду чего оно и оказывается болѣе подходящимъ для обозначенія даннаго племени, чѣмъ имя: *Гольдъ*.

По свидѣтельству знатока Уссурійскаго края полк. Надарова, гольды въ сношеніи съ русскими называютъ себя «гольдами съ такой то рѣки», именно, живущіе по Амуру—«Амуръ-гольда», по Уссури—«Уссура-гольда» и т. д. Между собою они себя однако по большей части именуютъ по племенамъ или группамъ, причемъ изъ этихъ послѣднихъ этому автору, а также другимъ, извѣстны три: *Киленъ*, живущіе въ Приморской области по р. Амуру, вверхъ отъ устья р. Уссури, и по Сунгари, въ Китаѣ; *Ходзы* или *Ходзены*, населяющіе берега Амура, внизъ отъ устья р. Уссури, и *Мамгу* или *Мангу*, встрѣчающіеся по берегамъ р. Уссури. Между указанными

тремя подраздѣленіями гольдовъ, по этимъ изслѣдователямъ, существуетъ небольшая разница въ нравахъ, обычаяхъ и одеждѣ и большая въ языкѣ. Наибольшее отличіе въ послѣднемъ отношеніи замѣчается, по названному автору, между Ходзенами, съ одной стороны, и Мамгу и Киленами—съ другой; иногда они даже совсѣмъ не понимаютъ другъ друга. Это различіе между отдѣльными группами гольдовъ Надаровъ объясняетъ историческими судьбами, которыя были неодинаковыми у гольдовъ, жившихъ по Амуру выше и ниже устья р. Уссури и которыя, по Шренку, могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ. Тѣ изъ нихъ, которые обитали по Уссури и по Амуру, книзу отъ Онюя (Дондона), постоянно проживали на родныхъ мѣстахъ, другіе же, жилища которыхъ находились между устьемъ Уссури и Сунгари и внизъ по Амуру до р. Онюя, должны были временно уступить свои земли другимъ племенамъ, именно дючэрамъ (и гогулямъ), которые здѣсь водворились послѣ паденія царства чжур-чжей съ династіей Гинь во главѣ. Дѣйствительно, при первомъ появленіи русскихъ на Амурѣ въ XVII в. между устьями Уссури и Сунгари не было гольдовъ, а проживали дючэры, которые скоро однако удалились вглубь Манчжуріи, на берега Нонни или Науна (см. стр. 2). Когда, по ихъ выселеніи, земли на Амурской дугѣ освободились, ихъ снова заняли гольды ближайшихъ мѣстностей нижняго Амура, низовьевъ Уссури и Сунгари. Но продолжительное вліяніе манчжуровъ, дючэровъ и гиляковъ сильно повліяло на измѣненіе ихъ нравовъ, обычаевъ и языка. Подобное продолжительное разъединеніе отдѣльныхъ частей гольдскаго племени конечно должно было имѣть послѣдствіемъ обособленіе ихъ другъ отъ друга, но это обстоятельство не имѣетъ ничего общаго съ наименованіями указанныхъ выше группъ и отдѣловъ этого народа, которыя, какъ намъ кажется, не имѣютъ подъ собою твердой почвы.

Начнемъ съ группы *Мамгу* или *Мангу*. Этимъ именемъ не только гольды, но и орочи, ольчи и негидальцы называютъ «рѣку» вообще и Амуръ въ частности [1]). Такъ, по

[1]) Въ образцахъ рѣчи инородцевъ, приложенныхъ къ переписному матеріалу, и орочи съ береговъ Онюя перевели слово „рѣка“ выраженіемъ *мамбу*, орочи Б. Михаиловской вол. (Удск. окр.)—*мангу* и Уссурійскіе гольды—*мамгу*.

По Миддендорфу негидальцы называютъ р. Амуръ—Мамгу и Шильжкирь.

свидѣтельству Шренка, инородцы низовьевъ Амура (гольды и ольчи) нерѣдко отвѣчаютъ на вопросъ: кто они такіе? первые: «бу мангу най» и вторые: «бу мангу ней», называя себя обитателями береговъ Амура. Отъ этого же имени произошло и другое русское названіе ольчей—мангуны. Такъ какъ, по Надарову, этимъ именемъ себя называютъ и Уссурійскіе гольды, а по Мааку ихъ такъ называютъ ихъ сосѣди орочи, то выраженіе Мамгу или Мангу конечно не можетъ обозначать отдѣльной группы гольдовъ, а является названіемъ общимъ всѣмъ инородцамъ тунгусскаго племени, обитающимъ въ районѣ нижняго Амура, но не характернымъ въ виду этого ни для одного изъ трехъ упомянутыхъ выше племенъ.

Ходзены, по Надарову, обитаютъ по Амуру внизъ отъ устья Уссури. Съ этимъ согласна и приписка къ образцамъ рѣчи мѣстныхъ гольдовъ, собраннымъ одновременно съ переписью и приложеннымъ къ переписнымъ матеріаламъ.

Именно, оказывается, что гольды селеній Джонгу и Дондонъ по правому берегу Амура, въ предѣлахъ Троицкой волости (Хабар. окр.), называютъ себя *Хозенай (Хозе-най)*, а жители сел. Ади Нижне-Тамбовской волости, тоже расположенной по Амуру, книзу отъ устья Уссури,—*Ходзэ* или *Наны* (послѣднимъ племенемъ называютъ себя и орочи—см. ниже). *Хызены* или *Хоцены* же обитаютъ, согласно переписному матеріалу, и по р. Уссури, именно по его притокамъ Имѣ и Ваку. Такимъ образомъ, имя *Ходзэ* или *Хызэ* примѣняется гольдами для обозначенія представителей своего племени въ обоихъ районахъ, гдѣ гольды встрѣчаются въ значительномъ числѣ, именно, по Амуру, внизъ отъ устья Уссури, и въ низовьяхъ притоковъ послѣдней рѣки. Къ этому же заключенію пришелъ и Маакъ [1]), посѣтившій этотъ край въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, только что онъ утверждаетъ, что это племя не жило по правымъ притокамъ Уссури, утвержденіе, опровергаемое впрочемъ изслѣдованіями Шренка. Такъ какъ, однако, въ противоположность именамъ: Мамгу или Мангу и Наны оно не встрѣчается, насколько о томъ можно судитапо имѣющимся у насъ матеріаламъ, у другихъ родственнымъ гольдамъ племенъ—орочей и ольчей, то это имя можно разсматривать какъ самое типичное и подходящее для обозначенія опи-

[1]) „Путешествіе по долинѣ р. Уссури“.

сываемаго племени, тѣмъ болѣе, что оно принято и у манчжуровъ и китайцевъ, которые однако придали ему болѣе широкое собирательное значеніе (см. стр. 27).

Группу *Киленовъ* мы сопоставляемъ съ родомъ гольдовъ *Килэнъ* или *Килэ*. По Надарову, Килены живутъ по Амуру, вверхъ отъ устья Уссури. Перепись же тамъ вовсе не нашла среди гольдовъ представителей рода Киленъ или Килэ, а изъ 35 орочей лишь 17 чел. носили близкое названіе—Келен-дига. Правда, эти орочи можетъ быть гольдскаго происхожденія, но число ихъ настолько ничтожно, что объ нихъ не стоитъ распространяться. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что свѣдѣнія переписи, касающіяся этой мѣстности (инородческое населеніе Вятской волости), судя по обзорамъ Амурской области, не совсѣмъ полны. Они показываютъ осѣдлое и бродячее населеніе Амура и бассейновъ рѣкъ Кура и Тунгуски, но повидимому не охватываютъ всего бродячаго населенія, живущаго между М. Хинганомъ и Амуромъ (см. I, стр. 54.).

Если же обратиться къ даннымъ переписи, касающимся другихъ мѣстностей Приморской области, то оказывается, что область рода Килэ (Килэнъ) находится по Амуру не кверху, а книзу отъ устья р. Уссури, въ предѣлахъ упомянутой выше Нижне-Тамбовской и отчасти Троицкой волости (Хабар. окр.), гдѣ встрѣчается и родъ *Ходзяръ*, а по Надарову группа гольдовъ Ходзенъ (см. стр. 29). Въ значительномъ числѣ представители рода Килэ встрѣчаются и по р. Онюю.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что подраздѣленія гольдовъ на три группы, названія ихъ и мѣста обитанія, принятыя новѣйшими бытописателями края, въ общемъ настолько шатки и настолько мало оправдываютъ цѣлесообразность подобнаго дѣленія, что отъ него лучше совсѣмъ отказаться. По даннымъ переписнаго матеріала, гольды просто распадаются на множество родовъ, которые, хотя и преобладаютъ въ какой-нибудь мѣстности, но почти всюду перемѣшаны съ другими родами. Если же однако всетаки было бы желательно подраздѣлить широко разбросанное племя гольдовъ на группы, то лучше всего было бы для этого воспользоваться указаніемъ Шренка на два главныхъ нарѣчія этого племени, граница которыхъ въ его время проходила приблизительно по Геонгскому хребту, тотчасъ къ сѣверу отъ р. Онюя (Дондона) приближающемуся къ р. Амуру. Въ настоящее время однако эти оба нарѣчія,

какъ о томъ можно судить по приложеннымъ въ концѣ труда образцамъ гольдскихъ нарѣчій изъ разныхъ мѣстностей ихъ области, большого различія не представляютъ (см. II приложеніе).

2. Географическое распространеніе и численность.

Область гольдовъ, съ востока почти на всемъ своемъ протяженіи граничащая съ областью орочей, представляетъ собою неширокую полосу, тянущуюся приблизительно съ 51° 30′ с. ш. на сѣверѣ по обоимъ берегамъ Амура и затѣмъ по обоимъ берегамъ Уссури до границы Южно-Уссурійскаго округа, въ предѣлахъ котораго гольды въ настоящее время встрѣчаются лишь спорадически. Отъ устья Уссури ихъ селенія тянутся на небольшое разстояніе и вверхъ по Амуру, но почти исключительно по его правому (китайскому) берегу, продолжаясь затѣмъ и по тому же берегу Сунгари, по Шренку, до середины пути противъ устьевъ его лѣвыхъ притоковъ: Фули-цзянъ и Тунъ, гдѣ расположена д. Индамо, послѣднее ихъ селеніе вверхъ по Сунгари. По Матюнину, за 90-ые годы истекшаго столѣтія, послѣднимъ гольдскимъ селеніемъ верхъ по Сунгари является болѣе близкая къ его устью дер. Сусу противъ устья р. Утунь со смѣшаннымъ гольдско-китайскимъ населеніемъ [1]). По Скурлатову [2]) это селеніе расположено приблизительно въ 200 вер. отъ его устья. Гольды, живущіе по лѣвому берегу Амура до устья Уссури и оттуда по обоимъ его берегамъ, а также обитающіе по правому берегу Уссури суть русскіе подданные; остальная ихъ часть, именно живущая по Сунгари, по лѣвому берегу Уссури и по правому берегу Амура, вверхъ отъ устья Уссури, находится въ предѣлахъ Китайской имперіи. Нашему разсмотрѣнію подлежитъ лишь русская ихъ часть.

Какъ и въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, гольды живутъ не только по указаннымъ выше главнымъ рѣкамъ края: Амуру и Уссури, но и по нижнему теченію ихъ многочисленныхъ притоковъ, именно, лѣвыхъ притоковъ Амура.— Тунгуски и Горина и праваго—Онюя или Дондона; далѣе по правымъ притокамъ Уссури: Хору, Бикину, Имѣ съ прит. Ваку. Среднее и верхнее теченіе этихъ рѣкъ принадлежитъ уже областямъ другихъ народовъ: по правымъ притокамъ

[1]) См. „Тр. Пріам. Отд. И. Р. Геогр. общ.“ I, стр. 3.
[2]) Скурлатовъ: „Жив. Стар.“ 99. II, 251.

Уссури и Амура живутъ въ указанныхъ предѣлахъ орочи и китайцы, по Куру—гольды въ перемѣшку съ орочами, тунгусами и китайцами, а по Горину—самагиры.

Въ распространеніи гольдовъ на востокъ и западъ съ 50-хъ годовъ произошли небольшія измѣненія въ ту и другую сторону, какъ это видно изъ сопоставленія данныхъ переписи съ таковыми по Шренку (см. дальше). Въ двухъ мѣстахъ измѣненіе границы гольдовъ однако обнаруживается довольно рѣзко,—это на востокѣ, въ предѣлахъ нижняго Амура, и на западѣ—по Уссури. Въ первомъ случаѣ гольды, занимавшіе въ 50-хъ годахъ низовья р. Хунгари (Хонгари) на протяженіи до 3—4 дневнаго пути отъ ея устья, нынѣ вовсе не встрѣчаются по этой рѣкѣ; мѣста ихъ заняли орочи, и прежде жившіе по этой рѣкѣ, но выше гольдовъ. Здѣсь, стало быть, восточная граница гольдовъ отступила на западъ, дойдя до Амура.

Во второмъ случаѣ замѣчается отклоненіе границы гольдовъ на востокъ Дѣйствительно, въ 50-хъ годахъ гольды жили на всемъ протяженіи Уссури до впаденія въ него р. Дауби-хэ, причемъ ихъ поселенія тянулись непрерывно по правому (нынѣ русскому) [1]) и лѣвому (китайскому) его берегамъ. По послѣднему они сохранились и посейчасъ, а по правому встрѣчаются нынѣ лишь у самаго его устья. На всемъ остальномъ его протяженіи они принуждены были его очистить и уступить свои земли поселившимся здѣсь казакамъ, во владѣніе которыхъ поступила вся прибрежная его полоса. Уже въ 1883 г. полк. Надаровъ, изслѣдовавшій данный край, не засталъ гольдовъ по Уссури, за исключеніемъ упомянутой мѣстности на сѣверѣ Уссурійскаго округа. По всему вѣроятію они удалились въ низовья правыхъ притоковъ Уссури—Хора, Бикина, Имы съ ея прит. Ваку, гдѣ ихъ единоплеменники жили и раньше; частью можетъ быть они перебрались на правый берегъ Уссури.

Насколько граница распространенія гольдовъ измѣнилась по этимъ рѣкамъ сказать трудно, потому что у Шренка на этотъ счетъ имѣются лишь самыя общія свѣдѣнія, такъ какъ въ 50-хъ годахъ Уссурійскій край былъ очень мало изслѣдованъ. Судя по всему, здѣсь, въ предѣлахъ распространенія

[1]) По этому берегу на картѣ Шренка отмѣчено не менѣе 12 гольдскихъ селеній, расположенныхъ между сел. Турмэ на сѣверѣ и не доходя до р. Имы на югѣ, хотя вѣроятно и этотъ списокъ не полный.

гольдовъ, съ одной стороны, и орочей съ китайцами,—съ другой значительныхъ перемѣнъ не произошло и теперь гольды занимаютъ лишь самыя низовья названныхъ рѣкъ, за исключеніемъ можетъ быть р. Ваку, гдѣ они нынѣ встрѣчаются по рѣкѣ выше, чѣмъ въ 50-хъ годахъ. Здѣсь мѣсто указать на тотъ интересный фактъ, что въ низовьяхъ р. Имы, гдѣ въ 50-хъ годахъ проживали гольды и гдѣ перепись нашла довольно значительное гольдское населеніе, они въ началѣ 80-хъ годовъ вовсе не были обнаружены, несмотря на детальное изслѣдованіе края Надаровымъ [1]). Объясненіемъ этого факта можетъ быть временное ихъ выселеніе въ другія мѣста. Въ послѣдніе же годы долина р. Имы стала опять привлекать населеніе инородческое и китайское изъ сосѣднихъ мѣстностей и даже съ морского берега (орочи). Этимъ обстоятельствомъ объясняется и значительное увеличеніе здѣсь орочскаго населенія. Вѣрнѣе, однако, подозрѣвать въ переписи Надарова пропускъ.

Бо́льшимъ измѣненіямъ со времени Шренка подверглись сѣверная и въ особенности южная граница гольдскаго племени. На сѣверѣ гольды повидимому расширили свои предѣлы, оттѣснивъ ольчей нѣсколько внизъ по Амуру. Нѣкоторыя изъ крайнихъ на югѣ селеній ольчей 50-хъ годовъ (напр. Ади) нынѣ населены сплошь или въ значительной мѣрѣ гольдами.

На югѣ, въ предѣлахъ нынѣшняго Южно-Уссурійскаго округа, ихъ область, судя по картѣ Шренка, тянулась по обоимъ берегамъ Уссури до его лѣваго притока Кубур-хэ, а оттуда восточная ея граница шла по лѣвому берегу Уссури и по нижнему теченію Дауби-хэ, сворачивая потомъ на юго-западъ, до поворота на востокъ р. Суйфуна. До моря гольды нигдѣ не доходили и раньше. Такимъ образомъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія гольды, совмѣстно съ китайцами, обитали въ названномъ округѣ лишь въ сѣверо-западномъ его углу или по лѣвому берегу Уссури и около озера Ханка. Они здѣсь встрѣчались еще въ 1878 г., какъ это можно судить по мѣстной переписи Висленева (см. ниже), но въ настоящее время ихъ вовсе нѣтъ около Ханкайскаго озера, а попадаются они спорадически среди населенія другихъ племенъ (русскихъ, китайцевъ и др.) по верхнему Уссури, Ула-хэ, Дауби-хэ и нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ, протекающимъ, частью

[1]) Онъ умалчиваетъ объ Иманскихъ гольдахъ въ двухъ мѣстахъ своей книги—см. также 3 прим. на стр. 49.

къ востоку отъ восточной межи этого племени въ 50-хъ годахъ. Здѣсь, стало быть, внѣ своей настоящей области, гольды, стѣсненные многочисленнымъ сельскимъ населеніемъ Ивановской, Цемухинской, Суйфунской и др. волостей и китайцами, принуждены были отодвинуться далѣе на сѣверъ и востокъ, въ менѣе культурныя мѣстности, съ преобладающимъ китайскимъ населеніемъ, гдѣ прежде изъ инородцевъ (не считая китайцевъ) повидимому встрѣчались лишь орочи.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному изложенію географическаго распространенія и численности гольдовъ въ отдѣльныхъ округахъ Приморской области.

Удская округа лежитъ внѣ области распространенія гольдовъ. Здѣсь они попадаются спорадически въ отдѣльныхъ селеніяхъ гиляковъ и ольчей, входящихъ въ территоріальныя границы Б. Михайловской волости, и въ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктахъ другихъ волостей; они были также переписаны въ зимовьяхъ и лѣсорубахъ этихъ мѣстъ, но исключительно по Амуру. Въ виду того, что ихъ настоящая область лежитъ довольно далеко къ югу и принимая во вниманіе постоянное смѣшеніе названій мѣстныхъ инородцевъ въ переписномъ матеріалѣ, касающемся низовьевъ Амура, нельзя быть даже вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ эти Удскіе гольды дѣйствительно настоящіе гольды (см. ниже).

Въ данномъ округѣ перепись застала гольдовъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

а) Въ инородческихъ селеніяхъ, принадлежащихъ къ *Б. Михаиловской* волости. Въ двухъ изъ этихъ селеній они составляютъ преобладающую часть населенія, именно, въ сел. Пуля въ 13 хоз.: 66 д., изъ коихъ 45 д. (24 м.) гольдовъ, 10 женщинъ «гиляцкихъ» (мангунскихъ ?) [1]), по б. ч. женъ гольдовъ, и 11 д. (10 м.) прочихъ и д. Чильба 12 хоз.: 78 д., изъ коихъ 51 д. (28 м.) гольдовъ, 7 ж. «гиляцкихъ» и 20 д. (19 м.) прочихъ. Остальные 66 д. (32 м.) разсѣяны въ 9 другихъ селеніяхъ волости: Б. Кальма, Джолмаки, Ухта, Пахта, Гери (9 д.), Хылка, 3-я Падь, Тыръ (16 д.), Тауро. Всего въ этой мѣстности въ 11 селеніяхъ проживаетъ 162 д. (84 м.) гольдовъ.

[1]) Почти всѣ ольчи въ переписномъ матеріалѣ ошибочно названы „гиляками“ (см. ниже).

б) Въ двухъ звѣроловныхъ зимовьяхъ на оз. Монголъ, принадлежащемъ къ *Маріинско-Успенской* вол., было зарегистрировано 20 гольдовъ (мужчинъ) при 30 д. наличнаго населенія.

Кромѣ, того на земляхъ, прилегающихъ къ этой же волости, проживаютъ среди «гиляковъ» (ольчей ?) 29 д. (15 м.) гольдовъ. Больше всего ихъ встрѣчается въ селеніяхъ Халанъ, гдѣ на 23 д. наличнаго населенія 14 д. (6 м.) гольдовъ, затѣмъ въ сел. Кудюмъ—5 д. (2 м.) и въ сел. Монголъ—5 д. (3 м.) гольдовъ, не считая другихъ.

в) Въ инородческомъ селеніи Мокромъ, расположенномъ на казенной землѣ, прилегающей къ *Сергіевской* вол., на 21 душъ наличнаго населенія оказалось 4 д. (2 м.) гольдовъ.

Итого въ предѣлахъ округа было зарегистрировано 217 гольдовъ, въ т. ч. 122 мужчины, что соотвѣтствуетъ отношенія половъ: на 100 м.—78 ж.

Хабаровскій округъ составляетъ центръ гольдскаго населенія области. Здѣсь они проживаютъ по обоимъ берегамъ Амура на всемъ его протяженіи, почти отъ сѣверной межи округа до южной, именно, въ мѣстностяхъ, входящихъ въ территоріальныя границы русскихъ волостей: Нижне-Тамбовской и Троицкой, деревни которыхъ разбросаны между многочисленными селеніями гольдовъ.

Сѣверная часть области гольдовъ имѣетъ смѣшанное населеніе: отъ сѣверной ея границы приблизительно до р. Хоркой по лѣвому и Мой по правому берегу Амура главная часть инородческаго населенія состоитъ изъ ольчей, среди которыхъ проживаютъ и гольды. Южнѣе расположено нѣсколько гольдскихъ селеній, а на югѣ, отъ селеній Гячи (Гятца) и Хулса (Хульсанъ), прибл. до сел. Двонгмэ (вкл.) и до хребта Хоми (см. 40 верстн. карту В.-Топ. Отд.) къ нимъ примѣшиваются самагиры, составляющіе около $^1/_3$ мѣстнаго тунгусскаго населенія. Далѣе къ югу (отъ с. Пермскаго) изъ инородцевъ господствуютъ почти одни гольды.

Нижне-Тамбовская вол. Гольды встрѣчаются по *лѣвому* берегу Амура въ 37 изъ 41 инородческихъ селеній этой мѣстности («экспедиція [1]) по лѣв. берегу Амура»). Наиболѣе круп-

[1]) Такъ гольдское населеніе этого района отмѣчено въ переписномъ матеріалѣ.

пыми гольдскими селеніями [1]) или стойбищами здѣсь являются: Халбо—42 гольдовъ, не считая постороннихъ, Писсой—38 гольдовъ, Дзёмги (Джонгъ-Минъ)—34 гол., Поодали (26 гол.), Онмой I (34 гол.), Ангасалэнъ (28 гол.), Догэринъ (40 гол.), Офа (46 гол.), Нэргэнъ (60 гол.), Утьку (40 гол.), Надьки (27 гол.), Тыркэль (бывш. Хулусэнъ — 29 гол.) и Лимпанъ (46 гол.). Перечисленныя селенія расположены частью прямо на луговомъ, лѣвомъ, берегу Амура, частью на многочисленныхъ протокахъ, впадающихъ въ него близъ этого берега: Поодали, Омми, Шарга, Нэргэнъ, Надьки, Хаунси и др., частью на островахъ, образуемыхъ этими протоками и Амуромъ.

Сверхъ того, своими размѣрами отличаются и нѣкоторыя селенія, расположенныя у озера Болонь (Болангъ), лежащаго недалеко отъ лѣваго берега Амура, нѣсколько ниже устья Дондона: Жапэ (47 гол.), Хутунъ (48 гол.), Гогда-Мунгали (25 гол.), Пуди (31 гол.), Хэвэчэнъ (34 гол.), Нэргуль (34 гол.) и Болонь (116 гол.).

Всего же около (лѣваго) берега оз. Болонь и на берегахъ впадающей въ него рѣчки Харми (Седземи? Шренка) расположено не менѣе 12 гольдскихъ селеній въ 417 д. (224 м.), составляющихъ около 40% всего населенія этого района.

Объ этомъ районѣ у насъ имѣются данныя и за прежніе годы. Такимъ образомъ, Шренку въ 50-хъ годахъ называли имена девяти слѣдующихъ селеній по р. Седземи, впадающей въ оз. Болангъ, начиная отъ ея устья: Джуангъ, Сэфарсупе (= Сэпорюна переписи), Хыральцу (= Хэрэльгу), Пудьимода (=Пуди), Богдаму (=Гогда Мунгали?), Хуту (=Хутунъ), Самому (=Самоомо), Эбаре, Джафья (=Жапэ). Такимъ образомъ, несмотря на промежутокъ времени въ 40 лѣтъ со времени путешествія названнаго ученаго, 7 деревень изъ 9 сохранили по настоящее время свои прежнія наименованія.

Въ итогѣ гольды составляютъ главную часть нерусскихъ жителей лѣваго берега Амура въ предѣлахъ этой волости. На наличное его населеніе въ 222 хоз.: 1178 д. об. п. (619 м.) здѣсь

---

[1]) Названія другихъ селеній и число жителей въ нихъ приведены въ особомъ трудѣ того же автора, посвященномъ цифровымъ даннымъ касательно племеннаго состава населенія Сибири.

оказалось 1055 д. (547 м.) гольдовъ или 89,6%, прочихъ лишь 123 д. (72 м.) или 10,4%. Изъ нихъ ольчей—47 д. (27 м.) въ селеніяхъ болѣе сѣверной окрайны волости, расположенныхъ на землѣ ольчей; остальные 76 д. —самагиры (48 д.), тунгусы и китайцы, живущіе по большей части разбросанно среди гольдовъ.

Въ 37 селеніяхъ этого района, гдѣ проживаютъ гольды, числится 209 хозяйствъ и 1109 д. об. п. (1055 гол.), что показываетъ, что среднее гольдское селеніе здѣсь состоитъ изъ 29,9 д. об. п., а среднее хозяйство изъ 5,3 д.

По *правому* берегу Амура въ той же южной части Нижне-Тамбовской волости («экспедиція по правому берегу Амура») числится 31 селеніе инородцевъ, въ которыхъ было зарегистрировано 154 хозяйства и 988 д. об. п. (527 м.).

Большая часть этихъ селеній расположена по пагорному берегу Амура, обыкновенно у устьевъ рѣчекъ, часто одноименныхъ съ ними; нѣкоторыя лежатъ около протокъ Амура (Челочпской, Шарги, Хоми, Хунгари). Наиболѣе значительными населенными пунктами здѣсь оказываются: Нэргэнъ I—38 гольдовъ, Чёльчи (102 гол.), Мынгэ (36 гол.), Хунгари (54 ч.), Боочанъ (44 г.), Дифу (41 г.), Хоми (36 г.), Экэнъ (24 г.), Халбу (65 г.), Онида (24 г.), Адп (86 г.), Больба (25 г.), Ангань (32 г.). Сверхъ того 3 д. (2 м.) гольдовъ проживаютъ въ русскихъ селеніяхъ.

Изъ указанныхъ выше 31 селенія гольды встрѣчаются въ 25, наличное населеніе которыхъ равно 878 д. об. п. (137 хоз.)—35,1 д. на селеніе и 6,4 д. на хозяйство. Такимъ образомъ, здѣсь, на правомъ берегу, не только сами селенія большихъ размѣровъ, но и хозяйства крупнѣе. Общее число гольдовъ въ этихъ селеніяхъ простирается до 715 д. (367 м.), которые составляютъ 72,4% всего инородческаго населенія указаннаго района. Изъ постороннихъ жителей здѣсь встрѣчаются тунгусы, образующіе 3 самостоятеныхъ кочевья, самагиры—2 и ольчи—1. Кромѣ того эти же инородцы, какъ и орочи и китайцы, проживаютъ и въ гольдскихъ селеніяхъ. Ихъ всего 273 д. (150 м.) или 27,6%.

Во *всей* же данной волости имѣется 72 инородческихъ селенія по Амуру и вблизи его, состоящихъ изъ 37,6 хозяйствъ съ населеніемъ въ 2166 д. об. п. изъ коихъ 1770 д.

(914 м.) гольдовъ [1]) или 81,7%. Послѣдніе проживаютъ лишь въ 62 селеніяхъ въ 346 хоз. и 1987 д. об. п., такъ что на среднее селеніе приходится 32,1 д. и на среднее хозяйство 5,7 д. об. п.

Если принять въ соображеніе и расположенныя здѣсь русскія селенія данной волости (Софійское, В. и Н. Тамбовскія, Тамбовское, Пермское, Малмыжское, Вознесенское, Орловское, Литвинову, Жеребцову и друг.), а такъ же другіе населенные пункты, какъ напр. почтовыя станціи, расположенныя въ предѣлахъ волости [1]), то наличное ея населеніе будетъ 3644 д., изъ коихъ 1773 (916 м.) или 48,7% гольдовъ, 399 д. или 10,9% другихъ тунгусовъ (ольчей, самагировъ, тунгусовъ, орочей) и 1413 или 38,8% русскихъ.

Исключивъ русскія селенія, которыя на племенной картѣ легко выдѣлить (но не почтовыя станціи и другіе населенные пункты, которые нерѣдко совпадаютъ съ инородческими селеніями или находятся очень близко отъ нихъ), мы получимъ, что населеніе этой волости будетъ состоять изъ 2290 д. (1182 м.), изъ коихъ 2173 д. или 95,1% тунгусовъ разныхъ племенъ; въ томъ числѣ 1770 д. (916 м.) или 77,3% гольдовъ.

При составленіи племенной карты выгоднѣе разбить Нижне-Тамбовскую волость по племенному составу ея инородческаго населенія на три группы (см. выше): на сѣверную, гдѣ гольды проживаютъ совмѣстно съ ольчами и тунгусами, на среднюю, гдѣ къ гольдамъ примѣшиваются самагиры, и на южную чисто гольдскую.

Сѣверная часть волости—отъ сѣверной ея межи на югъ до сел. Сидахи и Дырень (вкл.). Населеніе мѣстности состоитъ изъ гольдовъ, ольчей (см. стр. 35) и тунгусовъ (послѣдніе въ стб. Каргѣ, Балахой, по рч. Люмури, Какчеми и др.) и кромѣ того изъ русскихъ (с. Софійское, д. Жеребцова и др.).

Всего въ этомъ районѣ 650 жителей, изъ коихъ 308 д. (192 м.) или 47,4% русскихъ и 317 д. (178 м.) или 48,8% тунгусовъ, изъ коихъ 104 д. (58 м.) или 16,0% оль-

---

[1]) Здѣсь не приняты въ разсчетъ два ольчскія селенія этой волости: Пули и Пяда по р. Ай, впадающей съ южной стороны въ оз. Кидзи, съ населеніемъ 65 д. (32 м.), а также бассейнъ р. Хунгари, пр. притока Амура. Обѣ эти мѣстности образуютъ самостоятельные районы, населенные лишь тунгусскими племенами.

чей, 127 д. (71 м.) или 19,6% гольдовъ и 86 д. (49 м.) или 13,2% тунгусовъ. Остальные 3,8% — китайцы, корейцы и прочіе.

Если выдѣлить русскія селенія (но не почтовыя станціи), то тунгусскія племена составятъ 91,7% наличнаго населенія района (гольды—36,7%, ольчи—30,1% и тунгусы—24,9%).

Средняя часть названной волости начинается нѣсколькими чисто гольдскими селеніями, но отъ сел. Гятца на сѣверѣ прибл. до сел. Дзёмги (вкл.) по лѣвому берегу и отъ сел. Холса (Хулсанъ) на сѣверѣ до сел. Гауня-Уйсэ (?) на югѣ по правому берегу Амура населеніе состоитъ кромѣ русскихъ и гольдовъ еще изъ самагировъ, которые частью имѣютъ собственныя селенія, частью проживаютъ въ однихъ селеніяхъ съ гольдами.

Изъ наличнаго населенія этого района въ 669 д.—244 д. или 36,4% русскихъ и 378 д. (200 м.) или 56,5% тунгусскихъ племенъ, изъ коихъ 249 д. (132 м.) или 37,3% гольдовъ, 122 д. (64 м.) или 18,2% самагировъ и 7 д. (4 м.) или 1,0% собств. тунгусовъ; остальные—китайцы, корейцы и прочіе. Такимъ образомъ, самагиры составляютъ здѣсь около $^1/_5$ всего или около $^1/_3$ тунгусскаго населенія района. Если не принять въ разсчетъ русскихъ жителей здѣшнихъ поселеній (но оставить почтовыя станціи), то его наличное населеніе будетъ 389 д., изъ коихъ 378 д. или 97,3% инородцевъ тунгусскаго племени; въ томъ числѣ гольды составляютъ 64,0% или около $^2/_3$, самагиры—31,3% или до $^1/_3$ и тунгусы 2,0%.

Южная часть волости, расположенная къ югу отъ предъидущей, состоитъ лишь изъ гольдовъ (ок. 60,0%) и русскихъ; другихъ тунгусовъ здѣсь всего 3,7%.

б) Въ *Троицкой* волости гольды живутъ по обоимъ берегамъ Амура и по р. Онюю. Вся эта волость цѣликомъ входитъ въ составъ области гольдовъ.

По *лѣвому* берегу Амура имѣется 19 гольдскихъ селеній или стойбищъ, въ которыхъ числится 83 хозяйства и и 493 д. об. п. (254 м.), не считая 3 китайцевъ.

Наиболѣе крупныя изъ этихъ стойбищъ: Саянъ—7 х. въ 86 д. (42 м.), Гордоми—14 хоз. въ 76 д. (41 м.), Нижняя Мари—7 х. въ 30 д. (15 м.), Верхняя Мари—5 х. въ 27 д. (12 м.), Холэнди—7 х. въ 37 д. (18 м.). На одно гольдское селеніе въ этой мѣстности приходится 26,1 д. об.

п. и на хозяйство 6,0 д. Среди гольдскихъ селеній разбросано нѣсколько русскихъ деревень и почтовыхъ станцій, которыхъ однако на этомъ берегу мало.

По *правому* берегу Амура въ предѣлахъ данной волости, но внѣ русскихъ селеній, проживаетъ 1117 гольдовъ, изъ коихъ 596 м. и 521 ж. Они образуютъ 37 селеній или стойбищъ, въ которыхъ было застигнуто еще 13 д. (11 м.) постороннихъ жителей—китайцевъ. Изъ этихъ селеній болѣе значительны: Ченчики (на островѣ въ протокѣ)—11 хоз.: въ 56 д. (32 м.): Петропавловское 13 х.: въ 78 д. (41 м.) гольдовъ (и 1 китаецъ), Джанку—6 х.: въ 41 д. (21 м.), Галбунъ—8 х.: 42 д. (20 м.) гольда (и 3 китайца), Муху—5 х.: 39 д. (23 м.), Мангомода—3 х.: 39 д. (17 м.), Екка—3 х.: 33 д. (14 м.), Дыэрга—9 х.: 94 д. (58 м.), Дондонъ—20 х.: 145 д. (68 м.) гольдовъ (и 3 китайца), Халанъ—8 х.: 85 д. (51 м.), Ерга 3 х.: 32 д. (17 м.), сел. Гауня 5 х.: 32 д. (17 м.). Наличное инородческое населеніе упомянутыхъ поселеній состоитъ изъ 159 хозяйствъ въ 1130 д. (607 м.). На среднее селеніе (стойбище) въ этой мѣстности приходится 30,5 д. и на среднее хозяйство 7,1 д. И въ предѣлахъ этой волости, стало быть, низменный, изрѣзанный ручьями и протоками, берегъ, часто заливаемый во время поднятія воды въ рѣкѣ, не благопріятствуетъ, ни образованію крупныхъ селеній, ни большихъ хозяйствъ, между тѣмъ какъ на правомъ, нагорномъ, берегу представляется больше условій для образованія большихъ группъ населенія и русскія деревни на этомъ берегу чаще. Сверхъ того въ русскихъ деревняхъ этого берега проживаетъ 32 д. (31 м.) гольдовъ, въ т. ч. въ с. Троицкомъ 26 м.

По *обоимъ* берегамъ Амура въ предѣлахъ Троицкой волости числилось въ 1897 г. 56 инородческихъ селеній, въ которыхъ было 242 хозяйства и 1626 д. (864 м.) жителей, изъ коихъ лишь 16 (14 м.) постороннихъ (китайцевъ), остальные—гольды въ числѣ 1610 д. (850 м.). На среднее селеніе здѣсь приходится 4,3 хозяйствъ и 29,0 д. об. п., а на среднее хозяйство—6,7 д. Отношеніе половъ—на 100 мужчинъ: 89 женщинъ.

Гольды, такимъ образомъ, составляютъ почти все населеніе инородческихъ селеній, принадлежащихъ къ экспедиціямъ лѣваго и праваго береговъ Амура въ предѣлахъ Троицкой волости. Если же принять въ разсчетъ и населеніе располо-

женныхъ между гольдскими селеніями русскихъ (и одной корейской) деревень и другихъ населенныхъ пунктовъ, не принадлежащихъ къ названной волости, хотя и лежащихъ въ ея территоріальныхъ предѣлахъ, общая численность жителей которыхъ простирается до 2597 д. об. п. (1842 м.), то наличное населеніе, живущее по Амуру, въ предѣлахъ Троицкой волости, возрастетъ до 4223 д. об. п., которыя такимъ образомъ распредѣляются между главными народностями края: гольдовъ, считая 32 ч. въ русскихъ селеніяхъ, 1642 д. или 38,9%, русскихъ 1852 д. или 43,8%, корейцевъ 345 д. или 8,2% и прочихъ 9,1%. Что касается до распредѣленія этихъ племенныхъ группъ по территоріи, то оказывается, что въ 6 болѣе крупныхъ русскихъ деревняхъ и въ 6 другихъ значительныхъ населенныхъ пунктахъ, расположенныхъ въ предѣлахъ этой волости [1]), сгруппировано 2175 д. (не считая 26 м. гольдовъ съ с. Троицкомъ). Въ другихъ не гольдскихъ населенныхъ пунктахъ сосредоточено лишь 422 д., а съ 16 д. посторонних въ гольдскихъ селеніяхъ—438 д. не гольдскаго населенія, что составляетъ лишь 21,4% всего населенія волости, за выключеніемъ упомянутыхъ 12 значительныхъ населенныхъ мѣстъ. Если, поэтому, выдѣлить на картѣ эти 12 наиболѣе крупныхъ поселеній, то въ остальной части населенія волости гольды составятъ до 80% (собств. 78,6%)—см. II племенную карту.

в) Къ той же Троицкой волости принадлежатъ и инородческія селенія, расположенныя въ бассейнѣ р. *Онюя* (*Дондона*, *Най-хэ*). Нижнее теченіе этой рѣки занято гольдскими стойбищами, которыхъ здѣсь всего 5: Найхинъ—31 хоз. въ 168 д. (80 м.) гольдовъ (и 2 хоз.:8 д. постороннихъ), Сусу—5 хоз.: 43 д. (18 м.), Дондока—14 хоз.: 139 д. (69 м.), Торгонъ: 22 хоз. въ 163 д. (89 м.). Затѣмъ слѣдуютъ 8 орочскихъ стойбищъ, между которыми (?) лежитъ пятое гольдское стойб. Сара—въ 1 х.: 10 д. (3 м.). Всего въ 5 стойбищахъ гольдовъ числится 73 хоз. и 523 душъ (259 м.). На одно стойбище здѣсь приходится 14,6 хозяйствъ и 104,6 душъ, а на среднее хозяйство 7,2 д. Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ низовой части Онюя гольды составляютъ почти все населеніе мѣстности.

[1]) С. Вятское, с. Троицкое, д. Сарапульская, д. Малышевская, Воронежская, Покровская, Владиміровка; ус., арендуемая Комарскимъ, врем. зимов. 12 в. отъ Хабаровска, влад. усадьба „Затонъ Блаженный“ (254 д.), д. Николо-Александровка, ок. Уссури (411 д., въ т. ч. 146 д. мордвы), корейская дер. Осиповка.

Въ 50-хъ годахъ въ этой мѣстности тоже жили гольды, причемъ Шренкъ слышалъ лишь о двухъ гольдскихъ деревняхъ: Яуки и Дуляля, имена которыхъ не похожи на нынѣшнія наименованія селеній этого племени по названной рѣкѣ.

г) Въ предѣлахъ *Вятской* волости [1]), въ мѣстности, занимающей самую западную часть Хабаровскаго округа и самую восточную смежной Амурской области (бассейнъ р. Тунгуски), въ 1897 г. было зарегистрировано 253 (129 м.) гольда въ 15 селеніяхъ; самыя крупныя изъ нихъ: Датанъ (Дати) на устьѣ р. Тунгуски—46 д., изъ коихъ 43 д. (23 м.) гольда, Тауди (Таудзи), на протокѣ названной рѣки, 25 д., изъ коихъ 22 д. (10 м.) гольда, сел. Тамне 32 д. (30 гольдовъ), сел. Дзарме, по лѣв. берегу Тунгуски, 34 д., изъ коихъ 33 гольда, сел. Улька, на пр. берегу Тунгуски,—25 д. (10 м.) гольдовъ, сел. Дальди, по р. Куръ, 38 д., изъ коихъ 30 д. (15 м.) гольдовъ. Остальныя селенія гольдовъ: Цалбанги, Гёмгиса, Хотуръ, Калтунги, Дзаде тоже расположены по большей части по Тунгускѣ и ея притокамъ; живутъ они и въ ур. Тэкинъ (6 д.) по р. Урмѣ. Въ остальныхъ трехъ населенныхъ пунктахъ гольды составляютъ лишь примѣсь къ китайцамъ и орочамъ.

Въ описываемомъ районѣ—бассейнъ р. Тунгуски—гольды занимаютъ самую южную часть, главнымъ образомъ по самой Тунгускѣ, отъ сліянія Уньмы съ Куромъ [2]) до Амура, отчасти и по его берегу вверхъ отъ устья Уссури.

Къ сѣверу живутъ тунгусы, число которыхъ простирается въ предѣлахъ этой волости до 132 д. Орочей среди гольдовъ было зарегистрировано 35 д. или всего представителей тунгусскихъ племенъ 420 д. изъ 481 д. наличнаго населенія или 87,3% (остальные—китайцы).

Гольды же по отношенію къ наличному населенію мѣстности составляютъ 52,6%. На среднее хозяйство, судя по селеніямъ, гдѣ они составляютъ все или почти все населеніе, у нихъ приходится 5,4 д. Отношеніе половъ у гольдовъ этой мѣстности: на 100 м.—96 ж.

д) Въ бассейнѣ *Горина*, лѣваго притока Амура, гольды проживаютъ лишь въ его низовой части. Здѣсь они обра-

---

[1]) По другимъ источникамъ эта мѣстность тоже принадлежитъ къ Троицкой вол.

[2]) У сліянія этихъ рѣкъ Бацевичъ (l. c.) нашелъ два гольдскихъ селенія, названія которыхъ онъ не даетъ.

зуютъ два селенія: Бичи у его устья 6 хоз.: 56 д. (25 м.) и немного выше, въ нижнемъ его теченіи, вѣроятно между самагирскими селеніями Наага и Кондонъ, сел. Хуинда въ 8 хоз.: 45 д. (24 м.). Объ измѣненіи здѣсь прежней гольдской границы—см. ниже. Жители этихъ двухъ селеній 101 д. (49 м.) составляютъ все гольдское населеніе по названной рѣкѣ. На одно хозяйство здѣсь приходится 7,2 д. об. п.

По р. *Хунгари*, пр. притоку Амура, гдѣ въ 50-хъ годахъ Шренкъ засталъ гольдское населеніе, сгруппированное въ трехъ селеніяхъ: Хероле, Гоармо и Хаджалъ (всего 5 юртъ), перепись въ 1897 г. это племя не обнаружила. Въ то время послѣднее гольдское селеніе вверхъ по рѣкѣ (Хаджалъ) отстоялоотъ ея устья на 3—4 дня лѣтняго и 1 день зимняго пути и лишь отсюда начиналась область орочей (кэкаровъ). Нынѣ же послѣдніе придвинулись ближе къ Амуру, такъ что гольдами здѣсь населена лишь дер. Хунгари, расположенная у устья названной рѣки и существовавшая еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

* * *

Подводя итоги гольдскому населенію всего Хабаровскаго округа, мы получимъ нижеслѣдующую таблицу (см. стр. 44).

Внѣгородское гольдское населеніе округа состоитъ изъ 4292 душъ об. п., изъ коихъ 2234 мужчинъ. Изъ этого числа 79,5% проживаетъ по Амуру, 12,2% по Онюю и 8,3% по Горину, Тунгускѣ и т. д. По отношенію ко всему наличному внѣгородскому населенію округа гольды составляютъ 34,8%, а если принять въ соображеніе лишь берега Амура, исключивъ низовыя части его притоковъ, образующія самостоятельные, чисто гольдскіе, районы, то процентное отношеніе гольдовъ не будетъ превышать 33,2%.

Размѣры хозяйствъ колеблятся у гольдовъ Хабаровскаго округа между 5,3 и 7,2 причемъ (за исключеніемъ области р. Горина) болѣе мелкія хозяйства свойственны лѣвому берегу Амура, а болѣе крупныя правому. На 100 м. у нихъ приходится 92 ж. Лишь по рр. Онюю и Горину число женщинъ у нихъ превышаетъ число мужчинъ.

Сверхъ того въ г. Хабаровскѣ проживаетъ 28 д. (13 м.) гольдовъ. Съ ними гольдское населеніе округа достигаетъ числа 4320 д. (2247 м.).

ТАБЛИЦА III.

Названія волостей и районовъ Хабаровскаго округа.	Наличное населеніе въ 1897 г. м. п.	ж. п.	об. п.	Число душъ въ хоз.	% женщ. на 100 мужч.
1. Районъ Нижне-Тамбовской волости: а) лѣвый берегъ Амура . . .	547	508	1.055	5,3	93
„ „ „ „ „ б) правый „ „ . . .	367	348	715	6,4	95
2. „ Троицкой „ „ а) лѣвый „ „ . . .	254	239	493	6,0	94
„ „ „ „ б) правый „ „ . . .	596	521	1.117	7,1	88
„ „ „ „ в) низовья р. Онюя	259	264	523	7,2	102
3. „ Вятской „	129	124	253	5,4	96
4. Низовья р. Горина	49	52	101	7,2	106
5. Въ русскихъ селеніяхъ по Амуру	33	2	35	—	—
6. Гор. Хабаровскъ	13	15	28	—	—
Итого . . .	**2.247**	**2.073**	**4.320**	**6,4**	**92**

Уссурійскій округъ. Въ предѣлахъ даннаго округа гольды проживаютъ почти исключительно по нижнему теченію правыхъ притоковъ Уссури—Хора, Бикина, Имы и впадающаго въ нее Ваку. Выше по теченію этихъ рѣкъ живутъ орочи. Китайцы, составляющіе значительную часть населенія ихъ бассейновъ, встрѣчаются, какъ среди орочей, такъ и среди гольдовъ, хотя они и сгруппированы по большей части въ нѣсколькихъ районахъ, какъ будетъ показано ниже. По Амуру (Казакевичская протока) и по Уссури гольды въ настоящее время встрѣчаются лишь въ самомъ сѣверо-западномъ углу округа, отъ его сѣверной границы приблизительно до устья р. Кіи, но въ этомъ районѣ обитаетъ столь значительное русское и отчасти китайское (и корейское) населеніе, живущее въ деревняхъ и въ 1897 г. во временныхъ баракахъ, по линіи желѣзной дороги, что гольды составляютъ лишь самый ничтожный его процентъ. Въ другихъ мѣстахъ по Уссури перепись ихъ не застала, а между тѣмъ около 40 л. тому назадъ они вмѣстѣ съ китайцами были единственными обитателями его береговъ.

а) по *Уссури* и въ самыхъ низовьяхъ р. *Хора* гольды въ 1897 г. были переписаны въ слѣдующихъ пунктахъ: въ стойбищѣ на островѣ р. Хоръ: 27 д. (13 м.), кр. т. 1 китаецъ; въ Невельскомъ стб., гдѣ на 138 д. было 79 д. (41 м.) гольдовъ, остальные—китайцы; въ стойбищѣ гольдовъ около станицы Казакевичской: 15 д. (5 м.) гольдовъ и въ станѣ у моста черезъ р. Хоръ на 289 д. об. п.—26 д. (12 м.) гольдовъ, остальные—русскіе, китайцы и корейцы.

Всего въ этой мѣстности Казакевичскаго станичнаго округа проживало 151 д. (74 м.) гольдовъ, что при наличномъ населеніи ея прибл. въ 2000 д. об. п. составляетъ всего до 7,5%. Выше желѣзно-дорожнаго моста черезъ р. Хоръ гольды переписаны не были, хотя лѣтомъ, во время рыбнаго лова, они и поднимаются по данной рѣкѣ, а также другимъ притокамъ Уссури.

По даннымъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ Приморской области за 1896 г.» гольды этой мѣстности группируются тоже въ три стойбища: Невельское (27 д.), Казакевичское (21 д.) и Корсаковское (43 д.). Послѣднее не имѣетъ соотвѣтствующаго въ переписномъ матеріалѣ. Но, такъ какъ общее число гольдовъ, по даннымъ переписи, не только не меньше, но больше, чѣмъ по названному источнику, то это несоотвѣтствіе

вѣроятно объясняется другимъ распредѣленіемъ гольдскаго населенія по территоріи края, вызваннымъ усиленными работами по проведенію желѣзной дороги и сопряженнымъ съ ними скопленіемъ большаго количества рабочаго люда. Въ началѣ 80-хъ годовъ по Надарову здѣсь тоже было три гольдскихъ селенія: Дзоадзя (на берегу Уссури, 4 в. ниже по с. Невельскаго)—это селеніе можетъ быть тождественно со стойбищемъ Невельскимъ; сел. Турмэ (на правомъ бер. Уссури, 5 в. ниже стан. Казакевичской), по мѣсту нахожденія напоминающее стб. Казакевичское, и Ангаси—на островѣ въ Казакевичской протокѣ, противъ с. Корсаковскаго (=Корсаковскому стойбищу «Списковъ нас. мѣстъ 1896 г.?»). Судя по 40 вер. картѣ В.-Топ. Отд., означенный островъ находится во владѣніи Китая, въ виду чего перепись не коснулась его населенія и въ томъ числѣ и жителей сел. Ангаси, расположеннаго на немъ, хотя можетъ быть эти гольды и русскіе подданные.

Остальная часть гольдскаго населенія округа принадлежитъ Козловскому станичному округу.

б) По р. *Бикину* гольды проживаютъ въ 6 пунктахъ преимущественно его нижняго теченія. Мѣста ихъ кочевій переписью неопредѣлены подробно, указаны лишь рѣчки, на которыхъ находились стойбища. Такимъ образомъ, въ двухъ мѣстахъ по Бикину и его правому притоку Алчану зарегистрировано 8 д. (4 м.) гольдовъ на 64 д. наличнаго населенія этихъ мѣстъ или 12,5%. Слѣдующія стойбища находились на его другихъ притокахъ: М. Шиланѣ—1 хоз.: въ 10 д. (7 м.) гольдовъ и по Б. Шилану—2 хоз.: въ 18 д., изъ коихъ 16 д. (10 м.) гольдовъ. Слѣдующее гольдское стойбище расположено уже среди орочей, именно въ $4^1/_2$ в. выше уроч. Кукчингэ. Здѣсь проживало 1 хоз. гольдовъ въ 8 д. (6 м.), а кругомъ (въ самомъ Кукчингэ и на $1^1/_2$ и 7 вер. вверхъ по Бикину), какъ и внизъ до р. Шиланъ, жили орочи. Послѣднее гольдское селеніе расположено 15 вер. ниже перевала черезъ р. Алчанъ. Здѣсь живетъ, вѣроятно временно, всего 4 м. гольда (1 хоз.). Итакъ, въ нижней части теченія р. Бикина до Б. Шилана включительно и въ нижнемъ теченіи Алчана проживало всего 92 д. наличнаго населенія, изъ коихъ 50 д. или 54,3% китайцевъ, 34 д. или 37,0% гольдовъ и 8 д. или 8,7% прочихъ. Среднее и верхнее теченіе Бикина принадлежитъ орочамъ и китайцамъ, численность которыхъ здѣсь приблизительно одина-

ковая (см. ниже). Число же гольдовъ въ этихъ районахъ, какъ мы видѣли, ничтожно. Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что, какъ ни мало гольдовъ по р. Алчану, но орочей по нему вовсе не было зарегистрировано.

Всего въ бассейнѣ р. Бикина въ 1897 г. было переписано 46 душъ (31 м.) гольдовъ, что составляетъ всего 15,4% наличнаго его населенія (298 д.). Интересно отмѣтить малое число женщинъ среди мѣстныхъ гольдовъ (на 100 м.—48 женщинъ), что вѣроятно слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что часть мужчинъ происходитъ изъ другихъ мѣстъ и проживаетъ здѣсь лишь временно.

в) Въ долинѣ рѣки *Имы* или *Имана* область гольдовъ кончается приблизительно на полпути разстоянія между урочищами Лобелю, на 42 вер. отъ устья Имы, и Ня-ю-оза—на 55-й вер. Лобелю еще чисто гольдское селеніе: въ немъ 42 д. (22 м.) гольдовъ и 1 китаецъ, а въ послѣднемъ преобладаютъ уже орочи, гольдовъ же тамъ всего 3 д. (2 м.). Но и въ указанной низовой части Имы число гольдовъ ничтожно: кромѣ ур. Лобелю они тамъ проживаютъ еще въ двухъ урочищахъ: Чу-ту-гоуза, на 30 в. отъ устья Имы, на 11 д.—6 д. (4 м.) гольдовъ и въ ур. Эръ-ин-баръ, въ 20 вер. отъ устья Имы,—7 д., изъ коихъ 6 д. (2 м.) гольдовъ. Всего, значитъ, въ области гольдовъ по Имѣ имѣется три населенныхъ пункта съ населеніемъ 54 д. об. п. (28 м.) гольдовъ и 14 д. (12 м.) постороннихъ; первые во всемъ этомъ районѣ составляютъ, такимъ образомъ, 79,4% всего населенія. Посторонніе живутъ частью въ тѣхъ же мѣстахъ, что и гольды, частью (преимущественно корейцы) образуютъ 2 самостоятельныхъ поселенія.

Внѣ описаннаго района, въ области орочей, гольдовъ мало, всего 35 д. об. п. (18 м.) на наличное населеніе ея въ 584 душъ, что составляетъ всего 6,0%. Встрѣчаются они, начиная снизу рѣки, въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ ур. Ня-ю-оза—3 д. (2 м.) гольда, въ ур. Сян-шуй-хэза, на 197½ вер. отъ устья р. Имы, 24 д. (13 м.) гольдовъ на наличное населеніе въ 54 д. (36 м.), состоящее кромѣ того изъ орочей и китайцевъ, и въ ур. Сидатунъ, на 283 ½ в., гдѣ на 19 д. числится 6 д. (3 м.) гольдовъ. Сверхъ того, въ двухъ промежуточныхъ населенныхъ пунктахъ проживаетъ по 1 гольдской женщинѣ.

Во всемъ бассейнѣ р. Имы въ 1897 г. проживало 89 д. (46 м.) гольдовъ, которые составляли 52,4% населенія пунктовъ, гдѣ они жили, и лишь 14% всѣхъ жителей бассейна р. Имы.

г) По р. *Ваку* гольды тоже занимаютъ низовую часть его бассейна, гдѣ, несмотря на свою малочисленность, они составляютъ почти все его населеніе. Живутъ они въ трехъ пунктахъ: Томо-коуза, на берегу р. Ваку (въ 72½ вер. отъ ея устья); здѣсь ихъ на 24 д. жителей—21 д. (13 м.). Второй населенный пунктъ лежитъ на берегу его лѣв. истока Туда-Ваку (на 141 в. отъ устья р. Ваку)—23 д. (13 м.) гольдовъ и третье на его пр. истокѣ Санда-Ваку (108½ в. отъ у. р. Ваку)—10 д. (5 м.) гольдовъ и 1 китаецъ. Сверхъ того въ трехъ селеніяхъ по Санда-Ваку проживало по одной гольдской женщинѣ, вышедшихъ замужъ за орочей и китайцевъ. Всего въ бассейнѣ р. Ваку было переписано 57 д. (31 м.) гольдовъ, которые въ низовьяхъ Ваку и по нижнему теченію его истоковъ (по Туда-Ваку прибл. до 146 в. и по Санда-Ваку до 113 в. отъ устья р. Ваку) составляли почти все (93,1%) населеніе мѣстности.

Противъ 50-хъ годовъ гольды здѣсь повидимому подвинулись на востокъ, оттѣснивъ орочей, первое поселеніе которыхъ въ тѣ времена было расположено ближе къ Уссури, на 65 вер. отъ мѣста впаденія р. Ваку въ Иму.

Подводя итоги гольдскому населенію округа, мы получимъ слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА IV.

Названія районовъ. Уссурійскаго окр.	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душ. въ хоз.	% женщ. на 100 мужч.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. По нижнему Уссури и по нижн. Хору . .	74	77	151	7,0	104
2. По нижн. Бикину .	31	15	46	8,0	48
3. „ „ Имѣ . . .	46	43	89	6,4	93
4. „ „ Ваку . . .	31	26	57	9,7	84
Итого . . .	**182**	**161**	**343**	**7,4**	**89**

Итакъ, все гольдское населеніе округа равнялось въ 1897 г. 343 д. об. п., изъ коихъ было 182 м., что соотвѣтствуетъ отношенію половъ—на 100 мужчинъ: 88,5 женщинъ.

Опредѣлить здѣсь величину населенныхъ пунктовъ и хозяйствъ труднѣе, потому что въ значительной части ихъ проживаютъ и безсемейные китайцы и др., которые вліяютъ на ихъ размѣры. Сдѣлавъ однако подсчетъ хозяйствамъ и жителямъ лишь тѣхъ урочищъ, гдѣ гольды рѣшительно преобладаютъ надъ прочими жителями, мы получимъ, что въ Уссурійскомъ округѣ среднее гольдское поселеніе состоитъ изъ 15,8 душъ об. п. и изъ 1,9 хозяйствъ, а среднее хозяйство изъ 7,4 душъ.

По данному округу у насъ имѣются свѣдѣнія касательно численности гольдскаго населенія и за предшествующіе годы. Такъ, полковникъ Надаровъ опредѣляетъ численность гольдовъ Сѣверо-Уссурійскаго края (= Уссурійскому округу) въ началѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія въ 254 д. (112 м.), изъ коихъ было 183 взрослыхъ и 71 дѣтей [1]). Число это, тоже основанное на поголовной (мѣстной) переписи [2]) и потому имѣющее значительную степень достовѣрности, на 89 д. (70 м.) меньше противъ числа, полученнаго всеобщею переписью 1897 г. Объяснить это огромное увеличеніе гольдскаго населенія округа—за 13 лѣтъ на 35,0%—можно, съ одной стороны, лучшей ихъ регистраціей въ 1897 г. и, съ другой, притокомъ гольдовъ со времени 1883 г. изъ другихъ мѣстностей, можетъ быть отчасти изъ смежныхъ областей Китая, но не естественнымъ приростомъ. Вѣрнѣе, однако, что онъ не включилъ въ это число гольдовъ съ р. Имы [3]).

Болѣе или менѣе значительную иммиграцію изъ другихъ округовъ области уже потому нельзя здѣсь предполагать, что огромное большинство Уссурійскихъ гольдовъ—язычники, а всѣ Южно-Уссурійскіе—буддисты и почти всѣ Хабаровскіе—

---

[1]) Въ указанное число (254 д.) нами включены 16 гольдячекъ, женъ китайцевъ, и исключены 4 д. солоновъ (Сборн. географ., топогр. и стат. мат. по Азіи", вып. XXVII, стр. 72—73).

[2]) „Зап. И. Р. Геогр. О." т. XVII, № 1. 87.

[3]) Перечисляя рѣчные бассейны, гдѣ проживаютъ гольды, онъ почему-то умалчиваетъ о рѣкѣ Имѣ (l. c., стр. 58), гдѣ они жили еще въ 50-хъ годахъ. Несомнѣнно, однако, что гольды въ то время проживали по Имѣ (—и онъ самъ, говоря о солонской семьѣ на Иманѣ, замѣчаетъ, что по образу жизни она ничѣмъ не отличается отъ гольдовъ).

православные. Иммиграція изъ этихъ округовъ измѣнила бы религіозный составъ гольдскаго населенія Уссурійскаго округа.

Раньше, даже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, гольдское населеніе края было значительно болѣе многочисленно. Такъ, Надаровъ сообщаетъ, что «до оспенной эпидеміи, свирѣпствовавшей на Уссури въ 1877 и 1881 годахъ, число гольдовъ Сѣверно-Уссурійскаго края было втрое и вчетверо больше, напр. по Бикину жило ихъ много, а въ 1883 г. сохранилось только 4 семьи или 24 д. (l. c., стр. 25)».

Въ Южно-Уссурійскомъ округѣ въ настоящее время мало гольдовъ и встрѣчаются они, какъ и орочи даннаго округа, спорадически, по рѣкамъ Ула-хэ и нѣкоторымъ ея притокамъ и по Дауби-хэ, впадающей въ названную рѣку. По р. *Дауби-хэ* они были зарегистрированы въ слѣдующихъ пунктахъ: въ ур. Лазарево, гдѣ на 36 д. населенія оказалось 14 д. (7 м.) гольдовъ, въ ур. Анучино на 1213 душъ—20 д. (10 м.) гольдовъ; среди китайцевъ, живущихъ въ 9 вер. отъ ур. Анучино, на 25 д.—3 д. (2 м.) гольдовъ и въ 13 вер. отъ того же мѣста на 51 д.—9 д. (6 м.) гольдовъ; кромѣ того на одномъ изъ притоковъ Дауби-хэ имѣется гольдская фанза въ 4 д. (3 м.), не считая 1 китайца.

Итого, въ бассейнѣ р. Дауби-хэ зимой 1897 г. проживало 50 д. (28 м.) гольдовъ, которые составляли всего 3,8% жителей населенныхъ мѣстъ, гдѣ они жили, и самый ничтожный процентъ наличнаго населенія мѣстности, состоящаго изъ русскихъ, китайцевъ, корейцевъ и другихъ.

По *Ула-хэ* гольды были переписаны въ д. Санда-гоу (нѣсколько сѣвернѣе 44° с. ш.), гдѣ на 153 души населенія, главнымъ образомъ китайцевъ, было обнаружено 24 д. (18 м.) гольдовъ; затѣмъ они были отмѣчены въ двухъ пунктахъ по названной рѣкѣ безъ подробнаго обозначенія мѣстности: въ одномъ изъ нихъ (по правому берегу) на 53 души оказалось 17 д. (10 м.) гольдовъ и въ другомъ на 29 д.—8 д. (7 м.) гольдовъ. Кромѣ того они проживали въ числѣ 27 д. (16 м.) на 87 душъ населенія по р. Ното, вѣроятно вблизи расположенной около ея устья дер. Ното-гоуза.

Изъ другихъ мѣстъ бассейна этой рѣки одинъ гольдъ зарегистрированъ по р. Фудину, притоку Ула-хэ, въ мѣстности, гдѣ сгруппировано 67 душъ (китайцевъ).

Итакъ, въ бассейнѣ р. Ула-хэ въ 1897 г. было перепи-

сано 77 душъ гольдовъ, (изъ коихъ 52 мужчинъ), которые составляли 24,0% населенія пунктовъ, гдѣ они жили. Но кромѣ этихъ поселеній въ данной мѣстности имѣется масса другихъ, преимущественно китайскихъ, гдѣ ихъ вовсе не оказалось, такъ что по отношенію ко всему населенію бассейна р. Ула-хэ число гольдовъ очень мало.

Внѣ этихъ двухъ районовъ гольды въ данномъ округѣ были обнаружены лишь въ числѣ 3 м. въ посту Св. Ольги на берегу Японскаго моря и 4 м. д. въ районѣ Ханкайской волости.

Итого, гольдовъ въ Южно-Уссурійскомъ округѣ было:

ТАБЛИЦА V.

Названія районовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.			% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.	
1. Въ бассейнѣ р. Дауби-хэ . . .	28	22	50	79
2. „ „ „ Ула-хэ	52	25	77	48
3. „ другихъ мѣстахъ	7	—	7	—
Итого	**87**	**47**	**134**	54

Число 134 д. слѣдуетъ признать минимальнымъ, потому что въ него не вошло гольдское населеніе, живущее среди китайцевъ по р.р. Сыда-гоу, Чатама-гу, Туда-гоу, Тан-ю-гоу. Все населеніе этихъ урочищъ въ числѣ 11 фанзъ оказалось временно отсутствующимъ и свѣдѣній о немъ нельзя было получить во время производства переписи. Если принять, что въ этихъ фанзахъ живетъ столько же душъ, сколько и въ другихъ жилищахъ того же XVII переписного участка, то число отсутствующихъ должно равняться 81 душѣ и гольдовъ по тому же разсчету среди него должно быть 11 д. (орочей 5 д.).

Отношеніе половъ у гольдовъ даннаго округа весьма неблагопріятно, именно, на 100 мужчинъ у нихъ приходится всего 54 женщины. Изъ обоихъ рѣчныхъ бассейновъ, гдѣ живутъ гольды, оно выгоднѣе по р. Дауби-хэ (100 м. : 79 ж.), между тѣмъ какъ по р. Ула-хэ на 100 мужчинъ оказывается не

болѣе 48 женщинъ (въ остальныхъ мѣстахъ ихъ вовсе нѣтъ). Этотъ слабый процентъ женщинъ весьма неблагопріятно отзывается на естественномъ приростѣ мѣстнаго гольдскаго населенія, которое постепенно умепьшается въ числѣ, какъ это видно изъ сопоставленія данныхъ переписи съ таковыми мѣстной переписи Висленева въ 1878 г. Правда, это должностное лицо не дѣлало различія между гольдами и орочами Южно-Уссурійскаго округа, называя тѣхъ и другихъ именемъ «тазы». Но убыль гольдскаго населенія подтверждается, какъ убылью всего инородческаго населенія округа (орочскаго и гольдскаго) вообще, такъ и въ частности тазскаго населенія западныхъ полицейскихъ округовъ, гдѣ гольды жили еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія и отчасти сохранились тамъ теперь. Такимъ образомъ, въ Суйфунскомъ и Сучанскомъ полицейскихъ округахъ, гдѣ въ 1878 г. было зарегистрировано 643 д. тазовъ, ихъ въ 1897 г. вовсе не оказалось, а въ Ханкайскомъ пол. окр., главномъ мѣстожительствѣ гольдовъ Южно-Уссурійскаго округа, гдѣ въ 1878 г. ихъ было 227 д., по переписи оказалось всего 131 г. (84 м.) гольдовъ (и ни одного орочи), проживающихъ въ бассейнахъ Ула-хэ и Дауби-хэ, въ предѣлахъ нынѣшняго Верхне-Уссурійскаго полицейскаго участка. Такимъ образомъ, убыль гольдовъ, какъ и орочей, въ Южно-Уссурійскомъ округѣ, за послѣднія десятилѣтія, огромна. Отчасти эта убыль объясняется недостатками переписи, при которой гольдскія жены китайцевъ, окончательно окитаившіяся, часто были отнесены къ китайцамъ, отчасти выселеніями гольдовъ изъ болѣе населенныхъ мѣстъ въ менѣе населенныя, въ данномъ случаѣ на сѣверъ округа и въ смежный Уссурійскій окр.—одна изъ причинъ большей убыли инородцевъ на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ,—а можетъ быть даже за предѣлы округа, въ смежныя области Китая. Иммиграція гольдовъ—буддистовъ въ Уссурійскій округъ однако совсѣмъ ничтожна, потому что въ данномъ округѣ гольды-буддисты встрѣчаются лишь на сѣверѣ, главнымъ образомъ по р. Бикину, т. е. въ мѣстности, наиболѣе удаленной отъ Южно-Уссурійскаго округа. Чтобы водвориться тамъ, они должны были бы пересѣчь весь округъ и удобныя для поселенія бассейны рр. Имы и Ваку, долины которыхъ нынѣ привлекаютъ къ себѣ инородческое населеніе извнѣ, благодаря своему богатству рыбой и звѣремъ. Подобное переселеніе поэтому мало вѣроятно, не говоря уже

о томъ, что и цифровыя данныя не говорятъ въ пользу такого предпріятія. Но, даже принявъ въ соображеніе всѣ эти факты, все же инородческое, и въ частности гольдское, населеніе Южно-Уссурійскаго округа показываетъ прямо отрицательный естественный приростъ, причемъ къ общимъ причинамъ вымиранія инородческихъ племенъ и поглощенія ихъ болѣе многочисленными и культурными сосѣдями, здѣсь присоединяется еще новый факторъ—сильный недостатокъ въ женщинахъ, особенно рѣзко выраженный въ бассейнѣ р. Ула-хэ (см. выше). Тамъ было зарегистрировано всего 25 гольдскихъ женщинъ, число, которое недостаточно для того, чтобы большая часть мужчинъ этого племени могла образовать семьи. Но пропорція женщинъ окажется прямо ничтожной, если принять во вниманіе, что огромное китайское населеніе края состоитъ почти лишь изъ мужчинъ, которые себѣ вербуютъ женъ у мѣстныхъ корейцевъ и инородцевъ (гольдовъ и орочей), причемъ дѣти, родившіяся отъ подобныхъ перекрестныхъ браковъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже ничѣмъ не отличаются отъ китайцевъ. Это явленіе усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что процентъ гольдовъ ко всему населенію мѣстности здѣсь прямо ничтоженъ, въ особенности въ болѣе южной полосѣ Верхне-Уссурійскаго полиц. участка (южнѣе ихъ совсѣмъ нѣтъ).

* * *

Численность всего гольдскаго населенія Приморской области, распредѣленная по отдѣльнымъ ея округамъ, представляется въ видѣ слѣдующей таблицы:

ТАБЛИЦА VI.

Названія округъ и округовъ.	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душъ въ хоз.	% женщинъ на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Удская	122	95	217	5,8	78
2. Хабаровскій	2.247	2.073	4.320	6,4	92
3. Уссурійскій	182	161	343	7,4	89
4. Южно Уссурійскій . .	87	47	134	—	54
Итого . . .	**2.638**	**2.376**	**5.014**	**6,5**	**90**

Итакъ, въ данной области въ 1897 г. числилось 5014 гольдовъ, изъ коихъ 2.638 мужчинъ, что соотвѣтствуетъ отношенію половъ—на 100 м.: 90 женщинъ. Наиболѣе крупныя ихъ стойбища встрѣчаются по р. Онюю (среднее—104,6 д.), наименьшія—въ Уссурійскомъ округѣ (15,8 д.), среднія (29,1—51,0 д.) по Амуру, въ предѣлахъ Хабаровскаго округа, и по Горину. Средній размѣръ гольдскаго хозяйства равенъ 6,5 душамъ; наиболѣе крупныя замѣчаются въ Уссурійскомъ округѣ—7,4 д. (по рр. Горину и Онюю—7,2 д.), а наименьшія въ Нижне-Тамбовской вол. по лѣвому берегу Амура (5,3 д.). Въ Удской округѣ, въ двухъ наиболѣе крупныхъ гольдскихъ селеніяхъ, среднее хозяйство равно 5,8 д. Свѣдѣнія по Южно-Уссурійскому округу, гдѣ гольдовъ мало и гдѣ они часто образуютъ смѣшанныя семьи, мы не сообщаемъ, такъ какъ эти данныя не представляютъ интереса.

Кромѣ Приморской области гольды въ Сибири встрѣчаются еще въ смежной съ нею Амурской.

Часть этой области, именно бассейны рр. Тунгуски и Кура, въ административномъ отношеніи отнесена къ Хабаровскому округу Приморской области и образуетъ самостоятельную Вятскую волость (см. I, стр. 48). Въ ней и въ смежныхъ мѣстахъ въ 1897 г. проживало 253 д. (129 м.) гольдовъ, которые вошли въ подсчетъ гольдскаго населенія означеннаго округа Приморской области. Но сверхъ того въ Амурской области было записано въ Новомъ поселкѣ Михаило-Семеновскаго станичнаго округа 2 м. гольда. Больше гольдовъ, по даннымъ переписи, въ этой области не оказывается. По другимъ же источникамъ въ самой западной ея части имѣется еще довольно многочисленное бродячее гольдское населеніе, о которомъ въ одномъ оффиціальномъ документѣ [1]) имѣются намеки, что оно не попало въ перепись. Мѣста ихъ кочевій во обзорѣ области за 1887 г. опредѣляются такъ: «восточный склонъ (Малаго) Хингана, близъ Амура».

Что касается до численности этой части гольдовъ, то обзоры области за разные годы не согласны между собою. Въ

[1]) Перепись инородческаго населенія горныхъ округовъ Амурской области, составленная по просьбѣ Ц. С. Комитета въ 1901 — 190[illegible] гг. (рукопись).

среднемъ она опредѣляется въ 300 — 500 душъ, причемъ обзоръ 1887 г. даетъ цифру: 100 семействъ т. е. 500 — 600 душъ, а обзоръ 1901 г.—308 д. Если принять эту послѣднюю цифру и предположить, что здѣсь не имѣются въ виду гольды Вятской волости, то общая численность гольдскаго населенія Сибири опредѣлится цифрой въ 5.300 душъ.

По переписи гольдовъ, проживающихъ въ Китайской имперіи по Амуру и Сунгари въ 1888 г., ихъ оказалось 283 домовъ и 792 д. годныхъ работниковъ, отъ 18 до 50 л., и остальныхъ 1233 д., итого 2025 д. Здѣсь не сосчитаны гольды, живущіе по лѣвому берегу Уссури и въ первомъ селеніи по Амуру—Кунгэ (послѣдніе считаются принадлежащими къ Уссурійскимъ гольдамъ) [1]). Общая численность всѣхъ кочевыхъ и осѣдлыхъ гольдовъ Китайской имперіи врядъ ли превышаетъ 8—10.000 д., хотя Матюнинъ полагаетъ, что ихъ число простирается до 25.000 д., что по всему вѣроятію сильно преувеличено.

Вмѣстѣ съ русскими подданными общая численность гольдскаго племени будетъ до 15.000 д. об. п.

3. Роды.

Роды гольдовъ приведены въ переписномъ матеріалѣ собственно лишь въ Хабаровскомъ округѣ, главномъ средоточіи представителей этого племени. По Удской окр. и по Южно-Уссурійскому округу, гдѣ они разбросаны небольшими группами среди другихъ народностей, съ которыми они въ значительной степени ассимилировались, подобныхъ свѣдѣній не имѣется: возможно, что мѣстные гольды забыли тамъ дѣленіе на роды. Въ Уссурійскомъ округѣ гольды, живущіе по Имѣ и Ваку, снабжены помѣткой: *Хызенъ* (*Хоценъ*, *Ходзенъ*), безъ указанія, однако, что это есть названіе рода. Объ этомъ имени мы говорили раньше, сообщая мнѣніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ изслѣдователей о дѣленіи гольдовъ Сибири на три группы, изъ коихъ одна, называемая Ходзами или Ходзенами проживаетъ по Амуру, внизъ отъ устья р. Уссури. Мѣстности, въ которыхъ перепись 1897 г. и изслѣдователи края показываютъ

[1]) Позднѣевъ: „Описаніе Манчжуріи“, 232.

мѣстопребываніе Ходзеновъ, какъ видно, совершенно различныя. Но это не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ мы предполагаемъ, что это имя не есть одинъ какой-нибудь родъ гольдовъ, а лишь названіе цѣлаго племени (или по крайней мѣрѣ большей его части), данное манчжурами, какъ гольдамъ, такъ и ольчамъ и другимъ Пріамурскимъ инородцамъ (см. стр. 29).

Называются ли теперь этимъ именемъ и другія части гольдовъ изъ данныхъ переписи не усматривается, въ Уссурійскомъ же округѣ оно показано у 139 д. (72 м.), именно, у 55 д. (31 м.) по р. Ваку и у 84 д. (41 м.) по р. Имѣ.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію гольдскихъ родовъ.

Въ Хабаровскомъ округѣ наиболѣе важными родами оказываются: Бэльдай (Бэльды), Килэ (Килэны), Ходзяръ, Гэйкеръ (Гыйкеръ), Джаксоръ, Оджалъ (Одзялъ), Онинка (Оника), Пуссаръ (Пусхаръ), далѣе Гаэлъ (Гаилъ), Допка (Дунканъ), Тумоли (Тумэли). Меньшее значеніе имѣютъ роды: Діэръ (Дигэръ), Неергу, Сойгоръ (Соргоръ), Удынка, Юкаминка и нѣкоторые другіе. Кромѣ того у 110 д. (60 м.) не показаны роды. Изъ нихъ 13 д. (4 м.) проживаютъ въ Нижне-Тамбовской волости (по лѣв. берегу Амура)—они по большей части входятъ въ составъ мѣстныхъ семей китайцевъ; 31 м. были записаны въ русскихъ селеніяхъ Троицкой волости, главнымъ образомъ (26 д.) въ с. Троицкомъ, 28 д. (13 м.) въ городѣ Хабаровскѣ, 25 д. (10 м.) образуютъ стб. Улька въ Вятской вол. и т. д.

Для удобства обозрѣнія географическаго распространенія отдѣльныхъ родовъ мы въ приведенной ниже таблицѣ показали, какъ они распредѣляются по отдѣльнымъ рѣчнымъ бассейнамъ и по районамъ, причемъ за районы были приняты, какъ бассейны небольшихъ рѣкъ (Тунгуска и Куръ, Онюй, Горинъ), такъ и части праваго и лѣваго побережья Амура, входящія въ составъ Нижне-Тамбовской и Троицкой волостей.

Какъ видно изъ этой таблицы, большая часть гольдскихъ родовъ встрѣчается въ нѣсколькихъ районахъ, причемъ мѣстность на самомъ западѣ округа (бассейны рр. Тунгуски и Кура) по преобладающимъ тамъ родамъ стоитъ до извѣстной степени особнякомъ среди другихъ его районовъ. Наибольшимъ географическимъ распространеніемъ среди гольдскихъ родовъ пользуются роды: Бэльдай, встрѣчающійся въ 6 районахъ (изъ

ТАБЛИЦА VII.

Названія родовъ гольдовъ Хабаров. окр.	Нижне-Тамбовская волость.				Троицкая волость.						Вятская волость.		Бассейнъ р. Горина.		Итого.	
	Лѣв. бер. Амура.		Прав. бер. Амура.		р. Онюй.		Лѣв. бер. Амура.		Прав. бер. Амура.							
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Ахтанка	—	—	—	—	—	—	4	4	29	26	—	—	—	—	33	30
Бэльдай (Бэльды)	39	32	23	25	70	56	92	93	247	206	25	21	—	—	496	433
Гакэнъ	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Гаэлъ	90	80	12	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102	86
Гэйкеръ (Гыйкэръ)	7	8	68	63	9	9	—	—	48	26	—	—	—	—	132	106
Джаксоръ (Дяхсоръ)	10	13	89	84	18	22	1	2	8	11	—	—	3	2	129	134
Діэръ (Дигэръ)	7	7	16	16	—	—	—	—	—	—	—	—	39	44	62	67
Донка (Дунканъ)	—	—	—	—	—	—	21	19	6	6	41	35	—	—	68	60
Килэ (Килэнъ)	150	122	56	49	72	68	2	2	28	32	—	—	—	—	308	273
Луэръ	—	—	3	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	5
Мофа	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	4	—	—	6	4
Нее(гу	—	—	—	—	47	62	—	—	—	—	—	—	—	—	47	62
Нуеръ	—	—	—	—	6	7	—	—	—	—	—	—	—	—	6	7
Оджалъ (Одзялъ)	47	41	—	—	4	10	32	25	43	31	2	—	—	—	128	107
Онинка (Оника)	16	19	23	25	3	3	10	11	76	62	—	—	—	—	128	120
Перминкэнъ	—	—	—	—	—	—	—	—	29	27	—	—	—	—	29	27
Пусаръ (Пусхаръ)	—	—	3	1	24	22	56	44	46	51	—	—	—	—	129	118
Сойгоръ (Соргоръ)	5	6	9	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	19
Тумоли (Тумэли)	44	41	26	25	—	—	—	—	4	8	—	—	7	6	81	80
Тырменка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
Удынка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24	22	—	—	24	22
Холзяръ	132	138	34	27	6	5	23	25	32	34	—	—	—	—	227	229
Юкаминка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	19	—	—	20	19
Юкамсы	—	—	—	—	—	—	13	14	—	—	—	—	—	—	13	14
Итого	547	507	363	340	259	264	254	239	596	520	119	101	49	52	2187	2023

7), Килэ, Онинка, Ходзяръ—въ 5; Пусаръ, Гэйкэръ, Оджалъ—въ 4-хъ и т. д. Лишь одному району принадлежатъ роды: Юкаминка и Юкамсы, если они не являются разными наименованіями одного и того же рода, Удынка, Пермикэнъ и Неергу (и Нуэръ).

О разселеніи и численности отдѣльныхъ родовъ гольдовъ Хабаровскаго округа можно сообщить слѣдующее:

Родъ *Бэльдай* (*Бэльды*) численностью въ 929 д. (496 м.) является самымъ многочисленнымъ изъ гольдскихъ родовъ—21,6% всего гольдскаго населенія округа. Главная его масса проживаетъ въ территоріальныхъ границахъ Троицкой волости—764 д. (409 м.), именно, по правому берегу Амура—453 д. (247 м.) и въ меньшей степени по лѣвому—185 д. (92 м.) и по р. Онюю—126 д. (70 м.) Въ Нижне-Тамбовской волости числится 119 д. (62 м.) и по Тунгускѣ 46 д. (25 м.) его представителей.

Въ Троицкой волости этотъ родъ преобладаетъ въ слѣдующихъ селеніяхъ *праваго* берега: Суйду, Синда-Бочеканъ, Синда, Ламами; далѣе въ сел. Бочека, Ерга, Мангомода, Чесонко, Гаси, Халанъ, Джари, Доли, Симата — Бочека, коч. Дайсунь; кромѣ того онъ составляетъ половину населенія сел. Муху, Саухой, Гауня, Ифари, Солачи. Въ другихъ селеніяхъ этого района представители этого рода въ меньшинствѣ.

По *лѣвому* берегу Амура въ предѣлахъ той же волости Бэльдаи преобладаютъ въ селеніяхъ: Эморонъ, Саянъ; въ сел. Гордоми-Курунъ они составляютъ болѣе половины всѣхъ ихъ жителей.

По *Онюю* они образуютъ отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ всего населенія всѣхъ четырехъ гольдскихъ селеній: Найхинъ, Сусу, Дондока и Торгонъ.

По *Тунгускѣ* гольды населяютъ дер. Датанъ (при ея устьѣ) и зимовье Гёмгиса.

Въ Нижне-Тамбовской волости родъ Бэльдай болѣе многочисленъ въ кочевьѣ Анганъ по *правому* берегу Амура; по *лѣвому* его берегу онъ преобладаетъ въ сел. Жапэ, Нэргуль и Сомоомо, расположенныхъ на лѣвомъ берегу оз. Болонь, и въ коч. Утьку и Ойта.

Такимъ образомъ, этотъ родъ встрѣчается почти во всей гольдской области даннаго округа или точнѣе приблизительно отъ 50° с. ш. на сѣверѣ вверхъ по Амуру до устья р. Тунгуски.

Родъ *Килэ* или *Килэны* въ числѣ 581 д. (308 м.) занимаютъ второе мѣсто по численности своихъ представителей. Въ наибольшемъ числѣ они проживаютъ въ предѣлахъ Нижне-Тамбовской волости: 377 д. (206 м.), главнымъ образомъ по лѣвому берегу Амура и около оз. Болонь,—272 д. (150 м.), въ меньшемъ числѣ по правому его берегу: 105 д. (56 м.). Въ Троицкой волости главная ихъ масса встрѣчается въ низовьяхъ р. Онюя—140 д. (72 м.); по Амуру же ихъ здѣсь мало (64 д.) и то встрѣчаются они почти лишь по правому его берегу—60 д. (28 м.).

Нижне-Тамбовская вол. По *правому* берегу Амура они преобладаютъ въ сел. или стб.: Хунгари, Боочанъ, Сусу и Гауня и въ маломъ числѣ въ другихъ, по *лѣвому* его берегу—въ стойбищахъ: Пакта, Боочанъ, Орданъ, а также стб. Жапэ (половина населенія); въ слѣдующихъ стойбищахъ, расположенныхъ рядомъ по оз. Болонь, этотъ родъ составляетъ все населеніе: Нэмасо̀, Хутунъ, Гогда-Мунгали, Пуди, Хэрэльгу, Хэвэчэнъ и Сэпорюна.

Въ Троицкой вол. по *правому* берегу Амура: сел. Катаръ, Екка; въ небольшомъ числѣ, въ сел. Дондонъ и др. По р. *Онюю* они встрѣчаются во всѣхъ четырехъ гольдскихъ селеніяхъ (см. выше), составляя $^1/_4$ часть ихъ населенія.

[Кромѣ того 5 м. гольдовъ рода Килэ зарегистрированы въ ур. Лобелю, въ 42 вер. отъ устья р. *Имы*, въ Уссурійскомъ округѣ. Съ ними общая численность Килэнъ достигнетъ цифры 586 д. (313 м.)].

Главная масса Килэновъ живетъ, такимъ образомъ, на протяженіи приблизительно отъ устья р. Хунгари до устья р. Онюя (Дондона), включая и его нижнее теченіе. Къ сѣверу и югу отъ этой мѣстности ихъ сравнительно немного. Этотъ же фактъ интересенъ въ томъ отношеніи, что по другимъ источникамъ Килэны же обитаютъ и выше по Амуру, именно, по р. Сунгари, въ предѣлахъ Китайской имперіи, и можетъ быть они же подъ именемъ «Кили» (племя: *кили* Шренка) въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія занимали своими кочевьями бассейнъ р. Кура. Теперь же выше устья Онюя ихъ мало, а по лѣвому берегу совсѣмъ нѣтъ, какъ и въ бассейнахъ рр. Тунгуски и Кура, въ прежней области Килей. Можетъ быть перепись не коснулась бродячаго гольдскаго населенія этой мѣстности (см. I., стр. 54) и въ числѣ ихъ имѣются и пред-

ставители этого рода, что кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что бассейнъ р. Кура лежитъ какъ разъ между областями, гдѣ проживаютъ Килэны, —Амуръ, въ предѣлахъ южной половины Нижне - Тамбовской вол. и сѣверной половины Троицкой волости, съ одной стороны, и бассейнъ нижняго Сунгари—съ другой.

То обстоятельство, что главная масса Килэнъ обитаетъ ниже р. Онюя наводитъ на мысль, что они принадлежатъ къ коренному населенію занимаемой имъ мѣстности. Выше Онюя гольдское населеніе носитъ отчасти пришлый характеръ, такъ какъ оно повидимому распространилось сюда изъ разныхъ мѣстъ по уходѣ дючэровъ (см. стр. 28).

Родъ *Ходзяръ* въ числѣ 456 д. (227 м.) сосредоточенъ главнымъ образомъ въ Нижне-Тамбовской волости—331 д. (166 м.), преимущественно по лѣвому берегу Амура, гдѣ проживаетъ 270 д. (132 м.) или половина всѣхъ представителей этого племени. По правому его берегу ихъ всего 61 д. (34 м.). Южнѣе, въ предѣлахъ Троицкой волости, ихъ меньше—114 д. (55 м.) и по р. Онюю всего 11 д. (6 м.).

Нижне-Тамбовская вол. Селенія по *лѣвому* берегу Амура, гдѣ преобладаетъ этотъ родъ, расположены отчасти въ бассейнѣ оз. Болонь: Норгуль и Болонь, отчасти по Амуру выше названнаго озера.—стб.: Офа (полов. населенія), Утьку и Надьки (у протоки Надьки), Тыркэлъ и Лимпанъ.

По *правому* берегу Амура родъ Ходзяръ встрѣчается въ стб. Шаргу (на о-вѣ въ протокѣ Шаргѣ) и въ стб. Нэргэнъ I, затѣмъ они образуютъ стойб. Чеуче среди стойбищъ другихъ родовъ; небольшое ихъ число проживаетъ и въ мангунскомъ селеніи Больба.

Въ Троицкой волости представители этого рода живутъ разбросано небольшими группами среди стойбищъ другихъ родовъ, причемъ они рѣдко образуютъ самостоятельныя стойбища, а живутъ совмѣстно съ другими родами: по *лѣвому* берегу Амура ихъ больше въ коч. Быпксэ, Дай-Боочанъ, Аджоръ и Даунъ. Въ небольшомъ числѣ они встрѣчаются и въ стб. Курунъ и Нижняя Мари.

По *правому* берегу Амура они преобладаютъ въ стб. Порту (на остр. въ протокѣ Амура). Другую группу образуютъ селенія: Гауня, Ифари, Солачи и Хорипъ, гдѣ они составляютъ половину всѣхъ жителей. Наконецъ, небольшая

колонія рода Ходзяръ (Ходзеръ, Хаджери) встрѣчается по *Онюю*, въ сел. Торгонъ, главная масса населенія котораго состоитъ однако изъ другихъ родовъ.

Итакъ, родъ Ходзяръ не занимаетъ сплошной области, а образуетъ отдѣльныя стойбища или селенія, частью колоніи въ стойбищахъ другихъ родовъ на участкѣ Амура отъ озера Болонь на сѣверѣ до стб. Давунда (не далеко отъ устья р. Кэуръ)—на югѣ.

Весьма возможно, что названіе этого рода находится въ родствѣ съ именемъ всего гольдскаго племени и даннаго района въ частности—Ходзэ (см. стр. 30).

Родъ *Гэйкэръ (Гыйкэръ)*—238 д. (132 м.) преобладаетъ въ Нижне-Тамбовской волости—146 д. (75 м.) и притомъ главнымъ образомъ по правому берегу Амура, гдѣ сосредоточено 131 д. (68 м.) или половина всѣхъ представителей этого рода. Въ Троицкой волости они живутъ въ числѣ 74 д. (48 м.) исключительно по правому берегу Амура. Сюда же принадлежитъ и колонія ихъ по Онюю въ 18 д. (9 м.).

Нижне-Тамбовская вол.: по *правому* берегу Амура главная ихъ масса живетъ въ стб. Хоми и Ади, гдѣ они составляютъ все населеніе, далѣе въ стб. Када-Сунда и Гауня-Уйсэ. По *лѣвому* его берегу ихъ сравнительно больше въ стб. Писсой, гдѣ однако преобладаютъ другіе роды.

Въ Троицкой волости по *правому* берегу Амура они составляютъ больше половины населенія стб. Дыэрга (52 д.); абсолютно ихъ меньше въ стойбищахъ: Саухой, Ерга, Дада. По лѣвому берегу ихъ здѣсь нѣтъ.

По *Онюю* этотъ родъ (18 д.) составляетъ все населеніе коч. Сара (10 д.) и небольшую часть д. Найхинъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что главная масса представителей этого рода сгруппирована въ двухъ селеніяхъ лѣваго берега Амура въ предѣлахъ Н.-Тамбовской вол. и одного по правому его берегу въ Троицкой вол.

Родъ *Джаксоръ*—261 д. (129 м.) встрѣчается главнымъ образомъ въ Нижне-Тамбовской вол.—196 д. (99 м.), проживая въ бо́льшемъ числѣ по правому берегу Амура—173 д. (89 м.) или 66% всѣхъ представителей этого рода. Въ Троицкой волости гольдовъ этого рода немного: по Амуру 22 д. (9 м.) и по р. Онюю 40 д. (18 м.) и, наконецъ, 5 д. (3 м.) по р. Горину.

Въ Нижне-Тамбовской вол. по *правому* берегу Амура этотъ родъ многочисленъ въ стб. Чёльчи; затѣмъ онъ встрѣчается въ стб. Нэргэнъ I, Мынгэ, Боочанъ, Дифу, расположенныхъ близко другъ отъ друга; кромѣ того въ стб. Гяса и Онида, лежащихъ среди стойбищъ, населенныхъ другими родами. Почти во всѣхъ упомянутыхъ населенныхъ пунктахъ представители рода Джаксоръ живутъ совмѣстно съ гольдами другихъ родовъ. По *лѣвому* берегу Амура этотъ родъ (Джахсуръ) составляетъ болѣе половины населенія стб. Догэринъ.

Въ Троицкой вол. по *правому* берегу Амура этотъ родъ (Джаксоръ, Дяхсоръ) встрѣчается въ стб. Еола (ок. $^1/_2$ населенія) и въ стб. Дондонъ (неб. часть); по *лѣвому* берегу—въ стб. Гордоми въ числѣ 3 д.

По *Онюю* этотъ родъ (Джаксоръ, Джяксоръ) живетъ въ сел. Найхинъ и Торгонъ, составляя небольшую часть ихъ жителей. Кромѣ того нѣсколько душъ этого рода встрѣчается въ сел. Бичи, у устья р. Горина.

Такимъ образомъ, сосредоточіемъ этого рода является полоса по правому берегу Амура въ предѣлахъ южной части Нижне-Тамбовской волости.

Родъ *Оджалъ (Одзялъ)* въ наибольшемъ числѣ встрѣчается въ Троицкой вол. по обоимъ берегамъ Амура —131 д. (75 м.); затѣмъ по лѣвому берегу Амура въ Нижне-Тамбовской 88 д. (47 м.). По Онюю ихъ всего 14 д. (4 м.) и въ бассейнѣ р. Тунгуски—2 д. Всего представителей этого рода въ округѣ 235 д. (128 м.).

Нижне-Тамбовская вол. по *лѣвому* берегу Амура этотъ родъ составляетъ большую часть жителей селеній Офа и Нэргэнъ (на лѣв. берегу прот. Шарга).

Въ Троицкой вол. по *правому* берегу Амура онъ встрѣчается въ стб. Ченчики (на островѣ), Серема, Хаухали, Чёнки, Гёльдза и Хоринъ. По *лѣвому* берегу Амура представители этого рода составляютъ половину населенія стойбищъ: Бынксэ, Тобиланъ, Дай-Боочанъ, Дайдунъ; встрѣчаются они также въ стб. Саянъ, Курунъ, Алинъ.

По *Онюю* онъ былъ обнаруженъ лишь въ селеніи Найхинъ; кромѣ того, въ числѣ 2 м. въ становицѣ Синъ, у сопки, на крайнемъ западѣ округа.

Какъ видно изъ этого обзора мѣстностей, гдѣ проживаетъ этотъ родъ, онъ встрѣчается разбросанно среди другихъ ро-

довъ лѣваго берега Амура почти на всемъ его протяженіи отъ границы ольчей на сѣверѣ до г. Хабаровска на югѣ и по правому берегу въ предѣлахъ Троицкой волости. Всюду представители этого рода живутъ совмѣстно съ другими родами.

Рд. *Онинка (Оника)* 248 д. (128 м.) преобладаютъ въ Троицкой волости, проживая главнымъ образомъ по правому берегу Амура, гдѣ сосредоточено 138 д. (76 м.) или 55% всѣхъ представителей рода. По лѣвому берегу ихъ здѣсь всего 21 д. (10 м.). Въ Нижне-Тамбовской волости ихъ 83 д. (39 м.) и по Онюю 6 д. (3 м.).

Нижне-Тамбовская вол.: по *правому* берегу Амура гольды рода Онинка составляютъ небольшую часть населенія стойбищъ: Чельчи, Мынгэ, Хунгари, Дифу и Када-Сундэ (половину селенія). По *лѣвому* берегу они встрѣчаются лишь въ стб. Оммоканъ и Догэринъ, составляя большую часть населенія перваго.

Троицкая вол. *Правый* берегъ Амура: стб. Джанку, Галбунъ, Гэри, Синда-Бочеканъ, Хаухали, Дада, Дыэрга, Дондонъ и Халанъ. Въ этихъ стойбищахъ родъ Онинка живетъ совмѣстно съ другими родами. *Лѣвый* берегъ—лишь одно селеніе Гордоми (1/4 часть его населенія).

По р. *Онюю* родъ Онинка (Оника) составляетъ небольшую часть населенія сел. Сусу.

Рд. *Пусаръ (Поссаръ)* или *Пусхаръ (Пасхаръ)*, въ числѣ 247 д. (129 м.) проживаетъ почти исключительно въ Троицкой волости, какъ по Амуру, такъ и по Онюю; изъ другихъ мѣстъ этотъ родъ былъ обнаруженъ въ числѣ 4 д. (3 м.) въ Нижне-Тамбовской вол., по правому берегу Амура.

Троицкая вол. *Правый* берегъ Амура. Въ сел. Дондонъ этотъ родъ (Пасхаръ) въ числѣ 54 д. (25 м.) составляетъ свыше третьей части его населенія; кромѣ того по нѣсколько гольдовъ этого рода встрѣчается въ 8 другихъ стойбищахъ, разбросанныхъ по всему району. По *лѣвому* берегу Амура родъ Поссаръ составляетъ большую часть населенія стб.: Даунъ, Нижней и Верхней Мари и Холэнди; встрѣчается онъ также въ стб. Дайдунъ и Гордоми. По *Онюю* рд. Пусаръ былъ заригистрированъ въ селеніяхъ Дондока и Торгонъ въ числѣ 46 д. (24 м.).

Итакъ, вся область этого рода простирается по обоимъ берегамъ Амура отъ Онюя (включая его низовья) до с.

Вятскаго, но и въ этой области представители его встрѣчаются лишь спорадически.

Родъ *Гаэлъ (Гаилъ)* принадлежитъ Нижне-Тамбовской вол., гдѣ изъ 188 д. (102 м.) проживаетъ по лѣвому берегу Амура, 170 д. (90 м.), остальные — по правому берегу, главнымъ образомъ въ стб. Холса. По лѣвому же берегу главная его часть сосредоточена въ стойбищахъ: Поодали, Онмой, Онмой I. Ангасалэнъ и Онмой-Боочанъ эти стойбища образуютъ одну группу, въ которой этотъ родъ составляетъ большую часть населенія. Остальная ихъ часть проживаетъ въ другой группѣ смежныхъ стойбищъ: Коркой (Дырень), Писсой и Гятца.

Родъ *Тумоли (Тумэли)* тоже проживаетъ почти исключительно въ Нижне-Тамбовской вол. по обоимъ берегамъ Амура. По *правому* берегу этотъ родъ составляетъ небольшую часть стойбищъ: Чёльчи, Экэнъ, Халбу, Бэлго и Очи, напротивъ, по *лѣвому* берегу онъ проживаетъ лишь въ стойб. Халбо, Дзёмги и Самдянъ, но составляетъ почти все ихъ населеніе. Въ Троицкой вол. онъ встрѣчается въ числѣ 12 д. въ стб. Хурбаки по правому берегу Амура; кромѣ того его представители (13 д.) живутъ въ сел. Бичи и Хуинда по *Горину*. Всего этотъ родъ состоитъ изъ 161 д. (81 м.).

Родъ *Діэръ* или *Дигэръ* (*Дигэ*), численностью въ 129 д. (62 м.), встрѣчается главнымъ образомъ по р. *Горину*— 83 д. (39 м.), составляя главную часть только что названныхъ селеній. Въ Н.-Тамбовской вол. ихъ всего 46 д. (23 м.). По *правому* берегу Амура они въ числѣ 32 д. составляютъ половину населенія стб. Халбу. По *лѣвому* берегу отдѣльныя лица этого рода встрѣчаются въ стойбищахъ: Халбо, Писсой, Сэрголь.

Родъ *Донка (Дунканъ)*, какъ и рд. Удынка, характеренъ для Вятской волости, гдѣ сосредоточено 76 д. (41 м.) его представителей. Въ этой вол. родъ Донка встрѣчается по берегамъ *Тунгуски*, въ стб.: Цалбанги, Тамне, Дзарме, Дзади, и по р. *Куру* въ стб. Дальди.

Остальные 52 д. (27 м.) живутъ въ смежной Троицкой вол., главнымъ образомъ по *лѣвому* берегу Амура. Здѣсь родъ Дунканъ составляетъ почти все населеніе стб. Койнаху, Даурги и Альзико и часть стб. Холэнди. По *правому* берегу Амура этотъ родъ (Донканъ) встрѣчается только въ стб. Ченчики (на островѣ въ протокѣ).

Родъ *Неергу*, съ которымъ мы думаемъ отожествить и родъ Нуэръ (13 д.), встрѣчается лишь по *Онюю* — 109 д. (47 м.) въ селеніяхъ: Найхинъ, Сусу и Торгонъ (въ посл. и рд. Нуэръ).

Родъ *Перминкэнъ*—56 д. (29 м.) встрѣчается лишь въ Троицкой вол., по правому берегу Амура, въ стб.: Чепчики, Петропавловскомъ, Джанку, Гэри и Саухой.

Родъ *Удынка*—46 д. (24 м.) принадлежитъ лишь Вятской волости. Его названіе наводитъ на мысль объ его орочскомъ происхожденіи (ср. Удигэ [1]), стр. 77). Этотъ родъ встрѣчается въ слѣдующихъ стойбищахъ по р. *Тунгускѣ*: Тауди, Хотуръ, Тампе, Дзарме и по р. *Куру* въ стб. Дальди.

Родъ *Юкаминка (Юкамика)*—39 д. (20 м.)—тоже разбросанъ небольшими колоніями въ гольдскихъ стойбищахъ этой мѣстности, именно, по *Тунгускѣ* въ стб.: Тампе, Дзарме, Калтунги, по р. *Куру*—въ стб. Дальди и по р. *Урми* въ уроч. Текинъ.

Съ этимъ родомъ мы сопоставляемъ можетъ быть идентичный съ нимъ рд. *Юкамсы*—27 д. (13 м.), который встрѣчается въ смежной мѣстности лѣваго берега Амура (Троицкая вол.). Онъ попадается въ стб.: В. Мари, Холэнди, Котянъ.

Родъ *Ахтанка* встрѣчается въ числѣ 63 д. (33 м.) въ Троицкой волости. По лѣвому берегу Амура онъ составляетъ стб. Добунъ, по правому онъ встрѣчается въ стб. Петропавловскомъ и Джанку.

Сойгорѣ или *Соргорѣ*—33 д. (14 м.)—въ Нижне-Тамбовской волости: по правому берегу Амура въ стб. Экэнъ и Хальбу и по лѣвому берегу—въ стб. Сарахинъ (все населеніе).

Кромѣ этихъ родовъ въ Нижне-Тамбовской вол. (по правому берегу Амура) встрѣчаются, судя по переписному матеріалу, еще два незначительныхъ рода: *Гакэнъ* 2 д. (1 м.) въ стб. Экэнъ и *Луэрѣ*—8 д. (3 м.) въ стб. Хунгари, и въ Вятской волости—рд. *Мофа*: 10 д. (6 м.) въ сел. Калтунги и рд. *Тырменка* — 1 м. (ср. рд. *Перминкэнъ*). Въ виду незначительности ихъ числа возможно, что нѣкоторые изъ

---

[1]) Буква „н“ въ названіи: Удынка не имѣетъ большого значенія (ср. роды Онинка и Оника, Юкаминка и Юкамика).

нихъ окажутся искаженными счетчикомъ названіями другихъ родовъ, частью, можетъ быть, не гольдскаго (ольчскаго?) происхожденія; именно, въ этой волости, въ стойбищахъ болѣе сѣверной части гольдской области и въ смежной части ольчской, встрѣчается не мало родовъ, національность которыхъ не удалось опредѣлить. Нахожденіе ихъ среди чисто гольдскаго населенія и отсутствіе ихъ среди названій извѣстныхъ намъ родовъ ольчей и орочей и побудило насъ отнести ихъ къ гольдамъ.

Изъ всего вышеприведеннаго ясно, что въ настоящее время гольдскіе роды сильно перемѣшались между собою и не занимаютъ уже замкнутыхъ областей, какъ прежде. Но все же большинство изъ нихъ имѣютъ мѣстности наибольшаго распространенія, которыя обыкновенно совпадаютъ съ однимъ, двумя или тремя изъ тѣхъ районовъ, на которые мы разбили гольдскую область Хабаровскаго округа (см. стр. 56).

Интересно здѣсь отмѣтить тотъ фактъ, что рѣка Амуръ служитъ повидимому значительнымъ препятствіемъ для смѣшенія родовъ инородцевъ, такъ какъ нѣкоторые роды встрѣчаются въ предѣлахъ только одной волости и даже въ ея предѣлахъ иногда лишь по одному изъ береговъ Амура, напр. рд. Оджалъ былъ обнаруженъ въ Нижне-Тамбовской вол. лишь по лѣвому берегу Амура, рд. Гыйкэръ и Перминкэнъ въ предѣлахъ Троицкой лишь по правому берегу Амура. Но и другіе роды, которые встрѣчаются, хотя и въ предѣлахъ одной волости, но по обоимъ берегамъ Амура, обыкновенно преобладаютъ, и часто значительно, на одномъ изъ нихъ. Болѣе крупные роды конечно имѣютъ и болѣе широкое распространеніе, причемъ мѣстности, гдѣ они встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ, напр. рд. Бэльдай и Онинка въ Троицкой вол., по правому берегу Амура, роды: Килэ, Ходзяръ и Тумоли—въ Нижне-Тамбовской волости, по лѣвому берегу Амура, и Джаксоръ и Гыйкэръ—по правому и т. д., по всему вѣроятію и являются коренными мѣстожительствами и исходными пунктами этихъ родовъ. Значительно труднѣе установить болѣе точныя границы для малочисленныхъ родовъ, живущихъ разбросанно между стойбищами и селеніями другихъ родовъ. Здѣсь часто тоже можно указать на районъ или районы, гдѣ они попадаются въ большемъ числѣ, но не тѣ пункты, гдѣ они рѣшительно преобладаютъ надъ другими.

Бассейны рѣкъ Онюя и Горина въ общемъ имѣютъ лишь по одному коренному роду, которые и теперь здѣсь преобладаютъ надъ другими. Таковы роды: Неергу въ бассейнѣ р. Онюя и Діэръ или Дигэръ — по Горину. Первый нигдѣ болѣе не встрѣчается, а второй—въ небольшомъ числѣ и въ Нижне-Тамбовской волости.

До извѣстной степени особнякомъ стоитъ въ этомъ отношеніи и Вятская волость т. е. бассейны рр. Тунгуски, Кура и Урми. Тамъ, какъ было указано выше, встрѣчаются три коренныхъ рода: Юкаминка, Удынка и Донка [1]), изъ которыхъ лишь послѣдній встрѣчается еще въ Троицкой волости по Амуру.

Тотъ фактъ, что гольды нѣкоторыхъ родовъ, проживающіе по одному и тому же берегу Амура, часто имѣютъ сравнительно ограниченное распространеніе, почти вовсе не попадаясь или встрѣчаясь лишь въ небольшомъ числѣ въ смежномъ районѣ другой волости, находитъ себѣ объясненіе въ историческихъ судьбахъ края. До вторженія въ область нижняго Амура дючэровъ гольды, судя по всему, сплошной полосою заселяли берега нижняго Амура (въ ихъ нынѣшнихъ предѣлахъ) и часть береговъ средняго его теченія. При занятіи дючэрами полосы земли по Амуру отъ Зеи (по Пояркову) или отъ устья Сунгари (по Хабарову) приблизительно до устья р. Онюя (Дондона) и сел. Дондона, большая часть гольдовъ вѣроятно выселилась въ другія мѣста и лишь небольшая часть подчинилась новымъ хозяевамъ страны (см. стр. 28). Живя долгое время среди различныхъ условій и окруженные разными сосѣдями, гольды нижняго Амура и Уссури болѣе или менѣе обособились другъ отъ друга. Послѣ выселенія въ 1656 г. дючэровъ съ береговъ Амура вслѣдствіе непрерывныхъ набѣговъ на нихъ казаковъ и русскихъ вольныхъ людей, гольды съ разныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ съ юга, опять потянулись на прежнія мѣста и заняли ихъ своими кочевьями. Такимъ образомъ, въ концѣ XVII ст. гольды опять занимали сплошную полосу земли по Амуру и Уссури, причемъ въ той мѣстности, гдѣ сошлись южные, Уссурійскіе, гольды съ низовыми—Амурскими, оставшимися на своихъ мѣстахъ, именно, около устья р. Онюя (или точнѣе у хребта Геонъ, нѣсколько къ сѣверу отъ нея)

[1]) Окончанія на „ка“ носятъ орочскій характеръ, а названіе „Удынка“, какъ упомянуто, и по корню слова напоминаетъ наименованіе орочей (см. стр. 77).

Л. Шренкъ и отмѣтилъ границу двухъ гольдскихъ нарѣчій [1]). Здѣсь же приблизительно проходитъ и межа волостей Нижне-Тамбовской и Троицкой.

Такимъ образомъ, коренные роды первой волости можно считать представителями низовыхъ гольдовъ, преобладающіе же въ Троицкой отчасти можетъ быть являются потомками Уссурійскихъ гольдовъ. Теперь вѣроятно гольды той и другой мѣстности, долгое время живя близко другъ къ другу, болѣе или менѣе ассимилировались между собою и характерныя особенности ихъ нарѣчій нѣсколько сгладились, приблизившись къ среднему типу (см. стр. 70).

4. Сословіе—бродячіе инородцы, за исключеніемъ 14 ч. (13 м.), проживающихъ въ г. Хабаровскѣ, которые показали себя «крестьянами изъ инородцевъ».

5. Религія. Огромное большинство всѣхъ гольдовъ исповѣдываютъ *христіанскую* религію; ихъ по приблизительному подсчету около 4145 д. (2195 м.) или 82,7% всѣхъ гольдовъ Приморской области [2]). *Язычники*-шаманисты въ числѣ около 679 д. (321 м.) составляютъ 13,5% всего племени и, наконецъ, *буддистовъ* оказалось 190 д. (122 м.) или 3,8%.

Что касается до географическаго распредѣленія отдѣльныхъ религій по территоріи гольдской области, то въ общихъ чертахъ въ сѣверной ея части—въ Хабаровскомъ и Удскомъ округахъ — проживаютъ православные гольды съ болѣе или менѣе значительной примѣсью язычниковъ, которые въ послѣднемъ округѣ мѣстами преобладаютъ надъ христіанами. Среднюю полосу или Уссурійскій округъ (кромѣ басср. Бикина) населяютъ язычники съ примѣсью православныхъ, а долину р. Бикина и южную часть области или Южно-Уссурійскій округъ—буддисты.

Такова же, въ общихъ чертахъ, и картина распредѣленія религій и у восточныхъ сосѣдей гольдовъ—орочей (см. ниже).

---

[1]) Шренкъ, ibid. I, 154—155.

[2]) Въ „Распр. населенія имперіи по главн. вѣроисп." (изд. Ц. Ст. Ком. 1901 г.) не имѣется данныхъ о національности жителей; кромѣ того буддисты тамъ показаны совмѣстно съ язычниками, а въ изданіяхъ результатовъ переписи тунгусы не распредѣлены по отдѣльнымъ племенамъ. Сверхъ того, въ обоихъ источникахъ имѣются данныя лишь касательно всего населенія округовъ.

ТАБЛИЦА VIII.

Названія округъ и округовъ Приморской обл.	Наличное населеніе въ 1897 г.					
	Православные.		Буддисты.		Шаманисты.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1. Удская	57	39	3	3	62	53
2. Хабаровскій	2.105	1.883	—	—	142	190
3. Уссурійскій	33	28	32	18	117	115
4. Южно-Уссурійскій	—	—	87	47	—	—
Итого	**2.195**	**1.950**	**122**	**68**	**321**	**358**

Подробнѣе эти данныя представляются въ такомъ видѣ:

Удская округа. *Православные* гольды живутъ въ двухъ зимовьяхъ около дер. Монголъ (20 д.), въ дер. Б. Михайловской, Кудюмъ-Бача и въ нѣкоторыхъ другихъ. Въ остальныхъ селеніяхъ они проживаютъ совмѣстно съ *шаманистами*, именно, въ д. Халанъ, Тыръ, Чильба, Ухта, Пуля и т. д.

Общее число православныхъ вѣроятно не превышаетъ здѣсь 96 д. (57 м.) или 44,2%, а шаманистовъ 115 д. обоего пола (62 м.) или 53,0%. Сюда же принадлежатъ 2 гольда Амурской области.

Буддисты встрѣчаются въ этомъ районѣ лишь въ числѣ 6 д. (3 м.) или 2,8%

Хабаровскій округъ. Огромное большинство гольдскаго населенія (92,3%) — *православные*. Немногіе *язычники* встрѣчаются разсѣянно среди нихъ по Амуру: въ Вятской волости, въ Н. Тамбовской волости (въ стойбищахъ православныхъ гольдовъ: Халбо, Пакта, Опмой, Дифу, Ади, Поодали) и въ Троицкой волости (въ стойбищахъ: Эморонъ, Гордоми и другихъ). Итого въ этихъ двухъ волостяхъ по Амуру ихъ можно было насчитать 248 д. (111 м.).

По р. Горину, въ сел. Бичи, живутъ православные гольды

а въ сел. Хуинда есть и язычники (6 д.). И по Онюю во всѣхъ четырехъ селеніяхъ гольды—христіане съ небольшой примѣсью язычниковъ; послѣднихъ здѣсь оказалось 78 д. (30 м.). Итого гольдовъ-*шаманистовъ*—332 д. (142 м.) или 7,7%.

Уссурійскій округъ. Нехристіанъ — 282 д., изъ коихъ 50 д. (32 м.) или 14,6% *буддистовъ*. Послѣдніе составляютъ все гольдское населеніе по Бикину—46 д. (31 м.); остальные живутъ въ русскихъ хуторахъ по Уссури. *Православныхъ* 61 д. (33 м.) или 17,8%, сосредоточены они въ низовьяхъ р. Хора. Всѣ остальные гольды округа, т. е. живущіе по рр. Имѣ, Ваку и отчасти по Хору,—*язычники*; ихъ 232 д. об. п. (117 м.) или 67,6% всѣхъ гольдовъ округа.

Южно-Уссурійскій округъ. Всѣ гольды даннаго округа въ числѣ 134 душъ (87 м.) *буддисты*.

6. Языкъ.

По даннымъ переписи почти всѣ гольды, за исключеніемъ 4 д. (2 м.), говорятъ на родномъ языкѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что гольдскій же языкъ показанъ и у ольчей, ошибочно названныхъ въ переписномъ матеріалѣ «гиляками» и отчасти «гольдами». Въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія гольды говорили на двухъ нарѣчіяхъ: верховомъ и низовомъ, причемъ межа ихъ, по Шренку, проходила приблизительно по Геонгскому хребту, кверху отъ устья р. Онюя (см. стр. 30). Извѣстная разница между этими нарѣчіями наблюдается и по сейчасъ, какъ объ этомъ можно судить по приложеннымъ въ концѣ книги (II приложеніе) образцамъ гольдскаго языка изъ трехъ мѣстностей Приморской обл.: съ береговъ Тунгуски (Вятской волости), р. Онюя и изъ Невельскаго стойбища, въ самомъ сѣверѣ Уссурійскаго округа (стр. 45) [1]).

О Сунгарійскихъ гольдахъ Скурлатовъ [2]) сообщаетъ, что всѣ они говорятъ не только на родномъ языкѣ, но еще и по-китайски и по-манчжурски.

---

[1]) Кромѣ того образцы гольдской рѣчи были собраны изъ селеній Джонку и Дондонъ Троицкой вол., изъ сел. Ади Нижне-Тамбовской вол., изъ д. Савайза В. Уссурійскаго участка Южно-Уссурійскаго округа, изъ стойб. Казакевичскаго и Корсаковскаго Уссурійскаго округа и изъ сел. Пули Б. Михаиловской вол. (можетъ быть однако этотъ послѣдній образецъ является нарѣчіемъ ольчей, хотя отъ приведенныхъ выше гольдскихъ онъ и не сильно отличается).

[2]) „Живая Стар.“, 1899 г., II. 251.

7. Занятія.

Главными и почти исключительными занятіями гольдовъ является рыболовство, охота и звѣроловство. Изъ другихъ ихъ промысловъ слѣдуетъ отмѣтить: по Амуру—рубку дровъ и черноработій трудъ, чѣмъ себѣ снискиваютъ пропитаніе, а чаще доставляютъ себѣ побочный доходъ, отдѣльные гольды Хабаровскаго и Удскаго округовъ. Рубкой дровъ и вообще лѣсными промыслами гольды отчасти занимаются и въ Уссурійскомъ округѣ. Единичныя лица изъ нихъ, живущія по Амуру и Уссури, разводятъ еще овощи. Земледѣліе развито лишь у Южно-Уссурійскихъ гольдовъ, у которыхъ и составляетъ главное занятіе. Далѣе къ сѣверу гольды хлѣба почти не сѣютъ, лишь по р. Имѣ двѣ семьи въ 12 душъ показали въ числѣ своихъ занятій хлѣбопашество. Но и на югѣ гольды не бросаютъ своего излюбленнаго занятія—рыболовства, ради котораго лѣтомъ посѣщаютъ морской берегъ. Многіе изъ нихъ и здѣсь, на югѣ, показали главнымъ источникомъ пропитанія—охоту, преимущественно на соболя; этотъ же промыселъ служитъ въ зимнее время побочнымъ заработкомъ и для гольдовъ-земледѣльцевъ. По Онюю и въ отдѣльныхъ пунктахъ по нижнему Амуру гольды показали въ числѣ своихъ занятій еще разведеніе собакъ (упряжныхъ).

Главнымъ источникомъ для пропитанія гольдовъ бассейна р. Сунгари (въ Китаѣ) служитъ также рыболовство и охота. Добычу свою они сбываютъ, съ одной стороны, на Амурѣ и, съ другой,—въ гор. Санъ-Синъ. Съ недавняго времени они всѣ знаменные солдаты, отбывающіе воинскую повинность въ г. Фугдинѣ, населенномъ ими (!). Ихъ войско состоитъ оффиціально изъ 2.000 чел., на дѣлѣ же военную службу несутъ всего около 50 человѣкъ [1]).

Эти данныя объ ихъ численности не совсѣмъ вяжутся съ данными переписи 1888 г., по которой по Сунгари и Амуру проживаетъ всего 2.025 гольдовъ (см. стр. 55).

До 1880 г. китайцы смотрѣли на гольдовъ, какъ на полудикарей, но съ указаннаго года даровали имъ права манчжуровъ и стали заботиться объ ихъ просвѣщеніи [2]).

[1]) Скурлатовъ: „Жив. Стар.“, 1899 г. II., 251.
[2]) Позднѣевъ, ibid. 232.

8. Физическій типъ, одежда, образъ жизни и т. д.

Гольды ниже средняго роста, худощавы и мускулисты. Кисти рукъ и ступни у нихъ отличаются малыми размѣрами. Физіономія—широкая и плоская съ приплюснутымъ носомъ и толстыми губами, скулы выдающіяся и разрѣзъ глазъ косой, какъ у монголовъ. Волосы—жесткіе и черные, а на лицѣ часто русые и всегда рѣдкіе. Мужчины заплетаютъ волосы въ одну косу, женщины въ двѣ, а дѣвушки часто носятъ ихъ распущенными.

Одежда—смѣсь прежней гольдской съ китайской.

Обувь («ута») представляетъ изъ себя родъ туфель такого же покроя, какъ носятъ на Уссури казаки («олочъ»). Зимнія «ута» шьются изъ рыбьей кожи, лѣтнія—изъ кожи дикаго кабана. Для предохраненія лица отъ комаровъ гольды одѣваютъ лѣтомъ особаго рода капюшонъ, въ которомъ есть отверстія для носа, глазъ и рта. Оба пола любятъ металлическія украшенія, а отдѣльныя женщины украшаютъ себя даже серебряными сережками, продѣтыми черезъ ноздри.

Гольды обыкновенно живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ, схожихъ съ китайскими фанзами, рѣже (по Тунтуру и т. д.) въ китайскихъ юртахъ, построенныхъ по общепринятому тунгусскому образцу. Пока гольду хорошо живется, онъ ведетъ осѣдлую жизнь, но худой уловъ или другія неблагопріятныя обстоятельства заставляютъ его бросать свое жилище и строить новое въ другомъ мѣстѣ. Вотъ какъ объ этой подвижности гольдовъ высказывается изслѣдователь Уссурійскаго округа полк. Надаровъ: «Чуть условія жизни измѣнились къ худшему, напр. плохіе уловы рыбы, уменьшеніе звѣря въ лѣсахъ и пр., гольдъ бросаетъ свою фанзу, складываетъ все свое имущество въ лодки и переходитъ на другое мѣсто, нисколько не стѣсняясь разстояніемъ. Такъ, съ устьевъ Уссури гольдъ, не задумываясь, переходитъ на жительство въ низовья Дауби-хэ, съ Дауби-хэ переходитъ въ верховья Вака или на Амуръ или на Сунгари или на Норъ». Эта подвижность гольдовъ, которые все же могутъ до извѣстной степени считаться осѣдлой народностью, весьма хорошо характеризуетъ все тунгусское племя. Она можетъ служить объясненіемъ часто значительныхъ несогласій между показаніями разныхъ

изслѣдователей касательно численности и разселенія гольдовъ и другихъ тунгусовъ въ отдѣльныхъ районахъ области.

Лѣто гольды проводятъ около рѣкъ въ камышевыхъ и берестяныхъ юртахъ и занимаются охотой и рыбной ловлей. Съ наступленіемъ осени, когда по Амуру и другимъ рѣкамъ начался ходъ кэты (мѣстная порода лососи), для гольда наступаетъ страда, которая должна его снабдить заготовленной въ прокъ рыбой (юколой) на цѣлый годъ. Въ это же время не прерывается и охота на лося, изюбря и оленя. По окончаніи лова кэты мужчины отправляются на соболиный и енотовый промыселъ, который производится съ помощью собакъ.

Пища гольдовъ состоитъ изъ мяса крупной дичи, изъ рыбы и овощей, которыя многіе гольды разводятъ при своихъ фанзахъ. Мучной пищи они употребляютъ мало, не болѣе 20 п. буды (проса) и 20 п. майцзы (пшеничной муки) на среднее семейство въ годъ. Соли употребляютъ тоже мало. Подспорьемъ въ хозяйствѣ служатъ ягоды, дикіе яблоки и дикій виноградъ.

Всѣ семейныя празднества (крещеніе, бракъ и т. д.) и несчастія (похороны) сопровождаются у гольдовъ усиленнымъ пьянствомъ. Напитокъ, который у нихъ при этомъ замѣняетъ водку, есть ханъ-шинъ или китайская водка, которую они умѣютъ сами изготовлять или которую они получаютъ отъ китайцевъ.

Женщина считается нечистою, какъ и всѣ ея вещи, въ въ теченіи $1^1/_2$ мѣсяца послѣ родовъ. Обрядъ сватовства происходитъ, обыкновенно, когда мальчику минетъ 14—15 л., а дѣвочкѣ 10—12 и даже менѣе лѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ самый бракъ совершается нѣсколько позже.

Многоженство между гольдами допустимо, хотя и немногіе изъ нихъ, болѣе зажиточные, пользуются этимъ правомъ.

Гольды живутъ патріархально, большими семействами; главой семьи является хозяинъ дома. Раздѣлы при его жизни происходятъ рѣдко; если послѣ его смерти братья не раздѣлятся, то старшій изъ нихъ становится ея главой.

ГЛАВА V.

ОРОЧИ (ҚЭҚАРЫ).

1. Наименованія.

Имя *Орочи* дано этому народу французскимъ мореплавателемъ Лаперузомъ. Встрѣтивъ въ заливѣ Де-Кастри незнакомыхъ ему людей,—у этого залива сходятся ольчи и орочи—онъ ихъ спросилъ, какого они племени, и получилъ въ отвѣтъ: «орочи» (т. е. ольчи). Предполагая, что это имя относится не къ ольчамъ или мангунамъ, а къ ихъ южнымъ сосѣдямъ—орочамъ, позднѣйшіе изслѣдовали края упрочили это имя за послѣднимъ племенемъ.

Сами орочи, живущіе около Императорской гавани и въ ея окрестностяхъ, называютъ себя именемъ: *Орочоны*, подъ которымъ орочи извѣстны у мѣстныхъ жителей и у многихъ изслѣдователей и въ другихъ частяхъ Приморской области. Припомнимъ, что имя «орочоны», кромѣ своего спеціальнаго значенія (часть собственно тунгусовъ въ Амурской области), примѣняется еще въ качествѣ собирательнаго имени для обозначенія многихъ тунгусскихъ племенъ, которыя занимаются или прежде занимались оленеводствомъ (ороки, орочи, ольчи), въ виду чего оно и оказывается весьма неподходящимъ именемъ для даннаго племени. Встрѣчается оно и въ переписномъ матеріалѣ. И здѣсь большая часть представителей этого племени названа: «орочонами» или «ороченами», за исключеніемъ вышеупомянутой мѣстности по побережью Японскаго моря (Удск. окр.), гдѣ они названы: къ сѣверу отъ р. Ботчи—«орочами», а по этой рѣкѣ и далѣе къ югу, до границы Южно-Уссурійскаго округа,—«орочами-удигэ» (объ этомъ послѣднемъ наименованіи—см. ниже).

Помимо вышеприведенныхъ названій, разсматриваемое племя носитъ въ разныхъ частяхъ своей области разныя наименованія, которыя ему даютъ, частью его сосѣди, частью мѣстные изслѣдователи. Такъ какъ это обстоятельство можетъ зависѣть и отъ того, что орочи въ разныхъ мѣстностяхъ

своей области обнаруживаютъ неодинаковыя племенныя особенности, то полезно сначала выяснить вопросъ о томъ, составляютъ ли они одно цѣлое или же они распадаются на нѣсколько характерныхъ группъ. Большинство изслѣдователей, которые избрали предметомъ своихъ изслѣдованій южные округа Приморской области, высказываются въ пользу единства всего даннаго племени, хотя весьма многіе и обращаютъ вниманіе на то, что самые южные представители его, обитающіе въ Южно-Уссурійскомъ округѣ, обнаруживаютъ довольно значительныя отличія отъ остальной его части, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ лингвистическомъ и отчасти въ другихъ отношеніяхъ. Эта обособленность южныхъ орочей, именуемыхъ обыкновенно *Тазами* (см. ниже), безъ сомнѣнія зависитъ отъ бо́льшаго воздѣйствія, которому эти орочи въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ подвергались со стороны своихъ сосѣдей—манчжуровъ и племенъ монгольскаго происхожденія—и которому они подвергаются и по-нынѣ со стороны многочисленныхъ китайцевъ и отчасти корейцевъ края. Пальчевскій, близко знакомый съ разсматриваемой страной и ея населеніемъ, сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Зная южныхъ тазъ и орочей Императорской гавани съ 1890 г., я рѣшаюсь высказаться, что орочи Императорской гавани и Уссури одно племя, состоящее однако изъ нѣкоторыхъ родовъ, отличающихся, если не по языку, то по произношенію нѣкоторыхъ звуковъ, а южные тазы представляютъ какое-то измѣненіе и при томъ едва-ли только кровью манзъ,—не есть ли это какой-либо рѣзко особившійся родъ? [1])»

Но противъ подобнаго дѣленія орочей на двѣ группы высказывается другой извѣстный знатокъ орочей—С. Брайловскій [2]), который на основаніи своихъ подробныхъ изслѣдованій тазовъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ приходитъ къ тому же заключенію, что и Шренкъ и другіе, именно, что они тѣ же орочи, лишь сильнѣе измѣнившіеся подъ вліяніемъ долгаго соприкосновенія съ народами сѣвернаго Китая, что подтверждается и тѣмъ фактомъ, что и они называютъ себя тѣмъ же именемъ, которое себѣ даютъ всѣ представители даннаго племени, живущіе въ болѣе южной половинѣ своей области.

Но, отрицая, такимъ образомъ, самостоятельность группы

[1]) Рукописная замѣтка, приложенная къ переписному матеріалу по Уссурійскому округу.

[2]) „Живая Старина“, 1901, II, 132 сл.

тазовъ, Браиловскій на основаніи своихъ изслѣдованій пришелъ къ заключенію, что болѣе южные орочи (тазы и орочи Уссурійскіе и часть Удскихъ) все же представляютъ настолько значительныя отличія отъ болѣе сѣверныхъ, что заслуживаютъ быть признаны особой народностью, причемъ онъ предлагаетъ наименовать ее тѣмъ именемъ, которымъ себя называютъ ея представители сами, именно—*Удигэ* (или точнѣе *Удиһэ*), *Удеэ*, *Удэ*. Границей этихъ удигэ съ остальною, сѣверною, частью орочей, съ которыми названный изслѣдователь оказывается менѣе знакомымъ и которыхъ онъ называетъ, то просто орочами, то «орочанами», онъ считаетъ на западѣ—межу Хабаровскаго и Уссурійскаго округовъ или точнѣе оз. Синда, расположенное въ южной части перваго округа, и далѣе къ востоку—рѣку Ботчи, падающую въ Японское море. Всю ту часть области орочей, которая простирается къ югу отъ этой межи (включая и р. Ботчи до ея верховьевъ), онъ считаетъ областью южной вѣтви орочей или племени удигэ.

Основанія, на которыхъ онъ считаетъ себя въ правѣ проводить такое дѣленіе орочей на двѣ группы, заключается, кромѣ того факта, что южные называютъ себя «удигэ», а сѣверные, повидимому, не знакомы съ этимъ именемъ, въ несходствѣ нарѣчій орочей, живущихъ къ сѣверу и къ югу отъ р. Ботчи [1]), отчасти также въ нѣкоторомъ различіи, наблюдаемомъ у тѣхъ и другихъ въ физическомъ типѣ и въ обычаяхъ (напр. сѣверные носятъ одну косу, южные—двѣ). Это дѣленіе орочей на двѣ части онъ подтверждаетъ и словами архим. Палладія, тоже указывающаго на р. Ботчи (у него р. Ыкки) [2]), какъ на сѣверную границу *Кэкаровъ* (*Кякала*), съ которыми онъ ихъ отожествляетъ (въ другомъ мѣстѣ [3]) онъ отводитъ племени кякала все побережье отъ Владивостока до р. Іосэ).

Относительно бассейна р. Уссури г. Браиловскій даже не приводитъ другихъ основаній для подтвержденія своего мнѣнія о существованіи двухъ рѣзко отличныхъ другъ отъ друга вѣтвей орочскаго племени, какъ сообщеніе того же

---

[1]) Судя по образцамъ рѣчи орочей (см. II приложеніе), разница между нарѣчіями ихъ въ обоихъ районахъ однако не очень велика, она не больше, чѣмъ та, которая существуетъ между ними, съ одной стороны, и языкомъ орочей Вятской вол.—съ другой.

[2]) По 40 вер. картѣ В.-Топ. Отд. эта рѣка (Икки)—пр. прит. р. Ботчи.

[3]) „Китайско-Русскій Словарь“ архим. Палладія и Попова, стр. 148 (по кн. Браиловскаго, стр. 137).

арх. Палладія, что тазы или кякалы жили по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури. Что эти слова арх. Палладія ничего не говорятъ въ пользу ограниченія области удигэ сѣверной межой Уссурійскаго округа —ясно. Во-первыхъ, въ этомъ сообщеніи говорится о правыхъ притокахъ Уссури вообще, безъ обозначенія, какихъ именно, а о притокахъ Амура ничего не упоминается. Во-вторыхъ, выраженія: «тазы» и «кякала», какъ мы увидимъ ниже, далеко не всегда обозначаютъ лишь однихъ удигэ, а часто прилагаются къ орочамъ во всемъ ихъ объемѣ и независимо отъ мѣста ихъ обитанія, а первое также и къ южнымъ гольдамъ и другимъ инородцамъ края.

Такимъ образомъ, употребляемое въ болѣе широкомъ смыслѣ выраженіе: «кэкары» не вполнѣ совпадаетъ съ болѣе опредѣленнымъ и узкимъ понятіемъ: «племя удигэ, удиһэ», въ виду чего ссылка г. Браиловскаго на слова арх. Палладія, писавшаго о кэкарахъ, теряетъ значительную долю своей убѣдительности. Къ тому же во время путешествія этого духовнаго лица по Восточной Азіи Пріамурскій край былъ менѣе изслѣдованъ, чѣмъ нынѣ, и поэтому объ его населеніи существовали менѣе вѣрныя и точныя свѣдѣнія [1]).

Больше значенія въ настоящемъ случаѣ могъ бы имѣть подмѣченный Браиловскимъ фактъ, что орочи къ сѣверу отъ р. Ботчи не именуютъ себя «удигэ», но лишь въ томъ случаѣ, если бы эта часть ихъ имѣла еще другое, общее для всей своей совокупности, туземное имя. Находясь подъ большимъ вліяніемъ русскихъ, эти орочи называютъ себя, безъ сомнѣнія заимствованнымъ отъ русскихъ, именемъ «орочоны»;—отъ другихъ народовъ они его перенять не могли, такъ какъ ихъ сосѣди называютъ ихъ по большей части именемъ: «кэкары» и его варіяціями, а манчжуры, которымъ приписываютъ происхожденіе слова «орунчунъ», отдѣлены отъ нихъ областью гольдовъ. Трудно предположить, чтобы эти орочи, лишь часть которыхъ еле говоритъ по-русски, могли замѣнить этимъ названіемъ («орочоны») свое прежнее наименованіе, если бы таковое у нихъ

1) Разныя выдержки изъ дневника арх. Палладія, приводимыя въ книгѣ Браиловскаго, ясно показываютъ, что, несмотря на свои обширныя свѣдѣнія въ разныхъ областяхъ знанія, онъ не всегда давалъ вѣрныя показанія касательно національности, родства и т. д. отдѣльныхъ народностей края. Такимъ образомъ, „ароч̀и“ (т. е. орочи) у него „несомнѣнно мангуны“ (Браиловскій, ibid., стр. 149), по Хунгари живутъ „гиляки“ (а не орочи) и т. д.

существовало. Можетъ быть, однако, у нихъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ Сибири, вовсе не имѣлось и раньше общаго для всего племени или для его сѣверной вѣтви наименованія, а существовали и существуютъ лишь названія для отдѣльныхъ ихъ частей, живущихъ въ разныхъ районахъ и по разнымъ рѣчкамъ, каковыми являются напр. роды.

Еще меньше, какъ мы видѣли, имѣется основаній для дѣленія на «удигэ» и «сѣверныхъ орочей» той части орочей, которая живетъ по правымъ притокамъ Уссури и Амура. Мы даже не знаемъ, называютъ ли себя и орочи Бикина и Хора именемъ «удигэ», какъ предполагаетъ г. Браиловскій, проводя сѣверную границу удигэ по межѣ Уссурійскаго и Хабаровскаго округовъ, и какъ сообщаетъ перепись объ орочахъ рр. Имы и Ваку («удэ»), а съ другой стороны, между ними и живущими далѣе къ сѣверу повидимому существуетъ извѣстное родство, напр. родъ орочей по Хору—Кимонку встрѣчается и у кэкаровъ по р. Хунгари (Хабаровскаго окр.), хотя эти рѣки даже не смежны, а раздѣлены бассейномъ р. Онюя. Къ тому же мы ничего не знаемъ о томъ, насколько близко находятся другъ къ другу орочи этихъ рѣчныхъ бассейновъ и ихъ нарѣчія и дѣйствительно ли существуетъ въ антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ такое же различіе между орочами Хора и Бикина (Уссур. окр.), съ одной стороны, и ихъ соплеменниками въ прилегающихъ частяхъ Хабар. окр. (басс. рр. Онюя и Хунгари), съ другой, какое наблюдается между орочами побережья Японскаго моря, къ сѣверу и къ югу отъ р. Ботчи, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ можно было бы оправдать и для даннаго района выдѣленіе изъ состава орочей, особаго племени: удигэ.

Изъ вышеприведеннаго явствуетъ, что все, что до сихъ поръ можно съ достовѣрностью сказать въ пользу дѣленія орочей на упомянутыя двѣ группы, сводится къ тому, что къ сѣверу отъ р. Ботчи они представляютъ довольно значительныя отклоненія отъ живущихъ далѣе къ югу, отклоненія, которыя выражаются главнымъ образомъ въ томъ, что тѣ и другіе плохо понимаютъ другъ друга. Но достаточно ли этихъ фактовъ для раздѣленія одного племени на два—это вопросъ.

Всякій, изучавшій туземное населеніе Сибири на мѣстѣ, знаетъ, что инородцы одного и того же племени, но живущіе по разнымъ рѣчкамъ и вообще въ разныхъ мѣстахъ даже од-

ного и того же района, часто представляютъ столь значительныя различія въ языкѣ, что ихъ рѣчь можно было бы принять не только за говоры, но и за нарѣчія и даже за самостоятельные языки. Возьмемъ, напр., самоѣдовъ, остяковъ, вогуловъ Тобольской губерніи. Каждое изъ этихъ весьма немногочисленныхъ племенъ распадается по языку и отчасти по физическому типу и обычаямъ на отдѣльныя, довольно характерныя, группы, которыя часто такъ трудно понимаютъ другъ друга, что принуждены бываютъ при взаимныхъ переговорахъ прибѣгать къ чужому (русскому) языку. Но достаточно имъ побыть извѣстное время другъ съ другомъ и ихъ уши начинаютъ улавливать смыслъ въ чуждыхъ имъ прежде, но все же родственныхъ, звукахъ. То же и по-сейчасъ наблюдается и въ другихъ глухихъ частяхъ Сибири. Да и южные орочи (удигэ), какъ и другія племена Сибири, повидимому, не говорятъ на одномъ языкѣ, а на отдѣльныхъ его нарѣчіяхъ, которыя постепенно измѣняются по мѣрѣ того, какъ направляешься отъ сѣвера ихъ областей къ югу, или обратно, переходя изъ бассейна одной рѣчки въ бассейнъ другой. Не существуетъ рѣзкихъ различій между сѣверными и южными орочами и въ ихъ физическомъ типѣ, въ нравахъ и обычаяхъ—они не больше чѣмъ тѣ, которыя наблюдаются и въ другихъ мѣстахъ Сибири въ предѣлахъ одного и того же племени. Такого же мнѣнія относительно нераздѣльности племени орочей придерживаются и другіе серьезные изслѣдователи края, напр. Шренкъ, также и г. Пальчевскій.

Теперь переходимъ къ бѣглому обзору другихъ немалочисленныхъ наименованій, подъ которыми представители этого племени извѣстны у ихъ сосѣдей и которыя они даютъ себѣ сами.

Весьма характернымъ названіемъ для этого племени является упомянутое выше имя: *Кэкары*, которое, какъ справедливо замѣчаетъ акад. Шренкъ, является для него болѣе подходящимъ, чѣмъ имя «орочи», уже въ виду того, что это имя имъ даютъ почти всѣ ихъ сосѣди. Такимъ образомъ, манчжуры называютъ ихъ: *Кьякла*, *Кьякала*, Уссурійскіе гольды—*Кэкарами*; у гиляковъ сѣверные орочи извѣстны подъ именемъ *Кэкалъ* и *Кьэкхалъ* [1]). Интересно, что это имя встрѣчается и въ переписномъ матеріалѣ, хотя и для обозначенія лишь небольшой

[1]) Шренкъ, ibid., I, 140—141.

части этого племени, именно, живущей по нижнему Хунгари, книзу отъ селеній орочей. Это показываетъ, что лица, ведшія тамъ перепись, дѣлали какое то различіе между этими послѣдними и обитателями болѣе нижняго теченія рѣки. Можетъ быть этимъ именемъ имѣлось въ виду обозначить орочей изъ болѣе южныхъ мѣстностей (удигэ), въ противоположность остальнымъ. Вѣрнѣе, однако, что въ этомъ разногласіи наименованій проявляется лишь субъективное мнѣніе счетчиковъ, изъ коихъ одинъ назвалъ ихъ мѣстнымъ именемъ кэкары, а другой — орочами. При разработкѣ данныхъ переписного матеріала мы ихъ естественно отнесли къ орочамъ, къ которымъ они наиболѣе подходятъ и по названіямъ своихъ родовъ.

Самыхъ южныхъ орочей, въ настоящее время сильно окитаившихся, обыкновенно называютъ по китайски: *Тазы* (соб. *Тадзе*, *Дадзы*) [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что слово «тазы» не имѣетъ у китайцевъ строго опредѣленнаго значенія. Оно ими примѣняется для обозначенія разныхъ народовъ, напр. монголовъ и нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ Уссурійскаго края, главнымъ же образомъ орочей. Такимъ образомъ, по Н. Пальчевскому [2]), завѣдывавшему переписью инородческаго населенія въ южной части Уссурійскаго округа, манзы (рабочіе китайцы) называютъ Уссурійскихъ и южныхъ орочей: *Чанъ-мауръ-таза* («длинноволосые инородцы»), а обитателей Императорской гавани: *Ю-пи-таза* («рыбокожіе инородцы») [3]), а у мѣстнаго русскаго и китайскаго населенія они, судя по припискамъ къ собраннымъ въ 1897 г. образцамъ языковъ, извѣстны подъ именемъ: *Тазы* (у китайцевъ также *Цам-даза*).

Замѣтимъ еще, что Иманскіе орочи (Уссур. окр.), называютъ себя, по этому автору, кромѣ *Удэ* также *Наманкà*, а приморскихъ своихъ сородичей именуютъ: *Намкà*. Эти названія нѣсколько напоминаютъ прозвище, которое орочамъ даютъ ихъ сосѣди — Уссурійскіе гольды и гиляки — *Ламукà* т. е. «приморскіе жители». Этимъ же именемъ (Ламуканы) себя называютъ, по Корзуху, и Иманскіе орочи, переселившіе на названную рѣку съ морского берега. Эти названія орочей Уссурійскаго края въ свое время слышалъ и Маакъ. Онъ сообщаетъ, что мѣст-

---

[1]) Шренкъ, ibid., I, 140—141.
[2]) См. прим. 1. на стр. 75.
[3]) У жителей бассейна нижняго Амура и прилегающихъ мѣстностей и по-сейчасъ сохранилась лѣтняя одежда изъ рыбьихъ кожъ.

ные жители называютъ ихъ *Ламокà* и *Намокà* [1]). Въ припискахъ къ образцамъ языковъ, собраннымъ въ 1897 г., сообщается, что сами южные орочи называютъ себя: *Ламкэнъ*, *Ламкан-наи* или *Бира-наини* («рѣчные люди»).

Л. Штернбергъ приводитъ еще цѣлый рядъ названій орочей, которыя однако мало пригодны для того, чтобы сдѣлаться общимъ наименованіемъ цѣлаго племени. Таковы имена: *Нана* (*Нани*) и *Хыды* [2]), которыми себя называютъ не только орочи, но и другіе тунгусскія племена Пріамурья: гольды, мангуны, ороки, и имена: *Кэжа, Кэра* и др., имѣющія, повидимому, лишь мѣстное значеніе.

Наконецъ, нѣкоторую часть орочей, главнымъ образомъ живущихъ въ сѣверной части побережья Татарскаго пролива, иногда ошибочно называютъ «гиляками», такъ какъ слово «гиляки» примѣняется мѣстными жителями, какъ въ XVII в. примѣнялось и казаками-завоевателями края, для обозначенія не только собственно гиляковъ (палеазіатское племя), но и другихъ инородцевъ, живущихъ въ нижнемъ теченіи Амура (ольчей, отчасти негидальцевъ и т. д.). Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ картахъ Приморской области можно встрѣтить въ предѣлахъ распространенія орочскаго племени надписи «гиляцкія юрты», напр. у устья р. Немми (Нельмѝ). Всѣ эти смѣшенія туземныхъ народностей въ значительной степени затрудняютъ выясненіе вопроса о границахъ и о географическомъ распространеніи мѣстныхъ инородческихъ племенъ, въ особенности въ прежнее время.

Изо всѣхъ упомянутыхъ выше названій орочей наиболѣе типичными оказываются: *Кэкары*, имя, которымъ можно было бы съ удобствомъ замѣнить слово «орочи», а также *Удигэ (Удеэ, Удэ)*, которымъ себя называетъ значительная часть племени, обитающая въ болѣе южной полосѣ своей области.

2. Географическое распространеніе и численность.

Орочи встрѣчаются во всѣхъ четырехъ южныхъ округахъ Приморской области. Районъ ихъ распространенія представляетъ длинную и довольно узкую полосу, ограниченную на востокѣ Татарскимъ проливомъ и Японскимъ моремъ, на сѣверѣ и сѣ-

[1]) „Путешествіе въ долину р. Уссури".
[2]) Напоминаетъ гольдское: *Хыджа*—см. стр. 27 и 119.

веро-западѣ — страной ольчей или точнѣе линіей, проведенной прибл. отъ бухты Мосолова на западъ до хребта Сихота-алинъ. Западная граница тянется по названному хребту (мѣстами нѣсколько западнѣе) на ю.-з. почти до 50° с. ш., гдѣ направляется по другой побочной горной цѣпи на западъ, къ устью р. Хунгари, откуда она тянется на югъ черезъ нижнее теченіе рр. Опюя, Хора, Бикина, Имы и Ваку вплоть до границы Уссурійскаго и Южно-Уссурійскаго округовъ (или до протекающей нѣсколько южнѣе рѣки Та-Ситухэ), гдѣ кончается область сплошного орочскаго населенія. Въ указанныхъ предѣлахъ орочи встрѣчаются почти по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ, съ одной стороны, въ упомянутое море, и, съ другой, въ Амуръ и Уссури; рѣки послѣдней категоріи принадлежатъ имъ однако лишь своимъ среднимъ и верхнимъ теченіемъ, между тѣмъ какъ нижнее ихъ теченіе занято гольдами, являющимися на всемъ протяженіи ихъ области ихъ западными сосѣдями. Здѣсь, на западѣ, ихъ межа съ гольдами идетъ параллельно Амуру и Уссури, но въ извѣстномъ разстояніи отъ ихъ руселъ.

Южнѣе межи Уссурійскаго округа почти непрерывное, но весьма рѣдкое, орочское населеніе встрѣчается во всей восточной половинѣ Южно-Уссурійскаго округа, вплоть до бассейна р. Суду-хэ (включ.), впадающей въ Японское море къ востоку отъ р. Сучана. Мы на томъ основаніи не включили эту мѣстность въ границы орочской страны, что главная часть ея населенія состоитъ изъ китайцевъ, среди которыхъ, обыкновенно въ однихъ съ ними селеніяхъ, проживаютъ небольшія группы орочей, въ общей сложности не превышающія 13,5% наличнаго населенія этого района и то, если не считать поселеній по берегу моря [1]). Въ зимнее время, когда имѣла мѣсто перепись 1897 г., орочи проживали въ немногихъ населенныхъ пунктахъ по болѣе крупнымъ рѣкамъ края: Тазушу, Аввакумовкѣ, Пхусуну, впадающимъ въ Японское море, и въ меньшемъ числѣ по рр. Ула-хэ, Ли-Фудину (Фудину) и т. д. Еще далѣе на западъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Если за 40 лѣтъ, истекшихъ со времени путешествія въ край Шренка, въ распространеніи орочей къ сѣверу, востоку и западу почти не

[1]) Если же принять въ разсчетъ и многочисленное китайское населеніе побережья моря, то процентъ орочей будетъ совсѣмъ ничтоженъ.

замѣчается никакихъ перемѣнъ, то тѣмъ большія измѣненія наблюдаются по южной окрайнѣ ихъ страны т. е. въ Южно-Уссурійскомъ округѣ, который тогда былъ населенъ лишь орочами и ихъ западными сосѣдями — гольдами, среди которыхъ проживали довольно многочисленные китайцы. Необычайно возросшее съ тѣхъ поръ населеніе этого округа, состоящее изъ русскихъ, китайцевъ и корейцевъ, стѣснило со всѣхъ сторонъ первобытное населеніе края, которое стало вымирать, ассимилироваться съ китайцами и выселяться, сохранившись въ настоящее время лишь въ немногихъ пунктахъ края. Въ 50-хъ же годахъ истекшаго столѣтія граница орочей и гольдовъ тянулась здѣсь, по Шренку, отъ нижняго теченія р. Ваку до впаденія въ Уссури рч. Кубуръ-хэ, далѣе по Уссури и отчасти по Дауби-хэ и отсюда до мѣста, гдѣ р. Суйфунъ, впадающая въ Амурскій заливъ, дѣлаетъ поворотъ на югъ (см. стр. 33). Въ этомъ пунктѣ тогда повидимому сходились межи орочей, гольдовъ и манчжуровъ, жившихъ къ западу отъ гольдовъ. Далѣе граница орочей шла по лѣвому берегу р. Суйфуна до моря.

Теперь разсмотримъ болѣе подробно вопросъ о разселеніи въ настоящее время орочей по территоріи ихъ области, въ связи съ опредѣленіемъ ихъ численности въ отдѣльныхъ округахъ и районахъ.

Главная масса орочей проживаетъ въ округахъ: Удскомъ и Уссурійскомъ, затѣмъ слѣдуетъ Хабаровскій округъ, а послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ округъ Южно-Уссурійскій.

Въ Удской округѣ они занимаютъ:

а) Всю береговую полосу вдоль *Татарскаго пролива* и сѣв. части *Японскаго моря*, лежащую между хребтомъ Сихота-алинъ и моремъ, граничащую на сѣверѣ приблизительно 51°—51° 20′ с. ш., а на югѣ простирающуюся до южной границы округа. Съ запада за названнымъ хребтомъ проживаютъ орочи же Уссурійскаго округа, на сѣверѣ — ольчи, на югѣ — китайцы, отчасти также русскіе и корейцы (и орочи). Въ названныхъ предѣлахъ орочи живутъ около устьевъ и въ низовьяхъ рѣчекъ, впадающихъ въ море: Ботчи, Нельми, Самаргà, Идѝ, Нахтухỳ, Окàпъ, Тахибеò, Кушỳнъ, Амгỳ, Такхома; живутъ они и около бухты Терней и по впадающей

въ нее рѣчкѣ Санденбеѣ. Лишь въ бассейнахъ болѣе крупныхъ рѣкъ (Тумнина, Копи, Уй и др.) они встрѣчаются и по ихъ среднему теченію, вдали отъ моря.

47 мѣстныхъ селеній орочей имѣютъ по большой части постоянный характеръ. Изъ нихъ только 6 имѣютъ смѣшанное населеніе. Во всемъ районѣ на одно чисто орочское селеніе приходится 2,6 хозяйствъ, а на одно хозяйство 6,3 душъ об. п. и на поселеніе 17,9 душъ. Въ 16 селеніяхъ, расположенныхъ по р. Копи, частью по другимъ рѣчкамъ побережья до р. Сторожъ на югѣ, показано, кромѣ хозяйствъ, и число юртъ. Въ этихъ 16 селеніяхъ оказалось 47 юртъ и 45 хозяйствъ: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ число юртъ превышало число хозяйствъ, въ другихъ—наоборотъ.

Общая численность орочскаго населенія этой мѣстности простиралась въ 1897 г. до 841 души (475 м.)

Для удобства обозрѣнія мѣстнаго орочскаго населенія указанное побережье можно разбить на двѣ части, на: сѣверную, расположенную по Татарскому проливу и вдоль сѣверной части Японскаго моря, и на южную, находящуюся къ югу отъ нея. Первая въ переписномъ матеріалѣ названа «мѣстностью около Императорской гавани», которая дѣйствительно расположена въ серединѣ этой береговой полосы. Орочи, проживающіе здѣсь, отличаются отъ своихъ болѣе южныхъ сородичей по языку, но отчасти и въ другихъ отношеніяхъ (см. стр. 75). Селенія этого района тянутся отъ сѣвернаго предѣла распространенія орочей, нынѣ однако лежащаго южнѣе зал. Де-Кастри, на югъ до р. Ботчи. Часть ихъ расположена по морскому берегу у устьевъ мелкихъ рѣчекъ (сел. Асинка, Аутка, Сюрку, Джуанко, Улика), часть—въ отдаленіи отъ моря, по нижнему и среднему теченію болѣе крупныхъ рѣкъ. Изъ этихъ рѣкъ наибольшее значеніе имѣетъ:

Тумнинъ (*Тумни*), по которой встрѣчаются слѣдующія постоянныя селенія: Монгокто (Могокто), Хутуда (Хутудани), Акульда (Акульдани), Мунгидани, Джогдя и другія, по большой части у устьевъ рѣчекъ того же наименованія, впадающихъ въ р. Тумнинъ.

По г. Эдельштейну [1]), поднявшемуся въ 1898 г. вверхъ по Тумнину почти до его верховьевъ, постоянныя селенія орочей по этой рѣкѣ прекращаются у устья его пр. притока

[1]) „Изв И. Р. Геогр. О." т. XLI., вып. II, 209 сл.

Мули (Мулидаты), гдѣ было расположено послѣднее орочское селеніе вверхъ по Тумнину. Выше попадаются лишь охотничьи шатры или «аунги» т. е. шалаши изъ жердей для ночевокъ путниковъ. По даннымъ же переписи далѣе вверхъ по Тумнину имѣются еще селенія, напр. сел. Мунгидани, находящееся у устья одноименной рѣчки, какъ это видно на 40 вер. картѣ В.-Топ. Отд., гдѣ выше р. Мули показано кромѣ того еще селеніе — Томисолъ. Это разногласіе безъ сомнѣнія находитъ себѣ объясненіе въ непостоянствѣ жилищъ и селеній мѣстныхъ инородцевъ (ср. стр. 72).

По р. *Копи* и ея притокамъ считается не менѣе 9 поселковъ съ населеніемъ въ 103 д. (58 м.): Домоха ($1^1/_2$ в. отъ устья), Эггача, Майда (30 в. отъ у.), Кудабяка, Ма, Гадки, Копи (при устьѣ р. К.), Май-Дата (при притокѣ Копи—Маѣ), Пуначигайча (въ 14 в. вверхъ отъ М.-Д.).

По р. *Уй* расположены селенія: Кумтэ (10 в. отъ у.), Койнаку, Дата.

Итого, во всей этой мѣстности проживаетъ въ 31 селеніи 427 д. об. п. (235 м.) орочей, которые и составляютъ все ея населеніе. Среднее хозяйство здѣсь состоитъ изъ 5,9 душъ и среднее селеніе изъ 13,8 душъ об. п.

Часть побережья Японскаго моря къ югу *отъ р. Ботчи до бухты Терней,* расположенной на югѣ Удской округи, составляетъ вторую область—область южныхъ орочей, называющихъ себя «Удигэ». Здѣсь по переписи 1897 г. оказалось 16 селеній. Самое сѣверное изъ нихъ—сел. Ботчи, въ $1^1/_2$ вер. отъ устья рѣки того же наименованія,—8 юртъ въ 7 хозяйствъ съ населеніемъ въ 53 д. (31 м.) [1]). Отъ этой рѣки на югъ до р. Нельмй въ 1897 г. постояннаго населенія не было, хотя во время охоты (на лося) орочи и проживаютъ временно по мелкимъ рѣчкамъ этой мѣстности. У устья р. Нельмй расположено сел. Нельмй въ 9 д. (6 м.). Прежде здѣсь было больше орочей, но часть ихъ, какъ и съ рѣчекъ: Ауды, Адами и др., переселились на р. Самаргу̀ (см. ниже). Лѣтомъ, по Браиловскому, ихъ юрты разбиты на низменной полосѣ, которая тянется на 10 вер. вглубь страны, до горъ, зимнія же юрты лежатъ ближе къ этимъ послѣднимъ, прибл.

[1]) По книгѣ же Браиловскаго (ibid.), ведшаго перепись по этой рѣкѣ, здѣсь 4 небольшихъ селенія, расположенныхъ отъ ея устья до верховьевъ. Въ нихъ въ общемъ было 6 юртъ съ населеніемъ въ 48 д. (29 м.),

на растояніи 10 вер. отъ лѣтнихъ. На лѣвой протокѣ рѣки имѣется два селенія: одно у моря—Кугдига въ 2 юрты съ населеніемъ 18 душъ (7 м.); другое селеніе: Ги—по другую сторону протоки: 2 юрты: 22 д. (15 м.).

При устьѣ р. *Самаргй*—сел. Тикпй въ 2 ю. и 21 д. (9 м.); 4—5 вер. выше—сел. Бигаулей: 5 ю. съ 44 жителями (25 м.). [По книгѣ Браиловскаго въ немъ 52 д. (30 м.)]. Въ 25—30 вер. отъ устья р. Самаргй селеніе Мухтухў: 2 ю. въ 13 д. (8 м.). Всего по этой рѣкѣ въ 1897 г. проживало 118 д. (64 м.) [по кн. Браиловскаго 126 д. (69 м.)].

Слѣдующимъ къ югу населеннымъ пунктомъ области является сел. Идй при рч. *Идй* (на картахъ: «Перетолчина»?). По этой рѣкѣ на разстояніи $1^1/_2$—2 вер. другъ отъ друга разбросано 7 юртъ съ 66 жителями (40 м.).

На слѣдующей рч. *Кюмоны*, гдѣ раньше тоже жили орочи, въ 1897 г. ихъ не оказалось. По рч. *Нахтў* или *Нахтухў* (Бархатовкѣ?) было два селенія, изъ коихъ одно—Нахтў: 2 ю. (4 хоз.) въ 37 д. (25 м.) и другое на рч. Окàнъ, 20 вер. отъ Нахтў, 1 ю. (2 хоз.) въ 17 д. (11 м.). Всего по р. Нахтухў оказалось 3 юрты (6 хоз.) съ населеніемъ въ 54 д. (36 м.). [По кн. Браиловскаго 55 д. (35 м.)].

По р *Кушўнъ (Кушун-гоу)* имѣется въ 6—7 вер. отъ ея устья, на равнинномъ правомъ берегу, селеніе орочей и китайцевъ, въ которомъ одинъ балаганъ, 1 юрта и нѣсколько фанзъ. Въ 1897 г. здѣсь въ 8 хозяйствахъ было, включая 3 китайцевъ, 41 д. (29 м.). Эта рѣка крайній на сѣверѣ пунктъ побережья, куда проникли китайцы, имѣющіе, какъ извѣстно, большое культурное вліяніе на орочей. Отсюда часть орочей во время охоты на лося пробирается на сѣверъ, на рѣчку *Токò* (*Тахобео*), гдѣ во время переписи было застигнуто 1 хоз. въ 5 д. (4 м.), жившихъ въ 1 юртѣ.

По р. *Амгу*—5 жилищъ (1 балаганъ и 4 фанзы), разбросанныхъ на большомъ разстояніи. Во время переписи въ 8 верстахъ отъ устья проживало 6 хозяйствъ, въ которыхъ числилось 6 д. (5 м.) орочей (и 12 д. китайцевъ и японцевъ).

На р. *Тахомъ*, въ 13—15 вер. отъ ея устья, имѣется селеніе Кэмэ или Кэміэ со смѣшаннымъ китайско-орочскимъ населеніемъ. Молодое поколѣніе, родившееся отъ этихъ перекрестныхъ браковъ, отчасти вновь совершаетъ перекрестные браки или женится между собою, что способствуетъ болѣе тѣс-

ному сліянію обѣихъ частей населенія. Всего здѣсь 6 жилищъ, которыя образуютъ двѣ группы. Въ нихъ оказалось 41 д. (27 м.) жителей, изъ коихъ 21 д. (11 м.) можно признать орочами.

Р. *Санденбея*—послѣдняя рѣка на югѣ побережья Японскаго моря, по которой живетъ сплошное орочское населеніе. Южнѣе бухты Терней до южной межи Удской округи и даже далѣе на югъ до р. Тазуши, тянутся лишь поселенія китайцевъ (см. ниже). По р. Санденбеѣ расположено китайское поселеніе Санхабэ въ 29 хоз., раскинувшееся на протяженіи 10—15 вер., начиная съ 6—7 версты отъ устья рѣки. Здѣсь на 176 д. об. п. по переписи числилось 34 д. (9 м.!) орочей, жившихъ въ 9 жилищахъ. Въ другомъ мѣстѣ по той же рѣкѣ проживаетъ еще 20 д., изъ коихъ 10 д. (8 м.) орочей, остальные—китайцы.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, въ южной части описываемаго района проживаютъ кромѣ орочей японцы и китайцы: первые—главнымъ образомъ у устьевъ рѣчекъ: Сторожъ и Кумгу̀, въ числѣ 52 м., и въ такомъ же числѣ въ с. Санхабэ (см. выше). Китайцы же встрѣчаются по всѣмъ рѣчкамъ, начиная съ р. Кушу̀нъ на сѣверѣ. Общее ихъ число простирается до 129 д. (9 ж.!). Если съ сѣвера области до р. Сторожъ орочи составляютъ все населеніе края, то къ югу отъ названной рѣки до бухты Терней на 356 душъ наличнаго населенія приходится всего 114 (63 м.) орочей и 242 д. (233 м.) постороннихъ, почти исключительно китайцевъ и японцевъ, такъ что процентъ орочей не превышаетъ здѣсь 32,0%.

Во всемъ южномъ районѣ побережья Японскаго моря—отъ р. Ботчи (вкл.) на сѣверѣ до бухты Терней на югѣ —въ 1897 г. въ 16 селеніяхъ проживало 414 д. (240 м.) орочей.

Точныхъ статистическихъ данныхъ за болѣе ранніе годы касательно численности населенія побережья Японскаго моря у насъ не имѣется. Нѣкоторыя указанія, однако, даютъ данныя полк. Надарова касательно числа юртъ, находившихся въ началѣ 80-хъ годовъ по берегамъ отдѣльныхъ рѣчекъ этого района. Общихъ выводовъ на основаніи сопоставленія этихъ данныхъ съ таковыми по переписи сдѣлать нельзя, потому что, съ одной стороны, въ разное время года юрты расположены въ разныхъ мѣстахъ теченія рѣкъ, во-вторыхъ, г. Надаровъ, повидимому, не проникалъ въ страну далеко отъ устьевъ рѣкъ, и, въ третьихъ, въ южной части этой мѣстности многія юрты имѣютъ смѣшанное или же прямо китайское на-

селеніе. Сообщаемыя Надаровымъ свѣдѣнія приводятъ къ заключенію, что орочское населеніе съ теченіемъ времени мѣняетъ мѣста своихъ поселеній, какъ это можно было предполагать уже a priori, и что въ общемъ оно повидимому здѣсь не убыло за 15 лѣтъ, истекшія со времени путешествія названнаго лица по краю до переписи 1897 г., хотя китайцы несомнѣнно сильно возрасли въ числѣ и проживаютъ нынѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ прежде почти не было [1]).

б) Въ предѣлахъ *Б. Михайловской* волости зарегистрировано 14 д. (10 м.) орочей, проживающихъ совмѣстно съ ольчами (въ переписномъ матеріалѣ: «гиляками») и гольдами въ 4 селеніяхъ, изъ коихъ въ наибольшемъ числѣ въ сел. Акша (7 д. орочей) и Чильба (5 д.). Въ виду того, что въ этихъ мѣстностяхъ названія народностей въ переписномъ матеріалѣ сильно перепутаны и негидальцы нижняго теченія Амгуни неправильно названы «орочонами» (т. е. орочами), мы не можемъ поручиться, что «орочи» Б. Михайловской волости дѣйствительно орочи, а не другое тунгусское племя, напр. негидальцы, что тѣмъ болѣе возможно, что настоящая область орочей лежитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этихъ мѣстъ (ср. стр. 34).

в) Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Удской округи было обнаружено всего 11 д. (4 м.) орочей.

Всего въ Удской округѣ числилось въ 1897 г. 866 душъ орочей, изъ коихъ 489 м. (на 100 м.—77 женщинъ). Какъ указано выше, 414 душъ (240 м.) изъ нихъ принадлежатъ къ южной вѣтви этого племени (удигэ), остальная—452 д. (249 м.)—къ сѣверной (относительно ихъ границъ—см. стр. 76 сл.).

Хабаровскій округъ. а) Главная масса орочей принадлежитъ къ «экспедиціи» по р. *Уни* или *Онюю* (*Дондону*) въ предѣлахъ Троицкой вол. Здѣсь они образуютъ 8 самостоятельныхъ

---

[1]) Здѣсь мы даемъ сопоставленіе числа юртъ нѣкоторыхъ орочскихъ селеній даннаго района по Надарову, въ началѣ 80-хъ годовъ, и по Браиловскому за 1896 г. Селеніе у устья р. Ботчи сохранило то же число жилищъ—2; поселеніе у устья р. Нельмы убыло со времени 80-хъ годовъ; по р. Кюмоны, гдѣ при Надаровѣ было 4 юрты, въ 1896 г. ихъ не оказалось вовсе; по р. Амгу по Надарову—1 юрта, по Браиловскому 5—жилищъ, изъ коихъ одинъ орочскій балаганъ; по рч. Такхомѣ, въ 10 вер. отъ ея устья, по Надарову, селеніе орочей въ 19 домовъ; въ 1896 г. на разстояніи 10—15 вер. отъ устья—6 жилищъ со смѣшаннымъ населеніемъ; по р. Санденбеѣ въ 80 годахъ имѣлось у ея устья селеніе въ 4 юрты, а въ 1896 г. по этой рѣкѣ на протяженіи 6—8 вер. раскинулась китайская деревня Санхабэ въ 32 фанзы (см. стр. 87).

селеній въ 18 хозяйствъ, въ коихъ числилось 180 д. об. п., въ т. ч. 92 м. Наиболѣе крупныя селенія здѣсь: Бередани—4 хоз. въ 39 д. об. п. (18 м.), Аджу—4 хоз. въ 36 д. (19 м.), Ваксаса—2 хоз. въ 25 д. (14 м.), Сиракси—1 хоз. въ 23 д. (11 м.), Хоралики (изъ бассейна р. Хоръ)—2 х.: 19 д. (10 м.). Остальныя селенія: Ай, Пунчй, Муре. На среднее селеніе здѣсь приходится 2,2 хозяйства и 22,5 душъ об. п., а на среднее хозяйство—10 д. Всѣ эти селенія расположены въ средней части рѣки; нижнее ея теченіе занимаютъ гольды (5 селеній), а самое верхнее не имѣетъ постояннаго населенія.

Эдельштейнъ (l. c., 219), пересѣкшій этотъ край въ 1898 г., направляясь отъ моря вверхъ по р. Копи и потомъ, переваливъ черезъ хребетъ Сихота-алинъ, внизъ по р. Уни, сообщаетъ, что между послѣднимъ селеніемъ по верхнему теченію Копи—Май-Датой (см. стр. 85) и первымъ селеніемъ по Онюю (Дооке), мѣстность на протяженіи около 350 вер., совершенно безлюдна. Дооке, по этому автору, лежитъ въ разстояніи 100 вер. отъ р. Амура. Въ данныхъ переписи этого селенія не имѣется, да и мѣстоположеніе остальныхъ селеній по Онюю не показано.

И здѣсь замѣчается разногласіе между показаніями переписи и г. Эдельштейна. По первому источнику послѣднее селеніе вверхъ по р. Копи: Майда находится въ 30 вер. отъ ея устья, а по второму таковымъ оказывается сел. Май-Дата, находящееся въ 15 вер. отъ устья р. Копи.

Въ виду малаго знакомства нашего съ краемъ, лежащимъ къ востоку отъ рр. Амура и Уссури, трудно съ точностью сказать, въ какихъ мѣстностяхъ по другимъ правымъ притокамъ названныхъ рѣкъ еще проживаютъ орочи и гольды. Несомнѣнно, однако, что постоянныхъ жилищъ внѣ указанныхъ мѣстностей нѣтъ, охотники же встрѣчаются повсемѣстно въ краѣ. Такимъ образомъ, достовѣрно извѣстно, они временно посѣщаютъ р. *Мухенъ*, падающую въ оз. Синда, находящееся около Амура, къ югу отъ Онюя. По крайней мѣрѣ охотники развѣдочной команды встрѣтили ихъ въ 1894 г. по ея лѣвому притоку—Немпту [1]). Они происходили съ р. Хоръ.

Въ меньшемъ числѣ орочи встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстностяхъ округа:

---

[1]) „Тр. Пріам. Отд. И. Р. Геогр. О.“ 1895 г.

б) По правому берегу Амура, внѣ границъ орочской страны, въ предѣлахъ *Нижне-Тамбовской* вол. Здѣсь они въ числѣ 19 душъ были зарегистрированы въ трехъ кочевьяхъ: Кэути и Очи по Амуру и въ сел. Пули по р. Ай. Въ первомъ изъ нихъ ихъ оказалось 4 м. и 1 ж. на 10 д. об. п. наличнаго населенія (въ т. ч. 5 тунгусовъ), во второмъ: 5 м. и 7 ж. на 17 д. населенія, состоящаго кромѣ нихъ изъ гольдовъ, и въ третьемъ—2 д. (1 м.) [1]).

в) 35 орочей (19 м.) были переписаны въ мѣстности, составляющей *Вятскую* волость и находящейся въ самой восточной части Амурской области. Орочи тамъ проживали въ бассейнѣ р. Тунгуски въ трехъ становищахъ: Синъ, около сопки, 7 д. (4 м.), Ольды—21 д. (11 м.) и Кадаганъ—7 д. (4 м.) Въ первомъ кочевьѣ кромѣ орочей встрѣчалось еще 2 гольда, во второмъ—2 д. тунгусовъ. Преобладающемъ населеніемъ; всей этой мѣстности являются, однако, гольды; орочи же составляютъ здѣсь лишь примѣсь къ нимъ (см. стр. 42).

в) По р. *Хунгари* орочи, въ числѣ 178 д. (94 м.), проживаютъ въ 10 населенныхъ пунктахъ, расположенныхъ по среднему и нижнему его теченію. Изъ нихъ 76 д. (44 м.), названные «орочонами», проживали, кромѣ 2 д., въ 4 самостоятельныхъ кочевьяхъ: Поди—7 д. (5 м.), Илика—30 д. (18 м.), Уктуданъ 29 д. (14 м.) и Мончи—8 д. (6 м.). У другой ихъ части показанъ *кэкарскій* языкъ (см. стр. 78—79). Эти орочи проживаютъ въ 6 стойбищахъ: Ситами, Хосода, Хонджанджани, Сюзюку, Белачи и Навуридани, въ которыхъ въ общей сложности оказалось 14 хозяйствъ и 102 д. об. п. (50 м.). Что касается до района, занимаемаго кэкарами, то они обитаютъ по нижнему теченію Хунгари, книзу отъ той части этихъ инородцевъ, которая названа въ переписномъ матеріалѣ: «орочонами».

У орочей Хунгари на среднее хозяйство приходится 6,6 д. (у собств. орочей—5,8 д. у и кэкаровъ 7,3 д.).

Всего въ Хабаровскомъ округѣ проживаютъ 413 душъ (216 мужч.) орочей *съверной* вѣтви.

Уссурійскій округъ. Здѣсь орочи проживаютъ въ предѣлахъ Козловскаго и Казакевичскаго станичныхъ округовъ. Въ первомъ округѣ они встрѣчаются по берегамъ притоковъ Уссури: Бикину, Имѣ или Иману и Ваку, во второмъ—они бродятъ по р. Хоръ (Поръ) и его притокамъ.

[1]) По переписному матеріалу „гольды“ рода Удюга.

а) По р. *Хору* (*Пору*) орочи были переписаны въ стойбищахъ, расположенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья названной рѣки, а также по ея притокамъ. Самыя низовья заселены русскими и временно живущими китайскими рабочими, а выше среди нихъ встрѣчаются и немногіе гольды (см. стр. 45).

Относительно орочей, живущихъ по Хору, въ переписномъ матеріалѣ имѣются лишь самыя общія свѣдѣнія. О нихъ извѣстно лишь то, что они въ числѣ 353 д. об. п. (196 м.) бродятъ по притокамъ Хора, проживая въ шатрахъ. Они составляютъ 39 хоз., на каждое изъ которыхъ приходится 9 душъ об. п.

По Бѣльковичу [1]) орочи р. Хора распадаются на три рода или, какъ онъ выражается, на три большія фамиліи или семьи: *Кямунджига*, *Кимонку* и *Сыгдыри* (см. ниже). Самое отдаленное становище орочей вверхъ по рѣкѣ Хору находится, по этому автору, ниже впаденія въ нее р. Чуи. Отсюда временныя стойбища ихъ тянутся внизъ по этой рѣкѣ, согласно даннымъ переписи, до самаго ея нижняго теченія, запятаго гольдами. Браиловскій же, ссылаясь на показанія Бѣльковича, сообщающаго, что ихъ становища доходятъ «до устья» Хора, утверждаетъ, что Шренкъ былъ неправъ, говоря, что они (въ 50-хъ годахъ) жили по этой рѣкѣ не ближе 60 вер. отъ устья. Не говоря уже о томъ, что вообще странно, на основаніи данныхъ за 90-ые годы опровергать изслѣдованія, касающіяся событій, бывшихъ 40 лѣтъ тому назадъ, перепись 1897 г. показала, что распредѣленіе инородческаго населенія по р. Хоръ, которое даетъ Шренкъ, почти справедливо для настоящаго времени. Изъ бассейна р. Хора орочи перебираются на время и въ бассейнъ Кіи и другихъ рѣкъ.

Относительно численности орочскаго населенія по р. Хоръ г. Пальчевскій полагаетъ, что перепись 1897 г. не даетъ точныхъ цифръ касательно данной мѣстности. Регистрація населенія встрѣчала здѣсь препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что мѣстные инородцы постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто и поэтому сильно затрудняютъ правильный ихъ учетъ. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что перепись дала слишкомъ низкія цифры для инородцевъ этого района. Бѣльковичъ, ссылаясь на отзывы китайцевъ, проживающихъ по данной рѣкѣ и кре-

[1]) „Тр. Пріам. Отд. И. Р. Геогр. О." за 1895 г.

дитующихъ мѣстныхъ инородцевъ, опредѣляетъ ихъ число въ 50 семействъ, что, при составѣ семьи или хозяйства въ 9 душъ (по переписи; Бѣльковичъ принимаетъ—10 д.), даетъ численность орочскаго населенія бассейна Хора въ 450 душъ. Брайловскій, спеціально занимавшійся изслѣдованіемъ этого племени, беретъ число семействъ Надарова—98 и, помножая его на 10, получаетъ 980 или, въ круглыхъ числахъ, 1000 душъ. Намъ кажется, что численность орочей въ этомъ районѣ исчислена упомянутымъ авторомъ слишкомъ высоко. Китайцы, знающіе всѣ поселки и стоянки этого племени и по роду своего занятія заинтересованные въ правильномъ учетѣ своихъ кліентовъ, не могли такъ сильно ошибиться, въ виду чего мы болѣе склонны принять для орочскаго населенія бассейна Хора болѣе скромную цифру въ 450—500 душъ. Это не будетъ сильно противорѣчить и даннымъ полк. Надарова за 1883 г., который, показывая, правда, гораздо большее число семействъ, чѣмъ перепись, у орочей р. Хора (98 вм. 39), принимаетъ въ то же время слишкомъ малый составъ семьи: 5—6 д. (вм. 9 д. по переписи, что однако могло зависить отъ времени года). Такимъ образомъ, численность этого племени въ данномъ районѣ оказывается и по этому автору приблизительно той же: 490—588 душъ.

По р. *Бикину*, отъ ея устья до р. Б. Шиланъ включительно, живутъ гольды, а выше тянутся поселенія и стойбища орочей. Среди нихъ гольды живутъ въ $4^1/_2$ в. отъ ур. Кукчингэ (8 д.) и кромѣ того на перевалѣ у р. Алчанъ (4 д.), а китайцы на перевалѣ р. Бикина (66 д.) и въ другихъ мѣстахъ (33 д.).

Въ 1897 г. по Бикину было 6 самостоятельныхъ орочскихъ селеній. Наиболѣе крупнымъ изъ нихъ было Сигоу, показанное въ переписномъ матеріалѣ два раза. Въ нихъ числилось 5 хоз. въ 46 д. об. п. (25 м.); затѣмъ посел. Кукчингэ на притокѣ Бикина того же наименованія: 2 хоз. въ 16 д. (9 м.) и д. Тароло въ 2 хоз. и 13 д. (8 м.); остальныя селенія состояли всего изъ одного хозяйства или изъ одной семьи. Всего по р. Бикину было зарегистрировано 12 хоз. въ 96 д. (56 м.) орочей (на 1 хоз. 8 душъ).

Сопоставляя эти данныя съ таковыми по другимъ источникамъ оказывается, что перепись 1897 г. не даетъ вѣрнаго числа орочей этой мѣстности, которые, судя по всему, тамъ гораздо болѣе многочисленны. Здѣсь мы приводимъ перечень населенныхъ пунктовъ и число жителей по даннымъ, собран-

нымъ охотничьими командами лѣтомъ 1894 г. т. е. за $2^1/_2$ г. до переписи. По этому источнику по р. Бикину въ 1894 г. встрѣчались слѣдующія поселенія орочей и китайцевъ: самымъ верхнимъ селеніемъ было Та-Байчелаза, основанное 7 лѣтъ тому назадъ—1 сем. въ 19 чел. (10 м.); за нимъ слѣдуетъ сел. Муши-джій-дзэ въ 2 балагана—23 жит. (11 м.), далѣе сел. Дау-сик-цы—2 балагана: 24 д. (12 м.), существуетъ уже 3 года; сел. Гангатоу—3 балагана и 2 семьи въ 22 д. (10 м.), сущ. болѣе 2-хъ л., сел. Байчелаза—3 бал. и 16 д. (7 м.), Тун-гоуза—2 бал. въ 13 д. (11 м.), Гундзюгоу—1 бал. и 1 сем. въ 22 д. (13 м.), Фунсулаза: 2 сем. въ 17 д. (9 м.); Метахези: 4 б.: 22 д. (13 м.), Тохоло—1 фанза и 3 бал. въ 3 сем. и 38 д. (24 м.). Въ слѣдующемъ селеніи—Кукчингэ, на протокѣ близъ рѣки Чамудиндзы, 1 фанза и 1 бал., изъ коихъ въ послѣднемъ—14 д. (7 м.) орочей; сел. Сигоу—6 ф. и 1 бал. въ 70 д. (35 м.); сел. Ся-Муши-джійдзэ: 1 ф. и 1 бал.—10 д. (6 м.). Послѣднее сел. орочей по р. Бикину—Табань, въ 60 вер. отъ ея устья, имѣетъ смѣшанное населеніе и притомъ весьма бѣдное и грязное. Отсюда орочи уходятъ на охоту на берега р. Алчана и другихъ притоковъ Бикина. Общее число жителей бассейна р. Бикина опредѣляется по этому источнику въ 301 д. об. п.

Сопоставляя эти данныя съ таковыми по переписи 1897 г., мы замѣчаемъ, что тѣ и другія свѣдѣнія во многихъ отношеніяхъ совершенно расходятся между собою. Во-первыхъ, по переписи по среднему и верхнему теченію Бикина проживаетъ вообще меньшее число душъ, чѣмъ по вышеуказанному источнику, во-вторыхъ, число населенныхъ пунктовъ, нѣкоторые изъ которыхъ существуютъ уже нѣсколько лѣтъ, по даннымъ, собраннымъ въ 1894 г., оказывается значительно большимъ, чѣмъ по переписи, въ матеріалѣ которой цѣлый рядъ этихъ селеній вовсе не значится, и, въ 3-хъ, число орочскаго населенія, судя лишь по числу балагановъ, значительно (въ 2 раза) больше чѣмъ то, которое даетъ перепись.

Такъ какъ перепись 1897 г. была произведена зимой, а исчисленіе 1894 г. лѣтомъ, то этому обстоятельству безъ сомнѣнія слѣдуетъ приписать извѣстное вліяніе на неодинаковое распредѣленіе жителей въ предѣлахъ бассейна Бикина. Такъ, извѣстно, что полуосѣдлое инородческое населеніе Приморской области покидаетъ осенью часть селеній, гдѣ живетъ лѣтомъ,

и вслѣдствіе этого группируется въ это время года иначе. Но все же нельзя объяснить однимъ этимъ обстоятельствомъ значительно меньшее число селеній, а тѣмъ болѣе жителей, показываемое переписью 1897 г. За послѣдніе же $2^1/_2$ года, истекшіе со времени экспедиціи охотничьей команды, въ данномъ краѣ не было, ни значительныхъ эпидемій, ни выселеній. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ признать, что перепись 1897 г., въ виду затруднительности сообщенія зимою въ этихъ краяхъ, коснулась лишь части жителей бассейна р. Бикина, именно обитавшихъ по болѣе нижнему его теченію, и упустила изъ виду населеніе болѣе верховыхъ частей этой рѣки, гдѣ обслѣдованіе 1894 года нашло нѣсколько селеній, вовсе не упоминаемыхъ въ переписи 1897 г. На этомъ основаніи вышеприведенную численность орочскаго населенія бассейна р. Бикина слѣдуетъ увеличить по меньшей мѣрѣ въ два раза или принять, что она простирается до 200 душъ.

в) Долина р. *Имы*. Первымъ орочскимъ селеніемъ по р. Имѣ оказывается Ня-ю-оза, расположенное на $54^3/_4$ вер. отъ ея устья. Это селеніе имѣетъ смѣшанное населеніе, такъ какъ кромѣ орочей здѣсь проживаютъ солоны (12 д.) и гольды (3 д.). Ниже этого селенія живутъ малочисленные гольды, которые выше Ня-ю-оза встрѣчаются лишь въ видѣ отдѣльныхъ лицъ и только въ урочищѣ Сян-шуй-хэза ихъ 20 чел. (13 м.). Значительную часть жителей бассейна Имы составляютъ китайцы, главная масса которыхъ живетъ на пространствѣ отъ 85 до 144 вер. отъ ея устья, именно отъ пункта нѣсколько выше устья р. Чензы прибл. до устья р. Картунъ. Здѣсь китайцы составляютъ $70^0/_0$ наличнаго населенія (см. II племенную карту). Выше ихъ мало, лишь въ уроч. Сян-шуй-хеза ихъ 18 чел.

Почти чисто орочское населеніе проживаетъ между 55 и 85 вер. отъ устья Имы и затѣмъ выше 144 версты, гдѣ ихъ въ разное время можно встрѣтить по всѣмъ рѣчкамъ бассейна названной рѣки.

Орочи въ долинѣ Имы встрѣчаются въ 21 селеніи, въ 10 изъ которыхъ они живутъ совмѣстно съ китайцами и въ 3 съ китайцами и гольдами. Въ селеніяхъ, гдѣ они живутъ одни, они образуютъ 24 хозяйства со среднимъ числомъ членовъ въ 7 душъ.

Болѣе крупными селеніями орочей по Имѣ оказываются: Ня-ю-оза, въ 55 вер. отъ устья названной рѣки, въ которомъ

на 32 д. об. п., 17 орочей, селеніе по рч. Ченза-Тупъ, въ 83 вер. отъ у. Имы, — 26 д. (15 м.), селеніе въ уроч. Картунъ (144 в. отъ у. Имы)—73 д., изъ коихъ 43 д. (23 м.) орочей; затѣмъ въ ур. Тайзи-бир-коуза (на 171 в.) 24 д. (14 м.) орочей; въ ур. Вахумбэ (на 181 вер.)—26 д. (16 м.), въ ур. Тяпи-гоу (на 200½ вер.)—50 д. (22 м.) и въ ур. Лаолю (на 202 вер.) 21 д. (16 м.) орочей. Всего по Имѣ проживало въ 1897 г. 349 д. (199 м.) орочей (6,2 д. на хозяйство).

По другому источнику, относящемуся къ 1894 году [1]), расположеніе селеній по Имѣ нѣсколько иное, но общее число орочей показано почти то же—337 д. (199 м.).

Также и по р. *Ваку*, изливающейся въ нижнее теченіе Имы, орочи занимаютъ болѣе мѣста верхнія по теченію рѣки (гольды—низовыя). Гольды отмѣчены переписью въ 2 селеніяхъ: на 72½ и 108½ вер. (устье Санда-Ваку) отъ устья р. Ваку (см. стр. 48). Выше находится область орочей, первое селеніе которыхъ Ситагоу-коуза (на р. Санда-Ваку) расположено въ 118 в. отъ устья р. Ваку.

Послѣднее ихъ селеніе вверхъ по названной рѣкѣ—Паути-гоу—находится на 194 вер. отъ ея устья. Среди орочей живутъ и китайцы, главная масса которыхъ проживаетъ въ ур. Тиингоу (120 в. отъ устья р. Ваку), гдѣ ихъ 153 д. (11 ж.); приблизительно въ этомъ мѣстѣ на картѣ полк. Надарова Сѣверно-Уссурійскаго края за 1886 г. отмѣчена д. Хонко. Въ остальныхъ мѣстахъ китайцевъ оказалось всего 11 д. (м.). Гольды въ этой мѣстности встрѣчаются почти лишь въ ур. Хуншалада, на берегу Туда-Ваку, въ 141 вер. отъ устья р. Ваку (23 д.).

Орочи по р. Ваку проживаютъ въ 10 селеніяхъ, изъ коихъ 7 чисто орочскихъ (8 д. об. п. въ хозяйствѣ). Здѣшнія селенія всѣ небольшихъ размѣровъ: самыя крупныя изъ нихъ: Чанъ-ян-хэза на бер. Туда-Ваку, ок. 165 в. вверхъ отъ устья р. Ваку. Въ немъ числилось 16 д. об. п. (9 м.), составлявшихъ одно хозяйство. Вторымъ по величинѣ селеніемъ орочей оказывается: Паути-гоу на 194 д. отъ устья Ваку; здѣсь 17 жителей, изъ коихъ 15 д. (8 м.) орочей. Всего по р. Ваку оказалось 85 д. (48 м.) орочей, причемъ

[1]) См. прим. на стр. 91 (172—173).

въ 9 чисто орочскихъ селеніяхъ считалось 11 хозяйствъ н) 1 хоз.—7,2 души).

Въ 1894 г. число орочей по рч. Ваку было опредѣлено въ 83 д. (49 м.).

Такимъ образомъ, наибольшая масса орочскаго населенія Уссурійскаго округа проживаетъ въ бассейнахъ рр. Имы и Хора, остальная часть по Бикину и Ваку. Что же касается до относительной численности ихъ въ названныхъ районахъ, то, по даннымъ переписи, въ бассейнѣ средняго и верхняго Хора они составляютъ почти все (93,1%) населеніе края; по Бикину ихъ 40,6% и по Имѣ—53,5%. Меньше всего ихъ по р. Ваку, гдѣ они составляютъ не болѣе 27,2% всего населенія.

Подведя итогъ вышеприведеннымъ цифровымъ даннымъ, мы получимъ, что въ предѣлахъ Уссурійскаго округа въ 1897 г. проживало 883 д. об. п. (499 м.) орочей, которыхъ, если руководствоваться указаніями г. Браиловскаго, слѣдуетъ отнести къ южной вѣтви этого племени. Изъ наличнаго числа орочей даннаго округа на долю Козловскаго станичнаго округа приходится 530 д. (303 м.) и на долю Казакевичскаго (гл. обр. долина р. Хора)—353 д. (196 м.). Съ указанными выше поправками число орочей округа должно простираться до 1.083—1.183 душъ.

Отношеніе половъ у орочей даннаго округа не особенно благопріятно: на 100 мужчинъ здѣсь приходится всего 77 женщинъ.

Весьма интересно сопоставить эти данныя о численности орочскаго населенія округа съ таковыми за болѣе ранніе періоды времени. Алябьевъ [1]) опредѣлялъ въ 1872 г. число «тазовъ» (т. е. орочей) Уссурійскаго округа въ 761 д. (433 м.), число, которое несомнѣнно исчислено слишкомъ низко. За 1884 г. мы имѣемъ приблизительныя данныя полк. Надарова, который лично пересѣкъ этотъ край по всѣмъ направленіямъ, въ видахъ опредѣленія численности его населенія. Его свѣдѣнія распространяются на прежній Сѣверно-Уссурійскій край, кромѣ его прибрежной полосы, которая нынѣ составляетъ часть Удской округи. Въ указанныхъ предѣлахъ прежняя территорія Сѣверно-Уссурійскаго края почти вполнѣ совпадаетъ съ настоящей территоріей Уссурійскаго округа.

Въ указанномъ районѣ Надаровъ опредѣлилъ въ 1884 г. численность орочскаго населенія въ 1.170 душъ об. п., изъ

[1]) „Далекая Россія"—Уссурійскій край. Спб., 1872 г.

коихъ лишь 20 д. жили осѣдло (2 фанзы на Имѣ и 1 на Бикинѣ). Остальные 1.150 душъ вели бродячую жизнь. Эти числа повидимому опредѣлены приблизительно, по числу семей, но были провѣрены перекрестными опросами. Общее число семействъ онъ опредѣлилъ въ 171—188, изъ коихъ по Иману или Имѣ проживало 15—20, по Ваку 8—10, по Бикину 50—60 и по Хору 98. По всему вѣроятію Надаровъ подразумѣвалъ подъ словомъ «семья» хозяйство или группу лицъ, жившихъ вмѣстѣ,—это видно изъ того, что онъ и число «семействъ» опредѣляетъ приблизительно. Въ настоящее время, какъ мы видѣли выше, на одно хозяйство у орочей въ этомъ округѣ приходится отъ 6 (по Имѣ) до 9 (по Хору) душъ. Такъ что, если принять среднимъ числомъ норму 7, то общее число орочей округа опредѣлилось бы (считая и 20 д. осѣдлыхъ, у которыхъ на хозяйство тоже приходится 7 душъ) отъ 1.217 до 1.336 д. об. п. Но, если принять болѣе низкую норму Надарова—1.170 душъ (прибл. по 6 д. на семью), то оказывается, что за истекшія 13 лѣтъ орочское населеніе округа почти не измѣнилось.

Если провести это сравненіе по отдѣльнымъ рѣчнымъ бассейнамъ, то получаются слѣдующіе результаты:

По *Хору* въ 1884 г. числилось 98 семействъ въ 500—600 душъ (если принять среднюю семью, согласно Надарову, въ 5—6 д.; по переписи же она состоитъ въ среднемъ изъ 9 д.), между тѣмъ какъ 13 лѣтъ спустя число ихъ оказалось, по переписи, 39 хозяйствъ и 353 души т. е. орочское населеніе здѣсь уменьшилось въ полтора—два раза, а при соотвѣтствующей поправкѣ (см. стр. 92)—на 50—100 душъ.

По *Бикину* въ 1884 г. проживало 50—60 семействъ, въ 1897 г.—всего 12 хозяйствъ или населеніе этого бассейна съ 300—360 уменьшилось до 96 душъ т. е. въ 3—$3^1/_2$ раза, или съ исправленіемъ (см. стр. 94)—до 200—250 д.

По *Имѣ* или *Иману* въ 1884 г. числилось 15—20 семействъ, что соотвѣтствуетъ 90—120 душамъ (съ осѣдлыми на 14 д. болѣе), въ 1897 же году число орочей по этой рѣкѣ возросло до 349 д. об. п. или въ 3—$3^1/_2$ раза. То же касается и гольдовъ этой мѣстности (см. стр. 33).

По *Ваку* орочское населеніе опредѣлялось въ 1884 г. въ 8—10 семействъ или въ 50—70 душъ, а въ 1897 г.

тамъ было обнаружено 11 хозяйствъ въ 85 д. И тутъ, значитъ, число орочей слегка возросло.

Такимъ образомъ, за періодъ времени отъ 1884 г. по 1897 г. произошли значительныя перемѣны въ размѣщеніи населенія по территоріи округа, причемъ бассейнъ р. Имы служилъ мѣстомъ прилива орочскаго населенія извнѣ, можетъ быть изъ бассейновъ Хора и Бикина, гдѣ орочское населеніе съ тѣхъ поръ убыло, а также съ морского берега (см. стр. 106). Подобныя перемѣщенія населенія весьма обычны въ жизни народовъ тунгусскаго племени, ведущихъ бродячій образъ жизни, и обусловливаются болѣе выгодными въ данное время условіями жизни и промыслами въ одномъ районѣ сравнительно съ другимъ (см. стр. 106). Что же касается до абсолютной убыли орочскаго населенія округа, то вымираніе первобытнаго населенія наблюдается почти повсемѣстно въ Сибири, гдѣ охотничьи и рыболовныя племена приходятъ въ болѣе близкое соприкосновеніе съ русскимъ, а также китайскимъ населеніемъ. Не безъ вліянія здѣсь были и эпидемическія болѣзни, неоднократно посѣщавшія край. Такъ, по Надарову, до оспенной эпидеміи 1877 года инородческое населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Уссурійскаго края было значительно болѣе многочисленно, напр., по словамъ старожиловъ, по Бикину тогда проживало до 300 семействъ орочей, что соотвѣтствуетъ населенію въ 1800 душъ об. п., между тѣмъ какъ въ 1897 г. орочское населеніе всего Уссурійскаго округа не достигало и $^2/_3$ этого числа (по переписи же—всего $^1/_2$).

Въ Южно-Уссурійскомъ округѣ орочи проживаютъ главнымъ образомъ въ Ольгинскомъ участкѣ, занимающемъ сѣверо-восточную часть округа. Здѣсь въ 1897 г. ихъ числилось 210 душъ (105 м.) и въ другихъ мѣстахъ, въ населенныхъ пунктахъ, находящихся внѣ волостей, 35 д. (20 м.) или всего орочей въ данномъ округѣ оказалось, по переписи, 245 д. (125 м.). Тутъ и тамъ они живутъ совмѣстно съ китайцами и въ однихъ съ ними селеніяхъ или группахъ домовъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ, впадающихъ по большей части въ Японское море—Ольгинскій участокъ, а также въ бассейнѣ р. Ула-хэ—В. Уссурійскій участокъ (часть прежняго Ханкайскаго). Въ наибольшемъ числѣ орочскія жилища сгруппированы въ сел. Пуссунскомъ, расположенномъ на рч. *Пуссунъ* или *Пхусунъ*. Наличное населеніе его равно

328 д. (281 м.) и состоитъ главнымъ образомъ изъ китайцевъ, среди которыхъ живетъ 55 д. (17 м.!) или 16,8% орочей. По р. *Тадушу* (*Тазуши*, *Лефулэ*) проживаетъ 311 д. об. п. (254 м.), въ числѣ коихъ 115 д. (62 м.) или 37% орочей. По р. *Аввакумовкѣ* (*Дай-фудзинъ*), падающей въ заливъ св. Ольги, среди наличнаго (китайскаго) населенія въ 95 д. (86 м.) оказалось 15 д. (10 м.) или 17% орочей (см. II племенную карту).

Итого, по названнымъ тремъ рѣкамъ, входящимъ въ составъ Ольгинскаго полицейскаго участка, было зарегистрировано 185 д. (89 м.) орочей, которые составляютъ 25,2%, обитателей тѣхъ населенныхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ. По отношенію же ко всему населенію участка, включая и поселенія китайцевъ по берегу моря, процентъ ихъ оказывается ничтожнымъ.

Сверхъ того, орочи въ данномъ округѣ живутъ въ слѣдующихъ мѣстахъ В. Уссурійскаго полицейскаго участка.

По р. *Ли-фудину* или *Фудину* (пр. прит. Ула-хэ) было зарегистрировано 28 д. (17 м.) орочей или 17% наличнаго населенія района и въ одномъ урочищѣ на правомъ берегу рѣки *Ула-хэ* на 53 д. (38 м.)—9 д. (6 м.) или 17,0% орочей.

Во всѣхъ остальныхъ 8 населенныхъ пунктахъ, гдѣ встрѣчаются орочи, число ихъ не превышаетъ въ общей сложности 23 д. (13 м.) [1]) при наличномъ населеніи ихъ въ 526 душъ об. п., что соотвѣтствуетъ 5,0%.

Итого въ этомъ участкѣ въ 1897 г. числилось 60 душъ (36 м.) орочей.

Такимъ образомъ, даже въ тѣхъ населенныхъ пунктахъ, гдѣ проживаютъ орочи, они составляютъ менѣе 1/5 части населенія, состоящаго преимущественно изъ китайцевъ. Въ обоихъ же названныхъ участкахъ (Ольгинскомъ и В. Уссурійскомъ) въ сложности, не считая побережья моря, процентное отношеніе ихъ не превышаетъ 13,5%.

Совершенно умалчиваетъ перепись объ орочахъ или тазахъ, проживающихъ въ данномъ округѣ по рр. *Тау-ху*, *Та-Суду-хэ* и нѣкоторымъ другимъ, по которымъ, судя по другимъ источникамъ, и понынѣ живутъ представители этого племени. Да и по вышеприведеннымъ рѣкамъ и рѣчкамъ число

[1]) Въ т. ч. въ дер. Нотс-Хоузѣ, на р. Ното, 5 д. (3 м.), въ д. Сандаго д. (3 м.), у перевоза черезъ р. Ула-хэ 5 д. (2 м.).

орочей вѣроятно показано ниже дѣйствительнаго числа, такъ какъ несомнѣнно, что часть окончательно окитаившихся орочей попала въ число китайцевъ. Относительно р. Та-Суду-хэ мы имѣемъ свѣжія данныя Брайловскаго за 1896 г. По этой рѣкѣ орочи въ указанномъ году жили среди многочисленныхъ китайцевъ въ 9 фанзахъ (жилищахъ), причемъ ихъ общее число простиралось до 31 души (20 м.). По правому притоку этой рѣки—Сяо-Суду-хэ, въ 7—8 верстахъ отъ ея устья, тоже живетъ небольшая колонія орочей въ 4 фанзахъ численностью до 17 д. (9 м.). Въ верховьяхъ р. Та-Суду-хэ г. Брайловскій лично не былъ, въ виду чего общее число орочей бассейна р. Та-Суду-хэ окажется вѣроятно больше 48 д. (29 м.).

По этому же автору въ мѣстности Туду-гоу живетъ еще одна семья орочей—полутазъ, женатый на орочкѣ; дѣтей у нихъ: 3 сына и 1 дочь и, кромѣ того, тамъ же живетъ одинокій ороча. Около устья Та-суду-хэ у бухты Чутовэ живетъ еще одинъ одинокій тазъ и у бухты Лонгувай (ок. бух. «Находки») одна семья тазовъ въ 3 д. (2 м.).

На основаніи этихъ свѣдѣній можно данныя переписи 1897 г. смѣло увеличить на 100 душъ, такъ какъ кромѣ 58 душъ, учтенныхъ Брайловскимъ, можно предполагать, что въ краѣ проживаетъ по меньшей мѣрѣ еще 42 д. въ мѣстностяхъ, въ которыхъ онъ не былъ и о которыхъ перепись не даетъ никакихъ свѣдѣній.

За прежніе годы по Южно-Уссурійскому округу у насъ имѣются слѣдующія цифровыя данныя. По обзору области за 1889 г. въ данномъ округѣ считалось всего 208 инородцевъ, изъ коихъ 141 орочей («ороченъ»), 36 гольдовъ и 30 якутовъ. Эти числа очевидно ниже дѣйствительныхъ.

За 17 и 11 лѣтъ раньше т. е. за 1872 и 1878 гг., у насъ имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія Алябьева (l. c.) и Висленева, который произвелъ перепись инородческаго населенія округа. Въ томъ и другомъ источникѣ оба тунгусскихъ племени этого края — орочи и гольды — безразлично названы *тазами*, хотя чаще это имя примѣняется лишь по отношенію къ орочамъ. По Алябьеву, въ 1872 г. этихъ тазовъ въ округѣ оказалось 635 душъ (428 м.), а по Висленеву въ 1878 г. (не считая «потуйзъ»—см. стр. 102)—563 душъ [1]).

[1]) Эти данныя получены нами путемъ выборки тазскаго населенія изъ данныхъ переписи Висленева („Сборн. гл. оффиц. докум. по упр. В. Сиб.“, т. IV, вып. 2). Въ общихъ выводахъ, въ началѣ книги (стр. 4), тоже при-

(289 м.) Изъ нихъ приходилось на Аввакумовскій полиц. округъ: въ первомъ случаѣ—459 д. (297 м.) и во второмъ—250 д. (135 м.). Нынѣ (1897 г.) въ этой мѣстности (Ольгинскій участокъ) проживаетъ 188 д. (92 м.) этихъ инородцевъ, именно 185 д. (89 м.) орочей и 3 м. гольдовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ районѣ за 19 лѣтъ произошло уменьшеніе числа инородцевъ на 62 д. или на 24,8%. Въ Сучанскомъ полиц. округѣ въ 1872 г. числилось 176 д. (131 м.), а въ 1878 г. было переписано 173 д. (82 м.) тазовъ. Въ 1895 г., во время выдворенія изъ района его болѣе нижняго теченія осѣдлыхъ манзовъ ради устройства русскихъ поселеній, часть орочей бассейна р. Сучана, вслѣдствіе ихъ смѣшенія съ манзами, также была изгнана отсюда. Большая часть этихъ манзовъ и тазовъ поселилась по р. Сяо-Суду-хэ, пр. притоку р. (Та-)Суду-хэ. [1]), гдѣ однако они не были открыты переписью.

Въ Суйфунскомъ пол. округѣ въ 1878 г. было 17 д. (9 м.) тазовъ. Въ настоящее время въ мѣстности послѣднихъ двухъ прежнихъ полицейскихъ округовъ, въ которыхъ въ 1878 г. проживало всего 190 д. (91 м.) тазовъ (т. е. орочей и гольдовъ), перепись ихъ вовсе не отмѣтила, т. е. убыль инородцевъ здѣсь равна 100%!

Въ Ханкайскомъ пол. округѣ въ 1878 г. оказалось 123 д. (63 м.) тазовъ, въ 1897 г. здѣсь было зарегистрировано 191 д. (120 м.) инородцевъ: 60 д. (36 м.) орочей и 131 д. (84 м.) гольдовъ, проживавшихъ въ бассейнахъ рр. Дауби-хэ и Ула-хэ, въ предѣлахъ нынѣшняго Верхне-Уссурійскаго полицейскаго участка. Здѣсь за 19 лѣтъ съ 1878 г. до переписи инородческое населеніе возросло на 68 д. (57 м.), что составляетъ 55,3% населенія его въ 1878 г.! Этотъ огромный приростъ инородцевъ объясняется переселеніемъ ихъ сюда изъ болѣе населенныхъ мѣстъ южной полосы Южно-Уссурійскаго округа, откуда они перебрались въ болѣе глухія мѣстности сѣвера (орочи и гольды) и отчасти сѣверо-востока (орочи).

веденъ итогъ „инородческаго“ населенія края, но въ этотъ итогъ вошли, однако, кромѣ тазовъ еще корейцы (272 д.)—члены китайскихъ и тазскихъ семействъ—и дѣти перекрестныхъ браковъ между китайцами, корейцами и тазами. Замѣтимъ еще, что въ этотъ итогъ вкралась ошибка: вм. 3 д. (1 м.) туземцевъ въ Суйфунскомъ округѣ должно быть, судя по таблицамъ въ концѣ книги, 127 д. (64 м.), кр. того во Владивостокѣ пропущено 3 д. (1 м.). Итого должно быть 1339 д.

[1]) „Отчетъ И. Р. Г. О.“ за 1900 г. (стр. 087).

Это подтверждается и значительнымъ увеличеніемъ процента мужского населенія у инородцевъ въ В. Уссурійскомъ полиц. участкѣ.

Что касается до общей численности тазовъ (гольдовъ и орочей) въ Южно-Уссурійскомъ округѣ, то вмѣсто 563 д. об. п. (289 м.) въ 1878 году перепись 1897 г. отмѣтила всего 379 д. (212 м.), что показываетъ убыль за 19 лѣтъ въ 184 д. об. п. или въ 32,6%. Даже если ввести поправку показаніямъ переписи и принять число орочей и гольдовъ въ 480 д., то и въ этомъ случаѣ получится убыль въ 75 д. или въ 14,7%.

Итакъ, въ итогѣ по всему Южно-Уссурійскому округу наблюдается сильное уменьшеніе инородческаго населенія противъ прежнихъ лѣтъ въ связи съ сокращеніемъ обитаемой ими площади. Въ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія Пржевальскій засталъ орочей по всѣмъ рѣкамъ, падающимъ въ Японское море, начиная отъ р. Суйфуна на югъ, нынѣ же они отступили на востокъ почти на 2^0, да и по Та-Суду-хэ ихъ сохранилось очень немного.

Эта убыль, отмѣченная и изслѣдователемъ края Браиловскимъ, имѣетъ кромѣ общихъ причинъ, обусловливающихъ вымираніе многихъ инородческихъ племенъ Сибири (см. II вып., гл. 3), еще чисто мѣстныя. Во-первыхъ, здѣсь ощущается большой недостатокъ въ женщинахъ, причемъ во многихъ мѣстахъ на 100 мужчинъ приходится всего 50—60 женщинъ, изъ которыхъ себѣ вербуютъ женъ и многочисленные китайцы края, исключительно холостые (ср. стр. 53). Дѣти же отъ подобныхъ смѣшанныхъ браковъ численностью въ 1878 г. до 506 д.—Висленевъ называетъ ихъ: «потуйзами» [1])—по языку, религіи, національности и образу жизни по большей части принадлежатъ къ китайцамъ. Поэтому на покрытіе и безъ того сильной смертности инородцевъ можетъ идти лишь то ихъ молодое поколѣніе, которое произошло отъ немногихъ взаимныхъ браковъ инородцевъ между собою. Но не безъ вліянія на численность орочей были и сильныя эпидеміи (напр. въ 1875 и 1883 гг. оспа), производившія значительныя опустошенія въ Приморской области, въ особенности среди южныхъ орочей. Въ 1875 г. отъ такой эпидеміи мѣстами вымерло почти все взрослое населеніе, такъ что и хоронить умершихъ было некому.

[1]) По Надарову же слово: „потуйза“ имѣетъ другое значеніе—это одиноко живущій китаецъ не имѣющій, ни семьи, ни фанзы; означаетъ оно также: „бродяга“.

Еще болѣе многочисленны были орочи сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда они составляли около половины всего населенія восточной части Южно-Уссурійскаго округа (другую составляли китайцы).

* * *

Резюмируя все вышеизложенное о численности орочей въ Приморской области, мы получимъ слѣдующую таблицу распредѣленія ихъ въ 1897 г. по округамъ.

ТАБЛИЦА IX.

Названія округовъ Приморской обл.	Наличное населеніе въ 1897 г.			Число душъ въ хозяйств.	% женщ. на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Удская	489	377	866	6,5	77
2. Хабаровскій . .	216	197	413	8,1	91
3. Уссурійскій . . .	499	384	883 (1.083—1.183)	7,4	77
4. Южно-Уссурійскій	125	120	245 (345)	—	96
Итого . . .	**1.329**	**1.078**	**2.407 (2.707—2.807)**	**7,2** [1])	**81**

Итакъ, наличное населеніе орочей состояло въ 1897 г. изъ 2407 душъ об. п., изъ коихъ 1329 мужчинъ, что соотвѣтствуетъ отношенію половъ: на 100 мужчинъ—81 женщина. Отношеніе это, какъ видно, весьма неблагопріятное для правильнаго прироста населенія, въ особенности въ Удской округѣ, по побережью моря, и въ Уссурійскомъ округѣ (на 100 м.—77 ж.), гдѣ орочи составляютъ почти все населеніе края и гдѣ они вслѣдствіе этого не могутъ брать женъ у другихъ племенъ, какъ въ Хабаровскомъ округѣ, въ которомъ орочи живутъ среди и рядомъ съ гольдами.

Хозяйства у орочей довольно крупныя: въ среднемъ въ 7,2 д.

Если принять въ соображеніе сдѣланныя выше поправки по Уссурійскому и Южно-Уссурійскому округамъ (см. стр. 96 и 102), гдѣ въ переписи, судя по всему, есть пропуски, то общее

[1]) Безъ Южно-Уссурійскаго округа, гдѣ семьи отчасти смѣшаннаго характера (орочи и китайцы).

число всѣхъ орочей Приморской области достигнетъ числа 2707—2807 душъ, причемъ, если придерживаться дѣленія этого племени на орочей сѣверныхъ и южныхъ (Удигэ), то, принимая ихъ границей, согласно Браиловскому, межу Уссурійскаго и Хабаровскаго округовъ и на востокѣ—р. Ботчи (см. стр. 76), на долю первыхъ изъ этого числа придется 865 д. (465 м.) и на долю вторыхъ: 1842—1942 душъ [1]), число почти въ два раза меньшее противъ исчисленнаго за то же время (1896 г.) названнымъ изслѣдователемъ орочей, который предполагаетъ ихъ численность не менѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ тысячи душъ.

3. Передвиженія.

По предположенію Шренка, орочи до занятія южной части Приморской области обитали гдѣ-то въ верховьяхъ Уссури или у границы Кореи, откуда постепенно двигались на сѣверъ вдоль горнаго хребта Сихота-алина и морскаго берега, занимая лѣсистыя пространства пустынной страны, благопріятныя для охоты. Судя по всему, рыболовы гольды, занимавшіе уже тогда берега Амура и Уссури и низовыя части ихъ притоковъ, не допустили ихъ до названныхъ рѣкъ и предоставили имъ земли, расположенныя далѣе на востокъ, менѣе пригодныя для нихъ самихъ.

Это мнѣніе объ южномъ происхожденіи этого племени поддерживаетъ и не разъ упомянутый выше изслѣдователь края—Браиловскій, который въ доказательство его приводитъ разныя историческія справки, свидѣтельствующія, что орочи (кякалы) нѣсколько столѣтій тому назадъ проживали въ Хуньчунской области Китая, а также въ южной части нынѣшняго Южно-Уссурійскаго округа. Въ этой мѣстности они были довольно многочисленны, что видно изъ японской исторіи, въ которой говорится, что японцы, преслѣдуя корейскихъ принцевъ, вторглись въ страну Оронкай (кит.: У-лянъ-хай), взяли столицу мѣстнаго государства и сожгли 9 городовъ. Такъ какъ всякое племя распространяется со стороны бо̀льшаго давленія въ сторону, гдѣ таковое слабѣе или гдѣ его нѣтъ, то и орочи, тѣснимые на югѣ манчжурами, китайцами, корейцами и другими народами, естественно должны были двинуться на сѣверъ

[1]) Безъ поправокъ численность „удигэ“, по даннымъ переписи, равна 1542 д. (864 м.).

и занять пустынныя до того рѣчки побережья Японскаго моря и бассейна Уссури. Такой ходъ заселенія края съ юга имѣетъ дѣйствительно много фактовъ за себя. Подтверждается онъ и преданіемъ Бикинскихъ орочей о своемъ происхожденіи съ р. Сучана (Южно-Уссур. окр.). Весьма вѣроятно, что орочи (тазы) были прежде болѣе многочислены на югѣ, чѣмъ во время Шренка, не говоря уже о настоящемъ времени, но особенной густоты населенія, предполагающей извѣстную культуру, предполагать нельзя, такъ какъ ничего изъ того, что мы знаемъ о тѣхъ орочахъ Южно-Уссурійскаго округа, которые еще не совсѣмъ окитаились, не говоритъ въ пользу того, чтобы у нихъ раньше была болѣе высокая культура. Да и вышеприведенное свидѣтельство японской исторіи объ орочскихъ городахъ не слѣдуетъ понимать буквально. Подъ словомъ «города» вѣроятно нужно подразумѣвать просто земляныя укрѣпленія или городки, которые имѣлись прежде и у инородцевъ сѣверозападной Сибири и слѣды которыхъ сохранились и по сейчасъ въ южной части Приморской области и въ другихъ частяхъ Сибири (—вѣдь говорятъ же о завоеваніи Ермакомъ „столицы“ Сибирскаго царства, а эта столица была земляным укрѣпленіемъ).

Другіе изслѣдователи края пришли, однако, къ иному заключенію относительно первоначальной родины орочей: они предполагаютъ, что она лежала на сѣверѣ. Л. Штернбергъ по этому поводу говоритъ: «Наблюдая переселенія орочей въ настоящее время, по аналогіи мы можемъ заключить, что именно съ низовьевъ Амура и притоковъ Уссури постепенно спускались тѣ одинокія семьи, которыя впослѣдствіи составили племя орочей».

Въ числѣ другихъ доводовъ въ пользу сѣвернаго происхожденія орочей онъ приводитъ и преданіе нѣкоторыхъ орочей (напр. сел. Дата на р. Тумнинѣ) о томъ, будто прежде они были оленеводами, а также указываетъ на характерное устройство у нихъ колыбели и юртъ. Эти доводы намъ кажутся менѣе убѣдительными, чѣмъ говорящіе въ пользу южнаго происхожденія этого племени. Возможно, что оленеводствомъ, о которомъ идетъ рѣчь выше, занимались прикочевавшіе туда тунгусы-оленеводы, съ которыми они потомъ слились, хотя это и не подтверждается названіями родовъ, а сходство образа жизни и домашнихъ предметовъ наблюдается иногда и у разныхъ по происхожденію племенъ, живущихъ рядомъ или при

одинаковыхъ условіяхъ. Что же касается до переселеній орочей, которыя наблюдаются и въ настоящее время, то они не имѣютъ рѣзко выраженнаго направленія, какъ это напр. имѣетъ мѣсто у тунгусскихъ племенъ Амурской области (см. I, стр. 13). Дѣйствительно, южные орочи (тазы), тѣснимые русскими и манзами, и въ настоящее время выселяются на сѣверо-востокъ, въ Ольгинскій полицейскій участокъ, причемъ въ иныхъ случаяхъ ихъ даже принуждаютъ къ этому силой (стр. 101). Другіе орочи отчасти направляются съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ (съ рѣки Ботчи на р. Хоръ) или обратно. Но видѣть въ этихъ передвиженіяхъ постоянный характеръ и считать, что они противорѣчатъ первоначальному движенію орочей съ юга на сѣверъ, какъ это дѣлаетъ г. Пальчевскій [1]), конечно нельзя. Эти передвиженія носятъ по большей части чисто мѣстный характеръ и зависятъ отъ лучшихъ въ данное время экономическихъ условій извѣстныхъ мѣстностей (напр. по притокамъ Уссури сбытъ продуктовъ звѣроловства и рыболовства лучше обезпеченъ, чѣмъ по берегу моря), и могутъ черезъ извѣстный періодъ времени измѣниться въ интенсивности и направленіи (ср. стр. 72).

4. Роды.

Названія родовъ въ переписномъ матеріалѣ показаны лишь у орочей Хабаровскаго округа и сѣверной части Удской окр. У Уссурійскихъ орочей подобныхъ отвѣтовъ не имѣется, хотя изъ другого источника и видно, что роды сохранились и по р. Хору. Лишь у живущихъ по р. Баку (84 д.) и по р. Имѣ (244 д.) имѣется помѣтка: «Удэ», какъ и у обитателей побережья Японскаго моря, къ югу отъ р. Ботчи (Ботиль),—«Удигэ». Впрочемъ, это названіе, какъ намъ извѣстно, является не названіемъ рода, а наименованіемъ извѣстной части орочей, обитающей въ южной половинѣ страны (см. стр. 78). Такимъ образомъ, если исключить изъ района южныхъ орочей

[1]) Въ своей рукописной замѣткѣ (см. 1. прим. на стр. 75) онъ говоритъ „Распросы, что частью зарегистрировано даже переписью, обнаружили, что во реки академику Шренку и согласно съ г. Штернбергомъ слѣдуетъ признать, что движеніе орочей было съ с ѣ в е р а на югъ, вѣроятно съ р. Ботиль на р. Хоръ. Движеніе это, продолжающееся и въ настоящіе дни, Уссурійскіе орочи объясняютъ лучшими экономическими условіями, чѣмъ по взморью, гдѣ некому и не за что продать добычу".

(удигэ) и бассейнъ р. Хора, который Браиловскій, однако, считаетъ принадлежащимъ сюда, то отсутствіе родовъ у орочей-удигэ можетъ тоже служить извѣстнымъ отличіемъ ихъ отъ орочей сѣверной вѣтви, гдѣ они имѣются. А въ пользу того, что у первыхъ названія родовъ не пропущены въ переписномъ матеріалѣ, а повидимому нынѣ забыты населеніемъ, свидѣтельствуютъ изслѣдованія Браиловскаго, который приписываетъ распаденіе у нихъ родовыхъ союзовъ разнаго рода неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, съ которыми приходилось сталкиваться этимъ инородцамъ, какъ то: голодовкамъ, уменьшенію въ отдѣльныхъ мѣстахъ звѣря и рыбъ, эпидемическимъ болѣзнямъ и т. д., т. е. причинамъ, которыя принуждаютъ инородцевъ постоянно мѣнять мѣста, перемѣшиваться между собою и образовывать вмѣсто родовыхъ группъ другія группы, основанныя на экономическихъ началахъ, —временныя и постоянныя селенія съ постоянно обновляющимся и измѣняющимся составомъ населенія. „Свободные отъ податей, говоритъ онъ, они пользуются отчасти самоуправленіемъ. Всѣ подѣлились на различной величины общины (дробленіе прежнихъ родовъ), причемъ въ составъ общины входятъ группы, связанныя между собой или условіями мѣстности или промысла или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ [1])».

Мы готовы допустить, за отсутствіемъ другихъ соотвѣтствующихъ данныхъ, что южные орочи дѣйствительно утратили въ настоящее время дѣленіе на роды, но причины, которыя названный авторъ приводитъ въ объясненіе этого явленія не очень убѣдительны. Въ самомъ дѣлѣ, экономическія и соціальныя условія сѣверныхъ орочей и другихъ инородцевъ края почти одни и тѣ же, а между тѣмъ у нихъ еще вполнѣ сохранилось дѣленіе на роды, хотя въ большинствѣ случаевъ и у нихъ утратилось управленіе на родовыхъ началахъ.

Удская округа (сѣверная часть побережья Японскаго моря). Здѣсь преобладаютъ слѣдующіе роды: *Акунка* (*Аукан-ка*) [2]) 78 д. (37 м.), главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Тумнина, родъ *Мули*—въ селеніяхъ Мулида, Чопонной и Мундигани (тамъ же), всего 48 д. (29 м.), родъ *Бисанка*—43 д. (22 м.) по р. Копи и въ ея окрестностяхъ и по р. Уй, родъ

[1]) „Жив. Стар." 1901, III—IV, 357—360.
[2]) Названіе происходитъ отъ рч. Ауканъ (?).

Уленкэ 56 ст. (31 м.) въ сел. Дата по р. Уй и въ сел. Улика и Домаха. Меньшее значеніе имѣютъ роды: *Эмункэ*—28 д. (14 м.), *Іенкэ* (*Генка*)—22 д. (11 м.) *Тунэдинка*—15 д. (8 м.), *Пэлэнукэ*—12 д. (9 м.), *Вагла*—13 д. (6 м.), *Самандека*—12 д. (9 м.), *Соченка*—12 д. (6 м.), *Хатунка*—26 д. (16 м.). Всѣ эти роды разбросаны по разнымъ селеніямъ, не ограничиваясь однимъ населеннымъ пунктомъ. Остальные роды: *Коондэ* —5 д. (3 м.), *Камедія*—2 д. (1 м.), *Оинга* (=*Онинка*?)—1 м., хотя и проживаютъ каждый въ одномъ селеніи, но, какъ видно, слишкомъ малочисленны, чтобы о нихъ стоило говорить. Можетъ быть они происходятъ изъ южной части той же области, гдѣ эти инородцы въ переписномъ матеріалѣ названы «орочами-удигэ» безъ подробнаго обозначенія родовъ.

Хабаровскій округъ. Здѣсь распространеніемъ пользуются роды: *Кэлендигà Калюджигà*, *Килюнгà* всего 102 д. (54 м.). Въ это число включены и 4 д. (2 м.) представителей рода *Кялунджигà* изъ инородцевъ, названныхъ кэкарами (тѣхъ же орочей—см. стр. 79—80), живущихъ по Хунгари (въ сел. Ситами). Среди же собственно орочей изъ перечисленныхъ родовъ встрѣчается по р. Онюю родъ *Калюджигà*, составляющій все населеніе сел. Береданѝ и часть сел. Аджу и родъ *Килюнгà* — все населеніе деревень Мурэ и Ваксасà. 17 д. (9 м.) рода *Кэлендигà* проживаютъ въ предѣлахъ Вятской волости, на территоріи Амурской области, именно, въ становищахъ Ольды и отчасти Синъ.

Мы принимаемъ, что названіе *Килюнгà* есть лишь видоизмѣненіе *Калюджигà*, *Кэлендигà*, потому что окончаніе *дига*,—*джигэ* (=удигэ?) наблюдается у многихъ орочскихъ родовъ и не принадлежитъ къ корню имени. На этомъ основаніи мы въ правѣ сопоставить этотъ родъ и съ гольдскимъ родомъ: *Килэ*, *Килены* и считать его гольдскаго происхожденія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что встрѣчается этотъ родъ у орочей лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по близости проживаютъ гольды, но не по побережью Японскаго моря, гдѣ ихъ нѣтъ.

Родъ *Онинкà* (*Оникà*), повидимому коренной родъ, встрѣчается у орочей по Онюю, гдѣ онъ составляетъ почти все населеніе стойбищъ: Ай, Аджу и Пунчи, всего 57 д. (28 м.). У гольдовъ этой мѣстности онъ былъ обнаруженъ лишь въ числѣ 6 д. въ стб. Сусу̀, но въ Троицкой во-

лости, по правому берегу Амура, его представителей оказалось 138 д. (см. стр. 63).

Рд. *Акунка́* проживаетъ въ числѣ 45 д. (23 м.) въ кочевьяхъ: Поди, Илика и Уктуданъ по р. Хунгари. Этотъ родъ, какъ мы видѣли, встрѣчается и въ Удской округѣ (см. выше), такъ что является наиболѣе многочисленнымъ изъ намъ извѣстныхъ орочскихъ родовъ (не гольдскаго происхожденія)—123 д. (60 м.). Названъ по р. Аукàнъ, впадающей въ Японское море.

Рд. *Бэльды* или *Бэльдай*—44 д. (22 м.)—составляютъ все населеніе дер. Сиракси по Онюю — 23 д. (11 м.), а также кочевій: Белачи и Навуридани по Хунгари (кэкары)—21 д. (11 м.). И этотъ родъ несомнѣнно гольдскаго происхожденія, такъ какъ у гольдовъ онъ весьма многочисленъ, какъ по Онюю, такъ и по Амуру (главнымъ образомъ въ предѣлахъ Троицкой вол.—см. стр. 58).

Родъ *Канчугà* или *Канджугà*—32 д. (18 м.) встрѣчается лишь у кэкаровъ по Хунгари (все населеніе коч. Хонджанджани и часть Ситами).

Родъ *Гочинкà* 18 д. (9 м.) тоже у кэкаровъ р. Хунгари (главн. обр. въ коч. Хосода).

Родъ *Челондигà* или *Чалунджигà*—24 д. (13 м.), изъ коихъ 19 д. составляютъ населеніе коч. Хоралики (по Онюю) и 5 д. (Челондигà) живутъ въ предѣлахъ Вятской волости (становище Синъ, у сопки). Имя этого рода вѣроятно происходитъ отъ названія лѣваго притока Хора—Чилонха, какъ можетъ быть названіе рд. Онинка отъ р. Уни, Они (Онюя).

Родъ *Мулинка* (*Мулинкэ*)—13 д. (10 м.) въ коч.: Илика и Мончи по Хунгари. Онъ вѣроятно идентиченъ съ родомъ *Амулинка*, встрѣчающимся въ числѣ 6 д. (3 м.) въ стан. Ольды Вятской волости. Если это вѣрно, всѣхъ представителей этого рода будетъ 19 д. (13 м.).

Родъ *Кимункà* (24 д.) встрѣчается въ кэкарскомъ селеніи Сюсюку по Хунгари и по Бѣльковичу [1]) за 1894 г. въ Уссурійскомъ округѣ по р. Хору и по его притокамъ: Чуй, Сурфай, Чуна, Суя (рд. *Кимонку*).

Въ бассейнѣ Хора же встрѣчаются, по названному автору, и роды: *Кямунджигà* и *Сыгдыри*, первый — по его притоку Кетень и второй—по р. Мутенъ и въ низовьяхъ Хора.

---

[1]) „Тр. Пріам. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“ 1895 г.

Кромѣ того въ разныхъ мѣстностяхъ обоихъ округовъ встрѣчаются, по даннымъ переписи, еще обрывки другихъ весьма малочисленныхъ родовъ, относительно транскрипціи и происхожденія которыхъ имѣется не мало сомнѣній, напр. въ Вятской волости, въ бассейнѣ р. Тунгуски, родъ *Суанка*—7 д. (4 м.) въ коч. Кадаганъ; въ бассейнѣ Хунгари—родъ *Енинка* (мож. б. искаженіе рд. Онинка или Іенкэ Удской округи) 10 д. (5 м.) въ коч. Илика, родъ *Быгынка* (ср. рч. Быки)—3 м. въ коч. Поди, *Пунядинъ*—5 д. (3 м.) въ коч. Уктуданъ, *Васинка* (кэкарскій родъ)—2 д. (1 м.) въ коч. Сюзюку.

Наконецъ, по правому берегу Амура, въ предѣлахъ Нижне-Тамбовской волости, встрѣчаются роды: *Есмы* (?) – 5 д. (4 м.) въ коч. Кэути (ок. устья р. Кеути), *Джалгенца*—5 д. (1 м.) въ коч. Очи; родъ *Еминца*—7 д. (4 м.); тамъ же и родъ *Удюга* 2 д. (1 м.) въ сел. Пули по р. Ай, впадающей въ оз. Кидзи. Этотъ послѣдній родъ помѣченъ въ переписномъ матеріалѣ, гольдскимъ, мною же отнесенъ къ орочамъ въ виду вѣроятно орочскаго его происхожденія и отсутствія гольдовъ по р. Ай. Остальные вышеупомянутые роды этой мѣстности не носятъ даже орочскихъ окончаній и, такъ какъ они весьма малочисленны и стоятъ особнякомъ среди другихъ родовъ орочей, то они можетъ быть мангунскаго происхожденія или прямо мангунскіе; встрѣчаются они въ предѣлахъ южной части области ольчей.

Просмотръ орочскихъ родовъ Приморской области приводитъ къ заключенію, что среди нихъ почти нѣтъ болѣе или менѣе крупныхъ и типичныхъ, кромѣ рода Акунка (123 д.), встрѣчающагося къ тому же въ двухъ мѣстностяхъ края. Послѣ названнаго рода наибольшее значеніе, повидимому, имѣютъ коренные роды: Мули, Уленкэ и Бисанка въ сѣверной части побережья Японскаго моря, затѣмъ рд. Канчуга по Хунгари и Онинка—по Онюю. Почти такое же значеніе имѣютъ, благодаря своей численности, и роды повидимому гольдскаго происхожденія: Калюджига, Килюнга по Онюю и Бельдай по Онюю и Хунгари. Можетъ быть такая нетипичность родовъ и малочисленность ихъ представителей отчасти зависитъ и отъ того, что распредѣленіе по родамъ намъ извѣстно лишь у небольшой части всего орочскаго населенія (32,8%), главнымъ же образомъ это обстоятельство слѣдуетъ приписать вымиранію орочскаго племени, когда численность отдѣльныхъ родовъ доходитъ до немногихъ единицъ.

5. **Сословіе**—бродячіе инородцы.

6. **Религія.** Въ религіозномъ отношеніи орочи распадаются на три группы, на: *христіанъ*, язычниковъ и буддистовъ. Первые обитаютъ въ сѣверной полосѣ орочской области, именно, въ Хабаровскомъ округѣ, кромѣ бассейна Хунгари и отчасти Опюя,—251 д. (129 м.)—и въ сѣверной части побережья Японскаго моря (Удской окр.) до р. Самаргй на югѣ (также по рч. Нельмй)—423 д. (245 м.) и въ Уссурійскомъ округѣ—16 д. (9 м.).

Среднюю полосу орочской страны занимаютъ *язычники-шаманисты*. Сюда принадлежитъ почти все населеніе Уссурійскаго округа—847 д. (480 м.), около 50 чел. въ сѣверной части побережья Японскаго моря (Удск. окр.), именно, по р. Ботчи (сел. Ботчи) и отчасти по р. Кыми (сел. Домоха), а также 162 д. (74 м.) орочей Хабаровскаго округа, почти исключительно бассейновъ Опюя и Хунгари (въ послѣднемъ они составляютъ почти все орочское населеніе).

Наконецъ, *буддисты* проживаютъ въ южной, подверженной китайскому вліянію, полосѣ орочской области. Они составляютъ въ Удской окр. все орочское населеніе по Японскому морю, начиная отъ р. Самаргй на сѣверѣ до бухты Терней на югѣ,—393 д. (216 м.), а также все населеніе Южно-Уссурійскаго округа, въ значительной степени окитаившееся—245 д. (125 м.) и въ другихъ мѣстахъ—20 д. (10 м.).

Сгруппировавъ вмѣстѣ эти данныя, мы получимъ слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА X.

Названія округъ и округовъ Приморской обл.	Наличное населеніе въ 1897 г.					
	Христіанъ.		Буддистовъ.		Шаманистовъ.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1. Удская	245	178	216	177	28	22
2. Хабаровскій	129	122	—	—	87	75
3. Уссурійскій	9	7	10	10	480	367
4. Южно-Уссурійскій	—	—	125	120	—	—
Итого	**383**	**307**	**351**	**307**	**595**	**464**

Итакъ, православные составляютъ группу въ 690 д. (383 м.) или 28,7% всѣхъ орочей, буддисты—658 д. (351 м.) или 27,3% и шаманисты — 1059 д. (595 м.) или 44,0%. Эти числа, основанныя на предварительной разработкѣ переписныхъ данныхъ, отличаются значительной достовѣрностью, хотя и не абсолютно точны. Съ поправкой численности орочскаго населенія Уссурійскаго и Южно-Уссурійскаго округовъ (см. стр. 96 и 102) число орочей-язычниковъ возрастетъ до 1259—1359 д., а буддистовъ до 758 д.

Орочи-*язычники* образуютъ наиболѣе многочисленную группу. Подъ вліяніемъ сосѣдства китайцевъ, эти шаманисты переняли у нихъ нѣкоторые внѣшніе обряды буддистовъ. Надаровъ о нихъ сообщаетъ, что около своихъ жилищъ и даже около временныхъ, но болѣе продолжительныхъ, стоянокъ, Уссурійскіе орочи устраиваютъ кумирни (бурханы). Ради этого они врѣзаютъ въ самое толстое дерево треугольникъ, подъ которымъ на четырехъ палочкахъ укрѣпляютъ помостъ изъ коры. На этотъ помостъ они кладутъ жертвы: палочку, камешекъ, тряпочку и т. д. Во время молитвы орочи жгутъ, вмѣсто курительныхъ свѣчей, палочки изъ древеснаго смолья, втыкая ихъ по четыремъ угламъ около помоста. Проходя мимо такихъ бурхановъ, благочестивые инородцы считаютъ священнымъ долгомъ принести жертву. Рѣже у нихъ встрѣчаются болѣе искусно сдѣланныя кумирни на подобіе китайскихъ.

Что касается до орочей-*христіанъ*, то они, конечно, заимствовали лишь внѣшнюю, обрядовую, сторону православной церкви, какъ и другіе инородцы Сибири. Особенно мало христіанскаго въ религіозной жизни орочей сѣверной части побережья Японскаго моря и въ окрестностяхъ Императорской гавани, хотя оффиціально они и считаются христіанами. Браиловскій даже прямо считаетъ орочей сѣверной части Удской округи шаманистами съ ослабѣвшимъ религіознымъ чувствомъ или находящимися по пути къ безвѣрію. Относительно мѣстности по р. Тумнину, гдѣ тоже проживаютъ орочи сѣверной вѣтви, другой авторъ сообщаетъ, что, соблюдая христіанскіе обряды, эти инородцы не совсѣмъ, однако, разстались и съ языческими, изъ которыхъ приморскіе орочи удержали шаманскіе танцы и медвѣжьи праздники. Вообще, «привитое имъ внѣшнимъ образомъ христіанство, не затронувъ прежняго ихъ міросозерцанія и не измѣнивъ смысла и вида, не только внутренней,

но даже и чисто внѣшней ихъ жизни къ настоящему времени почти совершенно испарилось, оставивъ послѣ себя только исковерканныя имена, въ родѣ: Чипіанъ вм. Степанъ, Анарэа вм. Андрей, Паурсій вм. Павелъ и т. д. Многіе же изъ орочень (т. е. орочей) даже и вовсе позабыли свои христіанскія имена... Трудно сказать, говоритъ по этому поводу С. Леонтовичъ, чтобы, лишивъ орочена его прежнихъ, хотя бы и языческихъ, но все-таки довольно опредѣленныхъ и вполнѣ, повидимому, его удовлетворявшихъ, зачатковъ религіи и не давъ ему взамѣнъ того ровно ничего т. е. повергнувъ его въ безотрадное состояніе почти полнаго безвѣрія, сдѣлали доброе дѣло вообще и полезное для него лично—въ частности [1])».

7. Родной языкъ.

Огромное большинство всѣхъ орочей — 2.138 д. или 88,8% — говоритъ на родномъ языкѣ, лишь 269 д. или 11,2% на иныхъ нарѣчіяхъ; изъ нихъ 102 д. или 4,2% изъясняются на *кэкарскомъ* нарѣчіи орочскаго языка (если только между орочами и кэкарами р. Хунгари дѣйствительно существуетъ разница—см. стр. 80). На долю чужихъ языковъ приходится, такимъ образомъ, не болѣе 167 д. или 7,0%. Огромное большинство этихъ орочей — окитаившіеся южные представители племени (тазы), знающіе лишь китайскій языкъ. Ихъ 155 д. об. п. (80 м.), что составляетъ 63,3% всѣхъ орочей Южно-Уссурійскаго округа, гдѣ орочей, сохранившихъ родной языкъ, не болѣе 90 д. (45 м.) или 36,7%, въ т. ч. въ Ольгинскомъ участкѣ 55 д. (25 м.). Изъ остальныхъ 12 душъ — 5 чел. (3 м.) изъясняются лишь по-*тунгусски* и 7 д. (1 м.) по-*гольдски*. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что они по большей части не природные орочи, а повидимому гольды, вошедшіе въ орочскую семью. Нѣкоторые орочи изъясняются на двухъ языкахъ. Такъ, кромѣ указанныхъ выше 155 душъ, говорящихъ лишь по китайски, этотъ языкъ знаютъ и многіе орочи въ южной полосѣ Уссурійскаго округа и въ южной части Удской округи. Число ихъ, однако, не могло быть опредѣлено, потому что перепись требовала указаніе лишь родного языка, каковымъ у нихъ является орочскій. Двуязычными орочи являются и въ самой сѣверной

[1]) „Землевѣдѣніе“. 1897 г., III—IV, стр. 59.

части побережья Японскаго моря, именно, около Императорской гавани и въ полосѣ, лежащей къ сѣверу отъ нея. Здѣшніе орочи по большей части понимаютъ, а многіе и знаютъ *русскую* рѣчь; по Леонтовичу, нѣкоторые изъ нихъ изъясняются и по «гиляцки» [1]).

8. Занятія.

Главнымъ занятіемъ всѣхъ орочей является рыболовство и звѣроловство. Самымъ оживленнымъ временемъ для рыболовства является весна и лѣто. Въ это время орочи, живущіе къ востоку отъ хребта Сихота-алинъ, всѣ перебираются къ устьямъ рѣчекъ, впадающихъ въ море. Ловъ рыбы производится сѣтями, острогами, крючками и т. д. Изъ отдѣльныхъ рыбъ главное значеніе имѣютъ кэта и горбуша изъ породы лососей.

Лѣтомъ же производится усиленная охота на лося, который въ это время, спасаясь отъ комаровъ, появляется на морскомъ берегу. Бьютъ его, подкарауливая у водопоя, изъ ружья ради мяса и сала, шкура же его въ это время плоха. Ради послѣдней его преслѣдуютъ зимой на лыжахъ, но уже вдали отъ моря; для охоты на него въ это время необходима собака. На югѣ страны орочи охотятся на изюбрей ради пантовъ т. е. роговъ, которые стоятъ до 200 р. пара.

Весьма важное значеніе имѣетъ и добыча соболя, который даетъ орочѣ возможность внести подать, уплатить долги и купить обновки. Меньшее значеніе имѣютъ другія животныя. По приблизительному разсчету Леонтовича, посѣтившаго орочей р. Тумнина, охотникъ даннаго района добываетъ ежегодно не менѣе 8 соболей, 9 головъ кабарги, 7 бѣлокъ, 3 лосей, 1 оленя, 1—2 выдры, 1 лисицу и 13 нерпъ.

Многіе изъ мѣстныхъ орочей умѣютъ нѣсколько плотничать и кузнечить.

Въ Уссурійскомъ округѣ многіе орочи показали своимъ главнымъ занятіемъ, кромѣ звѣроловства и рыболовства, еще лѣсные промыслы, не обозначивъ ихъ подробнѣе—здѣсь вѣроятно имѣется въ виду сплавъ лѣса на станціи, расположенныя въ низовьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури.

---

1) „Землевѣдѣніе“, 1897 г., III—IV, (стр. 49). Слово „гиляцки“; поставлено нами въ ковычки въ виду возможности двоякаго толкованія этого выраженія, здѣсь безъ сомнѣнія имѣются въ виду ольчи (ср. стр. 119).

Орочи этого округа, южной части Удской окр. и всего Южно-Уссурійскаго окр., находящіеся подъ культурнымъ вліяніемъ китайцевъ, отчасти усвоили и ихъ занятія. Многіе изъ нихъ, кромѣ главныхъ промысловъ, показали въ качествѣ побочнаго занятія огородничество, а отдѣльныя лица даже земледѣліе. Число лицъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе этими занятіями, наиболѣе многочисленно на самомъ югѣ области и постепенно уменьшается по мѣрѣ движенія къ сѣверу, причемъ не безъ вліянія на степень развитія земледѣлія оказывается и процентъ китайцевъ въ извѣстномъ районѣ. Къ сѣверу отъ р. Самаргй, по побережью Японскаго моря, и отчасти по р. Имѣ, огороды у нихъ небольшіе, въ $^1/_2$—1 дес., причемъ культивируютъ на нихъ больше всего картофель, отчасти кукурузу и буду. Южнѣе огороды становятся бо́льшихъ размѣровъ, до $1^1/_2$—2 дес., и постепенно переходятъ въ пашни, гдѣ кромѣ названныхъ растеній разводятъ еще пшеницу, ячмень и макъ. Къ югу отъ залива Св. Ольги у многихъ орочей земледѣліе является уже главнымъ занятіемъ, хотя и тамъ они не совсѣмъ бросаютъ рыбную ловлю и охоту.

По рѣкѣ Хору (Уссурійскій округъ) многіе орочи занимаются выдѣлкой «лайки», а живущіе въ сѣверной, прибрежной, полосѣ Японскаго моря (Удская округа) показали въ числѣ своихъ занятій, кромѣ главныхъ двухъ промысловъ, еще разведеніе собакъ (охотничьихъ и упряжныхъ). Къ югу отъ р. Кушун-гоу упряжныхъ собакъ уже не разводятъ, а держатъ лишь «звѣровыхъ» т. е. охотничьихъ собакъ.

9. Наружность, образъ жизни, обычаи.

Орочи почти всѣ малаго роста, такъ, напр. въ бассейнѣ р. Тумнина, мужчины въ среднемъ имѣютъ 2 арш. 3 верш., а женщины, которыя въ этомъ отношеніи уступаютъ мужчинамъ, не болѣе 2 аршинъ.

По своему типу они довольно рѣзко отличаются отъ гольдовъ: лицо у нихъ не такое плоское и широкое, какъ у послѣднихъ, хотя скулы такія же выдающіяся, носъ менѣе приплюснутый и часто даже острый, разрѣзъ глазъ косой и губы толстыя. Кисти рукъ и ступни малыхъ размѣровъ. Волосы у нихъ густые, жесткіе и черные; усы и борода рѣдкіе. Вся фигура ихъ сухощавая, но мускулистая. Женщины

имѣютъ огругленныя формы тѣла (Надаровъ). Огромное большинство орочей ведетъ бродячую жизнь и проводитъ зиму и лѣто въ шатрахъ или балаганахъ, имѣющихъ форму двухскатой крыши. Строятся они изъ жердей и кроются корой. Зимнія жилища (чукдѝ) отличаются отъ лѣтнихъ (чолѝ) лишь большей прочностью постройки. Около Императорской гавани и въ ея окрестностяхъ многіе изъ нихъ стали строить избы русскаго типа. Изъ двухлѣтняго пребыванія среди орочей Уссурійскаго края г. Надаровъ вынесъ убѣжденіе, что они имѣютъ задатки сдѣлаться полуосѣдлымъ народомъ, на подобіе гольдовъ; такъ, на югѣ отдѣльныя лица изъ нихъ живутъ осѣдло и, какъ мы видѣли, по примѣру китайцевъ, завели огороды.

Одежда орочей во многомъ напоминаетъ гольдскую: они носятъ нижнюю рубаху (мокчо) изъ бязи, верхнюю рубаху (сегыма) и штаны (хейкы) китайскаго покроя изъ дабы и сапоги изъ кожи животныхъ (унта) и изъ рыбьей кожи (амуи). Замѣтимъ еще, что мужчины и женщины заплетаютъ у нихъ волосы въ косы: первые—въ одну, вторыя—въ двѣ.

Изъ обычаевъ и обрядовъ языческихъ орочей заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

Бракъ.—Орочи обыкновенно имѣютъ по одной женѣ, хотя по ихъ обычному праву они пользуются правомъ имѣть двухъ или болѣе. За невѣстъ платятъ калымъ (тори), который измѣняется въ зависимости отъ красоты невѣсты и достатка ея семьи. За мѣстныхъ женщинъ по берегу моря платятъ среднимъ числомъ 50—100 р. деньгами, мѣхами, тканями и т. д., за привезенныхъ изъ области Амура уплачиваютъ 100—200 р. Съ китайцевъ, иногда берущихъ въ жены мѣстныхъ инородокъ, взыскиваютъ за невѣсту больше: 300—400 руб. Бѣдняки иногда воруютъ невѣстъ, что нерѣдко служитъ причиной столкновеній и даже кровопролитій между орочами разныхъ мѣстностей. Возрастъ брачующихся, даже носящихъ имя христіанъ, самый разнообразный: бываютъ браки между 8—10-лѣтними дѣтьми, между стариками и малолѣтними дѣвочками и т. д., но чаще мужчины женятся въ 15—17 л., а женщины выходятъ замужъ не раньше 12—13 лѣтняго возраста.

Похоронные обряды.—Передаютъ, что въ прежнее время орочи вѣшали своихъ покойниковъ на деревья, оставляя ихъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ (ср. II, стр. 282), теперь же они по большей части зарываютъ ихъ въ землю, опустивъ въ

ямы, гдѣ положены три доски въ формѣ гроба. Орочи съ Хора хоронятъ мертвыхъ въ долбленыхъ гробахъ, которые оставляютъ стоять поверхъ земли. Живущіе по берегу Японскаго моря орочи-христіане тоже иногда оставляютъ гробы на землѣ, устроивъ вокругъ нихъ срубчики или надмогильни, чаще, однако, въ послѣднее время они ихъ зарываютъ въ землю на кладбищахъ. Въ обоихъ случаяхъ въ гробъ кладутъ охотничьи или хозяйственныя принадлежности. Н. Пальчевскій говоритъ: «обычаи Уссурійскихъ орочей представляютъ сколокъ съ орочей Императорской гавани: они такъ же родятся въ особыхъ юрточкахъ, такъ же воспитываются, такъ же одѣваются, питаются, тѣмъ же дѣломъ занимаются, такъ же хоронятся въ гробахъ на воздухѣ, только у первыхъ нѣтъ медвѣжьяго праздника, который я видѣлъ въ с. Дата, и полагаю, что празднество это не собственно орочское, а гиляцкое, также какъ видѣнная мною гольдская заупокойная подушка у Уссурійскихъ орочей (l. c.)».

Большая часть орочей находится въ полной экономической зависимости отъ китайцевъ, въ мѣстности Императорской гавани также отъ русскихъ (и «гиляковъ»), которые ихъ снабжаютъ всѣмъ необходимымъ въ счетъ будущаго промысла. Благодаря этой кредитной системѣ, большинство инородцевъ находятся прямо въ кабалѣ у торговцевъ, главнымъ образомъ китайцевъ, причемъ кредиторъ, не желающій ждать уплаты долга, можетъ забирать у должника все его имущество, не исключая ружья, лодокъ и другихъ самыхъ необходимыхъ для него предметовъ. Въ прежнее время китайцы въ подобныхъ случаяхъ забирали и семью инородца. Но въ большинствѣ случаевъ они не прибѣгаютъ къ такимъ крутымъ мѣрамъ, такъ какъ инородцы (орочи и гольды) безропотно несутъ китайцу всѣ свои заработки и завѣщаютъ свой долгъ своимъ сыновьямъ. Слѣдуетъ замѣтить, что китайцы никогда не объявляютъ инородцамъ суммы ихъ долга.

Къ этому грустному экономическому положенію орочей слѣдуетъ прибавить, что инородцы пользуются презрѣніемъ со стороны китайцевъ и русскихъ, которые считаютъ ихъ за низшія существа; по Надарову, русское населеніе по Уссури называетъ орочей: «тварью».

Во многихъ мѣстностяхъ края, гдѣ мало русскихъ и гдѣ среди орочей живутъ китайцы, роль послѣднихъ не ограни-

чивается ссуженіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ: они присвоили себѣ право творить надъ мѣстными орочами судъ, ради чего иногда увозятъ ихъ въ Китай къ тамошнимъ нойонамъ. Связь между этими двумя народами усиливается еще браками, которые холостые китайцы совершаютъ съ тазачками. Иногда, однако, въ виду невысокой нравственности обѣихъ сторонъ эти сожительства имѣютъ лишь временный характеръ. Вообще, обычай предлагать своихъ женъ и дочерей почетнымъ гостямъ, повидимому, еще не совсѣмъ исчезъ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Сибири и онъ способствуетъ образованію новой смѣшанной расы изъ орочей и китайцевъ. Самые же южные орочи окитаились въ большей или меньшей степени и съ внѣшней стороны и живутъ часто совершенно какъ китайцы, усвоивъ не только ихъ образъ жизни, но и ихъ языкъ и ихъ вѣру.

ГЛАВА VI.

ОЛЬЧИ или МАНГУНЫ.

1. Названія.

Имя *Ольчи* (*Ачаны*? казаковъ XVII в.), какъ и нѣкоторыя другія названія тунгусскихъ племенъ Сибири (см. стр. 74), происходитъ отъ тунгусскаго слова «орон» — «домашній олень», что отчасти наводитъ на мысль, что въ отдаленномъ прошломъ и они были оленеводами. Другое имя этого племени—*Мангуны* имѣетъ въ своемъ корнѣ слово: «мангу, мамгу», которымъ инородцы тунгусскаго племени низовьевъ Амура обозначаютъ р. Амуръ и другія крупныя рѣки края (см. стр. 28, прим.). Д-ръ Зеландъ приводитъ еще имя: *Хэдэ* («низовые»), которымъ, однако, себя называютъ и орочи, и гольды (стр. 27 и 81). То же самое слѣдуетъ сказать и объ имени *Нана* (*Нани*) (см. стр. 81). Такимъ образомъ, ни одно изъ поименованныхъ названій не можетъ считаться типичнымъ и подходящимъ для отличія этого племени отъ другихъ.

Мангуны мало изучены. Ни объ одной народности Пріамурскаго края не имѣется меньше достовѣрныхъ свѣдѣній въ литературѣ, посвященной изслѣдованію края, чѣмъ объ ольчахъ. Происходитъ это отъ того, что большинство бытописателей края, слѣдуя примѣру мѣстнаго населенія, не строго различаютъ другъ отъ друга инородцевъ низовьевъ Амура, группируя отдѣльныя народности подъ сборнымъ именемъ «гиляковъ», «орочоновъ» и т. д. Ольчи почти всегда отожествляются, и мѣстнымъ населеніемъ, и изслѣдователями края, съ «гиляками», почему ихъ имя сравнительно рѣдко встрѣчается въ трудахъ, посвященныхъ его описанію. Первый, кто основательно изучилъ это племя, былъ академикъ Л. Шренкъ, который въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія лично посѣтилъ многія селенія ольчей и, разобравъ всю литературу, касающуюся Пріамурья, извлекъ изъ нея всѣ данныя, могущія выяснить отношеніе этого племени къ сосѣднимъ народностямъ и предѣлы его области.

2. Географическое распространеніе и численность.

Относительно предѣловъ распространенія ольчей въ указанный періодъ времени Л. Шренкъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Ольчи занимали тогда небольшую область по нижнему Амуру между страной гиляковъ на сѣверѣ и областью гольдовъ на югѣ. Выражаясь точнѣе, ихъ сѣверная граница проходила немного южнѣе гиляцкихъ селеній: Тлялысъ или Тлярсъ (на л. бер. Амура), Хьяре или Гери (на пр. бер. А.) и Чомы (на морскомъ берегу). Первыми, самыми сѣверными, мангунскими селеніями были: Тенча (нынѣ с. Богородское —на пр. бер. Амура) и Ухтръ или Ухта (на лѣв. бер. А.). Южной границей этого племени были: большая деревня Ади на правомъ и сел. Кульгу на лѣвомъ берегу Амура, южнѣе которыхъ находились уже гольдскія селенія. На западѣ граница ольчей тянулась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Амура и параллельно ему, причемъ въ своей сѣверной части она пересѣкала озеро Удыль, а въ южной подходила къ нижнему теченію Горина. Еще далѣе къ западу, по этому автору, жили самагиры, хотя, судя по всему, это утвержденіе оказывается справедливымъ лишь относительно южной части этой границы (см. ниже). На востокѣ область ольчей не доходила до моря, такъ какъ берегъ послѣдняго былъ въ большей части своего протяженія незаселенъ, за исключеніемъ залива Де-Кастри и небольшой полосы къ сѣверу отъ него—единственнаго мѣста, гдѣ ольчи соприкасались съ моремъ. Къ указанному заливу подходили и орочи, область которыхъ тянулась сравнительно неширокой полосой по берегу моря, къ югу отъ страны ольчей и къ востоку отъ гольдовъ. Внѣ указаннаго района ольчи встрѣчались лишь въ южной части области гиляковъ, гдѣ населяли три поселка: Тыръ (2 юрты), Чильви (6 юртъ) и Каберацбахъ (1 юрта).

При желаніи сопоставить эти данныя съ таковыми по переписи, мы сразу наталкиваемся на значительныя затрудненія. Имя ольчей или мангуновъ вовсе не встрѣчается въ переписныхъ листахъ, такъ какъ жители большей части указаннаго Шренкомъ района названы «гиляками», подъ которыми здѣсь подразумѣваются не только настоящіе палэазіатскіе гиляки, но и ольчи, и часть негидальцевъ, а южнѣе, въ сѣверной полосѣ Хабаровскаго округа, ольчи въ переписномъ матеріалѣ по большой части смѣшаны съ ихъ сосѣдями—гольдами. Но на основаніи другихъ данныхъ слѣдуетъ признать,

что границы этого племени не измѣнились существенно за истекшія до переписи 40 лѣтъ. Именно, въ трудѣ о гилякахъ Зеланда за 1882 г. имѣется указаніе, что сѣверная межа мангуновъ проходитъ къ сѣверу отъ с. Богородскаго (Тенча) т. е. тамъ, гдѣ ее проводилъ Шренкъ, если только онъ не заимствовалъ свои свѣдѣнія отъ этого послѣдняго. Подтверждается это и сообщеніемъ г. Штернберга, что жители пограничнаго съ ольчами сел. Гери (стр. 120) смѣшаннаго происхожденія съ преобладаніемъ ольчскихъ женщинъ; говорятъ они, и по гиляцки, и по ольчски.

Что касается до южной части ихъ области, то здѣсь нѣсколько легче разобраться въ національности жителей, потому что въ переписныхъ листахъ этой мѣстности имѣются указанія на роды мѣстныхъ инородцевъ. Къ тому же, если въ указанномъ источникѣ эти южные ольчи (за исключеніемъ нижеупомянутыхъ трехъ селеній—стр. 123) названы «гольдами», то по полицейскимъ даннымъ за 1896 г. и по «Спискамъ населенныхъ мѣстъ Приморской области» за тотъ же годъ ольчи подъ именемъ «гиляковъ» по большой части рѣзко разграничиваются отъ гольдовъ. На основаніи этихъ данныхъ можно придти къ заключенію, что и южная ихъ межа осталась почти той же и что поэтому предѣлы области ольчей въ общемъ почти не измѣнились со времени путешествія Шренка въ Пріамурскій край.

Разсмотримъ этотъ вопросъ обстоятельнѣе.

Удская округа. а) Сѣверная часть мангунской области входитъ въ составъ волости *Больше-Михаиловской*, которая охватываетъ и южную часть гиляцкой страны. Здѣсь мы встрѣчаемъ въ переписномъ матеріалѣ и на подробныхъ картахъ слѣдующія селенія по Амуру: Ухта, Койма, Казима и т. д. и по р. Ухтѣ, соединяющей оз. Удыль-Бидзи или Ухта съ Амуромъ: Солапксе (Солонки), Сильчура (Хильчура), Кеньжа (Тенча), Кольчемъ (=Колысми? на 40-вер. картѣ) и при озерѣ Удыль—сел. Джолоко; тамъ же по полиц. даннымъ находится и сел. Джолмаки.

Селенія: Кольчемъ, Тенча и Сильчура (Кильчирнъ) упоминаются и у Шренка, который о нихъ слышалъ отъ Амурскихъ гиляковъ, называвшихъ ихъ жителей *рды*, что, по предположенію Шренка, означаетъ негидальцевъ; по другимъ же отзывамъ эти селенія были населены самагирами и на этомъ основаніи Шренкъ и протянулъ область самагировъ такъ далеко на востокъ,

заставивъ ее на сѣверо-востокѣ проходить черезъ озеро Удыль. Но и при такомъ разграниченіи областей ольчей и самагировъ названныя селенія, расположенныя къ востоку отъ оз. Удыль (Шренкъ ихъ мѣстоположеніе повидимому не зналъ), попали бы въ область ольчей, куда они по всему вѣроятію и принадлежатъ.

Въ 14 селеніяхъ указанной мѣстности, расположенной къ югу отъ межи палэазіатскихъ гиляковъ (Кольчемъ—91 ольчей, Джолмаки—16 о., Джолоко—15 ольчей, зимовье на р. Бичѣ—6 о., Васси—16 о., Ухта—110 о., Пуля—10 жен. о. (среди гольдовъ), Койма—87 о., Казима—31 о., Тюлипа—21 о., Кеньжа—34 о., Сильчура—51 о., Солонки—19 о., Юрпли—24 о.), ольчи въ числѣ 531 д. (258 м.) составляютъ 83,1% наличнаго населенія, причемъ въ частности по р. Ухтѣ и, повидимому, въ окрестностяхъ оз. Удыль они составляютъ все населеніе мѣстности.

При распредѣленіи инородческихъ селеній этой волости между гиляками и ольчами, что, какъ мы видѣли, мы могли сдѣлать лишь ощупью, мы оставили селеніе Лоусъ-Тальники (17 д.), расположенное по Амуру, но неизвѣстно гдѣ, въ районѣ гиляковъ, хотя и не убѣждены въ правильности такого образа дѣйствія [1]).

Во всей той части Б. Михаиловской волости, которая входитъ въ составъ области ольчей, въ 1897 г. числилось 946 д., изъ коихъ ольчи (531 д.) составляли 56,1%, а если исключить русское населеніе с. Богородскаго, которое на картѣ легко выдѣлить, то 63,2% (всѣ же тунгусскія племена вмѣстѣ—609 д. или 72,5%).

6. *Маріинско-Успенская* волость вся входитъ въ составъ области ольчей, занимая ея среднюю часть. Изъ ея инородческихъ поселковъ ольчи проживаютъ въ 18, состоящихъ изъ 180 хозяйствъ и 893 д. об. п., изъ коихъ 761 д. (336 м.) или 85,2% «гиляковъ» т. е. ольчей и 132 д. постороннихъ, главнымъ образомъ, китайцевъ (86 д.), остальные—русскіе и гольды. На

[1]) Относительно Кулусъ (15 д.) и Хылка (28 д.) мы руководились предупредительно сообщеннымъ намъ указаніемъ г. Штернберга, что эти селенія (послѣднее и по Шренку) расположены по правому берегу Амура книзу отъ д. Гери т. е. въ области гиляковъ. Замѣтимъ еще, что по полицейскимъ спискамъ населенныхъ мѣстъ послѣднее селеніе показано „при Амурѣ и озерѣ“ (имѣется ли здѣсь въ виду оз. Удыль, въ западную часть котораго впадаетъ р. Хылка, неизвѣстно, но отъ Амура оно находится не близко)

среднее мангунское селеніе здѣсь приходится (съ посторонними) 49,6 д., а на среднее хозяйство—4,9 д.

Изъ ольчскихъ селеній этой волости можно найти на подробныхъ картахъ: сел. Булаву (98 ольчей), Ауры (27 ол.), Монголъ (133 о.), Кадо (27 о.) по правому берегу Амура, Халанъ (5 о.) и Дуди (25 о.) по лѣвому. Остальныя мангунскія селенія этой волости суть: на протокѣ лѣваго берега Амура: Монокодава (5 о.) и Кудюмъ (64 о.) и по правому его берегу: Кудюмъ-Бача (20 о.), Халанъ-Бача (22 о.), Дыренъ (19 о.), Уданъ (96 о.), Мульки (16 о.), М. Булава (25 о.), Мая (59 о.), Кадушка (19 о.) и Гавань (23 о.) [1]) и при озерѣ Кидзи—сел. Ферма (78 д. ол.).

Въ упомянутыхъ 18 селеніяхъ ольчи составляютъ 85,2% наличнаго населенія. Если же принять въ разсчетъ и прочіе населенные пункты, расположенные въ ея предѣлахъ (исключая окрестности зал. Де-Кастри, гдѣ ольчей не оказалось), именно, русскія селенія, зимовья, лѣсорубки, почтовыя станціи, то наличное населеніе этой волости будетъ 1372 д. об. п., изъ коихъ 818 д. или 59,6% тунгусовъ, въ томъ числѣ—55,5% ольчей, (31,3% русскихъ, 7,7% китайцевъ и т. д.). Два крупныхъ русскихъ селенія волости: с. Иркутское и Маріинско-Успенское въ 426 д. на картѣ легко выдѣлить и тогда тунгусскія племена составятъ 86,5%, а одни ольчи 80,4% наличнаго населенія оставшагося района.

в, Южная часть страны ольчей входитъ въ составъ Хабаровскаго округа и принадлежитъ къ *Нижне-Тамбовской* волости. Провести здѣсь границу между ольчами и гольдами, составляющими главную массу населенія, представляютъ слѣдующія затрудненія. По переписному матеріалу все мѣстное населеніе, за исключеніемъ жителей трехъ селеній по лѣвому берегу Амура (Пахта, Сидахи, Писсой), которые отмѣчены «гиляками», говорящими на гольдскомъ языкѣ, показаны «гольдами». Но такое разграниченіе національностей этой мѣстности не удовлетворительно и по всему вѣроятію далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во-первыхъ, въ такихъ пограничныхъ селеніяхъ жители всегда носятъ смѣшанный характеръ, и, во-вторыхъ, многія селенія, судя по всему, населенныя ольчами, пришлось бы въ такомъ случаѣ считать гольдскими.

Нѣсколько лучше различаютъ эти двѣ національности по-

[1]) Послѣднее селеніе неизвѣстно на какомъ берегу Амура.

лицейскіе списки селеній 1896 г. и «Списки населенныхъ мѣстъ Приморской области» за тотъ же годъ. Здѣсь, во 2 участкѣ Хабаровскаго округа (Нижне-Тамбовская волость и смежныя населенныя мѣста), инородческое населеніе разбито по національностямъ на три части, на: «гольдскія стойбища», «гилякскія стойбища» и «тунгусское стойбище» Карги. Первыя составляютъ огромное большинство всѣхъ поселеній этого округа, вторыхъ 15 и расположены они въ болѣе южной части района. Эти селенія или стойбища суть: Нижняя Халба, Анды, Чучи, Гячи, Дуралъ, Ада, Писуй, Дыренъ, Кевра, Кэуты, Очи, Больба, Пахта, Анганъ и Гавань. (Среди этихъ селеній лежатъ «гольдское» (?) Сидахи и тунгусское Карги). Анализируя эти данныя, мы увидимъ, что одно изъ этихъ стойбищъ находится, по даннымъ переписи, въ предѣлахъ Удской округи и принадлежитъ къ мангунскимъ селеніямъ Маріинско-Успенской волости (Гавань); селенія: Писсой и Ада значатся въ числѣ ольчскихъ селеній на картѣ Шренка; Чуча и Анда (Онда?)—на той же картѣ въ районѣ гольдовъ, и сел. Дыренъ въ ольчскомъ и Гячи въ гольдскомъ районѣ [1]) на 40-вер. картѣ Военно-Топографическаго отдѣла. Остальныя селенія нельзя было найти на имѣющихся картахъ.

Изъ этого разбора селеній можно заключить, что, отмѣчая въ общихъ чертахъ присутствіе на сѣверѣ гольдской области посторонняго элемента («гиляковъ» т. е. ольчей), переписной матеріалъ и полицейскіе списки не даютъ точныхъ и согласныхъ между собою показаній для распредѣленія мѣстныхъ селеній между обѣими сосѣдними національностями. Одинаково ошибочно было бы считать всѣ «гилякскія» селенія Нижне-Тамбовской волости, по даннымъ полиціи, за ольчскія или считать принадлежащими къ данному племени лишь три селенія лѣваго берега Амура, какъ это дѣлаетъ перепись, тѣмъ болѣе, что сел. Сидахи, населенное, по этому источнику, «гиляками», по даннымъ полиціи считается «гольдскимъ стойбищемъ». Къ тому же такого рѣзкаго разграниченія національностей въ пограничныхъ областяхъ не существуетъ: во многихъ селеніяхъ проживаютъ представители обѣихъ сосѣднихъ народностей. Впрочемъ, для разграниченія между собою двухъ родственныхъ народностей, обитающихъ въ одной мѣст-

[1]) Границы районовъ взяты нами по Шренку.

ности, языкъ не является столь удобнымъ критеріумомъ, какъ при другихъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны, онъ могъ быть заимствованъ одной національностью у другой и, съ другой, въ подобныхъ мѣстахъ оба родственныя нарѣчія часто въ значительной степени сглаживаются и приближаются другъ къ другу.

Болѣе практично, повидимому, пользоваться въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ это возможно, названіями родовъ инородцевъ, которыя для данной мѣстности указаны въ переписномъ матеріалѣ. Просматривая эти роды, дѣйствительно убѣждаешься, что кромѣ настоящихъ гольдскихъ, встрѣчающихся у жителей мѣстностей съ чисто гольдскимъ населеніемъ, въ переписномъ матеріалѣ, касающимся данной мѣстности, попадаются названія родовъ, представленныхъ весьма небольшимъ числомъ лицъ, которыя встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этой пограничной между гольдами и ольчами полосы. Но и на основаніи этого признака не вполнѣ безошибочно можно рѣшить вопросъ о національности жителей указанной мѣстности, потому что намъ въ общемъ неизвѣстны названія родовъ ольчей главной части ихъ области (въ Удской окр.),— объ этомъ не имѣется указаній, ни въ переписномъ матеріалѣ, ни въ литературѣ; во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ этихъ названій, по всему вѣроятію искажены, что затрудняетъ сопоставленіе ихъ съ гольдскими родами, и, наконецъ, возможно и то, что данный родъ, хотя и встрѣчается лишь въ этой мѣстности, но все же гольдскій, или то, что, будучи мангунскимъ по происхожденію, онъ настолько ассимилировался съ гольдами, что ничѣмъ отъ нихъ не отличается. Это тѣмъ болѣе часто случается, что обѣ эти родственныя народности говорятъ, какъ сказано, на близкихъ нарѣчіяхъ.

Въ результатѣ такого сопоставленія родовъ мѣстныхъ инородцевъ съ гольдскими родами изъ другихъ районовъ мы полагаемъ, что не сильно ошибемся, если признаемъ слѣдующіе роды ольчскими: *Буралъ*—11 д. (6 м.), *Чайсаръ* или *Чайсалъ*—45 д. (26 м.), *Джаръ*— 3 д. (2 м.), *Джулунъ* — 10 д. (5 м.), *Авали*—5 д. (3 м.), *Голэ*—3 д. (2 м.), *Конги*— 6 д. (3 м.), *Мэудэ* — 3 д. (1 м.), *Орособу* — 5 д. (2 м.), *Сенкэ*—13 д. (8 м.). Первые два рода встрѣчаются каждый въ двухъ селеніяхъ: Буралъ—въ с. Пахта и Больба, Чайсалъ— въ сел. Сидахи и Дырэнъ, остальные—каждый лишь въ одномъ

селеніи, хотя въ большей части этихъ селеній имѣется по нѣсколько этихъ родовъ. Такимъ образомъ, въ сел. Больба (по пр. бер. Амура) встрѣчаются роды: Авали, Буралъ, Голэ, Кони, Сенкэ и, кромѣ того, гольды родовъ: Килэнъ, Хозэръ и непоказанныхъ, въ сел. Анганъ (тамъ же)—роды: Мэудэ и Орособу и, кромѣ того, гольды рода Бэльдай, составляющіе главную часть населенія этой деревни; въ сел. Кэвари (Кэури), по лѣв. б. Амура, родъ Джулунъ и въ сел. Сидахи, кромѣ рода Чайсаръ, родъ Джаръ. Въ переписномъ матеріалѣ отмѣчено еще нѣсколько родовъ у инородцевъ Нижне-Тамбовской волости, которые однако представлены весьма небольшимъ числомъ лицъ и стоятъ особнякомъ среди другихъ гольдскихъ родовъ, таковы роды: *Гакэнъ*, *Луэръ* и другіе, но они проживаютъ въ селеніяхъ чисто гольдской области (см. стр. 65), причемъ въ пользу ихъ ольчскаго происхожденія не имѣется никакихъ другихъ доказательствъ, въ виду чего мы и не рискнули считать ихъ мангунскими.

Итакъ, изъ селеній Нижне-Тамбовской волости, по имѣющимся въ настоящее время свѣдѣніямъ, можно считать ольчскими: по лѣвому берегу Амура лишь Кэвари—10 д. (5 м.) и Сидахи—32 д. (20 м.), все населеніе которыхъ состоитъ изъ представителей родовъ, признанныхъ нами ольчскими, и отчасти сел. Пахта—23 д., въ числѣ которыхъ, судя по всему, 5 д. (2 м.) ольчей, а остальные гольды. По правому берегу Амура ольчскими селеніями оказываются: Дыренъ съ чисто ольчскимъ населеніемъ въ 16 д. (8 м.) и Больба въ 62 д., изъ коихъ 32 д. (20 м.) ольчей, остальные—гольды и отчасти китайцы; ольчи встрѣчаются и въ селеніи Анганъ—8 д. (3 м.), большая часть населенія котораго (32 д.) состоитъ, судя по названіямъ родовъ, изъ гольдовъ или изъ ольчей гольдскаго происхожденія.

Если мы сопоставимъ перечисленныя селенія съ «гиляцкими стойбищами» Нижне-Тамбовской волости по свѣдѣніямъ полиціи (см. выше), то увидимъ, что всѣ селенія, имѣющія чисто ольчское или ольчско-гольдское населеніе, находятся въ ихъ числѣ, что, такимъ образомъ, подтверждаетъ ихъ ольчское происхожденіе. Селеніе Сидахи, названное въ полицейскихъ спискахъ «гольдскимъ», оказывается ольчскимъ, что согласно съ отмѣткой на переписныхъ листахъ національности его жителей («гиляки»). Всѣ другія селенія этой волости, названныя въ спискахъ полиціи «гилякскими», оказываются, на основаніи

разбора родовъ, населенными гольдами и отчасти самагирами и орочами (Писсой, Анда (Онида?), Ади, Халбо и Чеуче—гольды, Кэути—орочи и тунгусы, Очи—орочи и гольды, Гятца—гольды и самагиры) [1]). Изъ этихъ селеній Писсой, названное «гиляк-скимъ», какъ въ переписныхъ листахъ, такъ и въ полицейскихъ спискахъ, судя по названіямъ родовъ, населено гольдами, куда мы его и отнесли, хотя оно, какъ и сел. Ади, и расположено на окрайнѣ ольчской области Шренка (сел. Анда, Чучи (Чеуче), Гятца, какъ указано выше, уже въ предѣлахъ гольдской области).

На основаніи этихъ данныхъ послѣдними селеніями ольчей на югѣ слѣдуетъ считать (если руководствоваться данными о родахъ) по лѣвому берегу Амура—сел. Сидахи, расположенное вѣроятно къ сѣверу отъ рч. Хоркой, и по правому—сел. Дыренъ. Южнѣе живутъ гольды, которые отчасти проживаютъ и въ ольчскихъ селеніяхъ Нижне-Тамбовской волости. Приблизительно отъ селенія Гячи (Гятца) и Хулса на сѣверѣ и до сел. Дзёмги и Гауня-Уйсэ на югѣ къ нимъ примѣшиваются и самагиры. Кромѣ того здѣсь, какъ и въ чисто ольчскомъ районѣ, имѣется и нѣсколько русскихъ, въ послѣднемъ также и гольдскихъ, селеній (см. стр. 38 сл.).

Такъ какъ въ 50-ые годы истекшаго столѣтія самыми южными селеніями ольчей считались Ади и Кулгу, которыя нынѣ населены гольдскими родами и отчасти самагирами [2]), то *южная* граница ольчей съ того времени повидимому, нѣсколько подалась на сѣверъ.

Къ Нижне-Тамбовской же волости принадлежатъ, по даннымъ переписного матеріала, и два «гольдскихъ» селенія: Пули—41 д. (21 м.), при р. Ай, впадающей съ юга въ озеро Кидзи, и Пяда (=Пэданэ Шренка?), при устьѣ той же рѣчки. Въ виду того, что по Шренку названное озеро и устье рч. Ай было населено ольчами (гольдовъ по ней вовсе не обитало), причемъ берега самой рѣки были заняты кочевьями орочей, можно было a priori предполагать здѣсь ольчское населеніе. Это дѣйствительно подтверждается разсмотрѣніемъ названій родовъ мѣстнаго населенія, которые не напоминаютъ извѣстные намъ гольдскіе роды, не будучи однако похожи и на немногіе извѣст-

---

[1]) Изъ остальныхъ двухъ селеній сел. Дуралъ не значится въ переписномъ матеріалѣ, а относительно сел. Гавани—см. стр. 124.

[2]) Н. Зеландъ (1882 г.) проводитъ южную межу ольчей еще южнѣе, прибл. по 51° с. ш. или у устья р. Горина, что явно неправильно („Тр. общ. люб. ест., этн. и антр.“, т. XLIX, 3 вып., стр. 67).

ные намъ ольчскіе роды по Амуру (см. стр. 125). Эти роды суть: въ сел. Пули: *Водю*—3 д. (2 м.), *Дого* или *Дуку*—13 д. (7 м.), *Іянся*—11 д. (6 м.), *Поё*—6 д. (2 м.), *Тенька* (?=Сенька по Амуру)—6 д. (3 м.) и въ сел. Пяда: *Гальда*—10 д. (4 м.), *Лонкиль*—9 д. (4 м.) и непоказаннаго рода 1 ж.; кромѣ того тамъ было зарегистрировано 4 китайца.

Гольдскихъ родовъ въ этихъ селеніяхъ не оказывается, На основаніи этихъ данныхъ можно предположить, что эти селенія населены ольчами мѣстныхъ родовъ, причемъ сопоставленіе ихъ съ другими родами, какъ сказано, затрудняется вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо данныхъ касательно коренныхъ ольчскихъ родовъ по Амуру, кромѣ небольшой части ихъ области на югѣ (Нижне-Тамбовская вол.).

Принимая во вниманіе все вышеизложеннее, можно принять, что въ сѣверной части Нижне-Тамбовской вол., на югъ до сел. Сидахи и Дыренъ включительно, населеніе носитъ смѣшанный характеръ, состоя, кромѣ русскихъ, изъ гольдовъ, ольчей и тунгусовъ, причемъ ольчей здѣсь было зарегистрировано 104 д. (58 м.) или 16.0% наличнаго населенія (безъ русскихъ селеній они составляютъ 30,1%). Изъ нихъ 47 д. (27 м.) проживаютъ въ трехъ селеніяхъ по лѣвому берегу Амура (Пахта, Кэвари, Сидахи) и 57 д. (31 м.) въ трехъ же селеніяхъ по правому его берегу (Дырэнъ, Больба, Анганъ). Остальную часть населенія мѣстности составляютъ гольды и тунгусы (см. стр. 38 сл.).

Сверхъ того къ этой же волости принадлежитъ и ольчскій районъ при оз. Кидзи, гдѣ въ нижнемъ теченіи р. Ай, впадающей въ него съ южной стороны, расположены два ольчскихъ селенія: Пули и Пяда въ 65 д. (32 м.), изъ коихъ 59 д. (28 м.) ольчей.

Сгруппировавъ вмѣстѣ цифровыя данныя касательно ольчскаго населенія отдѣльныхъ мѣстностей области, мы получимъ нижеслѣдующіе итоги, которые на основаніи вышеизложеннаго могутъ, однако, считаться лишь приблизительно вѣрными. Здѣсь необходимо замѣтить, что при общей разработкѣ данныхъ переписи не представлялось возможнымъ детально анализировать національность отдѣльныхъ группъ населенія, въ виду чего въ изданіи результатовъ переписи по Приморской области большая часть ольчей и часть негидальцевъ, на основаніи невѣрныхъ показаній о языкѣ («гиляцкій»), ошибочно включена въ число палеазіатскихъ гиляковъ.

ТАБЛИЦА XI.

Названія районовъ.	Наличное населеніе въ 1897 году.			Число душ. въ хоз. [1]).	% женщ. на 100 мужч.
	м. п.	ж. п.	об. п.		
1. Удская округа: Больше-Михаиловская волость (южн. часть)	258	273	531	5,4	106
2. „ „ : Маріинско-Успенская волость	336	425	761	4,9	126
3. Хабаровскій округъ: Нижне-Тамбовская волость. (сѣв. часть) . . .	86	77	163	5,8	91
Итого	**680**	**775**	**1455**	**5,2**	**114**

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ усматривается, что ольчское населеніе области равняется по приблизительному исчисленію 1455 д. об. п.; проживаетъ оно почти исключительно въ южной части Удской округи и отчасти въ сѣверной полосѣ Хабаровскаго окр. На 100 м. у ольчей приходится среднимъ числомъ 114 женщинъ (въ предѣлахъ Маріинско-Успенской вол. даже 126) и на среднее хозяйство—5,2 д. об. п.

Въ приведенные выше итоги мы не включили жителей ольчскихъ селеній: Тыръ, Чильмы (Чильви) и Каберацбахъ, расположенныхъ далѣе къ сѣверу, среди чисто гиляцкихъ юртъ (см. стр. 120) Мы такъ поступили на томъ основаніи, что гиляки и ольчи въ переписномъ матеріалѣ названы всюду однимъ именемъ: «гиляки» и по имѣющимся даннымъ не представлялось возможнымъ опредѣлить въ настоящее время, черезъ 40 слишкомъ лѣтъ, каковъ племенной составъ этихъ селеній. Будучи со всѣхъ сторонъ окружены гиляками, жители этихъ ольчскихъ колоній вѣроятно въ значительной степени ассимилировались съ ними; кромѣ того въ этихъ селеніяхъ должны находиться и настоящіе гиляки, такъ какъ въ нынѣшнее время населеніе поселковъ, расположенныхъ на окрайнахъ инородческихъ областей, гдѣ сталкиваются 2—3 народности, по большей части

[1]) Наличное населеніе ольчскихъ селеній (т. е. ольчи вкл. постороннихъ).

имѣетъ смѣшанный характеръ. На этомъ основаніи мы и не присоединили населеніе двухъ изъ этихъ селеній (Каберацбахъ въ переписномъ матеріалѣ не встрѣчается) къ ольчскому населенію края.

3. **Роды**—см. выше (стр. 125 и 128).

4. **Сословіе** — бродячіе инородцы.

5. **Религія.** Большинство ольчей еще по-нынѣ придерживается *язычества* (шаманизма). По даннымъ переписи 1897 г. шаманистовъ среди нихъ оказалось 911 д. (377 м.) или 62,6% всѣхъ ольчей. Они распредѣлялись такимъ образомъ въ предѣлахъ своей области: въ Б. Михаиловской волости 324 д. (150 м.), въ Маріинско-Успенской—522 д. (197 м.) и въ предѣлахъ Нижне-Тамбовской вол. Хабаровскаго округа—65 д. (30 м.). Изъ отдѣльныхъ селеній перваго района ихъ особенно много въ сел. Кольчемъ, Ухта и Койма; во второмъ районѣ они встрѣчаются въ сел. Кудюмъ, Ферма, Уданъ, Кадо, М. и Б. Булава, Мая и Монголъ, гдѣ они составляютъ большинство ольчскаго населенія. Въ этомъ районѣ замѣчательно преобладаніе среди язычниковъ женскаго пола (на 100 м. приходится здѣсь 165 ж.), что вѣроятно объясняется тѣмъ же смѣшеніемъ ихъ съ настоящими гиляками. Въ третьемъ районѣ язычники составляютъ почти все населеніе сел. Пули и Пяда у оз. Кидзи.

Остальная часть ольчей обратилась въ *христіанство*. Послѣдователей православной церкви среди ольчей оказывается всего 544 д. (303 м.) или 37,4% всѣхъ представителей этого племени. Ольчи-христіане проживаютъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ съ ольчами шаманистами.

6. **Языкъ.** Ольчи или мангуны говорятъ на родномъ языкѣ, но въ переписномъ матеріалѣ мы на вопросъ о родномъ языкѣ не находимъ вѣрныхъ указаній: у тѣхъ изъ ольчей, которые приняты за «гиляковъ» (Удская округа), языкъ показанъ «гиляцкій», а у всѣхъ ольчей Хабаровскаго округа, даже у жителей трехъ селеній, названныхъ «гиляками», отмѣченъ «гольдскій» языкъ. Это очевидно произошло отъ смѣшенія счетчиками обоихъ племенъ, что было тѣмъ болѣе возможно, что нарѣчія ольчей, гольдовъ и орочей близки другъ къ другу. Образцовъ ольчскаго нарѣчія мы не имѣемъ.

7. **Занятія** ольчей—почти исключительно рыболовство и звѣроловство, отчасти разведеніе упряжныхъ собакъ для перевозки

груза, поставка дровъ на пароходы и на желѣзную дорогу, также чернорабочій трудъ.

8. Описаніе образа жизни ольчей дать не легко, потому что почти всѣ изслѣдователи края, считая ихъ за одинъ народъ съ гиляками, описывали ихъ вмѣстѣ это отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ общихъ чертахъ образъ жизни тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же. Сильницкій, одинъ изъ послѣднихъ авторовъ, писавшій о нихъ и тоже не отличавшій ихъ отъ гиляковъ, нашелъ впрочемъ въ образѣ жизни болѣе южныхъ «гиляковъ» [1]) т. е. ольчей нѣкоторыя особенности, которыя ихъ выгодно отличаютъ отъ настоящихъ гиляковъ, именно, въ ихъ юртахъ онъ находилъ безукоризненную чистоту, которая распространялась и на ихъ лица и руки; кромѣ того у всѣхъ почти имѣлись небольшіе картофельные огороды при юртахъ, чего не наблюдалось у гиляковъ, живущихъ отъ сел. Тыръ на сѣверъ до г. Николаевска. Эти характерныя черты въ образѣ жизни «болѣе южныхъ гиляковъ» т. е. ольчей Сильницкій однако весьма наивно приписываетъ исключительно благотворной опеки надъ ними мѣстнаго исправника, какъ грязь и лѣность гиляковъ, живущихъ въ болѣе нижнемъ теченіи Амура (т. е. палеазіатскихъ гиляковъ), вредному вліянію близости Амгуньскихъ пріисковъ.

---

[1]) Живущихъ отъ стб. Анганъ, гдѣ населеніе смѣшанное изъ гольдовъ и ольчей, до сел. Тыръ, гдѣ начинается область гиляковъ. (Сильницкій: „Бытъ гиляковъ на низовьяхъ Амура“ въ „Тр. Пріам. Отд. И. Р. Геогр. О.“ 1898 г.).

ГЛАВА VII.

ОРОКИ.

1. Наименованія.

Ороки являются ближайшими родственниками тунгусскаго племени ольчей или мангуновъ, обитающаго въ низовьяхъ Амура (см. стр. 119 сл.). По всему вѣроятію они тѣ же ольчи, которые нѣсколько столѣтій тому назадъ выселились на островъ Сахалинъ и тамъ подъ вліяніемъ иныхъ естественно-историческихъ условій и другихъ сосѣдей нѣсколько обособились отъ нихъ.

Русское населеніе и многіе изслѣдователи края называютъ ихъ *Орочонами* или *Ороченами*, имя, которымъ они отмѣчены и въ переписныхъ листахъ. У гиляковъ они извѣстны, по Шренку, подъ именемъ *Оронгада* (на Амурѣ), *Оронгта* (на западн. берегу Сахалина) и *Орокó* (въ долинѣ р. Тыми), у аиновъ — подъ названіемъ *Орожко*. Отъ послѣднихъ двухъ именъ и происходитъ ихъ русское наименованіе: *Ороки*. Подъ сходнымъ именемъ они извѣстны и въ манчжурскихъ лѣтописяхъ — *Орунчунъ*. Всѣ эти наименованія происходятъ, какъ извѣстно, отъ одного и того же корня: «оро, оронъ» (по тунгусски: «домашній олень»), такъ какъ и по сейчасъ главнымъ занятіемъ ороковъ является оленеводство. Въ виду того, что это занятіе практикуется и другими тунгусскими племенами, то имя «орунчунъ» и русское «орочонъ» примѣняется, какъ указано выше, по отношенію не къ однимъ орокамъ (см. стр. 74). Сами ороки, по Полякову, называютъ себя *Ульча* (т. е. «ольчами»).

2. Географическое распространеніе и численность.

Ороки встрѣчаются только на островѣ Сахалинѣ, гдѣ они обитаютъ въ Тымовскомъ и Корсаковскомъ округахъ или

точнѣе въ средней и восточной части острова. Здѣсь въ разное время года ихъ можно встрѣтить во всемъ бассейнѣ р. Поро-най, въ сѣверной части побережья залива Терпѣнья и на значительной части протяженія восточнаго побережья Сахалина, приблизительно отъ 53° с. ш. на сѣверѣ до 49° с. ш. на югѣ, хотя на южную окрайну этой полосы они и заходятъ лишь случайно, во время промысла. Меньше ихъ въ бассейнѣ рѣки Тыми, а по западному берегу острова ихъ можно застать лишь во время перехода ихъ съ Сахалина на материкъ (см. ниже). На его южной и сѣверной оконечностяхъ, внѣ предѣловъ 53°—49° с. ш., ихъ никто не встрѣчалъ. Ороки не имѣютъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, такъ какъ въ качествѣ настоящихъ оленныхъ кочевниковъ постоянно мѣняютъ мѣста своего жительства, дѣлая лишь временныя остановки ради пастьбы оленей, ради охоты и рыбнаго промысла. Даже тѣ пункты, гдѣ они болѣе часто проживаютъ и которые у Шренка и на многихъ картахъ острова обозначены селеніями, на дѣлѣ оказываются лишь стоянками, часто пустующими въ зимнее время. Поэтому, если мы укажемъ на тѣ пункты, гдѣ ихъ застала перепись зимою 1897 г., то этимъ самымъ мы дадимъ фотографическій снимокъ ихъ распредѣленія по странѣ, справедливый, однако, лишь для даннаго періода времени и въ большей или меньшей степени для зимнихъ мѣсяцевъ вообще.

Лѣтомъ же ихъ распредѣленіе, обусловленное ихъ перекочевками къ морю, совершенно иное. Перепись намъ, повидимому, даетъ указанія объ ихъ стоянкахъ и стойбищахъ лишь въ зимнее время.

Въ Корсаковскомъ округѣ они образовали 9 отдѣльныхъ стоянокъ или зимовій: Найбуту (21 д.), Мойгучи (57 д.), Вальзы (66 д.), Куртуишу (4 д.), Оса (32 д.), Сочигаръ (97 д.), Хоэ (9 д.), Оской (6 д.) и Транъ-хотанъ (8 д.), состоявшихъ изъ 63 хозяйствъ и 300 д. (157 м.) ороковъ (кр. т. 94 постороннихъ). Изъ этихъ поселковъ населеніе четырехъ носило смѣшанный характеръ, именно, въ зим. Куртуишу и Сочигаръ оно состояло изъ ороковъ и гиляковъ, въ одномъ: Хоэ—изъ ороковъ, тунгусовъ и якутовъ и въ одномъ: Оской — изъ ороковъ и тунгусовъ. Мѣстонахожденіе восьми изъ упомянутыхъ орокскихъ стоянокъ, названныхъ по большей части по именамъ мелкихъ рѣчекъ, не могло быть опре-

дѣлено на подробныхъ картахъ острова, имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи. Стоянка Транъ-хотанъ вѣроятно была расположена нѣсколько къ сѣверу отъ поста Тихменевскаго, гдѣ на картахъ значится селеніе Таранъ-Котанъ, имѣющее, повидимому, временный характеръ.

Наличное число ороковъ, зарегистрированныхъ въ предѣлахъ Корсаковскаго округа, простирается до 304 д. об. п., изъ коихъ 159 мужчинъ. По отношенію къ наличному населенію округа ороки составляютъ всего 3,5%, въ сѣверной же его части они господствуютъ надъ всѣми остальными національностями. Средняя орокская стоянка даннаго округа состояла изъ 6 хозяйствъ, а среднее хозяйство изъ 6,3 душъ.

Въ Тымовскомъ округѣ перепись обнаружила 15 орокскихъ зимовій, изъ коихъ въ двухъ (Валъ, Куруигъ) [1]) жили еще и тунгусы и въ одномъ (Тарайка) гиляки, а рядомъ въ одноименномъ селеніи—аины. Изъ этихъ зимовій и стоянокъ мѣстоположеніе могло быть опредѣлено съ большей или меньшей точностью лишь у семи: Царель—56 д. [2]), Даги—65 д. [3]), Валъ—41 д. [4]), ст. въ уроч. Хоэ—22 д. [5]), зимовья при рѣкахъ: Тарайкѣ—4 д. [6]) и Некоро—5 д. [6]), ст. Торанъ-Котанъ—12 д. (см. выше). Остальныя 8 зимовій, тоже расположенныя по мелкимъ рѣчкамъ или близъ ихъ устьевъ, не могли быть отысканы на картахъ. Эти селенія носятъ названія: Имчинъ (51 д.) при одноименной рѣчкѣ, стоянка при рч. Люкшомо (18 д.), Валето (49 д.), Муйгаттэ (44 д.), ст. на рч. Томотахъ (14 д.), Оса (33 д.), Дуатань (11 д.) и ст. у оз. Куруигъ (20 д.).

Слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ числѣ перечисленныхъ орокскихъ стоянокъ не значатся орокскія селенія: Атэрво или Тэлу-во [7]), находящееся у Ныйскаго залива, и Дауту—у Набильскаго залива, упоминаемыя во многихъ описаніяхъ края, а также сел. Кякръ-во, самое сѣверное селеніе этого племени во время путешествій Шренка, расположенное на восточномъ берегу Сахалина подъ 53° 1′ с. ш. Въ немъ

---

[1]) Ср. прав. прит. Поро-ная (сѣвернѣе р. Хойэ)—Кироуту?
[2]) При заливѣ Набильскомъ.
[3]) Сел. Даги у Ныйскаго залива, противъ устья р. Даги.
[4]) При р. Чай, впадающей въ Японское море у мыса Отмели.
[5]) На устьѣ р. Хоэ или Хойэ, лѣв. прит. Поро-ная.
[6]) Рѣки, впадающія въ заливъ Терпѣнья.
[7]) Во—по гиляцки „селеніе“.

кромѣ ороковъ проживали и гиляки. На картахъ 80-хъ годовъ эти селенія тоже существуютъ, причемъ послѣднее названо «гиляцкимъ». Таковымъ же оно является и по даннымъ переписи, гдѣ его жителями оказались одни гиляки. Причину, почему населеніе этого селенія измѣнило свой племенной составъ, а другія два селенія, повидимому, исчезли, надо видѣть въ подвижномъ образѣ жизни ороковъ, которые, какъ указано выше, часто мѣняютъ мѣстожительство, не только періодически, въ зависимости отъ промысловъ, но и независимо отъ нихъ. Къ тому же перепись имѣла мѣсто зимой, когда ороки покидаютъ морской берегъ и удаляются вглубь страны. Возможно, что они лишь временно покинули названныя селенія.

Относительно области р. Поро-ная извѣстно изъ другого источника [1]), что въ ея долинѣ еще недавно (въ 1894 г.) имѣлось два орокскихъ селенія. Одно изъ нихъ было расположено ниже впаденія въ р. Поро-най рч. Хоэ, около устья р. Табани (вѣр. Тубанги, праваго притока Поро-ная), 10 в. къ сѣверу отъ Солдоя. Въ этомъ селеніи числилось 2 юрты въ 16 душъ (9 м.) ороковъ, составлявшихъ 5 семействъ. Другое орокское селеніе той же мѣстности находилось на лѣвомъ берегу нижняго теченія Поро-ная, въ 2 верстахъ отъ поста Тихменевскаго, расположеннаго у залива Терпѣнья. Здѣсь было 5 жилищъ изъ корья, въ которыхъ проживало 32 д. ороковъ (18 м.), въ томъ числѣ 17 дѣтей. Это самое южное орокское селеніе находилось приблизительно около того мѣста, гдѣ при Л. Шренкѣ было сел. Чогбо, лежавшее на рч. Сискѣ, около одноименнаго озера. Всего въ долинѣ Поро-ная въ 1894 г. числилось 7 жилищъ съ населеніемъ въ 48 душъ (27 м.) ороковъ, изъ коихъ было 23 дѣтей. Въ этомъ источникѣ, какъ видно, не упоминается о сел. Таранъ-Котанъ, которое расположено нѣсколько къ сѣверу отъ предъидущаго и которое существовало тамъ еще лѣтъ 40 тому назадъ. Во время переписи 1897 г., однако, одна орокская стоянка находилась именно въ этой мѣстности (см. выше).

Кромѣ того, прежде имѣлось орокское селеніе въ 2 дома по среднему теченію р. Поро-ная, нѣсколько южнѣе устья праваго ея притока Хоэ, на ея правомъ берегу. О немъ упоминаетъ и Гарнакъ, сообщая, что по случаю наступленія

---

[1]) Поповъ: „Сахалинскій календарь“ 1895 г. (II, стр. 15).

зимняго времени въ немъ осталась лишь одна семья ороковъ—новое доказательство въ пользу непостояннаго характера орокскихъ селеній. Гленъ упоминаетъ еще объ одномъ маленькомъ орокскомъ селеніи на лѣвомъ притокѣ Пороная: Муйкѣ или Мыгэ. По даннымъ переписи 1897 г., селеній въ этихъ мѣстностяхъ не оказалось, а встрѣчались тамъ лишь стойбища и зимовья, одно изъ которыхъ въ 22 души находилось на устьѣ р. Хоэ, праваго притока Поро-ная, т. е. приблизительно тамъ, гдѣ было отмѣчено первое изъ только что упомянутыхъ двухъ селеній. Не упоминаетъ перепись и о тѣхъ орокскихъ селеніяхъ въ окрестностяхъ озера Тарайки, о которыхъ сообщаетъ Шренкъ и которыя вѣроятно были лишь лѣтними стоянками на время рыбнаго лова.

Всего въ Тымовскомъ округѣ въ 1897 г. проживало 445 д. ороковъ об. п. (236 м.), которые составляли 5,3% населенія округа.

На среднюю стоянку или на зимовье у ороковъ даннаго округа приходится 31,2 д. об. п., а на среднее хозяйство—7,1 душъ.

Въ цѣломъ островѣ Сахалинѣ орокское населеніе группировалось, по даннымъ переписи 1897 г., такимъ образомъ:

ТАБЛИЦА XII.

Названія округовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.			Число душъ въ хоз.	% женщ. на 100 м.
	м. п.	ж. п.	об.п.		
1. Корсаковскій	159	145	304	6,3	91
2. Тымовскій	236	209	445	7,1	89
Итого . . .	**395**	**354**	**749**	**6,7**	**90**

749 душъ ороковъ составляютъ 2,7% всего населенія острова и 84% представителей тунгусскаго племени.

Отношеніе половъ у нихъ: на 100 мужчинъ—89,6 женщинамъ. На среднюю стоянку ороковъ приходится 34,6 душъ об. п. (включая живущихъ въ нихъ постороннихъ), а на среднее хозяйство—6,7 душъ.

Наиболѣе древнія данныя о географическомъ распространеніи ороковъ встрѣчаются у японскихъ путешественниковъ конца XVIII и начала XIX ст.: М. Токнай и Маміа Ринзо, которые называютъ землю, населенную этимъ племенемъ, Орикатa, а самихъ жителей: *ороцко*. Они имъ отводятъ восточную полосу средней части острова. На югѣ ихъ межа начиналась у залива Терпѣнья, приблизительно въ мѣстности, гдѣ находились селенія: Си и Тарайка, затѣмъ дугой охватывала бассейнъ р. Ты (Поро-ная) и, направляясь на востокъ, оканчивалась на восточномъ берегу острова нѣсколько сѣвернѣе мыса Делиль-де-ла-Кройэра. Эти данныя, по мнѣнію Л. Шренка, даже тогда врядъ ли могли соотвѣтствовать дѣйствительности и вѣроятно были основаны по большей части на слухахъ. Въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія предѣлы страны ороковъ совпадали съ описанными у японскихъ путешественниковъ лишь на югѣ, восточный же берегъ въ указанныхъ границахъ былъ безлюденъ, какъ и долина р. Ты или Поро-ная, гдѣ встрѣчались лишь рѣдкія и притомъ временныя кочевья ороковъ.

Напротивъ, японскіе путешественники ничего не упоминаютъ о сел. Кэкр-во (Кякр-во) у мыса Вирста, гдѣ во время Шренка находился центръ орокскаго населенія (см. выше).

Въ подобную же ошибку впадаетъ и Риттихъ, на этнографической картѣ котораго область ороковъ занимаетъ лишь самую восточную часть средней полосы острова, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они развѣ въ лѣтнее время, во время рыболовнаго промысла, ограничиваются этой частью, хотя и тогда предѣлы ихъ распространенія болѣе обширны, чѣмъ тѣ, которые показаны на упомянутой картѣ (см. выше). Къ тому же они въ этотъ періодъ времени далеко не составляютъ всего населенія описанной мѣстности.

Совсѣмъ невѣрно указываетъ границы страны ороковъ о. Іакинфъ, который, толкуя китайскія лѣтописи и книги касательно Сахалина, отводитъ имъ южную его часть.

3. Передвиженія. Какъ видно изъ предъидущаго, ороки почти не живутъ въ селеніяхъ, а гдѣ таковыя есть, они все же до извѣстной степени имѣютъ временный характеръ. Огромное большинство ихъ, напротивъ, ведетъ бродячую жизнь. Во время подъема рыбы они выходятъ на берега Поро-ная и Тыми, а прочее время держатся по большой части въ районѣ

тундръ, богатыхъ лишаемъ (оленьимъ мохомъ), въ самыхъ глухихъ частяхъ средней полосы острова. Кромѣ того, они совершаютъ періодическія и непериодическія перекочевки съ сѣвера, отъ залива Ныйскаго, на югъ, къ заливу Терпѣнья. Передвигаются они при этомъ по внутренней части острова, именно, они поднимаются вдоль р. Тыми, потомъ добираются до верховьевъ Поро-ная или Ты, по которой спускаются до моря. Иногда, впрочемъ, они во время этихъ передвиженій заходятъ на восточный берегъ, гдѣ ихъ не разъ заставали разные изслѣдователи края.

Этимъ же путемъ они въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія пользовались и для своихъ передвиженій на западный берегъ Сахалина и оттуда на материкъ Азіи. Направляясь отъ восточнаго берега острова, они слѣдовали почти до верховьевъ Тыми по горному хребту, окаймляющему долину названной рѣки съ запада. Отсюда они переваливали на западный берегъ въ мѣстности, гдѣ расположены деревни: Аркай (Арково) и Мгачъ. Затѣмъ они поднимались вдоль морского берега на сѣверъ до широты Амурскаго лимана и пересѣкали его по направленію къ сел. Чомы и нѣсколько сѣвернѣе достигали устья р. Тыми (въ Удской округѣ Прим. обл.), поднявшись по которой и пересѣкши хребетъ, они добирались до долины Амура, гдѣ располагались лагеремъ близъ дер. Пули. Черезъ нѣкоторое время они тѣмъ же путемъ возвращались обратно на островъ.

Тѣмъ изъ ороковъ, которые совершали этотъ путь на материкъ съ южной части восточнаго берега или съ прибрежья залива Терпѣнья, приходилось при этомъ пробираться на сѣверъ вдоль по р. Ты, пересѣкая при этомъ обширныя, совершенно незаселенныя равнины, гдѣ лишь изрѣдка встрѣчались 2—3 временныхъ юрты ороковъ-охотниковъ.

За послѣднее время о такихъ путешествіяхъ ороковъ съ острова на материкъ извѣстій не имѣется. Можетъ быть въ силу измѣнившихся экономическихъ и другихъ условій мѣстнаго населенія и большей обезпеченности сбыта продуктовъ оленеводства и охоты подобныя путешествія и стали производиться рѣже, но Сахалинскіе тунгусы, живущіе рядомъ съ ороками, и понынѣ совершаютъ ежегодно подобныя поѣздки въ низовья Амура, какъ то было показано выше (см. I, стр. 41).

4. **Роды** ороковъ въ переписномъ матеріалѣ не указаны.

5. **Сословіе**—бродячіе инородцы.

6. **Религія.** Большая часть ороковъ—636 д. (337 м.) или 85% принадлежитъ къ православной церкви и лишь меньшинство — 112 д. (57 м.) или 14,9% (1 буддистъ—0,1%) продолжаетъ придерживаться своихъ прежнихъ языческихъ боговъ и вѣрованій. Изъ нихъ 85 д. (45 м.) были зарегистрированы въ Корсаковскомъ округѣ, въ т. ч. 39 чел. въ коч. Вальзы, 24 чел. въ коч. Мойгучи, 10 чел. въ коч. Найбуту, 8 чел. въ коч. Оса и т. д. Остальные 27 д. (12 м.) проживаютъ въ Тымовскомъ округѣ. Въ первомъ они составляютъ 28%, во второмъ—6,1% наличнаго орокскаго населенія. Но и тѣ ороки, которые считаются христіанами, носятъ крестъ и держатъ въ своихъ юртахъ иконы, приносятъ при удачномъ ловѣ благодарственныя жертвы своимъ языческимъ богамъ. Вслѣдствіе большой разбросанности орокскихъ селеній и кочевій и пустынности и малодоступности края священнослужители иногда по нѣсколько лѣтъ не навѣщаютъ этихъ пасынковъ своего прихода, въ виду чего браки, похороны и другіе обряды даже у православныхъ ороковъ совершаются по большей части безъ благословенія церкви.

7. **Языкъ.** Всѣ говорятъ на родномъ языкѣ. Кромѣ того многіе могутъ изъясняться на тунгусскомъ языкѣ, а живущіе близъ аиновъ и на языкѣ этихъ послѣднихъ [1]). Большая часть изъ нихъ понимаетъ по русски.

8. **Занятія.** Вмѣстѣ съ тунгусами ороки являются единственными оленеводами острова: разведеніе оленей ихъ главное занятіе. Весною и лѣтомъ они промышляютъ рыбу въ рѣкахъ и у ихъ устьевъ, на морскомъ берегу (заливъ Терпѣнья и восточное побережье острова). Осень и зиму они проводятъ въ лѣсахъ гористыхъ мѣстностей и въ тундрахъ болѣе внутреннихъ частей острова, гдѣ они промышляютъ пушного звѣря и дичь. Ороки, живущіе близъ залива Терпѣнья и въ смежныхъ мѣстностяхъ побережья Сахалина, нанимаются также на японскія рыбалки, гдѣ работаютъ въ качествѣ чернорабочихъ.

9. **Физическій типъ и образъ жизни.** Ороки средняго и отчасти малаго роста, женщины—всѣ низкаго роста. По своему типу они принадлежатъ къ монгольскому племени: у

---

[1]) „Сахалинскій календарь". 1899 г.

нихъ значительно выдающіяся скулы, форма носа разнообразная: отъ короткой и вздернутой до удлиненной и заостренной на концѣ.

Лица женщинъ по большей части округлыя съ приплюснутыми носами, рѣже они овальной формы. Ноги и руки, въ особенности ступни и кисти, у всѣхъ ихъ, сравнительно съ размѣрами тѣла, очень малы. Волосы у ороковъ черные или чернобурые.

Жилищами имъ служатъ или шатры, крытые оленьими шкурами, или хижины изъ корья, сбоку имѣющія видъ крышъ домовъ, а спереди и сзади —коническую форму. Съ этихъ обѣихъ сторонъ въ жилища ведутъ двери, изъ которыхъ въ непогоду оставляются открытыми лишь тѣ, которыя находятся съ подвѣтренной стороны.

ГЛАВА VIII.

НЕГИДАЛЬЦЫ.

1. Географическое распространеніе.

Въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія негидальцы (негда, нигидальцы) составляли почти все населеніе долины р. Амгуни, лѣваго притока Амура. Съ сѣвера они граничили съ тунгусами, которые обитали по ту сторону хребта, лежащаго между р. Тугуръ и притокомъ Амгуни Немиленомъ; на югѣ межа ихъ съ самагирами проходила по водораздѣлу Амгуни и Горина, на востокѣ прилегала къ Амуру, по лѣвому берегу котораго и тянулось нѣкоторое время. Встрѣчались ли они тогда въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ внѣ долины р. Амгуни неизвѣстно, но, по всему вѣроятію, нѣтъ, потому что и большая часть мѣстныхъ инородческихъ племенъ въ прежнее время имѣла болѣе замкнутые районы обитанія, чѣмъ теперь.

Даже по притокамъ Амгуни они имѣли весьма ограниченное распространеніе. Такимъ образомъ, по ея большому лѣвому притоку Немилену въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія проживало, по Миддендорфу, лишь 5 семей этого племени, отдѣленныя отъ остальныхъ негидальцевъ долины Амгуни шестидневнымъ путемъ: отъ ихъ поселенія, по Немилену до устья рч. Амаль считалось 4 дня пути и оттуда до ближайшихъ негидальскихъ селеній по Амгуни 2 дня. Начало этой негидальской колоніи на р. Немиленѣ относится къ 30-мъ годамъ того же столѣтія.

Если мы обратимся къ даннымъ переписи 1897 г., то къ удивленію вовсе не найдемъ негидальцевъ въ бассейнѣ р. Амгуни, а встрѣтимъ тамъ новыхъ инородцевъ: «орочоновъ» и «гиляковъ», которыхъ тамъ прежде не было. Первые по этому источнику обитаютъ по нижнему и отчасти среднему теченію

Амгуни, въ селеніяхъ: Усть-Амгунь, Кондэ (Бакази), Дальдзя (у озера того же наименованія), Кэурка (по Амгуни) и Гедама (у одноименнаго озера). Общая ихъ численность простирается до 149 д. (78 м.).

Тотчасъ за ними расположены русскія поселки: Бахирева, Сергіе-Михаиловская, тунгусское стб. Ундинское, Огложинская резиденція и Софійскій пріискъ.

Выше по Амгуни «орочоновъ» по переписи смѣняютъ «гиляки», которые переписаны въ слѣдующихъ поселеніяхъ, начиная снизу рѣки: сел. Самни [1]), Сэхъ, (затѣмъ русскій пос. Пясецкій), Имъ [2]), (2 русскихъ поселка), Гуга [3]), (стб. тунгусовъ Гакцынгъ и цѣлый рядъ почтовыхъ станцій, складовъ и другихъ учрежденій, принадлежащихъ пріисковымъ партіямъ) [4]), затѣмъ сел. Хоянъ [5]), Кочеканъ, Камень, (тунг. стб. Усть-Дукъ и Вели), стб. Этонь и Эльгэ. Всего въ этихъ селеніяхъ и стойбищахъ было зарегистрировано: 219 д. (124 м.) «гиляковъ» и 108 д. (64 м.) тунгусовъ, не считая тѣхъ изъ послѣднихъ, которые бродятъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ русла р. Амгуни. Небольшая часть этихъ тунгусовъ проживаетъ въ однихъ селеніяхъ съ упомянутыми инородцами. Кромѣ того, какъ показано, въ бассейнѣ Амгуни встрѣчается многочисленное пріисковое населеніе, состоящее, главнымъ образомъ, изъ русскихъ, но также изъ корейцевъ, китайцевъ, татаръ, поляковъ и др. Они сгруппированы въ нѣсколькихъ пунктахъ вблизи золотыхъ пріисковъ по р.р. Немилену, Керби и др., около складовъ по Амгуни и т. д.

Нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о національности коренного населенія бассейна р. Амгуни проливаетъ другой источникъ—полицейскіе списки населенныхъ пунктовъ Приморской области, составленные за годъ до переписи 1897 г. Правда, у большинства изъ перечисленныхъ выше селеній и стойбищъ національность жителей и въ этомъ источникѣ не указана (они названы «инородческими стойбищами»), но у пяти изъ нихъ имѣются соотвѣтствующія отмѣтки. Такимъ образомъ, жители

---

[1]) Вѣроятно книзу отъ устья лѣв. притока Амгуни—Сомненъ.
[2]) У устья пр. притока Амгуни—Имъ.
[3]) Книзу отъ устья притока Амгуни—Гуда (Гуга).
[4]) Станціи: Першина, Шадрина, Варваро-Федоровская, Немиленскіе и Амгуньскіе склады и пристани, Кербинская резиденція и Кербинскіе склады.
[5]) Тотчасъ книзу отъ устья истока изъ Чикчагирскаго озера (на картахъ—Хажанъ).

стб. Ундинскаго и Вели показаны, какъ и въ переписи,—*тунгусами*, жители стб. Кошканъ или Кочеканъ—*негидальцами*, а сел. Этонь и Эльгэ—*самагирами*. Кромѣ того у селеній Усть-Амгунь, Дальдзя и Кэурты (Кэурка) имѣется въ этихъ спискахъ помѣтка, что они населены инородцами родовъ Топкальскаго, Чумыкашльскаго, Аюмканскаго и Нючикашльскаго [1]), въ которыхъ легко можно узнать соотвѣтствующіе негидальскіе роды по Миддендорфу (см. ниже). Подтвержденіемъ негидальскаго происхожденія жителей названныхъ селеній можетъ служить и указаніе другого оффиціальнаго источника, гдѣ обитатели селеній: Усть-Амгунь, Дальджа (Дальдзя), Кэурты прямо названы *негидальцами* [2]).

Такимъ образомъ, относительно негидальскаго происхожденія жителей этихъ трехъ селеній и стб. Кочеканъ не можетъ быть сомнѣнія. Негидальцами же мы можемъ считать и жителей сел. Гедама или Гедома (у оз. Гедома) и Кондэ (Бакази), расположенныхъ въ той же мѣстности, но не упоминаемыхъ въ только что указанныхъ двухъ источникахъ. Въ переписномъ матеріалѣ они, какъ мы знаемъ, названы «орочонами», но быть таковыми они уже по той причинѣ не могутъ, что области, какъ настоящихъ орочоновъ (западная часть Амурской области), такъ и орочей, неправильно называемыхъ орочонами (страна къ востоку отъ рр. Амура и Уссури), лежатъ вдали отъ указанной мѣстности.

Что касается до «гиляковъ» средняго теченія Амгуни (см. выше), то здѣсь слово: «гиляки» безъ сомнѣнія имѣетъ значеніе собирательное, примѣняемое мѣстными жителями со времени первыхъ завоевателей края—казаковъ, для обозначенія вообще инородцевъ, обитающихъ по нижнему теченію Амура. Настоящіе же палэазіатскіе гиляки могли бы еще встрѣтиться въ самомъ нижнемъ теченіи Амгуни, по сосѣдству съ ихъ собственною страною, но именно здѣсь перепись отмѣтила лишь «орочоновъ», а «гилякамъ» отвела мѣстность выше по рѣкѣ, гдѣ они, конечно, быть не могли. Такимъ образомъ, «гиляки» по Амгуни должны быть другимъ племенемъ и притомъ ни-

---

[1]) Названія этихъ родовъ написаны очень неразборчиво, въ виду чего мы не можемъ поручиться за правильность ихъ транскрипціи.

[2]) „Населенныя мѣста Приморской области за 1896 г.“ (изд. Прим. област. Стат. Ком.). Тамъ же названо *негидальскимъ* и Ундинское стб. (см. выше), которое, мы, согласно съ данными переписи и полицейскихъ списковъ, сочли тунгусскимъ.

какимъ другимъ какъ негидальцами. Это подтверждается и негидальскою національностью жителей коч. Кочеканъ по полицейскимъ спискамъ и указаніемъ разныхъ авторовъ (Шренка, Миддендорфа, Бацевича) на то, что главную, прежде почти единственную, часть населенія бассейна Амгуни составляли негидальцы [1]).

На основаніи всего вышеизложеннаго мы считаемъ себя въ правѣ считать «орочоновъ» и «гиляковъ» селеній и стойбищъ долины Амгуни негидальцами. Изъ 9 стойбищъ и селеній «гиляковъ» мы изъяли лишь селенія Этонь и Эльгэ, которыя мы, согласно помѣткѣ въ полицейскихъ спискахъ, думаемъ правильнѣе отнести къ самагирамъ. Такъ какъ національность жителей этихъ самыхъ верхнихъ по теченію Амгуни селеній не установлена точнымъ образомъ, то въ настоящее время не представляется возможнымъ опредѣлить, какъ далеко вверхъ по названной рѣкѣ простирается негидальское населеніе, главный районъ котораго ограничивался, по Миддендорфу, въ 40-годахъ прошлаго столѣтія, семисуточнымъ плаваніемъ отъ устья Амгуни вверхъ. Шренкъ, судя по его картѣ, полагалъ, что вся названная рѣка входитъ въ сферу кочевій негидальцевъ, хотя настоящею областью этого племени онъ считаетъ лишь часть долины р. Амгуни книзу отъ устья р. Ниленъ.

Въ то время (50-е годы истекшаго столѣтія) негидальцы не ограничивались, однако, долиной самой Амгуни, а жили и по ея притокамъ: Немилену и Ольджекану (сел. Баника), гдѣ въ 1897 г. перепись ихъ не застала. Область Немилена и его притока Керби, а также другихъ лѣвыхъ притоковъ Амгуни, теперь заняли тунгусы Бытальскаго и другихъ родовъ, прежде, повидимому, жившіе сѣвернѣе (см. I, стр. 36), а также многочисленное пріисковое населеніе.

Въ настоящее время, насколько можно судить по несовершеннымъ даннымъ переписи и другихъ источниковъ, самое верхнее теченіе этой рѣки (въ предѣлахъ Амурской области)

---

[1]) И относительно стойбищъ инородцевъ, названныхъ въ переписи „тунгусами“ (см. стр. 142 сл.), имѣются нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ правильности опредѣленія ихъ національности; такимъ образомъ, на обложкахъ многихъ переписныхъ листовъ значится, надпись: „тунгусское“ стойбище, а внутри листа иногда сообщается, что они говорятъ на „гиляцкомъ“ языкѣ. Мы придерживались преимущественно внутренней стороны листовъ, считая однако „гиляковъ“ данной мѣстности негидальцами (см. также 2 прим. на стр. 143).

лишено негидальскаго населенія, причемъ въ этихъ мѣстностяхъ, судя по отзывамъ немногихъ изслѣдователей, которые здѣсь были лично (кн. Дадешкиліани, Бацевичъ и др.), попадаются лишь отдѣльныя семьи бродячихъ тунгусовъ. Негидальцы же живутъ въ этомъ районѣ почти лишь по среднему и нижнему теченію Амгуни, внизъ отъ ея притока Нилана (Нилена). Ниже этой рѣки до р. Ольджики, текущей изъ Чикчагирскаго озера, на подробныхъ картахъ отмѣчены не встрѣчающіяся въ переписи и въ полицейскихъ спискахъ, можетъ быть уже не существующія, селенія: Такса, Сима, Чалбако и тотчасъ книзу отъ названной рѣчки — сел. Хажанъ, въ которомъ можно признать пос. Хыйджанъ Шренка и Хаянъ переписи. Другія два селенія негидальцевъ («гиляковъ»), не встрѣчающіяся на этихъ картахъ,— Кочеканъ и Камень, вѣроятно тоже расположены въ этой мѣстности, между сел. Ниланомъ (около у. р. Ниланъ) и Ольджикой, которую поэтому слѣдуетъ считать принадлежащей къ негидальской области. Ниже Ольджики до сел. Гуга, у устья рч. Гугы (Гуды), нѣтъ негидальскихъ селеній, а, какъ указано выше, находятся стойбища тунгусовъ, станы пріисковыхъ рабочихъ, склады и т. д. Книзу отъ р. Гугы, начиная съ сел. Гуга, теченіе р. Амгуни до самаго ея устья вновь принадлежитъ негидальцамъ. Послѣднее ихъ селеніе внизъ по этой рѣкѣ—Дэ лежитъ уже на лѣвомъ берегу Амура, вблизи гиляцкой деревни Тыръ. Въ переписи жители этого селенія тоже названы «гиляками», но г. Штернбергъ, лично посѣтившій этотъ край, любезно сообщилъ автору настоящаго труда, что это селеніе населено племенемъ негда.

2. Численность.

Вышеупомянутыя селенія, которыя мы признали негидальскими, содержатъ, по переписи 1897 года, слѣдующее число жителей (негидальцевъ, не считая прочихъ): Камень — 39 д. (25 м.), Кочеканъ — 5 д. (4 м.), Хаянъ — 14 д. (8 м.), Гуга — 39 д. (24 м.), Имъ — 25 д. (11 м.), Сэхъ — 25 д. (10 м.), Самни — 58 д. (35 м.), Гедама — 10 д. (6 м.), Кэурка — 21 д. (12 м.), Дальдзя — 58 д. (27 м.), Кондэ (Бакази) — 29 д. (16 м.), Усть-Амгунь — 31 д. (17 м.) и Дэ — 15 д. (6 м.) или всего въ 13 селеніяхъ и стойбищахъ, считая въ томъ

числѣ и 5 м. «гиляковъ» миссіонерской школы по Амгуни,— 369 д. (201 м.). Изъ представителей другихъ народностей въ этихъ селеніяхъ было обнаружено всего 16 д. (10 м.) тунгусовъ. По отношенію ко всему наличному населенію Приморскаго горнаго округа (включая и проживающихъ тамъ инородцевъ) численностью около 3.100 д. негидальское населеніе (не считая сел. Дэ, которое лежитъ внѣ названнаго округа) составляетъ всего 11,4%, тунгусы въ числѣ 502 д. [1])—16,2%. Остальные 72,4% приходятся на долю пріисковаго населенія, состоящаго главнымъ образомъ изъ русскихъ (60,4%).

Изъ вышеизложеннаго ясно, что наше исчисленіе негидальскаго населенія бассейна Амгуни можетъ считаться лишь приблизительно вѣрнымъ. Дѣйствительно, мы не въ состояніи уловить тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ среди настоящихъ гиляковъ, и, наоборотъ, мы вынуждены считать отдѣльныхъ представителей этого племени, какъ и «орочоновъ», обитающихъ среди негидальцевъ, за этихъ послѣднихъ.

Внѣ долины р. Амгуни перепись открыла негидальцевъ лишь въ числѣ 54 д. (31 м.), именно, въ разныхъ мѣстностяхъ той же Удской округи, гдѣ они встрѣчаются подъ своимъ собственнымъ именемъ. Таковы сел. Гокъ—4 д. (2 м.) и тунгусскія кочевья: Кокарма, гдѣ проживаетъ 4 м., Кульчи—20 д. (11 м.), Кезби — 5 д. (3 м.) и Чля—1 ж. негидальцевъ; далѣе въ сел. гиляковъ Тыръ — 4 д. (2 м.), въ сел. Пуля — 1 ж. и, наконецъ, въ посел. Ленкодо, въ сѣверной части округа,—15 д. (9 м.) негидальцевъ (безъ прочихъ). Приблизительно въ той же мѣстности, именно въ ур. Буруканѣ, ихъ заставали и прежніе изслѣдователи края.

Подведя итогъ всѣмъ негидальцамъ области, мы получимъ, что наличное ихъ число, по даннымъ переписи, можно исчислить въ 423 д. (232 м.), хотя это число слѣдуетъ признать минимальнымъ. На 100 мужчинъ у нихъ приходится 82 женщинъ.

3. Роды.

Роды негидальцевъ въ переписномъ матеріалѣ не показаны. У тѣхъ немногихъ представителей этого племени изъ долины

[1]) Считая и кочующихъ по лѣвымъ притокамъ Амгуни (см. 1 вып. стр. 36); по самой же Амгуни въ 1897 году жило 233 души тунгусовъ.

Амура, которые названы своимъ именемъ (см. выше), въ переписныхъ листахъ обыкновенно имѣется еще приписка: *Негидальскій* родъ, но это названіе конечно является наименованіемъ не одного изъ родовъ этого племени, а его національности. О родахъ негидальцевъ имѣются свѣдѣнія лишь у извѣстнаго изслѣдователя Сибири Миддендорфа, которыя, однако, относятся къ 40-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Этотъ ученый у нихъ нашелъ девять родовъ, каковы: *Тапкалы, Чемакогры, Аюмканы, Ньюсекагры, Муктегры, Алчакулы, Торомконы, Чукчагиры* и *Удданы*. Относительно ихъ разселенія онъ сообщаетъ, что Тапкалы живутъ у устья Амгуни, Торомконы—наиболѣе далеко вверхъ по рѣкѣ, а Муктегры отчасти и между самагирами [1]). Наиболѣе многочисленными изъ этихъ родовъ были Ньюсекагры и Аюмканы, остальные состояли изъ сравнительно небольшого числа душъ. Болѣе новыхъ и полныхъ данныхъ о родахъ негидальцевъ мы не имѣемъ. Лишь въ полицейскихъ спискахъ населенныхъ мѣстъ Удской округи (1896 г.) у жителей «инородческихъ стойбищъ» нижняго теченія Амгуни: Усть-Амгунь, Дальдзя и Кеурты (Кеурка) имѣются помѣтки, показывающія ихъ роды, въ которыхъ мы можемъ узнать искаженныя названія первыхъ четырехъ родовъ Миддендорфа (см. стр. 143). Эти данныя подтверждаютъ сообщеніе этого ученаго, что Тапкалы живутъ близъ устья Амгуни и что Торомконы далеко вверхъ, почему послѣдніе и не были отмѣчены въ названныхъ низовыхъ селеніяхъ. Аюмканы и Чемакогры и отчасти Ньюсекагры, судя по этимъ даннымъ, тоже живутъ по нижнему теченію Амгуни. Остальные вѣроятно обитаютъ выше, причемъ Чукчагиры вѣроятно въ мѣстности озера Чикчагирскаго, соединеннаго съ Амгунью р. Ольджикой.

4. **Сословіе**—(бродячіе) инородцы.

5. Религія.

Большинство негидальцевъ—366 д. (205 м.) или 86,5% приняли святое крещеніе, но въ селеніяхъ, расположенныхъ

[1]) Мы не знаемъ, какъ понять эти слова, такъ ли, что и самагиры проживали тогда по р. Амгуни, гдѣ и нынѣ полицейскія власти открыли два самагирскихъ селенія (см. стр. 142), или что негидальцы этого рода жили гдѣ-нибудь южнѣе, близъ бассейна Горина, на что, однако, нигдѣ болѣе не имѣется указаній.

въ нижнемъ теченіи Амгуни, небольшая часть ихъ и по-сейчасъ пребываетъ въ *язычествѣ*. Въ наибольшемъ числѣ шаманисты встрѣчаются въ сел. Кэурка — 19 д. (10 м.), гдѣ составляютъ почти все населеніе, затѣмъ въ сел. Дальдзя—19 д. (7 м.). Меньше ихъ въ сел. Кондэ (4 д.), Усть-Амгунь (7 д.) и Дэ (8 д.). Общее ихъ число равно 57 д. (27 м.). При наличномъ негидальскомъ населеніи этихъ пяти селеній въ 164 души, они составляютъ 35%, а по отношенію ко всѣмъ негидальцамъ Удской округи—13,5%. Кромѣ указанныхъ селеній всѣ негидальцы христіане, причемъ по средней Амгуни ихъ обращенію въ христіанство по всему вѣроятію способствовала близость многочисленнаго русскаго пріисковаго населенія.

6. Языкъ.

Негидальцы, по всему вѣроятію, говорятъ на родномъ языкѣ Данныя переписи не выясняютъ этого вопроса: негидальскій языкъ показанъ лишь у тѣхъ изъ представителей этого племени, которые были отмѣчены своимъ собственнымъ именемъ (стр. 146); у живущихъ же по Амгуни онъ, въ связи съ невѣрно опредѣленной національностью, показанъ «гиляцкимъ» и «орочонскимъ».

7. Занятія.

Главными занятіями негидальцевъ являются рыболовство и затѣмъ охота. Бацевичъ, посѣтившій ихъ въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія, находитъ, что среди инородцевъ Амгуни и Амура, занимающихся охотой и рыбной ловлей, негидальцы выгодно выдаются своимъ культурнымъ развитіемъ, которое, съ одной стороны, выражается въ ихъ стремленіи къ осѣдлой жизни—они строятъ дома, напоминающія китайскія фанзы, и, съ другой, тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ, напр. въ сел. Гуга, стали заводить огороды, явленіе совершенно чуждое другимъ бродячимъ инородцамъ края [1]).

---

[1]) „Матер. для изуч. Амурск. края въ геологич. отнош.“ (стр. 79).

ГЛАВА IX.

САМАГИРЫ.

1. Географическое распространеніе и численность.

Самагиры (по Миддендорфу *Шамагры*) обитаютъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Горина, лѣв. притока Амура, причемъ наибольшей густоты ихъ населеніе въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія достигало не по самому Горину, а по впадающей въ него справа рѣкѣ Хый. Въ этой мѣстности Л. Шренку называли не менѣе десяти самагирскихъ деревень, состоявшихъ изъ 1—6 юртъ [1]). Самое устье Горина въ то время было занято гольдами, причемъ между ближайшими селеніями обѣихъ народностей (самагирское сел. Нгага и гольдское—Бичу) лежала пустынная полоса въ 120-130 вер. протяженія, гдѣ лишь зимой, и то временно, проживали въ зимовьяхъ самагирскіе и гольдскіе охотники. На югѣ, востокѣ и сѣверѣ область самагировъ совпадала, по предположенію Л. Шренка, съ бассейномъ р. Горина. На сѣверо-востокѣ она простиралась до р. Амура, прилегая къ лѣвому его берегу противъ гиляцкихъ деревень: Патъ и Хьяре и русскихъ селеній: Михаиловскаго и Ново-Михаиловскаго. Эта сѣверо-восточная часть самагирской области пересѣкала озеро Удыль и включала впадающія въ него рѣчки: Бичу (Бидзи) и Ильду.

---

[1]) Кукулеки, Хыинда, Ямектанка, Цонгинка (всѣ по 2 юр.), Кондонка (6 юр.), Серохянка и Цоргунка (по 5 юр.), Хурадяка (2 юр.), Хероке (1 юр.) и Кадакадо (ibid., 33). Въ сел. Ямектанкѣ можно узнать сел. Ямихта переписи; Кондонка соотвѣтствуетъ Кондону послѣдней, Серохянка можетъ быть сел. Сорголь переписи. Хыинда (Хуинда переписи), населенная въ 1897 г. коренными гольдскими родами, вѣроятно ошибочно попала въ число самагирскихъ селеній. Что касается до численности жителей этой мѣстности, то число селеній за истекшія до переписи 40 лѣтъ, повидимому, уменьшилось (можетъ быть, однако, въ виду зимнейгруппировки жителей), но населеніе въ оставшихся деревняхъ возросло.

Если границы коренной области самагировъ (долина р. Горина) не возбуждаютъ сомнѣній въ ихъ правильности, то только что упомянутое сѣверо-восточное ея крыло включено Шренкомъ въ территорію этого племени на основаніи довольно шаткихъ и не внушающихъ довѣрія доводовъ, именно, на основаніи отзывовъ мѣстныхъ жителей, которые утверждали, что самагиры живутъ и близъ оз. Удыль. Гиляки смежныхъ селеній сообщили Шренку, что на этомъ озерѣ имѣются три крупныхъ деревни (Кольчемъ, Кильчирнъ и Тенча), жителей которыхъ они называли именемъ *рды* или *рдынгу*, что, какъ Шренкъ узналъ изъ расспросовъ, означаетъ негидальцевъ (стр. 121). Допуская, что гиляки могли смѣшивать эти обѣ народности, онъ, на основаніи нѣкоторыхъ другихъ соображеній, принялъ, что эти деревни населены самагирами, въ виду чего и отнесъ западную половину озера Удыль въ область послѣднихъ.

Оставляя пока въ сторонѣ данныя Шренка, посмотримъ, каковы предѣлы области этого племени въ настоящее время. Начнемъ съ того, что перепись 1897 г. почти не признаетъ самагировъ за самостоятельный народъ,—самагирскій языкъ показанъ всего у 10 д. въ Удской округѣ,—а разсматриваетъ ихъ какъ особый родъ (Самагирскій, Самэръ, Самаги, Самагеръ) гольдовъ, причемъ и языкъ у нихъ соотвѣтственно этому показанъ: «гольдскій».

«Гольды Самагирскаго (Самэрскаго) рода» встрѣчаются по переписи въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Хабаровскаго округа:

а) *Долина р. Горина*—6 самагирскихъ селеній: Бакторъ (3 д.), вѣроятно у устья прав. ея притока Бакторъ, Наага—(98 д.), Кондонъ (82 д.)—у истока изъ оз. Эворонъ, Ямихта (39 д.), Сорголь (43 д.), Хагду (9 д.), кромѣ того 1 самагиръ, женатый на орочкѣ, образуетъ седьмое селеніе—Талмо, расположенное среди гольдскихъ селеній, но неизвѣстно гдѣ. Но и между упомянутыми самагирскими селеніями, именно между (?) сел. Наага и Кондонъ, имѣется гольдское сел. Хуинда, которое, какъ и сел. Бичи той же національности, вѣроятно сосѣднее съ самагирскимъ сел. Бакторъ, населено представителями чисто гольдскихъ родовъ: Дигэ и Тумоли. Крайнее (?) селеніе вверхъ по Горину—Анчунь (18 д.) населено тунгусскимъ родомъ Лалигиръ (Лалэгэ), хотя въ переписномъ матеріалѣ родной языкъ жителей этого селенія, какъ и всѣхъ самагировъ Горина, показанъ «гольдскій». Всего въ долинѣ р. Горина, по даннымъ

переписи 1897 г., оказалось 275 д. (131 м.) самагировъ, сгруппированныхъ въ 34 хозяйства.

б) *Нижне-Тамбовская* вол. (по Амуру). Къ этой русской волости присоединены, ради удобства управленія, свыше 2200 д. инородцевъ, главнымъ образомъ гольдовъ, среди родовъ которыхъ въ переписномъ матеріалѣ встрѣчаются и роды: Самагеръ и Самэръ, которые мы отожествляемъ съ самагирскимъ племенемъ. Мѣстность этой волости, гдѣ встрѣчаются названные роды, представляетъ изъ себя полосу земли по обоимъ берегамъ названной рѣки, приблизительно на 30 вер. книзу и на 40 вер. кверху отъ устья р. Горина. Представителей рода Самагеръ оказалось 22 д. (11 м.) въ четырехъ селеніяхъ по правому берегу Амура (сел. Гауня-Уйсэ—4 д. об. п., Беренда—5 д., Кургу—7 д. и Холса—6 д.) и представителей рода Самэръ—106 д. (56 м.), въ томъ числѣ въ 4 селеніяхъ по правому берегу Амура—58 д. (32 м.), не считая другихъ, именно, въ сел. Экэнъ — 37 д. (22 м.) или свыше половины всего самагирскаго населенія, въ сел. Гяса—10 д., Халбу—7 д. и Бэлго—4 д. Остальные инородцы этого рода живутъ въ числѣ 48 д. (24 м.) въ 7 селеніяхъ лѣваго берега: Халбо (3 д. сам.), Кэвари (2 д.), Коркой или Дырень (1 д.), Гятца (17 д.), Сорголь (3 д.), Холгоси (10 д.) и Дзёмги—12 д. самагировъ, не считая прочихъ.

Итакъ, въ указанныхъ предѣлахъ по Амуру проживаетъ $^1/_3$ всѣхъ самагировъ, которые, однако, составляютъ не болѣе 31,3% наличнаго инородческаго населенія, состоящаго главнымъ образомъ изъ гольдовъ. Если принять въ разсчетъ и русскихъ жителей мѣстности, то процентъ ихъ упадетъ до 18,2% (см. стр. 39).

Кромѣ того въ гольдскомъ селеніи Найхинъ по Опою (близъ Амура) проживаетъ 5 д. (2 м.) рода Самэръ. Итого въ долинѣ Амура было зарегистрировано 133 д. (69 м.) самагировъ.

в) Въ *Удской* округѣ перепись обнаружила весьма мало самагировъ, всего 3 д. (м.) въ с. Б. Михаиловскомъ одноименной волости. Сверхъ того жители двухъ самыхъ верхнихъ по теченію Амгуни селеній: Этонь—8 д. (5 м.) и Эльгэ—6 д. (2 м.), всего 14 д. (7 м.), названы въ полицейскихъ спискахъ населенныхъ мѣстъ за 1896 г. самагирами (въ переписномъ матеріалѣ—тунгусами, что однако не внушаетъ особаго довѣрія въ виду того, что національность жителей по

Амгуни опредѣлена въ этомъ источникѣ весьма неправильно—см. стр. 144, примѣч.). Если этихъ инородцевъ считать самагирами, то общее число предствителей этого племени будетъ въ Удской округѣ—17 д. (10 м.), а во всей Приморской области—425 д. (210 м.), какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

ТАБЛИЦА XIII.

Названія районовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.				
	м. п.	ж. п.	об. п.	Число душъ въ хозяйств.	% женщ. на 100 м.
1. Бассейнъ р. Горина.	131	144	275	4,5	110
2. Долина р. Амура. . .	69	64	133	5,3	88
3. Прочія мѣста (Удская окр.)	10	7	17	4,7	70
Итого . . .	**210**	**215**	**425**	**4,7**	**102**

Среднее хозяйство у самагировъ состоитъ, такимъ образомъ, изъ 4,7 д. об. п., а на 100 м. приходится 102 женщины. Бассейнъ р. Горина отличается менѣе крупными хозяйствами, но преобладаніемъ женщинъ, а долина р. Амура, наоборотъ, болѣе крупными хозяйствами и менѣе благопріятнымъ отношеніемъ половъ, что, впрочемъ, не можетъ оказывать невыгоднаго вліянія на правильность естественнаго прироста населенія, потому что въ названномъ районѣ самагиры, составляя, какъ было показано, до трети инородческаго населенія мѣстности, живутъ по большой части въ однихъ селеніяхъ съ гольдами, иногда даже образуя съ ними смѣшанныя семьи.

Вышеприведенное число въ 425 д. слѣдуетъ считать минимальнымъ числомъ самагировъ, въ виду того, что свѣдѣнія о національностяхъ туземнаго населенія Пріамурскаго края въ переписномъ матеріалѣ довольно неблагонадежны и часто прямо невѣрны: имя «ольчи», какъ мы знаемъ, въ послѣднемъ вовсе не встрѣчается, а самагиры и негидальцы названы своимъ именемъ лишь въ немногихъ случаяхъ.

Сравнивая нынѣшніе предѣлы распространенія этого племени съ таковыми за 50-ые годы истекшаго столѣтія, мы за-

мѣчаемъ, что съ тѣхъ поръ въ очертаніяхъ ихъ области произошли извѣстныя перемѣны. Около 40 лѣтъ до переписи самагиры, по Шренку, были сосредоточены почти исключительно по среднему теченію Горина, теперь же они придвинулись ближе къ Амуру, сохранивъ, однако, прежнія мѣстожительства по среднему Горину. Не ограничившись нижнымъ теченіемъ названной рѣки, они распространились въ близъ лежащей мѣстности, по обоимъ берегамъ Амура, вверхъ и внизъ отъ устья р. Горина, гдѣ раньше, судя по Шренку, проживали лишь гольды.

Нѣкоторыя несущественныя измѣненія въ границахъ этого племени наблюдаются за указанный періодъ времени и по нижнему Горину. Пустынная полоса между послѣднимъ внизъ по Горину самагирскимъ селеніемъ—Наага или Нгага и гольдскимъ селеніемъ у устья Горина—Бичи нынѣ отчасти заселилась. По переписи, ниже сел. Наага было обнаружено еще небольшое самагирское сел. Бакторъ въ 3 д.

Въ присутствіи же въ нижнемъ теченіи Горина, между (?) самагирскими селеніями Наага и Кондонъ гольдскаго селенія Хуинда (45 д.), нельзя, однако, видѣть поступательнаго движенія гольдовъ вверхъ по названной рѣкѣ, потому что, хотя Л. Шренкъ о гольдахъ въ этомъ районѣ и не упоминаетъ, но въ его спискѣ мѣстныхъ селеній значится сел. Хыинда (см. примѣч. на стр. 149), которое, слѣдовательно, существовало уже тогда и тогда-же вѣроятно было населено тѣми же гольдскими родами. Какъ бы то ни было, а нынѣ, начиная отъ селенія Наага, населеніе всей мѣстности (внизъ по теченію Горина и по Амуру) носитъ, по всему судя, смѣшанный характеръ съ сильнымъ преобладаніемъ гольдовъ.

Что касается до сѣверо-западной части области самагировъ (см. племенную карту Шренка), именно, мѣстности, прилегающей съ запада къ озеру Удыль и близко подходящей къ Амуру, въ районѣ гиляцкой области (Б. Михаиловская волость Удск. окр.), то здѣсь, за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ (см. выше), самагировъ, по даннымъ переписи, не оказалось. Весьма вѣроятно, что они и раньше здѣсь не проживали въ сколько нибудь значительномъ числѣ. Попала же эта мѣстность въ предѣлы самагирской области у названнаго ученаго, вѣроятно лишь по недоразумѣнію (см. стр. 121).

2. **Роды.** О родахъ этого племени ничего не извѣстно.

Напротивъ, какъ мы видѣли выше, сами самагиры во всемъ Хабаровскомъ округѣ признаются въ переписномъ матеріалѣ не за особое племя, а за *Самагирскій*, *Самагерскій* или *Самэрскій* родъ гольдовъ. Дѣйствительно, весьма возможно, что все это племя состоитъ изъ одного рода, происходящаго съ восточнаго берега Байкала, гдѣ и по-сейчасъ обитаетъ тунгусскій *Шамагирскій* родъ (см. 2 вып., 169), являющійся, по предположенію Шренка, его родоначальникомъ, предположеніе, которое не лишено извѣстныхъ основаній.

3. **Сословіе**— (бродячіе) инородцы.

4. **Вѣроисповѣданіе** самагировъ православное, за исключеніемъ немногихъ лицъ по среднему Горину, которыя остались язычниками. Ихъ не болѣе 41 д. (19 м.) или 9,7% всѣхъ самагировъ.

5. **Языкъ** у самагировъ въ переписномъ матеріалѣ показанъ, согласно съ признаніемъ ихъ гольдами, гольдскимъ и лишь у 10 лицъ, зарегистрированныхъ въ Удской округѣ, отмѣченъ самагирскій языкъ. По Шренку ихъ языкъ близокъ къ языкамъ ольчей и негидальцевъ. Образцовъ рѣчи этого племени мы не имѣемъ.

6. **Занятія** — звѣроловство и рыболовство; по Амуру также рубка дровъ для пароходовъ и т. д. Въ прежнее время они, по Миддендорфу, занимались еще торговлей, ради которой пріѣзжали лѣтомъ въ негидальскія селенія по Амгуни, поднявшись ради этого на лодкахъ по Немилену до уроч. Шамбыканъ.

ГЛАВА X.

МАНЕГРЫ.

1. Географическое распространеніе и численность.

Первое знакомство русскихъ съ этимъ племенемъ относится къ 1647 г. Промышленникъ Вижевцовъ, который встрѣтилъ первыхъ манегровъ, сообщаетъ, что они ежегодно совершали путешествія на оленяхъ отъ Тунгира черезъ рр. Тугиръ, Нюкжу, Уръ (Урканъ) до Шилки и Амура. Эти данныя, однако, не даютъ болѣе или менѣе точныхъ указаній на мѣстность, гдѣ они обитали.

Наиболѣе полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о манегрaхъ или манегирахъ, какъ и о другихъ инородцахъ Пріамурскаго края, сообщаетъ Л. Шренкъ, посѣтившій Пріамурскій край въ серединѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Какъ и другіе изслѣдователи (Маакъ, Орловъ), онъ принималъ ихъ западные предѣлы по лѣвому берегу Амура приблизительно по р. Невиру, притоку Амура, а отъ него по хребту до лѣваго истока р. Олдоя, хотя манегры иногда заходили и далѣе къ западу. Отъ Амура ихъ кочевья тянулись по рр. Зеѣ, Селимджѣ, Нарѣ, Уру и другимъ рѣкамъ, повсюду, гдѣ преобладаетъ луговой характеръ мѣстности, благопріятствующій разведенію коней. По Усольцеву (1856 г.), они въ большемъ числѣ встрѣчались по нижнему и среднему теченію Селимджи и между этой рѣкой, Зеею, Дэпомъ и большимъ правымъ притокомъ Селимджи (Нарой?).

Въ работахъ послѣдующихъ изслѣдователей и въ обзорахъ области за 80—90-ые года прошлаго столѣтія районъ этотъ съуживается и ограничивается мѣстностью по правому берегу Зеи, отъ ея притока Перы, приблизительно 200 в. вверхъ отъ Благовѣщенска, до р. Ура, а отсюда до Амура,

по лѣвому берегу котораго они попадались на протяженіи всего участка отъ поселка Пермикина на западѣ до Кумарской станицы—на востокѣ. Подробныя, хотя и не вполнѣ вѣрныя, карты Амурской области, изданныя въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія, тоже подтверждаютъ эти предѣлы распространенія манегровъ,—на нихъ отмѣчены инородческія стоянки въ слѣдующихъ мѣстностяхъ сѣверной окрайны ихъ области: 12 стойбищъ манегровъ и орочоновъ разбросаны вдоль р. Тыгдэ, впадающей справа въ Зею, и юрты Чорчо—торговый сборный пунктъ,—на правой сторонѣ р. Зеи, у впаденія въ нее р. Ура; отмѣчены тамъ стойбища и по лѣвому берегу нижняго теченія р. Дэпа. Двѣ стоянки показаны и по р. Горбильяку, изливающейся въ Амуръ около станицы Черняевской. Изъ другого источника мы узнаемъ, что по р. Челбѣ на протяженіи 14 верстъ находились три пункта съ манегрскими юртами.

Въ меньшемъ числѣ манегры, повидимому, попадались въ указанный періодъ времени по лѣвому берегу Зеи, между устьями рр. Дэпа и Ура. Во время съемочныхъ работъ, производившихся въ 1865 г. въ этой мѣстности, здѣсь были встрѣчены многочисленныя юрты манегровъ лишь на правомъ берегу Зеи, на лѣвомъ же въ предѣлахъ указаннаго участка ихъ юрты попались только въ одномъ пунктѣ, именно въ 2-хъ верстахъ сѣвернѣе устья р. Умлекана. Отсюда шли тропы: одна — по долинѣ р. Зеи, другая — на востокъ, въ долину р. Дэпа; сюда же шла тропа изъ долины р. Тыгдэ. По этой послѣдней рѣкѣ тропа тянулась на 100 вер. и имѣла побочныя вѣтви на Эльгеканъ и къ деревнямъ: Кумарѣ, Черняевой и Ольгиной. Другихъ путей сообщенія въ данномъ краѣ не было тогда и не существуетъ нынѣ [1]).

О манеграхъ внѣ предѣловъ территоріи, которую имъ отводятъ ежегодные обзоры Амурской области (см. выше), новѣйшіе авторы ничего не сообщаютъ, что, повидимому, говоритъ въ пользу того, что они забросили эти мѣста и тамъ болѣе не встрѣчаются. Таковы мѣстности по лѣвому берегу Амура отъ пос. Пермикина до р. Ниверъ, по р. Уру, кромѣ его самаго нижняго теченія, по р. Гилюю, по Селимджѣ и т. д. Фактъ, что предѣлы распространенія манегровъ такъ

[1]) Назаровъ, въ „Сборн. геогр., топогр. и стат. матер. по Азіи“, вып. 31 (стр. 281, 317, 319).

съузились за послѣднее время, безъ сомнѣнія находитъ себѣ объясненіе въ ихъ уменьшившейся численности. Если и въ предѣлахъ центральной территоріи манегровъ, по обзорамъ области, ихъ не всюду можно встрѣтить во всякое данное время, то это объясняется ихъ бродячимъ образомъ жизни. Большая же часть изслѣдователей края за послѣднія десятилѣтія заставала ихъ въ указанной мѣстности или находила слѣды ихъ недавнихъ стоянокъ.

Что касается до данныхъ, добытыхъ переписью, то, судя по нимъ, манегры зимою 1897 г. проживали въ предѣлахъ области лишь въ одной небольшой мѣстности Кумарскаго станичнаго округа и то въ ничтожномъ числѣ. Они тамъ были переписаны въ своихъ кочевьяхъ и зимовьяхъ по мелкимъ рѣчкамъ: Береѣ, Каменистой, Покулихѣ, Бѣлой, впадающимъ въ Амуръ съ лѣвой стороны. Наибо́льшее изъ этихъ зимовій, стойбище въ 73 д. об. п. (35 м.), находилось на р. Береѣ, въ 12 вер. отъ сел. Саскаль. Другое было расположено на рч. Покулихѣ, въ 8 в. отъ пос. Буссевскаго—21 д. (12 м.); третье—на рч. Бѣлой, въ 10 вер. отъ пос. Ушаковскаго,—43 д. (18 м.); остальныя два: по рч. Каменистой, въ 3 в. отъ ст. Александровской,—13 д. (5 м.) и по Береѣ же, въ 15 в. отъ сел. Симоновскаго—5 д. (3 м.). Во всемъ этомъ районѣ оказалось 155 душъ манегровъ, изъ коихъ 73 мужчинъ. Средняя стоянка или среднее зимовье состояли изъ 31 души и 7,2 хозяйствъ, а среднее хозяйство изъ 4,3 душъ.

Кромѣ того, перепись обнаружила одно семейство манегровъ въ 5 д. (2 м.) въ Буреинскомъ горномъ округѣ, гдѣ оно кочевало по берегамъ рр. Уньмы, Медвѣдки и Андикана. Итого, въ 1897 г. было зарегистровано 160 душъ манегровъ, въ томъ числѣ 75 мужчинъ (на 100 м.—113 женщинъ).

Въ прежнее время численность манегровъ была значительно большая, хотя и измѣнялась въ разные года. Болѣе или менѣе точныхъ данныхъ по этому предмету мы не имѣемъ. Но, судя по всему, число ихъ иногда доходило до 1000 душъ об. п., что засвидѣтельствовано документально. Такимъ образомъ, мы находимъ въ обзорѣ Амурской области за 1887 годъ слѣдующее сообщеніе: «Между Амуромъ и Зеей открыто до 1.000 душъ манегровъ, которые, для звѣринаго промысла перекочевывая съ русскаго берега на китайскій, управляются своими начальниками» и дальше: «въ отношеніи манегровъ администрація

распорядилась составить имъ посемейные списки и избрать старостъ, которые входили бы въ сношенія съ чинами мѣстной полиціи и представляли о нуждахъ своихъ однообщественниковъ». Мы не имѣемъ упомянутыхъ посемейныхъ списковъ и потому не знаемъ точнаго числа застигнутыхъ въ 1887 г. на русскомъ берегу манегровъ, но, повидимому, они были гораздо многочисленнѣе того ихъ числа, какое зарегистрировала перепись 1897 г. Объясненіемъ этого факта можетъ служить то обстоятельство, что манегры, какъ и орочоны и другія тунгусскія бродячія племена, постоянно перекочевываютъ съ русской территоріи на китайскую и обратно. Во время переписи, бывшей въ срединѣ зимы (январь), часть ихъ можетъ быть перешла въ китайскіе предѣлы. Обзоръ области за тотъ же 1897 годъ сообщаетъ, что въ зимнее время манегры проживаютъ на островахъ въ Амурѣ, въ районѣ Черняевскаго и Кумарскаго станичныхъ округовъ. Если это есть ежегодное явленіе, то эти манегры не попали въ перепись, потому что, какъ видно изъ вышеизложеннаго, они вовсе не были найдены въ предѣлахъ Черняевскаго округа, а въ предѣлахъ Кумарскаго были обнаружены лишь по мелкимъ рѣчкамъ.

Но, какъ мы видѣли выше, несмотря на малую численность манегровъ, одно ихъ семейство во время переписи было застигнуто на р. Буреѣ, т. е. внѣ своей центральной территоріи. О такихъ странствованіяхъ манегровъ сообщаетъ и г. Назаровъ, указывающій, что иногда манегры съ Амура, Кумары и Зеи временно проникаютъ и на Бурею, пользуясь при этомъ тропой, пролегающей недалеко отъ р. Монмалту, праваго притока Буреи (ibid., 311).

Встрѣчаются манегры по временамъ и въ другихъ мѣстностяхъ Амурской области. Такъ, изъ по-семейныхъ списковъ инородцевъ горныхъ округовъ области за 1901|2 г. [1]) усматривается, что въ означенномъ году по Селимджѣ въ неизвѣстной мѣстности было переписано 26 душъ (въ т. ч. 13 дѣтей) манегровъ, изъ коихъ 18 мужчинъ. Это значительное преобладаніе среди нихъ мужчинъ и отсутствіе этихъ манегровъ въ переписномъ матеріалѣ 1897 г. показываетъ, что они можетъ быть забрели сюда случайно изъ какой-нибудь другой мѣст-

[1]) Рукописная записка, составленная горными исправниками для Центр. Стат. Комитета по распоряженію Главнаго начальника Амурской области (см. I ч. вып. 1, стр. 51).

ности уже послѣ переписи, хотя возможно и такое объясненіе этого факта, что они, кочуя зимой 1897 г. въ наиболѣе глухихъ уголкахъ страны, не попали въ перепись. Если допустить этотъ послѣдній случай, то общая численность этого племени въ русскихъ предѣлахъ должна простираться въ послѣднее время по меньшей мѣрѣ до 186 д. об. п., изъ коихъ 93 мужчинъ (на 100 м. — 100 женщинъ).

Кромѣ лѣваго берега Амура (Амурская область) манегры проживаютъ и по правой его сторонѣ т. е. въ предѣлахъ Китайской имперіи. Здѣсь они, по свѣдѣніямъ за 50—60 годы истекшаго столѣтія, были сосредоточены главнымъ образомъ по нижнему и отчасти среднему теченію Комары или Кумары, распространяясь отсюда по Амуру приблизительно до устья р. Албазихи (Эмури), откуда начиналась область орочоновъ. Временно они, однако, попадались и далѣе къ западу, почти до р.р. Б. и М. Сестры. На востокъ они встрѣчались и нынѣ встрѣчаются до Сунгари, составляя едва ли не единственное населеніе этой части побережья Амура. Численность ихъ здѣсь, однако, весьма не велика: отъ казачьей станицы Сторожевой до устья Сунгари въ 1883 г. насчитывали всего около 40 семействъ манегровъ. По болѣе позднимъ свѣдѣніямъ они въ китайскихъ предѣлахъ встрѣчаются главнымъ образомъ отъ дер. Б. Сахалинъ (противъ г. Благовѣщенска) до р. Кумары. Въ этой мѣстности они, повидимому, живутъ болѣе плотно и мѣстами образуютъ даже деревни.

Общая численность манегровъ, проживающихъ въ предѣлахъ Китая, вѣроятно простирается до нѣсколькихъ тысячъ душъ. Хотя соотвѣтствующихъ статистическихъ данныхъ у насъ и не имѣется, но сообщенія въ литературѣ объ отрядахъ конныхъ манегровъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ,—напр. при разрушеніи золотопромышленнаго городка Желтуги въ составѣ китайскаго войска находилось 200 манегрскихъ всадниковъ [1])— заставляютъ предполагать болѣе или менѣе значительную численность этого племени въ Небесной имперіи.

На основаніи сообщеній первыхъ казаковъ, посѣтившихъ Амурскую область, и на основаніи свидѣтельствъ послѣдующихъ изслѣдователей края Шренкъ выводитъ заключеніе, что родиной манегровъ была горная мѣстность названной области, ле-

[1]) „Землевѣдѣніе“ 1897 г., I—II, ст. 111 сл.

жащая къ западу отъ р. Гилюя. Отсюда они, по предположенію упомянутаго ученаго, постепенно передвигались къ югу. Амура они достигли и распространились по его берегамъ лишь по уходѣ съ его прибрежной полосы казаковъ, согласно Нерчинскому договору (1689 г.). Движеніе манегровъ на югъ, начавшееся еще въ началѣ XVII ст., продолжалось и въ позднѣйшія столѣтія, окончившись, судя по ихъ настоящей численности въ Сибири, выселеніемъ этого племени въ предѣлы Китая почти въ полномъ составѣ.

2. **Сословіе**—(бродячіе) инородцы.

3. **Религія.** Огромное большинство всѣхъ манегровъ Амурской области, зарегистрированныхъ переписью—*язычники*. Ихъ 155 д. (73 м.). Язычниками же, по всему вѣроятію, оказывается и большинство тѣхъ манегровъ, которые были застигнуты въ 1901|2 г. на берегахъ Селимджи (см. выше). По крайней мѣрѣ всѣ они показали языческія имена, къ которымъ у нѣкоторыхъ лицъ, можетъ быть принявшихъ св. крещеніе, присоединены въ видѣ перевода русскія имена[1]). *Буддистскую* религію исповѣдываютъ всего 5 д. (2 м.) манегровъ, застигнутыхъ въ Буреинскомъ горномъ округѣ; они вѣроятно происходятъ изъ Китая.

4. **Языкъ** — манегрскій, весьма схожій съ тунгусскимъ, отъ котораго отличается изобиліемъ словъ, заимствованныхъ отъ манчжуровъ, дауровъ и китайцевъ, главнымъ образомъ для обозначенія предметовъ одежды и домашняго обихода, которые они отчасти заимствовали отъ нихъ.

5. **Занятія.** Главнымъ и почти исключительнымъ занятіемъ русскихъ манегровъ служитъ звѣроловство и охота. Добытый пушной товаръ они сбываютъ по большей части на ярмаркѣ по р. Голубой (115 в. отъ устья Зеи), близъ р. Перы. На лосей и оленей они устраиваютъ засѣки, которыя отличаются отъ устраиваемыхъ другими тунгусами тѣмъ, что стрѣлы самострѣловъ, прикрѣпленныхъ въ проходахъ засѣкъ, у нихъ отравлены гнилымъ жиромъ, отчего мясо убитыхъ животныхъ пріобрѣтаетъ гнилостный запахъ, которымъ они, впрочемъ, не гнушаются. Важнымъ занятіемъ служитъ у нихъ и рыб-

---

[1]) Напр. у Сокдали (Алексѣя) Макагорова семья состоитъ изъ слѣдующихъ членовъ: Лучши (Илья), Иджано (Игнатій), Ангѣ (Иванъ), Моче (Петръ), Шинга (Николай), Бамгано (Николай), Дчиши (Осипъ), Оже (Анна), Яндей (Марфа), Инкіялъ (Наталья) и т. д.

ная ловля. Когда ледъ на Амурѣ тронется, они добываютъ осетра и калугу переметами и острогой, которую бросаютъ съ берестяныхъ ладій. Острогой же бьютъ рыбу и зимой, подкарауливая ее у отверстій заколовъ, которыми они перегораживаютъ рѣки.

Въ Китаѣ они кромѣ звѣроловства и рыболовства занимаются еще коневодствомъ. Тамъ, гдѣ они живутъ довольно густо: отъ дер. Б. Сахалинъ (противъ г. Благовѣщенска) до р. Кумары и по нижнему теченію названной рѣки, они, по Шренку, частью ведутъ осѣдлую жизнь и имѣютъ деревни. Въ этомъ районѣ они, по примѣру своихъ даурскихъ и китайскихъ сосѣдей, занимаются и земледѣліемъ. Большинство же изъ нихъ здѣсь являются конными кочевниками, обязанными Китаю военною службою.

6. Физическій типъ, образъ жизни и т. д. У манегровъ наблюдаютъ два главныхъ типа: одинъ—монгольскій и другой, отличающійся овальнымъ лицомъ, небольшими скулами и болѣе длиннымъ прямымъ носомъ. Роста манегры средняго и даже высокаго и въ общемъ хорошо сложены, чѣмъ выгодно отличаются отъ своихъ сосѣдей—орочоновъ.

Ихъ жилища вполнѣ напоминаютъ тунгусскія у расы. Они тоже представляютъ изъ себя коническія юрты изъ жердянаго остова, крытаго: лѣтомъ—берестой и зимой—оленьими шкурами. Для сбереженія зимнихъ запасовъ и другого имущества имъ служатъ особые амбарчики на кольяхъ.

Одежда представляетъ смѣсь тунгусской и манчжурской. Нижняя одежда тунгусскаго покроя: штаны и сапоги съ высокими голенищами изъ лосиной кожи. Спускающійся до колѣнъ халатъ (чамча) носится прямо на голомъ тѣлѣ. Иногда сверху одѣваютъ безрукавку и короткій кафтанъ. Нарядъ женщинъ въ общемъ сходенъ съ мужскимъ, но болѣе изукрашенъ и халатъ длиннѣе. Мужчины и женщины носятъ косы.

У манегровъ, какъ и у другихъ инородцевъ края, существуетъ обычай рано выдавать дочерей замужъ. Поступая въ домъ къ будущему мужу въ качествѣ работницы, она по наступленіи половой зрѣлости становится его женой. Въ это время она снимаетъ шапочку и повязку (дёрбёки), вышитую металлическими бляхами и бусами, служащую символомъ дѣвичества.

ГЛАВА XI.

БИРАРЫ.

1. Названія.

Имя *Бирары* происходитъ отъ тунгусскаго выраженія: «бира»—рѣка (вообще) и Бурея (Ньюманъ-бира) въ частности. Первые казаки, посѣтившіе этихъ инородцевъ, называли ихъ *тунгусами-Биралами* и-*Бирарами* или *Бирарскими тунгусами*. Миддендорфъ называетъ ихъ: тунгусами *Буралами* или *Быралами* [1]: сходное имя они имѣютъ и въ китайской государственной географіи династіи Цинъ—*Буйларъ* или *Пи-ли-ёръ*.

2. Географическое распространеніе.

При первомъ знакомствѣ русскихъ съ бирарами, при Поярковѣ, въ 1646 г., они обитали въ верховьяхъ Селимджи, а немного позже, въ 1681 г., боярскій сынъ Игнатій Миловановъ засталъ ихъ уже въ нижнемъ теченіи названной рѣки. Онъ доносилъ, что съ малыми силами съ этихъ бирарскихъ тунгусовъ ясакъ взимать невозможно, вѣроятно въ виду ихъ большого числа и воинственности.

За 40-е годы истекшаго столѣтія у насъ имѣются о нихъ свѣдѣнія акад. Миддендорфа [2], который сообщаетъ, что они жили по Амуру, занимаясь коневодствомъ. Такъ какъ въ это время граница Россіи и Китая шла по Аргуни, по ея пр. притоку Горбицѣ и далѣе на сѣверо-востокъ по Становому хребту, то ихъ область находилась тогда въ предѣлахъ Китая.

---

[1]) Ср. родъ ольчей: Буралъ (II ч., стр. 125) можетъ быть бирарскаго происхожденія.

[2]) „Sibirische Reise", IV, 2 Th., 1 Lief., 1523 сл. и 1536.

На этомъ основаніи они не пускали на юго-востокъ отъ указанной линіи русскихъ оленныхъ тунгусовъ, съ которыми они, однако, встрѣчались ради торговыхъ цѣлей на р.р. Бысѣ (л. прит. Селимджи), Тырми (л. прит. Буреи), Ниманѣ и позже въ ур. Долдеканѣ. Но въ указанный періодъ времени, т. е. въ началѣ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія, эти торговыя поѣздки бираровъ стали терять свое значеніе. Вообще, судя по всему, ихъ главный центръ находился въ это время по правую сторону Амура, по Миддендорфу, между р.р. Албазихой и Пангой, а по лѣвому берегу они тогда встрѣчались, повидимому, лишь въ небольшомъ числѣ и то по большей части лишь временно. Несомнѣнно, однако, что въ районѣ Буреинскихъ горъ, а также въ прилегающей части побережья Амура, бирары проживали по лѣвому берегу названной рѣки еще въ началѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, гдѣ ихъ засталъ Радде, имѣвшій съ ними частыя сношенія.

Шренкъ, изучившій всю литературу, посвященную описанію этого племени, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно предѣловъ ихъ области въ серединѣ прошлаго столѣтія. Они въ это время обитали по обоимъ берегамъ Амура выше и ниже устья Буреи.

По *лѣвому* берегу Амура ихъ область, судя по племенной картѣ Пріамурья названнаго ученаго, начиналась отъ дер. Кадыганъ (на прав. берегу Амура) или отъ р. Куприяновки и тянулась на востокъ до устья р. Нижній Дичунъ. Къ сѣверу она достигала р. Селимджи, причемъ ея западная межа шла приблизительно по водораздѣлу р. Завитой и лѣвыхъ притоковъ Зеи, съ одной стороны, и притоковъ Буреи—съ другой. Ея восточная граница начиналась около р. Инканъ (пр. прит. Селимджи), гдѣ расположена Инканская часовня, и направлялась прямо на югъ, пересѣкая р.Ниманъ немного ниже устья р. Кебель; затѣмъ она пересѣкала въ самомъ нижнемъ теченіи рѣку Нимаканъ, Бурею, р. Іорахъ и т. д. и по водораздѣлу между притоками р. Тырми (лѣв. притокъ Буреи) и Уньмы достигла Амура нѣсколько ниже р. Нижній Дичунъ. До этой послѣдней рѣки или даже до текущаго еще далѣе на востокѣ ручья Голина они доходили лишь во время охоты. Въ начертанные предѣлы области бираровъ входилъ, такимъ образомъ, почти весь бассейнъ р. Буреи, кромѣ верхняго теченія р. Нимана и средняго, и верхняго теченія нѣ-

сколькихъ, преимущественно правыхъ, притоковъ верхней Буреи. Кромѣ того къ этой области всецѣло принадлежали всѣ рѣки, впадающія въ Амуръ въ указанныхъ выше предѣлахъ, въ томъ числѣ и значительная рѣка Харъ или Биръ-ара.

По *правому* берегу Амура, т. е. въ предѣлахъ Китая, послѣдней на западѣ деревней этого племени была, по Шренку, д. Кадыганъ. На востокъ ихъ селенія, а затѣмъ кочевья, тянулись до устья р. У-бира, которая, какъ и р. Хурпи (Корфинъ), принадлежала области этого племени на большей части своего протяженія. Въ 80-хъ же годахъ истекшаго столѣтія здѣсь были обнаружены лишь манегры, пришедшіе сюда съ береговъ Кумары (стр. 159) [1]).

Какъ видно изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ указаніями Миддендорфа за нѣсколько болѣе ранній періодъ времени, область бираровъ по правому берегу Амура указана обоими авторами въ разныхъ частяхъ прибрежной полосы названной рѣки, причемъ данныя Миддендорфа, согласно которымъ правобережная часть области этого племени оказывается отодвинутой къ верхнему теченію Амура, намъ кажутся несоотвѣтствующими истинѣ. Названный ученый, который не пересѣкалъ р. Амура, пріобрѣлъ свои свѣдѣнія о предѣлахъ обитанія тамъ бираровъ, повидимому, путемъ опроса мѣстнаго населенія и въ виду частаго смѣшенія послѣднимъ названій народностей, вѣроятно былъ введенъ въ заблужденіе его отвѣтами. По Шренку, мѣстность по правому берегу Амура между р.р. Албазихой и Пангой около этого времени занимали манегры (см. стр. 159). Правда, по Миддендорфу, они, какъ и гурагры и нѣкоторые другіе тунгусскіе народцы, представляютъ изъ себя, однако, лишь часть народа бираровъ (ibid., IV, 2, 1523), но другіе ученые, напр. Шренкъ, повидимому, съ бо̀льшимъ правомъ разсматриваютъ ихъ за самостоятельныя народности.

Но и по лѣвому берегу Амура область бираровъ, какъ ее рисуетъ Шренкъ, возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно ея сѣверныхъ предѣловъ. Если бирары въ половинѣ XIX ст. и обитали въ Буреинскихъ горахъ и въ прилегающей полосѣ по Амуру, то въ болѣе сѣверныхъ частяхъ области ихъ, повидимому, никто не видалъ со времени XVII ст., если не считать единичныхъ купцовъ, временно посѣщавшихъ этотъ

[1]) „Сборн. главн. докум. по управл. В. Сиб.“ IV, 1 вып., 127.

край. На этомъ основаніи врядъ ли цѣлесообразно включать въ область бираровъ середины истекшаго столѣтія и бассейнъ средней и отчасти верхней Буреи, какъ это дѣлаетъ Шренкъ.

Послѣдній авторъ, который лично сталкивался съ бирарами, былъ кн. Дадешкиліани, заставшій ихъ въ 1887 г. на югѣ ихъ прежней области. Онъ ихъ иногда называетъ «ороченами» съ р. Биръ-ара (или Харъ), производя ихъ имя (бирары) отъ названія упомянутой рѣки (см. 1 вып., 52 сл.). Были ли эти инородцы дѣйствительно бирарами или тунгусами, иногда именуемыми ороченами и внѣ собственной территоріи ороченовъ, въ западной части Амурской обл., неизвѣстно. Возможно, что они на самомъ дѣлѣ были бирарами, такъ какъ эти инородцы обитали въ южной части прежней области этого племени (гдѣ именно—названный авторъ не указываетъ). Можетъ быть эти бирары были послѣднимъ остаткомъ этого племени на лѣвомъ берегу Амура, по выселеніи большей ихъ части, около времени присоединенія Амурской области къ Россіи, на правый берегъ Амура, гдѣ и раньше, можетъ быть уже съ начала XIX ст, находился главный центръ ихъ распространенія.

Со времени путешествія по краю кн. Дадешкиліани, имя бирары исчезаетъ со страницъ трудовъ изслѣдователей Амурской области. Умалчиваютъ о нихъ и ежегодные обзоры области, сообщающіе довольно обстоятельные отчеты о ея населеніи. Такимъ образомъ, въ этихъ обзорахъ за 80-е годы истекшаго столѣтія можно встрѣтить указанія, что въ Ниманской тайгѣ, между рѣкой Буреей и М. Хинганскимъ хребтомъ, т. е. въ мѣстности, входящей въ предѣлы бирарской области по Шренку, проживаютъ лишь бродячіе инородцы другихъ племенъ: тунгусы и якуты, численность которыхъ тамъ опредѣляется въ 1000 душъ.

Не были бирары обнаружены въ предѣлахъ области и переписью 1897 г., которая, какъ и обзоры области за послѣдніе годы, указываетъ лишь на то, что въ Буреинскомъ горномъ округѣ проживаетъ бродячее населеніе, состоящее почти лишь изъ тунгусовъ и якутовъ, численностью въ 631 душъ об. п., изъ коихъ на долю тунгусовъ приходится 304 душъ (182 м.); кромѣ того часть здѣшнихъ тунгусовъ была переписана въ смежныхъ округахъ другихъ областей. Даже названія родовъ этихъ тунгусовъ: Бытальскій, Эжанскій, Далыгирскій (Лалыгирскій?) не даютъ никакихъ опорныхъ

точекъ для сужденія о принадлежности ихъ къ бирарамъ. Дѣйствительно, (за исключеніемъ Далыгирскаго) они, какъ было показано выше, представляютъ изъ себя части завѣдомо тунгусскихъ родовъ, кочующихъ въ смежныхъ округахъ другихъ областей. На этомъ основаніи они и были разсмотрѣны, когда шла рѣчь о тунгусахъ собственно (см. 2 вып., 113).

Въ виду того, что перепись не давала никакихъ данныхъ о бирарахъ, Центральный Статистическій Комитетъ по иниціативѣ автора запросилъ мѣстныя власти о численности разныхъ инородческихъ племенъ, проживающихъ въ некультурной полосѣ Амурской области (горные округа ея болѣе сѣверной части), надѣясь, что этимъ путемъ можно будетъ выяснить темный вопросъ о томъ, существуютъ ли въ настоящее время бирары въ предѣлахъ области, и если да, то гдѣ они сосредоточены. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ въ Центральный Статистическій Комитетъ поступили посемейные списки инородцевъ трехъ горныхъ округовъ области за 1901/2 г. Эти свѣдѣнія заключали нѣсколько иной составъ инородческаго населенія, чѣмъ какой давала перепись, явленіе, вполнѣ понятное у бродячаго и кочевого населенія, но численность его была и еще меньшей въ виду неполноты указанныхъ списковъ.

Согласно этому источнику, въ Буреинскомъ горномъ округѣ было обнаружено 271 душъ тунгусовъ (74 дѣтей), въ томъ числѣ 177 мужчинъ. Изъ нихъ 193 д. (129 м.) проживали по берегамъ р. Нимана и происходили изъ Якутской области (Усть-Майское вѣдомство) и отчасти изъ Удской округи Приморской обл. Остальныя 78 д. (48 м.) были застигнуты на берегахъ Селимджи и были родомъ по большей части изъ Удской округи, нѣкоторые же принадлежали тоже къ Усть-Майскому вѣдомству Якутской области. Природныхъ мѣстныхъ тунгусовъ, въ числѣ которыхъ можно было бы ожидать бираровъ, судя по данному этой мѣстной переписи, въ Буреинскомъ горномъ округѣ не было вовсе найдено, да и названія родовъ переписанныхъ тамъ тунгусовъ ничѣмъ не напоминали бираровъ, будучи настоящими тунгусскими родами. Записанныхъ въ то же время на Селимджѣ манегровъ въ числѣ 26 д. (18 м.) можно было бы еще принять за бираровъ, такъ какъ и прежніе изслѣдователи (напр. Усольцевъ и Миддендорфъ) нерѣдко называли послѣднихъ этимъ неподходящимъ для нихъ именемъ, но уже Шренкъ считалъ р. Се-

лимджу за крайній на сѣверѣ предѣлъ бирарскаго племени, въ виду чего трудно было бы предположить, чтобы они, при всеобщемъ у тунгусскихъ племенъ этого края стремленіи къ выселенію на югъ, сохранились именно въ этой, самой отдаленной окрайнѣ сѣвера. Да если бы это и было такъ, то и тогда слѣдовало бы предположить, что вся остальная часть племени всетаки покинула берега Буреи и ея притоковъ.

Въ Верхне-Хинганскомъ горномъ округѣ въ 1901/2 г. было переписано всего 90 душъ (51 м.) бродячихъ инородцевъ, именно тунгусовъ (въ т. ч. 31 дѣтей), кочевавшихъ по рѣкѣ Б. Бирѣ, которая протекаетъ уже внѣ предѣловъ прежней бирарской области. Роды этихъ тунгусовъ не упомянуты въ указанномъ источникѣ, но мѣстность эта кругомъ населена настоящими тунгусами, въ виду чего въ чисто тунгусскомъ происхожденіи упомянутыхъ инородцевъ сомнѣваться нельзя. Шренкъ къ сожалѣнію не указываетъ названій бирарскихъ родовъ, что въ значительной степени облегчило бы выясненіе темнаго вопроса объ отношеніи бираровъ къ другимъ мѣстнымъ инородцамъ и показало бы, какую часть этихъ послѣднихъ слѣдуетъ считать бирарами, въ случаѣ, если они дѣйствительно оказались включенными въ ихъ число.

Весьма вѣроятно, что и бирары выселились въ Китай, охваченные тѣмъ же стремленіемъ на югъ, которое побудило орды тунгусовъ, жившія въ Сибирскихъ тайгахъ, приблизиться къ Амуру и потомъ, перешагнувъ его, распространиться въ сѣверныхъ областяхъ Китая: туда, какъ мы видѣли, перебралась бо́льшая часть манегровъ и орочоновъ. Если все верхнее теченіе и значительную часть средняго теченія Буреи, а также берега Селимджи, заняли тунгусы, пришедшіе изъ смежныхъ округовъ другихъ областей, то южнѣе, на мѣстѣ бирарскихъ кочевій по лѣвому берегу Амура и въ низовьяхъ Буреи, Хара и другихъ рѣкъ, теперь разбросаны нивы и деревни русскихъ казаковъ и крестьянъ, унаслѣдовавшихъ эти культурныя земли отъ жившихъ здѣсь до середины XVII ст. дючэровъ и гогулей.

3. Языкъ бираровъ, по Миддендорфу [1]), весьма близокъ къ нарѣчію, на которомъ изъясняются тунгусы Бытальскаго рода,

---

[1]) Ibid., IV т., 2 ч., 1523.

къ слову сказать, ничѣмъ не отличающемуся отъ нарѣчія тунгусовъ другихъ родовъ этой мѣстности.

4. Занятія.

Во время своего пребыванія въ районѣ р. Селимджи бирары, по свидѣтельству Пояркова (1646 г.), были оленеводами, но уже 35 лѣтъ спустя Милованов̀ъ называетъ ихъ «конными» кочевниками. Таковыми они были и при Шренкѣ и даже при кн. Дадешкиліани (если только его „бирары" были дѣйствительно представителями этого племени). Названный авторъ, именно, сообщаетъ, что они въ бассейнѣ р. Биръ-ара разводили малорослую породу коней. И эти данныя подтверждаютъ постепенное движеніе бираровъ изъ сѣверной лѣсистой полосы края на югъ, къ Амуру, въ степную полосу. Главными занятіями всѣхъ бираровъ были звѣроловство и охота, отчасти рыболовство. Лишь немногіе, жившіе по правому берегу Амура, ближе къ западной границѣ своей области, вели, по Шренку, подобно своимъ сосѣдямъ манчжурамъ и даурамъ, осѣдлую жизнь и снискивали себѣ пропитаніе земледѣліемъ и огородничествомъ, также скотоводствомъ.

Изъ другихъ свѣдѣній объ этомъ племени заслуживаетъ вниманія засвидѣтельствованное многими изслѣдователями, имѣвшими случай приходить съ ними въ близкое соприкосновеніе (Милованов̀ъ, Радде, кн. Дадешкиліани), наблюденіе, что они среди всѣхъ народностей Пріамурскаго края отличались наибольшею дикостью и воинственностью.

ГЛАВА XII.

КИЛИ.

Кили принадлежатъ къ наименѣе извѣстнымъ туземнымъ народностямъ Сибири. Первый и едва-ли не послѣдній, кто о нихъ писалъ, есть извѣстный изслѣдователь Пріамурскаго края Л. Шренкъ. Онъ самъ въ странѣ килей, за исключеніемъ можетъ быть ея самой южной окрайны, не былъ и лично видѣлъ всего 2—3 представителей этого племени, которыхъ онъ встрѣтилъ на Амурѣ. Собравъ отъ нихъ небольшой запасъ словъ, онъ, сличивъ ихъ съ образцами рѣчи другихъ тунгусскихъ народностей, пришелъ къ заключенію, что они настолько уклонились въ этомъ отношеніи отъ этихъ послѣднихъ, что ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ самостоятельное племя. Всѣ свои свѣдѣнія о киляхъ Шренкъ почерпнулъ отъ упомянутыхъ двухъ-трехъ лицъ и отъ ихъ сосѣдей—гольдовъ и другихъ.

Послѣ Шренка ни одинъ изслѣдователь не посѣщалъ области килей и не имѣлъ сношеній съ представителями этого племени. Не дается о нихъ никакихъ свѣдѣній и въ ежегодныхъ обзорахъ Амурской области, такъ что почти все, что мы о нихъ знаемъ, исчерпывается тѣми немногими данными, которыя о нихъ сообщилъ вышеназванный ученый.

Область распространенія килей въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія находилась въ бассейнѣ р. Кура, пр. истока р. Тунгуски, впадающей въ Амуръ съ лѣвой стороны. Самое южное селеніе этого племени:—Сэванъ-гаунэ, было расположено у устья означенной рѣки, между гольдскими деревнями Имминда на югѣ и Коцья на сѣверѣ. Выше лѣваго истока Тунгуски—Уньмы ему было извѣстно лишь одно кильское селеніе—Сэфанду. Не зная дальнѣйшаго разселенія этого племени, названный ученый на основаніи разныхъ соображеній

полагалъ, что это охотничье племя бродитъ по всему бассейну р. Кура до хребта Ванда.

Обращаясь къ переписному матеріалу за 1897 г., мы находимъ, что означенная мѣстность—бассейнъ р. Тунгуски съ р.р. Куромъ и Уньмой (Урмой)—отнесена, можетъ быть въ видахъ удобства администраціи, къ Хабаровскому округу Приморской области и составляетъ самостоятельную Вятскую волость. Населеніе ея состояло, по переписи, изъ 270 м. и 211 ж., изъ коихъ главную часть составляли гольды (129 м. и 124 ж.), селенія которыхъ были расположены главнымъ образомъ по р. Тунгускѣ, именно въ южной части этой мѣстности, примыкающей къ Амуру. Второе по численности мѣсто занимали тунгусы (73 м. и 59 ж.); кромѣ того здѣсь встрѣчались еще «орочоны» (т. е. орочи—19 м. и 16 ж.), китайцы (31 м. и 10 ж.) и другіе [1]). Селеній и кочевій съ названіями, которыя бы напоминали указанныя выше, здѣсь, однако, въ 1897 г. не оказалось. Такъ какъ кили собственно представляютъ, по Шренку, весьма близкое къ гольдамъ племя, то естественно было бы предполагать найти ихъ среди родовъ проживающихъ здѣсь гольдовъ или по крайней мѣрѣ другихъ тунгусскихъ племенъ. Но изъ просмотра ихъ родовъ таковыхъ не оказывается [2]). Наиболѣе близкимъ по созвучію является родъ орочей: *Келендига* (вѣроятно гольдскаго происхожденія), представителей которыхъ здѣсь оказалось, однако, всего 17 чел. (9 м.). А между тѣмъ, если просмотрѣть роды гольдовъ въ другихъ мѣстностяхъ Хабаровскаго округа, то почти всюду можно встрѣтить роды: *Килэ* и *Килэны*, которые, вѣроятно, представляютъ одинъ и тотъ же родъ, можетъ быть идентичный съ килями Шренка. Районы, гдѣ встрѣчается этотъ родъ, расположены по лѣвому берегу Амура (Нижне-Тамбовская волость), по правому его берегу (волости: Нижне-Тамбовская и Троицкая) и по р. Онюю (Троицкая вол.). Живутъ они и по Сунгари, т. е. въ мѣстности, расположенной даже выше (считая по теченію Амура), чѣмъ гдѣ ихъ засталъ Шренкъ. Исходя изъ того соображенія, что кили, по Шренку, весьма схожи съ гольдами по нравамъ и одеждѣ и говорятъ языкомъ, составляющимъ нарѣчіе гольд-

[1]) См. 1 вып., стр. 38 и 48, и II ч., стр. 42

[2]) Роды гольдовъ этой мѣстности: Бельдэ, Донка, Моѳа, Одзялъ, Тырменка, Удынка, Юкаминка.

:кaго, и что въ переписномъ матеріалѣ Кили или Килэны всюду обозначаются какъ одинъ изъ многихъ родовъ гольдовъ, килей вѣрнѣе разсматривать не какъ отдѣльное племя, а лишь какъ часть гольдовъ. Причину, почему кили въ настоящее время живутъ ниже по Амуру, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ, мы не умѣемъ объяснить, но такія передвиженія составляютъ обычное явленіе въ жизни бродячихъ тунгусовъ—мы съ нимъ уже не разъ встрѣчались въ предъидущихъ главахъ. Мѣсто выселившихся книзу килей заняли другіе гольдскіе роды, которые, вѣроятно, еще въ 50-хъ годахъ проживали въ той же мѣстности по Амуру, а также тунгусы и орочи, о которыхъ Шренкъ въ этомъ районѣ, впрочемъ, не упоминаетъ.

На основаніи вышеизложеннаго можно заключить, что кили, прежде занимавшіе бассейнъ Кура, исчезли изъ предѣловъ области и никѣмъ послѣ Шренка не упоминаются, а что гольды по прежнему проживаютъ въ означенной мѣстности, хотя и причислены къ смежному Хабаровскому округу. О нихъ сообщается и въ обзорѣ Амурской области за 1887 г., гдѣ говорится: «по восточному склону (Малаго) Хингана, близъ Амура, кочуетъ до 100 семействъ гольдовъ». Это соотвѣтствуетъ приблизительно 500 — 600 душамъ об. п. Въ послѣдующихъ отчетахъ это число сильно уменьшено. Надо полагать, что бо́льшая или меньшая часть этихъ гольдовъ не попала въ перепись 1897 г. (см. стр. 54 сл.). Судя по всему, перепись бродячихъ гольдовъ этой мѣстности представляла значительныя затрудненія, почему они не были включены и въ поименные списки бродячаго населенія горныхъ округовъ Амурской области за 1901/2 г. Это видно не только изъ цифровыхъ данныхъ, но и изъ слѣдующихъ словъ отношенія, сопровождавшаго указанные списки: «И настоящій поименный списокъ не представляетъ вполнѣ точныхъ данныхъ, такъ какъ въ него кромѣ 15 человѣкъ Лабунковъ [1]) или Гольдовъ, кочующихъ въ Хинганскомъ (горномъ) округѣ, не вошли также и тѣ 293 человѣка, которые должны значиться въ общихъ цифровыхъ данныхъ, представленныхъ горными исправниками».

Если эти гольды (?) дѣйствительно не попали въ перепись 1897 г., то возможно предположить, что въ числѣ ихъ могли находиться и представители рода Килэ или Килены, потому что они встрѣчаются въ окрестныхъ мѣстностяхъ, какъ

[1]) Ср. названіе орочей: Ламука̀ (см. стр. 80).

книзу отъ р. Тунгуски (по Амуру), такъ и кверху отъ нея (по Сунгари). Эти Килэ или Килены и являются можетъ быть потомками килей Шренка.

Возможно и другое объясненіе, почему никто изъ изслѣдователей Пріамурскаго края послѣ Шренка не видалъ килей и не слышалъ о нихъ. Въ образцахъ рѣчи туземнаго населенія Сибири, собранныхъ одновременно съ переписью 1897 г. (см. Приложеніе II), относительно тунгусовъ кочевій Бэлго, Какчеми и Кэути Нижне-Тамбовской вол. Хабаровскаго округа, живущихъ среди гольдовъ, имѣется помѣтка, что гольды называютъ ихъ *Килэ*. Такимъ образомъ, имя *Килэ* является не болѣе какъ гольдскимъ наименованіемъ настоящихъ тунгусовъ, а не особымъ племенемъ. Такъ какъ почти всѣ свѣдѣнія о Курскихъ тунгусахъ Шренкъ получилъ отъ гольдовъ, то вполнѣ естественно, что они у Шренка поименованы «килями», именемъ, безъ сомнѣнія заимствованнымъ гольдами отъ китайцевъ—послѣдніе такъ же называютъ тунгусовъ («кили») [1]. Но и это правдоподобное толкованіе встрѣчаетъ препятствіе въ томъ фактѣ, что тунгусы, обитающіе по р. Куру, ведутъ вполнѣ бродячій образъ жизни, между тѣмъ какъ кили, по крайней мѣрѣ южная ихъ часть, по Шренку, жили осѣдло, въ деревняхъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго можно придти къ заключенію, что самостоятельнаго племени килей, по всему вѣроятію, вообще не существовало и раньше, а что они были, или настоящими тунгусами, или же гольдами рода Килэ, выселившимися, подобно орочонамъ, бирарамъ и манеграмъ, въ Китай или просто избѣжавшими переписи.

---

[1]) Майновъ: „Тр. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О.“ за 1898 г., II, стр. 88.

ОБЗОРЪ

поселеній китайскихъ подданныхъ Амурской области (китайце-манчжуро-дауровъ).

Названія населенныхъ пунктовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.		Манчжуры.		Дауры.		Китайцы.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Будинда, дер. (Будиндское сел. общ.) . . . . . (101 хоз.)	357 [1]	141	128	92	—	—	228	49
2. Будинда, заимка (Будиндское сел. общ.) . . . . (1 хоз.)	3	1	3	1	—	—	—	—
3. Сюй-сан-инъ, заимка (Мало-Алинск. сел. общ.) . . . (1 хоз.)	7	—	—	—	—	—	7	—
4. Сюй-люн-лу, заимка, (Мало-Алинск. сел. общ.) . . . . (1 хоз.)	2	—	—	—	—	—	2	—
5. Малый Алинъ (Алимъ), дер. (Мало-Алинск. сел. общ.) . (64 хоз.)	216	168	81	78	—	—	135	90
6. Три юрты, посел. (Хони-Хорханск. сел. общ.) . . . (3 хоз.)	16	7	6	3	—	—	10	4
7. Большой Хэси, дер. (Б. Ал., Б. Хэсинск. сел. общ.) . . (19 хоз.)	118	67	12	9	—	—	106	58
8. Больш. Алинъ (Алимъ), дер. (Б. Алин. сел. общ.) . . . (62 хоз.)	348	226	116	104	—	—	232	122
8. Б. Алинъ (Санъ-Хэси или Мал. Хэси) дер. (Б. Алин. сел. общ.) . . . . . (11 хоз.)	46	36	1	—	—	—	45	36
8. Больш. Алинъ (Хей-нань), дер. (Б. Алин. сел. общ.) (56 хоз.)	234	188	49	42	—	—	185	146
9. Сю-сен-ли, заимка дер. Б. Алинъ . . . . . (1 хоз.)	15	5	—	—	—	—	15	5
10. Сю-ло-бэ, заимка дер. Б. Алинъ . . . . . (1 хоз.)	3	—	—	—	—	—	3	—

[1]) Въ т. ч. 1 монголъ.

Названія населенныхъ пунктовъ.		Наличное населеніе. въ 1897 г.		Манчжуры.		Дауры.		Китайцы.	
		м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
		1	2	3	4	5	6	7	8
11. Сюй-лау-сы, заимка дер. Б. Алинъ	(1 хоз.)	4	—	1	—	—	—	3	—
12. Я-фу, заимка (Яфск. сел. общ.)	(1 хоз.)	2	—	—	—	—	—	2	—
13. Гон-лин-фа, дер. (Гонлинфск. сел. общ.)	(8 хоз.)	17	16	17	16	—	—	—	—
14. Тукдунъ-Алинъ, дер. (Тукд.-Алин. сел. общ.)	(25 хоз.)	99	65	59	35	—	—	40	30
15. Ван-шэнъ-сань, заимка (Тукд.-Ал. сел. общ.) . . .	(1 хоз.)	8	2	—	—	—	—	8	2
16. Сю-имп-дер-хэй-нани, заим. (Хейнан. сел. общ.)	(1 хоз.)	1	—	1	—	—	—	—	—
17. Дер-хэй-нань-чан-си, заим. (Хейнан. сел. общ.)	(1 хоз.)	1	—	—	—	—	—	1	—
18. Сю-со-ю-деръ, заимка Б. Хэси (Б. Хэсин. с. общ.) .	(1 хоз.)	1	—	—	—	—	—	1	—
19. Сю-чуль-деръ, заимка Б. Хэси (Б. Хэсин. с. общ.) .	(1 хоз.)	1	—	—	—	—	—	1	—
20. Туш-ху-ла, дер. (Тушхул. сел. общ.)	(37 хоз.)	127	72	67	47	—	—	60	25
21. Гоу-шуанъ-лю, заим. (Тушхул. сел. общ.)	(1 хоз.)	1	—	—	—	—	—	1	—
22. Малая Эргоуцза, дер. (Эргоуцз. сел. общ.)	(8 хоз.)	26	23	—	—	—	—	26	23
23. Большая Эргоуцза, дер. (Эргоуцз. сел. общ.)	(24 хоз.)	82	53	14	8	11	8	57	37
24. Чен-гуан-линъ, заимка (въ 2 в. отъ дер. Хэди-шань) .	(1 хоз.)	1	—	—	—	—	—	1	—
25. Хэди-шань, дер. (Хэдишанск. сел. общ.)	(41 хоз.)	133	120	12	16	—	—	121	104
26. Хоу-дун-шань, дер. (Хоудун. сел. общ.)	(52 хоз.)	175	129	8	9	—	—	167	120
27. Хоу-вопынь, заимка дер. Бордо (Хоувоп. сел. общ.)	(2 хоз.)	6	4	—	—	6	4	—	—

Названія населенныхъ пунктовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.		Манчжуры.		Дауры.		Китайцы.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
	1	2	3	4	5	6	7	8
28. Чжан-чжя-вопынь (Чундди-вопынь), дер. (Чжан. сел. общ.) . . . . . (7 хоз.)	35	25	—	—	—	—	35	25
29. Лан-ту-вопынь, заимка дер. Сепки (Сепкин. сел. общ.) (1 хоз.)	8	2	—	—	5	2	3	—
30. Чэн-дунъ-шань, дер. (Чэнд. сел. общ.) . . . . . (55 хоз.)	188	142	61	63	—	—	127	79
31. Сы-чжя-цза, дер. (Сычжяц. сел. общ.) . . . . . (14 хоз.)	50	47	—	—	—	—	50	47
32. Заимка дер. Чэн-дун-шань (Чэнд. сел. общ.) . . . . . (1 хоз.)	2	—	—	—	—	—	2	—
33. Хэди-вопынь, дер. (Хэдив. сел. общ.) . . . . . (4 хоз.)	11	11	—	—	—	—	11	11
34. Яо дзы-вопынь, дер. (Яодзыв. сел. общ.) . . . . . (5 хоз.)	9	10	—	—	—	—	9	10
35. Норъ-Токсо, дер. (Норт. сел. общ.) . . . . . (11 хоз.)	28	15	—	—	28	15	—	—
36. Тай-пин-гоу, дер. (Тайпинг. сел. общ.) . . . . . (13 хоз.)	28	38	12	18	—	—	16	20
37. Хэту-Бергань, дер. (Хетуб. сел. общ.) . . . . . (7 хоз.)	25	21	—	—	—	—	25	21
38. Хэлэй-вопынь, дер. (Хэлэйв. сел. общ.) . . . . . (7 хоз.)	13	10	10	7	—	—	3	3
39. Алинъ-Токсо, дер. (Алинг. сел. общ.) . . . . . (26 хоз.)	55	50	22	19	28	23	5	8
40. Ван-дя-вопынь, заимка (Бол. Гильчинское сел. общ.) . (10 хоз.)	27	23	—	—	—	—	27	23
41. Тьянь-зя-вопынь, заимка (Бол. Гильчинск. сел. общ.) (6 хоз.)	14	16	—	—	—	—	14	16
42. Бол. Гильчинъ, дер. (Бол. Гильчинск. сел. общ. . . . (127 хоз.)	304	277	52	58	1	—	251	219
43. Се-дя-вопынь, заимка (Бол. Гильчинск. сел. общ.) . . (10 хоз.)	20	24	16	15	—	—	4	9

Названія населенныхъ пунктовъ.	Наличное населеніе. въ 1897 г.		Манчжуры.		Дауры.		Китайцы.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
	1	2	3	4	5	6	7	8
44. Яуди-вопынь, заимка (Бол. Гильчинск. сел. общ.) . . . (8 хоз.)	16	14	15	14	—	—	1	—
45. Син-гуан-ди, дер. (Сингуанд. сел. общ.) . . . . . (40 хоз.)	112	79	105	79	—	—	7	—
46. Дэ-лу-вопынь, дер. (Дэлу-воп. сел. общ.) . . . . . (8 хоз.)	28	18	28	18	—	—	—	—
47. Сы-фан-лин-цза, дер. (Сы-фанл. сел. общ.) . . . . . (5 хоз.)	17	16	17	16	—	—	—	—
48. Шито-пауд-за, дер. (Шито-пауд. сел. общ.) . . . . . (18 хоз.)	46	41	46	41	—	—	—	—
49. Малый Гильчинъ, дер. (М. Гильчин. сел. общ.) . . . (58 хоз.)	187	145	—	—	—	—	187	145
50. Лао-го-лин-дза, дер. (Лао-голин. сел. общ.) . . . . . (30 хоз.)	93	68	4	4	—	—	89	64
51. Ся-ого-вопынь, заимка (въ 5 вер. отъ дер. Допауза,— Допауз. сел. общ.) . . . . (1 хоз.)	3	2	—	—	—	—	3	2
52. Допауза, дер. (Допауз. сел. общ.) . . . . . (18 хоз.)	60	46	1	1	4	—	55	45
53. Чугунная, заимка (Допауз. сел. общ.) . . . . . (1 хоз.)	6	4	—	—	—	—	6	4
54. Ню-ти-ганцза, заимка (Ню-тиг. сел. общ.) . . . . . (4 хоз.)	10	12	—	—	—	—	10	12
55. Шу-ян-шу, заимка Тулхад. сел. общ.) . . . . . (1 хоз.)	2	1	—	—	—	—	2	1
56. Тулхада, дер. (Тулхад. сел. общ.) . . . . . (46 хоз.)	96	108	5	10	1	3	90	95
57. Даире (Татугу), дер. (Дайрск. сел. общ.) . . . . . (13 хоз.)	25	29	23	26	—	—	2	3
58. Була-Манга, дер. (Булам. сел. общ.) . . . . . (55 хоз.)	123	110	111	95	—	—	12	15
59. Дань-чи-фа, дер. (Данчиф. сел. общ.) . . . . . (14 хоз.)	47	30	2	2	43	28	2	—

Названія населенныхъ пунктовъ.	Наличное населеніе въ 1897 г.		Манчжуры.		Дауры.		Китайцы.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
	1	2	3	4	5	6	7	8
60. Бира-Токсо, дер. (Биратокс. сел. общ.) . . . . . (30 хоз.)	75	62	68	56	5	4	2	2
61. Ма-лоэ, дер. (Мал. сел. общ.) (11 хоз.)	21	25	17	23	—	—	4	2
62. Фе-Токсо, дер. (Фетокс. сел. общ.) . . . . . (5 хоз.)	10	6	10	6	—	—	—	—
63. Сер-ганчи, дер. (Серганч. сел. общ.) . . . . . (7 хоз.)	23	11	17	11	—	—	6	—
64. Перевозъ, заимки и фанзы противъ г. Айгуна . . . . (7 хоз.)	21	7	21	7	—	—	—	—
65. Чжу-Айгунъ (Старый А.), дер. (Чжу-Айг. сел. общ.) . (37 хоз.)	102	82	49	39	—	—	53	43
66. Сепча, дер. (Сепчин. сел. общ.) . . . . . (19 хоз.)	49	35	2	3	37	32	10	—
67. Манга, дер. (Мангс. сел. общ.) (7 хоз.)	17	11	—	—	15	11	2	—
68. Бордо № 1, дер. (Борд. 1 сел. общ.) . . . . . (26 хоз.)	67	52	6	3	60	49	1	—
68. Бордо № 2, дер. (Борд. 2 сел. общ.) . . . . . (4 хоз.)	23	4	4	3	—	—	19	1
69. Лахири, дер. (Лахир. сел. общ.) . . . . . (12 хоз.).	27	25	27	25	—	—	—	—
70. Туг-дунъ, дер. (Тугд. сел. общ.) . . . . . (29 хоз.)	64	48	63	48	—	—	1	—
71. Нижній Хони-Хорха, дер. (Ниж. Хон.-Хорх. сел. общ.) (15 хоз.)	33	35	15	11	11	12	7	12
72. Средній Хони-Хорха, дер. (Ср.-Хон.-Хорх. сел. общ.) . (28 хоз.)	78	61	38	34	—	—	40	27
73. Верхній Хони-Хорха, дер. В.-Хон.-Хорх. сел. общ.) . (14 хоз.)	21	19	17	16	—	—	4	3
Итого . . . . . (1.401 хоз.)	**4.369**[1])	**3.240**	**1.459**	**1.231**	**255**	**191**	**2.654**	**1.818**

[1]) Въ т. ч. 1 монголъ.

A. Объ образцахъ рѣчи тунгусскихъ племенъ Сибири, собранныхъ въ 1897 г.

Одновременно съ производствомъ первой всеобщей переписи населенія имперіи Главная Переписная Коммиссія нашла цѣлесообразнымъ собрать образцы языковъ, на которыхъ говорятъ народы и племена, обитающіе въ разныхъ частяхъ Россіи. Необходимый для этой цѣли формуляръ былъ составленъ спеціалистомъ тюркскихъ нарѣчій и знатокомъ инородческаго населенія Сибири, академикомъ В. Радловымъ. Означенный формуляръ, разосланный во всѣ части Россіи, въ видахъ перевода его на мѣстахъ на туземные языки, состоялъ изъ значительнаго числа наиболѣе употребительныхъ словъ (существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ и глаголовъ) и изъ извѣстнаго числа несложныхъ фразъ. По заполненіи этихъ вопросныхъ листковъ на мѣстахъ, они были своевременно препровождены въ Центральный Статистическій Комитетъ изъ большей части мѣстностей имперіи.

Цѣль, которую Главная Переписная Коммиссія преслѣдовала, задумавъ собираніе образцовъ живой рѣчи разноплеменнаго населенія имперіи, сводилась къ разрѣшенію слѣдующихъ двухъ задачъ: во 1-хъ, облегчить классификацію народностей Россіи по родному языку и, во 2-хъ, содѣйствовать опредѣленію предѣловъ обитанія каждой народности.

Относительно перваго пункта замѣтимъ, что Главная Переписная Коммиссія надѣялась путемъ разбора образцовъ рѣчи установить болѣе правильныя наименованія отдѣльныхъ народностей и племенъ, чѣмъ тѣ, которыя имѣлись до настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что въ общежитіи, у мѣстнаго населенія и даже у многихъ изслѣдователей окраинъ нашего отечества названія нѣкоторыхъ народностей и ихъ языковъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Подъ наименованіемъ: «остяки» подразумѣваются, какъ мы знаемъ, три самостоятельныхъ племени и подъ словомъ «гиляки» не менѣе двухъ совершенно различныхъ по своему

происхожденію народностей (см. 1 вып., стр. III сл.). Въ виду этого отвѣты опрашиваемыхъ лицъ (или отмѣтки счетчиковъ) въ графѣ о языкѣ переписного матеріала: «остяцкій», «гиляцкій», «орочонскій» языкъ не выясняютъ ихъ національности, но при наличности образцовъ рѣчи получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны спеціальное и строго опредѣленное значеніе. Такимъ образомъ, эти образцы рѣчи могли бы помочь разобраться въ трудномъ вопросѣ о національности ламуто-юкагировъ или племени, происшедшаго отъ смѣшенія юкагировъ и ламутовъ и говорящаго, мѣстами на юкагирскомъ и мѣстами на ламутскомъ нарѣчіи, причемъ мѣстное населеніе, не зная этихъ языковъ, обыкновенно путаетъ ихъ, называя неправильно юкагирское нарѣчіе Колымскаго округа «ламутскимъ» языкомъ и ламутское нарѣчіе Верхоянскаго округа (Як. обл.)—«юкагирскимъ» (см. 2 вып., стр. 175 сл.).

Вотъ въ подобныхъ то случаяхъ, а также при установленіи племенныхъ и лингвистическихъ границъ (п. 2), образцы рѣчи, собранные въ достаточномъ количествѣ, именно, изъ каждаго населеннаго пункта или изъ каждой группы селеній, дѣйствительно могли бы оказать существенную помощь для правильнаго рѣшенія такого рода спорныхъ вопросовъ.

Но на самомъ дѣлѣ они при разработкѣ переписи не принесли той пользы, которая отъ нихъ ожидалась потому, что, составляя второстепенную задачу при производствѣ переписи, они были собраны въ сравнительно слишкомъ ограниченномъ количествѣ и не покрывали сплошной и тѣсной сѣтью всей территоріи имперіи, какъ то разсчитывала Главная Переписная Коммиссія; изъ нѣкоторыхъ же обширныхъ мѣстностей, напр. изъ о. Сахалина, не было получено ни одного заполненнаго вопроснаго листка. На этомъ основаніи эти образцы рѣчи мало помогли и установленію границъ между отдѣльными народностями, обитающими въ имперіи и въ частности въ Сибири.

Но, если они, такимъ образомъ, не вполнѣ оправдали своего прямого и главнаго назначенія—служить помощью при классификаціи населенія на основаніи родного языка, то все же собранные въ болѣе значительномъ числѣ, чѣмъ когда-либо и притомъ изъ бо́льшей части мѣстностей имперіи и по одному строго обдуманному плану, эти образцы несомнѣнно имѣютъ глубокій научный интересъ, несмотря даже на то, что составлены они

по большей части людьми, незнакомыми или мало знакомыми съ мѣстными языками и нерѣдко полуобразованными: священниками, волостными писарями, лѣсничими, полиціей и т. д., въ виду чего записи во многихъ случаяхъ отличаются неправильностью трансскрипціи и неразборчивостью письма.

Научное значеніе этихъ образцовъ рѣчи заключается, во 1-хъ, въ томъ, что мы въ нихъ встрѣчаемъ интересныя собранія словъ и фразъ народностей, относительно нарѣчій и говоровъ отдѣльныхъ мѣстностей которыхъ до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно. Таковы, напр., нарѣчія алеутовъ Командорскихъ острововъ, чукчей, коряковъ, Енисейскихъ остяковъ, тунгусовъ, отчасти тюркскихъ племенъ и Кавказскихъ горцевъ. Уже изъ бѣглаго просмотра этихъ образцовъ рѣчи усматривается, что оба нарѣчія алеутовъ указанныхъ острововъ въ настоящее время почти слились въ одно, что можно было ожидать уже a priori; что языкъ коряковъ весьма близокъ къ чукотскому, фактъ, на который впервые обратилъ вниманіе еще Дитмаръ въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія, но который, за отсутствіемъ лингвистическаго матеріала, до послѣдняго времени не могъ быть окончательно установленъ. Весьма интересны должны быть и образцы нарѣчій Кавказскихъ горцевъ, главнымъ образомъ Дагестана, представляющихъ такое огромное разнсобразіе и еще понынѣ очень мало изученныхъ.

Во 2-хъ, образцы рѣчи даютъ намъ возможность прослѣдить, насколько тѣ или другія народности или группы этихъ горцевъ, тунгусовъ и другихъ коренныхъ жителей отдѣльныхъ частей Россіи стоятъ близко другъ къ другу и насколько подвинулась впередъ взаимная ассимиляція сосѣднихъ народностей одного происхожденія. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что изученіе этихъ образцовъ рѣчи обнаружитъ, что многія тюркскія племена Сибири, Поволжья и Пріуралья, и по-сейчасъ отличающіяся другъ отъ друга своими названіями, мѣстами почти слились по своему языку.

Третья сторона, которая освѣщается собранными въ 1897 г. образцами языковъ,—это измѣненіе состава и формы рѣчи извѣстнаго племени, имѣющаго широкое распространеніе, въ разныхъ частяхъ его области. Нарѣчія и говоры извѣстной народности, по большей части весьма сходные у ея представителей, живущихъ вблизи другъ къ другу, по мѣрѣ увеличенія разстоянія между сравниваемыми мѣстностями, посте-

пенно измѣняются, какъ по составу словъ, такъ и въ фонетическомъ отношенін и по своему грамматическому строю. У народностей, имѣющихъ обширную область распространенія, какъ у тунгусовъ, эти прогрессивно возрастающія измѣненія и уклоненія достигаютъ такихъ размѣровъ, что нарѣчія представителей одного и того же племени въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ иногда проявляютъ бо́льшія отличія другъ отъ друга, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ между нарѣчіями двухъ группъ населенія, обитающихъ въ смежныхъ мѣстностяхъ, но признаваемыхъ самостоятельными племенами. Это наглядно видно на тунгусскихъ племенахъ, разбросанныхъ по всему пространству В. Сибири. Дѣйствительно, нарѣчія тунгусовъ собственно, обитающихъ, съ одной стороны, въ Туруханскомъ краѣ и по В. Тунгускѣ, и, съ другой, у береговъ Тихаго океана, повидимому, не болѣе близки между собою, чѣмъ нарѣчія орочей и гольдовъ низовьевъ Амура.

Тунгусскія нарѣчія представлены въ коллекціи образцовъ рѣчи Центральнаго Статистическаго Комитета, нынѣ переданной въ Азіатскій Музей Императорской Академіи Наукъ, весьма обильно, хотя и неравномѣрно: изъ 11 описываемыхъ въ настоящемъ трудѣ тунгусскихъ племенъ они имѣются лишь отъ трехъ, но зато имѣющійся по этимъ тремъ племенамъ лексическій матеріалъ весьма богатъ.

Такимъ образомъ, по нарѣчіямъ *тунгусовъ собственно* имѣется всего 51 заполненный отвѣтами вопросный листокъ, рѣдкою сѣтью охватывающій мѣстности той необъятной области, гдѣ обитаетъ это племя, за исключеніемъ Сахалина (гдѣ однако не имѣется самостоятельнаго нарѣчія, такъ какъ мѣстные тунгусы всего лѣтъ 30 тому назадъ выселились туда изъ Удской округи Приморской обл.). Не останавливаясь на разсмотрѣніи всѣхъ мѣстностей, откуда были получены образцы рѣчи тунгусовъ, дадимъ лишь краткій перечень губерній и областей, а также округовъ, къ которымъ принадлежатъ тунгусы, дававшіе отвѣты.

Амурская обл. — 8 нумеровъ рѣчи тунгусовъ собственно.

Приморская обл.—6 нумеровъ: изъ Анадырской, Гижигинской, Охотской и Удской округъ по 1 образцу и изъ Хабаровскаго округа—2.

Якутская обл.—6 нумеровъ, въ т. ч. 1 образецъ изъ Якутскаго окр., 3 изъ Верхоянскаго и 2 изъ Олекминскаго. Изъ Вилюйскаго окр. представленъ образецъ якутскаго языка, на которомъ изъясняются мѣстные тунгусы.

Иркутская губ.—10 нумеровъ, въ т. ч. по 1 образцу изъ Иркутскаго [1]) и Верхоленскаго округовъ и 8 изъ Киренскаго окр.

Забайкальская обл.—6 нумеровъ. Изъ нихъ 4 образца приходятся на долю Читинскаго округа (3 обр. осѣдло живущихъ тунгусовъ и 1 обр. орочоновъ) и изъ Баргузинскаго окр. — 2 образца. Изъ округовъ Селенгинскаго и Акшинскаго представлены образцы бурятскаго языка, на которомъ говорятъ мѣстные тунгусы.

Енисейская губ. — 15 нумеровъ, изъ коихъ 14 изъ Енисейскаго округа и одинъ изъ Туруханскаго края. Онъ представляетъ образецъ тунгусскаго нарѣчія II Лѣтняго рода съ Самоѣдской рѣчки. Сверхъ того изъ этого края доставлено пять образцевъ якутскаго языка, на которомъ говорятъ тунгусы родовъ: Илимпейскаго, Жиганскаго, Чапогирскаго, III и IV Лѣтняго изъ окрестностей Норильскихъ озеръ, побережья и правыхъ притоковъ Енисея. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эти данныя до извѣстной степени расходятся съсоотвѣтствующими данными переписи, по которымъ изъ коренныхъ тунгусскихъ родовъ края только по якутски говоритъ лишь большая часть Боганидскаго и Жиганскаго родовъ, всѣ же остальные ихъ роды показали своимъ роднымъ языкомъ тунгусскій. Сверхъ того среди образцовъ рѣчи мѣстныхъ инородцевъ имѣется лексическій матеріалъ по *долганскому* языку (4 образца), который оказывается мѣстнымъ якутскимъ нарѣчіемъ (относительно этого племени—см. 2 вып., 160).

Образцовъ нарѣчій *гольдовъ* въ упомянутой коллекціи имѣется 8. Изъ нихъ одинъ образецъ изъ Южно-Уссурійскаго округа, два—изъ Уссурійскаго, 4 — изъ Хабаровскаго и 1—изъ Удской округи.

Образцовъ языка *орочей* (неправильно названныхъ «орочонами») имѣется 5, въ т. ч. два изъ Южно-Уссурійскаго окр., одинъ—изъ Удской окр. и два—изъ Хабаровскаго окр.

---

[1]) Изъ Б. Голоусинскаго стойбища. По даннымъ же переписи тунгусы въ предѣлахъ Кудинскаго вѣдомства проживаютъ лишь въ стб. Зогинскомъ и Кочергатскомъ (см. 1 вып., 111).

Итого, изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Сибири было получено 64 образца нарѣчій трехъ тунгусскихъ племенъ. Такъ какъ просмотръ и обработка этихъ матеріаловъ спеціалистами, въ видахъ ихъ обнародованія, вѣроятно можетъ считаться дѣломъ неблизкаго будущаго, то авторъ настоящаго труда счелъ не безполезнымъ приложить и къ этому послѣднему 12 краткихъ извлеченій изъ имѣющейся серіи образцовъ нарѣчій упомянутыхъ трехъ тунгусскихъ племенъ, выбравъ при этомъ вопросные листки изъ наиболѣе типичныхъ районовъ ихъ областей и сохранивъ транссkрипцію оригинала [1]). Даже въ такой крайне неполной формѣ эти образцы рѣчи дадутъ читателю возможность получить нѣкоторое представленіе о степени сходства и различія, существующихъ, съ одной стороны, между нарѣчіями отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ вообще и, съ другой, — между говорами одного и того же племени въ разныхъ мѣстностяхъ его обитанія.

---

[1]) Ударепіе, судя по имѣющимся даннымъ, въ тунгусскихъ нарѣчіяхъ находится, какъ правило, на послѣднемъ слогѣ. Это касается языковъ всѣхъ трехъ племенъ. Нѣкоторое исключеніе составляютъ нарѣчія ламутовъ Анадырской окр. и орочей Ю. Уссурійскаго окр. Приморской обл., гдѣ, какъ и въ отдѣльныхъ словахъ другихъ нарѣчій, ударепіе падаетъ преимущественно на предпослѣдній слогъ. Эти случаи мы и отмѣтили въ нашихъ образцахъ особымъ знакомъ (хотя слѣдуетъ замѣтить, что ударенія въ оригиналѣ показаны далеко не всюду).

Б. Образцы нарѣчій тунгусскихъ племенъ Сибири.

№	Русское значеніе словъ.	НАРѢЧІЯ ТУНГУСОВЪ СОБСТВЕННО.						НАРѢЧІЯ ГОЛЬДОВЪ.			НАРѢЧІЯ ОРОЧЕЙ.		
		Тунгусы II Лѣтняго рд. по Самоѣдской рѣчкѣ (Турухан. край Енис. губ.).	Тунгусы ул. Талманъ-Борзин. Маньковск. упр. Читинск. окр. (Забайкал. обл.).	Брод. тунгусы (орочоны) Оловск. и Урульг. управъ Читинск. окр. (Забайк. обл.).	Тунгусы Усть-Майск. упр. Якутск. окр., коч. въ верх. р. Буреи (Ш Эжанск. родъ).	Бродячіе ламуты Анадырск. округи Прим. обл.	Тунгусы Н. Тамб. вол., (коч. Чёчёнай) Хабар. окр. Прим. обл.	Гольды посел. Тауди Вятск. вол. по Тунгускѣ (Хабар. окр. Прим. об.)	Гольды сел. Найхинъ по Онюю Троицк. вол. (Хабар. окр. Прим. обл.)	Гольды Невельскаго стойб. Казакевичскаго стан. окр. Уссурійскаго окр.	Орочи коч. Огнэ Вятск. вол. (Хабар. окр. Прим. обл.)	Орочи мѣстности Императ. гавани, басс. рр. Тумпи, Копи и др. (Удск. окр. Прим. обл.)	Орочи (тазы) р. Тадушу, Ольгинск. уч. Южно-Уссур. окр. Прим. обл. [1]).
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1 (одинъ) .	омуконъ	умунъ	умунъ	умынъ	омунъ	эмунь	аму	аму	амка	ому	ому	ому̀-ша
2	2 (два) . .	дюръ	дзуръ	журъ	джюри	дзюръ	дюи	джуэръ	джуръ	дюру	джу	джу	дзу̀-са
3	3 (три) . .	иланъ	эланъ	иланъ	иланъ	еланъ	эянъ	елла	ела	ила	елла	эла	эля̀-са
4	4 (четыре) .	дыгинъ	дыгинъ	дыгинъ	дыгынъ	дыганъ	дыггинъ	дуи	дуи	дуи	ди	дыи	дыи-са
5	5 (пять) . .	туньга	тоннэ	танья	тунга	то̀нганъ	тоннгя	то̀енга	тоньга	санджа	тонга	тоньга	тунга̀-са
6	6 (шесть) .	неюгунь	нугунъ	негунъ	нюгюнъ	нюганъ	нигунь	нингу	нюнгу	ниму	нингу	юнгу	нингу̀-са
7	7 (семь) .	наданъ	наданъ	наданъ	наданъ	на́данъ	натанъ	нада	ада	ната	нада	нада	нада̀-са
8	8 (восемь) .	зяпкунь	запкунъ	жапкунъ	япкынъ	дзя̀пканъ	джапкунь	дзапко	джакпу	чако	джапко	джахпу	запко̀-са
9	9 (девять) .	егинъ	егинъ	егинъ	ягынъ	упунъ	егинъ	хую	хую	ую	ей	эи, хую	хую̀-са
10	10 (десять).	дянъ	дзанъ	жанъ	джанъ	менъ	джянъ	джоа	джёа	джоа	джа	джа	дза̀-са
11	11 (одиннадцать) . .	дянъ-омуконъ	дзанъ-умунъ	жанъ-умунъ	джанъ-умынъ	менъ-омунъ-гулукъ	джянь-эмунь	джоа-аму	джё-аму	джу-амка	джа-ому	джа-ому	дза-ому̀-ша
12	20 (двадцать)	дюръ-дянъ	оринъ	оринъ (журъ-жанъ)	джюръ-джанъ	дзюръ-меръ	дю-джянъ	хори	хори	оре	воаи	джуй-джа	хоре
13	100 (сто) .	няма	нэмаджи	немажи	ѣма	няма	няма	ам-танго	ым-танго	амъ-тоа	омъ-танго	омъ-тангу	омъ-та̀нго
14	отецъ . . .	амы	аминъ	ами	ами	а̀ммонъ	ами	ама	ами	ама	абгу	аманга	а̀ма
15	мать . . .	ады	онинъ, оной	ани	ини	эннинъ	они	онэ	ёни	емы	онига	эннингэ	эмэ, эннингэ
16	сестра . .	акіе	окинъ	окынъ	эки	эккынъ	нэку	фондадзо	ойтько	гегы, хонаджи	хонади	хунаджю	фантазо
17	братъ . . .	акій	акинъ	нокунъ	аки	а́канъ	нжу (?)	ахонду	ага, дай-ага (стар.), нау, нючи-нау (мл.)	ага, амбаге	хаи	ага	а̀га
18	сынъ . . .	амальгы	амолги, унатъ	амалгю	кутя	ху̀ту	футэ	перя-путэ	хусэ-пикта	хите	сита-ами-бата	хитэ	фикта
19	дочь . .	хунадымъ	унаджи	унадіу	сунатъ	аша̀тъканъ	утэ	ась-путэ	ёкта-пикта	омозе	„ „ -адига	октэ	ась-фикта
20	мужъ . . .	аддіёвъ	атырконъ	бою	этеркавымъ	бэю	эдэ	одини	эди	хахите	мафа	ади	эди
21	жена . . .	агыфъ	атырканъ	асивъ	аги	атыка̀му	догоръ	асени	аси	азенхите	мамаша	асянъ	аси
22	олень . . .	робъ	—	оронъ	оронъ	о́ронъ (дом.) буюнъ (дик.)	оронъ	оронъ	оро	оро	оронъ	уё, оро	боцанъ
23	лошадь . .	потаулькаль	моринъ	моренъ	мурынъ	му̀ронъ	мори	море	мори	море	муи	муи	мори
24	рыба . .	ольдо	алдо	олдо	олло	о́лла	оё	оло	сухдата	иномоха	шуджяга	сукчжаса	ѝмха
25	вода . . .	бу	му	му	му	мовъ	му	мука	му	муке	ули	му	мы̀ка
26	рѣка . . .	биря	голъ	бералъ	эрюсь	окатъ	бира	бира	мамбу	маму, бира	біаса	ули	бира
27	гора . . .	комтыка	элакинъ	урё	ураканъ	уракчанъ	ураканъ	ура	хурэ	ураке	уо	хурэнъ	ху̀ра
28	солнце . .	хигунь	сигунъ	делача	деляга	не́лтэнъ	дэлача	сіу	сю	сюо	шю	су	сіу
29	голова . .	дель	дилъ	дель	дыль	дылъ	дэль	дили	дили	дили	дили	дели	джили
30	глаза . . .	эга	эса	эся	эга	я̀жулъ	эга	псалъ	носалъ	пзолъ (?)	иха	исали	нисла
31	ухо	гетъ	шанъ	сенъ	сень	ко́ротъ	сэнъ	сиа	сса	ша	куаи	се	ся
32	ротъ . . .	амга	амгга	амга	амга	а̀мга	амга	амга	агма	амга	амга	анма	а̀мга
33	носъ . . .	оокто	онокто	оногда	олокто	о̀готъ	онокто	офуру	ваакса	овро	нюхэ	негсо	офуро
34	рука . . .	наля	налла	на̀ла	нала	налъ	нала	гала	нга̀ла	нала	гала	нама	нана
35	нога . . .	халгатъ	алганъ	алыганъ	халганъ	бо̀дулъ	халганъ	быгди	быгди	бодыле	быгди	быкди	бы̀кди
36	хорошій . .	ая	ае	ая	ая	ай	ая	ая	улэ	анъ	ая	улэ	улэ
37	худой . . .	рюпчу	ору	орюмо	уга	кѐнелы	уха	охале	орки	еле	гохо	онгасэ	охылэ
38	большой . .	хакдыга	агдазэ	огде	хекдыня	экдзенъ	эгдыгэ	сагды	даи	амба	сагды	сакды	дай
39	малый . .	гулюкунъ	ничи	улеканъ	икюканъ	кочуканъ	ниткунь	ниску	нючи	ачка	нича	ничи	ну̀чи
40	бѣлый . . .	чалко	багдаринъ	багдама	бандары	піо̀баты	багдаринъ	чагда	чагджя	шонне	чалги	чакжа	ца̀кза
41	черный . .	кондомо	конаринъ	кономо	конкорынъ	нѐугчаня	когнаринъ	сакалка	сахари	сагале	фалы	сакаи	сахарэ

[1]) Это нарѣчіе распространено на сѣверъ до р. Ботчи, откуда начинается нарѣчіе сѣверное (районъ Императорской гавани—см. гр. 12).

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ КАРТАМЪ.

1. Объясненія къ I племенной картѣ.

Данная карта показываетъ разселеніе по территоріи В. Сибири *тунгусовъ вообще, безъ подраздѣленія ихъ на отдѣльныя племена*, проведеннаго во II картѣ. Мѣстности, гдѣ нанесена тѣсная штриховка, населены лишь тунгусами или этими послѣдними съ небольшой примѣсью постороннихъ (до 25% наличнаго населенія). Тамъ же, гдѣ представители другихъ національностей болѣе многочисленны и гдѣ тунгусы составляютъ лишь бо̀льшую или меньшую часть наличнаго населенія (отъ 5 до 75%), штриховка того же направленія изъ частой переходитъ въ болѣе рѣдкую. Гдѣ было возможно, процентное отношеніе тунгусовъ къ наличному населенію было отмѣчено на самой картѣ красными чернилами, но во многихъ случаяхъ это, къ сожалѣнію, оказалось не осуществимымъ вслѣдствіе неимѣнія для этого соотвѣтствующихъ данныхъ. Не позволилъ имѣющійся въ настоящее время картографическій, статистическій и географическій матеріалъ ввести и особую окраску или штриховку для отличія мѣстностей, гдѣ тунгусы болѣе или менѣе постоянно проживаютъ, отъ тѣхъ изъ нихъ, куда они лишь навѣдываются изрѣдка, ради промысла, что, впрочемъ, не представляло бы большого практическаго интереса, принимая во вниманіе бродячій и кочевой образъ жизни значительной части тунгусовъ, не имѣющихъ строго опредѣленныхъ мѣстожительствъ и постоянно переходящихъ съ мѣста на мѣсто.

Матеріаломъ для составленія этой и другихъ картъ послужили географическія и статистическія свѣдѣнія касательно разселенія тунгусовъ по территоріи Сибири, приведенныя въ I и настоящемъ выпускахъ даннаго труда. Эти свѣдѣнія, какъ извѣстно, извлечены главнымъ образомъ изъ переписи населенія 1897 г., произведенной почти одновременно во всей территоріи имперіи. Касательно бродячаго населенія Сибири

этотъ переписной матеріалъ даетъ, какъ сообщено въ своемъ мѣстѣ, весьма цѣнныя, можно сказать, единственныя въ своемъ родѣ, по своей обширности, указанія, между прочимъ и топографическаго и географическаго характера, указанія, которыя были использованы авторомъ съ этой цѣлью въ полномъ ихъ объемѣ. Тамъ, гдѣ данныя переписи недостаточно выясняли вопросъ о разселеніи тунгусовъ, ему приходилось довольствоваться мѣстными оффиціальными и полуоффиціальными изданіями и вообще существующей литературой края. Но вполнѣ естественно, что тѣ и другіе источники по большей части оказывались не вполнѣ однородными между собой уже потому, что относились къ разнымъ періодамъ времени, а мы знаемъ, что, въ виду постоянныхъ передвиженій бродячихъ племенъ, принимающихъ иногда какъ бы стихійный характеръ (см. т. I, 2 вып., стр. 32 сл.), размѣщеніе ихъ по территоріи страны подвержено постояннымъ перемѣнамъ. Несмотря на это, авторъ былъ вынужденъ пользоваться при составленіи своихъ этнографическихъ картъ и этими, частью, можетъ быть, устарѣлыми данными, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ виду полнаго отсутствія о нихъ какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній, ему пришлось даже прибѣгнуть къ интерполяціи, чтобы какъ-нибудь заполнить существующіе пробѣлы. На этомъ основаніи на картѣ могутъ оказаться закрашенными, какъ мѣстности, гдѣ въ настоящее время тунгусы долго не показывались, такъ и такія, почти пустынныя, пространства, гдѣ цѣлые годы не ступаетъ нога человѣка, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ сильно гористыхъ мѣстностяхъ В. Сибири.

Въ виду вышеуказанныхъ соображеній, настоящая карта, можетъ быть, и дастъ нѣсколько преувеличенное понятіе о размѣрахъ дѣйствительной территоріи тунгусовъ, опредѣлить которую, однако, точно при настоящихъ условіяхъ (см. выше) представляется дѣломъ неудобоосуществимымъ. Одно лишь можно сказать, что она значительно болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ почти единственная полная племенная карта Сибири Риттиха-Венюкова начала 70-хъ годовъ истекшаго столѣтія, нынѣ уже сильно устарѣлая. Нѣкоторыя, вѣроятно, несущественныя поправки въ очертаніяхъ тунгусской области на нашей картѣ будетъ возможно внести при составленіи новой общей племенной карты Сибири, которую авторъ подготовляетъ въ настоящее время.

Тогда, можетъ быть, обнаружится, что та или другая отведенная тунгусамъ пустынная мѣстность по окрайнамъ ихъ области съ бо́льшимъ правомъ должна быть признана принадлежащей къ переходной полосѣ со смѣшаннымъ населеніемъ (напр. въ Якутской обл. — мѣстности, соприкасающіяся съ якутскими владѣніями) или даже прямо отнесена къ областямъ другихъ національностей, въ нашемъ случаѣ—якутовъ и бурятовъ, которые, увеличиваясь въ числѣ, постепенно надвигаются на вымирающихъ бродячихъ тунгусовъ и все болѣе и болѣе оттѣсняютъ ихъ вглубь ихъ прежней страны.

Еще одна причина, почему очертанія области тунгусовъ на этой картѣ слѣдуетъ считать лишь приблизительно вѣрными, заключается въ неопредѣленности и невѣрности нашего картографическаго матеріала. Дѣйствительно, однѣ и тѣ же рѣки и горы имѣютъ на картахъ Сибири, составленныхъ въ разныхъ картографическихъ заведеніяхъ, не только не одинаковую относительную длину, но и иное направленіе, при чемъ то же самое наблюдается и на картахъ того же заведенія, но разныхъ масштабовъ. Иногда различіе въ этомъ отношеніи столь велико, что главной рѣкѣ на одной картѣ соотвѣтствуетъ притокъ другой рѣки на другой картѣ, и никто не знаетъ, которое начертаніе ближе стоитъ къ истинѣ (—ср. бассейны р. Тунгуски, притока Амура, р. Имы и др.).

Перенося очертанія тунгусской области съ болѣе подробной 100-верстной карты В. Топогр. Отдѣла на настоящую карту того же Отдѣла, автору пришлось, въ виду указанныхъ соображеній, мѣстами значительно измѣнять конфигурацію этой области, чтобы поставить ея контуры въ соотвѣтствіе съ бассейнами тѣхъ или другихъ рѣкъ. Руководствоваться же градусами широты и долготы, при указанныхъ неточностяхъ картъ, естественно не представлялось возможнымъ: размѣщеніе тунгусовъ по территоріи Сибири могло бы оказаться при этомъ не вполнѣ пріуроченнымъ къ извѣстнымъ рѣкамъ и горамъ, которыя именно и служили главной путеводной нитью при проведеніи границъ между областями тунгусскихъ племенъ.

Приспособляя настоящую карту для этой послѣдней цѣли, авторъ счелъ необходимымъ, для большей наглядности, нанести на нее нѣсколько новыхъ рѣкъ, но вовсе устранить изображеніе горъ; попутно онъ исправилъ на ней многія искаженныя географическія наименованія.

* * *

Теперь, въ видахъ лучшаго уразумѣнія данной карты, срезюмируемъ въ нѣсколькихъ словахъ все, относящееся до распредѣленія тунгусовъ по территоріи Сибири, подробно изложенное въ I и данномъ выпускахъ настоящаго труда. Начинаемъ съ востока.

На о. **Сахалинѣ** нѣтъ осѣдлаго тунгусскаго населенія, а есть лишь бродячіе тунгусы, которые кочуютъ по его сѣверо-западному берегу, посѣщая отсюда, смотря по времени года, лѣсистые отроги середины острова и его восточное побережье. Второе бродячее тунгусское племя—орочи скитаются по всей восточной половинѣ средней части Сахалина, составляя тамъ единственное населеніе, хотя распредѣлены они по площади края крайне рѣдко, а цѣлыя мѣстности тамъ совершенно пустынны или посѣщаются орочами въ нѣсколько лѣтъ разъ. Въ особенности это касается восточнаго побережья названнаго острова отъ сел. Чамр-во на сѣверѣ до м. Терпѣнія на югѣ.

Приморская обл. Южно-Уссурійскій окр. Тунгусы (орочи) обитаютъ среди китайцевъ въ бассейнахъ трехъ рѣкъ, впадающихъ въ Японское море: Пхусуна (17%), Аввакумовки (17%) и Тадушу (Лефулэ)— 37%. Въ ничтожномъ числѣ они (орочи и гольды) проживаютъ и въ бассейнахъ: Даубихэ, Санда-гоу, Ула-хэ и др., среди преобладающаго русскаго (и китайскаго) населенія.

Уссурійскій окр. Тунгусы (орочи и гольды) обитаютъ въ бассейнахъ крупныхъ притоковъ Уссури: Хора, Бикина и Имы съ ея притокомъ — Ваку; по Уссури же проживаютъ лишь казаки (подробнѣе см. II карту).

По рр. *Имъ* и *Ваку* тунгусы составляютъ огромное большинство жителей, кромѣ средняго теченія первой рѣки, гдѣ въ предѣлахъ, указанныхъ стр. 94, преобладающую часть населенія составляютъ китайцы. По р. Ваку послѣдніе сгруппированы въ ур. Тиингоу, между районами гольдовъ и орочей.

По р. *Бикину*, кромѣ его верховьевъ, главными жителями являются китайцы, а тунгусы въ болѣе низовой части составляютъ 37 и выше по теченію 50% наличнаго населенія (см. стр. 46 и 92).

По р. *Хору* тунгусы (орочи) составляютъ все населеніе края, кромѣ его низовьевъ, отъ устья вверхъ до желѣзно-дорожнаго моста, гдѣ гольды теряются въ массѣ русскаго и отчасти китайско-корейскаго населенія.

Хабаровскій окр. Въ бассейнѣ р. *Тунгуски* и нижняго теченія ея истоковъ: Кура и Уньмы (Вятская вол.) тунгусы (гольды, тунгусы и орочи) составляютъ 87,3% населенія (см. стр. 42), остальные—китайцы.

Въ долинѣ р. Амура, въ предѣлахъ даннаго округа, русскіе сгруппированы въ болѣе крупныхъ селеніяхъ, которыя выдѣлены на II картѣ, но не на настоящей. Въ нижеслѣдующемъ мы даемъ двѣ цифры процентнаго отношенія тунгусовъ отдѣльныхъ волостей или районовъ этого округа: именно, процентъ тунгусовъ ко всему наличному ихъ населенію — эти цифровыя данныя приведены на данной картѣ красными чернилами,—и процентъ тунгусовъ къ нерусскому населенію, т. е. ко всему населенію района или волости, за выключеніемъ болѣе крупныхъ русскихъ селеній (см. II карту и объясненія къ ней).

Троицкая волость—по Амуру, кверху отъ г. Хабаровска. Если не принимать въ разсчетъ бассейна пр. притока Амура—Онюя, изливающагося въ Амуръ въ предѣлахъ названной волости, районъ котораго имѣетъ чисто тунгусское (гольдское и орочское) населеніе, то въ остальной ея части числится 4.223 д., изъ коихъ 38,9% гольдовъ (русскихъ 43,8%, корейцевъ 8,2%, китайцевъ и прочихъ 9,1%). Исключивъ изъ числа ея жителей населеніе 12 болѣе крупныхъ населенныхъ пунктовъ съ русскимъ населеніемъ (см. стр. 41), въ оставшейся части (2.048 д.—1.616 гольдовъ) тунгусы составятъ 78,9% и прочіе—21,1% (см. стр. 207).

Нижне-Тамбовская вол.—по Амуру, книзу отъ предыдущей, на сѣверъ до границы Удской округи. За выключеніемъ чисто тунгусскихъ районовъ по рр. Хунгари (орочи) и Горину (самагиры), впадающимъ въ Амуръ, и по р. Ай, изливающейся въ оз. Кидзи (ольчи), остальная, при-Амурская, часть волости имѣетъ населеніе въ 3.644 д., изъ коихъ 2.172 тунгусовъ (1.773 гольдовъ) или 59,6%. Безъ крупныхъ русскихъ селеній % тунгусовъ возрастетъ до 95,1% (гольдовъ 77,3%).

Удская округа. Въ прилегающей съ сѣвера къ Н.-Тамбовской волости *Маріинско-Успенской* вол. на населеніе въ

1.372 д. (безъ русскихъ поселеній близъ зал. де-Кастри) — 818 д. (761 ольчей) или 59,6% тунгусовъ, ольчей и гольдовъ, а если не считать селенія: Иркутское и Маріинско-Успенское, то тунгусское населеніе составитъ 86,5%.

Б. Михайловская вол. принадлежитъ области тунгусовъ лишь своею южною частью (сѣверная входитъ въ составъ области гиляковъ). На наличное ея населеніе въ 946 д.— 609 д. или 64,4% тунгусовъ (гл. обр. ольчей—531 д.). По исключеніи с. Богородскаго тунгусы составятъ 72,5%.

Въ бассейнѣ р. *Амгуни* густое пріисковое населеніе разобщило прежнюю область негидальцевъ на нѣсколько частей. По сѣверному ея берегу проживаютъ и тунгусы собственно, весьма многочисленные по ея лѣвымъ притокамъ. Относительно ихъ присутствія въ районѣ ея правыхъ притоковъ не имѣется данныхъ.

Вся сѣверная часть Удской округи, къ сѣверу отъ р. Амгуни и нижняго Амура, за исключеніемъ побережья моря на востокъ, приблизительно, до м. Св. Александра и безлюдныхъ Шантарскихъ острововъ заселена лишь тунгусами. Посторонніе (русскіе, якуты) встрѣчаются среди нихъ въ небольшомъ числѣ въ низовьяхъ р. Уды и около п. Аяна и по Якутско-Аянскому тракту (якуты), преимущественно въ болѣе крупныхъ пунктахъ (см. I, 1 вып., стр. 34 сл.). Процентъ тунгусовъ въ этихъ послѣднихъ отмѣченъ на картѣ.

Охотская окр. тоже имѣетъ преобладающее тунгусское населеніе (78,6%). Прочіе — русскіе, отчасти якуты, и на сѣверѣ — коряки образуютъ лишь отдѣльныя селенія, которыя вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ районами выдѣлены на картѣ. И по Якутско-Охотскому тракту якуты тоже составляютъ болѣе значительный процентъ всего населенія.

Гижигинская окр. Тунгусы вмѣстѣ съ коряками обитаютъ въ западной части округи, въ верховьяхъ Гижиги и Пареня, и съ чукчами—въ верховьяхъ Пенжины и ея правыхъ притоковъ.

Анадырская окр. Осѣдлые ламуты обитаютъ вмѣстѣ съ русскими и чуванцами по Анадырю (8,5%), а бродячіе скитаются въ ея западной части совмѣстно съ чукчами.

Петропавловская окр. Бродячіе тунгусы-оленеводы кочуютъ по возвышенной средней части болѣе сѣверной половины полуострова Камчатки, на югъ приблизительно до

55° с. ш., придерживаясь западныхъ склоновъ Срединнаго хребта (см. I, 1 вып., стр. 32).

Амурская область. Тунгусы обитаютъ по всей территоріи области. На сѣверѣ-востокѣ, въ верховьяхъ Нимана и Селимджи, вмѣстѣ съ ними встрѣчаются и бродячіе якуты изъ смежнаго Якутскаго округа. Въ этой же части округа, въ районѣ пріисковъ, временно проживаетъ и многочисленное пріисковое населеніе, состоящее, главнымъ образомъ, изъ русскихъ. Этотъ районъ, какъ и другія подобныя мѣстности, гдѣ преобладающимъ населеніемъ являются не тунгусы, отмѣченъ на картѣ рѣдкой штриховкой.

По южной окраинѣ области, по лѣвому берегу Амура и въ нижнемъ теченіи его болѣе крупныхъ лѣвыхъ притоковъ, проживаетъ густое русское населеніе, численность котораго постепенно убываетъ отъ Буреи къ востоку, гдѣ въ самой восточной части области, тунгусы мѣстами доходятъ до Амура.

Китайско-манчжурско-даурскій культурный островъ тотчасъ книзу отъ Благовѣщенска, застигнутый еще переписью 1897 г., теперь болѣе не существуетъ и вся мѣстность по лѣвому берегу Амура занята русскими (вдоль самой рѣки казаками)—см. стр. 4. Въ 1897 году, во время переписи, въ указанной мѣстности проживало 59% китайцевъ и 41% тунгусовъ (манчжуровъ и дауровъ).

Относительно нѣкоторыхъ пустынныхъ мѣстностей восточной части области нѣтъ данныхъ касательно ихъ населенія. Судя по всему, въ глухихъ горныхъ мѣстностяхъ этой части области, какъ и по верхнему и среднему теченію лѣваго притока Буреи—Тырми, въ с.в. части области и въ другихъ ея сильно гористыхъ районахъ постоянныхъ жителей вовсе не имѣется. Эти мѣстности лишь изрѣдка посѣщаются тунгусскими промышленниками изъ смежныхъ мѣстъ (см. I, 1 вып., стр. 49 сл.).

Якутская обл. Колымскій округъ. Самый его сѣверъ заняли чукчи, которые вмѣстѣ съ тунгусами бродятъ и по западнымъ отрогамъ Станового хребта, доходя на югъ приблизительно до 64° 30′ с. ш. Южнѣе чукчей проживаютъ тунгусы, къ западу отъ Колымы—въ сообществѣ съ малочисленными юкагирами, которые являются ихъ сосѣдями и по

рр. Ясачной и Коркодону, притокамъ Колымы. По лѣвому берегу Колымы, на югъ до сел. Карбасскаго (1 вып., 59), главное населеніе составляютъ якуты; русскіе совмѣстно съ ними и отчасти тунгусами и юкагирами образуютъ нѣсколько поселковъ по обоимъ берегамъ Колымы. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ округа, покрытыхъ на картѣ частой штриховкой, проживаютъ одни тунгусы, въ южной полосѣ округа весьма малочисленные. Слѣдуетъ припомнить, что и въ этой части тунгусской области якуты образуютъ небольшія колоніи въ 1—2—3 семьи, ютящіяся у устьевъ болѣе крупныхъ притоковъ средней и верхней Колымы.

Верхоянскій окр. Въ с. в. углу округа, между Алазеей и Индигиркой, къ югу отъ кочевій чукчей, занимающихъ прибрежную полосу вдоль берега Ледовитаго океана, проживаетъ тунгусско-юкагирское населеніе, а въ с.-з. его углу, въ нижнемъ теченіи бассейна р. Анабары, которая служитъ западной межой Якутской обл., очень рѣдкое населеніе состоитъ, повидимому, преимущественно изъ долгано-якутовъ, къ которымъ по среднему и верхнему теченію названной рѣки примѣшиваются тунгусы. По Оленеку живутъ очень малочисленные тунгусы, кромѣ его устья, гдѣ есть очень маленькія поселенія якутовъ. Вообще свѣдѣнія относительно населенія всей мѣстности, расположенной между нижней Леной и Анабарой, весьма скудны и отрывочны. Что касается береговъ самой нижней Лены, то пунктовъ съ постояннымъ населеніемъ по ея лѣвому берегу всего три (по правому, нагорному, ихъ вовсе не имѣется). Внѣ этихъ населенныхъ пунктовъ по берегамъ Лены встрѣчаются лишь временно-пребывающіе рыболовы и охотники изъ якутовъ и тунгусовъ (по правому берегу, менѣе пригодному для рыбной ловли, первыхъ, повидимому, мало).

Вилюйскій округъ. Тунгусы скитаются во всей сѣверной его полосѣ и въ западной кверху отъ притока Вилюя—Вилючана. Къ югу отъ р. Вилюя они проживаютъ главнымъ образомъ въ его ю.-з. углу, по р. В. Тунгускѣ и по р. Чонѣ, по которой имѣются и маленькіе поселки недавно основавшихся тамъ якутовъ.

Олекминскій окр. большей своею частью принадлежитъ къ области тунгусовъ, но на сѣверѣ, въ районахъ пріисковъ Витимской и Олекминской системъ, населеніе состоитъ

почти исключительно изъ русскихъ. Также и въ его с.-в. углу, по пр. берегу Лены и по нижнему теченію Олекмы и Чары, главная часть жителей состоитъ изъ якутовъ.

Въ Якутскомъ окр. область обитанія якутовъ лучше изучена, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ области, преимущественно благодаря трудамъ г. Сѣрошевскаго, а такъ какъ въ округѣ, кромѣ якутовъ и русскихъ, живущихъ въ строго опредѣленныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, по р. Ленѣ, нѣтъ другихъ національностей, помимо тунгусовъ, то знаніе точныхъ границъ обитанія якутовъ опредѣляетъ въ то же время и область тунгусовъ, скитающихся по всѣмъ незанятымъ якутами мѣстамъ.

Впрочемъ, въ виду того, что часть якутовъ постепенно проникаетъ за предѣлы своихъ владѣній и, вообще, за черту угодій, которыя они эксплоатируютъ ради цѣлей скотоводства, своего главнаго занятія, и, такъ какъ, съ другой стороны, тунгусы не имѣютъ постоянныхъ мѣстъ жительства, то слѣдуетъ предполагать, что въ полосахъ земли, непосредственно прилегающихъ къ чисто якутскимъ районамъ населеніе носитъ смѣшанный характеръ, состоя изъ тунгусовъ и якутовъ, и что лишь за ними начинается область чисто тунгусская. На нашей картѣ мы, однако, провели межи обоихъ племенъ болѣе рѣзко, отнеся большую часть переходной полосы, въ виду ея преобладающаго тунгусскаго населенія, къ области этого послѣдняго племени. При проведеніи границъ между якутами и тунгусами по данному округу намъ оказала большія услуги оффиціальная карта улусовъ и наслеговъ, приложенная къ труду г. Сѣрошевскаго («Якуты»).

Какъ видно изъ нашей карты, районы обоихъ племенъ въ предѣлахъ даннаго округа разграничены довольно ясно: многочисленные якуты-скотоводы заняли своими поселеніями и кочевьями котловину большой кривизны Лены, т. е. мѣстности, изобилующія лугами, по среднему теченію Лены, по нижнему теченію Вилюя и Алдана и по средней и нижней Амгѣ. Вся же остальная возвышенная лѣсисто-гористая часть округа и понынѣ населена почти лишь тунгусами-оленеводами и звѣроловами. Въ районѣ якутовъ тунгусы встрѣчаются въ небольшомъ числѣ и то почти лишь къ западу отъ Лены, именно, въ мѣстности, орошаемой верховьями лѣвыхъ притоковъ Лены и правыхъ притоковъ нижняго Вилюя. Въ свою очередь и якуты

вторглись мѣстами въ область тунгусовъ, обитая колоніями по нѣкоторымъ лѣвымъ притокамъ средняго Алдана и въ видѣ примѣси къ тунгусамъ по трактамъ изъ Якутска на Верхоянскъ, Аянъ и Охотскъ.

Забайкальская обл. По этой области картографическій матеріалъ въ значительной степени заимствованъ изъ труда «Коммиссіи для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской обл.» 1897 г., гдѣ на приложенныхъ къ нему картахъ нанесены земельные участки, принадлежащіе отдѣльнымъ волостямъ и сельскимъ обществамъ, что значительно облегчило правильное опредѣленіе племенныхъ границъ.

Баргузинскій округъ. Преобладающее, хотя и очень рѣдкое, тунгусское населеніе скитается въ восточной, прилегающей на западѣ къ р. Витиму, мѣстности. Среди него вкраплены русскіе, образующіе небольшіе острова, главнымъ образомъ, между 81 и 84° в. д. (населеніе золотыхъ пріисковъ) и нѣсколько семей якутовъ у устья р. Муи (л. прит. Витима). Русскіе же составляютъ преобладающее населеніе по среднему теченію В. Ангары (и ея протоки Котеры) и у ея устья (В. Ангарское сел. общ.).

По среднему и верхнему теченію Баргузина тунгусы составляютъ меньшинство и проживаютъ разбросанно среди русскихъ (тотчасъ къ с. отъ г. Баргузина) и бурятовъ (далѣе къ сѣверу). Въ южную, орошаемую верхнимъ теченіемъ Витима, полосу округа въ послѣднія десятилѣтія стали проникать Хоринскіе буряты изъ Верхнеудинскаго округа. Въ настоящее время они составляютъ почти все ея населеніе. Объ этомъ распространеніи бурятовъ за предѣлы Верхнеудинскаго округа нигдѣ не упоминается, ни въ оффиціальныхъ, ни въ частныхъ источникахъ, но данныя переписи населенія 1897 г. обнаруживаютъ это вторженіе ихъ въ бывшую область тунгусовъ съ большой наглядностью.

Въ Читинскомъ окр. осѣдлое и бродячее (на сѣверѣ) тунгусское населеніе занимаетъ всю сѣверную часть округа, расположенную къ с. отъ полосы земли по лѣв. берегу Ингоды-Шилки, занятой русскими крестьянами. Въ указанной части тунгусской области проживаютъ и буряты, занимающіе бассейнъ р. Улдурги, пр. притока Нерчи. Они происходятъ изъ Баргузинскаго окр. и образуютъ Улдургинскую инор.

управу, принадлежащую къ Урульгинской степной думѣ. Въ селеніяхъ этой управы проживаютъ и тунгусы Оловской и Урульгинской управъ названной степной думы.

Южнѣе Ингоды-Шилки тунгусы образуютъ лишь острова бо́льшихъ или меньшихъ размѣровъ среди сплошного русскаго и бурятскаго населенія, именно, по Онону и по его правымъ притокамъ и по нѣкоторымъ лѣвымъ притокамъ Аргуни.

Юго-восточную и южную окрайны области составляетъ Акшинскій окр., населенный казаками русскаго и тунгусскаго происхожденія (коренное населеніе) и инородцами-тунгусами и -бурятами (пришлое населеніе). Русскіе и почти совсѣмъ обурятившіеся тунгусскіе казаки обитаютъ черезполосно другъ съ другомъ, по большей части даже въ однихъ и тѣхъ же поселкахъ, хотя и въ разной пропорціи: въ станицахъ: Акшинской и Чалбучинской ихъ почти нѣтъ. Инородцы же обѣихъ національностей обитаютъ разбросанно среди тѣхъ и другихъ. Въ общемъ, тунгусы (казаки и инородцы) составляютъ въ округѣ около 13% Процентныя отношенія тунгусовъ къ паличному населенію отдѣльныхъ станицъ приведены въ I ч., 1 вып., стр. 134 сл. Они же нанесены и на данной картѣ (красными чернилами).

Селенгинскій окр. Тунгусы, совмѣстно съ двумя родами бурятовъ, владѣютъ землями въ гористой с.-з. части округа. Тѣ и другіе образуютъ одну Армакскую инор. управу, съ селеніями которой отчасти черезполосны и улусы бурятской Закаменской инор. управы.

Въ другихъ частяхъ области тунгусы нигдѣ не образуютъ самостоятельныхъ районовъ, а живутъ разбросанно среди русскихъ и бурятовъ.

Иркутская губернія. Киренскій окр. Кочевья тунгусовъ занимаютъ всю его территорію, кромѣ береговъ крупныхъ рѣкъ, по которымъ тянутся угодья и деревни русскихъ крестьянъ. С.в. его уголъ имѣетъ чисто якутское населеніе (Сунтарско-Олекминская инор. упр.). Восточная часть округа между Леной и Витимомъ почти совершенно пустынна. Въ нее лишь изрѣдка заходятъ тунгусскіе звѣроловы съ В. Ангары (Барг. окр.) и изъ смежныхъ мѣстъ.

Верхоленскій окр. Районъ тунгусовъ охватываетъ всю восточную часть округа, къ востоку отъ 75° 45′ в. д. и къ

с. отъ 53° с. ш. Иначе говоря, они владѣютъ пустынными гористыми пространствами по верхнему теченію Киренги и по западному побережью Байкала. По среднему теченію Киренги къ нимъ (въ селеніяхъ) примѣшиваются русскіе, къ сѣверу отъ границы округа, въ предѣлахъ Киренскаго окр., составляющіе главную часть населенія береговъ названной рѣки (въ нѣкоторыхъ ихъ болѣе южныхъ селеніяхъ проживаютъ въ небольшомъ числѣ и тунгусы).

Въ Иркутскомъ окр. малочисленные тунгусы образуютъ островокъ среди русскаго и отчасти бурятскаго населенія въ его с.-в. возвышенной части. Они являются хозяевами гористой мѣстности между Онотскимъ хребтомъ на западѣ и Байкаломъ на востокѣ, орошаемой р. Голоустной. Среди этого тунгусскаго островка расположены двѣ русскія деревни съ населеніемъ въ 175 д. Численность же Голоустныхъ тунгусовъ не превышаетъ половины этого числа.

Тунгусамъ же принадлежитъ и ю.-в. уголъ округа, прилегающій къ Забайкальской обл. Этотъ районъ, ограниченный на з. р. Быстрой (лѣв. прит. Иркута), искони находится въ пользованіи тунгусовъ родовъ Цингидинова и Заектаева. Въ ихъ владѣніи онъ остался и нынѣ, по переселеніи означенныхъ тунгусовъ въ Селенгинскій округа, гдѣ они образовали Армакскую инор. управу (см. выше). Постоянныхъ жилищъ тунгусовъ въ этомъ районѣ, однако, не имѣется: посѣщаются они ими лишь въ періодъ звѣринаго промысла.

Енисейская губернія. Тунгусы обитаютъ въ восточной части губерніи между 71° 30′ с. ш. на сѣверѣ и В. Тунгуской на югѣ. Западной ихъ межой можно считать: на сѣверѣ—59—60° в. д. Къ югу отъ Н. Тунгуски она направляется на ю.-в., пересѣкая Подкаменную Тунгуску приблизительно подъ 65° в. д., по каковому меридіану и доходитъ до В. Тунгуски. Впрочемъ, по сѣверной, южной и западной окрайнамъ очерченной области тунгусовъ проживаютъ и другія національности, какъ указано на стр. 155 1 выпуска. Тайга между В. Тунгуской и Чуной (и тѣмъ болѣе Оной) лежитъ въ настоящее время собственно внѣ предѣловъ области тунгусовъ, но въ нее, ради звѣринаго промысла, заходятъ тунгусскіе промышленники съ сѣвера и востока. Промышляютъ здѣсь звѣря и мѣстные русскіе.

2. Объясненія къ II племенной картѣ.

Въ виду большаго разнообразія, которое представляетъ тунгусское населеніе Пріамурскаго края, изслѣдованіе взаимнаго размѣщенія отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ по его территоріи представляетъ особенный интересъ. Этому вопросу была посвящена вся вторая часть настоящаго труда, а иллюстраціей ему служитъ вторая этнографическая карта.

При составленіи этой карты авторъ настоящаго труда воспользовался 40-верстной картой В. Топограф. Отдѣла, исправивъ и дополнивъ ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно, измѣнивъ въ ней направленіе и длину отдѣльныхъ рѣкъ Пріамурскаго края, нанеся на нее нѣкоторыя рѣки, важныя при опредѣленіи мѣстъ обитанія тунгусскихъ племенъ, и измѣнивъ кое-гдѣ неправильныя географическія наименованія. На исправленной такимъ образомъ картѣ были нанесены области отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ различной штриховкой двухъ цвѣтовъ (розоваго и лиловаго), причемъ, чтобы сдѣлать границы обитанія отдѣльныхъ народностей болѣе наглядными, попутно была уничтожена часть излишнихъ надписей (названій селеній и пріисковъ). Авторъ при этомъ считаетъ необходимымъ обратить особенное вниманіе читающихъ на то, что отмѣченныя разными цвѣтами народности не представляютъ изъ себя двѣ подгруппы тунгусовъ, состоящія изъ болѣе близкихъ другъ къ другу племенъ. Двойственность окраски въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого отношенія къ ихъ взаимному родству: примѣненіе двухъ цвѣтовъ было вызвано исключительно затруднепіемъ исполнителей карты (чиновъ В. Топогр. Отдѣла) отчетливо изобразить па ней 13 простыхъ и комбинированныхъ штриховокъ однимъ цвѣтомъ, какъ авторъ предполагалъ это раньше. Такимъ образомъ, обозначеніе однѣхъ народностей розовымъ и другихъ фіолетовымъ цвѣтомъ произвольно и служитъ лишь для большей ясности изображенія.

Какъ и на первой картѣ, частая штриховка примѣнялась по отношенію къ мѣстностямъ, гдѣ извѣстное тунгусское племя составляетъ все ея населеніе, а рѣдкая, гдѣ кромѣ него проживаютъ и другія, нетунгусскія, національности. Въ этомъ случаѣ рядомъ стоящая цифра обозначаетъ процентъ даннаго тунгусскаго племени по отношенію къ наличному населенію мѣст-

ности, за выключеніемъ изъ него жителей крупныхъ русскихъ селеній, районы которыхъ на этой картѣ всюду выдѣлены и оставлены незакрашенными. Если въ извѣстной мѣстности обитаетъ два и болѣе тунгусскихъ племени, то они отмѣчались на картѣ комбинаціей штриховокъ, соотвѣтствующихъ этимъ племенамъ (см. объясненія знаковъ на картѣ) съ указаніемъ (красными чернилами) процентнаго отношенія каждаго изъ нихъ ко всему населенію мѣстности.

Подъ «мѣстностью» или «райономъ» на этой картѣ подразумѣваются цѣлыя волости и рѣчные бассейны или ихъ части приблизительно съ однороднымъ племеннымъ составомъ населенія, но, такъ какъ на I картѣ всѣ тунгусскія племена разсматривались въ своей совокупности, а здѣсь каждое въ отдѣльности, то и самыя мѣстности и районы на этой картѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были приняты меньшихъ размѣровъ.

Сказанное на стр. 189 относительно недостатковъ картографическаго матеріала, касающагося Сибири, всецѣло относится и къ этой картѣ.

* * *

Приморская обл. Южно-Уссурійскій окр. По побережью Японскаго моря, по болѣе крупнымъ рѣкамъ, обитаютъ орочи и китайцы. Первые составляютъ по Пхусуну 17%, по Аввакумовкѣ (Дай-Фудзину) — 17% и по Тадушу (Тазуши, Лефулэ)—37%. Въ В. Уссурійскомъ полиц. участкѣ они по рр. Санда-гоу, Ула-хэ и др. составляютъ ничтожную примѣсь (около 4%) къ китайцамъ. Въ этомъ же районѣ, а также въ бассейнѣ р. Дауби-хэ, обитаютъ и гольды, составляющіе такой же процентъ всего населенія мѣстности (по Дауби-хэ главная часть жителей состоитъ изъ русскихъ, остальные—китайцы и корейцы).

Уссурійскій окр. Полоса земли по правому берегу Уссури занята поселеніями казаковъ, тунгусы (гольды) встрѣчаются по этой рѣкѣ лишь близъ ея устья, отъ 48° с. ш. на сѣверъ до границы Хабаровскаго округа, но здѣсь ихъ число ничтожно. Напротивъ, въ бассейнѣ правыхъ притоковъ Уссури тунгусы вмѣстѣ съ китайцами являются единственными жителями страны. Начиная съ юга округа, орочи и гольды слѣдующимъ образомъ распредѣлены по его главнымъ воднымъ артеріямъ.

Р. *Ваку*. Въ нижнемъ теченіи рѣки живутъ гольды — 93% всего населенія. Выше, въ районѣ его истоковъ: Санда- и Туода-Ваку, почти все населеніе составляютъ орочи. Китайцы по этой рѣкѣ сгруппированы главнымъ образомъ въ уроч. Тиингоу, въ нижнемъ теченіи Санда-Ваку, приблизительно на границѣ между районами орочей и гольдовъ.

По р. *Имъ* или *Иману* гольды въ ея нижнемъ теченіи составляютъ 80% населенія. Выше живутъ китайцы и орочи, причемъ прибл. до устья р. Тайзи-биры преобладаютъ первые (орочи составляютъ тамъ всего 30%), а выше по Иману и по Тайзи-бирѣ встрѣчается почти чисто орочское населеніе.

Въ нижнемъ теченіи *Бикина* гольды составляютъ 37% (остальные жители — китайцы), а выше, какъ и по его пр. притоку Алчану, населеніе состоитъ изъ равныхъ частей орочей и китайцевъ; лишь въ самыхъ верховьяхъ бассейна р. Бикина живетъ почти чисто орочское населеніе.

По р. *Хору* внизъ почти до желѣзно-дорожнаго моста все населеніе состоитъ изъ орочей, а въ его низовомъ теченіи главную часть жителей составляютъ русскіе (отчасти китайцы и корейцы — чернорабочіе), среди которыхъ встрѣчаются весьма малочисленные гольды (см. стр. 45).

Р. *Кія* не имѣетъ постояннаго населенія, а посѣщается во время промысла орочами (и отчасти гольдами) съ р. Хора.

Хабаровскій окр. Южную часть его составляетъ *Троицкая* вол., которая на II картѣ образуетъ одинъ районъ. Если выдѣлить крупныя русскія селенія, какъ сдѣлано на этой картѣ, то наличное населеніе остальной части района волости (безъ бассейна р. Онюя) будетъ состоять изъ 2.048 д., изъ коихъ 1.616 д. или 78,9% гольдовъ. По Онюю населеніе чисто тунгусское: въ нижнемъ теченіи — гольдское и выше орочское.

Нижне-Тамбовская вол. составляетъ сѣверную часть округа (см. стр. 37—39). На II картѣ она разбита на 8 районовъ, изъ коихъ четыре расположены по Амуру, а остальные по его крупнымъ притокамъ:

а) самый южный районъ по Амуру имѣетъ преобладающее гольдское населеніе: гольды составляютъ 60,0% и остальные тунгусы — 3,7% наличнаго населенія; прочіе — русскіе. Безъ крупныхъ русскихъ селеній процентъ тунгусовъ повысится прибл. до 95%, въ т. ч. гольдовъ до 89%.

б) ниже по теченію Амура къ гольдамъ примѣшиваются самагиры, выходцы изъ бассейна р. Горина. На сѣверѣ этого района имѣется нѣсколько чисто гольдскихъ селеній (районъ *в)*. Эти оба района соотвѣтствуютъ среднему району данной волости на стр. 39. Въ общей сложности во всей этой мѣстности, если не считать крупныхъ русскихъ селеній, тунгусы составляютъ 97,3% населенія, изъ коихъ: 64,0% гольдовъ, 31,3% самагировъ и 2,0% тунгусовъ собственно и, наконецъ,

г) въ сѣверномъ районѣ, внѣ крупныхъ русскихъ селеній, тунгусскія племена составляютъ 91,7% наличнаго населенія, изъ коихъ гольдовъ 36,7%, ольчей—30,1% и тунгусовъ—24,9%.

Внѣ Амура тунгусы проживаютъ въ данной волости по пр. притоку его р. *Хунгари* (орочи), по лѣвому его притоку *Горину* (самагиры;—въ низовьяхъ рѣки два гольдскихъ селенія) и по р. *Ай*, впадающей въ оз. Кидзи (ольчи). Вслѣдствіе малыхъ размѣровъ этого послѣдняго района, онъ не вышелъ на этой картѣ.

Особый районъ образуетъ, такъ называемая, *Вятская* вол. или управляемая изъ с. Вятскаго (Троицкой вол.) мѣстность съ инородческимъ населеніемъ по р. Тунгускѣ и нижнему теченію ея истоковъ: Кура и Уньмы. Въ этой волости, находящейся въ территоріальныхъ границахъ Амурской обл., представители тунгусскихъ племенъ составляютъ 87,3%. Въ числѣ ихъ преобладаютъ гольды (52,6%); вдвое меньше тунгусовъ собственно (27,4%), а орочей совсѣмъ мало (7,3%). Большинство остальныхъ жителей района—китайцы. Болѣе верхнія части рр. Кура и Уньмы, какъ и вся окружающая мѣстность, входятъ въ составъ области тунгусовъ собственно, обнимающей бо́льшую часть Амурской обл.

Удская округа. *Маріинско-Успенская* вол. Безъ крупныхъ русскихъ селеній въ ней 946 д., изъ коихъ 818 д. (375 м.) или 86,5% тунгусовъ, въ т. ч. 761 д. (336 м.) или 80,4% ольчей, 49 д. (35 м.) или 5,2% гольдовъ и 8 д. (4 м.) или 0,9% орочей и другихъ.

Б.-Михайловская вол. Южная ея часть приблизительно отъ с. Богородскаго (см. стр. 122) образуетъ особый тунгусскій районъ (сѣверная населена гиляками и русскими). Безъ вышеназваннаго селенія въ этомъ районѣ ок. 840 д., изъ коихъ 609 д. (298 м.) или 72,5% жителей тунгусскаго происхо-

жденія. Между ними было 531 д. или 63,2% ольчей, 73 д. или 8,7% гольдовъ и 5 д. или 0,6% другихъ тунгусовъ.

Особые районы образуютъ инородцы тунгусскаго корня, проживающіе по р. Амгуни, лѣв. притоку Амура, и по побережью Татарскаго пролива и Японскаго моря, на югъ до бухты Терней (включая эту послѣднюю).

По *Амгуни* негидальцы образуютъ въ настоящее время острова среди многочисленнаго пріисковаго населенія и съ сѣвера ограничены тунгусами собственно, бродящими по лѣвымъ притокамъ Амгуни и отчасти по ея верхнему теченію. Относительно того, встрѣчаются-ли они и по правымъ притокамъ названной рѣки, у насъ не имѣется данныхъ, но по самой Амгуни они кое-гдѣ встрѣчаются между негидальцами и русскими.

Что касается второго района, расположеннаго по побережью моря, то онъ населенъ орочами, которые, если не считать поста Константиновскаго въ Императорской Гавани, составляютъ все его населеніе, начиная отъ бухты Мосолова или нѣсколько южнѣе, приблизительно до р. Кушун-гоу (нѣсколько къ с. отъ 46° с. ш.) на югѣ. Южнѣе до р. Санденбеи, впадающей въ бухту Терней, преобладающимъ населеніемъ мѣстности (включая окрестности названной бухты), являются китайцы и японцы, среди которыхъ проживаютъ и орочи, составляющіе однако всего 32%. Еще южнѣе перепись не отмѣтила орочей, а лишь китайцевъ, хотя они, вѣроятно, здѣсь и бываютъ временно, во время промысла. Слѣдующая рѣка этого побережья, гдѣ перепись застала орочей,—р. Тадушу (Лефулэ), находится въ сѣверной части Ю.-Уссурійскаго округа (см. выше).

Амурская область почти вся входитъ въ составъ области тунгусовъ собственно, западная часть которыхъ, обитающая въ районѣ Верхне-Амурскаго горнаго округа носитъ названіе «орочоновъ». Нѣтъ ихъ лишь въ южной части области, прилегающей къ Амуру, въ особенности между нижнимъ теченіемъ Зеи и Буреи. По самому руслу Амура обитаютъ русскіе казаки, а тотчасъ къ сѣверу отъ нихъ—крестьяне. Въ самой восточной части области, гдѣ Буреинскія горы и ихъ отроги близко подходятъ къ Амуру и гдѣ не имѣется удобной для культуры полосы близъ этой рѣки, русскіе образуютъ лишь рядъ селеній вдоль самаго берега Амура; здѣсь-то мѣстами тунгусы

доходятъ до названной рѣки, именно, въ районѣ р.р. Б. Биры, а также Тунгуски, причемъ въ прилегающей къ Амуру мѣстности бассейна послѣдней рѣки преобладаютъ гольды (см. выше).

На сѣверѣ области, въ верховьяхъ Селимджи, къ тунгусамъ примѣшиваются якуты изъ смежнаго Якутскаго округа и во всей ея гористой части многочисленное, преимущественно русское (отчасти китайское), пріисковое населеніе образуетъ острова, оставленные на картѣ незакрашенными или покрытыми рѣдкой штриховкой.

Кромѣ тунгусовъ собственно въ данной области обитаютъ еще и другія тунгусскія племена:

Манегры, сильно уменьшившіеся въ числѣ, вслѣдствіе эмиграціи въ Китай, бродятъ между среднимъ Амуромъ и нижнимъ теченіемъ Гилюя, въ границахъ, подробнѣе указанныхъ на стр. 156 сл.

Манчжуры и дауры обитали до 1900 г. (см. стр. 4) тотчасъ книзу отъ устья Зеи до ст. Низменной, на протяженіи 66 верстъ. Этому небольшому району посвящена III племенная карта. Здѣсь лишь сообщимъ, что въ 1897 г. его населеніе состояло на 59% изъ китайцевъ и на 41% изъ тунгусскихъ племенъ (35% манчжуровъ и 5,9 дауровъ), причемъ тѣ и другіе жили о-бокъ и въ перемѣшку другъ съ другомъ, по большей части въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ, хотя и не были распредѣлены въ нихъ равномѣрно.

Сверхъ того, манчжуры-манзы были отмѣчены переписью на пріискахъ Сунтарской системы въ ю.-в. части области, гдѣ они составляли до 76% наличнаго населенія (остальные— главнымъ образомъ русскіе).

Относительно тунгусовъ о. Сахалина замѣтимъ лишь, что главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ является с. з. его берегъ отъ м. Лянгръ на с. до сел. Тыки на югѣ. Здѣсь же живутъ въ особыхъ селеніяхъ и гиляки (и очень малочисленные русскіе), чѣмъ и объясняется присутствіе на картѣ незакрашенныхъ участковъ по указанному побережью.

Касательно другихъ мѣстностей острова, гдѣ живутъ тунгусы,—см. стр. 190.

3. Объясненія къ III племенной картѣ.

III карта посвящена осѣдлымъ китайце-манчжуро-даурамъ, проживавшимъ, согласно Айгунскому договору (1859 г.), по лѣвому, русскому, берегу Амура отъ г. Благовѣщенска до ст. Низменной и застигнутымъ тамъ еще переписью 1897 г. Въ виду того, что во время послѣдней Китайской войны эти подданные Небесной имперіи совершенно очистили русскую территорію (см. стр. 4), ихъ прежнее распредѣленіе по указанной мѣстности, не задолго до ихъ выселенія оттуда, несомнѣнно представляетъ историческій интересъ, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ, посвященной этому краю, данный вопросъ почти совершенно не затронутъ.

Взаимныя отношенія этихъ племенъ разсмотрѣны нами въ 1 и 2 главахъ настоящей части труда; теперь остается сказать лишь нѣсколько словъ о самой картѣ, иллюстрирующей разселеніе упомянутыхъ трехъ народностей по ихъ бывшей территоріи, въ 1900 г. поступившей во владѣніе казаковъ смежныхъ станичныхъ округовъ.

Эта карта представляетъ вольную копію съ карты, приложенной къ статьѣ подполк. Назарова и помѣщенной въ IV т. рѣдкаго и малодоступнаго изданія: «Сборникъ главнѣйшихъ документовъ по управленію В. Сибирью». Она даетъ въ сильно увеличенномъ масштабѣ (6 верстъ въ одномъ дюймѣ) пространство земли по лѣвому берегу Амура, занятое осѣдлыми китайце-манчжуро-даурами, и относится къ 1884 г.

Приспособленіе этой карты къ требованіямъ настоящаго труда встрѣтило нѣкоторое затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что названія селеній по даннымъ переписи не вполнѣ соотвѣтствовали нанесеннымъ на упомянутой картѣ г. Назарова. Отчасти это зависѣло отъ сильной эмиграціи мѣстныхъ жителей въ Китай и вообще отъ ихъ перемѣщенія за 13 лѣтъ, со времени ея составленія (1884 г.) до переписи, въ теченіе которыхъ отдѣльныя селенія были ими совсѣмъ заброшены, а другія вновь основаны. Отчасти это несоотвѣтствіе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что многія селенія или ихъ части имѣли по нѣсколько названій, одни изъ которыхъ были приведены г. Назаровымъ, а другія—переписью и т. д. Какъ примѣръ такихъ несогласій между обоими источниками упомянемъ,

что сел. Улукту, Тугдунъ (второй, расположеный близъ сел. Норъ-Токсо) и Фе-Токсо или Лантунъ карты г. Назарова не имѣютъ соотвѣтствія въ спискѣ селеній даннаго района по переписи 1897 г. (см. I приложеніе), и, наоборотъ, сел. Чжанъчжя-вопынь, Сингуан-ди и др. послѣдняго источника не встрѣчаются на вышеупомянутой картѣ. Селенія этой послѣдней категоріи, мѣстоположеніе которыхъ намъ неизвѣстно, были въ виду этого опущены на III картѣ.

Какъ видно изъ сопоставленія этой карты со статистическими данными касательно національности жителей этихъ селеній, приведенными въ I приложеніи къ настоящей части, ни одна изъ трехъ народностей описываемой мѣстности (китайцы, манчжуры и дауры) не образовала въ концѣ истекшаго столѣтія особыхъ районовъ по лѣвому берегу Амура, а всѣ онѣ жили почти повсемѣстно въ перемѣшку другъ съ другомъ (см. стр. 14 и 23).

КОНЕЦЪ.

Библиотека Географического Общества Союза ССР

Замѣченныя погрѣшности.

I ч. 2 вып.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
1	18 св.	они	якуты
105	1—2 сн.	этихъ родовъ, вѣроятно принадлежащихъ... ...нѣтъ.	перваго рода, вѣроятно принадлежащаго... ...нѣтъ; Хотнюканскій р. = Годниканскому (см. стр. 102 сл.).

II часть.

4	7 сн.	до	къ западу до
5	8 „	и западная	—Будинды и восточная
41	15 св.	не считая	включая
—	19 „	21,4	21,1
—	23 „	78,6	78,9
52	15 „	643	190
—	18 „	227	123
—	19 „	(и ни одного орочи)	и 60 д. орочей

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II часть.

ПРОЧІЯ ТУНГУССКІЯ ПЛЕМЕНА.

		стран.
	Введеніе	1
Гл. 1.	Манчжуры	2— 20
Гл. 2.	Дауры	21— 24
Гл. 3.	Солоны	25— 26
Гл. 4.	Гольды	27— 73
Гл. 5.	Орочи	74—118
Гл. 6.	Ольчи (мангуны)	119—131
Гл. 7.	Ороки	132—140
Гл. 8.	Негидальцы	141—148
Гл. 9.	Самагиры	149—154
Гл. 10.	Манегры	155—161
Гл. 11.	Бирары	162—168
Гл. 12.	Кили	169—172
Приложеніе I (къ гл. 1—2).	Обзоръ поселеній китайскихъ подданныхъ въ Амурской области	173—177
Приложеніе II А.	Объ образцахъ рѣчи тунгусскихъ племенъ Сибири, собранныхъ въ 1897 г.	178—183
Б.	Образцы нарѣчій тунгусскихъ племенъ Сибири	184—185
Объясненія къ племеннымъ картамъ:		
Объясненія къ	I картѣ	187—198
„ „	II „	199—204
„ „	III „	205—206
Погрѣшности		207

Карты разселенія тунгусовъ по территоріи Сибири.

I. Карта разселенія по Сибири тунгусскихъ племенъ вообще.

II. „ „ „ Пріамурскому краю отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ.

III. „ „ осѣдлаго китайско-манчжурско-даурскаго населенія Амурской обл. (въ 1884—1897 гг.).

Библиотека
Географического
Союза СССР

I.
КАРТА
РАЗСЕЛЕНІЯ ПО ТЕРРИТОРІИ СИБИРИ
ТУНГУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ
Carte du territoire des toungouses
Къ „Опытъ геогр. и стат. тунг. плем. Сибири"
С. Патканова.
S. Patcanow
Масштабъ 1:12000000
Объясненіе знаковъ
Légende
Отъ 75 до 100% тунгусовъ
de „ à „ „ de toungouses
Отъ 5 до 75% тунгусовъ
de „ à „ „ de toungouses
Красныя цифры означаютъ процентъ тунгусовъ въ волости или районѣ.
СѢВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ЖЕЛТОЕ МОРЕ
Земля Франца Іосифа
Якутскъ
Иркутскъ
Енисейскъ
Красноярскъ
Урга
Улясутай
Кобдо
Благовѣщенскъ
Хабаровскъ
Владивостокъ
Сеулъ
Порт Артуръ
213 Отъ Ферро
103 Отъ Пулкова

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

II.

КАРТА
РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ТУНГУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ
ПО ТЕРРИТОРІИ ПРІАМУРСКАГО КРАЯ

Carte
de la répartition des tribus toungouses
dans la région de l'Amour

Къ „Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири".

С. Patkanow.
S. Patcanow.

Масштабъ 100 вер. въ 1 Англ. дюймѣ.

100 75 50 25 0 100 200 300

Объясненіе знаковъ
Légende

1. Тунгусы собств. — Toungouses
2. Гольды. — Goldes
3. Гольды и тунгусы. — Goldes et toungouses
4. Гольды, ольчи и тунгусы. — Goldes, olitchis et toungouses
5. Ольчи. — Olitchis
6. Самагиры. — Samaghires
7. Гольды и самагиры. — Goldes et samaghires
8. Негидальцы. — Negidaltzis
9. Орочи. — Orokes
10. Манегры. — Manégres
11. Ороч. — Orotschis
12. Манджуры. — Mandchous
13. Манджуры и дауры (и китайцы). — Mandchous et daoures (et chinois)

Рѣдкая штриховка означаетъ, что тунгусы не составляютъ всего населенія района, волости, селенія. Цифры, стоящія возлѣ нихъ, показываютъ процентъ отдѣльныхъ тунгусскихъ племенъ.

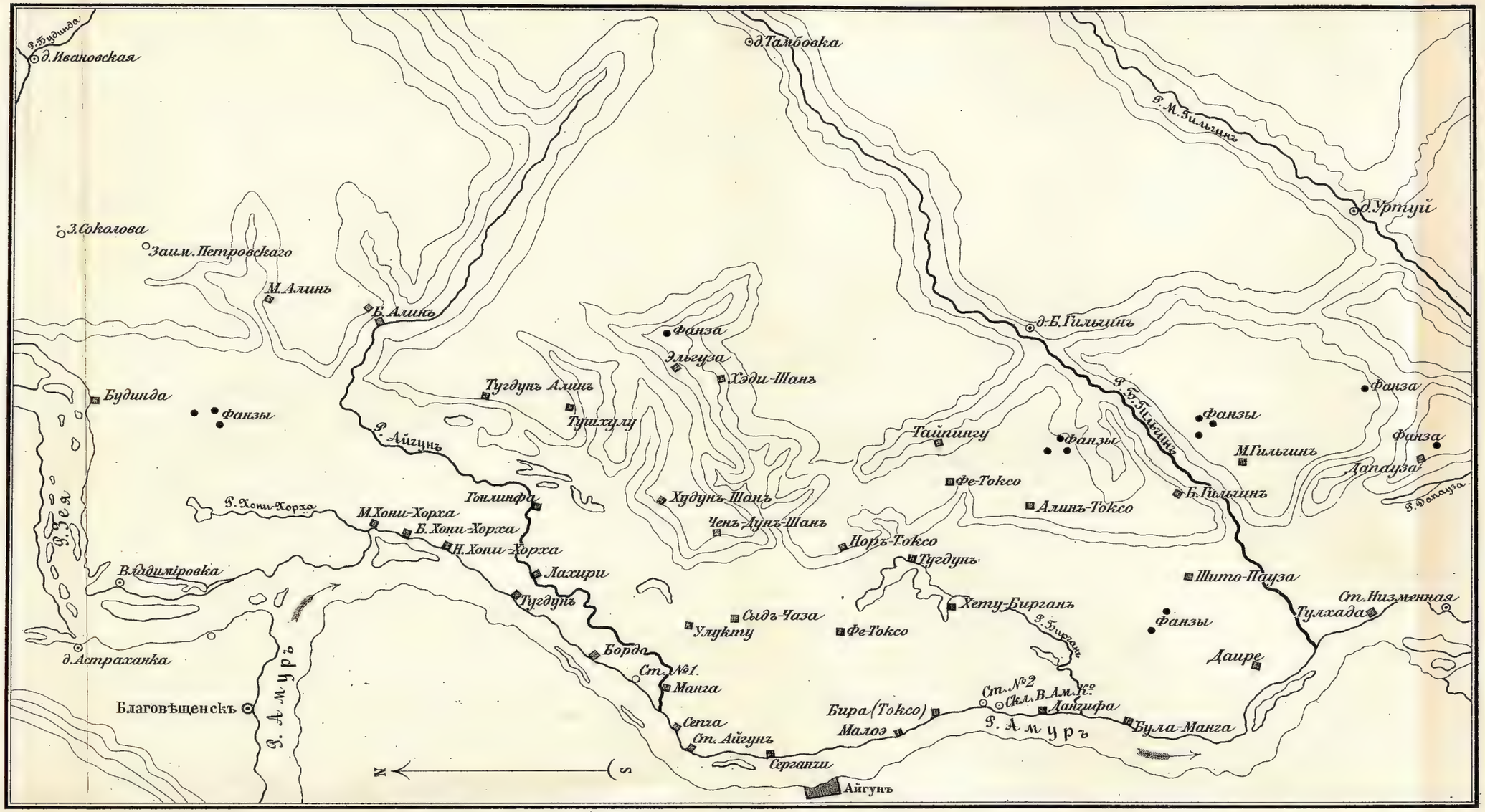
Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

III.

КАРТА
ТЕРРИТОРІИ КИТАЙСКИХЪ ПОДДАННЫХЪ ВЪ АМУРСКОЙ ОБЛ. въ 1884 г.

Carte
du territoire des sujets chinois de la province de l'Amour en 1884



Объясненія знаковъ

- Селеніе китайскихъ подданныхъ
- Фанза (заимка) кит. поддан.
- Станція, складъ, заимка
- Русская деревня

Légende

- Village des sujets chinois
- Fanse, maison d. s. ch.
- Station, depôt, ferme etc.
- Village russe

Масштабъ 6 вер. въ дюймѣ.

6 4 2 0 6 12

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

20 р –
3 кар.

Проверено
1953 г.